ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

V

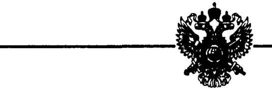
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

V

Издание осуществлено при поддержке ОАО АКБ
Еврофинанс Моснарбанк

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Очерки

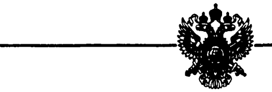
В шести томах

МОСКВА
«Международные отношения»
2014

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Очерки

Том V

1945–1965 годы

МОСКВА
«Международные отношения»
2014

УДК 351.746.1(47+57)(091)
ББК 67.401.212
И90

Главный редактор С.Н. ЛЕБЕДЕВ

Зам. главного редактора В.А. КИРПИЧЕНКО

Ответственный секретарь Ю.И. ЖУРАВЛЕВ

Авторский коллектив:
В.С. АНТОНОВ (24, 41), В.А. АРГУНОВ (12), И.В. БАЙБАКОВ (35), В.В. БОНДАРЕВ (26), Л.М. ВАВИЛОВ (13), А.В. ВАСИЛЬЕВ (1), Л.И. ВОРОБЬЕВ (20, 25, 33), С.М. ГОЛУБЕВ (5), Б.Н. СИБИРСКИЙ (2), М.М. ДОНСКОЙ (19), Н.А. ЕРМАКОВ (6, 7, 14, 15, 16, 30), А.Н. ИЦКОВ (24), Ю.В. КОТОВ (28), Э.К. КОЛБЕНЕВ (3, 8, 40), А.Н. КОНСТАНТИНОВ (23), В.В. КОРОТКОВ (10), Л.П. КОСТРОМИН (13, 27, 29, 31, 42), Н.Ф. КСЕНИН (1), В.А. КУЗИКОВ (18), Б.Я. НАЛИВАЙКО (21), О.И. НАЖЕСТКИН (предисл., 27, 36, 37), Г.А. ОРЛОВ (44, 46), А.А. ПЕТРОВ (32), Е.В. ПОМОРЦЕВ (38), Л.Г. ПРОСВЕТОВ (11), Ю.С. СОКОЛОВ (17), А.С. ТИТОВ (34), И.М. УТКИН (39), Э.П. ШАРАПОВ (22, 41, 47), Б.Д. ЮРИНОВ (4, 9, 43, 45)

Литературный редактор Л.П. ЗАМОЙСКИЙ

ISBN 978-5-7133-1455-2 (Т. V)
ISBN 978-5-7133-1451-4

Предисловие

Пятый том «Истории российской внешней разведки» охватывает два первых послевоенных десятилетия – от окончания Второй мировой войны в сентябре 1945 года до 1965 года, когда после Карибского кризиса в международных отношениях наступила некоторая разрядка.

Это был сложный период, порой носивший драматический характер. Раскол мира на военно-политические блоки и окружение Советского Союза сетью военных баз, на многих из которых было размещено ядерное оружие; отход бывших союзников от прежних договоренностей; распад колониальной системы и борьба колониальных держав за сохранение своих позиций в бывших владениях, в том числе и военными методами; война в Корее, Берлинский и Суэцкий кризисы; обострение ситуации на Ближнем Востоке; наконец, агрессия против Кубы, поставившая мир на грань ядерной войны, – такова была канва событий этих двадцати лет.

На смену союзу государств с различными политическими системами, объединенных стремлением покончить с агрессией фашистского блока, пришла холодная война с ее непримиримой конфронтацией, обусловленной коренным различием геополитических интересов и подходов к послевоенному мироустройству.

Советский Союз стремился к такому урегулированию, которое бы исключало повторение агрессии со стороны Германии и гарантировало безопасность его западных границ. Он проводил политику укрепления своих позиций в Восточной Европе, освобожденной главным образом его армиями, стремился поддерживать здесь антифашистские силы, а также партии и группы, дружественно расположенные к СССР.

Эти действия страны Запада рассматривали как угрозу собственным геополитическим интересам, своим экономическим, политическим и военным позициям на Европейском континенте.

Запад не мог примириться с коренным изменением геополитической ситуации в мире, сложившейся в результате Второй мировой войны. Он предпринимал максимальные усилия, чтобы ограничить влияние СССР в мире, и прежде всего в Восточной Европе, принизить значение Советского Союза как самостоятельного фактора мировой политики. Наиболее приемлемым на первом этапе представлялось формирование пояса прозападных государств по всему периметру Советского Союза, изоляция его от остального мира. Но в те годы эти расчеты Запада потерпели неудачу.

В конце войны советская внешняя разведка получила информацию о намерениях союзников попытаться ограничить влияние СССР на процесс послевоенного мирного урегулирования. Советскому руководству стало известно о содержании секретных телеграмм Черчилля, которые он направлял Трумэну по поводу продвижения Красной Армии в Польшу, на Балканы и в глубь Германии. Черчилль призывал Вашингтон отказаться от договоренностей, достигнутых на Ялтинской конференции, относительно пределов продвижения и линий разграничения их войск в ходе разгрома Германии и ее союзников, убеждал пойти на решительные меры, вплоть до военной конфронтации, чтобы не пропускать советские войска далее на Запад, не отводить американские части в зоны, определенные для них ялтинскими соглашениями.

Тогда же внешняя разведка стала получать информацию о том, что в английских и американских политических кругах не исключают возможность возникновения войны между СССР и бывшими западными союзниками из-за потенциальной угрозы объединения под эгидой Москвы восточноевропейских стран и распространения советского влияния на Западную Европу. Были получены разведданные о ряде мер, которые можно было рассматривать как практическую подготовку к военным действиям: переоборудование немецких аэродромов и других военных сооружений для их использования англо-американскими войсками, попытки сохранить под ружьем ряд воинских контингентов германской армии, в том числе и частей СС, вооружение и увеличение численного состава армии польского эмигрантского правительства под командованием генерала Андерса.

В июне 1945 года Комитет начальников штабов Генерального штаба Великобритании – высший орган военно-стратегического и военно-политического планирования страны – направил правительству доклад, озаглавленный «Безопасность Британской империи», в котором обосновывался тезис о том, что в послевоенный период Советский Союз представляет угрозу безопасности для Британской империи и является главным противником западных стран. Британские военные стратеги рекомендовали руководству страны укреплять отношения с США в целях создания системы военно-политических блоков, направленных против СССР, окружить его сетью военных баз, изоли-

ровать путем создания системы региональных организаций, использовать в этих целях ООН и другие международные организации. Это была продуманная на долгое время стратегия и тактика борьбы с Советским Союзом.

Внешняя разведка получила изложение этого доклада, а затем и весь документ.

Речь Черчилля 5 марта 1946 года в Фултоне, объявившего Советский Союз преемником «фашистского врага», и провозглашенная годом позже так называемая «доктрина Трумэна», обосновывавшая право США на оказание военной и политической помощи третьим странам в борьбе с «советским тоталитаризмом», подтвердили выводы разведки о курсе Запада на конфронтацию.

В новых условиях возросла значимость добываемой разведкой информации. Крайне важно было вскрыть секретные военно-политические планы США и Англии в отношении Советского Союза, осветить ход англо-американских переговоров, касающихся действий на случай военного столкновения с СССР, разработку планов перевооружения, создания НАТО и других военно-политических блоков. Но главная задача внешней разведки в послевоенные годы, поставленная руководством страны, состояла в том, чтобы держать в поле зрения подготовку военного нападения на Советский Союз с применением ядерного оружия. Как показывает полученная в те годы информация, в том числе и документальная, такие планы разрабатывались военными кругами США и Англии.

Наряду с этим ставились задачи по информационному обеспечению текущих вопросов внешней политики советского государства. Среди них, например, получение сведений о планах западных держав по германскому вопросу, освещение кризисных ситуаций, связанных с проблемами Западного Берлина, Ближнего Востока, распада колониальной системы.

Для решения столь важных задач требовалось совершенствование разведки, ее структуры, организации управления и методов ведения работы. В 1947–1953 годах имела место структурная перестройка военной и политической разведок, направленная на повышение эффективности их деятельности и поиск оптимальных форм управления в условиях нарастания конфронтационных тенденций.

30 мая 1947 года Совет Министров СССР принял постановление о создании Комитета информации (КИ) при Совете Министров, на который возлагались задачи политической, военной и научно-технической разведки. В результате разведывательные службы Министерства государственной безопасности и Министерства обороны были слиты в единый орган, который возглавил В.М. Молотов, бывший в то время заместителем Председателя Совета Министров СССР и одновременно министром иностранных дел. Его заместителем, который занимался участком внешней разведки, был назначен опытный че-

кист, в прошлом руководивший работой разведывательных и контрразведывательных подразделений Министерства госбезопасности, П.В. Федотов. Заместителями председателя КИ стали также Я.А. Малик, заместитель министра иностранных дел, и Ф.Ф. Кузнецов от Министерства обороны. Они представляли в Комитете интересы своих ведомств.

Такая структура, по замыслу реформаторов, должна была способствовать лучшей координации различных разведывательных звеньев, сосредоточению их усилий на основных направлениях, а главное, позволила бы поставить разведку под непосредственный контроль руководства страны. За границей, в разведываемых странах, был создан институт главных резидентов. Им надлежало обеспечивать бóльшую целенаправленность деятельности «легальных» резидентур исходя из внешнеполитических установок советского правительства.

В таком статусе Комитет информации просуществовал до февраля 1949 года, когда после ухода В.М. Молотова с поста министра иностранных дел Комитет был передан под эгиду МИД, а его руководителем стал новый министр иностранных дел А.Я. Вышинский. Руководителем КИ он оставался недолго. В том же 1949 году председателем Комитета был назначен заместитель министра иностранных дел В.А. Зорин. Первым заместителем, ответственным за текущую оперативную работу разведки, стал С.Р. Савченко, до этого возглавлявший Министерство госбезопасности Украины. П.В. Федотов остался одним из заместителей председателя КИ и продолжал заниматься оперативной деятельностью внешней разведки.

За время функционирования Комитет информации улучшил деятельность центрального аппарата разведки и резидентур, укрепил их опытными сотрудниками, подготовил разведывательные органы к работе в условиях послевоенной обстановки, в том числе и в новых районах мира, где до этого разведка еще не работала в полную силу.

На определенном этапе создание Комитета информации способствовало повышению эффективности деятельности разведки. Однако объединение разных ее ведомств в рамках одного органа, при всех преимуществах, затрудняло процесс управления работой столь специфичных по методам деятельности военной и внешнеполитической разведок. Уже в январе 1949 года правительство приняло решение о выведении из Комитета информации военной разведки. Она была возвращена в Министерство обороны. В январе 1951 года было принято решение об объединении внешней разведки и внешней контрразведки под руководством Министерства госбезопасности и создании за границей единых резидентур.

Комитет информации как разведывательный орган перестал существовать. Внешняя разведка стала Первым главным управлением Министерства госбезопасности СССР. В 1949–1953 годах ее возглавля-

ли поочередно С.Р. Савченко, В.С. Рясной, а с 1953 по 1955 год – А.С. Панюшкин. В 1956 году начальником разведки был назначен А.М. Сахаровский, который оставался на этом посту до 1971 года.

Последовавшая за кончиной Сталина в марте 1953 года борьба в руководстве страны отрицательно сказалась на деятельности внешней разведки. Рвавшийся к единоличной власти Берия провел неоправданные с точки зрения интересов работы разведки реорганизации и чистки. Многие оперативные работники «легальных» резидентур были отозваны, часть из них уволена; подверглась «чистке» агентурная сеть, с рядом источников была прекращена связь. Это привело к их потере для разведки.

После отстранения Берии последовали указания руководства страны о восстановлении жизнедеятельности разведки. В марте 1954 года пленум ЦК КПСС принял развернутое решение о путях улучшения деятельности органов безопасности, кардинальной перестройке их работы, искоренении применявшихся ранее незаконных методов, об опоре на общественность, о подконтрольности государственным и партийным органам. Решением правительства в марте 1954 года был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, внешняя разведка вошла в его состав как Первое главное управление (ПГУ КГБ при СМ СССР).

Важное для разведки значение имело решение ЦК КПСС от 30 июня 1954 года «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». Было предложено сосредоточить усилия на организации разведки в главных странах Запада – США и Англии, а также на «используемых ими для борьбы против Советского Союза странах, в первую очередь Западной Германии, Франции, Австрии, Турции, Иране, Пакистане и Японии». Таков в то время был перечень приоритетов, определенный руководством страны.

Совет Министров утвердил Положение о Первом главном управлении КГБ, которое закрепляло его право на ведение разведывательной деятельности за рубежом, определяло структуру внешней разведки, ее функции, задачи, штатный состав. Соответствующим ведомствам было вменено в обязанность выделить должности прикрытия как за границей, так и внутри СССР, оказывать содействие, строго соблюдая требования конспирации.

Принятые в 1954 году нормативные документы долгие годы служили основной правовой базой работы внешней разведки.

Постановления директивных органов предусматривали и меры по улучшению подготовки разведчиков.

В сентябре 1948 года по решению Политбюро ЦК ВКП(б) Комитет информации отдал приказ о создании на базе существовавшей в то время Разведывательной школы (РШ) своей Высшей разведывательной школы (ВРШ). В приказе подчеркивалось, что основной за-

дачей Школы должна быть подготовка высококвалифицированных кадров внешней разведки, способных выполнять задачи в новых, послевоенных условиях.

Разведчики, указывалось в приказе, должны уметь не только на высоком профессиональном уровне вести политическую, экономическую и научно-техническую разведку, осуществлять контрразведывательную работу за границей, но по уровню своей подготовки быть в состоянии занимать ответственные посты в дипломатических, военно-дипломатических, торговых и других советских представительствах и учреждениях в зарубежных странах.

Это был принципиально новый подход к вопросу подготовки кадров: учить не только разведывательному искусству, но и готовить к работе в области внешних сношений.

С созданием Комитета информации система набора кадров во внешнюю разведку несколько изменилась. По-прежнему слушатели Школы подбирались кадровым аппаратом по специальной разверстке и персонально утверждались в аппарате ЦК ВКП(б). Однако теперь наряду с сотрудниками органов безопасности в разведку стали направляться в гораздо большем количестве работники партийных и советских органов, внешнеполитических ведомств, выпускники высших учебных заведений, преимущественно прошедшие войну. В результате общеобразовательный и культурный уровень подбираемых кадров резко вырос.

В соответствии с новыми задачами был укреплен преподавательский состав Школы. Наряду с опытными разведчиками он пополнился и специалистами-страноведами, международниками, юристами, преподавателями западных и восточных языков. Существенно была укреплена и материально-техническая база. Библиотечные фонды получили большое количество единиц специальной и открытой, в основном страноведческой, литературы на различных языках.

Возглавляли Высшую разведывательную школу в эти годы Н.Ф. Маланичев (1948–1950 гг.), В.В. Гриднев (1950–1960 гг.) и А.В. Тишков (1960–1967 гг.).

К концу Второй мировой войны разведка располагала хорошими возможностями по добыванию секретной информации по многим политическим и военным вопросам, затрагивающим безопасность страны. Особенно сильные позиции у нее были в Англии, где «кембриджская пятерка» имела доступ к документам основных государственных учреждений страны, включая МИД и секретные службы.

С окончанием войны положение начало меняться. Выполнять поставленные руководством страны задачи внешней разведке пришлось в далеко не простой обстановке. Одни источники утратили возможности, другие отошли от сотрудничества, считая, что с разгромом фашизма они выполнили свои задачи. Были и такие, кто не рискнул продолжить сотрудничество с советской разведкой в условиях раз-

вернутой с началом холодной войны антисоветской кампании, раздувания шпиономании и запугивания «угрозой коммунизма».

Внешняя разведка проделала масштабную и сложную работу по созданию практически нового агентурного аппарата, проникновению в новые объекты, прежде всего в штабы и органы управления создаваемых против Советского Союза военно-политических блоков, развертыванию своей сети в странах, где ранее она не работала.

В конечном счете разведке удалось решить эти задачи. На смену антифашистской основе в работе с источниками все шире приходили идеи общности интересов в борьбе за мир, разоружение, запрещение испытаний и распространения атомного оружия, против создания военно-политических блоков и размещения иностранных военных баз на чужих территориях, в поддержку национально-освободительной борьбы колониальных народов.

Увеличение объема и важности информации поставили перед внешней разведкой вопрос о дальнейшем улучшении информационно-аналитической работы. Самостоятельное информационное подразделение было создано в 1943 году. Сложность международной обстановки, скоротечность и многофакторность ее развития требовали всестороннего анализа, перепроверки и обобщения полученных сведений.

Большая заслуга в этом принадлежит Ф.А. Скрягину – человеку большого природного ума, проницательности, развитого чувства долга. Ему удалось создать надежный костяк информационной службы из наиболее подготовленных аналитиков, глубоко знавших проблемы международных отношений.

Благодаря усилиям внешней разведки советское руководство было хорошо информировано об основных этапах секретных переговоров США, Англии, Франции и стран Бенилюкса по созданию Западного союза, НАТО, экономической интеграции Западной Европы на базе «плана Маршалла», об образовании в нарушение ялтинских и потсдамских договоренностей Федеративной Республики Германии и ее включении в НАТО.

Разведка была осведомлена о планах и деятельности руководящих органов НАТО. В частности, было получено документальное подтверждение существования в НАТО планов ядерных ударов по СССР с указанием городов, подлежащих уничтожению, военных, промышленных и других целей с расчетом количества ядерных зарядов, необходимых для их поражения.

Об этом читатель может узнать в публикуемых очерках. Приближенность к нашим дням описываемых событий не позволяет авторам ряда публикуемых материалов упоминать о способах получения той уникальной по своему сверхсекретному содержанию информации, которую добывала в те годы советская разведка.

В ряде случаев авторы вынуждены ограничиваться лишь характеристикой информационной значимости хранящихся в архивах развед-

ки документов тех лет. Однако и в таком виде материалы, написанные на основе архивных материалов, часть из которых разведкой рассекречена и впервые публикуется в приложении, дают основание сделать вывод, что внешнеполитические мероприятия советского правительства после Второй мировой войны, направленные на обеспечение безопасности СССР, вытекали из складывающейся обстановки и были ответом на действия бывших партнеров по антигитлеровской коалиции.

Сложные и масштабные задачи были поставлены перед внешней разведкой в связи с начавшимся в послевоенный период распадом колониальной системы и глобальной активизацией различных форм национально-освободительного движения. Советское руководство рассматривало борьбу народов колониальных стран за свою независимость как часть мирового революционного процесса, ослаблявшего позиции Запада в противостоянии двух мировых систем в период холодной войны. Исходя из принципов своей внешней политики, Советский Союз оказывал помощь национально-освободительным партиям и движениям народов колониальных стран, выступал в их поддержку в международных организациях. По инициативе СССР в январе 1960 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным и зависимым странам и легализовала внешнюю помощь борьбе народов колониальных стран.

Для того чтобы помогать национально-освободительным движениям, руководству страны требовалась информация о положении в них, о политике Запада по отношению к ним. Эти задачи были возложены на внешнюю разведку. Она должна была создать новые подразделения в своей структуре, открыть резидентуры в странах, в которых она до этого не работала, освоить должности прикрытий, подготовить кадры специалистов, чтобы обеспечить руководство страны, определяющее политику в области поддержки антиколониальных движений, потоком информации о ходе освободительной борьбы народов колониальных стран, возглавляющих их партиях и движениях, их идеологической и внешнеполитической ориентации, влиянии в массах, реальных возможностях вести борьбу и завоевать власть и о работе западных стран по проникновению в освободительные движения в целях их переориентации.

В тех случаях, когда освободительные организации были вынуждены действовать в условиях подполья и активного противодействия колониальных властей и их спецслужб, поддержание регулярных контактов с их лидерами поручалось разведке, которая должна была проводить с ними постоянную политическую работу, передавать предназначенные для них материалы. Это была не в полном смысле разведывательная работа. Но выполнение заданий руководства по связям с действовавшими в подполье организациями и их лидерами требовало от разведки организованности, собранности и оперативного искус-

ства. Ответственность была высока. Провалы грозили подчас серьезными политическими последствиями.

Конфронтация в годы холодной войны сопровождалась развертыванием в невиданных до этого масштабах информационных войн. Перед советской разведкой стояла задача противостоять специфическими методами и средствами угрозам, вытекающим из деятельности Запада, направленной против интересов Советского Союза.

Такого рода деятельность, имевшая условное название «активные мероприятия», позже – «акции содействия», в послевоенные годы получила дальнейшее развитие. До 1959 года, однако, в структуре внешней разведки не было подразделения, которое координировало бы работу по подготовке и проведению активных мероприятий. Эта задача решалась географическими (линейными) подразделениями разведки с использованием курируемых ими резидентур.

В январе 1959 года руководство страны приняло решение о создании во внешней разведке отдела «Д», на который были возложены задачи подготовки и проведения активных мероприятий за рубежом. Возглавил его опытный разведчик И.И. Агаянц. Впоследствии отдел «Д» постоянно расширялся, а в 1962 году был преобразован в службу «А».

Подготовленные отделом «Д» (службой «А») информация, тезисы, документы доводились до адресатов с использованием имеющихся у разведки средств. За два послевоенных десятилетия, которым посвящен данный том, внешняя разведка провела значительное число акций, которые оказали существенное влияние на внешнеполитические процессы.

Нелегальная разведка после войны добилась заметных успехов. Всему миру известны имена советских разведчиков-нелегалов Р.И. Абеля, К.Т. Молодого, супругов Морриса и Леонтины Коэн и ряда других. Этим далеко не исчерпывается их число, и, естественно, не обо всех можно говорить сегодня.

До 1954 года в структуре внешней разведки не было подразделения, которое занималось бы разработкой спецслужб противника и обеспечением безопасности разведывательной деятельности резидентур. В июне 1954 года такое подразделение было создано. Концентрация контрразведывательной работы в рамках одного подразделения, укомплектованного опытными сотрудниками, принесла свои плоды. Внешняя контрразведка сумела добиться ощутимых результатов. О некоторых из них сегодня уже можно сказать. Так, приобретенный в аппарате министерства юстиции США агент внешней контрразведки за несколько лет сотрудничества передал советской разведке около пяти тысяч копий документов о работе ФБР против граждан и учреждений СССР в США.

На территории Западной Германии действовала разветвленная сеть американских и английских разведывательных органов, занимав-

шихся вербовочной работой против советских граждан. Однако их руководители не знали, что эта деятельность контролировалась советской разведкой через внедренную в их сеть агентуру. Только от одного из источников были получены документальные данные на несколько сот американских агентов, занимавшихся вербовкой советских граждан.

Большой объем материалов о структуре, кадрах и оперативной деятельности разведок Англии и США, в том числе о заброске агентуры на территорию СССР и в страны народной демократии, был получен от Кима Филби. Его информация позволила принять меры по предотвращению ряда провалов.

Другим ценным источником внешней контрразведки был кадровый сотрудник английской разведки Джордж Блейк. На основе полученных от него материалов были разоблачены десятки английских агентов, сорваны операции английских и американских разведок по прослушиванию в Берлине и Австрии линий связи советских войск.

В годы холодной войны особое значение для укрепления обороноспособности страны и обеспечения ее безопасности приобрело научно-техническое направление внешней разведки. В середине 1945 года в целях сосредоточения усилий и координации работы всех ветвей добывающего соответствующую информацию аппарата на решение главных задач отделение научно-технической разведки было преобразовано в самостоятельный отдел, который впоследствии стал управлением. НТР была укомплектована кадрами, не только имеющими опыт разведывательной деятельности, но и специалистами в различных областях науки и техники. Сочетание оперативного опыта и специальных знаний привело к положительным результатам.

Главной задачей научно-технического направления внешней разведки в течение всего послевоенного периода было держать в поле зрения военно-технические мероприятия Запада по созданию условий для внезапного нападения на СССР.

Чтобы не допустить прорыва вероятного противника в области вооружений, научно-техническая разведка внимательно отслеживала возможное появление на Западе принципиально новых решений в области совершенствования ракетно-ядерного оружия и средств защиты от него, вела поиск и разработку нетрадиционных видов оружия массового поражения, выявляла направления развития военной научно-технической мысли США и их союзников по НАТО.

НТР осуществляла активную разведывательную работу и в интересах народнохозяйственной проблематики. Она следила за развитием новых тенденций мировой фундаментальной и прикладной науки; отдельных научно-технических достижений, которые качественно изменяли технологическую базу экономики; используя свои агентурно-оперативные возможности, добывала секретную информацию о ведущихся в капиталистических странах исследованиях и разработках,

направленных на создание принципиально новых и совершенствование традиционных технологических процессов, материалов и оборудования, что представляло значительный интерес для народного хозяйства страны. Были годы, когда внешняя разведка направляла в народное хозяйство десятки тысяч информационных материалов, включая образцы новейшей западной техники, перспективных новых материалов, штаммов и т.д.

В начале 60-х годов произошло резкое обострение советско-американских отношений, вызванное различием позиций сторон по отношению к Кубе. США продолжали рассматривать Кубу как часть латиноамериканского мира, входящую в зону непосредственных интересов США.

Уже вскоре после ликвидации господства Батисты на Кубе советская разведка все чаще стала получать информацию, свидетельствующую о подготовке американским правительством мероприятий по свержению на Кубе революционного режима силами кубинских эмигрантов путем прямой военной интервенции с помощью США. Разведка знала об утвержденном президентом Кеннеди плане вооруженного вторжения на Кубу, о дате и возможном месте вторжения.

После провала операции на Плайя-Хирон внешняя разведка получила сведения о подготовке нового, более широкого вторжения на Кубу с участием американских регулярных войск.

Советское руководство в качестве меры сдерживания и оказания помощи Кубе в защите от внешней агрессии приняло совместное с кубинскими властями решение о размещении на острове советского воинского контингента и переброске туда тактических ракет среднего радиуса действия.

Получив в октябре 1962 года данные авиаразведки о переброске на Кубу советских ракет и бомбардировщиков Ил-28, американское руководство стало открыто готовить вторжение на Кубу и в жесткой форме потребовало вывода советских ракет.

Отношения между СССР и США обострились до предела. В этот критический момент советская внешняя разведка не только обеспечивала руководство страны секретной информацией о позиции США, но и способствовала неофициальному обмену мнениями между конфликтующими сторонами в поисках взаимоприемлемого компромисса. США, как известно, отказались от планов интервенции на Кубу, а Советский Союз вывез свои ракеты.

Разрешение Карибского кризиса как бы подвело черту под периодом нарастающей эскалации напряженности международных отношений. Наступил период, называемый «разрядкой». Конфронтация двух мировых блоков хотя и продолжилась, но уже в иных формах.

Новым направлением в деятельности внешней разведки в послевоенные годы было ее сотрудничество с разведками стран социалистического содружества. Оно зарождалось по мере становления в них

государственных структур, возникновения и укрепления органов безопасности, в которые, по примеру Советского Союза, входили и внешние разведки. На первых порах это сотрудничество носило в основном односторонний характер. Это была помощь, главным образом советническая, в создании и укреплении органов разведки молодых социалистических государств, передача им накопленного опыта, помощь в подготовке кадров, оснащении средствами оперативной техники.

Сотрудничество разведок социалистических стран прошло большой и сложный путь от простых форм обмена информацией до сложных совместных операций по всем направлениям разведывательной деятельности, включая и агентурную работу по проникновению в объекты разведывательной заинтересованности. Год от года оно становилось все более глубоким, целеустремленным и взаимополезным. Повышались его оперативная эффективность и результативность. По существу и по форме это было взаимодействие равноправных специальных служб дружественных государств. Оно отвечало интересам этих стран, способствовало укреплению их внешнеполитических позиций в мире.

В работе по подготовке тома использовались в основном архивы, а также опубликованные у нас и за рубежом документы и материалы. Многие из авторов являются свидетелями либо участниками событий послевоенных лет. Сопричастность к тому, что происходило в жизни страны, дала возможность сохранить свежесть впечатлений, а знакомство с архивными сведениями позволило глубже взглянуть на этот драматический период отечественной истории.

В архивах внешней разведки среди директивных указаний руководства страны, определявших ее деятельность и ставивших перед ней задачи, среди отчетов руководства разведки о ее деятельности не обнаружено ничего, что свидетельствовало бы о наличии у советского руководства каких-либо агрессивных замыслов.

Советский Союз, как отмечалось, оказывал помощь близким ему в политическом отношении зарубежным партиям, организациям, движениям, поддерживал дружественные государства, нередко с использованием возможностей внешней разведки. В послевоенные годы это была обычная практика многих государств. Те же США и западные страны поддерживали националистические движения в различных регионах нашей страны, диссидентские движения и их лидеров. В задачу внешней разведки входило оказание противодействия этой деятельности западных стран.

Вместе с тем информация, добываемая разведкой, свидетельствовала о наличии реальной угрозы безопасности СССР. Были получены секретные документы правительственных, политических и военных кругов Англии, США, других стран НАТО, свидетельствующие о реальных военных приготовлениях против СССР, создании военно-

политических блоков, военных баз, планировании атомных и ядерных ударов, создании невыгодных для экономического развития СССР условий.

Внешняя разведка уже в 1948 году получила информацию о намерениях США, Англии и Франции увязать возможность предоставления Западом займов Советскому Союзу на условиях, которые поставили бы экономику СССР под контроль западного капитала. В документальной информации о позиции американского руководства по вопросу предоставления займов Советскому Союзу говорилось, например: «...что касается займа на сумму в 6 млрд, то предполагается, что получить такой заем СССР едва ли удастся. Даже в том случае, если правительство США согласится предоставить СССР такой заем, оно предоставит его в рассрочку отдельными ссудами, с таким расчетом, чтобы в обмен за предоставление каждой ссуды правительство США могло бы получать какие-либо политические уступки. При этом не будет никаких гарантий, что, получив одну часть займа, СССР сможет получить и остальные части. Предоставление таких периодических ссуд будет каждый раз предметом переговоров».

Авторы выражают надежду, что, ознакомившись с материалами пятого тома очерков, читатель сможет сформировать собственное мнение по вопросу о том, кто несет главную ответственность за холодную войну, которая почти полстолетия мешала развитию нормальных, добрососедских отношений в мире.

Публикуемые очерки не претендуют на летопись всех свершений внешней разведки за обозначенный период. Тем не менее они отражают наиболее существенные моменты деятельности, направленной на обеспечение внешней безопасности советского государства.

Как и в предыдущих очерках, некоторые фамилии и псевдонимы, названия учреждений и места действия по соображениям конспирации изменены. Но фактическая основа событий сохранена и документально выверена.

Приведенные в пятом томе выдержки из документов, на которые нет специальных ссылок, взяты из архивных дел СВР.

1

Холодная война: истоки и следствия

Термин «холодная война» выражает состояние конфронтации Запада в отношении Советского Союза, не переходящее в военный конфликт после победы над гитлеровской Германией. Схематически период международных отношений под таким названием длился в своих наиболее ярких проявлениях до середины 60-х годов двадцатого столетия. Можно спорить, в какой степени он завершен и завершен ли с точки зрения геополитики вообще. Но ответ на этот вопрос надлежит дать политологам. Данный же очерк посвящен разведке и имеет целью осветить острейшее противостояние бывших союзников, опираясь в первую очередь на сохранившиеся в архивах разведки документы.

Важность самого периода, его поворотный характер для всей системы отношений между Востоком и Западом не может вызвать споров. Несомненно то, что за очень короткий срок эти отношения от сотрудничества и успешных совместных действий по сокрушению самой опасной для человечества попытки установления всемирного господства со стороны Германии, Италии и Японии, а также их сателлитов переросли в соперничество и враждебность, не раз ставившие мир на грань нового конфликта.

Поэтому представляется существенным обозначить, какие причины стояли за столь резким и опасным поворотом истории, а также проследить за основными последствиями, которые вытекали из этого для Советского Союза – и не только для него – в военно-политической, экономической, психологической и других сферах.

Это поможет прояснить, в частности, вопрос, какая из сторон в большей степени несет ответственность за холодную войну и ее «горячие» отблески.

Как и всякий поворот, переход к холодной войне вызревал заблаговременно и втайне. Не секрет, что только крайняя степень угрозы со стороны фашизма объединила в ходе войны вместе Советский

Союз, Англию и США – страны с различными социально-политическими системами. Руководитель Англии того времени Уинстон Черчилль не скрывал своей враждебности к СССР и еще на ранних стадиях его существования участвовал в организации интервенций против него. А президент США Гарри Трумэн, будучи сенатором в момент нападения Германии на СССР, публично высказал пожелание, чтобы обе стороны «убивали друг друга как можно больше». Только в случае, если бы верх начали одерживать гитлеровцы, он допускал возможность оказания помощи русским.

Война, нацистско-фашистская агрессия притушили, но не устранили антагонизм. Это нашло, например, выражение в затягивании со стороны США и Англии в течение трех долгих лет открытия второго фронта, в борьбе за сферы политического влияния в освобождаемой Европе.

Однако своего апогея враждебность к восточному союзнику достигла в двух документах: «Меморандуме 121» в США и «Немыслимом плане» Черчилля. «Меморандум 121» был составлен в августе 1943 года руководителем Управления стратегических служб США Уильямом Дж. Донованом, утвержден Объединенным комитетом начальников штабов, то есть высшим военным руководством США, и был передан на рассмотрение президента США. «Меморандум» намечал возможные направления стратегии и политики «в отношении Германии и России». Третьим его пунктом было обозначено: «Попытаться повернуть против России всю мощь непобежденной Германии, все еще управляемой нацистами или генералами».

«Это, вероятно, – говорилось далее, – приведет к завоеванию Советского Союза той самой могущественной и агрессивной Германией, которая объявила войну против России и против нас в 1941 году».

В «Меморандуме» рассматривались и направления политики США и Англии при таком развитии событий: «Чтобы не допустить последующего господства Германии над всей мощью Европы, мы вместе с Великобританией будем обязаны после завоевания России Германией взяться еще раз и без помощи России за трудную, а может быть, невыполнимую задачу нанести поражение Германии». Учитывалось и то, что в США и Великобритании «общественное мнение решительно мобилизовано против Германии».

Отсюда вывод: предпочтительнее все-таки добиваться поражения гитлеровской Германии, но вместе с тем осуществить «некое урегулирование, враждебное интересам России».

Эта рекомендация была дана незадолго до встречи президента США Рузвельта с Черчиллем в Квебеке, где предстояло окончательно решить вопрос об открытии второго фронта. И хотя после трех лет затяжек Вашингтон и Лондон наконец согласились на десант во Франции, они в то же время планировали ущемить интересы СССР–России, то есть заложить мины под дальнейшие с ней отношения.

О решениях, планировавшихся и принятых США и Англией в Квебеке, внешняя разведка в полной мере информировала Сталина. Что касается, в частности, «Меморандума 121», то с ним можно ныне ознакомиться в рассекреченном в 1978 году американцами сборнике документов.

Для реализации своих планов «повредить России» Черчилль поручил военным разработать и представить ему план англо-американского нападения на Советский Союз совместно с немцами немедленно после окончания войны союзников с Германией. План этот был доложен премьер-министру Великобритании 22 мая 1945 года, через 14 дней после капитуляции гитлеровцев. Он предусматривал совместное нападение на советские войска 1 июля 1945 года! На ничего не ожидавшие войска советского союзника должны были обрушиться 10 германских дивизий и 47 дивизий США и Англии. Разведка располагала сведениями об уже начатых союзниками после капитуляции Германии военных приготовлениях. В частности, много немцев было занято на реконструкции и строительстве аэродромов. На них базировалось большое количество истребителей и бомбардировщиков, готовых к бою. Некоторые части германской армии сохраняли свои формирования, включая подразделения войск СС, не были разоружены. Они размещались в казармах, получали американские рационы питания и жалование.

Кодовое название плана «Немыслимая операция» вполне соответствовало замыслу. Цель операции состояла в том, чтобы «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Центральной ареной военных действий была намечена Польша с расчетом на поддержку антисоветских вооруженных сил в самой Польше. Планировалось до наступления зимы провести главное танковое сражение западнее линии Одер–Нейсе.

План был затем представлен на рассмотрение Комитета начальников штабов – высшего органа военного руководства Великобритании.

В октябре 1998 года этот чудовищный план был рассекречен, материалы Государственного архива Великобритании были опубликованы. Какова была дальнейшая судьба плана? 8 июня 1945 года начальник Имперского генерального штаба А. Брук и начальники штабов ВМС и ВВС направили Черчиллю свое заключение. Взвесив соотношение сил и техники, они пришли к выводу: «Достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил».

К тому времени начиная с 5 июля 1945 года стала проводиться демобилизация личного состава армии и флота СССР, его численность была сокращена с 11 до менее чем 3 млн. Значительно уменьшилось количество войск в Восточной Германии, Польше, Румынии и других странах, освобожденных в результате военных действий Советского Союза.

СССР во Второй мировой войне понес огромные потери. Основные промышленные области страны на оккупированных территориях были опустошены, города и села разрушены и сожжены. В этих условиях главной задачей, стоявшей перед страной и ее руководством, было восстановление хозяйства, возрождение всех земель, пострадавших от войны.

Для СССР, таким образом, важнейшей задачей было не допустить фашистского реванша, обеспечить безопасность своих границ как на Западе, так и на Востоке, предотвратить милитаризацию Германии, сохранить в целом благоприятную обстановку, созданную победоносным для нашей страны окончанием мирового конфликта. Сюда входило и стремление добиться утверждения в соседних государствах, освобожденных Советской Армией, дружественных режимов.

Согласованные в Ялте и Потсдаме в ходе встреч руководителей великих держав на высшем уровне условия послевоенного устройства благоприятствовали достижению этих целей. Вместе с тем разделение Германии, затем Кореи и Вьетнама, попытки изолировать СССР, окружить его сетью военно-политических блоков возлагали на советскую разведку нелегкие задачи по отслеживанию ситуации и выявлению намерений бывших партнеров.

А Запад? Для него кардинальной была линия на ревизию ялтинских и потсдамских соглашений, особенно по Германии, противодействие усилиям СССР по созданию дружественных режимов в странах Восточной Европы, формирование с этой целью военных союзов для политического и военного давления.

Западные исследователи, как правило, возлагают на СССР ответственность за конфронтацию с Западом либо склоняются к тезису о равной ответственности США и СССР за начало холодной войны.

О чем, однако, говорят архивные материалы советской разведки того времени?

Добытая внешней разведкой информация свидетельствует, что после войны в Вашингтоне исходили из того, что Соединенные Штаты были единственным государством, которое располагало избыточными ресурсами, и стремились как можно эффективнее использовать этот фактор для закрепления за собой лидирующих позиций в мировой политике и экономике. В этих целях они хотели максимально ограничить возросшие в результате победы над фашизмом авторитет и влияние СССР в странах Европы.

Как видно из документов разведки, бывшие партнеры СССР по антигитлеровской коалиции шли к выдвижению лозунга о «борьбе с советской угрозой» постепенно. Сразу после окончания Второй мировой войны общественное мнение Запада было благоприятным для Советского Союза, и резкие выпады в его адрес были бы обречены на провал. Президент США Рузвельт до своей кончины в апреле 1945 года

верил в реалистичность концепции обеспечения послевоенного мира и безопасности согласованными усилиями великих держав, включая Советский Союз.

Однако затем антисоветские тенденции в США взяли верх. Как отмечалось уже в начале 1943 года в докладе разведки советскому правительству, в госдепартаменте США начали формироваться предположения о том, что «настоящим победителем в войне может оказаться СССР, и в результате этого в Польше, Германии, Чехословакии и на Балканах может быть установлен советский строй».

В декабре 1945 года разведка информировала советское руководство о высказываниях назначенного в СССР военного атташе США генерал-майора Фрэнка Робертса, точка зрения которого, по его словам, разделялась «высшим руководством США»:

«...Все военные, знающие реальную обстановку, убеждены, что именно сейчас или в ближайшем будущем демократия должна уничтожить всякого рода диктатуру, где бы она ни существовала... Русские настолько устали, настолько проголодались, что даже те из них, которые не поймут истины, падут духом и не смогут сопротивляться.

Вот почему война не должна откладываться, тем более что мы владеем величайшим оружием нашей эпохи – атомной бомбой, а русские – нет».

Лондонской резидентурой внешней разведки был получен текст секретного доклада министра иностранных дел Идена «О политике в отношении России» от января 1942 года. Британский министр выразил тогда опасение о возможности такого роста престижа СССР после войны, при котором «Москва в европейской политике перестала бы считаться с интересами Англии и США».

6 ноября 1945 года Сталину внешней разведкой был доложен меморандум «Безопасность Британской империи», подготовленный Объединенным комитетом начальников штабов Генерального штаба Великобритании в июне того же года, то есть еще до Потсдамской конференции, когда СССР и Англия находились в союзнических отношениях. Меморандум определял СССР как главного противника Великобритании и рекомендовал правительству ряд мер по нейтрализации «советской угрозы». Среди них – установление «особых отношений с США», подключение их к обороне Западной Европы, создание военно-политических блоков и военных баз в Европе и других регионах мира.

«...Британская империя и США, – говорилось в меморандуме, – сохранят то же единство в области основных вопросов обороны, какое наблюдается сейчас. С СССР нас не связывают подобные узы... СССР доказал наличие у него военного потенциала, могущего составить серьезную угрозу Британской империи...»

В марте 1946 года экс-премьер Англии Черчилль в присутствии президента Трумэна выступил в США в Вестминстерском колледже

в Фултоне с речью, которую с тех пор расценивают как манифест холодной войны. Разведка знала, что Черчилль заблаговременно согласовал свою речь с Трумэном, и поэтому оба они были соавторами призыва «возглавить антикоммунистический крестовый поход христианской демократии».

Вот выдержки из выступления Черчилля в Фултоне:

«Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина... Мы понимаем, что русские должны чувствовать себя в безопасности на своих западных границах от какого-либо возобновления германской агрессии», – говорил автор «Немыслимой операции», планировавшейся против русских сразу после войны. Далее, однако, тон речи ужесточился: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес спустился на континент... По тому, что я наблюдал у наших русских союзников во время войны, я убедился, что русские больше всего восхищаются силой, и нет ничего такого, к чему бы они питали меньше уважения, чем военная слабость».

Черчилль предлагал отказаться от доктрины «равновесия сил» и призывал к «братской ассоциации народов, говорящих на английском языке». «Это означает особые отношения между Британским содружеством наций и империей, с одной стороны, и Соединенными Штатами – с другой». Он призвал к совместному использованию «всех военно-морских и авиационных баз, принадлежащих обеим странам, во всем мире. Это, возможно, удвоило бы мобильность американского флота и авиации...» И так далее в смысле усиления военно-политического нажима на «доблестный русский» и другие дружественные ему народы.

Этот стратегический замысел министр иностранных дел Англии Бевин сформулировал несколько позднее на встрече со своими западными коллегами. Судя по полученной советской разведкой секретной стенограмме, он акцентировал внимание собеседников на том, что «экспансия с Востока является не только коммунистической, но и славянской» и что «нельзя мириться в дальнейшем со славянской активностью».

Утверждения об угрозе «экспансии с Востока» были для Запада ширмой, за которой разворачивались военные приготовления. В апреле 1946 года разведка направила советскому руководству сообщение об усиленном распространении в европейских государствах утверждений о предстоящей войне Англии и США против СССР. В большинстве случаев речь шла о том, что эта война начнется уже в 1946 году.

В сообщении отмечалось, что активную роль в распространении слухов о готовящейся войне против Советского Союза играют английские и американские представители. Так, посол США в Испании в беседе с главой режима генералом Франко задал вопрос, сможет ли

Мадрид выделить 1 млн человек в случае войны с Советским Союзом (Франко пообещал выделить 2 млн). Глава военной миссии США в Бухаресте генерал Скайлер на встречах с местными и иностранными представителями не исключал начала военных действий против СССР в 1946 году.

В информации разведки подчеркивалось также, что на политической арене освобожденных Красной Армией государств стали возникать силы, проявляющие заинтересованность в военном столкновении между западными державами и Советским Союзом. Так, в Польше в антиправительственном подполье активно велась пропаганда о необходимости подготовки к войне. Утверждалось, что США и Англия нападут на СССР, используя, в частности, армию Андерса. В свою очередь, лондонское польское правительство связывало свои планы на будущее прежде всего с вероятным конфликтом между западными союзниками и СССР. В Венгрии представители партии мелких землевладельцев открыто заявляли, что война вспыхнет в 1946 году и англосаксы выйдут победителями, так как будут использовать атомное оружие.

Вывод разведки о переходе США и их западных союзников к политике «с позиции силы» в отношении СССР был правильным. В архиве разведки хранится копия меморандума МИД Англии от июля 1945 года о внешней политике страны после победы в Европе, в котором говорилось: «Советский Союз настолько ослаблен, что Сталин вряд ли в состоянии будет осуществлять свою политику идеологического проникновения силой... Можно с уверенностью сказать, что он не может пойти на новую войну в Европе». В меморандуме МИД Англии от октября 1948 года для правительственной делегации на конференции стран Британского содружества констатировалось: «Нет признаков, что Советский Союз или его сателлиты готовятся к агрессивной войне». Таким образом, политика Запада «с позиции силы» не может рассматриваться как адекватный ответ на планы или действия СССР.

Особый интерес в этой связи представляют оценки западными спецслужбами «советской угрозы» уже после появления у СССР атомного оружия. Например, в еженедельной сводке разведывательного управления штаба Верховного комиссара США в Германии от 30 декабря 1949 г. указывалось: «Советский Союз, несмотря на обладание атомной бомбой, не намерен в настоящее время предпринимать военные действия против Запада, а продолжит свою хорошо разработанную тактику политической борьбы». В сводке от 20 января 1950 года отмечалось, что «послевоенное строительство вооруженных сил стран – сателлитов СССР было слишком бессистемным для того, чтобы иметь основание согласиться с положением о едином планировании... Отсутствуют признаки того, что Советский Союз желает или пытается осуществить взаимодействие между вооруженными силами сателлитов».

Правительство США, руководствуясь провозглашенной в марте 1947 года «доктриной Трумэна», утверждавшей право США на оказание третьим странам военной и политической помощи в борьбе с «советским тоталитаризмом», взяло курс на создание сети военных блоков, нацеленных на СССР. Возобновление американо-английско-канадского военного сотрудничества, заключение англо-французского Дюнкеркского договора (1947 г.) по вопросам безопасности, а также образование Западного союза (1948 г.) явились основными этапами военного объединения западных стран под эгидой США.

В апреле 1949 года был создан Североатлантический блок с участием США, Канады и первоначально десяти западноевропейских стран. При этом на одном из заключительных совещаний западных представителей в Вашингтоне по подготовке договора о НАТО, стенограмма которого стала достоянием советской разведки, подчеркивалось, что, «хотя в настоящий момент и нет оснований для предположения, что советское правительство намечает военную агрессию, надо объединяться и исходить из того, что СССР представляет собой непримиримого врага западной цивилизации».

Напомним, что Организация Варшавского договора была создана в 1955 году, спустя шесть лет после создания НАТО.

Созданием НАТО Запад перевел холодную войну в острую фазу, началась разработка планов ядерной войны участниками блока против СССР и стран Восточной Европы. Так, один из военных сценариев под кодовым названием «Дропшот» от 1949 года предусматривал применение сотен атомных бомб для вывода из строя военного и промышленного потенциала СССР. Почти 250 дивизий общей численностью более 6 млн военнослужащих стран НАТО должны были в конечном счете оккупировать территорию Советского Союза и Восточную Европу. Предусматривалось развертывание затем мощного наступления США и их союзников на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, в первую очередь против Китая и Кореи. Победа революции в Китае в 1949 году, где США и Англия потеряли былые сильные позиции, вызвала дополнительную озабоченность Запада и желание форсировать военно-политические приготовления.

Разведкой были получены сведения о весьма симптоматичной реакции НАТО на уход с политической арены И.В. Сталина. На закрытом заседании сессии Совета Североатлантического блока в апреле 1953 года государственный секретарь США Даллес заявил, что «в наших планах ничего не должно быть изменено», несмотря на перемены в Кремле.

Проводя «блоковую» политику, западные государства организовали в 50-е годы военно-политический союз АНЗЮС (США, Австралия, Новая Зеландия), Европейское оборонительное сообщество (Франция, Италия, ФРГ, Бельгия, Голландия, Люксембург), СЕАТО

(США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины и Пакистан) и Багдадский пакт (Англия, Турция, Иран, Ирак, Пакистан). Были предприняты усилия к тесной координации и фактическому подчинению их деятельности Североатлантическому блоку.

Последовало вовлечение в милитаристскую орбиту НАТО Федеративной Республики Германии. Благодаря агентурным позициям советской разведки в ФРГ у СССР имелось четкое представление о замыслах Бонна. В частности, было известно, что канцлер Аденауэр настойчиво требовал принятия ФРГ в НАТО, обещая взамен, помимо прочего, активизировать подрывную работу против социалистических стран с западногерманской территории: расширить американо-германский центр «психологической войны» в Мюнхене, усилить враждебную СССР деятельность различных эмигрантских формирований, осуществлять выброску парашютистов-диверсантов в СССР, Чехословакию и т.д.

Германская проблема, как одно из узловых противоречий холодной войны, была многоаспектной. Она включала расхождения бывших союзников по вопросам денацификации и демилитаризации Германии, недопущения условий для возрождения в будущем реваншистских походов с ее территории, юридического закрепления послевоенных германских границ, определения перспектив воссоединения страны и по ряду других вопросов. При этом нарушение США, Англией и Францией потсдамских договоренностей наносило прямой ущерб интересам безопасности Советского Союза, который даже в напряженные моменты холодной войны твердо выступал в германском вопросе за выполнение решений Потсдамской конференции.

Свидетельством этого является оценка, данная верховным комиссаром Англии в Германии Киркпатриком в конфиденциальном послании министру иностранных дел Идену. Он указывал на то, что «у русских установилась постоянная тенденция следовать в своей зоне за мероприятиями западных союзников в их зонах. Создание немецкой бизональной экономической администрации во Франкфурте в мае 1947 года сопровождалось созданием в феврале 1948 года немецкой экономической комиссии. После проведения валютной реформы в западных зонах в июне 1948 года почти немедленно была проведена валютная реформа в советской зоне. Вслед за созданием Верховной союзнической комиссии в 1949 году была создана Советская контрольная комиссия. После создания Федеративной республики была образована ГДР».

Западные державы, закрепляя за ФРГ статус полноправного члена НАТО, одновременно развивали сотрудничество в рамках блока и усиливали холодную войну, чтобы, по словам Черчилля, «в советском блоке лет через 10–15 появились симптомы разложения».

Стремясь извлечь максимум политических выгод из югославо-советских разногласий, США и Англия в начале 50-х годов вели подготовку к созданию военно-политического блока в составе Югославии, Греции и Турции. Советская разведка получала сведения о том, что в Белград на специальные переговоры по этому вопросу выезжали, в частности, Иден и министр обороны США Пейс. Турецкий министр иностранных дел Кепрелю встречался тайно с послом Югославии в Париже, предлагая сформировать «непрерывный фронт Альпы–Дарданеллы».

Белград, однако, не пошел на заключение пакта под эгидой НАТО, руководствуясь прежде всего внутриполитическими соображениями. К тому же негативно прореагировала Италия, которая опасалась снижения своей роли в регионе в случае создания нового блока, уменьшения в этой связи объема американской помощи Риму, а также невыгодного для себя решения территориального вопроса о Триесте.

Одновременно с военными приготовлениями США наращивали тайные мероприятия «в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах» (имелись в виду союзники СССР. – *Ред.*), а также «осуществить внутренние изменения советской системы», действуя согласно директиве Совета национальной безопасности–68. В 1951 году бывший поверенный в делах США в СССР Кеннан раскрыл смысл желаемых Западом изменений: ликвидация советской власти, образование «капиталистической, либерально-демократической России», расчленение Советского Союза, в первую очередь путем отторжения Прибалтики и Украины, подрыв союза СССР со странами Восточной Европы[1].

Американские правящие круги нацеливались на проведение активной подрывной работы в Восточной Европе для устранения «советской сферы влияния». В этой связи, по архивным данным разведки, в апреле 1953 года советник дипломатической миссии США в Венгрии Аббат в документе «Американская политика в целях освобождения Венгрии» писал в госдепартамент: «Каким образом Венгрия может быть свободной? а) Посредством свержения существующего строя с помощью внутренней революции; б) путем отрыва настоящего правительства от Москвы; в) благодаря победе над Россией в новой мировой войне, после чего, по всей видимости, был бы осуществим пункт “а”».

Тема подрыва устоев власти в государствах Восточной Европы и в самом Советском Союзе была перманентной в работе руководящих органов НАТО. Особое внимание было уделено развертыванию против стран социализма «психологической войны», в которой ведущую роль играли западные спецслужбы. В 1951 году президент Трумэн утверждает орган руководства ею – Управление психологической стра-

тегии. Соответствующий координационный орган был создан в штаб-квартире Североатлантического блока. Позднее журнал «Ньюсуик» в номере от 26 января 1953 года отметил, что «правительство Эйзенхауэра намеревается при проведении более активной холодной войны против Советов делать больший упор на подрывную деятельность и саботаж».

Одним из основных направлений холодной войны было свертывание Западом экономических отношений с СССР и государствами Восточной Европы, с тем чтобы затормозить их экономическое развитие, законсервировать отставание от Запада. По сведениям советской разведки, Соединенные Штаты оказывали постоянный нажим на западноевропейские страны, стремясь ограничить их экономические связи с СССР и его союзниками. Этот нажим осуществлялся, в частности, через КОКОМ[2], который не только препятствовал расширению торговли Западной Европы с соцстранами, но и в ряде случаев принуждал к аннулированию уже заключенных сделок. Согласно американским данным, в 1948–1953 годах поставки из СССР в США были сокращены в стоимостном выражении более чем в 8 раз. Соответственно упал экспорт США в СССР: уже в 1946 году он сократился в 2,5 раза[3].

Что касается «плана Маршалла», по которому западноевропейским странам США за четыре года предоставили 16 млрд долларов, то внешняя разведка своевременно получила информацию о секретных переговорах госсекретаря США Маршалла и его заместителя Клейтона с министрами иностранных дел Англии и Франции. Речь на них шла об экономической интеграции западноевропейских стран и создании экономических объединений. При этом США рассчитывали, что в случае согласия Советского Союза с таким порядком предоставления помощи западные страны получат возможность навязывать ему свою волю и распространят свое влияние на страны Восточной Европы.

Советский Союз высказывался за предоставление помощи только на основе двусторонних договоренностей. Он возражал против поспешного возрождения германского экономического потенциала до выполнения Германией требований Потсдамской конференции о денацификации, демилитаризации и демократизации страны как гарантии от возрождения германского милитаризма. Впрочем, Запад и не очень рассчитывал на то, что Советский Союз попадет в расставленную для него ловушку. По словам госсекретаря США Ачесона, американцы заранее предвидели, что их «узкие политические цели политики помощи» не будут приемлемыми для социалистических стран.

История принятия «плана Маршалла» – еще одно свидетельство того, на ком в действительности лежит ответственность за углубление холодной войны.

Как показывает разведывательная информация, организаторы «психологической войны» и другой подрывной работы в своих внутренних документах были достаточно откровенны. Это позже, после публичных разоблачений их враждебной деятельности со стороны СССР и его союзников, зачастую с использованием добытых разведкой западных документов, они начали применять эзопов язык или прикрывать свои устремления аргументами гуманитарного свойства. Так, например, в одной из первых инструкций радиостанции «Свободная Европа» предлагалось: «...Используйте прием натравливания одного народа на другой, одной группы населения на другую... Никогда не упоминайте о тех фактах, которые могут нанести ущерб вашему делу... Заимствуйте основные пропагандистские идеи и аргументы у вашего противника и используйте их против него самого». Сессия Совета НАТО в конце 1952 года рекомендовала совместным органам блока и отдельным странам-участницам «по-настоящему пропагандировать антисемитизм в странах Восточной Европы (с учетом возможной негативной реакции в западных кругах)».

Конечно, в развернувшейся борьбе оценки и выводы разведки охватывали далеко не все аспекты внутриполитической обстановки в той или иной стране Восточной Европы. Для понимания сложности того периода заслуживает внимания точка зрения бывшего начальника разведки ГДР Маркуса Вольфа о том, что «толкование конфликтов в странах Восточной Европы, как спровоцированных извне «контрреволюцией», так и официально представленных на Западе как «народное восстание», является упрощением, препятствующим уяснению сложных и противоречивых процессов. При этом фактом остается то, что активное вмешательство западных организаций всегда имело место. Западные спецслужбы вели свою деятельность, не считаясь с принципом неприкосновенности границ, и активно вмешивались[4].

Но так или иначе, из полученных советской разведкой материалов следовало, что США и Англия взяли курс на создание такой структуры международных отношений, в которой их сила обеспечивала бы им главенствующее положение в мире, а СССР отводилась лишь второстепенная, подчиненная роль. Столкновение интересов бывших союзников было неизбежным, и разведкам всех стран предстояло сыграть в нем не последнюю роль.

В 1946 году задачи по освещению планов и деятельности США были поставлены перед всеми без исключения резидентурами. Им предстояло много работы: требовалась достоверная информация о планах перевооружения США и Англии, создания НАТО и других военно-политических блоков, о вопросах урегулирования германской проблемы, о будущем стран Восточной Европы, об отношении Запада к событиям в Индии, КНР и Корее. Тематика холодной войны быстро заняла центральное место в деятельности советской разведки.

В 1950 году в ее документах впервые по отношению к США был употреблен термин «главный противник».

Такова была картина, которая складывалась из сведений, полученных советской разведкой в начальный период холодной войны, но затем последовали события, которые привели к еще большей международной напряженности. За берлинскими кризисами, Корейской войной, вторжением во Вьетнам французских, а потом и американских вооруженных сил последовал распад колониальной системы, когда противостояние Запада и Востока перенеслось в «третий мир», в бывшие колонии Азии и Африки. А потом это противостояние развернулось у берегов США, в Карибском бассейне, когда упорное стремление США вернуть Кубу в подчиненное состояние и шаги советского руководства по ввозу ракетного оружия на остров с целью противовеса американской угрозе породили беспрецедентную напряженность, грозившую перерасти в ядерную войну.

---

[1] **Kennan G.** America and the Russian Future // Foreign Affairs. – XXIX. – 1951. – April. – № 3. – P. 351–370.

[2] Страны НАТО, кроме Исландии, и Япония создали Комитет по контролю за экспортом в социалистические страны в 1949 году.

[3] В 1965 году промышленная продукция стран социализма превысила довоенный уровень примерно в 9,7 раза. В 1950–1970 годах объем промышленного производства стран – членов СЭВ увеличился в 6,8 раза, а США и Западной Европы – в 2,8 раза. Причем в межвоенный период отставание Восточной Европы от Западной Европы (после сокращения разрыва в 1890–1914 гг.) усилилось, особенно Польши и Венгрии.

[4] **Вольф М.** По собственному заданию. – М., 1992. – С. 98–100.

2

Разведка раскрывает планы США по использованию ядерного оружия

В наше время прежде широко известное наименование «Манхэттенский проект» все реже встречается в военной периодике. А между тем этот проект стал источником произошедшего в 1945 году события, перед которым меркнут самые тяжкие потрясения и бедствия человечества. В победном 1945 году Соединенные Штаты Америки создали ядерное оружие: 16 июля в США была испытана первая в мире атомная бомба. Желая показать всему миру силу своей военной машины, США приняли решение применить новое оружие в Японии. 6 и 9 августа атомные бомбы были взорваны над японскими городами Хиросима и Нагасаки. А затем США приступили к интенсивной подготовке средств массового поражения.

Так открылась новая эра в мировой истории – атомная. Одним из ее апокалиптических признаков явилось создание громадных ядерных арсеналов, сотой доли которых было достаточно для уничтожения планеты. А все началось в небольшом американском городке Лос-Аламос. И вот парадокс: один из создателей атомной бомбы, научный руководитель проекта Роберт Оппенгеймер, потрясенный результатами применения своего детища, был убежден, что человечество проклянет само название «Лос-Аламос».

Добывание информации о создании на Западе ядерного оружия, а затем о планах его использования являлось одной из самых приоритетных задач внешней разведки России. Выполнение этой задачи началось еще до начала Великой Отечественной войны.

С середины 1943 года внешняя разведка СССР сосредоточила большие усилия на получении конкретных сведений о создании ядерной бомбы в США. Это объяснялось, помимо прочего, тем, что в Германии, по имевшимся достоверным данным, теоретические исследования немецких ученых в ядерной области зашли в тупик, и научные разработки переместились в США и Англию. Приоритетным же направлением в области германских вооружений стали работы по со-

зданию «самолетов-снарядов» (так называемого «оружия возмездия»), предназначавшихся для бомбардировок британских островов, где, по данным немецкой разведки, началось сосредоточение англо-американских вооруженных сил для вторжения на континент. Главной задачей научно-технического отдела нашей разведки стало отслеживание работ, ведущихся в рамках Манхэттенского проекта.

«Генеральная задача Манхэттенского проекта, – отмечал его руководитель генерал Лесли Гровс, – была двоякой: во-первых, создать оружие, способное обеспечить нашу победу в войне, и, во-вторых, сделать это раньше наших противников. Чтобы справиться с этими задачами, мы должны были работать ускоренными темпами...» И такие темпы реализации Манхэттенского проекта не только выдерживались, но и превратились в опасную спешку, хотя необходимости в этом, исходя из стратегической ситуации, сложившейся к середине 1943 года (особенно после поражения немцев на Курской дуге), уже не было.

Манхэттенский проект представлял собой обособленную организацию, включавшую несколько строго засекреченных и изолированных друг от друга объектов, подчиненных генералу Л. Гровсу, который был подотчетен только военному министру, а через него – президенту США. Главным объектом проекта была научно-исследовательская лаборатория в Лос-Аламосе, где разрабатывались конструкция и технология атомной бомбы (численность личного состава лаборатории с обслуживающим персоналом составляла 45 тысяч человек).

В составе Манхэттенского проекта была сформирована Служба безопасности, которая действовала независимо от ФБР и военной контрразведки, также опекавших главные объекты. Соблюдение конспирации осуществлялось с особой тщательностью. Все сотрудники, имевшие отношение к проекту, проверялись «до третьего колена», за ними был установлен контроль, как говорится, по полной программе: анкетирование, наблюдение, цензура, прослушивание телефонных переговоров и т.п. К ведущим специалистам были приставлены личные охранники, сопровождавшие их повсюду. Главной особо оберегаемой тайной являлась конечная цель проекта. Из 150 тысяч сотрудников, занятых в Манхэттенском проекте, только 10–15 человек были в курсе задач и всего объема работ. Переписка между объектами была сведена к минимуму и тщательно кодировалась. Вот, например, текст телеграммы о пуске в Чикаго ядерного реактора 2 декабря 1942 года, адресованной генералу Гровсу: «Итальянский мореплаватель благополучно высадился в Новом свете. Туземцы настроены дружелюбно». Итальянский мореплаватель – это создатель реактора Энрико Ферми (он – итальянец), туземцы – комиссия по проверке и оценке работы реактора.

Манхэттенский проект оставался секретом в том числе и для руководящего состава администрации США. Даже госдепартамент до

начала Ялтинской конференции 1945 года ничего не знал о проекте, а вице-президент Г. Трумэн был полностью проинформирован о нем только после смерти президента Ф. Рузвельта. В беседах с окружением генерал Гровс не раз с гордостью подчеркивал, что ему удалось создать непроницаемую завесу, сохранившую секреты Манхэттенского проекта. Однако для советской разведки эта «завеса» оказалась не такой уж непроницаемой.

При оценке Манхэттенского проекта нельзя не сказать об условиях его реализации, которые оказались исключительно благоприятными для Соединенных Штатов. В западной военной периодике подчеркивается, что программа создания сверхоружия, осуществленная, к тому же, в ходе войны, была под силу только такому государству, как США, располагавшему мощным научно-техническим потенциалом, колоссальным ВПК, огромными запасами промышленных и материальных ресурсов, развитой инфраструктурой, почти неограниченными финансовыми возможностями (общие затраты на реализацию Манхэттенского проекта оцениваются в пределах 2–4 млрд долларов, сумма по тому времени огромная) и, конечно же, известной американской деловитостью. Все это так. Однако ко всем этим факторам необходимо добавить еще два, значение которых в реализации проекта, судя по всему, можно считать решающим.

Итак, фактор первый: теоретическое, научно-исследовательское обеспечение Манхэттенского проекта. В этом отношении Соединенным Штатам крупно повезло: на их территории в конце 1930-х годов оказалось немало виднейших ученых в области ядерной физики, бежавших от преследований фашистских режимов в Европе. Среди них были такие звезды первой величины, как Альберт Эйнштейн – автор теории относительности; Лео Сциллард, обосновавший возможность цепной ядерной реакции; Нильс Бор – крупнейший теоретик в области ядерных исследований; Энрико Ферми – создатель ядерного реактора, и ряд других ученых, в том числе талантливый немецкий физик Клаус Фукс, внесший большой вклад в успех Манхэттенского проекта. Одних только лауреатов Нобелевской премии, занятых в реализации проекта, насчитывалось 12 человек.

Фактор второй: Манхэттенский проект осуществлялся в условиях стабильной, спокойной стратегической ситуации. В самом деле, территория США не подвергалась ни воздушным бомбардировкам, ни ударам с моря, ни вторжению вражеских войск. От всего этого Америка была прикрыта двумя океанами. Американцы не испытывали голода, лишений, они не знали, что такое массовая эвакуация людей и промышленных предприятий. Все американские заводы, фабрики, транспорт, связь, энергетика, учебные заведения функционировали в нормальном режиме, обслуживая объекты Манхэттенского проекта, заказы которых по решению правительства считались первоочередными.

Таким образом, совокупность упомянутых факторов позволила Соединенным Штатам успешно завершить реализацию Манхэттенского проекта. 16 июля 1945 года ранним утром на полигоне Аламогордо (штат Нью-Мексико) был осуществлен взрыв первой в мире атомной бомбы, установленной на специальной башне высотой 33 метра. «Успех испытания, – писал генерал Гровс в докладной записке военному министру Стимсону, – превзошел самые оптимистические прогнозы...» Мощность бомбы оценивалась «как эквивалентная энергии взрыва 15–20 тыс. тонн тринитротолуола... Однако наша основная цель еще не достигнута, только проверка бомбы в боевых условиях может решить исход войны с Японией».

В целом, оценивая успех реализации Манхэттенского проекта, следует подчеркнуть, что при всех указанных благоприятных условиях американцам потребовалось четыре года для создания атомной бомбы. В Советском Союзе эта задача была решена практически в такие же сроки, но в условиях подорванной войной экономики, ограниченности научно-технической базы, нехватки людских ресурсов и материальных средств. Это произошло прежде всего в результате самоотверженного труда многих тысяч ученых, конструкторов, инженеров, рабочих. Но при всем этом нельзя не сказать о том, что советская разведка сумела решить неимоверно трудную задачу, добыв материалы, позволившие проникнуть в секреты Манхэттенского проекта, включая его святая святых – лаборатории в Лос-Аламосе, а также в Великобритании, где тоже велись научно-технические исследования в интересах Манхэттенского проекта.

В послевоенное время атомное направление стало ведущим в обеспечении безопасности страны. После Хиросимы И.В. Сталин вызвал в Кремль руководителей работ по созданию атомной бомбы И.В. Курчатова и Б.Л. Ванникова, обратившись к ним, по их свидетельству, с требованием дать атомное оружие как можно скорее. Сталин отметил, что использование Соединенными Штатами атомного оружия в Японии нарушило равновесие.

Первая советская атомная бомба, созданная по образцу взорванной в Аламогордо американской бомбы, была успешно испытана 29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне. Тем не менее, как отмечали академики Ю.Б. Харитон и Ю.Н. Смирнов, еще в 1948 году была начата экспериментальная отработка оригинальной российской конструкции «ядерного заряда», который был успешно испытан 24 сентября 1951 года, и его взрыв «представлял собой второе испытание атомного оружия в СССР».

В «Арзамасе-16», где создавалась российская атомная бомба, она имела обозначение РДС-1, которое расшифровывалось по-разному: «Россия делает сама», «Реактивный двигатель Сталина», «Реактивный двигатель специальный». Мощность РДС-1 была эквивалентна 22 килотоннам тринитротолуола.

В США первую советскую бомбу назвали «Джо-1», имея в виду Иосифа Сталина (Иосиф по-английски Джозеф).

Итак, Соединенные Штаты успешно завершили реализацию Манхэттенского проекта. Не менее успешной была и деятельность советской внешней разведки, обеспечившей «атомный проект» СССР достоверными научно-техническими данными об американском проекте. В освещении Манхэттенского проекта советская разведка отслеживала не только его технологический процесс, но одновременно добывала важную информацию о влиянии этого процесса на политику администрации США в отношении Советского Союза.

В течение всего периода Второй мировой войны США тщательно скрывали работы по Манхэттенскому проекту, только Англия была в курсе этих работ. Более того, в англо-американском соглашении, подписанном в Квебеке в июле 1943 года, указывалось, что атомная бомба будет «решающим фактором в послевоенном мире и даст абсолютный контроль тем, кто обладает ее секретом». Президент Ф. Рузвельт и премьер У. Черчилль обязались не передавать третьей стороне информацию о Манхэттенском проекте «без взаимного согласия». Этим же соглашением предусматривалось, что решение об использовании атомного оружия должно приниматься также по взаимному соглашению.

После Хиросимы и Нагасаки ученые, создавшие в Лос-Аламосе атомную бомбу, поняли, что они «сделали работу за дьявола». Альберт Эйнштейн говорил после войны: «Если бы я знал, что немцам не удастся создать бомбу, я бы и пальцем не пошевельнул». Возможно, это побудило великого физика перед смертью сжечь свои последние научные работы, поскольку содержавшиеся в них знания могли, по его убеждению, навредить человечеству.

После окончания Второй мировой войны задачи внешней разведки СССР в атомной области намного расширились. Наряду с продолжением добывания в США и Англии технологических сведений об атомном оружии возникла необходимость получения информации об увеличении и совершенствовании американского ядерного арсенала, а главное – о планах атомной войны США против Советского Союза. В сущности, это было уже новым, причем главенствующим направлением деятельности внешней разведки, появление которого было вызвано радикальными изменениями в политической и военной стратегии США. Основная идея этих изменений, изложенная в секретной директиве Объединенного комитета начальников штабов США № 1496/2, разработанной в сентябре 1945 года, заключалась в том, что СССР уже рассматривался не как союзник, а как враг номер один, войну с которым следует вести с помощью атомного оружия.

С этого времени во исполнение упомянутой директивы в США начались интенсивные разработки планов применения атомного ору-

жия против СССР. Масштабы этих планов расширялись по мере накопления ядерных боеприпасов и их носителей. Так, к началу 1950 года количество тяжелых бомбардировщиков увеличилось в 4 раза (с 60 до 250, а к концу 1953 года их уже насчитывалось свыше 1000). Если в начале 1946 года США располагали 30–35 атомными бомбами, то в январе 1953 года, по заключению правительственной комиссии по атомной энергии, США вступили в эпоху «атомного изобилия». Быстрое накопление ядерных боеприпасов позволило военно-политическому руководству США сделать вывод о необходимости преднамеренного форсирования начала войны с СССР в ближайшем будущем, пока русские не создали свое атомное оружие.

Планы атомной войны против СССР, разработанные Объединенным комитетом начальников США в период 1945–1959 годов, составлялись и уточнялись почти ежегодно. Изложить все эти планы, большинство из которых было своевременно раскрыто советской разведкой, в рамках одного очерка не представляется возможным. Поэтому рассмотрим некоторые из них, наиболее показательные по своим целям и масштабам.

Первый такой план, получивший кодовое наименование «Тоталити», был готов в конце 1945 года. Он был составлен с учетом атомных ударов по японским городам Хиросима и Нагасаки. В нем учитывались стратегическая уязвимость территории СССР и возможные последствия нанесения первого атомного удара с использованием 20 атомных бомб. Планом предусматривалась бомбардировка 17 городов СССР, включая Москву, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов... При этом разработчики плана исходили из того, что Советский Союз не сможет нанести по США ответный удар из-за отсутствия у него атомного оружия. Иными словами, ставка делалась на безнаказанность для США, обеспечиваемую «атомной монополией», которая использовалась администрацией Трумэна для оказания давления на СССР. Впервые такое давление было предпринято госсекретарем США Бирнсом, который на сессии Совета министров иностранных дел четырех великих держав, проходившей в сентябре 1945 года в Лондоне, заявил со зловещим юмором представителю СССР: «Если вы не откажетесь от своей позиции, я выхвачу из кармана атомную бомбу и обрушу ее на вас». Р. Оппенгеймер, которому стало известно об этой грубой выходке Бирнса, назвал ее отвратительной. Более грубое и открытое давление имело место со стороны США при решении «иранской проблемы».

И это было всего лишь через четыре месяца после Потсдамской конференции, где все ее участники – главы государств СССР, США и Великобритании дали торжественное обещание установить прочный мир во всем мире. А вместо этого появилось «ядерное устрашение» – новый термин, который с тех пор стал основой политической и воен-

ной стратегии США, а позднее был взят на вооружение и другими ядерными державами. Но приоритет здесь принадлежит Соединенным Штатам Америки.

Разработка следующего (второго) американского плана атомной войны против СССР, получившего кодовое наименование «Пинчер» («Клещи»), была завершена в июле 1946 года. Планом предусматривалось нанесение атомных ударов по 20 крупнейшим городам СССР (в первую очередь по Москве, району Баку, Уральскому промышленному району), а также по основным группировкам советских вооруженных сил. Намечалось вторжение американских войск на территорию Советского Союза через Польшу, Балканы и Средний Восток с последующей оккупацией страны. Предполагалось, что военные действия США против СССР, включая атомные удары с использованием 50 бомб, могут состояться с середины 1946-го до середины 1947 года.

В последующих американских планах количество намечаемых атомных ударов возрастало. Так, в плане «Сиззл» («Испепеляющий удар»), разработанном к концу 1948 года, предусматривалось применение 133 атомных бомб по 70 городам СССР, включая Москву (8 бомб) и Ленинград (7 бомб). В целом следует подчеркнуть, что направленность и принципы американского ядерного планирования в этот период сохраняли в своей основе идею «атомной монополии» и «атомного изобилия».

В конце августа 1949 года, однако, произошло событие, которое вызвало подлинную сумятицу в умах военно-политического руководства США, породило растерянность и затем существенные корректировки в ядерном планировании. Этим событием стало испытание в СССР атомной бомбы на 5–7 лет раньше самых смелых американских прогнозов. Когда президенту Трумэну доложили проверенные данные о том, что «Советский Союз располагает собственной атомной бомбой», он отреагировал на это сообщение вопросом: «Что же нам теперь делать?». И первое, что он сделал, это отправил в отставку директора ЦРУ адмирала Генри Хилленкойтера, утверждавшего, что атомная бомба появится в России скорее всего в 1953 году. Между тем «политический генштаб» американского президента требовал принятия экстренных мер. Теперь уже речь шла о «тотальной войне» против СССР с нанесением ударов прежде всего по его атомным объектам.

К началу 1950 года Объединенный комитет начальников штабов США подготовил новый широкомасштабный план ведения атомной войны против СССР, которому было дано условное наименование «Дропшот» («Моментальный удар»). Главная стратегическая цель плана «Дропшот» заключалась в ликвидации Советского Союза как государства (!). План включал четыре этапа.

Первый – бомбардировка 200 советских городов с применением 300 атомных бомб и обычных боевых средств с общей целью уничто-

жения не менее 85% экономического потенциала, основных группировок вооруженных сил, баз снабжения и главных административных центров Советского Союза. Продолжительность первого этапа должна была составить шесть месяцев.

Второй этап предусматривал развертывание войск США и их союзников (свыше 160 дивизий) для наступательных действий против стран Восточной Европы и СССР.

Третий этап – ведение боевых действий на территории СССР с целью разгрома его вооруженных сил и лишения возможности активного сопротивления.

Четвертый этап – завершение военных действий, ликвидация существующего в СССР общественно-политического строя и оккупация его территории.

Таким образом, план «Дропшот» по своим целям, масштабам и боевым средствам поражения (атомные бомбы) намного превосходил известный германский план «Барбаросса». «Дропшот», несмотря на его детальную проработку, постоянно уточнялся и корректировался, причем количество планируемых атомных ударов даже уменьшалось. Так, в очередном уточненном варианте, каковым фактически был новый план «Шейкдаун» («Встряска»), подготовленном в середине 1950 года, предусматривалось нанесение атомных ударов по 104 городам СССР с применением «всего» 220 атомных бомб. Вопрос стоял только в определении оптимальных сроков реализации этого нового плана. В связи с этим в Пентагоне было подсчитано, что к середине 50-х годов СССР будет уже иметь достаточное количество атомных бомб, чтобы нанести «небольшой, но все же довольно ощутимый ответный удар по США». Исходя из этого, американские планировщики атомной войны определили так называемый «день А» – последнюю благоприятную для США возможность безнаказанного (т.е. без опасения ответных действий) нанесения атомных ударов по Советскому Союзу. Согласно их расчетам, «день А» приходился на 1954 год. С учетом этого в директиве Совета национальной безопасности СНБ-68 указывалось: «Военные преимущества при нанесении удара первыми требуют от нас быть в постоянной готовности, чтобы обрушить на противника всю нашу мощь, по возможности до того, как удар со стороны Советского Союза станет свершившимся фактом. На начальной фазе атомной войны преимущество инициативы и внезапности будет чрезвычайно велико».

Известно, что составление сценариев, по которым могут развиваться военные действия, является достаточно обычной практикой для военных. Но здесь имели место не сценарии, а именно планы внезапного нападения на СССР, причем с конкретными сроками начала войны.

Конечно, план «Дропшот» представлял серьезную угрозу для СССР, однако это не было неожиданностью для руководства Совет-

ского Союза: советская внешняя разведка сумела своевременно добыть копию «Дропшота», а также получить достоверную информацию об американских расчетах «дня А», что позволяло руководству страны принимать соответствующие меры для нейтрализации атомной угрозы.

Итак, план «Дропшот» и его последующие варианты явились завершением первого периода планирования Соединенными Штатами атомной войны против СССР. Характерными признаками этого периода являлись такие факторы, как «атомная монополия» и «атомное изобилие» США, обеспечивавшие им безнаказанность нанесения атомных ударов по Советскому Союзу. При изучении этого периода возникает закономерный вопрос: почему во второй половине 40 – начале 50-х годов Соединенные Штаты при наличии упомянутых факторов все же не решились на превентивную атомную атаку против СССР?

В политическом и стратегическом аспектах такую сдержанность руководства США можно объяснить влиянием тех здравомыслящих американских аналитиков, которые реально оценивали стратегическую ситуацию, сложившуюся в то время в Европе. Анализ этой ситуации на основе имевшихся в упомянутый период разведывательных данных показывает, что основными сдерживающими аргументами американских аналитиков были следующие:

– после окончания войны группировка советских войск в Европе не имела себе равных по численности, оснащенности, боевому опыту и эффективности управления. В случае возобновления военных действий эта группировка, втрое превосходившая по боевому составу группировку войск западных союзников, могла в считанные недели сломить сопротивление англо-американских войск, выйти к Ла-Маншу и Средиземноморью, закрыть доступ США и их союзникам к нефтяным ресурсам Ближнего и Среднего Востока. Такие оперативные возможности советских войск у американских аналитиков сомнений не вызывали. Они хорошо помнили тяжелое положение союзных войск, которые не смогли отразить контрудар немцев в Арденнах в декабре 1944 года. И только быстрое наступление советских фронтов, начатое по отчаянной просьбе союзников, позволило стабилизировать обстановку на западном фронте (в связи с этим следует отметить, что генерал Д. Эйзенхауэр и фельдмаршал Б. Монтгомери на своей секретной встрече, состоявшейся в сентябре 1945 года, пришли к выводу, что если бы Красная Армия предприняла в Европе наступление, то западные союзники были бы не в силах ему противостоять);

– применение против наступающих советских войск атомного оружия было бы чревато многими «европейскими хиросимами» и неминуемыми большими потерями американских войск (даже от соб-

ственных атомных бомб), что, несомненно, вызвало бы бурю негодования в США с непредсказуемыми последствиями;

– заключение в феврале 1950 года советско-китайского военно-политического союза означало, что в случае войны против СССР Соединенным Штатам пришлось бы воевать и с Китаем.

Однако ближе к середине 50-х годов сдерживающее влияние реалистичных американских аналитиков заметно ослабло. Высшее военное руководство США в очередной раз активизировало деятельность по подготовке превентивной атомной войны против СССР. Из резидентур советской внешней разведки поступали тревожные донесения, в которых сообщались секретные сведения в области ядерного планирования и производства ядерных средств в Соединенных Штатах. Так, разведке стало известно содержание совершенно секретного доклада начальника штаба ВВС США генерала Туайнинга «Приближающийся национальный кризис», в котором, в частности, подчеркивалось, что в случае дальнейшего промедления «превентивная война против СССР обернется для США небольшим, но эффективным ответным ударом по американской территории». Не остался тайной для нашей разведки и «Основной план войны», разработанный в 1954 году Стратегическим авиационным командованием (САК) ВВС США. Согласно этому плану, главная цель войны заключалась в том, чтобы «уничтожить нацию», то есть Советский Союз. В плане предусматривалось нанесение упреждающих ударов с воздуха по более чем 2100 важнейшим промышленным и военным объектам СССР с применением 600–750 атомных бомб. Командующий САК генерал К. Лимэй считал, что это будет началом третьей мировой войны, продолжительность которой составит не более 30 суток, после чего от России останутся лишь «дымящиеся радиоактивные руины».

В рассматриваемый период военно-промышленный комплекс США непрерывно поставлял в вооруженные силы страны новые виды вооружений и военной техники. Поэтому советская внешняя разведка в этот период предпринимала активные усилия для добывания информации о производстве новейших типов оружия, особенно ядерных средств и их носителей. В частности, были получены достоверные данные об оснащении ВВС США стратегическими бомбардировщиками B-52, способными нести четыре атомные бомбы (предыдущие типы бомбардировщиков могли нести только одну атомную бомбу). В 50-х годах, по разведывательным данным, в стратегической авиации США насчитывалось свыше 1850 бомбардировщиков B-52 и B-47, базировавшихся на 65 авиабазах, в том числе на 25, расположенных на территории стран, граничащих с СССР. В 1955 году США провели успешное испытание первой американской баллистической ракеты с дальностью 3200 километров, в 1958–1962 годах в Турции и Италии были развернуты 45 пусковых установок ракет «Юпитер»,

а в Англии – 60 пусковых установок ракет «Тор». Таким образом, западная часть территории СССР оказалась в пределах досягаемости американских ракет средней дальности. И наконец, как сообщалось в разведывательных донесениях, в США в середине 50-х годов было развернуто строительство принципиально нового вида стратегических ядерных средств – атомных подводных лодок, оснащенных баллистическими ракетами.

В конце 1949 года резидентура внешней разведки в Лондоне добыла ценные документальные материалы о создании в США нового, намного более мощного вида атомного оружия – термоядерного. В частности, были получены принципиальная схема водородной бомбы, ее теоретические расчеты и основные параметры конструкции. Позднее, в 1952–1954 годах, из лондонской резидентуры поступили подробные сведения о результатах испытаний американских водородных бомб на Маршалловых островах, где США осуществили 67 термоядерных взрывов общей мощностью 108 мегатонн (что эквивалентно взрывам примерно 7200 «хиросимских бомб»).

Но вот в 1957 году снова произошли «чрезвычайные события», вызвавшие очередную панику среди военно-политического руководства США: в августе в Советском Союзе было проведено успешное испытание межконтинентальной (!) баллистической ракеты, а 4 октября был осуществлен вывод на околоземную орбиту искусственного спутника Земли. Американские военные вновь стали призывать президента начать превентивную атомную войну против СССР, «пока США обладают превосходством». Однако президент Д. Эйзенхауэр так ответил на эти призывы: «Мы не пойдем на такой вид войны. У нас недостаточно бульдозеров, чтобы очистить улицы от трупов». И снова идея превентивной атомной войны против СССР оказалась в архивах ядерного планирования. Но, увы, ненадолго...

В начале 1960 года внешней разведке стало известно о разработках в США ядерных боеприпасов малой и сверхмалой мощности (до 1 килотонны), имеющих оперативно-тактическое и диверсионное назначение. В частности, были добыты тактико-технические данные так называемых «ранцевых атомных фугасов» мощностью 0,1–0,2 килотонны, предназначавшихся для уничтожения важных стратегических объектов в тылу противника, куда эти фугасы должны были доставляться созданными для этой цели диверсионными подразделениями. Что же касается оперативно-тактического использования ядерных боеприпасов малой мощности, то можно отметить, что взрыв одного такого устройства мощностью в 1 килотонну превышает поражающую эффективность одновременного залпа всех штатных огневых средств дивизии.

В 1959 году советская внешняя разведка добыла в США совершенно секретный перечень нескольких тысяч целей, подлежащих

«немедленному уничтожению» ядерным оружием «в первые часы с момента начала вооруженного конфликта». Анализ этого документа показал, что он является частью нового общего плана ядерной войны против СССР и Китая. Появление такого плана (который нашей разведке через некоторое время также удалось добыть) было вызвано кардинальными изменениями в стратегическом планировании Объединенного комитета начальников штабов США. Сущность этих изменений сводилась к следующему. К концу 50-х годов качественное развитие и количественное наращивание ядерных средств в США обусловили переход к централизованному ядерному планированию, для чего был создан Объединенный штаб планирования стратегических целей с подчинением его Объединенному комитету начальников штабов. Основными функциями Объединенного штаба являлись: определение объектов, подлежащих уничтожению ядерным оружием («ядерные цели»), разработка отдельных планов ядерных операций и ядерной войны в целом.

В декабре 1960 года был составлен первый общий план ядерной войны, получивший наименование «Единый комплексный оперативный план» («Single Integrated Operation Plan», SIOP) – СИОП, в основе которого, как и в плане «Дропшот», сохранялась стратегия «массированного возмездия». Эта стратегия предусматривала ведение против СССР, других стран Организации Варшавского договора и Китая всеобщей ядерной войны, которая начиналась бы с неограниченного применения всего арсенала американских ядерных средств, обеспечивающих «гарантированное уничтожение» экономического и военного потенциалов противника. Так, планом СИОП-1 намечалось нанесение ядерных ударов по Советскому Союзу и Китаю с применением 3,5 тысячи ядерных боеприпасов общей мощностью 780 мегатонн. По подсчетам американских специалистов, в результате этих ударов в СССР и КНР могло быть уничтожено до 280 млн человек. В последующие планы СИОП вносились изменения и уточнения, отражавшие в основном новые стратегические концепции США и увеличение числа «ядерных целей». Так, в СИОП-2 (1961 г.) таких целей насчитывалось 6 тысяч, в СИОП-3 (1967 г.) – 10 тысяч, в СИОП-4 (1971 г.) – 16 тысяч, в СИОП-5 – 25 тысяч. Особо следует отметить СИОП-3, в котором с учетом Карибского кризиса предусматривалось, что первым («разоружающим») ядерным ударом должны быть уничтожены стратегические ядерные силы СССР, 25–30% его населения и 60% промышленного потенциала. Это, согласно плану, считалось причинением противнику «неприемлемого ущерба», а главное – лишало бы его возможности наносить ответные ядерные удары.

Итак, планы СИОП явились принципиально новым этапом ядерного планирования в США. Основными характеристиками этого эта-

па были: централизованное планирование ядерных операций и ядерной войны; появление новых типов ядерных средств и их носителей, образовавших впоследствии известную «триаду стратегических ядерных сил» США; гипотетическая проверка концепции ядерной войны путем проведения стратегических командно-штабных учений. Этот новый этап ядерного планирования в США, естественно, вынудил советское руководство поставить новые задачи перед внешней разведкой СССР.

3

На границе двух эпох (1945—1950 гг.)

На заключительном этапе Великой Отечественной войны территория стран Центральной и Восточной Европы стала зоной активных боевых действий. Советская внешняя разведка осуществляла в этих регионах интенсивную агентурно-оперативную деятельность, необходимую для приближения разгрома гитлеровской Германии, ее союзников и пособников.

После Победы советским разведчикам пришлось решать не менее ответственные задачи в связи со сложными и противоречивыми социально-политическими процессами в восточноевропейских странах, освобожденных из-под власти гитлеровской Германии и режимов, бывших на ее стороне.

Нашей разведке было поручено противодействовать конкретным акциям недавних союзников СССР по антигитлеровской коалиции, стремившихся создать в Восточной Европе и на Балканах выгодную для себя ситуацию, не отвечающую государственным интересам Советского Союза. В архиве СВР России нет недостатка в доказательствах того, что американские и английские спецслужбы всячески препятствовали приходу к власти в государствах упомянутых регионов тех общественно-политических сил, которые ориентировались на сотрудничество с СССР. Не жалели они ни сил, ни средств для подрыва симпатий народов этих стран к их восточному соседу. Разведки США и Англии активно содействовали тому, чтобы склонить влиятельных представителей правительственных, политических и общественных кругов стран Восточной Европы к принятию решения о присоединении к «плану Маршалла» и к разрыву с Советским Союзом. При этом внедрялся тезис о том, что «США ни при каких обстоятельствах не пойдут на оказание экономической помощи Советскому Союзу, так как их стратегическая цель состоит в том, чтобы довести Советы до экономического краха и тем самым доказать несостоятель-

ность коммунизма и неспособность самостоятельно решать хозяйственные проблемы». Если учесть, что основная внутриполитическая борьба велась в тот период как раз по вопросу о выборе стратегического пути дальнейшего государственного развития, то ясно, что усилия разведок бывших союзников осознанно содействовали расколу послевоенного мира.

Принципиально новым направлением работы советских разведчиков стало оказание помощи нарождавшимся органам государственной безопасности стран народной демократии. В частности, им передавались важные в политическом и оперативном отношениях материалы, подготовленные на основе служебной документации Главного управления имперской безопасности Германии. Речь шла прежде всего о деятельности немецких спецслужб и их агентуры на территории восточноевропейских стран. Советские разведчики делились со своими новыми коллегами также информацией о работе американской, английской и французской разведок. Эти контакты помогали друзьям налаживать эффективную работу по проблемам, затрагивавшим их интересы.

Когда становление народной власти в странах Центральной и Восточной Европы в основном завершилось, Политбюро ЦК Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Министров СССР сочли возможным и желательным прекращение там разведывательной деятельности. Соответствующая директива руководства внешней разведки была направлена 30 июля 1949 года в зарубежные аппараты в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии. В ней подчеркивалась необходимость поблагодарить негласных помощников за оказанные услуги и в благожелательной форме разъяснить, что отныне отношения между Советским Союзом и странами народной демократии будут строиться на основе доверия и сотрудничества, которые исключают ведение друг против друга разведывательной деятельности.

Надо признать, что это решение было воспринято многими нашими негласными помощниками неоднозначно. С большинством агентов и доверительных связей отношения сравнительно безболезненно были переведены в открытые товарищеские и даже дружественные. Эта часть граждан стран народной демократии теперь уже на официальной основе в меру своих сил, возможностей и служебного положения продолжала содействовать расширению и укреплению отношений и дружбы с Советским Союзом. Но немало было и тех, кто считал, что прекращение советской стороной работы с ними на конспиративной основе является преждевременным, во многом продиктовано эмоциональным политическим подходом к проблемам стратегического характера. При этом они указывали на те «подводные течения и рифы, на которые в скором времени может натолкнуться дело строи-

тельства социализма в странах народной демократии». Достаточно распространенной эта точка зрения была среди лиц, сотрудничавших с нашей разведкой на строго идеологической основе, в Венгрии, Югославии и Польше. Они убеждали оперативных работников, что «в наших странах еще очень много работы для советской разведки».

Когда это деликатное прощание с агентурой было в основном завершено, руководство СССР поставило точку в данном вопросе по дипломатическим каналам. В соответствии с поручением Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Министров Союза ССР от 13 апреля 1950 года советские послы в Будапеште, Бухаресте, Варшаве, Праге, Софии и Тиране официально известили первых лиц соответствующих стран о том, что деятельность советской внешней разведки в Центральной и Восточной Европе полностью прекращена. При этом было подчеркнуто, что «такое решение принято, исходя из единства политических целей и задач, а также взаимного доверия между СССР и странами народной демократии». Одновременно советская сторона высказалась за установление сотрудничества между внешними разведками на двусторонней и многосторонней основах.

Внимательный читатель, конечно, заметит, что в приведенном выше списке стран отсутствуют Германская Демократическая Республика и Югославия. О специфике отношений с ними в этой деликатной сфере речь пойдет в наших очерках особо. А теперь расскажем об отдельных эпизодах работы советской внешней разведки в некоторых странах народной демократии в послевоенный, переломный для них период.

Болгария

В ходе успешного наступления Красной Армии на Балканах в конце 1944 года немецкие войска и пособники германских фашистов были выброшены из Болгарии. 9 сентября 1944 года там совершилась демократическая революция, и к власти пришло многопартийное правительство Отечественного фронта. Страна вступила в период серьезных внутриполитических перемен и преобразований. В связи с этим перед резидентурой советской разведки встали новые задачи. Теперь от нее требовалось всестороннее, объективное и глубокое разведывательное освещение в корне изменившейся внутренней обстановки, начавшихся после Сентябрьской революции сложных и противоречивых социальных процессов в болгарском обществе. Это остро поставило вопрос о создании нового агентурного аппарата, поскольку многие прежние негласные помощники, оказывавшие неоценимые услуги во время войны, в значительной степени утратили свои былые возможности в мирных условиях. Например, агент «Бунтарь» добывал в военные годы важную информацию о пособничестве ряда местных церковных иерархов немецким оккупантам, а также выпол-

нял рискованные обязанности связного с болгарскими партизанами. Когда народные мстители подошли к Софии, «Бунтарь» открыто присоединился к ним. С крестом в одной руке и с маузером в другой его часто видели в первых рядах атакующих: вдохновенным словом и личным примером он поднимал соотечественников на священный бой с врагами Родины.

Другой агент, «Мельник», снабжал резидентуру ценными сведениями о прогерманских интригах царского правительства. В ходе Сентябрьской революции он создал и возглавил группу антифашистов и выступил в поддержку Отечественного фронта, чем, естественно, отрезал себе выходы на свое монархически и прогермански настроенное окружение.

Многие наши помощники из буржуазно-помещичьей среды и консервативного офицерства оказались в эмиграции, и связь с ними была утеряна.

Несмотря на объективные трудности, новый агентурный аппарат был создан в сжатые сроки и к середине 1945 года резидентура не испытывала серьезных затруднений при освещении наиболее важных и актуальных проблем. Особое внимание наши разведчики уделяли сбору сведений о подрывной деятельности спецслужб и политических структур западных стран, в первую очередь США, влияние которых прослеживалось в акциях и выступлениях противников Отечественного фронта.

При содействии руководства Болгарской коммунистической партии, игравшей важную роль в Отечественном фронте, резидентура установила контакт с Управлением государственной безопасности (УГБ) МВД Болгарии. Был налажен обмен информацией. Проводились совместные оперативные мероприятия, объектом которых являлся в основном главный противник, то есть американская разведка, которая взаимодействовала со спецслужбами других стран Запада. Можно хотя бы вкратце поведать о некоторых таких операциях.

Выборы в Народное Собрание Болгарии были намечены на 26 августа 1945 года. При морально-политической и финансовой поддержке западных стран и их разведок оппозиционная часть функционеров Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) во главе с Николой Петковым и болгарских социал-демократов Косты Лулчева в ходе предвыборной кампании добивалась изменения в свою пользу расстановки политических сил и прихода к власти прозападно настроенных деятелей. Советская разведка приложила немало усилий, чтобы помочь Отечественному фронту сорвать провокации реакционных группировок, действиями которых дирижировали англо-американцы. Когда же их усилия оказались тщетными, они попытались сорвать проведение выборов, но преуспели лишь в их переносе на 18 ноября. И все равно это им не помогло: за Отечественный фронт отдали голоса 88,18% избирателей. Затем сформированное Фронтом

правительство подготовило и провело 8 сентября 1946 года всенародный референдум по вопросу о ликвидации монархии и объявлении Болгарии демократической республикой. За изменение государственного строя высказалось 92,7% населения. Эту убедительную победу вместе с подавляющим большинством болгар праздновали и советские разведчики, сумевшие в силу своих оперативных возможностей эффективно переиграть в напряженной «войне умов» главного противника.

Существенный вклад внесла софийская резидентура в разоблачение планов США и Англии по отторжению от Болгарии ряда районов и передаче их в состав Греции, Турции и Югославии. На основе разведывательной информации делегация СССР на Парижской мирной конференции 10 февраля 1947 года заняла твердую позицию и добилась при подписании мирного договора с Болгарией сохранения ее территориальной целостности в границах на 1 января 1941 года.

В 1946 году советские разведчики совместно с сотрудниками Управления государственной безопасности МВД Болгарии сорвали создание в Софии Балканского объединенного разведывательного центра западных спецслужб. Эта ответственная миссия была поручена западными союзниками английскому полковнику Бейли, действовавшему под прикрытием офицера Союзной контрольной комиссии по Болгарии. Когда он завершил подготовительную работу, проходившую под неусыпным наблюдением нашей разведки и болгарских друзей, и ожидал прибытия выделенных под его начало американских и английских разведчиков, началось осуществление серии оперативных мероприятий, направленных, по словам Г.М. Димитрова, на «разорение этого змеиного гнезда». Ими руководили с болгарской стороны начальник УГБ МВД Болгарии Христозов, с советской – резидент Г.П. Шнюков.

Каждое воскресенье Бейли выезжал «для отдыха» на гору Витошу, у подножия которой раскинулась София. Он катался там на лыжах, обедал в ресторане, гулял, встречался со своими знакомыми, среди которых прятал часть своих оперативно значимых связей. В очередной приезд Бейли обнаружил свою любимую лыжню занятой группой молодых болгарских лыжников. Эти же самые шумливые юноши оккупировали все места в ресторане. Англичанин высокомерно потребовал от хозяина очистить его любимый столик. Когда же местные спортсмены не уступили, Бейли не сдержался и употребил «сильные выражения, задевшие национальную гордость болгар». Вспыхнувшая ссора переросла в драку. Полковнику и его адъютанту изрядно намяли бока. Вдобавок к синякам у них еще и отобрали личное оружие.

Через несколько дней болгарские автомобилисты создали на одной из дорог, по которой обычно ездил Бейли, такую ситуацию, при которой англичанину пришлось «грубо нарушить правила движе-

ния», за что он был сурово наказан представителем местной дорожной полиции. Среди членов «Юнион клуба», завсегдатаем которого был Бейли, распространился слух о том, что «этот на вид благородный английский офицер» не платит карточных долгов и в ходе игры очень напоминает опытного шулера. Вскоре одна из официанток ресторана «София» подала на Бейли в суд, обвинив его в попытке изнасилования. По этому делу нашлись свидетели, подтвердившие сексуальные домогательства англичанина (кстати сказать, поведение Бейли давало повод именно так квалифицировать показания «потерпевшей»).

Бейли был вынужден покинуть Софию, а Объединенный разведцентр союзникам пришлось развертывать в Греции.

Выше упоминалось о группе оппозиционного БЗНС во главе с Н. Петковым. Сведения резидентуры не оставляли сомнения в том, что этот политический деятель является агентом американской разведки и своей тайной деятельностью наносит немалый ущерб развитию болгаро-советских отношений. При этом он был весьма осторожен, разборчив в связях и не допускал малоизученных лиц в свое ближайшее окружение, избирательно и дозированно делился с приближенными информацией и планами. Н. Петков в то же время пользовался немалым влиянием среди сельской буржуазии и в торгово-промышленных кругах как сын одного из создателей БЗНС, являвшегося близким другом национального героя А. Стамболийского.

Для проникновения в окружение Н. Петкова резидентуре важную помощь оказал Центр, командировав в Болгарию надежного агента «Девушку» – корреспондента одной из респектабельных западных газет. Выбор на нее пал потому, что она была ранее хорошо знакома с Н. Петковым. Изучение верхушки оппозиционного БЗНС показало, что там нет единства, а сам Петков в отношениях с соратниками допускает массу ошибок. Таким образом, благодаря сведениям «Девушки» была вскрыта подноготная «опасного противника болгаро-советской дружбы». Серия специальных мероприятий позволила высвободить многих видных функционеров БЗНС из-под влияния Н. Петкова, существенно подорвать его авторитет в партийных массах и собрать материал, изобличавший его как американского наймита. Примечательно, что один из доверенных лиц Н. Петкова, завербованный резидентурой (назовем его «Грач»), с возмущением признавался: «Когда я начал внимательнее присматриваться к тому, что происходит в доме Петкова, и прислушиваться к его телефонным разговорам, когда я почитал его корреспонденцию, то быстро убедился, что он никакой не национальный герой, за которого себя выдавал, а самый обыкновенный американский шпион, выполняющий указания своих заокеанских патронов». «Грач» даже просил у нас разрешения на физическую ликвидацию этого выявленного предателя, в чем ему было

отказано. Позднее заслуженная кара постигла Н. Петкова по приговору законного суда.

Венгрия

На заключительном этапе Великой Отечественной войны и вплоть до 1950 года советская внешняя разведка и военная контрразведка вели самостоятельную агентурно-оперативную работу на территории Венгрии. К концу 1945 года по просьбе руководства Венгерской партии труда в Будапешт была направлена специальная группа сотрудников органов госбезопасности СССР для оказания содействия в формировании новых венгерских спецслужб. (Разведка и контрразведка хортистского режима занимали в отношении народной власти явно враждебную позицию и в связи с этим были распущены.) На первых порах молодые руководители венгерской разведки нередко допускали ошибки, а для их исправления прибегали к услугам советских коллег. Надо также признать, что трения в отношениях с партнерами порой возникали и из-за несогласованности в действиях между резидентурой Комитета информации (КИ) СССР и советническим аппаратом МГБ СССР. В частности, были случаи, когда по просьбе резидентуры КИ местные органы проводили оперативные мероприятия, а результаты этой работы передавали представителям МГБ СССР, и наоборот. При этом венгерские друзья оправдывались тем, что им бывало трудно найти или определить разницу между этими двумя советскими ведомствами. Тем не менее сотрудничество развивалось достаточно успешно. Оно выражалось главным образом в интенсивном обмене информацией по широкому кругу вопросов и проведении на территории Венгрии, а затем и за рубежом совместных оперативных мероприятий. Например, в 1950 году одобренный обеими сторонами перечень информационных вопросов включал такие проблемы, как подрывная деятельность американской разведки в Венгрии, вербовочная работа французов в странах народной демократии, внутриполитическая обстановка в Австрии и Турции, сотрудничество контрразведок США, Англии, Швейцарии и Голландии, политика Ватикана в Венгрии, положение в венгерской зарубежной эмиграции и т.д.

Что касается оперативной деятельности, то можно отметить совместное активное выявление среди иностранцев кадровых разведчиков недружественных СССР и Венгрии стран и их агентур. Заслуживают также упоминания совместные агентурные мероприятия против разведок США и Англии в ряде азиатских стран и даже в Новом Свете.

Несмотря на сложности, трудности и проблемы объективного и субъективного характера, к середине 1953 года в рамках Управления государственной безопасности Венгрии с нашей помощью была со-

здана собственная венгерская разведывательная служба, разработана ее нормативно-правовая база, сформированы основные подразделения центрального аппарата и налажена агентурно-оперативная работа в ряде зарубежных стран.

Румыния

Резидентура советской внешней разведки была создана в Бухаресте сразу после вывода Румынии из войны. Вначале она действовала как часть аппарата представителя СССР в Союзной контрольной комиссии, а с августа 1945 года приют ей дало под своей крышей советское посольство, начавшее функционировать после восстановления дипломатических отношений между СССР и Румынией. Ведение активной разведывательной работы в тот период было обусловлено исключительно необходимостью не допустить ущемления государственных интересов нашей страны.

Поэтому почивать на лаврах после Победы советские разведчики во всем мире, в том числе в Румынии, никак не могли. Холодная война была не нашим выбором. А первые ее признаки выявились в Румынии уже через полгода после разгрома Германии. Так, 8 ноября 1945 года, в день рождения короля Михая, монархисты и активисты так называемых исторических партий устроили в Бухаресте и ряде других городов митинги и демонстрации, переросшие в погромы народно-демократических организаций и правительственных учреждений с человеческими жертвами. По сведениям нашей разведки, этими событиями закулисно манипулировали западные спецслужбы. Их цель состояла в том, чтобы добиться свержения правительства П. Грозы, накалить антисоветские настроения и «пресечь дальнейшее развитие тенденции стратегической ориентации Румынии на Советский Союз». Вскрытие и срыв этих планов благотворно сказались на изменениях в расстановке политических сил. В мае 1946 года был образован Блок демократических партий, который в ноябре того же года одержал убедительную победу на парламентских выборах. 30 декабря 1947 года король Михай отрекся от престола, Румыния была провозглашена Народной республикой.

Радикальные политические изменения в Румынии и дальнейшее обострение холодной войны потребовали уточнения и частичного пересмотра как целей нашей разведывательной работы, так и способов их достижения. На передний план выдвинулась в качестве главной задача противодействия попыткам разведок западных стран, в первую очередь США и Англии, реставрировать в Румынии режим антисоветской направленности. В короткие сроки был создан практически новый агентурный аппарат, позволявший организовать освещение основных проблем и объектов приоритетного внимания. Многие румынские граждане-антифашисты считали своим патриотическим

долгом оказывать безвозмездную помощь советской разведке. Были среди ее негласных помощников также бывшие функционеры буржуазных партий и участники легионерского движения, которые сотрудничеством с советской разведкой пытались загладить вину за прошлое пособничество фашистам. Именно от этих лиц в начале 1948 года поступили сведения о том, что группа бойцов «железной гвардии», освобожденных из-под ареста под честное слово и обещание прекратить антиправительственную борьбу, нарушила обязательство и ведет под руководством американцев подготовку ряда серьезных подрывных акций. По указанию Центра эта информация была передана румынскому правительству, и уже по его распоряжению МВД Румынии провело операцию по ликвидации опасного подполья.

В резидентуру регулярно поступала информация, в том числе секретные документы миссий США и Англии, позволявшая составить четкое представление об идущих из Вашингтона и Лондона указаниях. К середине 1949 года румынские друзья получили от нашей разведки полные данные на 84 агента американской разведки и на 164 агента других западных спецслужб, действовавших в Румынии. Наши разведчики на деле показывали румынским коллегам свою полезность, искренность в сотрудничестве. Пока эти отношения носили не совсем официальный характер. Тем не менее руководители органов госбезопасности Румынии рассматривали советских разведчиков как опытных и авторитетных специалистов своего дела, встречи с которыми использовались не только для обмена информацией, но и для обращения за помощью в решении оперативных вопросов. Но на этот счет имелся запрет Центра – не вмешиваться во внутренние дела румынских спецслужб. В частности, однажды резидентура по просьбе румынских друзей попросила санкции Москвы на оказание содействия в реорганизации разведывательных и контрразведывательных органов Румынии. Эти предложения были тщательно изучены, на поставленные вопросы даны четкие ответы. И в то же время строго указывалось, что «нельзя навязывать румынам наше мнение ни в коем случае и ни в какой форме».

4 февраля 1948 года между Румынией и Советским Союзом был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Он не только качественно изменил отношения между обеими странами, но и послужил основой перехода к иным формам и методам деятельности советской разведки в этой стране.

Чехословакия

В мае 1944 года в рамках отдела «Смерш» при Чехословацком корпусе была создана самостоятельная оперативная группа внешнеполитической разведки, которой поручалось по мере освобождения Чехословакии от немецких захватчиков:

– установление связи и продолжение работы с агентами советской разведки, заброшенными на территорию этой страны во время войны;

– восстановление контакта с агентами, работу с которыми мы были вынуждены прекратить с началом оккупации Чехословакии германскими войсками;

– приобретение новых источников разведывательной информации.

К весне 1945 года упомянутая группа в основном решила поставленные задачи. Центр стал регулярно получать ценные сведения о политической и военно-политической обстановке в Чехословакии и о закулисной работе американской и английской разведок, которая была нацелена на подрыв позиций и авторитета Советского Союза в чехословацких общественно-политических кругах и превращение этой важной восточноевропейской страны в плацдарм для развертывания холодной войны. В частности, наши разведчики были хорошо осведомлены о деятельности нескольких резидентов английской разведки на территории Словакии, особенно в тех ее районах, которые позднее вошли в состав советской Украины.

25 мая 1945 года в Праге была воссоздана резидентура советской внешней разведки. Ее возглавил опытный разведчик Иван Андреевич Чичаев. Кроме того, в 1946 году начали функционировать специальная оперативная группа по обеспечению безопасности Яхимовского уранового рудника и подрезидентура в Братиславе по освещению и пресечению подрывных акций Организации украинских националистов, руководившей подпольем на территории Украинской ССР.

Советским разведчикам приходилось работать в сложной политической и оперативной обстановке. Наивысшего накала ситуация в Чехословакии достигла к началу 1948 года. Непрерывным потоком поступали сведения о подготовке правыми партиями переворота под кодовым названием «Правда победит». Заговорщики добились от президента Э. Бенеша решения об открытии западной границы Чехословакии, через которую хлынули поток подготовленных к часу Х мятежников, крупные партии оружия, боеприпасов и прочего снаряжения. Американцы и англичане не скупились и щедро снабжали чехословацких пособников для «решительной схватки с коммунистами за восстановление демократии в Чехословакии».

Добываемые советской внешней разведкой сведения по этим острым вопросам передавались руководству МВД Чехословакии, однако министр Носек не всегда реагировал на них адекватно. Ряд его подчиненных также предавался благодушным настроениям и вместо принятия решительных мер ограничивался порой разговорами и увещеваниями в адрес выявленных путчистов. Вот как, например, об этом вспоминает резидент советской разведки в Болгарии Г.П. Шнюков, побывавший в Чехословакии в январе–феврале 1948 года в составе

специальной оперативной группы Д.Г. Федичкина по оказанию срочной помощи чехословацким органам госбезопасности:

«На нашу достоверную информацию о том, что лидеры контрреволюционных партий и группировок беспрепятственно вылетают в американскую зону оккупации Германии для встреч с представителями военных и разведывательных органов США, Носек беспечно ответил:

– Ну и пусть себе летают. Могут вообще не возвращаться.

Когда мы выражали министру недоумение по поводу того, что некоторые его подчиненные вместо строгой изоляции задержанных с поличным путчистов подвергают их всего лишь административной высылке в провинцию сроком до двух месяцев, он отмахивался:

– Когда мы работали в подполье и попадались, полиция высылала нас в деревню и интернировала там на два-три месяца».

Надо отдать должное чехословацким коммунистам, в первую очередь К. Готвальду и генералу Л. Свободе, которые воспринимали нашу информацию со всей серьезностью и незамедлительно принимали меры. Главным образом благодаря им планировавшийся переворот был разоблачен и сорван. О размахе тайной операции, готовившейся под эгидой американской разведки, говорит хотя бы то, что в ходе ликвидации лишь одного ее вооруженного звена чехословацкими органами госбезопасности было задержано с поличным и обезврежено около 400 боевиков.

Югославия

Югославия была, пожалуй, единственной европейской страной, в которой после нападения фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года боевые действия возникших партизанских отрядов против немецких оккупантов начались уже в июле. В результате всенародного восстания и развернувшихся затем боевых действий, которыми руководили коммунисты во главе с И.Б. Тито, уже к осени 1941 года в Боснии и южной Сербии югославские партизаны контролировали обширные территории.

Первая резидентура внешней разведки СССР была создана в Югославии в марте 1944 года. Ее сотрудники были официально представлены югославам. Они вели самостоятельную разведывательную деятельность, а также выступали в роли советников при местных органах безопасности – Отделе защиты народа (ОЗНА). Наши разведывательные группы базировались в Белграде, Загребе и Любляне. Одновременно в составе советской военной миссии при штабе Движения сопротивления находился советник НКГБ СССР.

Совместная борьба против фашистов, исторические российско-югославские связи способствовали тому, что между советскими разведчиками и работниками югославских органов безопасности под-

держивались дружеские и доверительные отношения. Между нашей резидентурой и ОЗНА происходил оживленный обмен информацией по широкому кругу вопросов. Например, югославы передавали советским коллегам данные на гестаповцев и других военных преступников, бежавших из Югославии и укрывавшихся в Венгрии и Австрии; документальные материалы о немецкой и венгерской закордонной агентуре; о высших венгерских офицерах, предлагавших во время войны свои услуги американской и английской разведкам. Совместно с ОЗНА были проведены оперативные мероприятия по разгрому Организации украинских националистов, действовавшей против СССР с территории Югославии.

Со второй половины 1945 года наша резидентура полностью переключилась на разведывательное освещение действий, замыслов и планов США, Англии и других стран Запада и их разведок на Балканах. Нашим разведчикам в связи с этим разрешалась вербовка агентов из числа югославских граждан только для использования их возможностей в работе по американцам и западникам. Оставался в силе строжайший запрет на привлечение к негласному сотрудничеству работников югославского партийно-государственного аппарата, вооруженных сил и ОЗНА.

В послевоенные годы работа советской разведки по спецслужбам США и Англии давала ощутимые результаты. Например, Москва была доподлинно и документально осведомлена о большинстве мероприятий разведки штаба англо-американских союзных сил на Средиземном море, пристально следила за антисоветскими акциями американской разведки на Балканах. Многие ее сотрудники были известны в лицо. Конечный продукт разведки, добытый в Югославии, высоко оценивался Центром и активно использовался при разработке и осуществлении практических внешнеполитических мероприятий Советского Союза.

В работе белградской резидентуры была одна деликатная особенность – освещение с разведывательных позиций отношения части югославского руководства к Советскому Союзу. Как бы ни казалось странным, но это направление приложения усилий обозначилось, а затем отпочковалось от общей работы по выявлению и пресечению антисоветских акций американцев. Сведения о недружественных по отношению к СССР замыслах и действиях таких югославских руководителей, как Тито, Ранкович, Джилас и Кардель, были добыты вначале как раз из аппарата объединенной англо-американской военной миссии при штабе Тито, возглавлявшейся бригадным генералом Маклином. Из этих источников стало известно, что Тито и его соратники развивали контакты с американцами и англичанами за спиной СССР, в частности соглашались с их предложением не допустить вступления частей Красной Армии на территорию Югославии. Поначалу советское руководство, включая И.В. Сталина, сдержанно и на-

стороженно воспринимало подобные сведения. Так, например, Центр потребовал от белградской резидентуры 13 августа 1945 года соблюдать повышенную осторожность при оценке деятельности югославского руководства, «допуская возможность осуществления англичанами и американцами акции, направленной на создание атмосферы недоверия, а также попытки убрать нашими руками наиболее верных и преданных коммунистов».

Однако ухудшавшиеся советско-югославские отношения (далеко не всегда по вине советской стороны) все чаще подтверждали информацию разведки и доказывали, что дело здесь не только в происках главного противника, но и в особых взглядах и устремлениях Тито и его окружения. Политическая линия Союза коммунистов Югославии и не всегда адекватная реакция на нее руководства СССР и ВКП(б) к июню 1948 года привели, как известно, к разрыву отношений между СССР и Югославией. Деятельность нашей разведки в этой стране была прекращена, в том числе и контакты с югославскими органами безопасности. Часть наших негласных помощников, которых югославским контрразведчикам удалось выявить, была жестоко репрессирована. Эти трагические события оставили печальный след в истории советско-югославских отношений. Глубокие шрамы от, казалось бы, заживших ран не однажды давали о себе знать в конце 50-х годов и позднее, когда отношения между Советским Союзом и Югославией были в целом нормализованы по государственной и партийной линиям, а также в сфере взаимодействия внешних разведок.

* * *

Итак, с 1950 года деятельность внешней разведки СССР в Центральной и Восточной Европе была прекращена. Ее отношения с органами государственной безопасности стран народной демократии вступили в качественно новую фазу, отличительной чертой которой все очевиднее становилась солидарная совместная работа против общего главного противника.

4
Так создавался НАТО

В настоящее время Организация Североатлантического договора (НАТО) поглотила большую часть стран Западной Европы и готова принять в свои ряды восточноевропейские государства, а также ряд стран, не входящих в европейский регион.

Вот почему обращение к начальному периоду создания НАТО имеет не только исторический смысл, но и представляется актуальным для современного мира. При этом возникают вопросы: зачем США вместе с Великобританией вскоре после разгрома фашизма предприняли большие усилия по сколачиванию этой группировки? Какие цели ставили?

Детальный ответ на это могут дать документы, добытые советской внешней разведкой в тот период, в момент, когда на горизонте обозначился силуэт самого крупного в мире военно-политического блока. Какая логика побуждала форсировать действия по его сколачиванию? Ведь после войны была создана Организация Объединенных Наций с целью обеспечивать мир и международную безопасность. Особое место уделялось Совету Безопасности ООН, на который возлагались функции регулятора миротворческой деятельности.

В своей аргументации за создание НАТО США и их союзники ссылались на статью Устава ООН о праве на коллективную оборону. Но при этом роль Совета Безопасности обходилась. Впоследствии тенденция действовать в обход ООН и ее Устава укрепилась, усиливались попытки пересмотреть положения международного права, в частности о невмешательстве во внутренние дела государства, принятые на базе консенсуса государств, входящих в Объединенные Нации.

Опубликование документов, имеющих до сих пор на Западе высший гриф секретности и отражающих внутреннюю логику создания НАТО, проливает свет на движущие силы и тайные соображения,

стоявшие за конкретными шагами бывших союзников СССР по борьбе с фашистской агрессией.

Несомненно, что для США (и Великобритании) в указанных действиях доминировали геополитические соображения. Они стремились обеспечить себе влияние и контроль над политикой ряда стран Европы, особенно там, где антифашистская борьба подняла широкое движение масс, во главе которого стояли левые партии. Это касалось прежде всего Франции, Италии, Греции. Документы показывают, что США были готовы к актам прямой интервенции, чтобы не допустить прихода к власти левых сил, даже путем парламентских выборов. Отсюда применявшиеся в отношении Южной Европы аргументы о возникновении «косвенной агрессии». Отсюда же и гиперболизирование «советской угрозы», под флагом которой мотивировалось создание НАТО.

Из документов ясно, что за понятием «коллективная оборона» стояли прежде всего специфические интересы англосаксонских союзников во главе с США. Вместе с тем видны и соперничество участников, их ревнивое отношение друг к другу.

«Наша политика в области обороны должна строиться на случай возможности войны с Россией... Мы считаем необходимым предпринять все возможные усилия к организации союза западноевропейских держав, который по меньшей мере смог бы задержать наступление противника через Европу. Для нас весьма существенно получить активную и своевременную, возможно более раннюю, поддержку со стороны Соединенных Штатов Америки... Они, по крайней мере в течение нескольких лет, будут единственным источником, из которого мы сможем черпать запасы атомных бомб».

Это программное положение было сформулировано в докладе Объединенного комитета начальников штабов Генерального штаба Великобритании от 7 мая 1947 года, который был получен в Москве из лондонской резидентуры. В центральном аппарате советской разведки придали большое значение этому документу. Важнейшие резидентуры в Западной Европе и США были проинструктированы о необходимости внимательно следить за развитием событий и принять меры к получению достоверной информации о шагах Запада по созданию военного блока, направленного против Советского Союза. К этому времени резидентуры в Вашингтоне, Лондоне, Париже, Брюсселе и Риме располагали источниками информации, прежде всего документальной, которая позволяла разведке держать советское руководство постоянно в курсе переговоров о создании Западного союза, а затем и Североатлантического пакта (НАТО). Наибольший вклад в эту работу внесли два сотрудника МИД Англии из знаменитой «кембриджской пятерки», снабжавшие резидентуру документальными материалами о ходе и перипетиях переговоров по созданию этих двух военных блоков.

Многочисленные материалы, полученные из резидентур по этой проблеме в 1947–1949 годах, позволяют воссоздать в деталях историю создания Западного (или, как его тогда называли по месту подписания, Брюссельского) союза и НАТО. С самого начала было ясно, и это подчеркивалось в секретных переговорах представителей стран Запада, что создаваемые военные союзы направлены прежде всего и только против Советского Союза. Не случайно участники переговоров стремились держать их в тайне и старались прикрыть их антисоветский характер.

В начале 1948 года одной из резидентур удалось добыть меморандум помощника министра иностранных дел Великобритании Джебба, в котором говорилось о необходимости заключить такой договор, который «внешне не будет прямо направлен против СССР (хотя в действительности он направлен именно против него)». В этой связи Джебб предлагал прикрыть эту цель статьей 51 Устава ООН, предусматривающей право на «коллективную самооборону».

В неофициальных переговорах, однако, их участники не скрывали своих целей. Так, согласно информации о секретных переговорах представителей комитетов начальников штабов США и Англии в конце апреля 1948 года в Вашингтоне, там обсуждался вопрос о разработке планов на случай войны против Советского Союза, которая «может случиться в любое время». В меморандуме старшего штабного офицера при министерстве обороны Англии еще в марте 1948 года рассматривались три возможных варианта начала войны с Советским Союзом: до 1950 года, между 1950 и 1956 годами и после 1956 года.

В апреле 1948 года в адрес В.М. Молотова внешняя разведка направила текст письма французского посла в США Боннэ в МИД Франции, в котором говорилось: «В кругах американских экспертов не скрывают, что в случае конфликта американские силы постараются вторгнуться непосредственно в Советский Союз... Министр авиации Саймингтон сообщил 25 марта сенатской комиссии по вооруженным силам, что нет ни одного пункта на советской территории, который не могли быть достигнуть американские бомбардировщики, базирующиеся на Аляске и Лабрадоре».

В апреле 1949 года разведкой был добыт документ Института национальной обороны и военной экономики Франции «Стратегическая проблема. Фаза войны “49”», в котором рассматривался вариант начала войны против Советского Союза в 1949 году. В качестве одного из поводов к конфликту в документе назывался «дипломатический инцидент». Несколько месяцев спустя парижская резидентура получила сведения о тревожных настроениях в кругах французского генштаба, которые не исключали, что США решили спровоцировать войну с СССР как можно быстрее, не позднее, чем через два года.

Одна из главных целей США и Англии при создании антисоветских блоков состояла в том, чтобы вовлечь в них максимальное коли-

чество европейских стран. Как следует из секретной переписки между Англией и США, оказавшейся в распоряжении советской разведки, это было непростой задачей. В ряде случаев американцам и англичанам приходилось буквально «тянуть за уши» некоторые малые страны Западной Европы, прибегая к неприкрытому давлению и даже угрозам, чтобы они вступили в антисоветское военное сообщество. Особенно в этом усердствовали госсекретарь США Маршалл и министр иностранных дел Англии Бевин. Их активно поддерживал министр иностранных дел Бельгии Спаак.

Первые трудности в отношениях западных государств возникли при переговорах о создании Западноевропейского военного союза. Голландия, опасаясь, что в случае военных действий она, как маленькая страна, пострадает в первую очередь, проявляла большую сдержанность на начальном этапе переговоров. Когда представителей Голландии пригласили для переговоров в Лондон, Спаак и особенно представитель Люксембурга буквально подталкивали голландцев идти на переговоры. По признанию одного из участников переговоров, Голландия прекратила сопротивление лишь после событий в ЧССР в феврале 1948 года.

Из ряда добытых разведкой документов было видно, что определенную сдержанность проявляла также Франция. Так, в беседе с Бевином в апреле 1948 года в Париже, где проходило совещание министров иностранных дел стран – участниц Брюссельского договора, президент Франции Венсан Ориоль заявил, что он «не может не тревожиться по поводу возможности войны... которая явилась бы еще большим бедствием, чем война с Германией. Поэтому представляется чрезвычайно важным, чтобы не было предпринято ничего такого, что Советский Союз мог бы использовать как повод для обострения кризиса». В ответ Бевин сделал любопытное признание, что он сам «в течение трех лет стремился к терпеливой и разумной политике в отношении России, пока Соединенные Штаты не нашли, что он зашел слишком далеко».

Серьезной проблемой для США и Англии оказалось привлечение к Западноевропейскому пакту Скандинавских стран, включая нейтральную Швецию. В марте 1948 года разведкой были получены документальные сведения о том, что английский МИД информировал своего посла в Вашингтоне о нежелании Скандинавских стран присоединиться к Брюссельскому договору. В ответ на это посол сообщил в Лондон об уверенности американцев в том, что «имеется возможность заставить Норвегию и Данию включиться в брюссельскую систему, если будет оказан соответствующий нажим».

Резидентурой в Лондоне был получен ряд документов о том, что Норвегия и Дания, опасаясь реакции Советского Союза, не хотели связывать себя с Брюссельским, а впоследствии и с Североатлантическим договорами. Вместо этого они пытались создать самостоя-

тельно блок Скандинавских стран и вовлечь в него нейтральную Швецию. Как следует из переписки МИД Англии со своими послами в Стокгольме, Осло и Копенгагене, английские дипредставители в этих странах развили во второй половине 1948 года большую активность, чтобы не допустить образования независимого от Англии и США скандинавского оборонительного союза и втянуть эти страны в общий западный блок. При этом они ссылались на «угрозу со стороны СССР» и этим аргументировали необходимость заранее спланировать военную помощь. С целью нажима на Скандинавские страны правительство США отказывало им в рассмотрении заказов на поставки военных материалов.

Как сообщил посол Англии в Вашингтоне 13 марта 1948 года в свой МИД, госдепартамент США дал указание послу в Осло предупредить официальные власти страны, что они могут получить помощь со стороны США, только заняв твердую позицию в отношении советских инициатив, и что желание Америки помочь Норвегии будет прямо пропорционально решительности, проявленной норвежским правительством.

На следующий же день в Вашингтон из Лондона была направлена телеграмма английскому послу с указанием сообщить в госдепартамент США, что Англия удовлетворена американской позицией и направила аналогичную инструкцию своему послу в Осло. Психологическую атаку продолжил Бевин на встрече 15 марта в Париже с министром иностранных дел Норвегии Ланге. Запугивая собеседника усилением коммунистического влияния и возможным давлением Советского Союза на Норвегию, Бевин предложил Ланге начать секретные переговоры о присоединении к Брюссельскому договору.

Через несколько дней английский посол в Осло также имел беседу с министром иностранных дел Норвегии Ланге. Из нее следовало, что Англия, не добившись одновременного присоединения Скандинавских стран к западному блоку, стремится расколоть сотрудничество этих стран и получить согласие Норвегии на ведение секретных военных переговоров с США и Англией, имея в виду, что в последующем к таким переговорам могут присоединиться Дания и Швеция.

Под столь массированным нажимом Норвегия пошла на уступки, и в октябре 1948 года на официальное предложение Англии и США начать переговоры о заключении Североатлантического договора наконец ответила согласием. Однако министр иностранных дел Норвегии Ланге обратился в МИД Англии с просьбой убедить правительство США в необходимости осторожного подхода к норвежскому общественному мнению в связи с переговорами об участии его страны в Североатлантическом блоке.

После длительных колебаний на переговоры согласилась и Дания, хотя просила держать в секрете ее участие. В декабре 1948 года разведкой был получен любопытный документ – сообщение фран-

цузского посла в Копенгагене министру иностранных дел Франции Роберу Шуману от 30 ноября 1948 года. В нем отмечалось, что в политике Дании в последнее время заметно резкое отклонение от ранее принятой линии на присоединение к Североатлантическому пакту. В подтверждение этого посол процитировал мнение министра иностранных дел Расмуссена: «Мы не можем согласиться на присоединение к начинаниям западных держав, которые имели бы следствием подвергнуть нашу страну нападению, захвату и разрушению в первую очередь». Посол выразил уверенность, что на такую позицию датского правительства влияет «убеждение датчан в том, что реальной угрозы войны в настоящее время нет».

Многочисленные секретные данные свидетельствовали, что наиболее «крепким орешком» оказалась Швеция, которая начиная с самых первых попыток США и Англии втянуть ее в военные союзы заняла твердую позицию не отступать от традиционного нейтралитета. Министр иностранных дел Англии Бевин 16 марта 1948 года (за день до подписания Брюссельского договора) в беседе с министром иностранных дел Швеции Унденом продолжал оказывать давление на шведское правительство с целью вовлечения Швеции в этот договор. Но как ни убеждал Бевин Ундена, что «сила является единственным средством, которое русские действительно понимают», министр отвечал: «Швеция будет придерживаться политики нейтралитета».

Как следует из переписки МИД Англии с послами в Стокгольме, Осло и Копенгагене, попытки переубедить Швецию не прекращались и позже, вплоть до конца 1948 года. Посол США в Стокгольме Мэттьюз рекомендовал оказать прямой нажим на шведов, заявив им, что США будут поставлять военные материалы только признанным друзьям, а «нейтралам» придется встать в самый хвост очереди. Правительство США с одобрением встретило это предложение. Добытая советской разведкой информация говорила о том, что Мэттьюз в декабре 1948 года сделал правительству Швеции представление, в котором угрожал прекращением всякой помощи со стороны США, если Швеция примет участие в каком-либо военном соглашении Скандинавских стран, основанном на политике нейтралитета. Однако Швеция отклонила подобные попытки давления.

Не помогли и усилия США и Англии использовать норвежское правительство для оказания давления на правительство Швеции. Англо-американцы были вынуждены признать свое поражение. Резидентура в Нью-Йорке 1 февраля 1949 года сообщила в Центр, что, несмотря на огромное давление, США так и не смогли добиться присоединения Швеции к Североатлантическому пакту.

Добытые резидентурами советской разведки документы по переговорам о создании Западного союза и Североатлантического пакта свидетельствуют о том, что создатели этих антисоветских блоков

сами не верили в агрессию Советского Союза, но пытались обосновать свои действия именно «угрозой» с его стороны. В этой связи интересны выводы так называемого меморандума главы русской секции посольства Англии в Москве Баркера, подготовленного в марте 1948 года. «Развязывание самим Советским Союзом, в погоне за своими экспансионистскими целями, большой войны, то есть войны, в которую могла бы быть вовлечена Америка, по-видимому, исключается как по общеполитическим, так и по военным соображениям. Советская политика будет скорее заключаться в продолжении политической войны и войны нервов в надежде достигнуть своих целей без вооруженного конфликта, путем дипломатического нажима и подрывной деятельности. Если большая война тем не менее возникнет, то это, по всей вероятности, будет война, в которой США начнут военные действия против СССР, а не наоборот».

Примерно так же высказались и американцы в аналитической записке, подготовленной посольством США в Москве. «Хотя имеются некоторые различия в густоте красок, американский анализ положения в общем сходен с английской оценкой». И далее следовал вывод: «Советский Союз будет стремиться достигнуть своих целей всеми средствами, за исключением войны».

В ходе переговоров о создании НАТО в июле 1948 года в Вашингтоне был одобрен документ, первый пункт которого гласил: «Положение в Европе и намерения СССР», участники переговоров пришли к общему выводу: «В намерения СССР, возможно, и не входит развязать войну». Еще более четко выразил эту мысль в беседе со Спааком в сентябре 1948 года Бевин: «Ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз не хотят войны, и я ее не предвижу». Спаак же сказал, что не особенно обеспокоен существующей в данный момент ситуацией, так как не думает, чтобы Советский Союз сознательно хотел войны.

5 октября 1948 года МИД Англии подготовил для английской делегации на конференции премьер-министров стран Британского содружества наций меморандум «Международное положение и отношения с Советским Союзом», в котором, в частности, англичане намеревались как-то объяснить руководителям правительств доминионов заключение Брюссельского пакта и переговоры о создании НАТО. Попугав участников конференции «коммунистической опасностью» и «угрозами» со стороны Советского Союза, авторы меморандума признали, что «в настоящее время нет никаких признаков, что Советский Союз или его сателлиты готовятся к агрессивной войне».

Заслуживает внимания и мнение такого сторонника твердой и непримиримой политики США в отношении СССР, как бывший в то время председателем Совета по планированию политики при госдепартаменте Кеннана, который не считал войну неизбежной и неоднократно высказывал мнение, что Советский Союз не стремится к развязыванию войны.

Так или иначе, в апреле 1949 года блок НАТО был создан и начал свою международную активность. К 12 первоначальным участникам – США, Великобритании, Франции, Италии, Канаде, Бельгии, Нидерландам, Люксембургу, Португалии, Норвегии, Дании, Исландии – в 1952 году присоединились Греция и Турция, в 1955 году – ФРГ. Блок НАТО продолжает расширяться.

Ледяные отблески холодной войны распространились на широкие зоны мира и надолго определили ход мировых событий: гонку вооружений, попытки использовать имевшую вначале место монополию Запада на атомное оружие, кризисы как на Западе, так и на Востоке, имевшие целью «отбрасывание» Советского Союза, а затем и народного Китая, их союзников. Прошло много времени, пока перед лицом перерастания этих кризисов в мировой конфликт противостоящие стороны не начали делать шаги к поискам мирного сосуществования и разоружения.

Заметим, что организация стран – участниц Варшавского договора во главе с Советским Союзом была создана только в мае 1955 года, через шесть лет спустя после создания НАТО.

5

Тайная война Филби

Лондон. 28 мая 1951 года в кабинете заместителя начальника английской разведки (СИС), отвечавшего за сотрудничество с американскими спецслужбами, Джека Истона раздался телефонный звонок. Директор разведки генерал Стюарт Мензис предложил Истону срочно связаться по очень важному делу с руководителем английской контрразведки Диком Уайтом.

Истон решил, что это могло быть связано с запланированной операцией по задержанию заведующего американским отделом МИД Великобритании Дональда Маклина, который подозревался в связи с советской разведкой. Видимо, у Уайта появилась срочная необходимость обсудить план дальнейших совместных действий.

Истон, правда, достаточно хорошо знал Дика Уайта, чтобы думать, что Уайт поспешит поделиться с ним результатами первого допроса Маклина, если таковой состоялся. Истон вспомнил реакцию Уайта на одной из недавних встреч, когда он познакомил его с поступившим из Вашингтона от представителя английской разведки при ЦРУ Кима Филби анализом результатов проводившейся совместно с ФБР работы по поиску источника утечки в 1944–1945 годах секретной информации по внешнеполитическим вопросам и атомной проблеме из английского посольства в Вашингтоне.

Записка Филби привела тогда Уайта в смятение. Филби рекомендовал обратить внимание на некоторых бывших сотрудников английского посольства в Вашингтоне и именно среди них искать источник утечки информации.

Последующая работа МИ-5 по предложенному Филби варианту позволила контрразведке заново переоценить имевшуюся в ее распоряжении информацию и прийти к выводу о том, что советским разведчиком мог быть Дональд Маклин. Дик Уайт, однако, сообщил Истону ошеломляющую весть: Маклин исчез! Это подтвердило правоту Филби.

Но самого важного обстоятельства руководители английских спецслужб еще не знали: Филби в действительности сам был советским разведчиком. Его докладная записка явилась результатом трезвой оценки острейшей ситуации, сложившейся вокруг его коллеги по «кембриджской пятерке» Дональда Маклина. Ясно было, что провал Маклина неизбежен.

Поэтому, прежде чем дать рекомендации по поиску источника утечки информации, Ким Филби предпринял энергичные меры, чтобы предупредить Маклина об угрозе ареста. Для его спасения он подключил к этому делу с согласия Центра другого своего единомышленника – Гая Берджесса. Все трое входили в «кембриджскую пятерку», сотрудничавшую с советской разведкой. Помогая сорвать арест Маклина, Филби понимал рискованность этого шага для своей личной безопасности. Но он был готов дать необходимые объяснения следствию и умел, как говорят шахматисты, на несколько шагов вперед рассчитывать свои действия.

Приняв меры к спасению Маклина, Ким Филби направил свои соображения в СИС «медленной скоростью» – дипломатической почтой. В случае возникновения подозрений о причастности его самого к делу Маклина он таким образом обеспечивал себе отходные позиции, чтобы выиграть время для решения остальных задач, стоявших перед советской разведкой.

...Едва Истон переступил порог кабинета Уайта, как на него обрушился град вопросов: кто был посвящен в дело о поиске источника утечки сведений из английского посольства в США, кому было известно о санкции на допрос Маклина?

Уайт был взбешен, вопросы задавал резко и прямолинейно, как если бы допрашивал Истона.

Ошеломленный таким приемом Истон не успел, что называется, и рта раскрыть, как услышал от Уайта то, что поразило его больше всего. Дональд Маклин, оказывается, исчез не один, а вместе с Гаем Берджессом, недавно вернувшимся в Лондон из Вашингтона, где он работал первым секретарем английского посольства.

В течение двух дней Уайт и Истон шаг за шагом скрупулезно анализировали обстоятельства дела и все имевшиеся сигналы. В результате ими было принято решение вызвать из Вашингтона в Лондон и самого Кима Филби. Они учли, что он поддерживал дружеские отношения с Гаем Берджессом, который по приезде в 1950 году на работу в Вашингтон некоторое время жил на квартире Филби.

Генерал Мензис, выслушав Истона, предложил, однако, не торопиться с вызовом Филби. С присущим ему сарказмом он не преминул заметить: каким образом Филби, находившийся за сотни миль от Лондона, мог знать о датах задержания и допроса Маклина? «Если кого и подозревать в причастности к побегу Маклина и Берджесса, то прежде всего тех, кто непосредственно занимался разработкой Ма-

клина», – заключил Мензис. Кроме того, он напомнил Истону, что если бы не поступившее именно от Филби обстоятельное сообщение по делу об утечке информации в 1944–1945 годах из английского посольства в Вашингтоне, то контрразведчики продолжали бы и дальше бродить в тумане и проверять технический персонал. Мензис дал указание Истону не идти на поводу у контрразведки и воздерживаться от скоропалительных выводов, тем более когда они касались таких руководящих сотрудников СИС, как Филби.

Спустя три дня английская резидентура в Вашингтоне получила подробную телеграмму из Лондона о бегстве Маклина и Берджесса. Филби и его коллегам предстояло проинформировать о ней ФБР.

Встреча с представителем ФБР Лэддом, ответственным за контакты с англичанами, прошла спокойно. Прочитав копию телеграммы, Лэдд весьма лаконично резюмировал случившееся: «Ну и натворили вы, ребята!». Дальнейшая беседа напоминала разговор коллег по несчастью. Операция по поиску источника утечки проводилась ими совместно, и поэтому с исчезновением Берджесса сам Лэдд оказался в щекотливом положении. Он неоднократно встречался с Берджессом в неформальной обстановке у Кима, приглашал его домой, испытывал к нему определенные симпатии.

По возвращении в посольство Ким сказал, что поедет домой, чтобы выпить немного и отдохнуть после выполнения неприятной миссии. Известие об исчезновении Берджесса, между тем, подействовало на него как удар молнии.

Филби понимал, что пока в ФБР и ЦРУ еще не проанализировали случившееся в Лондоне, необходимо избавиться от имевшихся у него вещественных улик. Дома он упаковал фотоаппаратуру и несколько подготовленных для передачи в Центр пленок со снимками документов, выехал за город и закопал все это в месте, которое присмотрел заранее.

Вернувшись домой, Ким напряженно проанализировал предшествующий исчезновению Маклина и Берджесса ход событий и своевременность принятых им и Центром мер по спасению Маклина. Дело в том, что он сам предусмотрел план спасения Маклина с участием Берджесса, но исключал его отъезд из страны. Центр, в свою очередь, информировал Кима Филби о разработанном для него лично плане нелегального выезда из США в случае неблагоприятного развития ситуации. Поблагодарив в душе Центр за заботу, Ким однозначно решил для себя, что будет бороться до конца. Он, однако, понимал, что неожиданный побег Берджесса кардинально изменил его положение. Английская контрразведка вместе с ФБР теперь самым тщательным образом изучит его биографию. И каждый раз они будут сталкиваться с фамилией Берджесса. Они не пройдут мимо совместной учебы в Кембридже, когда у них были прокоммунистические взгляды, причастности Берджесса к поступлению Кима на работу в английскую

разведку, поездки Берджесса в 1948 году в Стамбул, где Ким в то время был резидентом СИС, и, наконец, факта проживания Берджесса в Вашингтоне на квартире у Филби. Ким Филби после того, как вместе с Гаем Берджессом отработал и согласовал с Центром план по спасению Маклина, перед отъездом Гая в Лондон в довольно жесткой форме предупредил его: «Смотри и сам не убеги».

Предлагая Центру вариант спасения Маклина с помощью Берджесса, Филби исходил из того, что у Маклина во время последней командировки в Каир имели место серьезные срывы в поведении, и по возвращении в Лондон он находился в состоянии глубокой депрессии, на грани психического расстройства. Сказались годы нервной напряженной работы. Короткий отдых и назначение на должность начальника американского отдела в министерстве иностранных дел Великобритании не помогли Маклину восстановить былую уверенность в себе и душевное равновесие. Филби с Берджессом, лондонская резидентура и Центр пришли к выводу, что самостоятельно бежать Маклин не сможет и что ему нужен сопровождающий, который обеспечил бы конспиративный выезд из Англии. К тому времени Маклин уже находился под оперативно-техническим контролем контрразведки и вряд ли сумел бы самостоятельно решить все вопросы выезда из страны. Более подходящей кандидатуры на роль сопровождающего, чем Берджесс, по мнению Филби, не было. Предлагая план спасения Маклина при непосредственном участии Берджесса, Филби ни на минуту не сомневался в преданности Гая их общему делу и его способности действовать смело в экстремальной ситуации. Одного только не учел Ким – что и сам Берджесс был на грани нервного срыва. Правда, Гай умело разыграл скандал с выпивкой и вызывающим нарушением правил дорожного движения, чтобы дать повод для его досрочного откомандирования из Вашингтона. Его отъезд в Лондон в целом вписывался в план вывода Маклина из-под угрозы ареста и сведения до минимума возможного ущерба. Но он и в самом деле увлекался алкоголем. Срыв Берджесса ставил предыдущую работу под угрозу. (Ким впоследствии неоднократно задавал себе вопрос: почему все-таки Берджесс нарушил данное ему слово и бежал? До последних дней своей жизни он так и не смог найти для себя однозначного ответа.)

А пока жизнь в Вашингтоне шла своим чередом. Филби продолжал выполнять служебные обязанности представителя СИС при ЦРУ, поддерживал деловые отношения с высокопоставленными сотрудниками ЦРУ и ФБР, обсуждал с ними оперативные и политические вопросы. Какой-либо настороженности или сдержанности со стороны американцев Ким не замечал. Правда, вращаясь среди сотрудников английского посольства и их жен, он иногда ловил обращенные на него недоброжелательные взгляды, но относил их не на свой счет, а видел в этом запоздалую реакцию на его дружбу с Берджессом,

сумевшим за короткий срок пребывания в Вашингтоне своим экстравагантным поведением и острым языком нажить немало недругов. Филби понимал, что английские и американские спецслужбы, продолжая работу по систематизации, анализу и оценке имеющихся у них материалов, в конце концов включат в круг подозреваемых по этому делу лиц и его самого. Ставя себя на место сотрудников контрразведки, Филби пытался найти уязвимые или слабые места в своей биографии и служебной деятельности, особенно с точки зрения реализации советской разведкой полученной от него информации.

Английская контрразведка, в частности, могла обратить внимание на то, что, заняв в 1945 году пост начальника контрразведывательного отдела СИС, Филби неоднократно выезжал в ряд стран Европы для ознакомления на месте с работой резидентур и постановки задач по противодействию деятельности советской разведки и борьбе с коммунистическим движением. Это помогало ему подробнее информировать Москву о составе резидентур и имеющейся у них агентуре, о перестройке в центральном аппарате разведки, о поставленных правительством приоритетных задачах. Проводимая в те годы реализация в СССР поступавшей от Филби информации, аресты агентуры не вызывали в штаб-квартире СИС особой настороженности. Отдельные неудачи можно было объяснить отсутствием достаточного опыта работы против советской разведки.

Но возникали и экстремальные ситуации. Так, 20 сентября 1945 года К. Филби сообщил в Москву, что сотрудник стамбульской резидентуры МГБ Волков намеревается передать англичанам за крупное вознаграждение и предоставление политического убежища документальную информацию о том, что советская разведка имеет двух агентов в министерстве иностранных дел Великобритании, а третий даже является начальником контрразведывательной службы в Лондоне. По настоятельной просьбе Волкова сотрудники английского генконсульства в Стамбуле направили его информацию в Лондон не телеграфом, а дипломатической почтой и предупредили о нежелательности и в дальнейшем телеграфной переписки по этому делу.

По поступлении этой информации генерал Мензис решил направить в Стамбул Филби, чтобы разобраться на месте с этой историей. Когда Ким наконец добрался до Стамбула, то Волкова там уже не оказалось. Советская разведка сработала оперативно и четко. Убедившись в отъезде Волкова в Москву, англичане сопоставили его поведение, несвязную речь во время посещения их консульства и пришли к выводу, что у Волкова, скорее всего, произошел нервный срыв, и поэтому русские отправили его в Москву.

В тот период Киму пришлось заниматься и поступавшей от канадских спецслужб информацией, получаемой от Гузенко, шифровальщика ГРУ, ставшего на путь предательства. Гузенко выдал несколько агентов советской военной разведки. В силу ряда не зависящих от

Филби обстоятельств вывести из-под удара всех выданных предателем агентов не удалось, но это впоследствии обернулось даже в пользу Филби. Памятуя о том, что Ким Филби занимает очень важный пост в СИС, где пользуется авторитетом, что он награжден за успешную борьбу с подрывной деятельностью немецкой агентуры против Великобритании орденом Британской империи, руководство НКГБ и советской разведки предельно ограничило круг допущенных к поступающей от Кима информации и очень осторожно подходило к ее реализации, чтобы исключить малейшую возможность расшифровки источника.

Это в первую очередь относилось к поступавшей от Филби информации о заброске английской агентуры на территорию СССР: в прибалтийские республики, на Украину и в Белоруссию. В каждом конкретном случае разрабатывались варианты обезвреживания шпионов путем захвата, перевербовки, радиоигр, инсценирования до определенного времени успешной работы (под контролем органов безопасности).

Подводя итог анализу, Ким Филби пришел к выводу, что вся его карьера свидетельствовала о полном доверии к нему со стороны руководства СИС и МИ-5, что в их распоряжении нет доказательств, дающих основание сомневаться в его благонадежности.

Даже не искушенному в делах разведки человеку не составит особого труда догадаться, какую первостепенную ценность для органов безопасности СССР представляла поступавшая от Филби информация, благодаря которой удалось срывать многие замыслы спецслужб США и Великобритании, обезвредить забрасываемых агентов и диверсантов. Очень точно сказал об этом друг Филби, бывший сотрудник СИС, впоследствии известный писатель Грэм Грин: «Когда Филби достиг вершины своей карьеры, любая инициатива разведок Запада была заранее обречена».

Вместе с тем занимаемое Филби в СИС положение требовало от него поистине филигранной точности действий, тщательной соразмерности каждого принимаемого решения.

Филби и руководство советской разведки постоянно стояли перед дилеммой:

– если бы все проводимые им по линии английских спецслужб операции оканчивались неудачей, то его бы в лучшем случае уволили;

– если бы они были слишком успешными, то наносили бы ущерб Советскому Союзу.

В этих условиях Филби приходилось планировать и проводить каждую из операций, направленных против интересов СССР, таким образом, чтобы они либо проваливались «естественным» путем, либо имели ограниченный успех и находились под контролем органов госбезопасности СССР. Для Кима Филби это были годы колоссального нервного напряжения.

Совместное бегство Маклина и Берджесса еще больше накалило обстановку. Затянувшееся молчание Лондона, державшее Филби в напряжении, было прервано поступившей в его адрес телеграммой, в которой его попросили прокомментировать факт бегства Берджесса вместе с Маклином и объяснить мотивы такого поступка. В ответной телеграмме Филби сообщил, что дружил с Берджессом на протяжении многих лет, но никогда не допускал мысли о том, что Берджесс мог вести двойную жизнь и в силу этого не находит объяснений его поступку.

Характер запроса убедил Кима в том, что в Лондоне основательно расследуют не только дело Маклина–Берджесса, но и вплотную занялись проверкой его возможной причастности к организации их побега. Подтверждением этого явилось полученное вскоре личное письмо Истона к Филби, направленное с прилетевшим в краткосрочную командировку в Вашингтон офицером СИС, специализировавшимся на дезинформационных акциях. В написанном от руки письме Истон сообщал Киму, что вскоре он получит телеграмму с вызовом в Лондон, и рекомендовал не затягивать с отъездом. Перечитав это письмо, Филби пришел к выводу, что МИ-5 и СИС, не располагая конкретными уликами против него, пытаются побудить его к активным действиям и тем самым выдать себя. Так же в свое время они поступили в отношении Маклина, когда лишили его доступа к секретной информации и установили наружное наблюдение.

Связав эти факты, Филби решил, что в Лондоне подозревают его не просто в причастности к побегу Маклина и Берджесса, но и в принадлежности к советской разведке. По расчету контрразведчиков, ощущение опасности должно было побудить его срочно связаться с представителями советской разведки в США, чтобы нелегально покинуть Вашингтон. Если бы события развивались по этому сценарию, то ФБР и МИ-5 не только предотвратили бы возможный побег, но и получили бы доказательства работы Филби на советскую разведку. Дальнейший ход событий подтвердил его опасения. Вскоре Филби получил телеграмму за подписью Мензиса о необходимости прибытия в Лондон. Перед отлетом Ким нанес протокольные визиты директору ФБР Гуверу и заместителю директора ЦРУ Даллесу, начальнику внешней контрразведки ЦРУ Энглтону, с которым был знаком по работе с 1943 года, и главному контрразведчику ФБР Лэдду. Встречи были непродолжительными и неформальными. Настораживающих моментов Ким не отметил.

В Лондоне при посадке в автобус Ким заметил мечущегося и кого-то искавшего Бремнера – высокопоставленного офицера административного управления СИС. По всей вероятности, это мог быть знак опасности, поданный Киму Истоном. Подписывая телеграмму о вызове Кима, Мензис дал указание Истону «подстраховать» прибытие Филби в Лондон, чтобы «ретивые ребята» из МИ-5 не перехватили Кима и не наделали глупостей.

По приезде из аэропорта домой Филби незамедлительно позвонил Истону. Истон переспросил, кто звонит. После ответа Кима раздался вздох облегчения. Истон попросил Филби немедленно приехать в СИС. Встретив Кима, Истон сказал, что директор МИ-5 Дик Уайт прямо сейчас хочет поговорить с ним по делу Берджесса и Маклина.

Первая беседа с Уайтом проходила в присутствии Истона и длилась часа полтора. В основном речь шла о Берджессе и его отношениях с Маклином, а также о том, как может объяснить все происшедшее Филби, хорошо знавший, по словам Уайта, Берджесса. Вторая и третья беседа Уайта с Филби уже проходили наедине. Уайт, к счастью, не был профессиональным следователем, и, задавая Киму вопросы напрямую, он невольно раскрывал, в чем подозревают Филби. Так, Уайт прямо сказал, что ничего нового в дело Маклина–Берджесса Ким не привнес, и предложил ему подробно рассказать, а затем и написать все о себе: об учебе в Кембридже, об участии в марксистском кружке, поездке в Испанию и собственной карьере в разведке, включая его роль в деле Волкова. Заранее продуманные ответы Филби явно не устраивали Уайта, и он с трудом сдерживал раздражение и негативные эмоции.

Попросив все подробно изложить на бумаге и передать ее Истону, Уайт на сей раз холодно попрощался с Филби, не подав руки. Кима такое поведение Уайта не смущало. Он понимал: первый раунд поединка с контрразведкой он выдержал и получил возможность подготовиться к дальнейшей борьбе.

В это же самое время генерал Мензис получил от директора ЦРУ довольно резкое письмо, в котором, кроме близких отношений Филби с Берджессом, приводились давние показания предателя Вальтера Кривицкого о том, что ОГПУ направляло во франкистскую Испанию своего агента – талантливого журналиста. Директор ЦРУ вспомнил и информацию Волкова о том, что начальник контрразведывательной службы в Лондоне – агент советской разведки, а также указал на некоторые неудачные, на его взгляд, совместные англо-американские разведывательные операции в период пребывания Филби в Вашингтоне. В конце письма Беделл Смит в категоричной форме ставил вопрос о невозможности возвращения Филби в США в качестве представителя СИС.

Сообщив Филби о полученном письме, Мензис попросил Кима подать в отставку. Вскоре после отставки Мензис вновь пригласил Филби к себе и сказал, что начато официальное юридическое расследование обстоятельств побега Маклина и Берджесса, которое поручено возглавить королевскому советнику Мильмо, работавшему во время войны следователем в контрразведке. В послевоенные годы МИ-5 привлекало Мильмо только в особо важных случаях. Первый же допрос Кима Филби Мильмо повел напористо, задавал вопросы в без-

апелляционной форме. Невооруженным взглядом просматривался обвинительный уклон и попытка уличить его в работе на советскую разведку. Филби оценил обстановку, отвечал предельно лаконично, чтобы не дать возможности следователю запутать его на возможных противоречиях. Ничего не добившись, дальнейшие допросы Мильмо поручил продолжить опытному следователю МИ-5 Скардону. Однако все его попытки «разговорить» Филби успеха не имели. Дело кончилось тем, что Кима Филби оставили в покое с небольшим выходным пособием.

А в это время Центр и лондонская резидентура задействовали все возможности, чтобы выяснить судьбу Филби и оказать ему необходимую помощь. В результате проведения комплекса оперативных мероприятий удалось установить, что Ким выдержал натиск контрразведки, но продолжает находиться под плотным наблюдением. Резидентура все же смогла конспиративно передать Киму деньги через связного, так как выходное пособие порядком истощилось и он был без работы.

Твердо отрицая причастность к делу Маклина–Берджесса и тем более к советской разведке, искусно строя защиту, Ким Филби ждал, когда его противники допустят просчет или ошибку, чтобы перейти от обороны к наступлению.

Не добившись от Филби признаний, МИ-5 инспирировала не только травлю его в «желтой» прессе, но и запрос члена парламента Липтона премьер-министру о роли Филби в деле Маклина–Берджесса. Филби решил воспользоваться этой возможностью, чтобы перейти от обороны к наступлению, и сумел добиться того, что в 1955 году министр иностранных дел Великобритании Гарольд Макмиллан во время дебатов в парламенте вынужден был публично снять все обвинения с Филби. Английским властям трудно было поверить, что талантливый разведчик Филби, награжденный за особые заслуги орденом Британской империи, – шпион.

Добившись снятия обвинений, Ким Филби вскоре при помощи своих старых друзей, и прежде всего Николаса Элиотта и Джорджа Янга, продолжавших работать в СИС и заинтересованных в полной реабилитации Кима, а также и всей их службы, выехал в Ливан в качестве внештатного сотрудника разведки под прикрытием корреспондента английских газеты «Обсервер» и журнала «Экономист» на Ближнем Востоке. Несмотря на то что контрразведка продолжала подозревать Кима Филби, он, проявляя свои бойцовские качества, вновь активно включился в борьбу с происками американских и английских спецслужб против СССР с территории государств этого региона. От него в Центр стала поступать важная политическая и оперативная информация о работавших в этом регионе сотрудниках ЦРУ и СИС, их вербовочных устремлениях. Складывалось впечатление, что Ким пытается наверстать упущенное время. Но советская

разведка, зная о подозрениях МИ-5, принимала особые меры по обеспечению личной безопасности Филби.

Январским вечером 1963 года на квартиру Филби в Бейруте позвонила секретарша резидентуры СИС и попросила его приехать в посольство. Ким в это время болел: у него обострился бронхит, и поэтому договорились, что, как только он поправится, позвонит ей сам. Спустя несколько дней Ким позвонил секретарше и сказал, что готов прибыть в посольство. В ответ он получил приглашение посетить ее на квартире.

На следующий день Ким пришел к ней на квартиру и, к своему удивлению, застал там Николаса Элиотта, который предложил побеседовать с глазу на глаз. Предупредив сразу, что разговор будет неприятным, Элиотт заявил: «Я должен тебе сказать, что твое прошлое тебя догнало». Далее он пояснил, что от перебежчика Голицына и старой знакомой Кима Флоры Соломон контрразведке достоверно известно, что Ким работает на советскую разведку. Однако руководители СИС и МИ-5 уполномочили его предложить Филби освобождение от судебной ответственности в обмен на признание своей вины и выдачу всей интересующей их информации о сотрудниках советской разведки и известных Киму агентах. Филби, как мог, пытался убедить Элиотта, что это очередной навет и ему нечего добавить к тому, что он говорил следователям в 1951 году. На следующий день Элиотт пригласил Филби с женой на обед, на котором, кроме него, была секретарша резидентуры. Обед прошел в дружеской атмосфере. Прощаясь с Кимом, Элиотт сказал ему, что на следующий день возвращается в Лондон, и попросил еще раз обдумать их предыдущий разговор. О принятом решении Ким должен сообщить резиденту СИС в Бейруте Питеру Лану. Вскоре Лан позвонил Киму и поинтересовался, не хочет ли Ким встретиться с ним по известному вопросу. Ким ответил, что у него ничего нового для Питера пока нет. Если он что-нибудь надумает, то позвонит сам. Такой ответ Лану был продиктован необходимостью выиграть время. Вечером у Кима состоялась встреча с сотрудником советской резидентуры, на которой он рассказал о сделанном ему Элиоттом предложении и необходимости в этой связи срочно выехать в СССР. Центр незамедлительно дал согласие на отправку Кима по предложенному резидентурой варианту.

Интересное совпадение в этой истории. В дни подготовки Кима к отъезду Питер Лан взял четырехдневный отпуск и катался на лыжах в горах. В день возвращения Лана в Бейрут Филби удалось выехать из Ливана в СССР. Анализируя впоследствии обстоятельства, позволившие выехать в СССР, Ким Филби искал ответ на вопрос, чем объяснить демонстративную «беспечность» резидента СИС Лана после столь острого разговора Элиотта с Филби. Для Филби было очевидным, что этой информацией о нем располагают и американские спецслужбы, так как Голицын бежал из Хельсинки в США. И если в данной

ситуации американцы имели веские основания для ареста Филби, то СИС и консервативное правительство Великобритании, которое в это время возглавлял Гарольд Макмиллан, не были заинтересованы в таком развитии событий.

В 1961–1962 годах Англию захлестнула целая серия шпионских скандалов, и арест Филби мог бы привести к отставке правительства. Хорошо зная Кима Филби, руководство СИС понимало, что он ради обещанного иммунитета не пойдет на предательство интересов советской разведки. Направляя в Бейрут Николаса Элиотта, руководство СИС исходило из того, что Филби правильно истолкует откровенную беседу с ним Элиотта и примет единственно верное решение – исчезнуть из Бейрута. После того как спустя полгода Москва официально сообщила о нахождении Филби в СССР, Элиотт и еще несколько сотрудников СИС, поддерживавшие Кима, были без всякой огласки уволены. В отличие от 1951–1955 годов, после исчезновения Филби не последовало и шумной кампании в прессе. Резидент СИС Питер Лан по возвращении из командировки был отмечен высокой наградой – орденом Святых Майкла и Джорджа.

Итак, Ким Филби прибыл в СССР, ставший для него второй Родиной. После краткого отдыха талантливый разведчик продолжил работу, которая была для него содержанием всей жизни.

Выступая перед коллективом разведчиков на собрании, посвященном 100-летию со дня рождения Ф.Э. Дзержинского, Ким Филби сказал:

«Большая часть моей жизни позади. Оглядываясь на прошедшие годы, я думаю, что прожил их не зря. Мне хочется от себя повторить слова Феликса Дзержинского, рыцаря революции, большого гуманиста: "Если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал..."»

О последней трети жизни Филби – с 1963 по 1988 год – писалось, естественно, мало, если не считать отдельных разрозненных фактов, опубликованных западными журналистами. Но Филби жил в этот период в СССР нормальной полнокровной жизнью, женился, работал, путешествовал, отдыхал. Увлеченно трудился над воспоминаниями. Во время многочисленных поездок по стране встречался с коллективами сотрудников территориальных органов КГБ. Он был консультантом Первого главного управления КГБ.

Было у него и любимое дело, к которому он относился с особым старанием и любовью. Он вел учебные занятия с молодыми сотрудниками разведки. «Семинар Филби» – так назывались эти занятия – внес заметный вклад в разведывательную подготовку и воспитание молодых разведчиков.

Вот как описывает первое занятие в семинаре один из слушателей: «Декабрьский вечер. На принадлежащей разведке конспиративной квартире в Москве молодежь с трепетом ожидает появления

легендарного разведчика. (Как признался потом Ким, он тоже волновался.)

Несколько вступительных слов, мгновенно снявших напряжение, и вот уже Ким увлеченно рассказывает о том, кем он собирался стать, поступая в Кембридж. Отвечая на вопрос о своих хобби, гость, в частности, сказал: «...С удовольствием перечитываю классиков английской литературы. Люблю хоккей (в качестве зрителя, конечно). И еще одно хобби: кулинария. Если сомневаетесь – приходите в гости».

«Семинар Филби» действовал с небольшими перерывами почти до самой его кончины. Отправляясь к воспитанникам на занятия, Ким тщательно готовился. Он перечитывал массу литературы, готовил конспекты. Два-три часа занятий пролетали незаметно. Филби предлагал различные оперативные ситуации, вел их разбор, проводил обмен мнениями по различным аспектам международного положения, давал задания по решению оперативно-разведывательных задач.

В 1980 году вышла на русском языке его книга «Моя тайная война». Книга раскрывает мотивы его борьбы против фашизма и конфронтационной послевоенной политики Запада.

Незадолго до кончины Ким Филби в январе 1988 года дал интервью в Москве английскому писателю и публицисту Филипу Найтли, в котором, подводя итог их беседы, сказал: «Что же касается возвращения на родину, то нынешняя Англия для меня – чужая страна. Здешняя жизнь – это моя жизнь, и переезжать я никуда не собираюсь. Это моя страна, которой я прослужил более 50 лет. Я хочу быть похороненным здесь. Я хочу, чтобы мои останки покоились там, где я работал».

Государство высоко оценило выдающиеся заслуги Кима Филби, наградив его орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов.

Ким Филби скончался 11 мая 1988 года, похоронен в Москве на Новокунцевском кладбище.

6

Дональд Маклин на передней линии

Шел к концу 1941 год. Под Москвой продолжались кровопролитные бои.

Тяжелое время было и в Лондоне. Немецкая авиация бомбила английские города. Угроза фашистского вторжения на Британские острова не снималась с повестки дня.

Лондонская «легальная» резидентура внешней разведки работала в режиме военного времени. Работники, а их было всего четыре человека, проводили встречи с источниками, приносили немало весьма важных материалов, которые требовалось обработать, а наиболее ценную информацию срочно зашифровать и по радио передать в Москву. Сотрудники зачастую ночевали в своих кабинетах.

В один из таких дней резидент Анатолий Горский, вернувшись со встречи, пригласил к себе сотрудника резидентуры и сказал: «Это материалы особой важности – переписка между Черчиллем и Рузвельтом. Разберись, сними фотокопии и готовь телеграмму».

Содержание переписки было передано в Москву. Полученные сведения послужили серьезным импульсом для советских инициатив по укреплению союзнических отношений с США и Англией, сыгравших большую роль в разгроме фашистской Германии.

Эти документы передал один из наиболее ценных и надежных источников резидентуры – Дональд Маклин, принадлежавший к известной «кембриджской пятерке». Он в это время занимал должность второго секретаря в министерстве иностранных дел Англии. До этого Маклин закончил привилегированный Тринити-колледж Кембриджского университета, работал в МИД, затем, в 1938–1940 годах, третьим секретарем в английском посольстве в Париже.

Разведчик-нелегал Дейч, который работал с Маклином в первый период его сотрудничества с советской разведкой, так характеризовал этого человека: «Он пришел к нам из честных побуждений, ин-

теллектуальная бессодержательность и бесцельность жизни буржуазного класса, к которому он принадлежал, оттолкнула его. Он много читал, умен, скромен... Он смелый человек и готов все для нас сделать».

В МИД он считался способным и перспективным чиновником, которому поручались важные задания, в том числе подготовка секретных документов для кабинета министров.

Как разведчик он действовал расчетливо, аккуратно и смело. Добывал весомую документальную информацию, хорошо разбирался в складывавшейся военной и политической ситуации в мире, которая влияла на принятие тех или иных правительственных решений, и постоянно информировал об этом своего куратора. Так, от него регулярно поступала информация по очень важной германской проблеме (первую встречу с ним по возвращении из Парижа Горский провел в декабре 1940 г.). В 1940-м и начале 1941 года он передал ряд материалов, подготовленных английской разведкой для доклада своему правительству. Среди них такой документ, как мобилизационный план Германии. Помимо этого он передал также мобилизационный план Италии, сведения о состоянии военной индустрии Германии, производственных мощностях крупных германских военных заводов.

В первой половине 1941 года Маклин информировал Москву о подготовке Гитлера к нападению на СССР. Среди документов этого периода необходимо отметить полученную от источника сводку министерства экономической войны Англии, подготовленную для доклада военному кабинету, о неминуемом нападении немцев на СССР. В сводке приводились данные о военных приготовлениях Германии на востоке и ее оперативных планах по разгрому Красной Армии.

Большой интерес представили данные о работе английской дешифровальной службы по раскрытию советских шифров. Источник доставил копии расшифрованных англичанами телеграмм, которые были отправлены из Москвы Коминтерном. Одновременно подчеркнул, что английская дешифровальная служба ведет активную работу по дешифровке советских дипломатических телеграмм, но добиться положительных результатов ей пока не удалось.

Полученные от Маклина данные о работе по дешифровке советских телеграмм сыграли важную роль при принятии необходимых мер по повышению стойкости шифров и создании условий для безопасного использования шифрпереписки на внутренних и зарубежных линиях связи.

С началом войны от Маклина регулярно стали поступать секретные документы о военных планах Англии, переговорах по различным вопросам с США, снабжении армии, мобилизационной работе, вооружении, руководстве военной промышленностью, конструкторскими и исследовательскими организациями, доклады разведки о фашистской армии.

Кроме того, Маклин имел возможность знакомиться с документами, поступавшими из штаба верховного главнокомандования, перепиской министерства иностранных дел со своими зарубежными представительствами за границей и другими важными материалами. Большой интерес, как упоминалось выше, представляла переписка английского правительства с Вашингтоном. По роду работы Маклин имел прямой доступ к этим документам. Он отбирал наиболее интересные материалы и передавал их для фотографирования сотруднику резидентуры.

Центр давал высокую оценку информации, добываемой источником, ставил перед ним конкретные задачи по наиболее животрепещущим вопросам. Одним из таких были англо-французские отношения. У англичан была своя позиция в отношении послевоенной Франции, которая не разделялась французскими представителями за границей. Англия не спешила признавать Французский комитет национального освобождения, сформированный в Алжире и возглавляемый генералом де Голлем.

Информация, переданная Маклином, наряду со сведениями из других источников дала возможность советскому правительству детально разобраться в этом вопросе и определить свою стратегию по отношению к Франции. СССР первым признал Комитет национального освобождения де Голля и установил с ним непосредственную связь. Впоследствии это обстоятельство сыграло существенную роль в развитии советско-французских отношений.

Работать Дональду приходилось напряженно. Понимая, какое значение для советского руководства имеет добываемая им информация, особенно сведения, касающиеся германской армии и ее планов на восточном фронте, он часто шел на риск, чтобы получить интересующие Центр данные. Тяжелыми были и физические перегрузки.

Испытывал он моральные и бытовые трудности. Жену и ребенка отправил в Штаты к ее родителям, так как ребенок требовал лечения, да и оставаться в Англии под немецкими бомбами было небезопасно.

Действовал Маклин продуктивно и с воодушевлением. Ему удавалось добывать многие документы МИД, которые представляли интерес для Центра. Однако порой на это приходилось затрачивать очень много времени. Характерны в этом отношении усилия получить особо секретный документ, именовавшийся «докладом Джебба».

В январе 1943 года Маклин сообщил о подготовке руководством министерства иностранных дел сверхсекретного документа о стратегии внешней политики Великобритании. Автором документа являлся начальник одного из отделов МИД Джебб.

Это сообщение вызвало большой интерес в Москве. Из Центра в Лондон была направлена срочная телеграмма. «Документ представляет для нас исключительный интерес», – подчеркивалось в шифров-

ке и предлагалось во что то бы ни стало получить его или хотя бы ознакомиться с его содержанием.

Резидент информировал Маклина о поставленной задаче. Несмотря на то, что у Маклина были довольно широкие возможности для знакомства с секретными материалами, к этому документу доступа он не имел. По осторожно наведенным справкам выяснилось, что существовало всего два экземпляра документа, один из которых хранился в сейфе министра иностранных дел, другой – у автора.

Маклин начал искать подходы к чиновникам, которые могли знать содержание документа. Одним из таких людей оказался лорд Худ, с которым у Маклина были приятельские отношения. Он рассказал Маклину, что доклад Джебба о будущей внешней политике английского правительства в сокращенном виде был представлен на рассмотрение военного кабинета. Премьер отверг этот доклад. В результате кабинет поручил Джеббу переделать его, включив в него замечания, которые были высказаны при обсуждении. В переработанном виде «доклад Джебба», состоящий из 29 пунктов, был представлен на рассмотрение военного кабинета.

Худ рассказал также, что отдел Центральной Европы МИД выпустил совершенно секретный меморандум как дополнение к «докладу Джебба» о будущем устройстве Германии. Общий смысл этого меморандума сводился к тому, что необходимо поощрять в будущей Германии «федерализм» и «сепаратизм», а существование центрального правительства Германии совершенно отвергалось.

Кропотливая поисковая работа Маклина неожиданно натолкнулась на серьезное препятствие. Контрразведка арестовала некую Эйрес, которая работала личным секретарем Джебба. Вместе с ней был арестован дипломатический корреспондент газеты «Пипл» Мэйк.

Эйрес давно работала в МИД и была допущена к самым секретным материалам. Следствие установило, что она систематически выносила из МИД шифровки, протоколы заседания военного кабинета и пр. и передавала их Мэйку, с которым была в интимных отношениях. В их действиях якобы не было обнаружено состава преступления, но тем не менее каждый из них получил по два года тюремного заключения за нарушение акта об охране государственных секретов.

Это событие послужило причиной принятия строгих мер по повышению безопасности в МИД и ужесточению правил обращения с документами, что серьезно осложнило разведывательную работу Маклина.

«Охота» за «докладом Джебба» длилась почти четыре месяца. К этому времени доклад несколько раз корректировался, наконец был утвержден кабинетом. После этого было отпечатано несколько экземпляров, которые были розданы высшим чиновникам МИД, в том числе начальникам основных отделов. Один экземпляр был прислан и начальнику отдела, где работал Маклин. Однако рядовых сотруд-

ников с этим документом не знакомили. Временами документ находился у заместителя начальника отдела.

Маклин сделал не одну попытку ознакомиться с документом, однако безуспешно. Но однажды удобный случай все же представился. Он работал над одной проблемой, и ему для этого был дан на короткое время «доклад Джебба». Так Маклину после долгих поисков удалось прочитать этот важный документ. Через несколько дней его содержание было передано телеграфом в Москву.

В марте 1944 года Маклин получил новое назначение – первым секретарем английского посольства в Вашингтоне. Руководство внешней разведки встретило известие о переводе Маклина в Соединенные Штаты положительно. Военный и политический центр западных союзников переместился в США. Американцы теперь задавали тон на всех направлениях: военном, политическом, экономическом, а также в области создания новых видов оружия. В этих условиях иметь своего человека в таком важном учреждении, как посольство Великобритании, через которое осуществлялись контакты между руководством США и Англии, было исключительно важно.

Пост первого секретаря посольства выводил Маклина на уровень, который позволял иметь доступ ко многим секретам посольства.

По приезде Маклина в США с ним установила связь «легальная» резидентура. После нескольких встреч руководство резидентуры сразу поняло, что к ним прибыл неординарный помощник. Он не только имел блестящие возможности и мог добывать очень важную информацию, но и был хорошо подготовлен в оперативном отношении. В своем отчете о встречах с Маклином оперработник писал: «“Гомер” (псевдоним Маклина. – *Авт.*) производит впечатление очень инициативного человека, не нуждающегося в том, чтобы его подталкивали в работе. Видно также, что он хорошо ориентируется в международной обстановке и понимает, какие вопросы представляют для нас наибольший интерес. С его стороны не чувствуется желания уклониться от работы с нами. Наоборот, он считает, что слишком редкие встречи не дают ему возможности своевременно передавать разведывательную информацию».

В ответ на полученный из резидентуры отчет о работе с источником из Центра была направлена телеграмма, где указывалось, что для работы с Маклином в США выезжает специально выделенный для этого работник. Им оказался Анатолий Горский, который длительное время работал с источником в Англии и смог установить с ним очень хорошие отношения. Учитывая это, а также новое положение Маклина, Центр решил не менять куратора. Так в октябре 1944 года Горский продолжил работу с Маклином, чему тот был безмерно рад.

После приезда Анатолия Борисовича в США работа с источником значительно оживилась, информационная отдача во много раз увеличилась. За первое полугодие 1945 года только по телеграфу в

Центр было передано содержание 191 секретного документа и 26 агентурных сообщений. Из этих материалов 146 были направлены Сталину и другим высшим руководителям страны.

В числе переданных Маклином материалов находились:

– перехваченные англичанами и американцами телеграммы министра иностранных дел Германии Риббентропа своему послу в Дублине относительно попыток заключить мир с Англией и США;

– документ о ходе и результатах переговоров английского и американского послов с министром иностранных дел СССР Молотовым по урегулированию польского вопроса;

– телеграмма премьер-министра Англии Черчилля президенту США Рузвельту о позиции английского правительства в польском и румынском вопросах;

– документ о намечаемых переговорах союзников с немецким генералом Кессельрингом по поводу капитуляции его войск в Северной Италии;

– телеграмма Черчилля президенту США Трумэну, в которой Черчилль предлагает захватить Триест без предварительного уведомления советского правительства;

– телеграмма Черчилля послу Англии в США Галифаксу, в которой дается указание добиться согласия американцев на занятие Праги до того, как это сделает Красная Армия;

– серия телеграмм о позиции союзников по австрийскому вопросу;

– телеграмма Черчилля Трумэну, содержащая перечень вопросов, которые он предполагал поставить на обсуждение конференции «большой тройки» в Берлине, и др.

В США Горский работал с Маклином всего один год. В ноябре 1945 года по указанию Центра он выехал в Москву. Связано это было с предательством агента резидентуры, который знал Горского как советского разведчика. С Маклином стал работать другой сотрудник, принадлежность которого к разведке не была известна американским спецслужбам.

За время работы в США Маклину по линии своего посольства поручалось вести несколько важных участков. Один из них имел исключительное для советской разведки значение. Он был назначен секретарем англо-американского комитета по атомной энергии, что давало возможность следить за ходом работ по атомной бомбе и новым аспектам в развитии атомной промышленности и научным исследованиям.

Послом Англии в Соединенных Штатах был в то время лорд Галифакс. Поскольку Дональд был прекрасным специалистом и заметно выделялся среди других дипломатов, его постоянно привлекали к подготовке материалов особой важности и срочности. Он участвовал в доработке плана высадки союзников во Франции, был членом англо-американской комиссии по подготовке мирного договора с Ита-

лией и вел другую ответственную работу. Для согласования возникавших между англичанами и американцами спорных вопросов часто вылетал в Лондон.

Самым интересным направлением его деятельности было участие в работе по координации американского Манхэттенского проекта, то есть работа по созданию атомного оружия. Он добывал некоторые материалы по научно-техническим вопросам. Но главным образом его возможности касались оценки тех или иных разработок, политических аспектов той или иной проблемы, противоречий, возникавших между англичанами и американцами. Его информация по этим вопросам оценивалась в Центре исключительно высоко.

Противоречия между США и Англией к тому времени обострились. Англичане отозвали своих ученых домой для работы над собственным проектом. Маклин продолжал в посольстве отвечать за поддержание связи с американской Комиссией по атомной энергии. Это давало ему возможность посещать некоторые атомные объекты и учреждения и наряду с выяснением вопросов, необходимых английским атомщикам, собирать нужную Советскому Союзу информацию.

В феврале 1947 года Дональд Маклин был выдвинут на должность содиректора секретариата по координации англо-американо-канадской политики в области ядерной энергии и тем самым получил еще более широкие возможности знакомиться с секретной документацией по атомной проблеме.

На встрече в октябре 1947 года Маклин сообщил оперработнику, что в США находятся несколько представителей английской контрразведки, которые поддерживают тесный контакт с ФБР. В связи с происшедшим у советской разведки провалом усложнился режим работы и в английском посольстве. Один из сотрудников английской контрразведки рассказал Маклину, что американские спецслужбы арестовали двух американцев, которые признались в работе на СССР. ФБР имеет данные и на нескольких других лиц, но не может подвергнуть их пока аресту, потому что улик недостаточно.

Поскольку обстановка осложнилась, Маклин предложил временно прекратить с ним связь. Центр внимательно рассмотрел эту просьбу и рекомендовал резидентуре работу не прекращать, но усилить конспирацию и встречи проводить не чаще одного раза в месяц.

Отказ сделать перерыв в работе с Маклином был связан с особым характером информации, которая от него в это время поступала, в частности по атомной проблематике. Кроме того, важно было также получить данные и о подготовке США и Англии к конференции Совета министров иностранных дел, которая должна была через некоторое время состояться в Лондоне. Такие материалы имелись в английском посольстве.

Летом 1948 года Маклин получил повышение. Он был назначен советником английского посольства в Египте. Ему в это время было

35 лет. Это был самый молодой дипломат на британской дипломатической службе, занимавший такой высокий пост. О нем говорили как об исключительно способном и блестящем работнике и прочили на высокие должности в министерстве иностранных дел.

После короткого пребывания в Англии он отбыл с семьей в Египет. Резидентура внешней разведки в Каире была соответствующим образом ориентирована в отношении организации работы с источником. Однако плодотворной работы с Маклином не получилось. Большие нервные перегрузки, которые он испытывал на протяжении последних нескольких лет, серьезно сказались на здоровье. Он стал впадать в стрессовые состояния, начал злоупотреблять спиртным. В одном из писем в Москву он выразил желание переехать на жительство в СССР.

В 1950 году Маклин вернулся в Англию. Через некоторое время он получил новое назначение. Он стал заведующим американским отделом министерства иностранных дел. Центр разработал план по восстановлению связи с источником и продолжению работы с ним в Англии.

Однако в мае 1951 года обстановка вокруг Маклина начала осложняться. Американцы, занимавшиеся радиоперехватом наших радиограмм, одновременно проводили работу по их дешифровке. Не один год прошел впустую. Им долго не удавалось раскрыть советские шифры. Проводили эту работу и англичане. Они даже прибегали к таким ухищрениям, как инспирация в парламенте заявлений по каким-либо щекотливым вопросам, полагая, что советская разведка и посольство дадут текст заявления в своих шифртелеграммах. Они считали, что, нащупав текст заявления, они выявят ключ к шифру и раскроют и сам шифр. Однако успехов это не приносило.

Американцы были удачливее. Они по сообщениям в западной прессе сумели прочитать несколько отрывков из телеграмм, направлявшихся нашей резидентурой из США. В июне 1950 года им удалось восстановить отдельные фрагменты шифртелеграммы, посланной в Москву в 1945 году резидентурой внешней разведки в США. В телеграмме сообщалось о секретных англо-американских переговорах. Американцы сообщили об этом англичанам. Английская контрразведка определила, что содержание этой информации было известно только восьми лицам. Пользуясь методом исключения, англичане установили, что сведения об этих переговорах советская разведка могла получить лишь от двух лиц, одним из которых являлся Маклин. Английская контрразведка организовала негласное расследование этого дела и установила за Маклином слежку.

Одновременно с английской контрразведкой за развитием событий внимательно следил Ким Филби – советский разведчик, работавший в английской разведке. В это время он находился в США, являясь представителем СИС в ЦРУ. Он своевременно получил от руководи-

телей ЦРУ информацию и решил действовать без промедления. В США в это время был Гай Берджесс – другой источник внешней разведки, который был связан с ним. Филби информировал его о надвигающейся опасности и предложил срочно выехать в Англию, поставить перед советскими товарищами вопрос о немедленном выводе Маклина в СССР. Филби настаивал также на том, чтобы Берджесс сопровождал Дональда до обусловленного пункта на континенте, а затем возвратился в Англию. Берджесс прибыл в Англию и занялся спасением Маклина.

Руководство внешней разведки не замедлило с ответом. Резидент получил указание принять все необходимые меры к отправке в СССР Маклина и согласился с предложением, чтобы Берджесс сопровождал его в пути.

Однако выехать из Англии было нелегко. Маклин уже находился под плотным наружным наблюдением. Контакт с резидентурой поддерживался через Берджесса, а он, как сотрудник министерства иностранных дел, заходил в кабинет к Маклину, заводил разговор на нейтральные темы, тем временем писал на бумаге, что тот должен делать. Эта предосторожность осуществлялась потому, что кабинет Маклина наверняка уже прослушивался контрразведкой.

Вечером в пятницу 25 мая 1951 года Берджесс заехал домой к Маклину, они объявили домашним, что заедут на часок в клуб. Дональд прошел наверх, поцеловал детей, жену, и они выехали из дома.

Поездка в клуб была лишь предлогом, на самом деле у Берджесса в кармане уже лежали два билета на пароход, отплывавший через полчаса во Францию. Они в последний момент успели сесть на судно, а через несколько часов были в Париже.

Отъезд прошел спокойно, наружного наблюдения не было, начинались выходные дни, и контрразведка, видимо, ограничилась техническим контролем. Да и поведение подопечного не вызывало беспокойства. По внешним признакам можно было заключить, что выезжать он никуда не собирался. Как стало известно позже, контрразведка планировала провести допрос Маклина в следующий понедельник. Но этому не суждено было сбыться. Из Франции путь разведчиков лежал в Швейцарию и Чехословакию. А в воскресенье они были в Москве. (Берджесс решил последовать за Маклином.)

В судьбе Маклина начался новый период. Он прожил в СССР почти 30 лет. Сначала его по соображениям безопасности поселили в Куйбышеве, где он и жил до 1955 года. Затем он попросил перевести его в Москву или Ленинград. К нему приехала жена с детьми, семья получила советское гражданство.

После переезда в Москву Маклин сначала был сотрудником журнала «Международная жизнь», а затем перешел в Институт мировой экономики и международных отношений, где проработал до конца жизни. Одновременно он был консультантом во внешней разведке.

Будучи старшим научным сотрудником, Маклин подготовил несколько научных работ, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию на тему «Внешняя политика Англии после Суэца». Она получила высокую оценку и была опубликована в СССР, Англии и США.

Маклин пользовался большим авторитетом в научном мире нашей страны. Выступал на конференциях, симпозиумах, к нему обращались за консультациями ученые и авторитетные специалисты в области международных отношений.

Талантливый исследователь британской и мировой политики, тонкий аналитик, он внимательно следил и за развитием обстановки внутри СССР. Маклин направлял обращения в ЦК КПСС, КГБ, в которых излагал свои соображения по ряду аспектов внутренней и внешней политики советского государства.

В частности, он считал большой ошибкой советского правительства развертывание в Восточной Европе ракет СС-20. Маклин был уверен, что НАТО отреагирует на эту акцию установкой американских ракет в Западной Европе, и гонка вооружений продолжится в менее благоприятных для СССР условиях.

В политической и экономической областях Маклин был сторонником проведения реформ, направленных на децентрализацию руководства страной, подключению к принятию решений свежих сил и демократизации общества в целом. Еще в 1981 году он говорил о неизбежности реформ, которые должны вывести советское общество на новый уровень развития.

Так, он писал: «...мне представляется наиболее вероятным, что в следующие пять лет в результате благоприятных изменений в высшем руководстве мы окажемся свидетелями улучшения политического, культурного и нравственного климата в Советском Союзе и развертывания целого комплекса реформ, которые затронут самые важные сферы жизни советского народа»[1].

Разведчик, ученый считал, что реформы должны раскрепостить производительные силы страны и дать сильный толчок развитию экономики, культуры, улучшению социальных условий жизни народа и в целом укрепить советское государство.

Что касается жизни Маклина в СССР, то она складывалась интересно и благополучно. Творческая работа увлекла его. Он постоянно был занят исследованием интересовавших его проблем, подготовкой научных докладов и статей, участвовал в конференциях и «круглых столах». Однажды он сказал своему близкому другу Джорджу Блейку: «Вместо того чтобы стать алкоголиком, я стал работоголиком».

К нему постоянно тянулись люди. У Дональда было много друзей и знакомых из числа сотрудников своего института и других научных

учреждений. Маклин был внимателен к коллегам, и если кто-либо обращался к нему за помощью, то никогда не получал отказа. Его мягкий характер и добрая улыбка вызывали ответную благожелательную реакцию. Он овладел русским языком, говорил и писал без ошибок.

Маклин воспитал целую плеяду специалистов в области британской внутренней и внешней политики.

В отличие от Дональда, жена и дети не могли адаптироваться к жизни в СССР, и Маклин страдал от того, что вырвал их из привычной среды.

В конце 70-х годов его сыновья, которые уже имели свои семьи, решили вернуться на родину. Дональд всячески старался помочь оформить документы, необходимые для их возвращения в Великобританию.

К несчастью, Дональд заболел раком. Он это знал, но, будучи мужественным человеком, старался сделать все для членов своей семьи, чтобы у них не возникло осложнений после его смерти. Один за другим Союз покинули все члены его семьи. Он остался в одиночестве. Особенно скучал по своей маленькой внучке, к которой был сильно привязан.

Последние два года Маклин провел один. Его хозяйство вела домработница, добрый и отзывчивый человек. Не покидали его и друзья.

У Дональда была летняя дача. Он получал большое удовольствие, отдыхая в тени сада, среди цветов, выращивал ягоды и овощи. Зимой он страстно любил лыжи и целыми днями пропадал на лыжне в подмосковных лесах и полях.

Болезнь Дональд переносил мужественно. До последнего дня работал над коллективным трудом, который он редактировал.

Незадолго до кончины Дональда к нему в гости приезжали его младший брат Алан и старший сын Фергюс. Но болезнь прогрессировала, и в связи с резким обострением его поместили в одну из лучших клиник Москвы. Медицина оказалась бессильна, и 9 марта 1983 года он скончался.

Гражданская панихида, состоявшаяся в актовом зале института, превратилась в трогательное прощание с человеком, которого уважали и любили. Проститься с Дональдом пришло много людей. Выступали академики, научные сотрудники, представители внешней разведки и люди, хорошо знавшие своего товарища.

Тело Маклина было кремировано. Урну с прахом увез в Англию его сын Фергюс, чтобы, согласно завещанию отца, похоронить в семейном склепе на его родине.

В библиотеке института висят портреты знаменитых ученых. Среди них – портрет Дональда Маклина.

Джордж Блейк в своей книге «Иного выбора нет» писал, что уважение к этому человеку у сотрудников института и его друзей было настолько велико, что долгое время после его смерти у портрета Дональда всегда стояли живые цветы, которые приносили его друзья и поклонники.

Его боевые и трудовые заслуги перед нашим государством отмечены орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

---

[1] **Мировая экономика и международные отношения**. – 1990. – № 11.

7

Человек с чемоданчиком документов

Августовские сумерки постепенно сгущались. Но посетители еще не спешили покидать лондонские скверы. В одном из них прогуливались двое мужчин. Они оживленно разговаривали, ничем не отличаясь от остальной публики, разве только тем, что один из собеседников нес небольшой чемоданчик.

На пересечении сквера с небольшой улицей к ним подошли двое полицейских и стали расспрашивать, кто они и что тут делают. Ситуация для двух приятелей, несмотря на всю ее внешнюю безобидность, оказалась критической. Один из них был сотрудником резидентуры внешней разведки СССР, а другой – важнейшим агентом резидентуры Гаем Берджессом. Чемоданчик Берджесса был до отказа наполнен секретными документами МИД Великобритании, которые тот принес для передачи советскому разведчику.

Берджесс спокойно посмотрел на «бобби» и кивком головы показал на чемоданчик:

– Вас это интересует?

– Именно это, – ответил один из полицейских.

Берджесс спокойно поставил чемоданчик на колено и открыл его. В нем была кипа бумаг. Полицейский поморщился, небрежно перевернув пару листов, сказал, что все в порядке и что господа могут идти.

Гай вел себя, как будто ничего не произошло, а у разведчика в это время сердце оборвалось. Из-за нелепой случайности мог произойти провал, который привел бы к аресту источника и международному скандалу. Но все обошлось.

Как выяснилось позже, полицейские в этом районе охотились за воришками из числа работающих на близлежащих предприятиях, которые выносили с работы в сумках и чемоданчиках инструмент и дефицитные детали. Этот случай стал уроком на будущее, и способ передачи документов пришлось изменить.

Происшедший случай на Гая Берджесса заметного впечатления не произвел. Он продолжал оставаться спокойным и уверенным в себе. Поток информации от него не только не уменьшился, но и еще больше возрос. В это время он работал в МИД, имел доступ к важным документам и, кроме того, мог получать интересную устную информацию, поддерживал связи с высокопоставленными особами и чиновниками, занимавшими крупные посты в государственном аппарате Англии.

До прихода в МИД Берджесс работал в радиокорпорации Би-би-си, а в 1940 году был принят на работу в разведку – МИ-6. Его направили в отдел, который занимался диверсионной работой. Там он стал инициатором создания диверсионной школы и был одним из ее руководителей. В школе готовили диверсантов из бельгийцев, норвежцев, французов и людей других национальностей.

Не без помощи Берджесса в школу в качестве инструктора был зачислен Ким Филби. В дальнейшем он перешел на более ответственную работу в СИС и сделал там блестящую карьеру. Берджесс же вскоре завершил службу в разведке. Основной причиной явились личные качества Гая, которые не соответствовали службе в разведке. Он не соблюдал субординацию, нарушал дисциплину.

После увольнения из МИ-6 Берджессу через свои связи удалось устроиться на нештатную работу в контрразведку – МИ-5. В его задачу входило оперативное обслуживание личного состава европейских правительств в изгнании, находившихся в Лондоне. Берджесс вербовал агентуру в их среде и через нее выявлял профашистски настроенных лиц, немецких лазутчиков, получал данные о деятельности этих правительств. С некоторыми своими агентами он поддерживал оперативный контакт до конца войны.

Работа Берджесса была для советской разведки очень важна. Хотя он не был штатным сотрудником контрразведки, у него была возможность добывать информацию о деятельности этой спецслужбы, общаясь с ее сотрудниками, среди которых были руководящие работники.

Но работать с ним резидентуре было нелегко. С одной стороны, он был грамотным, умным и инициативным человеком, с другой – весьма расхлябанным, вел образ жизни, типичный для английской «золотой молодежи».

Работавший с ним на начальном этапе разведчик-нелегал Арнольд Дейч так характеризовал его: «Он пришел в компартию на основании теоретического изучения марксизма. Очень образован и начитан, но поверхностен. Язык хорошо подвешен, и говорит он охотно и много... Очень важно, чтобы наши работники, которые будут с ним связаны, знали, что они должны быть во всех отношениях примером для него. Ему нужна безусловная строгость, авторитет и принципиальность. Необходимо все время обучать его правилам конспирации».

Сотрудники резидентуры, и прежде всего резидент Горский, старались всеми силами привить ему необходимую аккуратность, подтянуть дисциплину. Даже такой момент, как одежда, которая раньше отличалась определенной небрежностью, теперь выглядела на нем достаточно строго, что для государственного служащего играло немаловажную роль.

Разведчики научили Берджесса правилам и приемам разведывательной работы, соблюдению норм конспирации, и он стал полноценным источником важной политической и военной информации.

В 1941 году Берджесс вновь возвратился на работу в Би-би-си и был принят в редакцию, которая отвечала за проведение дискуссий. Он многое сделал для организации дебатов, вовлекая в них известных специалистов в области политики, экономики и культуры. Он умудрялся брать интервью у людей, подойти к которым не могли многие опытные журналисты. Ему даже удалось пробиться к Черчиллю и провести с ним беседу. Премьер-министр похвалил Берджесса за ум и находчивость и высказал пожелание побольше иметь в области политики таких талантливых молодых людей.

После нападения Германии на Советский Союз Берджесс едко критиковал редакцию, которая вела антисоветскую пропаганду. «На страну – союзника по борьбе с фашизмом должна вестись дружественная пропаганда», – настойчиво доказывал он. И это обстоятельство сыграло немаловажную роль в изменении характера радиопередач об СССР.

Как корреспондент Би-би-си он имел доступ во многие государственные учреждения Англии. Гай обзавелся множеством связей среди носителей секретной информации и легко получал сведения, составлявшие государственную тайну.

Одним из его негласных источников был Денис Проктор, личный секретарь бывшего премьер-министра Болдуина. Он доверительно сообщал Берджессу о переговорах между США и Англией, в которых принимал участие. Проктор рассказал в деталях о конференции Рузвельта и Черчилля, состоявшейся в январе 1943 года в Касабланке, на которой было принято решение осуществить в том году высадку в Сицилии и отложить открытие фронта во Франции до 1944 года.

Для советской разведки эта информация имела исключительно важное значение.

В августе 1943 года Берджесс получил от Проктора информацию о секретной встрече Рузвельта и Черчилля в Квебеке (Канада). На этой встрече два западных лидера договорились о разграничении войны с Германией на два этапа. Первый этап должен иметь своим центром Средиземноморье, где союзники планировали осуществить высадку в Сицилии, а затем непосредственно на итальянскую материковую часть. Только после завершения этой операции начнется подготовка к высадке во Франции. Приблизительно она будет осуществлена в начале 1944 года. Это будет второй этап войны.

Таким образом, задолго до того, как союзники официально уведомили советское правительство о сроках открытия второго фронта, оно уже было информировано руководством разведки об этом и своевременно скорректировало свои военные планы.

После того как в 1944 году Маклин выехал на работу в США, у резидентуры не осталось надежных источников в министерстве иностранных дел. В этой связи было принято решение попытаться продвинуть туда Берджесса. Этот вопрос был обсужден с ним, и агент с присущей ему энергией взялся за дело.

Через несколько месяцев он уже работал в пресс-бюро и являлся штатным сотрудником МИД. На первом этапе каких-либо ценных сведений от него не поступало. Но затем он стал добывать важную документальную информацию по политическим и военным вопросам.

На встрече 10 августа 1944 года Берджесс передал резиденту весьма любопытный документ. Это был подлинник письма представителя английского правительства при Французском комитете национального освобождения в Алжире Купера. В этом письме Купер сообщал министру иностранных дел Идену свою точку зрения по вопросу о послевоенной внешней политике Великобритании. Купер подчеркивал, что Англия должна организовать западный блок государств в противовес славянскому блоку, а также приложить все усилия к созданию сильной Польши во главе с прозападно ориентированным правительством.

Красная Армия еще вела бои за освобождение советской территории от немецких оккупантов, а в Англии полным ходом шло обсуждение вопроса послевоенного устройства Европы, причем основной упор был сделан на конфронтацию с Советским Союзом.

От Берджесса в большом количестве продолжала поступать информация, освещавшая важные военные и политические вопросы. В отчете резидентуры подчеркивалось, что на встрече 1 сентября 1944 года от него было получено восемь фотопленок документов, а 13 сентября – одиннадцать. Большой интерес представляла информация по Польше, Болгарии, Греции, Венгрии и другим странам Восточной Европы. Полученные документы красноречиво свидетельствовали о планах Англии и США, направленных на то, чтобы воспрепятствовать вступлению советских войск на территорию этих стран, и на сохранение там режимов, враждебно настроенных в отношении Советского Союза.

В конце октября 1944 года Центр принимает решение о новых задачах в разведывательной работе в Англии. В направленном по этому вопросу оперативном письме, в частности, отмечалось: «В связи с приближающимся окончанием войны в Европе перед нами уже сейчас встают задачи, которые придется решать в новых условиях.

После войны первейшей задачей резидентуры будет работа по добыванию информации, касающейся внутренней и внешней политики

Англии и США, и в первую очередь политики этих стран в отношении СССР».

В письме даются рекомендации по использованию в новых условиях возможностей источников «кембриджской пятерки». В отношении Берджесса в письме говорилось: «За последний период времени "Хикс" (псевдоним Берджесса. – *Авт.*) превратился в самого продуктивного источника... он дает ценнейшие документальные материалы. Вам следует всячески оберегать его и направить на получение таких документов, которые бы характеризовали кардинальную линию англичан в тех или иных вопросах внешней политики как самой Англии, так и других главнейших стран».

Резидентура приняла необходимые меры к тому, чтобы члены «пятерки» могли успешно решать поставленные Центром новые задачи и в послевоенный период. Находясь в центре британской внутренней и внешней политики, они хорошо видели, куда ведут свои народы правители Англии и США. На горизонте все более явственными становились признаки холодной войны. Начала разрабатываться стратегия прямого военного нападения на советскую страну.

Для Берджесса и его друзей вопрос, на чьей стороне быть после войны, не возникал, ибо жизнь постепенно подвела их к решению – оставаться до конца на защите идеалов мира и социальной справедливости.

Что касается самого Берджесса, то к концу войны его активность значительно возросла. От него поступало довольно много материалов по внутренней и внешней политике Англии. Так, он добыл документ исключительной важности – памятную записку Вильсона, и.о. секретаря британской делегации на предстоящей конференции в Ялте трех держав, о позиции британской делегации на этой конференции.

Записка была составлена по указанию Идена при консультации со всеми заинтересованными департаментами МИД. Она содержала четыре группы вопросов:

А. Вопросы, по которым необходимо обеспечить принятие решений и которые должны быть подняты Черчиллем:
1. Вопросы о будущем Германии.
2. Польско-германская граница.
3. Польская проблема.
4. Участие Франции в предстоящих встречах министров иностранных дел и глав трех держав.
5. Иран.

Б. Вопросы, по которым необходимо обеспечить принятие решений и которые должны быть подняты другими участниками конференции:

1. Осуществление связи между союзническими армиями.
2. Шестнадцать советских республик.
3. Процедура голосований в Совете Безопасности.

В. Несрочные вопросы, которые при определенных обстоятельствах полезно разрешить:
1. Итало-югославская граница.
2. Поставки для Европы.
3. Перемещенные лица.
4. Европейский экономический комитет.

Г. Вопросы, которые могут быть подняты другими участниками конференции, но обсуждения которых мы предпочитаем избежать:
1. Проливы.
2. Поведение русских в Восточной Европе и о контрольных комиссиях.
3. Предварительный мирный договор с Италией.

Другие вопросы, могущие возникнуть в процессе обсуждения: о Греции, Турции, Македонии, военнопленных, Кильском канале и прилегающих к нему районах, участие русских во всевозможных международных организациях и т.д.

Этот документ был доложен Сталину и сыграл положительную роль при подготовке и в процессе работы Ялтинской конференции.

Работа в пресс-бюро была для Берджесса лишь ступенькой на пути к интересовавшим Центр сведениям. Он хорошо понимал это и внимательно присматривался, в каком направлении сделать следующий шаг. Вскоре представился уникальный случай. Он получил место, о котором в резидентуре и не мечтали. В 1946 году он занял должность личного секретаря Гектора Макнейла, который занимал пост государственного министра в министерстве иностранных дел. С этим назначением агент получил доступ практически ко всей секретной информации министерства.

Учитывая способности своего личного секретаря, государственный министр поручал ему подготовку всех наиболее важных документов. Таким образом, Берджесс имел возможность передавать в резидентуру документальные материалы раньше, чем они попадали на стол министру иностранных дел и премьер-министру.

В апреле 1946 года в Париже состоялась конференция министров иностранных дел четырех держав. Основной вопрос касался судьбы бывших союзников Германии. Обсуждался также вопрос о Триесте, о Рурском промышленном районе и некоторые другие. Накануне конференции все документы британского министерства иностранных дел, касавшиеся встречи, находились в канцелярии Макнейла, то есть в руках у Берджесса. В них излагались позиции союзников по вопросам, которые должны обсуждаться, точки зрения западных правительств по отдельным проблемам. Все эти материалы своевременно

были переданы в резидентуру. Таким образом, министр иностранных дел СССР Молотов еще до начала конференции знал о позиции союзников и объективно оценивал возможные результаты, которые можно было в тех условиях достичь.

В марте 1947 года проходила Московская конференция министров иностранных дел. И в этом случае Берджесс постарался снабдить Центр необходимыми документами. И вновь Молотов был в курсе закулисных договоренностей, которые инициировались главным образом американцами и англичанами в ущерб СССР.

Поток информации от Берджесса не уменьшался. В эти годы проводилось много международных встреч по послевоенному устройству в Европе, на некоторые из них Советский Союз не приглашали. Одной из важнейших конференций, на которой принимались решения в обход СССР, была встреча представителей США, Англии, Франции и государств Бенилюкс в ноябре 1947 года. Советское руководство было крайне заинтересовано в получении достоверных сведений о том, какие вопросы обсуждались на конференции и какие были приняты решения.

На конференции помимо «плана Маршалла» обсуждались вопросы, непосредственно связанные с Германией, и в частности со статусом Берлина. Обсуждение этих вопросов без советских представителей являлось прямым нарушением Потсдамских соглашений. И в этой связи советское руководство серьезно беспокоил вопрос о том, как представляют себе западные державы послевоенное устройство Германии.

Берджессу было поручено получить по возможности полную информацию по этой проблеме. В результате некоторые секретные документы о позиции США и Англии поступили уже в ходе конференции. Остальные материалы были направлены в Москву сразу после ее окончания.

Берджесс, как высококлассный специалист, хорошо представлял, какие документы нужны в первую очередь, какие – во вторую. На встрече с работником резидентуры он часто предупреждал о том, что именно нужно без промедления отправить в Москву телеграфом, а что может подождать. Некоторые материалы он дополнял устными соображениями, чтобы при их изучении не возникало неясностей.

В одном из личных писем резиденту Берджесс дает оценку внешней политики Англии, которая начала формироваться с приходом к власти лейбористского правительства. Премьер-министр Эттли и министр иностранных дел Бевин, отмечал Берджесс, твердо придерживаются позиции противостояния Советскому Союзу в любом регионе мира: в Германии, в Юго-Восточной Европе, на Ближнем Востоке и т.д. Однако форма противостояния должна быть такой, чтобы не вызвать военный конфликт. В то же время позиция американцев значительно отличалась от английской. Они все более настойчиво об-

суждают идею превентивной войны против СССР. У английских политиков постоянно жили страх и тревога, как бы американцы не потеряли своего самообладания и не вызвали военный кризис, к которому Британия не готова и которого не желает.

Руководство разведки высоко ценило Берджесса и его работу. В 1945 году было принято решение об определении ему пожизненной пенсии в размере 1200 фунтов стерлингов в год, что по тем временам было значительной суммой. Поблагодарив за внимание, он от денег отказался.

Большое внимание в Москве уделяли закрытой конференции союзников, проходившей в Лондоне с 20 апреля по 7 июня 1948 года. В ней участвовали США, Англия, Франция и государства Бенилюкс. Важной задачей резидентуры было получить сведения о том, что происходило на конференции, какие обсуждались вопросы и какие приняты решения.

И вновь Гай Берджесс оказался на высоте. Он представил необходимые документальные данные, из которых явствовало, что западные державы решили пойти на раскол Германии. Планировалось оторвать три западные оккупационные зоны от остальной Германии, создав из них федеральное государство. Это было новым нарушением Потсдамских соглашений. Берджесс считал, что политика западных государств ведет к обострению отношений с Советским Союзом и чревата опасностью возникновения нового военного конфликта. Он видел, что инициаторами антисоветских акций выступают Соединенные Штаты. «План Маршалла» используется ими как средство давления на своих союзников. Берджесс и ранее неодобрительно отзывался об американцах. Теперь же он стал относиться к ним с плохо скрытой неприязнью.

Осенью 1948 года, после почти двухлетнего пребывания на посту помощника государственного министра, Берджессу предложили перейти для дальнейшего прохождения службы в какой-либо политический департамент. Это обычная практика, которая связана с дальнейшим продвижением по службе. Несмотря на то что работа Берджесса полностью удовлетворяла Макнейла, министр, тем не менее, по-дружески посоветовал своему помощнику перейти в политический департамент, имея в виду перспективу на будущее.

Сам Берджесс в своей записке в резидентуру следующим образом оценивал свое положение: «Как вам известно, я попал в МИД с «черного хода». Это значит, что я не сдавал обычных экзаменов, а поступил на работу в пресс-департамент МИД в качестве временного гражданского служащего... Через год, или около этого, появилась возможность предстать перед отборочным управлением и получить статус постоянного сотрудника МИД, и, к счастью, я был одним из тех 50 процентов служащих, которые успешно прошли через это управление... Я мог бы остаться с Макнейлом до тех пор, пока он оставался

в МИД. Но никто не знает, как долго это будет продолжаться. И он мне посоветовал пойти куда-либо, пока он все еще находится там и в состоянии помочь мне».

В это время сложная обстановка возникла на Дальнем Востоке. Разворачивались крупномасштабные события в Китае. Дальневосточный отдел стал одним из важнейших подразделений министерства. Туда и предложили пойти Берджессу. Он вошел в группу сотрудников, которые занимались непосредственно Китаем и Японией.

В своем сообщении в резидентуру он отмечал, что у него теперь меньше возможностей знакомиться с документами, чем это было раньше. Тем не менее он регулярно просматривает разведывательную информацию по Китаю и Японии, а также знакомится с документами МИД по этим и другим странам Азии.

Центр нуждался в сведениях в первую очередь по Китаю, где развивались очень важные события, а также в информации по Индии, Индонезии, Индокитаю и другим странам этого региона. Азиатские проблемы носили международный характер.

Из документов, которые добывал Берджесс, было видно, что англичане сдерживали откровенно агрессивные подходы президента США Трумэна в отношении Китая. В Лондоне полагали, что, придя к власти, китайские коммунисты не пойдут на радикальные изменения жизни в стране и что Китай останется в сфере западного влияния. Более того, они ожидали охлаждения отношений Китая с Советским Союзом.

Работая в азиатском департаменте, Берджесс нашел способ знакомиться с аналитическими документами комитета по координации деятельности разведки и министерства иностранных дел, получил доступ к секретным материалам, поступавшим из министерства обороны. Все эти документы содержали данные, связанные не только с азиатскими делами, но и с европейскими и международными вопросами. Гай отбирал из них нужные и приносил для фотографирования.

В 1950 году, за два месяца до начала войны в Корее Берджесс представил для пересылки в Москву письменный доклад об оценках английской разведкой размеров военной помощи Советского Союза Китаю. Это была важная информация, поскольку степень осведомленности англичан в этих вопросах играла существенную роль в принятии советским руководством последующих государственных решений.

Гай Берджесс работал активно, конспиративно и смело. Однако у сотрудников резидентуры росло беспокойство по поводу его поведения. Он все больше стал увлекаться спиртным. На этой почве нередко возникали инциденты, которые становились достоянием руководства министерства. Любого другого сотрудника и дня не стали бы держать в таком авторитетном учреждении, как МИД, однако Берджессу, имевшему многочисленных друзей, удавалось выходить из трудных положений без особых потерь.

Об этой слабости Гая хорошо знали в Центре и постоянно напоминали резиденту в Лондоне о необходимости повлиять на него. Резидент и сотрудник, у которого Берджесс находился на связи, многократно вели с ним беседы. Однако больших результатов эти меры не давали. Берджессу нужна была новая обстановка, которая заставила бы его отказаться от алкоголя, но работа в министерстве никак не способствовала этому.

Он уже стал подумывать о переходе на работу в прессу. Но в это время ему было сделано предложение поехать первым секретарем в британское посольство в Вашингтоне. Это предложение Берджесс принял.

Перед отъездом Гай написал письмо Филби, который в это время находился в США, и попросил его разрешить пожить некоторое время у него на квартире, пока он не подберет себе жилье. Ким не сразу дал согласие на это. Берджесс был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой через Филби и афишировать их близкие отношения было совершенно неразумным. Но в то же время Филби и Берджесс в свое время работали в одной организации, поддерживали дружеские отношения, и это было широко известно.

Филби решил, что в этой ситуации нет смысла играть в конспирацию, и написал Гаю о своем согласии принять его у себя. Так несколько дней Берджесс жил у Филби, пока не подыскал себе квартиру.

Пребывание Берджесса в США совпало с открытием, которое сделали американские спецслужбы. Они пришли к твердому мнению о наличии в британском министерстве иностранных дел советского агента, или «крота», как они его называли на профессиональном языке. Об этом были поставлены в известность и английские спецслужбы.

Филби из документов, с которыми знакомился, знал, что кольцо вокруг «крота» сужается и он скоро будет выявлен. Знал он и то, чего не знали еще ни американские, ни английские контрразведчики. Человек, которого так упорно ищут, – Маклин.

Берджесс находился в Вашингтоне уже около года. Проанализировав ситуацию, Филби информировал Берджесса о нависшей над Маклином опасности. Необходимо было начинать операцию по спасению Дональда. Для этого Гай должен был выехать в Лондон. Предлог для этого был создан незамедлительно.

В течение одного дня в штате Вирджиния Берджесс три раза нарушил правила уличного движения – превышал скорость, за что задерживался полицией. Как и предполагалось, губернатор штата реагировал на это довольно болезненно. Он направил в государственный департамент протест по поводу вызывающего злоупотребления дипломатическими привилегиями.

Через несколько дней посол с сожалением сообщил новому первому секретарю о том, что ему придется вернуться в Лондон. Руководство посольства использовало случай с нарушением правил улич-

ного движения в качестве предлога, чтобы избавиться от работника, который систематически нарушал правила внутреннего распорядка, небрежно относился к работе, злоупотреблял спиртными напитками.

Отъезд Берджесса выглядел совершенно естественным. Его возвращение в Лондон никого в английском министерстве иностранных дел не удивило. Случившееся вполне соответствовало обычным «художествам» Берджесса.

Перед отъездом Филби проинструктировал Берджесса о необходимости связаться с советскими товарищами и о том, как информировать об опасности Маклина. Договорились, что Гай выедет с Дональдом из Англии в качестве сопровождающего лица, а затем незамедлительно вернется в Англию. Дело в том, что уход Берджесса неизбежно осложнил бы положение Филби.

Однако события развивались так, что Берджесс решил не возвращаться в Англию и вместе с Дональдом Маклином остался в СССР.

Возможность поездки в СССР на длительное время неоднократно обсуждалась с Берджессом. Она рассматривалась как вариант на случай непредвиденных обстоятельств. И всегда Гай говорил сотруднику резидентуры, что, несмотря на любовь к Советскому Союзу, он вряд ли сумеет вписаться в нашу жизнь, да и в жизнь любой другой страны, кроме Англии.

Первое время он, как и Маклин, по соображениям безопасности жил в Куйбышеве. Затем переехал в Москву. Руководство внешней разведки привлекало его к консультациям по некоторым оперативным и внешнеполитическим вопросам. Недуг, которым страдал Берджесс, продолжал сказываться на его жизни и в СССР. Принимались меры вылечить его от алкоголизма, но безуспешно.

Умер Гай Берджесс в возрасте 51 года 19 августа 1963 года. Тело было кремировано, урна с прахом отправлена в Англию родственникам по их просьбе.

Гай Берджесс оставил во внешней разведке яркий след. Его наследие составило много томов секретной информации. У него было немало друзей в СССР и в Англии.

За самоотверженную работу в разведке он награжден орденом Красного Знамени.

8

Противоборство спецслужб в послевоенной Германии

На заключительном этапе Великой Отечественной войны Красная Армия продолжала наносить все более сокрушительные удары по войскам германского рейха. Немцы все еще оказывали ожесточенное сопротивление, но было ясно – победа антигитлеровской коалиции не за горами. Поэтому государственных деятелей союзных держав всерьез и конкретно заботили планы послевоенного устройства мира.

Решение этих послевоенных проблем по-разному представлялось участникам антигитлеровской коалиции. Данные советской внешней разведки свидетельствовали, что США и Англия держали курс на «отбрасывание коммунизма» и «вытеснение советского влияния из Европы». Жесткое идеологическое, политическое и дипломатическое противостояние не исключало и военного столкновения с СССР. Со своей стороны, руководство СССР отстаивало геополитические интересы Советского Союза и не могло мириться с этим. Оно не собиралось сдавать завоеванных позиций, по крайней мере в Восточной Европе, тем более бросать на произвол судьбы ту часть общественно-политических кругов стран региона, которая ориентировалась на помощь и поддержку своего соседа-победителя. Центральное место в этой связи занимали Германия и Берлин.

Берлинская «легальная» резидентура, руководителем которой был назначен полковник Александр Михайлович Коротков, начала функционировать как особое подразделение штаба 1-го Белорусского фронта, а с августа 1945 года ее работники были прикрыты должностями в аппарате политического советника при Главноначальствующем Советской военной администрации в Германии. Как свидетельствуют документы, перед ними были поставлены следующие главные задачи:

– сбор информации о политическом и экономическом положении в западных оккупационных зонах Германии;

– выявление планов и замыслов США, Англии и Франции в германском вопросе;

– содействие аппарату уполномоченного НКГБ СССР в обеспечении безопасности и проведении контрразведывательных мероприятий в советской зоне оккупации.

Резидентура отдавала себе отчет в том, что германская верхушка еще до полного краха Германии сделала все, чтобы скрыть следы своих преступлений, уничтожить или спрятать компрометирующие документы, по возможности законспирировать и сохранить наиболее опытные кадры нацистской партии, с тем чтобы создать в будущем подпольные организации по срыву послевоенных преобразований на немецкой земле. Разведчики и контрразведчики на первых порах уделяли много внимания поискам германских государственных и партийных архивов. Их труды увенчались успехами. Особо ценные массивы документов были обнаружены в тайниках гестапо и министерства пропаганды. В частности, в донесении резидента гестапо из Швейцарии подробно описывался ход секретных переговоров, которые вели по поручению своих высших руководителей шеф американских разведчиков Аллен Даллес и один из влиятельных сотрудников Главного управления имперской безопасности (РСХА)[1] обергруппенфюрер СС Вольф. Тем самым получили подтверждение данные советской внешней разведки, добытые вскоре после завершения этих контактов.

Немало усилий приходилось затратить на розыск и обезвреживание авторитетных в недалеком прошлом нацистов, чтобы исключить возможность создания ими организованного подполья и сколачивания нелегальных террористических формирований. Предпочтение отдавалось выявлению руководящих деятелей и функционеров нацистской партии, сотрудников РСХА, гестапо, СС, участников карательных операций на временно оккупированной территории Советского Союза и других европейских стран. До конца 1945 года было арестовано и передано в руки правосудия около десяти тысяч военных преступников и их активных пособников.

При розыске штатных сотрудников гитлеровских спецслужб и их агентуры применялся широкий арсенал сил и средств. Например, сведения, поступившие от надежного источника, послужили отправной точкой осуществления оперативного мероприятия, завершившегося установкой местонахождения скрывавшегося в подполье подполковника германской военной разведки Н. После тщательного изучения он был привлечен к сотрудничеству.

В то время многие лица, служившие гитлеровскому режиму, нуждались в квалифицированной юридической консультации, чтобы определиться в новой для себя обстановке, сложившейся в побежденной Германии. Поскольку Н. был по образованию юристом, ему было рекомендовано открыть частную адвокатскую контору, находившуюся, естественно, под контролем резидентуры. Вскоре среди

его клиентуры стали появляться бывшие офицеры абвера, лично знакомые ему и доверявшие своему давнему коллеге. Круг связей подобного рода быстро расширялся, а советским разведчикам было сравнительно легко выявлять в этом специфическом контингенте опасные элементы. Некоторых клиентов Н. резидентура привлекла к негласному сотрудничеству.

Значительный объем информации по абверу поступал от бывшей сотрудницы личного секретариата одного из руководителей германской военной разведки. Эта отважная женщина, болезненно пережившая крах фашистского режима и сделавшая из крушения своих прошлых идеалов соответствующие выводы, известна в архиве СВР под псевдонимом «Фемина».

Работа с Н. и «Феминой» позволила в течение трех лет выявить несколько сот бывших сотрудников абвера и принять в отношении них оперативные, политические, юридические и административные меры, адекватные степени их вовлеченности в практическую деятельность гитлеровских спецслужб и в преступления нацизма.

Гораздо сложнее оказалось подобраться к сотрудникам бывшего 6-го управления (разведка) РСХА. Но в конечном итоге удалось приобрести надежные источники, с помощью которых была добыта информация о кадровом составе этого разведывательного органа, а также найдена часть его архивов.

Об эффективности работы берлинской «легальной» резидентуры по выкорчевыванию корней гестапо можно было бы написать целые тома. Здесь ограничимся кратким описанием лишь одной, но типичной операции. В американском секторе Берлина был установлен проживавший в глубоком подполье бывший резидент гестапо, имевший на связи ценнейшую агентуру из числа министров и крупных чиновников правительств ряда стран Западной Европы. От американцев этот нацист (назовем его «Спрут») таился потому, что изрядно «насолил» им и их западным союзникам своей прошлой деятельностью и вовсе не был уверен, что теперь они отнесутся к нему «с пониманием». В ходе операции выяснилось, что «Спрут» восстанавливает связь со своими агентами и бывшими сослуживцами, склоняет их к участию в подрывной работе в советской оккупационной зоне. Шаг за шагом резидентура обезвредила его агентурную сеть, а также осуществила ряд акций по дискредитации некоторых его пособников. Тем временем поступили данные, что за «Спрутом» начала охотиться американская разведка. Напасть на его след она так и не смогла, хотя он жил во флигеле дома, в котором располагалось одно из учреждений оккупационных властей США. В этих условиях Центр одобрил предложение резидентуры о тайном выводе «Спрута» в советскую оккупационную зону для проведения следствия с последующей его передачей правосудию. Все это было проделано тщательно и оригинально: матерый враг до последнего момента так и не догадался, что задержан

русскими, а не американцами. Просветление в голове у него наступило только тогда, когда он убедился, что находится в восточных районах Германии.

Противоречия в интересах стран-победительниц, в частности, по германскому вопросу предопределяли и принципиальные различия в практической деятельности военных администраций западных и восточной зон оккупации. Особенно зримо это проявлялось в характере и темпах процесса денацификации и демилитаризации Германии. Острые столкновения политического и дипломатического порядка имели место и в связи с проводившимся США и Англией курсом, рассчитанным на фактическое расчленение Германии и пересмотр итогов Второй мировой войны. Дело дошло до того, что США и их союзники демонстративно проигнорировали советские предложения по восстановлению германского государственного единства и в нарушение Потсдамских соглашений пошли на создание 7 сентября 1949 года Федеративной Республики Германии (ФРГ) в границах объединенной американо-англо-французской оккупационной зоны. В ответ на это 7 октября 1949 года на территории советской оккупационной зоны была провозглашена Германская Демократическая Республика (ГДР). Руководство ФРГ тут же заявило о непризнании послевоенных германских границ, выдвинуло территориальные претензии к ГДР и объявило ФРГ единственным законным германским государством. О том, что западногерманские власти действовали по подсказке и с благословения США, свидетельствуют не предназначенные для печати высказывания бывшего тогда государственным секретарем США Джона Фостера Даллеса. По его словам, ФРГ должна была стать «крупным козырем в руках Запада. Включив Восточную Германию в сферу господства Запада, она может занять передовые стратегические позиции в Центральной Европе и систематически подрывать советское военное и политическое влияние в Польше, Чехословакии, Венгрии и других прилегающих странах».

В условиях, сложившихся после окончания Второй мировой войны, немецкая земля не могла не превратиться в «театр военных действий» специальных служб различных государств, занявших противоположные позиции на фронте холодной войны. Уже к началу 1947 года было невозможно указать на такой разведывательный или контрразведывательный орган США и других западных стран, который не вел бы активную разведывательную и диверсионную работу против СССР. Запад энергично подключал к ней специально создаваемые и возникавшие «стихийно» западногерманские политические, общественные, пропагандистские и эмигрантские организации. На территории ФРГ и в Западном Берлине готовились лазутчики и боевики, которые забрасывались с быстроходных катеров в Прибалтику и самолетами – в Закарпатье. Западные немцы вербовали восточных для участия в операциях против Группы советских войск в Германии

(ГСВГ) и различных учреждений СССР. Часто оказывалось, что за спиной западных немцев стояли американские, английские и французские разведчики. Настоящим «шпионским гнездом» стал Западный Берлин, который вопреки его особому статусу рассматривался западногерманскими властями как часть территории ФРГ.

В создавшейся обстановке берлинская резидентура была вынуждена переключить основное внимание непосредственно на противодействие западным спецслужбам. В первую очередь усилия направлялись на привлечение к негласному сотрудничеству работников органов союзнической военной администрации, включая, конечно, американцев, англичан и французов. Достаточно быстро такой агентурный аппарат был создан. Следует отметить, что иностранцы сотрудничали с советской разведкой, как правило, потому, что отнюдь не были в восторге от развязанной холодной войны. Информационная отдача наших помощников в целом позволяла иметь сравнительно полную картину по всему комплексу германской проблематики.

В конце 40 – начале 50-х годов осуществлялось также агентурное проникновение в западные спецслужбы. Эта сложная, а порой и весьма рискованная работа проводилась в тесном взаимодействии с берлинским аппаратом уполномоченного МГБ СССР и контрразведывательными органами ГДР. Постоянную «головную боль» для нас и немецких друзей в тот период представляло 7880-е подразделение военной разведки США (Милитери интеллидженс дитачмент, Эм-Ай-Ди). Американские разведчики действовали на территории ГДР напористо и дерзко и сумели создать агентурную сеть, нацеленную на работу против многих объектов ГСВГ и Народной армии ГДР. Для поддержания связи и передачи информации ими использовались новейшие по тому времени технические средства. К середине 50-х годов было разоблачено и задержано, в том числе с поличным, около ста агентов Эм-Ай-Ди. Однако, несмотря на потери, этот разведывательный орган продолжал функционировать. Наконец советское и восточногерманское руководство санкционировали нанесение удара непосредственно по штабу Эм-Ай-Ди в Вюрцбурге. По заданию советской разведки в аппарат 7880-го подразделения внедрился наш агент. Ему с двумя специально выделенными помощниками было поручено изъять оперативную документацию этой «конторы». Майским вечером 1955 года агент и его товарищи вошли в служебное помещение, извлекли из сейфов и рабочих столов сотрудников все бумаги, а два сейфа из кабинета начальника, которые не удалось вскрыть, вынесли и не спеша погрузили в специально подготовленную автомашину. Проехав с таким багажом по территории Западной Германии, группа благополучно пересекла демаркационную линию и прибыла в назначенный пункт в ГДР. В результате в распоряжение советской разведки и наших коллег из ГДР попали ценнейшие материалы, позволившие скомпроме-

тировать военную разведку США и разоблачить 113 ее агентов. Среди добытых материалов была картотека с данными на пять тысяч агентов и активистов эмигрантского «Союза борьбы за освобождение народов России», находившегося на содержании у американцев. После такого провала упомянутый аппарат Эм-Ай-Ди был расформирован.

Аналогичные операции были осуществлены и в отношении других западных спецслужб. Свою долю серьезных неприятностей получили как многоопытные англичане, так и осторожные французы. На основании достоверных данных, добытых совместными усилиями советских органов госбезопасности и немецких партнеров, были выявлены и обезврежены агенты западных разведывательных центров, занимавшие ответственные посты в административном аппарате ГДР.

Западные спецслужбы были серьезным противником еще и потому, что широко использовали в своих интересах оперативный и политический потенциал западногерманских партнеров. Среди последних прежде всего надо вспомнить об «Организации Гелена». Она была преобразована в 1956 году в Федеральную разведывательную службу ФРГ (Бундеснахрихтендинст, БНД). Заокеанские разведчики остановили свой выбор на генерале Гелене не случайно. В годы войны он возглавлял восточный отдел военной разведки при главном командовании сухопутных сил Германии. После краха гитлеровского режима ему удалось уберечь картотеку агентуры и архивы своего подразделения. Кроме того, Гелен сохранил связи со многими своими сослуживцами. Все это он предоставил в распоряжение американской разведки. С благословения представителей ЦРУ, при их организационной помощи, материальном обеспечении и финансовых вливаниях бывший гитлеровский генерал лично подобрал штат сотрудников, создав из них глубоко законспирированный, корпоративно сплоченный, дисциплинированный отряд профессионалов. У американцев вызывало удовлетворение и то, что Гелен нацеливал свой аппарат на ведение разведки в советской оккупационной зоне в пользу США.

В 1949–1951 годах советская разведка создала прочные оперативные позиции в «Организации Гелена». Это помогало, в частности, сводить к минимуму наносимый ею политический и экономический ущерб СССР и ГДР, а также предотвращать провалы советской агентуры и разведчиков-нелегалов, действовавших на Западе.

Систематически приходилось скрещивать оружие и с западногерманской контрразведкой, тоже созданной и щедро напитанной финансовой помощью американскими спецслужбами. Речь здесь идет о Ведомстве по охране конституции (Бундесамт фюр ферфассунгсшутц, БФФ). Большинство операций этой бескомпромиссной и острой борьбы до сих пор остается «тайной за семью печатями». Однако кое-что можно сделать достоянием общественности. Приведем два примера.

Весной 1953 года советским разведчикам удалось установить негласные деловые отношения с кадровым сотрудником БФФ Хоером. С его помощью на территории ГДР была поэтапно выявлена группа агентов БФФ и западных спецслужб. Затем он перебрался в Восточную Германию и принял активное участие в разоблачительных акциях с подробным освещением в средствах массовой информации деяний «поборников свободы и демократии».

Еще более результативной была серия оперативных комбинаций с участием привлеченного к сотрудничеству руководителя БФФ Отто Иона. Этот высокопоставленный контрразведчик скоро понял, что правящие круги ФРГ препятствуют усилиям возглавляемого им ведомства по денацификации ФРГ. Возмущение Иона вызывало также практически полное игнорирование правительством канцлера Конрада Аденауэра предостережений при назначении на руководящие посты в государственном аппарате ФРГ бывших крупных нацистов. В ходе встреч и бесед с нашими разведчиками руководитель БФФ убедился, что многие его жизненные цели близки к интересам ГДР и СССР и не совпадают с тем курсом, который проводит Аденауэр и его американские боссы.

Венцом указанной разведывательной эпопеи стал переход Иона в ГДР в июне 1954 года. На пресс-конференции в Восточном Берлине он выступил с заявлением, в котором осудил режим Аденауэра и зависимость от США. Особо было подчеркнуто, что правящие круги ФРГ в угоду западным хозяевам покусились на святая святых для любого нормального немца – на восстановление единства Германии. В частности, он сказал:

«Когда в декабре 1950 года я возглавил свое ведомство, я тешил себя иллюзиями, что буду работать во имя построения новой Германии, очищенной от национал-социализма, которая предоставит всем немцам возможность мирной жизни и развития. Вместо этого мы видим сегодня расчлененную Германию, что чревато ее превращением из-за противоречий между Востоком и Западом в арену новой войны. А это может принести нам новые невообразимые страдания. Более того, создаст угрозу уничтожения самой немецкой нации.

...Федеративная Республика Германия превратилась в орудие американской политики в Европе. Американцам нужны в войне с Востоком немецкие солдаты. Они ориентируются при этом на тех, кто не извлек уроков из катастрофы 1945 года и только ждет часа, чтобы вновь ринуться в восточный поход. Именно поэтому ко двору в Бонне снова допущены отъявленные нацисты и милитаристы».

Выше упоминалось, что пособниками американских и прочих западных спецслужб выступали не только разведывательные и контрразведывательные органы ФРГ, но и многочисленные западногерманские политические и общественные организации. Например, восточные бюро ряда политических партий ФРГ, «Группа борьбы против бесче-

ловечности», «Следственный комитет свободных юристов», информационное бюро «Вест».

Читателю нелишне будет узнать, что и здесь «застрельщиками» борьбы против «коммунистической угрозы общечеловеческим ценностям» выступали, как правило, вчерашние гестаповцы. Познакомимся с тем, в частности, как было покончено с наиболее одиозной «Группой борьбы против бесчеловечности». Она была создана в 1949 году в Западном Берлине американской разведкой. Помимо шпионажа эта организация занималась осуществлением диверсий и террористических актов в ГДР, изготовлением и засылкой пропагандистских материалов, рассчитанных на создание напряженности среди населения и дезорганизацию работы органов народной власти. К 1951 году советские разведчики осуществили агентурное проникновение в штаб-квартиру «Группы». Под негласный контроль попали не только центры подготовки диверсантов и пропагандистов, но и маршруты их засылки на территорию ГДР. Источники в руководстве «Группы» снабжали советскую разведку информацией о планировавшихся подрывных акциях и о курировании этой работы со стороны американцев. Когда массивы подобных сведений достигли, что называется, критической массы, контрразведывательные органы ГДР при содействии советской стороны нанесли удар по агентуре «Группы». За короткий промежуток времени были арестованы 163 агента, из которых 34 являлись руководителями подпольных групп. В большинстве случаев их обезвреживание носило характер задержания с поличным. Американцам не оставалось ничего другого, как прекратить финансирование и негласное руководство «Группой», что привело к ее самоликвидации.

Понесенные агентурные потери и существенные морально-политические издержки вынуждали западногерманские и англо-американские спецслужбы прилагать усилия по совершенствованию своей подрывной работы против ГДР и СССР. Увеличивались их штаты, усиливалась специализация и координация деятельности, создавались единые для всех спецслужб оперативно-справочные фонды с использованием средств электронно-вычислительной техники, проводилось массированное оснащение новейшей аппаратурой оперативного назначения.

В целях затруднения деятельности разведок СССР и ГДР в официальных учреждениях и на частных предприятиях персонал систематически проверялся органами западногерманской контрразведки на предмет благонадежности. В государственных ведомствах, научно-исследовательских институтах и на предприятиях, связанных с выпуском засекреченной продукции, на фирмах, поддерживающих деловые отношения с социалистическими странами, был введен особый режим поведения сотрудников, соблюдение которого контролировалось через разветвленную агентурную сеть.

В рамках программы «психологической обороны» на территории ФРГ и в Западном Берлине проводились мероприятия по укреплению «морального единства и бдительности». Антисоветская пропаганда сочеталась с кампаниями шпиономании.

На все это приходилось отвечать контрмерами. Наиболее значительными и масштабными из них были, в частности, комплексные операции, известные под кодовыми названиями «Кольцо», «Стрела» и «Весна».

В 1953 году совместными усилиями советской и восточногерманской сторон были обобщены и систематизированы оперативные данные на выявленных в ГДР лиц, занимавшихся деятельностью, не соответствовавшей их официальному статусу. На этой основе был разработан комплексный план единовременного удара по установленным разведывательно-диверсионным центрам. Он получил кодовое наименование «Кольцо». В день и час X было задержано около трехсот человек, которые хранили в специально оборудованных тайниках разнообразное шпионское снаряжение, подрывную пропагандистскую литературу и документацию, не предназначенную для «непосвященных». В расставленные сети неожиданно для себя угодили агенты и резиденты американской, английской, французской разведок, разведки Гелена и функционеры ряда «общественных» организаций ФРГ.

За операцией «Кольцо» в июле–августе 1954 года и марте–апреле 1955 года последовали две другие – «Стрела» и «Весна». В результате были ликвидированы 12 резидентур иностранных разведок (американской – 4, английской – 5, западногерманской – 3). Было арестовано 598 человек. Из них 221 агент американских спецслужб, 105 лиц, работавших на англичан, 41 осведомитель разведки Гелена и 29 – Ведомства по охране конституции. Большая группа обезвреженных боевиков, агитаторов и информаторов принадлежала «Следственному комитету свободных юристов», восточным бюро ведущих политических партий ФРГ. В ходе операции было изъято 13 агентурных радиостанций, средства тайнописи, специальная фотоаппаратура, оружие и т.п. Под благовидными предлогами в Восточный Берлин были «приглашены» и задержаны с поличным резиденты американской разведки Бодо Гофман, Гюнтер Циммерман, Бертольд Навицкий, крупные геленовцы – Ван Аккерн и Фрике. 134 арестованных без запирательства дали показания о своей принадлежности к иностранной агентуре и о проводившейся ими нелегальной работе. Часть полученных в ходе следствия материалов была предана гласности на организованной в Восточном Берлине в мае 1955 года пресс-конференции с участием более 140 представителей СМИ. Прессу и агентства печати стран «свободного мира» представляли 50 корреспондентов, репортеров и обозревателей. Повышенный интерес вызвала выставка вещественных доказательств.

* * *

Как отмечалось, в сентябре 1949 года западные державы пошли на раскол Германии, что привело к образованию ФРГ и ГДР. В этих условиях руководство Восточной Германии было вынуждено не только налаживать нормальную хозяйственную и общественную жизнь на своей территории, но и заботиться о защите государственных интересов. В этих целях решался и вопрос о создании специальных служб. Уже в январе 1950 года Народная палата ГДР рассмотрела законопроект о формировании соответствующего министерства. 8 февраля 1950 года был принят закон, согласно которому Главное управление по защите народного хозяйства МВД было преобразовано в Министерство государственной безопасности (МГБ) ГДР. Ему поручалась «борьба с актами саботажа и диверсиями, а также пресечение деятельности вражеских разведок и их агентуры на территории республики». С учетом этого руководство Советского Союза приняло решение об установлении официального взаимодействия органов государственной безопасности двух стран и о передаче МГБ ГДР значительной части функций, выполнявшихся с апреля 1945 года на территории Германии соответствующими советскими ведомствами и подотчетными им структурами. Существенно изменились также задачи и формы работы наших разведывательных подразделений.

С согласия высшего партийно-государственного руководства ГДР и при содействии МГБ ГДР советская внешняя разведка продолжила самостоятельную оперативную работу с территории Восточной Германии, переориентировав ее на борьбу против западных спецслужб. Берлинская «легальная» резидентура вошла в состав аппарата представителя МГБ (с 1954 г. – КГБ) СССР при МГБ ГДР. В этом состояло принципиальное отличие нашего сотрудничества с немецкими друзьями от отношений со спецслужбами других стран Восточной Европы. Там наши представительства не вели самостоятельной разведывательной деятельности, выполняя лишь задачи по связи и координации усилий на двусторонней основе.

Внешнеполитическая разведка (ВПР) МГБ ГДР была создана летом 1951 года. Практическая работа по формированию этого органа возглавлялась государственным секретарем МИД ГДР Антоном Аккерманном. В сентябре того же года при Советской контрольной комиссии был образован организационно-инструкторский отдел, которому поручалось, в частности, оказание помощи немецким друзьям в создании вышеупомянутой службы. Его начальником был назначен прибывший из Москвы полковник Андрей Григорьевич Граур (1905–1953)[2].

Андрей Григорьевич быстро завоевал симпатии своих немецких коллег-учеников, среди которых был тогда 28-летний Маркус Вольф, ставший впоследствии легендарным руководителем внешней раз-

ведки МГБ ГДР и возглавлявший ее с 1953 по 1988 год. В вышедшей в 1997 году в Германии книге «Шеф шпионажа в тайной войне» он вспоминает: «Граур был уполномочен лично Сталиным взять нас под свою опеку. У него был большой опыт, и мы, разинув рты, слушали его рассказы об авантюрных буднях разведки». Но главным, разумеется, была серьезная и упорная учеба и совместная работа. Советские инструкторы принимали непосредственное участие в разработке нормативной базы и структуры ВПР, подборе и профессиональной подготовке кадров, создании зарубежных резидентур и их агентурного аппарата. Они щедро передавали свой опыт, оказывали помощь в осуществлении оперативных мероприятий. Советская разведка делилась с немецкими коллегами информацией, получая взамен с каждым годом все более добротный конечный продукт усилий ВПР.

По мере возмужания восточногерманской разведки наше взаимодействие с ней постепенно переходило от оказания инструкторских и советнических услуг к равноправному плодотворному сотрудничеству. Уже к концу 50-х годов ВПР как составная часть МГБ ГДР обладала блестящими профессиональными кадрами, отличавшимися преданностью своей Родине, способностью к самостоятельному осуществлению сложных комплексных операций.

---

[1] Главное управление имперской безопасности (Reichssicherheits Hauptamt, РСХА) – государственное учреждение фашистской Германии, обеспечивавшее ведение разведывательной и контрразведывательной деятельности и решение узловых проблем безопасности гитлеровского режима. Ликвидировано в 1945 году.

[2] А.Г. Граур родился в семье батрака на Херсонщине. В 1920–1922 годах служил в продотряде, в 1923–1925 годах возглавлял комитет бедноты и сельский совет в родной Арнаутовке. В 1925–1931 годах учился на рабфаке, а затем в Московском высшем техническом училище и МГУ. В 1931–1936 годах работал инженером на Московском автозаводе, служил в Красной Армии. После демобилизации поступил в Московский институт востоковедения, однако через два года был по партийному набору направлен во внешнюю разведку. Выполнял ответственные задания в США (1938–1939 гг.), Швеции (1940–1941 гг.), Англии (1941–1943 гг.). Затем, в 1943–1951 годах занимал руководящие должности в центральном аппарате. В 1943–1945 годах возглавлял отдел по взаимодействию с английской и американской разведками в совместной борьбе против фашистской Германии. В 1951–1953 годах был представителем внешней разведки СССР при ВПР МГБ ГДР. Скончался на этом посту.

9

Берлинский кризис и разведка

Ранним утром 24 августа 1961 года в Центре была получена срочная телефонограмма из Аппарата уполномоченного КГБ в ГДР: «Днем 23 августа в Западном Берлине на секторальную границу были выдвинуты соответственно по секторам подразделения американских, английских и французских войск. У границы находятся танки, бронетранспортеры и автомашины с безоткатными орудиями».

В ответ к секторальной границе со стороны Восточного Берлина выдвинулись подразделения советских войск. Впервые войска союзников после Второй мировой войны противостояли друг другу в центре Европы. Это был кульминационный пункт берлинского кризиса 1958–1961 годов.

Одна из самых сложных послевоенных международных проблем – берлинская – была порождена еще до окончания войны. В сентябре 1944 года в Лондоне правительствами СССР, США и Англии был подписан Протокол о зонах оккупации Германии, в котором, в частности, предусматривалось выделение «особого района Берлина, оккупируемого совместно тремя державами». Это было подтверждено затем в 1945 году на Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав. Там же было решено пригласить Францию взять на себя одну из зон оккупации Германии, а также участвовать в управлении одним из секторов Берлина. Берлин был разделен между СССР, США, Англией и Францией на четыре сектора, в три из которых в начале июля 1945 года вошли военные гарнизоны западных держав.

Как и можно было ожидать, три западные державы начали устанавливать в западных зонах оккупации Германии и секторах Берлина свои порядки, а Советский Союз – в восточной зоне и секторе – свои. Это противостояние приобрело отчетливые очертания после начала холодной войны, которая превратила Западный Берлин в постоянный очаг кризиса.

Первое обострение кризиса произошло в 1948 году, когда западные державы своими действиями нарушили экономическое и административно-политическое единство Берлина. В ответ на распространение на Западный Берлин сепаратной денежной реформы, проведенной западными державами в своих зонах оккупации, Советский Союз ввел транспортные ограничения на доступ в западные сектора Берлина с целью предотвращения дезорганизации денежного оборота. Западные державы ответили блокированием торговли с советской зоной оккупации и создали «воздушный мост» для снабжения продовольствием и другими предметами потребления западных секторов Берлина. Возник первый серьезный кризис между Востоком и Западом после Второй мировой войны. Он продолжался 343 дня: 4 мая 1949 года правительствами четырех держав было подписано коммюнике о готовности после отмены блокады Берлина снять все ограничения в области торговли, транспорта и связи в том, что касается Берлина.

Если Берлинский кризис 1948 года был первым серьезным обострением в начавшейся в послевоенные годы холодной войне между Востоком и Западом, то кризис 1958 года, наряду с кубинским, можно считать поворотным пунктом в истории холодной войны. Он привел к длительным переговорам между СССР и тремя западными державами. Они завершились 3 сентября 1971 года подписанием Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину.

Какую роль играла внешняя разведка СССР в Берлинском кризисе? Она внимательно следила за положением в Западном Берлине и действиями западных держав и властей ФРГ против СССР и ГДР. Далее, усилия разведки были направлены на обеспечение советского руководства информацией, необходимой для ведения сложных и нередко заходивших в тупик переговоров с западными державами по берлинскому вопросу. Не раз казалось, что бывшие союзники вели дело к открытой конфронтации. Необходимо было точно знать о планах и намерениях другой стороны, чтобы не предпринять меры и шаги, которые могли бы довести противостояние до критической черты.

Были задействованы резидентуры советской внешней разведки практически во всех западных странах. На протяжении всего периода Берлинского кризиса внешней разведке удавалось систематически обеспечивать руководство Советского Союза информацией, в том числе документальной, относительно позиции и планов западных держав, касавшихся Берлина. В этом очерке было бы преждевременно освещать многие нюансы этой работы, наиболее интересные комбинации. Ограничимся ключевыми моментами.

3 декабря 1958 года состоялось неофициальное заседание членов Совета НАТО, на котором вырабатывалась позиция в отношении советских предложений о превращении Западного Берлина в самостоя-

тельную политическую единицу типа нейтрального вольного города. Еще до начала этого совещания советской разведкой был добыт меморандум правительства ФРГ Совету НАТО под названием «Юридическая и политическая концепция правительства Федеративной Республики Германии в вопросе о статусе Берлина». В этом документе правительство ФРГ старалось внушить членам Совета НАТО мысль, что сохранение четырехстороннего статуса, действовавшего в то время, лучше, чем любые уступки. Сознавая, что переговоры по берлинскому вопросу, по-видимому, неизбежны, правительство ФРГ советовало западным державам перейти в политическое наступление и выступить с рядом серьезных требований к Советскому Союзу.

Настойчивость Бонна имела под собой основание, ибо в это время поступали сведения о том, что, в отличие от правительства ФРГ, три западные державы не занимали столь категорическую негативную позицию в отношении переговоров с СССР.

С учетом настроений, о которых сообщила разведка, правительство СССР 10 января 1959 года направило новую ноту США, Англии, Франции, ГДР, ФРГ и странам, принимавшим участие своими вооруженными силами в войне против гитлеровской Германии. К ноте был приложен проект мирного договора с Германией, в который были включены и предложения по Западному Берлину. Несмотря на позицию ФРГ, между заинтересованными державами началось согласование практических вопросов организации переговоров с СССР, и в марте 1959 года было достигнуто согласие о проведении в Женеве совещания министров иностранных дел.

В преддверии совещания разведка активизировала усилия по добыче сведений о позициях, с которыми западные державы шли на это совещание. Наиболее важным итогом этой работы было получение сведений, свидетельствовавших о заметном расхождении мнений трех западных держав относительно позиции, которую они должны занять в Женеве. Непримиримую позицию в отношении советских предложений по-прежнему занимало правительство ФРГ. Совещание министров иностранных дел четырех держав с участием представителей ГДР и ФРГ, состоявшееся в мае–июне 1959 года в Женеве, не дало никаких конкретных результатов в решении берлинского вопроса. Дальнейшее обсуждение этого вопроса планировалось на май 1960 года, на этот раз на высшем уровне.

В связи с особой важностью берлинской проблемы в 1960 году в Аппарате уполномоченного КГБ в Берлине была создана специальная группа с задачей дальнейшего изучения берлинской проблемы и приобретения соответствующих источников информации. Началась напряженная работа. Это заметно активизировало информационную отдачу. Аппарат уполномоченного в тот период возглавлял опытный разведчик, специалист по Германии Александр Михайлович Коротков. Из берлинского Аппарата в Центр поступил ряд важных ма-

териалов о позиции правительств ФРГ, США, Англии и Франции, в том числе протоколы заседаний правительства ФРГ, на которых обсуждался берлинский вопрос, записка западногерманской службы разведки о предполагаемой позиции Советского Союза на совещании в верхах, ряд документальных материалов Ведомства федерального канцлера о переговорах Аденауэра с западными державами относительно проведения мер против ГДР. Большой практический интерес в этой связи представили инструкции МИД Франции, направленные в январе 1960 года французскому представителю в рабочей группе США, Англии, Франции и ФРГ, созданной для согласования позиций этих стран на предстоящем совещании на высшем уровне.

В результате работы этой группы позиции трех западных держав и ФРГ заметно сблизились и были разработаны согласованные предложения для обсуждения с Советским Союзом. Однако западные державы не рассчитывали на успех. Так, по имевшимся сведениям, посол одной из западноевропейских стран в Англии сообщал 31 марта, что, как полагают в английском МИД, СССР несомненно отклонит это предложение, которое в конечном итоге имеет лишь тактическое и пропагандистское значение. Западные державы, говорилось в сообщении посла, отдают себе отчет в том, что они не могут помешать СССР заключить мирный договор с ГДР. Однако они намерены добиваться того, чтобы такой договор, заключенный без их участия, не затрагивал их прав в отношении Берлина.

В марте того же года через возможности разведки были получены два документа: сообщение о работе группы четырех держав по германскому и берлинскому вопросам и документ об основах модус вивенди для Берлина, представленный США на обсуждение рабочей группы. Как следовало из этих документов, западные державы намеревались во что бы то ни стало сохранить свои права в Западном Берлине. Одновременно советской разведкой были получены документальные данные о подготовке к введению в действие «воздушного моста» между ФРГ и Западным Берлином в случае обострения обстановки вокруг Берлина.

Приготовления западных держав были связаны с предстоявшей в начале мая 1960 года встречей в верхах. Однако вторжение 1 мая 1960 года в воздушное пространство СССР американского самолета-разведчика «Локхид У-2», сбитого советскими ракетами, привело к срыву совещания.

Советская разведка получила сведения о том, что после этого в правящих кругах трех западных держав усилились опасения, что в сложившихся условиях линия на затягивание переговоров по берлинскому вопросу может в конечном итоге привести к заключению Советским Союзом мирного договора с ГДР. Особое беспокойство это вызывало у правительства ФРГ. В это же время из разных источ-

ников поступала информация, свидетельствующая о более сдержанном отношении США. Выяснилось, что на заседании правительства ФРГ в конце сентября 1960 года министр иностранных дел фон Брентано сообщил, что, по мнению американцев, сейчас нет повода для принятия резких ответных акций на советские мероприятия.

Сведения, добытые в ноябре 1960 года, говорили о том, что по указанию госдепартамента миссия США в Западном Берлине предложила западноберлинскому сенату не принимать меры, которые могли бы обострить положение. В частности, американцы указали сенату на недопустимость провокационных выступлений западноберлинской прессы, дающих возможность Востоку говорить о том, что Запад обостряет положение в Берлине.

По полученным разведкой данным, посол ФРГ в Москве Кролль имел в начале мая 1961 года беседу с послами США, Англии и Франции, в которой высказал убежденность в том, что занятие совершенно отрицательной позиции в отношении переговоров, предложенных в памятной записке советского правительства от 17 февраля, приведет к очень серьезному кризису. По словам Кролля, он неоднократно обращал внимание своего правительства на это обстоятельство. Ссылаясь на беседы с Н.С. Хрущевым, Кролль высказал мнение, что если не будут начаты переговоры между СССР и западными державами по германскому и берлинскому вопросам, то советское правительство заключит в конце 1961 года мирный договор с ГДР и постарается решить на этот раз проблему Западного Берлина.

Были получены данные о том, что на сессии Совета НАТО в мае 1961 года в Осло было признано необходимым предупредить СССР всеми возможными средствами о том, что если в результате заключения мирного договора с ГДР для западных держав будет закрыт свободный доступ в Западный Берлин, то с их стороны может возникнуть «реальная угроза» безопасности Советского Союза. В целях демонстрации этой «угрозы» военные органы США, Англии и Франции предлагали, в частности, провести доукомплектование вооруженных сил трех западных держав до уровня военного времени, поставить в известность СССР по неофициальным каналам о разработке этими державами военных планов на случай ограничения их доступа в Западный Берлин, а также принять меры по дезинформации советского правительства о якобы имевшихся планах передачи в распоряжение вооруженных сил ФРГ атомного оружия.

На совещании в верхах в Вене, где германское урегулирование и Западный Берлин занимали одно из центральных мест в обмене мнениями между Н.С. Хрущевым и Дж. Кеннеди, прийти к единому мнению не удалось. Такой исход подбодрил противников переговоров с Советским Союзом в ФРГ, а также и в США.

К этому времени была получена информация о том, что на переговорах в Вашингтоне между Кеннеди и Аденауэром была достигну-

та договоренность о необходимости проведения западными державами подготовки на случай «осложнения» обстановки в Берлине. В июле 1961 года разведка докладывала в правительство материалы о подготовке западных держав к организации «воздушного моста» в Западный Берлин. Указывалось, что военно-штабные органы трех западных держав разрабатывают планы военного характера. В мае–июне Военный комитет НАТО подготовил «четырехфазный план определения пределов стойкости противника». Фаза первая – психологическая: объявление боевой тревоги в вооруженных силах всех стран – участниц НАТО. Фаза вторая: создание «сил прорыва» в составе воинских подразделений США, Англии и Франции, которые должны быть дислоцированы на внутригерманской границе в районе погранпункта Хельмштедт. Фаза третья: «силы прорыва» должны захватить контрольные посты на автостраде, ведущей в Западный Берлин, а также проникнуть на небольшую глубину в ряде пунктов на территории ГДР. Фаза четвертая: приостановка всех военных операций «в ожидании реакции противника».

Несколько позже разведкой были добыты тексты двух важных документов: оперативный план ВВС США в Европе № 129-60 о поддержании связи с Западным Берлином по «воздушному мосту» в случае ограничения со стороны СССР или ГДР наземного доступа в Западный Берлин для военнослужащих США, Англии и Франции, а также оперативный план ВВС США в Европе № 156-60 о поддержке в случае необходимости военно-воздушными силами сухопутных войск США, Англии и Франции в операциях по обеспечению наземного доступа в Западный Берлин по автостраде Хельмштедт–Берлин.

В докладной записке Н.С. Хрущеву разведка 20 июля 1961 года сообщала, что, несмотря на столь тщательную разработку мероприятий военного характера на случай берлинского кризиса, окончательный план их проведения пока не принят. Это, говорилось в записке, «объясняется опасениями США, Англии и Франции, что применение ими силы может вызвать ответные действия Советского Союза, а это поставит западные державы перед выбором: либо отступить и тем самым продемонстрировать свою слабость, либо развязать войну против СССР... В связи с опасением возникновения военного конфликта с СССР в правящих кругах западных держав считают целесообразным уже в ближайшее время пойти на переговоры с СССР».

Аппаратом уполномоченного КГБ в Берлине были получены сведения, подтверждающие, что среди партнеров по НАТО обострились расхождения по берлинскому вопросу. Франция и особенно Англия не желали идти на поводу у США и доводить решение берлинского вопроса до военного столкновения.

В июле–августе 1961 года правящие круги ФРГ развернули активную деятельность по недопущению переговоров Запада с СССР.

Печать ФРГ начала кампанию с угрозами в адрес ГДР и призывами к подготовке в ГДР контрреволюционного путча. Министр обороны ФРГ Штраус встретился с командующим вооруженными силами НАТО генералом Норстэдом, пытаясь убедить его в том, что настало время совместными усилиями ликвидировать ГДР. Заручившись сочувствием Норстэда, Штраус в июле 1961 года направился в США, где в беседах с Кеннеди и его ближайшим окружением пытался убедить их в том, что «восстание» в ГДР назрело.

Из ФРГ в Западный Берлин срочно доставлялись специально подготовленные террористы и диверсанты, из которых создавались ударные группы для переброски в ГДР и создания там беспорядков. Обстановка накалилась, в любой момент мог вспыхнуть конфликт с непредсказуемыми последствиями.

Все это требовало от СССР и его союзников по Варшавскому договору энергичных контрмер. И такие меры были приняты. 13 августа с одобрения стран – участниц Варшавского договора власти ГДР закрыли границу с Западным Берлином, соорудив бетонную стену.

Как утверждает западногерманский историк Кристоф Клесманн, воздвижение стены «не было неожиданностью для правительства США». Еще 30 июля председатель внешнеполитического комитета Конгресса Фулбрайт в интервью телевидению заявил: «Я не понимаю, почему власти ГДР не закрывают свою границу, ибо, по-моему, они имеют полное право ее закрыть». «Парадоксально, – пишет Клесманн, – но сооружение стены на перспективу оказалось шагом “на пути от холодной войны к международной разрядке”»[1].

Сразу после закрытия границы Аппарат уполномоченного КГБ в Берлине проинформировал Центр о реакции западных держав. Он сообщил, что 13 и 14 августа в представительстве ФРГ в Западном Берлине состоялись совещания по вопросу о контрмерах правительства ФРГ в ответ на мероприятие ГДР в Берлине. Обсуждались:

– разрыв внутригерманской торговли и применение со стороны западных держав широких экономических санкций;

– взятие западноберлинским сенатом под контроль участка железной дороги в Западном Берлине.

Присутствовавшие на совещании коменданты США, Англии и Франции не проявили большого интереса к обсуждавшимся контрмерам и конкретно не высказали свою точку зрения на последние события в Берлине.

14 августа из Берлина в Центр была направлена информация: полиция и другие административные органы Западного Берлина имеют строгое указание со стороны западных держав не допускать больших скоплений народа на секторальной границе, опасаясь беспорядков. В район Бранденбургских ворот стянуты большие полицейские силы и техника, с тем чтобы предотвратить выступления, которые могли бы привести к еще большему осложнению.

Стало также известно, что 14 августа правящий бургомистр Западного Берлина Брандт был приглашен в союзническую комендатуру. Из состоявшейся беседы Брандт понял, что западные державы намерены защищать в Западном Берлине только собственные интересы и права. Они отклонили ответственность за возможные осложнения и конфликты, если таковые возникнут по вине западноберлинских властей, и потребовали от Брандта не допускать провокационных действий.

Аналогичное предупреждение сделал канцлеру ФРГ Аденауэру перед своим визитом в Западный Берлин в связи с возведением стены вице-президент США Джонсон. Он заявил, в частности, что США уверены в необходимости вести переговоры с СССР, не связывая их с требованием об отмене последних мероприятий ГДР. Он также рекомендовал западноберлинскому сенату проявлять сдержанность и не проводить провокационных акций на секторальной границе до тех пор, пока не станет ясно, что переговоры с Хрущевым потерпят неудачу.

В связи с предполагаемыми переговорами советская разведка направила в ноябре 1961 года в МИД СССР сообщение о том, что американцы реалистично и трезво оценивают международную обстановку и положение в Германии. США отстаивают свободный гарантированный доступ в Западный Берлин, однако по другим вопросам готовы пойти на компромисс. Они стремятся к заключению долгосрочного соглашения о Западном Берлине, ищут разумный выход из тупика в интересах собственной военной безопасности и поэтому согласны устранить некоторые «неприятные моменты» в Западном Берлине и принять к сведению реальность существования ГДР.

В декабре 1961 года разведка добыла сведения о заседаниях Совета НАТО в ноябре, на которых было признано целесообразным, чтобы три западные державы вступили в переговоры с Советским Союзом. Однако в ходе переговоров предполагалось касаться только берлинского вопроса, настаивать на сохранении войск трех западных держав в Западном Берлине и предоставлении гарантии их безопасности, а также на сохранении свободы и жизнеспособности Западного Берлина и свободы доступа в него. В сообщении разведки подробно излагались тактические шаги на переговорах с СССР, разработанные на заседаниях Совета НАТО.

Начавшиеся в конце 1961 года советско-американские контакты были прерваны в связи с разразившимся в 1962 году Карибским кризисом. Он оживил усилия противников поисков соглашения с Советским Союзом по берлинскому вопросу. В направленной в январе 1963 года в резидентуры ориентировке-задании Центр указывал, что большинство стран – участниц НАТО считает возможным и в дальнейшем придерживаться более жесткой позиции и не выступать с инициативой переговоров с СССР по берлинскому вопросу. Однако

если инициатива будет исходить от Советского Союза, то зондирующие переговоры с СССР следует продолжить. Позиция правительства ФРГ в берлинском вопросе после событий вокруг Кубы стала еще более непримиримой. Правительство считало, что Карибский кризис доказывал правильность жесткого курса и в берлинском вопросе. Поэтому Запад не должен проявлять никакой инициативы проведения переговоров с СССР. А первоочередная задача – форсированная разработка странами НАТО контрмер на случай обострения берлинского кризиса.

События 13 августа 1961 года и последующие события, между тем, оказали серьезное влияние на руководство СДПГ и лично Вилли Брандта, правящего бургомистра Западного Берлина, понявшего бессмысленность демонстрации силы и перешедшего к более гибкой политике. В последующие годы «новое мышление» социал-демократа Брандта не всегда было последовательным и постоянно наталкивалось на противодействие христианско-демократического правительства ФРГ. Тем не менее оно все же приводило к определенным положительным сдвигам в берлинском вопросе. (А сам Брандт стал склоняться к признанию послевоенных реалий в Европе, что позже нашло выражение в хельсинкских договоренностях по проблемам сотрудничества и безопасности в Европе.)

Полученные разведкой из Берлина в начале 1965 года сведения показали, что прошедший 1964 год характеризовался смягчением обстановки в Берлине, стремлением военных властей западных держав и западноберлинского сената избегать открытых действий, могущих привести к обострению положения в городе, а также попытками сената установить контакты с представителями ГДР в целях решения ряда проблем внутригородского значения. США и Англия поддерживали компромиссную позицию сената.

Добытая за эти годы советской внешней разведкой политическая информация о позиции, замыслах и действиях трех западных держав и их союзников в берлинском вопросе сыграла важную роль в мирном разрешении берлинского кризиса, помогала руководству СССР последовательно проводить свою линию и в конечном счете добиться в 1971 году разумного разрешения берлинского кризиса с учетом интересов СССР и его союзников. Мир в Европе, находившийся несколько раз на грани войны, был сохранен.

---

[1] **Kleßmann Christoph**. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970. – Bonn, 1988. – S. 90.

10

Начальник реферата в «Организации Гелена»

Ночью 14 февраля 1969 года, в снег и гололедицу, на контрольно-пропускном пункте Херлесхаузен, что находился на государственной границе между ГДР и ФРГ, произошло знаменательное событие: в результате обмена получил долгожданную свободу Хайнц Фельфе.

Советской разведке в ходе длительных переговоров, к которым были подключены политические круги четырех государств (СССР, ГДР – с одной стороны, ФРГ, США – с другой) удалось добиться согласия западногерманской стороны на обмен видного агента советской разведки Хайнца Фельфе на целый автобус агентов ФРГ и США. Среди 21 агента западных разведок 18 были агентами спецслужб ФРГ и отбывали наказание в тюрьмах ГДР, 3 западных немца были пойманы с поличным и осуждены в СССР за шпионаж в пользу США и были доставлены из Москвы.

Хайнц Фельфе был приговорен в 1963 году к 15 годам лишения свободы – самому жестокому наказанию, которое получил в ФРГ чей-либо агент, и провел в тюрьмах Западной Германии почти 8 лет.

На границе между двумя мирами его встречали представители советской разведки. Для Фельфе это было не только освобождение, это было начало новой жизни, жизни в новом мире.

Жизнь Хайнца Фельфе сложна и противоречива. Родился он в 1918 году в Дрездене в семье сотрудника полиции. Домашнее и школьное воспитание привили ему терпимость к чужим взглядам, стремление к самостоятельности и знаниям, умение ладить с людьми. После прихода к власти Гитлера Фельфе, как и многие другие молодые немцы, был убежден, что новый режим даст немецкому народу ясную цель, благополучие, строгий порядок и дисциплину. В этом сказывалось и влияние его отца. Не окончив полную среднюю школу, Хайнц поступает учеником на завод оптических приборов, но вскоре приходит к выводу, что это не отвечает его призванию. Он поставил

себе цель – получить юридическое образование. Получить свидетельство о полном среднем образовании помог призыв для отбывания так называемой трудовой повинности, где ему, как особо одаренному, была предоставлена возможность для подготовки к экзаменам.

В 1939 году после нападения на Польшу Фельфе был призван в вермахт. В сентябре после 10-дневного участия в военных действиях оказался в госпитале с воспалением легких и по состоянию здоровья в строй не вернулся.

В марте 1941 года в Дрездене Фельфе получил свидетельство о среднем образовании и после отборочного экзамена был зачислен служащим в охранную полицию в системе Главного управления имперской безопасности (РСХА) с одновременным откомандированием на учебу на юридический факультет Берлинского университета. Параллельно с учебой Фельфе занимался на курсах по подготовке комиссаров уголовной полиции. После их окончания, не завершив университетский курс, был направлен на работу в уголовную полицию Дрездена, а затем Гляйвица. В августе 1943 года произошло важное событие: в связи с полученной разнарядкой он выехал в Берлин, где был принят на работу в 6-е (разведывательное) управление РСХА, в реферат по Швейцарии, который позже и возглавил.

В конце 1944 года его направляют на работу в Нидерланды с задачей заброски диверсионных групп в тылы англо-американских войск. Как вспоминает Фельфе, в этот период он уже не проявлял большой активности: война шла к концу, каждый думал, как бы уцелеть. В мае 1945 года он сдался в плен канадским войскам, прошел через опросы и допросы и в октябре 1946 года из плена был освобожден. После освобождения поехал в городок Бад-Хоннеф, что под Бонном, где жила сестра жены. Нужно было начинать новую жизнь, пройти денацификацию. О Дрездене Фельфе не думал: там были русские да и город был полностью разрушен. Через две недели в Бад-Хоннеф приехала жена с сыном.

Спустя несколько месяцев Фельфе смог начать учебу в Боннском университете на факультете государства и права в качестве свободного слушателя, занялся журналистикой, стал расширять свои связи. Частые поездки в качестве свободного журналиста и корреспондента Берлинского радио по Германии, в том числе в советскую зону оккупации, дали ему возможность установить многочисленные контакты.

В этот период под влиянием развития событий в Западной Германии да и в мире в целом произошла переоценка взглядов Фельфе как на историю Третьего рейха, так и на обстановку в Западной Германии. На это потребовались, конечно, не месяцы, а годы. К 1949 году Фельфе стал достаточно критически относиться к политике США и правящих кругов Западной Германии. Он пришел к мысли, что те силы Запада, которые привели ко Второй мировой войне, не могут быть

гарантами прогресса. Фельфе все больше интересовался процессами, происходившими в Восточной Германии, политикой Советского Союза.

Ему приходилось встречаться с советскими журналистами, офицерами из советской военной миссии в английской зоне оккупации. В ходе общения возникали политические дискуссии. Как журналист он брал интервью и беседовал с политическими и общественными деятелями Восточной Германии. Шаг за шагом по образу мышления Фельфе шел к тому, что называется «идейной близостью».

Советским чекистам, находившимся в Дрездене, удалось выйти на жену бывшего сотрудника СД (впоследствии сотрудника разведки РСХА в Берлине) Ганса Клеменса, оставшуюся с детьми в этом городе. Они смогли установить с ней доверительные отношения.

В 1946 году супруга Клеменса, вернувшись из Западной Германии, куда она была направлена для свидания с мужем, рассказала, что Клеменс в разговоре с ней высказал желание встретиться с сотрудниками советской разведки и в принципе готов к сотрудничеству. Клеменс был приглашен приехать в Восточный Берлин на беседу с представителями советской разведки. На встрече, которая вскоре состоялась, Клеменс рассказал, что пытается устроиться на работу в так называемую «Организацию Гелена», рассказал о своей жизни, о своих связях на Западе. В числе своих связей по Дрездену и по Западной Германии он назвал Хайнца Фельфе, работавшего в то время свободным журналистом. О Фельфе он рассказал, что познакомился с ним во время работы в референте по Швейцарии в разведке РСХА, что они близко сошлись, как бывшие дрезденцы. После освобождения из тюрьмы (Клеменс был осужден американцами как военный преступник) Фельфе помог ему найти квартиру, подыскать работу. То обстоятельство, что Клеменс располагал связями среди бывших сотрудников СД и имел возможности для устройства в «Организацию Гелена», вызывал к нему интерес. Было принято решение привлечь его к сотрудничеству с нашей разведкой в качестве агента, наводчика и, возможно, вербовщика.

В конце 1951 года Клеменс провел с Фельфе зондирующую беседу, а затем предложил ему сотрудничать с советской разведкой.

В августе 1951 года в Восточном Берлине Фельфе встретился с представителями советской разведки. Беседа касалась работы Фельфе в адвокатской конторе и в Министерстве по общегерманским вопросам, его связей среди сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов. Фельфе было рекомендовано предпринять шаги для устройства на работу именно в разведывательную службу Гелена.

Активная деятельность «Организации Гелена» против советских оккупационных войск в Германии и Австрии, а также подрывная работа против ГДР заставляли советские спецслужбы предпринимать серьезные контрусилия.

К началу 50-х годов советская разведка уже располагала солидными агентурными позициями в «Организации Гелена», систематически получала информацию об агентуре Гелена, работавшей против советских войск и правительственных учреждений ГДР. Наступательную работу против геленовцев вели и спецслужбы молодой ГДР. В тот период Гелен насаждал агентуру в расположении военных городков, на железных дорогах, вблизи аэродромов, в министерствах и ведомствах ГДР. Руководство республики решило провести аресты геленовской агентуры. В результате первой операции было арестовано сразу более 400 агентов, результаты второй были не ниже. Территория была очищена от значительного числа вражеских агентов.

Выполняя задание, полученное в Восточном Берлине, Фельфе стал перебирать старые связи по Дрездену, по работе в разведывательном управлении РСХА. Осенью 1950 года было создано так называемое «ведомство Бланка», будущее министерство обороны ФРГ. Несколько позже, вопреки Потсдамскому соглашению, министры иностранных дел трех западных держав одобрили решение о ремилитаризации Германии. Укреплялись и спецслужбы. Нужны были кадры.

Именно в это время с Фельфе восстановил контакт бывший полковник вермахта Крихбаум. Он был хорошо осведомлен о работе Фельфе в Министерстве по общегерманским вопросам и предложил ему работу в генеральном представительстве «L» «Организации Гелена», находившемся в Карлсруэ. 15 ноября 1951 года Фельфе был зачислен в состав этого представительства. Оно действовало под вывеской торговой фирмы, шефом был бывший сотрудник абвера Бенцингер. Работа началась с изучения старых личных дел и поиска кандидатов для вербовки. И здесь Фельфе столкнулся с тем, что геленовская разведка работала не только против Востока. Как он сообщал в Восточный Берлин, в 1951–1952 годах генеральное представительство интенсивно работало над приобретением агентуры в ключевых политических и экономических сферах ФРГ и Западного Берлина: в федеральных и земельных министерствах, политических партиях, профсоюзах и др. При этом заводились досье на ведущих политиков как правящих, так и оппозиционных партий.

Начало работы Фельфе в «Организации Гелена» заставило уделять больше внимания его безопасности и организации надежной конспиративной связи. Наряду с личными встречами, которые стали проводиться два-три раза в год, Фельфе предложил использовать в качестве связника Клеменса, который раз в два месяца регулярно появлялся в Западном Берлине. До 1953 года переход из Западного Берлина в Восточный особых проблем не составлял. Это использовалось для доставки агентурных материалов от Фельфе. По мере упрочения положения Фельфе их количество возрастало: как правило, на каждую встречу Фельфе или Клеменс привозили 10–12 заснятых

пленок фотоаппарата «Минокс» и пару магнитофонных катушек. Спустя год с согласия Центра они периодически стали использовать в качестве связника и своего коллегу по Дрездену и по СД Эрвина Тибеля. По их утверждению, Тибель использовался ими «втемную», не зная, что везет и кому. Таким образом, постепенно сложилась агентурная группа, где лидером был Хайнц Фельфе – интеллектуал и организатор.

Работая в генеральном представительстве в Карлсруэ и в одном из филиалов, Фельфе и Клеменс снабжали советскую разведку информацией об операциях на территории ФРГ и ГДР, шпионаже против французских представительств в ФРГ (что делалось по согласованию с американцами). В этот период от Фельфе периодически поступала важная политическая информация. Фельфе смог направить в Восточный Берлин так называемую «Ориентировку 6600», в которой речь шла о мероприятиях геленовской разведки по подготовке к путчу 17 июня 1953 года, а также ряд других документов по проведению специальных мероприятий.

Полученные от Фельфе сведения позволили своевременно прореагировать на инспирированный Западом в 1953 году путч в Берлине.

В соответствии с заданием Центра Фельфе в 1952–1953 годах искал пути и возможности для перехода на работу в центральный аппарат геленовской разведки в Пуллах под Мюнхеном. Решению этой задачи способствовал перевод на руководящую работу в Пуллах из Карслруэ одного из друзей агента.

1 октября 1953 года Фельфе выехал в Пуллах, чтобы приступить к выполнению новых обязанностей в подразделении центрального аппарата геленовской разведки по контршпионажу, задачей которого было проникновение в разведывательные и контрразведывательные службы СССР и некоторых других социалистических стран. Это подразделение являлось ведущим и координирующим. Сюда стекались сведения из всех генеральных представительств и филиалов, в том числе и о совместных операциях с разведслужбами США, Англии и Франции.

К моменту перевода Фельфе в Пуллах «Организация Гелена» представляла собой совершенный шпионский аппарат, соответствующий по стилю и методам работе ЦРУ. И немудрено: за время работы «Организации Гелена» на американцев они вложили в нее около 200 млн долларов.

В июле 1955 года кабинетом Аденауэра было принято решение о превращении «Организации Гелена» в федеральную разведывательную службу (Бундеснахрихтендинст, БНД), и с 1 апреля 1956 года организация начала функционировать как федеральная служба во главе с президентом, который подчинялся непосредственно федеральному канцлеру. Фельфе был переведен в положение федерального чиновника, получил ранг правительственного советника и был

назначен начальником реферата «контршпионаж против СССР и советских представительств в ФРГ». Используя свое положение, в связи с установлением дипломатических отношений между СССР и ФРГ после визита в Москву Аденауэра Фельфе удалось добиться создания в городке Бад-Хоннефе, где первоначально разместилось советское торгпредство, группы БНД, задачей которой было наблюдение и разработка проживающих и работающих в Бад-Хоннефе советских граждан. Руководителем этой группы по протекции Фельфе был назначен его друг и коллега по работе на советскую разведку Ганс Клеменс.

Агентурные возможности Фельфе в связи с назначением его начальником реферата существенно расширились. Через его стол шла масса важных документов, таких как еженедельные политические обзоры, которые разведка готовила для федерального канцлера, правительственные меморандумы, в том числе связанные с планами правительства по перевооружению ФРГ, позиции правительства ФРГ в связи с визитом в Москву Аденауэра и т.д. В сложнейший период холодной войны, когда речь шла об интеграции Западной Германии во вновь создаваемые в Западной Европе союзы и блоки, о создании бундесвера, требованиях доступа для Западной Германии к ядерному оружию, Фельфе умело добывал документы и информацию по внешне- и внутриполитической проблематике. Вся эта деятельность, как прямо заявил позже в своей книге «Мемуары разведчика» Фельфе, была «подчинена интересам принятия Советским Союзом правильных решений».

В силу положения агентов, значения получаемой от них информации практически в каждой встрече принимали участие уполномоченные МГБ–КГБ в ГДР, в частности генералы Е.П. Питовранов, А.М. Коротков, И.А. Фадейкин. Наибольшее впечатление на Фельфе произвел Александр Михайлович Коротков. В книге «Мемуары разведчика» Фельфе, вспоминая о Короткове, пишет: «Его отличный немецкий язык, окрашенный венским диалектом, его элегантная внешность и манеры сразу же вызвали у меня симпатию. Он хорошо ориентировался в различных политических течениях в Федеративной Республике. Не раз мы с ним горячо спорили».

Как правило, при приездах Фельфе или Клеменса в Берлин они вечером выходили в восточный сектор и вместе с оперработником ехали на одну из конспиративных квартир в Карлсхорсте, где все уже было готово к длительной ночной работе. Утром, с первым потоком рабочих и служащих, они возвращались на запад.

Значительную проблему представляла реализация получаемой информации, особенно оперативного характера. Одним из условий, которое поставил Фельфе, уже работая в геленовской разведке, было следующее: ни один агент или объект разработки, о котором станет известно от него, не должен быть арестован (нужно отметить, что это

условие на протяжении десяти лет сотрудничества неукоснительно выполнялось).

Работа Фельфе и Клеменса на советскую разведку в силу их служебного положения, особенно после установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ и обмена посольствами и другими представительствами, все более приобретала характер балансирования на лезвии ножа. Координируя работу разведки ФРГ против советских спецслужб и советских представительств на территории ФРГ, Фельфе одновременно поддерживал контакты и занимался согласованием акций против представительств с Федеральным ведомством по охране конституции (основной контрразведывательный орган ФРГ), с военной разведкой, со спецслужбами США, Англии и Франции. Таким образом, ему зачастую становились известными и те операции, которые осуществлялись этими службами против советских представительств и их сотрудников.

Систематически получая оперативную информацию, в которой шла речь о разработке и предстоящем аресте или выдворении из страны то одного, то другого советского представителя, ни Берлин, ни Центр не могли не реагировать (и достаточно остро) на нее, принимая все меры для спасения советских разведчиков. Таких случаев за полтора-два года до момента ареста Фельфе было уже немало. Под тщательно продуманными предлогами советской разведке удалось вывести из-под удара всех, кому угрожала опасность.

Противник не мог не анализировать причины срыва своих операций. А это были операции по аресту, готовившиеся и Федеральным ведомством по охране конституции, и БНД, и военной разведкой. Ведомства были разные, а результатов в работе по советским представительствам в ФРГ так и не было. В спецслужбах противника, естественно, должна была возникнуть мысль об утечке информации. А если такая мысль возникла, нужно искать источник утечки.

Зимой–весной 1961 года в Центр из Берлина поступило несколько информационных сообщений, анализ которых наводил на мысль о том, что Клеменс и Тибель, по всей вероятности, оказались в поле зрения спецслужб противника.

Центр выступил с предложением о временной консервации разведгруппы, но руководство Аппарата уполномоченного КГБ в Берлине настояло на продолжении активной работы с Фельфе и его коллегами.

Фельфе передал материалы о ряде крупнейших оперативных игр, которые БНД затевала с советскими спецслужбами, в том числе с использованием Фридриха Панцингера, руководившего в свое время особой комиссией гестапо по делу «Красной капеллы»; полковника в отставке фон Бонина, руководящего сотрудника ведомства Бланка (будущее министерство обороны ФРГ); об акциях БНД и Ведомства по охране конституции и в связи с уходом в ГДР руководителя этого ведомства Отто Иона.

Последним острым заданием, которое успел до ареста в ноябре выполнить Фельфе, было указание выявить, где находится предатель Богдан Сташинский, бежавший в ФРГ в конце лета 1961 года, и что он рассказывает противнику. Фельфе, хотя эта проблема никак не была связана с его служебной деятельностью, смог установить и сообщить в Центр, что Сташинский находится у американцев и дает им развернутые показания о своей деятельности.

6 ноября 1961 года Фельфе по телефону получил указание явиться к 11.00 к особоуполномоченному Гелена генералу Лангкау для доклада по одной из важных операций. Генерал дождался конца доклада, а затем через секретаря пригласил в свой кабинет чиновников криминальной полиции, которые объявили Фельфе, что он арестован. Предварительное следствие длилось более полутора лет. Помимо обычного в уголовном процессе следственного судьи в допросах принимали участие сотрудники БНД и американских спецслужб.

Еще в период нахождения Фельфе, Клеменса и Тибеля в следственной тюрьме в Карлсруэ советской разведке удалось установить с Фельфе связь, поддерживать его морально и материально. Уже в этот период было установлено, что в ходе следствия Фельфе держался стойко, признавая только неоспоримые улики. Во время следствия Фельфе ожидал еще один удар: его жена подала заявление о разводе. Клеменс же стал на путь сотрудничества со следствием и откровенно рассказывал обо всем.

Судебный процесс по делу агентурной группы Фельфе начался 8 июля 1963 года и длился две недели.

Фельфе был приговорен к четырнадцати годам тюремного заключения без зачета полутора лет, проведенных в следственной тюрьме. Итого более пятнадцати лет. Клеменса, как признавшего свою вину и помогавшего следствию, приговорили к восьми годам заключения. Тибель получил три года. Фельфе отправили отбывать наказание в тюрьму Штраубинг в Баварии – там ему предстояло пробыть почти шесть лет. Он стойко боролся за свои права: добивался разрешения на работу в заключении, на получение прессы, связи с родственниками.

БНД и в тюрьме не оставляло его в покое. Незадолго до обмена, в январе 1968 года, Фельфе пригласили на беседу с господином, который предложил ему свободу, возможность написать мемуары (был даже назван размер гонорара – полмиллиона марок ФРГ), что позволило бы обеспечить старость. Но все это при условии, что Фельфе после освобождения будет жить в одной из нейтральных стран Запада и навсегда откажется от поездок в страны восточного блока.

Фельфе отказался от этих предложений, справедливо полагая, что за этим стоит БНД. И действительно, это была последняя попытка западногерманской разведки сорвать обмен Фельфе и выезд его в ГДР.

За большой вклад в укрепление безопасности Советского Союза, за многолетнее плодотворное сотрудничество с советской разведкой Указами Президиума Верховного Совета СССР Хайнц Фельфе награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, а руководством КГБ СССР – знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

По возвращении в ГДР Фельфе поселился в Берлине и преподавал криминалистику на юридическом факультете Гумбольдтского университета, где он в 1941 году начинал учебу как студент. Вскоре Фельфе получил звание доцента, защитил докторскую диссертацию. Ему была присвоена степень доктора права и звание профессора. Он неоднократно бывал в СССР на отдыхе и по приглашениям, в том числе юридического факультета Московского государственного университета. В Берлине Хайнц Фельфе нашел и новую подругу жизни.

11

Апеннины

Возобновление деятельности в Италии «легальной» резидентуры советской внешней разведки в послевоенный период происходило в сложной обстановке. К марту 1944 года линия фронта между англо-американскими войсками, освобождавшими Италию от оккупировавших ее немецких дивизий, проходила примерно в 50–60 километрах севернее Неаполя. В этот город и перебазировался из Алжира союзнический Консультативный комитет по Италии, состоявший из представителей США, Англии и СССР. В составе советского представительства находились два сотрудника внешней разведки.

Перед ними стояла задача организации работы по получению информации о положении дел в Италии и в Средиземноморском регионе. Особый интерес представляли сведения о планах США и Англии в отношении послевоенного переустройства европейских стран, конкретно – Италии.

Этот аспект разведывательной работы имел важное значение, так как союзники СССР по антигитлеровской коалиции проводили политику, направленную на то, чтобы свести к минимуму или полностью ограничить возможность какого-либо влияния Советского Союза на формирование общественно-политического строя в освобождаемых от немецкой оккупации странах Европы.

Занимаемая союзниками в этом вопросе позиция открыто проявилась в момент установления советским правительством официальных отношений с базировавшимися в то время в г. Салерно, под Неаполем, итальянским королевским правительством. Когда по радио прозвучало официальное сообщение о том, что 14 марта 1944 года установлены дипломатические отношения и выражена готовность правительств обеих стран немедленно обменяться представителями, англо-американцы отреагировали на это резко отрицательно. По радио и в газетах они стали преподносить этот шаг как осуществление намерений Кремля по вмешательству во внутренние дела Италии.

Из Москвы последовал официальный ответ: «Из трех союзных держав только Советский Союз до сих пор не имел непосредственных отношений с итальянским правительством, располагая в Италии лишь небольшим количеством представителей, связанных только с Консультативным советом по Италии. Таким образом, Советский Союз находился в неравном положении по сравнению с Великобританией и Соединенными Штатами Америки. Теперь это неравенство в известной мере ликвидируется, поскольку Советский Союз получает возможность непосредственных отношений с итальянским правительством, какие давно уже существуют у наших союзников».

Закулисная деятельность, осуществляемая англо-американскими союзниками, сама по себе ставила перед внешней разведкой вопрос о необходимости получения информации об их подлинных замыслах и практических шагах по созданию выгодной Западу политико-экономической системы на территории Италии.

Для решения данной задачи нужны были источники в штабе командования англо-американских войск, в итальянском королевском правительстве, а также в итальянских политических партиях, выходящих из подполья. Работа по установлению контактов и связей среди людей, имевших доступ к указанным учреждениям и организациям, позволила выйти на людей, располагавших нужной информацией. В некоторых случаях этому сопутствовала удача. У одного из итальянцев, с которым у сотрудника советской разведки развились конфиденциальные отношения, появилась возможность получать нужные сведения от американского штабного офицера. Дело в том, что офицер влюбился в дочь этого итальянца и почти каждый вечер приходил в гости. В беседах он рассказывал вероятному тестю о тех планах, которые разрабатывались англо-американской стороной относительно формирования аппарата государственного управления Италии. Получаемые таким образом от американца сведения затем на конспиративных встречах передавались сотруднику советской разведки.

Сразу же после установления официальных отношений с Италией возникла необходимость в подыскании помещения для дипломатического представительства СССР при итальянском правительстве, находившемся в тот период в Салерно. Подбор соответствующего здания был поручен сотруднику внешней разведки, который официально значился первым секретарем советского дипломатического представительства.

Во время поездки по районам города для осмотра предложенных итальянской стороной помещений к этому сотруднику привязался итальянец, который настойчиво предлагал купить у него ни больше ни меньше, как тяжелый американский танк «Шерман». Отвязаться от этого «продавца» оказалось трудно. Он отчаянно настаивал на том, что советский синьор дипломат – а он определил это по флажку на

автомашине – мог бы за бесценок приобрести нужную вещь, если не для себя лично, то для своей страны. «Ваша страна разорена войной больше, чем какая-либо другая, а эту машину можно использовать как в военных целях, так и в гражданских, например в качестве трактора», – убеждал он. Даже угроза сдать его в руки американской военной полиции за попытку продать имущество союзников по антигитлеровской коалиции, причем, весьма возможно, краденое, не охладила пыл итальянца. Он уверял, что танк ему поручил продать американский офицер, снабдив его соответствующим письменным документом. В подкрепление своих слов он даже показал запечатанный конверт и поведал историю о том, что в районе его дома было расквартировано небольшое американское воинское подразделение, а командовавший им офицер был определен на постой непосредственно к нему в дом. Через несколько дней огромные трейлеры привезли в это подразделение из порта 13 танков. На следующий же день к офицеру примчался мотоциклист с пакетом. Видимо, он привез приказ о направлении этого подразделения на линию фронта в сторону Рима. Экипажи заняли места в танках, но экипажей было 12, а танков 13. Один оказался лишним, и командир был вынужден его оставить, поручив, по словам итальянца, подыскать покупателя и продать этот лишний танк.

В конечном итоге нашему дипломату пришлось согласиться взглянуть на этот танк. Действительно, во дворе одного из домов, рядом с городским стадионом, стоял прикрытый брезентом и фанерными щитами новый американский танк.

После осмотра «товара» наш сотрудник, сославшись на то, что эта вещь ему не подходит, так как она слишком большая, взял у итальянца адрес на случай, если кто-нибудь заинтересуется предложением. Позже он рассказал об этом представителю советского военного атташата. Понятно, что и тот не стал «покупать» танк, но купил установленный на танке оптический прицел.

Вообще в тот период в Неаполе, ставшем важным стратегическим портом для союзнических войск, происходило немало курьезных случаев. В портах Неаполитанского залива постоянно стояло под разгрузкой множество судов с войсками, техникой, военным снаряжением и продовольствием. По этой причине немецкая авиация часто совершала налеты на город и порты, особенно в те дни, когда наблюдалось скопление судов. Как правило, во время воздушных налетов город и порты закрывались плотной дымовой завесой. Каждый раз после того, как воздушная тревога заканчивалась и дымовая завеса рассеивалась, выявлялась пропажа с причалов различных грузов, прежде всего продовольствия.

Как выяснилось впоследствии, многие воздушные тревоги являлись ложными. Их устраивали итало-американские криминальные группы в сговоре с армейскими интендантами для того, чтобы под

прикрытием дымовой завесы красть с причалов разгружаемые товары и продовольствие. А однажды в другом крупном порту Неаполитанского залива – Кастелламаре ди Стамбия – во время одной из ложных воздушных тревог с соответствующей постановкой дымовой завесы исчезло... судно типа «Либерти» со всем его снаряжением и грузом!

В конце мая 1944 года линия фронта передвинулась к Риму, а 4 июня немецкие войска, считая бесполезным обороняться у стен итальянской столицы и опасаясь, что партизанские отряды области Лацио могут отрезать им пути отступления, оставили город. Союзнические войска без боя вошли в столицу Италии.

Через несколько дней из Салерно и Неаполя в Рим перебазировался персонал советского посольства и Консультативного совета по Италии.

С возобновлением функционирования посольства в Риме началась работа по организации стабильной оперативной деятельности «легальной» резидентуры советской внешней разведки. Главное – была налажена бесперебойная шифрованная связь с Москвой. Стала увеличиваться численность советской колонии. Прибывали все новые сотрудники отечественных учреждений, среди которых было и несколько разведчиков.

Свои усилия по приобретению помощников резидентура концентрировала на двух направлениях: восстановлении прерванной войной связи с агентурой, приобретенной в довоенные времена, и поиске новых контактов в тех объектах, которые представляли интерес для разведки.

Необходимо отметить, что поиск агентов, сотрудничавших до начала войны с советской разведкой, был исключительно кропотливым делом и редко приводил к желаемым результатам. Война разбросала людей далеко от их прежних мест проживания и работы, многим принесла смерть.

Путь поиска и завязывания новых контактов был более плодотворным. Как отмечали участники и очевидцы тех событий, период окончания войны и первые послевоенные годы были золотым временем для внешней разведки, несмотря на присущие тому времени трудности. Определялось это крупными победами Красной Армии на полях сражений с гитлеровскими войсками и их сателлитами, размахом антифашистского движения в странах Европы, в частности в Италии, огромным ростом интереса различных слоев населения европейских стран к Советскому Союзу, стремлением многих людей выразить личную признательность представителям страны, несущей освобождение от фашизма.

Поток посетителей в посольство был столь велик, что его сотрудники были физически не в состоянии принять всех желающих. Из бесед с многочисленными итальянцами и иностранными посетителя-

ми оперативные сотрудники резидентуры получали много интересной и важной информации о военно-политической обстановке в Италии, в регионе Средиземноморья, о закулисных действиях англо-американских союзников в отношении Советского Союза.

Ряд лиц, посетивших посольство, представлял большой интерес для разведки. Впоследствии контакты с этими людьми были продолжены уже вне диппредставительства. Дальнейшие встречи проводились в городских условиях с соблюдением необходимых мер конспирации. Это позволило римской резидентуре расширить агентурные позиции и обеспечить выполнение заданий Центра.

После полного освобождения в апреле 1945 года территории страны от немецких войск, покинувших Италию под ударами партизанских гарибальдийских отрядов и англо-американских союзнических соединений, развитие политических событий на Апеннинах происходило бурно. Обстановка характеризовалась ожесточенным соперничеством вышедших из вооруженного антифашистского движения итальянских политических партий: с одной стороны – коммунистической и социалистической, с другой – христианско-демократической, республиканской, либеральной и партией действия. Политическая борьба носила весьма острый характер и затрагивала практически все аспекты общественно-экономической жизни страны: проведение референдума о государственном строе Италии (монархия или республика), выборы в Учредительное собрание, выработку и принятие конституции, проведение земельной реформы, вопрос о национализации промышленных предприятий.

Несмотря на противоречия между этими политическими группировками в отношении путей, форм и методов политического, экономического и социального развития Итальянской Республики, представители коммунистов и социалистов в первые послевоенные годы вошли в состав правительственного кабинета. Правда, занимаемые ими министерские посты, как правило, были далеко не главными. С объявлением в 1947 году Соединенными Штатами «плана Маршалла» для западноевропейских стран участию итальянских коммунистов и социалистов в правительстве был положен конец. Американцы выдвинули перед Италией жесткие требования о том, чтобы помощь по «плану Маршалла» предоставлялась лишь при условии устранения коммунистов и социалистов из правительства.

В том же 1947 году в Париже был подписан мирный договор с Италией. При его обсуждении с союзниками по антигитлеровской коалиции на Парижской мирной конференции представители СССР выступили за включение в мирный договор положений, гарантирующих национальную независимость Италии, развитие ее по демократическому пути, запрет на деятельность в стране фашистских организаций и точное определение сроков вывода из Италии англо-американских войск. Вместе с тем СССР добился также включения положения

о возмещении ущерба, нанесенного Италией во время войны Советскому Союзу и другим странам.

Необходимо отметить, что это законное требование сразу же было использовано итальянскими правящими кругами в целях раздувания антисоветской пропаганды в условиях набиравшей в то время обороты холодной войны.

Естественно, что США и Англия, использовав присутствие на Апеннинском полуострове своих войск до конца 1947 года, сделали все возможное, чтобы не допустить перехода власти в Италии к коммунистам и социалистам.

Дальнейшее развитие событий, в частности начавшаяся холодная война, введение в действие «плана Маршалла», а затем вступление Италии в блок НАТО позволили, несмотря на наличие в ней самой крупной по численности из всех стран Запада компартии, закрепить ее в системе так называемых стран западной демократии. Подтверждением проделанной США и Англией в те годы работы в отношении Италии служит высказывание занимавшего в послевоенные годы ответственный пост в госдепартаменте США Стюарда Хьюза, который в изданной в 1953 году книге «США и Италия» отметил, что «еще до подписания в Париже мирного договора Италия стала уже, если не теоретически, то фактически, союзником западных держав в холодной войне против Советского Союза».

Эти события, затрагивавшие национальные интересы Советского Союза, находились в поле зрения его руководства. Для выработки возможных ответных мер от советских разведчиков в Риме требовалась информация, раскрывавшая деятельность главных организаторов и фактических руководителей противостоявшего СССР военно-политического блока.

Центр ставил задачи по получению разведывательной информации о стратегических планах США, Англии и возглавляемых ими союзов по противоборству с СССР и странами социалистического лагеря. Особое внимание Москва обращала на вопросы получения документальных материалов о разрабатываемых и реализуемых новых видах оружия, прежде всего атомного и ракетного, а также электронного оборудования для военного применения.

Расширение спектра разведывательных задач, которые ставил Центр перед сотрудниками римской резидентуры, происходило на фоне усложнения условий их работы в Италии. С постепенным укреплением в послевоенный период структур правительственного аппарата в стране происходило усиление и специальных служб. В условиях раскручивания холодной войны и нарастания антисоветизма ужесточался контроль за деятельностью советских представительств, учреждений и организаций. Не говоря о таких специфических аспектах, как прослушивание телефонных переговоров, установка в совучреждениях и на квартирах советских работников подслушивающих

устройств, использование специальной техники радиоперехвата и т.п., этот контроль наиболее наглядно проявлялся в усилении обычной слежки, так называемого наружного наблюдения. Осуществляли слежку военная и политическая контрразведывательные службы с использованием сил полиции, войск карабинеров (жандармерия), криминальной полиции, финансовой гвардии, дорожной и муниципальной полиции.

Усиленная слежка осложняла работу разведчиков, особенно в деле поддержания связи с агентами. Она потребовала больших усилий, бдительности и осторожности, стала отнимать много времени на подготовку и проведение каждой разведывательной операции.

Несмотря на трудности, римская резидентура наращивала усилия по выполнению заданий Центра. Наряду с политической и экономической тематикой она стала уделять внимание и научно-техническим проблемам. Так, в начале 1947 года из Москвы поступила ориентировка-задание добыть новинку английской военной техники – артиллерийский зенитный снаряд, обладающий высокой степенью поражения движущихся целей. Английские ученые-оружейники начали разрабатывать такой снаряд еще в ту пору, когда немцы приступили к регулярному обстрелу Англии ракетами большой мощности «Фау-2». Как известно, эти ракеты типа «земля–земля» представляли большую опасность. Они наносили ощутимые разрушения, уничтожали промышленные и жилые здания в крупных городах Великобритании. Интенсивная работа английских специалистов позволила добиться успеха – был создан электронный зенитный снаряд с необыкновенно высоким по тому времени коэффициентом попадания в летящую цель.

Перед резидентурой было поставлено задание – добыть техническую информацию об этом снаряде, получившем кодовое название «Бой», и по возможности – его образцы.

На первый взгляд, задача по поиску в Италии новинок, разработанных и примененных на практике при защите территории Англии, казалась делом почти безнадежным. Однако при тщательном размышлении резидентура пришла к выводу, что и в Италии был смысл проработать все возможности по выполнению задания Центра.

Во-первых, поскольку «Бой» имелся уже на вооружении английской армии, нельзя было исключить, что снаряды находятся на складах артвооружений английских воинских подразделений, которые недавно воевали в Италии и пока дислоцированы на ее территории. Если таковых складов уже нет, то необходимо было выяснить, куда они переведены.

Во-вторых, как отмечалось, после подписания союзниками по антигитлеровской коалиции мирного договора с Италией в Париже правительства Англии и США проводили политику форсированного втягивания этой страны в свою орбиту. Поэтому нельзя было исклю-

чать, что союзники могли предоставить итальянским вооруженным силам не только старую военную технику, но и новые образцы вооружений.

В-третьих, торговля оружием и военным имуществом в странах Запада велась не только по государственной линии, но и осуществлялась отдельными дельцами по частным каналам. Имел же место упомянутый случай, когда американский офицер поручил итальянцу продать оказавшийся у него лишним танк.

Прежде чем приступить к проработке этих вариантов, необходимо было решить вопрос относительно тех агентурных сил, которые могли бы быть задействованы для выполнения столь сложной задачи. К оперативному делу решено было подключить опытного агента «Рея», который через свои связи в английских и американских торгово-посреднических частных фирмах сумел выяснить, что соответствующие зенитные снаряды могли храниться на севере Италии на артскладах, созданных союзниками после окончания боевых действий против немцев.

От них «Рей» также узнал, что английское военное ведомство продало итальянскому артиллерийскому управлению несколько тысяч каких-то специальных снарядов, в которых кроме взрывчатки имелась и электронная «начинка». Таким образом, агенту удалось получить сведения о том, что английские зенитные снаряды с электронным взрывателем имеются на территории Италии и, более того, находятся на вооружении итальянской армии.

Резидентуре было уже известно, что основной артсклад итальянской зенитной артиллерии располагался в одном из городков неподалеку от Рима. Можно было с большой долей уверенности предполагать, что именно на нем и находятся приобретенные у англичан электронные «Бои».

Агент завел деловые связи в этом городке. Ему пришлось дать подзаработать некоторым инженерам, техникам и административным сотрудникам артсклада с помощью разного рода заказов, что позволило выявить тех, с кем можно было «иметь дело». В конечном итоге удалось купить у оказавшихся подходящими для этого лиц как образцы «Боев», так и чертежи и соответствующую техническую документацию.

В сентябре 1947 года резидентура доложила о выполнении задания и переправила в Центр добытые образцы и материалы.

Внешне «Бой» имел форму обычного артиллерийского снаряда размером (без патронной гильзы) немного больше пивной бутылки. Встроенные в него электронные устройства взрывали снаряд на оптимальном для поражения цели расстоянии.

Не осталась в стороне римская резидентура и от ставшей исключительно важной в послевоенные и последующие годы работы по проблематике использования ядерных материалов в военной и гра-

жданской областях. Как известно, большой вклад в ядерную физику внесли итальянские ученые Ферми, Понтекорво, Амальди и др. В США и Канаде ученые-физики итальянского происхождения широко привлекались к важным секретным работам по проектам типа Манхэттенского.

Некоторые из них по причине своих пацифистских убеждений наряду с учеными из других европейских стран еще до трагедии в Хиросиме были принципиальными противниками использования открытий ядерной физики в создании оружия массового уничтожения, вплоть до бойкотирования Манхэттенского проекта. Именно таких позиций придерживался один из молодых итальянских ученых-физиков, являвшийся другом опытного, проверенного агента римской резидентуры «Церна». И когда он получил предложение от учреждения одной из западных стран принять участие в проекте по практическому использованию теории ядерной физики в энергетике, то агенту пришлось много поработать с ним, чтобы убедить этого ученого согласиться на предложенную работу. «Церн» сумел доказать своему молодому другу, что бойкот ядерных проектов – это донкихотство. В те годы подобные бойкоты ничего не могли бы изменить в разработке и производстве Соединенными Штатами нового вида оружия, а бойкотирующие ученые остались бы лишенными информации о разрабатываемых новых технологиях, попали бы в поле зрения ФБР и, возможно, подверглись бы преследованиям. И главное, в чем убедил агент своего друга, – это то, что новые ядерные технологии не должны были оставаться монополией США, которые держали бы остальной мир под угрозой новой войны с использованием атомного оружия.

В конечном итоге с молодым ученым (впоследствии ему был дан псевдоним «Медис») была достигнута договоренность о том, что он примет поступившее ему предложение участвовать в проекте, осуществляемом в одной из стран Запада, и будет передавать секретную информацию по проекту «Церну» для использования ее «в интересах прогрессивных сил». Затем с «Медисом» были отработаны практические операции по передаче им через тайники для советской внешней разведки тех секретных материалов, над которыми он работал. А участвовал он в секретном проекте по разработке технологии создания ядерных устройств.

Для встреч с «Медисом» пришлось подобрать специалиста, обладавшего профессиональными знаниями в области ядерной физики. Новый оперативный работник с первой же встречи пришелся по душе «Медису», между ними сложились дружеские отношения, которые способствовали существенному повышению эффективности работы с ученым.

Оставалась нерешенной проблема подбора мест проведения встреч. С точки зрения конспирации и безопасности для этого не подходили

ни ресторанчики, ни кафе, ни гостиницы. В этой связи было принято решение снимать на нужный срок подходящую квартиру. В ней и организовывались многочасовые, а иногда занимавшие целые дни и ночи беседы командированного из Центра оперативного сотрудника с «Медисом».

Нужно отметить, что продуктивность проходивших на квартирах встреч приезжавшего из Центра оперативного сотрудника специально для бесед с «Медисом» была исключительно высокой. Все интересующие Москву вопросы, относящиеся к тематике его работы в проекте и в области исследований ученого-ядерщика, обсуждались в спокойной обстановке.

Таким образом, работа с «Медисом», хотя и требовавшая по причине ее многоплановости и участия в ней несколько расширенного круга лиц на всех этапах, проходила без срывов и давала, по оценкам Центра, исключительные результаты. Как стало известно позже, поступавшая через разведку от ученого-ядерщика техническая информация имела важное значение и явилась весомым вкладом в укрепление экономического и оборонного потенциала СССР.

Естественно, что рассказанными эпизодами деятельность разведчиков римской резидентуры не ограничивалась. Как уже было отмечено, закулисные действия бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции в Италии в послевоенный период вынудили сместить акцент разведывательных приоритетов римской резидентуры со сбора информации о положении в зоне Средиземноморья на получение сведений о деятельности возглавлявших противостояние Советскому Союзу стран – США и Англии. С созданием в 1949 году Североатлантического союза работа наших разведчиков на территории Италии была переориентирована на информационное освещение открыто враждебной по отношению к Советскому Союзу деятельности военно-политического блока НАТО. Холодная война усугубила противостояние и враждебность между бывшими союзниками. Развитие событий в этом направлении привело к концентрации усилий резидентур внешней разведки в европейских странах на так называемом натовском направлении.

Здесь необходимо особо выделить работу сотрудника внешней разведки полковника Николая Михайловича Горшкова (1912–1995).

После освобождения Италии от фашистов в 1944 году он был направлен в эту страну в качестве резидента и проработал там до 1950 года. Николай Михайлович был не только хорошим организатором, но и служил замечательным примером для подчиненных. Он лично приобрел ряд источников, от которых поступала важная политическая и научно-техническая информация, имевшая существенное оборонное и народнохозяйственное значение. При его непосредственном участии был добыт комплект чертежей американского бомбардировщика Б-29. В 1947 году он разработал и успешно провел упомянутую

в этом очерке операцию «Бой». Оценивая поступившие в результате этой операции материалы, главный конструктор ведущего оборонного объекта дал заключение, что «это в значительной степени способствовало сокращению сроков разработки аналогичной модели и затрат по производству».

Деятельность полковника Н.М. Горшкова во внешней разведке отмечена орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» и многими медалями.

Во многом благодаря проделанной в первые послевоенные годы римской резидентурой оперативной работе ей и в последующем удавалось достойно решать ставившиеся руководством Советского Союза перед внешней разведкой задачи.

12

Во имя истины

В декабре 1993 года появились сообщения о том, что в Париже на 80-м году жизни скончался высокопоставленный в прошлом французский чиновник Жорж Пак, которого многие называли крупнейшим агентом КГБ во Франции за все годы холодной войны. Один из французских журналистов образно назвал Жоржа Пака «человеком, проходящим сквозь стены, который тайно пробирался по ночам в министерские кабинеты, взламывал защищенные комнаты, фотографировал все, что хотел, и затем, никем не замеченный, вновь исчезал в парижской ночи. Такое можно увидеть лишь в фильме».

Но в действительности ничего подобного в жизни Жоржа Пака не было: ни ночных проникновений в канцелярии министров, ни взламывания защищенных кабинетов, ничего такого, что зачастую встречается в шпионских фильмах. Да и зачем Жоржу Паку надо было это делать? Он был если не руководителем, то ведущим сотрудником многих министерских кабинетов, и все секретные документы этих канцелярий находились в его руках... Все было более буднично, но в то же время серьезнее и значительно сложнее, особенно в психологическом отношении.

История секретного сотрудничества Жоржа Пака с советской разведкой началась в далеком 1943 году в Алжире. Чтобы понять, почему Пак стал на путь секретного сотрудничества с иностранной державой, нелишне вспомнить, в каком положении находилась тогда его родина, дорогая его сердцу Франция...

22 июня 1940 года французское правительство, которое возглавлял маршал Петэн, подписало акт о капитуляции. Гитлер разделил Францию на две зоны. Две трети территории страны – вся Северная Франция, включая Париж, побережье Ла-Манша и Атлантику, – были оккупированы германской армией. В неоккупированной, южной зоне, сохранялась юрисдикция правительства Петэна, обосновавше-

гося в курортном городке Виши, которое проводило политику коллаборационизма с нацистской Германией.

Но далеко не все французы смирились с поражением и признали «режим Виши» своим правительством. За несколько дней до подписания акта о капитуляции по лондонскому радио выступил заместитель министра национальной обороны бывшего правительства Франции генерал де Голль с обращением ко всем французам и француженкам, призывая их развернуть борьбу с нацистской Германией. «Что бы ни случилось, – подчеркивал он в обращении, – пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет»[1]. Этим было положено начало движению «Свободная Франция», которое организационно оформилось в сентябре 1941 года, когда был создан Национальный комитет свободной Франции (НКСФ) во главе с генералом де Голлем.

Советское правительство, исходя из интересов объединения всех сил на борьбу против фашистской Германии, 26 сентября 1941 года, то есть сразу же после создания НКСФ, признало де Голля как руководителя «всех свободных французов, где бы они ни находились»[2]. При этом советское правительство заявило о своей решимости содействовать «полному восстановлению независимости и величия Франции»[3]. В 1943 году полномочным представителем СССР при Французском комитете национального освобождения (ФКНО – так стал называться НКСФ с 3 июня 1943 г.), штаб-квартира которого обосновалась в Алжире, был назначен видный советский дипломат Александр Ефремович Богомолов.

Резким контрастом на фоне этого последовательного и ясного внешнеполитического курса Советского Союза по отношению к Франции выглядела неопределенная и даже двусмысленная политика Великобритании и особенно Соединенных Штатов. И США, и Англия, считая, что Франция уже перестала быть великой державой, и надеясь поживиться за счет французских колониальных владений, всячески тормозили признание де Голля в качестве главы временного правительства Франции. США до ноября 1942 года поддерживали официальные дипломатические отношения с правительством Виши. Лишь в августе 1943 года США и Англия из опасения, что СССР углубит свои отношения с де Голлем, признали Французский комитет национального освобождения, сопроводив признание рядом оговорок.

Жорж Пак, которого война забросила в Алжир, работал в это время на французской радиостанции «Радио-Франс», где под именем Рене Версаля вел хронику событий в рубрике «Голос Сражающейся Франции». И он воочию смог убедиться в двойственности политики США и Англии, войска которых в ноябре 1942 года высадились в Северной Африке. В своем частично автобиографическом романе-исповеди[4] Жорж Пак писал, что поначалу он с энтузиазмом встретил вы-

садку американцев в Северной Африке, но затем довольно быстро понял свою ошибку: «Они вели свою войну, не нашу... – пишет Пак. – Их люди презирали нас, поскольку мы были побежденными и бедными; их руководители уже мечтали о том, как вытеснить нас из этой Африки, которую я полюбил...» «Именно в Алжире, – говорит он позднее, – я впервые увидел американцев в действии. Уже тогда, в 1943 году, они работали в Северной Африке в ущерб Франции, поднимая племена против нас, ведя за нашей спиной переговоры с султаном Марокко. И еще больше я возненавидел их после того, как услышал, как американские генералы заявляли цинично: "После немцев надо будет заняться русскими"».

Жорж Пак невольно сопоставлял действия русских и американцев: одни сразу признали «Сражающуюся Францию», другие вели двусмысленную политику, признали руководящий орган «Сражающейся Франции», фактически ее временное правительство, только с различными оговорками. Жорж Пак непроизвольно начал симпатизировать русским и считал, что он находится в одном строю с русскими. «Именно в это время началось советское наступление, – пишет Пак в своем романе. – Наконец-то "наш лагерь" перестал отступать»[5].

Жорж Жан-Луи Пак родился 29 января 1914 года в небольшом провинциальном городке Шалон-на-Соне в департаменте Сона. В 1924 году пошел учиться в коллеж в родном Шалоне.

В 1931 году для продолжения учебы он поступил в Парк-лицей в г. Лионе, который успешно окончил в 1934 году. В 1935 году он стал студентом литературного факультета «Эколь нормаль» (Высшей нормальной школы)[6].

Годы учебы Пака в «Эколь нормаль» (1935–1939 гг.) совпали с годами усиления политического размежевания французского общества и нарастания угрозы новой мировой войны.

Глубокие и обширные знания, приобретенные Жоржем Паком во время учебы в «Эколь нормаль», позволили ему получить дипломы Сорбонны о высшем образовании в области итальянской филологии, а также по практическому итальянскому языку и итальянской литературе. И завершились годы учебы успешной сдачей в Сорбонне конкурсного экзамена на степень «агреже по итальянской цивилизации» (агреже – лицо, прошедшее конкурс на замещение должности преподавателя вуза). При этом Жорж Пак занял первое место и получил премию министерства колоний Франции – путевку на Антильские острова.

Осенью 1939 года Жорж был мобилизован в армию. Военная кампания 1939/40 года оказалась для Франции проигранной.

После демобилизации с ноября 1940 года в течение года он работал преподавателем в Ницце. Но большинство его друзей и левой, и правой ориентации, враждебно настроенные по отношению к «режиму Виши», покидали Францию, многие из них направлялись в Северную Африку. Жорж с женой также решили оставить Францию, и в

сентябре 1941 года они выезжают в Марокко, где Паку была предоставлена работа преподавателя литературы в одном из лицеев в Рабате. Одновременно Жорж ведет литературную страничку в издаваемом Ж. Фором еженедельнике «Молодежь».

Круто изменили спокойное течение жизни молодой семьи Паков события конца 1942 года.

8 ноября 1942 года в Марокко и Алжире высадились англо-американские войска под командованием генерала Эйзенхауэра. После непродолжительных боев войска Виши, которые формально находились в союзе с Германией, сложили оружие. Вишистская колониальная администрация в Северной, а также Западной Африке перешла на сторону союзников.

«В конце Рождества 1942 года, – вспоминает Жорж Пак, – нас посетил мой друг по «Эколь нормаль» Пьер Бутан... Он предложил мне срочно выехать в Алжир и занять пост начальника кабинета у Жана Риго, только что назначенного статс-секретарем по информации, с которым у Бутана были довольно близкие отношения».

Так 20 января 1943 года по рекомендации друга Жорж оказался в Алжире в штате комиссариата информации. Жан Риго поручает Паку и еще одному сотруднику быстро организовать работу радиостанции «Радио-Франс», и уже в феврале начинаются ее регулярные передачи. «На мою долю, – пишет в своей автобиографии Пак, – выпало огромное счастье первым по североафриканскому эфиру произнести слова о свободе и поддержать призыв генерала де Голля...»

В этот период Пак через одного из своих друзей знакомится с руководителем резидентуры советской разведки в Алжире. Постепенно у них завязалась личная дружба, перешедшая в прочное сотрудничество единомышленников, продолжавшееся почти 20 лет.

В сентябре 1944 года Жорж Пак предупредил своего советского друга, что в ближайшее время он вместе со своими коллегами по временному правительству переберется в освобожденный от немцев Париж. Резидентура отрабатывает с Паком условия связи на Париж, и в октябре 1944 года с ним восстанавливается оперативный контакт во Франции.

Пак работал в это время в кабинете военно-морского министра Жакино в качестве директора кабинета. В связи со сложностью оперативной обстановки в городе встречи с ним проводятся строго на конспиративной основе. Паку даются рекомендации о соблюдении мер предосторожности при выполнении заданий резидентуры и при выходе на встречи. Он с пониманием относится к этим рекомендациям, поскольку страна все еще живет по законам военного времени.

Победа антифашистской коалиции коренным образом изменила соотношение сил во Франции. На первый план выдвинулись левые антифашистские, демократические группировки. Но основное влияние на жизнь Франции оказывают де Голль и его сторонники.

Однако их усилия по претворению в жизнь идеи создания сильного государства и «сильной власти» натолкнулись на противодействие большинства Учредительного собрания, и 20 января 1946 года де Голль ушел в отставку. После этого усилилась межпартийная борьба за власть, и обстановка в высших эшелонах власти становилась все более и более нестабильной. Эта нестабильность была характерна и для периода после принятия в декабре 1946 года новой конституции, ознаменовавшей начало IV Республики. Правительства менялись порой несколько раз в год, на смену одним премьер-министрам приходили другие...

Соответственно, нестабильным было и положение Жоржа Пака. За короткий промежуток времени он сменил несколько кабинетов: в марте 1946 года он занимает пост помощника шефа кабинета главы правительства Феликса Гуэне, в феврале 1947 года вновь работает в кабинете военно-морского министра Жакино, в июле 1948 года становится помощником начальника канцелярии у Рене Коти, бывшего тогда министром городского строительства и реконструкции, а в конце 1949 года устраивается в секретариат премьер-министра Жоржа Бидо.

Зная о высоком интеллектуальном потенциале Жоржа Пака и его неординарных способностях, Москва рекомендовала резидентуре в Париже посоветовать Паку устроиться на один из объектов политико-стратегического значения, работая в котором он мог бы снабжать разведку ценной информацией, раскрывающей планы и намерения западных держав в отношении Советского Союза и стран Восточной Европы. Такими объектами в то время могли быть канцелярия премьер-министра, министерство иностранных дел или министерство национальной обороны (НАТО еще не существовала).

В целях приближения к решению этой задачи Жорж Пак по согласованию с русскими друзьями в 1948–1949 годах прошел курс обучения в Высшей школе при министерстве национальной обороны, где специализировался на вопросах ведения «психологической войны».

В начале 1951 года Жорж Пак поделился с оперработником своими мыслями о его возможном участии в предстоящих выборах в Национальное собрание Франции, что, по его мнению, позволит ему занять более прочное положение в политических кругах страны. Руководство разведки положительно отнеслось к этой идее.

Жорж Пак выставил свою кандидатуру в небольшом городке Макон в его родном департаменте Сона и Луара.

Пак был земляком маконцев, которым импонировало, что сын парикмахера из городка Шалон-на-Соне достиг таких высот: является доцентом университета, государственным чиновником, выполняющим важные миссии и живущим среди сильных мира сего.

Правда, Пака не избрали депутатом, его соперник оказался более удачливым. Но цель была достигнута: эта предвыборная кампания

упрочила положение Пака во французских правящих кругах как добропорядочного христианина и патриота своей страны.

В период с 1953 по 1957 год Жорж Пак благодаря своим связям в правительственных учреждениях был начальником канцелярии в министерстве торгового флота, советником в госсекретариате по вопросам финансов и экономики, затем – в госсекретариате по вопросам энергетики. Будучи от природы человеком честолюбивым в хорошем смысле этого слова, Пак много работает и пользуется полным доверием своих начальников. В знак признания его заслуг на государственной службе Жорж Пак в 1956 году был награжден орденом Почетного легиона.

Но где бы ни работал Пак, он оставался для советской разведки важным источником ценной политической и оперативной информации. Он черпал информацию не только по месту своей службы, но и получал порой более важные и более ценные сведения от своих друзей по «Эколь нормаль» и Сорбонне, которые занимали руководящие посты в министерствах и других государственных учреждениях либо стали видными литераторами, журналистами, имеющими дружеские связи с министрами, депутатами и другими политическими и государственными деятелями, вплоть до премьер-министров и президентов.

В эти годы сотрудничества Пака с советской разведкой с ним работают такие известные разведчики, как Иван Иванович Агаянц, Аркадий Иванович Куликов и др. Они сделали очень много, чтобы обеспечить решение разведывательных задач, используя возможности Пака. Все они видели в Паке прежде всего политического бойца, с которым их объединяло единство взглядов и общая озабоченность за судьбы мира. Общение Пака с этими людьми оставило неизгладимый след в его жизни: он мог раскрыть перед ними душу, рассказать о переживаемых им трудностях, поделиться своей радостью и горем, откровенно высказать свои сомнения. И всегда получал от своих советских друзей-единомышленников моральную поддержку и новый заряд бодрости и жизненных сил.

А трудности в жизни Пака, конечно же, были. На одной из встреч с Аркадием Ивановичем Куликовым Жорж сказал ему: «Вы не можете... представить себе, что значит для меня все время находиться в том окружении, в котором я вынужден быть, и как мне тяжело иногда переносить всю тяжесть одиночества и напряжения, которое определяется как моим положением, так и необходимостью вести исключительно осторожный, скрытый образ жизни... По этим вопросам я не могу поделиться своими мыслями даже со своей женой. И это, должен Вам признаться, иногда почти невыносимо».

Конец 50 – начало 60-х годов в жизни Франции были особенно напряженными. Страна вступила в полосу затяжной политической нестабильности, обусловленной глубокими изменениями в социаль-

но-экономической ситуации и начавшимся крайне болезненным процессом крушения французской колониальной империи.

Куда пойдет Франция? Этот вопрос интересовал политиков, дипломатов и разведчиков многих стран послевоенного мира. Найти ответ на этот вопрос – такая задача была поставлена Москвой перед советской дипломатией и советской разведкой. И надо признать, что прогнозы советских дипломатов и разведчиков, работавших в то время в Париже, во многом подтвердились последующим ходом событий. И значительное место в этом занимала информация, поступавшая от Жоржа Пака.

Один из известных американских публицистов, в прошлом сам профессиональный разведчик, справедливо отмечал, что разведывательные службы оказывали и оказывают гораздо большее влияние на ход истории, чем это представляется некоторым. «За любым крупным событием, – писал он, – за спиной каждого государственного деятеля, причастного к этим событиям, стояли разведчики, однако авторы научных хроник – то ли из-за высокомерия, то ли из чувства брезгливости – игнорируют их вклад и редко называют их имена...»[7]. Эти слова в полной мере могут быть отнесены ко многим советским разведчикам периода холодной войны и их верным помощникам, в парижском «созвездии» которых Жорж Пак был «звездой» первой величины.

Большое внимание в эти годы уделялось резидентурой советской разведки в Париже выявлению перспектив развития сотрудничества западных держав в рамках НАТО, созданной в 1949 году, особенно с учетом особой позиции Франции, претендующей на равновеликую с США и Англией роль в этой организации. Штаб-квартира НАТО находилась тогда в Париже, и в аппарате секретариата НАТО работало много французов. Были среди них и знакомые Жоржа Пака.

Действуя в соответствии с рекомендациями советской разведки, Жорж Пак в апреле 1958 года устраивается на работу в Постоянный государственный секретариат национальной обороны при Совете министров Франции, преобразованный с приходом к власти де Голля в Генеральный штаб национальной обороны (решение Совета министров от 11 июня 1958 г.). В составе Генерального штаба при Службе общей информации был создан Комитет по координации психологических акций. И Паку как специалисту по вопросам ведения психологической войны (вот когда пригодились знания, полученные им в свое время по проблемам психологической войны) было поручено возглавить секретариат этого комитета.

Годы работы Жоржа Пака в системе Министерства обороны Франции, а затем – в секретариате НАТО были наиболее плодотворными годами его сотрудничества с советской разведкой.

Работа в Комитете по координации психологических акций открывала перед Паком широкие возможности для ознакомления с ма-

териалами военно-стратегического характера французского министерства национальной обороны и других министерств, занимавшихся проблемами психологической войны, а также для выхода на сотрудников штаб-квартиры НАТО. Возможности Пака еще больше расширились, когда в ноябре 1958 года Генеральный штаб национальной обороны Франции назначил его своим представителем в рабочую группу Постоянного совета НАТО по координации вопросов психологических действий. Это способствовало, в свою очередь, установлению Жоржем Паком дружеских отношений со многими ответственными работниками Генерального штаба Франции. Широкие информационные возможности Пака позволили советской разведке добывать в этот период документальную разведывательную информацию по многим политическим и военно-стратегическим проблемам как отдельных западных держав, так и НАТО в целом.

Это были годы, когда, как выразился один из французских журналистов, Жорж Пак стал «важным винтиком в советской машине», а секретные документы «потекли рекой в Советский Союз». Здесь были документы и Генерального штаба национальной обороны Франции, и руководящих органов НАТО. Значительный интерес для высшего политического и военного руководства Советского Союза представлял проект плана ведения психологической войны вооруженными силами НАТО.

1961 год был годом резкого обострения международной обстановки, когда в любой момент холодная война могла превратиться в «горячую» и перерасти в глобальную атомную катастрофу. Это был год назревания Берлинского кризиса. Казалось, мир был на грани ядерной катастрофы... и, однако, катастрофы не случилось, возобладало благоразумие, и мир был сохранен.

Немалая заслуга в предотвращении военной катастрофы принадлежит и Жоржу Паку. С начала 1961 года от него постоянно поступала важная разведывательная информация, в том числе документальная, раскрывавшая истинные планы и намерения западных держав, что дало возможность советскому руководству выработать реалистические решения по поводу будущего Германии и Западного Берлина.

Тот факт, что среди добываемых Паком документов почти не было материалов по военно-стратегической проблематике Франции, видимо, не является случайностью. Жорж Пак стал на путь сотрудничества с советской разведкой, испытывая глубокую неприязнь к американцам, но, продолжая оставаться патриотом своей Родины, он не мог пойти на передачу секретных документов, затрагивающих интересы непосредственно Франции.

Передавая советской разведке материалы, раскрывающие военно-стратегические потенциалы США и НАТО, Жорж Пак хотел тем самым сохранить равновесие сил двух противостоящих друг другу блоков и не допустить возникновения глобальной катастрофы, которая

неизбежно поглотила бы и Францию. Поступая подобным образом, Жорж Пак, по его собственному признанию, руководствовался гуманными чувствами и помыслами: он действовал в интересах Франции, он хотел оградить свою Родину от атомной войны. Именно это было основной движущей силой в его сотрудничестве с СССР.

Используя реорганизацию в системе Министерства национальной обороны Франции, Жорж Пак по согласованию с резидентурой предпринимает меры к тому, чтобы перейти на постоянную работу в НАТО. Это полностью совпадало с интересами советской разведки, а также с личными интересами самого Пака. Связи Жоржа Пака в правительственных кругах Франции и в самой НАТО обеспечили успешное претворение этого замысла в жизнь.

Жорж Пак был назначен заместителем начальника пресс-службы секретариата НАТО. Этот пост раскрывал огромные возможности по добыванию ценной разведывательной информации по Атлантическому блоку. Получив доступ практически ко всем секретным документам, в том числе и документам особой важности, Пак стал в НАТО своего рода «фильтром», цензором, определяющим, с какими материалами и в каком объеме можно знакомить иностранных журналистов, аккредитованных при штаб-квартире НАТО. Пожалуй, единственными материалами, к которым он не имел доступа, были документы с грифом «CABAL» – документы научно-технического характера о разработках новейших видов военной техники.

В связи с поступлением Жоржа Пака на работу в НАТО и его неизбежной проверкой спецслужбами на предмет установления его благонадежности резидентура по согласованию с Центром прекратила личные встречи с Паком и приняла необходимые дополнительные меры по усилению безопасности работы с ним. Личные встречи были возобновлены лишь в конце января 1963 года, и от Пака снова стали поступать секретные документы различных рабочих органов НАТО по широкому спектру политических и военно-стратегических проблем.

В конце декабря 1961 года Центр информировал резидентуру о предательстве Анатолия Голицына (бывший сотрудник Первого главного управления, бежавший на Запад во время его работы в резидентуре КГБ за границей). Были даны указания по усилению конспирации в работе со всей агентурой. Что касается работы с Паком, то было предложено изъять у него все компрометирующие его материалы и прервать с ним личные встречи на два-три месяца. Резидентура выполнила указания Центра, оставив Паку возможность вызова оперработника на экстренную встречу. И такие экстренные моментальные встречи с Жоржем Паком для получения от него секретных документов особой важности состоялись с разрешения Центра 28 февраля, 10 и 12 марта 1962 года, но после этого работа с ним в обычном режиме была законсервирована еще на два месяца – до середины мая.

После кратковременного возобновления работы с Паком летом 1962 года связь с ним с учетом его устройства в НАТО вновь была прервана до января 1963 года.

Однако, как стало известно позднее, уже в это время Жорж Пак находился под подозрением у французской контрразведки – Управления по наблюдению за территорией (ДСТ) МВД Франции. Разработка Пака и целой группы других высокопоставленных французских чиновников, подозреваемых в сотрудничестве с советской разведкой, началась в середине 1962 года. Первоисточником к проверке и разработке этих французских чиновников являлись сведения, полученные западными спецслужбами от предателя Голицына.

Его информация о наличии советской агентуры в высших эшелонах власти Франции побудила президента Кеннеди направить по этому вопросу личное послание генералу де Голлю.

Генерал де Голль поначалу не очень-то и поверил своему американскому коллеге, полагая, что американцы, будучи недовольными независимым курсом внешней политики Франции, пытаются поссорить его с русскими, отношения с которыми в этот период успешно развивались (визит Н.С. Хрущева, состоявшийся весной 1960 г., уже давал свои положительные плоды). Тем не менее для получения более полной информации, чем та, которая содержалась в послании Дж. Кеннеди, де Голль направил в Вашингтон в качестве своего личного представителя генерала де Ружемона, начальника 2-го бюро Генерального штаба. Генерал де Ружемон, вернувшись из поездки в США, подтвердил де Голлю наличие материалов, свидетельствующих об утечке совершенно секретных сведений из высших структур госаппарата Франции.

Вслед за этим, уже в мае 1962 года, де Голль направил в Вашингтон для детального ознакомления с имеющимися материалами и проведения квалифицированных бесед с перебежчиком группу экспертов французских спецслужб во главе с начальником контрразведки (ДСТ) Даниэлем Дустеном и руководителем внешней разведки Франции (СДЕСЕ) генералом Жакье. Материалы, полученные от американцев и в беседах с Голицыным (которому французы присвоили псевдоним «Мартель»), позволили французской контрразведке наметить для начала круг подозреваемых численностью до 15 человек, а затем в результате кропотливой аналитической работы сократить его до 5 человек.

В числе этих пяти подозреваемых лиц находился и Жорж Пак. Выявление «крота», как принято на Западе называть агентуру противника, внедренную в органы госаппарата, становилось теперь делом техники и времени. Эту пятерку подозреваемых контрразведка взяла в активную разработку с использованием всех розыскных и оперативно-технических средств. Это был уже декабрь 1962 года. И, однако, еще в течение многих месяцев ДСТ не удавалось определить «крота». «Охота» на него продолжалась до августа 1963 года...

10 августа 1963 года, в субботу, должна была состояться очередная встреча с Жоржем Паком. Встреча была назначена в пригороде Парижа – в местечке Фешероль, чтобы обсудить с ним новое задание и условия его выполнения. Однако эта встреча не состоялась. Резидентура обнаружила активность службы наружного наблюдения в районе места встречи и сняла своего работника с маршрута.

Основываясь на материалах, полученных от американцев, руководство ДСТ приняло решение провести с Жоржем Паком беседу и сразу предъявить ему обвинение в преступной связи с советской разведкой в расчете на то, что Жорж Пак не выдержит «психологической атаки». В целях достижения успеха французские спецслужбы заранее подготовили для Пака сюрприз-ловушку, которая, по их мнению, могла оказаться решающей в намеченном поединке.

Арест Жоржа Пака состоялся в понедельник, 12 августа, в 18 часов 30 минут при выходе его из здания штаб-квартиры НАТО, находившейся на бульваре Ланн у станции метро «Порт Дофин». В течение всего дня Пака мучили недобрые предчувствия. Автоматически выполняя свои повседневные обязанности, он постоянно возвращался к мысли о несостоявшейся встрече. В конце рабочего дня, закрыв по привычке шкафы в своем кабинете, Жорж Пак вышел на улицу... На тротуаре его ожидали трое инспекторов полиции – это были сотрудники ДСТ. Один из них, предъявив свой документ, вежливо предложил Паку поехать с ними на улицу Соссе (там находилось здание ДСТ), чтобы побеседовать.

Беседа началась в очень доброжелательном тоне. Комиссар, который вел допрос, тихим, вкрадчивым голосом пояснил, что ДСТ не хотелось бы, чтобы происшедшее в жизни Пака, столь уважаемого человека, подверглось огласке и вылилось в большой скандал, и предложил Паку чистосердечно признаться во всем, что его неизбежно мучает. Жорж Пак, несмотря на нервное напряжение и охватившее его чувство неминуемой беды, решил, тем не менее, строго следовать в беседе с сотрудниками ДСТ своей заранее отработанной легенде. На поставленный вопрос, зачем он выезжал в субботу в Фешероль, Жорж Пак внешне спокойно и невозмутимо ответил: «Я хотел посетить исторический памятник. В Фешероле находится прекрасная романская церковь...» На все другие вопросы, в том числе и о его встречах с иностранцами, Жорж Пак, отметив, что поддержание контактов с иностранными журналистами входит в круг его обязанностей как заместителя начальника пресс-службы НАТО, также дал довольно убедительные ответы.

Не добившись откровенной беседы и не получив таким образом желаемого результата, комиссар, от которого не ускользнуло тщательно скрываемое его собеседником чувство беспокойства, решил перейти в наступление и нанести противнику решающий удар. Как бы с сожалением он заявил, что напрасно господин Пак пытается

скрыть от ДСТ свои контакты с представителями... советского посольства, что им доподлинно известно о его продолжительном сотрудничестве с советской разведкой. И в доказательство этого комиссар раскрыл перед Паком один из секретных документов, который Жорж Пак в свое время передавал на ознакомление советской разведке. Это был подготовленный постоянной группой Военного комитета НАТО в Вашингтоне проект плана ведения психологической войны в южной зоне Европы, который направлялся на рассмотрение и согласование начальнику Генерального штаба национальной обороны генералу Эли. Для подготовки ответа этот документ был передан тогда Жоржу Паку как специалисту в области ведения психологических действий, о чем свидетельствовала резолюция генерала Эли на сопроводительном письме. Фотокопия именно этого документа с резолюцией генерала Эли, определяющей исполнителя, и была предъявлена Паку комиссаром ДСТ. Как только Жорж Пак увидел фотокопию этого материала, он тотчас узнал в нем документ, который передавал для фотографирования в 1961 году сотруднику советского посольства. Это оказало на Пака подавляющее и разоружающее воздействие. Сразу промелькнула мысль, что кто-то в советской разведке его предал...

Не выдержав такого психологического давления, Жорж Пак попросил комиссара ДСТ пригласить ему кюре (священника), чтобы исповедаться и причаститься. А после совершения обряда церковной исповеди Жорж Пак начал подробно рассказывать всю историю своего сотрудничества с советской разведкой, с момента зарождения этого сотрудничества в Алжире и кончая несостоявшейся встречей в Фешероле.

В июле 1964 года состоялся суд, который приговорил Жоржа Пака к пожизненному тюремному заключению. После этого он написал прошение о помиловании, а его жена Вивиана и друзья начали кампанию за пересмотр вынесенного судом решения. В результате предпринятых усилий срок наказания Жоржа Пака в марте 1968 года декретом президента де Голля был сокращен до 20 лет. В 1969 году в связи с уходом де Голля в отставку на пост президента Франции был избран Жорж Помпиду, бывший, как и Пак, выпускником «Эколь нормаль», и 30 апреля 1970 года он подписал декрет о предоставлении Жоржу Паку условного освобождения.

Дальнейшая судьба Жоржа Пака не подвергалась большим испытаниям. С помощью друзей он устроился на работу в одно из частных издательств в качестве редактора, а в 1971 году был даже принят на государственную службу – в министерство финансов.

Жорж Пак завершил работу над начатым еще в тюрьме романом «Непредсказуем, как Судный День», который в 1971 году был издан в Париже. Он продолжал также работать и над своей докторской диссертацией, которая, к сожалению, так и осталась незавершенной.

Пожалуй, главной путеводной звездой в жизни Жоржа Пака было его постоянное стремление к истине, которое привело его сначала к протесту против несовершенства мира, к коммунизму, который он понимал как воплощение справедливости на Земле, а в конечном итоге – к моральным истокам вечных ценностей жизни – к религии и Богу.

Всю свою сознательную жизнь Жорж Пак искал истину. Поиск истины привел его и к сотрудничеству с советской разведкой. «Я лишь стремился обеспечить выживание Франции», – говорил Жорж Пак. Это и была его истина, в этом был смысл его жизни.

---

1 **Голль Ш. де** – Военные мемуары. – Т. 1. – М., 1957. – С. 332.

2 Цит. по: **Дипломатический словарь.** – Т. III. – М., 1986. – С. 19.

3 **Там же.**

4 **Pâques Georges.** «...Comme un voleur», Julliard. – P., 1971. – P. 236–237. (В нашей прессе название этого романа переводится дословно: «...Словно вор». Это не отражает сути этого романа-исповеди. Более правильным переводом названия романа является, по нашему мнению, «Непредсказуем, как Судный День»).

5 **Там же.** – С. 238.

6 О престижности этого учебного заведения говорит хотя бы то, что в разные годы Высшую нормальную школу окончили президент Франции Жорж Помпиду, премьер-министр Пьер Мендес-Франс, министры Луи Жокс, Пейрефит и многие другие.

7 **Фараго Л.** Игра лисиц. – М., 1979. – С. 22.

13

На южном фланге Североатлантического блока

Жаркое лето 1960 года. Сотрудники советского посольства в Анкаре уже разошлись по домам, а в кабинете резидента внешней разведки продолжалась работа. Два часа назад он получил важную информацию. Ее содержание требовало немедленного доклада в Центр.

Подготовленная телеграмма лежала на столе. В кабинет был вызван шифровальщик, который должен был отправить ее в Москву. Резидент вновь перечитал текст. Не нравилась первая фраза: «По данным, полученным от источника “Мустафы”, в районе Измира началась установка американских ядерных ракет “Юпитер”». Он взглянул на шифровальщика, как бы ища совета, и перед словом «установка» поставил «якобы». Прочитал еще раз и вычеркнул «якобы». Затем написал «по непроверенным данным» и опять задумался. Источник никогда не подводил, а тут – «по непроверенным». Вычеркнул. Прошелся по кабинету. Затем сел за стол и в конце телеграммы написал: «Полученные сведения перепроверяем». Вручил телеграмму шифровальщику и откинулся на стуле. Только сейчас он почувствовал усталость. Информация о ракетах неприятно поразила его. Он знал, что решение об их установке было принято на сессии НАТО еще в декабре 1957 года, но в глубине души надеялся, что правители Турции не будут спешить с размещением ракет на своей территории. Но американцы, видимо, жмут изо всех сил, и теперь очередь дошла до реализации опасного замысла.

Вечером, после совещания с сотрудниками резидентуры, было решено провести проверку информации на месте. Нужно было выехать в Измир. Для поездки туда имелся подходящий случай: город должны были посетить по приглашению местной фирмы приемщики советского торгпредства. Вместе с ними выехал опытный сотрудник резидентуры. Маршрут поездки давал возможность проследовать вблизи американской базы и посмотреть, что там происходит.

Поездка оказалась на редкость успешной. Удалось не только понаблюдать в бинокль за ведущимися на базе работами, но и сделать несколько снимков. Полученные материалы срочно ушли в Москву в подтверждение ранее посланного сообщения, полученного от «Мустафы».

Еще в 1947 году президент США Трумэн обосновал доктрину оказания военной помощи Турции ее «исключительно удобным расположением» у границ СССР. Исходя из геополитических соображений, правительство США, Пентагон и ЦРУ в послевоенный период создали на территории Турции систему баз, превратили ее в плацдарм для нанесения удара в случае возникновения войны по объектам СССР. Руководители США учитывали также господствующие позиции Турции в Черноморских проливах: ежегодно здесь проходили сотни советских торговых судов и свыше 200 военных кораблей.

Вооруженные силы Турции были самыми многочисленными на Ближнем и Среднем Востоке, вторыми (после США) в НАТО и насчитывали 600 тысяч человек. В случае войны Турция была способна мобилизовать и поставить под ружье до 4 млн человек. Турецкая армия рассматривалась в НАТО в качестве противовеса 24 советским дивизиям, дислоцированным в южных военных округах СССР, а также 115-тысячной болгарской армии, отдельным румынским и венгерским боевым частям. В оперативное подчинение НАТО турки передали две трети сухопутных сил, все ВВС и ВМФ вместе с их базами. Подготовка, вооружение и оснащение этих сил осуществлялись в соответствии с планами НАТО. Кроме того, на основе двусторонних соглашений США с Турцией американцы получили право пользоваться военными и разведывательными базами на турецкой территории.

Военная промышленность Турции развивалась при содействии США в соответствии с концепцией, предусматривавшей увеличение степени внутренней самообеспеченности. Она производила легкое стрелковое оружие, пулеметы, артиллерийские орудия, боеприпасы к ним. В послевоенные годы был налажен выпуск дизельных подводных лодок, ракетных канонерок, производились ремонт танков и самолетов и сборка военных грузовиков и тягачей.

В Турции были размещены тактическое ядерное оружие, атомные бомбы, боеголовки для ракет «Юпитер», «Онест Джон», «Найк Геркулес» и «Хок». Наибольшую опасность для СССР представляли размещенные в районе Измира ракеты среднего радиуса действия «Юпитер». Они могли поражать объекты в Европейской части СССР, в том числе и Москву, а также цели на Урале и в Средней Азии.

Внешняя разведка получила также данные о строительстве на территории Турции складов для хранения авиационных ядерных боеприпасов на базах ВВС в Инджирлике, Эскишехире, Балыккесире,

Мюртеде и Эрхаче и складов ядерного оружия для сухопутных сил в Чакмаклы, Чорлу, Артакее, Эрзеруме и Кесекее. Наиболее крупной была база ВВС США в Инджирлике, около Аданы. На ней постоянно находились боевые самолеты ВВС США, в том числе носители ядерного оружия и разведывательные самолеты. Воздушное пространство Турции осваивали стратегические бомбардировщики В-52.

До 1965 года американцы совершали регулярные разведывательные полеты над турецкой территорией и Черным морем. Инцидент с американским разведывательным самолетом, потерпевшим в декабре 1965 года аварию в районе Новороссийска, и нота протеста СССР правительствам США и Турции вынудили турецкое правительство ввести контроль над разведывательными полетами самолетов ВВС США, но значительное подчинение Турции американским интересам осталось.

Так, объединенная американская военная миссия помощи Турции (ДЖУСММАТ) проводила в жизнь и контролировала выполнение турками программ военной помощи США, руководила деятельностью советнических групп в турецких вооруженных силах. Группы и офицеры связи НАТО имелись в министерстве обороны и генштабе турецкой армии, а также в военной миссии США. ДЖУСММАТ располагала своей телефонной сетью в Анкаре и была связана радиорелейными каналами не только с важнейшими пунктами внутри страны, но и с основными американскими штабами в США, Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

Имевшиеся данные свидетельствовали о том, что деятельность США в Турции против СССР осуществлялась в тесном контакте с турецкой разведывательной службой. Еще в феврале 1944 года в Турции было создано «англо-турецко-американское разведывательное бюро». Через это бюро американцы оказывали влияние на турецкие спецслужбы и направляли их деятельность против СССР. Турецкая разведка открыла американским спецслужбам свои архивы, учеты и агентуру. «Англо-турецко-американское бюро» разрабатывало совместные разведывательные мероприятия против Советского Союза и балканских стран.

В ноябре 1960 года Турцию тайно посетил руководитель ЦРУ США Аллен Даллес. Во время визита было подписано соглашение об активизации работы разведок США и Турции против СССР и других социалистических стран.

Через надежные источники резидентура получила информацию об основных направлениях деятельности американской и турецкой разведок против СССР: ослабление влияния СССР на Ближнем и Среднем Востоке; борьба с национально-освободительным движением в этом районе; получение секретной информации о внутриполитическом положении и внешней политике, экономическом потенциале и военной мощи СССР и других стран Варшавского договора.

В начале 1962 года резидентура получила информацию о том, что американцы рекомендовали турецкому правительству перестроить органы безопасности на основе опыта ЦРУ и ФБР. В 1965 году в соответствии с этими рекомендациями была создана Национальная разведывательная организация Турции (МИТ), и американские методы были внедрены в различные сферы ее деятельности. Через советников в МИТ, органах безопасности и полиции американцы получили возможность держать руку на пульсе политической жизни Турции, выяснять планы и намерения оппозиционных партий и группировок.

В соответствии с двусторонними соглашениями на территории Турции действовали органы и базы технической разведки США, с помощью которых американцы добывали сведения о запусках и свойствах советских стратегических ракет, дислокации ракетных частей и стартовых площадок, системе ПВО. С помощью радиоэлектронной аппаратуры американцы вели перехват закрытых каналов радиосвязи в СССР и других странах, получали информацию о деятельности государственных учреждений, промышленных и научно-исследовательских предприятий, расположении подразделений вооруженных сил СССР, прежде всего в приграничных районах, об активности ВМС СССР в Черном и Средиземном морях, раскрыли рабочие частоты находившихся на Кавказе и в Средней Азии станций наведения ракет.

Электронные установки использовались также для космической разведки, слежения за полетами спутников и управления ими. Радиографическая аппаратура помогала собирать сведения о ядерных взрывах в СССР. Внешняя разведка с помощью агентуры располагала подробными сведениями об американских базах в Турции.

ЦРУ уделяло большое внимание и внутренним проблемам Турции. Особое значение резидентура ЦРУ придавала приобретению агентуры влияния среди государственных и партийных деятелей, членов парламента, религиозных авторитетов, руководителей армии, полиции, спецслужб, интеллигенции, сотрудников средств массовой информации. Представители разведки США не только были «вхожи» в правящие круги Турции, они «выращивали» и ставили у власти в Турции нужных им деятелей, защищавших стратегические интересы военно-промышленного комплекса США. Ярким примером такого деятеля может служить бывший премьер-министр Аднан Мендерес, свергнутый военными в 1960 году и впоследствии казненный. Приход к власти в Турции военных был отрицательно воспринят американцами, и они делали все, чтобы нейтрализовать активных деятелей новой турецкой администрации. Надо сказать, что эта сторона деятельности США в Турции также отслеживалась советской разведкой.

Большую работу турецкие резидентуры нашей разведки проводили по освещению деятельности Багдадского пакта, который был

создан в феврале 1955 года. Эта военно-политическая организация появилась на свет по инициативе США и Великобритании на основе договора между Турцией, Ираном, Великобританией, Пакистаном и Ираком. После выхода последнего из этого пакта в 1959 году организация получила название СЕНТО (Организация центрального договора). США, имевшие в Багдадском пакте статус наблюдателя, фактически играли в нем ведущую роль. Участники пакта регулярно проводили военно-морские, военно-воздушные и сухопутные маневры, что не могло не беспокоить СССР.

Крупным успехом внешней разведки явилась операция по добыче агентурным путем в 1959 году секретных планов Военного комитета и Объединенной организации военного планирования Багдадского пакта. Наибольший интерес представляли планы США и карты с целями для нанесения ядерных ударов по Ирану и Пакистану «в случае наступления советских войск».

Для того чтобы постоянно быть в курсе событий, резидентуры внешней разведки в Турции уделяли большое внимание приобретению источников информации в военных, правительственных и деловых кругах, американских и других иностранных организациях. Одним из основных источников резидентуры по американской линии был «Алекс». Он помогал нашей разведке, исходя из идеологических убеждений, был последовательным сторонником сближения между Турцией и Советским Союзом. «Алекс» болезненно переживал подчинение Турции американскому диктату. За годы сотрудничества «Алекс» передал резидентуре большое количество важной информации по военно-политическим вопросам, об американских военных базах на турецкой территории, планах и намерениях правящих кругов США в отношении Советского Союза. Она сыграла определенную роль при выработке внешней политики СССР и при оценке политики США на Ближнем и Среднем Востоке.

Другой важный источник передавал информацию о внутриполитическом положении и внешней политике Турции, мероприятиях стран – участниц Багдадского пакта, о деятельности сотрудников американской и английской разведок в Турции и других странах Ближнего и Среднего Востока.

В 1957 году от этого источника поступили сведения о разработке планов по установлению экономической блокады Сирии, ее политической изоляции. Эти меры были направлены на свержение правительства Сабри Асали в Сирии и приведение к власти прозападных политических деятелей. По полученной от агента информации, Ллойд Гендерсон, заместитель помощника госсекретаря США, обсуждал с правительствами Турции, Ливана, Иордании и Ирака план установления «санитарного кордона» вокруг Сирии, который, по его мнению, должен неизбежно привести к падению правительства Асали. За поддержку этого плана он обещал дополнительные поставки во-

оружения Турции, Ливану и Иордании. Информация о заговоре против Сирии была подтверждена и нашим надежным источником Кимом Филби.

На основании разведывательной информации советское правительство предприняло необходимые дипломатические и иные шаги для предотвращения нежелательного развития событий вокруг Сирии. На юго-западном направлении были сосредоточены некоторые воинские формирования. Командующим Закавказским военным округом был назначен маршал Рокоссовский. Эти меры отрезвляюще подействовали на Турцию, и она отказалась от участия в реализации планов по свержению правительства Сирии.

Нередко турецкие граждане инициативно обращались к нам с предложением об оказании помощи. Они не хотели, чтобы их страна превращалась в американскую военную базу, создавала угрозу соседним странам. Конечно, среди таких «доброжелателей» были и подставы контрразведки, и резидентура знала об этом. Но были и люди, имевшие искренние намерения. Одним из них был «Чок». Контакт с нашими работниками он установил по своей инициативе в Анкаре в ресторане, в который иногда заходили советские дипломаты.

Как-то в этом ресторане к нашим разведчикам, работавшим под дипломатическим прикрытием, подошел красивый, стройный турок. На вид ему было лет сорок. Он был в гражданском костюме, но чувствовалась военная выправка. Удостоверившись, что перед ним работники советского посольства, он назвал свою фамилию и сказал, что недавно уволен с высокой должности в одном из правительственных учреждений Турции, поскольку допустил антиамериканские высказывания и негативно отзывался о политике турецкого правительства. «Чок» попросил назначить ему встречу, написал на листке бумаги номер домашнего телефона и адрес, указал свою последнюю должность и быстро вышел из ресторана.

Перед резидентурой возник сложный вопрос: как быть? С одной стороны, не исключалась возможность провокации турецкой контрразведки, с другой – инициатива турка могла быть вполне искренней. Тщательно проанализировав ситуацию, приняли решение пойти на определенный риск.

Прежде всего провели установку «Чока» по месту жительства, проверили его через другие возможности. Убедившись, что «Чок» действительно проживает по указанному им адресу, пришли к заключению, что конспиративную встречу можно организовать на его квартире с целью выяснения действительных причин его решения сотрудничать с нами. Расположение дома позволяло это сделать незаметно.

Через несколько дней два оперработника посетили «Чока» на его квартире. В ответ на их вопросы «Чок» еще раз подтвердил, что его недавно уволили в отставку с мизерной пенсией за то, что он выска-

зывал критические замечания по адресу США, положительно высказывался о поддержке СССР, оказанной Турции в 20-е годы, в период национально-освободительной войны. Он добавил, что готов оказывать нам ценные услуги, и попросил помощи в приобретении такси для создания прикрытия, а также ежемесячную материальную поддержку.

Мотивы, побудившие «Чока» принять решение о сотрудничестве, внешне выглядели убедительно, тем не менее они еще не давали основания полностью доверять ему. Поэтому резидентурой были разработаны условия связи с «Чоком», которые исключали возможность устройства провокации.

В дальнейшем «Чок» передал несколько материалов и подготовленный им список связей, куда входили сотрудники ряда министерств, Генерального штаба турецкой армии, секретариата Высшего совета национальной обороны, Главного управления безопасности. Некоторые из указанных им лиц представляли разведывательный интерес. Среди переданных материалов были совершенно секретные и секретные инструкции, справочники по мобилизационным вопросам, военные уставы и наставления по боевой подготовке.

Однако работать с «Чоком» пришлось недолго. Он нарушил правила конспирации и оказался в поле зрения турецкой контрразведки, был арестован и по приговору суда казнен. На следствии и суде вел себя мужественно и не дал признательных показаний.

Результаты работы внешней разведки и ее помощников в Турции в послевоенное время, несомненно, во многом способствовали снижению международной напряженности в этом стратегически важном районе земного шара, помогая поискам путей мирного сосуществования. И самым важным было то, что в 60-е годы под давлением международной общественности с турецкой территории, а также и с итальянской были выведены американские ракеты «Юпитер» с ядерной начинкой.

14

Дело Рудольфа Абеля

14 октября 1957 года в США в здании федерального суда Восточного округа Нью-Йорка начался освещавшийся в прессе судебный процесс по делу № 45094 «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля». На скамье подсудимых находился советский разведчик-нелегал, полковник Вильям Генрихович Фишер, который после ареста не признал своей принадлежности к советской внешней разведке и не назвал своего настоящего имени. Он выступал под видом перемещенного лица из СССР послевоенных времен по фамилии Абель. На самом деле Абель – фамилия его товарища, с которым он работал в центральном аппарате разведки и жил в одной квартире во время Великой Отечественной войны. Этим разведчик дал понять руководству разведки, что не раскрыл себя и будет действовать по выработанной им легенде. Таким образом, вследствие этого судебного процесса Вильям Генрихович Фишер и стал широко известен как Рудольф Абель.

Провал, а затем арест разведчика произошли в результате предательства помощника Фишера Хэйханена, который на почве пьянства оказался не в состоянии вести разведывательную работу и получил (под благовидным предлогом) указание возвращаться в Москву. Надеясь, что на предательстве он заработает большие деньги и обеспечит себе вольготную жизнь, Хэйханен явился к властям США и рассказал то, что знал о своем руководителе. Он сообщил, что его начальник имеет звание полковника, дал описание его внешности, характер прикрытия и примерный район его проживания. Другого он не знал.

По этим данным ФБР установило и арестовало Фишера. Поскольку других данных ФБР не имело, на судебном процессе он фигурировал как «полковник Абель» – сотрудник советской разведки.

Американская и иностранная пресса уделила процессу очень большое внимание. В условиях холодной войны арест советского раз-

ведчика для руководящих кругов США был поистине большой находкой. Важное значение имело поведение на суде самого разведчика. Им был избран оптимальный вариант действий. В соответствии с американским законодательством он отказался от дачи показаний, уполномочил суд выделить ему защитника и весь процесс обратил в диалог между судом и защитой. Это лишило обвинение возможности требовать от разведчика показаний, объяснений, доказательств и разыгрывать эффектные сцены политического шоу.

Во время процесса Фишер сидел позади своих защитников и внешне спокойно наблюдал за происходящим, время от времени делая пометки и зарисовки. «Репортеры и все остальные, – писал впоследствии его адвокат Донован, – кто день за днем сидел в зале, наблюдал за тем, как Абель делает заметки, что-то рисует и непринужденно разговаривает со своим защитником во время перерывов, были уверены, что он холодный человек, бесстрастный наблюдатель, не заинтересованный в исходе процесса. Они не могли бы впасть в большую ошибку. Только железная самодисциплина позволила ему сидеть молча и спокойно, не показывая ни единого признака того, что он переживал физическую и эмоциональную пытку. Никто из нас не знал и того, что физически он был не очень-то здоровым человеком. У него была серьезная желудочная болезнь (язва. – *Авт.*), на которую он ни разу не пожаловался»[1].

Ведя защиту Фишера по долгу службы, Донован в такой степени проникся уважением к его интеллекту и мужеству, что взялся за литературный труд, посвятив разведчику весьма объективно написанную книгу.

Доказать, что Фишер-Абель занимался шпионажем, суду не удалось. Не было ни единого факта, который подтверждал бы получение подсудимым секретных данных и их передачу иностранному государству. Однако прокурор потребовал признать обвиняемого виновным по всем пунктам обвинения на основании того, как сказал он, что «для признания обвиняемого виновным вовсе не обязательно, чтобы преступник уже совершил свое деяние»[2].

15 ноября 1957 года суд вынес решение. Он приговорил Рудольфа Ивановича Абеля к 30 годам тюремного заключения.

Ни во время предварительного следствия, где ФБР применяло и нажим, и различные посулы, ни во время суда и тюремного заключения Вильям Генрихович не выдал секретов советской разведки и других данных, связанных с его миссией в США.

Мужественное, спокойное поведение Фишера, свидетельские показания о его моральном облике и образе жизни во время нахождения в США вызывали симпатии публики и журналистов. Характерен такой факт. На суде были зачитаны письма его жены и дочери, которые были изъяты при его аресте. Он хранил их как самое дорогое, чем располагал в США в личном плане, они помогали переносить трудно-

сти нелегального положения и вселяли надежду на будущее. Сердечные письма характеризовали обвиняемого как преданного мужа и отца. Это вызвало волну уважения к личности советского разведчика, подчинившего свои личные интересы делу служения Родине.

Что касается Хэйханена, то американская публика смотрела на него как на предателя и морально разложившегося человека. В одном из документов, касающихся судебного процесса, отмечается: «Хэйханен покинул место свидетеля (а он проходил на процессе как свидетель. – *Авт.*), ответив на 220 вопросов. Он ушел как побитый, с низко опущенной головой, красный и потный. Сделав свое подлое дело, в дальнейшем он оказался никому не нужным. Спустя четыре года он погиб во время автомобильной катастрофы на Пенсильванском шоссе при невыясненных обстоятельствах».

Донован о предателе пишет так: «Подобно многим своим предшественникам, Хэйханен сознавал, что жизнь большинства «перебежчиков» не перестает быть адом. Как только он перешел линию, старые его страхи сменились новыми. Он потерял семью, Родину, прошлое... Во время Второй мировой войны я знал многих перебежчиков. Несчастные случаи, пьянство, так называемое нервное расстройство и самоубийства были частыми явлениями среди них»[3].

Фишер прибыл в США в 1948 году и девять лет до дня ареста вел здесь разведывательную работу. Организация нелегального звена в такой стране, как США, – дело непростое. И создание таких звеньев всегда сопряжено с обстоятельствами чрезвычайного характера.

США и Англия взяли курс на резкую конфронтацию с СССР, чреватую серьезным осложнением обстановки в мире. Опубликованные к настоящему времени секретные документы США показывают, что уже с 1945 года Соединенные Штаты разрабатывали конкретные планы атомного нападения на СССР. Документ «Основа для формулирования военной политики США», одобренный Комитетом начальников штабов 19 сентября 1945 года и представленный на рассмотрение президента Г. Трумэна, рекомендовал вести «все приготовления для того, чтобы при необходимости нанести первый удар» с применением атомного оружия. Позднее, в 1949 году, был разработан план «Дропшот», намечавший сбросить на Советский Союз 300 атомных и 250 тыс. тонн обычных бомб.

В 1946 году американская и английская разведки приступили к осуществлению программы тотального шпионажа в отношении СССР и стран Восточной Европы. Специально обученная агентура забрасывается в Советский Союз через «зеленую» границу из Турции и Ирана, с самолетов на парашютах из Западной Германии и Японии, морским путем с использованием различных плавсредств из Англии, Западной Германии, Швеции.

В таких условиях перед внешней разведкой стояла задача «не проглядеть подготовки со стороны США и Англии внезапного напа-

дения на Советский Союз», и нелегальные звенья рассматривались как наиболее жизнестойкие разведывательные структуры, способные функционировать не только в обычных условиях, но и в кризисных ситуациях.

Так было создано нелегальное разведывательное звено в США во главе с кадровым разведчиком Вильямом Генриховичем Фишером. Перед ним была поставлена задача: осесть в США под видом местного гражданина, создать прочное прикрытие, отработать надежные каналы связи с Центром, принять на связь некоторых агентов, организовать работу по приобретению новых источников и с их помощью добывать информацию, связанную с обеспечением безопасности нашего государства.

Нелегальная работа, на которую пошел советский разведчик, не делается по приказу. Она осуществляется по зову сердца. Сюда люди идут добровольно, поскольку по своему характеру такая деятельность связана с риском для жизни и тяжелыми испытаниями.

Будучи хорошо знаком с положением в мире и сознавая, что над Родиной нависает новая военная опасность, Вильям Генрихович изъявил желание выехать на нелегальную работу за границу. В это время ему шел 44-й год.

Самым трудным было расстаться на продолжительное время с семьей, пойти на разлуку с близкими людьми – женой и дочерью – семьей, где царила атмосфера теплоты и нежности. Но Вильям был человеком долга. Своими намерениями он поделился с женой – Еленой Степановной, объяснил ей причины, которые побуждают его принять такое решение. После продолжительного обсуждения она согласилась с доводами мужа и благословила его на этот нелегкий труд.

На следующий день Вильям Генрихович подал руководству рапорт, в котором говорилось:

«Я, Фишер Вильям Генрихович, вполне сознавая важность для моей Родины – Союза ССР – нелегальной работы и отчетливо представляя себе все трудности и опасности этой работы, добровольно соглашаюсь стать в ряды нелегальных работников Министерства государственной безопасности СССР.

Я понимаю, что работа нелегального советского разведчика является самой почетной и ответственной для чекистов.

Я обязуюсь, став нелегальным разведчиком, подчинить всю свою дальнейшую жизнь, все свои стремления и поведение интересам моей Родины.

Я обязуюсь строго, точно и беспрекословно выполнять все указания моих руководителей по нелегальной работе.

Я обязуюсь строго соблюдать конспирацию, ни при каких обстоятельствах не раскрою врагам доверенных мне тайн и лучше приму смерть, чем предам интересы моей Родины.

В. Фишер».

Рапорт был написан в апреле 1946 года, а в октябре 1948 года, после двухлетней подготовки, Фишер отбыл за границу, в ноябре того же года был уже в Нью-Йорке.

Фишер не был новичком в разведке. До Второй мировой войны он дважды находился в загранкомандировках в нелегальных условиях в странах Европы. В совершенстве владея английским языком, будучи хорошо знаком с нравами и обычаями европейцев, он успешно выполнял поставленные перед ним задачи.

Детские и юношеские годы Вильям провел за границей и поэтому имел хорошую языковую подготовку и полное представление о жизни европейцев. Ему не требовалось больших усилий для перевоплощения в иностранца.

Родился Вильям Генрихович 11 июля 1903 года в Англии. Его родители – Генрих Матвеевич и Любовь Васильевна Фишер – были политэмигрантами из России. Они были высланы из страны в 1901 году за революционную деятельность и обосновались в Англии.

Отец Вильяма – Генрих Матвеевич – родился в 1871 году в Мологском уезде Ярославской губернии в многодетной семье немецкого происхождения. После окончания школы Генрих Матвеевич переехал в Петербург, работал на заводах токарем, приобщился к революционной деятельности. Затем – переезд в Саратов, женитьба на близкой ему по мировоззрению восемнадцатилетней Любови Васильевне, русской по национальности, и высылка за границу.

Вильям вместе со старшим братом – Генрихом росли в английской среде, учились в английской школе, свободное время проводили со своими сверстниками из семей англичан. Отец работал на заводе, что позволяло более или менее сносно содержать семью. В школе будущего разведчика больше всего увлекали математика, физика, астрономия, механика, история.

В 15 лет Вилли начал работать, его приняли учеником чертежника в конструкторское бюро судоверфи. Одновременно он продолжал заниматься по программе средней школы и в 16 лет сдал экзамен в Лондонский университет.

После Октябрьской революции родители стали готовиться к возвращению на Родину и в 1921 году приехали в Москву. Вильям и его брат Генрих также стремились в Россию. В семье воспитание велось в русском духе. Большая заслуга в привитии детям любви к их исторической родине принадлежит матери, Любови Васильевне. Языком общения в семье был русский, вне дома дети разговаривали на английском. Таким образом, они в равной степени владели и русским, и английским языками.

Вилли работал вначале переводчиком в Исполкоме Коминтерна, поступил на учебу в Институт востоковедения. Но в институте удалось проучиться всего лишь год. В 1925 году его призвали в армию. Службу он проходил в радиотелеграфном полку, здесь при-

обрел специальность радиста, сыгравшую в его дальнейшей судьбе важную роль.

Жизнь в армейском коллективе дала хорошую закалку, там он подружился со многими товарищами, ставшими впоследствии знатными людьми страны. Личным другом Вилли с тех лет был известный полярник, Герой Советского Союза, радист экспедиции Папанина на Северном полюсе Эрнст Кренкель.

После демобилизации Вильям поступил в научно-испытательный институт Военно-воздушных сил РККА в качестве радиотехника. Но проработал там недолго. Уже в 1927 году его направили во внешнюю разведку. В этом же году он женился на Елене Степановне Лебедевой, студентке консерватории.

Около четырех лет Фишер проработал в центральном аппарате разведки. В 1931 году руководство предложило ему выехать в загранкомандировку. Поездку за границу планировалось осуществить необычным путем. Он должен был ехать по своим собственным документам, но не как гражданин СССР, а как подданный Великобритании. Ему нужно было обратиться в английское посольство в Москве с ходатайством о возвращении в Англию.

С юридической стороны эта операция выглядела законной, не вызывала сомнений и ее правдоподобность, поскольку в этот период поток эмигрантов из СССР еще продолжался.

В соответствии с полученным заданием он должен был выехать в одну из Скандинавских стран и создать там пункт связи, который обеспечил бы радиосвязь резидентуры с Центром. Резидентура в этой стране вела работу по сопредельным государствам и остро нуждалась в поддержании регулярной связи с Москвой.

Хлопоты в английском посольстве завершились успешно. Вскоре Вильям и Елена Фишеры получили английские паспорта и выехали к месту назначения. В стране пребывания Вильям нанес визит английскому консулу, объяснил, что намерен задержаться здесь и подзаработать денег, а уж затем выехать в Англию. Никаких возражений на этот счет консул не высказал.

В одном из пригородных районов столицы Фишер снял виллу и устроил в ней кустарную радиомастерскую. Создание этого прикрытия позволило легендировать наличие средств к существованию. Елена Степановна преподавала балет в частной школе.

Созданный Вильямом Генриховичем пункт связи действовал нормально. Оперативные дела и работа по прикрытию шли успешно. Однако в 1934 году возникли трудности. Местные власти сообщили об отказе Фишеру в праве на дальнейшую работу и предложили после окончания срока пребывания выехать из страны. Как выяснилось позже, это было связано с ходатайством разведчика разрешить ему поступить на государственную службу.

После почти четырехлетнего пребывания за границей Вильям Генрихович вместе с женой и дочерью возвратился в Москву.

Проанализировав работу разведчика за границей, руководство внешней разведки приняло решение после отдыха и короткой подготовки направить его в другую страну с более сложной оперативной обстановкой. Заданием предусматривалась организация двусторонней радиосвязи между нелегальной резидентурой и Центром.

Затем Фишер с семьей выехал в Западную Европу. Два месяца потребовалось для того, чтобы адаптировать шестилетнюю дочь к заграничным условиям. Пребывание в СССР привело к тому, что девочка набралась различных московских впечатлений, которые было необходимо устранить, иначе это могло негативно отразиться на вопросах безопасности.

Фишеры поселились в скромной гостинице и стали подыскивать квартиру. Вскоре это удалось. Труднее было с прикрытием. Выдавая себя за только что приехавшего из Скандинавской страны специалиста по радиотехнике, Фишер попытался было заняться аналогичной работой и здесь, но предлагаемые услуги не находили спроса. Поэтому, легендируя наличие некоторых сбережений, позволявших содержать семью, он одновременно стал свободным художником, создав дома подобие студии изобразительного искусства.

Работа продвигалась успешно. В феврале 1936 года помощник резидента сообщил в Центр, что Фишер готов начать двустороннюю радиосвязь и даже просил прислать шифры и радиопрограмму.

Но жизнь распорядилась по-своему. По соображениям безопасности он был отозван в Москву.

Вильям Генрихович был назначен на должность старшего оперативного уполномоченного и начал работать в центральном аппарате внешней разведки. Жизнь семьи Фишеров вошла в нормальное русло. Елена Степановна поступила в детский театр арфисткой. Дочь Эвелина пошла в школу.

Новый, 1939 год принес семье немало тревог. Вильяма Генриховича без объяснения причин уволили со службы. Это было сильнейшим ударом, от которого он долго не мог оправиться. Нужно было браться за какую-то работу, чтобы содержать семью. Однако найти занятие, которое устраивало бы Вильяма, оказалось непросто. Наконец ему удалось устроиться во Всесоюзную торговую палату в качестве техника по реализации патентов. Затем он перешел на завод Наркомата авиапромышленности. На заводе он проработал до начала Великой Отечественной войны.

В сентябре 1941 года Фишеру предложили вернуться на службу в органы госбезопасности. Как вспоминал Вильям Генрихович, на него не оказывалось никакого давления, беседа была корректной и обстоятельной. Ему предложили подумать и потом дать ответ. Несмотря

на душевную травму, которая была нанесена увольнением, а значит, и недоверием, для Фишера ответ был ясен. Шла война, и он дал согласие.

Вскоре приказом НКВД СССР Вильяма зачислили старшим оперативным уполномоченным вновь созданного в связи с военным положением подразделения, занимавшегося организацией боевых разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов на оккупированной врагом советской территории. Занимался он подготовкой радистов и выполнял другие обязанности, связанные с заброской в тыл врага наших людей. Работа была нелегкой, требовавшей не только четкости и аккуратности, но и большого физического напряжения. Работали сутками. Приходилось выезжать и в прифронтовые зоны для выполнения заданий руководства. Одна из таких поездок была связана с оперативной игрой «Березино». Она была начата в августе 1944 года и завершилась в дни капитуляции гитлеровского рейха. Суть ее состояла в легендировании нахождения на территории СССР крупной воинской части Германии. Радиоигра, в которой участвовал Фишер, помогла «выловить» 22 германских разведчика, посланных на помощь «окруженным», большое количество вооружения и радиооборудования.

Семья его была эвакуирована в Куйбышев, а он сам, когда не находился в разъездах, обитал в коммунальной квартирке в Москве в Троицком переулке.

День Победы Вильям Генрихович встретил в Москве в кругу семьи и друзей.

За выполнение заданий, связанных с обеспечением государственной безопасности Родины в годы Великой Отечественной войны, Фишер был награжден орденом Красной Звезды и медалями: «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, «За победу над Германией», «За оборону Москвы».

Послевоенная служба Вильяма Генриховича вновь оказалась связанной с внешней разведкой. Он был заместителем начальника отделения в подразделении, которое занималось ведением разведки по странам Запада.

Как уже упоминалось ранее, Фишер добровольно выразил желание выехать за границу в качестве нелегала.

В США Фишер обосновался в Нью-Йорке под именем американца Гольдфуса, свободного художника. В 1950 году он открыл ателье по изготовлению увеличенных репродукций с цветных диапозитивов, туда же переехал на жительство. Позже Вильям Генрихович нашел другое помещение, открыл художественное ателье по производству цветных фотографий и для занятий живописью.

Прикрытие оказалось удачным. Он быстро и уверенно вошел в местную среду, окружение его приняло как добропорядочного американца. Нелегал вел образ жизни одинокого пожилого человека, до-

статочно эрудированного, обладающего многими талантами. Знакомые относились к нему с уважением.

Одновременно он отлаживал каналы связи с Центром и контакты с источниками. Помимо прикрытия, отнимавшего немало времени, нужно было проводить встречи, получать и обрабатывать информацию, отправлять ее в Центр, изучать и подбирать места для встреч, отрабатывать проверочные маршруты.

За успешную работу в августе 1949 года Фишер был награжден орденом Красного Знамени.

В конце 1952 года в помощь разведчику был направлен Хэйханен, кадровый сотрудник КГБ, выступавший под видом американца финского происхождения. Центр решил разгрузить Фишера от ряда трудоемких технических обязанностей, сосредоточив его внимание на работе с источниками и добывании разведывательной информации. В задачу Хэйханена входило главным образом обеспечение двусторонней радиосвязи с Центром.

Вильям Генрихович был доволен приездом Хэйханена. Помогал ему в легализации, создании прикрытия, освоении обстановки и включении в работу. Как кадровому работнику, резидент полностью доверял ему, но старался не выходить за рамки дозволенного. Хэйханену было известно, что резидент – полковник, живет в Нью-Йорке под видом американца, занимающегося живописью и цветной фотографией. Ни легализационных данных, ни настоящего имени, ни адреса новый работник не знал.

Встречи с радистом Фишер проводил в отдаленных от районов их проживания местах. Лишь однажды, когда Хэйханен не смог выполнить порученную ему работу из-за отсутствия фотоматериалов, резидент привел его поближе к своему дому, попросил подождать и отлучился на 15 минут, чтобы принести ему нужные материалы. «Если бы Абель не совершил этой непростительной ошибки, – пишет Донован, – позволив своему подчиненному Хэйханену узнать, где находится его студия, то все могло бы обернуться иначе. Именно эта ошибка привела к аресту Абеля и затем к судебному процессу, в ходе которого на карту была поставлена его жизнь»[4].

Падение Хэйханена началось с выпивок. Ему стало не хватать денег, и он начал тратить на личные нужды оперативные средства.

Пьянство повлекло за собой и моральную распущенность. Хэйханен женился тайком от Центра и, подпав под влияние новой жены (на родине у него остались жена и ребенок), самоустранился от разведывательной работы. На почве увлечения алкоголем между мужем и женой происходили ссоры и скандалы, что вынуждало соседей обращаться в полицию.

В связи с создавшимся положением Центр принял решение отозвать Хэйханена в Москву. Выезд мотивировался необходимостью переподготовки и отдыха. Указание Центра радист воспринял болез-

ненно. Он начал выдумывать предлоги, чтобы заставить изменить это решение.

Предвидя нежелательное развитие событий, Москва предупредила резидента о необходимости принять меры безопасности, в частности прекратить контакт с Хэйханеном, перейти на другие документы и сменить место жительства.

Между тем Центр в радиограммах Хэйханену продолжал настаивать, чтобы радист выехал из США в Европу, а затем в Москву. В результате на пароходе «Либерте» Хэйханен направился во Францию. Это было в конце апреля 1957 года. По прибытии в Европу с ним была проведена встреча и обусловлен дальнейший путь следования в Москву.

Однако в назначенные сроки Хэйханен в обусловленных пунктах не появился. Меры по его розыску оказались безуспешными.

Как выяснилось, Хэйханен, боясь ответственности за совершенные проступки, решил пойти на самое позорное – на предательство. Он явился в посольство США в Париже, рассказал, кем он является, попросил политического убежища и дал обещание сотрудничать с американскими спецслужбами.

11 мая 1957 года на американском военном самолете предатель секретно был доставлен в США.

На розыск Фишера директор ФБР Гувер выделил крупные силы и лучших специалистов. Установить местожительство резидента оказалось не так просто. Помогло одно. Хэйханен вспомнил место, где Фишер попросил его подождать, когда ходил куда-то за фотоматериалами. Это место, по мнению предателя, находилось недалеко от работы или жилья разведчика.

Проверив все помещения в окружении и расспросив жителей, агенты ФБР пришли наконец к дому № 252 по Фултон-стрит в Нью-Йорке, где на пятом этаже была студия Эмиля Р. Гольдфуса. Но студия была закрыта. От жильцов агенты узнали, что Гольдфус исчез в конце апреля. За домом № 252 было установлено постоянное наблюдение. Розыск продолжался по всей Америке.

А в это время, выполняя указания Центра, Фишер уже находился во Флориде в Дейтон-Бич, жил в отеле, выдавая себя за Мартина Коллинза. Отсюда в случае опасности он должен был выехать из США. Находился он здесь уже 18 дней. Принимать радиограммы на имевшийся там радиоприемник оказалось невозможным. Ему удалось принять лишь одну радиограмму, где говорилось о встрече с радистом в Париже, откуда он должен проследовать дальше по маршруту. Это успокоило Вильяма Генриховича. Он счел, что обстановка нормализовалась, решил вернуться в Нью-Йорк и до получения дальнейших указаний Центра не появляться в своей квартире, а жить в отеле под фамилией Коллинза.

Прибыв в Нью-Йорк, не имея связи с Центром, он решил понаблюдать со стороны за своим домом, посмотреть, все ли там спокой-

но. В квартире находился радиоприемник, который был ему нужен, и необходимо было уничтожить материалы, находившиеся в тайнике, которые могли дать контрразведке зацепку, чтобы выйти на другие дела резидентуры, неизвестные Хэйханену.

Первое наблюдение показало, что в районе дома обстановка спокойная. Но разведчик решил не торопиться. Прошло еще три недели. Он информировал Центр о своем возвращении в Нью-Йорк, но получить ответ из-за помех в эфире, несмотря на все усилия, так и не смог.

После этого вечером он вновь появился у своего дома и, улучив удобную минуту, незаметно вошел в подъезд. Осторожно вошел в квартиру. Убедившись, что здесь все на месте, не зажигая света, он взял свой портативный приемник и, соблюдая меры предосторожности, вышел на улицу.

На маршруте к отелю «Латам», где он остановился, разведчик проверил: все было спокойно.

На другой день он решил проверить тайник, находившийся в ателье под деревянной лестницей. В тайнике хранились пленки с несколькими письмами от семьи, почтовые адреса для связи с Центром, а также шифрованные записи установочных данных ряда источников, условия связи с ними, шифровальные блокноты.

Он вновь незаметно вошел в квартиру. Свет не зажигал. В тайнике все было в целости. Выложив документы на стол, он вспомнил, что в письменном столе должна лежать метрика на Коллинза, по данным которого он проживал в отеле «Латам». Вильям Генрихович стал рыться в ящике и нечаянно смахнул со стола контейнер, где хранились пленки с письмами от семьи. Пошарив безуспешно в темноте на полу, он, понаблюдав из окна за улицей и не заметив ничего подозрительного, зажег свет. Он быстро нашел контейнер и через две минуты выключил свет.

Возвращаясь в отель, тщательно проверялся. В одном месте заметил человека, который показался ему подозрительным. Но дальнейшие проверки убедили его, что наблюдения за ним вроде бы нет.

Вернувшись в отель, он уничтожил записи, по которым можно было выйти на работавших с ним людей, сохранив лишь условия встречи на случай выезда из США, контейнер с пленкой, где были письма от семьи, текущие шифровальные блокноты и программу радиопередач. В случае ареста уликовых материалов было достаточно, но самое важное он сделал – уничтожил следы, по которым ФБР могло выйти на работавших с ним людей.

Вечером состоялся очередной радиосеанс. Несмотря на то, что радиоприемник раньше действовал безотказно, на этот раз сигналы проходили плохо из-за сильных помех. Расшифровать радиограмму полностью не удалось. Страдая от усталости, в третьем часу ночи он лег спать.

Около семи утра в дверь раздался стук, в комнату ворвались агенты ФБР и разведчику объявили, что он арестован. При этом ска-

зали: «Полковник, мы знаем, кто вы такой и чем занимаетесь. Мы предлагаем вам сотрудничать с нами, в противном случае вас ждет тюрьма».

Из того, что Фишер услышал, он сразу понял, что Хэйханен его предал. Воспользовавшись тем, что ему разрешили надеть брюки и рубашку и позволили выйти в туалет, он изорвал на мелкие кусочки и спустил в унитаз шифрблокноты и бумагу с записью вчерашней радиограммы, которые находились в заднем кармане брюк. Однако некоторые улики все же попали в руки контрразведки.

Фэбээровцы настойчиво требовали согласия на сотрудничество. Однако Вильям Генрихович только разводил руками и повторял, что здесь какая-то ошибка.

Ничего не добившись, сотрудники ФБР передали арестованного сотрудникам отдела службы иммиграции и натурализации. В нью-йоркском отделении этой службы Фишера сфотографировали, сняли отпечатки пальцев. Через четыре часа его в наручниках доставили в аэропорт и на самолете привезли в г. Макаллен, штат Техас.

Здесь его поместили в одиночную камеру.

На другой день начался допрос. Следователь потребовал рассказать, кто он такой, когда прибыл в США, по каким документам жил и т.д. Вначале Фишер отказывался наотрез давать какие-либо показания. Он заявил, что согласно уголовно-процессуальному кодексу Соединенных Штатов обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Однако настойчивость сотрудников ФБР, их угрозы и даже попытка побоев убедили его в том, что нужно придумать какую-то приемлемую легенду и строго ее придерживаться. Разведчик опасался, что американская контрразведка может начать оперативную игру с Центром от его имени. О его аресте пока в Центре не знают, о предательстве Хэйханена тоже вряд ли известно. Он может выйти в эфир и сообщить, что заболел, вернулся поэтому в США и начать направлять радиограммы от имени резидента.

Вильям Генрихович понимал, что для предотвращения возможной провокации со стороны ФБР есть только один путь – дать знать Центру о своем аресте.

Он хорошо представлял, что показания предателя и захваченные ФБР уликовые материалы будут служить достаточно убедительными аргументами в любой инстанции, в том числе и судебной, чтобы свидетельствовать, что арестованный является советским разведчиком. Однако признаваться в этом нельзя, это решение было твердым. Но как сообщить Центру? У него созревает решение признать себя выходцем из России, который в числе перемещенных лиц попал в Германию, там в разрушенном доме нашел клад в несколько тысяч долларов, купил себе фальшивый паспорт и прибыл в США. Выступить он решил под фамилией Рудольфа Ивановича Абеля, своего старого товарища и сослуживца.

Такая легенда, по мнению разведчика, позволила бы обратиться за защитой в советское посольство, поскольку он мог претендовать на советское гражданство. А это, как он считал, будет сигналом для Центра.

Через некоторое время Фишер сообщил следователям, что готов рассказать о себе, и подготовил письменное обращение в советское посольство. Допросы продолжались целый месяц. Следователи все время старались склонить разведчика к сотрудничеству с ФБР. Убедившись, что Фишер не пойдет на предательство, сообщили ему, что дело передают в судебные инстанции, что после этого хода назад уже не будет и что его ожидает длительный срок в тюрьме, а возможно, и смертная казнь. Бумагу в посольство согласились направить, но скептически заявили: «Вы теперь КГБ не нужны, они постараются откреститься от вас».

В реальности с обращением в посольство произошло то, чем пугали агенты ФБР. Ответ был таков: «Рудольф Иванович Абель посольству неизвестен, и в числе советских граждан не числится».

Вместе с тем факт обращения арестованного в советское посольство лишил ФБР возможности предпринимать какие-либо шаги оперативного характера, полагая, что советская разведка уже осведомлена об аресте ее сотрудника.

...Условия содержания в тюрьмах – нью-йоркской окружной и федеральной исправительной в г. Атланта – были тяжелые. Состав заключенных был разным, но преобладали уголовники. Ссоры и драки, употребление наркотиков, которые непонятно как доставлялись в тюремные помещения, отравляли обстановку, делали ее невыносимой для многих заключенных.

Вильям Генрихович провел в таких условиях четыре с лишним года, но ни разу не пожаловался на плохое содержание.

Он обладал способностью находить себе занятие в любой обстановке. Его ум находился всегда в постоянном поиске увлекавших его идей. То он занимался решением математических задач, то составлением кроссвордов, изобретением различных приспособлений.

В этой связи Донован описывает ситуацию, которая сложилась, когда Фишер находился в нью-йоркской тюрьме. В камеру к нелегалу поместили одного отпетого уголовника, и адвокат решил поинтересоваться обстановкой. Донован приводит следующий диалог, который произошел между ним и его подзащитным:

«– Я слышал, у вас появился сосед по камере?

– Да, – ответил Абель, – бедняга бандит.

– Как вы с ним уживаетесь?

– Очень хорошо, – сказал полковник, закуривая сигарету, – я учу его французскому языку. Видите ли, Скуиллант (фамилия заключенного. – *Авт.*) был очень расстроен в связи с тем, что снова попал в тюрьму, и первые дни вел себя, как зверь в клетке. Я не обращал вни-

мания на его возню, но в конце концов она стала мешать мне решать математические задачи, с помощью которых я убивал время. И вот у меня появилась идея.

Я замечал, что у людей, таких как он и некоторых других, привыкших действовать методами насилия, физическое утомление помогает успокаивать эмоциональное возбуждение. Мне трудно было что-нибудь придумать в маленькой камере с самым строгим режимом. Однако я заметил, что стены, потолок и пол камеры – грязные, и спросил, не хочет ли он поскрести их, чтобы сохранить свою физическую форму.

В конце концов он заявил, что займется этим делом. С тех пор каждый день по несколько часов он скреб камеру и содержал ее в абсолютной чистоте.

Я подумал, чем бы компенсировать его усилия, и предложил учить его французскому языку, и он был в восторге.

Я проявляю терпение – и без каких бы то ни было текстов мы добились весьма неплохих успехов».

Разведчика не оставляли в покое и спецслужбы. С одной стороны, они действовали через администрацию тюрьмы, с другой – через самого адвоката. Донован профессионально и добросовестно выполнял обязанности защитника, но никогда не упускал возможности в критических ситуациях напомнить, что подзащитный упускает свой шанс, отказываясь от сотрудничества с американскими спецслужбами. Иногда такие беседы принимали форму нажима. Но каждый раз нелегал отвергал эти домогательства, действуя при этом с большим достоинством и тактом.

Мероприятия по вызволению Фишера из американской тюрьмы были начаты в октябре 1957 года. Сотрудники центрального аппарата старались подобрать оптимальный вариант, который позволил бы начать переговоры с американцами.

В процесс работы была включена и Елена Степановна. В качестве ее адвоката был приглашен влиятельный юрист Вольфганг Фогель, член Коллегии адвокатов Большого Берлина. Он должен был выступать в качестве посредника перед американскими властями.

Важным моментом был подбор подходящего кандидата или кандидатов для обмена. В этот период найти таких людей было непросто. Американцы скептически относились к тому, что в СССР найдется равнозначный кандидат.

Итальянский журнал «Темпо» в феврале–марте 1958 года поместил интервью своего корреспондента с заместителем генерального прокурора США Томпкинсом, который следующим образом охарактеризовал положение: «Это был противник большого масштаба, гений в своей профессии, – отмечал он. – В течение десяти дет он смог не только прожить незамеченным и не обратить на себя внимания, не вызвать к себе подозрения, но сумел даже приобрести симпатии

к себе и установить много дружеских связей. Это, несомненно, наиболее важный и самый способный советский агент, который когда-либо попадал в наши руки с 1917 года. В своей профессии – это исключительный человек во всех отношениях... Арест Абеля – дело большого значения. Для подготовки агента с такими способностями требуются годы и годы, может быть, десять лет, а может быть, двадцать. Его сила воли и выдержка таковы, что, если бы мне пришлось написать учебник о поведении секретного агента, я не смог бы посоветовать ничего другого, как имитировать Абеля. Это человек, пожертвовавший всем ради выполнения своей миссии, который полностью перевоплотился в свою роль. Для русских он, несомненно, незаменим. Поэтому я не думаю, чтобы он был обменен на кого-нибудь, поскольку тем самым мы преподнесли бы русским огромный подарок»[5].

Лед тронулся неожиданно. 1 мая 1960 года в районе Свердловска был сбит американский разведывательный самолет У-2, который пилотировал Френсис Пауэрс, тридцатилетний американский летчик. Самолет принадлежал ЦРУ и был буквально напичкан разнообразной техникой. Задача летчика – сфотографировать ракетные базы под Свердловском.

Пауэрс выбросился с парашютом и был арестован. В дальнейшем американцы начали высказываться в пользу обмена Абеля на Пауэрса. Однако переговоры затянулись на полтора года. И только 10 февраля 1962 года произошел обмен. Он состоялся в Берлине на мосту Альтглинике-брюкке.

Сам Фишер следующим образом описывает события, которые предшествовали обмену:

«Был вечер 6 февраля, мы уже сидели запертые в камере. Подошел надзиратель и сказал: «Абель, возьмите вещи. Идите вниз». Он подождал, пока я кончил сборы. Много времени они не заняли...

Внизу, когда мы вышли из блока камер, меня отвели в комнату дежурного. Там был начальник тюрьмы.

– Вам надо поехать в Нью-Йорк.

...Около двух часов ночи я уже был в самолете, а в пять утра меня принимал дежурный по тюрьме в Нью-Йорке. Через день, 8 февраля, в 15 часов, меня снова одели и вывели из тюрьмы. На улице у входа в тюрьму меня встретил Уилкинсон, бывший начальником тюрьмы в Атланте во время моего пребывания там.

Мы сели в машину, там оказалось еще несколько человек, и в сопровождении второй машины направились к югу...

Отъехав от Нью-Йорка примерно километров сто, мы подъехали к аэродрому, по всем признакам военному. У ворот произошла небольшая заминка – Уилкинсон позвонил кому-то по телефону, а затем наши машины подъехали к четырехмоторному самолету.

Уже темнело, и, когда мы поднялись в воздух и легли на курс, появились звезды. Я выглянул из окна, нашел Большую и Малую Мед-

ведицу, Полярную звезду и определил курс: мы летим примерно на 17 градусов к востоку от севера – следовательно, на Европу.

Я знал, что большая дуга из Нью-Йорка на Северную Европу проходит в этом направлении и, когда Уилкинсон спросил меня, имею ли я представление о цели полета, я ему так и ответил: «На Европу».

Он был несколько удивлен, но, когда я ему показал на звезды, он понял, откуда мне было это известно...

В Берлине мы приземлились на аэродроме Темпельгоф, где нас ждали какие-то люди с машинами. Проехав довольно долго по городу, мы подъехали к зданию оккупационных войск США. Меня повели в подвальное помещение... Было совершенно ясно, что дело шло к обмену».

Обмен произошел утром 10 февраля 1962 года. Вильям Генрихович сразу же попал в объятия друзей и коллег, которые принимали участие в этом мероприятии. Затем его привезли на служебную виллу в Карлсхорст, где его ждали жена Елена Степановна и дочь Эвелина.

Состоялась товарищеская встреча. Был поднят не один тост. В конце встречи Вильям Генрихович сказал: «Я испытываю чувства человека, попавшего «с корабля на бал». И радостно, и волнующе, и непривычно, непривычно до такой степени, что даже с бокала легкого сухого вина неимоверно кружится голова. Откровенно говоря, я как во сне. Произошел такой разительный контраст обстановки, что даже трудно поверить в случившееся. «Корабль», на котором мне пришлось находиться без малого пять лет, как вы знаете, имеет весьма прозаическое название – каторжная тюрьма министерства юстиции в городе Атланте. Там я старался делать все возможное для того, чтобы не уронить чести и достоинства советского человека, до конца выполнить свой служебный долг».

В Москве Вильяма Генриховича приняли руководители Комитета госбезопасности и внешней разведки. Председатель КГБ огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении разведчика орденом Красного Знамени и приказы КГБ о награждении его знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» и назначении на должность начальника отдела.

После лечения и отдыха Фишер приступил к работе. Помимо оперативной работы Вильяму Генриховичу приходилось много выступать в чекистских коллективах центрального аппарата и местных органов, а также на предприятиях, в школах и даже в сельских районах. Интерес к личности этого человека был очень велик. Почти десять лет после освобождения из тюрьмы Фишер оставался на службе в разведке, отдавая свои знания и опыт молодым сотрудникам.

Но пришла беда. 15 ноября 1971 года Вильяма Генриховича не стало. Он скончался в клинике онкологии после непродолжительного лечения тяжелой болезни, симптомы которой дали о себе знать лишь в самое последнее время.

Он прожил 68 лет. Это был человек с большими разносторонними способностями. Джеймс Донован так охарактеризовал его: «Это уникальный человек. Он говорил со мной об атомной энергии, как если бы он был лучшим другом Эйнштейна. Абель знал живопись, фотодело, ювелирное искусство, электронику, химию»[6].

К этому нужно добавить, что он был хорошим музыкантом, лингвистом, прекрасно знал юриспруденцию и литературу.

Особым его увлечением была живопись. Ей он отдавал львиную долю свободного времени. Им были написаны сотни картин, репродукции некоторых из них стали известны широкой публике.

Длительная безупречная служба Вильяма Генриховича Фишера в рядах сотрудников внешней разведки, его мужество и стойкость, беззаветная преданность Родине стали достойным примером. Его имя сохранится в памяти не только разведчиков, но и всех людей, которым дороги интересы нашего Отечества.

---

[1] **Донован Д.** Незнакомцы на мосту. – М., 1992. – С. 149.
[2] **Там же.** – С. 224.
[3] **Там же.** – С. 94–95.
[4] **Там же.** – С. 147.
[5] Il Tempo. – 1958. – 20 febbraio, № 8.
[6] Il Tempo. – 1958. – 13 marzo, № 11.

15

Член королевской «Заморской лиги»

Полковник Конон Трофимович Молодый, известный по публикациям у нас в стране и за рубежом под именем Гордона Лонсдейла, с 1955 по 1961 год возглавлял нелегальную резидентуру в Англии. Это было одно из наиболее эффективных звеньев внешней разведки, которое успешно добывало секретную политическую, научно-техническую и военно-стратегическую информацию в важнейших учреждениях Англии и военных базах США, расположенных на ее территории.

В этот период отношения между Западом и Востоком продолжали накаляться, усиливалась гонка вооружений. Советское руководство и командование вооруженных сил остро интересовали вопросы, связанные с развитием военной техники в странах НАТО, в том числе предназначенной для военно-морских сил.

В то же время добывание нужной информации с использованием «легальных» возможностей наталкивалось на большие трудности в связи с активностью контрразведывательных органов против советских граждан и учреждений во многих странах НАТО. Англия не была исключением. В этой ситуации было принято решение создать в Лондоне нелегальную резидентуру и передать ей на связь часть ценных источников.

Резидентура Молодого начала создаваться в 1954 году. Но основные ее компоненты стали функционировать только в 1955 году, после того как в Лондоне обосновался сам резидент и начал действовать пункт связи, организованный разведчиками-нелегалами Моррисом и Леонтиной Коэнами.

Потребовалось немало времени, чтобы создать прочные прикрытия, наладить каналы связи и развернуть в полную силу деятельность резидентуры. На начальном этапе от резидентуры поступала в основном политическая информация. Затем с передачей в ее состав источника, имевшего выходы на научно-техническую проблематику, по-

явилась возможность направлять важные сведения по разработкам в области современной техники и новейших технологий. В частности, Центр стал получать материалы по технологии производства прокатных высокопрочных алюминиевых и других сплавов, пайке титана и нержавеющей стали по новому способу, другие важные промышленные и научные разработки, которые получали высокую оценку заинтересованных ведомств.

Новым эффективным направлением стала «морская» линия. Активизация работы здесь произошла после того, как в нее включился источник Хаутон («Шах»). Нелегальная резидентура получила от него большое количество секретных материалов: приказы адмиралтейства, сведения об организации ВМС Англии, о военно-морской технике, подводном флоте, оружии, методах использования боевых средств флота, состоянии обороны английских портов и военно-морских сооружений.

В дальнейшем с помощью Хаутона был приобретен новый источник – Банти Джи («Ася»), которая, так же как и Хаутон, работала в Портлэндском морском научно-исследовательском центре, который занимался секретной военно-морской проблематикой. Она располагала доступом практически ко всем секретным материалам в этом учреждении и передавала через Хаутона и непосредственно Молодому документы и чертежи по наиболее важным разработкам.

За время сотрудничества Хаутона с советской внешней разведкой от него было получено несколько тысяч наименований совершенно секретных, секретных и конфиденциальных документальных материалов английского адмиралтейства и его научных центров объемом свыше 17 000 листов. Полученные материалы давали полную картину состояния британского военно-морского флота, его боевых возможностей, перспектив развития плавсредств и вооружения. Как писала потом одна английская газета со ссылкой на высказывание крупного военного деятеля, в британском военно-морском ведомстве не осталось секретов, которые не были бы известны советской разведке.

Было получено также большое число документов по новейшим научным и техническим разработкам в области производства вооружения и технических средств для армии и флота. В их числе материалы по атомной подводной лодке «Дредноут», гидроакустическим станциям и гидролокаторам, гидроакустическим средствам противолодочной обороны и др.

В конце 1958 года на связь Молодому был передан источник «К», имевший доступ к ценной научно-технической информации. Нелегал встречался с ним в различных местах в городе, иногда в поезде, и получал документальные материалы. Встречи чаще всего длились буквально несколько секунд. Полученные документы после фотографирования возвращались таким же путем.

«К» передал нелегалу большое количество материалов, которые высоко оценивались в Центре. Полученные материалы позволяли более рационально планировать наши военные и военно-морские программы, экономя большие средства, осуществлять упреждающие меры против возможной угрозы безопасности государства.

Заслуги в создании уникальных разведывательных возможностей в одной из ключевых стран НАТО следует отнести на счет не только разведчика-нелегала Молодого, но и лондонской «легальной» резидентуры, которая активно содействовала его работе. Вместе с тем роль нелегала в этом деле исключительно велика. Если бы не предательство, резидентура Молодого могла бы еще долго вести работу и обнаружить ее контрразведке обычными средствами было практически невозможно.

Помимо военно-морской проблематики велась работа по объектам в г. Портоне, где находился центр биологических методов ведения войны, американским военно-воздушным базам, изучению персонала английской разведки, проходившего обучение в Лондонском университете, и по другим вопросам.

Конон Трофимович Молодый был незаурядным человеком. Он в совершенстве владел английским языком, свободно говорил на французском, немецком и китайском языках. По языку и манерам, знанию нравов и обычаев его невозможно было отличить от настоящего канадца или американца. Живой ум, доброжелательность, чувство юмора помогали располагать к себе людей, заводить полезные связи и успешно решать подчас нелегкие вопросы, которые выпадают на долю нелегала. Был он волевым, целеустремленным человеком, что позволяло не распыляться по мелочам и твердо следовать к намеченной цели.

Конон Трофимович родился 17 января 1922 года в Москве. Отец его, Трофим Кононович, изучал физику в Санкт-Петербургском и Московском университетах. Позднее он стал преподавателем и редактором научных журналов. Мать Конона, Евдокия Константиновна Молодая, была врачом. В 1929 году умер отец, и мать одна продолжала воспитывать детей. Всесторонне развитая, трудолюбивая женщина, профессор научно-исследовательского института протезирования Евдокия Константиновна приобрела известность в научном мире, в том числе за рубежом, имела научные труды. В период Великой Отечественной войны Евдокия Константиновна работала военным хирургом и спасла жизнь не одному советскому воину.

Конон рос необычным ребенком. Он с самого детства увлекался иностранными языками.

Когда Конону исполнилось десять лет, сестра матери Анастасия Константиновна Наумова, жившая в США в г. Беркли (Калифорния), пригласила его к себе. В Америке жила и другая сестра матери – Пьянкова, ставшая балериной, и она тоже хотела, чтобы племянник пожил некоторое время с ними.

Евдокия Константиновна отпустила сына к сестрам. В США Конон находился до 1938 года. Здесь он учился в средней школе, много ездил по Калифорнии, бывал в других городах США, посетил Нью-Йорк. За это время он отлично изучил английский язык, быт и нравы населения Северной Америки. Вместе со своими родственницами он посетил Англию, Францию и другие страны.

В 1938 году Конону исполнилось 16 лет и нужно было выбирать дальнейший жизненный путь. Тети рекомендовали ему закончить среднюю школу, поступить в один из американских университетов и остаться в США. Однако Конон твердо решил вернуться на Родину. Он приехал в Москву. В 1940 году окончил 36-ю московскую среднюю школу.

В октябре того же года Молодого призвали на военную службу. С первых же дней Великой Отечественной войны и до Победы Молодый был на фронте в качестве военного разведчика. Он служил в 140-й артбригаде в должности помощника начальника штаба 627-го отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона.

В боях с фашистами проявились такие качества Конона Молодого, как смелость, отвага, военная смекалка и наблюдательность. За мужество и храбрость, проявленные в годы Великой Отечественной войны, лейтенант К.Т. Молодый был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды и несколькими медалями. Не одну тысячу километров прошел он с войсками по Европе, побывав на территории Польши, Германии, Чехословакии, Австрии, Венгрии и Румынии.

В 1946 году Молодый демобилизовался и поступил на учебу в Институт внешней торговли. Успешно изучал здесь китайский язык.

В 1952 году по окончании института Конон Трофимович Молодый был принят на службу в разведку и приступил к подготовке для работы в нелегальных условиях.

Конон Трофимович, как известно, на уровне родного владел английским языком. Это облегчало дело. Знал также быт североамериканцев, особенности поведения европейцев. Поэтому основное внимание обращалось на оперативно-разведывательные вопросы, профессиональную подготовку.

Для совершенствования языковых знаний Молодый использовал общение с Моррисом и Леонтиной Коэнами, готовившимися для работы в нелегальной резидентуре в Англии, которую он должен был возглавить. Общение с этими людьми позволило не только изучить своих будущих работников, но и очень много взять для себя из их большого опыта разведывательной работы. Что касается языковой практики, то лучшей школы придумать было нельзя. Иногда с утра и до вечера беседы велись только на английском языке. После таких тренировок Коэны сделали заключение, что по языку, поведению и манерам Конона нельзя отличить от настоящего американца.

В октябре 1954 года председатель Комитета госбезопасности утвердил план организации нелегальной резидентуры в Англии и назначение Молодого в качестве ее руководителя, а также санкционировал вывод его в страну назначения.

Чтобы нелегал мог осесть в Англии, стране со сложной оперативной обстановкой, необходимо было снабдить его надежным документом, который позволил бы беспрепятственно въехать в Англию и остаться там жить. Разработанный вариант предусматривал проживание Конона Трофимовича за рубежом по подлинному загранпаспорту.

Наряду с решением вопросов документации и легализации, он вел работу по выполнению конкретных разведывательных заданий.

Подготовительная работа для переезда в Англию близилась к концу. Необходимо было перевести со своего счета некоторую сумму денег в Англию в один из лондонских банков, чтобы по приезде туда можно было открыть счет. Во время этой операции разведчик познакомился со служащим банка, который являлся секретарем местной организации «Заморская лига». Это знакомство сыграло затем большую роль в устройстве жизни в Англии, и об этом стоит рассказать несколько подробнее. Лига представляла собой общественную организацию, насчитывающую более 50 тысяч человек, программа которой состояла в агитации за укрепление Британской империи.

Новый знакомый предложил Конону Трофимовичу вступить в эту организацию. Когда нелегал начал колебаться, он объяснил ему, что в Лондоне, куда он собирается ехать, у него наверняка нет знакомых, а проблем возникнет много, и некому будет помочь. А в «Заморской лиге» его примут как своего человека, помогут найти квартиру, познакомят с нужными людьми, организуют интересные и недорогие поездки по стране.

Молодый после консультации с Центром внес вступительный взнос и был оформлен в члены этой организации. Когда, получив членскую карточку, он взглянул на имя патрона лиги, то увидел имя королевы Елизаветы II. Он понял, что стал членом действительно солидной организации.

В конце февраля приготовления были завершены, и Молодый выехал в Нью-Йорк, откуда на лайнере «Америка» отправился в Англию...

Наступил вечер. Идти в офис «Заморской лиги», как советовал ему секретарь Ванкуверского отделения, было поздно. Он устроился на ночь в небольшой гостинице, а утром отправился в правление местной лиги. Оно помещалось в центре Лондона, рядом с парком, прилегающим к Букингемскому дворцу. Нелегал вписал свое имя в книгу «иностранных гостей», как это было принято. Ему предложили на первое время место в отеле лиги, где можно было получить комна-

ту за 12 шиллингов в сутки. Чтобы показать, что он человек экономный, Молодый поселился в двухместном номере, где проживал еще один человек.

«Не успел я еще как следует расположиться, – писал потом разведчик, – зазвонил телефон. Приятный женский голос сообщил, что генеральный секретарь отделения лиги хотел бы видеть меня.

– Буду готов через полчаса, – ответил я.

Быстро приведя себя в порядок, ровно через 30 минут я вошел в кабинет секретаря.

– Мое имя Филипп Кроушоу, – представился мне владелец кабинета, пожилой седовласый англичанин. – Я хотел бы познакомить Вас с нашими деятелями. Давайте пойдем в бар.

В баре мое появление приветствовали поднятием бокалов, в которых было налито традиционное виски с содовой, при этом мы представились друг другу. Видя, что я тороплюсь и собираюсь попрощаться, Кроушоу, как оказалось, кавалер ордена Британской империи, взял меня под руку и подвел к широкому окну.

– Посмотрите, – он показал рукой на Букингем, – над дворцом развевается королевский флаг.

– Да, вижу, – подтвердил я, не очень понимая его намерения.

– Ее королевское величество пребывает на месте, – тон его заявления был чрезвычайно торжественным. – Я предлагаю тост за ее здоровье.

– С превеликим удовольствием. Здоровье королевы, – я заказал виски для всех. Допивая свой бокал, я пришел к выводу, что мой патриотизм не проявлялся до сих пор с достаточным энтузиазмом и решил в будущем исправить эту ошибку».

В отеле лиги Молодый завел много знакомых. С некоторыми он поддерживал отношения в течение всего пребывания в Англии, и это серьезно способствовало укреплению легализационного положения.

Благодаря лиге Молодый постоянно был в курсе политических событий большой важности. Во время Суэцкого кризиса 1956 года с помощью лиги ему удалось попасть на заседание парламента, познакомиться с парламентариями, установить контакты среди политиков и бизнесменов.

Когда потребовалось выехать из отеля лиги и снять квартиру в городе, то и здесь пришлось прибегать к содействию лиги. В районе Риджент-парка нелегалу удалось снять квартиру в хорошем, но недорогом доме. Простым смертным поселиться здесь было трудно, необходимо иметь пять рекомендаций: с прежнего места жительства, с места работы, от банка и от двух уважаемых крупных собственников. Таких рекомендаций Конон Трофимович в тот период представить еще не мог. Однако по просьбе лиги квартира ему была сдана без представления других рекомендаций.

По этому поводу Молодый отмечал: «Благодаря лиге у меня в Лондоне была не только теплая квартира, но и интересные знакомые».

По легенде разведчик прибыл в Англию для учебы в Лондонском университете. Он успешно сдал экзамены и был зачислен студентом на восточный факультет университета. Здесь негласно проходили обучение сотрудники СИС, английской разведки, которым предстояло работать в странах Востока. Молодый познакомился с ними, осуществлял их изучение.

Прошло всего пять месяцев, как разведчик-нелегал выехал из Москвы. А сделать за это короткое время сумел очень много. За успешную работу Молодому была объявлена благодарность председателя КГБ, он был повышен в должности и звании.

Центр рекомендовал не ограничиваться в качестве прикрытия учебой в университете, а присматриваться и к другим возможностям.

Молодый пришел к выводу о необходимости начать какое-либо коммерческое дело, не прерывая учебу в университете. Это, как он полагал, укрепит его положение и даст возможность после окончания учебы остаться в Англии. Он перебрал несколько вариантов и решил приобрести несколько музыкальных автоматов.

В январе 1957 года разведчик писал в Центр: «Согласно договоренности, во время моего пребывания в Центре я заказал два музыкальных автомата, уплатив сравнительно небольшой задаток. Остальное подлежит выплате в течение двух лет. Такие автоматы создают здесь хорошие возможности. Затратив 5 тыс. долларов, можно в течение 6–12 месяцев создать дело, не требующее дополнительных затрат, а после окончания платежей получать доход до 200 долларов в месяц. Такое дело позволит, во-первых, обосновать пребывание в стране и, во-вторых, выезжать при необходимости в другие страны на 1–2 месяца». И далее: «В течение года думаю расширить сеть автоматов до 10 штук. После выплаты долга автоматы будут приносить весьма солидный реальный доход, а также позволят содержать автомашину, если в этом возникнет необходимость».

В дальнейшем Молодый вошел в качестве компаньона в фирму, которая занималась эксплуатацией автоматов на более солидной основе. Она имела 300 автоматов по продаже жевательной резинки, которые были расположены по всему Лондону. Это давало возможность практически в любое время суток разъезжать по разным районам города, решать различные разведывательные задачи, не привлекая внимания местных властей и окружения.

Хорошо шли дела и у содержателей пункта связи Коэнов. Они также создали надежное прикрытие, была налажена связь с Центром, появились перспективные кандидаты для последующего использования в качестве источников.

Созданная Молодым резидентура начала активизировать свою деятельность. Стала действовать радиосвязь. В двух километрах от

загородного дома Коэнов, где была оборудована радиоквартира, располагался штаб американских ВВС. Радиостанции аэродрома Нордхолт и штаба круглосуточно работали на длинных и коротких волнах, поэтому засечь посторонний радиопередатчик в таком районе практически невозможно, несмотря на то что совсем недалеко работала радиопеленгаторная станция.

Деятельность резидентуры развивалась весьма успешно, и, казалось, ничто не предвещало беды. Но события начали развиваться в крайне неблагоприятном направлении. Летом 1960 года ушел на Запад сотрудник внешней разведки Польши, которому источник Молодого Хаутон был известен как человек, к которому проявляла интерес разведка его страны. Он работал тогда в английском военно-морском атташате в Варшаве. Англичане без труда нашли Хаутона и в целях проверки установили за ним наружное наблюдение.

Через Хаутона контрразведка вышла на Молодого, а через него на Коэнов. В поле зрения попала и Банти Джи.

Работа контрразведки строилась таким образом, чтобы максимально исключить возможность появления у Молодого подозрений. В этих целях она не стремилась постоянно вести за ним слежку на всех маршрутах его передвижения. Она фиксировала его по месту жительства, месту работы, в других местах, где он регулярно бывал, а также во время встреч с Хаутоном и Джи, ведя наблюдение за последними.

Контрразведка разобралась, что Лонсдейл является профессиональным разведчиком, но необходимо было выяснить, на кого он работает. Для этого потребовалось несколько месяцев. Нужно было также тщательно изучить организацию работы резидентуры и произвести арест с поличным во время передачи материалов из рук в руки. Это было необходимо для того, чтобы предъявить в суде неопровержимые доказательства шпионской деятельности с наличием уликовых материалов.

Контрразведка действовала без спешки. Она дала возможность Молодому съездить на континент и почти четыре месяца после возвращения вела его разработку.

Арест произошел 8 января 1961 года. Впоследствии Молодый так описывал случившееся: «В 16.29 я повернул за нужный мне угол и пошел на юг. Прохожих совсем не было. Улица просматривалась на несколько сот метров вперед, и я удивился, не увидев Хаутона. Продолжая двигаться на юг, я вдруг заметил, как он перешел улицу на мою сторону и также направился на юг несколько впереди меня... Ничего подозрительного я не заметил и, догнав Хаутона и Джи, которая по пути присоединилась к нам, сказал им, что очень тороплюсь и вызову их обусловленным сигналом по почте на обычное в таких случаях место.

Я спросил Джи, могу ли я временно забрать ее хозяйственную сумку, в которой находились материалы, и она ответила: «Пожалуй-

ста». Не успел я взяться за сумку, как услышал шум тормозов. Оглянувшись, я увидел три небольшие автомашины темного цвета устаревших моделей и выскакивающих из них людей, человек десять–двенадцать.

Дальнейшее произошло, как в третьеразрядном фильме: все они бегом ринулись на нас (тротуар был метра четыре шириной); на меня навалились человека четыре, двое схватили за кисти рук и затащили в первую машину. Никто из них не сказал ни слова. Водитель автомашины доложил по радио: «Все в порядке. Едем домой через Вестминстерский мост» и включил повышенную скорость. Державший меня за кисть правой руки полицейский инспектор, как потом оказалось, по имени Смит, попытался было сосчитать мой пульс. Но я повернул руку таким образом, чтобы помешать ему, и спросил: «Вы что, доктор?» Он ответил: «Нет. Вы едете в Скотланд-Ярд». Кстати, мой пульс был почти нормальным. Трудно это объяснить, но особого возбуждения не чувствовалось. Паники тоже».

Арестованы были Хаутон и Джи. Днем раньше арестовали Коэнов. Значительная часть резидентуры оказалась за решеткой.

Об аресте Молодого и членов его резидентуры Центр узнал уже 9 января 1961 года. Резидент «легальной» резидентуры сообщил, что во всех утренних газетах от 9 января напечатано сообщение об аресте Бена (псевдоним Молодого), «Дачников» (псевдоним Коэнов), «Шаха» и «Аси».

После ареста и доставки в Скотланд-Ярд, рассказывал Молодый, состоялся первый допрос, который проводил суперинтендант Смит. Он настойчиво добивался, чтобы разведчик сделал добровольное заявление и признался в шпионской деятельности. «Мы знаем все, – говорил он, – что вы делали здесь за все шесть месяцев, что вы были в Англии». На что я ответил, что это очень хорошо, так как в данном случае нет необходимости делать заявление, и добавил, что вообще-то я был в Англии шесть лет. Это его буквально потрясло, и он ушел, не сказав ни слова».

Учитывая складывающуюся ситуацию и знание законов Англии, согласно которым полиция может держать под арестом кого-либо не более суток, после чего арестованный должен быть предъявлен суду и даны обоснования его ареста, Молодый решил занять жесткую позицию, твердо и до конца придерживаться своей основной легенды, ни в чем не сознаваться, требовать права на защиту и не позволять спецслужбам втянуть его в провокацию.

«Принимая такое решение, – писал впоследствии разведчик, – я исходил из следующих соображений: сделать все возможное для того, чтобы показать пример правильного поведения своим помощникам; вынудить контрразведку раскрыть свои карты и тем самым определить причину провала; показать общественному мнению и особенно нашим зарубежным друзьям, оказывающим нам помощь, что

советские разведчики являются достойными сынами своей Родины и на них можно положиться. Большое значение при этом для меня имело благородное, мужественное поведение на судебном процессе в США в 1957 году разведчика Рудольфа Ивановича Абеля».

По английским законам предъявлять обвинение в Скотланд-Ярде нельзя, это делается в полицейском участке. Арестованные были привезены туда.

«Смит официально предъявил нам обвинение в шпионаже, – писал Молодый. – Здесь я впервые после ареста увидел Коэнов. Их только что привезли, ночь они провели в одной из полицейских тюрем в районе Руислип». Молодому представилась возможность переброситься несколькими словами с Коэнами. Он им сказал, чтобы они ни в чем не признавались и вели себя, как Абель (о процессе над Абелем много писалось в газетах).

«Нам предложили подписаться под описью отобранного у нас при аресте имущества, – рассказывал далее разведчик. – Я отказался, так как в список был включен пакет, изъятый из хозяйственной сумки Джи, с описанием его содержимого. Как выяснилось на суде, источник принесла приказы по флоту, описание нескольких гидроакустических приборов и электронного оборудования подводной лодки «Дредноут», вторую часть справочника «Корабли военно-морского флота» (последние два документа были в пленке) и ряд других документов. Я заявил, что сумочка не моя и вскрывалась без меня».

Судебный процесс начался 13 марта 1961 года в центральном уголовном суде, расположенном в Сити. Он продолжался восемь дней и широко освещался в английской прессе. Вначале выступил генеральный прокурор, затем свидетели и эксперты, главным образом сотрудники контрразведки. Они старались каждый факт трактовать в пользу обвинения. Дело доходило до курьезов. На предварительном слушании возник вопрос о карте военно-морской базы в Портленде, найденной на квартире у Хаутона. Защитник последнего задал вопрос свидетелю Саймонду, капитану первого ранга, начальнику отдела подводной войны Адмиралтейства относительно ценности данной карты для потенциального противника. Саймонд сказал, что она настолько секретная и важная, что не может отвечать на вопросы о ней на открытом заседании суда.

Защитник продолжал настаивать, и было решено провести закрытое заседание. Публику удалили. Суд продолжил работу. Защитник попросил Саймонда еще раз подтвердить, что данная карта была бы очень ценной для потенциального противника. Саймонд подтвердил это. Тогда защитник попросил суд передать карту ему. Взглянув на нее, защитник вернул ее через секретаря суда Саймонду и попросил последнего прочесть надпись в правом нижнем углу карты. Тот взглянул туда и буквально побагровел. По настоянию защитника он

все-таки прочел: «Канцелярский отдел Ее Величества, цена 4 шиллинга 6 пенсов». После этого случая закрытых заседаний больше не было.

После свидетелей и экспертов давали показания Хаутон и Джи. Они признались в ведении разведывательной работы. Молодый и Коэны от дачи показаний отказались.

Седьмой день процесса начался с выступления Молодого, по поводу чего лондонская «Дейли мейл» 22 марта писала: «Затем он обернулся к жюри, все члены которого были мужчины, и на безупречном английском языке с четко выраженным американским акцентом зачитал свое заранее заготовленное заявление».

В заявлении говорилось, что никто из арестованных не находился с ним ни в какой преступной связи и что если суд на основании имеющихся у него улик считает обвинение доказанным, то виновным является только он, какие бы последствия для него это ни повлекло.

В течение следствия и суда Молодый по договоренности с Моррисом Коэном прилагал большие усилия оправдать Лону Коэн. Он представлял ситуацию так, что она не была посвящена в его дела. Молодый все время настаивал, что если она и выполняла какие-либо его поручения, то перед ней не раскрывалось их содержание, а все маскировалось под бытовые дела.

Однако когда американцы представили суду доказательства, что Коэны являются американскими гражданами и разыскиваются американской контрразведкой, положение Лоны серьезно осложнилось.

Слушания были закончены, и судья объявил приговоры: Молодому – 25 лет каторжной тюрьмы, Коэнам – по 20 лет, Хаутону и Джи – по 15 лет.

Газета «Обсервер», касаясь поведения Молодого на судебном процессе, писала: «В нем было что-то настолько профессиональное, что возникало лишь чувство восхищения. И если хоть один человек был патриотом и жил ради своего долга, то это он».

Другая газета, «Ньюс оф зе уорлд», добавляла, что Гордон Лонсдейл спокойно вел себя в течение всего процесса, у него даже веко не дрогнуло, когда его приговорили к 25 годам.

Мужественно вел себя разведчик и во время пребывания в тюрьме, где он содержался в условиях особо строгого режима. Как он узнал, МВД Великобритании считало его лицом «исключительного риска», способным бежать из тюремного заключения. В это время из английской тюрьмы бежал Джордж Блейк – один из сотрудников советской внешней разведки, приговоренный в Англии к 42 годам тюремного заключения. Видимо, это обстоятельство подтолкнуло власти ужесточить режим содержания Молодого.

Сначала Конон Трофимович сидел в лондонских тюрьмах, в Манчестере, затем его перевезли в Бирмингем, где он содержался до момента освобождения.

«Я был в тюрьме на особом положении, – рассказывал Конон Трофимович, – потому что, как считали судьи, не признался в том, кем являюсь в действительности. Поэтому они боялись, что я убегу. Обычная тюремная форма – куртка и брюки, очень сходные по покрою с английской военной формой. Мне выдали такую же форму, но с тремя большими «заплатами» – на левой стороне груди, на правом колене и под левым коленом. Содержали в одиночной специальной камере, оборудованной решеткой из специальной стали, которую якобы не берет ножовка. На ночь у меня отбирали всю одежду, и всю ночь в моей камере горел свет. Куда бы я ни шел, со мной следовал специально выделенный тюремщик с моей книжкой-формуляром, в которой он расписывался при передаче меня другому тюремщику».

Питание в тюрьме было однообразным. Надзиратели и администрация относились к разведчику нормально, а после некоторого времени даже с уважением. То же самое можно сказать и о заключенных, среди которых Конон Трофимович имел непререкаемый авторитет из-за умения дать надлежащий совет или написать прошение. Однако в отношении разведчика зачастую нарушались тюремные правила и законы страны. Ему, например, не всегда давали книги, тогда как другие пользовались этим правом.

Находясь в английской тюрьме, Молодый верил, что руководство внешней разведки примет меры к его досрочному освобождению. Это позволяло сохранять спокойствие и стойко переносить тяжелые испытания.

Встретившись с Кононом Трофимовичем в тюрьме, Джордж Блейк так охарактеризовал его: «Лонсдейл переносил свою судьбу с замечательной стойкостью и неизменно пребывал в хорошем настроении... Я вспоминаю один наш разговор, который состоялся за несколько дней до того, как его внезапно перевели в другую тюрьму. «Ну что ж, – сказал он в своей оптимистической манере, – я не знаю, что произойдет, но в одном я уверен. Мы с вами будем в Москве на большом параде в день пятидесятой годовщины Октябрьской революции». Это звучало фантастично в то время, когда мы только начали отбывать очень длинные сроки наказания, но оказалось, что он был прав».

Работа по вызволению нелегала из тюрьмы была начата сразу же после суда над ним. Сам по себе процесс вызволения является кропотливым и сложным делом. Главным является поиск подходящего кандидата для обмена. Не всегда это удается обеспечить в короткие сроки.

В данном случае такая возможность представилась в ноябре 1962 года. В Будапеште был арестован английский бизнесмен Гревил Мейнард Винн. Он неоднократно бывал в СССР. Перед очередной поездкой в Москву один из сотрудников английской секретной службы попросил его выполнить ряд разведывательных поручений. Эта

деятельность была зафиксирована органами КГБ. После ареста он был доставлен в Москву и над ним состоялся суд.

Винн признал себя виновным по большинству пунктов обвинения и был приговорен к восьми годам лишения свободы.

Осуждение Винна давало возможность добиться обмена Молодого на этого человека. В течение нескольких месяцев продолжались осторожные шаги с обеих сторон, направленные на достижение соглашения об обмене.

Несмотря на то что переговоры велись тайно, некоторые сведения об обмене просочились в прессу. Намечаемые мероприятия подверглись резкой критике. Одна из газет писала: «Англия, в отличие от Америки, никогда не обменивалась шпионами с Россией. Если бы дело Винна создало прецедент, русские одержали бы победу в тайной холодной войне. Какая это была бы победа, если бы акула Лонсдейл был обменен на мелюзгу Винна!»

Такого рода обстоятельства серьезно осложняли дело.

Но тем не менее соглашение было достигнуто 7 апреля 1964 года. Через две с небольшим недели был произведен обмен, и Конон Трофимович Молодый снова оказался на Родине.

«Утром 21 апреля, – вспоминал нелегал, – я находился в бане и как раз разделся, когда за мной прибежал один из старших надзирателей. Это было само по себе необычно. Он сказал, чтобы я быстро оделся, так как я «нужен»... Часов в 10 утра меня отвели в кабинет начальника тюрьмы, в котором помимо его самого находились секретарь министра внутренних дел и какой-то старший чин местной полиции. Поздоровавшись со мной, начальник тюрьмы серьезно произнес: «Господин Лонсдейл (услышав "господин", я понял, что еду домой), я хочу представить вас секретарю министра внутренних дел». Затем мне предложили сесть и объяснили, что у секретаря министра имеется пакет, который он должен вскрыть в моем присутствии и зачитать мне текст документа... Закончив чтение документа, начальник тюрьмы показал его мне. Все трое присутствовавших подошли ко мне и пожали мне руку».

Сам обмен состоялся в Берлине 22 апреля в 5.30 утра на КПП Штаакен, расположенном на внешнем обводе Западного Берлина по дороге № 5. В условленное время машина с Винном была выдвинута на пограничную линию, то же самое сделали и англичане. После опознания (с нашей стороны эту миссию выполнял начальник отдела Н.А. Корзников) произошла процедура обмена. Молодый сел в нашу машину, а Винн – в английскую. Машины быстро набрали скорость и поехали по своим маршрутам.

Обмен произошел без происшествий и без посторонних зрителей, так как дорога была перекрыта. На чрезвычайный случай несколько машин как с одной, так и с другой стороны находились поблизости и выполняли роль прикрытия. Конон Трофимович сразу же попал

в объятия друзей, которые от всего сердца поздравили его с возвращением на Родину.

С особой радостью встречала его дома семья – жена Галина и дети Лиза и Трофим. Конон Трофимович очень их любил и скучал без них. Дети были рады возвращению отца из очередной командировки. Не мог он рассказать им, где был, что делал. Долгая разлука с ним еще больше укрепила их взаимную любовь.

Теплой была встреча с друзьями и товарищами по работе. Его поздравили с возвращением председатель КГБ СССР и начальник внешней разведки.

Молодому было присвоено очередное звание «полковник». Он был награжден орденом Красного Знамени. В Указе Президиума Верховного Совета СССР говорилось: «За мужество и стойкость, проявленные при выполнении особых заданий, наградить сотрудника Комитета госбезопасности Молодого Конона Трофимовича орденом Красного Знамени». Он был также награжден знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Глубокие знания и богатый опыт разведывательной работы за границей предопределили направление его дальнейшего использования в системе внешней разведки. Ему была поручена работа по подготовке и воспитанию молодых работников. Его часто приглашали коллективы сотрудников местных органов, где он выступал с воспоминаниями о работе за рубежом. В это время за границей и у нас появились публикации, связанные с работой резидентуры Лонсдейла. В Англии был даже снят кинофильм. Интерес общественности к этому событию был велик.

Но зарубежные средства массовой информации нередко искажали факты. Поэтому выступления Конона Трофимовича, в том числе и в прессе, давали объективную картину и способствовали правильному восприятию советской и зарубежной общественностью как деятельности советской внешней разведки, так и фактов, связанных с работой резидентуры Молодого, арестом ее сотрудников.

Много сил он отдавал работе с молодежью и находил в этом большое удовлетворение. В свободное время любил выезжать с семьей за город. Он наслаждался природой и много времени проводил, бродя по полям, берегам рек и подмосковным рощам. Любил собирать грибы.

Последний день его жизни прошел на природе. В пятницу, 9 октября 1970 года, Конон Трофимович с женой вместе с товарищем, который тоже был с женой, отправились в район Медыни. По приезде на место разбили палатку, стали разводить костер. Конон Трофимович, уставший после длинной дороги, присел на раскладной стул. Здесь неожиданно у него произошел инсульт. Он потерял сознание. Ближайшая больница была в Медыни, за 10 километров от места происшествия. Конона Трофимовича доставили туда на машине, однако

спасти его не удалось. Видимо, нервные нагрузки, которые он испытывал на работе за рубежом, и три с половиной года тюрьмы сделали свое дело. Так в 48 лет ушел из жизни прекрасной души человек, фронтовик, отважный разведчик полковник Конон Трофимович Молодый. Его смерть явилась тяжелой утратой для коллектива сотрудников внешней разведки.

Характерно, что ряд английских газет опубликовал сообщения о кончине советского разведчика, известного как герой «портлендского дела». В газетах появились большие портреты Конона Трофимовича.

16

Они боролись до конца

На скамейке в Ливадийском парке в Крыму сидит пожилая пара. Он невысокого роста, седой, с добродушной улыбкой на лице, она – худенькая женщина с бледным, озабоченным лицом и живыми глазами. Они с интересом наблюдают за игрой ребятишек из детского сада, которые расположились по соседству вместе с воспитателями. Мужчина и женщина изредка переговариваются между собой, но все их внимание приковано к детворе, затеявшей шумную веселую игру.

Женщина вздохнула, повернула голову в сторону своего собеседника и тихо проговорила по-английски:

– И у нас могли быть дети... а остались мы с тобой одни.

– Ну что ты загрустила, Лона, – с улыбкой сказал мужчина. – Это не только дети чужих родителей, это и наши с тобой дети. И ребята, которых мы видели в детских санаториях в Евпатории, приехавшие с Севера и Дальнего Востока, – это тоже наши с тобой дети. В их благополучие и мирное небо над головами вложили и мы свою частицу труда.

Он нагнулся, сорвал цветок и торжественно вручил его бегавшей рядом белокурой красавице лет четырех-пяти. Та застенчиво улыбнулась, замялась и тихо проговорила:

– Спасибо, но в парке цветочки рвать нельзя.

Она еще раз неловко улыбнулась и медленно пошла к своим сверстникам. Иностранцы слабо знали русский язык, но поняли, что сказала девочка. Лона рассмеялась:

– Моррис, это, кажется, твое первое фиаско на женском фронте.

Моррис тоже улыбался:

– Смотри же, какая умница, чудесный ребенок.

Этот маленький эпизод внес веселое оживление в атмосферу беседы пожилых людей. Вокруг них бродили по парку, любовались морем, сидели на скамейках люди, приехавшие в Крым отдохнуть.

Но Моррис и Лона не были обычными отдыхающими. Совсем недавно они отбывали заключение в английских тюрьмах строгого режима. Осужденные на 20 лет за разведывательную деятельность в пользу СССР, они просидели там 9 лет, не видя живой природы. Моррис и Леонтина Коэны посвятили всю свою жизнь работе в советской разведке. Они многое сделали для обеспечения безопасности и обороноспособности советского государства. Оба удостоены звания Героев России.

Особое место в их деятельности занимала работа в США и Англии по атомной и другой научно-технической проблематике, политическим и военно-стратегическим вопросам.

В США Моррисом и при его участии было приобретено несколько источников важной информации, связанной с работами по созданию атомного оружия, других видов вооружения.

Лона Коэн обеспечивала работу по связи с источниками. Ей приходилось выезжать в отдаленные города США, получать там секретные материалы и доставлять их по назначению. Неоднократно она попадала в весьма сложные ситуации, из которых удавалось выходить только благодаря выдержке и находчивости.

Моррис и Лона Коэн были гражданами США, до прихода в разведку вели активную работу в американских профсоюзах и левых демократических организациях.

Начало их политической деятельности относится ко второй половине 30-х годов, когда над миром нависла угроза возникновения Второй мировой войны.

В 1937 году, когда в Испании шла война, Моррис решил, что его место в рядах защитников республики, и выехал туда. Он сражался в рядах интернациональной бригады имени Линкольна, был политическим комиссаром подразделения. В октябре 1937 года был ранен в ноги и пролежал четыре месяца в госпитале.

После выздоровления вновь отправился на фронт. В декабре 1938 года Моррис вернулся в США, где принимал участие в создании организации американских ветеранов бригады имени Линкольна, был членом исполкома этой организации в Нью-Йорке.

Активное участие в антифашистской деятельности принимала и Лона. Они встретились как единомышленники, полюбили друг друга и в июне 1941 года поженились. С тех пор шли вместе одной дорогой жизни, которая была трудной и вместе с тем принесшей немало радости и удовлетворения. На их пути были и фронт, и опасная работа по выполнению разведзаданий, и счастливые дни Победы, и успехи в работе, и девять лет каторжной тюрьмы в Англии, и столь долгожданное освобождение.

Работать в советской внешней разведке Моррис начал во время войны в Испании. Во время учебы на курсах военных комиссаров республиканской армии он познакомился с преподавателями из Рос-

сии и по их рекомендации был направлен в разведшколу в Барселоне. В активную разведывательную деятельность Моррис включился уже по возвращении в США. Лона начала разведработу в 1942 году.

Моррис родился в 1910 году в Нью-Йорке в небогатой семье. После окончания средней школы работал на металлургическом заводе, в типографии, ресторанах и гостиницах. В 1931 году поступил в университет штата Миссисипи, где изучал историю, литературу, экономику, коммерцию. В 1935 году продолжил учебу в университете штата Иллинойс.

Лона родилась в 1913 году в США, ее родители были выходцами из Польши. Училась в школе, а с 13 лет начала работать на фабрике.

Разведдеятельность Морриса Коэна в США началась результативно. Он сумел приобрести источника ценных разведывательных материалов по научно-технической проблематике (сонары, система радиоуправляемых снарядов), вел изучение других лиц, представляющих интерес для советской разведки. Через некоторое время на связи у него уже находилась целая группа источников.

В конце 1941 года США вступили в войну, а весной 1942 года Коэна призвали в армию. В этой связи было принято решение привлечь к работе его жену. Лона согласилась и с этого времени, как и ее муж, полностью посвятила себя разведывательной деятельности.

Основная ее задача состояла в обеспечении связи с рядом ценных источников. Более года осуществляла она связь с источником, занимавшим крупный пост в УСС (Управлении стратегических служб США)[1]. Работы было много: частые поездки в другие города, откуда Лона возвращалась с совершенно секретными документами, затем передавала их по назначению.

В памяти осталась поездка в июле–августе 1945 года в район американского атомного центра в Лос-Аламосе. Она должна была приехать в находящийся недалеко от атомного центра город Лас-Вегас в штате Нью-Мексико, остановиться там и по воскресным дням посещать соседний городок Альбукерке, место встречи, куда должен был прибыть человек из атомного центра.

До места Лона доехала благополучно. Каждое воскресенье она выходила на встречу, но безрезультатно. Человек, которого она ждала, не появлялся. Видимо, выйти из тщательно охраняемой зоны атомного центра было непросто.

Принимая необходимые меры конспирации, она продолжала регулярно выходить на обусловленное место. От местных жителей она знала, что сверхсекретный центр строго охраняется и каждый человек в близлежащих городах находится под надзором полиции. Время шло, а человек не появлялся. Лона начала тревожиться. К счастью, в следующее воскресенье встреча состоялась. Лона получила толстую пачку исписанных мелким почерком листов, которую нужно было доставить в Нью-Йорк.

Обратно она решила возвращаться поездом. Перед посадкой в поезд она неожиданно обнаружила, что на вокзале пассажиры проходят контроль военной полиции. Как выяснилось, такая периодическая проверка была здесь обычным явлением. Как быть? Отказаться от поездки нельзя. Это привлечет внимание да и задержит возвращение. У Лоны из вещей были небольшой чемодан, хозяйственная сумка, дамская сумочка и коробка с бумажными салфетками «клинекс», которыми обычно пользуются простуженные американки. Но в этой коробке салфетки только сверху, внизу – плотный слой документов, полученных на встрече.

Пассажиров немного. Контроль местных жителей проводился поверхностно. Но всех, кто прибыл сюда из других районов, подвергали более тщательной проверке. Требовали документы, выясняли цели и сроки пребывания в Лас-Вегасе, у многих осматривали багаж.

Лона направилась с вещами к своему вагону одной из последних. У вагона стояли трое военных полицейских.

– Документы!

Она не спеша достала из сумочки документы, свидетельство врачей, предписывающее ей для лечения сухой воздух пустыни (под этой легендой она проживала в Лас-Вегасе). Полицейские задали ей несколько вопросов и попросили открыть чемодан для досмотра.

Разведчица в глубине сердца почувствовала, что через минуту-две может наступить трагическая развязка. Голова работала лихорадочно, но внешне Лона оставалась спокойной.

Один из полицейских, наклонившись, перебирал вещи в чемодане. В этот момент Лона решила инсценировать «потерю» железнодорожного билета, что должно было отвлечь внимание проверяющих. Она торопливо начала рыться в своей сумке, затем попыталась открыть «молнию» на боковом кармане хозяйственной сумки и в волнении никак не могла это сделать. Коробка с салфетками под мышкой мешала ей ухватиться за застежку. В раздражении она поднялась и с просьбой подержать коробку и свою сумочку сунула их в руки полицейского, который был помоложе, и наконец открыла «молнию». Билета, конечно, не было и там. Слегка отстранив полицейского, производившего досмотр вещей, она начала искать билет в чемодане, но его нигде не было. На ее лице отразились тревога и растерянность. Полицейские явно сочувствовали этой хорошенькой молодой женщине и торопились с досмотром вещей, поскольку времени до отхода поезда оставалось чуть более минуты. Закончив осмотр чемодана, полицейский попросил открыть хозяйственную сумку и сразу же наткнулся на детективный роман, из которого, как закладка, торчал билет на поезд. С улыбкой он передал его Лоне, и та начала горячо благодарить его за помощь и ругать себя за забывчивость. Времени больше не было. Полицейские помогли ей взобраться на площадку вагона, быстро подали ей вещи, коробку с салфетками и с улыбкой

пригласили ее вновь посетить Лас-Вегас. Продолжая рассыпаться в благодарностях, Лона поспешила войти в вагон. В купе от пережитого волнения у нее началась нервная дрожь. Но все же, когда поезд тронулся, у нее хватило сил приветливо помахать рукой стоявшим у вагона полицейским.

Знали бы они, что именно один из них держал в руках, пока досматривались ее вещи!

Все годы войны Моррис Коэн прослужил в американской армии. Сначала была военная школа, затем служба на Аляске. Подразделение, где он проходил службу, занималось подготовкой и обеспечением поставок по ленд-лизу в Советский Союз некоторых видов военного снаряжения. В апреле 1944 года его передислоцировали в Англию. Через несколько недель – высадка в Нормандии, бои во Франции, Бельгии. Кровопролитные сражения в Арденнах и беспорядочное отступление союзнических войск под ударами перешедших в наступление немецких армий. Конец войны застал Морриса в Германии, в Веймаре, в чине капрала.

В ноябре 1945 года он демобилизовался и вернулся в Нью-Йорк. Встреча с товарищами, и сразу возобновление разведработы. По рекомендации Центра Моррис поступил учиться в Колумбийский университет, окончив который стал преподавать в средней школе. Одновременно восстановил связь с некоторыми членами своей группы, контакт с которыми был утерян. Начался новый этап его деятельности: очередные разработки, приобретения источников, получение политической, научно-технической и военной информации. У Лоны – свой участок работы. Она по-прежнему обеспечивала связь с важными источниками в других городах США.

В декабре 1946 года в связи с активизацией деятельности ФБР было принято решение приостановить работу группы Коэна. Но уже в июле 1947 года она опять возобновилась. Возможности группы расширились за счет привлечения к сотрудничеству двух ученых-атомщиков, работавших на закрытых объектах.

В целях усиления безопасности в 1949 году Морриса и Лону Коэн передали из «легальной» в нелегальную резидентуру. Непосредственное руководство их работой было поручено разведчику-нелегалу Абелю (Фишеру).

Моррис и Лона были довольны, что их руководителем оказался опытный, вдумчивый и исключительно обаятельный товарищ. Он много времени уделял тому, чтобы обучить разведчиков новым методам работы.

Немногим более года удалось им поработать с Абелем. Летом 1950 года вновь возникла угроза безопасности Коэнов, и на этот раз им пришлось покинуть США.

Из Швейцарии в Чехословакию они должны были лететь самолетом. Но сложившиеся обстоятельства помешали этому, и они решили

ехать поездом. Это было их ошибкой, которая чуть не привела к непоправимым последствиям.

По пути из Цюриха в Прагу их поезд проходил по территории ФРГ. Для путешествующих с американскими паспортами в ФРГ не требовалось никаких виз. Но для выезда с территории Западной Германии в ЧССР американцы должны были иметь специальную выездную визу. Этого они не знали, и были задержаны на границе с Чехословакией пограничниками ФРГ. Не помогли ни ссылки на срочные дела в Праге, ни всякого рода рекомендательные и деловые письма от американских компаний.

Пришлось в 3 часа ночи оставить поезд и пройти в караульное помещение погранохраны ФРГ. Ничего не оставалось делать, как разыгрывать роль высокомерных, богатых американцев. Особенно хорошо эта роль получилась у Лоны. Она требовала немедленно отправить ее в отель, соединить по телефону со своим другом – американским генералом в Мюнхене и т.п. Пограничники, ссылаясь на инструкции, пытались объяснить, что в понедельник (было раннее утро воскресенья) они смогут в ближайшем американском консульстве получить визу на выезд в Чехословакию, и тогда никаких проблем не будет. Но именно появление с фиктивными документами в американском консульстве было для Коэнов самым опасным, поскольку документы не выдерживали проверки. Эти паспорта были им выданы разведкой только для поездки в СССР. По своим документам путешествовать вообще было нельзя, поскольку Коэны могли находиться в розыске и их бы задержали на первом же КПП. Разведчики продолжали настаивать на пропуске через границу. Кончилось тем, что начальник погранпоста позвонил на пограничный контрольно-пропускной пункт американцев. Появился американский сержант. С первого взгляда было ясно, что между ним и начальником немецкой погранохраны существует неприкрытая вражда. Лона в самых красочных выражениях расписала «произвол» пограничников ФРГ, снявших их с поезда. Сержант бегло просмотрел их паспорта и рекомендации, обругал немецкую погранохрану и забрал супругов в свой офис. Там он напоил их кофе, а затем проводил в местную гостиницу, пообещав все устроить. Около 10 утра он вновь появился, сообщил, что с трудом дозвонился до своего начальства и все уладил.

Видимо, сержант действительно старался. По опыту службы в американской армии Моррис хорошо знал о субботних загулах офицеров, знал, как не любит армейское начальство, когда его тревожат подчиненные в воскресенье утром. Расчет был на то, что с похмелья особо разбираться не будут и отдадут все на усмотрение старшего по дежурству.

Сержант сделал отметки в паспортах и пожелал счастливого пути. Разведчики сели в ближайший поезд и через несколько часов были в Праге. Оттуда на самолете прибыли в Москву.

После обсуждения отчета и их предложений по организации работы с источниками, оставшимися в США, им дали возможность отдохнуть и подлечиться.

До 1953 года их работа была связана с краткосрочными выездами за границу для выполнения разовых разведзаданий. Затем было принято решение о направлении Морриса и Лоны на длительную работу в Англию, где они должны были действовать в составе нелегальной резидентуры Конона Трофимовича Молодого, ставшего потом известным под именем Лонсдейла.

Они прошли соответствующую подготовку и в декабре 1954 года выехали к месту работы. На руках они имели паспорта на имя Питера Джона Крогера и Хелен Джойс Крогер, он выступал в качестве коммерсанта, она – домохозяйки.

Моррису потребовалось освоить профессию книготорговца-букиниста и открыть собственное дело, то есть создать надежное прикрытие. Основная задача – обеспечение связи нелегальной резидентуры Молодого с Центром. Задача не из легких, поскольку объем информации, поступавшей из резидентуры в Центр, был немалым.

В первое время приходилось особенно трудно. Но постепенно дело пошло на лад. Им удалось удачно арендовать загородный дом недалеко от Лондона и оборудовать радиоквартиру. Медленнее, чем хотелось бы, развивались коммерческие успехи. Но и здесь наметился прогресс: появились постоянные клиенты, удалось вписаться в среду книготорговцев. Дело постепенно налаживалось, установились контакты с партнерами во Франции, Бельгии, Голландии и других странах, что давало возможность выезжать туда по делам. Эти поездки использовались для передачи по назначению получаемых от Молодого материалов.

В напряженной плодотворной работе прошло более шести лет. За это время Моррис и Лона переправили в Центр огромное количество секретных материалов, полученных от их руководителя. Пункт связи действовал безукоризненно. Центр и резидент были довольны работой разведчиков.

Но в январе 1961 года случился провал. В результате предательства сотрудника органов безопасности Польши английской контрразведке удалось выйти на одного из источников резидентуры Молодого, а затем и на некоторых других ее членов.

7 января Коэны были арестованы. Арестован был и сам резидент. Во время обыска у Коэнов были изъяты радиоаппаратура, средства тайнописи и другая оперативная техника. Но прямых доказательств, что они использовали ее, у контрразведки не было.

На суде Молодый выступил с заявлением о том, что он, пользуясь дружбой и гостеприимством Крогеров, без их ведома хранил в их доме свое снаряжение.

Но во время суда обвинение представило доказательства, что Крогеры в действительности являются американскими гражданами, которых давно разыскивает ФБР по подозрению в «шпионской деятельности». Это предопределило приговор.

Кстати, всех арестованных членов резидентуры Молодого обвинили не в шпионаже. Для этого необходимо по английским законам представить доказательства передачи членами группы секретной информации иностранной державе. Но таких доказательств у обвинения не было. Поэтому членов резидентуры судили по статье о «заговоре с целью совершения актов шпионажа», то есть их обвинили в покушении на шпионаж. И самое удивительное – приговорили к наказанию большему, чем по английским законам полагается за шпионаж. Руководителя резидентуры Молодого приговорили к 25 годам тюремного заключения, а Морриса и Лону Коэнов – к 20 годам каждого.

Во время ареста, следствия и суда, а также при отбытии тюремного заключения Коэны вели себя мужественно, стойко и не выдали никаких секретов советской разведки, отказавшись вообще от дачи показаний. В ходе суда американские спецслужбы пытались доказать их американское происхождение, а также причастность к делам некоторых лиц, осужденных в США за «шпионаж». Однако улик было недостаточно, и суд отказал в выдаче подсудимых американцам, где им грозил электрический стул.

Начались трудные годы тюремного заключения. Осужденных по этому делу лиц содержали в разных тюрьмах. Тюремная администрация была к ним особенно пристрастна. Неприкрытая дискриминация лишала их даже тех ограниченных возможностей, которыми пользовались другие заключенные. И в довершение всего – непрекращающиеся «визиты» представителей спецслужб, которые то «соблазнительными» предложениями, то угрозами и давлением пытались заставить Коэнов нарушить свое молчание.

Когда супругам Коэн была разрешена переписка, они активно использовали эту возможность для поддержания контакта между собой. В письмах в первую очередь интересовались состоянием здоровья, настроением, тюремной обстановкой, старались всеми силами морально поддерживать друг друга. За девять лет нахождения в тюрьме они обменялись сотнями писем, из них сохранилось более трехсот. Они поражают выражением чувств теплоты и любви, твердостью духа и веры в торжество справедливости.

Получил разрешение на пользование почтой и Конон Молодый. Между ним и Коэнами завязалась оживленная переписка. В письмах нет ни одного упрека или обиды, все они наполнены чувством благодарности, заботы, и в них неизменно присутствовали слова духовной поддержки друг друга.

В одном из писем Лона Коэн писала Конону Молодому: «Всю свою жизнь я боролась против несправедливости, дорогой мой, и лю-

била тех, кто поступал так же. Как-нибудь я расскажу тебе о суфражистке из Англии, которая в молодости прошла через ад, чтобы женщины имели больше свободы. Я никогда ее не забуду – ее дух живет в моем сердце. Она учила меня и нескольких других девушек социализму, когда мы были еще подростками. Во время нашего процесса в Олд Бейли ее дух жил во мне... Я часто задумываюсь, будут ли мои ученицы помнить меня так, как я помню ее...

Питер и я очень любим тебя, но как жаль, что мы не узнали о тебе больше до судебного процесса. Были ли твои друзья так же верны тебе, как наши остались верны нам? Мы с Питером навсегда останемся твоими друзьями. Ты всегда можешь быть уверен в нашей дружбе, пока мы живы»[2].

В ответном письме Конон пишет Лоне: «Дорогая, в своем письме ты говоришь, что Питер и ты всегда будете моими друзьями. У меня никогда не было сомнений на этот счет. Я надеюсь, что вы оба также знаете... Я всю свою жизнь путешествовал налегке и не собрал ничего, достиг еще меньше, но по крайней мере я заимел нескольких друзей, которым я бы доверил свою жизнь»[3].

В письмах красной нитью проходила мысль: во что бы то ни стало держаться, не сдаваться до конца. Это видно из другого письма Лоны Конону: «Когда я увидела тебя и Питера стоявшими у входа с надзирателем, – писала она, – мне хотелось рвануться к вам и крепко вас обнять, но надзирательница меня удержала... Жаль, что у нас не было времени поговорить о прошлом. Подожди, как-нибудь я расскажу тебе о нашем приключении как раз перед приездом в Англию. Боже мой, как я заблуждалась в своих представлениях об этой стране. Я искренне верила, что судьи здесь не проявляют свою классовую ненависть так ярко...

Гордон, меня осенило, почему они подолгу держат тебя в изоляции. Промывание мозгов – вот что это такое. Они хотят сломить твое сопротивление. Или, может, они боятся, что ты обратишь всех заключенных в свой образ мыслей»[4].

Моррис и Лона содержались в английских тюрьмах в чрезвычайно тяжелых условиях. В 1967 году они были переведены в тюрьмы максимально строгого режима, где отбывали наказание самые опасные уголовные преступники Великобритании. Так, Моррис содержался вместе с участниками известного в то время ограбления почтового вагона в Англии (так называемого ограбления века), убийцами и другими опасными преступниками.

Установление возможностей их вызволения из тюрьмы началось сразу же после суда. Были тщательно изучены материалы судебного процесса и все газетные сообщения об их аресте и суде. Вновь и вновь изучалось их дело, с тем чтобы найти зацепку, которая позволила бы преодолеть основное препятствие – утверждение английских властей, что Коэны являются американскими гражданами.

В результате была выработана тактика, которая позволила начать с Моррисом и Лоной переписку от имени дальней родственницы, проживавшей в Польше, оспаривать перед английскими властями утверждение об их американском гражданстве и настаивать на их польском гражданстве. (Для этого были основания. Лона по национальности полячка, а у Морриса мать была полячкой.)

Самая трудная задача – как информировать Коэнов об этой легенде, с тем чтобы они со своей стороны действовали соответствующим образом. Но и эту задачу удалось решить.

Коэны остались довольны легендой. Она давала возможность начать действия по вызволению из заключения.

В 1965 году в Советском Союзе был арестован англичанин Джеральд Брук, осужденный за антисоветскую деятельность на пять лет лишения свободы.

Были предприняты попытки начать с англичанами переговоры об обмене Брука на Коэнов. Но англичане не соглашались вести переговоры о таком обмене.

Следует признать, что наши позиции в этом вопросе были чрезвычайно слабыми. Обмен двух Коэнов на одного Брука, даже без учета того, кем были Коэны и кем – Брук, выглядел неравноценным. К тому же было известно, что на позицию англичан оказывают сильное давление спецслужбы США, которые до самого последнего момента не оставляли надежды заполучить Коэнов в свои руки.

Четыре года велись бесплодные попытки побудить англичан обменять Брука на Коэнов. Помог делу сам Брук. Находясь в лагере, он повел себя настолько легкомысленно и безответственно, что появились основания предъявить ему новые обвинения. Тут уж англичане забеспокоились всерьез и после некоторых колебаний пошли на переговоры. В результате было достигнуто соглашение, по которому советская сторона освобождала Брука и еще двух англичан-уголовников, отбывавших в СССР наказание за контрабанду наркотиков, а англичане освобождали Коэнов.

Моррис обладал исключительной способностью располагать к себе людей. Даже в условиях тюремного заключения, находясь в среде отпетых негодяев, он неизменно пользовался всеобщим уважением. Чтобы оградить Морриса от грубости и издевательства надзирателей, заключенные установили над ним своего рода опекунство. Это серьезно облегчало положение разведчика.

В каком тяжелом состоянии находился Моррис, видно из письма Лоны Молодому: «Питер болен, он в тюремной больнице. Его положили туда после того, как он написал письмо моей кузине и описал свое состояние. После гриппа у Питера сильный фурункулез, все тело в фурункулах. Бедняжка так страдает, даже голос очень ослаб. Что делать, Арни? Петиции бесполезны, поверь мне. Относительно его операции нет никаких новостей... Впервые за три года Питер не

улыбнулся при встрече со мной. Поэтому ты можешь понять, мой дорогой, в каком он состоянии»[5].

Однажды, когда узники крыла самого строгого режима тюрьмы решили в ответ на ухудшение питания начать кампанию неповиновения (заключенные отказывались покидать свои камеры и объявили голодовку), они запретили Моррису присоединиться к ним и «официально» уведомили администрацию тюрьмы о том, что Питер Крогер не будет участвовать в предстоящих беспорядках. Это сделано было для того, чтобы не дать повода администрации подвергнуть Коэна очередному истязанию.

Характерен и такой факт: когда заключенные крыла строгого режима тюрьмы Паркхерст, где содержался Моррис, узнали о предстоящем его освобождении, они обратились к администрации тюрьмы с беспрецедентной просьбой: разрешить им устроить для Питера Крогера прощальный ужин. Разрешение было дано, и все 16 узников крыла целый месяц экономили на своем скудном тюремном пайке, чтобы собрать немного продуктов.

В день прощального ужина – это было в одно из воскресений – заключенные сами накрыли столы, разложили на них то, что удалось приготовить из сэкономленных продуктов, и торжественно ввели в столовую Морриса. Его усадили во главе стола, на стул, над которым был повешен самодельный красный флаг с серпом и молотом. Началась «торжественная часть» – речи, тосты. После торжественной части началась самодеятельность.

Целую неделю после вечеринки вся тюрьма с упоением обсуждала это событие. Даже лондонские газеты опубликовали пространные отчеты о «торжественном ужине».

Труднее приходилось в тюрьме Лоне. Ее содержали в крыле самого строгого режима, в одной из женских тюрем Англии, где отбывали наказание совершенно опустившиеся, самые опасные уголовные преступницы, убийцы, проститутки, лесбиянки, наркоманки. Это были потерявшие человеческий облик женщины, которые кроме своих низменных интересов и побуждений не признавали ничего на свете. Многие из них были психически ненормальными. Между заключенными происходили постоянные драки, они дополнялись грубостью и издевательством надсмотрщиц. Заключенные работали в мастерских, где труд был тяжелым и изнурительным. Все это способствовало мрачному настроению.

Поместив Лону в такие условия, английские власти ставили цель сломить ее морально и физически. Они рассчитывали, что она как женщина окажется более слабой, не выдержит издевательств и в конце концов даст нужные властям показания.

Последний год Лона уже еле держалась. У нее наступило общее истощение нервной системы, которое прогрессировало. Но она попрежнему решительно отказывалась от каких-либо успокаивающих

лекарств, усиленно навязываемых врачами, опасаясь, что эти снадобья могут содержать наркотики и ослабить ее волю. Она мучилась от постоянных головных болей и в довершение всего из-за болезни печени вынуждена была сидеть на полуголодной диете.

Моррис предпринимал отчаянные попытки, чтобы хоть как-то поддержать Лону. Вот одно из его писем: «Я вынужден сказать тебе, что ты должна взять себя в руки. Нервный срыв ничего не решит и только принесет боль и горе тебе самой и мне. Я не пытаюсь уменьшить или представить в неверном свете условия, в которых ты вынуждена жить. Я осознаю все влияющие факторы: физические, психологические, эмоциональные и делаю что могу, чтобы облегчить положение, привнести в него чуточку легкости и радости. Ежедневно, ежечасно я чувствую твою ношу. И я бы чувствовал тяжелые угрызения совести, если бы не обратился к тебе сейчас с призывом собрать все твои внутренние резервы, чтобы избежать какого-либо срыва...

В предыдущем письме ты писала мне: «Все, что мы можем сделать, это стиснуть зубы и продолжать. Я знаю, что это трудно, но выбора у нас нет. Мы должны беречь наше здоровье и не поддаваться отчаянию. Когда мой мозг лихорадочно горит и мой ум сбит с толку и путается... я заставляю себя думать о других несчастных, которые тоже переживают подобные муки, и эти мысли дают мне силу встретить лицом к лицу собственное испытание».

Эти слова сильного духа и характера вызвали у меня глубокое восхищение»[6].

Попытки сломить ее сопротивление продолжались до последнего дня, даже после того, как ей официально было объявлено о предстоящем освобождении. Видимо, английские спецслужбы надеялись, что их усилия принесут плоды в последний момент и Лона нарушит девятилетнее молчание.

24 октября 1969 года рано утром Морриса посадили в тюремный фургон и в сопровождении полицейских машин и мотоциклистов повезли в аэропорт. Со стороны процессия напоминала выезд главы иностранного государства. За процессией шли машины журналистов.

Аналогичная процессия двигалась с другой стороны города. В тюремной машине находилась Лона. Эти две колонны встретились на одном из мостов через Темзу, перестроились, приняв еще более внушительный вид, и с еще большей скоростью помчались по магистралям, ведущим в сторону лондонского международного аэропорта.

Здесь кортеж поджидали репортеры и корреспонденты. Но полицейский эскорт с ходу проскочил мимо них, обогнул здание аэровокзала и остановился у одного из служебных входов. Их ожидала группа охраны в штатском. Вместе с пассажирами таинственных автомашин они быстро скрылись в здании аэровокзала.

Тем временем представители прессы начали собираться у готовящегося к отлету самолета британской авиакомпании «BEA». Многие

прибыли сюда заранее и уже успели расположить в самых выгодных местах свою кино- и телеаппаратуру. Толпы репортеров продолжали прибывать. Небольшая группа ожидала прямо у трапа. Они собирались лететь тем же рейсом.

Наконец объявили посадку на самолет. Среди журналистов началась давка. Создавалось впечатление, что здесь собрались репортеры со всего Лондона.

Из дверей аэровокзала вышла в сопровождении охраны пожилая пара – Моррис и Лона Коэн. Корреспонденты пытались получить интервью. Коэны в сопровождении официальных представителей поднялись в самолет. Убрали трап, самолет вырулил на взлетную полосу и через несколько минут был в воздухе.

За процедурой отлета наблюдали миллионы телезрителей Англии. Пространные описания полета представили корреспонденты, находившиеся на борту самолета.

Но странно, во многих отчетах чувствовалась растерянность. Появились критические замечания.

«Иностранец, прибывший в Англию в пятницу... невольно подумал бы, что Крогеры являются национальными героями, а не шпионами, нанесшими ущерб интересам и безопасности Англии», – писала лондонская «Таймс».

«Отправку Крогеров нужно было организовать иначе, а не так, что она напоминала отправку королевской четы», – сокрушалась «Дейли телеграф».

Многие газеты признавали, что шумихой вокруг досрочного освобождения Крогеров из тюрьмы английская пресса создала отличную рекламу тому факту, что советская разведка не бросает в беде верных ей работников.

После прибытия в Москву Морриса и Лону Коэнов прежде всего подлечили, а затем, после отдыха, они встретились с друзьями. Их навещали Абель и Молодый, с которыми они работали за границей, товарищи из центрального аппарата разведки, а также другие московские друзья. После прилета в Москву их посетили председатель КГБ Ю.В. Андропов и начальник внешней разведки.

Вскоре Коэны были приняты в советское гражданство, за достигнутые результаты в работе и мужество им были вручены государственные награды – ордена Красного Знамени. Они получили хорошую квартиру в центре Москвы. Учитывая возраст и состояние здоровья, разведчики пожелали уйти на отдых. Им были установлены персональные пенсии. Однако работу в разведке они не прекратили. Но теперь это была другая сфера деятельности: встречи, беседы, выступления перед молодыми сотрудниками разведки, передача опыта, который они накопили за десятилетия своей разведывательной работы за рубежом. Они с радостью встречались с молодежью и неизменно повторяли, что не напрасно прожили жизнь и, несмотря на тяжелые

испытания, которые выпали на их долю, считают себя счастливыми людьми, поскольку верно служили Родине и делу мира на земле.

И это были не пустые слова. Коэны всегда питали теплые чувства к Советскому Союзу, а после Испании, когда Моррис близко столкнулся с советскими людьми, участвуя вместе в боях против фашистов и где он сделал окончательный выбор, на чьей стороне ему быть, советское государство стало для него родным. То же самое происходило и с Лоной, после того как она заменила Морриса, призванного в американскую армию в 1942 году. На протяжении почти всей Второй мировой войны она бок о бок с советскими разведчиками вела опасную работу по добыванию и транспортировке разведывательной информации и так же, как и Моррис, по своей собственной воле определила свою судьбу и свое отношение к Советскому Союзу.

Что касается их вклада в сохранение мира, то они демонстрировали это не раз. Взять хотя бы их работу по атомной проблематике в США. Неизвестно, чтобы случилось в мире, если бы не была ликвидирована атомная монополия США. Сейчас многие признают, что мир не скатился к третьей мировой войне только благодаря тому, что у СССР своевременно появилось ядерное оружие. А Коэны внесли в это значительный вклад.

Леонтина Коэн скончалась в декабре 1992 года, Моррис умер в июне 1995 года. Они похоронены на Новокунцевском кладбище в Москве. Их кончина явилась огромной утратой для коллектива внешней разведки и для тех, кто лично знал этих замечательных людей. Разведчики бережно хранят память о Моррисе и Леонтине Коэн. В Кабинете истории внешней разведки в Ясенево их фотографии заняли место на стенде рядом с другими выдающимися разведчиками. На их могилы возлагают живые цветы.

Сотрудники разведки, которые работали с Моррисом и Лоной в Москве, свидетельствуют, что Коэны до самых последних дней не изменили взглядов и отношения к своей новой Родине, продолжая оставаться ее патриотами и убежденными интернационалистами.

---

[1] В то время так называлась американская разведка.

[2] Из письма Хелен Крогер Гордону Лонсдейлу от 11.09.1961 г., тюрьма Ее Величества Уинсон Грин Роуд, Бирмингем, 18.

[3] Из письма Гордона Лонсдейла Хелен Крогер от 18.11.1961 г., тюрьма Ее Величества, Манчестер.

[4] Из письма Хелен Крогер Гордону Лонсдейлу от 19.08.1961 г., тюрьма Ее Величества, Уинсон Грин Роуд, Бирмингем, 18.

[5] Из письма Хелен Крогер Гордону Лонсдейлу от 24.01.1964 г., тюрьма Ее Величества, Стиал, Уилмслоу, Чешир.

[6] Из письма Питера Крогера Хелен Крогер от 16.10.1967 г., тюрьма Ее Величества, Паркхерст, Ньюпорт, остров Уайт.

17

Моррис Коэн — Герой России
(из воспоминаний ветерана разведки)

...Для меня Моррис – близкий, дорогой человек. Дружба с ним началась более полувека назад. Общие интересы, взаимопонимание и доверие – все это способствовало укреплению наших отношений, прочность и нерушимость которых проверялись годами. Впервые мы встретились в 1947 году в Нью-Йорке, куда я был направлен в командировку. Работа предстояла большая, и начинал я ее с восстановления прерванной более чем на год связи с ценной агентурной группой, возглавлявшейся Моррисом. Ближайшим сподвижником Морриса была его жена Лона. Моррис и Лона были неразделимы и как любящие супруги, и как друзья, и как соратники в разведывательной работе. Почти всегда, когда мы говорим о Моррисе, фактически имеем в виду их обоих.

Итак, связь была восстановлена, возобновлена работа по разным направлениям. Заработали ценные источники важной информации, в том числе и по атомной проблеме. В этом Моррису весьма ощутимую помощь оказала Лона.

В работе Моррис отличался высочайшей надежностью. Кроме блестящих аналитических способностей он обладал спокойным характером и завидной выдержкой. Я никогда не видел его сердитым или раздраженным. Любую напряженность он мог снять своей доброй улыбкой, убедительностью доводов.

Для меня Моррис был и как старший брат, и как добрый советчик. Я постоянно чувствовал с его стороны и понимание, и поддержку в новой, непривычной для меня на первых порах обстановке. В то же время Моррис внимательно прислушивался к моим советам и рекомендациям, понимая, что они диктуются деловыми соображениями и заботой о его безопасности.

Обстановка в США тем временем становилась для нашей работы все более неблагоприятной. Особенно после подъема волны маккартизма, закрытия нашего генконсульства в Нью-Йорке в 1948 году и

ухудшения отношений между США и СССР. Все это заставило нью-йоркскую резидентуру значительно повысить уровень средств обеспечения безопасности связи и ужесточить требования к их соблюдению. Центр принял решение о подготовке к передаче Морриса и Лоны на связь нелегалу. Так в конце 1949 года они оказались связанными со знаменитым Рудольфом Ивановичем Абелем (Фишером), с которым я, кстати, в то время поддерживал личную, а больше – безличную связь и которого знал с самой лучшей стороны. В результате возможности для работы в более безопасных условиях были созданы.

Однако успокаиваться было рано. Приблизительно через полгода, после арестов нескольких советских агентов, возникла реальная угроза безопасности Морриса и Лоны. Поэтому Центр распорядился немедленно их эвакуировать. Осуществить эту операцию было поручено мне. Абель уже не мог с ними встречаться, и поэтому в солнечный июльский день 1950 года после тщательной проверки неожиданно, без предупреждения я «вломился» в дом наших друзей. Хозяев мой визит, конечно, удивил. Однако они поняли, что мое появление могло быть вызвано только важной причиной.

Вскоре мы приступили к делу. «Разговор» между мной и Моррисом для подстраховки велся на бумаге, а исписанные листы Лона сжигала в ванной. Наше решение Моррис воспринял довольно спокойно. Но хотя он, безусловно, понимал серьезность положения, предложил мне подумать над возможностью осуществления альтернативного варианта:

– Обидно в такое время прекращать работу. И не в моих правилах бежать от трудностей. Может быть, можно найти другой выход из положения?

– Боюсь, у нас нет времени на такие поиски, – ответил я.

– Ну, а если мы с Лоной перейдем на нелегальное положение, сменим документы и место жительства, – продолжал Моррис, – тогда мы снова будем в боевом строю!

– Это предложение заслуживает внимания и уважения, но у нас нет возможности его обсуждать.

– Что же, я должен рассматривать решение руководства как приказ? – спросил мой собеседник.

– Скорее всего, это так.

– Тогда о чем же рассуждать? Мы подчиняемся приказу, – заключил Моррис.

После этого мы договорились об условиях связи в городе, о проведении конкретных подготовительных мероприятий. По вполне понятным соображениям мы не могли затягивать беседу, и на этом расстались.

Это было мое первое и единственное посещение квартиры Морриса. Запомнилась простая, без излишеств обстановка, скромность быта.

А дальше – все промчалось, как в кино. Более двух недель – тщательная отработка каждого шага предстоящей операции, преодоление трудностей, вызванных осложнением оперативной обстановки. Тем не менее все кончилось благополучно, и в конце месяца я принял сигнал, означавший, что наши друзья вечером покидают Нью-Йорк.

Прошло несколько недель, когда нью-йоркская резидентура получила из Центра радостное сообщение о том, что Моррис и Лона благополучно прибыли в Москву. Все это время мы были во власти ожиданий. А сколько тревожных минут, волнений и беспокойства за их безопасность, за успех операции по их спасению пришлось пережить! Забегая вперед, вспоминаю, что 2 июля 1985 года на подаренной мне фотографии, на которой он был запечатлен в день своего 75-летия, Моррис сделал такую надпись:

«Дорогой Юрий,

В память о том глубоком волнении, с которым ты следил за нами в своих мыслях до тех пор, пока мы, проехав почти полмира, благополучно добрались до Красной площади 35 лет тому назад.

С благодарностью.

Моррис и Лона

2 июля 1985 г.»

А ниже – короткая приписка Лоны:

«Я целиком присоединяюсь ко всему, что написал Моррис.

Лона»

Мне тоже трудно забыть тот день в конце июля 1950 года, когда я узнал о счастливом завершении этой трудной и почетной для меня операции.

Так закончились незабываемые годы начала и расцвета нашей дружбы, годы, наполненные большими событиями, интересными и важными делами, успехами, досадными неудачами и трудными испытаниями.

Годы, годы – клубок событий.
В нем затейливо переплелись
Золотые
и черные
нити
И бесцветные...
Это – жизнь.

* * *

Затем, спустя два года, окончился срок моей командировки в США, и осенью 1952 года я с семьей вернулся в Москву. Очень хотелось встретиться с Моррисом и Лоной, но осуществить это желание удалось только через год, так как мои друзья находились на спецподготовке, готовились к выполнению важных заданий по линии нелегальной разведки.

Встреча оказалась довольно короткой, как бы на ходу, в машине, но оставила очень приятные воспоминания. Ощущались чувства братства, товарищества и верности. Тогда я еще не знал об их планах на будущее. А сейчас думаю, что эта встреча для Морриса означала также и получение дружеского напутствия перед тем, как он отправится в новый боевой поход. Наши крепкие рукопожатия были многозначительны. Мы без слов понимали друг друга.

Мы не виделись долгих 15 лет. Для Морриса и Лоны это были шесть лет напряженной работы под руководством Бена (Молодого) в Англии, а затем девять лет – в тюремных застенках. Позднее мы узнали, что́ им пришлось пережить.

Это было трудное время и для Центра, делавшего все возможное, чтобы облегчить участь Морриса и Лоны, добиться их освобождения. Особенно переживал Бен. Я несколько раз встречался с ним после его возвращения в Москву, и он всегда говорил, что забота о вызволении Морриса и Лоны – цель его жизни.

О них – о всех троих – написано много книг и газетных статей. Многие подробности известны. И о стойкости, выдержке, верности своим идеалам, о честности и порядочности Морриса, о тяжелых испытаниях, которые пришлось перенести Лоне, поистине мужественной женщине, и о многом другом.

Наконец – радостная весть: 24 октября 1969 года Моррис и Лона Коэны освобождены из английских тюрем в обмен на арестованного и осужденного в СССР английского разведчика Брука. На следующий день, 25 октября, они уже были в Москве.

Потребовалось время для того, чтобы прийти в себя и обосноваться в подготовленной для них Службой трехкомнатной квартире. Для Морриса и Лоны – людей скромных, не привыкших к излишествам, – это был подарок, который доставил им огромную радость.

Едва обжив свой дом, Моррис и Лона в ноябре 1969 года устроили у себя маленький прием – обед для небольшого круга советских товарищей-разведчиков, с которыми их связала судьба. Среди приглашенных были и те, кто усердно хлопотал об освобождении супругов Коэн, и те, кто в разное время поддерживал связь и работал с ними за рубежом. Обед прошел в воспоминаниях, сопровождался шутками и тостами. Настроение было радостное, приподнятое.

Двумя годами раньше – к 50-летию Октября – я написал и посвятил Лоне и Моррису стихотворение:

Мне бы прорваться в их камеры-клетки,
К тем, кто шел с нами
дорогою долгой,
К тем, кто работу в советской разведке
Считали своим
революционным
долгом.

Хочется
крепко пожать ваши руки.
Бодрости вам!
И силы – в избытке!
И этим рукопожатием друга
Дать вам знать,
Что
вы
не забыты.

У меня не было намерения декламировать стихи, тем более свои. Но друг Коэнов, известный теперь разведчик А. Яцков, был другого мнения. Он, выбрав подходящий момент, попросил слова и после небольшого вступления прочитал стихи полностью. Он заранее договорился о синхронном переводе с Беном, с чем тот справился блестяще. Выступление Яцкова произвело большое впечатление, по крайней мере на Морриса.

Это был настоящий праздник. Тут же по предложению Морриса 25 октября было провозглашено «днем освобождения». Каждый год с тех пор в этот день собирались в доме Морриса и Лоны друзья, вспоминали прошлое, горячо обсуждали происходившие события и думали о будущем. Увы, в последние годы супругов одолевали болезни и встречи в «день освобождения» не были регулярными.

После освобождения Лона и Моррис много путешествовали по нашей стране. В первую очередь это диктовалось стремлением руководства разведки сделать все возможное для восстановления и укрепления их пошатнувшегося здоровья. А это значит – отдых и лечение в разных санаториях. С другой стороны, это отвечало их желанию ближе познакомиться, больше увидеть и узнать о стране, для которой они так много сделали. Об этих поездках Коэны подробно рассказывали. Отдохнувшие, бодрые, они охотно делились впечатлениями об интересных встречах, о том, что видели собственными глазами. Отмечали и хорошее, и плохое (последнее Моррис называл «временными трудностями») – честно, искренне, доброжелательно. Они быстро привыкли к новой действительности. Россия стала их страной, и в беседах на политические, культурные и бытовые темы они говорили всегда: «у нас в стране», «наши артисты», «к нам приехал» и т.д.

Первые месяцы мы виделись нерегулярно: Моррис упорно изучал русский язык, оба следили за международными событиями и выполняли поручения Службы. Лона, владевшая польским языком, быстрее освоила русский, помогала Моррису, и постепенно он, заметно прогрессируя, стал довольно уверенно изъясняться с друзьями и сотрудниками на русском языке. Предпочитал чаще говорить по-русски, иногда, правда, вперемешку с английским.

Моррис был человеком общительным, высоко ценил дружбу. Интересовался семьями друзей, знал всех по именам – и детей, и даже

внуков. С некоторыми встречался у себя дома. В то же время Моррис и Лона были желанными гостями своих друзей. Моррис, как мне кажется, не просто дорожил дружбой, но и нуждался в друзьях. Ему и в Москве нужны были активные собеседники для изложения мыслей, проверки своего понимания происходивших в Советском Союзе и в мире событий. К этому можно также добавить и интерес к мнению товарищей, к новой информации, к дискуссиям.

Важным качеством нашего друга был неисчерпаемый оптимизм, твердая надежда на то, что наша страна преодолеет трудности и станет могучей и процветающей. При этом он старательно убеждал собеседника, приводил примеры из истории Англии, Франции и других стран, переживших в свое время потрясения. В его словах содержалась не просто надежда, но непоколебимая убежденность и твердая вера в будущую процветающую Россию.

Для нас и для будущих поколений Моррис всегда останется образцом сочетания таких важнейших для разведчика качеств, как верность, дружба и братство, бесстрашие, чистая совесть и честь. Память о Моррисе как о выдающемся разведчике, добром и прекрасном друге всегда будет с нами.

18

Решение
(Джордж Блейк)

Разведчик не профессия, а образ
жизни, и он не каждому по плечу.

Дж. Блейк

Стоя, долгими дружными аплодисментами зал встретил человека среднего роста с удивительно живым выразительным лицом. Особый шарм ему придавала небольшая бородка. На кого он похож? На полярника? Альпиниста? Священника?

Председательствующий представил этого человека. «Сегодня у нас в гостях, – сказал он, – видный советский разведчик Джордж Блейк». Этот волнующий момент произошел во время встречи Дж. Блейка со своими коллегами-сотрудниками внешней разведки в Москве.

Многое предшествовало этой встрече. Детство, семья, учеба, участие Блейка в голландском Сопротивлении во время Второй мировой войны, служба в Королевском военно-морском флоте Англии, а затем в святая святых английских спецслужб – Сикрет интеллидженс сервис. За этим последовали Корейская война и плен, мучительные нравственные искания, решение пойти на сотрудничество с советской разведкой. Далее – арест в результате предательства, суд, тюрьма и побег, побег из строжайшей лондонской тюрьмы «Уормвуд Скрабз», который потряс дерзостью и стал международной сенсацией. Такова калейдоскопическая смена событий в жизни этого необычного человека.

22 октября 1966 года Би-би-си передало сообщение: «Сегодня вечером в Лондоне произошли драматические события. Джордж Блейк, агент-двойник, который отбывал наказание за шпионаж в пользу русских, бежал из тюрьмы «Уормвуд Скрабз». Дело Блейка слушалось Верховным уголовным судом в 1961 году. Он был приговорен к 42 годам – самому длительному сроку тюремного заключения в истории британской юриспруденции. Его признали виновным в передаче информации русским, когда он был сотрудником английской разведки в Берлине. Как сообщил представитель министерства внутренних дел, Блейка не оказалось в камере во время вечерней поверки в семь часов, когда заключенных запирают на ночь. Территорию тюрьмы

обыскали, но следов Блейка обнаружено не было. Политический отдел Скотланд-Ярда возглавил крупномасштабную облаву: под тщательное наблюдение взяты все аэропорты, морские вокзалы, а также посольства стран восточного блока. Новости о дерзком побеге продолжают поступать. Мы будем держать вас в курсе событий».

Тот октябрьский субботний вечер в Лондоне выдался пасмурным и дождливым. Редкие прохожие попадались на улице, где находилась тюрьма «Уормвуд Скрабз», и только у расположенного напротив госпиталя наблюдалось некоторое оживление. Посетители, как правило, с небольшими букетами цветов в руках, оставив свои машины, торопились к входу в здание. Никто из них не обратил внимания на припаркованную у стен тюрьмы автомашину и стоявшего около нее человека с букетом хризантем.

Понадобилось мгновение, чтобы веревочная лестница была переброшена через стену и воспользовавшийся ею человек быстро спустился на землю. Автомашина мгновенно растворилась во мгле лондонского вечера, унося совершившего побег человека и его помощника.

И только час спустя во всех пяти корпусах тюрьмы зазвучал сигнал тревоги. В специальном корпусе «Д», где содержались заключенные, получившие длительные сроки, надзиратели недосчитались одного из них.

На следующее утро все без исключения английские газеты поместили на первых полосах фотографии Блейка. Корреспонденты газет, радио и телевидения как бы вступили в соревнование, высказывая самые невероятные версии побега.

А в это время Дж. Блейк совместно с Шоном Берком – человеком, который помог осуществить побег, отсиживались в заранее подобранной лондонской квартире, буквально в квартале от тюрьмы «Уормвуд Скрабз».

Но не будем забегать вперед и попытаемся все изложить по порядку.

Джордж Блейк родился в 1922 году в голландском городе Роттердаме в семье английского подданного. Его отец родом из Константинополя. Дед был богатым купцом, торговавшим коврами, имел большую семью. Его многочисленные сыновья и дочери после Первой мировой войны поселились в разных странах Европы и Ближнего Востока. Отец Джорджа учился в Сорбонне, но разразилась мировая война, и он вступил в Иностранный легион, а позднее перешел на службу в английскую армию на Ближнем Востоке. За военные заслуги получил британское подданство. Последним местом его службы был Роттердам, где он участвовал в отправке на родину английских военнопленных, освобожденных из немецких лагерей по окончании Первой мировой войны.

Мать Блейка происходила из интеллигентной голландской семьи, давшей стране врачей, священнослужителей, чиновников и архи-

текторов. Она сыграла, пожалуй, главную роль в воспитании и становлении Блейка как личности, и он, в свою очередь, платил ей большой любовью. Вот что пишет Блейк в своей книге «Иного выбора нет»: «Мы с матерью всегда отлично ладили, у нас было много общего: одно и то же отношение к жизни, почти одинаковые вкусы... От нее мне достался уравновешенный характер, и мы никогда не ссорились»[1].

В конце 60-х годов мать Блейка покинула Англию и вернулась в Голландию, где восстановила голландское подданство. Блейк поддерживал с матерью теплые отношения до последних дней ее жизни. Уже после побега Блейка они ежегодно встречались в Москве или на территории стран бывшего соцсодружества. По понятным причинам Блейк не мог этого сделать ни в Англии, ни даже в Голландии. Мать Блейка скончалась в 1994 году в Голландии в возрасте 98 лет.

Дж. Блейк получил хорошее образование. Однако после смерти отца семья стала испытывать материальные затруднения. На семейном совете было принято решение отправить Блейка в Каир, где проживала его тетя, сестра отца. Тетя была замужем за богатым банкиром.

В Каире Блейк окончил вначале французскую школу, а затем английский колледж. Так он прожил три года, проводя зиму в столице Египта, а лето – либо в Александрии, где тетя имела дачу, либо с матерью и сестрами в Голландии.

В 1939 году разразилась Вторая мировая война. Блейк остался в Голландии. В мае 1940 года немцы оккупировали страну. Матери и сестрам Блейка удалось перебраться в Англию, а он остался с бабушкой и тетей в Роттердаме, и в скором времени вступил в ряды голландского движения Сопротивления. С этого момента начинается «секретная» жизнь Джорджа Блейка.

Он выступал как связной, перевозил секретные сообщения и антифашистскую литературу, подвергая себя опасности быть арестованным оккупантами. Желание Блейка более активно участвовать в борьбе против фашистов привело к решению перебраться в Англию. С помощью друзей через Бельгию, Францию и Испанию, где он был задержан испанской полицией и провел несколько месяцев в лагере для интернированных иностранцев, Блейк в конечном счете попал в Гибралтар и отправился в Англию.

Военную службу Дж. Блейк проходил на английском военно-морском флоте, окончив офицерскую школу. В последний год войны он был прикомандирован к английской разведке – Сикрет интеллидженс сервис, где работал в голландском отделе и участвовал в организации разведывательной деятельности в оккупированной немцами Европе. В рамках сотрудничества британской и голландской разведок Блейк непосредственно занимался подготовкой и заброской агентов на территорию Голландии.

По окончании военных действий в Европе Блейк выехал в Голландию, где работал сотрудником новой резидентуры СИС в Гааге, а спустя некоторое время его перевели в Германию, в Гамбург.

К этому времени в высших эшелонах английской разведки была выработана новая структура СИС. Стало ясно, что главным объектом внимания становились Советский Союз, социалистические страны Восточной Европы. Наступили годы холодной войны.

В 1947 году Блейк получил предложение работать в СИС уже на постоянной основе, как кадровый сотрудник. Он дал согласие, отбросив мысли о поступлении в теологический колледж и о карьере священника. Как кадрового офицера английской разведки, его спустя некоторое время направили на учебу на курсы русского языка при Кембриджском университете.

Занятия русским языком, чтение русской классики, общение с русскими людьми славянского факультета Кембриджа изменили отношение Блейка к России и ее народу. Вот что написал Блейк по этому поводу в своей книге «Иного выбора нет»: «Вспоминая дни, проведенные в Кембридже, я теперь понимаю, что они были переломными – мне открылись новые горизонты, я получил ключ к удивительным богатствам русской литературы, стал уже немного понимать русских людей, заинтересовался и полюбил их обычаи и традиции»[2].

Потом была Южная Корея. Время, проведенное там, оказало большое, может быть, решающее влияние на политические настроения Блейка, его мировоззрение.

В октябре 1948 года Дж. Блейк прибыл в Сеул, где возглавил резидентуру СИС, действовавшую под прикрытием генерального консульства Великобритании, ее цель – организация разведывательной работы против советского Дальнего Востока.

Начавшаяся Корейская война перечеркнула все планы. В результате наступления северокорейцев пал Сеул, а сотрудники английской дипломатической миссии, в том числе и Блейк, были интернированы на целых три года.

Как человек, склонный к анализу, Блейк сопоставлял свою позицию, понимание мира и справедливости с тем, что происходило. Холодная война, противостояние Запада и Востока поколебали идеологические устои Блейка. Знакомство с марксизмом – Блейк буквально проштудировал «Капитал» Маркса, – беседы с находившимся вместе с ним в плену посланником, которого привлекали социалистические идеи и который считал, что коммунизм – следующая ступень развития человечества, оказали большое влияние на Блейка. Из человека с традиционными взглядами он превратился в сторонника движения, с которым прежде боролся. У него росло убеждение, что создание социалистического общества осуществимо и желанно.

Видимо, сказались и его беседы в юношеском возрасте с кузеном Анри, который интересовался политикой и придерживался левых взглядов.

В одном из интервью середины 90-х годов Блейк на вопрос: «Ради чего Вы пошли на сотрудничество с нашей разведкой?» – ответил просто: «Во-первых, я боялся, что будет развязана третья мировая война, во-вторых, я верил в победу коммунизма. По этим причинам, кстати, с советской разведкой сотрудничали многие иностранцы».

Блейк пришел к выводу о необходимости активного участия в противостоянии двух лагерей, но уже по другую сторону баррикад. Он принял решение обратиться в советское посольство в Северной Корее, предложив свои услуги. Так в добровольном порядке и по идеологическим соображениям Джордж Блейк стал на путь сотрудничества с советской разведкой, стал советским разведчиком. Блейк отказался от материального вознаграждения и твердо придерживался этого принципа в дальнейшем.

Здесь хотелось бы упомянуть молодого сотрудника управления КГБ по Приморскому краю Николая Андреевича Лоенко[3], который, находясь в командировке в Северной Корее, установил контакт с Блейком. Вот его слова:

«Фактически Джордж, наблюдая войны во всех их видах и размышляя над судьбами мира, сам пришел к коммунистическим убеждениям. Он сразу же поразил меня глобальностью и разносторонностью мышления, неподдельным интересом к нашей стране. Конечно, по своей эрудиции, уровню культуры Джордж превосходил меня, он крепко разбирался в теории научного коммунизма. Мне оставалось только ему поддакивать. Короче говоря, идеологически воздействовать на него я не мог, поэтому больше нажимал на общечеловеческие интересы»[4].

Весной 1953 года пленение Блейка закончилось, и вместе с другими находившимися в плену сотрудниками английской дипломатической миссии он вернулся в Англию.

После радостных встреч с родственниками, опросов представителями военной разведки и СИС, носивших формальный характер, Блейк получил дополнительный отпуск, а в сентябре 1953 года приступил к работе в Интеллидженс сервис. Он был назначен на пост заместителя начальника отдела «У» СИС. Эта служба занималась проведением операций по внедрению техники подслушивания и съему информации в представительствах СССР и союзных с ним государств, а также в частных квартирах работников этих учреждений. Ряд операций проводился совместно с ЦРУ США.

Вскоре представители советской разведки в Англии восстановили связь с Блейком. Последовали десять лет его активной и неоценимой по плодотворности разведывательной работы. Простое перечисление того, что было сделано Джорджем Блейком, заняло бы очень

много места. Он передал большое количество секретных документов английской разведки, раскрывающих ее подрывные устремления против Советского Союза.

Об одном нашумевшем в свое время деле, участником которого был Блейк, можно сказать несколько слов. Это операция американских и английских спецслужб под кодовым названием «Голд» (золото), известная российскому читателю как «Берлинский туннель».

Ночью 22 апреля 1956 года советские связисты, «осуществляя срочный ремонт» телефонного кабеля, обеспечивающего связь между Восточным Берлином и Москвой, наткнулись на ответвление. Они обнаружили туннель, ведущий к американскому пакгаузу по ту сторону границы, разделяющей советский и американский секторы Берлина.

Наша сторона не пошла на уничтожение установленной американцами и англичанами аппаратуры перехвата телефонных разговоров, а на следующий день организовала пресс-конференцию, на которой обвинила американцев в возмутительном вторжении на территорию советского сектора Берлина и заявила решительный протест. Собравшихся журналистов пригласили на «экскурсию» в туннель.

За несколько лет до этого, в один из декабрьских дней 1953 года, в Лондоне проходило секретное совещание представителей Центрального разведывательного управления США и Сикрет интеллидженс сервис Великобритании. В результате было принято решение о прокладке туннеля к линиям связи советских войск и линиям связи Германской Демократической Республики. Предприятие финансировали американцы: сложнейшее оборудование обязалась поставить английская сторона. В качестве заместителя начальника отдела «У» Джордж Блейк принимал личное участие в этом совещании специалистов-разведчиков СИС и ЦРУ.

В берлинском районе Альтглинике, где проходила граница американского сектора Берлина, американские военные власти построили корпуса станции подслушивания. От них был прорыт пятисотметровый туннель, оборудованный по последнему слову техники, для подключения подслушивающей, усилительной и прочей шпионской техники к телефонным кабелям на территории ГДР.

После скандального разоблачения, когда все улики были налицо и играть в прятки отпала нужда, высокопоставленные деятели из ЦРУ все же пытались утверждать, что, мол, эта операция была самой результативной за последние годы. Тогда ни в Вашингтоне, ни в Лондоне не могли даже предположить главное – их акция оказалась обреченной еще до того, как были созданы чертежи этого «предприятия».

Само «обнаружение» туннеля было проведено искусно. Последовавшее за этим совместное расследование Интеллидженс сервис и ЦРУ обстоятельств провала операции пришло к выводу о его чисто технических причинах. Об утечке информации и речи не шло. И только

в 1961 году, после ареста Блейка, СИС и ЦРУ стало известно, что советские власти были детально ознакомлены с операцией «Туннель» еще до того, как первая лопата вонзилась в землю. Блейк сумел передать советской разведке сведения об этой операции американской и английской разведок еще на стадии ее первоначальной разработки.

В связи с предательством одного из руководителей польской разведки М. Голеневского английская контрразведка по косвенным данным вышла на Блейка, и в 1961 году последовал его арест.

Первые беседы еще на стадии подозрений ничего не дали сотрудникам отдела контрразведки Интеллидженс сервис, которые вели допросы Блейка. Они не располагали ни конкретными данными, ни вещественными доказательствами его сотрудничества с советской разведкой. Допрашивающие, сами того, видимо, не ожидая, нашли нестандартный психологический ход. Как бы желая облегчить признание Блейка и тем самым его участь, они заявили, что он пошел на сотрудничество с Советами только потому, что его пытали в корейском плену и заставили признаться, что он сотрудник британской разведки. Дальше последовал шантаж, и Блейк пошел на сотрудничество. Блейк был возмущен таким предположением. Ему захотелось объяснить, что действовал он по убеждению, что никто его не пытал, не шантажировал, и он пришел к русским по собственному решению и предложил им свои услуги. Эта внутренняя реакция – возможно, кто-то и посчитает ее противоречащей элементарному здравому смыслу и инстинкту самосохранения – оказалась в итоге полным признанием.

Но в этом весь Джордж Блейк – благородный человек, не допускающий сомнений в искренности своих поступков и принятых решений. Эту черту характера он проявлял не один раз, не шел на компромиссы, когда дело касалось убеждений, принципов.

Подтверждением этому служит и поведение Блейка во время суда. Адвокат Джереми Хатчинсон, выступавший в качестве защитника Блейка, просил его разрешения заявить в своем обращении к судье о том, что подсудимый глубоко сожалеет о содеянном. Это могло бы смягчить приговор. Блейк ответил отказом, так как это он считал неправдой, ни о чем не сожалеет и уверен в правильности своего сотрудничества. И если бы не арест, то продолжил бы контакты с русскими.

Дело рассматривалось в суде Олд Бейли – центральном уголовном суде в Лондоне, – который приговорил Блейка к 42 годам тюремного заключения. Это было беспрецедентное в истории английской юриспруденции наказание за подобного рода преступление. Разум Блейка отказывался принимать такой приговор. Он испытывал чувство как бы нереальности происходящего, так как его освобождение должно было произойти только в 2003 году, то есть в следующем тысячелетии. Если бы суд назначил ему 14 лет, то это, по словам Блейка,

произвело бы на него «куда более ужасное впечатление, сорок два года находились вне пределов понимания». Но самое интересное в том, что подобный срок подтолкнул Блейка к мысли о побеге.

Все, что произошло в дальнейшем, укладывалось в философию Блейка, его жизненную позицию.

Блейк сравнительно быстро вошел в режим тюремной жизни. Вел себя примерно и после пяти лет получил «повышение»: из мастерской, где шили мешки для дипломатической почты, его назначили в тюремную лавку – там заключенные покупали нехитрые припасы. Его навещали мать, жена, другие родственники. Это, с одной стороны, облегчало его пребывание в тюрьме, но с другой – было и большим моральным испытанием. Он чувствовал вину перед родственниками за то, что случилось, особенно перед женой, которая осталась одна с тремя сыновьями на руках.

Большой моральной поддержкой для Блейка явились его беседы во время прогулок в тюремном дворе с советским разведчиком Гордоном Лонсдейлом (Кононом Трофимовичем Молодым), арестованным англичанами в результате предательства того же поляка Голеневского и осужденным на 25 лет в том же 1961 году.

Блейк восхищался стойкостью и неизменно хорошим настроением, с которым Молодый переносил выпавшие на его долю испытания. Они часто обсуждали возможные шансы выбраться на свободу[5].

В одной из бесед, незадолго до того, как Молодый был переведен в другую тюрьму, он высказал уверенность в том, что во время большого парада по случаю 50-летней годовщины Октябрьской революции (1967 г.) они вместе будут на Красной площади. Это звучало фантастично, но Молодый оказался совершенно прав – оба они присутствовали на этом параде, а потом пили шампанское.

Со временем Блейк как бы «втянулся» в распорядок тюремной жизни и начал даже находить ее терпимой. Чтобы поддерживать себя в рабочем состоянии, он возобновил занятия арабским языком, посещал занятия по английской литературе и класс любителей музыки, организованные в тюрьме по линии попечительства. Помимо этого тюремные власти разрешили ему учиться на заочных курсах Лондонского университета.

Но Блейк не оставлял мысли о побеге. Приговор был таков, что не бросить вызов ему было просто невозможно. Он считал себя политическим заключенным, в то время как британское правительство отрицает существование подобной категории заключения в Англии.

Понимая, что без посторонней помощи побег неосуществим, Блейк подыскивал людей, которые могли бы оказать ему помощь.

Такая возможность представилась. Он встретил двух членов «Комитета 100»[6] – Майкла Рэндла и Пэта Поттла, осужденных на 18 месяцев тюремного заключения за организацию мирной демонстрации у одной из баз ВВС США в Англии. Между ними установились дру-

жеские отношения. Перед выходом из тюрьмы эти люди предложили Блейку помощь в случае, если он решится на побег.

Другим помощником был бунтарь-ирландец Шон Берк, который попал в тюрьму за то, что послал почтой бомбу полицейскому, который ложно обвинил Шона в растлении малолетнего.

Эти трое провели подготовительную работу и помогли Блейку осуществить побег. Они же помогли ему переправиться в Москву. Это случилось в декабре 1966 года.

Так закончился самый тяжелый этап в жизни советского разведчика Джорджа Блейка.

Нельзя сказать, что Блейк легко вошел в новую жизнь, находясь в Москве. Его «розовое» представление о социализме отличалось от реальной действительности. Но это не разочаровало его, а заставило глубже взглянуть на жизнь. У него было много свободного времени, он часто бродил по Москве, особенно в старой ее части, в районе Арбата, знакомился с москвичами, их укладом жизни. К нему приезжала мать, которая помогла наладить быт.

Вскоре по прибытии в Москву Блейк знакомится с Кимом Филби и Дональдом Маклином, которые уже более десятка лет жили в Москве. Общение с ними помогло ему войти в ритм московской жизни. Особенно дружеские отношения сложились с Д. Маклином, который помог Блейку начать работать в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, где он стал, по признанию коллег, одним из ведущих экспертов института по проблемам Ближнего и Среднего Востока.

В Москве у Блейка появилась новая семья, родился сын, а теперь растет внук, которому Блейк уделяет много внимания.

Блейк стал настоящим москвичом, у него есть дача, где он вместе с семьей и друзьями проводит значительную часть времени, особенно летом. Собирает грибы, зимой подолгу катается на лыжах.

Со временем Блейк восстановил связи со своими сыновьями от первого брака. С большим волнением и беспокойством ожидал встреч с ними в Москве. Они с пониманием отнеслись к выбору отца, и теперь ежегодно вместе с женами и детьми навещают Блейка в Москве, с удовольствием живут на его даче в Подмосковье.

Естественно, Джордж Блейк, являясь ветераном внешней разведки, активно участвует в жизни ее коллектива, является почетным профессором Академии внешней разведки. Он часто встречается с коллегами, выступает перед молодыми разведчиками. В 1999 году посетил Дальний Восток и возложил цветы на могилу Н.А. Лоенко.

За свои заслуги Джордж Блейк был награжден орденами Ленина, Красного Знамени и Отечественной войны I степени, «За личное мужество», знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», а также нагрудным знаком «За службу в разведке» за № 1.

Закончить этот очерк уместнее всего словами самого Блейка: «Сегодня я могу сказать, что моя жизнь сложилась хорошо, возможно, даже лучше, чем, по мнению многих, я заслуживаю»[7].

---

[1] **Блейк Дж.** Иного выбора нет. – М., 1991. – С. 280–281.

[2] **Там же.** – С. 119.

[3] Полковник Н.А. Лоенко трагически погиб в автомобильной катастрофе в сентябре 1976 года в Приморье.

[4] **Григорьев К.А.** Перекаты судьбы (За кулисами событий). – М., 1994. – С. 160.

[5] В 1964 году английские власти согласились обменять советского разведчика на агента британских спецслужб Гревилла Винна, арестованного в Москве.

[6] Английское движение сторонников мира.

[7] **Блейк Дж.** Указ. соч. – С. 303.

19

Борьба у края ядерной пропасти

За время, прошедшее с января 1959 года, когда ликующие повстанцы вошли колоннами в Гавану, в США неоднократно задавались вопросом о причинах устойчивых антиамериканских настроений подавляющего большинства кубинцев. Видимо, для американского обывателя было непостижимо, почему население небольшого острова, принимавшее еще совсем недавно десятки тысяч туристов из США, не испытывало благодарности к своим вчерашним покровителям. Вразумительного ответа на «необъяснимое» поведение кубинцев американцы так и не нашли. Постараемся разобраться в существе этого вопроса и уточним одновременно отправные точки в становлении тесных отношений Советского Союза с Кубой. Для этого вспомним, что после победы кубинской революции во внешней политике СССР, который сам в тот период переживал бурный период десталинизации, четко обозначилось и вскоре громко заявило о себе латиноамериканское направление. Новые, с каждым днем все более заметные акценты появились в работе советских дипломатических, внешнеторговых, пропагандистских органов и не в последнюю очередь – Комитета государственной безопасности. Многим сведущим специалистам по внешней политике стало очевидным, что рост антиамериканизма в кубинском обществе как ответная реакция на неоколониалистский курс США и растущая тяга к опыту СССР – все это всерьез и надолго. Особенно ясно это было тем, кто имел возможность взглянуть на события в Карибском бассейне через призму информации, получаемой по разведканалам.

Принятие Революционным правительством Кубы в 1959 году законов об аграрной реформе и о контроле над полезными ископаемыми, ущемивших интересы североамериканских компаний, вызвали немедленные ответные меры руководства США. В начале 1960 года советской внешней разведкой были получены сведения о подготовке сенатской комиссией по иностранным делам Конгресса США докла-

да «Влияние политики на экономические отношения между Соединенными Штатами и государствами Латинской Америки». В этом документе содержались рекомендации принять срочные меры по укреплению пошатнувшихся позиций США в Латиноамериканском регионе и разработать со странами Латинской Америки совместные мероприятия в целях «предупреждения возникновения ситуации, аналогичной той, которая сложилась на Кубе», и «восстановления в этой стране демократии».

Как и предсказывали аналитики советской разведки, доклад лег в основу многих шагов американского руководства. В конце января 1960 года было опубликовано специальное заявление президента Д. Эйзенхауэра о кубино-американских отношениях, в котором Революционное правительство обвинялось в «нарушении прав американских граждан». В нем содержались настоятельные призывы к Кубе «воздержаться от расширения связей с Советским Союзом», сопровождавшиеся угрозами.

Затем в июле президент пообещал предоставить латиноамериканским странам 500 млн долларов в виде займов на экономическое развитие региона. Естественно, Куба была исключена из плана «помощи». Интересно, что оценки этих шагов, содержавшиеся в аналитических справках МВД Кубы и советской внешней разведки, совпали с заключением хорошо осведомленных американских экспертов. В частности, в номере журнала «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт» от 25 июля 1960 года отмечалось, что «правительство США разрабатывает планы укрепления своих латиноамериканских соседей с целью прекратить дальнейшее распространение коммунизма в Западном полушарии».

Среди кадровых сотрудников советской разведки в тот период было достаточно широко распространено мнение, что мероприятия Кубы скорее всего не носили бы столь острой антиамериканской направленности, действуй США более реалистично, дипломатично и, если хотите, умнее. Но на лобовые наскоки и откровенный шантаж необходимо было отвечать. Вот перечень некоторых антикубинских акций американцев за неполный 1960 год.

В мае американские нефтяные монополии («Эссо стандарт ойл», «Тексако ойл») и английская «Бритиш датч шелл» прекратили ввоз нефти на Кубу. Кроме того, в ответ на готовность Советского Союза восполнить потребности Кубы в нефти руководители этих компаний дали указание своим нефтеперегонным заводам не перерабатывать нефть, поступающую из СССР.

6 июля американская администрация заявила о сокращении квоты на ввоз кубинского сахара в США на 700 тыс. тонн, что наносило кубинской экономике ущерб почти в 100 млн долларов.

9 июля опубликовано заявление Эйзенхауэра, в котором антикубинские действия по существу возводились в ранг основного направ-

ления латиноамериканской политики США. В нем подчеркивалось, что «Соединенные Штаты никогда не допустят установления в Западном полушарии режима, находящегося под господством международного коммунизма».

Чтобы сократить поступление конвертируемой валюты на Кубу, государственный департамент принял решение об ограничении туристических поездок граждан США в эту страну. Для Кубы, получавшей значительные валютные средства от туризма, это оборачивалось очередными тяжелыми испытаниями.

С середины 1960 года в Соединенных Штатах и странах Латинской Америки американские средства массовой информации развернули беспрецедентную антикубинскую кампанию.

Примерно в это же время Центральное разведывательное управление США с санкции Эйзенхауэра приступило к организации и финансированию вооруженной интервенции контрреволюционных эмигрантов на Кубу. Еще весной 1960 года советская разведка получила данные о том, что 17 марта президент отдал секретное распоряжение об оказании военной помощи кубинским эмигрантам для осуществления на кубинской территории диверсионных акций. Во Флориде (США), Гватемале и Никарагуа были созданы военно-учебные пункты и базы для подготовки кубинских эмигрантов к вторжению на остров.

В августе 1960 года кубинским органам госбезопасности стало известно от надежных агентурных источников о том, что Соединенные Штаты приступили к осуществлению тайной долговременной акции по уничтожению экономических ресурсов Кубы. Так, в результате многочисленных воздушных налетов, осуществлявшихся с территории США, были подожжены плантации, дававшие урожай около 350 тыс. тонн сахарного тростника.

3 сентября правительство США запретило вывоз на Кубу автомашин и запасных частей к ним. Для страны, где подавляющая часть автотранспорта состояла из машин американского производства, это было равносильно крупномасштабной экономической диверсии.

16 сентября госдепартамент обратился к союзникам США по НАТО с циркулярной нотой, в которой содержалась настоятельная просьба сократить закупки кубинского сахара и таким образом противодействовать «инфильтрации международного коммунизма в Западное полушарие»[1].

Вряд ли у кого могут возникнуть сомнения в том, что эти и другие подобные действия США были рассчитаны не иначе как на свержение Революционного правительства и восстановление своего экономического и политического господства в этой стране. Все это предпринималось неспровоцированно, поскольку правительство Кубы не стремилось к свертыванию отношений с США. Единственно, чего оно добивалось, – чтобы они строились на взаимовыгодной основе, какими и должны быть отношения между суверенными государства-

ми. Стать же по сути дела вассалом США ни руководство Кубы, ни подавляющая часть населения не желали. В ответ на требование кубинского руководства сократить численность посольства США (на тот период его штаты превышали 300 человек, значительная часть которых занималась разведдеятельностью) администрация Эйзенхауэра разорвала дипломатические отношения, проигнорировав тот факт, что еще в ноябре 1959 года кубинское руководство в специальной ноте информировало Вашингтон о желании правительства и народа Кубы «жить в мире и дружбе с правительством и народом Соединенных Штатов и расширять свои дипломатические и экономические отношения с правительством США на базе обоюдного уважения и взаимной выгоды». В ноте предлагался ряд мер, направленных на улучшение отношений. Например, заключение двустороннего соглашения по сахару, пересмотр торговых договоров и обсуждение спорных вопросов. Однако правительство США отвергло предложения кубинской стороны. Дважды – 27 января и 16 февраля 1960 года – Гавана предлагала Вашингтону начать переговоры по урегулированию спорных вопросов, но получила отказ.

Еще более жесткую позицию по вопросу двусторонних отношений с Кубой заняла администрация Джона Кеннеди. Пытаясь убедить нового президента в том, что внутренняя обстановка на Кубе благоприятствует организации в эту страну интервенции, ЦРУ, как стало известно из полученных советской разведкой данных, с помощью наемников организовало в январе–феврале 1961 года ряд актов саботажа на промышленных предприятиях и поджоги сахарных плантаций на Кубе. «Неизвестные самолеты» совершили несколько полетов над кубинскими городами, разбрасывая антиправительственные листовки. Из сообщений, поступавших от наших источников и по каналу только что установленных с кубинцами партнерских связей, следовало, что ЦРУ вводило в заблуждение президента США Кеннеди и его окружение и стремилось склонить его к принятию решения о вторжении на Кубу. Искажая донесения своей агентуры на Кубе, предвзято интерпретируя высказывания отдельных представителей интеллигенции, рабочих сахарных плантаций, содержателей баров и ресторанов (число которых после революции резко пошло на убыль), американская разведка внушала руководству, будто подавляющая часть кубинцев настроена против Революционного правительства, а многие присоединились к «центрам сопротивления». Стремление ЦРУ представить только что освободившуюся от американского политического диктата Кубу как форпост советского влияния в Западном полушарии преследовало и другую цель – попытаться убедить латиноамериканскую общественность в чужеродности идеалов кубинской революции для Латинской Америки.

Антикубинская направленность замыслов и действий американских спецслужб вынуждала советскую и кубинскую внешние развед-

ки к налаживанию совместной работы на американском направлении и к укреплению партнерских отношений в целом. Результатом такого подхода явились мероприятия по вскрытию роли государственного департамента США по организации серии демаршей в странах Латинской Америки, направленных на дискредитацию политики кубинского руководства. После того как американцы запланировали поездку по странам Латинской Америки специального помощника президента А. Шлесинджера, советская и кубинская разведки разработали и реализовали первый в истории партнерских отношений план противодействия акциям США. Добытая обеими разведками информация о тайных действиях ЦРУ в отношении Кубы и планах совершить вооруженную агрессию на остров была доведена до президента Бразилии Жуселино Кубичека, министра иностранных дел этой страны А. Ариноса, чилийского сенатора Сальвадора Альенде, председателя Конфедерации трудящихся Латинской Америки Ломбардо Толедано и других видных деятелей континента, к голосу которых прислушивалась Латинская Америка.

Вследствие осуществления этих и других мероприятий в феврале–марте 1961 года многие общественные организации латиноамериканских стран направили в адрес Конгресса США и международных организаций обращения, в которых приводились факты об американском участии в подготовке интервенции на Кубу в целях удушения кубинской революции. При этом подчеркивалась поддержка общественными и политическими организациями Латинской Америки права Кубы на самоопределение и содержались призывы осудить намерение США использовать силу как средство разрешения международных споров. Особенно весомым явилось заявление промышленных и сельскохозяйственных ассоциаций Латинской Америки с осуждением попыток США ликвидировать свободу торговли.

Добываемая кубинской и советской разведками информация свидетельствовала о том, что американцы продолжали подготовку интервенции. Из поступивших в феврале 1961 года сообщений следовало, например, что для определения готовности Пентагона и ЦРУ к вторжению тренировочные базы в Гватемале намеревалась посетить в марте авторитетная комиссия из Вашингтона, а уже на 11 марта у президента США было назначено совещание, на котором должны были быть конкретизированы детали плана вторжения на Кубу перед его окончательным одобрением.

Из разведывательных данных стало ясно, что на упомянутом совещании президент Кеннеди выступил сторонником силового решения проблемы. Единственное, о чем он проявил заботу, так это о принятии мер, которые позволили бы свести к минимуму риск разоблачения роли и степени участия Соединенных Штатов в этой операции. В частности, он предложил избрать местом высадки по возможности более изолированный район, вторжение осуществить ночью, чтобы

скрыть его масштабы и участие в нем ВМС США; бомбардировку кубинских городов накануне акции представить в пропаганде таким образом, чтобы создалось мнение, будто ее произвели летчики, дезертировавшие из ВВС Кубы. Следует отметить, что президент-демократ проявил себя достаточно искусным разработчиком тайных операций. Так, он потребовал от ЦРУ ускорить создание кубинскими эмигрантами новой политической организации и оказать ее лидерам, особенно тем, кто непосредственно готовил вторжение, соответствующую помощь и пропагандистскую поддержку. Госдепартаменту было поручено подготовить и издать в кратчайшие сроки «Белую книгу» о положении на Кубе и попутно провести акции тайного влияния на руководство Организации американских государств, с тем чтобы оно оказало соответствующий нажим на кубинское руководство.

Не менее оперативно выполнили свой долг и наши спецслужбы при выяснении планов ЦРУ по организации высадки. Все, кто был причастен к получению подобной информации и ее последующему использованию в агентурно-оперативных мероприятиях, отдавали себе отчет в том, что от того, насколько достоверны были сведения, зависела, без громких слов, судьба страны, целое столетие боровшейся за свою независимость. Полученные разведками сведения о высадке наемников на Плайя-Хирон (соответствующий план был одобрен Кеннеди 15 марта 1961 г.), позволили своевременно принять необходимые меры. Кроме того, кубинской спецслужбе удалось получить сведения о том, что при активном участии ЦРУ началось формирование «Кубинского революционного совета», объединившего две наиболее крупные группировки кубинской эмиграции – Демократический революционный фронт и Народное революционное движение. Имелось в виду, что после высадки наемников и овладения участком кубинской территории туда должны быть доставлены главари «Совета», которые сформировали бы временное правительство и обратились бы к США за признанием и помощью. В опубликованной через год книге «CIA. The Inside Story» («ЦРУ. Закулисная история») ее автор А. Джулли констатировал, что ЦРУ было полностью уверено в успехе данной акции и считало вопрос о новом правительстве практически решенным[2].

4 апреля 1961 года государственный департамент США опубликовал «Белую книгу»[3]. «По пренебрежению к фактам и велениям разума она не имеет себе равных среди официальных внешнеполитических документов США»[4], – так напишет о ней позднее уругвайский юрист-международник Т. Мартильо. В тот же день на заседании Совета национальной безопасности, проходившем под председательством Кеннеди, было принято окончательное решение о точном времени вооруженного вторжения на кубинскую территорию. Эта информация была незамедлительно передана советской разведкой кубинским партнерам.

В СССР и на Кубе знали истинную цену широковещательному заявлению президента Кеннеди от 12 апреля перед американской ассоциацией газетных издателей о том, что США ни при каких обстоятельствах не предпримут военных действий против Кубы. В добытых разведывательных данных, к которым руководители обеих стран отнеслись со всей серьезностью и полным доверием, точно указывались намеченные сроки бомбардировок кубинских аэродромов и начало вторжения на остров.

Ранним утром 15 апреля 1961 года самолеты В-26 американского производства бомбили Гавану, Сантьяго-де-Куба и Сан-Антонио-де-лос-Баньос. На следующий день, выступая на похоронах жертв бомбардировок, Ф. Кастро резко осудил нападение и призвал трудящихся отстоять завоевания революции[5].

17 апреля «армия освобождения», насчитывавшая около 1500 наемников, высадилась на кубинском побережье в районе Плайя-Хирон. Осведомленность кубинского руководства о сроках высадки, готовность кубинцев защищать свою Родину предопределили исход американской авантюры. Войскам Революционного правительства Кубы понадобилось всего 72 часа, чтобы разбить агрессоров. Из 1500 наемников около 1200 были захвачены в плен, остальные убиты или утонули в заливе, который по иронии судьбы назывался Баиа де лос Кочинос – Залив свиней.

Напрасно американские средства массовой информации пытались внедрить в сознание общественно-политических кругов зарубежных стран версию о непричастности президента Кеннеди к подготовке агрессии против Кубы. После провала агрессии и нанесения ощутимого удара как по престижу США, так и по авторитету американского президента он вынужден будет назвать ее «ошибкой» и высказать сожаление о том, что пошел на риск ее осуществления. Осуждение американской авантюры в мире, волна протестов против интервенции США на Кубе заставили Кеннеди взять на себя всю полноту ответственности за вторжение и публично заявить об этом[6].

Однако достоверные разведывательные материалы из кубинских и советских резидентур в зарубежных странах показывали, что в США не сделали выводов из провалившейся интервенции и приступили к разработке новых планов уничтожения революционной Кубы. Кеннеди провел ряд конфиденциальных встреч с влиятельными политическими деятелями США, включая Ричарда Никсона, чтобы найти удобное для американцев «правовое» обоснование усилий по разгрому кубинской революции. По его указанию антикубинское направление деятельности ЦРУ вскоре заняло одно из главных мест в работе американских резидентур в странах Латинской Америки. Перед ними были поставлены следующие задачи:

– содействие перегруппировке сил кубинской эмиграции для активизации подрывных действий против Кубы с целью нанесения максимально возможного ущерба ее экономике;

– оказание давления на официальные круги латиноамериканских стран, с тем чтобы заставить их разорвать дипломатические и торговые отношения с Гаваной;

– организация антикубинских акций в странах Латинской Америки;

– подготовка и осуществление мероприятий, направленных на подрыв стабильности латиноамериканских стран, которые могли бы выдаваться как «подрывные» акции Кубы;

– формирование условий и общественного мнения в мире для проведения крупномасштабной операции по подрыву престижа и влияния Кубы на международной арене.

Вскоре советская и кубинская разведки – каждая по своим каналам – стали регулярно получать информацию о разработке планов физического устранения лидеров революции. Позднее, в 1975 году, выступая с показаниями перед сенатской комиссией, бывший директор ЦРУ Хелмс будет говорить о необходимости и политической важности подобных целей[7]. Уже летом 1961 года ЦРУ стало создавать на территории Соединенных Штатов новые вербовочные центры для подготовки очередного вторжения. Особое предпочтение отдавалось тайному рекрутированию бывших офицеров армии свергнутого диктатора Батисты. Однако главное, на чем было сконцентрировано внимание американской разведки, – это максимально обескровить Кубу, нанести ей по возможности больший материальный ущерб. Американскими специалистами по тайным операциям спешно готовились всякого рода фальсификаты, которые должны были опорочить внутреннюю и внешнюю политику Кубы, дискредитировать Ф. Кастро и его соратников. Об этом напишут через 20 лет американские исследователи У. Хинкли и У. Тёрнер в книге «Красная рыба. История секретной войны против Кастро»[8].

Возлагала большие надежды американская разведка и на организацию международной изоляции Кубы. Чтобы не быть голословным, раскроем известную книгу Ф. Эйджи «За кулисами ЦРУ», в которой он описывает, как это ведомство готовило разрыв дипломатических отношений Перу с Кубой. «Группа коммандос, – пишет он, – из числа кубинских эмигрантов совершила налет на посольство Кубы в столице Перу и в ходе налета захватила кое-какие документы. Наша резидентура в Лиме вложила в подлинные документы несколько заранее изготовленных отделом оперативной техники фальсификатов, в том числе документ, в котором перечислялись перуанцы, якобы получавшие от кубинского посольства ежемесячно до 15 тыс. долларов»[9]. По признанию Эйджи, тогдашнее консервативное правительство Перу использовало эти документы как предлог для разрыва ди-

пломатических отношений с Кубой. Цель, поставленная перед ЦРУ американской администрацией в этой стране, была достигнута.

Затем последовала провокация с захватом «подрывных документов» в посольстве Кубы в Аргентине и серия выступлений государственных и политических деятелей латиноамериканских стран, имевших целью исказить цели внешней политики кубинского руководства.

Разумеется, и кубинское, и советское руководство получали подробные сведения о подрывных акциях ЦРУ. Как могли, разведки обеих стран, несмотря на некоторые расхождения и различия в оценках происходивших событий, старались противодействовать им. Однако методы, использовавшиеся для организации отпора американцам, принципиально отличались от тех, к которым прибегало ЦРУ. Так, советская внешняя разведка никогда не прибегала к таким провокациям, какие организовывала, например, американская агентура в Эквадоре, – погромы в помещениях, принадлежащих кубинской дипломатической миссии, травля персонала кубинского посольства. В Венесуэле разнузданной антикубинской кампании предшествовала провокация с «обнаружением» тайных складов оружия на побережье, закладку которых приписали кубинцам, хотя это было делом рук американской разведки.

В январе 1962 года Соединенным Штатам удалось добиться исключения Кубы из Организации американских государств. Вскоре Белый дом объявил о решении наложить полное эмбарго на торговлю США с Кубой. В феврале – марте этого года американские эмиссары посетили государства – члены НАТО и, как стало известно из разведсообщений, оказывали сильный нажим на их правительства, чтобы те присоединились к экономической блокаде острова. Однако, как и в предыдущие годы, к призывам Вашингтона не особенно прислушивались. Большинство союзников США по НАТО продолжали развивать с Кубой торговые отношения.

Свой вклад в снижение эффективности нажима США на своих союзников по кубинскому вопросу внесли, исходя из имевшихся оперативных возможностей, разведчики двух стран, содействовавшие, в частности, преданию огласке в латиноамериканских и европейских странах сведений о плане ЦРУ под кодовым наименованием «Мангуста», одобренном президентом Кеннеди. Он включал заброску диверсионных групп на остров, осуществление актов террора и саботажа в отношении мирного населения, промышленных и военных объектов, более эффективное использование базы в Гуантанамо для диверсионной работы, организацию поджогов плантаций сахарного тростника, обстрел кубинскими террористическими организациями (обосновавшимися в США) торговых судов, перевозивших грузы для Кубы[10]. В этих условиях подключиться к блокаде означало для американских союзников признание правомерности подобных преступных акций. Практически все европейские страны не пошли на это.

Заметную роль в нейтрализации антикубинских акций сыграла вашингтонская резидентура КГБ. Ей удалось наладить получение разведывательной информации, которая позволяла руководству страны иметь полное представление об антикубинских планах США. Весной 1962 года кубинским партнерам была передана полученная резидентурой карта с маршрутами и местами переброски на Кубу наемников. Одновременно, чтобы приостановить массовую переброску на остров бандитов и наемников, резидентура через свои каналы довела до сведения влиятельного правительственного ведомства США, у которого были натянутые отношения с ЦРУ, информацию о том, что кубинская контрразведка контролирует каналы заброски диверсантов. Резидентурой была организована «утечка» информации о том, что кубинские контрразведчики сумели перевербовать несколько наемников и ведут «игру» с ЦРУ. Проведенное мероприятие имело успех: ЦРУ значительно сократило переброску своей агентуры и оружия на Кубу.

В последние годы появилось множество публикаций российских и американских авторов, в которых доказывалось, что поставки советского вооружения Кубе в 1962 году привели к возникновению Карибского кризиса. Несостоятельность подобных утверждений станет очевидной, если ознакомиться с данными, которыми на конец 1961 – начало 1962 года располагала советская разведка, и выводами, которые делались из поступавших по агентурным каналам сведений.

Первое, о чем необходимо упомянуть, – это о разработке в США программы свержения кубинского руководства. Она имела предельно конкретный характер и была утверждена президентом США. Началом реализации программы явилась очередная антикубинская кампания в средствах массовой информации, инициированная контролируемыми ЦРУ органами печати Латинской Америки, Африки и Европы. Ее составным компонентом стало заявление Конгресса США с прямыми угрозами в адрес Кубы, которые были подкреплены решением администрации о мобилизации 150 тысяч резервистов. Заключительным этапом программы должно было явиться проведение крупнейших за всю историю американских военно-морских учений в Карибском бассейне и использование их в качестве «дымовой завесы» для сосредоточения на американских военных базах вблизи Кубы значительных воинских контингентов, предназначенных в последующем для высадки на Кубе. Мощная военно-морская армада США тем временем концентрировалась у берегов Кубы под предлогом предотвращения поставок на остров советского «наступательного оружия».

1 сентября 1962 года разведуправление МВД Кубы доложило Фиделю Кастро и другим кубинским руководителям, что, по конфиденциальным данным из достоверных источников, новая агрессия США против Кубы может быть совершена в сентябре – ноябре 1962 года. Эти же сведения были переданы советской стороне. По согласован-

ному решению 12 сентября от имени ТАСС было сделано заявление о подготовке американцами агрессии против Кубы.

18 сентября постоянный представитель Кубы в ООН сообщил в Гавану, что Генеральный секретарь ООН У Тан имел беседу с американской делегацией об угрозе агрессии в крупных масштабах в отношении Кубы и получил заверение от нее, что агрессии не будет. Однако разведки СССР и Кубы, используя каждая свои возможности, продолжали получать сведения, из которых было очевидно, что американцы обманывали У Тана и планомерно готовили расправу с «марксистским режимом Фиделя Кастро». Так, в январе – мае 1962 года ЦРУ организовало подготовку 150 агентов-диверсантов, из которых формировались и забрасывались на остров группы специального назначения. Одна из них во главе с Мигелем Анхелем Ороско за короткое время провела 25 операций. Вот как он сам рассказал на суде о своей работе на ЦРУ:

«Мне 26 лет. Был офицером армии Батисты. Нелегально выехал с Кубы в мае 1959 года. В январе 1960 года был завербован офицером ЦРУ. Прошел подготовку в различных лагерях ЦРУ на территории США. Затем в составе многих групп забрасывался на остров. Наша задача состояла в проникновении на Кубу, сборе для американцев сведений о военных и промышленных объектах, проведении диверсий на коммуникациях и промышленных объектах, в создании тайных складов оружия. Всего до ареста побывал на Кубе 24 раза. Один из планов ЦРУ, к реализации которого я был привлечен, предусматривал инсценировку военного нападения Кубы на Никарагуа. Эта «агрессия» могла быть использована в качестве предлога для вторжения США на Кубу. В соответствии с другим планом на остров должна была быть послана экспедиция наемников в целях захвата Кайо Романо, где намечалось образовать правительство Кубы в изгнании, которое тут же признали бы Соединенные Штаты».

И таких, как Ороско, в распоряжении американцев было немало. По данным МВД Кубы, на конец 1961 года в Майами находилось более десятка школ, где сотрудники ЦРУ обучали кубинских эмигрантов методам шпионажа и диверсий. Кроме того, подобные центры подготовки функционировали в Кайо Ларго, Ки Уэст и Флориде. Сеть диверсионных школ была создана и в Никарагуа.

Насколько реальны были опасения кубинских властей в 1962 году относительно подрывных акций США? Ответ на этот вопрос дают добытые советской и кубинской разведками документальные материалы, свидетельствовавшие, что ЦРУ и другие члены американского разведывательного сообщества добивались создания условий для организации «всеобщего вооруженного восстания» на Кубе. Эта работа велась по следующим направлениям:

1. Сбор экономической информации для определения направлений ударов по наиболее важным объектам промышленных районов.

2. Дезорганизация производства продовольствия и товаров первой необходимости, создание помех работе сельскохозяйственных кооперативов, выведение из строя сахарных заводов.

3. Проникновение специальных групп для военного обучения участников подпольных организаций и отработка с ними порядка получения оружия и снаряжения с тайных складов, созданных на территории страны.

4. Заброска групп специального назначения для проведения диверсионных операций: взрывов мостов, железных и шоссейных дорог, нефтеперегонных заводов, электростанций, линий коммуникаций и сооружений, имеющих военно-стратегическое значение.

5. Организация покушений на руководителей революции, прежде всего на Фиделя Кастро. Это должно было послужить сигналом к началу вооруженного восстания.

6. Оперативное десантирование боевых групп, обученных методам партизанской войны, в ключевые пункты страны с целью поднять мятеж в различных районах и сковать мелкими стычками действия правительственных войск.

Вполне естественно, что Куба не могла бездействовать в условиях надвигавшейся угрозы, реальность которой подтверждалась все новыми агентурными сведениями советской и кубинской разведок. На карту, как и ранее, была поставлена судьба страны, ее будущее как независимого государства. Поэтому руководители Советского Союза и Кубы договорились о мерах по укреплению обороноспособности Кубы. Они включали поставку на Кубу ракет среднего радиуса действия, бомбардировщиков Ил-28 и некоторого другого вооружения.

Между тем кризис вступал в острую фазу. 16 октября 1962 года президент Кеннеди провел первое заседание наскоро созванного исполнительного комитета Совета национальной безопасности (СНБ). Представители Пентагона и ЦРУ, помощник президента по национальной безопасности М. Банди, министр финансов Д. Диллон высказались за нанесение массированных бомбовых ударов по Кубе, вторжение на остров и свержение правительства Ф. Кастро.

К исходу 17 октября стало известно о решении исполкома установить морскую блокаду Кубы. В руководстве военного ведомства США не скрывали, что сценарий антикубинских акций будет развиваться в контексте мер, обсуждавшихся в ходе первого заседания исполкома. Становилось очевидным, что вывоз советского оружия с острова – не главная цель, которую преследовал Белый дом. Все его усилия по-прежнему были сосредоточены на свержении «неугодного» правительства Ф. Кастро.

Еще больше накалило обстановку обращение к народу президента Кеннеди, в котором он сообщил, что отдал распоряжение Пентагону усилить военные приготовления. На юго-восток США стали перебрасываться крупные подразделения сухопутных войск, морской пехоты

и десантников. Выйти «на исходные позиции» получили приказ более 100 боевых кораблей. 26 октября Кеннеди дал указание государственному секретарю Дину Раску создать временное правительство из числа кубинских эмигрантов. На следующий день над Кубой был уничтожен разведывательный самолет У-2, что было использовано «ястребами» в США для мощнейшего давления на президента Кеннеди. Приближалась развязка конфликта.

Переговоры и контакты с целью урегулирования кризиса шли по многим каналам, как государственным, так и разведывательным.

Активным участником поиска путей решения конфликта был советский посол на Кубе Александр Иванович Алексеев, который имел тесные контакты с Фиделем Кастро и другими кубинскими руководителями. Так, благодаря усилиям дипломатов, разведчиков и людей, имевших влияние в высших эшелонах власти, Никита Хрущев и Джон Кеннеди нашли разумный компромисс. Предложение американского президента об условиях демонтажа советских ракет и ответ советского руководителя о мирном улаживании Карибского кризиса (в увязке с выводом американских ракет из Турции) были направлены Генеральному секретарю ООН У Тану, которому оставалось оформить официальное соглашение совместно с советским и американским представителями.

Опасность возникновения прямого вооруженного конфликта, который мог перерасти в ядерный, удалось предотвратить. СССР согласился вывезти с территории Кубы ракеты и бомбардировщики, а Вашингтон дал заверения, что Соединенные Штаты отменят военно-морскую блокаду острова и откажутся от военных акций в будущем. Всему миру было продемонстрировано, что для достижения своих целей США теперь не вправе использовать без разбора любые средства. Карибский кризис был преодолен, предотвращена новая интервенция США против кубинского народа. Человечество избежало угрозы ракетно-ядерной войны.

1 ноября 1962 года, выступая по телевидению, Фидель Кастро счел необходимым сделать, в частности, следующее заявление: «Нужно особенно помнить о том, что во все трудные моменты, с которыми мы сталкивались перед лицом американской агрессии... мы всегда опирались на дружескую руку Советского Союза. За это мы благодарны ему, и об этом мы должны говорить во весь голос! Советские люди, специалисты, которых мы видим здесь, прибывшие сюда работать вместе с нами на различных участках, сделали для нас очень много». Эти слова, несомненно, можно с полным основанием отнести и к советским разведчикам, которые в координации с кубинскими партнерами разрабатывали на основе добываемой информации и успешно осуществляли накануне и в ходе Карибского кризиса целый ряд мероприятий по срыву и противодействию подрывной деятельности американских спецслужб. В 1959–1962 годах кубинская и советская

разведки накопили богатый опыт совместной работы, хотя обе стороны понимали, что она еще не лишена определенных шероховатостей. Для них, как и для обеих наших стран, события вокруг Кубы того периода были серьезным испытанием, которое они с честью выдержали.

---

[1] **The Deparment of State Bulletin**. – 1960. – Sept. 30. – P. 121–122.
[2] **Jully A.** CIA. The Inside Story. – N.Y., 1962. – P. 20.
[3] См. **Cuba. Department of State, Publ.** 7171. – Wash., 1961.
[4] См. **Международная жизнь.** – 1961. – № 6. – С. 28.
[5] **Revoluciόn**. – 1961. – 17.04.
[6] **Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН**. XVII сессия. Пленарные заседания, 1145-е заседание. 8 октября 1962 г. – Т. II. – ООН, Нью-Йорк, 1964. – С. 62.
[7] **Granma**. – 1979. – 29.XII.
[8] **Hinckle W., Turner W.** The Fish is Red. The Story of the Secret War against Castro. – N.Y., 1981.
[9] **Эйджи Ф.** За кулисами ЦРУ. – М., 1979. – С. 165.
[10] О содержании плана «Мангуста» общественности стало известно позднее – в 1975 году. См.: **Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders**. An Interim Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. US Senate together with Additional, Supplemental and Separate Views. – Wash., 1975. – P. 139.

20

На одной из баз США в Марокко

Конец 50-х годов. Место действия – североафриканская страна Марокко. Для решения ряда оперативных задач сюда был направлен Центром опытный агент-вербовщик «Франсуа». Всесторонне развитый человек, он отличался общительностью, умением контактировать с людьми, был исключительно трудолюбив и рационален в действиях. За годы сотрудничества с советской разведкой приобрел опыт вербовок и работы с агентурой. Преданность нашему делу, надежность доказал практическими результатами.

Обосновался «Франсуа» в деловом центре страны – Касабланке. Снял квартиру, арендовал автомашину, наладил автономную связь с Центром. Из Москвы получал шифрованные сообщения по радио. Свою информацию в Центр направлял по каналам международной почты. На случай необходимости имел условия связи на резидентуру КГБ в Рабате, столице Марокко.

Командировка «Франсуа» рассчитывалась на три-четыре месяца. Однако по стечению обстоятельств, о которых повествуется в этом очерке, ему пришлось задержаться и выполнить довольно объемную дополнительную работу.

Оправдывая легенду делового человека, прибывшего в Марокко для изучения местного рынка, он начал устанавливать связи в коммерческих кругах. В клубе предпринимателей он познакомился с «Икаром», представителем третьей страны, который работал в качестве вольнонаемного на военно-воздушной базе США вблизи Касабланки. Многоопытный разведчик сразу определил потенциальную ценность этого человека.

После первой последовали другие встречи, в ходе которых между собеседниками начинали складываться дружески-доверительные отношения. Обсуждались различные жизненные проблемы: от вопросов большой политики до вероятности повышения местных цен на

бензин. «Икар» рассказывал о своем прошлом, делился заботами, планами на будущее.

В итоге в Центре сложилось такое впечатление об «Икаре»: человек непростой судьбы; жизнь изрядно потрепала его, побросала по разным странам. В свои тридцать с небольшим лет он достаточно повоевал. Он служил и в авиационных частях, где получил диплом авиаспециалиста. После развода оказался волею судеб в Марокко. Начал было заниматься коммерцией – не получилось. Пришлось пойти на службу к американцам.

Прочно установившихся политических взглядов не имел. В молодости симпатизировал движениям экстремистского толка. Представления о расстановке политических сил в мире весьма путаные. Органически ненавидит американцев. Страдает от унижений, которым подвергается с их стороны. Антиамериканизм тщательно маскирует, чтобы удержаться на работе.

Жизненные устремления – достичь материального благополучия. Это необходимо для поддержания подорванного здоровья – периодически проходит лечение в стационаре, постоянно несет расходы на врачей, лекарства и т.п.

На базе работает несколько лет. Имеет широкие дружеские связи. Использует их для добывания с базы оружия и боеприпасов и перепродажи представителям подпольных организаций некоторых африканских стран. Поэтому владеет некоторыми навыками конспиративной деятельности. Человек неглупый, хорошо начитан, речь грамотная. Наблюдателен, во внешних эмоциях сдержан. «Франсуа» рекомендовали продолжить его изучение.

Шло время. Контакт между ними планомерно углублялся. Разумеется, «Франсуа» активно интересовался делами по месту работы «Икара». В итоге прояснились любопытные детали порядков на этом американском военном объекте.

На базе дислоцировалась новейшая военная авиация – бомбардировщики, истребители, самолеты-заправщики. Там находились ангары, склады авиационного вооружения (ракеты, боеголовки и др.), мастерские по ремонту различных видов оборудования, склады горючего.

Обслуживанием этого крупного многопрофильного хозяйства занимались на контрактной основе сотни технических специалистов различных национальностей: французы, испанцы, немцы, англичане... Учительницей одной из школ там была даже русская по происхождению. В хозяйственной сфере использовалось множество марокканцев: снабжение продовольствием, обслуживание пищеблоков, поставка строительных материалов, разного оборудования, ремонт второстепенных объектов и т.п. Рабочими местами на базе дорожили, платили там больше, чем за аналогичный труд в стране.

База охранялась американскими военнослужащими, имелась собственная служба безопасности. Территория базы разделялась на

режимные зоны. Допускавшиеся в них американские военнослужащие, отнюдь не все, а только связанные с конкретными участками работы, носили на своей военной форме и на рабочей одежде специальные значки.

Сложившиеся порядки на базе характеризовались упадком нравственности и элементарной порядочности. Понятие долга, патриотизма у многих американских военных подменялось устремленностью к наживе. Некоторые из них, даже офицеры, безудержно занимались спекуляцией, пуская на продажу все, что попадало под руки: оружие, боеприпасы, взрывчатку, аэродромное оборудование. Процветало пьянство.

Отношение работавших на базе вольнонаемных к военнослужащим США доброжелательным назвать никак нельзя. В атмосфере почти всеобщей неприязни американцев осуждали за богатства, накопленные ими в военные годы, в противоположность европейцам, которым война принесла обнищание. Всеобщее недовольство вызывали кичливость, самомнение, бесцеремонность заморских военных. Местные жители негодовали по поводу их шумных гулянок, частых автомобильных аварий.

На базе имелась большая служебная библиотека, где хранились документы по различным видам авиационной военной техники и вооружения, рабочие и мобилизационные планы подразделений, дислоцирующихся на базе, служебные наставления и инструкции. Под особым контролем находились материалы с грифом «секретно» и «особо секретно». Доступ к ним ограничивался сержантами и офицерами штатного состава по их рабочей специальности. Фонды библиотеки постоянно пополнялись как в плановом порядке, так и по запросам с базы. В последнем случае библиотекарь по заявке конкретного должностного лица заполнял стандартный формуляр, сдавал его на подпись офицеру – заведующему библиотекой. Затем заявка спецпочтой следовала в соответствующий коллектор военного ведомства США, откуда и поступали запрашиваемые документы. Устаревшие материалы, лишние копии уничтожались. Делали это сами библиотекари, о чем они же производили отметки в инвентарных книгах.

Проанализировав всю накопленную информацию, «Франсуа» решил: пора действовать. На очередной встрече он доверительно сообщил «Икару», что в действительности прибыл сюда не как частное лицо, а в качестве представителя консорциума ряда крупных европейских банков. Эта банковская группа заинтересована в приобретении информации самого широкого профиля, в том числе военной, предпочтительно конфиденциальной. Он напрямик предложил «Икару» участвовать в этом выгодном предприятии, учитывая его возможности на американской базе. Как и рассчитывал «Франсуа», согласие было получено. При этом колебаний партнер не проявил, «лишних» вопросов не задавал. Инициатива подбора первой партии материалов в пользу «консорциума» была предоставлена «Икару».

В течение нескольких последующих недель в распоряжении «Франсуа» оказались: перечень всех военных баз США в Марокко с указанием их предназначения, телефонный справочник, план расположения объектов, наставление по охране и пропускному режиму на базе, справочник министерства обороны США о радиосредствах, используемых военной авиацией, план передислокации 16-й воздушной армии из Испании. На всех перечисленных документах (и на ряде других, здесь не названных), стоял гриф «для служебного пользования».

«Икар» рассказал, что все это он приобрел с помощью своих друзей на базе, некоторых из них назвал по именам. Подобные возможности, по его словам, сохраняются и на будущее. Получив вознаграждение, весьма скромное, «Икар» инициативно и несколько неожиданно предложил достать полную документацию дислоцировавшегося на базе стратегического бомбардировщика В-52. За эту услугу просил 120 долларов США.

В Центр были пересланы полученные документы и доложено о фактической вербовке источника на американской базе. На запрос о самолете через резидентуру пришел ответ: интереса не представляет, поскольку материалы по названному бомбардировщику получены ранее из других источников.

Мы точно не знаем, в какой последовательности развивались дальнейшие события. То ли резидентура не успела вовремя сориентировать «Франсуа», или же тот по каким-то собственным соображениям принял самостоятельное решение и не «приостановил» «Икара», но фактом являлось то, что последний добыл документацию по В-52. В один прекрасный день, а точнее в поздний вечер, он заявился на квартиру «Франсуа» и передал две объемные картонные коробки весом около 20 килограммов с секретными документами по бомбардировщику. «Франсуа» пришлось несколько суток хранить этот далеко не безопасный материал дома до того дня, когда согласно графику он смог передать их через тайник в резидентуру (к этому времени безличная связь через тайники уже была налажена).

Как затем рассказал «Икар», операция была проведена с использованием служебной библиотеки на базе, где работал один из его «добрых приятелей». По линии библиотеки в США направили заявку на документацию по В-52, которая включала бы усовершенствования, произведенные к последнему времени. Запрошенные документы вскоре поступили в Касабланку. Упомянутый «добрый приятель» заделал посылку в две картонные коробки и конспиративно передал их заказчику. На ночь «Икар» пристроил коробки в каптерке своего друга по работе и договорился вывезти их с базы на его автомашине.

На следующий день ко времени массового отъезда служащих после окончания рабочего дня загруженная машина с его другом за рулем направилась на выезд. Было известно, что американская военная полиция на КПП, как правило, не досматривала выезжавший

автотранспорт, если только не получала ориентировок от службы безопасности. Обычно водителю и пассажирам достаточно было предъявить личные пропуска. Так случилось и на сей раз. Однако это было не все. Дело в том, что контроль за въездом на базу и выездом осуществлялся по принципу пересечения государственной границы. Действовали два КПП – американский и марокканский, находившиеся на расстоянии 200–300 метров друг от друга. Единственная задача местных «пограничников» состояла в том, чтобы не допускать вывоза с базы товаров для спекулятивной продажи: спиртных напитков, сигарет, продуктов питания и др. (Хотя, как доподлинно было известно, за взятку можно было вывезти практически любой груз.)

В данном случае марокканцы остановили автомобиль и, как обычно, предложили открыть багажник. Затем вскрыли и осмотрели содержимое коробок. Когда увидели там «только книги и всякие бумаги», интерес к багажу утратили, и машина благополучно выехала за шлагбаум.

...После изучения в Центре полученных материалов общим объемом около 12 000 страниц было установлено, что они представляют собой полное техническое описание бомбардировщика В-52 в четырех его модификациях – B, C, D и F, с изменениями, внесенными в конструкцию до июня 1959 года, а также руководство и инструкции по эксплуатации отдельных агрегатов, узлов и приборов, изданные в 1955–1959 годах.

По оценке государственных организаций, куда разведка направила для использования эту документацию, она представила практический интерес главным образом в той части, где излагались усовершенствования, внесенные к 1959 году в базовую модель бомбардировщика. Особо ценной оказалась документация по электронной начинке самолета.

Подсчитали, что полезной оказалась примерно треть документов из общего объема материала, добытого в Касабланке.

Возвратимся, однако, в Марокко, где от «Франсуа» продолжали поступать новые материалы. Там были мобилизационный план базы, описание характеристик одной радарной установки и недавно поступившего на базу радиотехнического изделия и др.

«Икар», человек, безусловно, мыслящий, не мог не понимать, что за пресловутым «консорциумом» стоит кто-то другой. Действительно, зачем дельцам из Европы понадобились сведения о системе охраны базы? А кого могла заинтересовать покупка документации американского военного самолета? Напрашивалось предположение: здесь действует чья-то разведка. Наиболее крупные западноевропейские государства исключались, с США их связывали союзнические отношения. Оставались спецслужбы «коммунистического блока». Было над чем крепко подумать. «Икар» терпеливо ожидал дальнейших действий своего партнера.

«Франсуа», разумеется, понимал пикантность ситуации. Взвесив все свои знания об «Икаре» и учтя опыт уже проведенной с ним работы, он запросил у Центра санкцию на вербовку, имея в виду напрямую привлечь «Икара» к сотрудничеству с советской разведкой. Он привел убедительную аргументацию в пользу именно такого образа действий и выразил уверенность, что справится с этой задачей. Резидентура поддержала его предложение. Центр не без колебаний дал согласие. После этого «Франсуа» провел с «Икаром» соответствующую беседу. Последний сразу же принял предложенные ему условия секретного сотрудничества, расценил обращение к нему как высокую степень доверия и твердо обещал добросовестно выполнять наши задания.

Некоторое время после вербовки работой «Икара» продолжал руководить «Франсуа»: разъяснял ему требования конспирации, обучил фотографированию документов (отдельные материалы изымались с базы только на время и подлежали возврату), подготовил условия для передачи нового агента на прямой контакт с резидентурой. В согласованный день состоялась встреча «Франсуа» и «Икара» с руководителем нашей резидентуры в Рабате. Были уточнены и конкретизированы предстоящие задачи «Икара», рассмотрены возможности приобретения им новых источников на базе, отработаны способы личной и безличной связи между сторонами, согласованы финансовые вопросы. «Франсуа» потом докладывал: «Икара» очень обрадовала товарищеская, дружеская манера обращения с ним нашего резидента.

Завершив, таким образом, работу с «Икаром» и выполнив ранее стоявшие задачи, «Франсуа» покинул Марокко.

Следуя полученным рекомендациям, «Икар» занялся подбором себе помощников на базе. Кое-кто на примете у него имелся. Предстояло отобрать наиболее перспективных и найти к каждому из них подходящий «ключик».

Первым кандидатом оказался американский сержант «Джеймс». «Икар» сблизился с ним в личном плане, стал чаще встречаться в нерабочее время, сочувственно разделял его настроения, покровительственно поддерживал его жизненные устремления.

Проведенное изучение позволило нарисовать такой портрет американца: смелый, изобретательный, хитрый; для достижения цели «идет напролом»; нахален и груб в отношениях с людьми – как с подчиненными, так и с начальниками. Сознавая, что карьера во многом зависит от профессиональных знаний, усердно занимается их пополнением, изучает материалы новейшей авиатехники, хранящиеся в служебной библиотеке. С группой приятелей несколько раз организовывал хищение с базы стрелкового оружия, патронов, взрывчатки для продажи их подпольщикам антиправительственных движений африканских стран. По политическим убеждениям – оголтелый антикоммунист.

Для «Икара» было очевидным, что завербовать этого американца возможно лишь единственным способом – предложить ему деньги. «Икар» провел с ним деловой разговор от имени «военной службы» подпольного движения одного африканского государства и сформулировал условия сотрудничества: тот достает новые, предпочтительно секретные документы по авиационной технике и вооружению, «Икар» оплачивает его услуги «в разумных пределах». Договоренность состоялась, и «Джеймс» энергично приступил к работе.

Другим источником оказался также американец, сержант «Мартен». «Икар» сообщал о нем: «Человек без высоких идеалов, живет по неблаговидному американскому образцу – сегодня продается одному, завтра – другому, если тот заплатит больше. Однажды он бросил в сердцах: «Продам что угодно, лишь бы получить немного лишних денег». Озлоблен на начальство, которое, по его представлениям, несправедливо задерживало его продвижение по службе».

«Икар» без труда нашел подходы к «Мартену», демонстрируя свою дружескую расположенность и понимание его финансовых проблем. Давал небольшие суммы взаймы, проявил чуткость во время болезни его жены. Частенько они вместе обедали на базе, а вечерами в городе коротали время за кружкой пива. Их сближению способствовало и то, что оба они по своим родительским корням были одной и той же национальности. В результате между ними сложились товарищеско-дружеские отношения. «Мартен» охотно рассказывал о событиях и текущих делах на базе: о поступлении новых видов техники, о системе охраны особо важных складов и многое другое.

«Икар» предложил – резидентура его поддержала, и Центр согласился привлечь «Мартена» к негласному сотрудничеству на регулярной основе, за деньги. Использовать примерно ту же схему, что и в случае с «Джеймсом»: работа в пользу африканских подпольщиков. В эту легенду внесли дополнение: африканцев этих якобы поддерживает влиятельная финансовая организация одной из крупных европейских стран. Вербовочный разговор прошел гладко. Американец без переживаний согласился и искренне обрадовался, получив заверения в достойной оплате его усилий по добыче секретных материалов с базы.

Наступил период, когда на базе стали работать три наших человека – «Икар», «Джеймс» и «Мартен». Основную нагрузку нес руководитель. Каждый его подопечный получал инструктаж об образе действий, предупреждался о необходимости соблюдать осмотрительность. В принципе американцы старались следовать этим рекомендациям (они отлично сознавали, что с ними произойдет в случае провала), хотя особой дисциплинированностью не отличались. Иногда без существенных причин срывались ранее назначенные встречи. Или же «Джеймс» мог неожиданно, ближе к полуночи, явиться на квартиру к «Икару» и принести буквально за пазухой пачку секретных доку-

ментов. Ни «Джеймс», ни «Мартен» не были склонны рассказывать «Икару» о своих друзьях на базе, которые им содействуют.

На первых порах, будучи специалистом по американской авиатехнике, «Икар» сам определял, что именно следует искать на базе. Исходил при этом из своего собственного понимания ценности тех или иных материалов. В последующем, когда Центр удостоверился в его реальных разведывательных возможностях, из Москвы стали поступать задания на приобретение конкретных документов по определенным видам техники и вооружений. Порой это удавалось.

При попытках выполнения некоторых заданий Центра встречались неожиданности. Однажды через библиотеку попытались заполучить документацию по прибору, название которого сообщили из Москвы. Как обычно, «добрый приятель» «Икара» составил заявку и передал ее на подпись начальнику. Однако вскоре бумагу возвратили со следующей резолюцией: «Этот прибор на базе не применяется, поэтому его техническое описание здесь не требуется». «Икар» обеспокоился: может начаться расследование и таким образом обнаружится инициатор запроса. Заявку сразу же уничтожили. Прошло несколько недель, обстановка вокруг участников акции оставалась спокойной, отрицательных последствий не возникло. По справедливости решили, что в данном случае просто повезло. До службы безопасности базы информация об этом казусе, видимо, не дошла.

Еще один пример. Центр поручил добыть документацию по одному сложному изделию, оно обозначалось понятным для специалистов шифром из определенного буквенно-цифрового сочетания. «Джеймс», который был задействован в этом деле, вскоре сообщил, что данное изделие относится к особо секретным, его чертежи находятся в специальном хранилище, куда проникнуть очень трудно. Несмотря на напоминания, обещание дополнительного гонорара «Джеймс» так и не смог выполнить задание. Но проявлявшаяся с нашей стороны настойчивость и высказанные ему упреки, очевидно, рассердили американца, и он, как бы «в пику» «Икару», с нескрываемой иронией задал такой вопрос: «А что вы собирались делать с этой штукой?». Тем самым дал понять, что не очень-то верит в необходимость для подпольщиков-африканцев заполучить себе столь специфическое авиационное изделие. Какие мысли забродили у него в голове, что в действительности он стал думать о заказчике – этого нам теперь уже не узнать. Во всяком случае с «Икаром» ничего не случилось, а «Джеймс» продолжал сотрудничество.

Вообще работать с «Джеймсом» было трудно. В любой момент от него можно было ожидать какой-либо выходки. Так, он настойчиво и долго предлагал закупить «для африканцев» 200 винтовок М-2 по 50 долларов за штуку. Брал на себя все хлопоты по вывозу оружия с базы и доставке его в нужное место. Стоило усилий, чтобы отвести его от этой затеи.

Начав довольно регулярно получать от нас вознаграждения, «Джеймс» вдруг заявил, что его перестала устраивать «пожетонная» система оплаты, то есть деньги против документов. Это, дескать, оскорбляет его достоинство, а неопределенность размера и сроков выплат не позволяет планировать бюджет и т.п. Он потребовал платить ему ежемесячно точно оговоренную сумму. Последовали трудные затяжные переговоры. В результате «Икар» вынужден был пойти ему навстречу (ведь это был его наиболее ценный источник) и определил ему стабильную зарплату – 100 долларов США в месяц. Но взамен отобрал от него подписку о добровольном секретном сотрудничестве с «военной службой» подпольного движения африканского государства.

Рваческие притязания «Джеймса» не имели границ. Но не так прост был «Икар», чтобы потакать всем меркантильным запросам американца. Нередко между ними затевалась вульгарная торговля. Зафиксирован такой эпизод. «Икар» узнал о недавно поступившем на базу секретном пособии для механиков по обслуживанию истребителя одной их последних модификаций. Сам он доступа в библиотечный фонд самой секретной зоны базы не имел, поэтому предложил «Джеймсу» достать пособие за 60 долларов. Тот согласился, удалился на пару часов, чтобы переговорить со своим подысточником, и затем принес запрошенную книгу. Однако поставил условие – с возвратом. «Икар» представил безрадостную для себя перспективу на ближайшие бессонные сутки: ночное фотографирование сотен страниц текста. И решился на такой ход. Дал согласие, но тут же заявил – в этом случае гонорар будет уменьшен. Подобный оборот дела не устроил продавца. Он снова ушел для консультаций со своим дружком, а возвратившись, передал пособие безвозвратно. После этого немедленно получил оговоренную сумму.

«Мартен» работал усердно и почти еженедельно приносил различные документы. Некоторые отдавал «насовсем», отдельные вручал вечерами по пятницам, чтобы получить обратно утром в понедельник. Вот названия лишь некоторых полученных от «Мартена» секретных документов, которые представляли информационный интерес: схема расположения и инструкция по эксплуатации системы трубопроводов на базе, наставление по обслуживанию радиолокационных станций управления воздушным движением, описание радиотехнических средств и отчеты по полетам в районах Аляски, Канады и Северной Атлантики, документы по технологии хранения концентрированной азотной кислоты.

Оплата производилась строго по договоренности: сегодня материал – сегодня и деньги. Из финотчета «Икара» следует, что, например, в течение трех произвольно взятых месяцев он выплатил «Мартену» в общей сложности 620 долларов.

Помимо этих двух агентов у «Икара» были и другие доверенные лица на базе, также периодически поставлявшие полезную разведывательную информацию.

Много времени и физических усилий «Икар» тратил на подготовку материалов для передачи в резидентуру. Фотоработами занимался по ночам, готовя в один прием по десять и более стандартных фотопленок. Причем он не сразу освоил технику документальной съемки, приходилось доучиваться на месте.

Обилие поступавшей информации и, как следствие, перегрузка «Икара» не могли не приводить к определенным издержкам. Некоторые добытые его агентами материалы так и не попали в Москву. Был случай, когда «Джеймс» принес комплект технической документации в виде десяти брошюр, подлежавших обязательному возвращению. Но «Икар» отобрал из них только семь (затратил на них 44 фотопленки), наиболее интересных, на его взгляд. А разве не исключалось, что в трех оставшихся, до которых у него не дошли руки, тоже содержалась ценная информация? Или случай противоположного характера. Дважды в Москве обнаруживали, что одни и те же документы были добыты повторно.

Разумеется, всегда важно знать, какую ценность для пользователя представила добытая разведкой информация. Документы группы «Икара» изучали, оценивали и в конечном счете использовали четыре научно-исследовательских института (НИИ), тринадцать опытно-конструкторских бюро (ОКБ), три номерных авиационных завода, входивших в систему государственных комитетов по авиатехнике и радиоэлектронике, а также другие организации.

Их оценки, официально направлявшиеся в КГБ, обыкновенно были лаконичными, внешне очень скромными. Чаще всего такими: «Материал представил информационный интерес». Иногда, правда, кое-что детализировалось. К примеру: «Получено краткое пояснение к конструкции самолета, основных его агрегатов и систем, в том числе не встречавшихся ранее» (по бомбардировщику В-58).

«Полученное представляет информационный интерес». Это означало на самом деле безусловно положительный отзыв, а именно: информация полезна и взята в проработку для использования в научных и производственных целях. На вопросы любопытствовавших оперработников о перспективе ее дальнейшего использования неизменно следовал ответ: «А это уже наши профессиональные секреты».

Здесь нет возможности да и надобности перечислять даже наиболее ценные документы, добытые на базе. Во-первых, количество их было достаточно велико, и простой их перечень занял бы многие страницы. Во-вторых, в большинстве своем они относились к специфическим областям техники, доступным для понимания и оценки лишь профессионалам узкого профиля. К примеру, о чем нам может сказать документ, озаглавленный «О системах зажигания емкостного разряда»?

Наиболее полная оценка результатов работы «Икара» дана в итоговом обобщенном документе КГБ СССР, составленном уже после завершения работы в Марокко. Там, в частности, указывалось:

«“Икар” передал нам около 25 000 страниц документальной информации, в основном по авиационной, ракетной технике и электронике, которая получала высокую оценку Госкомитета по оборонной технике и других заинтересованных ведомств... Часть этой информации представляла серьезное оборонное значение... Получено значительное количество секретных приказов, инструкций и других документов по линии военного командования США, а также установочные и характеризующие данные на персонал военной базы».

Добавим, что немало материалов направлялось для использования по принадлежности коллегам в Главное разведывательное управление Генерального штаба Советской Армии. Многие из них получали положительную оценку.

Что касается затрат разведки по данному делу, то, как читатель смог убедиться, они оказались более чем скромными.

За большую и плодотворную работу по получению информации с американской базы ВВС в Марокко «Франсуа» был награжден орденом Красной Звезды.

21

Венский пасьянс

16 февраля 1955 года советская печать и радио передали сообщение ТАСС из Вены о закончившейся провалом попытке путем шантажа и подкупа склонить к невозвращению на Родину советского консула в Австрии. В эпицентре тех событий оказался советский разведчик, а ныне полковник в отставке Борис Яковлевич Наливайко (для удобства изложения дадим ему псевдоним Клаус). Его воспоминания позволяют восстановить в памяти этот небезынтересный эпизод.

* * *

Австрия в те годы занимала особое место в мировой политике и борьбе секретных служб Запада и Востока.

В отличие от Германии, на территории которой вскоре после войны образовались два государства, отличавшихся друг от друга общественно-политическим строем и принадлежностью к противостоящим блокам, Австрия избежала деления на четыре зоны оккупации. Не было и ограничений для передвижения по секторам. В этой связи в Австрии создалось как бы свободное для инициатив противоборствующих сторон пространство. И это противоборство приобретало порой острые формы, хотя и не достигало такой напряженности, как это было в Берлине, у которого был особый статус и где периодически возникали фазы напряженности, близкие к серьезным международным кризисам.

Вместе с тем Вена, столица Австрии, стала важным центром международной политики. Она соперничала с Берлином как в силу своего среднеевропейского положения, традиционно посреднической роли между Востоком и Западом, наличию здесь ряда международных организаций, так и в силу близости к некоторым странам, входившим в Австро-Венгерскую империю, таким как та же Венгрия и ставшая внеблоковой Югославия.

Бывшие союзники СССР, опираясь на свои позиции в Австрии, вели отсюда подрывную деятельность в отношении социалистических стран, в первую очередь ГДР и Венгрии, а также Румынии и Югославии.

Особый простор в этих условиях открывался для работы спецслужб, которые пытались скомпрометировать противника, так или иначе ослабить его позиции. В числе таких попыток была и провокация с целью склонить на свою сторону консула СССР в Вене.

Чтобы читателю было легче разобраться в лабиринте хитросплетений ходов и действий задуманной акции, необходимо вернуться к работе разведчика в Берлине, где Клаус в первые послевоенные годы представлял консульскую службу.

Именно тогда состоялось его знакомство с американским журналистом Робертом Г. Профессиональный интерес Клауса к личности Г. понять нетрудно. В предвоенные годы американец в течение нескольких лет проживал в Советском Союзе, где его отец по контракту работал на строительстве одного из промышленных объектов Урала. Тогда же женился на украинке по имени Галина, с которой возвратился в США. На основании впечатлений от пребывания в Советском Союзе им была написана книга «По ту сторону Урала», достаточно объективная.

Наливайко и Г. познакомились семьями, периодически общались. Интуиция подсказывала разведчику, что Г. не совсем тот человек, за которого стремился себя выдать. Оперработник убедился в этом во время одной из встреч в доме у Г. Это было в конце 1948 года.

Не успели сесть за стол, как раздался телефонный звонок. Трубку сняла жена, но тут же передала ее Роберту. Последовали возгласы удивления, радости, а затем обращение к гостям: не будут ли они возражать, если он пригласит к ужину одного из близких друзей, который случайно оказался проездом в Берлине, а утром следующего дня должен вылететь в США. Возражений не последовало, и через 10–15 минут «друг» Г. присоединился к компании. Оказалось, что он свободно говорил по-русски.

Беседа за ужином была, как принято выражаться в подобных случаях, светской.

Вопросы политики, несмотря на то что холодная война давала о себе знать, не затрагивались. Все выглядело вполне пристойно. Но в поведении семьи чувствовалась какая-то напряженность.

Прощаясь, семья Наливайко поблагодарила за доставленное удовольствие, выразив надежду на новую встречу.

Но новой встречи в Берлине не состоялось.

Холодная война к этому времени набирала обороты. Служебные контакты между советскими и американскими представителями стали носить подчеркнуто официальный характер, частные встречи прекратились. В феврале 1952 года в связи с окончанием командировки

Клаус отбыл в Москву. Но уже спустя полтора года вновь был направлен за рубеж. На этот раз в Вену, на должность заведующего консульским отделом советской части Союзнической контрольной комиссии по Австрии (СККА).

После разрушенного войной Берлина Вена предстала во всем своем блеске. В городе совершенно не ощущалось, что он, как и Берлин, разделен на четыре сектора: СССР, США, Великобритании и Франции. Никаких запретительных или ограничительных знаков или указателей вроде «Вы покидаете советский сектор Вены» или «Вы въезжаете во французский сектор Вены» не было, не говоря уже о контрольно-пропускных пунктах или шлагбаумах. Центральная же часть Вены, так называемый международный район Ринг, вообще не подпадала под юрисдикцию бывших союзных держав.

В отличие от Берлина, военная комендатура в Вене была единая для всего города, коменданты в ней поочередно сменялись. В соответствии с этим перемещался по кругу и смешанный экипаж патрульных машин, получивший прозвище «Сердца четырех». Так называлась популярная советская кинокомедия. Не только город, но и вся Австрия не была разобщена ни в политическом, ни в экономическом плане. Полномочия австрийского президента, канцлера, правительства распространялись на всю территорию.

Приезд разведчика в Вену совпал с подготовкой СССР, США, Англией и Францией заключения с Австрией Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии. После семнадцати лет оккупации, сначала немецкими, а после разгрома Германии – союзными (СССР, США, Англии и Франции) войсками, эта страна находилась в преддверии своего возрождения – обретения суверенитета и независимости, утраченных ею в 1938 году в результате насильственного присоединения к Германии. Ожиданием этого поистине исторического события жили буквально вся страна и каждый австриец.

К этому времени американские спецслужбы и приурочили проведение задуманной акции, целью которой было скомпрометировать представителя страны, внесшей решающий вклад в разгром фашистской Германии, страны, войска которой в 1945 году освободили столицу Австрии – Вену.

Советское консульство находилось на Аргентиниен-штрассе, в богатом особняке, в советском секторе Вены. Однажды, в начале 1954 года, в консульстве раздался звонок. На противоположном конце провода оказался Г. Наливайко поинтересовался, как он здесь оказался. Г. сообщил, что в начале 50-х годов был переведен на работу в Вену, а знакомясь с новым справочником дипкорпуса (они переиздаются ежегодно) узнал, что Борис Яковлевич находится в австрийской столице. Вопрос о встрече не поднимался. Собеседники обязались передать

эту «радостную новость» и приветы женам. О звонке Г. разведчик, естественно, доложил резиденту, рассказав предысторию знакомства.

Первая их встреча после звонка в консульство произошла лишь через пару месяцев, 1 мая 1954 года, когда Клаус с женой и дочерью вышли на улицу посмотреть на организованную коммунистами совместно с социалистами демонстрацию. Колонна двигалась по одной из главных улиц центра города. Вдруг разведчик почувствовал, что кто-то трогает его за рукав. Оглянувшись, увидел улыбающегося Г. Тот показал на стоявшую поодаль жену. Встретились так, как если бы только вчера расстались. Супруга рассказала о детях. Роберт сообщил, что в ближайшие месяц-два они, видимо, покинут Вену, так как срок их пребывания в Австрии подходит к концу. Он, однако, надеется, что до отъезда им удастся встретиться. Когда и где – условились договориться по телефону. Тепло попрощавшись, американцы направились в сторону гостиницы.

Прошло около двух месяцев, Г. молчал, и Клаус стал подумывать, не уехали ли они уже домой. Но Г. объявился снова. Позвонив, он сказал, что обязательно должен увидеть русского друга, чтобы сообщить что-то очень важное. Встретиться предложил где-либо в ресторане или кафе.

Взвесив «за» и «против», было решено принять предложение, тем более что встреча предполагалась в общественном месте, к тому же совместно с женами.

Встретились они в одном из ресторанов «международного» района Вены. К моменту прихода разведчика с супругой в ресторан чета Г. была уже на месте. Заказанный ими столик находился в центре зала. После бокала шампанского супруга Г. пригласила Клауса на танец, а Роберт танцевал с его женой. По окончании танца расселись парами: отдельно мужчины и женщины. Г. явно нервничал и наконец сказал, ради чего была организована эта встреча. Один из его знакомых, по словам американца, располагает точными сведениями о том, что у Клауса якобы существуют разногласия с Кремлем, и поэтому в ближайшее время он будет отозван в Москву, где его ожидают большие неприятности. Считая Клауса своим другом, Роберт не мог не рассказать ему об этом. Больше того, он готов оказать любую помощь, хотя и не уточнял, о какой конкретно помощи могла идти речь.

Попытки разведчика выразить сомнение по поводу слов Г., поскольку для них нет никаких оснований, ни к чему не привели. Г. продолжал ссылаться на то, что человек, сообщивший ему об отзыве, имеет доступ к самым секретным сведениям. Клаус поблагодарил его за информацию и сказал, что время все расставит по местам.

Этот разговор был своего рода разведкой боем. Роберт вскоре уехал из страны. Но не прошло и двух месяцев, как оперработник стал замечать, что вокруг него происходит какая-то непонятная возня.

Как-то раз, когда он вел прием посетителей, в кабинет вошла молодая супружеская пара и буквально с порога обратилась с просьбой о предоставлении политического убежища. Он – латиноамериканец, сын потомственного дипломата, сам дипломат, работает в ФРГ. Она – немка, родом из ФРГ, в Австрию приехали на несколько дней в отпуск. Вразумительных объяснений своему шагу ни он, ни она дать не могли. Просто слышали много хорошего о Советском Союзе, а поэтому и хотят там жить. По просьбе консула они изложили в письменном виде суть вопроса, заполнили анкеты и написали автобиографии. Рассмотреть вопрос просили в ускоренном порядке. Через пару дней они вновь посетили консульство, но особого интереса к ним там опять не проявили, и они с горизонта исчезли.

Через некоторое время в конце рабочего дня в консульство ввалился огромный детина. Представившись американским студентом, обратился с просьбой об оформлении ему прямо сейчас, немедленно, визы в Советский Союз, о котором он слышал много интересного. Разыгрывая из себя простака, тут же предложил продолжить разговор в каком-нибудь ресторане. Заполнить анкеты отказался. Не встретив поддержки, покинул консульство и больше не появлялся.

Примерно в то же время консульство посетила проживавшая в американском секторе Вены местная советская гражданка. Это был не первый ее приход в консульство. Посещала она его и раньше, как и другие местные советские граждане. На этот раз она сказала, что неплохо бы консулу иногда посещать местных советских граждан на дому. Была она нарядно одета, вела себя кокетливо. Все было рассчитано на то, чтобы на нее обратили внимание как на женщину. От приглашения Наливайко, естественно, отказался, сославшись на большую занятость по работе – конец года.

Каждый из этих эпизодов сам по себе мало что говорил. Но вместе взятые они давали пищу для размышления. В остальном все как будто было спокойно. Так продолжалось до конца января 1955 года, когда ход событий ускорился.

Однажды примерно в половине двенадцатого в консульстве раздался звонок. Жена попросила срочно приехать домой, объяснив это болезнью дочери.

К этому времени наши сотрудники жили в посольстве, в английском секторе Вены. Не успел Клаус переступить порог квартиры, как почувствовал неладное. Дочь выбежала навстречу, а жена сразу же увела мужа на кухню, окно которой выходило во внутренний двор посольства, где и рассказала о случившемся. Проводив его на работу, она вместе с дочерью направилась в булочную. В двух кварталах от посольства неожиданно увидела вышедшего из машины Роберта. Объяснив, что находится в Вене в командировке, он представил вышедшего из этой же машины своего «друга». Ни имени, ни фамилии жена

не запомнила. Сказав, что у его «друга» есть важное дело к Борису, Г., сославшись на занятость, тут же удалился, сказав, что позже позвонит.

«Друг», по описанию жены, атлетически сложенный, крупный мужчина лет 40–45, достал из бокового кармана пальто пакет и на чистейшем русском языке попросил передать его непосредственно в руки мужа. Справившись с волнением, жена заявила, что никакие пакеты она принимать не собирается. Если есть нужда, он может посетить консульство и передать мужу то, что считает нужным. Американец, однако, продолжал настаивать. Говорил, будто в пакете находятся очень важные документы, что речь идет, как он выразился, о благополучии всей семьи.

Понимая, что разыгрывается провокация и помощи ждать неоткуда, она, взяв дочь за руку, быстро вошла в расположенную рядом прачечную. Отдышавшись, перешла в булочную. Купив хлеб, окинула взглядом улицу, но никого не заметила, вышла из магазина, чтобы быстрее добраться домой. Но не успела сделать и десяти шагов, как рядом с ней снова оказался все тот же «доброжелатель». Извинившись за назойливость, он сказал, что в интересах ее мужа они с Робертом не хотели бы лично появляться в консульстве. Поскольку она отказывается принять пакет, он просит ее хотя бы бегло ознакомиться с его содержимым. При этом он вытащил из конверта и развернул перед глазами жены Наливайко полосу местной газеты «Винер курир» («Венский курьер»). В глаза бросился набранный крупным шрифтом оттиск сигнального номера. Под заголовком «Советский консул – шпион» там были помещены занимающая почти всю полосу статья и две фотографии разведчика. Там же были и фотографии двух немцев – граждан ГДР, с одним из которых жена Клауса была знакома в Берлине.

Не успела она закончить рассказ, как раздался телефонный звонок. Извиняющимся тоном Роберт начал объяснять, почему они решили встретиться сначала с женой, а не с самим Клаусом. Резко оборвав его, оперработник заявил, что не ожидал от него чего-либо подобного. Жена, сказал он, сильно расстроена и от всего случившегося до сих пор не может прийти в себя, и если Г. хочет что-то сообщить, он ждет его завтра утром в консульстве. Закончив на этом разговор, Клаус повесил трубку.

Итак, разминка закончилась. Дело шло к развязке. Материал, накопленный американскими спецслужбами на нашего разведчика, видимо, было решено реализовать. Время и место действия подходящие – канун подписания Государственного договора с Австрией.

В результате анализа ситуации резидентура выработала план действий. В соответствии с ним противник должен был укрепиться в мысли, что ни оперработник, ни его жена о происшедшем с ними никому не рассказали. По окончании обеденного времени он каждый раз должен возвращаться в консульство и продолжать работу, как

если бы ничего не произошло. В гостинице «Империал», где размещалась резидентура, не появляться. Возникающие вопросы должны обсуждаться с резидентом или его заместителем в обеденное или вечернее время в посольстве.

Задача-минимум – затянуть развязку, с тем чтобы она произошла в феврале, когда во главе союзнической комендатуры будет находиться представитель советских оккупационных войск.

При личной встрече с Г. в консульстве или разговоре по телефону в качестве условия продолжения контакта настаивать, чтобы американец больше не звонил ни домой, ни на службу, а дал телефон, по которому с ним можно связаться.

Наутро Клаус был в консульстве, вел прием посетителей. Г. так и не появился. Однако не успел разведчик прийти домой на обед, как раздался телефонный звонок. Звонил Роберт. Он сбивчиво объяснил, что не пошел в консульство потому, что не хотел усугублять сложное положение, в котором оказался оперработник. Предложил встретиться в городе. Следуя тактике на затяжку, Клаус после «некоторых колебаний» дал согласие на встречу, но только с ним одним. Сказал, что о времени и месте сообщит позже, для этого попросил назвать номер телефона, по которому он мог бы связаться. Г. с готовностью назвал номер. Сам же обещал больше не звонить.

Это была, хотя и маленькая, но победа. Инициатива поддержания контакта переходила в наши руки.

Получив согласие Центра, разведчик позвонил Г. из городского телефона-автомата. Трубка была снята мгновенно. Впечатление такое, что возле телефона дежурят. На проводе был Роберт. Сверх ожидания разговор получился легким. Никаких упреков за долгое молчание. Г. соглашался со всем, что предлагал ему работник.

Видимо, после неуклюжей встречи с его женой американцы решили довольствоваться малым.

Встретиться договорились на следующий день в Штадтпарке у памятника Штраусу. Оперработник предупредил Г., что, если он будет не один, он к нему не подойдет. Г. заверил, что придет один.

С самого начала было ясно, что встречи с напарником Роберта не избежать и что последняя точка в этом противоборстве будет поставлена именно на этой встрече. Пока же резидентура знала только о сфабрикованной полосе газеты «Винер курир» с пометкой «сигнальный номер». Не было сомнений в том, что в случае неудачи в главном, к чему стремились Г. и его напарник, этот «сигнальный номер» выйдет в свет.

В назначенное время Клаус был на месте встречи. Сразу же появился Г. Он явно волновался. Инициативу разговора наш разведчик взял в свои руки, но ничего толком узнать не смог. По всем вопросам Г. отсылал его к своему напарнику – Френсису Меннингу. Итак, прог-

ноз о неизбежности встречи с напарником подтвердился, и тогда работник дал согласие на встречу с Меннингом. Но при условии, если он документально подтвердит свои полномочия на ведение переговоров. Г. попытался что-то объяснить, но оперработник прервал его, сказав, что такими вещами не шутят. На этом встреча завершилась. Разведчик сказал Роберту, что позвонит через пару дней.

Развитие событий вышло на финишную прямую.

План первоочередных, неотложных мер практически был выполнен. Наступил февраль, и союзническую комендатуру, на помощь которой в случае необходимости рассчитывала резидентура, возглавил представитель советских оккупационных войск. Противник, судя по всему, утвердился во мнении, что ни разведчик, ни его жена о случившемся никому ничего не сообщили. Инициатива в вопросе о том, когда и как встречаться, теперь принадлежала нашему сотруднику.

Дальнейшие планы сводились к следующему. Встреча с участием Меннинга проводится в общественном месте (кафе или ресторане) сразу после работы, в субботу. По ходу беседы, когда дело дойдет до шантажа, Клаус устраивает публичный скандал. О случившемся Верховный комиссар заявляет официальный протест американской стороне.

Наиболее сложным был выбор места встречи. Резидентура решила занять гибкую позицию. Предложить не одно, а несколько мест, но таких, в числе которых американскую сторону устраивало бы только одно. В результате остановились на респектабельном кафе «Гартенбау». Расположенное в центре города, к тому же в «международном» районе Вены, оно должно было заинтересовать американцев. Два других места (было решено предложить на выбор три) для американцев были неприемлемы. Одно, хотя и находилось в том же «международном» районе, довольно часто посещалось представителями советской колонии. Другое вообще располагалось в советском секторе Вены.

Прошли два мучительно долгих дня. Американская сторона строго придерживалась договоренности. Ни одного звонка.

В пятницу, накануне операции, разведчик остановил машину у телефона-автомата и позвонил своим «опекунам». Как и в предыдущий раз, трубка моментально была снята. У аппарата был Роберт. Поприветствовав его, Клаус сказал, что готов встретиться с Меннингом на следующий день в субботу вечером, после окончания работы. Сразу же поинтересовался, как обстоят дела с выполнением поставленных условий. Г. снова попытался что-то объяснить, но оперработник его прервал, сказав, что в противном случае во встрече нет смысла. Тогда американец, перебросившись несколькими словами на английском языке с Меннингом, сказал, что да, конечно, условия будут выполнены. Как бы раздумывая, Клаус назвал три заранее определен-

ных места. Г. попросил подождать. Посоветовавшись с Меннингом, он остановил выбор на кафе «Гартенбау». Все сработало, как и было задумано.

Если за сотрудником велось наружное наблюдение, а надо полагать, что так оно и было, то звонок из телефона-автомата должен был успокоить организаторов наблюдения.

Накануне вечером вместе с руководством резидентуры были уточнены детали предстоящей операции. Прикрытие в ресторане обеспечивали два человека. Физическая защита, если в этом могла возникнуть необходимость, поручалась одному из недавно прибывших в Вену сотрудников резидентуры, пока не известному американцам. Второй была переводчица резидентуры, которая также не находилась в поле зрения американцев. Ей предстояло прийти в кафе заранее, занять место поближе к входной двери и внимательно следить за тем, что будет происходить. Как только возникнет скандал, из расположенного у входа телефона-автомата позвонить в комендатуру. Действия комендатуры были четко оговорены при личной встрече с комендантом.

В субботу, 5 февраля, консул закончил работу несколько раньше обычного. Приехав домой, надел выходной костюм. При себе имел дипломатический паспорт и деньги на случай, если бы ему пришлось расплачиваться за ужин. На встречу разведчик шел спокойно, будучи уверенным в себе.

Ровно в шесть часов вечера он вошел в кафе. Оно было битком заполнено посетителями. Скользнув взглядом по залу, увидел подающего знак рукой Роберта. Нужно отдать должное Меннингу и Г.: место они выбрали грамотно. Столик на трех человек находился в левом углу задней стены зала. Рядом – вход в кухню и в рабочие помещения, а значит, и выход на улицу. Расположились они друг против друга, оставив свободным место, заняв которое, консул оказывался спиной к залу. Кроме пальмы в кадке слева, зашторенного окна перед собой и одного столика справа, он больше ничего видеть не мог. Г. оказался по левую руку, Меннинг – по правую.

Обменявшись приветствиями и представив Меннинга, Роберт предложил что-нибудь выпить.

Начало разговора было банальным: о погоде, уютной обстановке в кафе, о Вене и венцах. Оба принесли извинения за проявленную бестактность по отношению к жене дипломата. Это был мостик для перевода разговора в иное русло.

Об арсенале средств воздействия, к которым Меннинг намеревался прибегнуть с целью склонения сотрудника к переходу на Запад, можно было только догадываться, о них говорил состряпанный ЦРУ номер газеты «Винер курир». Клаус занял выжидательную позицию, в основном слушал, отделывался малозначащими репликами.

Но ничего нового в обоснование мотивов, почему они решили оказать ему «помощь», сказано не было. Когда речь зашла о матери-

альных благах, которые, по словам Меннинга, ожидали разведчика в случае согласия обосноваться в США, проще выражаясь, изменить Родине, разведчик, прервав Меннинга, сказал, что прежде чем обсуждать конкретные вопросы, он хотел бы убедиться в его полномочиях. Меннинг ответил, что от Г. ему известно о поставленном требовании, и что такими полномочиями он располагает. Но документ исполнен на английском языке, которым дипломат, насколько ему известно, не владеет. Несколько блефуя, Клаус ответил, что хотя его познания в английском ограничены, но для того, чтобы разобраться, о чем идет речь в документе, их будет вполне достаточно.

Все шло к тому, что через пару минут документ мог оказаться в руках нашего сотрудника. Но как его удержать у себя? Их двое. Причем Меннинг – атлетически сложенный мужчина, на голову выше нашего разведчика.

Успех могли обеспечить только неординарные, решительные действия. Отсчет времени шел на секунды. Разведчик заказал свежий бокал пива. Затем, обращаясь к Меннингу, попросил его дать документ для ознакомления. Не торопясь тот вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенную вчетверо плотную бумагу, развернул ее и придвинул к разведчику, не выпуская, однако, из рук. Тут наш сотрудник сделал вид, что оскорблен, и заявил, что если к нему нет доверия даже в таком малом деле, то вообще больше не о чем говорить. Одновременно, привстав со стула, дал понять, что уходит. Это подействовало на Меннинга. Он извинился. Сказал, что его неправильно поняли, выпустил документ из рук, попросив, однако, ознакомиться с ним незаметно для соседей. Положив документ на колени, оперработник стал его изучать. Именно рассматривать и изучать, а не читать. Английского языка он действительно не знал, но разобрался в том, что датирован он восемнадцатым января, выдан госдепартаментом, в тексте фигурировала вся его семья. В верхнем левом углу – большая тисненая печать. Внизу подпись, чья – разобрать он, естественно, не мог. Меннинг и Г. внимательно наблюдали. Между тем официант принес три бокала пива, пожелал приятного аппетита и удалился. Продолжая держать документ в левой руке и делая вид, что внимательно вчитывается в него, разведчик взял в правую руку бокал и мгновенно выплеснул его содержимое в лицо Роберту. Позже пожалел, что по левую сторону сидел Г., а не Меннинг. Тут же поставив бокал на стол, переложил документ в правую руку и, засовывая его в карман, левой нанес пощечину Меннингу. В отличие от Роберта, растерянно стоявшего у стола и утиравшего носовым платком лицо, Меннинг быстрым движением схватил Клауса за правую руку, которую тот еще не успел вытащить из кармана и пригнул к полу, согнувшись сам. Но было поздно. Документ был уже спрятан во внутренний карман пиджака. В этот момент к столу подскочил наш «телохрани-

тель» и нанес Меннингу скользящий удар по шее. От неожиданности тот вскочил на ноги, схватил стоявший рядом стул, поднял его вверх и занес для удара по выходящему на улицу огромному окну, намереваясь, видимо, таким путем покинуть кафе. Увидев, однако, что его никто не похищает, Меннинг поставил стул на место. Между тем посетители поднялись со своих мест и приблизились к дерущимся. Появился хозяин кафе в сопровождении официантов.

Громко, чтобы все слышали, Клаус на немецком языке выразил возмущение провокационными действиями в отношении советского консула со стороны американцев. По реакции зала он почувствовал, что симпатии посетителей на его стороне. Широко распахнулась входная дверь, и в кафе ворвались человек пятнадцать гренадеров в черных шинелях и касках с двумя огромными немецкими овчарками на поводке. Консул даже растерялся. Но тут же сообразил, что это австрийская полиция. Видимо, хозяин или кто-то другой из обслуживающего персонала позвонил по телефону в расположенный за углом полицейский участок, и буквально в считанные минуты команда была на месте. Поскольку конфликт произошел между представителями оккупационных властей, полицейские ограничились лишь тем, что, выстроившись полукольцом, отделили троих от остальной публики.

Спустя несколько минут прибыла патрульная машина межсоюзнической комендатуры. Представившись советским консулом и проинформировав прибывший наряд о существе конфликта, Клаус попросил доставить американцев в комендатуру с целью установления их личностей. Меннинг тут же заявил, что без представителя американского консульства они кафе не покинут и ни в какую комендатуру не поедут.

По распоряжению старшего патрульной команды ее американский представитель связался по телефону со своим руководителем и попросил направить на место конфликта представителя консульства.

Считая свою миссию оконченной, австрийская полиция покинула кафе. Через несколько минут подъехала машина с американским дипломатическим представителем. Тот пригласил Меннинга и Г. в свою машину, в которой они и были доставлены в комендатуру.

Публика успокоилась и снова расселась за свои столики. Разведчик остался один. Справившись у официанта, оплачен ли счет, и получив утвердительный ответ, направился к выходу.

Пройдя несколько шагов, увидел своего доброго «телохранителя». Пожав друг другу руки, они молча пошли дальше. Не доходя до гостиницы, тот достал из кармана и передал консулу пакет, спрятанный американцем во время конфликта за кадку с пальмой. Как выяснилось позже, в пакете находился тот самый злополучный но-

мер газеты «Винер курир». Видимо, испугавшись захвата, Г. решил избавиться от компрометирующего материала.

Придя в гостиницу, консул застал улыбающегося резидента, его заместителя, участвовавшую в операции переводчицу и шифровальщика. О финале операции они уже были информированы. Комендант доложил, что оба американца доставлены в комендатуру.

Клаус передал резиденту отобранный у Меннинга документ.

Вот текст этого документа:

Государственный департамент
Соединенных Штатов Америки
Вашингтон
18 января 1955 г.

СПЕЦИАЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

В соответствии с решением государственного секретаря и службы иммиграции и натурализации разрешено обоснование в США на жительство в соответствии с законом № 110 поименованным лицам:

Борису Я. Наливайко, 2-му секретарю, консулу Посольства СССР в Вене.
Янине А. Наливайко, жене.
Светлане Наливайко, дочери.

Поименованных лиц поручено сопровождать полковнику американской армии Ф. Меннингу. На этого офицера возлагается ответственность за соблюдение процедур, предусмотренных законом № 110, которым он должен неукоснительно следовать.

Главе миссии США в Австрии, равно как и главнокомандующему Вооруженными силами США в Австрии предписывается оказывать полковнику Меннингу всяческое содействие в успешном выполнении возложенной на него миссии.

За госсекретаря
(подпись)

Специальный помощник
Роджер Д.Форксварт

В тот же вечер Верховному комиссару США в Австрии Л.Е. Томсону была направлена нота протеста по поводу провокационных действий американских официальных лиц в отношении советского дипломата.

В воскресенье об инциденте знала вся Вена. Что касается отобранного у Меннинга документа, то об этом не упоминалось ни в ноте протеста, ни в газетах. Сделано это было резидентурой сознательно, по тактическим соображениям.

Спустя два дня, во вторник, австрийские газеты опубликовали краткую информацию американской стороны, из текста которой вы-

текало примерно следующее: американский гражданин Роберт Г., по профессии журналист, проходивший службу после разгрома фашистской Германии в Берлине, в настоящее время заканчивает работу над книгой, в которой он на основании личных впечатлений описывает Германию тех лет. Для сбора недостающего материала прибыл в Европу, где решил встретиться для уточнения некоторых деталей со своим старым знакомым по Берлину, ныне советским консулом в Вене. Во время встречи, состоявшейся в конце января, консул неожиданно для Г. обратился к нему с просьбой оказать содействие в выезде в США. Не зная, как это делается, Г. пообещал организовать встречу консула с кем-либо из американцев, компетентных в такого рода делах. Когда же такая встреча состоялась, консул учинил скандал и обвинил обоих в провокации, которую сам и организовал. Аналогичным по содержанию, хотя и без подробностей, был и ответ заместителя Верховного комиссара США Д.К. Пенфилда на наш протест.

Проанализировав то и другое, резидентура пришла к выводу о том, что Меннинг скрыл от местного руководства факт утраты выданного ему госдепартаментом США документа. На следующий день на страницах австрийских газет появилась фотокопия изъятого у Меннинга документа с комментарием, в котором отметалась американская версия. Отмечалось, что документ госдепартамента, разрешающий консулу и его семье обосноваться в США, датирован восемнадцатым января, тогда как, согласно американской версии, советский консул обратился за помощью к Г. в последних числах января.

Спустя еще два дня газеты опубликовали официальное сообщение о том, что полковник Меннинг и Роберт Г. отбыли самолетом в США. Американцы не рискнули пойти на резервный вариант компрометации нашего работника. Ведь сигнальный номер газеты «Винер курир» тоже оказался в наших руках.

23 февраля в посольстве состоялся традиционный прием по случаю Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота. Это был первый после событий 5 февраля выход нашего сотрудника в свет. Он невольно оказался чуть ли не в центре внимания. Наибольший интерес, как это ни странно, проявляли американцы. Многие из них подходили к нему, подтрунивали над своими незадачливыми соотечественниками. На предложение выпить по случаю праздника с юмором отвечали, что с удовольствием, но только не пиво.

15 мая во дворце Бельведер состоялась церемония подписания Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии. Со стороны союзников в ней приняли участие специально прибывшие для этой цели министры иностранных дел: СССР – Молотов, Англии – Макмиллан, Франции – Пине и государственный секретарь США Даллес. После подписания договора все

они вышли на центральный балкон дворца вместе с канцлером Австрии Раабом и министром иностранных дел Фиглем, державшими в вытянутых вверх руках раскрытую папку с договором. Их приветствовали тысячи ликующих венцев, собравшихся на огромном зеленом газоне перед дворцом.

В тот же вечер во дворце Шенбрунн, летней резиденции Габсбургов, правительством Австрии был дан большой прием, а через полгода, 25 октября, территорию Австрии покинул последний чужеземный солдат.

22

Операция «Черепаха»

Рождественские праздники в Германии, как и во всей Европе, – веселые, праздничные дни. Дети и взрослые заняты приятными хлопотами – покупают подарки, различные шутки-хлопушки. К столу готовят традиционного рождественского гуся.

Но резиденту внешней разведки КГБ СССР в Бонне в декабрьские дни 1957 года было не до праздников. Он уже третий день держал под рукой телеграмму из Центра, в которой говорилось: «Примите меры по получению необходимых сведений о последнем заседании начальников штабов стран НАТО в Брюсселе по вопросу об увеличении количества ядерного вооружения в Европе».

К этому времени ему подготовили список лиц, которые могли располагать необходимыми сведениями о последнем заседании начальников штабов стран НАТО. В нем были высокопоставленные сотрудники МИД ФРГ, Ведомства канцлера, несколько генералов бундесвера и две секретарши, занимавшиеся обработкой материалов.

Прямых подходов к этим лицам у резидентуры не было, а время шло – задание Центра было довольно срочное. Резидент по нескольку раз задумчиво рассматривал женские фотографии. Особенно одну из них – белокурую женщину с большими темными глазами, которую он для себя окрестил «Маргарет».

Сумели получить краткую характеристику «Маргарет»: немка, тридцать лет, с мужем разведена, детей нет, очень привлекательной внешности, к мужчинам неравнодушна, но в связях разборчива, так как хотела бы иметь постоянного партнера. Увлекается танцами, посещает танцевальные клубы. Узнали и адрес в Бонне, где «Маргарет» жила одна.

* * *

Из дверей танцевального зала то и дело выбегали разгоряченные парочки, подъезжали и отъезжали автомашины, слышались смех и музыка.

На противоположной стороне улицы около табачного киоска стоял высокий молодой человек в темном демисезонном пальто и серой велюровой шляпе. Он внимательно всматривался в лица людей около танцзала, особенно тех, которые входили и выходили из него.

Неожиданно в дверях появился мужчина в накинутом на плечи пальто. Он скрылся среди машин на автомобильной стоянке, через некоторое время подъехал к выходу на большом «форде» и остался сидеть за рулем. Мужчина у табачного киоска насторожился. Вскоре из дверей вышли две девушки и парень в кожаной куртке. Все трое, весело смеясь, сели в машину, и «форд» сорвался с места. В одной из женщин наблюдатель узнал ту, которую ждал. Он не спеша прикурил от дорогой модной зажигалки и незаметно посмотрел на маленькую фотографию, которую прижал к коробке сигарет. Сомнений не было. Это была «Маргарет».

На другой день «Марчелло», симпатичный 33-летний итальянец, купил огромный букет роз и направился по известному ему адресу к «Маргарет». Лицо у «Марчелло» смуглое, глаза карие, такие же, как у «Маргарет», на лбу – маленький старый шрам, оставшийся от ранения, который в глазах женщин придавал ему особую привлекательность.

Поднимаясь по лестнице на третий этаж дома, где жила «Маргарет», «Марчелло» еще раз мысленно повторил свою легенду. Он журналист-международник, интересуется проблемами вооружения, живет с матерью в Кёльне, в Бонн приехал на несколько дней в одну из редакций. А вчера на танцах увидел «Маргарет» и решил с ней познакомиться.

«Марчелло» действительно был профессиональным журналистом-международником, который сотрудничал не только со множеством газет и журналов, но и с советской разведкой, вот уже несколько лет поддерживал с ней тесные отношения. Профессия свободного журналиста, то есть человека, не связанного по работе с конкретной редакцией, позволяла ему беспрепятственно выезжать в различные города.

Перед дверью «Марчелло» остановился, задумался и потом резко нажал на кнопку звонка. Никто не открывал. «Марчелло» позвонил еще раз. Наконец послышались шаги, и дверь открылась. На пороге, одетая в домашний халат, стояла «Маргарет». Сегодня она показалась «Марчелло» еще более привлекательной, хотя и была в домашней одежде.

– Вам кого?! – молодая женщина с удивлением и любопытством смотрела на высокого, красивого мужчину, на его загорелое лицо и маленький, еле заметный шрам на лбу. Но чаще всего ее взгляд останавливался на большом букете чайных роз.

– Вам кого? – повторила она свой вопрос, не спуская глаз с нежных бело-розовых лепестков.

– Вас, – «Марчелло» снял шляпу и улыбнулся, от чего его лицо стало более приветливым.

– Меня? – с еще большим удивлением и смущением спросила «Маргарет».

– Да, вас.

– Но я вас не знаю, впервые вижу...

– То, что вы меня не знаете, это верно, а то, что впервые видите, – нет. Я вчера даже танцевал с вами.

– Я вчера со многими танцевала, но вас не помню, – тихо сказала «Маргарет». Потом, уже совсем смутившись, спросила: – И цветы мне? – и вдруг, спохватившись, скороговоркой произнесла: – Что же мы стоим на пороге, проходите в квартиру.

«Маргарет» пригласила «Марчелло» в небольшую, со вкусом обставленную столовую, предложила сесть в кресло, налила воды и поставила цветы в вазу, включила на кухне чайник и, извинившись, ушла переодеваться. Через несколько минут они уже сидели за столом и пили кофе. А «Маргарет» с нескрываемым любопытством смотрела то на «Марчелло», то на стоящие между ними цветы.

– Так вы говорите, – продолжала «Маргарет» прерванную беседу, – что вчера танцевали со мной. Может быть. Но как же вы узнали мой адрес?

– Вы мне так понравились, что я решил дождаться, когда вы покинете зал, взял такси и проследовал за вашей машиной.

И «Марчелло» подробно описал спутников «Маргарет» и автомашину, на которой они уехали.

– Но я даже не знаю, как вас зовут... – «Маргарет» покраснела.

– А я вас, – рассмеялся «Марчелло» и поцеловал ей руку.

Так состоялось знакомство.

* * *

В тот первый вечер, когда они познакомились, «Марчелло» мог бы остаться на ночь, но сознательно не сделал этого, а вернулся ночевать в гостиницу. В ближайшее воскресенье они ездили вдвоем на прогулку за город, и опять «Марчелло» на ночь вернулся в свой отель. Его поездки в Бонн становились все более частыми – то в редакцию газеты «Анцайгер», то в другую, а отношения с «Маргарет» все ближе и крепче. И только когда «Марчелло» убедился, что «Маргарет» всей душой привязалась к нему, он позволил себе близость с ней.

«Маргарет» интересовалась его работой, и «Марчелло» рассказывал ей о своих поездках не только по городам Германии, но и в другие европейские страны.

В одну из ночей «Маргарет», в свою очередь, рассказала, где ей приходилось бывать за границей, и в частности о последней поездке в Брюссель. Говоря об этом, она заметила, что генерал, с которым она

ездила в Брюссель и у которого работает секретарем, предлагает ей выйти за него замуж.

– Но он намного старше меня, – «Маргарет» сделала паузу и нежно прижалась к «Марчелло». – А теперь я не знаю, как мне быть...

«Марчелло» уже не в первый раз повторял, что он убежденный холостяк, никогда не был женат и не собирается этого делать.

Рассуждая с «Маргарет» о ее предстоящем замужестве, «Марчелло» больше всего интересовался содержанием заседания начальников штабов стран НАТО и, наконец, попросил ее, при возможности, показать ему конкретные документы, на основании которых он сможет более правдоподобно подготовить свои статьи, а на полученный гонорар купить ей подарок.

На другой день в обеденный перерыв «Маргарет» принесла обещанные документы. «Марчелло» в тайне от «Маргарет» переснял их, и она отнесла бумаги на прежнее место. Задание было выполнено.

«Маргарет» передала «Марчелло» копию протокола секретного заседания начальников штабов НАТО в Брюсселе. Выяснилась расстановка сил между государствами – членами Североатлантического блока и их позиции в отношении членов Варшавского договора.

* * *

Вернувшись в Восточный Берлин, «Марчелло» доложил резиденту о решении поставленной задачи и установлении близких отношений с «Маргарет», которые позволили выполнить это задание. Неожиданно резидент рекомендовал «Марчелло» продолжать и расширять добрые отношения с «Маргарет», учитывая ее связи в структурах НАТО. Резидент рассчитывал, что «Марчелло» таким путем сможет и в дальнейшем получать секретные документы из штабквартиры НАТО.

Так он и поступил, хотя, возвращаясь из Бонна и считая задание полностью выполненным, не собирался поддерживать отношения с «Маргарет».

Неожиданное предложение резидента одновременно взволновало и обрадовало «Марчелло». Ему действительно нравилась эта красивая и умная женщина, был по душе ее ровный, некапризный характер.

Но «Маргарет» стремилась выйти замуж, хотела иметь постоянного спутника жизни, а «Марчелло» совсем не собирался расставаться со своим холостым положением.

«Ну ладно, – думал «Марчелло», прижимая букет чайных роз, – будь что будет, дальнейшая жизнь покажет...»

Он знал, что она любила чайные розы, предпочитая их другим цветам. А ему нравилось, даря цветы, видеть радость в глазах «Маргарет».

Они часто проводили время вместе. Гуляли по Рейнской набережной в Бонне. Ездили в Кассель, побывали в замке Вильгельма и государственном музее немецких обоев. Были на острове Нойверк под Гамбургом, на который во время отлива можно проехать по морю на телеге.

Шли годы. Отношения «Маргарет» и «Марчелло» постоянно крепли. Они все больше времени проводили вместе. «Марчелло» практически привлек «Маргарет» к постоянному сотрудничеству с советской разведкой, не раскрывая полностью все карты, то есть, как говорят в разведке, «втемную». Резидент оказался прав. «Маргарет» постоянно передавала «Марчелло» секретные документы о позиции НАТО и других блоков, созданных по инициативе США, которые он просил достать под предлогом написания журналистских статей. Ослепленная любовью, она не очень задумывалась над их действительным назначением. А «Марчелло» подчас показывал ей «свои» статьи на эту тему в центральных газетах и журналах ФРГ, а если там были указаны другие фамилии, то объяснял, что это его журналистские псевдонимы. На гонорары преподносил «Маргарет» подарки.

В результате советская разведка долгие годы располагала возможностью получать документальную информацию не только по органам НАТО, но и секретную документальную информацию о деятельности и намерениях правительств ФРГ и Западного Берлина.

Однажды «Марчелло», уезжая в очередную командировку, подарил «Маргарет» в память об их встречах маленькую черепашку, которую назвал ее именем.

Но все в жизни подходит к своему концу. По ряду обстоятельств «Марчелло» долгое время не был в Бонне, а когда приехал вновь в этот город, то узнал, что «Маргарет» вышла-таки замуж за старого генерала и переехала на другую квартиру. Уезжая, она не забыла взять с собой и маленькую черепашку.

23

«Роз-Мари»

Людей, о которых я хочу рассказать, к сожалению, уже нет в живых. Остались только щемящая душу и сердце память об их обреченной любви и случайная, обломанная по краям цветная фотография. Почти полвека назад, в самом конце 40-х годов, она была, очевидно, сделана уличным фотографом у шумных, пенистых порогов водопада, что в полутора десятках миль к северо-западу от Вашингтона.

Не берусь утверждать (этого уже никто и никогда не узнает), но снимок двух беспечно улыбающихся людей совпал, как мне кажется, с началом их знакомства. Во всяком случае ни до, ни после этой встречи они не бывали в тех краях, как и не оказывались дважды в одном и том же месте. Но на то были свои серьезные причины.

С фотографии на меня смотрят двое симпатизирующих друг другу молодых людей, совсем не ожидавших, что бесстрастный объектив фотокамеры выберет их из досужей толпы туристов. В удивительно похожем на всеобщего любимца начала 40-х годов киноактера Евгения Самойлова я сразу же узнал Алексея Кирилловича Морозова – молодого тогда дипломата, чуть ли не прямо с фронта приехавшего работать в наше посольство в США. Еще до войны он окончил краткосрочные курсы дипломатов при НКИД и готовился к распределению.

Женщина была мне не знакома. Копна черных как смоль вьющихся волос обрамляла румяное лицо с широко расставленными темно-синими глазами.

– Это Ева Фишер, – сказал мне сотрудник архива разведки. – Разве вы никогда ничего не слышали о ней?

В ответ я только покачал головой и пожал плечами.

– Это было мое первое оперативное дело, над которым я начал работать, будучи еще очень молодым сотрудником разведки. Помню, поначалу руководство отдела отнеслось к этой истории как к баналь-

ной «лав стори» и не придало ей большого значения. Меня же заставили подготовить в вашингтонскую резидентуру телеграмму примерно такого содержания:

Вашингтон, тов. Климу[1]

Как нам стало известно, один из ответственных сотрудников посольства (отныне Жених) установил подозрительные внеслужебные связи с американской гражданкой (отныне Роз-Мари), которая подозревается в сотрудничестве с местной контрразведкой. Учитывая возможность организации провокации против Жениха со стороны американских спецслужб, предлагаем провести с ним профилактическую беседу с напоминанием основных правил поведения советских граждан за границей. В ходе беседы дать понять Жениху, что в случае продолжения несанкционированного контакта с Роз-Мари он будет отозван из служебной командировки для дачи соответствующих разъяснений.

– А информация, я помню, – продолжал сотрудник архива, – была получена из самого что ни на есть «надежного источника» – от жены Алексея Морозова. В беседе с одной из посольских дам она ревниво посетовала, что муж стал чаще задерживаться на работе и пару раз его случайно видели в обществе молодой женщины во время посещения художественных салонов. Позже Алексей объяснил жене, что это Ева Фишер – американский искусствовед. Ее родители – выходцы из России, и она намеревается с помощью государственного департамента и посольства СССР в Вашингтоне организовать выставку картин старых русских мастеров в одной из местных картинных галерей.

Все так и было. Алексей не лгал. Он вообще не имел этой привычки. Единственное, на что он был способен в этой ситуации, – это не сказать всей правды, кое о чем умолчать. Но о самом главном – чувстве душевной нежности к Еве – он все-таки промолчал.

Вскоре эта нежность переросла в страсть, в муку ожидания предстоящей встречи, которую нарушителям «морального кодекса» все труднее и опаснее было организовывать. На какие только наивные хитрости не шли влюбленные! Но судьбе было угодно, чтобы развязка этой романтической истории пошла по совершенно непредсказуемому и неожиданному пути. А произошло это так.

Неотложные посольские дела не позволили в течение двух недель Алексею даже на минутку увидеться со своей возлюбленной.

Наконец жизнь вошла в нормальное для Алексея русло, и влюбленные встретились в одном из пригородных ресторанчиков.

– Я много думал о нас с тобой, Ева, – Алексей нежно погладил изящную руку девушки с безукоризненным маникюром. – Что же бу-

дет у нас дальше? Каждую минуту я думал о тебе, буквально представлял себе, где ты находишься, как выглядишь, чем занята. Мне даже иногда казалось, что я слышу твой голос...

– Я тоже все это время в душе была с тобой. Но в отличие от тебя у меня была возможность следить за тобой более предметно. – Ева игриво взглянула на взволнованного мужчину.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Алексей.

– Не беспокойся, милый, пока мы вместе, нам ничто не угрожает. Кроме, конечно, твоей жены и «всевидящего ока» сотрудников вашего посольства...

– А пресловутый «колпак» Эф-би-ай? – возразил Алексей.

– А это пусть тебя не тревожит. Я... и есть Эф-би-ай, ФБР, – запинаясь, словно не выучившая урок школьница, выдохнула Ева и тут же добавила: – Успокойся. Я знаю все о тебе и твоих друзьях по работе в посольстве. Я получаю и каждый день передаю руководству ФБР сводки негласного наблюдения за вами. Я знаю практически всех, кто за вами следит, кто вербует провокаторов и кого именно, знаю, на кого ФБР особо «положило» свой глаз и кого намерено попытаться привлечь к тайному сотрудничеству. Но я люблю тебя, Алексей, и не причиню вреда. Можешь мне верить и на меня рассчитывать.

– Так ты с самого начала разыгрывала со мной эту комедию? – почти шепотом спросил ошеломленный Алексей.

– Нет, дорогой! Встретились мы с тобой совершенно случайно, и ты моя первая и единственная любовь. Я проклинала себя, что не рассказала тебе обо всем раньше, но я боялась потерять тебя, оттолкнуть, напугать... Я делаю все, что в моих силах, чтобы отвести от тебя наших сотрудников. Я объясняю нашему руководству, что лично хочу добиться успеха в работе с тобой и что мне уже многое удалось... Ради тебя, ради нашего счастья и нашего будущего я в любой момент, когда скажешь, могу доказать тебе искренность своих чувств. Может быть, это хоть как-то поможет тебе разобраться...

Ева с волнением раскрыла расшитую черным бисером сумочку.

– Вот, Алеша! Возьми это. Можешь выкинуть сразу, можешь прочитать и передать в свою службу безопасности. Это для меня уже не важно. В этом пакете мой страх, моя судьба. Если его найдут у тебя или у меня – конец. В лучшем случае каторжная тюрьма...

Морозов неуверенно взял пакет и заглянул внутрь.

– Что это?

– Секретные отчеты агентов ФБР за прошлую неделю о слежке за советским посольством. Это не оригиналы, их я должна была передать руководству, – пояснила Ева, – а копии. Я сняла их сама. Если твое начальство заинтересуется моими сведениями (она употребила именно это слово), то я прошу тебя организовать мне личную встречу с ответственным сотрудником вашего посольства, чтобы узнать, чем именно я могу быть вам полезной...

Москва, товарищу Бирюкову (лично).
Вне очереди

Жених после проведенной с ним по указанию Центра обстоятельной двухчасовой беседы не внял нашим рекомендациям и продолжил тайные встречи с Роз-Мари, о чем позднее доложил руководству посольства. Он вынужден был это сделать, поскольку Роз-Мари передала ему сегодня копии с секретных документов ФБР о деятельности американских спецслужб против совучреждений в Вашингтоне. Свой поступок она мотивировала любовью к Жениху и желанием обезопасить его и его друзей от возможных акций со стороны американской контрразведки. Роз-Мари проявила готовность и в дальнейшем снабжать нас подобной секретной информацией. В настоящее время осуществляется обработка и перевод полученных от Роз-Мари материалов. В связи со сложившейся ситуацией полагаем целесообразным передать Роз-Мари на постоянную связь опытному сотруднику резидентуры Питеру и вывести Жениха из дальнейших оперативных акций, связанных с данной операцией. Дальнейшее пребывание Жениха в Вашингтоне – на усмотрение его ведомства и Центра. Нами прорабатывается возможность аргументированного возвращения Жениха на Родину. Прошу указаний. Клим.

Ответ не заставил себя ждать. Складывалась далеко не ординарная ситуация, и в Центре ее прочувствовали раньше и глубже, чем на месте действия.

Вашингтон, товарищу Климу (лично).
Вне очереди

Центр проанализировал полученные от Роз-Мари материалы и высоко оценил их оперативную значимость и возможность их получения в дальнейшем. Необходимость поддерживать постоянный контакт с Роз-Мари несомненна. Передачу ее на связь Питеру считаем непредсказуемой по возможным последствиям, а потому – ошибочной. Контакт с Роз-Мари должен поддерживать только Жених, четко проинструктированный вами по вопросам всесторонней конспирации. Завтра вы получите вопросы, которые необходимо выяснить у Роз-Мари во время ее очередной предстоящей встречи с Женихом. Примите меры, чтобы никакие личные и домашние тревоги не отвлекали Жениха от встречи с Роз-Мари и выполнения наших поручений. Бирюков.

Так благодаря решению Центра встречи Алексея с Евой участились. Им было хорошо вдвоем, они забывали обо всем и обо всех на

свете, и каждое их свидание казалось лишь прелюдией к новому, еще более горячему и радостному. Они забывали об опасности, подстерегавшей их на каждом шагу, наивно полагая, что все образуется, утрясется, обойдет их стороной.

Но так не мог думать резидент разведки, справедливо полагавший, что необходимо принять все возможные меры для обеспечения их безопасности, чтобы не дать возможности агентам ФБР напасть на след влюбленных. В резидентуре в узком кругу было проведено специальное совещание по вопросу обеспечения безопасности Жениха и Роз-Мари, причем никому из участников не были названы имена подлинных персонажей этой важной и деликатной операции. Каждый из присутствовавших получил от резидента персональное задание: один подбирал места встреч, другой разрабатывал маршруты проверок, третий придумывал комбинации для отвлечения сотрудников наружного наблюдения ФБР.

Наиболее трудную и деликатную роль взял на себя резидент – человек немолодой и опытный в жизненных коллизиях. Ему пришла в голову идея загрузить впечатлительную Людмилу Васильевну – жену Алексея – полезной работой и отвлечь ее от опасных для дела мыслей о внеслужебной активности мужа. Так Морозова стала отвечать за культурно-массовый сектор профкома советского посольства в Вашингтоне.

И произошло просто чудо! Если раньше коллективные выходы в город на экскурсии или поездки по памятным местам близлежащих штатов были большим событием в жизни советской колонии в Вашингтоне, то теперь, с приходом на пост культорга Людмилы Васильевны, все переменилось.

Путешествия и экскурсии стали организовываться в будни, а не в воскресные или праздничные дни, что вызывало некоторое удивление. Но организаторы нашли вполне убедительное объяснение: в будни все значительно дешевле и нет большого наплыва местных американских экскурсантов. И только посвященные знали подлинную причину такого графика путешествий: как только посольский автобус, ведомый «капитаном команды» Людмилой Васильевной Морозовой, покидал пределы округа Колумбия, Алексей, как и было условлено заранее, исчезал с работы, чтобы отправиться на встречу с Евой.

Темы для бесед и воспоминаний у них всегда находились. Говорили о детстве, о годах студенчества, об увлечениях. Алексей рассказывал о войне, в которой ему довелось участвовать, а Ева – об обстановке в высшем эшелоне гуверовского ФБР. Она рассказывала, почему ее, бакалавра искусств, вдруг «потянуло» в опасную сферу полицейской службы, которая тогда буквально помешалась на охоте за «красными». Атмосфера «маккартизма» душила Америку в те годы.

Иногда заходила речь о семейной жизни Алексея и о его жене Людмиле Васильевне. Именно во время одной из таких бесед Ева,

оторвав взгляд от вязания, спокойно, даже как-то излишне буднично сказала:

– А знаешь, Алеша, на днях я получила любопытное предложение! Какое, ты думаешь?

– По работе? – спросил Алексей.

– Нет, личное.

– Уж не любовное ли? – в шутку заметил Алексей.

– Точно! Как ты угадал?

– Я был бы удивлен, если бы такой красавице, как ты, подобного рода предложения не делались каждый божий день.

– Такие, как это, – задумчиво ответила Ева, – нет. И сделал его мой старый друг по университету. Я была даже когда-то чуточку в него влюблена. Его зовут Марк Гольдберг. Он учился курсом старше меня и пытался за мной ухаживать. Так вот: на днях Марк позвонил мне на работу и пригласил на ланч. Мы встретились, и Марк сразу перешел к делу. Он позвал меня с собой в Калифорнию, причем навсегда.

Холодная испарина выступила на лбу Алексея. Он никак не ожидал такого поворота.

– Ты шутишь, Ева? Разыгрываешь меня?

– Отнюдь нет. Марк и раньше намекал на такую возможность, но я всегда уходила от этого разговора. Теперь же, кажется, он поставил вопрос ребром. У него недавно умер в Сан-Франциско отец – владелец второй по влиянию и объему операций страховой компании в Калифорнии, и Марк стал единственным наследником отцовского бизнеса и капиталов. Вот он и решил пригласить меня к себе «в дело» не только в качестве компаньона, но главным образом – жены.

– И что ты ему ответила?

– Как и раньше – ничего. Хотя, сам понимаешь, такой шанс в жизни может и не повториться. Но я люблю тебя, и это заставляет меня не торопиться с ответом Марку. Да и наша с тобой общая работа еще не закончена...

Резидент, которому Алексей на следующий день подробно рассказал об этой встрече с Евой, понял, что в этот момент нельзя терзать душу человеку, который и так не находил себе места. Он всячески попытался ободрить Алексея, успокоить его, воздать ему должное за «в высшей степени ответственную и важную для Родины работу». Свои же личные эмоции резидент доверил только телеграфному бланку.

Москва, товарищу Бирюкову (лично).
Вне очереди

Во время очередной встречи Жениха с Роз-Мари произошло неожиданное осложнение. Роз-Мари сказала, что может навсегда поки-

нуть работу в интересующем нас ведомстве и переехать на постоянное место жительства в Калифорнию. Причина – ее возможное замужество. Полагаю, что такой поворот событий таит серьезную угрозу для нашей работы с Роз-Мари.

Знойное, душное вашингтонское лето наступило в тот год как-то сразу, минуя свежесть и радость весенней прохлады. На улицах опустевшего Вашингтона уже начал плавиться асфальт.

Алексей в ту ночь перед очередной встречей с Евой почти не спал. Влажная подушка то и дело соскальзывала на пол, а простыня скатывалась в тугой жгут. Мысли о предстоящей встрече не выходили из головы. Он понимал, что стал «жертвой обстоятельств», которые сложились против него. Особенно его беспокоила какая-то двойственность и неестественность ситуации: с одной стороны, по-мальчишески пылкая любовь к Еве, с другой – желание как можно лучше и честнее выполнить свалившуюся на него нежданно-негаданно «тайную миссию». Но эти ночные мысли так ни к чему и не привели, и жизнь ему казалась безысходной. Он ничего не мог изменить.

Утром он сел в раскаленную беспощадным солнцем машину, чтобы, оторвавшись от возможной слежки, к вечеру приехать на место свидания с Евой. Он знал точное время работы «полицейского караула» – двух–четырех бригад наружного наблюдения, которые почти круглосуточно, сменяя поочередно друг друга, следили в разгар холодной войны практически за всеми сотрудниками советских представительств и учреждений в Вашингтоне. Знал он и о графике, выработанном ФБР для него самого.

Алексей с ветерком промчался через пустынный еще мэрилендский пригород Силвер-спринг, свернул на Белтуэй – вашингтонскую двенадцатиполосную кольцевую автодорогу и, смешавшись с общим потоком, поехал в сторону ближайшего съезда с автодороги, где можно было почти безошибочно определить наличие полицейской слежки. Фэбээровский «хвост» далеко не всегда был на высоте положения и безупречно выполнял роль невидимых сыщиков: они то сближались почти бампер в бампер с машиной своего «объекта», то отпускали его на довольно значительное расстояние, чтобы сменить парики, наклеить усы и даже поменять автомашины. Но если преследователи получали приказ «постараться» – тут уж, как говорится, пиши пропало. К слежке сразу же подключались бригады других «объектов», иной раз вступал в дело полицейский вертолет, который с воздуха корректировал «погоню за зайцем». Тогда еще сравнительно редко применялись технические уловки. Встраивать радиомаяки в корпус или обшивку автомобиля бригады наружного наблюдения стали чуть позднее.

Но в то утро Алексей не заметил за собой ничего подозрительного. Очевидно, так оно и было. Поэтому, пропетляв часок-другой по вашинг-

тонским предместьям, он подкатил к зоопарку и, оставив машину на парковке, пешком поднялся к фешенебельному отелю на склоне оврага и через подземный гараж прошел к выходу на Шестнадцатую улицу. Он поднял руку, и тут же к нему подрулил «плимут» таксиста.

– Дюпон-сёкл, – сказал Морозов. – К кинотеатру, пожалуйста.

Главным для Морозова было еще раз убедиться, что за ним нет слежки, и убить время, оставшееся до момента встречи с Евой. Неделю назад они договорились установить предварительный визуальный контакт в маленьком популярном ювелирном магазине в Джорджтауне (аристократическом районе Вашингтона), а затем, если не будет опасности, поодиночке и разными путями выбираться «на природу» за город в заранее проверенное силами резидентуры укромное местечко.

В условленный час Алексей подошел к массивной двери магазина и взялся за бронзовую ручку. Дверь неожиданно легко приоткрылась, и мелодичный перезвон серебряных колокольчиков известил хозяина, что пришел новый покупатель. Внутри царил торжественный полумрак, но богато украшенные драгоценностями витрины были ярко освещены. В магазине были еще трое или четверо посетителей, но их лиц нельзя было рассмотреть, так как они находились вдали, в торце магазина.

– Чем могу быть полезен? – любезно осведомился продавец, переводя свой взгляд с двух девушек-близнецов, стоявших у прилавка, на Алексея.

– Я хотел бы выбрать какое-нибудь колечко, желательно с камешком, – ответил Алексей. Он и впрямь хотел купить подарок Еве: через пару недель у нее был день рождения.

Продавец не спеша повернулся, открыл дверцу старинного резного шкафа и достал оттуда продолговатую дощечку, обтянутую черным бархатом, с прорезями для вставленных в нее колец.

– Пожалуйста, – несколько церемонно произнес он. – Вот наши последние поступления. Прошу обратить внимание на эти кольца: тонкая работа, редкая бразильская бирюза.

В этот момент двое стоявших в дальнем конце магазина посетителей словно по команде быстро подбежали к прилавку, где стоял Алексей. По испуганному выражению лиц девушек-подростков он понял, что произошло что-то серьезное и неожиданное.

Алексей повернул голову и увидел двух крепких мужчин. Прижавшись спинами друг к другу, они заняли круговую оборону, направив в сторону посетителей и хозяина магазина многозарядные пистолеты.

– Ни с места! Стреляем без предупреждения! – выкрикнул один из злоумышленников. – Деньги и золото! Быстро!

Тот, кто был лицом к Алексею, выхватил у него из рук бархатную дощечку и ловким движением сбросил кольца в мешок. Это было его

явным просчетом. Бандит потерял какие-то доли секунды и упустил из виду проворного хозяина магазина. Тот же использовал свой шанс. Упав как подкошенный за прилавок, он мгновенно нажал потайную кнопку. Взвыла мощная сирена, щелкнул замок блокировки, и помещение магазина начало наполняться ярко-оранжевым удушливым дымом.

И в этот момент кто-то потянул на себя дверную ручку и постучал в дверь.

«Ева!» – словно огнем обожгло мозг Алексея.

– Ева, – прошептал он побелевшими губами.

Один из бандитов вскинул пистолет и выстрелил, не целясь, в сторону двери. Затем оба подбежали к прилавкам и, как два заведенных автомата, стали очищать от драгоценностей шкаф, витрины и кассу, сбрасывая все в раскрытый мешок.

Вой магазинного звукового «сюрприза» внезапно перекрыла мощная полицейская сирена. Удар кованого ботинка в дверь, звон разбитого стекла витрины – и в магазин, как в осажденную крепость, ворвался полицейский патруль. К Алексею вернулись силы. Одним прыжком он оказался у двери и с ужасом увидел, что на асфальте лежала Ева. Она была еще жива.

Алексей наклонился и бережно поднял Еву на руки. Он склонил к ней голову и впервые за многие годы зарыдал.

– Я ему отказала, Алеша, – шепотом, выделяя каждое слово, медленное произнесла Ева.

Это были ее последние слова...

...Рабочий день в архиве был на исходе, а я все никак не мог заставить себя перевернуть последнюю страницу личного дела Алексея Кирилловича Морозова. Впрочем, я и без того знал, что он не намного пережил Еву. Несколько месяцев спустя тяжелейший обширный инфаркт свел его в могилу. Алексея Морозова похоронили на родной белорусской земле, неподалеку от Гомеля, а Еву – на городском вашингтонском кладбище. Смерть развела их в разные края...

---

[1] Псевдоним резидента.

24

Одиссея одессита

Расхожая истина: разведчиками не рождаются. Ими становятся. В предлагаемом очерке мы хотим рассказать историю разведчика, который, однажды избрав эту профессию, не расставался с ней всю свою жизнь. Во всяком случае по своей воле...

Речь пойдет о Семене Марковиче Семенове, родившемся в 1911 году и жившем в Одессе. Воспитанник детдома, он начал трудовой путь по окончании школы подмастерьем на местной канатной фабрике. Затем переехал в Москву. Поступил и в 1936 году окончил Московский текстильный институт. Хорошо овладел английским языком. В 1937 году был принят на работу в органы государственной безопасности и через год направлен в США.

Семен Семенов – оперработник, внесший заметный вклад в деятельность нью-йоркской резидентуры внешней разведки в условиях предвоенного и военного времени.

«Работая с 1938 года по 1944 год в США, майор Семенов проявил себя как один из самых активных работников резидентуры. Практически создал линию научно-технической разведки в предвоенные годы, – читаем мы в служебной характеристике разведчика. – Он получал ценные материалы от десятков агентов по взрывчатым веществам, радиолокационной технике, авиации...» Резолюция начальника разведки П.М. Фитина на документе: «Способный, инициативный, настойчивый и дисциплинированный работник. Трудолюбив».

И все же главным человеческим качеством Семена Марковича была, пожалуй, его увлеченность. Увлеченность работой, людьми, для которых разведчик был не только «коллегой по общему делу» и обаятельным парнем, но и преданным и искренним другом, которому просто нельзя было отказать во внимании и помощи.

Твен (таким был оперативный псевдоним С.М. Семенова, взятый им «взаймы» у его любимого писателя Марка Твена), казалось, никогда не знал покоя – всегда в деле. То он взахлеб рассказывал колле-

гам что-то интересное, то мастерил какие-то не всегда понятные приспособления для домашней мастерской или вычерчивал на грифельной доске схемы своих таинственных разведывательных поездок. Иногда он, с головой уходя в дело, буквально забывал все вокруг.

– Твен! – ответа не последовало.

– Твен! – тишина.

– Твен, откликнись же наконец! – далее следовала длинная заковыристая фраза...

Роль знаменитой тетушки Полли и шкодливого Тома Сойера в этом импровизированном диалоге почти дословно повторили более полувека назад в нью-йоркской резидентуре два вполне достойных и весьма уважаемых человека – резидент советской разведки и один из его самых активных оперативных работников. Ни один из них никак не походил на своих литературных прототипов. Резидент был высок, величав, с заметной военной выправкой. Оперработник был полной противоположностью: маленький, стремительный, словно ртутный шарик, вырвавшийся на волю из разбитого термометра. Правда, в момент приведенного выше диалога Твен сидел у складного дачного столика не шелохнувшись, боясь расплескать киселеобразную, резко пахнущую жидкость в небольшом термосе, который он только что достал из холодильника. Нужно было решить задачу по изготовлению контейнера, в котором «кисель» отправился бы в Москву.

Твен был так увлечен своим делом, что не слышал обращенного к нему голоса резидента, решившего еще раз напомнить, что завтра диппочта, что все оперативные и личные письма должны быть упакованы сегодня, что дежурный дипломат отличается повышенным педантизмом и ни за что не возьмет и спичечного коробка после «закрытия почты».

«Самогонную брагу», как назвал содержимое термоса сам Твен, он получил накануне поздно вечером в одном из нью-йоркских баров. Это был штамм очищенного пенициллина – того самого чудо-лекарства, которое позарез нужно было советским госпиталям, чтобы спасти жизни тысяч раненых в последние месяцы Второй мировой войны. Американские союзники были щедры на готовое лекарство, отпускали партии пенициллина в кредит, но когда речь заходила о технологии производства этого эффективнейшего по тем временам медицинского средства, тут, как говорится, «дружба – дружбой, а табачок – врозь». А что значит партия лекарства на целый фронт? Капля в море, не более того. Вот и пришлось энергичному Твену действовать в условиях, приближенным к боевым. Ему к этому было не привыкать. Надо – так надо. «Родина-мать зовет!» – повторял он слова известного в те дни военного плаката.

Однако последнее задание Москвы насчет очищенного пенициллина не вызвало у Твена больших положительных эмоций. И дело

было даже не в сложности его выполнения. Твен хорошо знал адрес производства, дружил с одним из руководителей лаборатории, приветливо раскланивался на приемах и вечеринках еще с двумя-тремя биохимиками, умевшими «делать» очищенный пенициллин. Казалось бы, и карты в руки, но... Твен последние три недели был, как Гулливер в стране лилипутов, круглосуточно опутан нитями полицейской слежки, которые не давали ему передвигаться по городу без ведома всесильного ФБР. Стоило рано утром выскочить к газетному киоску – ночной портье шептал что-то в трубку выходящего на город телефона. Стоило перебежать улицу и войти в магазин, как за спиной слышалось учащенное дыхание преследователя. Ежедневно за Твеном работало от четырех до шести бригад наружного наблюдения. Менялись номера машин и сами машины, закончившим слежку бригадам белых сыщиков приходили на смену цветные; надевались парики, разнообразные шиньоны, вовсю практиковался маскарад с переодеванием.

Чем же привлек пристальное «персональное» внимание агентов ФБР на первый взгляд скромный инженер Семен Маркович Семенов, числившийся в штате советского торгового представительства «Амторг» в Нью-Йорке? Если ответить на этот вопрос односложно, не вдаваясь в подробности, то своей неукротимой активностью и, если хотите, неповторимой лукавой смекалкой.

Она, эта смекалка, не раз выручала Семена в самых сложных и, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Однажды он получил задание разыскать человека, ни адрес, ни номер телефона которого не были известны. Знали лишь район Нью-Йорка, где он жил. Что делать?

– А почему бы мне не поработать с недельку страховым агентом? – обратился к резиденту Семенов.

– А почему бы и нет? – в тон оперработнику ответил резидент.

Заказаны визитки, куплена «фирменная» шляпа, к лацкану пиджака прикреплена рекламная бляха с названием несуществующей страховой компании. Квартал за кварталом обходил Семенов район предполагаемого местожительства интересовавшего резидентуру человека, беседовал с консьержками многоквартирных домов, с наемными садовниками, следящими за отлично ухоженными газонами. Ходил, ходил, пока не нашел. Но тут его поджидала новая опасность. Неожиданно возник охранник. Кто такой? Откуда? Что ему нужно?

– У мистера X., который здесь живет, заканчивается страховка, и его секретарь звонила в нашу компанию, чтобы продлить контракт, – без запинки в голосе выпалил Семенов. – Поэтому мне необходимо обязательно с ним встретиться в один из ближайших дней, а лучше – сегодня.

Детектив насупился, соображая, как поступить с незваным пришельцем.

– А вы сами-то не желаете застраховаться, как и мистер Х.? – участливо спросил Семенов, пристально вглядываясь в лицо детектива.

– Да, да, конечно, – промямлил неуверенно собеседник, – но только не сегодня. Я должен переговорить с женой. И, чтобы избавиться от Твена, вежливо предложил:

– А вы проходите. Мистер Х. недавно приехал и, возможно, примет вас.

– Спасибо, друг, – поблагодарил детектива Семенов и сунул ему в руку заранее приготовленный серебряный доллар.

В кабинете хозяина квартиры Семенов почувствовал себя уже в своей тарелке. Во всяком случае он снова стал аспирантом, занимающимся проблемами, близкими к профилю работы американца, хотя в Московском текстильном институте получил специальность инженера-энергетика. Но так уж был устроен мозг Семенова, что он, словно губка, впитывал в себя основы самых различных технических знаний. И когда он оказывался в компании технических специалистов, то поражал всех широтой эрудиции и оригинальностью мышления. В нем был огромный заряд положительных эмоций и какая-то особая доверительность, на которую нельзя было не ответить взаимностью. Думал ли Семен в бытность студентом, что станет разведчиком, одним из пионеров советской научно-технической разведки? Конечно, нет. Но жизнь полна причуд.

Твен неторопливо закончил упаковку контейнера с бесценным штаммом пенициллина и снова придвинул неустойчивый «столик» к стене. Этот предмет дачно-садового мебельного гарнитура попал в резидентуру случайно, «по вине» самого же Твена. Раньше здесь стоял нормальный письменный стол с ящичками и вместительными тумбочками, в которых сотрудники резидентуры обычно хранили общие для всех канцелярские принадлежности, а секретарша – ленту для пишущей машинки и маникюрный набор. На столе обычно находился фотоувеличитель и пара ванночек для промывки фотобумаги. Но после одного случая, стоившего Твену огромного нервного напряжения, резидент приказал вынести из лаборатории эту «чертову штуковину» и поставить вместо нее бесцельно стоявший в коридоре всеми забытый столик для пляжного ланча.

А произошло вот что.

Твен как-то принес оригиналы секретных чертежей одного из видов нового американского оружия.

– Только на один час, и только для тебя, Сема, – предупредил Твена его близкий друг. – Сегодня же этот документ должен лежать на месте. Я взял его под расписку.

Твен ворвался в резидентуру, как вихрь.

– Ребята, все ко мне. Бросайте все свои дела, и за работу. Через десять минут все это должно быть перефотографировано! И я возвращаю материал «хозяину».

Сотрудники резидентуры засучив рукава принялись за дело.

В отведенное время уложились, довольный Твен выскочил с папкой материалов на улицу. Оперативный водитель резидентуры быстро домчал его на Парк-авеню.

«Хозяин» материалов бегло пересчитал листы и вдруг обнаружил, что не хватает сразу трех страниц.

– Где они? – мрачно спросил он Твена. Семенов похолодел от ужаса.

– Были все тут, – растерянно ответил он. – Я сейчас! – и выскочил за дверь. Слава богу, что оперативный водитель был в машине.

– Летим назад! Скорее! – произнес мокрый от пережитого волнения Твен. Машина рванулась с места.

– Что случилось? – удивленно подняв брови спросил резидент.

– Не хватает трех листов. Я где-то их посеял, – еле вымолвил Твен.

– Посеял – так ищи! А мы тебе поможем, – и все бросились в фотолабораторию.

Перевернули все, что было на столе. Никаких следов. Осмотрели пол – с тем же успехом. И вдруг кто-то двинул стол на себя от стены. Послышался змеиный шорох проваливающихся на пол листов бумаги. Вот они, нашлись! Три листа с грифом особой секретности оказались в руках резидента.

– Не теряй времени и вези их «хозяину».

Но Твен, казалось, не слышал этого приказа. Он сел на первый попавшийся стул и обхватил руками голову. Так продолжалось несколько мгновений. Затем бледный Твен собрал в папку утерянные листы и снова поехал на Парк-авеню. В течение двух дней он не появлялся в резидентуре, и никто не спрашивал, где он. Все знали – Твен приходит в себя.

И вот Семенов снова на работе. Как ни в чем не бывало он тепло поприветствовал коллег, угостил шоколадкой секретаршу, пожал руку резиденту и добродушно пошутил насчет своего недавнего «конфуза» с пропавшими листами.

– Теперь все о'кей. Хватит отдыхать и бездельничать. Пора и честь знать. Чем займемся теперь? Химией? Авиацией? Физикой? – весело вопрошал резидента Твен. Он буквально излучал энергию и бодрость, а новый элегантный костюм, купленный в престижном английском магазине, делал его подтянутым и более стройным.

– Ни тем, ни другим, ни третьим. Во всяком случае здесь, в Штатах, – ответил резидент.

– ???

– Майор Семенов, за вашу работу руководство Центра объявляет вам благодарность и переводит с повышением в должности в Париж.

– Служу Советскому Союзу.

Париж встретил Твена проливным дождем и каким-то щемящим душу, трудно передаваемым чувством приближенности к родному дому. Ведь Франция – это не далекая Америка.

– Приезжать и уезжать в дождливую погоду, – пошутил встречавший Семена Марковича сотрудник парижской резидентуры, – к удаче. И я надеюсь, что здесь вас ждет успех.

– Если бы только от этого зависели удачи человека, – ответил Твен, – то все графики движения поездов, пароходов и самолетов, наверное, составлялись бы с учетом погодного ненастья. Боюсь, что погода климатическая и погода политическая порождают разные приметы.

И он, увы, не ошибся. Уже первая беседа с резидентом насторожила Твена.

– В Америке вы уделяли много времени погоне за техническими новинками и секретами, – сказал резидент. – Но Европу волнуют другие проблемы. Тут не изобретают порох. Он, кстати, давно уже придуман китайцами. Тут его вовсю применяют или вот-вот собираются применить. И ваши новые друзья из числа французов должны помочь мне разобраться, кто конкретно собирается это сделать против нашей страны и когда. Поэтому я предпочел бы видеть в вас специалиста по политическим проблемам, нежели по чисто техническим и научным.

– А как же мои контакты и связи с «технарями»? – неуверенно спросил Твен.

– В принципе, я не возражаю, – ответил, нахмурившись, резидент. – Получите информацию и материалы. Мы их направим в Центр, а там – посмотрим.

Трудно приживался в Париже общительный Твен – душа любой компании, шутник и выдумщик. Он слабо знал язык, его жена Глафира Михайловна – однокурсница по Московскому текстильному – вообще не владела французским. Часто болели сыновья – Виктор и Илюша. В довершение ко всему ему не нравилась чисто политическая тематика. Он явно не был в ней эрудитом, и это угнетало. Твен рвался в дело, настоящее, по его мнению, дело, когда результат можно было принести в руках в виде документа или замысловатой формулы и сказать радостно резиденту: «Смотрите, что я принес!».

Но шли недели, месяцы, а этого от него никто не требовал. Нужны были связи и информация чисто политического характера.

И вот однажды Твен не выдержал. Он хорошо проверил, нет ли за ним слежки, и позвонил своему другу-электронщику.

– Сема? Ты здесь! Какими судьбами? Давай встретимся и потолкуем. Хочешь, сегодня?

В тот вечер друзья долго сидели в уютном кафе за чашкой кофе. Одна чашка сменяла другую.

– Ты говоришь, кибернетике принадлежит будущее? – спрашивал Семен своего друга. – Ты уверен в этом?

– Конечно, как в самом себе, – отвечал француз. – У нас уже есть очень интересные разработки. Я привез их из Америки...

На следующий день Твен подробно доложил резиденту о своей инициативной встрече с французским инженером.

– Кибернетика, говоришь? – задумчиво произнес резидент. – А вот мы запросим Центр, что он думает по этому поводу.

И в Москву ушла телеграмма.

Ответ из Центра шел почему-то очень долго. Как будто его везли на перекладных по разбитой ухабистой дороге. В ответе говорилось, что кибернетика – лженаука и что резидентуру специально толкают на ложный, антинаучный путь.

Но Твен не опустил руки. Он плодотворно вел оперативную работу, приобрел ряд ценных источников по линии научно-технической разведки. После возвращения в Москву из командировки в конце 1949 года в его оперативном деле появилась новая запись: «Во Франции Твен пытался оживить работу по линии НТР: аэродинамика, физика, авиация. Любил работать с молодежью. С агентурой устанавливал не просто деловые, но душевные связи».

За выполнение специальных заданий советского правительства и проявленные при этом мужество и высокие профессиональные качества разведчика С.М. Семенов был награжден в 1944 году орденом Красной Звезды, а в 1949 году – орденом Трудового Красного Знамени.

В 1953 году начальник отделения подполковник Семенов был уволен из органов госбезопасности без пенсии. В отделе, где работал Семен Маркович, произошел крупный провал. На уголке телеграммы, направленной в резидентуру, бдительная следственная комиссия рассмотрела подпись Семенова. «Крайний», как всегда, нашелся, и им оказался Семен Маркович. На него и спихнули вину за провал...

Свою новую жизнь «на гражданке» Семен Маркович начал с семьей в 14-метровой комнатке у Калужской заставы. Работы не было, и его никуда не принимали: увольнение из «органов» было тогда равносильно приговору суда.

Однажды старый институтский друг, прослышав про беды Семена, предложил ему пойти поработать в котельную на текстильную фабрику, где он был техническим директором. Семенов согласился. Он вспомнил свою институтскую специальность инженера-энергетика. Работа в котельной давала скромный заработок, бесплатное тепло и, самое главное, – время. Бывший разведчик начал делать переводы с английского.

Объем переводов, а значит, и гонорары пришли не сразу. Семен Маркович по неопытности совершил ошибку: он взялся за переводы художественной литературы. Его первая книга, изданная в Москве,

называлась «Одинокое небо» – о военных летчиках в годы Второй мировой войны. Перевод достался Семенову ценой больших усилий и долгих бессонных ночей: художественная словесность не была его стихией. Он был прирожденным «технарем», но никак не литератором.

– Писателя из меня никогда не получится, и не убеждайте меня в обратном, – говорил он своим приятелям, собравшимся «на рюмку чая» по поводу выхода книги. – Я лучше попробую себя в технических переводах.

И действительно, дело сразу же пошло. Сначала издали переведенный и существенно переработанный Семеновым каталог какой-то зарубежной технической фирмы, затем вышел справочник по энергетике, и, наконец, увидел свет учебник по той самой «лженауке», название которой еще некоторое время назад произносилось осторожно: «кибернетика».

Денег в семье прибавилось, удалось вступить в жилищный кооператив и купить уютную, «дешевую», по нынешним временам, двухкомнатную квартиру. По иронии судьбы Семеновы свили свое новое семейное гнездо в двух шагах от станции метро «Семеновская».

Первенец Семена Марковича, Илья, окончил институт и начал «лить монету» – работать инженером на Московском монетном дворе. На младшего, Виктора, обратил внимание известный театральный режиссер Юрий Любимов и пригласил в труппу Театра на Таганке.

Казалось бы, все хорошо и все встало на свои места.

– Семен, а почему бы тебе не написать письмо руководителям твоего старого ведомства и не попросить у них вполне заслуженную тобой пенсию? Времена произвола прошли. Чего стесняться? – часто спрашивали бывшего разведчика его близкие друзья. Но Семенов не хотел ничего просить.

– Ты что, Ротшильд? – настаивали однокашники по институту.

И Семенов наконец сдался. Сдался, пожалуй, первый раз в жизни. Он отправил письмо на Лубянку, в кадры КГБ. Месяца через три пришел официальный отказ. И тут Семен Маркович впервые ощутил боль в груди. Сердце!..

В больнице добрые люди подсказали: «А ты напиши лично Андропову. Может быть, он поможет?»

И опять бывший разведчик скромно напомнил о себе, что так, мол, и так, долгие годы верой и правдой служил Отечеству, досрочно уволен и оставлен без пенсии.

Через некоторое время плотный пакет с пенсионными документами и удостоверением оказался у Семена Марковича. Из документов следовало, что ему установлена персональная пенсия республиканского значения.

Однако годы брали свое. Здоровье не улучшалось. Семен Маркович ушел из котельной и полностью переключился на технические

переводы. Через некоторое время стал одним из лучших переводчиков Москвы. По ночам он, однако, часто думал о днях давно минувших, вспоминал детали операций, в которых когда-то принимал участие. Агентурная разведка была его истинным призванием.

... В конце 1995 года Служба внешней разведки России готовилась торжественно отметить свой 75-летний юбилей. Подразделениям разведки было предложено рассказать «для истории» о наиболее интересных фактах и сведениях о бойцах «невидимого фронта», имена которых, по мнению современников, не нашли пока достойного отражения на стендах Кабинета истории разведки. Снова подняли старые дела, навели справки в архивах, поговорили с ветеранами-разведчиками. Вот тогда и вспомнили о большом труженике Семенове. На стенде лучших сотрудников научно-технической разведки впервые появился портрет скромного одессита Семена Марковича Семенова, для которого профессия разведчика являлась призванием всей его жизни.

25

Необыкновенная история

– Недавно узнал, что наш нелегальный разведчик работал иностранным послом за границей.
– Неужели нового Штирлица придумали?
– Нет, говорили о самом настоящем после.
– Такого быть не может. Такого не может быть никогда.

Из разговора в московском метро

Штаб-квартира Службы внешней разведки на окраине Москвы. Просторное помещение отведено Кабинету истории службы – с начала ее основания в 1920 году до относительно недавних времен. Представленные материалы демонстрируются по всем правилам музейного искусства: на стендах – многочисленные фото мужчин и женщин, разведчиков разных поколений, даны краткие пояснения их заслуг. Безукоризненный шрифт, изящно оформленные застекленные стеллажи, где помещены подлинники документов, ордена, медали, грамоты и другие экспонаты.

В зале № 3 посетитель обязательно обратит внимание на выставленную здесь серию оригинальных латиноамериканских документов: чилийское удостоверение личности для иностранца, выдано в Сантьяго в 1945 году; аналогичное бразильское удостоверение, выдано в Рио-де-Жанейро в 1946 году; дипломатический паспорт, выписанный в декабре 1951 года министерством иностранных дел одной из центральноамериканских республик первому секретарю дипломатической миссии этой страны в Италии. Фотокарточки на всех документах, хотя они были сделаны в разное время, явно запечатлели одно и то же лицо. Имя везде одинаковое. И если вы спросите сопровождающего вас работника Кабинета истории: «Что бы это значило?», он, вероятнее всего, скромно заметит: «Уникальный случай в истории нашей разведки. Коротко не расскажешь...»

Действительно, здесь требуется обстоятельное повествование. Постараемся в краткой форме сделать это, опираясь на реально имев-

шие место события, подтверждаемые архивными документами разведслужб.

История эта начиналась так. После окончания Великой Отечественной войны в Москву возвратилась супружеская пара советских разведчиков-нелегалов. Это были Макс[1] и Луиза. Каждому из них исполнилось немногим более 30 лет, но за их плечами уже был значительный опыт разведывательной работы. Представлен отчет. Они хорошо отдохнули. Стал рассматриваться вопрос об их дальнейшем использовании. Они согласились вновь выехать на нелегальную работу и сами предложили схему своего устройства где-нибудь в европейской стране. Это совпало с интересами Центра.

Нелегалам предстояло осесть в стране для длительного проживания, создать прикрытие, обеспечивающее достаточную независимость и свободу действий. Предполагалось открыть небольшое коммерческое предприятие. Планировалось передать Максу на связь нескольких агентов – источников информации. Перед ним стояла также задача приобретения новых источников. Планировалось организовать двустороннюю радиосвязь резидентуры с Центром.

Разведчики направлялись в командировку как супружеская пара: он – выходец из Центральной Америки, она – из Уругвая. Для них подготовили минимум необходимых личных документов и разработали легенды-биографии, связанные с их действительным пребыванием в прошлом в Аргентине, Уругвае, Чили и Бразилии.

Оставим за рамками повествования техническую сторону документирования нелегалов. Скажем лишь, что у Макса был подлинный заграничный паспорт «своей» страны. Ниже читатель узнает на сей счет любопытные подробности, поскольку легендированное происхождение Макса станет причиной удивительных пертурбаций и парадоксальных поворотов, которых вначале никто не мог предвидеть. Но об этом потом.

Итак, в конце 1949 года нелегалы прибыли в Италию. Въехали по туристическим визам с правом пребывания в стране в течение трех месяцев.

Поселившись в скромной столичной гостинице, они начали изучать обстановку. Страну толком не знали, языка – тоже, связей здесь не имели. Один из вопросов, который мог возникнуть и позднее действительно возникал у их нового окружения, касался причин, побудивших их, благополучных латиноамериканцев, осесть в беспокойной послевоенной Европе. При необходимости они поясняли, что переезд в Европу вызван сугубо личными трагическими обстоятельствами: неожиданная смерть в младенческом возрасте их сына, что действительно случилось сразу после войны. Такое объяснение выглядело убедительным.

Супруги усиленно изучали итальянский язык, знакомились с различными сторонами чрезвычайно пестрой и запутанной общественно-политической жизни.

Они посчитали естественным нанести визиты дипломатическим представителям «своих» стран: почетным консулам страны Макса в Риме и Милане, уругвайскому генеральному консулу в столице. С последним сошлись достаточно близко, подружились с его женой, с их взрослыми сыновьями. Консул располагал широкими связями. Нелегалы намеревались сделать с его помощью первые шаги по закреплению в стране. Надежды оправдались. Дипломат оформил сначала продление туристических виз, а затем через знакомства в полиции получил для них разрешение на постоянное жительство. Консул согласился «принять» Макса к себе на работу, разумеется, без выплаты жалованья, что позволило тому официально считаться служащим генконсульства в Риме. Это уже был успех.

Легендой предусматривалось, что, занимаясь в Латинской Америке коммерческой деятельностью, Макс сколотил некоторый капитал и теперь намерен вложить его в какое-либо подходящее предприятие. Он заинтересовал этой идеей своего нового друга – консула. Они долго обсуждали возможные варианты и остановились на мысли организовать экспортно-импортную фирму, пригласив в компаньоны итальянца (для облегчения процедуры регистрации фирмы), отставного армейского полковника, близкого приятеля консула. Каждый внес соответствующий денежный пай. Зарегистрировали фирму в местных органах; нашли помещение под офис, сделали вывеску, наняли технический персонал.

Компаньоны начали изучать конъюнктуру рынка, искать коммерческих партнеров, рекламировать свои «чрезвычайно привлекательные» возможности. В результате появилась клиентура, наметились первые сделки. Предметом экспорта-импорта стали самые разнообразные товары: цемент, меха, консервы, швейные машины, велосипеды и многое другое. Вскоре деловые связи фирмы распространились на полтора десятка стран. Велась оживленная коммерческая переписка, в конторе не затихал телефон. Внешне все выглядело достаточно убедительно. Правда, прибыль была незначительной.

К тому времени Макс и Луиза жили в небольшой квартире, арендованной у вдовы погибшего на войне солдата. Эта женщина и ее друг, одновременно деловой партнер, занимались спекуляциями на черном рынке. От них Макс получал полезную информацию, а также сведения о лицах, которые участвовали в сомнительных коммерческих операциях. А среди них были и государственные чиновники, и политические функционеры.

Связь с Центром поддерживалась не всегда регулярно и оперативно. Местом основных встреч служили сопредельные страны, куда супруги когда вместе, когда порознь выезжали при возникновении необходимости или по вызову из Центра. Там составлялись отчеты, намечались дальнейшие мероприятия. Запасным вариантом служи-

ли конспиративные встречи с сотрудниками «легальной» резидентуры в Риме, но прибегали к ним крайне редко.

На исходе первого года пребывания в Италии нелегалы, как посчитали в Москве, уверенно выполнили намеченный план.

Осенью 1950 года из Латинской Америки в Европу приехала группа видных политических деятелей: бывший президент страны – «родины» Макса, бывший министр и посол во Франции. Все они были с женами. Визит преследовал наряду с отдыхом и коммерческие цели: наладить в Европе, в Италии в том числе, сбыт их собственной продукции – кофе, поскольку все они владели на родине крупными кофейными плантациями.

Почетные консулы в Италии – а их было около десятка – тепло встретили влиятельных гостей: оказывали им всяческое содействие, снабжали информацией, знакомили с нужными людьми. Кто-то из них предложил представить гостям Макса – соотечественника, преуспевающего дельца. В этой обстановке он был должен сам принять ответственное решение – идти ли на контакт с приезжими. Он только что возвратился из очередной поездки на встречу с представителем Центра, и быстро организовать дополнительную консультацию было невозможно.

Из доклада Макса о мотивах принятого им решения:

«Встреча с бывшим президентом и его группой, конечно, содержала долю риска. Я на «родине» никогда не был, знакомство мое со страной ограничивалось географическими справочниками и связями с двумя-тремя «соотечественниками». Существовала опасность, что я покажусь им подозрительным и меня начнут проверять. С другой стороны, избежать этой и подобных встреч в будущем было уже нельзя. Поэтому решил воспользоваться случаем, пойти на контакт и попытаться заручиться поддержкой этих влиятельных лиц, что укрепило бы легенду и прикрытие, создав тем самым надежные условия для развития программы, намеченной в Центре».

Макса и Луизу представили бывшему президенту и его друзьям, их женам. Более двух с лишним месяцев они тесно общались между собой: ездили по стране, заводили деловые знакомства, обсуждали экономические и политические проблемы. Максу удалось завоевать их доверие и произвести благоприятное впечатление своей эрудицией и динамизмом. Луиза подружилась с их женами.

Контакты с этими людьми подвергли испытанию заготовленную в Центре легенду, что было для Макса неожиданным.

Здесь уместно, наконец, сообщить, что же представляла собой эта самая легенда, позволившая Максу стать обладателем настоящего заграничного паспорта и закрепиться в Италии как гражданину этой центральноамериканской страны.

Работая в то время в Аргентине, он порой выезжал в соседние страны, в том числе в Чили. Там действовала группа его доверенных

лиц, был среди них один центральноамериканец, назовем его «Амиго», давно проживавший там как политэмигрант. Макс поделился с ним своей озабоченностью: у него не было надежных личных документов длительного пользования. Тот подал мысль – сделать Макса гражданином его страны, предложил пофантазировать и придумал следующую версию: пусть он будет незаконнорожденным сыном реально существовавшего, известного «Амиго» его соотечественника, уже умершего. Это был человек из знатного рода, состоятельный, прославившийся на родине экстравагантными выходками, приключениями и гулянками. Расчет был на то, что эту легенду опровергнуть было практически невозможно. «Амиго» и Макс немало потрудились над составлением «правдоподобной» биографии южноамериканского «поручика Киже», который будто бы покинул родину в детском возрасте и затем прожил в Чили более 20 лет.

«Амиго» хорошо знал посла своей страны в Сантьяго и полагал, что тот поверит легенде. Так оно и получилось.

Приведем фрагмент записки Макса, где он характерным для него образным языком, с присущим ему чувством юмора вспоминает о завершающей стадии получения паспорта.

«Первый шаг – визит «Амиго» к послу. Тот, как оказалось, прекрасно знал «моего» батюшку и, поговаривали, не раз вместе с ним принимал участие в лихих его похождениях. Он проявил живейший интерес к моей личности. «Как, сын моего старинного друга здесь, в Сантьяго? Почему я ничего не знал об этом?» «Амиго» объяснял, напирая на то, какой скромный и добродетельный я и как нелегко мне было сносить насмешки тех, кто узнавал, что я побочный сын. «Хочу видеть его!» – вскричал посол. И вот я перед ним. Реакция была неожиданной, я и вообразить себе не мог, что так произойдет. «Вылитый папаша, – изумился посол, рассмотрев меня. – Узнаю вашего отца-забулдыгу!», и он полез ко мне с объятиями. Посол был, конечно, уже староват, а поэтому плохо, наверное, видел, иначе понять не могу, почему он вдруг признал во мне сына своего прежнего собутыльника.

Расспрашивал он меня, однако, весьма подробно, но после такого приема и меня, признаться, «понесло». Чего я только не наговорил. И скитания на чужбине расписал, и всплакнул о своей несчастной маменьке, которую отец так не по-джентльменски бросил. Добавил еще, что, хотя и не повезло мне с родителями, все же сумел выкарабкаться, встать на ноги, завести бизнес.

Выдать мне паспорт посол согласился сразу же, даже особенно не интересовался, зачем он мне. Вполне был удовлетворен, когда я сказал, что надоело скрывать от людей свое происхождение. «Папенька теперь умер, – вздохнул я и даже пустил слезу. – Наследства мне его не надо, я и сам не бедняк, но пора все оформить по закону». В общем расстались мы с послом почти друзьями. Когда он провожал меня до двери своего кабинета, все повторял: «Ну вылитый папаша!»

Признаться, мы с «Амиго» отчаянно блефовали. И не только потому, что выдавали меня за сына человека, довольно известного у себя на родине. Дело в том, что в этой стране я вообще никогда не был. И потому, когда посол пытался было заводить разговор со мной о стране, я как заведенный повторял: «Давно я там не был, слишком давно. Маменьку-то отец заставил уехать, она и меня с собой взяла. Так что ничего припомнить и не могу...»

Хотя и блефовали мы, но все сошло благополучно. Через неделю на руках у меня был новенький загранпаспорт. Незадолго до отъезда из Чили, в августе 1945 года, я получил (сам и инициировал) в Генеральном консульстве «моей» страны в Сантьяго письмо-рекомендацию следующего текста:

«Рад подтвердить, что (имярек) в течение многих лет занимался коммерческой деятельностью в Сантьяго, где его прекрасно знают и ценят за личные достоинства и интерес, проявленный к общественной деятельности. (Имярек) – один из самых выдающихся членов нашей национальной колонии в Чили.

Генеральный консул ... (подпись, печать)».

Позже эта бумага оказалась мне весьма полезной».

Когда в Центре в конце 40-х годов изучались возможности дальнейшего использования Макса, стало необходимым проверить надежность этой его легенды. Из Москвы он съездил в зарубежную командировку, разумеется нелегально, и там в посольстве «своей» страны без затруднений продлил в начале 1949 года полученный в Чили загранпаспорт, срок действия которого к тому времени истек.

И вот теперь, осенью 1950 года, в Риме встречи с «соотечественниками». Да еще с какими...

Неожиданности продолжились. Узнав детали биографии Макса, бывший президент вдруг заявил: «А мы с вами – дальние родственники. Да-да, не удивляйтесь. Если не ошибаюсь, покойный ваш отец приходился племянником дону К. А тот был женат на тетке моей матери. Не правда ли, забавно?» Дальше – больше. «Почему все-таки вы так долго не приезжали на родину? Как случилось, что до сих пор о вас ничего не было слышно?» Вопросы не из приятных, каверзные. Ответы Макса «Чувствовал себя ущербным как незаконнорожденный» и т.д. и т.п. как будто удовлетворили бывшего президента, который, однако, жестоко упрекнул его в излишней скромности и щепетильности. Позже выяснилось, что бывший президент наводил о нем справки как в Италии, так и в Латинской Америке. Отрицательных последствий это за собой не повлекло.

Одним из результатов приезда гостей из-за океана явилось подключение торговой фирмы Макса к реализации в Европе предложенного ими товара – кофе. Отношения Макса с бывшим президентом приобрели дружественно-деловой характер. Они перешли на «ты». Очередной неожиданностью стало предложение гостя, чтобы Макс

стал его доверенным лицом не только в коммерции, но и в политической области: нелегал был посвящен в его далеко идущие честолюбивые планы возвращения к власти на основе демократических выборов.

Ко времени описываемых событий бывший президент и его ближайшие сподвижники возглавляли на родине оппозиционную буржуазную группировку и планировали на ее базе образовать политическую партию. Они были достаточно опытными, хитрыми, недоверчивыми политиками, склонными к риску и авантюре, и понимали, что курс Вашингтона направлен на политическое и экономическое подчинение их страны интересам США, но считали, что с американцами надо «умело» сосуществовать. Бывший президент доверительно говорил Максу: «Янки пуще всего боятся коммунистов. Мы, латиноамериканцы, должны воспользоваться этим страхом и заставить их подороже платить за наш антикоммунизм». Вместе с тем он сознавал, что на голом антикоммунизме сделать политическую карьеру в стране с укоренившимися демократическими традициями невозможно. Поэтому он готов был пойти на определенные социальные реформы, чтобы «выпустить пар из котла», ослабить классовую напряженность, которая, как он полагал, и порождает коммунистов.

Оценив широкий кругозор Макса, знание им международных дел, политической проблематики, бывший президент попросил его составить для их группировки предвыборную программу, базирующуюся на лозунге: «Против империализма и против коммунизма». Нелегалу пришлось выполнить эту необычную да и нелегкую задачу. Заказчик высоко оценил представленную работу, пообещал Максу дружбу и всяческую поддержку (эту программу с некоторыми поправками официально одобрил съезд позже созданной им партии).

Тогда же, осенью 1950 года, эти влиятельные люди по собственной инициативе выдвинули идею о назначении Макса на дипломатический пост в Италии. Они преследовали в первую очередь свои корыстные цели: закрепить за собой Макса как выгодного коммерческого партнера и одновременно отблагодарить его за оказываемые услуги. Возникла новая ситуация, снова потребовавшая принятия непростого решения. Выход Макса на дипломатическую арену предполагал более широкую, нежели у коммерсанта, известность и не исключал углубленной проверки его прошлого заинтересованными спецслужбами. Последнее, конечно, было нежелательным.

Первоначально в Центре склонялись к тому, чтобы нелегал отказался от сделанного ему предложения. Сам Макс придерживался иного мнения. «Сегодня мое положение куда крепче, чем было к концу прошлого года, – докладывал он в Москву. – Это, конечно, не значит, что мне нечего опасаться. По мере расширения связей увеличивается и риск, множится фактор непредвиденности. Но ведь все это входит в правила игры и является неотделимой частью жизни развед-

чика. Думаю, мы должны идти на этот риск, ибо в данном случае он оправдывает себя».

Бывший президент и посол покинули Рим первыми. Бывший министр остался еще на месяц. Стремясь максимально закрепить с ним личные отношения, Макс предложил ему переехать из гостиницы к нему в дом. Тот согласился. Перед отъездом они расстались как «большие друзья» (позже бывший министр активно содействовал дипломатической карьере Макса).

Тем временем коммерческая деятельность Макса оживилась. Из-за океана в адрес его фирмы стал регулярно поступать товар. Случалось, что за месяц приходило 250–300 стандартных мешков кофе общей стоимостью до 40 000 долларов США. Макс продавал кофе, вырученные деньги отсылал хозяевам, как правило, на счета в американских банках, получал свою незначительную долю. О степени доверия, которым он пользовался у партнеров, свидетельствует тот факт, что дорогостоящий товар он получал «под честное слово», без предоставления гарантий и выполнения иных договорных формальностей.

Теперь Макса то и дело стали посещать приезжавшие с «родины» гости: деловые люди, политические деятели и др. Устанавливались новые знакомства, рос объем почтовой связи с «друзьями» за океаном. Супругов настойчиво приглашали посетить родину Макса. В переписке постоянно обсуждался вопрос об оформлении назначения Макса на дипломатический пост (к этому времени Центр дал свое согласие). И наконец это действительно произошло.

Итальянские власти выдали Максу местные документы для дипломата (право иммунитета!), на его автомашине появился дипломатический номер. Его имя и должность занесли в официальный справочник членов дипломатического корпуса. Помещение, арендованное под миссию, получило соответствующую вывеску (туда супруги переехали на жительство), три технических служащих создавали должную рабочую обстановку. Макс нанес обязательные протокольные визиты, начал деловую переписку со своим МИД, с президентом страны, включился в рутинную жизнь столичного дипкорпуса.

Укажем, что этот пост Максу предоставили без выплаты денежного содержания, о чем, однако, итальянские власти не знали. Лишь впоследствии ему установили жалованье – 150 долларов в месяц.

В связи с переходом на дипломатическую работу по существующему правилу он лишался права заниматься коммерческой деятельностью. Поэтому торговую фирму в Риме пришлось ликвидировать. Однако предприятие, в котором по-прежнему были заинтересованы бывший президент и к°, сохранилось под другим названием. Ее контора размещалась в Милане, и Макс работал в ней на правах негласного компаньона. Владельцы кофейных плантаций продолжали регулярно получать выручку за продаваемый в Италии кофе.

Своеобразный поворот приобрела деловая и личная переписка Макса с министром иностранных дел «своей» страны. Проявив служебное «усердие», нелегал добился от МИД Италии приглашения министру и его жене посетить страну. В благодарность министр назначил Макса советником их делегации на VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая в то время работала в Париже. Главой делегации был вице-президент страны, с ним Макс сумел установить добрые личные и деловые отношения.

В ноябре 1951 года Макс выехал в Париж. Участвовал в заседаниях Генеральной Ассамблеи и совещаниях регионального комитета латиноамериканских стран. Это событие стало ярким эпизодом в его оперативной деятельности. А поскольку сам факт участия в таком форуме советского разведчика – явление отнюдь не ординарное, расскажем об этом подробнее.

Сразу по прибытии в Париж Макс окунулся в активную дипломатическую работу. Повестка дня сессии была насыщенной. Заседали комитеты, подкомитеты, комиссии. На высшем международном форуме шла политическая борьба по всем правилам бушевавшей в то время холодной войны.

Вспомним, что применительно к деятельности ООН в лексиконе советской печати тех лет устойчиво бытовал термин «машина голосования». Так называли механизм диктата американцев в отношении участников голосования в интересах поддержки политического курса США. Западников раздражала подобная русская формулировка, и они, в свою очередь, не стеснялись в выборе ярлыков, характеризуя политику СССР. И хотя это хлесткое сравнение – «машина голосования» – действительно может показаться несколько чрезмерным, по сути своей оно соответствовало действительности. Об этом свидетельствовал и парижский опыт Макса, который как непосредственный участник некоторых событий в ООН на себе испытал действие этой «машины» и даже стал ее невольной «жертвой». А произошло следующее.

В повестке дня уже не первый раз стоял греческий вопрос. В ходе гражданской войны в Греции и после поражения в 1949 году демократической армии значительную группу греческих детей, около 15 тысяч, эвакуировали с согласия родителей в страны народной демократии. В основном это были дети бойцов демократической армии, политзаключенных, лиц, помогавших патриотическим силам страны. Их эвакуация стала проявлением международной солидарности и фактически спасла детей от террора, царившего в то время в Греции.

Афинское правительство, поддержанное американцами, развернуло широкую кампанию по репатриации «похищенных» детей. В ход пошли дезинформация, фальшивки, клевета. Утверждалось, будто детей там содержат едва ли не в концлагерях, пытаются заставить их забыть родину, заражают «микробами коммунизма» и т.п.

По замыслу американцев, обсуждение на сессии этого вопроса должно было вылиться в очередное обвинение стран народной демократии и СССР, которые допускают «антигуманизм», «разъединяют» семьи и т.д. Советский Союз использовал трибуну ООН для разоблачения как самого мифа о «похищенных» детях, так и авторов этой политической кампании.

Американцы энергично готовились к предстоящему заседанию, постоянно вели обработку партнеров. Делегацию США возглавлял опытный дипломат, госсекретарь Дин Ачесон. Сначала он провел отдельное совещание с западными партнерами. Затем в американском посольстве собрал представителей латиноамериканских государств и выступил перед ними с призывом «дать бой большевизму». Высказал мнение о полезности участия в дебатах и дипломата от Латинской Америки и тут же совершенно неожиданно назвал Макса. Мотивировал свой выбор бесхитростно: «Вы, кажется, новичок на сессии. И тем лучше. Нужны новизна и естественные эмоции человека, которого еще не успели засушить прежние многочасовые дискуссии». Было очевидным, что Ачесон лишь огласил подготовленное заранее решение.

Макс вспоминал:

«Отказаться от выступления я не мог, мне бы этого не забыл Ачесон и не простил мой вице-президент. Но выступать так, как рассчитывал Вашингтон, поливать грязью Советский Союз? Надо было принимать решение, советоваться было не с кем. В конце концов я все-таки нашел выход. Засел за справочники и труды историков для изучения предмета, подбора фактов и составления текста речи.

Регламентом мне отводилось десять минут. К счастью, выступал я не первым, делегаты уже несколько притомились и без особого внимания слушали то, о чем я говорил. А я вещал о человеколюбии, о гуманизме, о детях как о будущем человечества, цитировал древнегреческих классиков, ссылался на Библию, впадал то в пафос, то в скорбь. Произнес немало трогательных слов о детях. К концу выступления заметил, что советский представитель Вышинский, до этого оживленно беседовавший со своими помощниками, стал вдруг слушать меня. Закончил я тем же, чем и начал, – какими-то общими, мало что значащими словами. Во всяком случае вряд ли кто мог с уверенностью сказать потом, что оратор отстаивал проект резолюции, внесенный Соединенными Штатами.

На следующий день, когда дебаты подходили к концу, слово взял Вышинский. Не помню в точности всего, о чем он говорил. Но одно мне врезалось в память совершенно отчетливо.

«Пришлось мне выслушать выступление одного латиноамериканского делегата, – сказал Вышинский. – Не скрою, по части красноречия он достиг больших высот. Но как политик он – пустышка. Это просто болтун, и место ему не здесь, на этом представительном форуме, а в цирке...»

Слушал Вышинского и Ачесон. Когда потом в кулуарах мы разговаривали с ним и я, приняв позу обиженного, выразил сожаление, что по его совету выступил на Ассамблее и навлек на себя гнев советского делегата, госсекретарь, дружески хлопнув меня по плечу, ответил: «Дорогой мой! Если Вышинский кого-то публично отругает, тому это только придает больший вес и добавляет известность...»

Вице-президент был полностью удовлетворен работой Макса в Париже. В МИД направили отчет о весьма успешной работе делегации на этой сессии Генеральной Ассамблеи.

Спустя два-три месяца Макс решил, что пришло время, используя расположение к нему кофейных партнеров, проявить инициативу и намекнуть в письмах к «друзьям», что его не оценивают «на родине» по заслугам и что можно было бы повысить его в дипломатическом ранге до чрезвычайного и полномочного посланника. Самое удивительное, что там к этой нагловатой идее отнеслись спокойно, обещали подумать и принять меры.

Как уже упоминалось, Макс и Луиза имели приглашения посетить «родину». Постоянно отказываться от них становилось неестественным, и они решили – пусть поедет Луиза. Подобрали предлог – присмотреть земельный участок для строительства дома.

Весной 1952 года поездка состоялась. Луизу приняли действующий президент, новый министр иностранных дел. Она постоянно встречалась с бывшим президентом, его сподвижниками, их семьями, с другими высокопоставленными лицами. Все в этих кругах отзывались о Максе с похвалой, высоко оценивали его дипломатическую работу, в частности готовившееся к подписанию торговое соглашение с Италией, в чем тамошние власти были крайне заинтересованы.

Пребывание за океаном Луиза использовала для того, чтобы ускорить обещанное мужу повышение в должности. И это ей удалось. Президент подписал соответствующий декрет, в МИД подготовили верительные грамоты, и Луиза отправила их в Италию авиапочтой.

Вскоре Макс вручил президенту Италии Луиджи Эйнауди верительные грамоты чрезвычайного и полномочного посланника центральноамериканской республики.

Как и положено по протоколу, Макс начал наносить визиты своим коллегам в дипкорпусе. Он докладывал Центру: «Профессиональными дипломатами в Италии я был принят как равный, ни у кого никаких сомнений не возникало».

Макс вспоминал некоторые детали первого посещения посла США Элсуорта Банкера.

«О, любезный коллега, очень рад видеть вас, – дружелюбно обратился американец, приглашая меня в кабинет. – Признаться, я уже отчаялся когда-нибудь встретиться, прошел месяц после вашего назначения... Не извиняйтесь, дорогой друг. Я прекрасно знаю, дел у вас сейчас много и весьма ценю, что первый дипломатический визит вы

решили нанести именно нам». Дальнейшую беседу обычного светского характера прервал телефонный звонок. Сняв трубку, Банкер долго произносил «алло, алло», потом бросил мне: «Это из Вашингтона», и жестом указал на столик с напитками – распоряжайтесь, мол, сами.

Готовясь к этой встрече, я имел в виду расспросить посла кое о чем, как «дипломат дипломата», разумеется, но действительность разрушила эти мои намерения, и причиной тому оказалось содержание его телефонного разговора. По ходу дела стало ясно, что по запросу оттуда Банкер должен был дать оценки внутриполитического положения в стране. Следует признать, сделал он это четко, с хорошим знанием дела.

Дальнейшую беседу, уже со стаканами в руках, лучше изобразить в лицах.

– Чувствую, что вы не были безучастны к тому, о чем я говорил с Вашингтоном по спецсвязи. Не так ли, дорогой друг?

– Напротив, господин посол, мне были крайне интересны ваши оценки. Не скрою, вы облегчили мне мою задачу.

– Вот как?

– Не удивляйтесь, ведь мы с вами дипломаты, хотя к этому положению я пока полностью не привык. И задачи у нас в принципе одинаковые: информировать свои правительства обо всем, что происходит и что должно еще только произойти. В вашем же сообщении Вашингтону я нашел немало ответов на вопросы, которыми мне приходится заниматься...

– Ваша откровенность просто подкупает, – рассмеялся американец. – Я заметил, что вы прислушивались к телефонному разговору, но был убежден, что как только я вас спрошу об этом, вы начнете отнекиваться, говорить, что вам это ни к чему, что вы целиком были заняты приготовлением напитка и тому подобное... Такая откровенность вам идет, вы мне симпатичны ею».

Дипломатическая и общественная деятельность Макса приняла достаточно активный характер. Как официальный представитель он участвовал в сессиях ФАО – Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН со штаб-квартирой в Риме, был делегатом на Международной конференции по хлопку, на Международном католическом конгрессе, посвященном проблемам мира, являлся участником 1-й Всемирной конференции по кофе в Триесте. Неоднократно читал в итальянской академии культуры и искусства лекции по истории древней культуры Латинской Америки, был избран ею почетным академиком. Выступал по радио, в местной печати. Подготовил к публикации брошюру о странах Центральной Америки.

В одном из отчетов он писал: «Излишне говорить, насколько каторжным и неблагодарным трудом является мое участие во всех этих съездах, конгрессах, конференциях, сколько времени я должен тра-

тить на подготовку выступлений, на редактирование отчетов. Конечно, это укрепляет мое положение как здесь, так и на «родине», но от этого мне отнюдь не легче».

Любая исполненная работа оценивается по достигнутому результату. Иными словами, по качеству. В разведке – то же самое.

Информационную деятельность Макса Центр в целом признал положительной. Конечно, не имея соответствующей агентуры, он не мог добывать секретные документы из правительственных и высших политических кругов. Но его материалы добротно дополняли и уточняли другую имевшуюся у разведки информацию. Наибольшую ценность представляли сведения по Ватикану, поскольку исходили они из самой «глубинки» всемирного католического центра и от весьма компетентных источников.

Целеустремленно, упорно заводил Макс связи среди церковников разных уровней и лиц, с ними связанных. Использовал любые возможности – коммерческие дела, официальные приемы, культурные мероприятия, застолья и т.д. (заметим в скобках, что работа в этих кругах, простое общение с церковниками требовали конкретных знаний в вопросах религии. Поверхностность, дилетантство исключались. Учитывая это, Макс постоянно изучал данную проблематику).

Еще в начале командировки внимание Макса привлек принц Джулио Пачелли, племянник папы Пия XII. Он происходил из знатного итальянского рода. Аристократ, сноб с широкими связями в церковных и светских кругах. Занимал ряд значительных должностей: член правления «Банка ди Рома», президент директората компании ватиканского торгового флота, полковник папской гвардии и т.д.

Встретиться с ним удалось не сразу, но уже после первого визита вежливости завязалось доброе знакомство. Затем встречи приобрели регулярный характер. Дело в том, что Пачелли заинтересовался предпринимательской деятельностью Макса, когда узнал, что тот, сотрудничая с бывшим президентом и его друзьями, налаживает экспорт кофе в европейские страны. Пачелли выразил желание посредничать в поставках кофе для Ватикана и получать при этом определенную выгоду. С деньгами у него было неважно. Договорились провести первую пробную сделку – 150 мешков кофе. Она состоялась, и после этого Макс стал постоянным поставщиком кофе для Ватикана и в качестве посредника аккуратно получал положенную ему долю.

Пачелли представил Макса своим близким друзьям: кардиналу Боргончини-Дука – секретарю конгрегации «Святого отдела» (полицейская служба Ватикана), тот подарил Максу свой трактат: «Исследование относительно точной даты рождения Христа», секретарю конгрегации по делам пропаганды, ответственному деятелю Ватиканской дипломатической академии. Состоялось знакомство с одним из руководителей итальянской военной контрразведки, конфиденци-

альная информация которого, как удалось установить позже, весьма ценилась в параллельной службе Ватикана.

При содействии Пачелли Макс получил доступ в два салона ватиканской знати, куда приглашались политические деятели, крупные предприниматели, важные иностранные гости. В списке его связей появились шеф гражданской администрации Ватикана, один из юридических советников этого государства, редактор газеты ведущей буржуазной партии.

В поиске информации Макс плотно задействовал все свои контакты в дипкорпусе. Его коллеги-латиноамериканцы, как правило, откровенно делились сведениями. Иногда они были интересными, но нередко основывались на слухах и сплетнях. Наладились отношения с дипломатами из американского посольства. Проходили «задушевные» беседы с послом Банкером, а затем, правда, недолго, со сменившей его в 1953 году госпожой Клер Люс, женщиной острого ума и очень независимой. В длительные собеседования переходили встречи на официальных приемах с кадровым разведчиком – военно-воздушным атташе, а также со вторым секретарем посольства США. Приходилось дискутировать со строгим в суждениях прагматиком, послом ФРГ Клеменсом фон Брентано. Добавим, что Макс несколько раз встречался и доверительно беседовал с председателем совета министров Италии де Гаспери, с его заместителями, с министрами. Регулярная связь существовала с сотрудниками министерства иностранных дел.

Некоторое удивление в Центре поначалу вызвала информация Макса о размещении США усовершенствованного атомного вооружения на их базах за границей, об американских оценках военных потенциалов СССР и США. Казалось бы, откуда он мог получить такие сведения? Оказалось, что он случайно познакомился с отставным американским генералом, крупным дельцом, бывшим сотрудником одной из спецслужб США. Чутье разведчика подсказывало: здесь стоит поработать. Нужно было «лишь» заинтересовать американца в поддержании знакомства с представителем столь экзотического государства и «разговорить» его в нужном ключе. Опытность Макса в искусстве «человековедения» и на этот раз помогла ему приобрести полезного информатора. Таковым оказался и другой его знакомый – шифровальщик министерства иностранных дел.

Добываемые сведения Макс чаще всего передавал при встречах с нашими работниками легальных резидентур в других странах. Иногда использовались другие каналы связи (но не по радио; эту систему ввести в действие не удалось). От него регулярно поступала текущая информация о происходящих событиях. Направлялись также заранее подготовленные обстоятельные доклады. Например, «О некоторых новых моментах во внешней политике Ватикана», «О реакции деловых кругов Италии на обострение международной обстанов-

ки», «О положении в правящей группе итальянской демохристианской партии», «Латиноамериканские государства и их политика по отношению к США и Советскому Союзу». И многое, многое другое. По возвращении из командировки Макс представил ряд фундаментальных аналитических материалов: «Новое политическое положение в Европе», «Крестовый поход Ватикана против демократии», «Ватикан – "черный Интернационал"» и др.

Помимо политической, разведчик получал немало оперативной информации: характеристики на лиц, могущих представить интерес для разведки, данные на четырех агентов британской и американской разведок, о дипломате западной страны – скрытом стороннике коммунистов. Сообщил конкретные сведения о способах фальсификации материалов фотовыставки «По ту сторону железного занавеса», организованной антисоветчиками в Риме. Материал был использован «легальной» резидентурой в Риме для проведения контрдействий.

Был такой эпизод. Один из латиноамериканских дипломатов предложил Максу выехать вместе с ним в Чехословакию, забрать там и вывезти из страны драгоценности, принадлежащие бывшим владельцам пивоваренных заводов в г. Пльзень. За это было обещано крупное вознаграждение. Макс, естественно, отказался, а информация была передана в рамках существовавшего сотрудничества органам безопасности Чехословакии.

Нелишне напомнить, что у Макса не было вспомогательных информационных источников (агентов). Все сведения он добывал лично, как принято говорить в разведке, «втемную», от своих связей.

В период своего пребывания в Италии Макс много раз встречался с главой католической церкви папой Пием XII. Происходило это при посещении Ватикана кем-либо из высокопоставленных гостей из-за океана. Один раз состоялась беседа наедине. Это случилось вскоре после его возвращения из Парижа с сессии Генеральной Ассамблеи. Небезынтересно отметить, что приглашение на аудиенцию исходило от самого понтифика, который, по словам передавшего приглашение Пачелли, заинтересовался подробностями парижской сессии. Встреча проходила в кабинете Пия XII на третьем этаже папского дворца, рядом с личными апартаментами, что подчеркивало ее приватный характер.

Макс вспоминал:

«Первосвященник попросил меня подробнее рассказать о том, как проходили заседания Генеральной Ассамблеи, поскольку газетные отчеты, с которыми ему довелось познакомиться, не давали полного представления. Просил он также высказать мою оценку некоторых аспектов международной обстановки.

Я ответил примерно следующим образом. Во-первых, русские ведут себя очень уверенно, пользуются несомненным успехом у многих делегаций, так как выступают против колониальной политики запад-

ных держав. Во-вторых, Советский Союз неустанно твердит о мире, а западники все время говорят о вооружении. Это непонятно общественному мнению, и оно склоняется, «к сожалению», на сторону СССР... Впечатление такое, что, несмотря на звучные речи, западные делегаты смертельно боятся русских... Рассказал я, как однажды, придя на заседание, заметил возбуждение среди делегатов. Оказалось, произошло вот что. Обычно советский представитель Вышинский, место которого рядом с английским делегатом, приходил, садился в кресло, не здороваясь с соседом. А в тот день было иначе: Вышинский сказал англичанину «Здравствуйте!». И вот на основе этого ничтожного факта делается вывод, что русские меняют свою политику, становятся более сговорчивыми.

Выслушав меня, старец дрожащим голосом сказал: «Сын мой! Действительно, положение очень и очень серьезное... Наша беда не в недостатке силы, а в моральном кризисе, который переживает общество. И новая мировая война поэтому может принести только несчастья и никакого утешения».

Мы, конечно, далеки от мысли, что это миниатюрное «активное мероприятие» оказало сколько-нибудь существенное влияние на Пия XII и тот заговорил о пагубности войны. Тем не менее откровения западного дипломата могли кое-что добавить к размышлениям понтифика по проблемам войны и мира. В начале 50-х годов тема мира между народами в выступлениях Ватикана стала занимать больше места.

Быть принятым папой римским считается в Европе особой честью. Каждый такой случай – событие. О нем широко пишет пресса, сообщается в разделе последних известий по радио.

Полезными в информационном плане оказались тесные отношения Макса с руководством известного «Мальтийского ордена». Там разрабатывались и проводились в жизнь политические и финансовые махинации в интересах реакционного крыла католической церкви, демохристианских партий Италии и ФРГ. О степени доверия мальтийцев к Максу свидетельствует тот факт, что его наградили орденом Мальтийского креста и возвели в рыцарское достоинство. Орден и соответствующая грамота хранятся ныне в музее истории Службы внешней разведки.

Читатель, конечно, вправе усомниться и спросить: неужели Макс всегда и во всем был «везунчиком», прозорливым и находчивым, никогда не ошибавшимся разведчиком? И читатель будет прав. Случались и просчеты, допускались оплошности.

...Об этом случае Макс не любил вспоминать. Поэтому пусть расскажет самый объективный свидетель происшествия – Луиза:

«Муж только что вернулся из краткосрочной командировки, где отчитывался по текущим делам. Естественно, разговоры там велись на русском языке. Через день нас пригласили на вернисаж, выставля-

лась живопись европейских знаменитостей. Один из наших знакомых поинтересовался у мужа, указывая на помещенное на видном месте полотно, нравится ли ему эта картина. А он возьми да ответь: «Нет!». Сказал по-русски. Мне чуть не стало дурно. Что же будет дальше? Он спохватился, снова повторил «нет» на русском и уже потом по-итальянски: «Кажется, так говорят в стране, художник которой выставил эту мазню». А картина принадлежала кисти Шагала. Муж очень любил его творчество. В последующем, анализируя наше положение с точки зрения безопасности, мы всегда вспоминали это злосчастное «нет».

Если в описанном эпизоде причиной срыва была понятная, чисто человеческая слабость – переутомление и еще не спавшая напряженность от недавней командировки, то другой случай свидетельствует уже о просчете политического свойства. Речь идет о ситуации вокруг Триеста.

Напомним историю вопроса. На протяжении почти десяти послевоенных лет проблема государственной принадлежности этой территории оставалась нерешенной. С 1947 года была образована так называемая «Свободная территория Триест», находившаяся под контролем англо-американских властей. Соперничество между ними за главенство, правовые претензии Италии и Югославии – все это сплелось в клубок непростых межгосударственных противоречий. Достоверная информация о маневрах заинтересованных сторон в отношении Триеста представляла определенную ценность. Получать такие сведения, разумеется, выгоднее всего было непосредственно на месте.

Максу пришла мысль учредить в этих целях в Триесте консульство «своей» страны. Задумано – сделано. Английским оккупационным властям направлено официальное письмо-запрос об агремане для подобранного Максом лица в качестве консула. Задумка была вроде бы перспективной, но провалилась она с треском.

Во-первых, этот шаг Макс не согласовал со «своим» министерством иностранных дел, и далеко не факт, что он получил бы одобрение. Во-вторых, не запрашивалось мнение Центра. Вероятнее всего, Москва была бы против. Это отвлекало разведчика от решения более важных задач. И наконец, он не просчитал возможную реакцию итальянцев. А таковая последовала незамедлительно. Макса вызвали в МИД, сделали строгое внушение и решительно потребовали отозвать направленный англичанам запрос. Осталось только подчиниться и выразить сожаление за доставленное итальянцам беспокойство.

В чем состоял просчет? Англичане были заинтересованы, чтобы их фактическое властвование в Триесте подкреплялось и международным признанием. Желание латиноамериканской страны открыть там консульство отвечало их намерениям. Однако в корне противоречило интересам Италии, добивавшейся, как и Югославия, полной

ликвидации англо-американского контроля над Триестом (соответствующий договор был заключен в 1954 г.).

Ничего не скажешь, неприятный эпизод в карьере разведчика. Но – из песни слова не выкинешь.

Случались у Макса происшествия другого рода, например дорожные. Неприятности начались уже при выезде из Москвы в Италию. Он направился в Варшаву поездом, имея на руках иностранный загранпаспорт. На границе он указал в декларации лишь приблизительную сумму ввозимой в Польшу валюты, не дав себе труда хорошенько запомнить, сколько на самом деле у него было денег. Польские таможенники, однако, решили проверить правдивость записи в декларации и обнаружили сумму большую, чем Макс заявил. В результате у него было конфисковано 100 с лишним американских долларов, которые расценили как контрабанду, что полностью соответствовало международным правилам.

Временами возникали непредвиденные обстоятельства, требовавшие от Макса смекалки и нестандартных действий. Например, случилось так, что посланником Польской Народной Республики в Италии в то время был человек, хорошо известный Максу по совместной революционной деятельности в буржуазной Польше. Возникла реальная опасность встречи на протокольных мероприятиях. Появилась задача – не попадаться на глаза старому другу. Приходилось изворачиваться. К счастью, срок пребывания польского дипломата в Риме скоро истек.

В Италии постоянно проживали или туда приезжали на время некоторые бывшие участники Гражданской войны в Испании, которые могли знать Макса в 1936–1937 годах как активного республиканца. О некоторых из них ему стало известно, и приходилось постоянно контролировать все свои старые контакты, которые вели в Испанию.

Или такая проблема: посещать ли приемы в советском посольстве? МИД «его страны» не советовал делать этого, и Макс строго выполнял эти рекомендации. В моральном плане ему было тяжело игнорировать приглашения, поступавшие из посольства СССР, но приходилось идти и на эту жертву. Потом выяснилось, что советского посла М.А. Костылева удивляла странная позиция официального представителя этой небольшой страны, с которой у Советского Союза существовали дипломатические отношения де-юре. Каким-то образом Костылев навел о Максе справки и направил в МИД информацию, охарактеризовав как реакционера и недруга нашей страны.

Будет справедливо подчеркнуть роль, которую играла в разведывательной деятельности Макса постоянная спутница его жизни Луиза. Она родилась в 1915 году в мексиканской семье среднего достатка. Получив необходимое образование и подготовку, стала учительствовать в одной из столичных школ. Ее родственные связи, ближайшее окружение принадлежали, как сказали бы сейчас, к левым слоям мекси-

канского общества, и она естественным образом вписалась в эту среду. В 1938 году произошла ее встреча с Максом, который тогда находился в Мексике, выполняя задания советской разведки. Их знакомство переросло в супружество, и длилось оно – беспокойно, тревожно, подчас с риском для здоровья и самой жизни, но по-семейному счастливо – ровно полвека.

Эта внешне хрупкая, скромная, обаятельная, интеллигентная женщина долгие годы делила с Максом все трудности профессии разведчика. Помогала мужу уже со времени пребывания того в Мексике, вместе с ним работала в годы Великой Отечественной войны в Аргентине, стала по существу главным прикрытием и важным участником всей его деятельности в Европе. Так, она была активно занята обеспечением связи с Центром. В необходимых случаях выезжала в другие страны для конспиративных встреч. Выполняла не просто функции курьера, но представляла квалифицированные оперативные отчеты. Работавшие с ней сотрудники легальных резидентур отмечали ее исключительную память, постоянную собранность, конспиративность.

Напомним о весьма рискованной поездке Луизы на «родину», которая завершилась существенным успехом. Она, к сожалению, перенесла там желтую лихорадку, и это заболевание позднее отразилось на состоянии ее здоровья.

Ее рабочий день обычно заканчивался поздним вечером. Она – и секретарь-делопроизводитель, и светская дама, и гостеприимная хозяйка. Частые приемы, встречи и проводы нужных людей, изнурительная переписка с заокеанскими «подругами»...

Не миновали Луизу и неприятности (если сказать мягко), с которыми иногда сталкиваются нелегалы, неожиданно встречая людей, знавших их прежде под другими именами. А было это так. По сложившейся традиции в Риме периодически проводились встречи жен сотрудников официальных центральноамериканских представительств, этакие «посиделки». Дамы за чашкой чая обменивались своими новостями, вели пустяковые светские разговоры, обсуждали «все и вся». Однажды Луиза возвратилась с одной из таких встреч совершенно подавленной. Оказалось, что в тот день к ним «на огонек» зашла атташе по культуре мексиканского посольства в Риме, приятная женщина средних лет. Ну и что? Разве это повод для расстройства? Далее вспоминает Луиза: «Подходит она ко мне и говорит: “Вы поразительно напоминаете мне кого-то. Только не могу вспомнить, кого именно. Скажите, вы в Мексике никогда не были?” Ответила, что была когда-то проездом. “И все же мы с вами где-то виделись. Вот я сейчас внимательно всматриваюсь, очень вы напоминаете одну из моих бывших учениц, а я прежде учительствовала в Мехико”. Всякое может быть, говорю, а сама чувствую, что вот-вот сорвусь. Но сдержалась. Потом она отошла, но весь вечер не спускала с меня глаз».

Действительно, это была школьная учительница Луизы в Мехико, у которой она почти пять лет училась на родине. С тех пор прошло более 15 лет... Такая вот встреча. Луиза сразу узнала свою наставницу, но надеялась – пронесет. Не пронесло. Вместе с мужем была отработана линия дальнейшего поведения Луизы – встреч не избегать, вести себя с этой дамой приветливо, ровно.

Развеяла ли сомнения бывшей учительницы ее бывшая ученица, нам этого теперь уже не узнать. Во всяком случае отрицательных последствий для нелегалов эта встреча не повлекла.

В период пребывания Макса в Италии пришли неприятные сообщения из-за океана. На президентских выборах в мае 1953 года победил упоминавшийся ранее бывший президент, однако вместо ожидавшегося Максом очередного повышения до чрезвычайного и полномочного посла в Италии на этот пост был назначен один из его приближенных. Таким образом, дальнейшие перспективы Макса стали весьма неопределенными.

Учитывая складывавшуюся обстановку и состояние здоровья Луизы, Центр решил, что командировка нелегалов должна быть завершена. Им предложили возвратиться в Москву. Определили, что отъезд нужно организовать таким образом, чтобы это не выглядело внезапным исчезновением, а имело бы убедительные для их окружения объяснения.

Прежде всего был избран предлог ухода с дипломатической службы. Макс разыграл крайнюю «обиду» на нового президента и своих бывших друзей «на родине», которые не сдержали прежнего обещания. Сначала он попросил в «своем» министерстве иностранных дел предоставить ему долгосрочный отпуск, а по истечении некоторого времени подал в отставку. Легенда «обиды» была распространена среди его ближайшего окружения в Италии и связей во Франции.

Дополнительным мотивом такого решения являлось состояние здоровья Луизы, требовавшее длительного лечения (что было недалеко от истины). Страной легендированного временного пребывания и лечения Луизы избрали Швейцарию.

Готовясь покинуть страну, Макс нанес необходимые прощальные визиты, рассчитался с персоналом миссии, ликвидировал имущество, проделал другую связанную с предстоявшим отъездом работу, позаботившись о том, чтобы здесь у него не осталось никаких обязательств.

Некоторым официальным лицам, деловым и личным связям в Италии Макс и его жена направили письма, где дали понять, что после лечения в Швейцарии семья намерена обосноваться «где-нибудь в Латинской Америке».

Когда вся эта подготовка была завершена, Макс и Луиза с дочерью выехали на короткий срок в Швейцарию, откуда по специально разработанному маршруту благополучно прибыли в Советский Союз в декабре 1953 года.

Судя по отчету Макса в Центре, ему удалось успешно «замести следы» пребывания в Италии. В течение 1954 года никаких сигналов о его возможной расшифровке как советского разведчика не поступало. Центр, однако, не был полностью удовлетворен этими отчасти субъективными и, с другой стороны, объективными сведениями и принял решение провести дополнительную проверку. С этой целью в Европу из Москвы командировали опытного агента-нелегала «Тинто». Перед отъездом он получил полную ориентировку о работе Макса.

Поездка состоялась в марте–апреле 1955 года. «Тинто» собрал полезную для дела информацию. Краткое ее содержание сводилось к следующему.

Документы и легенды-биографии наших нелегалов ни у кого сомнений не вызывали. Большинство их связей считало, что Макс с семьей находится в Латинской Америке. Его отказ от перспективной дипломатической карьеры и отъезд из Италии вызвал тогда много толков. Высказывалось мнение, что Макс, «человек с несколько повышенным честолюбием», не мог простить несправедливость к нему со стороны прежних друзей, пришедших к власти в «его стране» в середине 1953 года. Один из дипломатов заявил: «Будучи очень способным, с одной стороны, с другой – он не был подготовлен к опасностям политической жизни. У него возникли иллюзии с назначением послом в Риме, но его сместили в связи со сменой правительства на родине». Двое из знакомых высказали догадку об исчезновении Макса за «железным занавесом».

Как оказалось, в окружении Макса многие обращали внимание на некоторые странности в его поведении: иногда он на какое-то время пропадал, и никто не знал, где он находится. Полагали, что он имел слабость к картишкам, хотя, как заявил один из опрошенных, «игрок он был неважный». Или: «Как мог посланник католической страны, друг высокопоставленных деятелей Ватикана не крестить свою дочь, не дать ей имени того или иного святого, а также не быть самому верующим и не требовать этого от жены?»

Были основания считать, что итальянские спецслужбы проверяли Макса по Бразилии, но «ничего подозрительного не выявили». Проверяли и изучали его также и в Италии. Истинные цели спецслужб выяснить не удалось. Вероятнее всего, речь шла о рутинной работе, обычно проводимой контрразведками в отношении аккредитованных в их странах дипломатов.

Каких-либо неожиданных или тревожных сведений о Максе и обстановке вокруг него через полтора года после отъезда из Италии «Тинто» не получил.

Таким образом, анализ всех материалов о работе Макса в 1949–1953 годах позволил сделать уверенный вывод о том, что данная операция нелегальной службы советской разведки была проведена на высоком профессиональном уровне и спецслужбами западных госу-

дарств в то время раскрыта не была. Некоторые объективно существовавшие неблагоприятные факторы: не вполне надежная связь с Центром, а также отдельные ошибки в действиях и поведении Макса – на приведенную оценку влияния не оказали.

Закончив работу в разведслужбе, Макс не терял с ней связи до конца своих дней.

Коллеги и близкие друзья по совместной прошлой работе поддерживали с Максом глубоко уважительные товарищеские отношения, нередко обращались к нему за консультациями по разнообразным профессиональным вопросам. Макс периодически выступал в коллективах разведчиков с воспоминаниями. Охотно откликалась на просьбы и Луиза: помогала молодым сотрудникам разведки в совершенствовании их знаний испанского языка.

Макс скончался в 1988 году после тяжелой болезни. Луиза умерла в 1997 году.

---

[1] О начальных шагах Макса в разведке см.: **История российской внешней разведки**, тома III и IV.

26

Разведка и разлад с Югославией

Роковой для советско-югославских отношений 1948 год все еще таит в себе немало загадочных и не вполне понятных страниц, несмотря на большое внимание к этой проблеме историков и научные исследования в этой области. Исчерпывалась ли, например, мотивация поссорившихся сторон официально делавшимися заявлениями? Какие факторы в последующем способствовали преодолению конфликта и т.д.? Архивы разведки позволяют пролить на эти проблемы дополнительный свет, в частности на роль самой разведки как важного инструмента формирования внешнеполитической стратегии советского государства в послевоенный период.

После окончания войны в 1945 году казалось, что во всей Европе у СССР не было более надежного союзника, чем народная Югославия. Под руководством КПЮ югославский народ освободил значительную часть своей территории от фашистов, и это не было политическим мифом, так было на самом деле. Полмиллиона югославских партизан, а по некоторым оценкам, и до 880 тысяч, превратились к тому времени при советской организационной и материальной помощи в регулярную армию, которая представляла собой солидную военную силу, и Югославия доминировала в этом отношении во всем регионе Юго-Восточной Европы. Согласно решениям Ялтинской конференции и опираясь на поддержку Советского Союза, Югославия смогла существенно отодвинуть свои границы на западе, присоединив ныне отошедшие к независимым Хорватии и Словении полуостров Истрия, Кварнерский архипелаг, северную и среднюю части Далмации с самыми крупными в этой части Средиземноморья портами Копер (Каподи-Истрия) и Риека (Фиуме). Всерьез шла речь о создании балканской федерации в составе, как минимум, Югославии, ее фактического ядра – Болгарии и Албании. Сталин этот проект до определенного момента поддерживал. Весьма прочными были позиции югославов в охваченной гражданской войной Греции, особен-

но в Эгейской Македонии, среди этнических славян. Влияние КПЮ в Европе было таково, что, например, итальянский исследователь Дж. Боффа говорил о сложившейся в международном коммунистическом движении ситуации как о «советско-югославской гегемонии». О доверительности отношений между СССР и СФРЮ свидетельствует, например, факт поддержанной Сталиным инициативы Берии и Меркулова от 29 июня 1945 года (после обращения посла в Югославии Садчикова) о направлении в Югославию группы из 30 сотрудников Шестого управления НКГБ СССР во главе с его заместителем начальника, комиссаром госбезопасности Шадриным для усиления личной охраны Тито. При этом помощник Шадрина подполковник Глуховцев был назначен заместителем начальника охраны югославского лидера. В течение определенного времени эта группа осуществляла физическую защиту Тито и занималась налаживанием всей системы охраны госучреждений Югославии.

Вместе с тем против этого «братского союза» с первых же дней, сначала исподволь, а потом все более открыто, действовали факторы как объективного, так и субъективного характера, целый комплекс сложно переплетенных исторических обстоятельств. Не во всем, например, совпадали национально-государственные интересы сторон, когда Тито требовал у Сталина более решительно добиваться присоединения Триеста или австрийских провинций к Югославии, не считаясь при этом с реальными возможностями СССР. Несомненно и то, что опустошенный войной Советский Союз не мог выступать исключительно в роли донора для вновь обретенных союзников в Восточной Европе и искал для себя определенных преимуществ в некоторых экономических сделках. Не имея возможности в условиях жесткой послевоенной конфронтации состязаться здесь с американцами, он пытался компенсировать свои слабости требованиями большей дисциплины и самоограничений среди своих союзников. Проблемы в связи с этим возникали и с немцами, и с венграми, и с румынами, но югославов, как более самостоятельных, они, видимо, задевали больше всего.

Немалую роль играли и личные амбиции лидеров, особенно таких авторитарных, как Сталин и Тито, изначально претендовавший на особый статус в мировом революционном движении, бросая тем самым вызов доселе непререкаемому «вождю народов». Особую лепту в соперничество внесло и влияние части их окружения, пытавшейся использовать его в рамках извечной борьбы приближенных за влияние. Несомненно, в отрыве Югославии от СССР были заинтересованы западные государства. Всеми силами, в том числе с помощью своих спецслужб, они «вбрасывали яблоки раздора», учитывая «национал-коммунистические» настроения югославов и известные им психологические особенности представителей той и другой стороны.

Руководство разведки НКГБ во главе с Фитиным заняло терпимую и гибкую позицию в отношении югославов. Заместитель резидента в Белграде полковник Тишков в марте 1945 года, сообщая в Центр о включении в югославское правительство буржуазных политиков М. Грола и С. Косановича (что вызвало критику и со стороны Сталина), утверждал, что тем самым Тито показывает, что намерен вести самостоятельную политику и «не считаться с мнениями советского правительства». Тишков охарактеризовал такой курс как «неправильный и для Советского Союза вредный». За подписью Фитина в Белград был направлен такой ответ: «В сложившейся обстановке, существующей в Югославии, Тито иначе вести себя не может. Никаких оснований подозревать его в неискренности с нами или же в перемене симпатий у нас нет. Не делайте поспешных выводов».

В июле того же года в Центр пришло письмо от руководителя подрезидентуры в Загребе. В нем со ссылкой на разговоры в «средних партийных рядах Хорватии» утверждалось, что «Ранкович вместе с Карделем и Джиласом и другими создали в Политбюро ЦК КПЮ антисоветскую партийную группу, которой Тито в силу недостаточной интеллектуальности не может противостоять». В письме подчеркивалось, что Ранкович и Кардель якобы часто употребляют выражения типа «пусть русские выметают сор из своей избы, мы же из своей избы выметем сор сами».

Реакция Фитина на это письмо была острой и эмоциональной, о чем свидетельствуют его ремарки непосредственно по тексту: «у самого автора этой писанины толкования антисоветские», «как можно писать такую чушь?».

В августе 1945 года в резидентуру НКГБ в Белграде за подписью Фитина было направлено письмо, где в отношении доклада из Загреба, в частности, говорилось, что Центр уже неоднократно просил все документы, которые в какой-либо мере свидетельствуют о элементах нелояльного отношения к нам со стороны отдельных югославских работников, снабжать своими критическими оценками». Резиденту был сделан упрек в том, что, переправляя прямые обвинения в адрес основных руководителей партии и правительства, он счел возможным лишь ограничиться замечанием: «В докладе есть много тенденциозного». «Подобные утверждения без приведения фактов и доказательств не могут быть терпимыми, – указывалось в письме Центра. – Считаем, что авторы этих слухов могут быть либо жертвами английской провокации, либо активными проводниками ее». Фитин потребовал тщательно проанализировать информацию подобных источников. В заключение письма руководитель разведки высказал пожелание, во многом провидческое:

«Еще раз просим вас при получении подобных данных помнить, что англо-американские разведорганы кровно заинтересованы в созда-

нии атмосферы недоверия и подозрительности к руководителям нынешнего правительства Югославии. Надо думать, что впереди еще будет немало попыток нашими руками убрать наиболее верных и преданных югославских коммунистов. Это, конечно, не значит, что мы вообще исключаем возможность политической деградации отдельных коммунистов под влиянием внешней обстановки и искусственного воздействия извне (история нашей партии учит нас, что такие случаи возможны). Но подобные сигналы должны самым подробным и добросовестным образом изучаться раньше, чем делать выводы о деградации и измене».

Следует обратить внимание на взвешенность подхода внешней разведки к достаточно сложной ситуации, сложившейся в тот период в Югославии, на требование ее руководителя проявлять терпимость и понимание местных реалий, на его гражданскую позицию. Впоследствии, когда конфликт между Сталиным и Тито все же разразился, Фитину пришлось пережить из-за этой своей позиции немало тяжелых моментов. Ну а пока он предпринимал конкретные шаги по нейтрализации источника возможного осложнения двусторонних отношений.

В целом вся работа советских разведчиков в Югославии в послевоенный период была направлена прежде всего на оказание содействия югославским спецслужбам без вмешательства в их дела.

В «Предложениях по организации аппарата офицеров связи НКГБ СССР в федеральных единицах Югославии», утвержденных Меркуловым 7 июля 1945 года, в частности, говорилось:

«5. Разрешить нашим оперативным работникам вербовку агентуры для разработки англо-американцев и белоэмигрантов, оставив в силе прежнее запрещение вербовки в югославском государственном и партийном аппарате (КПЮ), армии и лиц, связанных с ОЗНА («Органы защиты народа». – *Авт.*).

6. Разрешить лиц вышеуказанных категорий осторожно использовать в порядке установления с ними личного дружественного контакта для получения от них интересующей нас информации».

В уже приводившемся письме в белградскую резидентуру от 23 августа 1945 года помимо разбора доклада из Загреба также ставились задачи «создать небольшую, но крепкую сеть, которая могла бы глубоко и полно освещать и разрабатывать англо-американцев в стране, их работу и планы, разрабатывать белую эмиграцию и местные реакционные элементы, ранее сотрудничавшие с оккупантами». Подчеркивалось: «Мы не исключаем возможности в будущем наиболее проверенную на работе иностранную агентуру, приобретенную Вами, вывести в другие страны. Учтите, что старые запрещения вербовать агентуру в среде государственного и партийного аппарата с целью получения материалов о деятельности югославского правительства

остаются в силе...» И запрет этот соблюдался достаточно жестко. Так, когда в августе 1946 года наши оперработники предложили использовать источник, работавший у Тито, для сбора информации о его окружении, сменивший к тому времени Фитина на посту начальника Первого главного управления Кубаткин ответил, что подобное решение было бы ошибочным и противоречило бы «нашей установке по этому вопросу. Задача подбора проверенных людей, достойных доверия Тито, входит в компетенцию ОЗНА».

На переговорах с Ранковичем был подробно обсужден широкий круг вопросов взаимного сотрудничества по линии разведок двух стран. Абакумов попросил Ранковича делиться с находившимися при нем советниками МГБ наиболее интересными данными, имеющими общий политический характер. Кроме того, речь шла об оказании помощи советской разведке в деле содействия переброске нашей агентуры, которая должна была некоторое время жить в Югославии, в другие страны, а также о помощи нам в деле снабжения такого рода агентуры нужной документацией. В записи беседы зафиксировано обещание Ранковича охотно сделать все зависящее от него в этой области.

Действительно, в тот период шел достаточно широкий обмен информацией по интересующим обе стороны вопросам мировой политики. Можно выделить следующие характерные эпизоды сотрудничества.

С помощью югославов на Запад было выведено по крайней мере семь агентов Первого управления НКГБ. Несмотря на последующее охлаждение между ФНРЮ и СССР, проведенная затем проверка показала, что провалов среди этой агентуры не было, и это, конечно, существенный момент.

Примерно в середине 1946 года югославы добыли и передали нам через Ранковича фотокопии дипломатических шифров одной из западных стран.

В апреле 1947 года мы вручили Ранковичу трофейные немецкие документы: один том дела охранной полиции Белграда с донесениями о настроениях югославского населения за 1943 год и два тома дела полиции с сообщениями о политическом положении в Сербии и Югославии за 1941–1942 годы, а также собранные немцами материалы о зверствах усташей над мирным населением. Легко себе представить ценность этих документов для югославов не только с точки зрения выявления фашистских пособников, но и с учетом далеко еще не закончившейся борьбы за власть в самой Югославии.

Со своей стороны, Ранкович направил нам предупреждение об установлении французской контрразведкой в Париже мест встреч советских разведчиков со своей агентурой.

В августе 1947 года представитель НКГБ сообщил югославам координаты засеченной в районе Белграда нелегальной радиостанции, регулярно выходившей на связь с английским корреспондентом.

В январе 1948 года Ранкович передал нам арестованного в Загребе бывшего полковника войск СС Отто Райха, проводившего карательные операции в Новгороде и командовавшего полицейским полком в Тернополе.

Тесные связи между двумя разведками, прежде всего в деле выявления бывших нацистских преступников, поддерживались в Вене. В апреле 1948 года, когда советско-югославский конфликт уже набирал обороты, ближайший соратник Ранковича А. Стефанович от его имени выражал надежду, что сотрудничество по этим вопросам будет продолжено.

На государственно-партийном уровне внешне все также обстояло благополучно. Так, 8 сентября 1947 года была наконец реализована инициатива Тито о создании взамен Коминтерна нового координационного центра международного коммунистического движения, получившего название Информационное бюро, но более известного как Коминформбюро, штаб-квартира которого была размещена в Белграде.

Фактически это было «вторым изданием» Коминтерна с параллельным Москве, выдвинутым ближе к Западу центром, что, безусловно, говорило об исключительно важном месте Югославии в системе предпочтений Сталина. Но этот несомненный успех югославской инициативы таил для Тито и серьезную опасность.

Отныне в силу деликатного характера миссии, доверенной руководству КПЮ, все его действия стали взвешиваться в Москве как бы на аптекарских весах. Бывший прагматический подход к югославам, которого придерживалась советская разведка и который позволял «прощать» им некоторое своеволие и поступки, действительно не всегда благовидные, приобрел теперь ярко выраженный идеологический характер. В Москве с этого момента возросло стремление жестче контролировать поведение югославов, так как все их возможные новации в деле построения социализма непосредственно отражались на авторитете «старого центра». Не случайно основными инициаторами развернувшейся с этого времени все более острой критики КПЮ, в конце концов приведшей к межгосударственному кризису, были, судя по всему, прежде всего представители части руководства ЦК ВКП(б), отвечавшие за идеологию, – А.А. Жданов, молодой тогда, но уже влиятельный М.А. Суслов, а в Белграде – направленный туда философ П.Ф. Юдин. В некоторых изданиях подчеркивается именно роль последнего в продвижении в Политбюро разного рода обвинений и проектов документов против КПЮ, он даже ошибочно называется послом. На самом деле послом в Югославии в то время был А.И. Лаврентьев, впоследствии, в октябре 1948 года, назначенный и резидентом КИ, однако Юдин, очевидно, имел свой прямой выход на ЦК ВКП(б).

Принято также считать, что основными поставщиками советским представителям критического материала в адрес КПЮ в то время

были член ее политбюро С. Жуйович и выведенный ранее из кандидатов в этот орган А. Хебранг, которых даже обвиняли в работе на разведку СССР. Выше уже говорилось, что деятели такого уровня в соответствии с действовавшими жесткими правилами никак не могли быть ее агентами, и они свою критику тех или иных решений коллег по югославскому руководству высказывали открыто, в том числе и послу Лаврентьеву. Гораздо менее известно то, что в предшествующий период «тайными» критиками Тито в беседах с советскими разведчиками были его самые ближайшие сподвижники: в Любляне – Э. Кардель, а в Загребе – В. Бакарич. Возможно, их «откровения» были отражением борьбы за власть и стремлением быть замеченными в Москве. Но не исключено и то, что эти деятели с самого начала преднамеренно провоцировали конфликт, в котором они выступили на стороне Тито, хотя до этого сами хулили его перед Сталиным. Примечательна в этом смысле крайне неблаговидная роль работавшего в Загребе Йосипа Копинича – резидента Коминтерна в годы войны в Хорватии. Несмотря на утверждения этого деятеля, что именно он спасал Тито от сталинских чисток и в 30-е годы, и после войны, архивы СВР России показывают, что в период 1945–1947 годов Копинич и был главным источником негативной информации (возможно, не без ведома В. Бакарича) о югославском руководстве.

Участие разведки в подготовке положившего начало конфликту с Югославией письма ЦК ВКП(б) в адрес ЦК КПЮ от 27 марта 1948 года, в котором указывалось на многочисленные ошибки югославов и требовалось немедленно их устранить, было незначительным, о чем говорят архивные документы.

Только 25 марта того же года Сталину и Политбюро был направлен доклад разведки, подготовленный по требованию партийных органов бывшим заместителем резидента НКГБ в Белграде Тишковым, «О действиях некоторых руководителей югославского правительства и югославской компартии, направленных против интересов Советского Союза». В указанном документе были сведены воедино основные критические замечания в адрес югославов из прежних телеграмм.

Позднее, когда Тито был уже объявлен «фашистским палачом и убийцей», к этому докладу была приложена справка, которая в то время могла дорого стоить всему руководству разведки и Фитину в частности. В ней говорилось: «Ни один из приведенных в докладной записке Тишкова фактов в свое время не сообщался в ЦК ВКП(б) или МИД СССР. Известно, что руководство ПГУ МГБ СССР не разрешило сообщать эти факты в ЦК ВКП(б), и в белградскую резидентуру неоднократно давались указания не заниматься сбором сведений о руководстве КПЮ. В апреле 1948 года был произведен просмотр всех имеющихся в КИ материалов о ЦК КПЮ и на отдельных руководящих деятелей Югославии... Большинство материалов по этому

вопросу принадлежало военной части КИ, поступивших от начальников военной миссии СССР в Югославии».

В июне 1948 года по инициативе СССР была принята резолюция Информбюро «О положении в компартии Югославии», которая послужила строгим ориентиром для стран социалистического содружества в отношении Югославии и режима Тито.

Наступивший в 1948 году разлад продолжался до 1955 года, он сопровождался жесточайшей полемикой и разрывом многих связей, прежде всего военных и экономических. Какими бы мотивами ни руководствовались Тито и его соратники, но в тот момент они проявили себя далеко не с лучшей стороны. В Югославии были репрессированы десятки тысяч сторонников резолюции Коминформбюро. Тысячи из них были убиты или замучены до смерти в таких печально известных лагерях, как, например, «Голый остров». Казалось, идеологическая конфронтация вот-вот перерастет в военную. Каждый год до самой смерти Сталина предсказывалось на Западе близкое вторжение восточноевропейских стран и СССР в Югославию. Но все же этого не произошло.

Как представляется, реальной опасности такого развития событий на самом деле не было. Давно и по разным поводам было подмечено странное сочетание в Сталине догматически нетерпимых подходов с крайне прагматическими и взвешенными поступками, особенно в сфере внешней политики. Объяснение такому противоречивому поведению обычно находят в свойствах личности Сталина, однако тут играл свою роль и другой фактор – информационный поток, в котором он находился и который самим своим содержанием подталкивал его ко вполне определенным и рациональным выводам. Вне всякого сомнения, разведка могла сыграть в тот период свою роль, поскольку в подавляющем большинстве случаев сообщала объективную информацию и, за редким исключением, не стояла перед необходимостью подстраиваться под антититовские настроения.

Поскольку дипломатические отношения между двумя странами не прерывались, это позволяло разведке сохранять контроль за освещением событий в Югославии. Еще больший объем важной информации документального характера, позволявший увидеть подлинные мотивы политики югославского руководства, отношение к ней западных государств и тенденции развития обстановки, поступал из зарубежных резидентур, прежде всего из Лондона, Парижа, Вашингтона, Рима и некоторых других.

Так, например, вопреки пропагандистскому шуму по поводу едва ли не всенародного восстания против «режима Тито», резидентура в Белграде сообщала в начале 1949 года, что в вооруженном сопротивлении в Черногории, о котором говорилось как о самом мощном выступлении, реально участвовал лишь отряд секретаря Биелопольского уездного комитета КПЮ Булатовича численностью всего 30 человек,

к тому же отряд этот был быстро разбит. Резидентура информировала об отчетах пленумов республиканских компартий, из которых явствовало, что в партийной «верхушке» лишь единицы стали на сторону резолюции Коминформбюро. Подробно освещался процесс чисток в армии, устранивших лояльных Советскому Союзу офицеров и генералов. В деталях отслеживалось строительство оборонительных рубежей у восточных границ, укрепление военной промышленности и вооруженных сил Югославии. Оказавшись в крайне тяжелых условиях работы, белградский аппарат разведки, все контакты которого были взяты под плотную слежку югославскими органами безопасности и сразу же профилактированы, а некоторые арестованы и отправлены в лагеря, тем не менее не пытался представить режим Тито слабее, чем он был на самом деле, хотя и крайне негативно, по понятным причинам, оценивал его. Информация резидентуры была в своей основе объективной, и это само по себе оказывало сдерживающее влияние на возможные попытки силового решения из Москвы. Из сообщений разведки было ясно, например, что дело не только в личном поведении Тито, но и в солидарной позиции большой группы его ближайших соратников, таких как Ранкович, Джилас, Кардель, К. Попович и др. Поэтому простым физическим устранением югославского лидера ничего нельзя было изменить, и все планы на этот счет, о которых в своей книге «Разведка и Кремль» пишет П. Судоплатов, если они и были, оставались не более чем «теоретическими разработками», не переходившими в практическую плоскость.

Разведывательная работа в Югославии была крайне затруднена и перманентными процессами над очередными «советскими шпионами», чаще всего вымышленными. Более всего от этого страдали русские белоэмигранты. Вина одних из них заключалась лишь в принятии гражданства СССР, а трагедия других – в связях с группой СМЕРШ, установленных в годы войны в целях борьбы с фашистами и их пособниками. На том этапе это не очень-то скрывалось от союзников и партнеров из ОЗНА.

Из сообщаемых разведкой сведений вполне определенно следовало, что именно дальнейшее давление на Югославию или попытки силового решения могут привести к ее полному переходу в стан противника. Таким образом, приходилось выбирать между сохранением ФНРЮ как не вполне дружественной, но все же нейтральной страны или же весьма вероятным, в случае непродуманных действий, ее переходом в противоположную группировку, с существенным усилением общих стратегических позиций только что созданного блока НАТО. Нет ничего удивительного в том, что арсенал давления на Белград так и не вышел за пределы малоэффективной пропаганды и еще менее эффективных экономических мер со стороны Советского Союза, с лихвой перекрывавшихся западной помощью.

В период с 1949-го до марта 1953 года внешняя разведка добыла значительное количество важной, в том числе документальной, информации из правительственных и политических кругов западных стран по широкому спектру проблем, относившихся к Югославии.

Так, в начале 1949 года Сталину и другим членам Политбюро был представлен текст письма австрийского посланника в Югославии Розенберга в МИД Австрии, в котором сообщалась оценка положения Тито западным дипломатическим корпусом и отмечалось, что оно упрочилось. Указывалось также, что «тактика окружения Югославии Венгрией, Румынией, Болгарией, а сейчас еще и Грецией, проводимая Советским Союзом и его сателлитами, только ускорила выявление отрицательных для СССР результатов... политика Кремля постепенно толкала Югославию в лагерь западных держав. Эта ситуация, естественно, была активно использована английской и американской дипломатией».

Из подобных оценок, очевидно, делались и соответствующие выводы. В сентябре 1949 года Сталину и другим советским руководителям был доложен текст телеграммы посла Франции в США Боннэ, где говорилось, что «государственный департамент следит за развитием событий на Балканах с особенной бдительностью в связи с сообщениями о передвижении советских войск в направлении к югославской границе. Однако американские обозреватели отмечают, что почти открытый характер этих передвижений, масштабы которых значительно меньше, чем это представляет пресса, свидетельствует скорее об усилении войны нервов, чем о подготовке к вооруженному конфликту».

В марте 1950 года Комитет информации доложил руководству страны содержание беседы Тито с послом США в Югославии Алленом, в ходе которой югославский лидер сказал, что опасается возможного соглашения между великими державами о разделе мира на сферы влияния, и при этом подчеркнул, что его особенно тревожит возможный раздел Балкан в ущерб свободе и независимости Югославии. «Тито пожаловался Аллену на Аденауэра, который пытался оказать на Тито давление, требуя освободить явных военных преступников».

Примерно в это же время на стол советского лидера легла и шифрпереписка министра иностранных дел Югославии Карделя с послом в США Косановичем, из которой было видно категорическое нежелание югославов присоединяться к «плану Маршалла» из-за опасений потерять независимость.

О стремлении Тито к самостоятельности свидетельствовала, например, и доложенная В.М. Молотову запись беседы французского посла в Югославии Бодэ с генсеком ООН Трюгве Ли, который поделился весной 1951 года своими впечатлениями от бесед с югославскими руководителями, настаивавшими на том, чтобы ООН счита-

лась с малыми народами и не отдавала все в руки великих держав. В частности, Тито, которого Трюгве Ли «нашел физически сильно уставшим», проявил «непоколебимую волю сохранять свою независимость в отношениях между двумя блоками». При этом Трюгве Ли заметил, что «был очень удивлен чрезмерным проявлением гордости со стороны Тито, которому следовало бы больше считаться с советами западных держав».

Тогда же была получена оценка французской разведки, в соответствии с которой «с точки зрения марксистской диалектики, несмотря на разногласия между правительствами Тито и Коминформбюро, Югославия по-прежнему является народной республикой, а Тито является «троянским конем» в блоке Западной Европы, которого СССР может через определенное время использовать в своих интересах».

В то же время постоянно поступала информация о попытках западных стран полностью перетащить Югославию на свою сторону. Так, в сентябре 1950 года разведкой был сообщен текст телеграммы итальянского посла в Югославии Мартино о визите туда делегации британских лейбористов во главе с известным политиком Дэвисом, настаивавших на целесообразности отказа Югославии от ее позитивного нейтралитета в случае создания европейских или атлантических вооруженных сил. В телеграмме указывалось, что ее дистанцирование от Атлантического пакта будет иметь не только военное, но и политическое значение «в связи с будущим переустройством мира на основе мирного договора или в результате войны, так как предусматривается, что только страны, входящие в эти блоки, будут принимать участие в решении политических вопросов».

Примерно в этот период в Москву докладывалось и о том, какому постоянному давлению подвергается в Белграде Тито со стороны американского посла Аллена, домогавшегося от него открытого присоединения к резолюции Совета Безопасности по корейскому вопросу. Тито не раз выражал «моральную поддержку США», но удовлетворить их просьбу отказывался.

10 февраля 1951 года Сталин получил сообщение о закончившейся за два дня до этого во Франкфурте-на-Майне конференции американских послов в странах Западной Европы, на которой, помимо прочего, было выдвинуто предложение о «необходимости оказать на Югославию давление, с тем чтобы она ускорила свое официальное присоединение к Атлантическому пакту». В качестве промежуточного варианта этого процесса рассматривался, в частности, итало-югославский военный союз.

Однако основные усилия западных стран по вовлечению Югославии в свои военные структуры, как следовало из документов, доложенных руководству СССР разведкой, были направлены на создание югославо-греко-турецкого союза, или Балканского пакта, как южной оси НАТО. Интенсивные контакты по этому поводу стали

осуществляться в начале 1951 года. Основным их инициатором были США. Интересно, что не все западные страны разделяли их позицию. Так, советскому руководству было известно из сообщения итальянского посла в Югославии Мартино своему МИД, что Лондон против подобного регионального объединения. Англичане указывали на опасность того, что в предполагаемом союзе Югославия сможет осуществлять политическое господство над другими членами, таким образом не приближаясь к НАТО, а, наоборот, уводя от него Афины и Анкару. Тем самым оживлялись старые страхи на Западе, что Тито – не более чем ее «засланный троянский конь», и об этом также регулярно сообщалось в Москву.

В феврале 1952 года разведка информировала советское руководство о политике США в отношении Югославии. В записке указывалось, что эта политика в основном направлена «на превращение Югославии в военный плацдарм для нападения на СССР и страны народной демократии». Отмечалось также, что в этих целях идут переговоры о прямом вступлении Югославии в региональный союз с Грецией и Турцией, с помощью которого американцы намереваются косвенным путем «присоединить Югославию к Североатлантическому союзу». Однако констатировалось, что американцы, «используя клику Тито, все же полностью не полагаются на нее, а поэтому поддерживают старые буржуазные партии Югославии».

В январе 1953 года в Центр поступило обстоятельное разведывательное сообщение о подготовке к созданию Балканского пакта, из которого было видно, что «титовцы по внутриполитическим соображениям» по-прежнему считают нежелательным для себя подписывать его официально, а хотят ограничиться «секретными военными конвенциями». Балканский пакт, несмотря на подписанные соглашения, так никогда и не вступил в силу.

Следует отметить, что отдельные примирительные сигналы поступали югославам еще при жизни Сталина, что было зафиксировано и западными представителями. Так, в октябре 1952 года Сталин был проинформирован разведкой о том, что французский временный поверенный в СССР Брионваль сообщил в МИД Франции о наблюдаемых им переменах в советско-югославских отношениях в тот период. «Заметно смягчились нападки советской печати на Югославию. По слухам, между советскими и югославскими руководителями ведутся тайные переговоры... Состоялись якобы секретные встречи. Помимо этого советская делегация в Дунайской комиссии пошла на уступки югославам и якобы сделала им авансы». И хотя в беседе с ним югославский поверенный в СССР Жагар отрицал это, Брионваль сделал вывод, что уступки СССР Югославии на «Дунайской конференции были, и поэтому попытка сближения между ними действительно имела место». В целом данная комиссия, постоянное место расположения которой находилось в Белграде и где обе стороны в основном

были представлены разведчиками, на самом деле была чуть ли не единственным местом, где на всем протяжении конфликта югославы и русские могли обо всем договориться.

Как известно, после смерти Сталина Л. Берия выступил за нормализацию отношений с Югославией. В тот момент это не нашло понимания у других членов советского руководства и в ходе суда над ним было одним из пунктов обвинения в «ревизионизме». Избавившись от Берии, новые руководители страны, тем не менее, достаточно быстро начали занимать по югославскому вопросу схожую позицию, опираясь в процессе постепенной нормализации отношений с Тито в значительной степени на информацию разведки.

Так, от резидента в Лондоне был получен и направлен Маленкову, Молотову и Хрущеву текст письма Черчиллю посла Великобритании в Югославии Маллета от 8 мая 1953 года. В нем говорилось, что в Белграде внимательно следят за советской политикой после смерти Сталина, проявляя пока определенный скептицизм по поводу возможности «мгновенного» изменения взглядов соратников умершего вождя, но придают большое значение их заявлениям и считают необходимым в данный период «избегать всякой видимости угроз и ультиматумов в адрес России».

В августе 1953 года руководству СССР был доложен меморандум МИД Англии, добытый резидентурой в Лондоне. В нем говорилось: «Хотя Россия, назначив посла в Белград, сделала первый шаг к нормализации своих дипломатических отношений с Югославией впервые со времен образования Коминформа, ее мотивы для такого отступления по-прежнему остаются неясными». Англичане высказывали в общем отвечающее действительности предположение, что этот первый шаг предпринят с целью попытаться нарушить растущую близость Югославии с Западом и побудить ее вернуться к рабочему сотрудничеству с советским блоком. «На данной стадии, – отмечалось в документе, – эта политика может быть рассчитана на то, чтобы возродить традиционные прорусские и просоветские чувства в некоторых югославских кругах и возбудить на Западе подозрительность в отношении Югославии». При этом авторы меморандума уповали прежде всего на выгоды, которые получает Югославия от своего сотрудничества с Западом, и полагали весьма маловероятными изменения в позиции Тито, «если только не произойдет крутого поворота в общей политике России, чтобы русские смогли проявить в своих отношениях с Тито такое уважение к его независимости и такую щедрость в части экономической помощи, ради которых ему стоило бы изменять свою политику».

Кремлю было ясно, что нормализация отношений с Югославией потребует не только устранения имеющихся между ними проблем, но и нейтрализации острого противодействия этому процессу со стороны Запада, использующего для этого мощные материальные и фи-

нансовые ресурсы. Весьма характерна в данном смысле информация, направленная разведкой руководству страны в конце 1954 года, о переговорах в США заместителя председателя Союзного исполнительного вече Югославии С. Вукмановича-Темпо (в то же время в Москву почти сразу после этого отбыл другой член правительства – М. Тодорович). Резидент в Белграде со ссылкой на круги, близкие к Карделю, сообщал, что американцы во время переговоров обещали Вукмановичу предоставить заем и оказать Югославии экономическую помощь при выполнении югославским правительством следующих условий.

1. Из правительства должны быть устранены все лица, ориентирующиеся на Восток и настроенные антиамерикански.

2. Югославия должна изменить политику по отношению к Советскому Союзу и странам народной демократии и совершенно прекратить дальнейшую нормализацию отношений с этими странами.

3. Восстановить дипломатические отношения с Ватиканом и прекратить преследования католической церкви в Югославии.

4. Югославия должна присоединиться к Североатлантическому пакту.

Говорилось, что Вукманович информировал об этих условиях Тито и получил от него указание заявить американцам, что подобного рода условия для Югославии неприемлемы, и прервать переговоры. Источник также сообщил: «Дальнейшая линия югославского правительства в деле нормализации отношений с Востоком и внешняя политика по отношению к Западу будут определены по возвращении Тодоровича из Москвы в связи с тем, что Югославия до сих пор не знает, в какой мере она может рассчитывать на Советский Союз, и действительно ли заявления руководителей советского правительства являются искренними».

Поскольку вся эта информация поступила от югославов, в разведке допускали, что они ведут определенную игру с целью повлиять в желательном для них направлении на ход экономических переговоров в Москве. Об этом была сделана соответствующая оговорка в тексте сообщения. Общий характер отношений Югославии с Западом, реальное наличие у нее колебаний между ним и Востоком подтверждались многочисленными документами, поступавшими из других резидентур разведки. Они свидетельствовали о том, что не только сближение с Белградом, но и сохранение его в качестве нейтральной величины мировой политики потребует от Москвы решительных шагов, некоторых жертв в плане престижа и материальных затрат.

К началу 60-х годов обоюдными усилиями между сторонами постепенно был выстроен определенный модус вивенди. Согласно оценке советско-югославских отношений послом одной из стран НАТО в Югославии, «оттепели и похолодания, периодически повторявшиеся в них начиная с примирения в мае 1955 года, к 1961 году сменились устойчивым сближением, которое особенно выражается в поддержке

югославами советских тезисов по берлинскому вопросу». Позиция Югославии на Белградской конференции, в частности в вопросе о возобновлении Советским Союзом ядерных испытаний, утверждал посол, дает СССР новые причины для удовлетворения. Югославы положительно оценили XXII съезд КПСС, и это также способствует сближению. Посол высказал прогноз: «Если допустить, что Советский Союз намеревается принять от югославов услуги, которые они могут оказать, проводя вне социалистического лагеря самостоятельную, но близкую советской и согласованную с СССР линию, то можно представить себе, каковы будут перспективы и пределы сближения двух стран». Не только находившаяся у власти «команда Хрущева», но и вскоре сменивший его Брежнев действительно руководствовались этим подходом, что позволило в середине 60-х годов вывести отношения двух стран на достаточно стабильный уровень.

После нормализации советско-югославских отношений возобновились и контакты между спецслужбами двух стран. По инициативе центрального аппарата разведки и решению ЦК КПСС посол СССР в Югославии Н.П. Фирюбин в 1956–1957 годах дважды передавал А. Ранковичу списки лиц, подозревавшихся западноевропейскими контрразведками в разведывательной деятельности в пользу Югославии, а также перевербованных ими. При этом Ранкович, по отзывам Фирюбина, был крайне смущен, многократно благодарил, словом, вел себя так, как будто «упоминаемые лица ему хорошо известны, а информация о них очень важна».

К сожалению, львиная доля усилий югославских спецслужб как внутри страны, так и за рубежом уходила на борьбу не с подлинными разрушителями ее единства, а с так называемыми коминформбюровцами, вся вина которых состояла в вере в то, что у Югославии без союза с Россией – Советским Союзом будущего нет.

27

Багдадский пакт — СЕНТО: рождение и гибель

В Берлине, в Карлхорсте, в 1945 году в первые часы 9 мая завершилось подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии. День 9 мая стал всенародным праздником Победы. На Красную площадь, Охотный ряд, Манежную площадь стекались потоки ликующего народа. Незнакомые люди обнимали друг друга, смеялись, плакали...

Советник посольства США Дж. Кеннан, наблюдая из окна за восторженной манифестацией, тихо произнес: «Ликуют... Они думают, что война кончилась. А она только начинается»[1]. По вступлении в должность президента Трумэн заявил, что «русские скоро будут поставлены на место, и тогда Соединенные Штаты возьмут на себя руководство развитием мира»[2]. Администрация США готовилась выбросить за борт политику президента Рузвельта. Вторя Трумэну, Уинстон Черчилль в марте 1946 года в гостях у Трумэна выступил в Фултоне (США) с речью, возвестив о начале холодной войны.

Путь от деклараций к делам был недолгим: уже в июле 1945 года один из самых информированных агентов советской разведки Гай Берджесс сообщил о разработке в Великобритании документа «Безопасность Британской империи», в котором СССР был объявлен «главным противником» Англии и всего Запада. Были намечены меры по изоляции бывшего союзника и подготовке войны против него. Через некоторое время полный текст этого документа лег на стол начальника внешней разведки. Он был доложен И.В. Сталину.

Этот документ хранится в архивах СВР России. Речь в нем идет о подготовке наступательной войны против СССР, для чего, в частности, заявлялось о необходимости совместно с США создать сеть военно-политических блоков, направленных против СССР. Британские военные стратеги рекомендовали организовать эту систему блоков и баз в наиболее важных районах мира: в восточном Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке. Подразумевалось, что сколачивание этих союзов будет происходить под эгидой Англии.

Самой жизнью уже в первые послевоенные месяцы перед внешней разведкой была поставлена задача, требующая сосредоточения усилий на раскрытии этих планов. В Рим, Каир, Анкару, Стамбул, Тегеран, Багдад, а в последующие годы и в Карачи, Тель-Авив, Дамаск и Амман по мере открытия резидентур в этих столицах были направлены задания отслеживать мероприятия западных держав по формированию враждебных СССР военно-политических союзов.

Такая информация начала регулярно поступать в Москву с середины 1947 года. В августе этого же года был добыт доклад французского посла в Афинах о поездке министра иностранных дел Греции Цалдариса в США, где обсуждались планы создания Средиземноморского военного блока. Греческий министр высказал серьезную озабоченность тем, что американцы отводили ключевую роль в этом альянсе традиционно недружелюбной к грекам Турции. На обратном пути Цалдарис встретился в Риме с министром иностранных дел Италии Сфорцой и подтвердил позитивное в принципе отношение Афин к планам создания «антанты в восточной части Средиземноморья, направленной против славянской экспансии». Оба министра, однако, сдержанно отнеслись к американской идее предоставить Турции ведущую роль в блоке.

В ноябре 1947 года лондонская резидентура информировала, что во время визита Сфорцы в Англию ему дали понять: инициатива создания Средиземноморского блока должна исходить в первую очередь от самих средиземноморских стран, с тем чтобы они играли в нем основную роль. Англо-американские противоречия выявились уже на первом этапе реализации замысла.

В декабре 1947 года Центр, обобщив полученные к тому времени разведывательные сообщения, доложил руководству страны аналитическую записку, в которой констатировалось, что «по инициативе США имеют место попытки создания Средиземноморского блока в составе США, Англии, Франции, Турции, Греции, Италии, имеющего антисоветскую направленность». Было сообщено и об англо-американских противоречиях по поводу лидирующего положения в нем.

Через некоторое время был получен документ французской разведки, подтверждающий стремление США вовлечь в создаваемый ими тесно связанный с НАТО военно-политический блок практически все средиземноморские страны – Испанию, Италию, Францию, Турцию и Грецию. Такие планы США настораживали англичан. Они понимали, что в столь широком объединении ведущая роль будет полностью принадлежать США. По данным нашей разведки, их больше устраивало бы объединение усилий Греции и Турции. В начале 1952 года лондонская резидентура сообщила, что во время визита в Англию президента Турции Исмета Иненю его отговаривали от планов участия в формировании широкого блока и акцентировали внимание на необходимости развития прежде всего англо-турецкого со-

трудничества в «деле защиты Средиземноморья от проникновения СССР». Англо-американское соперничество в борьбе за влияние на средиземноморские государства было налицо.

В этот же период источники нашей разведки стали сообщать о попытках англичан и американцев втянуть в планируемый военно-политический блок Югославию. Эта информация представляла особую ценность для руководства страны с учетом сложившихся в то время напряженных отношений с президентом Тито. Разведка получила сведения, что в Белград выезжали для переговоров с Тито министр обороны США, видные государственные и политические деятели США и Великобритании Гарриман и Иден. Турецкий министр иностранных дел тайно встречался с послом Югославии в Париже. Об этой встрече стало известно нашей разведке. Турок доказывал югославу выгоды для Югославии участия в «непрерывном фронте Альпы–Дарданеллы», обращенном на защиту Средиземноморья от советских угроз.

Особенно внимательно и ревниво следили за попытками американцев вовлечь в планируемый военно-политический блок Югославию итальянцы. Разведке удалось получить текст послания итальянского посла в Вашингтоне в Рим, в котором он информировал о результатах визита Гарримана в Белград и его переговорах с Тито. «США, – высказывал свое мнение итальянский дипломат, – устроил бы любой вариант, позволяющий осуществить действенный контроль над Югославией и полностью использовать ее потенциал в такой форме, которая не грозила бы югославскому правительству внутренним кризисом и не давала бы серьезных поводов к открытому проявлению в стране левой оппозиции».

Обобщив имеющиеся сведения, внешняя разведка направила в первой половине 1952 года спецсообщение в адрес Сталина и других высших руководителей страны, в котором говорилось о том, что «в целях укрепления антисоветского плацдарма на Средиземном море руководящие круги США пытаются в настоящее время создать наряду со средневосточным командованием военно-политический блок в составе Югославии, Греции и Турции, в котором могли бы также принять участие Италия, другие средиземноморские страны и Австрия».

Создание военно-политического блока в районе Балкан, тесно связанного с НАТО, подчеркивалось в спецсообщении, позволит американцам укрепить свои стратегические позиции вблизи стран народной демократии и южных районов СССР. США намерены связать создаваемый военно-политический блок с Североатлантическим союзом и возложить на него часть задач этого союза на южноевропейском стратегическом направлении.

В записке отмечалось, что генерал Эйзенхауэр провел ряд переговоров с руководителями Греции и Турции по вопросу создания блока, в ходе которых рассматривались наиболее подходящие формы при-

влечения в него Югославии. Американцы не исключают также возможность присоединения в дальнейшем к блоку и ряда арабских стран.

Тито, однако, не поддался на уговоры и отказался от участия в блоке.

Противодействие советской дипломатии и противоречия между странами – инициаторами идеи в конечном счете привели к тому, что блок так и не был создан. Однако неудача не остановила ни американцев, ни англичан. Они сместили географию альянса на Восток. В начале 50-х годов в Москву поступили разведывательные сообщения о попытках англо-американцев сколотить военно-политический пакт, куда вошли бы Ирак, Иран, Афганистан и Пакистан.

Источники внешней разведки сообщали, что в конце 1951 года американцы предложили создать так называемое Средневосточное командование с участием Франции, Италии и Турции. Англичане, не желая уступать американцам, выдвинули, в свою очередь, план формирования «Организации обороны Среднего Востока» (ООСВ). Чтобы обеспечить себе доминирующее положение в ООСВ, они предусматривали участие в нем даже Новой Зеландии, Австралии и ЮАР, а штаб-квартиру блока намечали разместить на Кипре. Командовать объединенными силами должен был английский генерал. Это, понятно, не могло устроить американцев.

О важности, которая придавалась советским руководством попыткам англо-американцев сколотить военно-политический союз на Ближнем и Среднем Востоке, говорит тот факт, что разведывательная информация по этой проблеме неоднократно адресовалась в 1951–1952 годах Сталину, Маленкову, Берии. Внешняя разведка внимательно следила за «подковерной борьбой» между США и Англией вокруг создания военно-политических союзов. Так, по данным каирской резидентуры, США даже обещали Египту в случае присоединения к блоку, поддержать его требования о выводе английских войск из зоны Суэцкого канала. Эти действия американцев квалифицировались разведкой как желание США потеснить англичан в арабском мире. В конечном счете англо-американские противоречия и не позволили реализовать планы Англии по формированию ООСВ.

Однако ни США, ни Англия не отступались от намерения сколотить у границ СССР военно-политический блок. Важная роль в нем отводилась Ирану и Турции. В Москве хорошо понимали потенциальную опасность затеи англо-американцев. В марте 1950 года в тегеранскую резидентуру было направлено информационное задание, в котором требовалось «принять необходимые меры по выявлению и освещению планов и практических мероприятий США и Англии по включению Ирана в военный антисоветский блок». Подчеркивалась необходимость получения информации «о конкретных фактах воздействия американских и английских монополий на внешнюю и внутреннюю политику иранского правительства». Предлагалось своевременно информировать Центр «о деятельности американской военной

миссии в Иране по перевооружению иранской армии и переподготовке ее личного состава». Наконец, задача еще раз конкретизировалась: «добывать достоверную информацию о позиции и практических мероприятиях иранского правительства по вопросу создания Мусульманского союза в составе Ирана, Пакистана, Афганистана, Турции и арабских стран».

Тегеранская резидентура в то время имела конкретные возможности для решения главной задачи. Ветераны вспоминают, что в те годы из Тегерана в Москву направлялись разведывательные сообщения по широкому кругу внешнеполитических вопросов. Значительную часть информации составляли сообщения, которые освещали различные аспекты деятельности американцев по втягиванию Ирана в антисоветский блок. Центр, однако, не был этим удовлетворен.

После неудачного покушения на шаха Ирана в феврале 1949 года, совершенного религиозными фанатиками, оперативная обстановка осложнилась. Резидентуре пришлось сократить активность, пойти на консервацию ряда агентов.

Тем не менее она сохранила достаточно сильные позиции в важных объектах Ирана. В числе длительное время сотрудничавших с нашей разведкой агентов были политические и государственные деятели, генералы и офицеры иранской армии, жандармерии, чиновники, журналисты и т.д. Так, один из них, «Сановник», был вхож в близкое окружение шаха, другой, «Бедуин», являлся авторитетом крупного и влиятельного племени Южного Ирана и также имел свободный доступ ко двору шаха, еще один, «Коммерсант», поддерживал с матерью шаха Тадж-оль-Молюк дружеские отношения. Надо сказать, что мать шаха оказывала большое влияние на сына. Полезную роль играл агент «Канцлер», завербованный на материальной основе еще в 1934 году. Он сотрудничал со многими информационными агентствами мира и обладал большими возможностями для сбора разведданных. Курьер МИД Ирана «Чапар» регулярно передавал в резидентуру для перлюстрации запечатанные пакеты с секретными и несекретными материалами, которые он должен был доставлять в канцелярию шаха. Короче говоря, силы и средства у тегеранской резидентуры были достаточными. Нужны были только целенаправленные усилия в работе. Это было сделано.

В ноябре 1953 года тегеранская резидентура получила документальную информацию о зондаже турками позиции Ирана относительно идеи возрождения так называемого Саадабадского пакта, который был заключен в 1937 году в Тегеране и в который входили Иран, Турция, Афганистан и Ирак. В случае его воссоздания к нему, как планировали в Вашингтоне, должен был подключиться и Пакистан.

Вскоре эта информация нашла подтверждение в сообщениях резидентур в Нью-Йорке, Карачи и Анкаре. Из них следовало, что идея военного союза между Турцией и Ираном выдвигается американца-

ми, которые, однако, хотели бы до поры до времени оставаться в тени, представив дело так, будто инициатива исходит от турецкого правительства.

По сообщениям тегеранской резидентуры, шах и премьер-министр Захеди заняли двойственную позицию. С одной стороны, они не хотели спешить с заключением военного союза с Турцией, понимая, что это осложнит и без того напряженные ирано-советские отношения, а с другой – они не могли не считаться с Вашингтоном, от которого надеялись получить финансовую и военную помощь.

Кроме всего прочего, по агентурным данным, иранское правительство стремилось найти решение болезненного «нефтяного конфликта» с Англией и «навести порядок» в стране, взбудораженной периодом правления Мосаддыка и военным переворотом Захеди, положившим конец борьбе иранцев за национальную независимость и ликвидацию Англо-Иранской нефтяной компании, которая беззастенчиво грабила Иран в течение десятилетий. Поэтому под любым предлогом они пытались оттянуть начало переговоров с Анкарой, но в то же время старались убедить американцев, что Иран в будущем обязательно присоединится к средневосточному пакту, а сейчас он больше нуждается в американской экономической и военной помощи.

Такая позиция Тегерана, как сообщала агентура, раздражала Вашингтон. Посол США в Иране Гендерсон предложил администрации США направить в иранскую столицу вице-президента Никсона в качестве «тяжелой артиллерии» для решительной атаки на шаха и Захеди в целях вовлечения Ирана в блок. В иранских средствах массовой информации была развернута кампания по подготовке общественного мнения к заключению военного ирано-турецкого союза.

Тогда же тегеранская резидентура направила в Центр документальную информацию о приезде в Иран группы американских военных экспертов с задачей «изучения вопроса о создании военных баз на иранской территории». Она была доложена руководству СССР, которое поручило МИД выступить с заявлением о «недопустимости нажима на Иран со стороны США с целью принудить его предоставить свою территорию для иностранных военных баз». Советский демарш заставил иранцев занять более сдержанную позицию.

В начале декабря 1953 года агентурным путем была добыта информация о беседе военно-морского атташе США в Тегеране Джозефа Пашкоски с влиятельным лицом из шахского окружения, в которой речь шла о предстоящем визите в Иран Р. Никсона. Американец сказал собеседнику: «Вице-президент США Ричард Никсон во время посещения Тегерана должен будет выявить препятствия на пути вступления Ирана в средневосточный военно-политический блок и наметить мероприятия по устранению этих препятствий. США пойдут на предоставление Ирану помощи в таких размерах, которые

будут необходимы для устранения всех препятствий на пути вступления Ирана в блок».

Через несколько дней резидентура получила еще одну информацию о беседе близкого друга шаха Ирана с военным атташе Швейцарии в Тегеране. Собеседник доверительно поведал атташе, что шах накануне визита Никсона все еще колеблется в отношении принятия окончательного решения о вступлении страны в новый блок.

Он рассказал также об опасениях англичан, что реализация планов США приведет к вытеснению Англии из Ирана, к полному подчинению его американцам. Он добавил, что в Иране позицию англичан разделяет министр иностранных дел Энтезам.

В конце декабря 1953 года на основании поступивших из Тегерана информационных сообщений разведка представила советскому руководству записку о результатах визита вице-президента США Ричарда Никсона в иранскую столицу. В ней сообщалось, что Никсон спросил шаха Мохаммеда Реза Пехлеви: «Что мешает Ирану вступить в средневосточный блок?» Шах в ответ сказал: «Я всегда считал и считаю, что Иран должен строить свою политику в русле внешнеполитического курса США и учитывать рекомендации западных держав. Однако остались два препятствия: соседство СССР, который, понятно, не будет равнодушно взирать на вступление Ирана в средневосточный блок, и экономическое положение в стране, которое все еще остается тяжелым».

Никсон возразил: «Посмотрите, Турция является соседом Ирана и СССР, но уже давно проводит самостоятельную политику, невзирая на давление со стороны Советского Союза. И положение Турции постоянно укрепляется. В этом отношении Иран мог бы и должен следовать примеру Турции». Никсон от имени администрации США обещал предоставить Ирану дополнительно к уже выделенным 45 млн долларов еще 100 млн в качестве безвозмездной экстренной помощи, но сказал, что Вашингтон «будет весьма недоволен, если иранское правительство пойдет на успешное завершение ведущихся переговоров с СССР». Он добавил: «Не надо идти на какое-либо соглашение с СССР из-за каких-то 9 млн долларов, тогда как американцы могут дать Ирану в десять раз больше».

В 1954 году, продолжая отслеживать эту тему, резидентура отмечала, что Иран по-прежнему занимает выжидательную позицию в вопросе своего вступления в новый блок, несмотря на обещания, данные Никсону. Американский посол в Тегеране Гендерсон во время встреч с шахом, Захеди и министром иностранных дел Энтезамом всякий раз упрекал их в том, что иранское правительство ничего конкретного не сделало для выполнения своих обещаний.

Помимо постоянного нажима на иранскую верхушку американцы настойчиво «работали» и с англичанами. В результате англичане согласились оказать влияние на руководителя Ирака Нури Саида

для того, чтобы ускорить присоединение Ирака к средневосточному блоку, однако при условии, что США поддержат Англию в переговорах с Каиром. Эта информация была получена нашими резидентурами в Лондоне и Каире от надежных источников.

Внимательно следила разведка и за позицией Турции, которая занимала откровенно проамериканскую линию в вопросе создания нового блока. Источники нью-йоркской резидентуры информировали, что в январе 1954 года МИД Турции официально уведомил госдепартамент США и МИД Пакистана о том, что турецкое правительство готово заключить военный союз с Пакистаном, и этот союз будет первым шагом к созданию средневосточного блока. Анкарская резидентура в феврале того же года сообщила в Москву, что президент Турции Джелаль Баяр ведет в Вашингтоне переговоры по вопросу заключения турецко-пакистанского договора о сотрудничестве и взаимной безопасности и одновременно просит о выделении его стране дополнительной американской помощи.

Тогда же резидентура в Карачи получила информацию о поездке министра иностранных дел Зафаруллы-хана в Тегеран, где он обсуждал условия участия Ирана и Пакистана в новом блоке. Он, в частности, поставил перед иранцами вопрос о предоставлении в распоряжение Пакистана порта Чахбар (100 км к западу от ирано-пакистанской границы), а в качестве компенсации пакистанское правительство обязывалось построить шоссейную дорогу Чахбар–Захедан–Баджигиран, которая будет иметь стратегическое значение для планируемого военно-политического союза. Это затрагивало интересы Индии.

Агентурные данные резидентуры в Нью-Йорке свидетельствовали о том, что американцы отдают себе отчет в негативной реакции индийского правительства во главе с Дж. Неру на создание военного блока с участием Пакистана и предвидят, что оно может заявить протест по поводу пакистано-турецкого военного союза. В качестве «отступного» американцы намеревались предложить Индии кредит в размере 25 млн долларов, то есть как раз ту сумму, которую они ранее обещали Пакистану. Источники нью-йоркской резидентуры сообщали, что США планируют усилить нажим на Иран после урегулирования этих вопросов, рассчитывая, что к тому моменту будут разрешены и спорные проблемы, связанные с иранской нефтью и ирано-английскими отношениями.

Резидентуры в Тегеране и Карачи информировали, что американцы, добиваясь создания нового блока, произвели предварительные расчеты, которые показали, что страны-участницы могли бы поставить под ружье до одного миллиона солдат и около двух миллионов резервистов запаса. Оснащенные современным американским вооружением, они могли бы представить серьезную опасность для СССР.

В конце декабря 1953 года источники резидентуры в Карачи информировали о совещаниях военных атташе США при посольствах

в Пакистане, Афганистане и Иране. Прагматики-американцы, не дожидаясь окончательного оформления нового военно-политического блока на Среднем Востоке, заблаговременно просчитывали его возможный военный потенциал, определяли количество войск, которые могут быть выделены Пакистаном, Ираном и Афганистаном под «объединенное командование» – естественно, американское, – рассматривали вопросы взаимодействия вооруженных сил будущего пакта. По тем же сведениям, военные атташе произвели рекогносцировку местности в районах Кандагара (Афганистан), Кветты (Пакистан) и Захедана (Иран) в целях выбора наиболее удобных маршрутов переброски войск в случае необходимости из Пакистана в Иран и из Пакистана и Ирана в Афганистан.

В конечном счете 24 февраля 1955 года в Багдаде между Турцией и Ираком было подписано соглашение о военном союзе, в марте к нему присоединилась Англия, в октябре – Пакистан, в ноябре – Иран. На совещании премьер-министров пяти стран, подписавших военное соглашение, которое состоялось в Багдаде в ноябре 1955 года, было официально провозглашено создание военно-политического союза, получившего название Багдадского пакта.

В декабре того же года в ЦК КПСС была направлена обстоятельная записка, в которой на основании разведывательной информации говорилось о появлении вблизи границ нашего государства нового военно-политического блока. В ней, в частности, приводились выдержки из выступления премьер-министра Великобритании Макмиллана на закрытом заседании глав правительств – учредителей пакта. Английский премьер так формулировал задачи блока: «Вырвать инициативу из рук Советского Союза на Ближнем Востоке путем компромиссного решения палестинской проблемы; преградить Советскому Союзу пути проникновения на Ближний и Средний Восток; изолировать Египет и оторвать его от Сирии; добиваться вовлечения в Багдадский пакт арабских стран, и в первую очередь Ливана и Иордании». В числе военных задач Макмиллан поставил на первое место разработку планов совместной обороны проливов, нефтеносных районов Ирака и Персидского залива на случай войны, усиление военного потенциала каждой страны, вошедшей в пакт, создание военной инфраструктуры, а в перспективе – общих вооруженных сил и объединенного командования. Таковы были планы Запада.

Надежные источники в странах – участницах пакта информировали, что, однако, далеко не все они придерживались таких же взглядов. Правящая элита Пакистана, например, по данным резидентуры в Карачи, вовсе не желала ввязываться в арабские дела. Она усматривала угрозу для себя не со стороны СССР, а со стороны Индии и хотела бы использовать свое членство в пакте для решения кашмирской проблемы с Индией и пуштунской – с Афганистаном. Тегеранская резидентура докладывала на основании документальных материалов,

что иранское руководство озабочено прежде всего безопасностью своих северных территорий, населенных преимущественно азербайджанцами, и намеревалось получить от пакта гарантии их неприкосновенности. Оно рассчитывало также на помощь пакта в решении в свою пользу территориальных споров в зоне Персидского залива и с Афганистаном.

США, не будучи формально членом Багдадского пакта, тем не менее имели наблюдателей во всех его органах. Они добивались создания объединенных вооруженных сил и единого командования под своим началом, размещения ракетно-ядерных баз на территориях государств – членов пакта. Однако Иран, Пакистан и Ирак не очень охотно шли на это, а англичане противились передаче в руки американцев всех командных постов в пакте. И только Турция поддерживала США, в том числе и в вопросе размещения ракетно-ядерных баз Соединенных Штатов.

Не выдерживал Багдадский пакт и испытания временем. Бурное развитие событий в послевоенную эпоху – распад колониальной системы, борьба народов стран ближне- и средневосточного региона за свои национальные интересы и впечатляющие на фоне этой борьбы успехи Египта под руководством Насера, который решительно и последовательно выступал против Багдадского пакта, события, связанные с Суэцким кризисом, – все яснее показывали, где подлинные друзья народов этих стран. Мнимый лозунг «советской угрозы» срабатывал все меньше. Да и советская внешняя политика много сделала, чтобы помочь разобраться в подлинных замыслах творцов и создателей пакта – США и Англии.

Внешняя разведка сыграла в этом свою немалую роль. Резидентуры стран средне- и ближневосточного региона имели задания добывать информацию, раскрывающую планы США и Англии, направленные на использование пакта прежде всего в интересах укрепления своих позиций в регионе в ущерб интересам других стран, создания плацдарма для агрессивных действий против Советского Союза. Резидентуры внешней разведки через свои возможности проводили в этом направлении активные мероприятия.

Все это вместе взятое ослабляло Багдадский пакт, притупляло его антисоветскую направленность, усиливало противоречия в рядах его участников.

После июльской 1958 года революции в Ираке эта страна вышла из пакта, и с августа 1959 года он стал называться СЕНТО (Организация центрального договора). В качестве примера работы резидентур по Багдадскому пакту – СЕНТО приведем выдержки из отчета тегеранской резидентуры за 1968 год. Там говорилось: «На территории Ирана не имеется специальных учреждений СЕНТО. Все функции, связанные с координацией деятельности Ирана в составе СЕНТО, возложены в политической области – на отдел региональных органи-

заций МИД Ирана, в военной – на управление общих связей штаба Главного командования иранской армии. Проделана значительная работа по контролю радиорелейных связей СЕНТО, проходящих через Иран, а также телефонных каналов СЕНТО с телеграфным уплотнением». Имея надежного агента в министерстве обороны Ирана, занимавшего там высокий пост, резидентура получала от него на регулярной основе документальные материалы, касавшиеся деятельности СЕНТО и ирано-американского двустороннего военного сотрудничества, которые, как правило, реализовывались, направлялись в инстанции и заинтересованные ведомства.

Особое внимание разведка уделяла усилиям США по созданию и расширению сети военных баз на территориях членов блока. Полученная ею информация была достаточно полной и конкретной: разведке было известно, где, какое оружие размещено, каково его предназначение, каковы планы возможного нанесения ударов по СССР, какие цели намечены к уничтожению и т.д.

Администрация США в 50-х годах неоднократно провозглашала готовность использовать вооруженные силы для защиты Ближнего и Среднего Востока от «открытой вооруженной агрессии», поскольку такая агрессия создает «серьезную угрозу для жизненно важных интересов США». В 1957 году эти подходы США к обеспечению безопасности своих «жизненно важных интересов» в Ближневосточном регионе были сформулированы в «доктрине Эйзенхауэра», а затем развиты в «доктринах» Никсона и Картера.

Вице-президент Р. Никсон во время визита в Тегеран в декабре 1954 года в беседах с представителями высшего иранского государственного и военного руководства откровенно заявил, что если Иран не присоединится к «оборонительному союзу», то в первые же дни новой мировой войны он будет захвачен русскими, и в этом случае Америка не сможет оказать ему действенной помощи».

Начальник иранского Генерального штаба генерал Батманклыч после отъезда Р. Никсона из Тегерана сказал в своем близком окружении: «В случае новой войны Иран выступит против СССР вместе с Турцией и Пакистаном. Наш фронт в будущей войне будет простираться от Босфора до северо-восточной границы Пакистана».

Наиболее крупным успехом можно считать получение агентурным путем в 1959 году секретных планов Военного комитета и Объединенной организации военного планирования Багдадского пакта. Особый интерес представляли планы и карты с целями для нанесения ядерных ударов «в случае наступления советских войск», в которых американцы учитывали, с одной стороны, возможность захвата советскими войсками в случае их успешного наступления после начала войны территорий и объектов государств в полосе фронта от Босфора до Пакистана, а с другой – были готовы нанести ядерные удары не только по СССР, но и по объектам стран – союзниц США,

если они окажутся под контролем вооруженных сил СССР. Не исключалась атомная бомбардировка отдельных городов и населенных пунктов этих стран. В докладе Военного комитета пакта «Выбор целей для нанесения ядерных ударов», одобренном правительствами США и Англии, намечались объекты атомных бомбардировок в СССР и на территориях других стран для создания там «ядерных заслонов». Разведданные позволили руководству СССР поручить ТАСС заявить 19 августа 1961 года о том, что с военных баз, расположенных в Турции, США планируют нанести в случае войны ядерные удары по СССР и городам Ирана, Пакистана и других государств. Этот демарш советского руководства позволил во многом нейтрализовать американские планы на Ближнем и Среднем Востоке.

Багдадский пакт – СЕНТО так и не стал аналогом НАТО, несмотря на все усилия его инициаторов. Уже в 1956 году из разведсообщений наших резидентур стало ясно, что противоречия между его членами усилились. Иран, Ирак и Пакистан охладели к военным аспектам деятельности блока. Все отчетливее начала прослеживаться тенденция в настроениях руководства этих государств в пользу развития регионального сотрудничества. Разведка информировала Центр об эволюции в подходах стран – участниц пакта к его деятельности в военной сфере. По агентурным данным, в 1969 году иранское правительство пришло к выводу, что СЕНТО теряет для Ирана свое былое значение в свете улучшения ирано-советских отношений. Активность Ирана в рамках СЕНТО резко упала. На основании имеющихся материалов можно констатировать, что внешняя разведка видела внутреннюю слабость пакта и фактически предсказала его развал.

После свержения в 1953 году правительства Мосаддыка при активном участии американских спецслужб и разгрома национально-демократического движения иранский шах оказался фактически на положении вассала США, и уже в начале 60-х годов антишахские и антиамериканские настроения получили широкое распространение в Иране. Его участие в СЕНТО служило катализатором народных требований изменения односторонней проамериканской политики правящей верхушки страны. Именно тогда громко заявил о себе будущий руководитель «исламской революции» аятолла Хомейни, публично выступивший против американского засилья и пособничества ему шаха, за что он был выслан из страны.

Разведывательная информация об обстановке в Иране легла в основу важного решения, принятого руководством СССР, которое поручило внешней разведке попытаться установить неофициальные контакты с представителями иранских националистических и других антишахских сил, выяснить их реальные возможности и планы прихода к власти. С учетом деликатности задания и в целях строгой конспирации возможности «легальной» резидентуры в Тегеране решено было напрямую не задействовать. Секретная миссия была возложе-

на на опытного разведчика Фадеева (фамилия изменена. – *Авт.*). В 1961 году он прибыл в Иран во главе группы разведчиков.

Задачи, поставленные перед группой Фадеева, решались успешно, были установлены неофициальные контакты с интересовавшими разведку лицами, в том числе с теми, кто имел непосредственное отношение к военной стороне деятельности СЕНТО. Американцам так и не удалось разместить в Иране ракетно-ядерное оружие, шах не осмелился на этот шаг, учитывая общую обстановку в стране. Реализации планов США помешали также совместные усилия советских внешнеполитических ведомств, которые использовали разведданные, поступавшие из Тегерана.

Миссия Фадеева неожиданно была прервана: ее подвела публичная реализация добытой информации. Такие парадоксы время от времени случаются и в разведке. Н.С. Хрущев на встрече с президентом США Джоном Кеннеди в 1962 году в Вене, желая, видимо, продемонстрировать возможности СССР и произвести впечатление, заявил, что ему хорошо известно о планах США в Иране, осуществлению которых способствует лично Мохаммед Реза Пехлеви, но его режим обречен и скоро падет. Группе Фадеева пришлось покинуть Иран, чтобы не оказаться под ударом.

Детище США – блок СЕНТО – просуществовал до февраля 1979 года, когда иранский народ совершил антимонархическую революцию. В политическое небытие ушли и шах, и господство американцев в Иране, инструментом которого был блок СЕНТО, известный ранее как Багдадский пакт.

---

[1] **Бережков В.М.** Страницы дипломатической истории. – М., 1987. – С. 558.
[2] **Там же.** – С. 583.

28

Информация идет из Тель-Авива

Стоял душный августовский вечер 1950 года. Прохожие в Тель-Авиве, словно сонные мухи, медленно передвигались по улицам. И только в барах и кафе, где кондиционировался воздух или, на худой конец, крутились над головой вентиляторы, царило оживление.

Пожалуй, единственным человеком во всем городе, который не замечал ни жары, ни духоты, был резидент советской внешней разведки в Израиле Владимир Иванович Вертипорох. Он уже два часа ездил по городу, посетил четыре магазина, парикмахерскую, забрал из прачечной белье, заехал в турагентство.

Столь длительная поездка по городу была вызвана не домашними заботами, а оперативной необходимостью. На этот вечер была запланирована весьма ответственная встреча с сотрудником израильского министерства иностранных дел, и поэтому нужно было тщательно провериться на предмет возможного наружного наблюдения. Чиновник МИД характеризовался дружественно настроенным к СССР человеком, и к нему обратился наш надежный агент из числа израильтян с просьбой об оказании помощи советской разведке.

Дипломат не дал прямого ответа на это обращение, и тогда агент предложил ему встретиться с ответственным лицом из советского посольства, чтобы самому убедиться, с кем он имеет дело. После некоторого колебания тот согласился на встречу.

Складывалась довольно неординарная ситуация. С одной стороны, объект практически не принял предложение советской разведки, а с другой – дал согласие на встречу с представителем советского посольства. Возникал вопрос, не кроется ли за этим какой-нибудь подвох или, того хуже, коварная проделка израильской контрразведки. Если объект доложил спецслужбам о подходе к нему со стороны советской разведки, то израильтяне могут осуществить крупную провокацию, несмотря на то что резидентура приняла определенные меры безопасности.

После тщательного изучения ситуации и консультации с Центром было принято решение выйти на встречу. И сделать это решил сам резидент. Риск, конечно, был, но была и определенная уверенность, что этот человек не пойдет на провокацию.

Владимир Иванович после двухчасовой проверки в городе шел к месту встречи. Беседу было намечено провести в одном из кафе недалеко от торгового центра. Придя за 15 минут до назначенного времени, разведчик прошелся по улице, зашел в магазин напротив кафе, наблюдая одновременно за обстановкой на подходах к месту встречи. Все было спокойно. Ровно в 19.30 появился объект. Резидент узнал его по описанию. Тот неторопливо прошел в кафе, через пять минут вошел туда и Владимир Иванович. Он увидел израильтянина за столиком в дальнем углу зала и подошел прямо к его столу. На столе лежал журнал «Тайм». Это был опознавательный знак. Владимир Иванович попросил разрешения сесть за стол и положил перед собой, как было определено условиями встречи, газету на английском языке. Контакт был установлен быстро и легко. Сразу же завязался оживленный разговор, сначала о погоде и здоровье, а затем собеседники перешли к обсуждению вопроса, ради которого и была организована эта встреча.

Разговор был весьма плодотворным. Израильтянин дал согласие на продолжение встреч. С ним были обговорены условия конспиративного поддержания связи.

Так был установлен контакт с очень информированным источником, получившим в дальнейшем в советской разведке псевдоним «Урал».

Резидентура советской внешней разведки в Израиле начала действовать в конце 1948 года, через полгода после образования этого государства. Ей предстояло выполнить весьма важную миссию: своей информацией и разведывательными мероприятиями способствовать внешнеполитической деятельности нашего государства в этом стратегически важном, взрывоопасном Ближневосточном регионе. Перед резидентурой в Тель-Авиве ставились задачи отслеживать развитие обстановки на Ближнем Востоке и в основных странах региона, вскрывать устремления, планы и конкретные мероприятия правительств США и Англии в отношении Израиля и соседних стран, добывать информацию о планах, внешней и внутренней политике израильского руководства, о деятельности руководства международных сионистских организаций, о положении в Израиле, давать свои оценки, прогнозировать развитие событий.

Анализ поступавших в резидентуру материалов показывал, что обстановка в Израиле в конце 40-х годов для советской разведки была в целом благоприятной. Несмотря на то что структура и кадры правительственных учреждений Израиля формировались длительное время, еще до создания государства, режим безопасности и охраны се-

кретов был все еще недостаточно строгим и оставлял возможность доступа к интересовавшей разведку секретной информации.

Настроения израильского общества и обстановка в стране способствовали работе советской разведки. Население было крайне неоднородно. Среди иммигрантов, прибывших в Израиль в 40-х годах, превалировали антифашисты, представители трудящихся слоев. Многие из них участвовали в борьбе с фашистской армией, в освобождении от оккупации восточноевропейских стран. Среди них были лица, которые провели годы войны в СССР, сражались в рядах Советской Армии, партизанских отрядах и рассматривали Советский Союз как свою вторую Родину. Они мечтали о создании в Израиле государства социальной справедливости, проводящего мирную, независимую политику на международной арене. В тот период для этих людей еще не была закрыта дорога на работу в израильские госучреждения, спецслужбы, их охотно принимали в свои ряды политические партии всех окрасок.

Но постепенно многие убеждались в том, что англичане, утратив мандат на управление Палестиной, стремились сохранить свои позиции и с этой целью искусно сеяли национальную рознь между арабами и евреями.

Резидентура через надежного источника «Сэма» получила ряд документов, направленных на дискредитацию советской внешней политики на Ближнем Востоке. Среди них были:

1. Фотокопии двух мнимых писем муфтия Палестины Амина аль-Хусейни. Одно – в адрес посольства СССР в Каире с отчетом об израсходовании якобы полученных от советских представителей денег, второе – подобного же содержания в адрес египетской разведки.

2. «Списки агентов» разведслужбы партии МАПАЙ[1] и Еврейского агентства[2] в Румынии, Чехословакии и Польше.

Как указал источник при передаче этих документов представителю советской разведки, они были сфабрикованы английской Интеллидженс сервис с целью обострения отношений между евреями и арабами в Палестине и компрометации Советского Союза в глазах еврейской общественности. Эти документы раскрывали истинные намерения и методы действия англичан для достижения своих целей. В дальнейшем эти документы были успешно использованы советской внешней разведкой для разоблачения подрывной деятельности англичан в странах Ближнего Востока.

Занимая солидный пост в госаппарате, «Сэм» своевременно предупреждал о поворотах политической жизни, планах израильского руководства, намерениях оппозиционных партий, закулисных сговорах правящей израильской верхушки с США и другими странами Запада. Его широкие информационные возможности в совокупности с выдающимися аналитическими способностями делали его весьма полезным для разведки.

Впоследствии под руководством «Сэма» была создана отдельная агентурная группа. В разное время в ее составе работало от трех до семи агентов, добывавших информацию. Отдельные агенты выбывали из группы по разным причинам (утрата разведывательных возможностей, выезд на работу за границу, передача на прямую связь оперативным работникам и др.), вместо них приобретались другие.

На работу группы распространялись, естественно, все правила и требования разведывательной деятельности, прежде всего требования конспирации и безопасности. В группе существовали только вертикальные линии связи, то есть членов группы кроме «Сэма» знал только резидент Вертипорох, который осуществлял контакты с большинством членов группы, давал задания, получал информацию и отчеты об их работе, инструктировал относительно методов выполнения заданий, безопасного поведения, решал личные вопросы агентов и т.д. Контактов между членами группы не было, и они друг друга не знали.

В группе был фотограф-профессионал «Рокер», который производил съемку добывавшихся информационных материалов и готовил фотокопии с них для отправки в Москву. «Рокер» работал с документами на конспиративной квартире. Владелец квартиры не знал о ее использовании советской разведкой и полагал, что предоставляет квартиру оппозиционной группе одной из партий.

На этой квартире изредка проводились встречи Вертипороха с агентами.

Члены этой разведывательной группы, как и «Сэм», были патриотами Израиля и немного идеалистами. Большинство из них, спасаясь от нашествия фашизма, приехали в Израиль в единственной смене одежды и с маленьким чемоданом, где помещалось все «семейное богатство».

На месте они столкнулись с реальностью – материальными трудностями, социальной несправедливостью. Убедились, что маленький Израиль по своему стратегическому положению – рядом со странами, где сосредоточена добыча нефти, и в силу вероятного вооруженного противоборства с арабскими соседями – привлекает большое внимание мировых нефтяных монополий и крупных производителей оружия, используется в борьбе против «международного коммунизма» и национально-освободительного движения на Ближнем Востоке. В результате у них достаточно быстро сложились антиимпериалистические взгляды, тем более что они только недавно покинули Советский Союз в зрелом возрасте, и это обстоятельство не могло не отразиться на их политических убеждениях. Кроме того, многие из них прошли через ужасы фашистских концлагерей.

Все члены разведывательной группы были противниками подчинения Израиля иностранному, прежде всего американскому, капиталу. Они к этому времени освободились от сионистских иллюзий, по-

скольку видели, что зарубежные сионисты, оплачивавшие иммиграцию простых евреев в Палестину, пекутся прежде всего о приумножении своих доходов, о приобретении в Израиле земельных участков, предприятий и другой собственности.

Тем не менее даже такие укрепившиеся в своих взглядах, казалось бы, непоколебимые люди время от времени оказывались под воздействием отдельных событий и связанных с ними антисоветских кампаний в Израиле, США и других западных странах. В разгар таких кампаний было заметно снижение активности группы и отдельных ее членов в разведывательной работе. Члены группы в это время больше обычного высказывали критические замечания в адрес советской политики на Ближнем Востоке и по поводу «еврейского вопроса» в СССР. Такой спад в работе группы и настроениях ее членов происходил, в частности, в 1953–1954 годах в связи с так называемым «делом врачей» в Москве.

Члены группы были в основном людьми с активной жизненной позицией, придерживались левых, прогрессивных взглядов и сотрудничали с советской разведкой вполне осознанно (на профессиональном языке – «на идейно-политической основе»), то есть в силу своих убеждений, жизненных целей и установок. Никто из них не думал о личной выгоде, оказывая нам помощь. Например, когда одному из членов группы предложили деньги, чтобы оплатить медицинские расходы, он категорически отказался, заявив, что сам справится с денежными затруднениями.

Исключение в этом отношении, пожалуй, составлял только фотограф «Рокер», который много времени затрачивал на фотографирование разведывательной информации, к тому же обеспечивал безопасность разведывательных операций, проводившихся на конспиративной квартире. Поскольку у него не было других источников доходов, ему ежемесячно выдавалась сумма для оплаты фотоматериалов, содержания квартиры и на скромные личные расходы.

Центр предупреждал резидентуру в Тель-Авиве о необходимости соблюдения особой осторожности и обеспечения безопасности работы группы.

Принимаемые меры полностью оправдывали себя: в результате за весь многолетний период функционирования разведывательной группы в Тель-Авиве не произошло утечки сведений о ее существовании и деятельности, никто из членов группы не был раскрыт израильской контрразведкой.

Картина деятельности в Израиле агентурной группы советской разведки будет неполной, если не рассказать о некоторых из ее членах.

Достаточно сказать, что группа добывала информацию по наиболее важным вопросам внешней и внутренней политики израильского правительства, деятельности израильских спецслужб (политической и военной разведок, контрразведки), политики США, Англии, Фран-

ции, Италии на Ближнем Востоке и взаимодействия этих западных стран с руководством Израиля.

В течение всего периода группа имела источники информации в МИД Израиля. В частности, несколько лет таким источником был «Урал», о котором шла речь в начале очерка.

Поначалу «Урал» пересказывал на встречах содержание тех телеграмм, с которыми ему приходилось работать. Затем стал передавать фотокопии документов. Связь с ним осуществлял Вертипорох, а позже, когда «Урал» начал передавать документальные материалы, их прием был поручен связной «Маргарите». По заранее разработанной схеме она забирала у «Урала» материалы в разных местах Тель-Авива, Иерусалима, Хайфы.

Разведывательная группа располагала еще одним источником секретной информации в израильском МИД. Сотрудники резидентуры с ним контакта не имели, это была личная связь «Сэма». В советской разведке он имел псевдоним «Марк». В конце 40-х годов поступил на работу в МИД Израиля.

«Сэм» познакомился с «Марком» вскоре после приезда в Палестину. Неоднократно их жизненные пути пересекались: им приходилось выезжать вместе за границу, встречаться с иностранными представителями, готовить политические документы. У них было много общего, они подружились и часто обсуждали будущее своего народа и государства, выражая желание посвятить свою жизнь построению счастливого Израиля. «Сэм» оказал на «Марка» большое влияние и содействовал укреплению его прогрессивных взглядов, прежде всего идей социальной и национальной справедливости. «Марк» был приверженцем демократии западного, парламентского типа, но Соединенные Штаты Америки считал проводником неоколониалистской политики, которая представляла серьезную опасность для молодых государств Азии и других континентов.

«Марк» глубоко переживал вражду и столкновения между арабским и еврейским населением Палестины, а затем конфликт между Израилем и арабскими странами. Он считал своей обязанностью содействовать взаимопониманию евреев и арабов, достижению согласия между ними.

«Урал» и «Марк» оставили добрую память о себе у сотрудников советской разведки, которые знали их лично или заочно. Эти два человека представляли собой идеальное сочетание источников разведывательной информации. Если «Урал» был так называемым документалистом и добывал для разведки документы, то «Марк» собирал в основном устную информацию, которая перекрывала и дополняла информацию первого источника.

От «Марка» поступала информация о наиболее важных проблемах и делах, над которыми работал израильский МИД в каждый конкретный момент, реакции МИД и правительства на политику отдель-

ных государств и международные события, о том, какие предложения и рекомендации разрабатываются МИД в области израильской внешней политики и для отдельных мероприятий и акций правительства на международной арене, о готовящихся документах к визитам и переговорам за рубежом, проектах соглашений с другими странами, заявлений израильских государственных деятелей по внешней политике; содержании совещаний у министра иностранных дел, разногласиях в правительстве по проблемам внешней политики Израиля.

Благодаря помощи «Урала» и «Марка» советская разведка обладала полной информацией по всему спектру деятельности правительства Израиля во внешней сфере. Естественно, руководство Советского Союза при такой информированности могло успешнее осуществлять свой внешнеполитический курс, вовремя принимать необходимые решения, нейтрализовать действия, которые создавали напряженность на Ближнем и Среднем Востоке.

После образования в 1949 году блока НАТО США и Англия принялись за создание военного союза вдоль южных границ СССР и интегрирование стран Среднего и Ближнего Востока в западную военно-политическую систему.

Руководство Советского Союза не могло спокойно наблюдать за этой опасной для нашей страны и региона деятельностью. В противодействии антисоветским планам большая роль принадлежала советской разведке, в том числе резидентуре в Тель-Авиве, в частности источникам «Уралу» и «Марку». Благодаря информации разведки руководство Советского Союза имело представление о том, что этот блок создается против интересов СССР и народов региона. Имелись сведения об усилиях, предпринимаемых США, Англией, Израилем, марионеточными, зависимыми от Запада руководителями отдельных стран региона по созданию так называемого средневосточного командования, позициях разных стран по этому вопросу, противоречиях между ними.

Когда в октябре 1951 года был официально выдвинут план создания средневосточного командования, руководство Советского Союза было готово к эффективному ответу. Советское правительство обратилось 21 ноября 1951 года с соответствующими нотами к правительствам Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии и Йемена, а 24 ноября – к США, Англии, Франции, Италии и Израиля, указывая, что «союзное командование на Среднем Востоке преследует агрессивные цели и направлено против СССР и социалистических стран». Планы организаторов нового военного блока были раскрыты, карты смешаны, а в арабских странах образовалась мощная политическая оппозиция. Возникли серьезные препятствия для реализации планов по созданию блока.

Однако США и Англия продолжали работу по интеграции стран Среднего и Ближнего Востока в военно-политический блок. Эта дея-

тельность США, Англии и Израиля хорошо прослеживалась с помощью тель-авивской резидентуры.

На основе ее данных советское руководство имело возможность противодействовать различными способами западным планам, в том числе и средствами разведки. В результате усилий Запада и союзников США и Англии на Среднем Востоке (режимы в Турции, Ираке, Иране) в феврале 1955 года иракское и турецкое правительства решились подписать «Договор об обороне», который должен был послужить ядром запланированного блока. В марте 1955 года к договору примкнула Англия, в октябре того же года к ним присоединился Пакистан, а в ноябре – Иран. Был создан Багдадский пакт, который, однако, не оправдал надежд Запада, так как не имел нужной мощи и влияния в регионе. К тому же после революции в 1959 году Ирак вышел из этого пакта, и он стал именоваться СЕНТО. Он окончательно распался в феврале 1979 года после «исламской революции» в Иране.

Поскольку этот блок был достаточно скомпрометирован на международной арене (в том числе и благодаря действиям советской разведки) еще до своего организационного оформления, США не решились присоединиться к Багдадскому пакту в качестве полноправного члена, вступив лишь в его экономический и военный комитеты со статусом наблюдателя. Многие страны Ближнего Востока не только остались за рамками блока, но и осудили факт его создания. Наиболее решительно против Багдадского пакта выступили Египет, Сирия и Саудовская Аравия, которые уже в октябре 1955 года заключили между собой двусторонние соглашения, направленные против блока, а в марте 1956 года в итоге конференции в Каире глав трех государств опубликовали хартию, в которой подчеркивался рост патриотических настроений и роли арабской нации на международной арене и содержался призыв: «Арабская нация должна сама защищать арабскую родину и безопасность и быть вне иностранных блоков». Борьба против Багдадского пакта и Каирская хартия заложили фундамент Движения неприсоединения и движения за арабское единство.

На основе информации, которую получала резидентура в Тель-Авиве, советская разведка была в состоянии прослеживать развитие конфликта между Египтом, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, из-за Суэцкого канала от момента его возникновения в 1952 году до тройственной вооруженной агрессии против Египта в 1956 году.

Осведомленность правительства Советского Союза о планах и деятельности западных стран и Израиля в связи с Суэцким кризисом помогла сорвать планы агрессоров и остановить вооруженные действия. Но престижу и позициям Англии и Франции был нанесен урон, от которого Англия, в частности, уже не смогла оправиться и постепенно была вынуждена оставить Ближний Восток (регион «к востоку от Суэца»).

«Марк» еще в 1952 году сообщил, что правительством Бен-Гуриона разработан план захвата арабской территории Газы и ее присоединения к Израилю. Дальнейшая информация показывала, что израильское руководство считало англо-французский конфликт с Египтом из-за Суэцкого канала благоприятствующим достижению его планов по захвату Газы с наименьшими политическими и военными издержками.

Естественно, истинные цели и планы участия Израиля в Суэцком кризисе тщательно скрывались и маскировались. Однако получаемая резидентурой в Тель-Авиве информация показывала, что план захвата Газы неоднократно обсуждался с американцами, англичанами и французами израильскими представителями, вплоть до премьер-министра. Правительство Израиля постоянно подогревало Суэцкий кризис и подталкивало Англию и Францию к развязыванию военных действий против Египта.

Следует отметить, что напористость Израиля в нагнетании антиегипетской обстановки раздражала даже его западных союзников. В распоряжении тель-авивской резидентуры, например, имелась копия телеграммы израильского посла в Париже Якоба Цура, в которой он докладывал в конце 1954 года в свой МИД о том, что французское руководство «предлагает израильскому правительству выступить с официальным заявлением о своем невмешательстве в англо-египетский конфликт». Резидентура получила и копию ответа МИД Израиля на эту французскую «рекомендацию». В нем говорилось, что в Тель-Авиве «признано нецелесообразным выступать с такой официальной декларацией».

Кроме упомянутой агентурной группы «Сэма» под руководством резидентуры действовала еще одна группа, состоявшая из агентов, приобретенных в израильских спецслужбах. Пожалуй, самым активным и информированным из них был «Луч», сотрудничавший с нашей разведкой долгое время и добывавший важные секретные материалы, в том числе документальные.

Информация «Луча» свидетельствовала о том, что израильская разведка перехватывает и читает телеграммы дипломатических ведомств и разведок Франции, Бельгии, Греции, Австралии, Египта, Турции, Сирии, Ливана и Ирана (и это несмотря на то, что иранская разведка тесно сотрудничала с израильскими спецслужбами под личным контролем шаха Реза Пехлеви).

Было известно о том, что разведка Израиля ведет работу над расшифровкой советских шифров и шифров стран Восточной Европы. Информация «Луча» о состоянии этой работы помогала целенаправленно повышать стойкость шифров МИД СССР, разведки и других советских ведомств, подсказывать представителям стран Восточной Европы направление работ по защите своих шифров.

Для «Луча» была характерна активность, выходившая за рамки служебных обязанностей. Он нередко действовал на грани риска. Соглашаясь на словах с замечаниями оперативного работника, он, тем не менее, продолжал рискованные операции, вплоть до проникновения в сейфы своих коллег по работе.

В связи с постоянной напряженностью обстановки на Ближнем Востоке и опасностью вооруженных конфликтов между Израилем и арабскими странами большую ценность для советской разведки в начале 50-х годов представляла информация о военной деятельности в регионе различных государств, военной политике израильского правительства, положении в израильских вооруженных силах. Ответы на многие вопросы давали документальные материалы, добываемые «Лучом». От него был получен текст секретного соглашения Израиля и Англии об обмене военной разведывательной информацией об арабских странах.

Важную информацию о военной деятельности Израиля содержали отчеты израильских военных атташе. В этом отношении особый интерес представляли отчеты военного атташе Израиля в начале 50-х годов в Вашингтоне Хаима Герцога о его встречах и беседах с американскими высокопоставленными военными и политическими деятелями.

Агентурная сеть резидентуры позволяла получать документальные материалы, которые военная разведка Израиля добывала в своих интересах. Причем эти материалы показывали, что израильская разведка вела активную работу не только против государств-противников, но и в отношении наиболее близких союзников Израиля.

В 1953 году «Луч» передал документальные материалы, касавшиеся создания в Израиле так называемой спецчасти № 131 во главе с Мордехаем Бен-Цуром и заброски ее боевиков тогда же в Египет для проведения диверсионных актов против учреждений Советского Союза, США и Англии. Эта подрывная акция международного масштаба, предусматривавшая убийства и взрывы мирных объектов и получившая затем название «афера Лавона», планировалась для подрыва отношений Египта с великими державами и имела цель ускорить английскую военную агрессию против Египта из-за Суэцкого канала. Она осуществлялась под личным руководством министра обороны Израиля. Благодаря деятельности резидентуры советской разведки в Тель-Авиве руководство СССР имело возможность своевременно вскрыть опасные для международного сообщества намерения израильского военного руководства и содействовать провалу операции и аресту боевиков спецчасти № 131 в Египте. Ввиду разразившегося скандала правительство Израиля посчитало лучшим выходом для себя отмежеваться от диверсионной акции в Египте, заявить, что министр обороны Лавон – авантюрист, который создавал и направлял команду диверсантов в Египет в тайне от правительства.

Спасая престиж государства и правительства, Лавон подал в отставку, однако начатому официальному израильскому расследованию его «аферы» не суждено было завершиться, и общественность так и не узнала правду об этой операции.

Большую ценность представляла информация, получаемая резидентурой из службы политической разведки Израиля Моссад и службы безопасности Шабак.

Так, полезные сведения резидентура извлекала из разведывательных сводок Моссада по вопросам положения на Ближнем Востоке и в отдельных арабских странах, а также из отдельных секретных докладов о политике США, Англии, Франции, Советского Союза в регионе.

Моссад активно добывал информацию по США и другим западным странам. Для советской разведки представляли интерес такие материалы, как копии сообщений послов Англии в Египте и других арабских странах о возникновении в 1952 году англо-египетского конфликта из-за пребывания английских войск в зоне Суэцкого канала. Эти материалы, и особенно копия записи беседы руководителей английского и американского внешнеполитических ведомств Идена и Ачесона, из которой явствовало нежелание Англии выводить свои войска с египетской территории и одобрение такой позиции Соединенными Штатами, позволили советской разведке зафиксировать момент зарождения, а затем и проследить во всех деталях подготовку и осуществление плана трехсторонней англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 году.

Несмотря на то что в начале 50-х годов было установлено и начало быстро развиваться взаимодействие между Моссадом и турецкой разведывательной службой МИТ, израильская спецслужба завербовала в качестве агента одного из руководящих сотрудников турецкого партнера и получала через него много ценной информации, которая затем попадала в руки советской разведки. В начале 50-х годов таким путем были получены копии секретных документов: «О военной помощи США Турции», «Соглашение между правительствами Турции, Ирака и Ирана от 1949 года о совместных действиях против курдских племен», «Ирано-иракский договор о борьбе против коммунистических организаций», «Секретное приложение к турецко-итальянскому договору от 24.03.50» и др.

Естественно, советскую разведку интересовала работа Моссада против СССР, и такая информация регулярно поступала в резидентуру по агентурным каналам.

Из этих источников стало, например, известно о том, что в 1952 году ЦРУ обратилось к Моссаду с просьбой закупить для оперативных целей американской разведки крупные суммы денег СССР и стран Восточной Европы. Для выполнения этой просьбы ЦРУ в Европу специально выезжал начальник Моссада Шилоах. Своевременно по-

лученная информация позволила органам госбезопасности СССР совместно с рядом разведорганов стран Восточной Европы провести ответные секретные акции, которые позволили впоследствии перекрыть каналы передачи закупленных Моссадом денег американской агентуре и арестовать ряд агентов ЦРУ в СССР, Польше, Чехословакии и Венгрии.

Не меньшую ценность представляла информация о работе израильской контрразведки (Шабака) против СССР, стран Восточной Европы, их граждан и учреждений в Израиле. Так, из Шабака была получена информация о создании в Израиле в 1952 году при содействии спецслужб так называемой Демократической антикоммунистической лиги. Эта лига затем подготовила и осуществила 9 февраля 1953 года взрыв советской миссии в Тель-Авиве, приведший к первому разрыву советско-израильских отношений. И хотя официальные представители Израиля выражали свое сожаление по поводу антисоветского диверсионного акта и заверяли руководителей миссии СССР, что израильские «компетентные органы» ведут энергичный поиск лиц, осуществивших эту акцию, намекая, что она могла быть проведена арабскими террористами с целью осложнения отношений между Израилем и Советским Союзом, для советской стороны не было секретов в этом деле.

Благодаря информации из израильской контрразведки было известно об установке израильской спецслужбой техники подслушивания в иностранные посольства. Подслушивались также и посольства западных стран. Например, с помощью техники подслушивания в посольстве США контрразведка установила в 1952 году, что сотрудник израильского банка Дорон Ор дал согласие представителям американской разведки выполнять их задания по сбору информации среди иммигрантов из СССР и стран народной демократии. Ор был предупрежден контрразведкой о прекращении сотрудничества с ЦРУ, однако слуховой контроль показал, что он продолжает поддерживать связь с американскими разведчиками, и спецслужба применила в отношении Ора дополнительные жесткие меры.

По информации советской разведки были выявлены и ликвидированы подслушивающие устройства в миссиях Румынии и Венгрии в Тель-Авиве, предотвращена провокационная акция против венгерского атташе по культуре, который подозревался Шабаком в принадлежности к разведке Венгрии.

Благодаря этой информации резидентура в Тель-Авиве имела возможность отслеживать работу специального отдела во главе с Иегудой Баем по работе с иммигрантами из социалистических государств, а также деятельность отдела контрразведки с условным названием «Билу» (начальник – Моше Червинский по кличке «Гном», из-за малого роста), который организовывал нелегальный выезд евреев из СССР, стран Восточной Европы и Ближнего Востока. В состав отде-

ла входило бюро по направлению фиктивных вызовов (и посылок) евреям в СССР и другие страны.

Поскольку на израильскую контрразведку были возложены также функции политической полиции, тель-авивская резидентура получала из этого органа через агентурные возможности исчерпывающую информацию о внутриполитическом положении в Израиле, о положении во всех оппозиционных партиях.

Резидентура хорошо изучила оперативную обстановку в стране, объекты разведывательного проникновения, кадры и режим в интересовавших разведку государственных учреждениях, деятельность израильской контрразведки и т.д. Это облегчило выполнение вербовочных задач резидентуры. Используя информацию об отдельных лицах, резидентура сумела приобрести к середине 50-х годов новые источники информации, что существенно увеличило ее потенциал.

---

[1] МАПАЙ – так называемая Рабочая партия Израиля, в конце 40-х годов XX в. – крупнейшая политическая партия еврейской общины Палестины. После возникновения Израиля в течение многих лет возглавляла все правительственные коалиции.

[2] Еврейское агентство было создано, чтобы представлять еврейскую общину Палестины перед иностранными правительствами и международными организациями. После провозглашения Государства Израиль служило для поощрения иммиграции туда евреев и устройства новоприбывших.

29

Операция «Вызволение»

В этом очерке хотелось бы рассказать об одной подлинно гуманной акции разведки в 60-х годах. Пришло время поднять завесу тайны над операцией кабульской резидентуры по освобождению из афганских тюрем 16 советских агентов-нелегалов, арестованных на территории Афганистана в 1945–1946 годах и томившихся в заключении более двух десятков лет. Эта операция получила название «Вызволение».

Судьба этих людей была поистине трагической. Далеко не все они – а их был не один десяток – дожили до возвращения на Родину. Путь к их вызволению из средневековых восточных казематов был долгим и трудным. Потребовались большие и настойчивые усилия для спасения советских граждан, не по своей вине попавших в беду. Это говорит о многоплановой работе резидентуры в Кабуле, которая не ограничивалась решением чисто разведывательных задач.

С какой целью, с какими заданиями нелегально выводились в Афганистан эти агенты? Четких ответов на эти вопросы в сохранившихся материалах нет. Большинство из них были заброшены в северные афганские провинции разведотделом Туркестанского военного округа, а некоторые – органами безопасности советских республик Средней Азии. Скорее всего, решение об их засылке принималось для сбора информации о стремлениях англо-американцев усилить свои позиции у южных рубежей СССР, в том числе в Афганистане, где имелся значительный слой антисоветской эмиграции.

Подобранные из числа жителей среднеазиатских республик – узбеков, таджиков, туркмен – агенты проходили соответствующую подготовку, которая, как правило, была скоротечной и часто поверхностной, а затем скрытно переправлялись в Афганистан через «зеленую границу». Они были обучены основным приемам и способам ведения разведывательной работы, умели пользоваться тайнописью, шифрами и кодами, вести радиопередачи по рации и т.д., владели

языками коренного населения северных провинций Афганистана, а также языком дари (диалект персидского).

Среди этих людей были медицинские работники, учителя, служащие государственных учреждений, главным образом молодые или среднего возраста мужчины и женщины. По понятным причинам мы не вправе разглашать их имена, и поэтому, рассказывая о некоторых из них, ограничимся присвоенными им псевдонимами.

Афганистан – многонациональное государство, где основной нацией являются пуштуны, исторические создатели афганской государственности. Национальный вопрос всегда остро стоял в этой стране. Если спросить афганца, кто он по национальности, ответ будет обычным: я – афганец, или: я – мусульманин, но если уточнить, из какого племени, то можно услышать: из таджиков, из персов, из такого-то пуштунского племени. Непуштунские народности населяют в основном северные провинции Афганистана, и именно там осела значительная часть эмиграции из СССР после Гражданской войны и разгрома басмаческого движения в Средней Азии.

В годы Второй мировой войны и до нее, когда позиции фашистской Германии в Афганистане были сильны, афганские власти рассматривали эмигрантов из СССР, а заодно и коренное население Севера в качестве потенциальной силы против Советского Союза, но после войны увидели в них потенциальную силу против самих себя. В Кабуле считали, что это население ввиду его этнического единства с народами Средней Азии является базой для деятельности советской разведки. И не случайно в правящих кругах страны вынашивались планы кардинального решения этой проблемы: предполагалось выселить коренное население севера в другие районы Афганистана, а на его место переселить часть пуштунских племен с юга и юго-востока. Эта программа была реализована лишь частично: к 1951 году в северные провинции было переселено более 10 тысяч семей пуштунов, которые были обеспечены земельными наделами и средствами для устройства на новом месте. Сколько было выселено коренного населения, осталось неизвестным.

Агентурная сеть кабульской резидентуры позволяла знать о настроениях в афганской верхушке и ее мероприятиях по контролю за северными провинциями страны. Король Захир Шах и в особенности премьер-министр Хашим Хан (1933–1946 гг.) всерьез опасались в 1946 году, что «СССР намерен отхватить часть Афганистана по примеру Иранского Азербайджана». Они не раз публично заявляли: «Мы, афганцы, будем драться до последнего за свою землю».

Афганское правительство длительное время проводило политику насильственной пуштунизации таджиков, узбеков, туркмен и других национальностей, проживавших на севере страны. Обязательным было изучение языка пушту, само слово «таджик», например, официально не употреблялось, его заменили на «кухистанец».

В 1946 году кабульские власти решили провести поголовную паспортизацию всего населения северных провинций. Туда были направлены новенькие паспорта в большом количестве, и в Мазари-Шарифе, Герате и других городах началась кампания по установлению эмигрантов и прочих лиц, не являющихся подданными Афганистана. Их вносили в специальные списки, которые пересылались в Кабул для принятия «отдельного решения».

Территория Афганистана, в особенности его северные провинции, контролировались службой безопасности, полицией, жандармерией и погранкомиссарами, которые имели широкую агентурную сеть. Кроме того, в каждом селении имелись квартальные старосты. Они буквально сразу же узнавали о появлении на вверенной им территории любого неизвестного или постороннего человека. Хозяин дома, к которому приходил такой человек или же обращался к нему за помощью, был обязан под страхом наказания немедленно сообщить о нем квартальному старосте или в полицию. Если он по каким-то причинам этого не делал, то его сосед должен был донести и на хозяина, и на неизвестного пришельца. Наконец, в каждом населенном пункте был мулла, который знал все обо всех. Миновать такую густую сеть слежки и доносов было практически невозможно. Оказавшись в Афганистане, наши агенты-нелегалы неизбежно попадали в поле зрения местного населения, после чего их арестовывали и заключали в тюрьму.

Кабульская резидентура в 1945–1946 годах неоднократно информировала Центр о поимке советских агентов, заброшенных в Афганистан из СССР. Так, в январе 1946 года на основании агентурных данных она сообщила, что «три месяца назад афганцы задержали в районе Шинданда (Гератская провинция) трех советских разведчиков, идет поиск еще четырех, заброшенных в район Мазари-Шарифа, в районе Кундуза был задержан еще один советский разведчик». В конце января того же года начальнику Первого управления НКГБ СССР П.М. Фитину было доложено об аресте афганскими властями в г. Ханабаде двух местных жителей, у которых были обнаружены радиостанция и разведывательные документы. Затем были произведены аресты еще нескольких лиц в ряде городов Северного Афганистана.

В те годы от надежной агентуры поступала информация о том, что король Захир Шах, премьер-министр Хашим Хан, министр внутренних дел Навруз Хан и другие афганские официальные лица в узком кругу говорили о поимке советских агентов, заброшенных в Афганистан из СССР.

Общее число выведенных в Афганистан агентов-нелегалов нам не известно, поскольку сведений на этот счет в архивных материалах СВР нет, но было их по меньшей мере два-три десятка. Их провалы вскоре после скрытого пересечения границы были вызваны, с одной стороны, слабой подготовкой, плохой зашифровкой и неосторожным

поведением на территории Афганистана, а с другой – упомянутой выше всеохватывающей системой сыска, доносов и слежки, которая царила в стране в годы правления премьер-министра Хашим Хана. Арестованных советских агентов судили и приговаривали к длительным срокам тюремного заключения. Условия их содержания в местах лишения свободы были крайне тяжелыми. Многие не выдерживали пыток и избиений во время допросов, другие погибали во время отбывания наказания, но были и такие, кто сумел приспособиться, войти в доверие к тюремному начальству и становился надсмотрщиком над своими товарищами.

Трагически сложилась судьба радистки «Мухабат», которой ко времени ее вывода в Афганистан исполнилось 20 лет. Ее задержали с поличным: у нее обнаружили рацию, оружие и другие уликовые материалы. Она была тут же препровождена в Кабул, где ей учинили допросы с пристрастием. Ее осудили на длительный срок лишения свободы и долгое время содержали в так называемом «зиндане» – тюремной камере под землей с решетками наверху. Там здоровье молодой женщины было почти полностью подорвано, цветущая девушка превратилась в старуху.

До середины 50-х годов никто в СССР не поднимал перед афганскими властями вопроса об освобождении наших граждан, о них как бы забыли, будто они не существовали вовсе. Обстановка изменилась, когда к власти в Афганистане пришел премьер-министр М. Дауд, который решительно пересмотрел состояние афгано-советских отношений. В годы его правления (1953–1963 гг.) советско-афганские отношения получили развитие, началось крупномасштабное сотрудничество между двумя странами, к концу 50-х годов в Афганистане работали тысячи советских специалистов. В этих условиях оставлять без реакции и внимания вопрос о томившихся в афганских тюрьмах советских людях было уже просто кощунственным. Тем более что в 50–60-е годы достаточно регулярно происходили встречи советских руководителей с королем Захир Шахом, премьер-министром М. Даудом и другими афганскими официальными лицами.

Однако ни Н.С. Хрущев, ни другие руководители СССР того времени, посещавшие Афганистан или принимавшие в Москве представителей высшего афганского руководства, не хотели брать на себя ответственность и поднимать перед афганцами вопрос о судьбе советских граждан, отбывавших наказание в афганских тюрьмах. Как правило, этот вопрос «спускался» на уровень МИД СССР и нашего посольства в Кабуле, да и то с оговорками, что ставить его перед афганской стороной следует при удобном случае и осторожно. При таком подходе наши робкие попытки добиться освобождения бывших агентов-нелегалов неизменно наталкивались на отрицательное отношение афганских властей соответствующего уровня. Они обычно ссылались на то, что «эти лица совершили особо тяжкие преступные

деяния против Афганистана», и вопрос оставался в подвешенном состоянии, перспективы его решения были неясными.

Дело затягивалось, премьер-министр М. Дауд был отправлен в отставку, кабинеты министров сменяли один другого, наиболее благоприятный момент был упущен. Тогда Эрик Иванович Некрасов, бывший в 1964–1968 годах резидентом внешней разведки в Кабуле, решил добиться освобождения оставшихся в живых 16 агентов-нелегалов силами и средствами кабульской резидентуры. Его по-человечески волновала тяжелая участь, выпавшая на долю наших сограждан, волею судеб оказавшихся за решеткой в Афганистане. Он поставил перед Центром вопрос об их освобождении оперативным путем с помощью агентуры и доверительных связей, которые располагали возможностями для оказания нам помощи в этом деле. Согласие было получено. Э.И. Некрасову по праву принадлежит личная заслуга в реализации операции «Вызволение».

План предстоящих мероприятий был детально разработан, началась подготовительная работа. Решено было подключить к операции нескольких надежных и проверенных агентов, входивших в окружение короля Захир Шаха, а также занимавших ответственные посты в системе МВД. На первом этапе необходимо было получить четкую информацию о количестве советских граждан, находившихся в тюрьмах, об их установочных данных, состоянии здоровья, местах заключения и т.д. Важно было выяснить, все ли они хотят возвращения на родину, поскольку те из них, кто в свое время дал признательные показания, могли опасаться уголовного преследования по прибытии в СССР. Такая информация имела существенное значение для второго этапа операции, и она вскоре была получена агентурным путем. Она давала ответы на все интересовавшие резидентуру вопросы.

Теперь задача была в том, чтобы найти прямой выход на короля для проведения с ним в подходящий момент соответствующей беседы, так как было ясно, что без Захир Шаха этот вопрос решить нельзя. Остановились на кандидатуре агента «Хамида». Сотрудничая с советской разведкой, «Хамид» зарекомендовал себя исполнительным и надежным агентом. Он имел высшее юридическое образование, хорошо разбирался в афганском законодательстве и знал, как им воспользоваться для решения волновавшего нас вопроса. «Хамид» сыграл главную, если не сказать решающую, роль в успешной реализации операции «Вызволение».

Свой вклад в освобождение наших сограждан внесла и «Марьям», вхожая в семью Захир Шаха. Об этой замечательной женщине, помогавшей советской разведке десятки лет, рассказано в предыдущих томах «Истории российской внешней разведки». К моменту осуществления мероприятий резидентуры по освобождению бывших агентов-нелегалов она была уже в преклонном возрасте, но прониклась желанием сделать все, что в ее силах, для вызволения советских

людей из тюрем. «Хамид» и «Марьям» дали резидентуре конкретные и дельные советы о том, как лучше приступить к делу, чтобы добиться желаемого результата, учитывая особенности личности и характера короля Захир Шаха.

«Хамид», придерживаясь разработанной легенды и улучив момент, затеял с влиятельным сановником, близким к королю, разговор о советских гражданах, обвиненных в шпионаже в середине 40-х годов и отбывающих сроки лишения свободы в афганских тюрьмах, хотя со времени их ареста прошло уже более 20 лет. Наш агент выступал в беседе с позиций юриста и привел сановнику веские аргументы в пользу скорейшего освобождения осужденных, которые, по его словам, полностью раскаялись в совершенных ими деяниях, не представляют сейчас никакой угрозы Афганистану и, кроме того, определенные судом сроки их заключения уже давно прошли.

Рассказ агента и приведенные им доводы произвели на сановника должное впечатление. После некоторого размышления он сказал: «В этой истории, помимо юридической, есть и политическая сторона. Афганцы и лично король будут выглядеть очень некрасиво в глазах руководства СССР, если она выйдет наружу и получит огласку. Сам факт содержания в афганских тюрьмах советских людей в условиях развития плодотворного афгано-советского сотрудничества и дружбы между двумя странами выглядит нелепо и его трудно объяснить». Он добавил: «Этот вопрос надо было давно решить и закрыть. Я поговорю с Его Величеством».

Одновременно и параллельно с «Хамидом» действовала и «Марьям». Она подошла к вопросу несколько по-другому, по-женски. Под благовидным предлогом она повела в семье Захир Шаха разговоры о том, что недавно совершенно случайно ей стало известно о нахождении в афганских тюрьмах советских людей, арестованных после окончания Второй мировой войны на территории Афганистана. «Какой ужас! – восклицала она. – Они содержатся в кошмарных условиях, а ведь среди них есть женщины, состарившиеся и больные люди! Разве такое возможно в государстве, которое исповедует исламские принципы справедливости? Эти люди – все мусульмане. Как можно укреплять дружбу со страной, чьими гражданами эти несчастные являются, и в то же время держать в тюрьмах этих людей? Нужно что-то делать! Нельзя оставлять все как есть».

Вскоре сановник при очередном докладе королю по текущим делам упомянул о бывших советских разведчиках, все еще отбывающих наказание в афганских тюрьмах, хотя с момента их осуждения прошло много лет. Он высказал предположение, что советская сторона за давностью, возможно, забыла о них, но может как-нибудь вспомнить о своих гражданах, и, если ей станет известно о прискорбном факте содержания их в афганских тюрьмах, это может отрицательно сказаться на афгано-советских отношениях и породить недопонимание

между руководителями двух государств. Кроме того, сказал он, освобождение этих людей, которые являются мусульманами и полностью раскаялись в своих деяниях, несомненно, явится гуманным шагом афганского правительства и лично короля, будет знаком доброй воли для северного соседа, и, конечно, он оценит его должным образом. Наконец, такая акция будет выгодна самому Афганистану, который стал на путь цивилизации, и еще больше укрепит престиж короля в глазах советского руководства, да и во всем мире.

Король, разумеется, знал о советских разведчиках, находившихся в афганских тюрьмах, но сделал вид, что для него это – неожиданная новость, и выразил удивление. Он пожурил собеседника за то, что тот не доложил ему этот вопрос раньше, и спросил о его мнении, как лучше поступить. Сановник порекомендовал монарху принять решение об освобождении всех осужденных в свое время советских разведчиков и выпустить их на свободу без лишнего шума, огласки и вообще как можно незаметнее. Вопрос был решен.

Через несколько дней последовало распоряжение об освобождении из заключения всех бывших советских разведчиков. Через свою агентуру в системе МВД резидентура проследила за прохождением и исполнением этого секретного указания короля. Так завершилась операция «Вызволение».

Шестнадцать бывших агентов-нелегалов, и в их числе «Мухабат», были доставлены на родную землю, которую они целовали, встав на колени и плача от радости.

30

Суэцкий кризис

В день национализации Суэцкого канала премьер-министр Великобритании Иден давал в Лондоне обед в честь своих верных арабских союзников – короля Ирака Фейсала и его премьер-министра Нури Саида. В самый разгар обеда тихо вошел секретарь и подал Идену небольшой листок бумаги. Говорят, что, прочитав его, английский премьер побледнел, а Нури Саид, посмотрев на лицо хозяина банкета, неловко поднялся и опрокинул бокал. Иракские гости поняли, что стряслось что-то чрезвычайное.

Через минуту Иден поднял глаза и тихо произнес: «Насер национализировал канал». Хотя в Лондоне и Багдаде ждали каких-то действий со стороны египетского президента, но такого – неожиданно объявить и сразу же взять управление каналом в свои руки, никто предположить не мог.

Первым заговорил Нури Саид. Он предложил немедленно высадить войска в зону канала, оккупировать Египет и таким образом раз и навсегда покончить со строптивым египетским лидером. Иден поддержал иракского премьера, но обсуждать этот вопрос не стал. Обед был скомкан, и гости спешно покинули Даунинг-стрит.

Реакция на события на Ближнем Востоке в Англии, а также во Франции была бурной. На следующий день английская «Таймс», выражая настроения финансовых и политических кругов, призвала английское и французское правительства к решительным действиям. «Захват канала, – подчеркивала она, – представляет собой акт международного разбоя. Если Насер докажет, что он может захватывать безнаказанно западную собственность, то другие, несомненно, последуют его примеру»[1].

В военных ведомствах Англии и Франции была объявлена тревога, войска были приведены в боевую готовность. Президенту США Эйзенхауэру была направлена телеграмма с информацией о намерении применить силу против Египта.

Однако постепенно накал страстей стал утихать. Не ослабляя психологического нажима, английские и французские политики решили прибегнуть к использованию давления «мирового общественного мнения» и с его помощью заставить Египет отдать Суэцкий канал под контроль если не старых хозяев, то какой-либо международной организации, где ключевая роль будет принадлежать им.

Чтобы правильно разобраться в том, что произошло, необходимо хотя бы кратко остановиться на истории строительства и пользования каналом, к заключенным по этому поводу соглашениям и событиям после июльской, 1952 года, революции в Египте.

Суэцкий канал был построен англо-французской компанией в 1869 году. Строился он на египетской земле и руками египтян. Компания Суэцкого канала была зарегистрирована как египетское предприятие. После обретения в результате революции 1952 года фактической независимости Египтом и эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала в июне 1956 года, естественно, встал вопрос об установлении национального контроля за всеми ключевыми отраслями экономики. С приходом на пост президента страны Насера народное движение за национализацию иностранной собственности стало еще больше нарастать. Компания получала немалые доходы. В 1955 году ее прибыль составила 35 млн египетских фунтов, из этой суммы Египет получал всего 1 млн.

Молодое египетское государство принимало все меры к оживлению своей экономики. Было запланировано строительство завода минеральных удобрений, предприятий текстильной, пищевой, фармацевтической и других отраслей промышленности. Особое место среди хозяйственных мероприятий занимал проект сооружения высотной Асуанской плотины. В нем были воплощены все национальные чаяния: экономические, политические, культурные.

Для финансирования намеченных проектов египетское правительство вело переговоры с Соединенными Штатами Америки. На страну был распространен четвертый пункт «программы Трумэна», касавшийся помощи «слаборазвитым странам». В 1956 году решался вопрос о предоставлении Египту ссуды в сумме около 40 млн долларов для развития транспорта, сельского хозяйства и других сфер. Велись также переговоры о строительстве высотной Асуанской плотины.

Вместе с тем Насер проводил независимую внешнюю политику, основанную на принципе неприсоединения к военным блокам. В это время были установлены дипломатические и торговые отношения с Чехословакией, Польшей, ГДР, Румынией и КНР.

Египет как независимая страна нуждался в закупке необходимого количества вооружения. С этим вопросом он неоднократно обращался к США и Англии. Однако эти страны настаивали на вступлении Египта в Багдадский пакт, что было непременным условием поставок вооружения. Такой подход западных держав противоречил

внешнеполитическому курсу Египта. Тогда правительство страны в сентябре 1955 года заключило торговое соглашение с Чехословакией о поставке вооружения в обмен на хлопок и рис.

Этот шаг вызвал недовольство западных стран. В прессе началась оголтелая антиегипетская кампания. 19 июля 1956 года государственный секретарь США Даллес сообщил об отказе США выдать Египту ранее обещанный заем на экономическое строительство. Снят был также вопрос и в отношении осуществления проекта строительства Асуанской плотины. Отказала в займах также и Англия.

В ответ на этот демарш западных стран 26 июля 1956 года египетское правительство обнародовало декрет о национализации Суэцкого канала. Средства от эксплуатации канала планировалось использовать для строительства высотной Асуанской плотины.

Как пишет в своей книге «Из архива разведчика» В.А. Кирпиченко, в то время работавший в резидентуре внешней разведки в Каире, операция по национализации канала была тщательно разработана египтянами. Они заранее направили на работу в компанию нужное количество людей с хорошим образованием. На замену каждого иностранного служащего был заблаговременно подготовлен египтянин соответствующей квалификации. Операцией руководил грамотный и энергичный офицер Махмуд Юнис. Как только Насер закончил речь на митинге в Александрии, где объявил декрет о национализации, Махмуд Юнис подал сигнал взять управление каналом в свои руки. Сделано это было быстро и без больших эксцессов. Он же стал первым директором национальной компании Суэцкого канала, а в 1966 году был назначен заместителем премьер-министра Объединенной Арабской Республики[2].

Резидентура внешней разведки в Египте внимательно следила за развитием событий. Стали поступать сведения, что Англия и Франция, развившие бурную деятельность в поисках политического пути решения суэцкой проблемы, одновременно активно готовят агрессию против Египта. К этим двум странам присоединился и Израиль. Неясна была роль Соединенных Штатов.

Обстановка становилась все более напряженной. Арабские государства, которые почти единодушно поддержали действия Насера, угрожали в случае агрессии против Египта прервать поставку нефти западным странам. Полностью поддержал Египет Советский Союз. Однако, несмотря на это, Англия и Франция продолжали готовиться к военным действиям.

Англичане и американцы принимали энергичные меры к разобщению арабских стран в вопросе национализации Суэцкого канала. В конце августа разведка получила секретную информацию о беседе британского посла с королем Иордании Хусейном. Посол пытался выяснить позицию Иордании на заседании политического комитета Лиги арабских стран, которое открывалось 12 августа 1956 года, и по-

влиять на нее в интересах Англии. Однако из этого ничего не получилось. Король сказал послу, что при решении любого вопроса, затрагивающего интересы арабской нации, арабы выступают единым фронтом.

Более того, Хусейн направил письмо королю Ирака Фейсалу и настоятельно советовал ему поддержать Египет в связи с национализацией Суэцкого канала.

16 августа в Лондоне открылась конференция, созванная Англией для обсуждения проблемы канала. На конференцию были приглашены 22 страны – пользователя канала. Страны подбирались Англией по своему усмотрению. Цель конференции состояла в том, чтобы навязать Египту выгодное для западных стран решение об установлении «международного» контроля над Суэцким каналом. Проект этого решения был разработан делегацией США и получил название «плана Даллеса».

Однако в противовес американскому проекту был выдвинут план Индии, в поддержку которого выступили Советский Союз, Индонезия и Цейлон. Согласно этому плану, суверенитет над Суэцким каналом сохранялся за Египтом.

Почувствовав, что общественное мнение складывается не в их пользу, Англия и Франция развернули ожесточенную кампанию, обвиняя Египет в срыве судоходства по Суэцкому каналу и в нарушении конвенции 1888 года.

Чтобы доказать неспособность Египта управлять Суэцким каналом, прежние его хозяева решили отозвать лоцманов и других иностранных специалистов с работы на канале. Своих лоцманов у Египта не было, а подготовить специалистов за короткий срок невозможно. Однако авантюра Запада не удалась, так как помог СССР и другие страны, появились иностранные добровольцы. Канал продолжал работать.

Большую роль в деле поддержки Египта играла солидарность арабских стран. Забастовки охватили весь арабский мир. В результате этого на несколько часов была прекращена подача нефти по нефтепроводам, проходящим через территорию Сирии. Необходимо отметить, что Сирия наиболее активно действовала в поддержку Египта, она объявила частичную мобилизацию на случай оказания военной помощи Египту, если западные страны совершат агрессию.

Всеобщая забастовка глубоко потрясла общественное мнение. О ней сообщали телеграфные агентства и радио, писали влиятельные газеты всего мира. Американское телевидение прервало свою программу, которую смотрели 20 млн человек, чтобы заявить, что 15 млн арабов объявили забастовку в знак протеста против лондонской конференции, что эта забастовка является самой крупной, которую знала история арабского мира.

Лондонская конференция большинством голосов поддержала американскую резолюцию. Она была направлена на рассмотрение Насеру. Однако египетское правительство отвергло ее.

В сентябре 1956 года состоялась вторая лондонская конференция, которая пыталась создать ассоциацию пользователей канала и оставить за ней право управления этой водной артерией. Однако решения конференции были расплывчатыми, появились расхождения между ее участниками, ранее безоговорочно поддерживавшими Англию.

Из полученного разведкой секретного документа министерства иностранных дел одной из стран-участниц следовало, что вторая лондонская конференция потерпела неудачу, что предложенная ассоциация неработоспособна. В документе приводился ряд причин, приведших к провалу, одна из них звучала довольно любопытно: «В то время как г-н Иден и г-н Ги Молле мобилизовывали свои силы против Египта, посол США в Каире Байроуд проводил совершенно иную политику, подрывая англо-французские дипломатические маневры, несмотря на англо-франко-американскую трехстороннюю декларацию. Позиция американского правительства... укрепила положение Насера».

Необходимо отметить, что подход США к суэцкому конфликту был двойственным. С одной стороны, они поддерживали Англию и Францию, с другой – стремились использовать возникшие у этих стран трудности, чтобы занять их место на Ближнем Востоке. Особый интерес они проявляли к нефти и поэтому не хотели ссориться с арабами.

Не добившись положительных результатов с помощью конференций, Англия и Франция 23 сентября 1956 года обратились в Совет Безопасности с жалобой на Египет. Они предложили Организации Объединенных Наций осудить действия Египта. В свою очередь, Египет 24 сентября обратился с жалобой на Англию.

После обсуждения и длительных переговоров были выработаны шесть принципов урегулирования Суэцкого кризиса. Они в основном удовлетворяли требования всех пользователей канала и Египта. Однако Англия и Франция при поддержке США пытались в этой резолюции протащить еще один пункт, в котором говорилось об установлении «международного контроля» над Суэцким каналом. В этой ситуации Советский Союз вынужден был использовать право вето.

Не добившись желаемых результатов в ООН, Англия и Франция приступили к подготовке прямого вооруженного нападения на Египет.

Во внешнюю разведку постоянно поступали материалы о подготовке агрессии против Египта со стороны Англии, Франции и Израиля. Эта информация через соответствующие каналы доводилась до египетского руководства. Но шла и другая информация. США знали в деталях о готовящейся агрессии, но стремились дезинформировать Насера. Так, буквально за два дня до агрессии египетский посол Ахмед Хусейн был принят ответственными сотрудниками госдепартамента Рузвельтом и Гендерсоном. В секретном документе об этой

встрече отмечалось, что оба чиновника высказали мнение: опасность войны сейчас миновала, если только не произойдет каких-либо новых событий, угрожающих безопасности иностранных подданных в арабских странах или нефтепроводам западных нефтяных компаний.

Одновременно Англия и Франция развернули мощную кампанию по разобщению арабских государств. Чтобы успокоить общественное мнение своих стран, они стремились представить дело так, что никакой арабской солидарности, касающейся поддержки Египта, не существует.

Министр иностранных дел Франции Пино сделал заявление, в котором подчеркнул, что он не уверен в солидарности арабских государств с Насером и что некоторые из этих государств рассматривают его действия как экстремистские.

В ответ послы арабских стран в Париже провели встречу, а затем заявили журналистам, что все арабские страны поддерживают Египет и что им поручено довести об этом до сведения министра иностранных дел Франции.

Пино отказался принимать всех послов сразу. Первым на прием прибыл посол Ливана. Из секретного отчета, полученного разведкой, видно, что заявление посла было довольно резким. Он сказал, что вчера вечером ему звонил по телефону президент Шамун и потребовал подтвердить полную солидарность арабских стран и передать его тревогу относительно концентрации французских войск на острове Кипр. Ливан не видит оправдания для подобной концентрации, ибо ничто не угрожает безопасности и интересам французских граждан.

Министр ответил, что цель концентрации французских войск на Кипре – обеспечение безопасности французов и их имущества, которое может подвергнуться разграблению в Египте и Сирии в случае осложнения обстановки в связи с проблемой Суэцкого канала.

Наряду с концентрацией войск вблизи египетской территории западные государства предпринимали большие усилия для психологического и пропагандистского давления на арабские страны. Цель состояла в том, чтобы изолировать Египет и представить дело так, что в случае развязывания войны он окажется ее виновником, а последствия войны могут привести к потере его независимости.

Египетский посол в Ливане Галеб, понимая, что предотвратить агрессию против Египта можно лишь в том случае, если все арабские страны будут выступать единым фронтом на его стороне, в секретной записке писал своему правительству, что западная пропаганда и психологическая обработка оказывают отрицательное влияние на арабские страны, в том числе на Сирию, которая является наиболее надежной союзницей Египта. В частности, он предлагал воспользоваться пребыванием в Каире министров иностранных дел арабских стран и арабских делегаций, прибывших на заседание Политического комитета Лиги арабских государств, для того, чтобы укрепить мораль-

ный дух у руководящих деятелей этих государств. Галеб советовал также попытаться свести на нет воздействие пропаганды, утверждающей, что египетская политика в конечном счете приведет к войне, в результате которой арабские страны потеряют свою независимость, успокоить деятелей арабских государств, доказав им, что Египет способен как в практическом, так и техническом отношении управлять Суэцким каналом, убедить арабские страны, что египетская армия хорошо подготовлена и может успешно отразить нападение со стороны Израиля.

Англия и Франция понимали, что нельзя давать Египту время для укрепления прочного всеарабского фронта. Согласно разработанному плану, в ночь с 29 на 30 октября 1956 года израильские войска без всякого повода перешли в наступление и начали продвигаться в направлении Суэцкого канала. Навстречу им на Синайском полуострове была развернута египетская армия, которая завязала бои с израильтянами. Тем временем англичане и французы нанесли бомбовые удары по египетским городам – Каиру, Александрии, Порт-Саиду, Исмаилии и др.

Стало ясно, что наступление Израиля преследовало цель заманить египетскую армию на Синай, а тем временем Англия и Франция высаживают свои войска в тылу египетских войск и без сопротивления оккупируют Египет. Разгадав этот замысел, Насер спешно вывел большую часть своей армии с Синая и преградил путь англо-французским войскам.

5 ноября английские и французские войска все же высадились у входа в Суэцкий канал и захватили Порт-Саид, где развернулись ожесточенные уличные бои. Официальная пропаганда этих стран упорно твердила, что высадка войск потребовалась для того, чтобы предотвратить войну между Египтом и Израилем. А тем временем подвергались бомбардировке египетские города, гибли люди.

Сам факт высадки в Порт-Саиде показывает, что Англия и Франция имели цель как минимум закрепиться в зоне Суэцкого канала, а затем действовать в зависимости от развития событий. Западные стратеги надеялись и на то, что высадка их войск вызовет внутриполитические осложнения в Египте, которые приведут к перевороту и уничтожению режима Насера. Однако ничего этого не произошло, народ Египта проявил твердость и сплоченность вокруг патриотического правительства.

Ощутимую поддержку Египет получил от независимых арабских стран, многие из которых порвали дипломатические отношения с Англией и Францией. В Сирии был взорван нефтепровод, принадлежащий иностранным компаниям, начали формироваться отряды ополченцев. Даже Саудовская Аравия прекратила перекачку нефти на английские танкеры и нефтеочистительные заводы. Иордания наложила запрет на использование ее военных баз Англией. Волна недо-

вольства в Ираке заставила прозападное правительство Нури Саида разорвать дипломатические отношения с Францией и осудить Великобританию за ее участие в агрессии.

С осуждением агрессивной политики Англии, Франции и Израиля выступили Индия, Пакистан, Цейлон и другие страны. Даже Соединенные Штаты на заседании Совета Безопасности 30 октября 1956 года вынуждены были внести предложение о прекращении огня и отводе израильских войск за линию перемирия. За резолюцию проголосовали все члены Совета Безопасности, кроме Англии и Франции, которые применили вето.

Позиция США в вопросе прекращения войны и вывода с египетской территории иностранных войск была расплывчатой. Вместо решительного пресечения агрессии американцы хотели навязать обсуждение палестинской проблемы и тем самым увести Генеральную Ассамблею ООН от главного вопроса и заставить ее заниматься делами, не имеющими прямого отношения к совершенной агрессии.

США маневрировали, а агрессоры тем временем продолжали активизировать свои действия. Шли ожесточенные бои в Порт-Саиде, был занят Порт-Фуад. Израильские войска подошли к восточному берегу Суэцкого канала и двигались по побережью Суэцкого и Акабского заливов.

Англо-французские силы вторжения насчитывали 65 тысяч человек, 430 танков, 520 орудий и минометов, 700 самолетов, 122 корабля, в том числе 6 авианосцев.

Положение Египта было сложным, противостоять такой военной армаде было трудно. Казалось, победа агрессоров была совсем близка. Но здесь веское слово сказал Советский Союз. 5 ноября 1956 года министр иностранных дел СССР направил в Совет Безопасности телеграмму с требованием к агрессорам немедленно прекратить военные действия и в трехдневный срок вывести свои войска из Египта, а в случае невыполнения этого требования – оказать Египту помощь со стороны всех членов ООН, и прежде всего СССР и США. Вслед за этим советское правительство предложило президенту США с санкции ООН совместно использовать вооруженные силы для пресечения агрессии. США отвергли предложение советского правительства.

За шагами СССР стояли напряженные усилия советских разведчиков. Каждодневно, выполняя требования Центра, в условиях, когда Каир и другие города подвергались бомбардировкам и повсюду соблюдалось затемнение, работники резидентуры сообщали в Москву самые свежие сведения об обстановке в Египте, решимости его руководства и основных политических сил к борьбе с агрессией, о настроениях в дипкорпусе столицы, о состоянии вооруженных сил страны.

Москва направила послания главам правительств Англии, Франции и Израиля. Советское руководство предупреждало их о самых серьезных последствиях продолжения агрессии и готовности Совет-

ского Союза принять решительные меры для восстановления мира на Ближнем Востоке. Настойчивые шаги советского правительства отрезвляюще подействовали на агрессоров. 6 и 7 ноября были получены ответные послания от правительств Англии и Франции, в которых они сообщали, что отдали приказ прекратить огонь в ночь с 6 на 7 ноября. 8 ноября аналогичное послание было получено от Израиля.

Однако прекращение огня не означало еще прекращения агрессии. Войска Англии, Франции и Израиля продолжали находиться на территории Египта. Больше того, в советскую внешнюю разведку стали поступать материалы о подготовке агрессии против Сирии. В качестве предлога намечалось использовать нахождение советских самолетов в Сирии и необходимость восстановления нефтепроводов, которые были разрушены по указанию сирийского правительства. Для нападения на Сирию планировалось также привлечь Турцию и Ирак. Турция перебросила к сирийской границе две дивизии, и еще одна дивизия была подготовлена к переброске в этот район. Из тех же секретных сведений явствовало, что англичане предпринимают меры по организации государственного переворота в Сирии. Они приступили к подготовке восстания в районе Джебель Друз. Многие друзские деятели были вызваны в Ирак для получения соответствующих инструкций. В этих же целях началась переброска в Сирию из Ирака больших партий оружия.

Учитывая складывающуюся обстановку, 15 ноября 1956 года советское правительство направило Англии, Франции и Израилю новые послания, в которых в настойчивой форме было выражено требование о немедленном выводе войск интервентов из Египта.

Решительная позиция Советского Союза в вопросе прекращения агрессии и вывода войск Англии, Франции и Израиля с территории Египта получила широкий резонанс в мире. В арабских странах она была встречена с большим энтузиазмом и способствовала укреплению их единства и сплоченности. С одобрением к ней отнеслись страны Азии. В Англии и Франции усилилось недовольство общественности агрессивными действиями их правительств. В политических кругах однозначно считали нападение на Египет авантюрой и требовали положить ему конец.

Руководители этих стран Иден и Ги Молле были в замешательстве. По выражению одного политического деятеля, Иден в эти дни был похож одновременно на мошенника и труса.

Несколько изменилась позиция США. Поняв, что тройственная агрессия окончательно провалилась, Вашингтон стал заигрывать с арабскими странами, и в частности скорректировал свой подход к решению суэцкой проблемы. По полученным разведкой данным, посол одной из европейских стран в США писал своему руководству, что после беседы в госдепартаменте он убедился, что представитель США в ООН Лодж стал занимать проегипетскую позицию.

На изменение американской позиции в значительной степени повлияло то обстоятельство, что в это время внешнеполитические органы США усиленно проталкивали «доктрину Эйзенхауэра», и им нужны были союзники в арабском мире.

Все это вместе взятое привело к срыву замыслов агрессоров и вынудило их вывести свои войска из Египта. Это произошло в декабре 1956 года, когда зону Суэцкого канала покинули английские и французские войска. В январе 1957 года ушли с Синая и израильтяне, а в марте они оставили и сектор Газа.

Нападение агрессоров нанесло большой урон международному судоходству. Суэцкий канал был выведен из строя. В результате бомбардировок были повреждены портовые сооружения, во многих местах обсыпались берега канала, нарушена была навигационная система. Нужна была большая работа по расчистке канала.

18 марта 1957 года египетское правительство в связи с возобновлением судоходства по Суэцкому каналу выступило с меморандумом, в котором заявило, что канал снова станет связующим звеном, несущим благо и мир народам всего мира. Египетское правительство, подчеркивалось в этом документе, продолжает настаивать на соблюдении Константинопольской конвенции 1888 года. Важным пунктом меморандума было заявление, что администрация Суэцкого канала примет меры по расширению судоходства по каналу и ожидает дальнейшего сотрудничества со странами мира.

Суэцкий канал заработал. Сначала его пропускная способность была наполовину ниже, чем до агрессии. Затем была восстановлена прежняя мощность, постепенно началось расширение судоходства. Канал бездействовал всего несколько месяцев, казалось, что этот тяжелый период ушел далеко в прошлое. Водная артерия, соединяющая Красное и Средиземное моря, возродилась.

Те, кому приходилось проходить на судне по каналу, никогда не забудут своеобразного очарования этого кусочка египетской земли. Канал узкой ленточкой пролегает меж пустынных берегов, разделяя необозримое пространство на два континента – Азию и Африку. Рядом проложена дорога, судно идет медленно, и кажется, что оно движется не по воде, а по песку пустыни и что можно спрыгнуть на дорогу и идти рядом с ним. В нескольких местах канал расширяется, образуя заливы, где дожидаются своей очереди другие суда, движение здесь «одноколейное». На палубе пассажирских теплоходов весело. Раздается смех, звучит музыка.

Канал не работал всего несколько месяцев, и ни у кого не возникало и мысли, что движение по нему может снова прерваться. Египтяне хорошо справлялись со своими обязанностями, и водный путь работал не хуже, чем при иностранном владении.

Но то, что казалось невероятным, произошло. 5 июня 1967 года Израиль напал на Египет и Сирию. Израильские войска пришли на

восточный берег Суэцкого канала и прервали движение по нему на целых шесть лет. И только в 1973 году египетские войска изгнали оккупантов с берегов канала, а через несколько месяцев в результате больших усилий стало возможным движение по этому экономически выгодному и вместе с тем многострадальному пути.

Но это уже другая история.

---

[1] **The Times.** – 1956. – 28.07.

[2] **Кирпиченко В.** Из архива разведчика. – М., 1993. – С. 40.

31

Внешняя разведка в послевоенном Иране (1945–1953 гг.)

Вторая мировая война завершилась в сентябре 1945 года капитуляцией Японии, и союзнические отношения между державами-победительницами ушли в прошлое. Их место заняла борьба за влияние в послевоенном мире.

Как и в годы войны, Иран вновь оказался в числе тех стран, где столкнулись интересы ведущих мировых сил. Он по-прежнему играл роль плацдарма для недружественных действий против СССР, но на первое место вышла борьба иранского народа за национализацию нефтяной промышленности и ликвидацию грабительской Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК), владевшей концессией на эксплуатацию южноиранской нефти с 1901 года. В 1950 году Иран занимал четвертое место в мире по добыче нефти.

Запах иранской нефти будоражил не только англичан. Ллойд Гендерсон, бывший заведующий отделом стран Среднего Востока госдепартамента США, так сформулировал в 1950 году задачи американской политики в Иране: «В радиусе 800 км вокруг Тегерана расположена территория, на которой находится 33 млрд баррелей нефти – почти половина мировых запасов. Мы никогда не допустим, чтобы эта территория попала в руки державы, враждебной Соединенным Штатам». Нетрудно догадаться, какую именно державу имел в виду Гендерсон.

По сути дела, он только огласил замыслы Рокфеллеров, стремившихся к установлению американского контроля над нефтяными месторождениями Среднего и Ближнего Востока. Координатор производства нефти в США Икес в 1944 году в журнале «Американ мэгэзин» изложил их существо: «Если мы хотим сохранить и развивать нашу цивилизацию, опираясь на нефть, мы должны быть готовыми идти туда, где есть нефть»[1].

19 апреля 1945 года руководство НКГБ СССР подвело основные итоги деятельности советской разведки в Иране в годы войны. «Важ-

ная разведывательная информация, получаемая советскими разведчиками в Иране, – говорилось в принятом документе, – сыграла существенную роль при принятии руководством страны и военным командованием тех или иных политических и военно-стратегических решений». Были рассмотрены и утверждены предложения внешней разведки относительно задач резидентур в Иране с учетом изменившейся обстановки. Существовавшее ранее деление тегеранской резидентуры на разведывательную и контрразведывательную было упразднено, и вся работа отныне должна была концентрироваться в единой резидентуре. Были введены новые штаты загранаппаратов в Тегеране и других городах страны. «Ведущие резидентуры в Иране, Египте и Турции, – подчеркивалось в решении, – если не количественно, то качественно должны быть укомплектованы не хуже основных европейских резидентур».

11 июня 1945 года на основе принятых решений Центр в письме в Тегеран поставил задачу: «Независимо от сроков вывода частей Красной Армии[2] необходимо немедленно приступить к организации работы в изменившихся условиях. Внимание разведки отныне должно сосредоточиться на всесторонней и активной разработке антисоветской деятельности английской и иранской разведок и контрразведывательных учреждений Ирана, равно как и остатков немецкой агентуры».

В январе 1947 года задачи иранских резидентур были конкретизированы: «Основной задачей отныне поставить разработку деятельности англичан и американцев в области политической, дипломатической и экономической».

В июне того же года Центр подчеркнул важность «нефтяного вопроса» для Ирана: «И раньше, и сейчас мы считали и продолжаем считать, что основной вопрос, который необходимо разведать всесторонне, это вопрос о нефти и позициях, которые занимают в нем английское, американское и иранское правительства». «Пока в этой области сделано мало, – отмечалось в письме Центра, – нет документальной информации, на основании которой можно было бы не путаться в догадках, а совершенно точно и определенно информировать соответствующие инстанции о положении дел».

С учетом развития ситуации в Иране, устремлений США и Англии Москва сделала вывод, что борьба против прозападного курса иранского правительства отвечала бы государственным интересам СССР. Вопрос был поставлен так: «Как практически можно было бы объединить оппозиционные шаху и военной клике элементы в целях усиления борьбы против вовлечения Ирана в англо-американский блок?» Это был новый подход, еще год назад Центр придерживался иной позиции: «Никаких мероприятий по развитию демократического движения в Иране, которые ставили бы перед собой задачу изменения общественного или государственного строя, не проводить».

Однако Центр не был полностью удовлетворен качеством агентурной сети и в довольно жесткой форме требовал приобрести новые надежные источники в личной канцелярии шаха и канцелярии премьер-министра, где сосредоточивались самые важные документы, а также среди руководителей основных политических партий и лидеров меджлиса.

23 марта 1950 года Центр потребовал получения информации «о деятельности иностранных нефтяных компаний на территории Ирана, в частности АИНК, и других вопросах, касающихся нефти».

К концу 40 – началу 50-х годов эти задачи, хотя и не в полном объеме, были решены: к сотрудничеству были привлечены агент-«документальщик» в канцелярии премьер-министра, источники в руководстве политпартий, меджлиса, среди духовенства, в окружении англо-американских представителей в Иране и т.д.

Центр не был доволен и тем, как в иранских резидентурах велась работа по США. В письме в Тегеран в октябре 1950 года, в частности, говорилось: «В настоящее время работа по американцам является одной из главных задач в Иране. До сих пор от вас, несмотря на наши напоминания, не поступило по этому вопросу никаких практических предложений, хотя все необходимые условия для этого у вас имеются. Дальше такое положение терпимо быть не может». Из этой жесткой критики были сделаны соответствующие выводы, и уже в 1951 году Центр отметил улучшение работы на «антиамериканском» направлении и писал в Тегеран: «Материалы, поступившие от вас, позволили информировать инстанции по всем вопросам, связанным с национализацией нефтяной промышленности, – в основном на базе документальной информации о переписке МИД Ирана с иранскими дипредставительствами за границей, что позволило знать о позициях Англии, США и Ирана в вопросе национализации».

Разгром фашистской Германии послужил мощным толчком для подъема демократического движения в Иране. Прогрессивные силы выступали за либерализацию общественной жизни, освобождение страны от иностранного засилья и национализации основного богатства Ирана – нефти. Однако развитие широкого демократического движения наталкивалось на решительное противодействие иранских властей, получавших материальную и моральную поддержку от англичан и американцев.

После ввода союзных войск в Иран молодой шах Мохаммед Реза Пехлеви, занявший трон после отречения своего отца – Реза-шаха, подписал 27 сентября 1941 года указ об освобождении всех политических заключенных и ссыльных. Именно тогда начали образовываться политические партии, профессиональные и крестьянские союзы. После окончания войны интеллигенция, национальная буржуазия, часть шиитского духовенства начали активно выдвигать требования возвращения стране национального достоинства и полной независи-

мости, что находило поддержку в народе. Кабинеты министров в те годы, не имея опоры в обществе, постоянно сменяли друг друга, не задерживаясь у власти.

В январе 1946 года премьер-министром был назначен Кавам-эс-Салтане, прозападные настроения которого были широко известны. На первых порах он, учитывая свою репутацию и обстановку в стране, широко прибегал к риторике о необходимости демократизации общественной жизни, сохранения суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Ирана, поддержания дружественных отношений с США, Великобританией и СССР. Однако на деле с приходом Кавама-эс-Салтане начался очевидный дрейф страны к англо-американскому блоку. В 1947 году он подписал секретное военное соглашение с США, которое ставило Иран в зависимость от американцев. Одновременно обозначилась линия на свертывание отношений с СССР. Во внутренней политике был взят курс на разгром демократических сил и установление военно-полицейского режима с использованием открыто насильственных методов.

Кавам-эс-Салтане был прожженным и хитрым политиканом, он не гнушался прибегать к прямому обману, к закулисным интригам и немедленно воспользовался ситуацией, возникшей после вывода из Ирана частей Советской Армии. Нарушив достигнутые ранее советско-иранские договоренности, он добился того, что послушный ему меджлис торпедировал соглашение о предоставлении СССР концессии на разработку и эксплуатацию нефтяных месторождений на севере Ирана. Не посчитался премьер-министр и с договоренностью относительно автономии Иранского Азербайджана, где у власти находилась Демократическая партия. Как только советские войска покинули территорию Ирана, шахская армия начала поход на Тавриз. Было введено военное положение, над руководителями и активистами Демократической партии Азербайджана была учинена жестокая расправа. Их расстреливали, вешали, над ними чинили расправу на улицах. Было расстреляно и повешено более 700 человек, сотни были убиты и замучены в результате самочинных расправ.

Шахские каратели вошли также в Иранский Курдистан, где была проведена такая же кровавая операция над курдами. Руководитель национально-освободительного движения Кази Мухаммед и его ближайшие сподвижники были повешены. В 1947 году репрессии охватили всю страну, тысячи людей были брошены в тюрьмы. Комитеты левых партий и профсоюзов были закрыты, газеты запрещены; крестьянское движение было подавлено, крестьянские союзы разгромлены. В иранской деревне вновь воцарились средневековые отношения между крестьянами и помещиками.

В ходе массовых репрессий пострадала и агентура советской разведки. Некоторые агенты были арестованы за участие в демократическом движении, другие оказались под наблюдением полиции. Были и

такие, кто предпочел предательство и выступил с разоблачениями деятельности нашей разведки. Нужна была ревизия агентурного аппарата.

Центр потребовал принять срочные меры безопасности, сократить до минимума личные встречи с ценной агентурой, законсервировать тех, кто попал под подозрение властей или находился под угрозой ареста. После «чистки» к 1948 году агентурный аппарат уменьшился почти наполовину.

В связи с разгулом карательной стихии угроза репрессий нависла над сотнями просоветски настроенных лиц. В 1947–1948 годах разведка оказала многим из них конкретную помощь, десятки людей были негласно переброшены в СССР. Нередко такие мероприятия осуществлялись резидентурами на свой страх и риск: нехватка времени часто не позволяла своевременно согласовать их с Центром.

Тем не менее, несмотря на репрессии, демократические силы не были сломлены, на их стороне выступали национальная буржуазия и часть влиятельного духовенства. Неприятие народом антидемократического курса властей особенно проявилось после назначения в июне 1948 года новым премьер-министром Хажира, который имел стойкую репутацию «старого слуги англичан». При нем атаки на прогрессивные силы еще более усилились. В 1949 году были закрыты советские консульства во всех городах Ирана, за исключением Исфагана и Мешхеда. Политика Хажира вызвала открытое недовольство в народе, и в конце 1949 года премьер-министр был убит в результате террористического акта.

К тому времени борьба иранцев за национализацию нефтяной промышленности и ликвидацию АИНК достигла большого накала. Она, по сути дела, была «государством в государстве», занимала 250 тысяч кв. км иранской территории и имела свое правительство, своих чиновников и подданных, свой флот, свои поезда, пароходы, самолеты, собственную полицию. Генеральный директор АИНК фактически был королем этого «государства». Компании принадлежали абаданские нефтеперерабатывающие заводы, нефтепроводы, нефтеналивные суда, аэродромы, радиостанция. Чистые прибыли АИНК за все время ее существования составили более 400 млн фунтов стерлингов. Только в 1947 году она добыла 20 млн тонн нефти и получила 81 млн фунтов стерлингов прибыли, а Ирану досталось всего 7 млн фунтов.

Условия труда рабочих на предприятиях компании были рабскими. При 12–16-часовом рабочем дне нефтяники получали 12–16 риалов в день, которых не хватало даже на питание. Это было в четыре раза меньше, чем заработная плата венесуэльских нефтяников, которые считались одними из самых низкооплачиваемых.

Под давлением настроений в обществе шах был вынужден обратиться к Англии с предложением изменить некоторые пункты кон-

цессионного договора с АИНК и увеличить долю доходов Ирана. В Лондоне, понятно, делать этого не собирались, и переговоры в начале 1949 года не принесли Ирану успеха. В обществе усиливались требования ликвидации АИНК.

Осенью 1949 года был учрежден Национальный фронт Ирана (НФИ). В числе его основателей были видные политические и религиозные деятели – доктор Мухаммед Мосаддык и аятолла Аболь Касем Кашани. В программе НФИ содержалось главное требование: деятельность АИНК должна быть запрещена, а нефтяная промышленность – национализирована. В мечетях читали обращение Кашани: «Долой англичан! От них все беды, они захватили наше богатство – нефть. Отнимите ее у них!».

Кашани пользовался большой популярностью в стране, его почитали как своего рода «восточного папу». Он был уверен, что сможет поднять на борьбу с англичанами весь мусульманский мир и объявить им священную войну. Еще в 1941 году он публично выступил с яростными заявлениями против «английских колонизаторов». В отличие от других духовников высшего ранга, он открыто затрагивал в своих проповедях острые политические проблемы и неустанно призывал народ не подчиняться диктату англичан, бороться с ними. В 1942 году Кашани был арестован по обвинению в связях с гитлеровской разведкой и заключен в тюрьму, откуда был освобожден в 1945 году, и включился в политическую жизнь. Он повторял в проповедях: «Англичане должны уйти. До тех пор, пока они остаются в нашей стране, у них будут возможности и право вмешиваться в нашу внутреннюю политику и наш образ жизни. Мы их должны выкинуть за пределы Ирана, мы это сделаем, и ничто нам не помешает».

Небольшого роста, щуплый, в большом черном тюрбане, простой в обращении, Кашани обладал сильной волей и даром убеждения. У него было бледное, тонкое лицо с четко выписанными, как на персидской миниатюре, чертами, маленькая седая бородка, от него веяло глубоким умом и мудростью – так описала Кашани итальянская журналистка М. Мачокки, побывавшая в 1951 году в Тегеране и принятая аятоллой.

Одно время Кашани был духовным вождем религиозной террористической организации «Федаян-е-ислам» («Жертвующие собой ради ислама») и был причастен к ее деятельности. На ее счету был не один террористический акт против государственных деятелей Ирана. Ей же приписывали неудачное покушение на шаха в феврале 1949 года. Тогда разгневанный шах выдворил Кашани из страны, однако высылка аятоллы вызвала бурю негодования в обществе, и шах был вынужден разрешить ему вернуться на родину.

Шах Мохаммед Реза Пехлеви ничем не походил на своего сурового и деспотичного отца Реза Шаха, прошедшего свои «университеты» в казармах казацкого полка, где царила палочная дисциплина.

Благодаря рвению по службе он сумел выбиться сначала в унтер-офицеры, а затем получил офицерское звание и дошел до генерала. Сын же получил европейское образование, свободно владел английским и французским языками, не был чужд новым веяниям культуры, но по характеру был человеком мнительным, нерешительным, подверженным влиянию людей с более сильной волей. С течением времени и укреплением его власти у него развился комплекс мании величия, но после неудачного покушения на него в феврале 1949 года молодой шах очень опасался за свою жизнь.

После этого шах начал сторониться всех сильных, самостоятельных, независимых политических деятелей, даже из своего близкого окружения. Так, он сначала быстро возвысил влиятельного генерала Бахтиара, поручив ему командовать специальной службой – Организацией информации и безопасности страны (САВАК), при этом назначении было учтено и родство Бахтиара с шахиней Сурейей, которой он доводился дядей. Но очень скоро Бахтиар попал в опалу из-за того, что сосредоточил в своих руках большую власть, его выслали в Ирак, где вскоре он был убит шахскими агентами.

Еще одной отличительной чертой шаха была его нетерпимость к критике своей персоны, от кого бы она ни исходила. Большое влияние на него оказывали мать Тадж-оль-Молюк и сестра-близнец Ашраф, к советам и рекомендациям которых он прислушивался.

В июне 1950 года правительство по назначению шаха возглавил прямой ставленник дворца – начальник Генерального штаба иранской армии генерал Али Размара. Высшие иранские круги понимали необходимость проведения ряда мер, направленных на улучшение положения бедствующего населения. В этих кругах тогда не раз высказывались мысли, что если кое-какие реформы не будут осуществлены, то революция может стать неизбежной. Одновременно с декларациями и обещаниями реформ власти развернули широкую пропагандистскую кампанию с целью привлечения на сторону двора широких народных масс и особенно средних слоев. Новый премьер включился во все эти инициированные двором мероприятия, он даже пошел на обсуждение проекта реформы образования с представителями интеллигенции. Он решился на запрет трансляции передач «Голоса Америки» для Ирана, 26 декабря 1950 года в специальной декларации провозгласил политику нейтралитета и сделал ряд шагов по улучшению ирано-советских отношений. Однако в вопросе о национализации нефтяной промышленности Размара занимал непоследовательную, двойственную позицию.

Несмотря на свою близость к двору, Размара придерживался националистических убеждений и имел свою точку зрения на некоторые аспекты внутренней и внешней политики. Очень скоро он вызвал открытое недовольство крупных землевладельцев, ханов влиятельных племен, крупных торговцев и духовенства, которые опасались

ослабления своих позиций в результате активности Размара. После того как он заговорил о планируемом создании провинциальных и деревенских советов, а также о гарантиях независимости судов, судьба его была решена. 7 марта 1951 года он был убит выстрелами из револьвера при выходе из мечети фанатиком экстремистской религиозной организации «Федаян-е-ислам». Во всяком случае, такой была официальная версия убийства премьер-министра, выдвинутая властями. Через две недели был убит и министр просвещения.

В архивных материалах СВР нет сведений, кто конкретно стоял за спиной убийц генерала Размара, но сам террористический акт был совершен участником организации «Федаян-е-ислам». Этот факт террора вызвал в дворцовых кругах состояние, близкое к панике.

Сменивший Размара новый премьер Хосейн Ала, бывший министр двора и посол в США, был вынужден пойти навстречу требованиям народа и принять решение о национализации нефтяных предприятий АИНК, но на деле сам же всячески саботировал практические шаги по его реализации. Мосаддык и Кашани, действуя совместно, сумели направить против Хосейн Алы всеобщее недовольство его поведением, и последний поспешил уйти в отставку.

В обстановке правительственного кризиса и народных волнений шах против своей воли согласился в апреле 1951 года на назначение лидера Национального фронта Ирана и влиятельного депутата меджлиса д-ра Мосаддыка премьер-министром страны. С этого момента Иран оказался в эпицентре политических страстей.

Мосаддык, несомненно, был одним из самых интересных и колоритных политических и государственных деятелей своего времени. Он имел мужество бросить открытый вызов могущественным силам – Англии, США, нефтяным корпорациям и магнатам.

Мосаддыку было уже за 70 лет, когда он стал главой правительства. За его плечами был большой опыт политической деятельности, он был лидером ведущей партии – Национального фронта Ирана, пользовался популярностью в стране. М. Мачокки, корреспондентка газеты «Унита», так описывала его внешность: «У него были весьма энергичные, твердые черты лица, выражавшие волю и решительность характера, которых, однако, не хватало зачастую в его практических делах. Лысый череп, длинная и худая шея, крючковатый нос, большие уши, бегающий по сторонам взгляд, манера непрерывно вертеть головой»[3]. Его отличали природный ум, хитрость, проницательность и наблюдательность.

Приход к власти Мосаддыка оказался для тегеранской резидентуры неожиданным, ей не удалось получить упреждающую информацию на этот счет, что и послужило причиной нелицеприятной критики Центра в адрес резидентуры. «Безотлагательно и в самые короткие сроки изучите возможности использования в интересах СССР, – указывалось в письме в резидентуру, – националистически настроенных

кругов Ирана, группирующихся вокруг Мосаддыка, Кашани, Багаи и других находящихся в оппозиции к шаху противников англо-американского засилья в стране». Москва потребовала принять меры к приобретению источников в окружении нового премьер-министра и в руководстве НФИ. Решение этой задачи заняло определенное время, но все же она была решена.

Как только Мосаддык возглавил правительство, меджлис утвердил закон о национализации нефтяной промышленности. 30 апреля 1951 года он был одобрен сенатом, а 2 мая его подписал шах. С этого дня отношения между ним и Мосаддыком серьезно обострились: шах искал компромисса и не хотел осложнений с Англией, тогда как Мосаддык решил идти до конца. 20 мая 1951 года резидентура со ссылкой на надежного источника сообщила, что шах утвердился в мысли о необходимости смещения Мосаддыка с поста премьер-министра. Такую же позицию заняли англичане, которые желали видеть во главе правительства Ирана своего человека – Кавама-эс-Салтане.

В силу закона о национализации нефтяной промышленности англичане лишились своих концессий на юге Ирана. Они надеялись, что еще можно поправить дело, договориться с Мосаддыком и провели с ним серию переговоров, но безрезультатно. Тогда Лондон перешел к методам силового нажима. Прежде всего англичане стали создавать экономические и финансовые трудности для Ирана. Лондон препятствовал и приобретению им нефтеналивных судов, и транспортировке иранской нефти.

Разведке удалось получить меморандум МИД Великобритании о политике в отношении Ирана, датированный 27 января 1948 года. В нем, в частности, говорилось: «Не допускать создания в Иране демократического правительства, так как это означало бы распространение коммунистического влияния на Среднем Востоке, а поставки нефти с концессий Англо-Иранской компании оказались бы в зависимости от советского правительства... Главное – обеспечить безопасность английских нефтяных интересов на юге Ирана, вплоть до ввода в Иран английских войск, если иранское правительство не сможет обеспечить порядок в южных районах Ирана». И уже в марте 1951 года в Персидский залив вошли корабли английского военного флота.

15 июля 1951 года в Тегеране и других городах Ирана прошли многотысячные демонстрации в поддержку политики Мосаддыка и против иностранного господства. Манифестации испугали премьер-министра: он боялся размаха народных выступлений и потери контроля за развитием событий. Демонстрации были разогнаны полицией и войсками, в результате – 120 убитых и 300 раненых. Было введено военное положение, произведены массовые аресты, закрыты левые газеты.

На первых порах назначение Мосаддыка главой правительства американцы встретили с удовлетворением, что было лишним доказа-

тельством противоречий между ними и англичанами в Иране. Сначала они держались в тени и даже склонялись к оказанию помощи Мосаддыку, опасаясь перерастания национально-демократического движения в революцию. Но нефтяные магнаты думали иначе, они не могли позволить Ирану обеспечить самостоятельный выход на мировой рынок.

Лондон, заинтересованный в поддержке Вашингтона, «купил» ее ценой согласия стать на сторону американцев в экономической блокаде КНР и признать остров Тайвань территорией, на которую континентальный Китай не имеет права. Эта информация была получена резидентурой от агента-«документальщика» и ее немедленно доложили руководству СССР.

В августе 1951 года в Тегеран прибыл специальный посланник президента Трумэна Аверелл Гарриман, который тщетно пытался примирить враждующие стороны и уговорить Мосаддыка принять английские предложения относительно нефти. Последний, однако, не поддался ни уговорам, ни нажиму, и миссия Гарримана не увенчалась успехом. Вскоре американцы перестали играть роль посредника в ирано-английском споре. В 1952 году заместитель госсекретаря США Байроуд в беседе с Мосаддыком уже проводил другую линию и настойчиво убеждал его «уступить американцам в нефтяном вопросе», за что США обещали предоставить Ирану «заем в таком размере, в каком это нужно для восстановления нефтяной промышленности», и давали гарантии в том, что «никто, кроме американцев, не вступит в пределы АИНК». Содержание этой беседы стало известно резидентуре оперативным путем, и соответствующая информация была направлена в Москву. Строптивость Мосаддыка, не желавшего прислушаться к американским предложениям, привела Вашингтон к убеждению, что с ним нельзя иметь дело и лучше всего его сместить.

Практически по всему кругу вопросов, связанных с перипетиями борьбы за иранскую нефть, политикой Мосаддыка, позициями США и Англии, тегеранская резидентура в 1951–1953 годах регулярно информировала Центр. Значительная часть информации была документальной. Тем не менее с учетом остроты и важности проблемы 10 августа 1951 года резидентура подверглась жесткой критике: «Вы не сумели своевременно разобраться в нарастающем движении за национализацию нефти, – отмечалось в письме Центра, – и использовать его в целях ослабления американского и английского влияния. Растущее в Иране движение за национализацию нефтяной промышленности и за освобождение от американо-английского влияния создало благоприятную обстановку для усиления разведывательной работы».

Центр не только критиковал резидентуру, но и оказывал ей конкретную помощь. В Тегеран были направлены дополнительно пять сотрудников разведки со знанием персидского языка. Центр дал ука-

зание вернуться к вопросу о законсервированной ранее агентуре и восстановить связь с теми агентами, которые могли бы быть полезными в новой обстановке. Восстановление работы с бывшими источниками и изучение их возможностей вывели резидентуру на новые интересные контакты, позволили приобрести ряд полезных агентов.

Почти год англичане вели тайную подготовительную работу для смещения Мосаддыка с поста премьер-министра. В середине 1952 года они перешли к решительным действиям. 31 июля того же года резидентура доложила в Центр, что иранские спецслужбы информировали Мосаддыка о заговоре против него. Из добытого документа следовало, что в заговоре принимают участие брат шаха Али Реза, сестра Ашраф, генерал Захеди, проанглийски настроенные политические деятели Сеид Зия-эд-Дин, Хаким-оль-Мольк и др. Подготовка переворота происходит с молчаливого согласия шаха. За спиной заговорщиков стоят англичане, которые активно работают среди авторитетов южных племен, враждебно относящихся к центральному правительству. Исполнявший обязанности резидента Р.И. Ноятов считал эти сведения достоверными и заслуживающими серьезного внимания.

К тому времени значительно возрос приток американских военных, политических и экономических советников в Иран, они, по сути дела, контролировали положение в иранской армии, полиции и жандармерии. Под «крышей» посольства США в Тегеране активно функционировала «легальная» резидентура ЦРУ. Стоит отметить, что начиная с военных лет все последующие годы, вплоть до «исламской революции» в Иране в 1979 году, в составе этой резидентуры работали, помимо других, разведчики, владевшие русским языком, часто русского происхождения. Они занимались разработкой советских учреждений и их сотрудников в Иране.

Иранские власти в годы правления Мосаддыка ужесточили полицейский режим против советских граждан. Были введены ограничения для них при передвижении по стране, велось демонстративное наружное наблюдение, в адрес советских дипломатов раздавались угрозы и требования выдворения некоторых из них из страны и призывы закрыть советское посольство – «центр шпионажа», разорвать дипломатические отношения между Ираном и СССР. Не проходило дня, чтобы иранские газеты не раздували кампанию шпиономании. Предпринимались грубые попытки вербовочных подходов к советским гражданам как со стороны иранской контрразведки, так и американских спецслужб.

Несмотря на осложнение оперативной обстановки, резидентура в Тегеране работала активно. К ней поступали агентурные сведения о скрытых контактах представителей американского и английского посольств с главными фигурами антимосаддыковского заговора. Надежные источники сообщали, что советники посольства Великобритании Занер и Пайман, секретари Джексон и Маккенсон коорди-

нируют действия заговорщиков. Среди них были мать шаха Тадж-оль-Молюк, принцесса Ашраф, генералы Захеди, Хеджази, Ариана, доверенное лицо шаха – швейцарец Перон, живший в шахском дворце, другие влиятельные лица.

Тем временем Мосаддык начал постепенно терять былые позиции и поддержку в меджлисе. Заметно охладились, а затем стали враждебными его отношения с Кашани, занявшим пост спикера меджлиса. Дело кончилось полным разрывом. Мосаддык с опаской наблюдал за ростом влияния и политической активности Кашани. Тот все чаще выступал против линии Мосаддыка и склонялся на сторону шаха и его окружения.

В июле 1952 года Мосаддык потребовал от меджлиса предоставления ему чрезвычайных полномочий сроком на шесть месяцев. В случае получения таких полномочий премьер-министр мог контролировать вооруженные силы. Кроме того, это означало бы фактическое устранение Кашани от выработки политики. Последний выступил резко против наделения Мосаддыка чрезвычайными полномочиями. Меджлис пошел за Кашани и отказал Мосаддыку в мандате на чрезвычайные полномочия. 18 июля 1952 года он подал в отставку. Обрадованный шах тут же поручил Каваму-эс-Салтане сформировать новое правительство. Это решение, однако, вызвало взрыв возмущения по всему Ирану, по стране прокатилась мощная волна протеста, и уже 21 июля Мосаддык вновь возглавил кабинет, а 3 августа, несмотря на сопротивление шаха, меджлис предоставил ему чрезвычайные полномочия.

Через год Мосаддык назначил референдум о роспуске меджлиса, переставшего быть его опорой, но Кашани и его сторонники осудили такое решение премьер-министра. Они обратились с письмом к народу, в котором призывали: «Ни один мусульманин и патриот не должен участвовать в референдуме!» Но народ стал на сторону Мосаддыка, и в августе 1953 года референдум состоялся. 12 августа он объявил о роспуске меджлиса, и тогда шах предложил ему уйти в отставку. Но Мосаддык твердо отказался. Противостояние достигло кульминации, конец драмы приближался.

Мосаддык знал о готовящемся против него заговоре и принимал превентивные меры политического и военного характера. Он закрыл доступ в шахский дворец проанглийски настроенному политическому деятелю Сеид Зия-эд-Дину, назначил верных ему людей на посты министра иностранных дел и начальника главного управления полиции, уволил в отставку многих высших офицеров армии, связанных с англичанами и американцами. Но этих мер оказалось недостаточно: к августу 1953 года общий баланс сил складывался уже не в пользу премьер-министра. Объединенный союз Запада, шаха, дворцовых кругов, части генералитета, недовольного духовенства, шедших за ним люмпенов города предопределил поражение Мосаддыка и его приверженцев.

16 августа заговорщики предприняли первую попытку свалить правительство и арестовать Мосаддыка, но потерпели неудачу. Шах бежал в Италию. Наступили решающие дни противоборства. Однако Мосаддык упустил время, не воспользовался благоприятной обстановкой. Он побоялся напрямую обратиться к народу, не мобилизовал своих сторонников и ничего не сделал, чтобы блокировать заговорщиков. Напротив, он дал им возможность для перегруппировки сил и подготовки нового выступления. В то же время он обрушил репрессии на левые партии и организации, лишил себя их поддержки. Противники его, между тем, не дремали. При непосредственном участии американских спецслужб они подготовили новый удар и нанесли его 19 августа.

Генерал Захеди возглавил шахскую гвардию и другие верные шаху воинские части. Начался военный переворот. После двух дней ожесточенных уличных боев Мосаддык был свергнут. Он сам и члены его кабинета были арестованы. К власти пришло правительство Захеди. 22 августа в Тегеран вернулся шах.

ЦРУ приложило немалые усилия для победы заговорщиков. Оно не только направляло их действия, но и предоставило им все необходимое: крупные суммы денег, оружие, бронемашины, средства связи. Генерал Шварцкопф, бывший американский военный советник в Иране, фактически руководивший иранской жандармерией, специально прибыл в Тегеран накануне переворота, встречался с шахом и Захеди.

После военного переворота Иран фактически превратился в американскую вотчину. В стране утвердилась диктатура шаха с опорой на военно-полицейский режим. Демократические силы были разгромлены, потерял свое влияние Национальный фронт, левые партии ушли в подполье. И все же это была пиррова победа: иранский народ не склонился перед шахским и американским диктатом. Уже в начале 60-х годов наметился новый подъем национально-демократического движения, а в 70-х годах оно приобрело форму открытых выступлений, в том числе вооруженных, против шахской власти и американского засилья. В феврале 1979 года «исламская революция» под руководством Хомейни победила, и иранская монархия пала.

США потерпели в Иране чувствительное морально-политическое поражение. Борьба иранцев за национализацию нефтяной промышленности под руководством Мосаддыка была, несомненно, исторической прелюдией «исламской революции».

Советская внешняя разведка в годы правления Мосаддыка работала в Иране в условиях сложной оперативной обстановки и, как всегда, опиралась на десятки надежных и самоотверженных помощников из разных слоев общества. Хотелось бы рассказать о некоторых из них, хотя доброй памяти заслуживают все оказывавшие помощь разведке. В первую очередь расскажем об агенте «Авваль», что в переводе с персидского означает «Первый».

Это был полковник иранской армии, убежденный противник шахского режима, приверженец левых взглядов, подлинный иранский патриот. Внешне суровый, немногословный, обладавший сильной волей, цельный и принципиальный человек, «Авваль» был одним из самых надежных источников резидентуры. Ему поручались наиболее деликатные задания, он был агентом-вербовщиком, с его помощью были приобретены ценные источники информации. Он первым получил информацию об англо-американском заговоре против Мосаддыка и составе его участников.

«Авваль» был одним из руководителей «военной организации» Народной партии Ирана, которая насчитывала около 600 офицеров иранской армии и представляла собой мощную силу, противостоявшую режиму. В иранских условиях в нужный момент она могла сделать очень многое. Центр категорически запретил использовать «военную организацию» в интересах разведки. В 1952 году он потребовал: «Учитывая возможность провала «военной организации» НПИ, целесообразно прекратить связь с «Аввалем», обусловив пароль и способы восстановления связи на случай, если в этом возникнет необходимость».

Вскоре провал «военной организации» действительно последовал. Во время облавы в июне того же года были случайно захвачены связники организации, у них обнаружили шифры, коды, списки членов, места явок... «Авваль» был арестован и предстал перед военным трибуналом. На суде он держался мужественно, не дал никаких показаний, никого не выдал. Не раскрыл он и свою связь с советской разведкой, хотя обвинение всячески пыталось ее доказать. «Авваль» был приговорен к смертной казни и расстрелян.

Колоритной и нестандартной фигурой был агент тегеранской резидентуры «Тонд». Он начал добровольно сотрудничать с внешней разведкой в 1946 году, будучи молодым человеком, и это сотрудничество плодотворно продолжалось более 30 лет. С годами «Тонд» превратился в одного из самых ярких агентов резидентуры. Одно время он занимал высокий пост в руководстве Ирана. У него было несметное количество связей в Тегеране, и он всегда был в курсе происходивших событий. Информация «Тонда» отличалась точностью, достоверностью и актуальностью. Он умел излагать свои сообщения содержательно и лаконично, и они почти без редактирования отправлялись в Центр.

«Тонд» был энергичным, жизнерадостным человеком, склонным к озорству. Иной раз он мог, что называется, выкинуть коленце, причем в самых неподходящих обстоятельствах: спрятаться у места тайника, наблюдая, кто будет изымать заложенный им материал, а затем неожиданно появиться перед разведчиком, устроить погоню за автомашиной сотрудника резидентуры, если он, не дождавшись опоздавшего агента, уезжал с места встречи, включить свет в салоне автома-

шины, когда там находился наш сотрудник, и т.п. К сожалению, «Тонд» ушел из жизни в расцвете сил, и резидентура сразу же ощутила потерю не только в информационно-аналитической работе, но и в чисто человеческом плане.

Выдающимся агентом был «Иман», полковник иранской армии. Он был наделен даром агента-вербовщика, от него исходила энергия, уверенность в своих силах, убежденность в правоте дела. На всех, кто общался с ним, «Иман» производил глубокое впечатление. Он сумел привлечь к сотрудничеству с советской разведкой нескольких важных источников, в том числе агентов-«документальщиков». Один из приобретенных им агентов сотрудничал с внешней разведкой около 30 лет и был, пожалуй, самым значимым поставщиком документальной военно-политической информации. Судьба этого агента, к сожалению, сложилась трагически: в середине 70-х годов он пал жертвой предательства, был разоблачен как агент советской разведки и приговорен военным трибуналом к смертной казни.

Иного рода были агенты «Макарыч» и «Саади». «Макарыч» был своего рода аналогом фашистского агента «Цицерона», служившего камердинером у английского посла в Турции в годы войны. С его помощью регулярно производились выемки секретных документов из сейфа консула одного из западноевропейских государств. На протяжении 20 лет наша разведка знала практически все, что происходило в консульстве, где работал «Макарыч».

«Саади» был привлечен к сотрудничеству нашей мешхедской резидентурой, но по-настоящему его уникальные способности агента-«установщика» раскрылись в Тегеране, куда он перебрался на жительство с помощью резидентуры. Это был подлинный мастер установки нужных резидентуре людей: в многомиллионном восточном городе с путаной системой адресов и названий улиц он умудрялся «вычислить» и найти любого человека, и не только найти, но и собрать о нем подробные сведения, даже выяснить, не связан ли он с полицией. Более 30 лет агент был незаменимым для решения вспомогательных задач резидентуры. Он был истым мусульманином, с восторгом встретил «исламскую революцию» и на склоне лет вернулся в священный Мешхед, чтобы служить Аллаху.

Конечно, в кратком очерке невозможно рассказать о всех помощниках нашей разведки в Иране, их было много.

В сложной, противоречивой и динамично менявшейся обстановке послевоенного Ирана резидентуры внешней разведки, по оценке Центра, работали в целом достаточно успешно. Большая часть полученной информации была документальной, на ее основе «оказалось возможным установить позиции Англии, США и Ирана в нефтяном вопросе». Разведка сумела своевременно раскрыть тайные замыслы и мероприятия англо-американцев по устранению Мосаддыка от власти, углублению экономических и финансовых трудностей, с которы-

ми сталкивалось его правительство. Далеко не все, конечно, было гладко в работе иранских резидентур. Но в главном они в годы иранского нефтяного кризиса оказалась на высоте поставленных задач. И в этом заслуга прежде всего ее иранских помощников, патриотов своей страны и своего народа.

---

[1] **Мачокки М.** Иран в борьбе. – М., 1953. – С. 58.

[2] Советские войска покинули пределы Ирана в мае–июне 1946 года.

[3] **Мачокки М.** Указ. соч. – С. 100.

32

Кашмирская проблема в индийско-пакистанских отношениях (1947–1965 гг.)

1947 год. Уход англичан из Индии и возникновение на территории крупнейшей британской колонии независимых Индии и Пакистана сопровождались беспрецедентным хаосом, толпами беженцев, столкновениями и резней на религиозной почве, гибелью и разорением десятков тысяч людей. Увидев ужасные последствия этого «самого сложного развода в истории», руководитель комиссии по определению границ между двумя новыми государствами британский юрист С. Рэдклифф отказался от назначенного ему за эту работу гонорара, не считая достойным принять вознаграждение за проведение на карте Британской Индии линии, разрезавшей великую страну буквально по живому.

И все-таки сохранялась надежда, что со временем страсти остынут и две страны – наследницы Британской Индии установят отношения мира и добрососедства. Их многое связывало: общая история и языки, традиции культуры, взаимозависимость экономик. Бизнесмены и политики, чиновники и военные обеих стран до недавнего времени работали вместе, сражались в одной армии, учились в одних и тех же университетах и колледжах.

Действительность не оправдала этих ожиданий. На долгие годы Индия и Пакистан стали непримиримыми противниками, а их войска неоднократно сходились на поле боя. Узловым в этой вражде явился спор о том, которая из двух стран имеет больше прав на североиндийское княжество Джамму и Кашмир, называемое часто просто Кашмиром.

На территории Кашмира сходятся великие горные системы – Гималаи, Гиндукуш, Каракорум. К его границам подходят отроги Куэньлуня и Памира. Но, кроме горных систем, в самих названиях которых отразились столь разные языки, здесь встречаются и такие непохожие культуры, как исламская, индуистская, тибетская, китайская. Кашмир – это великое распутье в исконном значении этого слова:

здесь расположены перевалы и дороги, ведущие в Индию и Пакистан, Афганистан и Среднюю Азию, в Китай (Тибет и Синьцзян).

Со времен раздела Британской Индии Кашмир остается яблоком раздора между Индией и Пакистаном, которые неоднократно пытались разрешить эту территориальную проблему силой. В результате первого такого вооруженного конфликта между Индией и Пакистаном в 1947 году, уже после получения обоими государствами независимости, территория княжества оказалась поделенной: север остался за Пакистаном, юг – за Индией. Ни один из механизмов – двусторонние переговоры, посредничество Великобритании и Австралии в рамках Британского содружества наций, вмешательство ООН – не работал, как только вопрос касался Кашмира. Более того, по оценке западных аналитиков, решение Пакистана ориентироваться во внешней политике на США, предоставить им территорию для военных баз, вступить в блоки СЕАТО и СЕНТО носило явно антииндийский характер: Пакистан стремился заручиться внешней поддержкой в противостоянии с Индией по Кашмиру.

Сохранявшаяся между двумя странами напряженность в январе 1965 года переросла в очередной вооруженный конфликт в районе спорного участка границы в Каччском Ранне – пустынной территории на полуострове Качч. В апреле стороны ввели в действие танковые подразделения и артиллерию. Правда, в конце июня при посредничестве Великобритании боевые действия удалось остановить. Но в августе бои разгорелись вновь, теперь уже – вдоль линии прекращения огня в Кашмире. А в сентябре начались боевые действия на других участках индийско-пакистанской границы.

Позиции ведущих мировых держав по отношению к конфликту 1965 года в значительной степени совпали, по меньшей мере в том, что никто не был заинтересован в его расширении и углублении. США видели в этом угрозу для блоков СЕАТО и СЕНТО, опасались они и усиления влияния КНР в регионе. Позициям Великобритании угрожало то обстоятельство, что война шла между двумя членами возглавляемого ею Содружества наций. Интересам Вашингтона и Лондона отвечал бы союз Индии и Пакистана, который мог бы служить щитом против распространения влияния СССР с севера и КНР – с востока. Китай не был готов ввязаться еще в одну войну против Индии ради интересов Пакистана. СССР, разделяя опасения США о возможном усилении влияния Китая, очевидно, не хотел терять плоды достигнутых в 1965 году успехов в двусторонних отношениях с Пакистаном.

В такой обстановке для прекращения конфликта представлялось оправданным использование Западом имевшихся у него рычагов влияния и давления на воюющих партнеров. По силе воздействия эти средства несопоставимо превосходили степень влияния в регионе и возможности, которыми располагали Москва или Пекин. Достаточно

упомянуть, что к 1965 году основную часть боевой техники стороны получили с Запада: Индия – 530 боевых самолетов и 360 танков, Пакистан – 230 боевых самолетов и 200 танков. Эти 1320 единиц боевой техники не могли идти в сравнение с долей СССР, которая ограничилась шестью самолетами МиГ-21, поставленными Индии.

Именно прекращение поставок оружия как наиболее мощное средство подкрепления призывов прекратить конфликт и решили использовать Вашингтон и Лондон. Решение об этом было объявлено 8 сентября 1965 г. Однако эффект оказался прямо противоположным ожидаемому. Вместо прекращения огня обе стороны проявили возросшую решимость продолжить борьбу.

Вот уж действительно «Восток – дело тонкое»: дипломатия Запада оказалась не только не в силах добиться прекращения конфликта, но и привела к усилению «партий войны» в обеих странах и вызвала волну недоверия к своей политике. И когда 23 сентября в результате непосредственных усилий Генерального секретаря ООН У Тана огонь все же был прекращен, ни США, ни Великобритания, ни ООН уже не пользовались прежним доверием в Дели и Карачи, и поэтому они не могли рассчитывать на роль посредника при прекращении конфликта.

Страной, предпринявшей безнадежную, казалось бы, попытку развязать этот узел, стал Советский Союз, заявив о своей готовности выступить посредником в поиске путей урегулирования конфликта. Отказ Индии и Пакистана от первого предложения Москвы подчеркивал сложность задачи, которую брала на себя советская сторона, однако через две недели она подтвердила свою готовность и предложила провести конференцию в Ташкенте.

Советское руководство уже на этапе проработки своей инициативы использовало в том числе и информацию разведки. Теперь же, когда СССР своим предложением взял на себя серьезные обязательства, для резидентур советской разведки в Дели и Карачи наступил особенно напряженный период.

При этом не следует забывать, что резидентуры вели работу в столицах воюющих друг с другом государств, установивших соответствующий военному времени жесткий контрразведывательный режим. Да и местные спецслужбы были далеко не дилетантами: прошедшие британскую выучку контрразведки Индии и Пакистана действовали напористо и энергично, с использованием всего арсенала – наружное наблюдение, организация подстав и т.п.

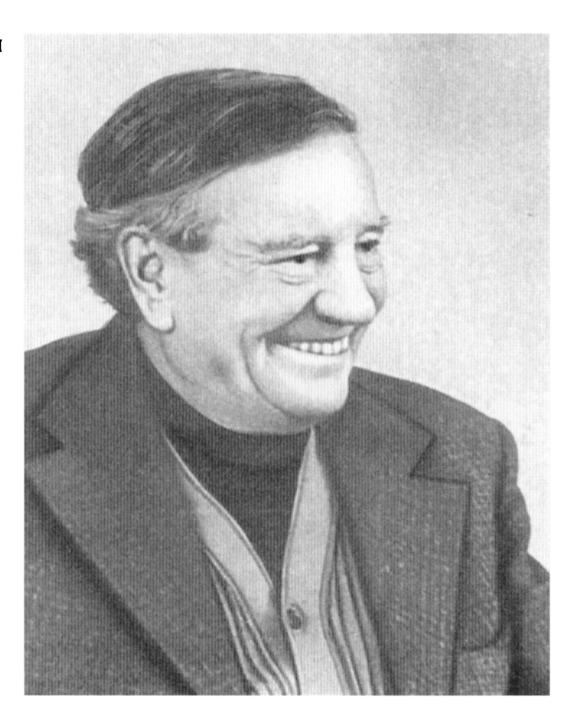
В этих условиях перед резидентурами в Дели и Карачи встала задача обеспечить максимально эффективное задействование всех имеющихся возможностей для получения актуальной развединформации по тематике разрешения конфликта. Одним из важных каналов поступления такой информации стала агентурная группа во главе с агентом-групповодом «Джейком».

На первом этапе контакта Виктора, сотрудника резидентуры в одной из двух столиц, с «Джейком», местным мелким бизнесменом, какие-либо перспективы работы не просматривались. Разведвозможностей у «Джейка» не было, особого желания помогать русскому он не испытывал да и необходимости в этом не видел. Так продолжалось уже несколько месяцев, и Виктор все чаще подумывал о том, чтобы отказаться от поддержания контактов с иностранцем. Однако дальнейший ход событий внес свои коррективы в их взаимоотношения. На одну из встреч обычно уравновешенный «Джейк» пришел вконец расстроенным. Он посетовал, что его жена тяжело болеет, врачи прогнозируют ухудшение состояния ее здоровья, и ей необходима дорогостоящая медицинская помощь, для чего потребуются лекарства из Европы. Не более чем из искренней человеческой симпатии к «Джейку» Виктор отдал ему все деньги, которые находились на тот момент у него в бумажнике. Растроганный «Джейк» деньги принял, обещал вернуть и вновь сослался на трудности в получении лекарств.

Вернувшись со встречи, Виктор доложил о результатах беседы резиденту, который одобрил действия оперработника и предложил использовать создавшуюся ситуацию для активизации работы с «Джейком» и более эффективного его задействования для добычи актуальной политической информации. Через Центр были организованы приобретение необходимых лекарств в Швейцарии и их переправка по дипломатическим каналам в резидентуру. Лекарства своевременно были переданы «Джейку» и помогли выздоровлению его жены. А «Джейк», покоренный готовностью оперработника оказать ему помощь в трудную минуту, принял важное решение: он должен помочь Виктору. На одной из встреч он прямо заявил Виктору о своем решении. Обсуждая с оперработником возможные каналы получения интересующей его информации и те учреждения, где она могла бы концентрироваться, «Джейк» сообщил, что в некоторых из них работают его родственники и друзья по учебе в университете и школе бизнеса, с которыми он мог бы легко поддерживать контакты. Тем более что этим людям «Джейк» со своей стороны оказывал помощь в решении материальных и бытовых проблем и в этой связи мог бы рассчитывать на их поддержку.

Разумеется, были проведены необходимые проверочные мероприятия (кто мог тогда поручиться, что «Джейк» – не очередная подстава контрразведки?), отработаны необходимые легенды, условия связи, проведена подготовка «Джейка» к беседам с его связями. На каждую встречу с «Джейком» Виктор стал готовить перечень интересовавших его вопросов, которые затем обсуждались «Джейком» с его связями – сотрудниками различных государственных учреждений страны. Таким образом, по крупицам добывались актуальные сведения, которые своевременно направлялись в Центр и учитывались советским правительством при планировании политических акций, в том числе при

Ким Филби

Ким Филби выступает перед сотрудниками внешней разведки

КГБ СССР

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СССР

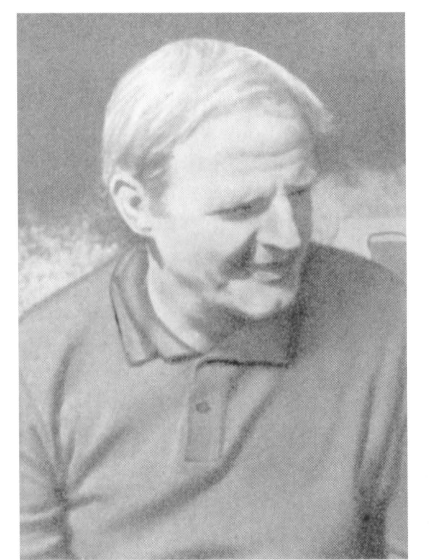
УДОСТОВЕРЕНИЕ

Товарищ Филби Гарольд
Андриан Рассел
приказом КГБ СССР № 001
от 1 января 1982 г.
награжден нагрудным знаком
ПОЧЕТНОГО СОТРУДНИКА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
№ 6061 за заслуги в
деле обеспечения государствен-
ной безопасности Союза ССР

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Комитета
государственной безопасности СССР

Удостоверение о награждении Филби нагрудным знаком Почетного сотрудника госбезопасности

Дональд Маклин

Дональд Маклин назначен 3-м секретарем МИД Великобритании

Гай Берджесс в период работы в английской контрразведке

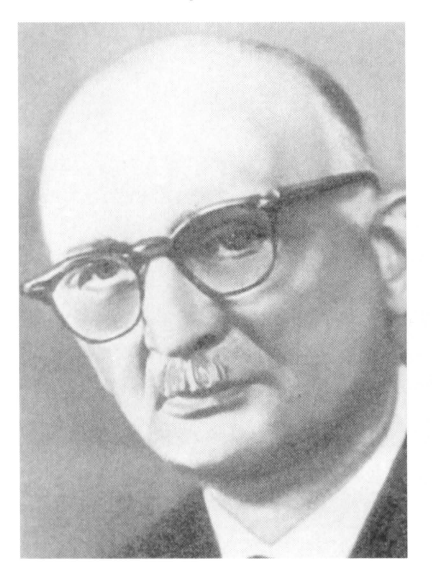
Контрольный пункт при въезде в Лос-Аламосский исследовательский центр

Испытание советской атомной бомбы. 29 августа 1949 г.

Испытание советской водородной бомбы. 12 августа 1953 г.

Рудольф Абель
(Вильям Фишер)

Американский летчик-разведчик
Ф. Пауэрс, сбитый
под Свердловском в 1961 г.

Now, therefore, be it known, *that I,*
John F. Kennedy, *President of the United States of America, in consideration of the premises, divers other good and sufficient reasons me thereunto moving, do hereby* commute the aforesaid sentence of imprisonment to expire on the date Francis Gary Powers, an American citizen now held in custody of the Government of the Soviet Union, shall be released by the said Government and delivered into the custody of an agent or representative of the Government of the United States designated by the President for this purpose, and upon the further condition that the said Rudolph Ivanovich Abel shall be deported from the United States and shall remain outside the limits of the United States, its territories and possessions and that if the said Rudolph Ivanovich Abel shall be found within the aforesaid limits before the original expiration date of the aforesaid thirty year sentence of imprisonment the said Rudolph Ivanovich Abel will be required to serve the aforesaid sentence in its entirety unless he is otherwise released in accordance with law.

In testimony whereof *I have hereunto signed my name and caused the seal of the Department of Justice to be affixed.*

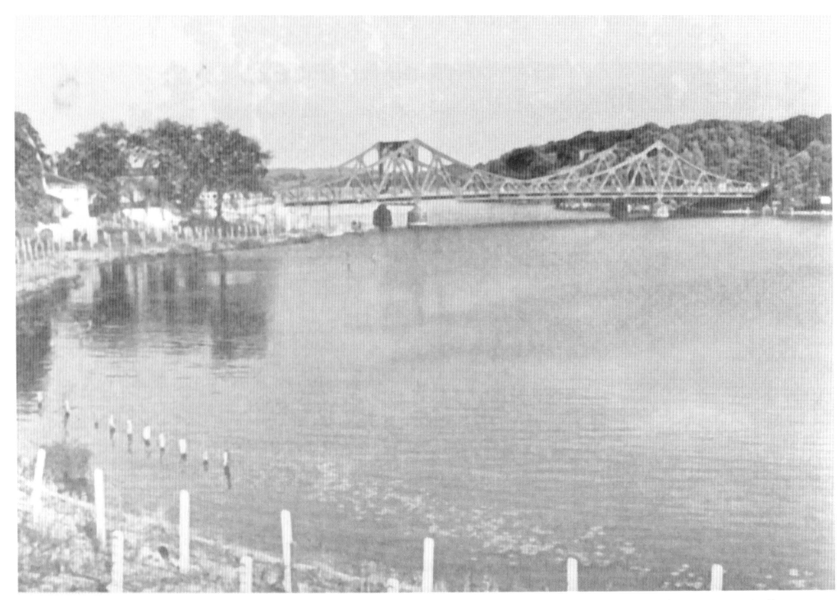
Done *at the City of Washington this* 31st *day of* January *in the year of our Lord One Thousand Nine Hundred and* sixty-two *and of the Independence of the United States the One Hundred and* Eighty-fifth.

By the President John F. Kennedy

Robert F. Kennedy
Attorney General

Released on Glienicker Bridge
Feb 10, 1962
[illegible] Wilkinson
U.S.A.

Американская обменная грамота (Абель – Пауэрс), подписанная Президентом США Дж. Кеннеди

Мост Глинке, на котором 10 февраля 1962 г. состоялся обмен Р. Абеля на американского летчика Ф. Пауэрса

Рудольф Абель дает автограф рабочему во время посещения стройки

Разведчик-нелегал
Конон Молодый

Конон Молодый в 1944 г.

Донатас Банионис и Конон Молодый в перерыве между съемками кинофильма «Мертвый сезон»

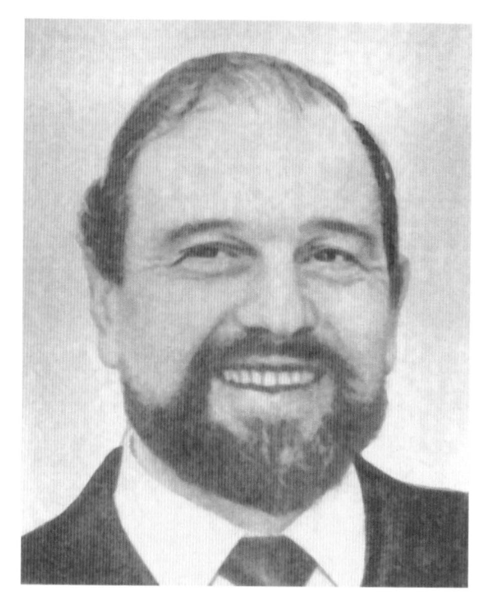

Английский коммерсант Винн, на которого впоследствии был обменен К. Молодый, произносит последнее слово на судебном процессе по его делу

Герои России Леонтина и Моррис Коэны

Тюрьма Уормвуд Скрабз, в которой отбывал наказание М. Коэн

Советский разведчик
Джордж Блейк

Джордж Блейк в 1944 г.

Порт-Саид в период тройственной агрессии в 1956 г.

Памятник морякам русского крейсера «Пересвет» в Порт-Саиде

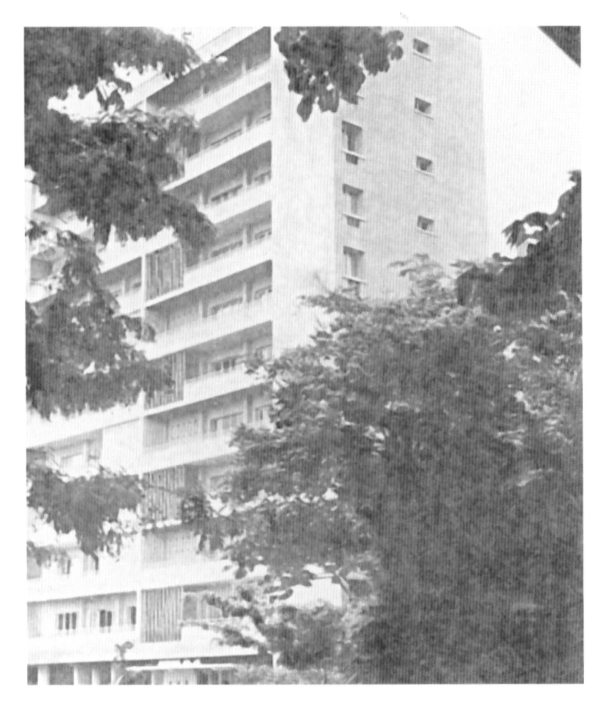
Тегеран. 60-е годы. Солдаты на фоне памятника, установленного в ознаменование национально-демократического движения во главе с Мосаддыком

Л.Г. Подгорнов, резидент в Конго в 1959–1962 гг.

Б.С. Воронин, резидент в Конго в 1962–1963 гг.

Здание в Леопольдвиле, приобретенное группой Подгорнова для работы. Впоследствии стало зданием советского посольства в Конго

Лидеры патриотических сил Конго Гизенга (слева) и Бошеле прибывают на заседание парламента

Известный разведчик
Ф.А. Скрягин

Министр внутренних дел ГДР Эрих Мильке в Звездном городке

Начальник разведки ГДР
Маркус Вольф

Начальник внешней разведки
в 1946–1949 гг. П.В. Федотов

Начальник внешней разведки
в 1949–1953 гг. С.Р. Савченко

Начальник внешней разведки
в 1955–1971 гг. А.М. Сахаровский

И.А. Фадейкин с 1966 по
1974 г. возглавлял Аппарат
уполномоченного, а затем
Представительство КГБ СССР
при МГБ ГДР

В.И. Вертипорох, резидент
внешней разведки в Иране,
Израиле

Известный разведчик М.И. Зайцев

Известный разведчик
Н.П. Лысенков

Герои России, добывшие секреты атомной бомбы. Слева направо:
А.А. Яцков, П.Р. Квасников, В.Б. Барковский, А.С. Феклисов

выдвижении инициатив в налаживании политического диалога между конфликтовавшими в тот период Индией и Пакистаном.

Полученные группой «Джейка» сведения сыграли важную роль при подготовке и проведении в 1966 году конференции в Ташкенте. Но группа «Джейка» была не единственным каналом поступления информации, позволившей советскому руководству грамотно спланировать и четко осуществить такую важную внешнеполитическую акцию, как встреча в Ташкенте. Рядом с Виктором трудились его товарищи, не менее активно действовала резидентура в соседней стране, информация по тематике конфликта и о путях его разрешения поступала из других резидентур.

Пока не время говорить о средствах акций содействия, которые проводили резидентуры в Дели и Карачи. Но об их эффективности можно судить хотя бы по тому, что они способствовали согласию Пакистана видеть посредником на переговорах с Индией руководителя СССР, то есть той страны, которая долгие годы рассматривалась в Пакистане как основной союзник Индии в кашмирском вопросе. (Чего стоило хотя бы заявление Н. Хрущева в 1955 г. о том, что этот вопрос уже решен народом Кашмира в пользу Индии, причем сказано это было не где-либо, а в столице Кашмира!)

Переговоры руководителей Индии и Пакистана при участии А. Косыгина состоялись в Ташкенте с 3 по 10 января 1966 г. Не был обойден молчанием и коренной вопрос противостояния – кашмирский. Именно его обсуждение таило основную опасность срыва переговоров. Как писал британский исследователь А. Лэм, «перспективы на успех казались незначительными. Позиции Индии и Пакистана были слишком далеки друг от друга». Видимо, в том, что срыва не произошло, и проявилось искусство советской дипломатии: самый тупиковый вопрос был поднят, обсужден, включен первым пунктом в совместную декларацию обеих сторон и не стал препятствием к достижению конструктивных договоренностей по целому ряду аспектов.

Что здесь сыграло решающую роль: политическое искусство и целеустремленность А. Косыгина, который за неделю провел пятнадцать (!) встреч на высшем уровне? Государственная мудрость президента Пакистана М. Айюб Хана и премьер-министра Индии Л.Б. Шастри, которые тоже думали прежде всего о своих странах, а уж потом о личных политических судьбах?

Наверное, и первое, и второе, и еще много других факторов, в том числе работа, которую провели резидентуры советской разведки в Дели и Карачи, доказав, что, хотя Восток – дело действительно тонкое, но для профессионалов, владеющих пониманием его тонкостей, вполне посильное.

В соответствии с подписанной сторонами Ташкентской декларацией Индия и Пакистан отводили от линии контроля войска, восстанавливали дипломатические и другие отношения.

Отдельным пунктом декларации руководители Индии и Пакистана выражали благодарность руководителям Советского Союза «за конструктивную, дружественную и благородную роль в организации встречи, которая привела к взаимно удовлетворяющим результатам».

Успешно реализовав свою политическую инициативу, Советский Союз не только реально способствовал прекращению опасного конфликта, но и решил ряд важных задач внешней политики, на долгие годы укрепив свои позиции в регионе и в целом в Азии.

33

На Корейском полуострове

После окончания Второй мировой войны всеобщий мир, увы, не наступил. Военные конфликты различных масштабов и интенсивности вспыхивали в разных уголках земного шара. Почти сразу же возникли «горячие точки». Если говорить об Азии, то это, в частности, Китай, Вьетнам и Корея. О событиях на Корейском полуострове в 1950–1953 годах и деятельности в этот период советской внешней разведки и пойдет речь в нашем очерке.

Кратко напомним историю полувековой давности.

По решению Потсдамской конференции глав правительств держав-победительниц во Второй мировой войне Корея в 1945 году была временно разделена на две части. На карте страны провели демаркационную линию по 38-й параллели длиной в 305 километров. К северу от нее находились соединения 25-й Советской Армии Первого дальневосточного фронта, принимавшие участие в освобождении страны от японских оккупантов. К югу – американские войска, не воевавшие в Корее, а вошедшие туда в сентябре 1945 года после капитуляции Японии.

По обе стороны линии-границы возникли два новых государственных образования: Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) на севере и Корейская Республика на юге. Каждая из них к 1948 году сформировала свои собственные законодательные и исполнительные органы власти, вооруженные силы, службы безопасности и т.д.

Основа политической программы КНДР состояла в ориентации на Советский Союз с задачей постепенного перехода на социалистический путь развития. Главой правительства в Пхеньяне стал лидер Трудовой партии Кореи Ким Ир Сен. СССР оказывал республике широкую экономическую и финансовую помощь, содействовал восстановлению разрушенного войной хозяйства. Все рода войск ее армии снабжались советской военной техникой.

На юге было сформировано правительство во главе с Ли Сын Маном, бывшим корейским эмигрантом, возвратившимся из США. В Сеуле возник полностью зависимый от американцев режим, который не признавал законным правительство КНДР и строил планы объединения страны путем поглощения «северных провинций» (по численности население юга в два с лишним раза превышало население севера).

В рядах южнокорейской армии, целиком вооруженной американцами, к началу 1949 года состояло около 100 тысяч человек. Чуть меньше было на севере. Через год лисынмановцы были практически готовы к походу на Пхеньян «для разгрома коммунистов». В районе демаркационной линии начались военные столкновения. В каждом таком случае – а их число постоянно возрастало – нарушалась условная межгосударственная граница. Напряженность достигла критического накала.

25 июня 1950 года начались военные действия по всей линии 38-й параллели.

В тот же день громко дала о себе знать «большая политика»: созванный по настоянию США Совет Безопасности ООН принял резолюцию, которая обвинила КНДР в агрессии в отношении Республики Корея. Два дня спустя – новая резолюция, содержавшая призыв к членам ООН оказать южанам помощь в военных действиях против КНДР. Восемь стран мирового сообщества под давлением американцев направили в Корею свои воинские контингенты[1], прикрываясь флагом ООН. Эти войска стали официально именоваться «вооруженными силами ООН», а их руководство – «объединенным командованием».

Советский Союз в то время не участвовал в заседаниях Совета Безопасности и к принятым 25 и 27 июня 1950 года резолюциям отношения не имел[2].

Ход войны схематично выглядел так.

Первые четыре месяца военные действия характеризовались решительным наступлением северян, которым удалось занять девять десятых территории Южной Кореи. Затем последовало их отступление под натиском южан, поддержанных мощным американским морским десантом. В отдельных местах северянам пришлось отступить вплоть до границы с Китайской Народной Республикой.

Последующий период отмечен вступлением в войну регулярной армии КНР, военнослужащих которой в нашей печати стали называть «китайскими народными добровольцами». Вместе с ними северяне к середине 1951 года полностью освободили территорию КНДР. После этого наступило неустойчивое двухлетнее противостояние на рубежах в районе 38-й параллели. При этом продолжался обмен многочисленными, практически беспрерывными наземными и воздушными атаками. По предложению советской делегации в ООН в июне

1951 года начались трудные, затяжные переговоры о заключении перемирия. В конце концов такое соглашение было подписано 27 июля 1953 года. Военные действия, длившиеся 1129 дней и ночей, прекратились.

Резидентура советской разведки в послевоенной Корее была организована в октябре 1945 года. Прикрытием для сотрудников резидентуры служил аппарат политического советника при командующем советскими войсками в Корее.

Шифрованная радиосвязь загранаппарата с Центром осуществлялась через Владивосток. Поначалу резидентура обосновалась в г. Хэчжу, что чуть севернее 38-й параллели, затем передислоцировалась в Пхеньян.

Оперативная работа началась с «чистого листа»: изучение сложной обстановки переходного периода, поиски источников информации. Постепенно в Центр стала поступать полезная информация.

После провозглашения в сентябре 1948 года Корейской Народно-Демократической Республики и установления между нашими странами дипломатических отношений по просьбе корейской стороны в конце того же года из КНДР были полностью выведены советские войска. В этой связи перестало существовать использовавшееся разведкой прикрытие – аппарат политсоветника. Сотрудников резидентуры перевели на различные должности в советские представительства.

К началу 50-х годов обстановка в мире изменилась. Начал формироваться лагерь государств, ставших на путь социалистического развития, появились страны народной демократии. Отношения Советского Союза с ними, в том числе и с Северной Кореей, развивались на принципиально новой партнерской, дружественной основе. В налаживании деятельности государственных структур КНДР существенную помощь оказывали советские специалисты, составившие, как и в других странах народной демократии, институт советников-консультантов. Наши советники находились во всех важных государственных учреждениях: в министерстве обороны (самая многочисленная группа), в госплане, в министерствах финансов, путей сообщения и в других ведомствах. В министерстве внутренних дел имелся советник от МГБ СССР.

Что касается разведки – одного из департаментов МВД, – то в 1946–1948 годах содействие в организации этой службы оказывали сотрудники отдела контрразведки «Смерш» 25-й армии, дислоцировавшейся в Северной Корее до 1949 года. После ряда структурных преобразований разведка в виде 1-го Управления вошла позже в состав Министерства общественной безопасности КНДР. Советника от нашей разведслужбы там не было.

Сложившаяся форма межгосударственного сотрудничества потребовала принятия новых решений.

С августа 1949 года агентурная работа советской внешней разведки в КНДР, как и в других странах народной демократии, была прекращена. Отныне резидентуре запрещалось вербовать корейцев.

В апреле 1950 года советское правительство предложило корейской стороне установить сотрудничество между разведслужбами наших стран. Положительный ответ пришел быстро. «Ким Ир Сен эту нашу инициативу воспринял с удовлетворением и выразил полное согласие». Он выделил двух ответственных работников МВД для поездки в Москву, где уже в мае состоялись переговоры представителей обеих разведслужб. В результате были определены основные направления сотрудничества.

1. Обмен разведывательной информацией.

2. Оказание взаимной помощи в разведывательной работе.

3. В необходимых случаях – проведение совместных оперативных мероприятий.

Договорились об учреждении Представительства (советнического аппарата) нашей службы в Пхеньяне. Материальное обеспечение его сотрудников – шесть–восемь человек – брала на себя советская сторона, корейцы предоставляли служебное помещение и квартиры.

Достигнутые договоренности каким-либо документом, подписанным представителями сторон, не оформлялись. Для согласования с руководством в Пхеньяне корейские партнеры составили конспективную запись состоявшихся в Москве бесед.

В июне 1950 года правительство КНДР одобрило результаты московских переговоров. С этого времени, точно совпавшего с развертыванием военных действий, началось дружественное сотрудничество разведок наших стран.

К практической работе Представительство приступило через полтора месяца после начала войны. Его задачей сразу же стало регулярное информирование Москвы о развитии военной обстановки. Задачи по освещению корейской проблематики были поставлены Центром перед нашими разведывательными аппаратами и в других странах.

Наиболее продуктивно работали резидентуры в Вашингтоне, Нью-Йорке, Токио, Лондоне, Париже, Риме. Регулярно добывали полезные сведения наши контрразведчики в Москве. Немало ценной политической и военной информации поступало от китайских партнеров.

Просматривая ныне в архиве СВР документы ИНФО[3], обнаруживаешь скрупулезность и высокую требовательность этой службы при отборе материалов по Корее для информирования руководства страны.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что в целом внешняя разведка достаточно полно информировала руководство страны о положении дел в воюющей Корее и вокруг нее, хотя в отдельных

случаях актуальные сведения поступали с задержкой. Прежде всего это были военно-политические планы американцев и их союзников, данные о направляемых ими в Корею войсках и вооружениях, информация о противоречиях в стане западников по тактике и стратегии ведения военных действий, об их маневрах по затягиванию переговоров о перемирии и по многим другим важным проблемам.

Иногда сами корейцы обращались с запросами, например по поводу возможных намерений противника использовать химическое, бактериологическое и ядерное оружие. Ни одна из их просьб не оставалась без ответа.

Что касается информации от партнеров, то она в основном отражала военную тематику. Имевшаяся на юге агентура была способна освещать главным образом войсковые передвижения, деятельность американских советников в штабах и частях южнокорейской армии, настроения в воинских подразделениях и в различных группах населения, отдельные акции американских и южнокорейских спецслужб.

Как следовало из информации партнеров, американская разведка и южнокорейские спецслужбы наибольшую активность проявляли в заброске на север агентурных групп для проведения диверсий, организации там «движения сопротивления». На юге была развернута сеть разведывательных школ, где в подготовке агентуры участвовали американские инструкторы различной специализации: подрывное дело, радиосвязь и др. Деятельность эта носила интенсивный характер. Например, для проведения специальных акций американцы сформировали бригаду под кодовым названием «Тигр», подчиненную непосредственно штабу 8-й армии США. Спецназовцам, которых перебрасывали на север, в районы границ с КНР и СССР, ставились задачи похищать с целью вывода в Южную Корею или уничтожать на месте офицеров советской и китайской армий, отбирать у них личные документы, захватывать знамена воинских подразделений. За похищенного советского офицера полагалось вознаграждение в вонах[4], эквивалентное примерно 10 000 долларов США.

Зафиксированы и другие факты деятельности американцев против советских загранучреждений. В штат технического персонала нашего посольства американцами была внедрена осведомитель-кореянка. Отмечен случай, когда американский самолет сбросил свыше 500 листовок на русском языке с призывом к советским летчикам переходить на их сторону.

Наши корейские партнеры установили: по заказу американцев в Японии была изготовлена серия мелких стальных «ежей» для повреждения автопокрышек; в провокационных целях на нескольких средних бомбардировщиках американцы перекрасили свои опознавательные знаки на гоминьдановские; на территории США действовали постоянные курсы, где обучались южнокорейские офицеры-разведчики.

Американцы густо насаждали свою агентуру в государственный аппарат, штабы воинских частей, общественные организации, в другие значимые объекты Северной Кореи. Надо признать, и об этом свидетельствуют архивные документы, эта их работа была небезуспешной.

Осенью 1951 года прошла конфиденциальная встреча военных представителей КНДР, КНР и СССР, где оценивались текущие события и согласовывались дальнейшие планы. Через две недели американцы знали о результатах этой встречи.

Агент советской разведки в Европе сообщил: от своего источника в Северной Корее американцы получили информацию о содержании секретного совещания военных руководителей КНДР, где обсуждались стратегические вопросы. Указывалась повестка дня совещания и дата его проведения. Получив через Представительство эту ориентировку, корейцы организовали проверку и, к большому для них огорчению, обнаружили совпадение приведенных данных с действительностью. Об этом происшествии партнеры доложили Ким Ир Сену и начали устанавливать вражеского агента (чем завершились их поиски – осталось невыясненным).

Вскрыли факт дешифровки американскими агентами шифра Генерального штаба Народной армии КНДР. Получили сведения о том, что противник в массовом порядке вербовал детей-подростков. Их засылали в расположение корейских и китайских войск для ведения визуальной разведки. Такие задачи дети всегда усердно выполняли из-за страха за родителей, остававшихся заложниками. С аналогичными целями в расположение воинских подразделений направлялись молодые девушки, не отличавшиеся строгостью поведения.

Одной из важных задач, стоявших перед корейскими партнерами, была борьба с американоюжнокорейской агентурой, действовавшей на севере. Планируя мероприятия по ликвидации бандформирований и реакционного подполья, партнеры охотно обсуждали с нашими представителями варианты и способы действий, заинтересованно прислушивались к нашим советам. На этом участке удалось достигнуть определенных успехов.

При полном взаимопонимании проводилась очень нужная работа по очистке от балласта агентурного аппарата партнеров на юге. Они с признательностью восприняли советническую помощь при разработке основополагающих документов, инструкций и приказов, которые регламентировали агентурно-оперативную деятельность в разведывательном управлении.

Тесное сотрудничество сложилось в области применения радиотехнических средств. Еще в мае 1950 года на переговорах в Москве корейцы просили помочь в налаживании их радиохозяйства, находившегося в неудовлетворительном состоянии. Им были необходи-

мы новый радиопередатчик для центрального узла связи, пеленгационное оборудование, портативные передатчики и приемники, некоторая другая техника. Заявки выполнялись в сжатые сроки.

По просьбе партнеров из Москвы был направлен специалист по радиоделу, который продолжительное время работал бок о бок с корейскими коллегами, давал им квалифицированные рекомендации.

Обе воюющие стороны во множестве перебрасывали за линию фронта агентуру с разведывательными целями. Связь с ней поддерживалась в основном по радио. В течение военных лет и даже после подписанного соглашения о перемирии на севере продолжало действовать большое число разведывательно-диверсионных отрядов и боевых групп противника. Успешной оказалась практика проведения радиоигр. Для корейцев это была неизвестная область оперативной деятельности. Советские спецслужбы, как известно, располагали в этой части серьезным опытом, приобретенным в годы Великой Отечественной войны. Попадавшие в плен радисты, как правило, перевербовывались и во многих случаях успешно использовались для передачи на юг дезинформации. В одном из отчетов в Центр оперработник докладывал: «Нами обращено внимание друзей на усиление контроля за работой перевербованных радистов. Даются практические советы, как это лучше делать».

Отдельные образцы захваченной новой радиотехники, а также шифрматериалы партнеры регулярно передавали нам.

На начало 1953 года партнеры вели несколько радиоигр с американским разведывательным центром и с англичанами. Это позволяло вскрывать планы противника по проведению диверсий, выявлять вражескую агентуру, ранее заброшенную на север.

Одна из наиболее успешных операций была завершена в начале 1952 года. Корейцы захватили разведывательно-диверсионную группу, десантированную по воздуху в район юго-восточнее Пхеньяна. В ее составе были два радиста. (Любопытно отметить: сообщение о благополучном приземлении они отправили не по радио, а с помощью почтового голубя.) Радистов перевербовали, и те под диктовку начали передавать в свой центр «разведывательную» информацию.

По нашей подсказке была реализована легенда о том, что эти лазутчики установили контакт с якобы действующим здесь партизанским отрядом «патриотов»-корейцев, боровшихся против пхеньянского режима. На юге эти сведения встретили с интересом, но и с недоверием. Предложили сообщить подробные сведения об этих партизанах, биографии каждого из них, вооруженность, места дислокации и др. На парашютах дважды доставлялись на север и сбрасывались фотоаппараты с запасом пленки и давалось указание сфотографировать каждого бойца и переправить снимки на юг. Одновременно этим

«патриотам» перебрасывались по воздуху продукты питания, топографические карты, некоторое снаряжение.

Для усиления заинтересованности противника к данному делу в американский разведцентр сообщили, что в распоряжение партизан попали несколько летчиков со сбитого американского бомбардировщика В-29 (этот факт имел место, летчиков взяли в плен). Приманка сработала. В помощь партизанам была направлена оперативная группа из четырех человек во главе с преподавателем разведывательной школы южнокорейских спецслужб. Последнего удалось перевербовать, и он передал своим хозяевам по радио подтверждение о действиях «партизан», об американских летчиках и всю информацию, в которой были заинтересованы друзья.

Завершилась радиоигра после десантирования с юга один за другим двух вооруженных диверсионных отрядов в количестве 50 человек. Все они были обезврежены.

Следствием войны явилось огромное количество военнопленных с обеих сторон. Власти КНДР считали, что на юге в плену оказалось свыше 75 000 их солдат и офицеров. Значительное число своих пленных называла и противоположная сторона. Причем цифры эти постоянно менялись, уточнялись, а споры по вопросам репатриации военнопленных серьезно затрудняли переговоры о заключении перемирия.

Условия работы и жизни сотрудников Представительства, равно как и других советских организаций, мало чем отличались от фронтовых. Особенно трудным был первый год войны. В связи с угрозой захвата Пхеньяна жен и детей работников советских учреждений пришлось эвакуировать на территорию Китая, а затем в СССР. Столицу покинули все правительственные учреждения и иностранные посольства. Военные и гражданские объекты на севере подвергались ожесточенным бомбардировкам американской авиации. Так, в течение двух суток ноября 1950 года, после того как Пхеньян был оставлен американцами, было совершено около 600 боевых вылетов, сброшено несколько сот тонн зажигательных и фугасных бомб.

После успешного контрнаступления вооруженных сил КНДР, поддержанных китайскими войсками, государственные учреждения и инопредставительства в декабре 1950 года возвратились в столицу. В городе почти не осталось не пострадавших от бомбежек строений. Здание посольства СССР оказалось взорванным. Размещаться пришлось в основном в пригороде, в легких деревянных домиках, в полуразрушенных помещениях и землянках.

Из-за частых перебоев в электроснабжении Представительство временами оставалось без радиосвязи с Москвой. Нарушение водоснабжения, острый недостаток доброкачественных продуктов питания привели к эпидемии бактериальной дизентерии. От нее пострадали почти все сотрудники. С большими трудностями решалась транспортная проблема. Все автозапчасти к единственной имевшей-

ся автомашине «Победа» можно было получить только из Москвы: покрышки, камеры, тормозные колодки и прочее.

Обстановку того времени в некоторой степени характеризуют фрагменты переписки Представительства с Центром.

Из письма от декабря 1950 года: «Недавно 500-килограммовая бомба взорвалась в 15 метрах от здания и убежища, в котором мы успели укрыться. Обсыпало землей и несколько оглушило. Американцы стали применять бомбы замедленного действия... Стараюсь уберечь своих товарищей, усовершенствуем бомбоубежище. Живем скученно. Кровать лишь у меня и М. Нехорошо с баней, еще хуже со стиркой. Вечером сидим со свечами, когда они есть. Было скверно с питанием, сейчас налаживается... Стараемся трудиться».

Из письма от февраля 1951 года: «Миримся с бытовыми и материальными невзгодами, но не хочется соглашаться с недостаточностью в духовной пище. Может быть, Центр не затруднит посылать нам с каждой почтой комплекты газеты «Правда», журналов «Новое время», «Новый мир», «Огонек», «Крокодил»... Отношение друзей к нам прекрасное, они нас ценят и довольны нашей помощью. Посылаю коробку с женьшенем. Полагаю, что у нас дома имеются товарищи, нуждающиеся в этом лекарстве... Пока писал это письмо – два раза уходил в укрытие. 15 «Мустангов» привязались к нашему району, в одном-двух километрах отсюда – пожары».

Из приписки к оперативному письму в Пхеньян, апрель 1951 года: «Посылаем кое-какие газеты и журналы, а также подарки от руководства и ваших семей к 1 Мая... Присланный вами женьшень направлен в санотдел для использования в медицинских целях».

Стоит отметить и внимание Центра к работавшему в Корее коллективу. В связи с эпидемией дизентерии из Москвы срочно направили врачебную памятку, аптечки первой помощи, медикаменты. Из-за невозможности приобретения на месте предметов первой необходимости туда посылали с оказиями некоторые продукты питания, одежду, обувь.

«За самоотверженную работу в тяжелых условиях военного времени» группа сотрудников Представительства в 1953 году была награждена орденами и медалями Советского Союза. (Характерная примета времени: в представлениях и аттестациях того периода обязательно указывалось, как офицер проявил себя в боевой обстановке, в какой степени он обладает такими качествами, как смелость, выносливость, решительность.) Корейские партнеры со своей стороны отметили многих наших сотрудников государственными наградами КНДР.

Начавшаяся в 1950 году на 38-й параллели Корейского полуострова война здесь же и закончилась три года спустя.

Советская внешняя разведка приступила к налаживанию работы в послевоенной Корее в специфических условиях только что освобож-

денной от японских оккупантов страны. Причем всего лишь пять лет были мирными, затем разразилась война. По другую сторону демаркационной линии нам противостоял альянс западных спецслужб во главе с США. Конфронтация с ними, как и между органами безопасности лисынмановцев и северокорейцев, тоже являлась войной, отнюдь не всегда тайной, как принято говорить о соперничестве спецслужб, с многочисленными обоюдными жертвами.

Знаковым событием явилось установление по нашей инициативе сотрудничества разведок СССР и КНДР. В ходе войны советская разведка оказала корейским партнерам существенную материально-техническую и консультативную помощь и тем самым способствовала налаживанию деятельности их разведки. Необходимо отметить, что сложившееся сотрудничество представляло собой равноправное дружественное партнерство. Между работниками Представительства и корейскими коллегами существовали тесные деловые отношения. Не было случаев серьезных противоречий или разногласий. Все возникавшие проблемы разрешались путем согласований.

Разведка Корейской Народно-Демократической Республики и разведка Советского Союза в годы войны обогатились полезным опытом совместного решения оперативных задач.

---

[1] Вот страны, которые вошли в историю как участники корейской войны: США, Англия, Австралия, Турция, Канада, Франция, Бельгия, Голландия, Греция, Новая Зеландия, Таиланд, Люксембург, Филиппины, Южно-Африканский Союз (ныне ЮАР), Колумбия, Эфиопия. Восемь из них направили в Корею свои войска: США – 250 000 человек, Англия – 20 900, Канада – 10 900, Турция – 9350, Австралия и Новая Зеландия – по 3700, Филиппины – 2000, Франция – 1000 (данные на июль 1951 г.). Понесенные ими потери – людские и материальные – оказались во многих случаях катастрофическими. Так, в Корее почти целиком была уничтожена турецкая бригада численностью около шести тысяч человек. По этому поводу Анкара объявила трехдневный национальный траур.

[2] Причины, по которым Советский Союз в июне 1950 года не участвовал в работе Совета Безопасности ООН, были объяснены в заявлении правительства СССР от 29 июня 1950 года. Там, в частности, указывалось: «Советскому правительству при всем желании невозможно было принять участие в заседаниях Совета Безопасности, так как в силу позиции правительства США постоянный член Совета Безопасности – Китай не допущен в Совет, что сделало для Совета Безопасности невозможным принимать решения, имеющие законную силу».

Из текста документа следует, что неучастие нашей страны в июньских заседаниях Совета Безопасности носило характер протеста в связи с тем, что место КНР в Совете занимал в то время представитель гоминьдановцев Тайваня.

Дело историков и специалистов в области дипломатии определить, эффективным ли оказался этот наш демарш. Фактом является то, что через месяц с небольшим, в начале августа 1950 года, представитель СССР в Совете Безопасности возобновил участие в работе этого органа. Однако теперь, когда война была в разгаре, нашему представителю уже пришлось вносить проект резолюции под названием «О мирном урегулировании корейского вопроса». Гоминьдановец между тем по-прежнему заседал в Совете Безопасности, и длилось это до 1971 года.

[3] ИНФО – Информационный отдел центрального аппарата разведки.

[4] Вона – денежная единица Кореи.

34

«Ласточка мира»

Сразу же после капитуляции гитлеровской Германии Советский Союз перебросил войска на ликвидацию военного очага на Дальнем Востоке. Разгром Советской Армией квантунской группировки японской армии в Маньчжурии, в который наши разведслужбы внесли свой вклад, имел далеко идущее значение. После устранения главного врага, стоявшего на пути становления нового, независимого Китая, еще оставался режим Чан Кайши. В конце войны гоминьдановцы нарушили договоренности военного времени и попытались разгромить освобожденные коммунистами районы Китая. На полях Маньчжурии, освобожденной Советской Армией, частям Мао Цзэдуна с нашей стороны была оказана необходимая поддержка, здесь они смогли переформироваться, отсюда начали свое контрнаступление.

К началу ноября 1948 года фактически главным оплотом Чан Кайши оставались северо-восточные районы Китая с городами Пекин и Тяньцзинь. Здесь более чем 500-тысячная армия гоминьдановского генерала Фу Цзои вела ожесточенные бои с Народно-освободительной армией Китая (НОАК).

Усилия оперативного состава резидентур внешней разведки были направлены на то, чтобы содействовать победе нового Китая наименьшей кровью.

Некоторые эпизоды этой деятельности советских разведчиков представляют интерес для читателя. Один из наиболее ярких описан ныне покойным Александром Титовым, бывшим резидентом внешней разведки в Тяньцзине.

* * *

...В конце 1948 года мы жили ожиданиями штурма древней столицы Китая – Пекина. Предстояли жестокие сражения. Мысль возвращалась к тому, что можно было бы сделать для избавления воюющих

сторон – вооруженных сил коммунистов и Чан Кайши – и мирного населения от лишних жертв.

В эту пору мне довелось быть резидентом внешней разведки в Тяньцзине, 2-миллионном городе, крупном порту Китая, где пока сохранялась власть Гоминьдана. Центр сообщил резидентуре, что у нас в Тяньцзине, в 120 километрах от Пекина, работает корреспондентом газеты «Дагунбао» Фу Дун, дочь генерала Фу Цзои, командующего гоминьдановскими войсками в Северном Китае. После сбора необходимых дополнительных сведений стало известно, что Фу Дун знакома с женой советского торгового представителя в Тяньцзине. Приняли единственно верное решение – пригласить Фу Дун к себе в гости на обед. В конце обеда под благовидным предлогом зашел к ним и я. Так состоялось первое личное знакомство с ней. В следующее воскресенье я, получив согласие Центра, который с самого начала уделил этому контакту самое пристальное внимание, имея в виду в конечном итоге всестороннее изучение настроений отца нашей новой знакомой, пригласил Фу Дун и семью торгового представителя к себе домой. После некоторых колебаний Фу Дун согласилась встретиться со мной на квартире, которая находилась на втором этаже магазина ВОКС (Всесоюзного общества культурных связей СССР с заграницей) в Тяньцзине.

Фу Дун было тогда 20 лет. Она рассказала, что является негласным членом Коммунистической партии Китая, но в последнее время не имеет с партией связи. Что касается отца, она сообщила заслуживающие оперативного учета подробности. Оказывается, еще юношей Фу Цзои вступил в революционную организацию Сунь Ятсена, участвовал в революции 1911 года, когда была свергнута маньчжурская династия Цин, правившая Китаем. До сих пор является последователем Сунь Ятсена, разделяет его идеи. Фу Цзои считает себя истинным патриотом Китая. Он мечтает войти в историю страны как выдающаяся личность. Ведет скромный образ жизни, пользуется уважением у солдат. Далее Фу Дун рассказала, что отец хорошо относится к Советскому Союзу и весьма ценит помощь, которую Советская Россия оказывала Сунь Ятсену и китайскому национально-освободительному движению еще в 20-е годы. По словам Фу Дун, ее отец лоялен также к китайским коммунистам, хоть и вынужден воевать с ними. Он был сторонником сотрудничества с ними во время антияпонской войны 1937–1945 годов, но не смог реализовать этот замысел на практике.

Центр одобрил мою линию поведения и рекомендовал убедить Фу Дун, крайне обеспокоенную судьбой отца, почаще встречаться с ним, интересоваться малейшими изменениями в его жизни и настроениях, оказывать ему всемерную моральную поддержку.

Фу Дун согласилась и уехала в Пекин. По возвращении состоялась очередная конспиративная встреча. Улучив момент, Фу Дун по-

звонила из редакции на мою квартиру. Услышав голос, она молча вешала трубку и повторяла звонок, как было условлено, еще два раза. Это означало, что встреча состоится на следующий день на известной нам обоим конспиративной квартире.

Шло время. Фу Дун, как и планировалось нами, неоднократно навещала отца, рассказывала ему об обстановке в стране, об антиамериканских выступлениях китайских студентов и их поддержке в народе. Она доводила до него не известные ему факты массового недовольства патриотически настроенной национальной буржуазии политикой Чан Кайши, войсками которого он, ее отец, по-прежнему командовал.

В середине ноября 1948 года Фу Дун вернулась в Тяньцзин в слезах. Она сообщила, что у отца крайне подавленное настроение. С трудом выслушав дочь, Фу Цзои спросил ее, знает ли она, что коммунисты считают его одним из главных военных преступников. Это значит, что его самого они уже приговорили к смерти. И, стало быть, о переговорах с ними не может быть и речи. А раз так, отец решил покончить с собой, поскольку ему ясно, что победит Народно-освободительная армия, которая освободила всю Маньчжурию и ведет успешные бои против его войск. Он же – Фу Цзои – не хочет и не может сдаться на милость победителей.

К тому времени резидентура располагала всей полнотой информации о Фу Цзои, на основе анализа которой Центр предложил резидентуре несколько вариантов бесед с генералом. Суть их сводилась к одному: самоубийство – не выход, лучший способ – перейти на сторону коммунистов. В таком случае город будет избавлен от разрушения, войска и жители – от ненужных жертв. Китайский народ выразит патриоту-генералу безусловную благодарность. Я рекомендовал Фу Дун немедленно вернуться в Пекин и объяснить отцу, что есть иной выход, нежели самоубийство. Я посоветовал ей восстановить свои связи с коммунистами и выяснить их отношение к отцу, если тот пойдет на мирные переговоры.

На очередной встрече по возвращении из Пекина Фу Дун сообщила следующее:

Фу Цзои после продолжительной беседы с дочерью спросил, какие гарантии она дает, что с ней поддерживают связь настоящие коммунисты, а не агенты спецслужб гоминьдана. Все заверения дочери генерал отвергал и считал, что таким путем спецслужбы гоминьдана просто-напросто проверяют его надежность. Тогда Фу Дун, несмотря на мой запрет, вынуждена была сказать, что с осени 1948 года поддерживает конспиративную связь с сотрудниками Генконсульства СССР в Тяньцзине. Она рассказала ему о содержании наших бесед. После нелегких раздумий Фу Цзои дал согласие на отказ от дальнейшего сотрудничества с Чан Кайши, на проведение мирных переговоров с коммунистами и пообещал подарить мне... хорошего скакуна и табун

лошадей. Фу Дун связалась с руководством подпольной организации компартии в Пекине. Представители НОАК начали переговоры с генералом.

В результате 31 января 1949 года Народно-освободительная армия Китая без боя вступила в Пекин и тем самым спасла от разрушений древний город, знаменитый историческими памятниками, и сотни тысяч человеческих жизней. Освобождение Пекина знаменовало завершение освобождения северного Китая и означало перелом в ходе гражданской войны в Китае.

В мае 1949 года Фу Дун, которую я именовал про себя «Ласточкой», явилась в Генконсульство СССР в Тяньцзине и сообщила, что уезжает в качестве корреспондентки на южный фронт, чтобы участвовать в окончательном освобождении своей родины от гоминьдановского режима. Через год, весной 1950 года, я вернулся в Москву. Расставаясь с «Ласточкой», подарил ей бинокль и полевую сумку.

Что касается ее отца, то после образования КНР он вошел в состав Центрального китайского правительства, был заместителем председателя Народного политического консультативного совета первого и четвертого созывов, заместителем председателя Государственного комитета обороны, депутатом Всекитайского собрания народных представителей первого и третьего созывов, министром водного и лесного хозяйства. В 1955 году Фу Цзои был награжден орденом «Освобождение» 1-й степени. В 1956 году выезжал в Стокгольм на заседание Всемирного совета мира.

Умер Фу Цзои в 1974 году на 79-м году жизни. Он был похоронен на кладбище героев китайской революции Бабаошань в Пекине. На траурном митинге присутствовали руководители партии и правительства: Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь, Е Цзяньин, Сюй Сянцянь и др. Венки прислали Мао Цзэдун и Чжу Дэ.

Сообщая о смерти Фу Цзои, корреспондент Агентства Рейтер писал: «Фу Цзои в 30-х и 40-х годах был одним из видных китайских генералов; занимал ответственные посты при лидере националистов Чан Кайши и в решительный момент гражданской войны перешел на сторону коммунистов. Народно-освободительная армия вступила в город с юга, и население встречало ее овациями. Позднее, по рассказам очевидцев, можно было видеть коммунистических и националистических солдат, работающих бок о бок на улицах Пекина».

35

«Ход конем»

В уютном кафе в Харбине за столиком сидели двое: молодой европеец, подтянутый, стройный, и китаец, несколько старше собеседника, с пергаментным худым лицом, желтыми зубами и нервными движениями. Его звали Хуан. По виду в нем можно было угадать курильщика опия.

День был жаркий. Молодые люди потягивали холодное пиво и беседовали по-китайски.

– Вы принесли мне деньги? – деловито осведомился китаец.

– Да. Пишите расписку на 50 долларов.

Китаец написал расписку, взял конверт с деньгами и стал под столом их пересчитывать. Закончив перебирать банкноты, китаец с недоумением посмотрел на своего собеседника.

– Опять не хватает десяти долларов. Я думал, в прошлый раз произошло недоразумение. Я же даю вам расписку на пятьдесят!

Китаец был прав. Он и в прошлый раз написал расписку на пятьдесят, а получил только сорок.

– А сколько я вам платил раньше? – как ни в чем не бывало спросил европеец. – Тридцать. А сейчас? Сорок. Так что же вас не устраивает? Вы хотите снова получать тридцать?

Китаец с любопытством посмотрел на собеседника.

– Теперь понятно, я согласен с вашей системой работы.

Собеседники покинули кафе. А вскоре европеец сидел в кабинете резидента советской внешней разведки в Харбине Г.И. Мордвинова.

– Ну, как повел себя китаец? – поинтересовался резидент у «европейца», в роли которого выступал сотрудник резидентуры Байков.

– Разыграл возмущение, что я недоплачиваю. Кажется, он считает, что я у них на крючке.

Мордвинов внимательно выслушал и заключил:

– Теперь жди гостей.

– Кто они, гоминьдановцы? Японцы?

– Возможно, и американцы. Вы сказали, что скоро едете в Москву в отпуск?

– Да, сказал.

– Имейте в виду, «гости» дадут о себе знать в самое ближайшее время. Будьте готовы к действию по обоим вариантам.

Дело происходило в 1946 году, после того как Маньчжурию покинули советские войска. Летом этого года развернулись боевые действия между гоминьдановскими частями и Народно-освободительной армией Китая. В освобожденных от японцев районах Маньчжурии спешно создавались секретные и полицейские учреждения. В условиях царившей тогда неразберихи в эти учреждения принимали на работу и членов КПК, и бывших гоминьдановцев, чиновников марионеточного правительства Маньчжоу-Го.

В Харбине под прикрытием дипломатических представительств, торговых и прочих фирм активно работали секретные службы западных стран. Они действовали напористо, нередко выступая под флагом местных спецслужб. Им не приходилось остерегаться спецслужб КПК, которые только еще создавались.

Одна из целей западных разведок и агентуры гоминьдана состояла в том, чтобы вбить клин между китайскими коммунистами и Советским Союзом. Для этого использовались местные советские граждане, а также русская эмиграция, часть которой сотрудничала с японцами. До недавнего времени это позволяло обвинять всех русских в шпионаже. Провокационная деятельность принимала такие размеры, что советским представителям не раз приходилось выступать с протестами перед местными властями.

Организовывали провокации, как правило, полицейские органы, состоявшие в большой степени из старых кадров, особенно активно действовал иностранный отдел полицейского управления, в котором ключевые позиции принадлежали гоминьдановской агентуре.

Перед советской резидентурой в Харбине была поставлена задача проникнуть в этот отдел, чтобы получать сведения о готовящихся провокациях.

Вскоре удалось установить контакт с заместителем начальника полицейского управления. Он подозревался в связях с иностранными разведками. С ним и встречался Байков. Этому предшествовали события, о которых следует рассказать подробнее.

После вывода советских войск из Маньчжурии администрация управления КВЖД создала из местных советских граждан отряды самообороны, которым была поручена охрана имущества КВЖД, складов, мастерских, паровозных и вагонных депо, а также личного имущества советских граждан. Они имели на вооружении автоматы, ручные пулеметы и гранаты. Создание отрядов самообороны явилось мероприятием, которое помогало спасти имущество КВЖД от раз-

грабления. Среди дружинников были разные люди, большинство честно относилось к своим обязанностям. Но находились и любители наживы. Руководство резидентуры часто поручало сотруднику резидентуры Байкову, работавшему под прикрытием в управлении КВЖД и хорошо владевшему китайским языком, разбираться с различными инцидентами, которые случались с дружинниками.

Однажды ночью Байкову позвонил дежурный по управлению дороги и сообщил, что трое дружинников арестованы полицией. Приехав в полицейское управление, наш представитель пытался выяснить, за что были арестованы дружинники управления КВЖД, и потребовал личной встречи с задержанными. Заместитель начальника управления ехидно улыбался. Разведчик обратил внимание на его большие желтые зубы и подумал, что имеет дело с опиекурильщиком.

Когда заместитель начальника управления вышел из кабинета, дежурный полицейский откровенно поведал, что все трое охраняли склад с имуществом железной дороги. Поздно вечером на них напали полицейские и пытались завладеть продуктами питания и другим имуществом, хранящимся на складе. Дружинники оказали сопротивление, но были обезоружены и доставлены в управление.

Вернулся «желтозубый», он что-то сказал дежурному, и тот пригласил Байкова пройти вместе с ним. Когда вошли в помещение, перед глазами открылась ужасная картина. Все трое дружинников были раздеты догола и подвешены за руки к потолку, откуда тонкой струйкой лилась вода на их головы. Такие пытки применялись японцами в отношении китайских партизан.

Возмущенный увиденным, советский представитель в резкой форме потребовал немедленного освобождения задержанных. Байков заявил, что немедленно проинформирует об этом советского генконсула и попросит его связаться с одним из членов бюро ЦК КПК в Северо-Восточном Китае.

«Желтозубый» исчез в комнате рядом. Видимо, пошел с кем-то советоваться. Воспользовавшись моментом, разведчик подошел к телефону, позвонил дежурному по управлению КВЖД и объяснил ему обстановку. Минут через пятнадцать прибыл отряд быстрого реагирования из охраны управления дороги.

В это время в комнату вбежал тот же китаец, бросился к окну и увидел, что здание полиции окружено автомашинами с зажженными фарами, около которых стоят дружинники с автоматами, пулеметами и гранатами. Китаец крикнул дежурному: «Освободить!». Заскрипели железные двери, и трое дружинников появились в комнате. Один из них не мог стоять на ногах, его поддерживали товарищи. Как только освобожденные показались в дверях, дружинники подняли ребят на руки и понесли к машинам.

Во время освобождения дружинников Байков присмотрелся к тому доброжелательному сотруднику, который старался оказывать содей-

ствие, дал возможность позвонить по телефону, сообщил нужную информацию по поводу задержания дружинников. В дальнейшем с ним был установлен контакт, и он оказал большую помощь резидентуре в выявлении провокационных планов против советских граждан и связях ряда руководящих работников полиции с иностранными спецслужбами. Особый интерес представлял Хуан, поскольку провокационные действия разрабатывались непосредственно под его руководством. Резидентура решила провести мероприятие по его компрометации.

Необходимо было выяснить, на какую разведку он работает. Работа с полицейским была поручена Байкову. Посещая по роду своей работы полицейское управление, оперативный сотрудник старался оказывать ему некоторые знаки внимания. Китаец повел себя внешне лояльно.

В один из теплых весенних дней Байков, воспользовавшись удобным случаем, пригласил своего знакомого в хороший ресторан. Тот согласился, пришел в точно назначенное время. По просьбе разведчика Хуан лично заказал закуски, выпивку, горячие блюда. В этот вечер полицейский «разорил» резидентуру на солидную сумму. В конце обеда он обратил внимание на то, что Иван Владимирович рассчитался не юанями, а долларами. У китайца загорелись глаза, когда работник достал из кармана пачку долларов.

Во время обеда собеседник сетовал на то, что у него много дел, что семья не вернулась из-за границы, куда вынуждена была уехать во время войны.

На вопрос, почему он не вернет семью домой, Хуан заметил, что пока это трудно сделать. Родом он из Шанхая. Его дом сгорел, и он не знает, куда деть семью, если она вернется в Китай.

При выходе из ресторана полицейский положил в карман Байкова конверт с документами о слежке иностранного отдела за советскими гражданами. В свою очередь разведчик передал ему 20 долларов.

В резидентуре установили, что документы, полученные от полицейского, не были дезинформацией. После первой встречи состоялось еще несколько контактов в городе.

На одной из последующих встреч ему было передано уже не двадцать, а сорок долларов. Это было положительно воспринято китайцем.

В дальнейшем был задействован план, предусматривавший игру с недоплатой вознаграждения и получением от Хуана расписок на большую сумму, чем он в действительности получал.

Предполагалось, что «присвоение» определенной суммы работником будет рассматриваться шефами китайца как серьезная улика и побудит использовать ее для вербовки советского работника.

Прошло несколько встреч, на которых Хуану передавалось по сорок долларов, а расписки он уже писал на шестьдесят.

Байков ждал «гостей», но они все не появлялись. Наступил конец августа, начался сезон рыбалки. Разведчик слыл заядлым рыбаком. Знала об этом и полиция, поскольку машины наружного наблюдения не раз сопровождали его на берег реки Сунгари. По ряду признаков Байков стал догадываться, что именно там противник совершит подход к нему. Мордвинов посоветовал подготовку к рыбалке провести так, чтобы это дошло до сведения противника.

В конце недели разведчик стал готовить снасти для рыбной ловли, осмотрел машину, позвонил в управление КВЖД дежурному, сообщил, что рано утром выезжает на рыбалку, назвал место, где будет, и просил записать его выезд в журнал.

Поскольку телефон прослушивался, Байков был уверен, что информация о его поездке будет немедленно доложена.

Рано утром он вышел во двор. Знакомый китаец поздоровался словами: «Ни чифаньла ма?» (Вы покушали?). Так обычно в те годы китайцы здоровались друг с другом.

Проехав город, Иван Владимирович свернул в район, где обычно удил рыбу. Он въехал на стоянку, где в это время еще не было ни одной машины, припарковался и стал готовить снасти. Вокруг было спокойно, волны реки тихо накатывали на песчаный берег.

Не успел он еще закинуть снасти, как услышал шум двигателя. Рядом с машиной разведчика припарковался новый «Форд-300». Открылась дверца, и из машины вышел высокий китаец в добротном костюме европейского покроя. С другой стороны «Форда» появился еще один тип, лет сорока, плотного телосложения. Это, несомненно, были те, кого Байков ждал.

Автомашину они поставили так, что перекрыли дорогу для выезда.

– В чем дело, господа, я не смогу выехать?

Высокий китаец не сразу ответил на вопрос. Сначала он посмотрел на своего напарника, словно спрашивая у него разрешения начать беседу. Тот кивнул головой. Высокий произнес на чистом английском языке:

– Здравствуйте, господин Байков. Мы давно искали возможность поговорить с вами.

– Кто вы такие? – спросил разведчик по-китайски.

Высокий улыбнулся и сказал:

– О, мы знаем, что вы говорите по-китайски. Господин Хуан нам об этом много рассказывал. Вы должны меня знать. Я – начальник русского отдела политической разведки Китайской республики – Ми.

Его имя разведчику было знакомо.

– Чем обязан?

– У нас к вам дело, – вступил в разговор толстяк.

Иван Владимирович обратил внимание, что он говорит по-китайски в американской манере.

– По делам я принимаю в управлении КВЖД, в рабочие дни. А сегодня у меня выходной.

Тон оперработника подействовал на толстяка. Он более миролюбиво произнес:

– Не горячитесь, мистер Байков. Вы должны выслушать нас.

– Должен?! – воскликнул оперработник. – На каком основании? По какому праву вы мне указываете? Кто вы?

– Я из иностранного отдела разведки. Меня зовут Шуй.

У Ивана Владимировича в голове сразу возникли ассоциации: один назвал себя «Ми», что по-русски означает «рис», второй назвался фамилией «Шуй», что в переводе на русский означает «вода». Таким образом, есть вода, есть рис, можно заварить кашу.

– А я не желаю с вами разговаривать!

Ми вступил в разговор:

– Вы ведете себя неразумно, господин Байков.

– Это провокация! – вырвалась у разведчика стандартная фраза, которую произносит советский гражданин, когда ему за границей угрожают незнакомые люди. – Я заявляю решительный протест!

– Не спешите жаловаться, мистер Байков! Если вы не выслушаете нас, мы сумеем сделать так, чтобы ваши шефы узнали, как вы присваиваете часть денег, которые выплачиваете своим агентам.

Шуй начал выкладывать свои козыри.

– Так вот в чем дело? – подавленно произнес разведчик и задумался. – Значит, это Хуан!

– Ну хорошо, пусть будет Хуан, – согласился Шуй.

Байков держал паузу, чтобы его собеседники поверили, что он обдумывает возможные для него последствия. Обдумав все, он поднял глаза на Шуй и упавшим голосом сказал:

– Я хочу говорить с вами наедине.

Шуй был, видимо, удовлетворен ответом. Повернувшись к Ми, он коротко скомандовал:

– Господин Ми, посидите, пожалуйста, в машине!

Ми уселся за руль «Форда». Шуй обошел машину Байкова и сел рядом с разведчиком, оставив дверцу открытой. Когда Шуй уселся поудобнее, оперработник задал ему естественный в данной ситуации вопрос:

– Что вам от меня нужно?

Шуй, как большинство китайцев, получивших образование в Америке, ответил коротко и по-деловому:

– Вот это другой разговор! Мы хотим, чтобы вы сотрудничали с нами. Мы дадим вам возможность приобрести ценных агентов. Вы будете иметь успех.

– Вы сошли с ума! – с предельной искренностью заявил советский разведчик. – Я не испугаюсь ваших угроз! Могу вернуть Хуану недоданные ему деньги, и все!

– Не будьте наивны, – улыбнулся Шуй. – Вы же профессионал! Вам не удастся так просто выпутаться из этой истории.

– У вас нет никаких доказательств, – упорно стоял на своем наш работник. Ему очень важно было знать, какие еще аргументы могут привести эти два китайца.

– Есть, мистер Байков, – все с той же улыбкой ответил Шуй. – Во-первых, вам не удастся замять дело с Хуаном.

– Я могу доказать, что он провокатор.

Китайцу пришлось выкладывать и другие аргументы:

– Но вы забываете, что у нас есть запись ваших разговоров, в том числе и тех, из которых видно, что вы занимаетесь присвоением оперативных средств.

Оперработник сделал вид, что озадачен новостью.

– Будьте благоразумны. Мы откроем вам счет в банке на большую сумму в долларах, сначала на пять тысяч.

Иван Владимирович сделал вид, что деньги его заинтересовали.

– Скажите, мистер Шуй, – поинтересовался он, – от имени какой разведки вы выступаете: от американской или китайской?

– Где мы служим, мы вам уже сказали, но в данном случае мы выполняем задание американской разведки. Вашим шефом в дальнейшем будет американская военная разведка. Фирма солидная, многие сочли бы за честь работать на нее.

– А каково будет мое месячное содержание? – продолжал интересоваться оперработник.

– Все будет зависеть от результатов. В среднем от одной до трех тысяч, за особо ценные материалы вы будете получать специальную плату.

Беседа продолжалась больше часа. Что нужно было выяснить – было сделано, пора действовать, подумал Иван Владимирович. Вариант № 2 – встречное предложение. Задача перевербовать Шуя и вынудить его работать на советскую разведку.

(Вариант № 1 предусматривал меры на случай грубой провокации со стороны иностранных спецслужб или ее агентуры из местных полицейских органов. Предполагалось, что могут быть осуществлены меры по компрометации нашего работника перед местными властями с фабрикацией улик, «подтверждающих» антикитайскую деятельность советской разведки.

При таком развитии событий разведчик должен был подать сигнал гудком автомашины или голосом, и сразу в дело включалась группа обеспечения в составе двух работников резидентуры и пяти специально подобранных дружинников, которая дежурила на двух автомашинах вблизи от места событий. Но прибегать к первому варианту не пришлось.)

Иван Владимирович поближе подвинулся к собеседнику, посмотрел ему в глаза, загадочно улыбнулся и твердым голосом проговорил:

– Мистер Шуй, я вас внимательно выслушал, а теперь послушайте вы меня. От имени советской разведки я предлагаю вам сотрудничество. Мы ждали вас, и вы пришли к нам. Деньги, которые вы мне предложили, пойдут вам. Вы станете богатым человеком. А нужную информацию мы вам обеспечим. Что касается сведений, которые будут нас интересовать, об этом договоримся позже.

Ивану Владимировичу показалось, что китайца хватил удар. Он раскрывал рот, но не мог издать ни звука. Наконец, справившись с собой, он растерянно проговорил:

– Мистер Байков, вы неудачно пошутили.

Оперработник перебил его:

– Хуан – считайте, что он сгорел. А за ним потянутся и другие ваши люди. Вам этого не простят. Да, кроме того, взгляните на перспективу развития событий. Ни у Гоминьдана, ни у американцев в Китае будущего нет. И если вы патриот Китая, вы поймете, где ваше место.

Шуй понял, что произошло, и пришел в себя.

– Нет, о сотрудничестве с советской разведкой не может быть и речи, ведь вы меня провалите или передадите разведке КПК.

– Не волнуйтесь, – твердо сказал Байков. – Мы умеем беречь наших друзей. Кому известно о нашей беседе?

– Об этом знают в Нанкине и Вашингтоне, – ответил Шуй. – Все это как-то неожиданно... – и, не закончив фразы, Шуй неуклюже выбрался из машины. Быстро сел в свой «Форд» и уехал, не попрощавшись.

На очередной встрече с источником, работавшим в иностранном отделе, было выяснено, что Шуй и Ми приехали в Харбин по подложным паспортам под видом бизнесменов. После злополучной для них беседы они нелегально покинули город, а через день исчез и «желтозубый».

О судьбе гастролеров-разведчиков мы узнали только через три года. Они перебрались на Тайвань и там до поры до времени продолжали свою работу на две разведки.

36

Разведка, Африка и холодная война

В послевоенный период советской внешней разведке пришлось поработать и на дотоле ей почти не известном Африканском континенте.

В 50-е годы интерес разведки к Африке обусловливался главным образом получением информации о планах и намерениях западных стран. В Африке располагались тогда многие военно-воздушные и военно-морские базы стран – участниц НАТО. Их интерес к континенту был вызван не только стратегическими соображениями: Африка богата продовольственными и минеральными ресурсами, ее недра хранят такие необходимые для современной промышленности ископаемые, как уран, кобальт, вольфрам, медь, никель, алмазы, нефть и многое другое.

В какой мере страны НАТО стремились использовать Африканский континент в своей конфронтации с Советским Союзом? – на этот вопрос и искала ответы наша разведка. Ранее в этих целях она использовала в основном свои возможности в западных странах. Непосредственно в Африке ее позиции были тогда более чем скромными. Небольшие резидентуры были только в Египте и Эфиопии, а к концу 50-х годов открылись еще резидентуры в Судане, Гане и Гвинее.

По-настоящему работать по Африке внешняя разведка начала с 1960 года, когда стал набирать силу процесс деколонизации африканских стран. Сразу 17 независимых государств появились на карте Африканского континента. ООН провозгласила 1960 год Годом Африки.

В разведке был создан африканский отдел. Его задачи можно было суммировать следующим образом:

– способствовать делу быстрейшей ликвидации остатков колониальной системы;

– помогать национально-освободительному движению в оставшихся колониях;

– следить за политикой бывших и настоящих колонизаторов: Англии, Франции, Бельгии, Португалии;

– осмыслить политику США по отношению к Африке;

– анализировать ситуацию в каждой африканской стране – останется ли она в орбите старой системы или пойдет новым путем;

– приобретать среди африканцев друзей и союзников.

К этому добавились вопросы безопасности советских колоний, посольств и других советских учреждений.

60-е годы оказались «жаркими» и для молодых африканских стран, и для советской внешней разведки. Только что освободившиеся страны Африки сразу же столкнулись с жесткой конфронтацией со стороны бывших метрополий, которые стремились сохранить свои политические и экономические позиции в прежних колониях. В ряде случаев это приводило к возникновению кризисных ситуаций, как, например, в бывшем Бельгийском Конго.

Государственные перевороты, происходившие при вмешательстве западных держав и их спецслужб, сопровождавшиеся междоусобицей, племенными распрями, гражданскими войнами, стали привычным явлением. От разведки в каждом конкретном случае требовалась информация о том, кто пришел к власти, какие силы совершили переворот, по какому пути они намерены вести страну. Ответить на все эти вопросы было нелегко. Порой и сами участники событий не ставили их перед собой. Только что созданные в африканских странах резидентуры, укомплектованные, как правило, молодыми сотрудниками, не могли дать исчерпывающих ответов на все эти вопросы. Но они добросовестно направляли информацию непосредственно с мест событий, и она была полезна для Москвы, так как позволяла рельефнее видеть и оценивать происходящее.

С первых же шагов работы в африканских странах наши сотрудники встретились с серьезными трудностями. Бытовая неустроенность, отсутствие порой элементарных санитарных и жилищных условий, перебои в снабжении продовольствием были понятны. Трудно было ожидать комфортабельных условий жизни и работы в отсталых странах, только вчера еще находившихся под ярмом колонизаторов.

Но вот сложности в достижении взаимопонимания с африканцами для большинства разведчиков оказались полной неожиданностью. У африканцев совсем другой менталитет, привычки и нравы. Наивность и надежды на наше быстрое содействие соединялись с раздражительностью, недоверием. Колониальные времена приучили не доверять белому человеку, обманывать его считалось заслугой. Все эти особенности постколониального африканского характера не без труда приходилось преодолевать нашим сотрудникам.

Было бы не совсем правильно утверждать, что сам по себе факт получения африканскими странами независимого статуса побудил

советское руководство автоматически принять решение об организации разведывательной работы в молодых государствах Африки.

Процесс деколонизации был естественным и исторически неизбежным явлением, мало зависевшим тогда от воли Советского Союза и западных колониальных держав. Однако в условиях холодной войны и противостояния двух мировых блоков этот процесс сам становился объектом противостояния.

Потеря колоний ослабляла блок западных держав. Это отвечало интересам Советского Союза, укрепляло его внешнеполитические позиции. Поэтому Советский Союз поддерживал борьбу африканских стран за свою политическую и экономическую независимость.

В свою очередь, США и колониальные страны стремились всеми средствами, в том числе используя разведслужбы, воспрепятствовать этому процессу. Африканский континент превратился, таким образом, в арену идеологической и политической конфронтации двух блоков.

Так борьба народов африканских стран за свое освобождение стала объектом соперничества великих держав. Такова была логика эпохи холодной войны.

Советская разведка вела работу в государственных и политических кругах молодых африканских стран прогрессивной ориентации с большой осторожностью, ограничиваясь, как правило, доверительными отношениями. В этом состояла одна из важнейших особенностей ее деятельности в Африке: она не была направлена против африканских стран, напротив, объективно она отвечала их интересам борьбы за укрепление своей политической и экономической независимости, становление своей государственности. Интересы освободившихся от колониальной зависимости стран Африки и Советского Союза в этих вопросах совпадали.

Поэтому с самого начала организации работы в Африке руководство разведки не рекомендовало вести вербовочную работу в политических и государственных кругах прогрессивных африканских стран. Это отнюдь не облегчало получение информации, столь необходимой для решения поставленных перед разведкой задач. Приходилось искать новые приемы и методы работы. Приобрела, например, большое значение обработка открытых источников информации – различных публикаций, справочников, прессы, радио и телевидения. Однако главным оружием, конечно, оставались доверительные связи в политических и общественных кругах.

Такая работа требовала хорошей политической подготовки, знания проблем и большого профессионального мастерства. Политические и общественные деятели, служащие различного уровня, вплоть до самых высоких, охотно шли на установление контактов. Обычно отношения строились и развивались на общности политических или идеологических интересов. Однако искусство разведчика заключа-

лось в том, чтобы придать этим отношениям определенную направленность, исподволь, естественным путем сделать их менее заметными для окружающих и довести до такой степени доверительности, при которой можно было рассчитывать на получение требуемой конфиденциальной информации.

Доверительные связи долгие годы оставались преобладающей формой работы в африканских странах. Нашим разведчикам удалось таким путем приобрести немало друзей, обеспечить получение необходимой разведывательной информации.

В ряде африканских государств, рассматривавшихся советским руководством как страны прогрессивной ориентации, таких, например, как Алжир, Гвинея, Гана, Конго (Браззавиль), Сомали, Эфиопия и целый ряд других, перед резидентурами ставилась весьма своеобразная для разведки задача – содействовать ее специфическими средствами развитию и укреплению отношений этих стран с Советским Союзом. Расстановка сил у наших африканских партнеров была непростая. Были сторонники развития отношений, были противники, как явные, так и скрытые. Иногда такая позиция была результатом недостаточной информированности и недопонимания политики Советского Союза в африканских странах. Нередко негативное отношение к Советскому Союзу было следствием просчетов в нашей внешней политике, узковедомственного подхода внешнеполитических и внешнеторговых организаций, осуществлявших сотрудничество, волокиты и бюрократизма.

С другой стороны, западная дипломатия и западные разведки вели работу по подрыву отношений Советского Союза с африканскими странами, обрабатывали и подкупали африканских лидеров, использовали свою агентуру, распространяли дезинформацию, представляющую в искаженном виде политику и намерения Советского Союза в Африке. При этом они, разумеется, использовали наши ошибки и просчеты.

Внешнеполитическая разведка подвергала все обстоятельства, связанные с проблемами отношений с африканскими странами, тщательному анализу и докладывала руководству страны свои предложения.

Советское руководство нередко использовало возможности разведки для доведения до руководителей африканских стран информации деликатного характера. Так, например, по линии разведки советское руководство информировало президента Алжира Бумедьена о деятельности агентуры западных спецслужб в высших эшелонах алжирского руководства.

Немаловажное значение в развитии дружественных отношений Советского Союза с африканскими странами и укреплении их государственности сыграло сотрудничество КГБ с органами безопасности ряда молодых стран Африки, которое осуществлялось главным образом через внешнюю разведку. Сводилось это сотрудничество

в основном к обмену информацией, представляющей взаимный интерес, к краткосрочной подготовке кадров в Москве и на местах, к помощи оперативной техникой. Оказывалась и определенная советническая помощь в построении и организации работы органов безопасности африканских стран. Советы и рекомендации давались, но все решения африканцы принимали сами, и они далеко не всегда совпадали с тем, что рекомендовалось нашими советниками. В целом же сотрудничество органов безопасности молодых африканских стран со спецслужбами СССР помогало им в строительстве своего государственного аппарата.

Очень важной функцией, которую выполняла советская разведка в Африке, было поддержание связи с освободительными движениями стран, не освободившихся от колониализма. Помощь и поддержку им оказывал не только Советский Союз. Эти движения ориентировались на различные страны – США, СССР, Китай и др. Иногда на несколько стран сразу. Им оказывалась различная помощь – политическая, финансовая, материальная, а также подготовкой кадров, предоставлением советников, специалистов. Помощь эта направлялась по разным каналам: государственным, через общественные, гуманитарные, международные организации. Помощь по линии разведок осуществлялась обычно скрытно. Так, США долго удавалось скрывать свою поддержку Союзу народов Анголы (СНА), возглавляемому Холденом Роберто, которая реализовывалась через ЦРУ.

Советский Союз также оказывал этим движениям помощь по разным каналам. Значительный объем работы по поддержанию контактов с освободительными движениями и оказанию им поддержки международный отдел ЦК КПСС возлагал на внешнюю разведку.

В этом была своя логика. Большинство освободительных движений находилось на нелегальном положении. Против них активно работали спецслужбы стран-метрополий. Они отслеживали освободительные организации не только в своих колониях, но и в третьих странах, где они имели свои базы и представительства, охотились за их лидерами, осуществляли террористические акты, внедряли свою агентуру, перехватывали каналы связи, выявляли контакты этих организаций с внешним миром, источники получения ими помощи. Аналогичную работу по этим организациям проводило и ЦРУ. Американцы стремились внедриться в освободительные движения и взять их под свой контроль, чтобы после освобождения колоний утвердить свои позиции в молодых государствах.

Оперативная обстановка внутри освободительных движений, таким образом, была сложной. Работа с ними помимо хорошей политической подготовки требовала от разведчика профессиональных знаний и навыков.

Выполняя эти поручения, наши разведчики установили и поддерживали контакты с руководителями большинства освободитель-

ных движений Африки, таких как Фронт национального освобождения Алжира (ФНО), Национальное движение за освобождение Анголы (МПЛА), Африканская партия независимости Гвинеи и Островов Кабо-Верде (ПАИГ), Фронт освобождения Мозамбика (Фрелимо), Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) и др., которые, добившись освобождения своих стран, пришли к руководству.

В основном лидеры и представители освободительных движений были полны искреннего желания вести самую решительную борьбу за освобождение своих стран. Другие осторожничали, выбирали себе союзников во внешнем мире с оглядкой. Третьи, сориентировавшиеся на западную помощь, шли на контакты с нами, чтобы разузнать позиции Советского Союза, выведать, кому, как, по каким каналам он оказывает помощь. Были и те, кто политиканствовал, спекулировал на освободительной борьбе, жил за счет помощи, предоставляемой освободительным движениям, приобретал роскошные виллы и автомашины, разъезжал по международным конгрессам и конференциям, представительствовал, отдыхал и лечился по приглашениям иностранных государств, давал бесконечное количество обещаний и меньше всего думал о борьбе за освобождение своей страны. Во всем этом приходилось тщательно разбираться. Бывали и ошибки, особенно когда наши партнеры упорно доказывали, что стоят на позициях «научного коммунизма». «Инстанции», по заданиям которой разведка работала с освободительными движениями, порой трудно было удержаться от догматических соблазнов.

Разведка не делала жесткого идеологического выбора среди движений. Она стремилась охватить как можно более широкий круг освободительных организаций, разобраться в их реальных возможностях борьбы за освобождение своих стран. Так, в ангольском освободительном движении наряду с МПЛА А. Нето наша разведка пыталась наладить отношения и с Союзом народов Анголы Х. Роберто, и с Национальным союзом за полное освобождение Анголы Ж. Савимби. В Зимбабве разведка поддерживала контакты с представителями Союза африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) и с Африканским национальным союзом Зимбабве (ЗАНУ). Другое дело, что не все эти партии пошли на сотрудничество с Советским Союзом, некоторые из них предпочли опереться на США и другие западные страны.

Сегодня, когда многое опубликовано, проанализировано и вошло в оборот научной и публицистической литературы, можно утверждать, что работа ЦРУ с освободительными движениями (мы не касаемся других западных разведок) была не менее масштабной, чем работа советской разведки. В нее широко были вовлечены не только государственные, но и научные, общественные, международные, частнопредпринимательские организации. ЦРУ создало в этих целях целую сеть исследовательских центров, фондов, ассоциаций, привлекло

крупнейших ученых-африканистов, видных политологов, мобилизовало огромные финансовые средства.

Контакты с представителями освободительных движений порой превращались в подлинные политические университеты. Шел обмен информацией, разбирались проблемы мировой и африканской политики, опыт путей борьбы и развития стран, уже вырвавшихся из пут колониализма, их достижения и просчеты. Нашим разведчикам пришлось в ту пору вместе со своими африканскими друзьями разбираться в популярных тогда среди африканской интеллигенции теориях панафриканизма Нкваме Нкруме, негритюда и африканского социализма Леопольда Сенгора, проповедовавших самобытность исторического пути развития народов Африки и неприменимость к нему общих законов исторического развития. Наши связи хотели знать, насколько верны эти теории и что мы о них думаем. Приходилось учиться на ходу.

Обогащение было взаимным. И все же наши разведчики больше отдавали, чем получали. Редкий для разведки случай. Шел естественный процесс формирования мировоззренческих и политических позиций лидеров освободительного движения в Африке. Африканцы сами ориентировались в той информации, которую получали в ходе общения с нами, сами выбирали и определяли свои позиции.

Работа с представителями освободительных движений отвлекала разведчиков от чисто разведывательных задач – приобретения источников информации и проникновения в объекты главного противника. Поэтому не все разведчики любили ее да и Центр не очень жаловал тех, кто отдавал ей много времени. Не всегда и не каждому разведчику удавалось находить в этом противоречии «золотую» середину.

Освободительный, антиколониальный процесс в Африке был исторически неизбежным явлением. Колониальные державы не хотели терять своих позиций и отстаивали их сначала преимущественно силовыми, военными либо террористическими методами, затем, под влиянием событий, в возрастающей мере политическим путем. Политику Советского Союза в Африке они рассматривали как угрозу своим интересам, как его попытку распространения влияния на Африку, как коммунистическую угрозу Африканскому континенту. Имели место и объективные, и субъективные предпосылки противоборства спецслужб на Африканском континенте.

Так или иначе, в этих условиях наша разведка порой в тяжелейшей обстановке политической нестабильности, кризисов и войн, характерных для Африки 60–70-х годов, выполняла свой долг, решала в меру своих сил поставленные перед ней руководством страны задачи, способствовала процессам утверждения независимости ранее колониальных и зависимых народов.

37

Годы конголезского кризиса (1960—1963 гг.)

В начале 60-х годов весь мир с пристальным вниманием следил за драматическими событиями в Конго, бывшей бельгийской колонии в Африке. 30 июня 1960 года страна провозгласила независимость. Избранный народом парламент сформировал правительство во главе с одним из лидеров национально-освободительного движения Патрисом Лумумбой.

Однако бельгийцы не захотели смириться с потерей богатейшей колонии. Под предлогом защиты белого населения последовала военная интервенция Бельгии.

В Конго началась гражданская война с трагическими последствиями для мирного населения. Остро стали проявляться разжигаемые колонизаторами пережитки родоплеменных отношений (трайбализм) и сепаратизм. Бельгийцы спровоцировали отделение от Конго богатейшей провинции Катанга, поставив во главе ее своего ставленника Чомбе. На грани отделения была и провинция Конго Касаи, знаменитая алмазными месторождениями. Возникла реальная угроза территориальной целостности страны, ее независимости. Шла открытая борьба иностранных и наднациональных монополий за передел сфер влияния и богатств Конго.

Летом 1960 года Совет Безопасности ООН принял решение об оказании помощи законно избранному правительству Лумумбы в пресечении бельгийской интервенции и сохранении территориальной целостности страны. В этих целях в Конго были направлены воинские контингенты ООН. Советский Союз предоставил транспортную авиацию для их переброски в Конго. Однако далее стали происходить странные события. Возглавляемая американцами администрация ООН в Конго использовала силы ООН не для отражения бельгийской агрессии, а для борьбы с правительством Лумумбы.

Советское правительство оказывало дипломатическую и материальную поддержку молодому африканскому государству в лице пра-

вительства Лумумбы, помогало национально-патриотическим силам страны в борьбе за сохранение независимости и территориальной целостности страны. Поэтому оно нуждалось в информации о планах и замыслах западных стран в Конго. Нужны были также сведения о конголезских политических партиях и лидерах, их позициях, внешнеполитической ориентации.

В составе выехавшего в Леопольдвиль советского посольства находилась небольшая группа разведчиков во главе с Леонидом Гавриловичем Подгорновым. Первые дни их работы в Конго показали, что хозяевами положения в стране были американцы. Они ловко использовали аппарат администрации ООН и его воинские контингенты для того, чтобы прибрать страну к рукам. Американцы стремились устранить тех, кто мешал им, включая само правительство Лумумбы.

Резидентуре удалось получить интересные сведения. Оказывается, еще до предоставления независимости в Конго совершил поездку президент крупнейшего банка Америки «Чейз Манхэттен» Дэвид Рокфеллер. Он встречался с представителями бельгийской колониальной администрации, местных политических партий, деловых кругов. Результатом поездки явилось создание консорциума, который выделил для «решения» конголезских проблем заем на сумму 325 млн долларов.

Тогда же резидентуре удалось получить и информацию о поездке Лумумбы в США в июле 1960 года. Лумумбу обрабатывал заместитель государственного секретаря Дуглас Диллон, по совместительству председатель совета банковского дома «Диллон Рид энд к°». В США он был известен как «господин Конго».

В ходе одной из официальных деловых встреч с нашим послом и сопровождавшим его в качестве переводчика Подгорновым Лумумба рассказал, что Диллон предлагал ему согласиться с 15-летней опекой ООН в Конго. Он обещал техническую и гуманитарную помощь при условии соблюдения интересов частных американских компаний и отказа от принятия помощи других стран. Диллон предложил Лумумбе подписать серию кабальных договоров, ставящих Конго в зависимость от США.

Лумумба категорически отказался, что и объясняет последующее развитие событий, в том числе и трагическую участь Лумумбы.

После возвращения Лумумбы из поездки в США, когда американцам стало ясно, что Лумумба никогда не согласится на роль американской марионетки, ЦРУ стало готовить тайную спецоперацию по его физической ликвидации. Решение об этом было принято тогдашним президентом США Эйзенхауэром[1]. Одним из инициаторов его принятия был «господин Конго» – Диллон.

И ЦРУ приступило к действиям. 28 августа 1960 года директор ЦРУ Аллен Даллес направил своему резиденту в Леопольдвиле Хед-

жмену следующую телеграмму: «Руководители организации пришли к решению, что если Лумумба сохранит лидерство, неизбежным результатом будет в лучшем случае хаос, а в худшем – открытый путь к захвату коммунистами власти в Конго с губительными последствиями для престижа Объединенных Наций и для интересов свободного мира в целом. В связи с этим мы решили, что устранение Лумумбы должно быть неотложной и главной задачей. В нынешней ситуации данная цель должна стать определяющей в нашем плане секретных действий»[2].

В ЦРУ разрабатывались различные варианты ликвидации конголезского лидера. В резидентуре Хеджмен спешно искал подходы к Лумумбе, вербовал агентуру в его окружении, изучал его политических противников. Первоначально был принят вариант отравления Лумумбы биологическими ядами, вызывающими смерть или тяжелую изнурительную болезнь, лишавшими жертву дееспособности и в конечном счете приводившими к летальному исходу.

В целях осуществления этого варианта в резидентуру Хеджмена прибыл особо секретный сотрудник спецлаборатории ЦРУ, биохимик Джозеф Шейдер с «чемоданом вирусов»[3].

Предполагалось ввести яды в пищу или тюбик зубной пасты Лумумбы. Однако завербованная Хеджменом агентура не смогла этого сделать до того, как срок действия смертоносных вирусов истек.

Тогда было решено поручить осуществление теракта профессиональным наемным убийцам. В Леопольдвиль прибыли завербованные для этой цели среди уголовников два агента[4].

Однако убийцы не смогли войти в контакт с намеченной жертвой. Лумумба не выходил из своей резиденции, которая была окружена двойным кольцом охраны. Солдаты Мобуту стерегли Лумумбу в ожидании удобного момента расправиться с ним, а войска ООН оберегали Лумумбу от мобутовцев.

В штаб-квартире ЦРУ созрел новый план: вывести Лумумбу из-под охраны ООН и передать его политическим противникам, что в условиях гражданской войны в Конго означало бы для него верную смерть.

В Леопольдвиль к Хеджмену был направлен офицер оперативного управления Майкл Малрони. Им и была разработана, подготовлена и проведена эта операция. Через агентуру в окружении Лумумбы был спровоцирован побег Лумумбы из своей резиденции в Стенливиль. По пути командир одного из подразделений ганского контингента войск ООН, английский офицер арестовал Лумумбу и передал его мятежным конголезским властям, то есть тем, от кого он должен был его охранять.

Участь конголезского лидера была предрешена. Не осмелившись самостоятельно расправиться с Лумумбой, Мобуту и Касавубу передали Лумумбу и его близких соратников Мполо и Окито катангскому

сепаратисту Чомбе. 17 января 1961 года все трое были замучены сразу же по прибытии самолета с узниками в Элизабетвиль.

Специальная операция ЦРУ завершилась кровавым исходом.

Резидентура работала в Леопольдвиле недолго. 14 сентября 1960 года бывший в то время начальником генерального штаба конголезской армии полковник Мобуту, получив через ООН от американцев солидную денежную сумму, совершил государственный переворот. Он объявил о разрыве дипотношений с Советским Союзом и в ультимативной форме потребовал от советского посольства покинуть в 24 часа Леопольдвиль.

Даже ООН была шокирована действиями Мобуту и не признала созданную им так называемую коллегию комиссаров, квалифицировав ее как орган, «не имеющий никакого обоснования в конституции Конго».

После ареста Лумумбы оставшиеся на свободе члены его правительства во главе с заместителем Лумумбы Гизенгой перебрались в столицу Восточной провинции Конго Стенливиль. Туда же потянулись и посольства ряда афро-азиатских стран, аккредитованных при правительстве Лумумбы. Американцы, хотя и игнорировали возглавляемое Гизенгой правительство, имели в Стенливиле консульство, которое вело разведывательную и подрывную работу. Возглавлял его не кто иной, как известный американский разведчик Фрэнк Карлуччи, ставший впоследствии министром обороны США.

Как рассказывал автору Л.Г. Подгорнов, в один из дней лета 1961 года он был приглашен на Старую площадь к секретарю ЦК КПСС Мухитдинову, который в те годы занимался международными вопросами. События в Бельгийском Конго, сказал он, далеко вышли по своему значению за пределы Африканского континента. Они все более и более приобретают мировой характер. Колониальные державы дали открытый бой антиколониализму, пошли на применение военной силы, используют в своих целях ООН. Конголезские события обострили отношения США и Советского Союза, правительство которого настаивало на точном выполнении резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о деколонизации и прекращении вмешательства в дела Конго. Для Москвы было бы крайне нежелательно, добавил Мухитдинов, если бы события в Конго создали прецедент для вмешательства США под флагом ООН и в другие конфликтные ситуации.

Многие афро-азиатские страны не признали режим Мобуту и продолжали поддерживать правительство Гизенги в качестве законного правопреемника правительства Лумумбы. Они смотрели на Советский Союз: какую он займет позицию? От этого во многом зависел международный престиж СССР. Поэтому советское правительство и приняло решение направить в Стенливиль дипломатическую миссию для поддержания постоянной связи с Гизенгой. Было решено, что миссию возглавит опытный сотрудник внешней разведки, в нее

вошли также дипломаты и представители военных. Их задачи заключались в следующем:

– добраться до осажденного Стенливиля и от имени советского правительства установить непосредственный контакт с Гизенгой;

– обеспечить постоянную связь между Гизенгой и советским правительством. Пока эта связь поддерживалась нерегулярно через представительства других стран, и мы в ней не были уверены;

– оказывать советническую помощь Гизенге в соответствии с получаемыми поручениями;

– склонять Гизенгу к отходу от жесткой конфронтационной политики и рекомендовать ему работать в направлении объединения всех патриотических сил страны, создания коалиционного правительства в столице Конго Леопольдвиле.

Закрытие советского посольства в Леопольдвиле, сказал в заключение Мухитдинов, нанесло ущерб авторитету СССР. Одна из главных задач миссии – возвращение посольства в столицу Конго и его официальная аккредитация. Когда над крышей советского посольства в Леопольдвиле вновь поднимется советский флаг, а в Москву потечет из столицы Конго поток информации, мы будем считать вашу задачу выполненной.

Но как добраться до Стенливиля? Восточная провинция была блокирована враждебными Гизенге вооруженными силами Мобуту, Чомбе, лидером мятежной провинции Касаи Калонжи.

Нелегкая задача выпала тогда на долю Подгорнова и его миссии. Она состояла из двух сотрудников внешней разведки, двух военных и дипломата из МИД, а также трех радистов-шифровальщиков, от каждого из ведомств. Вот эту-то группу и предстояло «протащить» Подгорнову в осажденный Стенливиль через мятежные южные провинции Судана и тропические леса Экваториальной Африки, в которых в то время не было никакой административной власти. К тому же миссия везла 2,5 тонны дипломатического багажа: комплекты радиостанций, в том числе и для передачи Гизенге, документы, деньги, шифры.

С нетерпением ожидали сотрудники Центра первой весточки о прибытии группы в Стенливиль. Наконец 6 июля 1961 года через тысячи километров пробились позывные. Радиостанция была развернута прямо в номере гостиницы, отгороженная простынями от взоров случайных посетителей. «Миссия прибыла в Стенливиль, установила контакт с Гизенгой и приступила к работе». В Центре вздохнули с облегчением: первая часть поручений, записанных в решении Политбюро, была выполнена.

24 сентября 1961 года миссия была уже в Леопольдвиле. Состоялась сессия объединительного парламента Конго, которая приняла решение о создании в Леопольдвиле единого правительства страны в качестве продолжателя и правопреемника правительства Лумумбы.

Премьер-министром был назначен Сирилл Адула, а его заместителем – Гизенга. Наша миссия много поработала, чтобы подвести к компромиссному решению конфронтирующие политические группировки Конго.

Особое внимание обращалось на необходимость выработки четких условий объединения, гарантирующих представителям национально-патриотических сил личную безопасность и возможность нормально работать в составе коалиционного правительства; роспуска военных формирований, не подчиняющихся командованию конголезской национальной армии; признания дипломатического корпуса, аккредитованного в Стенливиле. В свете этих требований и прошла объединительная сессия конголезского парламента в пригороде Леопольдвиля Лованиуме.

Казалось бы, выполнена и вторая часть поручения «инстанции» – посольство возвращено в Леопольдвиль. Но дело осложнилось. Через несколько дней после переезда миссии в Леопольдвиль Подгорнов был вызван в МИД, где чиновник невысокого ранга от имени министра иностранных дел Бомбоко заявил: «Вы въехали в Конго через заднюю дверь, не спросив разрешения хозяев, и должны покинуть страну». Правое крыло правительства Адулы, возглавляемое Бомбоко, начальником службы безопасности Нендака и начальником генерального штаба конголезской армии Мобуту, отказывалось выполнить решение объединительной сессии конголезского парламента о признании дипломатических миссий, аккредитованных в Стенливиле при Гизенге. Началось «выживание» советской миссии. Подгорнову, который добивался встреч с Бомбоко и требовал аккредитации, настойчиво повторяли, что его группа не пользуется дипломатическим статусом, не имеет права на радиопередачи, диппочту, не пользуется дипломатическим иммунитетом. Около здания посольства проводились демонстрации с лозунгами «Коммунисты, вон из Конго!». Они были немногочисленны и состояли из подставных лиц. В местной прессе стали появляться статьи с требованиями высылки советских дипломатов.

Дрогнул даже советский МИД. Из Москвы пришел запрос о целесообразности оставления дипмиссии в Конго и возможности выезда из страны. В Москву, однако, был дан ответ, что миссия не исчерпала своих возможностей через связи оказания влияния на ход событий и рассчитывает на благоприятное завершение вопроса об аккредитации. Так оно и получилось.

Резидентура продолжала работать. Через свои связи она инициировала обсуждение в парламенте вопроса о выполнении правительством решения об аккредитации дипломатического корпуса в Стенливиле. Жаркие дискуссии по этому вопросу шли в правительстве, где наши друзья, в частности Гбение, который был министром внутренних дел, выступили в защиту наших позиций.

В декабре 1961 года Подгорнов был приглашен в очередной раз в МИД. Его принял Бомбоко. Он заявил, что конголезское правительство все же приняло решение об аккредитации советской дипломатической миссии в качестве полноправного посольства и готово рассмотреть вопрос о выдаче агремана послу СССР, когда такая просьба поступит.

Это была победа советской дипломатии, решающую роль в которой сыграла внешняя разведка. Вскоре приехал новый посол С.С. Немчина, Б.С. Воронин заменил измотанного вконец Подгорнова. Заменили и журналиста АПН Арсеньева, побывавшего во всех самых напряженных точках конголезского кризиса. Резидентура начала нормально работать. Появились перспективные связи, агентура. В Москву шел постоянный поток информации.

В течение трех с лишним лет сотрудники резидентуры работали в условиях политической нестабильности и гражданской войны в Конго. Дважды, в сентябре 1960 года и ноябре 1963 года, резидентура в кризисных условиях вынуждена была сворачивать свою деятельность в связи с провокационными выдворениями всего состава советского посольства и приостановлением дипломатических отношений между Конго и СССР.

Остановимся подробнее на событиях конца 1963 года – на одном из самых драматических моментов работы резидентуры внешней разведки в период конголезского кризиса.

...Тот, кому когда-либо довелось стоять на высоком холме Стенли, возвышающемся над водами реки Конго в том месте, где она разделяет столицы двух африканских государств – Браззавиль и Киншасу (во времена владычества бельгийских колонизаторов – Леопольдвиль), никогда не забудет величественной панорамы могучей африканской реки, разливающейся в этом месте на 30 километров, образуя так называемый Стенли-пул, как бы набирая силы для последнего броска к океану через скалистую гряду, именуемую порогами Ливингстона.

Ноябрьским днем 1963 года, незадолго до захода солнца, когда воды реки начали окрашиваться в багряные тона, к дебаркадеру леопольдвильской пристани приближался маленький паромчик, связывающий столицы двух государств. С высоты холма он походил на водяного жучка, деловито снующего между зарослями плавающего гиацинта. На его палубе среди разноликой толпы, повозок и автомашин – «Фиат» с дипломатическим номером советского посольства в Леопольдвиле. В нем двое – советник посольства Борис Сергеевич Воронин, он же резидент советской внешней разведки, и атташе посольства Юрий Николаевич Мякотных. Юра, как его ласково называли в посольстве, был доволен поездкой в Браззавиль. Он добросовестно выполнил поручения своего посла в Леопольдвиле: посетил в столице соседнего Конго редакции ряда газет, побеседовал с сотруд-

никами МИД (советское посольство в Браззавиле тогда еще не было открыто), закупил необходимые для работы и жизни персонала товары, которые отсутствовали в магазинах Леопольдвиля. Еще каких-то полчаса, и он уже дома, в уютной квартире будет отдыхать от тягучей и липкой африканской жары под прохладными струями воздуха из кондиционеров.

Совсем другие мысли роились в голове Воронина. Он с тревогой вглядывался в приближающийся берег. Поручения посла были лишь прикрытием его поездки в Браззавиль. Главная цель состояла во встречах с лидерами двух националистических партий, находившихся в оппозиции к леопольдвильскому правительству, возглавлявшемуся в то время Сириллом Адулой. Связь с этими национально-освободительными движениями внешняя разведка поддерживала еще с осени 1960 года по поручению «инстанции», как говорили в то время.

Перед отъездом в Конго Воронин был принят руководителями международного отдела «инстанции» на Старой площади. Обстановка в Конго такова, сказали там ему, что, по всей вероятности, оппозиционные правительству национально-патриотические партии будут запрещены и уйдут в подполье. Внешней разведке поручалось поддержание конспиративных контактов с их лидерами. Воронина тревожило предчувствие, что это к добру не приведет. Мало того, что такое поручение отвлекает от основной работы по приобретению агентуры среди представителей западных стран и добыче информации об их деятельности в Конго. Партии эти организационно слабы, опыта работы в подполье не имеют. Поддерживать конспиративную связь с ними будет трудно, а провал грозит крупным скандалом, возможно, разрывом дипотношений, как это было в сентябре 1960 года.

До недавнего времени встречи с лидерами этих партий проводились в Леопольдвиле. И хотя большинство из них были членами парламента, входили в состав правительства, а лидер Партии африканской солидарности Гизенга был даже его вице-премьером, встречи проходили с соблюдением требований конспирации. Но к середине 1963 года обстановка в Конго резко обострилась. Недовольство прозападной политикой правительства Адулы приняло массовый характер. Начались вооруженные выступления. Ряд районов оказался охвачен восстанием. Иностранные и конголезские военные советники облетали на самолетах восставшие районы и корректировали ход действий карателей. В стране вновь развертывалась гражданская война, которая начала утихать к концу 1962 года.

Национально-патриотические партии опять попали под запрет. Гизенга был арестован и сослан на один из малярийных островков в устье Конго, возглавлявшему после гибели Лумумбы партию Национальное движение Конго Гбение удалось скрыться. Фотографии лидеров этих партий были расклеены по Леопольдвилю и окрестно-

стям, за поимку каждого обещана крупная сумма денег. Однако до августа 1963 года резидентура находила возможности для организации конспиративных встреч с ними в конголезской столице. Конечно, риск был велик. Повсюду патрули, заставы, проверки. Армия, жандармерия и полиция имели приказ стрелять по всем подозрительным. Не помогали и дипломатические номера. Так, однажды вечером была обстреляна на улице дипломатическая машина чехословацкого посольства. Чехословацкие дипломаты возвращались с какого-то мероприятия. К счастью, никто не пострадал.

Обстановка докладывалась в Центр. Но задачи по поддержанию контактов с запрещенными партиями в Москве не снимали, «инстанция» давала новые поручения, требовала информации.

В августе 1963 года оставшиеся на свободе лидеры этих партий перебрались в Браззавиль. Встречи с ними сотрудники резидентуры стали проводить в столице соседнего государства, куда выезжали по поручениям посла и для закупок продовольствия. Встречаться с ними в Браззавиле было безопаснее, чем в Леопольдвиле. Но оставалось узкое место – возвращение в Леопольдвиль. Полученные на встречах материалы надо было провозить через государственную границу.

Проезд из Леопольдвиля в Браззавиль проходил по упрощенной процедуре, виз и разрешений не требовалось. Достаточно было предъявить дипломатическую карточку. Но станут ли леопольдвильские власти соблюдать международные правила и уважать неприкосновенность советских дипломатов и их багажа?

Об этом и думал Воронин, возвращаясь из Браззавиля, где он провел ряд ответственных встреч и получил объемные пакеты с материалами, предназначавшимися для «инстанции». Эти пакеты особенно волновали его. Он не знал, что в них, и корил себя за то, что предварительно не ознакомился с их содержанием. Что если в них просьбы о помощи, финансовые вопросы? Попади эти документы в руки конголезских властей в случае провокации при пересечении границы, это был бы сильнейший компромат.

Основания для беспокойства были. Резидентура получила информацию о том, что конголезские спецслужбы готовят крупномасштабную провокацию против советского посольства в целях его закрытия. Эта информация в отсутствие Воронина, который находился в отпуске, была получена от источника, имевшего прямые выходы на ближайшее окружение премьер-министра Адулы. Источник считался надежным. Вскоре была получена информация от другого источника, связанного с местными спецслужбами, о том, что в правительстве развернулась дискуссия об отношениях с Советским Союзом. Руководители спецслужб и командующий армией Мобуту настаивали на закрытии посольства и разрыве дипотношений. Однако Адула и ряд министров были против. В известной мере это было отражени-

ем внутренних противоречий и борьбы за власть в конголезском руководстве. Аналогичную информацию получила и резидентура чехословацких друзей. К тому же поступили данные о прибытии в Конго группы сотрудников ФБР для подготовки акции против советского посольства.

Складывавшаяся обстановка требовала принятия решений о работе резидентуры со связями.

В Москве Воронин обсуждал с руководством положение в Леопольдвиле и целесообразность продолжения поддержания контактов с лидерами оппозиционных правительству националистических партий. Было решено, что, вернувшись в резидентуру, он изучит обстановку на месте, примет меры к перепроверке информации о готовящейся провокации против советского посольства и доложит в Центр свои соображения.

Определенное влияние на такое решение, видимо, оказали и сообщения посольства и резидентуры о неожиданном шаге премьер-министра Адулы в направлении нормализации советско-конголезских отношений. В условиях нагнетаемой в стране правыми силами антисоветской истерии и их призывов «вышвырнуть советское посольство из Конго» Адула пригласил весь состав советского посольства на ужин, который состоялся в теплой, непринужденной обстановке в резиденции главы правительства. Адула и его соратники высказали ряд предложений, направленных на укрепление советско-конголезских отношений. Адула выразил пожелание посетить Москву с официальным визитом.

И посольство, и резидентура расценили этот шаг Адулы как стремление укрепить свои внутриполитические позиции за счет более взвешенной внешней политики, и в частности нормализации отношений с СССР. Москва, однако, медлила с ответом, зато политические противники Адулы поспешили с организацией антисоветской клики, приведшей в конечном счете к приостановке дипотношений между СССР и Конго на много лет.

...Паром подошел к дебаркадеру. На пристани несколько военных машин, солдаты, жандармерия, полиция. Для тех дней это было обычное явление. Город несколько месяцев находился на военном положении. Все магистрали, железнодорожные вокзалы, аэродромы, речные порты усиленно охранялись. Вот и причал. Машины медленно съезжают на берег. Идет проверка документов. За машиной Воронина вплотную следует автомобиль английского посольства. Подходит очередь и нашего посольского «Фиата». И вдруг мирная картина резко меняется. Наш «Фиат» окружает плотная группа жандармов и людей в штатском. Воронин мгновенно все понял. Он успевает блокировать двери и поднять стекла. Начинает рвать бумаги, пытаясь уничтожить их. Мякотных тоже все понял и помогает ликвидировать материалы. Но двери машины выбивают прикладами, а дипломатов

силой вытаскивают за ноги из машины. Воронин пытается упереться ногами в стойки, но его вытаскивают, он ударяется затылком об асфальт и теряет сознание. Обоих сильно избивают тут же на пристани, бросают в кузов жандармского пикапа и увозят.

Присутствующие поражены зверской расправой. Английский дипломат, свидетель этой сцены, пройдя пограничный контроль, тут же едет в советское посольство. Там он заявил, что не разделяет наших идеологических концепций и нашей политики в Конго, но считает своим долгом рассказать о случившемся и выразить возмущение поведением конголезских властей. Так в советском посольстве узнали об аресте Воронина и Мякотных.

Далее события развивались с калейдоскопической быстротой. Краткие сообщения по линии МИД и разведки в Москву о случившемся. Требование советского посла срочно принять его в местном МИД – отказ. Звонок в приемную премьер-министра с просьбой о приеме – отказ. Заручившись согласием посла, сотрудник резидентуры вместе с сотрудником посольства едут в службу безопасности без предварительного уведомления. Легкое замешательство в приемной службы. Находящиеся там офицеры явно растеряны и смущены. За стеной шум, возня. Наконец появляется какой-то чин в штатском и от имени начальника службы безопасности Нендаки в подчеркнуто грубой форме просит покинуть здание. При выходе советские дипломаты видят две отъезжающие машины, набитые жандармами, и среди них Воронина и Мякотных. Машины направляются в сторону военного лагеря Ндоло, где расположена одна из самых мрачных тюрем Леопольдвиля. Потом Мякотных рассказывал, что они успели заметить машину советского посольства, и это стало для них моральной поддержкой: знают, ищут, стремятся помочь.

У посольства, между тем, появляются первые военные патрули. Пока они еще не препятствуют входу и выходу сотрудников с территории посольства.

Посол продолжает добиваться приема у президента страны Касавубу, но получает отказы от сотрудников его аппарата. Наконец, около двух часов ночи в сопровождении двух сотрудников посольства, буквально протаранив на посольской «Чайке» часовых у ворот, он врывается в резиденцию президента. Примерно через четверть часа в халате выходит заспанный Касавубу. Говорит невнятно. Похоже, что он не в курсе событий. Обещает дать команду и к утру освободить наших дипломатов. Но все говорит о том, что он сам уже не хозяин положения в стране. Вскоре и он стал жертвой военного переворота Мобуту. Что можно еще сделать? Оставалось ждать утра.

Воронин очнулся на железном полу жандармского джипа, громыхавшего по разбитой мостовой припортового района города. Рядом сидел изрядно побитый Мякотных. По мелькавшим сквозь прорези брезентового полога очертаниям домов понял – везут в службу без-

опасности. Это рядом с советским посольством и в то же время теперь так далеко. Вводят в какую-то комнату. Мякотных уводят в другую. Начинается допрос. Воронин говорит все, что положено в таких случаях: протест против нарушения дипломатического иммунитета, требование прибытия советского консула. Вопросы продолжают сыпаться градом, невзирая на протесты. По характеру вопросов Воронин понял: затеяна крупная провокация. Все направлено на то, чтобы доказать существование заговора, направляемого из советского посольства, в целях свержения правительства в Конго. Идея примитивная, но связь с запрещенными политическими партиями Лумумбы и Гизенги налицо. И это может сыграть свою роль. Кому объяснишь, что такие контакты, да еще на территории третьего государства, – вещь обычная в дипломатической практике.

Но зато ни одного вопроса о разведывательной работе резидентуры, которая велась в Конго. Не названо ни одной оперативной связи, ни одного контакта. А они были. Были и в окружении Адулы, в службе безопасности, в других важных объектах. Значит, об этом ничего не известно, с удовлетворением подумал Воронин, значит, не так уж плохо мы работали.

За стеной шум. Вбегает взволнованный офицер. Что-то говорит допрашивающему. Воронина уводят и вновь сажают в машину. Там уже Мякотных.

Воронина и Мякотных отвозят в тюрьму Ндоло, расположенную в военном лагере. Царство Мобуту. Пьяная солдатня, побои, издевательства. Вновь допросы. Под угрозой расправы требуют признания в том, что советское посольство – организатор коммунистического заговора.

Ночью в камеру, в которой находятся Воронин и Мякотных, врывается группа пьяных солдат. Ими командует лично Мобуту. Он сильно навеселе. Наших дипломатов в очередной раз избивают и вытаскивают в тюремный двор. Ставят к стене. Мобуту заплетающимся языком заявляет, что настала последняя возможность признаться в участии в антиправительственном коммунистическом заговоре. Иначе – расстрел. Отдает команду солдатам. Те вскидывают винтовки. Наступает жуткая минута, но тут появляется Нендака и в чем-то долго убеждает Мобуту. Последний отдает команду увести пленников в камеру.

Было ли это инсценировкой или у Нендаки возобладал здравый смысл? Этого мы не узнаем никогда. Мобуту и Нендака ныне мертвы. Воронин умер в 1977 году от обострения язвы желудка, а Мякотных погиб в 1997 году во время Боснийского кризиса при исполнении служебных обязанностей в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла России по особым поручениям.

Остаток ночи Воронин не мог сомкнуть глаз. В голову лезли мысли об оставшихся в посольстве товарищах, о резидентуре, о задачах,

которые перед ним были поставлены в Москве. До чего же трудными для внешней разведки оказались первые ее шаги в этой африканской стране!

Он вспомнил свои беседы с Леонидом Гавриловичем Подгорновым. Несколько вечеров подряд Леонид Гаврилович рассказывал Воронину об этой богатой африканской стране, о попытках неоколонизаторов сохранить там свои позиции, разорвать Конго на части, о формировании резидентуры. Воронин хорошо помнил рассказы своего товарища, они помогали ориентироваться в конголезских событиях.

И вот все снова под угрозой, думал Воронин. Правое крыло правительства Адулы взяло верх и решило рассчитаться с советским посольством за все: и за 1960 год в Леопольдвиле, когда СССР поддерживал правительство Лумумбы, и за помощь Гизенге в Стенливиле, и за аккредитацию в Леопольдвиле в 1961 году.

Под утро Воронину удалось забыться тяжелым сном.

С утра допросы возобновились. Теперь их вела группа лиц, среди которых угадывались американцы. Изменился и характер вопросов. Они стали жестче, конкретнее. На столе лежали захваченные при аресте Воронина документы. Допрашивающие ссылались на них, требовали ответов на вопросы о том, какую помощь оказывает Советский Союз правительственной оппозиции деньгами, оружием, сколько и какие кадры готовит в спецшколах в Москве, на какие сроки намечен государственный переворот, каков намечается состав будущего правительства. Воронин был поражен. Ни о чем подобном в действительности не было и речи.

Утром местные газеты вышли под крикливыми заголовками, возвещающими о разоблачении службой безопасности антиправительственного заговора, нити которого тянутся в советское посольство. Публиковались фотокопии захваченных у Воронина документов, статьи об отдельных дипломатах, которым приписывалась ведущая роль в организации заговора, разложении конголезской молодежи, насаждении коммунистических идей в стране. Злобная статья была посвящена советскому послу Немчине. Угадывался почерк иностранных спецслужб.

Докладывая обстановку в Центр, резидентура сделала вывод, что антисоветская кампания носит исключительно политический характер и не содержит конкретных фактов разведывательной деятельности резидентуры.

К полудню советского посла пригласили в МИД, где вручили ноту, объявляющую весь персонал посольства персонами нон грата и предложили всему составу посольства покинуть страну в течение 48 часов. С вручением ноты посольство было плотно блокировано мобутовскими солдатами. Никого из посторонних не пропускали, даже дипломатов дружественных СССР стран. Сотрудников посоль-

ства выпускали в город только в светлое время суток и под наблюдением. Отключили электроэнергию и водоснабжение. Находящиеся вне посольства советские журналисты были задержаны, их опрашивали и высылали из страны.

Воронин продолжал мужественно сопротивляться наседавшим на него сотрудникам службы безопасности. Его больше не били. Но от этого не легче. Он понимал, что наступил самый ответственный момент. Собрав все силы, твердым голосом Воронин заявил, что выполнял в Браззавиле поручения посла по поддержанию связи с людьми, которые только вчера входили в состав конголезского правительства, а руководимые ими партии признаны в мире и имеют широкие международные связи. Суверенное право каждого государства, каждого правительства поддерживать и развивать отношения с зарубежными политическими деятелями. Советское посольство в Леопольдвиле не участвовало и не могло участвовать ни в каком антиправительственном заговоре.

Допрашивающие явно в растерянности. Воронина уводят в камеру. К вечеру Воронина и Мякотных увозят на аэродром, сажают в самолет и высылают из страны. Оба в синяках, кровоподтеках, в разорванной одежде. Воронин к тому же босиком.

Перед высылкой обоим сделано появившимся как из-под земли американцем дежурное предложение поменять «сибирскую ссылку» на «прелести» западного мира, на что Мякотных ответил, что имел уже возможность испытать эти «прелести» на своей спине.

А внутри посольства шла напряженная работа по подготовке к эвакуации. В трудном положении оказалась резидентура. С высылкой журналистов в ней остался один оперработник и радистшифровальщик. А у резидентуры большое хозяйство: автомашины, секретная опертехника, средства связи, секретные документы, шифры. Все это надо надлежащим образом пристроить или уничтожить. С собой брать ничего нельзя – безопасность отъезда никто гарантировать не может. Помогли чехословацкие друзья. По согласованию с Центром им были переданы автомашины и некоторое имущество, средства связи. Остальное приходилось уничтожать. Документы горели на кострах во дворе посольства, добротную спецтехнику со слезами на глазах тщательно разбивали молотком, отвозили на берег Конго и бросали в воду на глубоком месте. Шифры держали до последнего часа, затем их сожгли и перешли на открытую связь с Центром, доложили об обстановке и отъезде.

Но были еще и агентура, связи, контакты. Потеря некоторых из них неизбежна. Кое с кем удалось все же встретиться и даже получить важную информацию: крайне правые лидеры молодежных организаций, опекаемых Нендакой и Мобуту, решили организовать «проводы» советских дипломатов – устроить манифестацию по пути их следования на аэродром, забросать камнями и спровоцировать напа-

дение. С учетом этой информации посол перенес отъезд на несколько часов раньше. Весь персонал посольства благополучно вылетел из Конго.

Так завершился трехлетний этап работы советской внешней разведки в условиях Конголезского кризиса 1960–1963 годов. Вскоре после выдворения советского посольства из Конго Мобуту совершил новый военный переворот и установил на долгие годы режим единоличной военной диктатуры.

---

[1] **Les complots de la CIA.** – P., 1976 (ed. Stock). – P. 147. Цит. по: **Заговоры ЦРУ.** – М.: Международные отношения, 1979.

[2] **Там же.** – С. 110.

[3] **Там же.** – С. 115–116.

[4] **Там же.** – С. 130.

38

Человек из ИНФО

Один из ветеранов информационно-аналитической службы вспоминал, как в начале шестидесятых годов впервые очутился в стенах этого подразделения внешней разведки:

– В небольшом кабинете на седьмом этаже известного здания на Лубянке меня принимал руководитель службы Филипп Артемьевич Скрягин. Перед ним лежало дело, из которого было ясно, какой путь я прошел, какие характеристики, весьма противоречивые, давало мне начальство журналистского ведомства. В первой, полученной от недолюбливавшего меня главного редактора отдела, подчеркивалась строптивость, во второй, составленной при новом шефе, говорилось об аналитических задатках, интересе к зарубежной тематике, неплохом знании языка, премиях за журналистику, поощрениях министерства культуры и руководства моего ведомства.

Кадровиков с Лубянки такая разноголосица немало удивляла, но Скрягину, видимо, ее причины, в силу жизненного опыта, были понятны. Взгляд его внимательных глаз был доброжелателен. Вопросы задавал только по существу. Узнав о моем окладе, вздохнул, поправил каким-то домашним движением подтяжки (пиджак висел на спинке стула), предупредил: «У нас вы потеряете примерно треть зарплаты, но через полгода нагоните». Мне это не слишком улыбалось. Видимо, он прочел это по выражению лица и, улыбнувшись, добавил: «Но мне бы хотелось, чтобы вы работали у нас». Эта фраза решила дело. Она сказана была просто и искренне и говорила о собеседнике главное: он не кривил душой, был надежен, вызывал доверие.

Тогда, конечно, я не предполагал, насколько сложной будет моя работа, какую ответственность несет информационная служба, которую попросту называли ИНФО. К ней не у всех было одинаковое отношение. Некоторые считали службу чем-то вроде «отстойника» для тех, кому не повезло в «поле», на оперативной работе. Другие не очень доброжелательно смотрели на «умников», которые брали на

себя смелость оценивать и направлять «наверх» информацию, которую для них получали с риском для себя и источников их коллеги за рубежом. Им казалось, что истинную цену разведданным могут знать только те, кто их сам добывает. Скептики имелись на многих уровнях. При этом им нельзя было отказать в опыте. Кроме всего в течение многих десятилетий именно на их долю выпадало судить о ценности информации и самим определять, какое именно агентурное сообщение следует направлять руководству СССР, а какое – нет.

Мы привели мнение человека, который впоследствии занял весьма высокое положение в службе, чтобы дать почувствовать, в какой обстановке работала после Отечественной войны служба ИНФО.

В первые послевоенные годы на разведывательные службы, их информационные центры, на систему государственной безопасности в целом обрушилась волна реорганизаций, маломотивированных слияний и новых разделений с другими ведомствами. Не будем отслеживать этот процесс день за днем. Отметим лишь, что в 1947 году на базе внешней и военной разведки был создан Комитет информации при Совете Министров СССР. В его состав влилась и служба ИНФО. В 1949 году Комитет информации прикомандировали к МИД СССР, а большую часть сотрудников из его состава возвратили в министерство обороны. В январе 1952 года личный состав Комитета разделили между МИД и МГБ. А в первой половине 1953 года Информационное управление МГБ преобразовали в отдел и существенно сократили. От 170 тогдашних работников оставили лишь 12 информационных специалистов, 12 переводчиков, секретариат и руководство – всего 30 человек. Их окрестили Отделом переводов и обработки информации.

Начальником отдела являлся бывший начальник Информационного управления С.П. Новоселов. Его заместителем стал Ф.А. Скрягин, ранее работавший офицером ГРУ. В апреле 1954 года пост начальника ИНФО занял Ф.А. Скрягин.

Трудно представить, как 12 информационных работников могли обрабатывать всю информацию, да еще следить по открытым данным за положением в капиталистическом мире. Хотя руководство отдела и разведки (а во главе Первого главного управления тогда находились столь опытные люди, как А.С. Панюшкин, ранее возглавлявший посольство СССР и резидентуру в Китае, а затем ПГУ возглавил А.М. Сахаровский) делало все, чтобы Информационная служба не давала сбоев. Службе № 1, как именовали тогда ИНФО, приходилось работать в крайне напряженном режиме. Это не могло не сказываться на качестве подачи разведывательных данных. То, что такое положение нельзя сохранять долгое время, было очевидным и для рядовых работников, и для тех, кто ими руководил. Как отмечал Ф.А. Скрягин позже в обзоре работы Службы № 1 за 1952–1954 годы «определенная часть трудностей, слабостей и недостатков в работе информаци-

онного подразделения ПГУ в тот период явилась следствием отрицательного влияния на нее элементов субъективизма и волюнтаристских решений отдельных лиц, возглавлявших некоторое время органы госбезопасности СССР».

Все это происходило в тот момент, когда на Западе и Востоке формировались основные блоки – НАТО, СЕНТО, СЕАТО, по периметру советских границ множились военные базы, в том числе оснащенные ядерным оружием и средствами доставки.

Достаточно мощный агентурный аппарат снабжал внешнюю разведку сведениями о планах и сценариях атомного нападения на СССР, о подрывных действиях против союзных с СССР государств, о политических намерениях США и других западных стран в отношении «отбрасывания коммунизма» и иных фаз развития холодной войны, угрожавшей перерасти в региональные и более широкие конфликты.

Расширение круга источников потребовало от информационной службы тщательного анализа полученных сведений, выделения среди них наиболее актуальных и достоверных, отсеивания сомнительных данных и выявления дезинформации. Так было с доложенными высшему руководству сведениями о намерениях ряда стран Запада развязать войну против СССР в ближайшее время (1954 г.). Лишь на совместном совещании удалось опровергнуть опасную фальшивку. Подобные «изделия» могли поступать либо от авантюрного склада источников, либо от подстав спецслужб противника. Порой изготавливались они довольно искусно, как было с «фотокопиями» якобы подлинных документов Ватикана. Однако фактологическая и языковая экспертиза помогла восстановить истину. Нечего и говорить, насколько полезной для оперативного состава оказывалась такая работа, помогавшая освободить разведывательную сеть от подстав противника и просто фальсификаторов, стремившихся заработать деньги на обмане разведчиков.

На обобщение опыта службы, приближение всего коллектива разведчиков к пониманию тонкостей информационной работы Ф.А. Скрягин не жалел времени. Усилиями работников службы были подготовлены и изданы учебные пособия «Информационная работа в разведке» и ряд других материалов. Другой его заботой было создание надежного, профессионально подготовленного костяка отдела. Но решающим в создании слаженного, дружного и очень боеспособного звена внешней разведки, каким становилась служба ИНФО в тот сложный момент, был личный пример ее руководителя.

В работе для него не существовало мелочей. Он отрабатывал документы, стремясь добиться полной ясности и достоверности, не подделываясь под ту или иную конъюнктуру. Когда это требовалось, он мог работать с исполнителями всю ночь, выполняя то или иное важное задание руководства. Не терпел двуличия и приспособленчества,

подхалимов, разгильдяев, интриганов. Сам вел себя в высшей мере корректно, делая замечания по существу, избегая задевать человеческое достоинство. Будучи требовательным, не переносил грубости. Одного неплохого, но несдержанного работника как-то предупредил: «Если вы не умерите свой тон, тогда мы применим в отношении вас административные меры».

Черты его характера отражали жизненный опыт, нелегкую биографию. Он родился в 1910 году в Переяславе-Хмельницком, недалеко от Киева, в крестьянской семье, с детства ему пришлось совмещать работу и учебу. В двадцать с небольшим лет он стал следователем, окончил курсы юстиции в Киеве. Затем прошел службу в кавалерии, а после демобилизации, в 1934 году, поступил в военную прокуратуру. Был направлен военным юристом в 57-й особый корпус в Монголию. В боях на Халхин-Голе проявил большое личное мужество и получил первую боевую награду – медаль «За отвагу».

Во время Великой Отечественной войны был военным прокурором 150-й дивизии добровольцев-сибиряков, участвовавшей в боях на Калининском фронте, откуда в марте 1945 года был отозван в Москву и откомандирован в Разведывательное управление Генштаба Советской Армии. Здесь ему пришлось работать с немецкими военнопленными высокого ранга, в частности с командующим обороной Берлина генералом артиллерии Вейдлингом, начальником личной охраны Гитлера генерал-лейтенантом Райтелем, командиром одной из гитлеровских дивизий генерал-лейтенантом Беме. Руководимый им отдел добыл важные сведения о работе немцев над ракетами ФАУ-1 и ФАУ-2, о последних днях Гитлера, о перспективах диверсионной деятельности нацистов на освобожденных Советской Армией территориях Германии.

Военная служба, фронтовой опыт, работа с важной информацией заложили тот фундамент, который помог Ф.А. Скрягину в дальнейшей работе, в тяжелейшей обстановке международных кризисов, через которые он провел Службу информации – берлинский, венгерский, карибский... Особенно сложным был последний, чреватый атомной войной. В этот период руководство ИНФО и основные исполнители работали круглосуточно. Было исключительно важно сохранять выдержку, улавливать в потоке информации главное зерно, своевременно и без перекосов докладывать ее советскому руководству, чтобы оно могло в кратчайшие сроки принимать взвешенные решения. Внешне Ф.А. Скрягин был и в эти дни спокоен, собран, казался бесстрастным, хотя на его плечах лежал самый ответственный груз. Офицер, который дежурил с ним в самый нервный, заключительный день Карибского кризиса – 28 октября 1962 г., рассказывает:

– Только в начале вечера, когда радио стало передавать выступление Н.С. Хрущева в ответ на условия Кеннеди, стало ясно, что войны удалось избежать.

– Ну, кажется, Филипп Артемьевич, сия чаша нас миновала.

– Да, – ответил начальник Информационной службы разведки, – но ценой каких престижных уступок...»

В его высказывании чувствовалась горечь по поводу ситуации, в которую СССР был вовлечен, а также опасения относительно будущих наскоков на нашу страну со стороны Соединенных Штатов. К счастью, американская сторона, ее президент Кеннеди сделали тогда разумные выводы в отношении пределов своих имперских претензий к Кубе и начали искать пути смягчения международной напряженности.

К тому времени удалось преодолеть ограничения штатов ИНФО, и в сентябре 1962 года отдел был преобразован приказом КГБ в Информационную службу. В этом большую роль сыграла конструктивная позиция начальников Главка А.С. Панюшкина и А.М. Сахаровского. «Во многом благодаря им, – писал Ф.А. Скрягин, – в центральном аппарате и в резидентурах резко изменилось к лучшему отношение руководящего и оперативного состава к информационно-аналитической работе в разведке, а также к сотрудникам информационного подразделения, отдававшим этому делу все свои знания и способности».

Природный ум, чувство долга, проницательность – все эти качества сыграли свою роль в том, что разведка обрела в лице начальника Информационной службы достойного ее организатора, заслужившего высокий авторитет коллег. «Способный, инициативный, обязательный, – сказал о нем начальник разведки А.М. Сахаровский. – Филипп Артемьевич очень ответственно подходил к оценке и обработке материалов. Спокойно и уверенно занимался решением порученных вопросов. Был требователен, но не шумлив. Умело выращивал людей. Постоянно находил новые формы и направления в работе, щедро делился своим опытом с другими. Внимательно выслушивал чужие мнения, настойчиво отстаивал свое, но это не было упрямством».

Беспощадная самоотдача в работе, постоянное переутомление сказались на здоровье. В октябре 1963 года Филипп Артемьевич оказался в госпитале. Перед новым годом ему сделали сложнейшую операцию. Сам он признавался друзьям, что не надеялся на благополучный исход. Но хирурги совершили невозможное. В период выздоровления его посещали многие из тех, кого он, по его словам, не ожидал увидеть у своего изголовья. «Тогда я многое передумал и спрашивал себя, не был ли я слишком сух по отношению к людям, которые проявили ко мне столько теплоты и сердечности».

С сентября 1964 года Ф.А. Скрягин вернулся в строй и стал работать консультантом при начальнике ПГУ. Сотрудники Службы № 1 направили ему приветственный адрес, в котором говорилось: «Мы уверены, дорогой Филипп Артемьевич, что большой опыт, накопленный Вами в работе в нашем коллективе, глубокое знание современ-

ных международных проблем будут приносить большую пользу и на новом участке Вашей работы».

На руководящих должностях в разведке генерал-майор Ф.А. Скрягин плодотворно работал до октября 1978 года. Своим преемникам он оставил слаженный, работоспособный коллектив, в котором его помнят до сих пор (скончался Филипп Артемьевич в 1984 г.)

Отвечая однажды на вопросы анкеты, он сказал, что никогда не жалел, что его жизнь сложилась так, а не иначе. Вот некоторые его ответы, которые характеризуют кредо этого достойного человека:

– Чем вы больше всего дорожите в жизни?

– Совестью.

– Что вы больше всего цените в людях?

– Порядочность.

– Какое событие было для вас самым дорогим?

– День Победы в мае 1945 года. Радостными для меня также были дни, когда я заканчивал какую-нибудь работу, я переживал это как праздник.

– Какое главное качество вы цените в людях?

– Любовь к своему делу. Собранность, дисциплину.

– В начальнике?

– Объективное, честное отношение к кадрам, профессионализм, знание дела.

Таков был человек, благодаря которому удалось укрепить важное подразделение внешней разведки, придать ему современный вид, а позже подготовить его преобразование в пользующееся всеобщим авторитетом в разведке Управление разведывательной информации СВР.

39

Оперативная техника в разведке

Оперативная техника – это боевое оружие разведчика, которое значительно расширяет его человеческие возможности, позволяет лучше слышать, дальше и глубже видеть, быстрее и безопаснее работать.

Оперативно-технические средства появились, скорее всего, одновременно с самой разведкой и вместе с ней развивались, впитывая в себя все лучшее, что давала наука и техника. Разведка – это тайная форма борьбы, а обеспечить ее тайный характер могут только люди, вооруженные передовыми техническими достижениями, средствами и методами, которые помогают скрыть эту борьбу, сделать ее невидимой, как бы несуществующей.

Вероятно, первая потребность в средствах оперативной техники возникла для того, чтобы скрыть содержание пересылаемой информации от прочтения ее посторонними лицами, сделать текст невидимым или замаскировать его в предметы окружающей обстановки, личные вещи, уменьшить его объем, размеры.

При пересылке секретных сведений по почте или специальными курьерами первым шагом к решению этой проблемы было использование шифра. При этом ключ к расшифровке переписки в большинстве случаев не записывался, его заучивали наизусть. Даже царь Алексей Михайлович в личной переписке пользовался шифром, который называли «тарабарской грамотой».

Особое место среди средств, позволяющих скрыть наличие секретного донесения, занимает тайнопись. Еще в древности использовались органические соли и вещества для нанесения невидимых сообщений. Посланник России в Швеции князь Андрей Хилков пересылал письма, исполненные тайнописью, лично для Петра I. Чтобы предотвратить попадание секретных материалов к турецким властям, посланник И.П. Игнатьев направлял их из Турции в Москву, упако-

вав не в специальные пакеты с сургучными печатями, а в обычные грошовые конверты в коробках вместе с мылом и селедкой. Для нанесения секретных сообщений появились так называемые симпатические чернила. Чтобы сохранить в секрете рецепт чернил, при их перевозке и хранении применялись различные хитрости. Известно, что они перевозились в бутылочке, запеченной в пироге, во флаконе с духами, в куске мыла и т.п. Иногда ими пропитывались личные вещи – носовой платок, галстук, носки.

В любой стране широко распространены почта, телефон и телеграф, поэтому разведчики всегда стремились использовать эти виды связи для своих целей. Однако, учитывая, что все они могут находиться под контролем спецслужб, пользовались ими только с соблюдением строгих правил безопасности.

Различные оперативно-технические средства и методы занимают достойное место среди всех направлений работы разведки, но оперативная техника как таковая стала поступать на вооружение только с появлением фото-, кино- и радиоаппаратуры. Использование фотоаппаратуры сняло многие острые вопросы в работе по добыванию документальной информации.

Для обеспечения безопасности в работе с агентами, добывающими документальную информацию, а также для обработки полученных от них материалов иногда создавались конспиративные пункты, где производилось вскрытие пакетов, фотографирование и другие операции. В таких пунктах разведчики просматривали доставленные агентом материалы и снимали копии с тех, которые представляли интерес. Все это делалось, пока агент, принесший материалы, обедал или занимался другими делами.

Обеспечить быструю и своевременную доставку разведывательных материалов в Центр может только радиосвязь. Нашей разведке только в конце 30-х годов удалось организовать прямую двустороннюю радиосвязь Центра с нелегальными резидентурами и агентами в ряде основных стран. Особое положение, сложившееся на Дальнем Востоке в те годы, требовало в полной мере использовать те преимущества, которые давала дальняя радиосвязь, как для получения информации о событиях в регионе, так и для управления деятельностью подразделений разведки со стороны Центра.

Говоря о радиосвязи в разведке, нельзя не сказать о Рихарде Зорге, разведывательная группа которого в течение восьми лет использовала нелегально работающую радиостанцию в такой технически развитой стране, как Япония, и не была запеленгована. За период с 1939-го по октябрь 1941 года было проведено более 140 сеансов радиосвязи. Это могло быть обеспечено только при неукоснительном соблюдении разработанных лично Зорге строжайших мер конспирации, которые исполнялись как закон всеми членами его группы. Используемый радиопередатчик был таким образом подобран и на-

строен, что надежно перекрывал расстояние от Токио до Владивостока, где принимались радиограммы, имел оптимальную для этого расстояния мощность и направленность излучения.

Уже во время Великой Отечественной войны для внешней разведки по линии оперативной техники стала выдвигаться еще одна серьезная проблема. Речь идет об установке иностранными специалистами техники подслушивания в наших представительствах за границей, в том числе и в помещениях резидентур. Возможность получать секретную информацию из помещения, находясь вдалеке от него, для разведки и контрразведки долго оставалась несбыточной мечтой. И вот эта мечта стала реальностью вследствие развития радиотехники и создания передающих устройств, которые могут быть скрытно установлены в контролируемом помещении. В своем докладе руководству разведки в сентябре 1944 года резидент в одной из развитых западных стран отмечал, что в вопросах конспирации в работе резидентуры были допущены непростительные ошибки, что позволило спецслужбам установить аппаратуру подслушивания в помещениях, где проводились служебные совещания, и привело к утечке важной оперативной информации. Центр получил также данные о том, что аппаратура подслушивания была установлена и в других советских учреждениях в этой стране. Это стало возможным потому, что в то время охрана наших зданий за границей была поставлена плохо. Среди обслуживающего персонала из местных граждан было много агентов контрразведывательных служб. Ремонтные работы внутри здания и на территории учреждений зачастую проводились иностранными специалистами без всякого контроля за их работой. Непосредственно в служебных помещениях, даже таких, как кабинеты послов, советников, устанавливались городские телефоны, а для их ремонта приглашались специалисты местных фирм.

Активные поисковые мероприятия, проводимые в зданиях советских представительств за границей, нейтрализовали возможность спецслужб использовать телефонные аппараты в качестве подслушивающих устройств, а вскоре появились отечественные устройства, позволяющие защитить телефонные аппараты от подслушивания. В последующие годы было выявлено значительное количество средств подслушивания, работающих с использованием проводных линий. Такие средства внедрялись спецслужбами при строительстве нами новых официальных представительств, а также при ремонте или реконструкции зданий.

В 1956–1957 годах микрофоны для подслушивания были обнаружены в советских учреждениях в целом ряде стран Европы и Ближнего Востока. Общее количество изъятых микрофонов в этот период достигло 40 штук, и найдены они были в важнейших помещениях – в кабинетах послов, резидентов, референтурах, военных атташатах.

Во второй половине 50-х годов все большее распространение стали получать радиопередающие средства подслушивания с автономными источниками электропитания или с питанием от электросети. Один из первых радиопередатчиков подслушивания был обнаружен в 1955 году на квартире советского сотрудника международной организации. В 1959 году радиосредства подслушивания найдены и в советских учреждениях за рубежом, а в 1960 году – даже в резиденции советского посла.

Подводя итоги поисковых мероприятий, проведенных в 50–60-х годах, следует отметить, что в советских представительствах в капиталистических странах в общей сложности было выявлено 169 различных образцов спецтехники, из них 112 телефонных аппаратов, 45 проводных микрофонных систем, 9 радиомикрофонных закладок и 3 автомобильных радиосигнализатора. Нейтрализация такого количества технических средств подслушивания в наших учреждениях за границей нанесла серьезный удар по планам иностранных спецслужб установить тотальный контроль за советскими учреждениями и гражданами за границей. Нельзя не отметить, что техническая вооруженность специалистов-поисковиков в те годы была достаточно скромной, поэтому основные результаты были достигнуты благодаря их опыту и мастерству.

В первые послевоенные годы наша отечественная промышленность, к сожалению, не имела каких-либо серьезных достижений в тех областях науки и техники, которые являлись базовыми для создания новых средств оперативной техники. Оперативно-технические мероприятия носили эпизодический характер. Но уже в 50-е годы оперативно-техническое обеспечение загранаппаратов внешней разведки стало заметно улучшаться. Появились малогабаритные магнитофоны, средства радиосвязи на небольшие расстояния, высокостойкие рецепты тайнописи, новые типы контейнеров, фототехника. Если в целом вооруженность разведки оперативно-техническими средствами в те годы оставляла желать лучшего, то по некоторым направлениям ее использования было разработано немало весьма оригинальных технических решений.

Средства фотографии в первую очередь должны были обеспечить копирование документальной информации, поступающей от источников информации и добываемой оперативным путем. Только к концу 50-х годов на смену немецкому аппарату «Лейка» пришла отечественная специальная фотоаппаратура.

Для обеспечения конспиративной связи с агентами стала применяться микрофотография. В практике работы резидентур отмечались случаи, когда микрофотография была единственным средством поддержания оперативной связи между разведчиком и агентом. Так, советский разведчик-нелегал, выведенный в одну из крупных западноевропейских стран, в первые же дни легализации попал под подо-

зрение местных спецслужб. Следовало срочно известить его о возникшей опасности. В создавшейся обстановке связь с Центром по радио, а также с помощью тайников или другими способами исключалась. Оставался единственно возможный путь – передать сообщение разведчику с использованием микроточки.

Благополучно пройдя почтовый канал, сообщение было своевременно получено разведчиком, и тем самым удалось предотвратить крайне нежелательное для него развитие событий.

Тайнопись в силу простоты нанесения быстро завоевала популярность как у разведчиков, так и у агентов. Тем более что отечественные специалисты всегда были на высоте в вопросах разработки химических веществ, на основе которых изготавливались самые стойкие рецепты тайнописи.

Наряду с шифрами, кодами и тайнописью, одно из самых древних технических средств разведки – контейнеры – в эти годы получило еще один толчок к развитию и совершенствованию. Обстоятельства требовали, чтобы процесс передачи и хранения разведывательных и оперативных материалов проводился более безопасно и оперативно. Во многих случаях это могло быть сделано с помощью контейнеров, хотя в работе с контейнерами есть не только сильные, но и слабые стороны.

Одному агенту-связнику передали описание тайника, расположенного в европейской столице, – схему дорог вблизи тайника. В описании указывалось, что к тайнику можно пройти по одной из тропинок, отходящих от основной дороги, до того места, где растут три куста. Под средним кустом и был заложен контейнер. Однако по этой схеме связник не смог найти контейнер. Затребовали его новое описание и убедились, что оно дано неточно: в указанном месте была не одна тропинка, а несколько, причем одинаковых. Стало ясно, что ошибка допущена в выборе опознавательного знака.

В одном из парков был подобран тайник в стороне от пешеходной дорожки под деревом, среди его корней. Летом этим тайником пользовались успешно, но с наступлением зимы после первого снегопада использовать его стало невозможно: оставались следы, которые могли расшифровать тайник.

Успех тайниковой операции во многом определяется типом контейнера, качеством изготовления, прочностью, а также тем, насколько естественно он вписывался в подобранное для него место закладки и окружающую обстановку.

Разработка и поступление на вооружение разведки радиоэлектронных средств оперативной техники в послевоенные годы проходили не в той степени, как этого требовали условия работы. Но по мере их освоения они демонстрировали свою необходимость, и положение стало выправляться. Уже в 1955 году появились первые образцы средств ближней радиосвязи.

В эти же годы был разработан и первый портативный звукозаписывающий аппарат для негласной записи беседы в течение полутора часов на проволочный звуконоситель. Он имел объем небольшой книги и мог располагаться в кармане оператора.

Как следует из приведенных фактов, оперативно-техническая база внешней разведки в эти годы находилась в процессе становления, специальная аппаратура оперативного назначения имела недостаточно высокие характеристики, но за счет профессионального мастерства оперативно-технических сотрудников и стремления разведчиков работать с техникой были достигнуты весьма неплохие результаты в решении разведывательных задач с использованием средств оперативной техники.

40

В семье дружественных разведок (1950–1965 гг.)

В соответствии с поручением Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Министров Союза ССР (апрель 1950 г.) советские послы в Будапеште, Бухаресте, Варшаве, Праге, Софии и Тиране не только официально уведомили первых руководителей стран народной демократии о прекращении Советским Союзом разведывательной деятельности в Центральной и Восточной Европе, но и высказали пожелание советской стороны установить сотрудничество между органами государственной безопасности наших государств, в состав которых входили разведывательные службы. В считанные недели были достигнуты договоренности о направлении в Москву ответственных работников этих ведомств для проведения переговоров и согласования практических вопросов взаимодействия.

В течение мая – июня 1950 года в Москве прошла серия двусторонних встреч с партнерами из Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии, по итогам которых были заключены соответствующие соглашения. В них особо отмечалось, что взаимодействие спецорганов является составной частью межгосударственных отношений Советского Союза со странами народной демократии, а его основная цель – борьба против общего главного противника, которым единодушно признавались спецслужбы США и их партнеров по НАТО.

Во исполнение постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Министров Союза ССР в столицах стран Восточной Европы, за исключением Югославии, были открыты представительства Комитета информации СССР (так в то время именовалась наша внешняя разведка). Они наделялись следующими функциями:

– обмен разведывательными сведениями по вопросам, представляющим взаимный интерес;

– согласование предложений по проведению совместных разведывательных мероприятий;

– оказание необходимой помощи в повседневной оперативной работе органам внешней разведки.

В ноябре 1951 года Комитет информации был упразднен, а в рамках Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР было воссоздано Первое главное управление (ПГУ), которому поручалось ведение агентурной разведки в зарубежных странах. В соответствующем постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) и СМ СССР подчеркивалось, что на ПГУ также возлагается в качестве одной из приоритетных задач «усиление помощи органам госбезопасности стран народной демократии». К июню 1952 года зарубежные представительства Комитета информации влились в аппараты старших советников МГБ СССР при службах безопасности. Эти аппараты были учреждены решением директивных органов от 27 февраля 1949 года в целях «более тесной координации усилий МГБ СССР с органами безопасности стран народной демократии в обстановке холодной войны».

В зарубежной литературе по истории советской внешней разведки, а в последние годы, к сожалению, и в некоторых отечественных изданиях утверждается, будто представители спецорганов СССР «творили в странах Восточной Европы произвол и действовали практически бесконтрольно». Однако архивные документы и непредвзятое изучение опыта наших отношений с друзьями опровергают это. Достаточно ознакомиться хотя бы с основными нормативными актами, регулировавшими указанные вопросы, например с Положением об аппаратах советников Министерства государственной безопасности СССР при органах безопасности в странах народной демократии и Наставлением для советников Министерства государственной безопасности СССР при органах безопасности в странах народной демократии. Оба эти документа были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б) и Советом Министров СССР 22 октября 1951 года и неукоснительно выполнялись, а нарушения и отступления от них наказывались. В недвусмысленных формулировках в них фиксировалась «ответственность советников перед Партией и Правительством» за «умелое и полное использование всех возможностей по укреплению органов безопасности» друзей и за «направление их усилий на решение задач, связанных с охраной интересов демократического лагеря». При выполнении своих обязанностей советникам предписывалось исходить из местных условий и не допускать «механического копирования форм и методов работы органов государственной безопасности СССР». Им категорически запрещалось «давать советы и рекомендации по проблемам, не имеющим отношения к оперативной деятельности», иными словами, вмешиваться во внутренние дела и «официально высказываться по вопросам внутренней и внешней политики стран пребывания».

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 года повлекла за собой существенные изменения во всех областях жизни в нашей стране. В частно-

сти, был творчески переработан накопленный опыт в области сотрудничества с органами безопасности стран социалистического содружества и намечены совместно с ними новые ориентиры взаимодействия. Результаты этой работы были зафиксированы в решении ЦК КПСС «О мерах по усилению разведывательной и контрразведывательной работы за границей» от 30 июня 1954 года. В качестве главной задачи определялось обеспечение дальнейшего объединения усилий в борьбе против общего главного противника. Важным мероприятием по реализации новых установок и планов постсталинского периода стало состоявшееся в марте 1955 года в Москве совещание руководителей органов безопасности европейских государств народной демократии. Оно помогло оживить работу, улучшить деятельность советнических аппаратов, усилить принцип товарищеской солидарности и взаимовыгодности сотрудничества, упростить двусторонние и многосторонние межведомственные контакты.

В последующие годы благотворное воздействие решений упомянутого совещания стало все отчетливее сказываться в работе с друзьями в области безвозмездной подготовки для них квалифицированных кадров, обеспечении их специальной техникой. Развивался и расширялся информационный обмен, при этом наша разведка не только передавала, но уже и получала солидные по значимости и количеству информационные материалы от своих восточноевропейских коллег.

После кропотливого изучения и анализа накопленного опыта и конкретизации перечня вопросов, относящихся к взаимодействию разведок по каждой стране в отдельности, аппараты старших советников МГБ СССР (с 1954 г. – Комитета государственной безопасности (КГБ) при СМ СССР) были в течение 1957–1958 годов преобразованы в аппараты старших консультантов КГБ. Это была не просто смена вывески, а перевод нашей работы с друзьями в новое качество. За послевоенные годы они в основном завершили становление своих разведок и приобрели опыт и навыки ведения самостоятельной работы. Теперь друзья больше не нуждались в советах, а лишь в консультациях, да и то только в случае ясно выраженных ими пожеланий. Центр тяжести в деятельности аппаратов старших консультантов постепенно переносился на поддержание полностью равноправных контактов, координацию совместных усилий в строго определенных сферах, а также на контроль за выполнением советской стороной двусторонних и многосторонних соглашений и взаимных договоренностей. В течение следующих пяти лет и эта задача в целом была решена. Поэтому в 1962 году Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли решение о преобразовании аппаратов старших консультантов в представительства КГБ СССР при органах безопасности стран социалистического содружества. Юридическую основу взаимодействия с друзьями, как и раньше, составляли двусторонние межведомствен-

ные соглашения, которые совершенствовались по мере возникновения необходимости. Значительно изменилась и Инструкция для сотрудников представительств. Она корректировалась по представлению руководства ПГУ и КГБ СССР высшими партийно-государственными инстанциями СССР в плане более строгого соблюдения суверенности разведок.

Сотрудничество становилось все более равноправным и взаимовыгодным. Наиболее плодотворным оно было в политической и научно-технической сферах. Разведки социалистических стран с течением времени оказывали нашей внешней разведке ощутимую помощь, не только передавая важную информацию, но и содействуя реализации оперативных мероприятий комплексного характера.

Позднее в одном из решений коллегии КГБ СССР отмечалось, что взаимодействие с разведками европейских друзей и союзников Советского Союза «является по-прежнему важным фактором в решении задач по обеспечению государственной безопасности СССР и стран социалистического содружества». Предлагалось и в дальнейшем «исходить из характера сложившихся с ними отношений и степени их готовности к углублению взаимодействия, учитывать их государственные интересы и подавать пример безупречного выполнения взаимных обязательств по соглашениям и совместным планам».

Многочисленные факты свидетельствуют о внимательном, терпеливом и тактичном отношении советских разведчиков к своим восточноевропейским коллегам, об учете их пожеланий и нужд. Можно проиллюстрировать это хотя бы на примерах взаимодействия со спецорганами Югославии и Румынии.

После разрыва отношений между Советским Союзом и Югославией в 1948 году первой предприняла шаги к возобновлению контактов югославская сторона. В феврале 1964 года в Москве была принята югославская делегация во главе с членом ЦК Союза коммунистов Югославии (СКЮ), председателем Комитета по вопросам внутренней политики Союзного исполнительного вече (правительства) СФРЮ С. Стефановичем. В ходе переговоров по широкому кругу вопросов он, в частности, заявил, что органы безопасности его страны готовы «передавать советской внешней разведке достоверную информацию по наиболее важным политическим, международным и военно-экономическим проблемам, представляющим интерес для СССР». В целях практического осуществления такого обмена югославы просили руководство советской внешней разведки направить в Белград своего офицера связи. Такой сотрудник был командирован и исполнял возложенные на него обязанности до конца 1966 года.

На IV пленуме ЦК СКЮ в июне 1966 года острой критике за «просоветские симпатии» подверглась группа вице-президента СФРЮ А. Ранковича, а отдельные работники югославских спецорганов, по утверждению зарубежной прессы, были обвинены в поддержании «слиш-

ком тесных контактов с КГБ СССР». В ноябре 1966 года по требованию югославов отношения между разведками обеих стран были прерваны. Однако уже в декабре 1967 года союзный секретарь по внутренним делам СФРЮ Р. Стиячич во время визита в Москву затронул в беседе с председателем КГБ СССР вопрос о «возможности возобновления сотрудничества между органами безопасности СФРЮ и СССР, которое могло бы развиваться по вопросам обеспечения безопасности обеих стран, обмена опытом применения оперативной техники, совершенствования методов борьбы с общим противником». Поскольку югославы в дальнейшем не выразили готовности предпринять практические шаги по реализации данного пожелания, оно было оставлено советской стороной без последствий.

Взаимодействие с разведывательным органом Румынии осуществлялось в достаточно большом объеме с 1950 года. В соответствии с межведомственным соглашением советская сторона оказывала румынским спецслужбам всестороннюю помощь в подготовке кадров и организации разведывательной деятельности. Первую группу наших консультантов, прибывших в Бухарест в начале 1950 года, возглавлял А.М. Сахаровский, занимавший позднее в течение многих лет пост руководителя советской внешней разведки.

Сотрудничество с румынскими друзьями, надо признать, проходило не всегда гладко, имело свои подъемы и спады, обусловленные, как правило, особой позицией румынского руководства по ряду внутренних и международных проблем, по вопросу о роли и месте Румынии в социалистическом содружестве. В августе 1965 года окружение Н. Чаушеску пожелало прекратить сотрудничество между органами безопасности обеих стран, в том числе и между внешними разведками. С тех пор вплоть до падения режима Н. Чаушеску ни одна из сторон не поднимала вопроса о возобновлении контактов.

Непросто складывались и развивались также наши отношения с венгерскими друзьями. В 1953 году венгерское партийно-государственное руководство осуществило слияние управления госбезопасности, в состав которого входила молодая разведслужба, с МВД Венгерской Народной Республики, что ослабило внешнюю разведку, так как около половины ее сотрудников было переведено в другие подразделения единого МВД для их усиления. И тем не менее с помощью советских советников и консультантов к 1956 году в основном завершилось становление венгерской разведки, усилия которой уже начали приносить положительные результаты. В соответствии с рекомендациями совещания руководителей органов госбезопасности социалистических стран, состоявшегося в Москве в 1955 году, основное внимание венгерских коллег было сосредоточено на противодействии спецслужбам США, Англии, Западной Германии и Австрии. Именно от них в тот период исходила серьезная угроза социалисти-

ческому режиму – хотя бы потому, что они активно использовали в своих интересах почти два миллиона венгерских эмигрантов.

Как известно, правящие круги США и других стран Запада после создания НАТО перешли от политики «сдерживания» к активному курсу на «отбрасывание коммунизма» и «освобождение стран Восточной Европы из-под советского гнета». В реализации этих планов западные разведки уделяли пристальное внимание «борьбе за Венгрию». На практике это означало широкомасштабную и тщательно спланированную деятельность по провоцированию ухудшения венгеро-советских отношений, формированию в Венгрии единого блока антиправительственных сил.

По данным венгерской и советской разведок, для достижения указанных целей американцами были созданы на территории соседних западных стран специальные разведывательные центры. В них проходили специальную подготовку завербованные западными разведчиками бывшие жандармы и офицеры хортистской армии. Таких курсантов в этих школах на январь 1955 года насчитывалось 59 человек.

Важная роль в обеспечении разведывательных операций отводилась резидентурам западных разведок, действовавшим под прикрытием дипломатических миссий в Будапеште. Совместными усилиями венгерских и советских разведчиков и контрразведчиков было выявлено на начало 1956 года 44 сотрудника западных спецслужб. Например, под прикрытием посольства США действовали 15 разведчиков, Англии – 7, Франции – 6, Израиля – 5.

Не было недостатка и в сигналах о том, что западные спецслужбы «стремятся создать в стране влиятельную политическую силу, способную отобрать власть у коммунистов». В ноябре 1956 года эти сведения фактически подтвердил директор ЦРУ Аллен Даллес на заседании сенатской комиссии по иностранным делам, заявив, что американская разведка задолго до начала событий содействовала подготовке антиправительственного восстания в Венгрии и сразу же после его начала немедленно направила в Вену и Западный Берлин 20 опытных сотрудников ЦРУ для координации действий своей агентуры по оказанию выгодного для США влияния на развитие ситуации в Венгрии.

Аппарат старшего советника КГБ по своей линии сообщал в Москву подробную информацию о положении в Венгрии, которой с ним охотно делились венгерские коллеги. Там к ней относились должным образом и использовали вместе с другими сведениями, добытыми советской внешней разведкой по всему миру, для информирования М. Ракоши и его соратников.

По мере того как в Венгрии накалялись политические страсти и обострялась борьба между различными группировками в высших эшелонах власти, менялись настроения и в местных спецслужбах.

Все чаще звучала критика, отнюдь не всегда справедливая, в адрес Советского Союза и его политики в отношении Венгрии. Все это, естественно, отрицательно сказывалось на состоянии взаимодействия. В октябре 1956 года советник по разведке отмечал в своем докладе в Центр, что подобные настроения среди венгерских коллег «значительно затрудняют ведение совместной борьбы с действительными врагами народной демократии». И все же, несмотря ни на что, сотрудничество с венгерскими разведчиками, удерживавшимися на позиции дружбы с Советским Союзом, продолжалось. Можно даже отметить интенсификацию обмена сведениями о действиях агентуры западных разведок как на венгерской территории, так и за ее пределами. Так, общими усилиями своевременно был добыт и направлен в адрес высших руководителей обеих стран план Венгерского национального комитета со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Его главная идея заключалась в проведении серии мероприятий по склонению венгерских дипломатов в ряде зарубежных стран к переходу на сторону восставших и захвату ими документов и даже помещений своих посольств. Уже во время вооруженных столкновений на улицах Будапешта были получены материалы о попытках формирования в Австрии батальона из венгерских эмигрантов и его последующей срочной переброски в Венгрию для участия в боях.

После падения власти по решению правительства И. Надя органы госбезопасности ВНР были ликвидированы.

Воссоздание венгерской разведки и восстановление сотрудничества с ней началось сразу после подавления восстания. Уже в конце ноября 1956 года начал функционировать ее центральный аппарат из 30 человек. С нашей помощью в течение 1957 года была налажена нормальная работа большинства представительств венгерской разведки за рубежом. Все последующие годы взаимодействие крепло и развивалось поступательно на равноправной основе с учетом уроков трагических событий 1956 года.

Отличительная черта сотрудничества с внешней разведкой Чехословакии состояла в том, что оно явилось фактически продолжением деловых контактов времен Второй мировой войны и периода судьбоносных событий в этой стране в 1948 году. Ведь первый послевоенный советский резидент в Праге И.А. Чичаев, как известно, плодотворно работал в годы Великой Отечественной войны в Лондоне с руководителями разведки чехословацкого правительства в эмиграции.

23 мая 1950 года в Москве побывала делегация органов госбезопасности Чехословакии. В ходе переговоров было подписано соответствующее советско-чехословацкое межведомственное соглашение. По взаимной договоренности в Праге учреждалось представительство советской внешней разведки при МВД Чехословакии. В его компетенцию входило поддержание связи и оказание всесторонней помощи разведывательному отделу министерства.

В течение 1951 года чехословацкая разведка пережила две основательные кадровые чистки, в результате которых она лишилась примерно 80% своего руководящего и оперативного состава. Но к этим болезненным мероприятиям советские представители не имели никакого отношения. Это были отголоски и последствия тех внутриполитических событий, которые разыгрались в стране в 1948 году.

Наши связи по линии совместной разведывательной деятельности окончательно стабилизировались после 1955 года, когда на них стала благотворно сказываться реализация решений состоявшегося в марте того года в Москве совещания руководителей органов государственной безопасности европейских стран народной демократии. С тех пор и до середины 1960-х годов советские и чехословацкие разведчики действовали рука об руку в сфере совпадающих национальных интересов своих государств. Например, в этот период было совместно выявлено и обезврежено не менее двух десятков агентов западных спецслужб, пресечены или использованы в оперативных целях их вербовочные подходы к почти 300 советским и чехословацким гражданам, разоблачено и выдворено из Чехословакии 12 кадровых сотрудников разведок США и стран Запада. На постоянной основе осуществлялся активный обмен разведывательной информацией, а также опытом проведения оперативных мероприятий по всем направлениям разведывательной деятельности. По отзывам чехословацких друзей, была весьма эффективна помощь советских коллег в области практического применения новейших оперативно-технических средств советского производства. Многие работники чехословацкой разведки овладевали оперативным мастерством или повышали свою профессиональную квалификацию в специализированных учебных заведениях КГБ СССР.

Выше упоминалось о решении ЦК КПСС от 30 июня 1954 года, в соответствии с которым главной задачей взаимодействия с разведками стран народной демократии объявлялось обеспечение дальнейшего объединения их усилий в работе по главному противнику. В полной мере это можно отнести к сотрудничеству с польскими и болгарскими друзьями.

Польским коллегам оказывалась консультативная и советническая помощь в организации и совершенствовании их разведывательных и контрразведывательных органов. Обмен оперативно-политическими данными был достаточно интенсивным.

Взаимодействие с польской разведкой имело еще одну особенность: в нем принимали непосредственное участие не только подразделения центрального аппарата КГБ (в первую очередь, конечно, ПГУ). В совместных операциях на прямые контакты с МВД Польши выходили комитеты госбезопасности наших союзных республик – Украины, Белоруссии и Литвы.

Главным направлением взаимодействия советской и болгарской разведок было избрано по обоюдному согласию сторон совместное противодействие США, а также их союзникам по НАТО – Турции и Греции. Эта установка была одобрена Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии. И результаты не заставили себя долго ждать.

В 1957 году на территории Болгарии были задержаны и обезврежены 14 агентов спецслужб США, Турции и Греции. В том же году сорвано 25 вербовочных подходов к болгарским гражданам (главным образом к туристам) в Австрии, Греции, ФРГ, Франции и Турции. В 1959 году была пресечена враждебная деятельность еще 19 агентов.

После восстановления дипломатических отношений между США и Болгарией в Софии в феврале 1960 года открылась американская дипломатическая миссия. Среди ее 24 сотрудников вскоре были выявлены и взяты под контроль 8 оперативных работников резидентуры ЦРУ.

Постепенно в практику вошло составление годовых планов совместной работы по главному противнику и подведение итогов их выполнения.

Болгарские друзья высоко оценивали нашу помощь в подготовке и повышении квалификации своих кадров. Ежегодно специализированные учебные заведения КГБ СССР принимали на обучение по разведывательным специальностям 20–25 сотрудников болгарских спецслужб.

Минимум два раза в год проводились деловые встречи руководителей органов безопасности обеих стран в Москве и Софии, в ходе которых вносились необходимые коррективы в совместную работу и намечались новые рубежи взаимодействия. Для решения текущих вопросов агентурно-оперативной деятельности поддерживались регулярные контакты на уровне начальников и сотрудников подразделений всех звеньев центральных аппаратов. В необходимых случаях согласование и совместные действия предпринимались загранаппаратами обеих сторон.

Подытожить краткий рассказ о сотрудничестве разведок стран социалистического содружества на начальном этапе холодной войны вполне уместно выдержкой из доклада заместителя председателя КГБ, начальника ПГУ КГБ СССР на одном из последних многосторонних совещаний их руководителей:

«Сотрудничество разведок братских стран в послевоенные годы прошло большой и сложный путь становления и развития, от простых форм обмена информацией до сложных форм взаимодействия по всем основным направлениям оперативной деятельности. Оно стало более глубоким, целеустремленным и взаимополезным. Повысилась его оперативная результативность».

41

Александр Михайлович Сахаровский

Вторая половина 50-х годов XX столетия – время разгара холодной войны. С одной стороны, это активизация созданных по инициативе США военно-политических блоков НАТО, СЕАТО, СЕНТО; кризисные ситуации на Ближнем Востоке в 1956–1967 годах; венгерские события 1956 года, продолжительный Берлинский кризис; Карибский кризис 1962 года; чехословацкие события 1968 года. С другой стороны, в тот же период формировались подходы к разрядке международной напряженности.

Именно в это время, в мае 1956 года, А.М. Сахаровский был назначен начальником Первого главного управления КГБ при СМ СССР (внешняя разведка). На этом посту он проработал более 15 лет.

Он родился 3 сентября 1909 года в деревне Большое Ожогино Палкинского района Костромской губернии, в самой русской «глубинке». Родители – крестьяне. Отец занимался и отхожим промыслом в Костромской губернии, а затем нашел работу на одном из заводов Петербурга.

В октябре 1931 года А.М. Сахаровский был призван в РККА, а через год стал слушателем курсов вечернего отделения Военно-политической академии. В октябре 1933 года по решению Политуправления РККА Сахаровский был направлен в качестве секретаря бюро ВЛКСМ 63-го отдельного строительного батальона в Советскую Гавань Дальневосточного края. Здесь он прошел школу работы с людьми в трудных условиях.

Демобилизовавшись в декабре 1934 года, вернулся в Ленинград. Через год был избран секретарем комитета ВЛКСМ Канонерского судоремонтного завода, а в июне 1935 года переведен в Балтийское государственное морское пароходство, где работал инструктором по воспитанию молодежи.

В феврале 1939 года по партийному набору А.М. Сахаровский был направлен в Ленинградское управление НКВД на должность за-

местителя начальника отделения Водного разведотдела. В 1940 году он почти семь месяцев находился в плавании в качестве помполита пассажирского судна. Побывал в нескольких странах Адриатики. Так началась его оперативная работа.

Ленинградское управление НКВД жило напряженной жизнью. Город ощущал дыхание войны... Только что, в марте 1940 года, закончилась война с Финляндией, но уже в апреле гитлеровские армии захватили Данию и Норвегию. После поражения Франции гитлеровцы ввели войска в Финляндию.

Александр Михайлович в это время возглавлял Первый (разведывательный) отдел УНКВД, созданный накануне войны. Отдел занимался подготовкой разведывательно-диверсионных групп (параллельно с 4-м управлением Центра) и операциями по захвату немецких парашютистов и других диверсантов.

Ветеран внешней разведки, полковник в отставке Борис Яковлевич Наливайко, который работал с Александром Михайловичем в ту пору в Ленинграде, так вспоминал об этом периоде: «Я ушел на фронт добровольно и находился в составе 276-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона. Осенью 1941 года вышел указ Сталина о возвращении студентов пятых курсов ряда технических вузов на учебу. В то время я был студентом Ленинградского кораблестроительного института. С мая 1942 года по направлению райкома комсомола я начал работать оперативным уполномоченным в разведывательном отделе, начальником которого был майор Сахаровский. Когда я решил жениться и доложил об этом Сахаровскому, он расспросил меня, кто моя невеста, поинтересовался, сколько мне лет. Было мне тогда 24 года. «Ну что ж, – сказал Александр Михайлович, – наверное, пора».

Поздравив меня с принятым решением, написал записку начальнику хозяйственного отделения, по которой мне выдали 300 граммов сала, пол-литра водки и 1 кг черных сухарей. Царский подарок к свадьбе!»

Левый берег Невы был передним рубежом обороны Ленинграда. Оттуда организовывались выводы групп под Шлиссельбург, в тыл к немцам. При непосредственном участии Сахаровского было создано и переправлено более 40 разведывательно-диверсионных групп, нанесших оккупантам значительный ущерб в живой силе и технике. Сахаровский выполнял и другие задания, связанные с обороной Ленинграда и прорывом блокады города, взятого в кольцо немецко-фашистскими захватчиками. Александр Михайлович руководил и лично участвовал в операциях по ликвидации действовавших на территории СССР резидентуры СД противника и группы вражеских разведчиков из «Абверкоманды-204».

В 1946 году Александр Михайлович Сахаровский получил назначение в Москву в центральный аппарат МГБ СССР. В 1947–1948 годах

он начальник отдела, а в 1948–1952 годах – заместитель начальника одного из управлений разведки. В этот период он неоднократно выезжал для выполнения специальных заданий в Финляндию и в течение двух лет находился в командировке в Румынии в качестве советника. Руководя подчиненными ему загранточками, он вкладывал в это весь свой жизненный и оперативный опыт.

В характеристике на А.М. Сахаровского, составленной в 1952 году, указано: «...Во время спецкомандировок за границу правильно решал поставленные перед ним задачи, умело руководил агентурой в деле оказания влияния на общественно-политические круги в нужном СССР направлении. Работая советником МГБ СССР при органах безопасности Румынии, тов. Сахаровский оказал значительную помощь в организации работы этих органов. При его непосредственном участии румынскими коллегами вскрыт и ликвидирован ряд резидентур американской и английской разведок, а также сионистских и других подпольных организаций, активно действовавших на территории Румынской Народной Республики».

По возвращении из Румынии в 1952 году Александр Михайлович был назначен на должность заместителя начальника Первого главного управления, а в 1956 году стал начальником внешней разведки КГБ.

В своей книге «Разведка: лица и личности» бывший первый заместитель начальника внешней разведки генерал-лейтенант в отставке В.А. Кирпиченко пишет: «Начальник разведки должен быть в курсе всех более или менее значительных событий, происходящих в мире, и даже предвидеть эти события, чувствовать различные тенденции, давать им оценку и в необходимых случаях предлагать возможные решения возникающих политических проблем. Работа в качестве начальника разведки практически не оставляет времени для личной жизни, как бы ни были высоки организаторские таланты того или иного руководителя».

Эти слова в полной мере относятся и к Александру Михайловичу, проработавшему на посту начальника разведки до середины 1971 года. За время, в течение которого Александр Михайлович являлся руководителем большого коллектива чекистов, в жизни нашей страны, во внешнеполитической обстановке произошли существенные изменения. Значительно возрос объем задач разведки. География ее деятельности расширилась и охватывала весь мир.

Природный ум Александра Михайловича и его талант разведчика, опыт компетентного организатора, умение видеть главное, правильно расставить кадры способствовали решению сложнейших разведывательных задач. Именно при Сахаровском получили активное развитие такие линии работы разведки, как контрразведывательная, научно-техническая, нелегальная.

Ветераны Службы внешней разведки, знавшие Александра Михайловича по совместной работе в ПГУ, так характеризуют начальни-

ка разведки: «Сахаровского отличала внешняя и внутренняя строгость. К людям он относился требовательно, но без мелочной придирчивости. О ветеранах, людях заслуженных, заботился и всячески их поддерживал... Работал Александр Михайлович допоздна, во все старался вникать сам. Говорил он просто, ясно, мысли выражал четко и лаконично, отчего слова его надолго запоминались».

В критических случаях А.М. Сахаровский делал все возможное, чтобы вернуть на родину попавших в беду боевых товарищей. Достаточно вспомнить Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля), Конона Молодого (Лонсдейла), а также ставших впоследствии Героями России супругов Морриса и Леонтину Коэн (Питера и Хелен Крогер).

Сотрудник разведки генерал-майор В.А. Дождалев, принимавший в свое время участие в операциях с К. Молодым, рассказывал: «После ареста последнего я, не зная всей сути дела, пришел в кабинет начальника разведки и взял всю вину за провал на себя. Сахаровский выслушал меня внимательно и заявил, что это вина не моя, причина совсем в другом. После этого меня не только не наказали, а, наоборот, повысили в должности».

Другой ветеран разведки генерал-майор Владимир Павлович Бурдин вспомнил такой случай.

Где-то в 1963–1965 году – а он в то время занимал должность заместителя руководителя Аппарата Уполномоченного КГБ СССР при МГБ ГДР – ему принесли на подпись оперативный документ. Он отказался визировать его, потому что был не согласен и считал мероприятие неправильным. Через некоторое время на стол А.М. Сахаровского легла бумага, в которой были указаны фамилии виновных в провале данной операции, в том числе фамилия В.П. Бурдина.

Увидев эту фамилию, Сахаровский со словами: «Он же отказался подписывать этот документ» – вычеркнул Бурдина из «черного» списка.

Ветеран Службы внешней разведки генерал-майор Владилен Николаевич Федоров вспоминал, как, будучи рядовым работником, он в 1957 году приехал из Анкары в отпуск в Москву. Перед отъездом из Анкары резидент вручил ему в запечатанном конверте письмо с просьбой передать его Сахаровскому. Тот был перегружен делами, и у Федорова десять дней ушло на то, чтобы попасть к начальнику разведки. Каждый день его «кормили завтраками», пока Владилен Николаевич не попросил у начальства разрешения самому позвонить начальнику ПГУ. Ему разрешили. Он коротко объяснил Сахаровскому причину звонка и услышал лаконичный ответ: «Заходите».

В кабинете начальник разведки тут же вскрыл адресованное ему письмо. Прочитал, улыбнулся и спросил:

– Ты читал?

– Нет.

– А знаешь, что здесь написано?
– Нет.
Александр Михайлович протянул Федорову письмо:
– Читай...
В письме резидент в очень лестных словах отзывался о работе Федорова в Анкаре, что привело Владилена Николаевича в замешательство. А в заключение просил помочь выделить сотруднику квартиру.
Александр Михайлович поговорил с Федоровым о работе в Турции, вспомнил молодые годы, когда плавал по знаменитым проливам... А вскоре В.Н. Федоров получил в Москве квартиру.
Генерал-майор Ф.А. Скрягин, бывший начальник Службы информации ПГУ, рассказывал: «Меня поражало то, как Александр Михайлович вел беседу с сотрудниками. Он всегда выслушивал, не перебивая, даже если речь шла о вопросе, не относящемся к теме беседы... Часто наш разговор о совершенствовании информационной работы Александр Михайлович подводил к вопросу о кадрах. Я подробно рассказывал о людях, потому что его интересовали не только деловые, но и личные качества. Он сам беседовал с рядовыми работниками – информаторами, переводчиками. Приглашал исполнителей документов на доклад. У нас была общая точка зрения на то, что глубже разобраться с вопросом, изложенным в документе, найти резервы в работе можно, беседуя с самим исполнителем. Трудно переоценить пользу, приносимую исполнителю беседой с начальником разведки. В то же время Александр Михайлович имел возможность глубже войти в проблему, лучше узнать собеседника».
При всей загруженности начальник разведки не оставлял без внимания и старых, опытных сотрудников. В этой связи один из ветеранов разведки рассказал: «О ветеранах, людях заслуженных, заботился, особенно когда они вырабатывались. Об одном из таких он как-то сказал мне: “Клюют его сейчас со всех сторон, не давай ты его, пожалуйста, в обиду и сам не обижай!”».
Ветеран разведки генерал-лейтенант С.А. Кондрашев на юбилейном вечере, посвященном 90-летию со дня рождения А.М. Сахаровского, характеризуя его, вспомнил такой случай: «В одной из ведущих натовских стран работал опытный и сильный разведчик Н.С. Дерябкин. По прикрытию он занимал скромную должность технического сотрудника советского посольства. А по линии разведки на него возлагались ответственные задачи по поддержанию связи с наиболее ценной агентурой. Как-то раз после прошедшего в Москве очередного съезда КПСС в посольство с дипломатической почтой поступили две упаковки. В одной из них содержались портреты вновь избранных членов Политбюро, а в другой – запасные части к посольскому радиопередатчику. Причем упаковка с деталями к радиоприемнику в ходе транспортировки была повреждена, и Москва дала указание

ее возвратить. В связи с тем, что дипкурьеры собирались в обратный путь, Дерябкин, принимавший участие в получении почты, быстренько написал сопроводительную записку («Возвратить за ненадобностью») и попросил своих коллег передать упаковку дипкурьерам, а сам отправился на оперативное мероприятие.

Через несколько дней посол распорядился вывесить в актовом зале портреты нового состава Политбюро, а их не нашли... И разразился скандал. Оказалось, что именно они были случайно возвращены в Москву «за ненадобностью». В соответствующие подразделения ЦК КПСС, МИД и КГБ ушла телеграмма, в которой посол требовал отозвать Дерябкина из командировки. Реакция Сахаровского была незамедлительной. В ответной телеграмме сообщалось, что Н.С. Дерябкин награжден орденом Красного Знамени и что он (Сахаровский) надеется, что руководство посольства присоединится к поздравлениям в адрес сотрудника резидентуры по этому поводу. Инцидент был исчерпан, а Н.С. Дерябкин проработал в стране еще несколько лет».

Будучи начальником разведки, Александр Михайлович Сахаровский часто встречался с нашими послами в разных странах, нередко вместе с резидентами разведки в этих же странах, для обсуждения актуальных вопросов.

Александр Михайлович всегда следовал требованию Ф.Э. Дзержинского о том, что черствость несовместима с работой в ЧК. Скромность и строгость к себе на работе и дома совмещались у него с внимательностью к людям и способностью к сопереживанию. Жена Сахаровского Вера Алексеевна только до рождения первого ребенка работала, а потом, как сказал однажды Александр Михайлович, «дом был на ее плечах». Она с детьми, тревожась за мужа, провела много дней одна: до войны, в эвакуации, в послевоенном Ленинграде, в Москве, когда муж был в командировках в Финляндии и Румынии. И потом, когда стал руководителем главка, редкие часы ему удавалось проводить с семьей. «Воспитание детей – это ее заслуга», – говорил Александр Михайлович.

Недаром известная писательница и сотрудница разведки Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина считала, что женам наших работников надо ставить памятники при жизни. Кстати, одно время, когда Зоя Ивановна была начальником отдела ПГУ, Александр Михайлович был у нее заместителем.

А.М. Сахаровский много сил и времени уделял подготовке кадров в ПГУ. Хорошо знал многих сотрудников разведки, их способности, не подавлял их с высоты положения, а побуждал к работе мысли, инициативе, умел создать вокруг себя спокойную и деловую обстановку. Был человеком неподдельно скромным, доступным и исключительно порядочным. В редко выпадавшие часы отдыха любил заниматься охотой и рыбной ловлей.

Более 16 лет, с конца 1953 года, секретарем и одновременно машинисткой-стенографисткой у Александра Михайловича Сахаровского работала Анна Ивановна Мушникова. В НКВД Анна Ивановна работала с 1939 года. 5 июля 1941 года в составе 29-й армии войск НКВД ушла на Калининский фронт, попала в окружение. В 1943 году принимала участие в сражении на Курской дуге. Эта мужественная женщина награждена двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, множеством медалей. Она с большой теплотой вспоминает о Сахаровском.

«Александр Михайлович, – говорит она, – на работе вел себя скромно, со всеми сотрудниками были ровные отношения. Иногда возвращался в свой кабинет после встреч с Председателем КГБ – сначала с Серовым, а потом с Андроповым – в плохом настроении (как говорит Анна Ивановна, «туча тучей»). Но, вызывая к себе провинившегося сотрудника, никогда на него не кричал, разбирал тот или иной промах по существу. К женщинам-сотрудницам был всегда внимателен».

«К Сахаровскому, – вспоминает далее Мушникова, – нередко приходили, чтобы решить те или иные личные вопросы, и он, по возможности, помогал выполнить их просьбы, особенно по жилищному вопросу. По характеру он был, в сущности, мягким человеком, но, когда требовала служба, был тверд и принципиален. Меня ни разу не ругал, хотя были моменты, когда надо было ругать, а он просто скажет, что я не так сделала».

«Но один раз, – смеется Анна Ивановна, – меня проучил. Бывший резидент из Болгарии дал мне для передачи Александру Михайловичу пол-литровую бутылку с болгарским розовым маслом. Это косметическое средство стоило больших денег. Я передала Сахаровскому эту бутылку. Выяснив, что это такое, Сахаровский очень строго мне сказал, чтобы я впредь ни от кого никогда и ничего не брала, никакие подарки.

Я вернула бутылку, и с тех пор мне никто не передавал подарков для Александра Михайловича».

Обратимся вновь к воспоминаниям В.А. Кирпиченко, который длительное время работал с Александром Михайловичем: «Был он высок ростом, статен, импозантен, и сотрудницы разведки, переводчицы, машинистки, секретари, встретившись с ним в коридоре, особенно в первые годы его начальствования, провожали его восхищенными взглядами: хорош был собой начальник разведки».

Когда Александр Михайлович покидал разведку, прощаясь с коллегами, он сказал: «Я оставил здесь все – здоровье, друзей и любимую работу!»

С середины 1971-го по январь 1975 года А.М. Сахаровский был старшим консультантом Группы консультантов при Председателе КГБ СССР. 1 февраля 1975 года вышел в отставку.

Уйдя на отдых, он до последних дней, преодолевая тяжелый недуг, не прерывал связей с коллективом разведки, отдавал все силы становлению молодого поколения разведчиков.

За заслуги перед Родиной почетный сотрудник госбезопасности генерал-полковник Сахаровский был награжден тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями. Его самоотверженный труд и с честью выполненный интернациональный долг были также отмечены 16 высокими наградами зарубежных государств.

Редко кто при жизни видел Александра Михайловича в генеральской форме, хотя она ему очень шла.

Скончался Александр Михайлович Сахаровский 12 ноября 1983 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. На могиле стоит мраморный памятник. Его имя навечно занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

42

Иван Иванович Агаянц

В комплексе зданий в Ясенево в Кабинете истории разведки на Мемориальной доске золотыми буквами в числе других выбито имя Ивана Ивановича Агаянца. В плеяде известных советских разведчиков И.И. Агаянц занимает особое место. Всю свою оперативную жизнь он гордился достижениями внешней разведки, и она, в свою очередь, вправе гордиться тем, что в ее рядах более 30 лет служил такой человек, как И.И. Агаянц.

Его биография и путь в разведке были тесно переплетены с жизнью страны, международными политическими событиями исторического масштаба, которыми были насыщены 30–60-е годы нашего столетия. Это был человек, наделенный многогранным талантом разведчика, политика и дипломата, организатора и руководителя.

Вот что сказано о нем в Армянской энциклопедии:

«Советский разведчик, генерал-майор, член КПСС с 1936 года. Родился 28 августа 1911 года в Елизаветполе (затем Кировабад, ныне Гянджа) в семье священника. С начала 30-х годов работал в органах безопасности, активно участвовал в раскрытии планов агрессии фашистской Германии против СССР. Во время Великой Отечественной войны возглавлял работу ряда подразделений советской разведки против гитлеровской Германии. В послевоенные годы организовал и возглавил деятельность по разоблачению тайных операций спецслужб империалистических государств против Советского Союза и других социалистических стран. Награжден орденом Ленина, орденами Боевого и Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, болгарским орденом «9 сентября 1944 года» первой степени. Умер 12 мая 1968 года в Москве».

Попытаемся заглянуть за эти скупые, лаконичные строки и рассказать об Иване Ивановиче Агаянце на основании архивных материалов СВР России и воспоминаний знавших его людей.

В сентябре 1930 года И.И. Агаянц был принят в ОГПУ при СНК СССР на должность старшего делопроизводителя в управление по борьбе с экономическими диверсиями. В служебных характеристиках 1931–1932 годов отмечалось: «инициативный, энергичный и толковый работник», «развит хорошо, добросовестный, преданный, деятельный». В 1937 году были даже употреблены необычные слова: «крайне добросовестный работник».

На формирование личности И.И. Агаянца большое влияние оказали брат Александр Иванович Агаянц, сотрудник ОГПУ, и один из известных чекистов-руководителей Артур Христианович Артузов, душевный человек и принципиальный, требовательный начальник, обладавший огромным опытом и обширными знаниями. Общение с ними было школой профессионального мастерства и умения работать с людьми.

А.Х. Артузов прочел молодым сотрудникам ОГПУ серию лекций, конспекты которых И.И. Агаянц хранил долгие годы. О чем говорил А.Х. Артузов и чему наставлял молодых сотрудников? Он говорил о решительности, о верности и о профессиональной чести. Подчеркивал, что «в нашей профессии есть удачи и неудачи, но чаще терпят неудачу те, кто нерешителен, у кого не развиты чувство интуиции, наблюдательность, способность логически мыслить, умение вжиться в чужой образ, кто не понимает и плохо воспринимает характерные особенности информационной работы». Он пояснял: «Решительность предполагает быстрые и оперативные действия, особенно в информационной работе, ибо любая информация таит в себе внутреннюю ценность, которая с течением времени падает».

А.Х. Артузов подчеркивал также: «Сикрет интеллидженс сервис существует 150 лет, мы – десять. В этом ее преимущество. Но у нас есть свои преимущества: ясная цель, неподкупность, сознательность, а главное – преданность Отчизне». Разве не актуальны до сих пор его слова о том, что «выдвигая новые тактические идеи, нельзя забывать старые идеи и концепции, замыслы и приемы, которые приносили нашей разведке и контрразведке успехи, являющиеся ценностями, накопленными нашим поколением в сражениях с многочисленными врагами»? О профессиональной чести он сказал так: «Наша профессия в тени, и не потому, что она не почетна. Просто наш труд не афишируется. Часто наши победы и наши слезы миру не видны... Чаще всего геройство чекиста заключается не в единственном подвиге, а в будничной напряженной, кропотливой работе, в той возвышенно-значительной борьбе, не знающей ни передышек, ни послаблений, в которой он отдает все, что имеет».

Вот такие ценности закладывались в духовный багаж молодого сотрудника ОГПУ И.И. Агаянца, и он остался им верен до конца жизни.

В 1936 году его перевели в аппарат внешней разведки и уже в следующем году направили на разведывательную работу во Францию.

Боевое крещение ему довелось принять в Испании. Работа во Франции и Испании многому научила молодого разведчика, отшлифовала его оперативное мастерство. И.И. Агаянц владел несколькими языками. Он любил и знал французскую литературу, читал произведения в подлиннике. Вторая мировая война застала Ивана Ивановича в Париже, где он был заместителем резидента. Ему было тогда 28 лет.

По возвращении в Москву в 1940 году он был назначен начальником отделения, а затем заместителем начальника одного из отделов Первого управления НКГБ СССР (внешней разведки). В этой должности он проработал, однако, совсем недолго. В августе 1941 года его вызвал начальник разведки П.М. Фитин. Он изучающе смотрел на высокого, подтянутого человека с умными живыми глазами, затем спросил: «Не возражаете против командировки в Тегеран? Дела там предстоят большие. Район крайне сложный во всех отношениях, но, главное, имеет первостепенное стратегическое значение».

Сборы в дорогу были недолгими. «20 ноября 1941 года, уложив в чемодан все наши вещи, – вспоминала Елена Ильинична Агаянц, жена и боевая подруга Ивана Ивановича, – мы сели в старый бомбардировщик, который должен был доставить нас в Тегеран. Я, поскольку ждала ребенка, расположилась на стуле, который любезные летчики поставили в бомбовый отсек. Иван сидел по-турецки над бомболюком, что вызывало немало шуток и оживляло полет. Над Кавказом наш самолет обстреляли, но все обошлось благополучно». В Иране И.И. Агаянц возглавлял резидентуру до 1946 года.

Это был исключительно напряженный и ответственный период в биографии Ивана Ивановича. О его работе в Тегеране написано много. Нет нужды повторяться, но все же можно сказать, что главная тегеранская резидентура и резидентуры в других городах Ирана решали сложные многоплановые задачи. Они не только собирали важную политическую информацию, но и сумели подорвать и в значительной степени парализовать деятельность спецслужб Германии в Иране, где те занимали сильные позиции, ликвидировать совместно с английскими союзниками немецкие нелегальные резидентуры, профашистские иранские националистические организации, сотрудничавшие с немецкой разведкой, предотвратить диверсионные акции немецкой агентуры в советском Закавказье, выявить каналы заброски немецких агентов в СССР из Ирана, внести существенный вклад в обеспечение безопасности трансиранской железнодорожной магистрали, по которой шли в СССР военные грузы союзников, предоставленные по «ленд-лизу». Много внимания пришлось уделять И.И. Агаянцу и поддержанию официальных контактов с английскими партнерами, которые далеко не всегда вели себя по-союзнически. В 1941–1945 годах иранские резидентуры под руководством И.И. Агаянца подготовили и осуществили комплекс разведывательных мероприятий, позволивших приобрести новые, хорошо инфор-

мированные источники в важных объектах иранского государства. Центр оценил работу тегеранской резидентуры лаконично, но емко: «Важная оперативная разведывательная информация, получаемая советскими разведчиками в Иране, сыграла существенную роль при принятии военным командованием и руководством страны тех или иных политических и военно-стратегических решений». Это была высокая оценка: нельзя забывать, что давалась она в суровые времена.

С 28 ноября по 2 декабря 1943 года тегеранская резидентура работала круглосуточно. В иранской столице проходила встреча руководителей держав антигитлеровской коалиции – И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Как известно, американский президент Рузвельт во время конференции жил на территории советского посольства: были получены сведения о планах немцев осуществить террористический акт против «большой тройки» и необходимо было принять дополнительные меры безопасности. Ежедневно проводились встречи с агентами и доверительными связями, заслуживающая внимания разведывательная информация немедленно докладывалась советскому руководству. Заблаговременно были подготовлены и переданы иранским властям списки лиц, подлежавших, по соображениям безопасности, задержанию и изоляции до окончания конференции. Усилия оперативного состава резидентуры и лично И.И. Агаянца по обеспечению безопасности Тегеранской конференции получили высокую оценку Центра.

По воспоминаниям работавших с ним в Тегеране разведчиков, И.И. Агаянц трудился буквально на износ и не щадил себя, невзирая на подкравшуюся к нему болезнь – туберкулез легких. Никто и никогда не слышал от него жалоб на плохое самочувствие, для подчиненных он всегда был в форме.

Дом И.И. Агаянца был открыт для всех, но там никогда не устраивалось шумных застолий. Он органически не переносил чьей-либо склонности к спиртным напиткам. Сам крепких напитков не употреблял, иногда позволял себе выпить немного вина, и даже во время встреч с интересовавшими его иностранцами ограничивался чашкой кофе или чая. Но он был очень интересным собеседником, умел поддерживать разговор, и его партнер обычно не замечал, что попивает коньяк в одиночку. И.И. Агаянц в беседах с подчиненными и другими людьми всегда был терпелив и внимателен, корректен и тактичен, ни на кого не повышал голоса, держался ровно со всеми. Однако его теплые и даже ласковые глаза вдруг холодели и становились отчужденными, если он сталкивался с нечестностью, ложью и демагогией. Любые его замечания или недовольство воспринимались подчиненными как наказание, хотя он никогда никого не унижал. Мог лишь с тонкой иронией предостеречь сотрудника от необдуманных действий. Он был добрым человеком, не мог, например, отказать кому бы то ни было

в высказанной просьбе, но когда видел нечестность сотрудника, применял к нему крутые меры воздействия.

Удивительная работоспособность, человеческая мудрость, дружелюбное отношение Ивана Ивановича к своим сотрудникам, способность увлекать их на выполнение поставленных перед резидентурой задач снискали ему авторитет, уважение и любовь работавших с ним разведчиков. В коллективах резидентур, которыми он руководил, всегда царила обстановка сплоченности и взаимовыручки. Одна мысль о необходимости докладывать Ивану Ивановичу о полученных результатах выполнения его задания заставляла сотрудников работать лучше. Если же дело было сделано спустя рукава, то Иван Иванович строил разговор с провинившимся таким образом, чтобы последнему было до боли стыдно за это.

В августе 1943 года И.И. Агаянцу было поручено принять участие в организации представительства СССР при Французском комитете национального освобождения (ФКНО). Выполняя эту миссию, он провел в Алжире несколько встреч с генералом де Голлем и его ближайшими помощниками. С де Голлем Иван Иванович был знаком еще по Тегерану и сумел наладить с ним хорошие отношения. Все это помогло советской разведке получить необходимую информацию о положении в ФКНО, а также о происках в Алжире англо-американских спецслужб, негативно настроенных в отношении де Голля.

И.И. Агаянц регулярно выезжал из Ирана то в Алжир, то в Египет, то в Ирак и другие страны региона для проведения оперативных мероприятий против фашистской Германии. Ему было свойственно умение выделить главное звено в работе и сосредоточить на нем все внимание. Довелось ему поработать и с иранскими курдами, он бывал в их горных селениях и там обретал среди курдских лидеров друзей СССР. Известны случаи, когда иностранцы соглашались на сотрудничество с советской разведкой лишь благодаря обаянию этого человека, потому что видели в нем достойного представителя великой страны.

В 1946 году И.И. Агаянц снова в Париже: было признано необходимым усилить деятельность нашей резидентуры в послевоенной Франции. В 1946–1947 годах там проходили крупные международные конференции по заключению мирных договоров со странами – бывшими союзницами Германии и по ее демилитаризации. «Как и в Тегеране, – вспоминает бывший сотрудник резидентуры А.И. Алексеев, – Ивану Ивановичу пришлось организовать работу по оказанию помощи советской делегации, возглавляемой В.М. Молотовым и А.Я. Вышинским. По приезде в Париж И.И. Агаянц, учтя довольно благоприятную обстановку в стране и широкие возможности для ведения разведывательной деятельности с официальных позиций, поставил перед сотрудниками резидентуры задачу установления доверительных отношений с членами различных делегаций, участво-

вавших в конференции... и подсказал пути установления контактов с ними». Сам он поддерживал широкие отношения как с французами, так и с другими представителями. «Неоднократно нас принимал В.М. Молотов, – рассказывает А.И. Алексеев, – и не только благодарил за полезную работу, но и ставил задачи по освещению тех или иных интересовавших советскую делегацию вопросов».

Резидентура в целом решила их, и ее деятельность получила позитивную оценку Центра.

С помощью надежной агентуры резидентура сумела добыть секретный вариант «плана Маршалла», который дал советской делегации возможность разоблачить корыстную политику США в Европе. Только этих результатов, достигнутых за год работы И.И. Агаянца во главе резидентуры, хватило бы для того, чтобы оценить его как крупного разведчика-руководителя, внесшего большой вклад в укрепление позиций СССР на международной арене.

Парижская резидентура под руководством Ивана Ивановича резко прибавила в работе: был расширен круг источников за счет хорошо осведомленных людей, а несколько человек из старой агентуры по заданию резидентуры смогли устроиться на важные государственные посты. Так, например, наша разведка была в курсе мероприятий французской контрразведки и, главное, знала планы и дела отдела, занимавшегося вопросами СССР. Это позволило предотвращать провалы наших агентов и сорвать ряд готовившихся провокаций против советских работников во Франции.

И.И. Агаянц был не только талантливым разведчиком, но и политиком и дипломатом, никогда не замыкался в рамках узковедомственных интересов. Он всегда поощрял тех работников, которые активно работали по линии прикрытия, и сам подавал в этом отношении пример подчиненным. По инициативе Ивана Ивановича и при его личном участии были возвращены в СССР 50 полотен известного художника П.П. Кончаловского, оказавшиеся в Париже. Для этого он договорился с В.М. Молотовым, разрешившим воспользоваться его самолетом, на котором картины и были доставлены в Москву. П.П. Кончаловский высказал большую благодарность разведке за возвращение его полотен. Также по инициативе И.И. Агаянца были получены и переправлены в СССР архивы композитора С.В. Рахманинова, дневники писателя Р. Роллана и т.д. Всю эту работу он организовывал лично.

В сентябре 1947 года Иван Иванович вернулся из Парижа в Москву и возглавил одно из управлений Комитета информации при МИД СССР (внешняя разведка тогда переживала период реорганизации), проработав там до 1952 года. Радикально изменившаяся международная обстановка требовала от советской разведки пересмотра многих прежних форм и методов деятельности. Время диктовало необходимость обратить особое внимание на акции содействия внеш-

ней политике СССР. Теперь вопрос об акциях влияния (в то время они обозначались термином «активные мероприятия») ставился значительно шире: речь шла о срыве антисоветских планов и намерений стран Запада, о которых разведке было или становилось известно.

Однако процесс практической реорганизации разведдеятельности в сфере активных мероприятий шел медленно. Наконец в 1959 году в разведке было создано специальное подразделение (отдел «Д»), который должен был играть роль организатора и координатора всей работы внешней разведки в области разработки и реализации активных мероприятий. Руководителем отдела был назначен И.И. Агаянц. По своему опыту, диапазону знаний, государственному мышлению и способности выдвигать новаторские идеи И.И. Агаянц оказался в «нужное время в нужном месте». По существу, с учетом новых задач начинать приходилось с нулевого цикла, но в скором времени его руками был создан важный орган разведки, призванный помочь решению многих задач советской внешней политики.

У И.И. Агаянца был ярко выраженный дар подбирать и умело расставлять кадры, ставить перед ними задачи с учетом деловых и личных качеств, способностей и возможностей того или иного работника. Другим даром было умение наладить взаимодействие, организовать оптимальное решение задачи. Работая в отделе «Д», он контактировал с сотрудниками аппарата ЦК КПСС и широким кругом представителей внешнеполитических ведомств. Все они относились к Ивану Ивановичу с большим уважением.

Большинство из подготовленных отделом «акций влияния» дали весомые результаты. Можно без преувеличения сказать, что новый этап деятельности разведки в области «акций влияния», других активных мероприятий неразрывно связан с именем И.И. Агаянца. Именно при нем родилась наиболее результативная форма активных мероприятий – комплексные акции, которые обрели упреждающий, наступательный и долгосрочный характер.

В конце 1965 года работа И.И. Агаянца как начальника отдела «Д» получила следующую оценку: «Полковник Агаянц И.И. в разведке работает более 30 лет, с 1940 года – на руководящих должностях, трижды находился в долгосрочных командировках в капиталистических странах, причем дважды в качестве резидента КГБ. Завербовал нескольких ценных агентов, которые по настоящее время являются источниками получения весьма важной документальной информации.

С 1959 года работает начальником отдела «Д». Благодаря правильной организации работы отделом успешно проведен ряд активных мероприятий, направленных на разоблачение планов США и оказание влияния на позиции правительств, генштабов и разведок противника по политическим, экономическим и военным вопросам. Принимал участие в выполнении заданий инстанций по срыву агрессивных планов США против Кубы, а также Конго и Лаоса...

И.И. Агаянц обладает обширными знаниями, исключительно инициативен и трудолюбив, в коллективе пользуется большим авторитетом как один из наиболее квалифицированных и заслуженных сотрудников разведки.

В настоящее время И.И. Агаянц занимает должность, которая по перечню должностей не подлежит замещению генералами. Однако, учитывая заслуги и многолетнюю деятельность И.И. Агаянца в органах разведки, а также то, что он многие годы занимал должности, подлежащие замещению генералами, считаем возможным в порядке исключения представить его к присвоению звания генерал-майора». 16 декабря 1965 года Совет Министров СССР принял постановление о присвоении И.И. Агаянцу звания генерала. Нет сомнений в том, что это звание он заслужил много раньше. «Паркетным генералом» он никогда не был.

Иван Иванович был глубоко убежден в важности разведывательной деятельности для нашего государства. Его преданность делу была поистине безмерной, как и его добросовестность и трудолюбие. Он говорил: «Если бы можно было объективно и беспристрастно взвесить и сравнить достижения нашей разведки и других, недружественных нам разведок, то предстала бы захватывающая дух общая картина удивительных и выдающихся успехов, коллективного подвига советских разведчиков».

В 1954–1959 годах Иван Иванович работал начальником кафедры специальных дисциплин разведывательной школы № 101 (теперь – Академия внешней разведки). Он был, как всегда, «движущей силой» в коллективе преподавателей школы. Именно при Иване Ивановиче вышел в свет первый учебник политической разведки, который стал основным пособием для слушателей. Он принял деятельное участие в совершенствовании городских практических занятий будущих разведчиков и добился включения в состав кафедры группы преподавателей по наружному наблюдению. Он знал, что умение заметить наружное наблюдение и при необходимости уйти от него нужно разведчику, как воздух.

Он высоко ставил объективность и беспристрастность в оценках людей. Благотворное воздействие Ивана Ивановича на подчиненных было огромным. Без лишних слов и пышных фраз он умел внушить ясное понимание важности дела, которому они служат. Он стремился развивать у них самостоятельность, давая одновременно и ориентиры, и простор для собственных идей. И.И. Агаянц верил в способность оперработников успешно решать проблемы без подсказок и вмешательства «сверху», поскольку учитывал качества исполнителя и особенности поставленной задачи.

Его резолюции на оперативных документах всегда были четкими, ясными и исчерпывающими. Он утверждал, что оперативные письма и другие документы должны быть, во-первых, конкретными, в них не

может быть места двусмысленности, они обязаны отвечать на поставленные резидентурами вопросы, а во-вторых, должны содержать продуманные указания и рекомендации Центра. В этих документах, считал он, обязательно должна присутствовать и мысль готовящего их оперработника, чтобы он видел в них не только выполнение резолюций руководства, но и свои собственные идеи.

Важное значение придавал И.И. Агаянц планированию работы. Его планы были конкретными и, главное, реальными. Всегда было понятно, кто, когда, где, как и что будет делать и какой ожидается результат. Он умел без нажима, но неукоснительно контролировать планы на предмет их исполнения точно и в срок. Обсуждение любого вопроса он строил так, чтобы оперативные работники могли сами корректировать, дополнять или изменять свои же предложения.

На собраниях и совещаниях И.И. Агаянц никогда не произносил громких фраз, выступал по-деловому. Обычно он не читал по бумажке во время выступлений, но держал в руке заранее подготовленные заметки, время от времени заглядывая в них. Эрудированный и начитанный, Иван Иванович хорошо знал историю и нередко оперировал примерами из нее, подтверждающими то или иное положение. У него под рукой всегда находилось множество книг по актуальным политическим и экономическим вопросам, проблемам международных отношений.

Худощавый, высокого роста человек, с быстрой и легкой походкой, лучистыми живыми глазами, с очень выразительным лицом, говоривший тихим голосом – туберкулез прогрессировал, и после операции он жил с одним легким – таким запомнился И.И. Агаянц тем, кто его знал. Он отличался врожденной скромностью, никогда не выпячивал себя перед другими, не требовал для себя привилегий. Принимая в своем кабинете младших по положению сотрудников, Иван Иванович непременно выходил из-за стола и здоровался, а если не мог принять сразу, извинялся за задержку. Он в некотором роде был провозвестником нового стиля в отношениях с людьми. Приказной тон, еще остававшийся от военного времени в отношениях с подчиненными, он заменил на вежливое, корректное и непременно деловое обращение. Сотни людей он называл по имени и отчеству, обладая в этом смысле феноменальной памятью. Иной раз это давало пищу для мало знавших его людей говорить, что он недостаточно требователен к товарищам по работе. Но это было глубоко ошибочное мнение: его требовательность проявлялась в тактичной, но четкой форме, а не в виде окрика, унижения или стука кулаком по столу. Он знал, что проявление доверия влечет за собой ответную реакцию в форме стремления сделать быстрее и лучше. Уважительный подход к сотрудникам позволял Ивану Ивановичу «извлекать» из аппарата исполнителей максимум возможного.

И.И. Агаянц был ярым противником сквернословия, сам никогда не прибегал к «крепким» выражениям. Если ему нужно было отреагировать на негативное поведение того или иного сотрудника или на его неправильные действия, он ограничивался словами: «Это своеобразный человек!» или: «О, это большой оригинал!». Он просто, но аккуратно одевался, жил с семьей из пяти человек в небольшой трехкомнатной квартире, обставленной без всяких излишеств.

Таким был этот замечательный человек, разведчик, политик и дипломат. Иван Иванович Агаянц умер 12 мая 1968 года в расцвете творческих сил – сказалась многолетняя болезнь. Он жил разведкой, отдал ей все силы и здоровье, все в нем было подчинено служению делу: и спартанская самодисциплина, и воспитанные суровой исторической эпохой воля, бесподобная выдержка, самообладание, инициатива и трудолюбие, помноженные на прекрасные человеческие качества. Похоронен И.И. Агаянц на Новодевичьем кладбище в Москве.

43

На службе Родине

В 1949 году в Высшей разведывательной школе Комитета информации появился новый слушатель – Иван Анисимович Фадейкин. Пришел с блестящей характеристикой после окончания Военной академии им. М.В. Фрунзе: «В работе принципиален, последователен, умеет порученное дело доводить до конца. Обладает твердым характером и чувством нового в работе. Программу Академии усвоил на «отлично». Государственный экзамен сдал досрочно с высшими показателями по всем дисциплинам. Удостоен диплома с отличием и награждения золотой медалью».

В первые послевоенные годы во внешнюю разведку пришло много фронтовиков, прошедших войну и получивших жизненный опыт и закалку. Многие из них проявили себя впоследствии талантливыми разведчиками, возглавив сложнейшие участки разведывательной деятельности. Иван Анисимович выделялся среди них незаурядностью характера и дарованными природой способностями. Вот что рассказывается о нем в одном из опубликованных воспоминаний:

«До 13 лет Ваня Фадейкин вместе с родителями, братом и сестрой жил в родном селе Монастырское Беднодемьянского района Пензенской области и почти ничем не отличался от своих босоногих сверстников. Но одно качество его выделяло – обостренное чувство восприятия всего нового, любознательность и неукротимое стремление к наукам, к знаниям. Именно это стремление паренька заставило его в раннем возрасте оставить отчий дом и отправиться на заработки в один из районных центров. Он стал счетоводом, но не только для того, чтобы зарабатывать на жизнь, но и для того, чтобы получить возможность продолжить учебу. К удивлению многих, Иван Фадейкин сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости, причем сдал блестяще, и уехал в город Куйбышев, где поступил в Коммунистический университет журналистики».

Иван Фадейкин учился только на «отлично». Он оказался единственным студентом, получавшим сталинскую стипендию. В 1939 году, в предвоенное время, он без колебаний пошел служить в Красную Армию и закончил курсы военкомов. Нападение фашистской Германии на Советский Союз застало его на посту ответственного редактора газеты «Контакт» – печатного органа военного авиационного училища в городе Чкалов.

С первых дней войны Иван Анисимович находился на фронте, сначала на Западном, а в конце войны – на 2-м Прибалтийском. Хронология его фронтовой биографии: заместитель начальника политотдела 352-й стрелковой дивизии, комиссар полка той же дивизии, командир 94-го, а после ранения – 98-го стрелковых полков 30-й гвардейской стрелковой Краснознаменной дивизии, после очередного ранения – начальник штаба 30-й дивизии, и в конце войны – командир этой дивизии в звании подполковника. Три ранения и две контузии. На груди – два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, медаль «За отвагу». К этому времени ему было всего 27 лет!

Иван Анисимович вспоминал: «Война очень рано возложила на плечи нашего поколения тяжелое бремя ответственности за судьбы вверенных людей, за судьбу нашей Родины. Я начал войну политруком, в ноябре 1942 года был назначен командиром полка. Было мне тогда 25 лет. А в 26 лет – командир стрелковой дивизии. Если честно признаться, было неприятно, когда меня спрашивали о возрасте. В самом вопросе казалось какое-то сомнение в способности командовать стрелковым полком, а тем более стрелковой дивизией».

Впрочем, его боевые друзья в нем не сомневались. Когда в 1977 году Ивану Анисимовичу исполнилось 60 лет, он получил поздравление от Совета ветеранов 10-й гвардейской армии. Вот как однополчане оценивали своего бывшего командира:

«Руководимые Вами подразделения и части успешно вели наступательные бои под Смоленском, первыми вступили под Лядами на белорусскую землю и отличились в кровопролитных боях под Оршей в 1943 году.

В пургу и стужу, по снежным полям и перелескам Вы вели в бой подразделения полка под Новосокольниками и Пустошной, в распутицу и непролазную грязь сражались на плацдарме на реке Великой у города Новоржева.

В наступательных боях летом 1944 года гвардейский полк под Вашим командованием бесстрашно сражался у города Опочка, форсировал реку Великая и в числе первых вступил на территорию Латвийской ССР.

Неувядаемой славой покрыли себя воины полка и дивизии при преодолении Лубанской низменности, в тяжелых боях на Видземской возвышенности, при освобождении узников Саласпилского концент-

рационного лагеря, в боях за освобождение столицы Латвии – города Риги».

С таким багажом Иван Анисимович пришел в 1949 году во внешнюю разведку, которой отдал всю свою жизнь. Жизненный опыт и блестящая учеба в Высшей разведывательной школе, видимо, и были причиной того, что практически сразу же после ее окончания осенью 1950 года, без опыта работы в центральном аппарате и закордонных условиях, с еще недостаточным знанием немецкого языка, Ивана Анисимовича направили на работу в резидентуру в Берлине. Прибыв туда в качестве рядового оперативного сотрудника, уже через год он фактически стал выполнять обязанности заместителя резидента по политической разведке, а в 1952 году возглавил разведывательный отдел Аппарата уполномоченного МГБ СССР в Германии.

В следующем, 1953 году, Фадейкина назначили заместителем уполномоченного. Перед Аппаратом уполномоченного стояли важные задачи по осуществлению операций против разведывательных служб Запада. При руководстве и непосредственном личном участии Ивана Анисимовича в 1953–1954 годах были проведены операции, в результате которых было арестовано большое количество агентов западных спецслужб, а также осуществлены изъятие и вывоз важных документов из американского разведцентра в ФРГ.

За период работы в Берлине Иван Анисимович характеризовался в кадровых документах как «растущий и перспективный разведчик». Не случайно по возвращении из командировки в 1954 году Фадейкину доверили очень ответственный участок разведки – пост начальника отдела по Германии Первого главного управления. Позже Иван Анисимович вспоминал: «Отдел в то время и по значению, и по численности был самым большим в ПГУ... Перед отделом стояли важные задачи: проведение мероприятий, содействующих укреплению внешнеполитических позиций СССР, подготовке совещания министров иностранных дел в Берлине, подписанию Государственного договора с Австрией, подготовке к приезду в Москву Конрада Аденауэра и заключению договора между СССР и ФРГ...

Переговоры с канцлером ФРГ проходили в сложной обстановке. Мы испытывали большие трудности при получении сведений о планах западногерманской делегации, поскольку все документы Аденауэр готовил лично сам... С целью получения информации из кругов делегации ФРГ в Москву нами были выведены два источника... Был проведен ряд других мероприятий. Все это в комплексе позволило регулярно информировать советское правительство о планах и намерениях противной стороны».

В центральном аппарате Фадейкин проработал до 1966 года и вырос до руководителя одного из важных управлений КГБ – военной контрразведки. Неоднократно выезжал в краткосрочные командировки за границу, где, как всегда, принимал личное участие в выпол-

нении специальных оперативных заданий. Оценка этой работы – ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

В 1966 году Ивана Анисимовича вновь направили в Берлин, где он в течение восьми лет, до 1974 года, возглавлял Аппарат уполномоченного, преобразованный затем в Представительство КГБ СССР при МГБ ГДР. В этот период в Европе и в ФРГ в частности происходили важные политические процессы. Они характеризовались тенденцией к разрядке в отношениях между государствами двух противоположных социально-экономических систем, к налаживанию сотрудничества. В ФРГ закончилось единовластие ХДС/ХСС и к власти пришли политические силы, осознающие необходимость проведения более гибкой и реалистичной «восточной политики». Такое развитие обстановки ставило перед органами советской внешней разведки в Германии задачи по тщательному отслеживанию и анализу ситуации в ФРГ и по оказанию влияния на позиции общественно-политических кругов страны. Центр высоко оценивал деятельность Фадейкина. «Правильно и целеустремленно, – говорилось в заключении Центра по окончании командировки Фадейкина, – направлял работу Аппарата по проникновению в объекты противника. Принимал непосредственное участие в организации агентурно-оперативных мероприятий. Руководимый им Аппарат добился конкретных результатов в вербовочной и информационной работе, регулярно и своевременно добывалась важная информация по политическим, экономическим и военным вопросам».

С 1974 года Иван Анисимович – вновь на руководящей работе в Центре, а в марте 1978 года был направлен резидентом в одну из ближневосточных стран. Активно приступил к работе на этом новом для него участке внешней разведки, однако в ноябре того же года был вынужден вернуться в Москву в связи с тяжелым заболеванием и в октябре 1979 года ушел из жизни.

44

Под знаком времени

В судьбах многих видных разведчиков, которые весомо заявили о себе в войну и трудное послевоенное время, отразились приметы эпохи, быстро выдвигавшей людей, требовавшей от них самопожертвования, риска и, конечно, умения. Это были черты целого поколения, которое пришло на смену тем, кто открывал пути внешней разведки советского государства. Среди них было меньше лиц с высшим образованием, тем более с подпольным опытом. Большинству приходилось набираться опыта и знаний уже под огнем, на практике, на ходу исправлять свои недочеты. В биографиях этих людей отразилась и широкая география страны. Мало кто был рожден в столице. Тут и Поволжье, и Дальний Восток, и бывшие союзные республики, которые ныне числятся государствами «ближнего зарубежья». Вышли они, как правило, из крестьян, рабочих, из трудового народа. А достигли вершин интеллекта, развив ум и способности, заложенные в них природой.

В очерке мы коснемся судеб троих из них: Владимира Ивановича Вертипороха, Андрея Макаровича Отрощенко и Павла Матвеевича Журавлева.

Вертипорох вскоре после образования Государства Израиль организовал резидентуру в Тель-Авиве и завершил свою деятельность представителем внешней разведки при органах безопасности Китайской Народной Республики. Отрощенко после войны работал в Иране. Журавлев возглавлял резидентуры в Чехословакии, Турции, Италии, действовал в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, был одним из руководителей информационной службы разведки. Впрочем, расскажем о них по порядку.

* * *

Владимир Иванович Вертипорох родился в 1914 году в Бердянске (Запорожская губерния) в семье служащего. В 1930 году, не окон-

чив среднюю школу, поступил учеником слесаря на завод, а по вечерам ходил в школу рабочей молодежи. В 1933 году поехал в Москву и поступил в Московский химико-технологический институт мясной промышленности.

В 1938 году по окончании института он был рекомендован в органы безопасности и направлен в Главное экономическое управление НКВД СССР. На первых порах своей работы в НКВД В.И. Вертипорох с головой ушел в освоение «премудростей» новой работы. Вскоре его направили на Дальний Восток, где были установлены факты преступного ведения дел в рыбном хозяйстве. Вместе с коллегами-дальневосточниками в 1939 году ему удалось ликвидировать угрозу срыва рыбопоставок с берегов Охотского моря и спасти запасы ценного продукта на многие миллионы рублей.

К 1941 году Владимир Иванович был уже сформировавшимся контрразведчиком, на его счету значился разоблаченный матерый японский разведчик.

В начале войны Вертипорох был направлен в Особую группу при наркоме внутренних дел по формированию разведывательно-диверсионных отрядов в тылу немецко-фашистских войск.

Работа в составе Особой группы, а затем и Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) свела Владимира Ивановича с разведчиками. Напористый и деловой, умело работавший по комплектованию и подготовке разведывательно-диверсионных отрядов, он обратил на себя внимание сотрудников внешней разведки, которая испытывала в тот период острейшую нужду в кадрах. Владимир Иванович оказался на новом участке работы. Ему пришлось заниматься Ираном.

Начиная войну против Советского Союза, гитлеровская Германия отводила этой стране важное место в своих планах. Правительство СССР на основе советско-иранского договора 1921 года в августе 1941 года временно ввело на территорию Ирана свои войска. Одновременно сюда были введены английские войска, а в конце 1942 года – и воинские части США. Имевшийся опыт работы позволил Владимиру Ивановичу быстро освоить порученный участок, и в 1942 году было принято решение направить его в Мешхед в качестве резидента. Вместе с коллективом резидентуры он активно участвовал в осуществлении мероприятий по обезвреживанию гитлеровской агентуры. Умело организованная работа резидентуры позволила обеспечить получение ценной разведывательной информации.

Он освоил язык фарси и вскоре стал использовать его при установлении контактов с местным населением. Сотрудники резидентуры вспоминали, как однажды, когда вышел из строя единственный в Мешхеде артезианский колодец, видя, что в городе нет специалиста, способного взяться за ликвидацию неисправности, Владимир Иванович пришел на помощь и к изумлению местного населения восстано-

вил колодец. Надо ли говорить, как поднялся авторитет русского дипломата, который спас город от жажды!

В период Тегеранской конференции глав правительств антигитлеровской коалиции Вертипорох привлекался к выполнению важной задачи по обеспечению безопасности ее участников.

Успешно завершилась первая заграничная командировка В.И. Вертипороха. В Центре он рассматривался уже как опытный сотрудник внешней разведки, которому по плечу сложные задания.

Не случайно в 1948 году после образования Государства Израиль ему было поручено организовать резидентуру в Тель-Авиве. В сжатые сроки Вертипорох справился с возложенной на него задачей, и в Центр стала поступать нужная разведывательная информация. Под его руководством была создана эффективная агентурная сеть. Он привлек к сотрудничеству с советской разведкой ряд ценных источников. Несколько агентов резидентура вывела в США. За успешную работу резидент был удостоен государственной награды.

После пятилетней работы в Израиле, в 1953 году, Владимир Иванович возвратился в Москву, где возглавил подразделение внешней разведки, ведающее разведывательной деятельностью на Ближнем Востоке. Его опыт работы на переднем крае, доброжелательное и внимательное отношение к подчиненным оказывали благоприятное впечатление на новичков, приходивших «под крыло» Вертипороха.

Вот как описал свои первые ощущения от встречи с внушительного вида начальником отдела ветеран разведки, бывший первый заместитель начальника Первого главного управления Вадим Алексеевич Кирпиченко:

«В.И. Вертипорох был, наверное, самым видным и интересным мужчиной в разведке. Очень высоким ростом (без малого два метра), могучим телосложением, светлыми курчавыми волосами, ухоженными усами, улыбчивым лицом он напоминал картинного и былинного богатыря – какого-нибудь Микулу Селяниновича».

И далее: «Мне недолго пришлось с ним работать, но каждый приход к нему в кабинет оставлял ощущение удовлетворения и радости. “Повезло с начальником”[1], – думалось мне».

Возглавляя отдел, Владимир Иванович не забывал молодых сотрудников, передавая им свой богатый оперативный опыт. Работа без суеты, размеренный, внешне неторопливый подход к рассмотрению и проработке любой проблемы сопровождались глубиной и основательностью принимавшихся решений.

В 1957 году Владимир Иванович был направлен на ответственный пост представителя внешней разведки при органах безопасности КНР. Это было для него совершенно новое поле деятельности. Тем не менее он сумел вникнуть в сложность процессов, происходивших в руководстве КНР, и личные особенности вождя китайской революции. Информация, поступавшая от Вертипороха, помогала предви-

деть будущие трудности во взаимоотношениях двух социалистических держав.

Скоропостижная смерть настигла В.И. Вертипороха в 1960 году в расцвете творческих сил.

Руководство страны высоко оценило заслуги Владимира Ивановича Вертипороха. Он был награжден орденами Ленина и Красной Звезды, многими медалями. Ему было присвоено воинское звание генерал-майора.

* * *

В ряду славных имен разведчиков стоит Андрей Макарович Отрощенко. Его многолетняя работа связана в основном с Ираном.

Андрей Макарович родился в Ташкенте в 1902 году в семье железнодорожника. Его отец, безземельный крестьянин из-под Путивля, в 1909 году, уволившись с железной дороги, перебрался в поселок Спасский близ города Мирзачуль, где жили выходцы из России и с Украины.

А.М. Отрощенко активно включился в работу местной комсомольской ячейки и был избран секретарем волостного комитета комсомола. В 1920 году голод в России погнал в Туркестан беженцев из голодных губерний. В городе оказалось много беспризорных детей и подростков. Был образован детский дом. Изрядно пришлось потрудиться молодым активистам, но детдомовцев они прокормили.

В 1923 году комсомольского вожака приняли в партию.

Трудное время переживали народы Туркестана. Баи и реакционное духовенство поднимали людей против советской власти. Главную роль в этой борьбе против советской власти они отводили басмачеству, основным центром которого стала Ферганская долина. Отряды басмачей оказывали ожесточенное сопротивление установлению новых порядков. Активизировали свои действия против Советского Туркестана Бухарское и Хивинское ханства. Республика оказалась в кольце фронтов.

В те годы для организации работы в Средней Азии ОГПУ развернуло в Ташкенте Аппарат полномочного представителя. Так тогда назывался среднеазиатский чекистский орган. В 1924 году Андрей Макарович Отрощенко был направлен на оперативную работу.

На разных должностях пришлось поработать ему. А.М. Отрощенко, например, принимал участие в осуществлении первой земельно-водной реформы в Туркестане, которая начала реализовываться еще в 1921 году.

В 1931 году Андрей Макарович был направлен на работу за кордон. Он выехал в генеральное консульство СССР в Мешхеде, где была небольшая резидентура для ведения разведывательной работы

в приграничных районах Ирана. Резидентура имела связь с Москвой, Ташкентом и Ашхабадом.

В те годы там активно действовали против Советского Союза резидентуры английской и японской разведок. Проявляли активность и белоэмигрантские центры, обосновавшиеся на территории Ирана.

В 1934 году Андрей Макарович сменил резидента. Под его руководством советские разведчики сумели создать хорошие возможности в Мешхеде и практически контролировали деятельность резидентур английской и японской разведок. Закончил он командировку закаленным и опытным разведчиком.

По возвращении в Советский Союз в 1936 году Андрею Макаровичу было предложено перейти на работу в Иностранный отдел, и он стал работать в секторе, руководившем разведывательной деятельностью в странах Ближнего и Среднего Востока. А в следующем году он был направлен резидентом в Тегеран.

Страну он знал достаточно хорошо и сразу включился в работу. Время было тревожное. Итальянский фашизм пробовал силу оружия в Абиссинии, шла война в Испании, испытывала прочность наших рубежей Япония, Гитлер приступил уже к реализации своих агрессивных планов в Европе.

Главная опасность для нашей страны исходила со стороны Германии и Японии. Однажды Андрею Макаровичу пришлось решать задачу по внедрению в агентурную сеть японской разведки своего агента. Анализ сведений о деятельности японцев в Иране позволил ему заподозрить фирму, в которой работал инженер-японец, в принадлежности к японской разведке. Была проведена нехитрая комбинация: этого инженера познакомили с одним из проживавших в Иране выходцев из Средней Азии. Тот оказался в числе искавших работу на фирме, где «трудился» инженер-японец. Как только японцу стало ясно, что новый работник фирмы имеет отношение к советским республикам Средней Азии, «инженер» открыто заявил, что он японский разведчик, и «завербовал» агента нашей резидентуры. А дальше все развивалось по законам детективного жанра.

То ли дело было неотложное, то ли команда из Токио подталкивала, только японский разведчик начал уговаривать своего нового подопечного побыстрее отправиться в Среднюю Азию, добраться до Ашхабада, а там выйти на контакт с агентом японской разведки, который оказался без связи.

Надо ли говорить о том, что Москва одобрила план японского «инженера», помогла осуществить успешный вывод его посланца в Среднюю Азию, добраться до Ашхабада и выйти на того, кто проводил враждебную деятельность на территории Советского Союза.

Подчеркнем, что это лишь один небольшой эпизод той активной разведывательной работы, которую проводил Андрей Макарович Отрощенко в Тегеране.

Очевидно, он продолжал бы и дальше плодотворно руководить работой резидентуры, если бы не срочный вызов в Москву в 1938 году и совершенно неожиданный для Отрощенко арест. Сработал клеветнический донос. Восемь месяцев следователи пытались вытянуть признание в его связях с вражескими разведками. Не добившись признания в несовершенных грехах, Андрея Макаровича освободили и направили на работу в Одессу, где он был назначен вначале начальником отделения, а затем руководителем контрразведывательного отдела областного управления.

В Одессе его застигла Великая Отечественная война. Одесские чекисты активно участвовали в героической обороне города. Андрей Макарович покинул осажденную Одессу с последним катером.

А.М. Отрощенко прибыл в Куйбышев, где размещалась часть центрального аппарата НКВД. Он попросил направить его на фронт, но руководство решило иначе. Отрощенко получил назначение на должность начальника одного из отделов центрального аппарата внешней разведки. Отдел занимался организацией разведывательной работы в странах Азии, в частности в Иране, где большую опасность представляла активность гитлеровской агентуры.

Когда было принято решение о проведении в Тегеране конференции руководителей стран – членов антигитлеровской коалиции, на советскую разведку легла ответственная задача по обеспечению безопасности совещания в верхах. Тем более что разведка получила сведения о подготовке гитлеровцами острой акции против глав делегаций.

За несколько дней до начала Тегеранской конференции из Москвы в Иран специальным поездом выехала группа руководящих работников Министерства государственной безопасности СССР. В ее состав входил и Андрей Макарович.

Спустя много лет, уже находясь на заслуженном отдыхе, Отрощенко вспоминал многие эпизоды той напряженной поры. Упомянем здесь о некоторых из них.

Поезд доставил группу чекистов до станции Астара, а далее надо было добираться до Тегерана на автомашинах, которые были доставлены тем же поездом. Андрей Макарович ехал в машине, предназначенной в Тегеране для И.В. Сталина. В дороге, уже на территории Ирана, с автомашиной что-то случилось, она стала неуправляемой. Только мастерство водителя позволило избежать аварии. Как было установлено позднее, произошла поломка в рулевом управлении. Что явилось ее причиной – осталось загадкой. Шума по этому поводу не поднималось, неисправность была устранена, и автомобиль сослужил свою службу.

В Тегеране Отрощенко с головой окунулся в деятельность по обеспечению безопасности работы конференции. Помимо усилий, направленных на нейтрализацию и срыв подрывных акций гитлеровской разведки, резидентуре пришлось заниматься и союзниками.

Были получены достоверные данные о намерении английской разведки развернуть активную агентурную работу против советских представительств в Иране. Поэтому те наши разведчики, кому довелось в ходе конференции наблюдать поведение Черчилля, с удивлением отмечали какую-то угодливость «британского льва» по отношению к И.В. Сталину.

И все же главным впечатлением, которое произвела Тегеранская конференция, осталось чувство глубокого удовлетворения тем, что союзники вынуждены были признать выдающуюся роль советского народа, принявшего на себя главную тяжесть борьбы с гитлеровским фашизмом.

Испытали разведчики удовлетворение и от того, что своевременно удалось сорвать замыслы германской разведки по осуществлению подрывной акции против глав правительств стран антигитлеровской коалиции.

В памяти Отрощенко запечатлелся эпизод, связанный с конференцией. По регламенту было предусмотрено вручение И.В. Сталину от имени английского короля памятного меча в знак победы, одержанной советскими войсками под Сталинградом. Вручение меча проводилось в торжественной обстановке в присутствии всего состава делегаций СССР, США и Великобритании.

Меч Сталину вручал Черчилль. Сталин опустился на колено, принял из рук британского премьера королевский меч, поцеловал его и передал офицеру охраны. Когда Сталин принимал меч, рукоять меча оказалась чуть наклоненной вниз, и от наклона меч вышел из ножен сантиметров на двадцать. По залу пробежал легкий шум. Кто-то прошептал: «Плохой признак, меч выпадает из рук Сталина». Но советский руководитель заметил замешательство в зале, поправил меч и поднялся с колена.

После торжественной церемонии руководители делегаций вышли на веранду советского посольства, где и сфотографировались.

Много интересных и важных дел было на боевом счету Андрея Макаровича. Многое сделал он, находясь за рубежом. Но где особенно пригодился накопленный опыт и знание особенностей разведывательной работы, так это в Иране.

Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии послужил мощным толчком для развития демократического антиимпериалистического движения в Иране. В марте 1951 года иранский меджлис наступил западникам на самую их болевую точку – принял закон о национализации нефтяной промышленности. В апреле того же года было сформировано правительство во главе с лидером Национального фронта Ирана Мосаддыком.

В 1953 году ЦРУ США удалось подготовить и осуществить государственный переворот в Иране, в результате чего Мосаддык был смещен с поста премьер-министра, а на престоле был восстановлен шах.

Отрощенко был направлен в Тегеран для организации работы в условиях сложившейся кризисной ситуации в стране. В те годы в резидентуре работали семь разведчиков. Это были молодые сотрудники, набиравшие опыт практической работы. Знания и опыт, какими обладал Андрей Макарович, являлись хорошим подспорьем для резидентуры.

В этот период, к сожалению, стало подводить здоровье. В 1955 году в связи с болезнью Отрощенко возвратился в Москву, а в следующем году вышел в отставку.

Труд разведчика был отмечен орденом Ленина и многими другими государственными наградами.

* * *

Павел Матвеевич Журавлев свой путь в разведке начал в далеком 1924 году. Родился он в декабре 1898 года в Поволжье в крестьянской семье. Ему удалось окончить гимназию в Казани, что было нелегко для крестьянского сына. В 1917 году он поступил на медицинский факультет Казанского университета. Но учеба была прервана Гражданской войной. В 1918 году Павел Матвеевич вступил в ряды Красной Армии. Грамотного бойца приметили и определили в Особый отдел фронта.

Чем только не приходилось заниматься Павлу Матвеевичу: был он начальником военной цензуры Особого отдела армии, работал уполномоченным Секретного отдела Всетатарской чрезвычайной комиссии, затем возглавил его, а вскоре был поставлен во главе отдела контрразведки. Связала его судьба и с Крымом, где он работал заместителем начальника Секретно-оперативной части ГПУ Крыма, затем начальником Севастопольского окружного отдела ГПУ и, наконец, заместителем начальника Особого отдела Черноморского флота.

В 1922 году Павел Матвеевич был награжден знаком «Почетный чекист». Удостоверение за № 152 было подписано Феликсом Эдмундовичем Дзержинским.

В 1924 году Павел Матвеевич был направлен на работу в Иностранный отдел ОГПУ. В следующем году выехал в Литву. Там началась его разведывательная деятельность. За три года работы в Ковно, тогдашней столице Литвы, Павел Матвеевич приобрел необходимый опыт. В 1927 году Журавлева перевели в Прагу, где он возглавлял резидентуру до 1930 года. Из Праги в те годы регулярно поступала весомая информация, свидетельствовавшая о напряженной и плодотворной работе резидентуры.

В 1930 году Журавлев оказался на посту резидента в Турции, потом – в Италии.

В январе 1932 года в римской резидентуре его заменил Дмитрий Георгиевич Федичкин. Как вспоминал Федичкин, Павел Матвеевич всегда очень конкретно и четко ставил задачу перед оперативным ра-

ботником. Был мастером агентурных комбинаций и тщательно планировал каждую операцию.

Коллективу резидентуры удалось создать агентурные возможности, и Москва получала из Рима важную информацию. Достаточно сказать, что резидентуре удалось наладить регулярное получение почты английского посольства. А из итальянских спецслужб добывались списки агентурной сети в черноморских портах нашей страны, а также данные об использовании в подрывных целях против Советского Союза украинских националистов.

В конце 1939 года П.М. Журавлев возглавил самое важное тогда в разведке первое (германское) отделение. На следующий год он приступил к обобщению материалов о подготовке Гитлера к нападению на СССР, выделив их в досье «Факты», которое вел лично. Одним из первых он поднял накануне войны вопрос о создании в разведке информационного подразделения и весной 1941 года создал его в рамках своего отделения. Вместе с известной разведчицей З.И. Рыбкиной подготовил на основании данных от «Красной капеллы» сообщение для Сталина о неминуемой агрессии гитлеровцев.

В 1942 году был командирован в Иран. Возглавлял тегеранскую резидентуру Иван Иванович Агаянц. Когда в 1943 году Иван Иванович Агаянц был направлен в Алжир для поддержания контакта с де Голлем, его заменил Павел Матвеевич.

Тегеранская резидентура работала активно и результативно, и в 1944 году руководство разведки приняло решение командировать Журавлева в Каир. В Каире Журавлев исполнял обязанности временного поверенного в делах. За время работы ему приходилось также выезжать в Ливан и Сирию для выполнения разведывательных заданий. В ноябре 1945 года Павел Матвеевич возвратился в Москву.

Несомненный вклад П.М. Журавлева в информационную работу был оценен, и с 1947 по 1950 год он возглавлял информационную службу внешней разведки.

В характеристике от 25 апреля 1946 года, составленной в Центре на П.М. Журавлева, указывалось: «...находясь за границей, он проделал большую работу, в 1944 году в сложных условиях создал новую резидентуру МГБ СССР, снабжал Центр ценными разведматериалами... Тов. Журавлев опытный разведчик и руководитель».

В апреле 1945 года П.М. Журавлеву было присвоено звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, а вскоре он был награжден орденом Ленина.

В послевоенный период на некоторое время внешняя разведка была выведена из системы МГБ и преобразована в Комитет информации при МИД СССР. В течение ряда лет Павел Матвеевич Журавлев являлся заместителем председателя Комитета информации. В должности заместителя руководителя внешней разведки он проработал до выхода на пенсию в 1954 году.

Д.Г. Федичкин писал, что Павел Матвеевич был «мягким, вежливым и выдержанным человеком. Однако он не терпел расхлябанности и недисциплинированности, был требователен, но его требовательность не была голым администрированием, действовал он методами разъяснения и убеждения. Я не знаю случая, чтобы он когда-либо повысил голос или вел себя грубо. Не терял самообладания в период осложнений и неудач».

В 1956 году Павел Матвеевич умер. Имя П.М. Журавлева занесено на Мемориальную доску в Кабинете истории СВР.

---

[1] **Кирпиченко В**. Из архива разведчика. – М., 1993. – С. 135.

45

Иван Иванович Зайцев

4 августа 1920 года в семье паровозного машиниста станции Кашира Ивана Зайцева произошло большое событие: родился мальчик, которого, как и отца, нарекли Иваном. Иван Иванович Зайцев окончил в 1936 году среднюю школу при станции Кашира и на следующий год поступил на учебу в Московский институт инженеров землеустройства и геодезии.

Кто знает, если бы не война, может быть, он и стал бы геодезистом. Но 1941 год круто изменил его судьбу. В июле первого военного года Иван был призван в Красную Армию и после полугодовой учебы в Тульских военных лагерях, получив звание лейтенанта, в январе 1942 года был направлен в 62-ю армию Донского фронта. Здесь-то и определилась его профессиональная судьба: он начал свой путь разведчика.

По прибытии в штаб 62-й армии Ивана Зайцева назначили инструктором агентурных курсов разведотдела штаба. В военной разведке он прослужил всю войну, пройдя путь от Сталинграда до Берлина, участвовал в боях на Донском, Сталинградском, 3-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Иван Иванович отличался незаурядной личной храбростью. Во время боев под Сталинградом он однажды столкнулся один на один с заблудившимся мотоциклистом – немецким офицером. Ему удалось взять его в плен. При офицере оказались карты, содержавшие важные сведения о передвижениях немецких войск. Боевые заслуги Зайцева отмечены двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени и семью медалями, последней из которых была «За победу над Германией».

Кончилась война. Ивана Зайцева направили в Разведывательную школу ГРУ Генштаба Советской Армии, а через год, в 1946 году, он стал слушателем разведывательного факультета Военной академии им. М.В. Фрунзе. По завершении учебы в академии, учитывая его бо-

гатый опыт, Зайцева направили на работу во внешнюю разведку, которой он и посвятил всю оставшуюся жизнь.

И.И. Зайцев принадлежал к плеяде фронтовиков, пришедших во внешнюю разведку сразу после войны. Это были люди, получившие на войне жизненную закалку и опыт и поэтому без раскачки включившиеся в новую для них работу. Иван Иванович не был среди них исключением. Окончив Высшую разведывательную школу и проработав два года в центральном аппарате, он показал себя достаточно подготовленным для направления его в долгосрочную командировку в такую важную с разведывательной точки зрению страну, как Израиль.

В апреле 1951 года Иван Иванович прибыл в Тель-Авив и приступил к работе в местном филиале Российско-палестинского общества. Общество это было создано еще до революции и носило неправительственный характер. Обстановка в те пять лет, которые ему пришлось провести в Израиле, была крайне сложной и неблагоприятной для работы. Отношения между СССР и Израилем оставляли желать лучшего, а в 1953 году их обострение достигло кульминационного пункта, в результате чего дипломатические отношения между странами были прекращены. И.И. Зайцев оставался в Израиле, поскольку общество, где он был занят, не являлось государственным учреждением. Строгий полицейский режим, существовавший в Израиле и до этого, еще более усилился. В израильской прессе была организована травля Российско-палестинского общества и И.И. Зайцева. Представители общественности Израиля опасались поддерживать с ним контакт.

Между тем руководством внешней разведки перед резидентурой, действовавшей в Израиле, были поставлены разноплановые задачи, и главная из них – организация работы из Израиля против тогдашнего главного противника советской разведки – США. С присущей ему тщательностью Иван Иванович с первых же дней пребывания в Израиле стал готовиться к выполнению этой задачи. Как отмечалось в одном из заключений Центра, на первом же этапе он «хорошо ознакомился со страной и агентурной обстановкой, изучил идиш и установил широкий круг связей».

Несмотря на сложные условия, Ивану Ивановичу удалось в первые два года работы в Тель-Авиве установить полезные связи в научных, политических и деловых кругах страны и приобрести несколько источников информации. Нагрузка была исключительно тяжелой, тем более что к прежним его официальным обязанностям прибавилось управление имуществом СССР в Израиле. Но надо было знать характер Ивана Ивановича. И в этой обстановке он успешно вел оперативную работу; приобретал источники военно-политической информации, которые были выведены затем в США и Францию.

В 1957 году И.И. Зайцев вернулся в Москву. Прошло немногим более года, и он получил новое задание – возглавить резидентуру в Бонне. И здесь он проявил себя как опытный и активный руководи-

тель. Четко организовал работу резидентуры, во многих операциях принимал личное участие. Так, им был привлечен к сотрудничеству сотрудник военной разведки США. От него были получены документальные материалы, по которым можно было судить о степени осведомленности американской военной разведки о военных объектах на территории СССР и о том, какие из этих объектов планировалось подвергнуть атомному нападению в случае военных действий.

Своим личным примером, доброжелательностью, сочетаемой с требовательностью, Зайцев завоевал большое уважение в коллективе, что создавало здоровую рабочую атмосферу и способствовало достижению положительных результатов в работе. Не случайно работа Ивана Ивановича в Бонне была отмечена орденом Красной Звезды и знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

В 1963 году он снова в Москве. В профессиональной жизни Ивана Ивановича наступил новый этап, связанный с обучением и подготовкой кадров разведчиков. Проявленные им организаторские способности, многогранный опыт практической разведывательной работы, видимо, и послужили основанием для назначения его начальником факультета усовершенствования разведывательной школы. В течение нескольких лет он занимался переподготовкой руководящих кадров разведки и организацией в ней научных исследований. За успехи, достигнутые в этой работе, Иван Иванович был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Вся его дальнейшая жизнь, кроме еще одной командировки в Бонн, оказалась связанной с Краснознаменным институтом внешней разведки.

21 сентября 1969 года Иван Иванович вновь прибыл в Бонн в качестве резидента, где проработал до октября 1972 года. Это был исключительно важный период в жизни ФРГ, где шла острая политическая борьба по вопросу о ратификации Московского договора между СССР и ФРГ о послевоенных границах в Европе. Перед резидентурой стояли сложные задачи не только по добыванию информации о расстановке политических сил в стране, но и по оказанию выгодного для СССР влияния на руководящих деятелей ФРГ.

О том, как справилась с этими задачами руководимая Иваном Ивановичем резидентура, свидетельствует заключение Центра о его работе: «За этот период ему удалось добиться положительных сдвигов в информационной работе резидентуры... Важно отметить концентрацию сил и внимания резидентуры на добывание сведений по наиболее актуальным проблемам внешней и внутренней политики ФРГ. Особенно результативно резидентура работала по освещению положения в ФРГ в период ратификации Московского и Варшавского договоров, а также в связи с досрочными выборами в бундестаг».

В 1970 году в связи с успешной работой Ивану Ивановичу было присвоено звание генерал-майора, а в 1973 году он был награжден третьим орденом Красного Знамени. В западной прессе неоднократ-

но публиковались сообщения о его принадлежности к советской внешней разведке и прямо указывалось на его должность – резидент. Однако характерно, что авторы этих публикаций ни разу не смогли привести каких-либо конкретных данных в подтверждение его разведывательной деятельности.

Последние 13 лет своей службы И.И. Зайцев возглавлял институт, готовивший кадры для внешней разведки. На эту должность он подходил, как никто другой. Дарованные Ивану Ивановичу природой и жизненным опытом доброжелательность к людям, терпение, юмор и добрая ирония создавали вокруг него здоровую атмосферу, он пользовался непререкаемым авторитетом у слушателей и преподавателей Института. О слушателях проявлял отеческую заботу. Выпускники факультета усовершенствования разведшколы до сих пор вспоминают случай, как однажды Иван Иванович засиделся с ними на выпускном вечере. Был уже поздний час, и перед тем, как уходить, он сообщил несколько разгоряченным застольем участникам вечера: «Ну вот что, ребята, знаю я вас – еще за руль сядете. Поэтому я дал указание дежурному по школе закрыть входные двери и никого не выпускать до пяти часов утра».

Все, кто соприкасался с Иваном Ивановичем по учебе или работе, сохранили о нем память как о хорошем товарище и друге. Ветеран разведки, проработавший с ним бок о бок много лет, сказал: «Это был чудесный человек, разведчик и педагог».

Скончался И.И. Зайцев 6 мая 1986 года. Его боевой и трудовой путь отмечен многими орденами и медалями СССР и зарубежных стран.

46

Николай Петрович Лысенков

Николай Петрович Лысенков был направлен на работу в органы госбезопасности в 1938 году. После окончания оперативных курсов при Высшей школе НКВД СССР тридцатилетний Лысенков оказался в кадрах внешней разведки, где прошел сравнительно короткий, но яркий путь служения Родине и сумел внести достойный вклад в дела разведки.

Родился Николай Петрович в ноябре 1909 года в городе Балаково Саратовской области в семье служащего. Его отец был счетоводом. Окончив в 1927 году школу-девятилетку с педагогическим уклоном, Лысенков начал работать вначале в детском доме, а затем учителем младших классов в школе.

В 1930 году Николай Петрович поступил на историко-экономическое отделение Саратовского пединститута. После трех лет учебы в институте он был назначен на должность заведующего учебной частью педагогического техникума в своем родном городе.

Тяга к знаниям привела Лысенкова в 1935 году в аспирантуру Московского государственного педагогического института по кафедре новой истории. Молодой аспирант работал над программой кандидатского минимума, настойчиво изучал немецкий и французский языки, все экзамены сдал на «отлично».

Лысенков упорно трудился над пополнением и расширением теоретических знаний. Пытливый ум, трудолюбие, широкий диапазон интересов и большие способности отличали Николая Петровича, поэтому не случайно на него пал выбор при отборе кандидатов для работы во внешней разведке органов госбезопасности.

Время было напряженное, ощущалось приближение военной грозы, и разведке предстояло решать сложные задачи, которые выдвигались самой жизнью. После короткой подготовки в Центре Лысенков в 1939 году выехал на работу в Латвию. Молодой разведчик сразу же ощутил сложность обстановки, которая была характерна в то время

для Латвии, где у власти находилось профашистски настроенное правительство Ульманиса.

Едва Николай Петрович освоился со спецификой работы в Латвии, как последовал перевод его на работу в Финляндию, где обстановка была еще более сложной.

Будучи корреспондентом ТАСС, Лысенков решал и возложенные на него оперативные задачи. Целеустремленность и упорство позволяли молодому разведчику устанавливать интересные контакты. В Центре работа Лысенкова оценивалась как результативная.

За время работы в резидентурах в Латвии и Финляндии произошло становление Николая Петровича как разведчика.

Как свидетельствовали его соратники, залогом его успехов не в последнюю очередь являлся его общительный, открытый характер, умение интересно вести беседу. Люди тянулись к нему.

В Финляндии Лысенков работал вплоть до ее вступления в войну на стороне фашистской Германии.

Будучи сотрудником центрального аппарата внешней разведки в тревожные будни первого, самого трагического периода Великой Отечественной войны, Николай Петрович рвался на фронт, но его нагружали новой и новой работой.

В 1943 году его направили в тегеранскую резидентуру. Там он принимал участие в решении задач по обеспечению безопасности работы Тегеранской конференции руководителей трех держав – участниц антигитлеровской коалиции.

В Тегеране Николай Петрович прошел школу работы под руководством таких разведчиков, как Иван Иванович Агаянц, который был в те годы резидентом, и Павел Матвеевич Журавлев, который сначала был заместителем у Ивана Ивановича, а после отъезда Агаянца возглавил резидентуру.

Имея на связи полтора десятка источников, он широко использовал их для получения разведывательной информации и оказания выгодного для СССР влияния на правительственные круги Ирана.

В тегеранской резидентуре Николай Петрович развил и навыки вербовочной работы, используя возможности прикрытия. А он тогда занимал в Тегеране должность заведующего консульским отделом посольства.

За успешное выполнение разведывательных заданий в Иране Н.П. Лысенков в ноябре 1944 года был награжден орденом «Знак Почета».

В 1945 году он был назначен заместителем резидента во Франции. Во главе парижской резидентуры стоял тогда Иван Иванович Агаянц. Сложился дружный и работоспособный руководящий тандем.

В Париже ярко раскрылся талант Николая Петровича. Хорошо изучив обстановку в послевоенной Франции, он умело строил работу

с иностранцами и добился положительных результатов в оперативной работе.

После отъезда Агаянца в Москву Лысенков возглавил парижскую резидентуру. Его личная активная работа по созданию агентурных позиций в Париже служила наглядным примером для молодых разведчиков, и коллектив трудился весьма плодотворно.

Высок был авторитет Советского Союза в послевоенные годы, и состав парижской резидентуры создал хорошие возможности, которые позволяли регулярно добывать ценную информацию, включая документальную.

Один из ее бывших сотрудников вспоминал, как благодаря умелой работе с одним из источников ему удалось выполнить срочное задание Центра – добыть важные документы, касавшиеся «плана Маршалла».

«Естественной была радость Николая Петровича, радость за меня, – вспоминал разведчик. – Но резидент предостерег от зазнайства и предложил глубже изучать связи источника». И работа в этом направлении принесла резидентуре новые успехи.

Возвратившись в 1950 году в Москву, Николай Петрович получил назначение на должность заместителя начальника одного из управлений внешней разведки. Это было признанием его заслуг и опыта.

Итак, выдвижение. А ведь незадолго до того Николай Петрович в одной острой ситуации, не позволявшей медлить и посоветоваться с Центром, принял решение на свой страх и риск. Об этом руководство разведки доложило тогдашнему министру госбезопасности, и Берия предложил «выгнать с работы Лысенкова». Но жизнь показала верность этого решения. Разведчик обеспечил государству на долгие годы канал получения важной и нужной информации.

В послевоенные годы отношения Советского Союза с Соединенными Штатами Америки складывались очень непросто. В Центре было принято решение укрепить резидентуры в Америке, и в Нью-Йорк в 1952 году был направлен резидентом Н.П. Лысенков.

Для нового резидента США были во многом незнакомой страной в разведывательном плане. Он начал упорно изучать обстановку в стране, совершенствовал знание английского языка. И, как всегда, Н. Лысенков большое внимание обращал на сплочение коллектива, создание нормальной рабочей атмосферы. В Нью-Йорке он пользовался большим уважением не только со стороны сотрудников резидентуры, но и Постоянного представительства СССР при ООН. Даже Вышинский, который тогда возглавлял Представительство и отличался, мягко говоря, своеобразным характером, проникся уважением к Николаю Петровичу.

Н. Лысенков был человеком дела, вся его энергия была устремлена на обеспечение успешной работы всего коллектива резидентуры. Вместе с тем он горячо переживал за дочерей, остававшихся в Мо-

скве. В одном из писем Николай Петрович отмечал, что преодоление дочерьми возникших у них трудностей в учебе порадовало отца и мать: «У меня теперь есть полная уверенность в ваших успехах. Дело все в том, что надо много работать. Я еще раньше вам говорил – в работе душа не ржавеет, остается чистой!».

У Николая Петровича было слабое здоровье, он им по-настоящему никогда не занимался. В сентябре 1954 года он почувствовал боли под лопаткой, а через некоторое время ему стало трудно принимать пищу. Медицинское освидетельствование в американской клинике, а затем и в Москве показало, что у него тяжелое заболевание. Сказалась напряженная работа.

В делах служебной переписки имеются свидетельства того, что для Лысенкова работа была на первом месте и лишь в самых критических ситуациях, когда ему было, видимо, совсем уж невмоготу, он ставил вопрос о каком-то подобии отдыха.

Так, в июле 1948 года из Парижа поступила телеграмма, в которой Николай Петрович отмечал, что с 1938 года он ни разу не пользовался отпуском, и просил руководство Центра разрешить ему в течение десяти дней отдохнуть на месте, поскольку занятость по прикрытию не позволит ему выехать в Союз.

Такая просьба была обусловлена действительно серьезными причинами. Сотрудница резидентуры Ася в письме в Центр отмечала, что в коллективе резидентуры опасаются за состояние здоровья резидента. У Николая Петровича часто стали проявляться явные признаки язвы желудка. Поэтому она сочла необходимым довести это до сведения руководства Центра, поскольку резидент из-за своей скромности об этом не сообщит. Да и в Париже он всех уверял, что чувствует себя хорошо.

Но наступил момент, когда болезнь проявила себя серьезно. Операция и лечение на какое-то время сдержали развитие болезни. Николай Петрович мужественно переносил испытания, но, будучи человеком долга, понимал, что уже не может отдавать все силы работе. В 1955 году он вышел на пенсию.

Николай Петрович был страстным библиофилом и собрал отличную библиотеку. На досуге у него открылось еще одно увлечение – живопись. Видимо, природа щедро наделила его талантами, и друзья отмечали высокое качество пейзажей, выходивших из-под кисти Николая Петровича.

В 1956 году болезнь стала прогрессировать, и Лысенкова не стало, а было ему всего лишь сорок семь.

Короткий путь прошел в разведке Николай Петрович Лысенков, до обидного короткий. Но он оставил о себе добрую память. До сих пор отдельные его операции являются образцами профессионального мастерства, на которых должно учиться новое поколение разведчиков.

Его отношение к людям, умение слушать и слышать человека – это дар свыше, а это не каждому, к сожалению, дано. Умение располагать к себе людей, заинтересовать собеседников, которые подпадали под обаяние его личности, его душевность в общении – это вслед за профессионализмом важное и ценное качество разведчика.

В Кабинете истории СВР имеется фотокопия титульного и последнего листов книги «Сын народа» Мориса Тореза, который длительное время был генеральным секретарем Центрального комитета Французской компартии. (Кстати, после его смерти тогдашний президент страны генерал де Голль назвал Мориса Тореза великим сыном Франции.)

Так вот, Морис Торез подарил в Париже свою книгу Николаю Петровичу со следующей надписью: «Моему товарищу Николаю с братскими чувствами», и подпись.

Много было друзей у Николая Петровича. Все они тепло относились к нему. Одни из них знали, что он разведчик, другие догадывались, а третьи просто видели в нем открытого, обаятельного человека.

Таким он и сохранился в памяти тех, кто знал его при жизни, таким запечатлелся он в сознании молодежи, которая вступила на трудный, но интересный и нужный Родине путь разведчика.

Имя Николая Петровича Лысенкова увековечено на Мемориальной доске Кабинета истории СВР.

47

Они помогали создавать атомный щит Родины

Давно отгремела Великая Отечественная война 1941–1945 годов, растаял лед холодной войны, но до сих пор сохранилась в людских сердцах память о тех людях, которые отстояли свое Отечество от фашистского нашествия. До сих пор благодарные потомки несут цветы к могилам героев.

Наш рассказ о героях военных и первых послевоенных лет. Они не ходили в атаку, не бросались на дзоты, не захватывали «языков». Они носили шляпы и галстуки, а иногда надевали и смокинги. Но так же, как и герои на полях сражений, рисковали жизнью во имя Родины и человечества. Им тоже давали ордена и медали... Но только к концу XX столетия их ратный труд был по достоинству отмечен – к сожалению, для некоторых посмертно.

15 июня 1996 года был опубликован Указ Президента Российской Федерации о присвоении звания Героя России:

1. Квасникову Леониду Романовичу (посмертно).
2. Яцкову Анатолию Антоновичу (посмертно).
3. Крогер Хелен (посмертно). (Ее мужу, Питеру Крогеру, – Моррису Коэну звание Героя России было присвоено 20 июля 1995 года).
4. Барковскому Владимиру Борисовичу.
5. Феклисову Александру Семеновичу.

Кто они, эти герои, за что получили это высокое звание? Все они – сотрудники внешней разведки. Все они получили звание Героя России за оказание помощи советским ученым в создании атомной бомбы, тем самым лишив Соединенные Штаты Америки монополии на смертоносное оружие.

Нетрудно представить себе, какие это имело последствия для всего международного сообщества.

Немного предыстории. К концу 1939 года ученые пришли к выводу, что уран-235 – это тот элемент, на базе которого можно создать

оружие огромной силы. Но тогда эта идея казалась делом весьма отдаленного будущего.

Однако в том же 1939 году советские ученые Курчатов, Флеров, Харитон, Зельдович и другие пришли к выводу, что создание атомного оружия – это идея не столь уж далекого будущего. Сотрудники Института химической физики Яков Зельдович и Юлий Харитон провели расчеты цепных реакций и определили порядок критической массы урана-235. Она составила около 10 килограммов. В лаборатории ядерной физики в Физико-техническом институте, который возглавлял академик А.Ф. Иоффе, Георгием Флеровым и Константином Петраковым в 1940 году было зарегистрировано спонтанное, без облучения нейтронами, деление тяжелых ядер урана.

В этой связи Академия наук постановила считать ядерную физику одним из своих кардинальных направлений.

Вскоре в Чикаго физику Э. Ферми, эмигрировавшему из Италии, удалось осуществить ядерную реакцию. Научно-техническая разведка СССР – тогда очень маленькое подразделение, которое возглавлял Леонид Романович Квасников, – отметила, что ученые США и Англии стали заниматься этой проблемой. А когда началась война в Европе, Квасников обратил внимание на то, что со страниц американских журналов, как по команде, исчезли имена видных ученых, ранее регулярно печатавших статьи по проблемам ядерной физики. Стало ясно, что исследования по урану засекречены по военным соображениям.

В конце 1940 года Квасников явился инициатором направления в резидентуры в США, Англии и Германии директивы с указанием приступить к получению сведений о создании атомного оружия.

Нападение Германии на СССР сделало эту задачу еще более актуальной. Обладание новым оружием могло существенно изменить ход военных действий. Союзники СССР имели наиболее полные сведения по расщеплению атома, но не собирались ими делиться с СССР. Вот почему в Англию и США были направлены сотрудники разведки, которые обладали нужными научно-техническими знаниями.

* * *

Первым в Указе о присвоении звания Героя России стоит имя Леонида Романовича Квасникова. Он родился 2 июня 1905 года в семье железнодорожника на небольшой станции Узловая Тульской губернии. Трудовую деятельность начал в 17 лет рабочим. В 1926 году окончил в Туле железнодорожный техникум и стал помощником машиниста, а затем машинистом паровоза.

В 1934 году окончил механический факультет Московского института химического машиностроения (МИХМ). Год работал на Чернореченском химкомбинате в г. Дзержинске Горьковской области, а после этого поступил в аспирантуру Московского института

химического машиностроения. В 1938 году, будучи аспирантом, принимал участие в работе специальной комиссии Наркомата оборонной промышленности по обследованию заводов, выпускавших боеприпасы. Внес несколько предложений по автоматизации операций по производству артиллерийских снарядов, которые были внедрены в производство.

Л.Р. Квасников по своим данным мог бы стать крупным ученым или инженером. Но в сентябре 1938 года его направили на работу в органы государственной безопасности.

Путь в разведке Квасников начал с должности старшего оперуполномоченного отделения научно-технической разведки (НТР). В то время неоднократно выезжал в служебные командировки в Германию и Польшу. В период с 1939 по 1942 год был заместителем, а затем начальником отделения НТР. По свидетельству очевидцев, которые знали Л.Р. Квасникова по совместной работе в то время, по натуре он был неразговорчивым, несколько замкнутым человеком, но заботливым и справедливым по отношению к товарищам.

Квасников не порывал связь с наукой и следил за появлением новых научных достижений. Это позволило ему дать своевременную направленность разведывательным поискам.

В сентябре 1941 года один из членов «кембриджской группы» передал лондонской резидентуре сборник документов, посланных «урановым комитетом» премьер-министру У. Черчиллю. Из документов следовало, что Великобритания и США начинают практическую работу по созданию атомной бомбы. Центр исследований был перенесен за океан. Поэтому было принято решение о направлении Л.Р. Квасникова в командировку в США, чтобы он мог там непосредственно наладить работу по добыванию информации об атомном оружии, возглавив научно-техническую разведку в Нью-Йорке.

В январе 1943 года новый руководитель НТР выехал в Америку. В Нью-Йорке Квасников проявил высокий профессионализм и глубокое понимание всего круга проблем, над которыми работали его сотрудники. Из резидентуры в Центр в большом объеме поступала документальная информация и образцы техники по авиации, радиолокации, химии, медицине, представляющие значительный интерес для отечественной промышленности, работавшей на нужды фронта.

Квасникову нередко приходилось принимать решения, руководствуясь здравым смыслом и считая, что на месте ему виднее, чем кому-то другому за десятки тысяч километров от Нью-Йорка. Основной заботой становилась атомная проблема. Под руководством Квасникова были добыты важные материалы по использованию атомной энергии в военных целях. О предстоящем испытании атомной бомбы нью-йоркская резидентура информировала Центр заблаговременно. Когда 16 июня 1945 года над пустыней Нью-Мехико поднялся гриб атомного взрыва, основные данные, касающиеся устройства атомной

бомбы, материалов, применяемых при ее конструкции, уже находились в распоряжении советских ученых.

После успешного завершения командировки Квасников в ноябре 1945 года на американском пароходе «Натан Тоусон» покинул США. Резидентом НТР был официально назначен А.И. Раина. Но он вернулся в Москву в первой половине 1946 года. Вместо него в качестве и.о. резидента оставался А.А. Яцков.

Вернувшись на Родину, Квасников продолжал работу в центральном аппарате разведки. С 1948 по 1963 год он являлся бессменным начальником отдела НТР. Именно в этой должности проявились его блестящие организаторские способности. Квасников первым в разведке четко определил и сформулировал цели и задачи, стоящие перед научно-технической разведкой Советского Союза. Под его руководством НТР добилась серьезных успехов в решении этих задач.

Л.Р. Квасников, к сожалению, был вынужден много времени тратить на то, чтобы отбиваться от некомпетентных указаний тогдашнего руководства КГБ, которое не всегда понимало специфику научно-технических задач, а порой и требований конспирации. Берия, например, потребовал представить ему списки всей агентуры отдела с указанием фамилий и мест работы агентов. Квасников, получив указание, всячески тянул с его выполнением, давал другие списки, будто не понимал, о чем идет речь.

В 1953 году Берия приказал Квасникову сократить аппарат НТР на 50%, потом оставшуюся половину – еще на 50%. «Уволенные» сотрудники, однако, по ходатайству Квасникова получали зарплату по отдельному списку, а не в кассе. В результате удалось сохранить 70% уникального личного состава НТР.

Как вспоминал один из подчиненных Квасникова, «Леонид Романович никогда не рубил сплеча. Проштрафившемуся сотруднику давал время исправиться. Были случаи, когда уволенному сотруднику, который был способен хорошо работать, он помогал устроиться на гражданке».

Такого же мнения о Квасникове были и другие сотрудники, пришедшие вместе с ним в отдел НТР.

При реализации разведывательной информации Квасников поддерживал тесный контакт с учеными-атомщиками, а также с министрами и руководителями профильных предприятий. Характерно, что все они относились к нему с величайшим уважением.

В 1963–1966 годах Квасников работал старшим консультантом при начальнике ПГУ КГБ по научно-технической разведке. В декабре 1966 года вышел на пенсию.

За достижение высоких результатов полковник Л.Р. Квасников был награжден орденом Ленина и другими орденами.

Умер Квасников 15 октября 1993 года и похоронен с воинскими почестями на Ваганьковском кладбище в Москве.

* * *

Анатолий Антонович Яцков родился 31 мая 1913 года в г. Аккерман (ныне г. Белгород-Днестровский в Молдавии).

В 1914 году семья переехала на жительство в Центральную Россию. Учебу Анатолий Яцков продолжил в Большой Грибановке, на Тамбовщине. Работал на местном сахарозаводе, а затем переехал в Москву, где устроился чернорабочим. Жил в бараках на Нижних Котлах, строил гаражи на Хамовническом плацу, слесарил в мастерской и одновременно учился.

В 1937 году А.А. Яцков окончил Московский полиграфический институт и работал инженером-технологом на столичной картографической фабрике им. Дунаева. Активно занимался парашютным спортом.

В 1939 году был рекомендован на работу в органы государственной безопасности. После окончания специальной разведывательной школы некоторое время работал в центральном аппарате разведки, а перед началом Великой Отечественной войны был направлен стажером в резидентуру внешней разведки в Нью-Йорк.

В США Яцков приехал в феврале 1941 года и был определен в Генеральное консульство СССР в Нью-Йорке. Как говорил сам Анатолий Антонович, «атомной тематикой пришлось заниматься с конца сорок второго – начала сорок третьего года».

Работать по атомной тематике было сложно в связи с очень жестким режимом на объектах. Ряд специалистов считали, что нужно помогать Советскому Союзу, с которым союзники имели соглашение о военном сотрудничестве. Эта их точка зрения не изменилась и после того, как Германия была побеждена. Они опасались, что монополия США на атомную технологию может стать причиной возникновения военного конфликта, тогда как наличие атомного оружия у СССР создаст необходимый противовес.

На расспросы, не было ли страшно, когда добывали документацию по атомной бомбе, Яцков отвечал: «Мы сравнивали свой риск с тем, которому подвергались наши сверстники на фронтах войны с фашистами, в партизанских отрядах. Да, была забота, тревога, чтобы не было срывов, провалов. Было удовлетворение от того, что справились с этим делом, несмотря на отдельные отчаянные моменты, которые скорее переживали наши связники, перевозившие секретные материалы».

Касаясь полемики в средствах массовой информации относительно роли разведки и ученых в создании советского атомного оружия, А.А. Яцков говорил: «Конечно, закрытость темы породила ряд недоумений. Когда академик Александров, который тогда не занимался вплотную этими проблемами, уверял, что ученые все сделали сами, то, видимо, он не был в курсе обстоятельств, которые в полном

объеме были известны лишь академику Курчатову, руководившему так называемой лабораторией № 2 и который получал то, что мы по его просьбе добывали».

«С другой стороны, было бы преувеличением, – говорил Яцков, – утверждать, будто разведка сама создала атомную бомбу, – это, конечно, ерунда. Бомбу делали ученые, специалисты, техники, опираясь на научный и экономический потенциал страны».

«Важно, конечно, было то, – добавлял Яцков, – что добытой разведкой информации отвечала степень подготовленности советских ученых. Разумеется, если бы ту же информацию получило какое-нибудь развивающееся государство, эффект был бы иным. А в целом противопоставлять советских разведчиков и ученых неправомерно».

На вопрос: «Ваше отношение к атомному оружию?» – Яцков ответил: «Чувство у меня такое: это оружие появилось значительно раньше того, когда оно должно было бы появиться. Общество на нашей грешной земле еще устроено так, что доверять ему такую страшную силу было рано. И его появление – это скорее не источник радости, а дополнительная тревога. Появляется опасность атомного шантажа, угроза, что тебя обгонят, придумают нечто еще более изощренное. И просто возможен человеческий промах, случайности рокового рода».

В командировке Яцкову выпала задача обеспечивать мероприятия по добыче особо секретной информации по созданию атомного оружия, операции, получившей кодовое название «Энормоз».

25 апреля 1945 года военный министр США вручил тогдашнему президенту записку, в которой говорилось: «Через четыре месяца мы завершим работу над оружием, которого не знало человечество». Хозяин Белого дома знал: речь шла об атомной бомбе. Однако знал об этом не только президент США. Подробно осведомлены об этом были и те лица, которым посвящен этот рассказ, а стало быть, и лица, ответственные за состояние советских вооруженных сил и безопасность страны.

После заграничной командировки Анатолия Яцкова руководители отдела составили на него служебную характеристику, в которой писали:

«В довольно сложных условиях оперативно и грамотно решал поставленные перед ним задачи Центра. Скромен, интеллигентен и выдержан. Работу хорошо знает и любит. Умеет вербовать и воспитывать своих помощников. Самостоятелен. Делу Родины предан.

Учитывая, что Яцков за шесть лет работы в нью-йоркской резидентуре не был расшифрован спецслужбами противника, находился вне их подозрения, полагали бы возможным с учетом знаний английского и французского языков использовать его впредь на работе в одной из загранточек».

Благодаря резидентуре НТР, в состав которой входил Яцков, советская разведка получила в США ключевые расчеты, схемы и черте-

жи по Манхэттенскому проекту (производство американцами атомной бомбы).

Яцков по возвращении из США некоторое время работал в центральном аппарате, а затем был направлен на работу заместителем резидента во Францию.

Вернувшись из Западной Европы, Яцков возглавлял факультет в Краснознаменном институте КГБ СССР им. Ю.В. Андропова (ныне Академия внешней разведки). Пользовался исключительным уважением у слушателей и преподавателей за свою честность, прямоту в суждениях.

В 1985 году полковник Яцков вышел в отставку. Однако продолжал поддерживать тесную связь с коллективом, часто выступал перед молодыми сотрудниками разведки. В прессе появлялись его статьи, воспоминания и рецензии.

«Нашу бомбу, – писал Яцков в одной из статей, – создали ученые, инженеры, рабочие, а не разведка. В невероятно сложных условиях и в короткие сроки они сумели создать атомный щит для Родины. Сведения, добытые разведкой, только ускорили эту работу».

За большой вклад в дело обеспечения безопасности полковник А.А. Яцков был награжден орденом Октябрьской революции, многими другими орденами и медалями.

Скончался Анатолий Антонович 26 марта 1993 года, похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

* * *

В списке героев есть и женщина. Ее настоящее имя – Леонтина-Тереза Петке. Родилась она в штате Массачусетс (США) 11 января 1913 года в семье выходца из Польши Владислава Петке. Рано стала принимать участие в политической деятельности. Вступила в компартию США, была профсоюзной активисткой.

Со своим будущим мужем Моррисом познакомилась на антифашистском митинге в Нью-Йорке. Моррис к тому времени возвратился из Испании, где участвовал в борьбе с франкистами и был ранен. Отважный американец покорил сердце девушки, и в 1941 году они поженились. Узнав о связях мужа с советской разведкой, Леонтина без колебаний согласилась помогать ему в тайной деятельности.

В годы войны она стала работать в качестве агента-связника резидентуры в Нью-Йорке. Моррис был мобилизован в американскую армию и направлен в Европу для участия в боевых действиях. В конце войны был демобилизован, и оба продолжили сотрудничество с советской внешней разведкой. Начиная с 1943 года резидентура в Нью-Йорке приступила к сбору информации о так называемом «Манхэттенском проекте», о работах ядерного центра в Лос-Аламосе по созданию атомной бомбы. Еще перед тем, как 16 июня 1945 года

было проведено первое испытание, в Москве уже знали об основных данных, касающихся устройства бомбы, которые помогали советским ученым создавать свое собственное атомное оружие. Это была рискованная работа, и Леонтина проявляла при этом удивительную находчивость и самообладание.

Неоднократно работа супругов Коэнов оказывалась под угрозой раскрытия. Приходилось временно прерывать с ними связь. В 1948 году они были включены в группу, которой руководил разведчик-нелегал В. Фишер, ставший известным под именем Рудольфа Абеля. В 1950 году в связи с предательством в его группе Коэны были вывезены в Москву. Здесь Леонтина получила специальную подготовку для работы радистом-шифровальщиком. А в 1954 году супруги с новозеландскими паспортами на имя Питера и Хелен Крогеров прибыли в Лондон, где начали работать в нелегальной группе, которой руководил К. Молодый (псевдоним «Бен»). С 1955 по 1960 год резидентура Бена получила и передала с помощью Коэнов–Крогеров в Москву большое количество секретнейших материалов, касавшихся британских программ вооружений, в том числе ракетного оружия.

В связи с предательством группа была раскрыта, а Крогеры арестованы. 13 марта 1961 года суд приговорил Хелен Крогер к 20 годам тюремного заключения, несмотря на то что в ходе процесса ее причастность к советской разведке не была доказана.

Хелен-Леонтина содержалась в особо тяжелых условиях, подвергалась тягчайшим унижениям. Здоровье ее было серьезно подорвано. Но ничто не сломило ее стойкости, преданности делу и людям, с которыми она работала.

В 1969 году состоялось освобождение Леонтины и ее мужа: они были обменены на агента британских спецслужб Д. Брука и 25 октября прибыли в Москву. Здесь состоялась их встреча с В. Фишером и К. Молодым.

Леонтина и ее муж продолжали трудиться в управлении нелегальной разведки. Она была награждена орденами Красного Знамени и Дружбы народов.

23 декабря 1993 г. Леонтины не стало. Моррис скончался 23 июня 1995 года. Супруги похоронены на Новокунцевском кладбище в Москве.

* * *

Героем России 15 июня 1996 года стал Владимир Борисович Барковский. Родился он 16 октября 1913 года в г. Белгороде Курской губернии в семье служащих.

После окончания средней школы в 1930 году работал слесарем на заводе и учился на вечернем рабфаке. В 1934 году стал студентом Московского станкоинструментального института. Активно зани-

мался планерным и парашютным спортом в Московском студенческом аэроклубе. Закончил летную школу ОСОАВИАХИМа и как пилот был приписан к истребительному полку ПВО г. Москвы.

В 1939 году, окончив институт, был призван на службу в органы государственной безопасности и направлен в специальную разведывательную школу. И уже в конце 1940 года был направлен на работу в Англию в качестве оперативного сотрудника лондонской резидентуры по линии научно-технической разведки. Вот как он рассказывает об обстоятельствах того времени:

«В 1937–1938 годах органы государственной безопасности существенно пострадали от распространившихся на них репрессий. Ликвидировались целые резидентуры, многие разведчики стали жертвами произвола, агентуру стали подозревать в двурушничестве. Словом, в преддверии войны с Германией разведка была существенно ослаблена.

Понимание того, что вести войну, не имея эффективной разведки, нельзя, привело к решению Политбюро ЦК партии о мерах по усилению разведывательной деятельности в странах «оси» и в других ведущих капиталистических государствах, пополнению разведки кадрами из партийного и советского аппарата и о переходе к стационарной подготовке разведчиков. Так возникла Школа особого назначения. Это позволило приступить к собиранию сил, необходимых для вступления разведки в войну во всеоружии. Эти силы пополнились выпускниками ШОН набора 1939 и 1940 годов, среди которых оказался и автор этих воспоминаний, направленный на работу в английское отделение 5-го отдела ГУГБ НКВД.

С настроением не оплошать я выехал в Лондон в конце ноября 1940 года после непродолжительной стажировки в английском отделе МИД СССР. Примечательным моментом перед выездом из Москвы явилась беседа с В.М. Молотовым. В доброжелательном тоне, хотя и несколько суховато в силу присущих ему черт характера, Молотов рассказал о положении в Англии, о состоянии англо-советских отношений, о политических задачах нашего посольства в Великобритании. Указал, что предстоит серьезная работа, учитывая традиционную недружественную политику ее правящих кругов в отношении Советского Союза.

В Лондон я прибыл в начале февраля 1941 года. Европейский путь был тогда закрыт из-за начавшейся Второй мировой войны, и ехать пришлось через Японию, Гавайские острова, США и вокруг Ирландии в Ливерпуль. Здесь мне довелось принять боевое крещение в полном смысле этого слова. После того как нас устроили в отеле ожидать ночной поезд на Лондон, начался налет немецкой авиации на Ливерпульский порт. Еще днем мы ходили по городу, и вид развалин произвел удручающее впечатление. Теперь же от грохота зениток и разрывов бомб, воя сирен, прямо скажу, человеку, привыкшему к мир-

ной жизни, стало страшновато, но я невольно поддался удивительно спокойному отношению англичан к этому событию и понял, что им свойствен стоицизм, мужество и, как я потом убедился, патриотизм и постоянная готовность постоять за свою страну и рисковать перед лицом опасности. Понял я и то, что отныне этот «шумовой оркестр» будет неизбежным спутником моей жизни и деятельности в Англии, с которым придется считаться, ведя разведывательную работу. Как ни странно, это успокаивало.

В отличие от нью-йоркской резидентуры, лондонская начала свою работу практически с нулевой отметки, ибо в начале 1939 года по указанию Берии она была ликвидирована, а агентурная сеть оставлена на произвол судьбы. Ее надо было оживлять, и в ноябре 1940 года прибыл новый резидент – Анатолий Вениаминович Горский. Он начал свою работу с восстановления связи с «кембриджской пятеркой».

Выход на первую встречу с агентом запомнился на всю жизнь. Получив адрес, данные об агенте и пароль, я прибыл к месту его жительства, но половины его дома не существовало – накануне был налет на Лондон немецких бомбардировщиков. Я взялся помочь какой-то пожилой женщине вытащить ее вещи из-под обломков. В завязавшемся разговоре она сообщила, что в их доме жило несколько европейцев, которых переселили в дом на соседней улице. Там и был найден объект моего интереса.

За этим агентом последовали другие, стал накапливаться опыт ведения разведки в сложных условиях.

Лондонская резидентура явилась пионером в разведывании проблем создания атомного оружия, которое можно считать целой эпопеей в научно-технической разведке, и причастность к ней составляет, по справедливости, предмет гордости всех тех, кто добывал для страны нужную информацию.

Резидент Горский поручил выполнение этой задачи одному из членов «пятерки». В сентябре 1941 года тот передал Горскому подборку материалов. Из них явствовало, что создание атомной бомбы в Англии приняло практические очертания. В подборке были подробные сведения о создании и деятельности «уранового комитета», о технологии производства урана-235, о конструкции атомного заряда атомной бомбы пушечного типа, об исследовательских и промышленных центрах страны. С одобрения Объединенного комитета начальников штабов предполагалось создать атомную бомбу в течение двух лет.

Принеся эту информацию, Горский, учитывая ее насыщенность технической терминологией, поручил мне, как инженеру, подготовить для Центра обзорную телеграмму. Это было мое первое, может быть, еще не осознанное по степени важности соприкосновение с проблемой атомного оружия. Позже я принял на связь агента, не-

посредственного участника исследований, проводившихся в Англии. На первой же встрече он оживленно стал мне втолковывать значение точного определения величины сечения захвата нейтронов атомами урана-235 для успешного протекания реакции деления. Обнаружив, что все это находится за пределами моего понимания, он поинтересовался, как я думаю строить свою работу с ним дальше. Я предложил передавать ему вопросы наших специалистов, а он будет готовить ответы. Он сказал, что предпочел бы в моем лице иметь дело с человеком, который в состоянии осмысленно участвовать в обсуждении передаваемой им информации. И предложил мне купить американский учебник «Прикладная ядерная физика». Пришлось «сесть за парту». Эта учеба стоила бессонных ночей, но мы оба были довольны, когда однажды он сказал, что теперь со мной можно иметь дело.

Позже появилась потребность в создании агентурной сети из непосредственных участников соответствующих исследований. Один из них по собственному почину вышел через своего знакомого на Горского и в декабре 1941 года передал свой первый материал. После изучения и проверки он был завербован в 1942 году. Второй агент работал в системе «уранового комитета». Третий агент был завербован мной. Таким образом возникла компактная, но эффективная агентурная сеть этого профиля.

Вообще агентурная сеть лондонской резидентуры, как она сложилась в предвоенные годы, состояла из людей, близких нам идейно-политически, начавших и продолжавших сотрудничать с нами исходя из морально-нравственных соображений, людей пунктуальных, инициативных и мужественных.

Вспоминается, как резидент решил однажды вознаградить агента, добывавшего исключительно ценные сведения о радиолокации. Зная этого человека, я понимал, что ни денег, ни ценных подарков он не возьмет. Остановились на обеде. В ресторане он был явно рассержен, почти ничего не ел и не пил, а на мой вопрос, чем объясняется его поведение, ответил: «Сейчас у вас идет битва за Сталинград, мы поставляем вам военную технику и материалы, вы оплачиваете поставки валютой, а ты тратишься на такие пустяки, как этот обед. Прошу в дальнейшем воздержаться от подобных поступков».

Работа в лондонской резидентуре была хорошей школой для накопления опыта разведывательной деятельности. И в моем становлении как разведчика большую роль играли оба резидента: Анатолий Вениаминович Горский (в 1941–1943 гг.) и Константин Михайлович Кукин (в 1943–1946 гг.). В 1946 году окончилась моя командировка и я вернулся на Родину».

После возвращения на Родину В.Б. Барковский находился на руководящих должностях в центральном аппарате научно-технической

разведки. Затем возглавлял резидентуру в Нью-Йорке, пройдя путь от рядового разведчика до резидента, а позже став заместителем руководителя НТР.

В последующем он посвятил себя преподавательской деятельности, являясь профессором одной из кафедр Академии внешней разведки. Кандидат исторических наук. В 1984 году Барковский вышел в отставку по возрасту.

Барковский награжден орденом Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями и знаками.

* * *

В плеяде Героев России, получивших это звание в 1996 году, находится Александр Семенович Феклисов. Он родился 9 марта 1914 года в г. Москве в семье железнодорожного стрелочника.

После семилетки учился в фабрично-заводском училище, затем на рабфаке и одновременно работал на заводе.

В 1939 году окончил Московский институт инженеров связи и был призван на работу в органы государственной безопасности. В январе 1941 года командирован в США в качестве оперативного работника нью-йоркской резидентуры.

За это время трижды был в длительных командировках. Феклисов проработал в органах государственной безопасности 35 лет.

Первый раз находился в США в командировке с января 1941-го по сентябрь 1946 года. В начальный период Феклисов использовался для налаживания работы радиоприемника резидентуры и установления прямой связи с Москвой. Осуществил затем две вербовки и после этого был включен в работу НТР.

В это же время американцы приступили к созданию производственных объектов для изготовления атомной бомбы. За пять лет работы в США Феклисову удалось выполнить целый ряд ответственных заданий Центра по добыванию секретной информации по линии научно-технической разведки.

С сентября 1947-го по апрель 1950 года Феклисов находился на работе в Англии. Он сумел получить секретные документы относительно создания атомного оружия, а также сведения о работе по созданию водородной бомбы.

Третья заграничная командировка Феклисова была снова в США, она продолжалась с августа 1960-го по март 1964 года. На этот раз Феклисов возглавлял резидентуру в Вашингтоне. Это были годы яростной антисоветской и антикоммунистической пропаганды, опасного Карибского кризиса 1962 года.

В 1974 году Александр Семенович Феклисов в звании полковника вышел в отставку, оставаясь служить в разведке в качестве консультанта до середины 1986 года.

Полковник А.С. Феклисов награжден многими орденами, медалями и знаками.

* * *

Таковы вкратце судьбы разведчиков-атомщиков, которые каждый на своем месте внесли неоценимый вклад в создание советскими учеными отечественной атомной бомбы, ставшей надежным щитом безопасности государства. Их имена сохранит история.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рассекреченные документы из архива СВР России, относящиеся к первым двум послевоенным десятилетиям ее деятельности (1945–1964 гг.)

Публикуются впервые

Документы даются с сохранением стиля, орфографии и пунктуации копий, хранящихся в архиве СВР. Редактура первых экземпляров документов, направленных адресатам, может от них несколько отличаться. Фамилии сотрудников разведки, псевдонимы источников, служебные пометки, а также данные, относящиеся к оперативной деятельности разведки, опущены.

№ 1 *Совершенно секретно*

СНК СССР – товарищу С Т А Л И Н У И.В.
НКИД СССР – товарищу М О Л О Т О В У В.М.
НКВД СССР – товарищу Б Е Р И Я Л.П.

6 ноября 1945 г.

НКГБ СССР представляет при этом в переводе с английского языка доклад «О безопасности британской империи» от 29.06.45, составленный штабом послевоенного планирования при Комитете начальников штабов Великобритании.

В докладе рассматривается главным образом потенциальная угроза Великобритании со стороны СССР и меры ее предотвращения.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 68 листах*.

Народный комиссар
государственной безопасности Союза ССР (В. М е р к у л о в)

Совершенно секретно

29 июня 1945 г.

---

* Приложение публикуется с сокращениями. – *Прим. сост.*

Комитет начальников штабов

БЕЗОПАСНОСТЬ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Доклад штаба послевоенного планирования[1]

1. Согласно полученной инструкции мы составили обзор проблем имперской безопасности во всем мире на период 1955–1960 годов. Мы ознакомились с региональными исследованиями, уже представленными начальниками штабов. Обзор составлен в форме проекта для представления начальниками штабов министрам.

2. Мы не нашли возможным дать что-либо большее, чем саму формулировку задач генеральной стратегии. Эта записка должна служить стратегическим руководством для министерства иностранных дел и стратегическим фоном, необходимым военному, морскому и воздушному министерствам для планирования наших послевоенных Вооруженных сил. Для того, чтобы этим планированием было обеспечено наиболее эффективное использование наших возможностей, необходимо:

a) Тщательно изучить и усвоить положения, изложенные в докладе, составленном комитетом во главе с Генри ТИЗАРДОМ и посвященном проблемам научного и технического развития применительно к войне;

b) Подвергнуть анализу основные стратегические и технические уроки, извлеченные из этой войны, с учетом роли всех родов войск.

3. Мы весьма кратко коснулись в параграфе 28 прилагаемой записки некоторых наиболее важных проблем, имеющих отношение к определению нашей подготовленности к войне. Некоторые из этих вопросов уже изучаются в соответствующих комитетах, и мы рекомендуем ознакомить эти органы с настоящей запиской.

4. Как явствует из записки, вопрос об угрозе со стороны враждебного нам СССР занимает большое место в нашем анализе всей стратегической проблемы Великобритании. Однако мы не говорим, что война с СССР вероятна. Мы отказались от любой формы политических прогнозов. Упор на угрозе со стороны СССР, сделанный нами, базируется исключительно на том факте, что если исключить США и бывшие вражеские страны, то СССР остается единственной страной, способной представить серьезную угрозу безопасности империи.

В ближайшем будущем должны быть приняты решения, предусматривающие осуществление мероприятий, касающихся безопасности империи, и мы считаем важным предупредить возможность недооценки военных последствий угрозы со стороны СССР, если таковая когда-либо возникнет.

5. Начальникам штабов, возможно, следует обратить внимание министров на то, что прилагаемая записка исходит из предположения, что Соединенное Королевство, доминионы и Индия будут проводить согласованную стратегическую политику в мирное время, учитывающую интересы защиты империи в целом.

Приложение

БЕЗОПАСНОСТЬ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Оглавление

Введение

Общие замечания.

1. Настоящая записка представляет собою обзор проблем имперской* безопасности. Она имеет целью определить стратегические цели нашей внешней политики и наметить базу, на основе которой должны строиться наши перспективные планы обороны империи.

2. Обзор охватывает период 1955–1960 годов. Если взять более ранний период, то на наши интересы более далекого будущего могли бы оказать влияние задачи нашей безопасности в период, который последует непосредственно за разгромом Германии и Японии.

3. Мы рассмотрели задачи безопасности Британской империи в целом. Если согласованная стратегическая политика не сможет опираться на ресурсы всей империи, по координированному имперскому плану, то влияние и безопасность каждой из отдельных ее частей будут серьезно ослаблены.

4. Основными задачами имперской безопасности являются:

a) сохранение целостности Британской империи против внешних и внутренних угроз;

b) обеспечение безопасности морских и воздушных коммуникаций, от которых зависит спаянность империи, ее доступ к основным видам сырья и ее производственная мощность.

5. Имперская безопасность по существу является проблемой, заключающейся в предотвращении и возможности навязывания нам другими держава-

---

* Краткости ради мы пользовались в записке выражениями «Британская империя» и «Империя»; под ними надлежит подразумевать Соединенное Королевство, доминионы, Индию и колониальную империю.

ми своей воли. Это требует политической активности и военной мощи. Дипломатия может предупредить некоторые угрозы и уменьшить другие; она может содействовать приобретению союзников, чья вооруженная помощь или территория важны во время войны. Однако дипломатия сама по себе не может быть успешной, если она не опирается – и если не знают, что она опирается – на военную силу, достаточную, чтобы убедить и наших друзей и наших потенциальных врагов в нашей способности и решимости выполнить наши обязательства. Так как международное положение может ухудшиться гораздо скорее, чем могут быть созданы вооруженные силы, то военная подготовленность весьма существенна, как бы успокоительно ни выглядели международные перспективы. Военная мощь, важным показателем которой явилась бы обязательная воинская повинность, становится таким образом необходимой для обеспечения успеха дипломатии и предупреждения ее неудач.

Потенциальные враги

6. Ниже мы рассматриваем державы, которые либо в одиночку, либо объединившись могли бы представлять значительную угрозу безопасности Британской империи.

7. Германия и Япония. При условии, что Германия и Япония будут разоружены и что против их перевооружения будут продолжать приниматься эффективные меры, ни одна из этих стран не сможет представлять собою угрозы для Британской империи. Мы, однако, не можем быть уверены, что контроль над этими странами все еще будет столь же эффективен в период 1955–1960 годов. К тому времени оккупационные силы, возможно, уже будут отведены, и Германии и Японии, возможно, удастся в значительной мере вновь вооружиться, разжигая противоречия между великими державами. Хотя нашим делом будет препятствовать их недозволенному вооружению путем своевременных наступательных действий, однако мы должны считаться с возможностью возникновения серьезной угрозы со стороны любой из этих стран в рассматриваемый нами период.

8. Франция. Сомнительно, чтобы Франция к 1955 году приобрела мощь великой державы. Стратегические интересы Франции и Британской империи переплетаются по всему миру, и можно надеяться, что Франция поймет, что для ее интересов наиболее выгодно тесное сотрудничество с Британской империей. Если она не будет сотрудничать с нами, то она станет стратегической помехой, хотя одна она не может представлять собою серьезной угрозы.

9. Китай. Хотя Китай имеет достаточно большие людские резервы, он едва ли будет обладать той политической стабильностью и промышленными ресурсами, которые позволили бы ему одному серьезно угрожать нашим интересам.

10. США и СССР. Как США, так и СССР обладают достаточным потенциалом, чтобы составить серьезную угрозу безопасности Британской империи. В отношении США мы считаем себя вправе, учитывая общее наследие и общий язык этой страны с нашей, исключить возможность войны в результате возникновения каких-либо разногласий или столкновения интересов. Действительно, представляется резонным допустить, что Британская империя и США сохранят то же единство в области основных вопросов обороны, какое наблюдается сейчас. С СССР нас не связывают подобные узы. Было бы легкомысленно пытаться предсказать характер отношений, которые будут существовать между нами и СССР через десять лет, но дело в том, что СССР

доказал наличие у него военного потенциала, могущего составить серьезную угрозу Британской империи. Поэтому мы при оценке задач имперской безопасности обязаны из простой осторожности полностью учесть потенциальные возможности СССР. Определенная политика, направленная на обеспечение нашей военной подготовленности, вполне может оказаться самым эффективным сдерживающим средством для СССР, если он будет замышлять агрессию.

Обязанности наших вооруженных сил

11. Для того, чтобы удовлетворять основным требованиям имперской безопасности, наша стратегическая политика должна учитывать:

a) возможность войны с СССР;

b) необходимость пресечения возможности возрождения Германии и Японии;

c) возможность вооруженного конфликта с малыми державами;

d) необходимость поддержания внутренней безопасности;

e) обязательства по предоставлению вооруженных сил в распоряжение Международной организации.

Основные выводы

Наши основные выводы заключаются в следующем:

Обязанности по имперской обороне

17. Нации, которые в 1955–1960 годах будут обладать достаточной военной мощью, чтобы создать самую серьезную угрозу Британской империи, – это США и СССР. Но так как возможность войны с США отпадает, то нашей первейшей обязанностью в области обороны является оградить империю от возможности проявления враждебности к нам со стороны СССР.

18. Для обеспечения безопасности империи, от наших вооруженных сил потребуется выполнение следующих обязанностей:

a) охрана британских территорий и имперских коммуникаций от советской агрессии;

b) осуществление контроля над Германией и Японией и обеспечение невозможности возрождения этих стран;

c) охрана британских интересов от второстепенных внешних угроз;

d) поддержание внутренней безопасности;

e) участие в Международной организации.

19. Вооруженные силы Британской империи должны быть достаточными, чтобы обеспечить всем членам империи возможность оказывать надлежащее влияние на международные дела и чтобы служить предупреждением для любого потенциального агрессора.

Генеральная имперская стратегия

20. a) Враждебный нам СССР, при условии, что он сохранит свою политическую сплоченность и военную мощь, будет представлять столь большую угрозу Британской империи, что первоочередной целью нашей политики

должно быть предупреждение столкновения с ним; чем сильнее мы будем и чем сильнее нас будут считать, тем вернее мы достигнем этой цели.

b) Весьма существенно, чтобы СССР не объединился с Германией против нас.

c) Члены Британской империи должны действовать в унисон, если они хотят, чтобы образуемая ими империя пользовалась положением великой державы, аналогичным положению США или СССР. Теперь более чем когда-либо важно, чтобы проводилась согласованная стратегическая политика, опирающаяся на ресурсы всей империи, учтенные в координированном общеимперском плане.

d) Об'единенная Британская империя одна, без помощи сильных союзников, не будет в состоянии обеспечить интересы мирового масштаба против советской агрессии.

e) Нам следует способствовать тесному содружеству между Британской империей и сильной Францией для осуществления наших общих интересов во всем мире.

f) Международная организация может содействовать международному сотрудничеству; поэтому мы имеем большую стратегическую заинтересованность в ее успехе. Однако Международная организация не освободит Британскую империю от ответственности за принятие мер для охраны ее безопасности.

g) Для того, чтобы Международная организация развивалась в направлении обеспечения максимального содействия имперской безопасности, мы должны:

1) поощрять идею региональных договоров о безопасности, которыми предусматривалось бы, что каждая великая держава несет основную ответственность за поддержание всеобщего мира в районе, где доминируют ее интересы;
2) убедить США взять на себя определенную военную ответственность в районах наших общих интересов.

21. Относительное значение, которое должно придаваться в мирное время районам, могущим подвергаться серьезной угрозе со стороны СССР, следующее:

a) Первое место должна занимать защита Соединенного Королевства, являющегося центром империи, ее основной оперативной базой и являющегося главным резервуаром белых людских резервов и промышленной базой, а также защита важнейших морских коммуникаций и воздушных путей в Атлантическом океане.

b) Защита района Индийского океана стоит на втором месте после защиты Соединенного Королевства. Он является существенно важным звеном в цепи имперских коммуникаций; Индия имеет большую потенциальную ценность как база и как источник людских резервов и промышленных ресурсов.

c) Средний Восток подвергнется во время войны непосредственной угрозе, и нефтяные месторождения в Ираке и Персии, определяющие нашу основную стратегическую заинтересованность в этом районе, невозможно будет защищать. Морские и воздушные коммуникации на Среднем Востоке менее важны, чем на Индийском океане и к тому же могут быть прерваны в результате операций в Европе. Поэтому защита Среднего Востока не должна обеспечиваться за счет требований безопасности Индии и Индийского океана.

d) Защита тихоокеанского района должна стоять на последнем месте (после Западной Европы, района Индийского океана или Среднего Востока), так как угроза на Тихом океане будет сравнительно отдаленной.

Схема имперской обороны

22. Вооруженные силы империи должны быть готовы к выполнению обязанностей по защите империи в соответствии с генеральной стратегией, изложенной выше.

23. Так как враждебный нам СССР представляет максимальную угрозу империи, то должны быть приняты меры к тому, чтобы мы могли:

a) сыграть нашу роль в локализации первоначального советского наступления;

b) защитить существенно важные районы, базы и коммуникации, а затем

c) развернуть полностью наши ресурсы в сотрудничестве с нашими союзниками и обеспечить требования длительной войны.

Подготовленность вооруженных сил и военной экономики империи должна строиться на базе текущей оценки характера советской угрозы.

24. Меры, принятые для противодействия советской угрозе, одновременно покрывали бы в общем мероприятия по выполнению наших оборонительных требований в отношении возрождающейся Германии или Японии. Однако надлежащие силы должны держаться наготове также для своевременных наступательных действий, чтобы справиться с незаконным вооружением этих стран и вновь занять их, если это потребуется.

Дальнейшие выводы

Наши дальнейшие выводы – по районам – суть:

Западная Европа, Северный Атлантический океан и западная часть Средиземного моря

29. a) Безопасность Соединенного Королевства и его существенно важных коммуникаций серьезно пострадала бы, если бы какая-либо враждебная нам держава сильно укрепилась бы в Западной Европе или на Атлантическом побережье Северо-Западной Африки.

b) Способность Германии вести войну должна быть ликвидирована. Ее недозволенному вооружению надлежит противодействовать своевременными наступательными действиями и если потребуется, то вновь занять ее территорию.

c) Для того, чтобы противодействовать угрозе со стороны СССР или вновь вооружившейся Германии, мы должны:

I) увеличить глубину нашей обороны путем создания в сотрудничестве с союзниками пояса воздушной обороны в Западной Европе;
II) быть готовыми к защите Соединенного Королевства против воздушного и морского вторжения;
III) обеспечить децентрализацию и защиту промышленности Соединенного Королевства;
IV) быть в состоянии предоставить быструю помощь нашим континентальным союзникам и принять меры уже в мирное время для приемки в Соединенном Королевстве и во Франции подкреплений от США;

V) добиться возможности пользования во время войны системой морских и воздушных баз на островах Атлантического океана, в частности на Азорских островах, в Западной Европе и Скандинавии;

VI) контролировать Гибралтарский пролив и не допустить врага в Северо-Западную Африку, Сицилию и Сардинию.

d) Мы должны взять на себя инициативу формирования западно-европейской группы стран, предназначенной первоначально для осуществления контроля над Германией. Кроме Соединенного Королевства и Франции, в эту группу должны входить: Эйре[2], Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Исландия, Португалия и, если возможно, Испания и Италия. Эффективность этой группы перед лицом угрозы со стороны СССР будет зависеть от немедленной помощи США.

e) Хотя вышеперечисленные мероприятия являются наиболее эффективными из тех, что мы можем придумать, мы не должны недооценивать опасности того, что СССР может приобрести плацдарм в Западной Европе и получить доступ к побережью Северного моря и Атлантического океана.

Индия и Индийский океан

30. а) Непосредственная угроза для Индии кроется в воздушном или воздушно-десантном нападении с северо-запада. Хотя затруднения, связанные с передвижением крупных соединений, должны ограничить масштаб советского нападения по суше на северо-западную Индию, наличие угрозы наземного или воздушно-десантного вторжения вызывает необходимость предусмотреть крупные силы для предотвращения этой угрозы.

b) Система противовоздушной обороны на сухопутных границах Индии должна в первую очередь предназначаться для противодействия угрозе с северо-запада. Необходимо подготовить гражданскую оборону и предусмотреть децентрализацию промышленности и подготовку баз.

c) Силы, предназначенные для защиты Индии от наземного или воздушно-десантного вторжения, должны быть высокоподвижными. Для увеличения стратегической подвижности этих сил необходимо усовершенствовать грунтовые дороги, ведущие из Центральной Индии к Афганской и Персидской границе, а также в Бирму.

d) Защита наших морских коммуникаций и воздушных путей потребует целой системы морских и воздушных баз по всему Индийскому океану, включая основную оперативную базу на Цейлоне.

e) Мы должны предотвратить распространение советского влияния в Афганистане.

f) Большое стратегическое значение имеет развитие военного потенциала Индии с тем, чтобы она была в состоянии внести максимальный вклад как в дело своей собственной обороны, так и в военные усилия империи в целом.

g) Мы в высокой степени заинтересованы, со стратегической точки зрения, в сохранении внутренней безопасности в Индии и Бирме; поэтому весьма важно, чтобы в этих странах царили условия политической стабильности и довольства.

Средний Восток и восточная часть Средиземного моря

31. а) Нефтяные промыслы в Персии и Ираке будут чрезвычайно уязвимы в случае войны с СССР, и даже район Суэцкого канала не может считаться в безопасности.

b) Поэтому существенно предпринять в мирное время шаги, которые сократят стратегическую важность для нас во время войны:

I) нефтяных ресурсов Ирака и района Персидского залива;

II) наших морских коммуникаций и воздушных путей на Средиземном море;

III) наших главных военных баз на Среднем Востоке, т.е. в Египте.

c) Тем не менее существенно важно, чтобы в мирное время мы сохранили наше доминирующее положение на Среднем Востоке и чтобы наша военная мощь в этом районе соответствовала этой цели. Средний Восток, во всяком случае, наиболее удобное место для имперского стратегического резерва. Малейшее указание на то, что мы готовы отступить с наших теперешних позиций, подорвет наш престиж и вызовет советское проникновение. Такие последствия неприемлемы как по стратегическим соображениям, так и по политическим и коммерческим причинам.

d) Мы должны постараться добиться, чтобы США взяли на себя военные обязательства по защите Среднего Востока, так как это послужило бы мощным предупредительным средством против советской агрессии.

e) Для того, чтобы быть в состоянии отсрочить продвижение Советов, мы должны стремиться к:

I) увеличению глубины нашей системы обороны, насколько возможно, в северном направлении;

II) обеспечению глубины в тылу нашей обороны посредством системы резервных баз в более безопасных районах. Эти мероприятия ограничат развитие угрозы Индийскому океану и Северо-Западной Африке через Средний Восток.

f) Мы должны поддерживать нашу традиционную дружбу с Грецией. Мы должны постараться помешать СССР угрожать независимости Турции и Персии.

Юго-Восточная Азия и Тихий океан

32. a) Стратегические интересы Британской империи требуют постоянного подавления Японии. Для этой цели мы должны быть готовы предоставить необходимые силы вместе с нашими союзниками.

b) Угроза британским интересам со стороны СССР в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане сравнительно отдаленна. Кроме того, мы можем рассчитывать на немедленную реакцию со стороны США на советскую агрессию в этом районе.

c) Защита интересов Британской империи от агрессии СССР или вновь вооружившейся Японии лучше всего будет достигнута путем устройства, в сотрудничестве с США и Китаем, системы передовых морских и воздушных баз, – от Формозы, через Филиппины, Каролинские о-ва и Маршальские о-ва до о-ва Мидуэй.

d) Если Формозу нельзя будет удержать, то стратегическое значение Индо-Китая сильно увеличится. Следует поощрять французов сотрудничать с США и Британской империей в принятии мер для защиты Индо-Китая.

e) Мы должны постараться обеспечить, чтобы громадные потенциальные ресурсы Китая, особенно людские, были бы больше доступны США и нам, чем СССР. Во всяком случае, надо помешать СССР приобрести в Китае большее влияние, чем то, которое имеют США и мы сами.

f) Важно, чтобы Голландия и Сиам[3], равно как и Франция, всецело сотрудничали с Британской империей в принятии региональных мер для защиты Юго-Восточной Азии.

Южный Атлантический океан, Африка и район Карибского моря

33. a) Емкость портов на пути к мысу Доброй Надежды и аэродромов на трансафриканских воздушных путях должна быть увеличена в мирное время с тем, чтобы они могли служить подходящей заменой средиземноморским путям во время войны.

b) Хотя советская угроза району Карибского моря отдаленна, однако в наших интересах, чтобы там была создана региональная система обороны, в которой США играли бы доминирующую роль. Это послужило бы защитой морских путей в Австралию и Новую Зеландию через Панамский канал и воздушных путей через Британский Гондурас.

Раздел I

ГЕРМАНИЯ И ЯПОНИЯ

34. Военное возрождение Германии или Японии представило бы серьезную угрозу безопасности Британской империи. Поэтому мы весьма заинтересованы в стратегическом отношении в недопущении такого положения. Соединенное Королевство, поддерживаемое доминионами, должно следовать этому курсу, вне зависимости от того, будет ли эта задача взята на себя Международной организацией или нет.

35. Существуют известные предпосылки эффективных военных мероприятий, которые также применимы к контролю над Германией и Японией, а именно:

a) налагаемые ограничения должны быть просты и четки;

b) существенно необходима надежная разведывательная служба – политическая, экономическая и военная, уделяющая особое внимание научным изобретениям в области нового оружия;

c) одновременно достаточные военные ресурсы должны иметься в постоянной готовности;

d) должна иметься политическая готовность использовать вооруженные силы в случае уклонения от контроля. Это предполагает подготовленность общественного мнения к поддержанию таких военных мероприятий.

36. Невозможно предсказать, какова будет степень эффективности контрольных мер к 1955 году. Следует предположить, что обеспечение соблюдения ограничений после 1955 года, когда оккупационные войска, весьма возможно, уже будут отведены, будет представлять все большие трудности. Поэтому мы должны быть готовы справиться с последствиями недостаточного контроля.

Контроль над Германией

37. Твердая гарантия со стороны Британской империи, СССР, США и Франции принять своевременные и решительные военные меры против Германии является наиболее верным способом обеспечения постоянного подавления ее военной силы. Экономические санкции, налагаемые на Герма-

нию извне, одни имели бы мало цены и только говорили бы против своевременных военных мер.

38. Активное сотрудничество с Британской империей Франции в первую очередь, но также Бельгии, Голландии, Норвегии и Дании будет иметь большое значение, так как весьма важно иметь надлежащие ресурсы как в Западной, так и Восточной Европе. Без активной помощи западно-европейских государств мы не могли бы надлежащим образом сыграть нашу роль на Западе, не перенапрягая наши ресурсы. Далее, было бы против наших интересов позволить СССР играть доминирующую роль в реоккупации Германии, если бы таковая оказалась необходимой.

39. Может случиться, что США или СССР откажутся сотрудничать с нами. Подобный отказ может быть либо причиной, либо следствием провала Международной организации. В результате авторитет стран, продолжающих контролировать Германию, был бы поколеблен, и Германия была бы склонна проявлять большую непокорность.

40. Если США перестанут интересоваться контролем Германии, то СССР и Британская империя, действуя совместно, не встретят затруднений в предупреждении возрождения Германии. До тех пор, пока эти две державы будут едины в своей политике в отношении Германии, продолжение сотрудничества западно-европейской группы с этой политикой, по всей вероятности, будет обеспечено.

41. Маловероятно, чтобы СССР стал когда-либо способствовать вооружению Германии, но возможно, что он откажется сотрудничать с нами. Если это будет так и даже если США и СССР не будут помогать нам, то все же Британская империя и западно-европейская группа будут в силах предупредить возрождение Германии при условии, что меры будут предприняты достаточно быстро.

Раздел II

СССР

Часть 1. **Угроза**

Введение

50. Если СССР станет на путь агрессивной политики, то вероятно, что прежде чем прибегнуть к вооруженной силе, он сделает все возможное, чтобы ослабить стратегическое положение своих будущих врагов путем усиления своего влияния в Европе, на Среднем Востоке, в Индии и Китае политическими средствами и путем инфильтрации; наряду с этим он попытается посеять подозрения между США и нами. Мы будем находиться перед постоянной проблемой взвешивания выгод, которые можно получить, делая уступки СССР в надежде поддержать мир, и вытекающего отсюда ущерба нашим стратегическим интересам.

51. Агрессивный СССР может провести молниеносную кампанию с целью захватить стратегически важные позиции (например, Персию или Ирак), рассчитывая, что мы не предпримем мер для исправления уже совершившегося факта, не желая рисковать общим конфликтом, к которому мы не готовы.

52. СССР уже имеет самую большую армию в мире. К 1955 году он, вероятно, еще увеличит свою ударную силу путем дальнейшего развития своей

стратегической авиации и своего флота, хотя последнее может быть связано для него с большими затруднениями в отношении подготовки военно-морских кадров. Следует помнить, что угроза жизненно важным морским коммуникациям империи, особенно со стороны подводных лодок и авиации, заставила бы нас принять оборонительные меры, совершенно не пропорциональные тому, во что обойдется врагу создание подобной угрозы.

53. Дислокация советской промышленности в основном обуславливалась стратегическими соображениями. СССР в значительной мере независим от внешних источников сырья и имеет большие людские резервы*.

54. Ниже мы рассматриваем по районам характер советской угрозы во всем мире и вопрос о том, как и где СССР может подвергнуть наиболее серьезной опасности безопасность Британской империи.

Средний Восток и восточная часть Средиземного моря

55. Именно в этом районе** советские интересы скорее всего вступят в конфликт с интересами Британской империи и, до известной степени, с интересами США. Возможность увеличения глубины обороны для своих собственных нефтяных промыслов и приобретения ценных ресурсов на Персидском заливе и в Ираке может сделать весьма заманчивым для СССР контроль над этим районом. Поэтому военное столкновение действительно более вероятно в этом районе, чем где-либо в другом месте.

56. Если СССР не удастся добиться такого контроля в результате осуществления известных политических мероприятий, то его решение прибегнуть к силе, вероятно, будет зависеть от оценки им возможности добиться успеха без того, чтобы быть втянутым в мировую войну против Британской империи и США. Но если СССР будет уверен в своих силах и будет придавать достаточно большое значение своим целям на Среднем Востоке, то даже известный риск общего конфликта может не удержать его.

57. Во всяком случае, СССР будет отдавать себе отчет в стратегическом значении для военных усилий Британской империи и ее союзников нефтяных месторождений*** Персии, Ирака и Аравии, а также морских и воздушных путей, проходящих через Средний Восток, и будет также полностью сознавать их уязвимость. Поэтому в случае мировой войны нападение на этот район будет, по всей вероятности, одной из первоочередных задач советской стратегии, и СССР, несомненно, полностью использует все средства пропаганды для создания там внутренних беспорядков.

---

* Считают, что в 1955 г. мужское население СССР в возрасте от 15 до 35 лет будет составлять приблизительно 37 миллионов. Здесь не учитываются страны (как, например, Польша), которые могут быть под влиянием СССР. В указанный период белое население такого же возраста в Британской империи достигнет примерно 11 миллионов, а в США – примерно 23 миллионов. В эти цифры, однако, не входят большие цветные людские резервы в Британской империи.

** Имеется в виду район, который включает Персию, Саудовскую Аравию, Эфиопию, Судан и страны, расположенные на восточном побережье Средиземного моря, до Сицилийского пролива.

*** Предварительные расчеты вероятного производства и потребления в 1955–1960 годах показывает, что в случае большой войны нефтяные ресурсы Среднего Востока могут оказаться жизненно важными для полного развертывания об'единенных военных усилий Британской империи и США.

58. Ввиду неравенства сил, которое, по всей вероятности, будет наблюдаться на первом этапе военных действий, инициатива в которых будет принадлежать СССР, нефтяные месторождения Ирака и Персидского залива немедленно окажутся под весьма серьезной угрозой. Району Суэцкого канала и средиземноморским путям будет также угрожать серьезная опасность.

59. Продвижение по суше через Персию или Турцию должно совершаться по территории с ограниченными коммуникациями и притом трудно поддающимися такому усовершенствованию, которое удовлетворило бы потребностям больших армий. Тем не менее, расчеты в отношении максимума сил, которые якобы можно держать в районах с ограниченными коммуникациями, часто оказывались ошибочными, а будущие достижения, в особенности в области воздушного транспорта, существенно сократят зависимость армий от наземных путей сообщения.

60. В какой степени серьезная неудача на Среднем Востоке повлияет на нашу способность сопротивляться в других местах, будет зависеть от того:

a) насколько нам удастся уменьшить нашу зависимость от средневосточных нефтяных ресурсов;

b) насколько наши резервы тоннажа, и в частности танкеров, будут достаточны для преодоления невыгодного положения, в котором мы окажемся в связи с необходимостью пользоваться путем вокруг мыса Доброй Надежды;

c) от размеров нашего имперского воздушного транспорта и степени развития дополнительных воздушных путей через Африку.

Западная Европа, Северный Атлантический океан
и западная часть Средиземного моря

61. Основными британскими стратегическими интересами в этом районе являются безопасность Соединенного Королевства и морских и воздушных путей на Атлантическом океане. Менее важное значение имеет безопасность наших коммуникаций между Атлантическим океаном и Средиземным морем через Гибралтарский пролив.

62. Характер и размеры угрозы со стороны СССР в этом районе будут в значительной мере зависеть от степени распространения влияния СССР в Западной Европе. В особенности позиция Германии будет иметь чрезвычайно важное значение. Если Германия успеет до некоторой степени вооружиться и если СССР удастся заручиться ее полной поддержкой, то нам будет угрожать весьма мощное об’единение.

63. СССР, вероятно, будет склонен использовать большую часть своих вооруженных сил для операций в Западной Европе, Скандинавии и северной части Атлантического океана. Именно в Западной Европе обширные советские наземные силы могут быть развернуты с наибольшей выгодностью. Успешная советская кампания:

a) лишит нас глубины нашей обороны и помощи со стороны наших континентальных союзников и

b) даст СССР доступ к базам, выгодным для:

I) морских и воздушных операций против жизненно важных коммуникаций Соединенного Королевства и

II) разрушительных воздушных налетов, в том числе и бомбардировочной авиации дальнего действия, на наши промышленные районы и порты.

Захват советскими войсками Скандинавии в значительной степени обеспечил бы свободу операций советским военно-морским силам, базирующимся на арктические и балтийские порты.

64. Возможно, что СССР, особенно если будет известно, что наша оборона недостаточна, в начальной стадии войны сделает попытку высадить воздушный десант на Британские острова, либо завершит свои операции на европейском континенте нападением на эти острова с моря. СССР, несомненно, будет прилагать все усилия, чтобы подорвать сопротивление и вызвать внутренние волнения в Соединенном Королевстве путем пропаганды и политической войны.

65. В западной части Средиземного моря и в Атлантическом океане безопасность наших интересов будет в значительной мере зависеть от судьбы Франции и от того, как долго она сможет сопротивляться в Северной Африке. Если Испания или Италия оказались бы во враждебных руках, то угроза как французским, так и британским интересам значительно увеличилась бы.

Индия и Индийский океан

66. Морские и воздушные пути в районе Индийского океана имеют величайшее стратегическое значение для спаянности Британской империи, вне зависимости от того, будут ли средиземноморские пути закрыты или нет. Значение Индии заключается, во-первых, в ее ценности как резервуара сил, требующихся для защиты Индии и наших морских и воздушных коммуникаций; во-вторых, Индия может быть превращена в основную административную базу сил, защищающих наши интересы на Среднем и Дальнем Востоке во время войны. Наконец, огромные людские резервы и запасы сырья, а также возрастающий промышленный потенциал Индии позволят ей внести большой вклад в военные усилия империи*.

67. Наши морские коммуникации на Индийском океане будут находиться под ударом со стороны советской авиации и подводных лодок, а если мы потеряем Средний Восток, то может образоваться угроза со стороны Красного моря. Обе эти угрозы значительно увеличат напряжение наших ресурсов.

68. Индия расположена ближе к СССР, чем какая бы то ни было другая британская территория, и может подвергнуться нападению с суши и с воздуха с северо-запада в начальной стадии военных действий. Ввиду сложности развертывания крупных советских наземных сил, связанной с условиями снабжения, вероятно, что масштаб наземных операций против Индии в начальной стадии мировой войны будет значительно меньше, чем против Западной Европы.

69. Даже одни налеты авиации на более крупные города Индии могут сильно отразиться на эффективности военных усилий страны и способствовать росту внутренних беспорядков, которые при всех случаях будут поощряться врагом.

70. Советская угроза Индии с востока значительно слабее, чем с северо-запада, и если только СССР не получит доступа в Куньминский район Китая,

* Общее количество населения Индии в 1941 году составляло 389 миллионов. Вычислено, что к 1955 году оно достигнет 452 миллионов и что мужское население в возрасте от 15 до 34 лет будет составлять 79 миллионов. Индия входит в число десяти самых больших промышленных стран мира и занимает третье место среди промышленных стран Британской империи.

в Индо-Китай, Сиам и Южно-Китайское море, Индии или Бирме серьезная опасность угрожать не будет.

Юго-Восточная Азия и Тихий океан

71. В этом районе мы заинтересованы лишь в безопасности Австралии, Канады и Новой Зеландии и их коммуникаций с другими частями империи*. Наши интересы здесь в общем ни в какой мере не находятся в противоречии с интересами СССР. Однако возможно, что в Китае и на Тихом океане советские интересы придут в столкновение с интересами США и что мы окажемся втянутыми в этот спор.

72. Усиление советского влияния в Китае представляло бы собою потенциальную опасность, так как получение Советским Союзом баз в южном Китае дало бы ему возможность серьезно угрожать Бирме и Индии. Наши основные интересы на Тихом океане также подверглись бы угрозе, если бы СССР сумел добиться контроля над морскими и воздушными путями, ведущими в юго-западную часть Тихого океана.

73. Если только СССР не будет иметь поддержки со стороны Китая во время войны или не добьется значительного контроля над ним до начала войны, то угроза Британской империи будет сравнительно отдаленной, особенно еще и потому, что США, по всей вероятности, быстро будут реагировать на любой признак перехода СССР к агрессивной политике в этом районе.

Резюме по вопросу об угрозе со стороны враждебного нам СССР

74. Враждебный нам СССР может при условии, что он сохранит свою политическую целостность и военную мощь, представлять чрезвычайно серьезную угрозу для Британской империи. Прежде чем начать войну, он, вероятно, приложит все усилия к тому, чтобы подорвать наше стратегическое положение политическими средствами, в частности поощрением внутренних беспорядков, особенно в Индии и на Среднем Востоке.

75. СССР может начать военную акцию, ставя себе ограниченную цель, а именно: быстрый захват какой-нибудь области, имеющей стратегическое значение, например, нефтяных месторождений на Среднем Востоке, рассчитывая, что мы скорее примиримся с создавшимся положением, чем развяжем мировую войну.

76. Однако в конфликте широкого масштаба СССР мог бы надеяться на наиболее решающие результаты в Западной Европе путем нападения на Соединенное Королевство и наши жизненно важные коммуникации на Атлантическом океане. Возможность воздушного десанта на Великобританию в начальной стадии войны должна будет от времени до времени подвергаться повторному анализу.

77. Нападение на Средний Восток, где наши источники нефти и средиземноморские морские и воздушные пути сравнительно легко уязвимы, почти наверное будет одной из задач советской стратегии. В Индии и Индийском океане СССР может сковывать крупные британские силы без большой затраты усилий. В Юго-Восточной Азии и на Тихом океане советская угроза будет отдаленной.

---

* Самый короткий путь из Соединенного Королевства в Новую Зеландию проходит через Панамский канал, самый короткий воздушный путь – через Британский Гондурас.

78. В следующих параграфах мы рассматриваем сначала возможность наступательных действий против враждебного нам СССР; затем – вопрос о том, как лучше всего по географическим районам обеспечить безопасность британских стратегических интересов против советской угрозы, и, наконец, порядок очередности региональных мероприятий, предназначенных для защиты от этой угрозы.

Наступательные контрмеры

Сырье и промышленные ресурсы

79. СССР удовлетворяет из своих собственных ресурсов свои потребности в продовольствии и основных видах сырья, необходимого для военной экономики. Ресурсы СССР находятся в различных местах и в основном на значительном расстоянии от его границ. Двумя исключениями являются: Украина, важный источник продовольствия, угля, марганца и железной руды, и Кавказ, откуда СССР в настоящее время получает около трех четвертей всей своей нефти. Вероятно, что СССР увеличит безопасность своих кавказских источников нефти путем перенесения нефтеочистительных заводов в более безопасные районы и приступит к разработке других нефтяных месторождений в менее уязвимых областях. Промышленность в СССР развивалась и, повидимому, будет продолжать развиваться в местах, отдаленных от границ, и надлежащим образом разбросана. Поэтому районы, имеющие экономическое значение, будут мало уязвимы для нападения с суши и будут в значительной степени недоступны для решающих воздушных бомбардировок. К 1955–1960 годам в результате послевоенной реконструкции производственная мощность СССР и его сырьевые ресурсы будут достаточны, чтобы сделать его совершенно независимым в войне, если допустить, что недостаток в таких материалах, как, например, натуральный каучук, будет восполнен накоплением запасов и производством синтетического каучука.

Коммуникации

80. Советский Союз, по всей вероятности, будет стремиться к увеличению своего торгового флота как по экономическим соображениям, так и для повышения своего престижа, однако он все равно будет неуязвим для блокады, так как его народное хозяйство сделает его независимым от морских коммуникаций во время войны. Его сухопутные коммуникации, особенно в Средней Азии и на Дальнем Востоке, еще только частично развиты, но они, конечно, будут усовершенствованы в процессе промышленной реконструкции и, вероятно, будут приспособлены к удовлетворению потребностей СССР во время войны. Тем не менее, вероятно, пройдет много лет прежде чем СССР создаст настолько обширную систему коммуникаций, что его военные усилия не смогут быть ослаблены концентрированными и усиленными воздушными налетами. Однако, учитывая огромные пространства, подобный план наступления потребовал бы очень больших усилий, которые могут не дать соответственных им военных результатов.

Внутренняя безопасность СССР

81. Трудно сказать, каких результатов можно будет достигнуть поощрением всяких внутренних разногласий. Если в СССР не произойдут коренные политические изменения и существующие жесткие меры безопасности не будут значительно ослаблены, то успешное применение средств политической войны и выполнение «специальных операций»* на советской территории будет очень затруднено. С другой стороны, мы должны быть подготовлены к тому, чтобы в полной мере использовать эти ценные средства в странах, которые, вероятно, будут оккупированы СССР на ранних стадиях войны.

Резюме

82. Суммируя, можно сказать, что СССР будет неуязвим для блокады; его промышленность и сырье будут в безопасности от нападения с суши и сравнительно недоступны для решающих воздушных бомбардировок. Маловероятно, чтобы мы могли нарушить внутренние коммуникации СССР наступательными действиями. Поражение СССР могло бы быть достигнуто только в результате длительной войны.

Оборонительные мероприятия

Западная Европа, Северный Атлантический океан и западная часть Средиземного моря

83. Безопасность Соединенного Королевства и наших жизненно важных коммуникаций на Атлантическом океане потерпит существенный ущерб, если какая-либо враждебная держава укрепится со своими силами в Западной Европе или на Атлантическом побережье Северо-Западной Африки. Развитие воздушных сил и оружия дальнего действия создает необходимость увеличить глубину нашей обороны и в частности обороны против воздушных сил и воздушных десантов. Мы должны сохранить наше превосходство в воздухе и иметь достаточно подвижные наземные силы для того, чтобы не дать силам, которые враг сможет высадить в нашей стране, достигнуть решающих результатов.

84. Необходимость создания западно-европейской группы союзников уже указывалась в связи с предупреждением возможности возрождения Германии. Подобная группа будет иметь еще большую ценность, как средство углубления нашей обороны против враждебного нам СССР. Однако перед лицом серьезной опасности эта группа едва ли сохранит свое единство, если только члены ее не будут уверены в активной поддержке со стороны США, а также Британской империи. Поэтому весьма существенно, чтобы Соединенное Королевство взяло на себя инициативу создания тесного военного союза с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией и особенно Францией и чтобы этой политике была обеспечена поддержка США. Ввиду ключевого положения, занимаемого Францией в этой группе, целью нашей политики должно быть предупреждение возможности подпадания Франции под влияние СССР.

85. В Германии территории, представляющие для нас большой стратегический интерес, составляют большую часть страны, но мы не будем делать

* «Специальными операциями» называются в английской разведке акты саботажа, диверсии и шпионажа. – *Примечание НКГБ.*

попыток восстановить какую бы то ни было часть Германии против СССР до тех пор, пока наши отношения с последним не будут непоправимо испорчены. Приходится примириться с тем фактом, что тогда будет уже слишком поздно, чтобы вполне эффективно использовать немецкую помощь. Однако существенно важно, чтобы Германия не объединилась с СССР против нас.

86. Мы не должны недооценивать опасности закрепления СССР в Западной Европе и получения им доступа к побережью Северного моря и Атлантического океана. Весьма мало вероятно, чтобы об'единенные ресурсы нас самих и наших европейских союзников были одни достаточны для успешного отражения нашествия Советов через разоруженную Германию. США – единственная страна, которая могла бы спасти положение. Время будет решающим фактором, если мы не хотим, чтобы Западная Европа была завоевана; поэтому существенно важно, чтобы помощь США подоспела с минимумом задержки.

87. Существенно важно, чтобы все необходимое для приема и развертывания сил США, и особенно воздушных сил, в Соединенном Королевстве и Франции имелось в готовности немедленно после начала войны.

88. Необходимо будет принять меры для уменьшения уязвимости промышленных районов и портов Соединенного Королевства. Мероприятия, которые оказывались едва достаточными до 1945 года, потребуют решительного пересмотра для того, чтобы соответствовать значительно большим масштабам нападения. Далее, для того, чтобы наша система противовоздушной обороны была эффективной, существенно необходимо тесное сотрудничество между нашей авиацией и воздушными силами союзников, а также между нашей и их наземной защитой.

89. Может оказаться невозможным обеспечить надлежащую децентрализацию и защиту промышленности и запасов сырья в пределах Соединенного Королевства, и поэтому потребуется произвести их стратегическую децентрализацию по всей империи. Промышленная помощь доминионов, и особенно Канады, будет иметь большое значение для поддержки операции в Западной Европе.

90. Для того, чтобы противостоять угрозе нашим атлантическим коммуникациям, особенно если СССР получит доступ к части побережья Северо-Западной или Западной Европы, – нам потребуются оперативные морские и воздушные базы на континенте, в Эйре, в Исландии, на атлантических островах и в Северо-Западной Африке. Кроме того, будет необходимо создать морские базы в Канаде и на Ньюфаундленде, которые будут подвержены меньшей опасности со стороны воздушных налетов, чем базы в Соединенном Королевстве, и базы для защиты трансатлантического судоходства и трансатлантических воздушных путей.

91. Весьма важно получить еще в мирное время согласие Португалии на использование во время войны воздушных и морских баз на Азорских островах. Дружба и сотрудничество Испании имеют также большое стратегическое значение, так как во время войны нам потребуются плацдармы в Испанском Марокко и Танжере для защиты Гибралтара и проливов. Плацдарм на Балеарских островах также был бы ценен для защиты наших морских путей в западной части Средиземного моря.

92. Северо-Западная Африка, включая Алжир и Тунис, представляла бы большую ценность как база для операций против Европы в том случае, если бы Франция и Италия оказались бы во вражеских руках, помимо ее значения

в связи с защитой проливов и Атлантики. Для защиты Северной Африки мы будем находиться в зависимости от средств, которые может предоставить только Франция. Безопасность наших средиземноморских коммуникаций требует, чтобы Италия сотрудничала с нами в защите центральной части Средиземного моря и в частности не отдала бы Сицилию и Сардинию врагу.

93. Таким образом очевидно, что стратегическая ценность западно-европейской группы, как оборонительного мероприятия против СССР, значительно увеличилась бы, если бы в нее вошли Эйре, Исландия, Португалия и, если возможно, Испания и Италия.

Средний Восток и восточная часть Средиземного моря

94. Наши стратегические интересы на Среднем Востоке будут очень уязвимы для угрозы со стороны СССР. В частности, угроза нефтяным месторождениям в Персии и Ираке будет чрезвычайно серьезна ввиду их близости к СССР. Средний Восток состоит из ряда слабых и неустойчивых независимых государств, особенно восприимчивых к внутренним беспорядкам, и отдален от промышленных ресурсов. Эти факторы увеличивают трудность защиты этого района.

95. Для усиления безопасности наших стратегических интересов в этом районе необходимо:

a) увеличить глубину нашей обороны, особенно против воздушных и воздушно-десантных нападений, до предельной возможности в северном направлении;

b) получить быструю помощь вооруженными силами со стороны союзников и особенно США;

c) содержать значительные резервы высокомобильных частей на Среднем Востоке, чтобы ясно показать СССР нашу решимость противодействовать агрессии силой, и в случае войны задержать врага и выиграть время до прибытия помощи от наших союзников.

96. Опасность, состоящая в том, что можно возбудить подозрения Советов, и другие политические соображения сильно ограничат наши возможности осуществления необходимой глубины нашей обороны в северном направлении. В Персии и Ираке мы не сможем по соображениям, связанным с вопросом о людских резервах, держать больше чем показные силы, даже если бы политически это и было возможно. Всякое увеличение этих сил в период натянутых отношений только приведет к ускорению кризиса.

97. Так как инициатива неизбежно принадлежит агрессору, то для нас окажется, вероятно, невозможным удержать нефтяные месторождения в случае атаки большого масштаба. Если мы потеряем нефтяные месторождения, то нашей главной стратегической задачей в этом районе будет обеспечение безопасности района Суэцкого канала, по которому проходят кратчайшие морские и воздушные пути из Соединенного Королевства в Индию и Австралию. Успешная оборона этого района будет менее трудной проблемой, чем оборона Персии и Ирана. Тем не менее, нам надо считаться с возможностью того, что мы будем вынуждены эвакуировать Нижний Египет. Кроме того, даже если бы нам удалось удержать район Суэцкого канала, наши морские и воздушные коммуникации на Средиземном море могли бы быть прерваны в результате продвижения врага в Турцию, Грецию, Италию или Испанию.

98. Органическая слабость нашего военного положения на Среднем Востоке по отношению к СССР диктует насущную необходимость сокращения

еще в мирное время стратегического значения этого района во время войны как источника нефти, как центра коммуникаций и как административной базы. Нам потребуются также надежные базы западнее и южнее, на которые мы могли бы опереться для того, чтобы сдержать угрозу западной части Средиземного моря, Центральной и Восточной Африке и Индийскому океану. От нашей способности получить такие базы будет зависеть безопасность наших трансафриканских воздушных и сухопутных путей и морского пути вокруг мыса Доброй Надежды; их значение при таких обстоятельствах значительно повысится. Создание необходимых баз к югу от района Среднего Востока может натолкнуться на непреодолимые трудности; с другой стороны, к западу от него уже имеются некоторые базы и коммуникации вдоль северо-африканского побережья и во Французской Северной Африке.

99. Хотя мы в худшем случае можем быть вынуждены эвакуировать Средний Восток во время войны, политические и коммерческие, а также стратегические соображения требуют, чтобы в мирное время мы продолжали играть доминирующую роль и удерживали решающие позиции во всех делах, касающихся внутренней и внешней безопасности этого района в целом. Всякий признак слабости вызовет вторжение СССР и усложнит проблемы внутренней безопасности этого района. Поэтому наша задача должна заключаться в содержании там достаточных сил для поддержания британского престижа, в обеспечении внутренней безопасности и в демонстрации СССР нашей готовности противопоставить агрессии силу. Средний Восток, во всяком случае, наиболее удобное место для дислокации имперского стратегического резерва. Перспективы предотвращения угрозы со стороны СССР значительно улучшились бы, если бы США проявили заинтересованность в Среднем Востоке в целом и взяли бы на себя, возможно путем участия в какой-либо региональной системе безопасности, определенные обязательства по защите его безопасности.

100. Нам надлежало бы следовать политике, направленной на развитие дружбы с Персией, Турцией и Грецией, и обеспечить подлинную независимость правительств этих стран от советского влияния. Наши отношения с государствами Среднего Востока (т.е. Египтом, Ираком, Левантийскими государствами[4] и Саудовской Аравией) должны обеспечить их сотрудничество с нами в мирное и в военное время. В соответствии с такой политикой Францию следует поощрять к участию в мероприятиях по защите наших общих интересов.

Юго-Восточная Азия и Тихий океан

101. В этом районе морские и воздушные силы являются доминирующими факторами в защите наших основных стратегических интересов; здесь нападение может быть осуществлено морскими операциями или с воздуха. Поэтому наши оборонительные проблемы в основном сводятся к созданию подходящих баз для наших морских и воздушных сил и к отказу СССР в базах для наступательных действий.

102. Ресурсы одной только Британской империи были бы недостаточны для успешного противодействия советскому наступлению широкого масштаба, учитывая то, что в мировой войне операции происходили бы в Европе, на Среднем Востоке, в Индии и на Дальнем Востоке. Поэтому краеугольным камнем нашей оборонительной политики на Тихом океане должно быть обеспечение полноценной и быстрой помощи со стороны США, чьи стратегические интересы в этом районе также очень велики.

103. Наши интересы требуют прочного и дружественного нам правительства в Китае, готового сотрудничать в обороне всей Юго-Восточной Азии. Важно, чтобы большие потенциальные ресурсы Китая в людской силе и сырье были предоставлены нами и США, а не СССР. Во всяком случае, надо помешать СССР приобрести большее влияние в Китае, чем имеют США или мы.

104. Францию, Голландию и Сиам, чьим интересам также будет угрожать советская экспансия на юг, следует поощрять к сотрудничеству с нами в региональной системе обороны Индо-Китая и Южного Китайского моря.

105. Задачей нашей оборонительной политики в юго-западной части Тихого океана должно быть обеспечение контроля морских путей, идущих от советских баз на юг. Для этой цели Британская империя и США должны совместно держать в своих руках цепь передовых морских и воздушных баз – от Формозы, через Филиппинские, Каролинские и Маршальские острова к острову Мидуэй. Мы придаем большое значение использованию Формозы и Пескадорских о-вов в качестве оперативной базы для наступательных операций против СССР и для контроля коммуникаций вдоль китайского побережья. Гонконг будет ценной вспомогательной базой, но нам не следует брать на себя обязательства по контролю каких бы то ни было баз на континенте Китая. Если бы Китай выступил на стороне СССР и Формозу оказалось бы невозможным удержать, то союзники должны быть готовы к тому, чтобы отступить в Индо-Китай, стратегическое значение которого в таком случае сильно возросло бы.

106. Рекомендованная выше политика для защиты наших интересов в районе Юго-Восточной Азии и Тихого океана против враждебного нам СССР применима и в отношении вновь вооружившейся Японии. Поэтому мы сможем осуществить необходимые меры безопасности против потенциальной угрозы со стороны враждебного нам СССР, не подвергая опасности наши отношения с ним.

Индия и Индийский океан

107. Для того, чтобы противостоять угрозе советских воздушных нападений в этом районе, на северо-западной и западной границе Индии должна быть создана система противовоздушной обороны. Было бы желательно распространять эту систему на Персию и Афганистан, однако это возбудило бы недовольство СССР и повело бы к контртребованиям с его стороны. Далее, в Индии необходимо будет содержать известный контингент войск гражданской обороны и обеспечить децентрализацию промышленности.

108. Угроза вторжения в Индию с суши и с воздуха заставит нас содержать здесь значительные силы для предотвращения этой опасности. Мало вероятности, чтобы в случае нападения на Индию с суши, через Персию или Афганистан, мы смогли оказать надлежащую поддержку этим государствам. Тем не менее, было бы важно использовать гористый ландшафт этих стран, особенно Афганистана, где, по всей вероятности, сами афганские силы окажут известное сопротивление советскому нападению.

109. В мирное время наша политика в отношении Афганистана (как и в отношении Персии) должна быть направлена на оказание противодействия советскому влиянию в Афганистане, на укрепление его независимости и развитие экономических и культурных связей с ним.

110. Вопрос о военных мероприятиях, имеющих целью предотвращение более отдаленной угрозы Индии с востока, был освещен нами выше, в разде-

ле об угрозе Юго-Восточной Азии. Если угроза в этом районе возникнет, то Индия и Бирма должны будут предоставить силы и помощь обороне Индо-Китая, Сиама и Малайских государств, а также обеспечить защиту Бирмы от вторжения с суши или с воздуха, со стороны Южного Китая.

111. Нам потребуется система баз для защиты наших морских и воздушных коммуникаций в районе Индийского океана против угрозы подводных лодок и авиации, причем эти базы должны быть приспособлены к выполнению больших задач, которые могут быть возложены на них в случае, если СССР захватит район Персидского залива или Суэцкого канала или получит базы в юго-западной части Тихого океана. Цейлон необходимо будет удержать, как главную морскую и воздушную оперативную базу в этом районе по охране имперских коммуникаций; он должен быть приспособлен, как крупная база военно-морского флота.

112. Сухопутные коммуникации, ведущие из Центральной Индии к границам Персии и Афганистана, недостаточны, а из Бенгалии в Бирму – очень примитивны. И те и другие должны быть усовершенствованы и удовлетворять нашим стратегическим требованиям. С другой стороны, сооружение сухопутных и воздушных путей сообщения в странах, граничащих с Индией и Бирмой, должно, по стратегическим соображениям, тормозиться.

113. Если мы хотим избежать необходимости содержания больших сил в Индии и Бирме, предназначенных для ликвидации внутренних беспорядков, то существенно важно, чтобы эти страны процветали и были довольны. Обеспечение таких условий будет также лучшей контрмерой против советской пропаганды.

114. Наконец, большое стратегическое значение имеет всемерное развитие общего военного потенциала Индии с тем, чтобы она могла сама защищать себя против нападения крупной державы и участвовать в военных усилиях империи в целом.

Южная часть Атлантического океана и район Караибского моря

115. Южная часть Атлантического океана. В войне против СССР морской путь вокруг мыса Доброй Надежды и трансафриканские воздушные пути сообщения, вероятно, заменят средиземноморские пути в качестве главных путей сообщения между Соединенным Королевством, Индией, Дальним Востоком и Австралией. Поэтому важно будет сохранить и усовершенствовать, для защиты морского пути, систему баз на западном африканском побережье, которая была создана во время этой войны. Следует также поощрять французов в деле развития портов, авиационных этапных станций и аэродромов в их западно-африканских владениях. Также желательно увеличить пропускную способность и усовершенствовать ремонтные возможности таких портов, как Фритаун, Кэптаун и Симонстаун с тем, чтобы эти порты могли обслуживать большое количество судов, которым придется пользоваться средиземноморским путем во время войны.

116. Торговые пути между южно-американскими странами и Соединенным Королевством будут иметь для нас большое значение во время войны. Британской империи потребуются во время войны базы на восточном побережье Южной Америки для защиты нашего судоходства по всей южной части Атлантического океана.

117. Район Караибского моря. Угроза этому району отдалена. Из этого следует, что морские и воздушные пути, ведущие через Караибское море в Ав-

стралию и Новую Зеландию, будут менее уязвимы, чем средиземноморские пути или пути вокруг мыса Доброй Надежды. Тем не менее, должны быть приняты меры для защиты этих морских и воздушных путей сообщения. В отношении защиты этого района можно будет в значительной мере положиться на США, так как их заинтересованность в подходах к Панамскому каналу больше нашей, и они будут пользоваться базами, сданными им в аренду на британской территории.

Очередность оборонных мероприятий против СССР по районам

118. Чтобы быть готовым встретить советскую угрозу, необходимо будет использовать те ограниченные вооруженные силы, которые в мирное время имеются, для следующих мероприятий:

a) обороны тех районов, удержание которых жизненно важно для безопасности империи и которые мы, очевидно, сможем удержать на первом этапе нападения СССР при помощи наших союзников;

b) защиты морских и воздушных коммуникаций империи.

119. Основываясь на этом, мы приводим ниже относительную важность для империи в целом тех районов, которым будет угрожать враждебный нам СССР.

a) Западная Европа. Концентрация белых людских резервов и промышленного потенциала в Соединенном Королевстве и значение последнего как оперативной базы делает существенно важным удержание Британских островов, если мы хотим сохранить спаянность империи. Поэтому интересы империи требуют, чтобы первое место в оборонных мероприятиях было отведено Западной Европе и жизненно важным морским коммуникациям и воздушным путям сообщения на Атлантическом океане.

b) <u>Район Индийского океана</u>. Мероприятия против советской угрозы Индии и Индийскому океану занимают второе место после Западной Европы. Район Индийского океана является важным звеном в цепи имперских коммуникаций, вне зависимости от того, остаются ли открытыми средиземноморские пути или нет. Индия имеет очень большое значение, как источник людских резервов и по своему промышленному потенциалу, а также как база. Далее, проблема защиты Индии менее сложна, чем проблема обеспечения наших интересов на Среднем Востоке.

c) <u>Средний Восток</u>. Средний Восток подвергнется непосредственной угрозе. Нефтяные месторождения Ирака и Персии, определяющие нашу основную стратегическую заинтересованность в этом районе, невозможно будет защищать, а район Суэцкого канала приходится считать ненадежным. Морские и воздушные пути сообщения, проходящие по Среднему Востоку, менее важны, чем проходящие по Индийскому океану, и к тому же могут быть прерваны в результате операций в Европе. По этим причинам в оборонных мероприятиях, имеющих целью подготовить противодействие советскому нападению, требованиям обороны Индии и Индийского океана следует отдать преимущество перед требованиями обороны Среднего Востока. В мирное время, однако, наши военные силы на Среднем Востоке должны быть достаточны, чтобы служить опорой нашей политике сохранения за нами доминирующего положения в этом районе.

d) <u>Юго-Восточная Азия и Тихий океан</u>. Здесь угроза британским интересам будет сравнительно небольшая. Кроме того, мы можем рассчитывать на немедленную реакцию со стороны США на советскую агрессию в этом

районе. Поэтому осуществление мероприятия по обороне этого района менее важно, чем по обороне Западной Европы, района Индийского океана и Среднего Востока.

120. Приоритет, предусмотренный в оборонных мероприятиях, базируется на нашей современной оценке потенциальной советской угрозы и поэтому должен будет подвергаться периодическому пересмотру, в свете советской политики в будущем.

Раздел III

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ И ВНУТРЕННЯЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

121. Помимо угрозы Британской империи со стороны крупных держав, угроза безопасности британских интересов, могущая потребовать применения британских вооруженных сил, возможна в результате:

A. Агрессии со стороны малых держав против британской территории.

B. Войн между малыми державами, затрагивающих британские интересы.

C. Внутренних волнений.

122. Необходимость учитывать особенность этих осложнений, особенно угрозы внутренних волнений, потребует запланирования значительной части вооруженных сил. Мероприятия по пунктам А. и В. будут предприниматься под эгидой Международной организации, когда она будет создана, однако это мало отразится на задачах, которые будут стоять перед нашими вооруженными силами в целом.

A. Агрессия со стороны малых держав против британской территории.

123. Ниже приводятся примеры, в каких местах могут потребоваться наши вооруженные силы:

a) в Судане, Кении и Британском Сомали – на случай агрессии со стороны Абиссинии;

b) в Аденском протекторате – со стороны Йемена и соседних арабских племен;

c) в Северо-Западной Индии – со стороны Афганистана

d) в Бирме и Малайских государствах – со стороны Китая и Сиама.

124. Нашей целью должно быть обеспечение такого положения, чтобы мобилизованные на месте силы могли по возможности справиться с этими угрозами.

B. Войны между малыми державами, затрагивающие британские интересы.

125. На наши вооруженные силы могут лечь обязанности в связи с:

a) нашими договорами с Египтом, Ираком или Португалией;

b) войнами между балканскими государствами;

c) обязательствами, которые мы можем взять на себя в отношении любого независимого государства, созданного в результате разрешения палестинского вопроса.

126. Нам выгодно, чтобы всякое государство, в котором мы имеем стратегические интересы, содержало вооруженные силы, достаточные, чтобы защищать себя против мелких агрессий, но недостаточно большие, чтобы представлять угрозу для соседей.

C. Внутренние волнения.

127. Существование различных рас и религий в Британской империи, и особенно в Индии, будет представлять постоянную угрозу внутренней безопасности. Эта угроза, вероятно, усугубится в рассматриваемый нами период, в силу экономических и социальных затруднений, которые возникнут в результате теперешней войны, причем она может не ограничиться цветными расами. Использование цветных войск для целей внутренней безопасности будет во многих случаях невозможно по политическим и религиозным причинам, так что это бремя, вероятно, в значительной мере ляжет на белые войска империи. Проблемы внутренней безопасности, серьезные в мирное время, становятся вдвое более серьезными во время войны, когда враг, по всей вероятности, постарается максимально использовать потенциальные причины волнений.

128. Проблемы внутренней безопасности, с которыми нам, вероятно, придется столкнуться в 1955–1960 годах, рассматриваются ниже по районам:

Средний Восток

129. Наиболее вероятными факторами, могущими вызвать волнения, являются уже сейчас:

a) арабский национализм, который постоянно усиливается во всех арабских странах, и особенно в Египте;

b) еврейско-арабская проблема в Палестине;

c) французская политика в Сирии и Ливане.

Хотя последний фактор может отпасть к 1955 году, два первых, по всей вероятности, останутся.

130. Британским стратегическим интересам, жизни и имуществу британцев волнения на Среднем Востоке угрожают больше, чем интересам какой-либо другой великой державы. Кроме того, подобные волнения могут иметь серьезные отголоски в Индии. Поэтому мы должны продолжать играть доминирующую роль в поддержании внутренней безопасности в этом районе.

131. Ответственность за поддержание внутренней безопасности на Среднем Востоке потребует от наших вооруженных сил выполнения обширных обязанностей. Мы должны стремиться к тому, чтобы заставить арабские государства разделить эту ответственность с нами. Отсюда вытекает, что им следует держать достаточно мощные вооруженные силы. Однако весьма вероятно, что в этом районе придется постоянно держать британские наземные силы. Воздушные и морские силы должны быть дислоцированы таким образом, чтобы они могли быстро подоспеть.

Индия и Бирма

132. В Индии нашим вооруженным силам, вероятно, придется нести постоянные обязанности по поддержанию внутренней безопасности, обусловливаемые как гражданскими беспорядками, так и войною между племенами на северо-западной границе. В Бирме обязанности по поддержанию внутренней безопасности, по-видимому, также придется выполнять, но они, вероятно, будут невелики по сравнению с Индией. Хотя нашей целью должно быть, чтобы индийские и бирманские войска в конечном итоге взяли на себя полную ответственность за поддержание внутренней безопасности, все же пра-

вительства этих стран, вероятно, в течение нескольких лет будут нуждаться в наличии британских войск для выполнения этой роли. В Индии, каково бы ни было ее правовое положение, нельзя сбрасывать со счетов возможность такого крушения ее политической и экономической системы, которое потребует нашего вмешательства со значительными силами.

Дальний Восток и Тихий океан

133. Последствия японской оккупации британских территорий и подмандатных стран на Дальнем Востоке и на Тихом океане, а также последствия развития националистических стремлений в этих районах невозможно учесть. Какие проблемы внутренней безопасности будут стоять перед нами в будущем, невозможно определить, пока эти территории не будут освобождены. Нет основания ожидать здесь возникновения серьезных проблем внутренней безопасности по другим причинам, за исключением, может быть, Малайских стран.

Другие британские территории

134. Потенциальные обязанности для наших вооруженных сил будут существовать во многих других районах, как, например, в Западной и Восточной Африке, на Цейлоне, в Вест-Индии, на Кипре, на Мальте, в Адене и на о-ве св. Маврикия. В общей сложности силы, постоянно расквартированные в этих районах, будут составлять значительную часть наших наземных сил мирного времени.

Соединенное Королевство и доминионы

135. Даже в Соединенном Королевстве и в доминионах могут потребоваться вооруженные силы для поддержания гражданской власти.

Раздел IV

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Введение

136. Значение Международной организации для безопасности Британской империи в 1955–60 годах будет зависеть в первую очередь от того авторитета, который она сумеет завоевать в течение ближайших десяти лет. Для того, чтобы организация была эффектной, эволюция ее должна быть постепенным процессом, базирующимся на развитии взаимного доверия между ее членами.

137. Международную организацию в той форме, в которой она была одобрена в Сан-Франциско[5], можно определить с военной точки зрения, как союз пяти великих держав, имеющий целью обеспечить, во-первых, предупреждение агрессии со стороны малых держав и, во-вторых, постоянное подавление Германии и Японии. Ответственность за выполнение последней задачи Международная организация возьмет на себя только после того, как будет решено ликвидировать контрольный аппарат, созданный великими державами.

138. Ниже мы рассматриваем значение Международной организации с точки зрения:

A. Защиты от враждебного нам СССР

B. Контроля над Германией и Японией.

C. Обеспечения безопасности британских интересов от второстепенных внешних угроз.

D. Размера обязанностей, которые будут возложены на наши вооруженные силы.

A. Защита от враждебного нам СССР.

139. Эффективная Международная организация будет содействовать нашей безопасности со стороны СССР в том отношении, что:

a) сотрудничество между СССР и другими великими державами будет облегчено и легче будет добиться признания наших претензий на несение главной ответственности за поддержание мира и безопасности в тех районах, где превалируют британские интересы. Это сотрудничество может также облегчить разрешение вопросов в отношении противоречивых притязаний на доминирующее положение в тех районах, где и Британская империя, и СССР имеют стратегические интересы;

b) США возьмут на себя выполнение военных обязанностей своими вооруженными силами не только на Тихом океане, но также в Европе и на Среднем Востоке, поскольку это соответствует их обязательству участвовать в поддержании мира во всем мире. Вряд ли удалось бы убедить США взять на себя подобные обязательства, кроме как через мировую организацию, учитывая их предубеждение против «впутывающих союзов». Подобные обязательства, взятые на себя Соединенными Штатами, послужили бы сдерживающим началом для СССР, если бы он задумал агрессию;

c) система региональной безопасности помогла бы нам заключить оборонительные союзы, например, в Западной Европе, которые могли бы сохраниться даже после того, как Международная организация распалась бы;

d) некоторые базы необходимы для защиты британских интересов в определенных районах, как, например, на Среднем Востоке и в Гибралтарском проливе, можно получить только на основании соглашения, защищенного под эгидой Международной организации.

140. Однако существование Международной организации создает для нас известные потенциальные опасности. Во-первых, необходимо будет воспитать британское общественное мнение в том направлении, чтобы оно понимало, что наличие Международной организации не дает окончательной гарантии против агрессии со стороны СССР или иной великой державы. Неправильная оценка способностей Международной организации предупредить серьезную угрозу нашей безопасности может повести к требованию сокращения наших вооруженных сил. Если такие взгляды будут превалировать, то существование международной организации станет угрозой нашей безопасности. Кроме этого, трудно будет воспротивиться участию Советов в региональной системе обороны на Среднем Востоке, а возможно и в других районах, где доминируют британские интересы. Если бы СССР решил использовать приобретенное им таким образом влияние для подрыва нашего положения, имея в виду агрессивные действия против нас в будущем, то наша

способность защищать наши интересы в подобных районах была бы сильно ослаблена.

В. Контроль над Германией и Японией.

141. Если контроль над Германией и Японией будет в свое время взят на себя Международной организацией, то требуемые мероприятия останутся теми же, которые были описаны в предыдущем разделе. Поскольку существование эффективной Международной организации предполагает единодушие великих держав и наличие надлежащих сил в распоряжении Совета Безопасности, то задача по осуществлению контроля будет облегчена.

Д. Наши военные обязательства.

143. Необходимость предоставить силы в распоряжение Совета Безопасности, вероятно, повлечет за собой существование обязанностей. Она может также означать вмешательство британских сил в мелкие войны, не затрагивающие непосредственно британские интересы. Однако эти обязательства прибавят очень немногое к нашим общим задачам, так как они могут быть в значительной мере выполнены силами, которые так или иначе подходили бы для обеспечения нашей собственной безопасности.

В конечном итоге можно надеяться, что эффективная Международная организация создаст более устойчивые условия во всем мире, порождая веру в возможность улаживания споров путем переговоров. Очень мало вероятно, чтобы к 1955–1960 годам Международная организация достигла в этом отношении успехов, достаточных для того, чтобы великие державы согласились принять какой-либо общий план разоружения.

Выводы

144. Британская империя чрезвычайно заинтересована, со стратегической точки зрения, в том, чтобы оказать поддержку созданию эффективной Международной организации, поскольку она будет способствовать:

a) осуществлению первоочередной цели нашей политики, а именно: избежанию столкновения с СССР;

b) более тесному сотрудничеству с США, что жизненно важно для нашей безопасности.

№ 2 *Совершенно секретно*

январь 1948 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ ОДНОЙ ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Направляю полученный резидентурой документ о политике Англии в вопросе создания западноевропейской федерации.

МЕМОРАНДУМ

помощника министра иностранных дел по делам Совета министров иностранных дел и советника по делам организации Об'единенных наций ДЖЕББА Х.М.Г.[6] на имя постоянного заместителя министра иностранных дел Англии САРДЖЕНТА Орм[7] от 13.01.1948 г.

«Я видел копию записки министра иностранных дел от 12 января с изложением общих принципов внешней политики английского правительства и, в связи с этим, считаю необходимым предложить Вашему вниманию следующие комментарии:

Мне кажется, что прежде чем мы сможем сделать какой-либо действительный прогресс, мы должны совершенно точно уяснить наши цели и, насколько я понимаю, министр иностранных дел мыслит о них следующим образом:

а) нашей конечной целью является создание западноевропейской федерации, базирующейся на Соединенном Королевстве и Франции с их соответствующими имперскими колониальными владениями. В эту федерацию должны быть включены западная часть Германии, Нидерланды, скандинавские страны, Италия, Португалия и, если возможно, Испания. Эта цель навряд ли будет достигнута до истечения последующих пяти лет. Она также не может быть достигнута до тех пор, пока американцы, французы и мы сами не будем готовы эвакуировать Германию. Однако, в этот подготовительный период эта федерация может постепенно создаваться и, если будет возможно организовать своего рода таможенный союз между Великобританией и Францией, то это должно оказать весьма существенную помощь в достижении нашей конечной цели;

в) нашей ближайшей целью является поддержка духа единства между западноевропейскими демократиями и, в связи с этим, расширение англо-французского союза, включив в него Бельгию и, если возможно, Голландию.

Будет ясно заявлено публично, что эта особая цель полностью гармонируется с планом МАРШАЛЛА[8] в том аспекте, что целью плана МАРШАЛЛА является разрешить западноевропейским демократиям стоять на собственных ногах. Она – эта цель основывается на вере в то, что демократия, как таковая, обладает некоторыми присущими ей достоинствами и поэтому вполне естественно, что западноевропейским демократиям, в случае их затруднительного положения, будет оказана помощь заморскими демократиями и, особенно, США.

По-видимому, весьма важно, чтобы эта ближайшая цель не осуществлялась посредством какого-либо открытого антисоветского шага. Распространение на Нидерланды договора, который просто предусматривает оборону против Германии, не может интерпретироваться как шаг, направленный против Советского Союза, но, опять же, если только не будет ясно заявлено о том, что имеется действительное намерение оказать поддержку друг другу в случае возникновения каких-либо затруднений и что все объединятся для оказания сопротивления советской агрессии, то будет сделан лишь незначительный прогресс в направлении достижения подлинной солидарности. Надо ожидать, что этот вопрос возникнет, когда мы заявим французам, что в случае советской атаки на Западную Европу мы не согласимся послать британские войска на континент. Исходя из этого, мне кажется, что при всех слу-

чаях наиболее важной предпосылкой для достижения нашей ближайшей цели является заверение в том, что США готовы оказать сопротивление советской агрессии в Западной Европе, применив в случае необходимости даже силу оружия.

По всей видимости, имеются три возможных пути, по которым могут быть даны такого рода заверения:

a) США могут сами дать гарантии западноевропейским странам или некоторым из них. Однако это кажется крайне маловероятной процедурой, которую можно было бы рекомендовать американскому конгрессу. Кроме того, это сильно может оскорбить французов, которые все еще считают свою страну великой державой;

b) может быть подписан трехсторонний договор о предоставлении гарантии Германии или, скорее всего, Западной Германии. Настоящий договор, фактически, будет защищать Западную Германию, а следовательно, и западноевропейские страны от советской агрессии;

c) в соответствии со статьей 513 устава организации Об'единенных наций, может быть подписана общая конвенция, которая, хотя и будет доступна для подписания всеми желающими присоединиться к ней странами, тем не менее, в действительности не обеспечит требуемую безопасность.

Преимущества второго пути заключаются в том, что, во-первых, он внешне не будет особо направлен против СССР (хотя в действительности он направлен именно против него), во-вторых, он предусматривает такую процедуру, которую в принципе США, видимо, склонны принять, и, в-третьих, он сравнительно прост для осуществления.

Недостатки его заключаются в том, что, во-первых, он, очевидно, не будет предусматривать возможность советской агрессии против скандинавских стран или Италии и, во-вторых, возможно, что независимо от того, как будет сформулирована статья, может оказаться трудным избежать неприятностей в случае того, если Советский Союз неожиданно выразит желание присоединиться к этому договору.

Преимущества третьего пути состоят в том, что в этом случае конвенция будет универсальной и мы надеемся, что она практически будет подписана всеми потенциальными жертвами советской агрессии, а именно: западноевропейскими государствами, включая скандинавские страны, Италией, Грецией, Турцией, Ираном, Китаем, а также, несомненно, Соединенным Королевством и США. Поэтому этот путь будет, видимо, соответствовать общей цели установления наиболее тесного сотрудничества между западноевропейскими демократиями при общей поддержке и под защитой США. Он также позволит избежать возможной трудности при заключении соглашений, фактически обязывающих США идти на поддержку стран Среднего Востока, хотя, как нам известно, частным порядком были даны заверения в отношении того, что они (США) могут пойти на это.

Недостатками этого третьего пути является то, что подписание такой общей конвенции может быть воспринято как потеря нами всякой веры в действенность организации Об'единенных наций и, кроме того, он может даже (хотя это, возможно, маловероятно) привести к тому, что славяне покинут организацию Об'единенных наций.

Однако, несмотря на мое большое уважение к преимуществам третьего пути, я не думаю, чтобы им уже было оказано полное внимание, которого они заслуживают. Я надеюсь, что министр иностранных дел при пересмотре упомя-

нутого выше документа сможет согласиться с нами. Это, по крайней мере, является курсом, который следует обсудить в ближайшее время с американцами.

Во всяком случае, насколько я это вижу, в этом пути ничего нет такого, что могло бы помешать достижению наших ближайших или конечных целей. Наоборот, в нем имеется многое, что будет стимулировать достижение тех и других целей.

13.1.1948 г.» Глэдвин Джебб

Резидент КИ при СМ СССР

№ 3 *Совершенно секретно*

март 1948 года

Товарищу ВЫШИНСКОМУ А.Я.
Товарищу МАЛИКУ Я.А.
Товарищу ЗОРИНУ В.А.

Направляем в переводе с английского текст меморандума, составленного помощником министра иностранных дел Англии ДЖЕББОМ[9] 26 января 1948 г. в связи с обсуждением договора пяти держав и международной военной конвенции, проекты которых были Вам направлены ранее.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 10 листах.

Заместитель Председателя
КИ при СМ СССР П. Федотов
К. Родионов

март 1948 г.

Документально

Перевод с английского

МЕМОРАНДУМ

БЕЗОПАСНОСТЬ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Безопасность западноевропейских государств против возможной агрессии, и в частности против агрессии со стороны Советского Союза, теоретически может быть обеспечена и усилена различными путями, помимо процедуры, наложенной в главах VI и VII Устава ООН.

а) Соглашение по статье 52 Устава.

2. «Региональное соглашение».

Этот тип соглашения может быть подписан всеми западноевропейскими государствами или теми из них, которые будут считаться подходящими для этой цели, но фактически это соглашение может подразумевать только защиту против Германии, поскольку такие соглашения, согласно статье 53 Устава, могут предусматривать «насильственное действие» только против бывших вражеских государств.

Следовательно, можно сказать, что англо-французский договор и любой подобный договор, который может быть заключен с Бельгией, Голландией и Люксембургом, находится в общих рамках статьи 52; но очевидно, что подобные соглашения, будучи полезными в смысле подчеркивания общего единства цели западноевропейской демократии, совершенно не отвечают поставленным требованиям.

б) Договор трех держав о гарантии Германии.

3. Основная цель такого документа (проект которого дается в приложении А[10]) будет заключаться в гарантии территориальной, политической и экономической целостности трех западных зон Германии таким образом, чтобы в случае советской агрессии против этих частей Германии, Голландии, Бельгии и Люксембургу, а также к самой Франции (смотрите статью IV), была оказана поддержка со стороны подписавшихся (США, Соединенного Королевства, Франции). В дополнение к этому договор будет предусматривать демилитаризацию Германии и учреждение контрольной комиссии на основе общих положений первоначального «Договора БИРНСА»[11].

В целях предупреждения возобновления германской агрессии или в целях сохранения независимости и целостности западных частей Германии, в случае необходимости будут предприняты действия большинством подписавшихся, хотя может быть включено требование одновременного выступления всех подписавшихся, если этого пожелают.

Условия присоединения к договору (статья IX) допускают возможность принятия Советского Союза, но только на условиях, которые удовлетворят западные державы. Договор, основанный на этих положениях, видимо, даст Нидерландам и Франции достаточную уверенность в том, что намерение Соединенного Королевства и США заключается в том, чтобы защитить также Германию и, следовательно, упомянутые государства от какой-либо советской агрессии; однако верно и то, что Франция не будет иметь абсолютной уверенности в том отношении, что определенная ею агрессия будет рассматриваться ее двумя союзниками подобным же образом.

Но ни один договор не может сам по себе полностью определить CASUS FOEDERIS, и очевидно, что США, если они подпишут такой договор, в принципе будут полностью обязаны защищать большую часть Западной Европы против возможной агрессии Советов. С другой стороны, очевидно, что Скандинавия не будет подпадать под действие этого договора в большей степени, чем Италия или Греция.

в) Прямая гарантия.

4. Без какой-то увязки со статьей 51 Устава[12] (о которой будет сказано ниже) гарантия Италии или скандинавским странам со стороны других западноевропейских держав и Америки, если даже она будет обоюдной, кажется не очень желательной, поскольку сомнительно, чтобы она находилась в соответствии с Уставом. Во всяком случае она явно будет направлена против СССР.

По этим причинам сомнительно, чтобы скандинавские страны приняли ее, хотя она может приветствоваться существующим итальянским правительством. Однако что касается Италии, то данная гарантия должна быть, предположительно, каким-либо образом связана с мирным договором, который лишь совсем недавно вступил в силу, и итальянцы, естественно, могут

заявить, что они не в состоянии будут выполнить какие-либо обязательства, вытекающие из этих гарантий, если их вооруженные силы не будут увеличены за пределы, установленные договором.

г) Региональное действие по статье 51.

5. Иллюстрацией подобному действию может служить межамериканский договор о взаимной помощи, подписанный в Рио-де-Жанейро в сентябре 1947 года[13]. В этом документе США и латино-американские республики устанавливают (статья 3 (1)), что «вооруженное нападение какого-либо государства на любое американское государство будет рассматриваться как нападение на все американские государства и, следовательно, каждая из упомянутых договаривающихся сторон обязуется оказать помощь в отражении нападения, используя неотъемлемое право индивидуальной или коллективной самозащиты, признанной статьей 52 Устава Об'единенных наций».

По статье 3 (2) «каждая из договаривающихся сторон может затем определить «немедленные меры, которые каждая сторона может предпринять в индивидуальном порядке». (Это, возможно, является наиболее важным условием, так как оно дает право США, если они пожелают, оказать помощь любой американской жертве агрессии всеми своими силами просто по просьбе жертвы).

Эти индивидуальные меры, если они будут предприняты, затем будут расследованы «консультативным органом межамериканской системы», что, видимо, предусматривает заседание министров иностранных дел всех подписавшихся государств или в ожидании созыва такого высокого органа руководящим советом панамериканского союза. Орган также «вынесет решение по вопросу о мерах коллективного характера, которые должны быть предприняты».

В любом случае орган принимает свои решения большинством в две трети голосов подписавшихся государств, которые ратифицировали договор. Следовательно, по условиям этого договора ни одна из подписавшихся сторон в действительности не обязана делать что-либо в смысле оказания помощи жертве агрессии, если она не получит такого указания от органа, который принимает свои решения большинством в две трети голосов. Даже в этом случае (статья 20) «ни от одного государства не будут требовать помощи своими вооруженными силами без его согласия».

Но в сущности положение в Южной Америке совершенно отлично от положения в Западной Европе, на Среднем Востоке и особенно на Дальнем Востоке. Для Америки угроза советской агрессии является отдаленной и фактически почти нереальной до тех пор, пока США остаются первоклассной державой. Основная цель договора, подписанного в Рио-де-Жанейро, заключается, следовательно, в том, чтобы предупредить возникновение местных войн и под прикрытием общей защиты, обеспечиваемой вооруженными силами США, подчеркнуть юридическое равноправие всех подписавшихся. Отсюда довольно сложные функции, предписанные этому органу, и условия, устанавливающие, что ни одна из подписавшихся сторон не обязана использовать свои вооруженные силы, если она этого не хочет.

6. По этим причинам маловероятно, чтобы договор, заключенный в Рио-де-Жанейро, несмотря на свои некоторые полезные стороны, мог полностью служить в качестве образца для какой-либо системы безопасности Западной Европы, и, кстати, если США должны войти в какую-либо западноевропейскую систему безопасности, то последняя едва ли может рассматриваться как «региональная», кроме как на основе того сомнительного предположения,

что Западная Европа, все страны Британского содружества наций и США представляют собой «район». Наоборот, если США не собираются включиться в региональную западноевропейскую схему, то кажется маловероятным, чтобы она каким-либо образом была создана.

д) Простое действие по статье 51.

7. Однако необходимая безопасность Западной Европы и необходимая поддержка США могут быть достигнуты путем конвенции, с виду универсальной по своему охвату, но в действительности такой, которую вряд ли подпишут Советский Союз или тоталитарные государства Восточной Европы, или даже другие государства, жизненно не заинтересованные в этом районе. Если такое действие будет предусмотрено, то важно избегнуть, если это возможно, сложной процедуры, которая характеризует договор, заключенный в Рио-де-Жанейро, а также любого предложения о том, что принятие действия условно должно зависеть от какого-либо большинства подписавшихся.

На практике это может быть сделано только в случае, если определение CASUS FOEDERIS (то есть решение о том, произошло или не произошло «вооруженное нападение») будет зависеть не от коллективного, а от индивидуального решения подписавшихся. Видимо, также необходимо иметь в виду предположение, что американцы не согласятся на слишком твердую схему и что они, вероятно, захотят быть уверенными скорее в том, что США не обязательно должны будут вступить в войну с Советским Союзом в случае нападения на Афганистан или даже на Синьцзян или Тибет, а будут только обязаны заявить о своем неодобрении.

Для того, чтобы компенсировать такое широкое толкование (статья II), проект должен быть достаточно категоричным и торжественным для того, чтобы возложить на Соединенные Штаты весьма большую моральную ответственность в смысле осуществления какого-либо действия для того, чтобы восстановить положение в случае явной агрессии против таких стран, как скандинавские, Италия, Греция или Турция (статья 1).

8. В статье III предусматривается также созыв конференции в случае, если какая-либо подписавшаяся сторона заявит о том, что она стала жертвой «вооруженного нападения». Это мероприятие, видимо, будет желательно, если малые государства добровольно присоединятся к договору, но оно может быть подвергнуто критике как предусматривающее альтернативу к способам урегулирования, изложенным в Уставе.

Ответом на это, предположительно, будет то, что весь механизм будет приведен в действие только в случае явной агрессии и что ничто не препятствует какому-либо члену включиться в него, если это будет желательно.

ЗАМЕЧАНИЯ

Наиболее многообещающими общими линиями являются линии, изложенные в параграфах «б» и «д». Нет ничего такого, что препятствовало бы их совместному применению, хотя в том случае, если все страны, заинтересованные в образовании большинства в Западной Европе, подпишут что-либо в духе «д», может возникнуть вопрос, действительно ли необходима линия «б», конечно, отдельно от договора о демилитаризации Германии.

В нашем общем подходе мы, разумеется, должны руководствоваться соображением о том, насколько американцы в действительности готовы принять участие в защите Западной Европы.

26 января 1948 г. Глэдвин Джебб

№ 4 *Совершенно секретно*

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.
Товарищу М О Л О Т О В У В.М.
Товарищу В Ы Ш И Н С К О М У А.Я.
Товарищу З О Р И Н У В.А.

Сообщаем агентурные сведения, полученные в Вашингтоне и Лондоне:

1. Заслуживающий доверия источник в Вашингтоне сообщает, что английский посол в США ИНВЕРЧЕПЛ получил срочные инструкции от БЕВИНА[14] передать МАРШАЛЛУ[15] предложение об открытии срочных переговоров по вопросу о создании североатлантического блока безопасности, в состав которого войдут Англия, США, Канада, Дания, Норвегия, Ирландия и Исландия. В предложении БЕВИНА исключена Швеция.

Все эти страны должны будут подписать основанный на статье 51 Устава ООН «оборонительный пакт», который явится частью запроектированной «общей системы безопасности», включающей западноевропейский пакт, а также предполагаемый пакт средиземноморских стран, вопрос о котором, однако, по утверждению источника, БЕВИНОМ еще не подготовлен.

Срочность своего предложения БЕВИН мотивирует тем, что Советский Союз в скором времени якобы попытается расширить сферы своего влияния в различных направлениях и одним из первых об'ектов советского нажима явится Норвегия.

По предложению БЕВИНА эти переговоры должны вестись в Вашингтоне между представителем английского министерства иностранных дел и госдепартаментом при участии военных экспертов обеих стран.

12 марта МАРШАЛЛ сообщил английскому посольству, что правительство США согласно начать такие переговоры на следующей неделе.

2. В свете вышеизложенного представляют интерес агентурные сведения, полученные в Лондоне.

Английское правительство через различные каналы распространяет слухи о том, что Норвегия становится «очередной жертвой» советской дипломатической агрессии. Руководитель информационной службы английского кабинета Филипп ДЖОРДАН в утвердительной форме заявил об этом лондонским корреспондентам.

Эти слухи англичане распространяют и через иностранные дипломатические представительства. Например, государственный министр МАКНЕЙЛ на одном из официальных приемов заявил «по секрету» шведскому посланнику БОГЕМАНУ, что «Россия пытается навязать Норвегии заключение пакта о взаимопомощи в духе пакта, предложенного ею Финляндии». Содержание этого разговора БОГЕМАН сообщил шведскому МИД.

Английский посол в Осло сообщил в МИД Англии, что премьер-министр и министр иностранных дел Норвегии заявили английскому и американскому послам о том, что они решили рекомендовать кабинету отвергнуть советское предложение, как только оно будет сделано, и просят сообщить мнение английского и американского правительств по этому вопросу.

После получения этой телеграммы между БЕВИНОМ и МАРШАЛЛОМ имела место переписка. Оба согласились с тем, что следует одобрить решение премьер-министра и министра иностранных дел Норвегии и заявить им, что английское и американское правительства окажут Норвегии полную под-

держку и помощь, включая и военную, если СССР решит принудить ее заключить пакт. Английский посол в Осло уже заявил об этом норвежскому правительству, а госдепартамент дал указание своему послу сделать аналогичное заявление.

Заместитель Председателя
КИ при СМ СССР

П. Федотов
К. Родионов

18 марта 1948 года

№ 5 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу ВЫШИНСКОМУ А.Я.

Докладываем агентурные данные, полученные нашим резидентом в Берлине, о состоявшемся 2 марта 1948 года во Франкфурте-на-Майне совещании немецких руководителей с представителями английской и американской военных администраций, при участии представителей государств Бенилюкса, по вопросу создания Западно-Германского государства.

На совещании с немецкой стороны участвовали: вице-президент Экономического совета об'единенной англо-американской зоны Густав ДАРЕНДОРФ, министр-президент земли Шлезвиг-Гольштейн Герман ЛЮДЕМАНН, второй председатель правления партии ХДС английской зоны Фридрих ХОЛЬЦАПФЕЛЬ и другие.

Представители американской и английской военных администраций упрекали на этом совещании немецких представителей в том, что последние «не имеют смелости взять на себя политическую ответственность в Западной Германии».

Западно-Германское государство, как заявили англо-американцы, должно быть политически организовано так, чтобы не только восточная, но и французская зоны были бы вынуждены присоединиться к нему. При этом подчеркивалась необходимость разграничивать требования со стороны немецких политиков к оккупационным властям и к немецким партиям.

На предложение англичан и американцев высказаться по вопросу создания Западно-Германского государства и о принципах его организации представитель немецкой стороны ДАРЕНДОРФ от имени немецких представителей заявил, что создание Западно-Германского государства не имеет смысла без решения вопроса об установлении в нем собственной верховной власти. Однако, по мнению немецких представителей, верховная власть может быть осуществлена лишь в том случае, если союзниками немедленно будет установлен оккупационный статут. Кроме того, немецкие представители просят, чтобы союзники официально заявили о сроках заключения мирного договора с Западно-Германским государством.

При этом ДАРЕНДОРФ выдвинул следующие условия, которые будут способствовать успеху пропаганды среди немецкого населения идеи создания Западно-Германского государства:

Дача гарантий на предоставление Западно-Германскому государству кредитов и сырья на основе экономических договоров.

Реорганизация Экономического совета в парламент, избираемый и утверждаемый Национальным собранием Западной Германии.

Расширение Административного совета путем дополнительного введения в нем директоров по делам юстиции, внутренних дел, торговли и восстановления, с последующей реорганизацией Административного совета в правительственный кабинет.

Разработка и принятие избирательного закона по выборам в парламент.

Положительное решение вопроса о приеме Западно-Германского государства в члены ООН.

В ответ на это заявление представители американской и английской военных администраций ответили, что с их стороны нет никаких возражений против перечисленных выше мероприятий, однако желательно, чтобы четыре крупные партии Западной Германии, за исключением коммунистов, выступили бы с об'единенным заявлением о создании Западно-Германского государства.

На вопрос немецкого представителя о том, не пред'явят ли государства Бенилюкса к Германии территориальных требований и не получат ли они поддержку со стороны Англии и Америки, было заявлено, что Англия и Америка категорически отклоняют территориальные требования государств Бенилюкса к Западной Германии.

Представитель от партии ХДС заявил о готовности через несколько недель представить союзникам требуемый ими план.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР

П. Федотов
К. Родионов

9 апреля 1948 г.

№ 6 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу ЖДАНОВУ А.А.

Докладываем в переводе с английского выписки из двух секретных протоколов заседания английского кабинета от 5 и 15 марта 1948 г. по вопросу о британской внешней политике в Европе.

Представляя на рассмотрение кабинета (заседание от 5 марта) меморандум, составленный в связи с последними событиями в Чехословакии, и меморандум о «советской угрозе западной цивилизации», министр иностранных дел БЕВИН заявил, что последние действия Советского правительства, особенно предпринятые им в связи с событиями в Чехословакии и Финляндии, исключают всякую надежду на достижение удовлетворительного соглашения четырех держав между собой путем договоренности или через посредство организации Об'единенных наций. Предложив в срочном порядке завершить происходившие в то время переговоры по заключению договора между

Англией, Францией и странами Бенилюкса и, одновременно с этим, заручиться поддержкой стран, входящих в Британское содружество наций, а также и других стран, в частности стран Западного полушария, БЕВИН потребовал приложить особые усилия, чтобы «спасти парламентскую форму правления» в Италии, которая в настоящее время является «слабейшим звеном в цепи некоммунистических государств».

В ходе последующего обсуждения при «единодушном одобрении» всех предложений министра иностранных дел были отмечены следующие моменты:

1. Кабинет должен осознать значение вооруженных сил, необходимых для подкрепления дипломатических акций в соответствии с политикой, предложенной министром иностранных дел, а также оборонных мероприятий, предусматриваемых на тот случай, если этой политикой не удастся предотвратить войну.

2. В случае выхода Индии и Пакистана из состава Британского содружества наций их примеру могут последовать Цейлон и Малайя. Трудность удержания этих стран в рамках Содружества обусловливается «идеями абстрактного республиканизма», которых придерживаются в этих странах «господствующие политические партии» и при которых последним трудно признать принцип верности английской короне. Следовательно, необходимо «придумать какую-либо новую конституционную форму», при которой Индия, Пакистан и им подобные страны могли бы получить «нового рода независимость», оставаясь в рамках Британского содружества наций.

3. С целью полного использования всех средств «политической войны» желательно создать организацию по типу существовавшего ранее «Исполкома политической войны», которая функционировала бы под руководством министра и находилась бы в тесном контакте с министерством иностранных дел.

4. Лейбористская партия в большей степени, чем правительство, могла бы стать эффективным инструментом при ведении пропаганды, а также в деле укрепления социал-демократических партий Западной Европы.

5. Через международный совет христианских церквей использовать различные общины для проведения совместных действий с целью «защиты западной цивилизации».

6. Оказывать большую экономическую помощь Скандинавским странам на основе долгосрочных торговых соглашений.

На заседании, состоявшемся 15 марта с.г., обсуждался проект договора пяти держав. С разъяснением по пунктам проекта выступал государственный министр Гектор МАКНЕЙЛ.

При обсуждении этого проекта членами кабинета высказывалась надежда, что правительство Соединенных Штатов «найдет путь» для присоединения в качестве гаранта к «оборонительному союзу» западноевропейских держав. При этом особо подчеркивалось, что договорные обязательства о взаимопомощи должны быть достаточно четко ограничены случаями, которые могут возникнуть вследствие неспровоцированной агрессии. Исходя из этого, кабинет предложил государственному министру пересмотреть пункты о взаимопомощи, однако при этом не упуская из виду необходимость того, чтобы эти пункты «не казались бы слабыми».

Кабинету было дано заверение в том, что IV-я статья договора предусматривает также и случай возможного вооруженного нападения на Гибралтар и Мальту.

В заключение кабинет обратил особое внимание на необходимость самого широкого рекламирования договора пяти держав как внутри страны, так и за ее пределами, полностью используя для этой цели все средства пропаганды: печать, кино, радио, выступления министров и видных общественных деятелей на собраниях и митингах.

Из рассмотрения прилагаемых документов явствует, что английское правительство, сильно обеспокоенное укреплением международных позиций Советского Союза, ростом демократических сил в Европе и возможным выходом из состава Британской империи Индии и Пакистана, готово было бы принять «самые решительные меры против советской угрозы», но, понимая шаткость своих экономических и политических позиций на данной стадии развития международных отношений, оно вынуждено ограничиваться рекламной шумихой вокруг договора пяти держав, чтобы замаскировать от общественного внимания всего мира свое бессилие.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 10 листах.

Заместитель Председателя
КИ при СМ СССР

П. Федотов
К. Родионов

9 апреля 1948 года

Документально
Перевод с английского

ВЫПИСКА

из секретного протокола заседания английского кабинета от 5 марта 1948 года

«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ»

Кабинет рассмотрел меморандумы, представленные министром иностранных дел по вопросу о кризисе в Чехословакии и о советской угрозе западной цивилизации.

Министр иностранных дел заявил, что действия Советского правительства, достигшие своего кульминационного пункта во время недавних событий в Чехословакии и Финляндии, вне всякого сомнения показали, что нет никакой надежды на достижение удовлетворительного соглашения путем договоренности четырех держав или через посредство организации Об'единенных наций и что должны быть предприняты решительные меры против советской угрозы западной цивилизации. В соответствии с этим он предложил, чтобы мы в срочном порядке завершили происходящие переговоры о заключении экономического, культурного и оборонительного пактов между Соединенным Королевством, Францией и странами Бенилюкса. Одновременно мы должны стремиться укрепить защиту западной цивилизации, заручившись сотрудничеством стран, входящих в Британское содружество наций, а также всех других дружественных нам стран, в том числе стран Западного полушария. Особые усилия должны быть сделаны для укрепления

парламентского правительства в Италии, которая в настоящее время является слабейшим звеном в цепи некоммунистических государств.

Дальнейшие шаги в направлении экономического сотрудничества в Европе будут обсуждены на заседании Комитета европейского экономического сотрудничества, которое должно состояться в марте. Однако в дополнение к этому необходимо добиваться сотрудничества также и в других областях деятельности, о чем следует договориться с правительствами стран Британского содружества наций и, через дипломатические каналы, с правительствами других стран. Если кабинет выразит общее одобрение изложенной им политики, то министр время от времени будет докладывать о мерах, предпринимаемых с целью осуществления этой политики.

Во время последующей дискуссии политика, изложенная министром иностранных дел, получила единодушное одобрение. Причем особенно подчеркивалась настоятельная необходимость укрепления сил демократического социализма во Франции и Италии и противодействия ослаблению Британского содружества наций в результате отпадения Индии и, возможно, Пакистана. Сопротивление дальнейшей советской экспансии не может быть успешным, если мы не сможем добиться высокого материального уровня жизни как у себя внутри страны, так и в странах, стоящих на нашей стороне; но также необходимо, чтобы наша кампания проводилась на основе более высоких моральных и духовных ценностей западной цивилизации. При настоящих условиях ни одна страна не в состоянии достигнуть того уровня мобилизации людских резервов и материальных ресурсов, который был достигнут во время последней войны, и тем не менее теперь кажется неизбежной необходимость еще более высокого уровня об’единения средств обороны. Однако при всех обстоятельствах крайне желательно, чтобы кабинет осознавал значение вооруженных сил, необходимых для подкрепления дипломатических акций в соответствии с политикой, предложенной министром иностранных дел, а также оборонительных мероприятий, предусматриваемых на тот случай, если путем этой политики не удастся предотвратить войну. Оружие пропаганды должно быть использовано полностью, и, очевидно, для этой цели потребуется создание специального аппарата. Пропаганда должна варьироваться в зависимости от страны, для которой она предназначается. Она не должна ставить в неловкое положение министра, который имеет дело с другими иностранными государствами через дипломатические каналы.

В ходе дальнейшего обсуждения были отмечены следующие положения:

a) Финансовые мероприятия французского правительства оказались неэффективными, и экономическое положение во Франции стало весьма напряженным. Позиции правительства непрочны, и если оно падет, то, по всей вероятности, его место займет либо крайне правое, либо крайне левое правительство.

b) Если Индия и Пакистан отойдут от Британского содружества наций, то их примеру, вполне возможно, могут последовать Цейлон, а в дальнейшем и Малайя. Трудность удержания этих стран в рамках Британского содружества наций возникнет главным образом на основе конституционных форм, так как господствующие политические партии связаны идеями абстрактного республиканизма, и это затрудняет признание ими принципа верности Коро-

не. Возможно, что эту трудность удастся преодолеть, придумав какую-либо новую конституционную форму ассоциации, которая даст возможность этим и подобным им странам установить нового рода независимость в рамках Британского содружества наций. Следует также рассмотреть вопрос о необходимости оказания Индии и Пакистану особой помощи с целью их экономического развития.

c) Опыт, приобретенный во время войны, показал ценность осуществления политической войны. Советское правительство и его сателлиты использовали это средство до предела. Главная цель любой пропагандистской кампании должна состоять в том, чтобы обеспечить надлежащим руководством народы стран Западной Европы, правительствам которых до сих пор не удалось самим этого сделать; но эта кампания должна проводиться в международном масштабе. Было бы желательно создать организацию по типу существовавшего во время войны Исполкома политической войны, которая действовала бы под руководством министра и находилась бы в тесном контакте с министерством иностранных дел.

d) Лейбористская партия в большей степени, чем правительство, могла бы оказаться наиболее эффективным инструментом в ведении пропаганды, а также в деле укрепления социал-демократических партий Западной Европы.

e) Не исключено, что Христианские Церкви, возможно, будут готовы предпринять общие действия в защиту западной цивилизации, и это можно будет осуществить через Международный Совет Христианских Церквей. В последние годы среди деятелей католической церкви значительно укрепилось чувство доброжелательности к социал-демократическим принципам.

f) Коммунизм процветает в примитивных условиях. Поэтому имеется основание предполагать, что ему не удастся с таким же успехом укрепиться среди народов более высоко развитых стран. Поэтому особенно важно, чтобы каждое усилие было направлено на организацию пропаганды в странах Восточной Европы, которые наиболее близки к Западной Европе.

g) До сего времени при заключении двусторонних торговых соглашений со странами Восточной Европы руководствовались чисто экономическими соображениями. Есть ли сейчас необходимость, по политическим мотивам, предлагать более великодушные условия или воспользоваться более агрессивными методами?

h) Следует обсудить возможность предоставления большей экономической помощи Скандинавским странам, возможно, на основе заключения долгосрочных соглашений.

Кабинет –

1) Выразил общее согласие с предложениями, изложенными в параграфе 7 меморандума C.P./48/72 о противодействии советской угрозе западной цивилизации.

2) Принял к сведению, что премьер-министр рассмотрит вопрос о том, какого рода междуведомственная организация потребуется для того, чтобы эффективно претворить в жизнь некоторые из указанных предложений.

3) Принял к сведению меморандум C.P./48/71.

Документально
Перевод с английского

ВЫПИСКА

из секретного протокола заседания английского кабинета от 15 марта 1948 года

«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ»

1. Кабинет рассмотрел представленную министром иностранных дел записку /С.Р./48/83/ с приложением проекта Договора пяти держав, предварительно согласованного с дипломатическими представителями пяти Договаривающихся правительств 12 марта в Брюсселе.

Государственный министр (Гектор МАКНЕЙЛ. – примечание К-та Информации) дал разъяснение по пунктам проекта. Предварительное согласование этого проекта не встретило особых затруднений, и Договор, повидимому, будет готов для подписания к 17 марта по существу в той форме, в какой он представлен Кабинету.

В ходе обсуждения были сделаны следующие замечания:

a) Начальники штабов занимаются изучением содержания статей Договора, относящихся к обороне, со всеми вытекающими из них последствиями. Высказывается большая надежда на то, что правительство Соединенных Штатов найдет путь для присоединения к этому оборонительному союзу Западно-Европейских Держав в качестве гаранта.

b) Очевидно, было бы желательно, чтобы договорные обязательства в отношении обороны приводились бы в действие только в случае неспровоцированной агрессии против страны, подписавшей этот Договор. Достаточно ли ясно, что содержание Статьи IV проекта Договора будет ограничивать эти обязательства только случаями неспровоцированной агрессии? Кабинет предложил государственному министру просмотреть этот пункт, помня при этом важность того, чтобы пункты Договора об обороне не казались бы слабыми.

c) Кабинет получил заверение в том, что Статья IV предусматривает также и случай возможного вооруженного нападения на Гибралтар и Мальту.

d) Статья 1 составлена таким образом, чтобы дать возможность заморским владениям держав, подписавших Договор, сделать свой вклад в экономическое восстановление Европы.

e) В процессе подготовки проекта Договора постоянно поддерживалась связь с Правительствами Доминионов.

f) Министерство иностранных дел должно предпринять специальные меры с тем, чтобы обеспечить широкую популяризацию заключения этого Договора. Британская радиовещательная корпорация должна сделать специальное сообщение о подписании Договора как по внутреннему вещанию, так и в передачах для заграницы; с этой целью должны быть также широко использованы кинохроникальные фильмы. Вслед за первоначальным опубликованием этого сообщения должно быть организовано дальнейшее рекламирование Западного союза. Существует некоторая опасность, что внимание общественности может сконцентрироваться главным образом на пунктах Договора, касающихся обороны; чтобы нейтрализовать такую возможность, необходимо сделать особый упор на выгоды экономических пунктов. Мини-

стерство иностранных дел могло бы взять на себя руководящую роль в определении пунктов, которые должны подчеркиваться в выступлениях и докладах министров в течение ближайших нескольких недель.

Кабинет –

Одобрил проект Договора пяти держав и уполномочил министра иностранных дел подписать Договор в его настоящей форме, допуская возможность лишь незначительных изменений, которые могут быть внесены в результате переговоров, происходящих в Брюсселе.

№ 7 *Совершенно секретно*

экз. № 2

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу ВЫШИНСКОМУ А.Я.

Представляем текст телеграммы французского политического советника в Германии СЕНТ-АРДУЭНА в министерство иностранных дел Франции от 26 марта с.г. о политических маневрах американцев и англичан в вопросах проведения выборов в Германии и создания германского правительства.

СЕНТ-АРДУЭН считает, что публичные заявления американцев о необходимости создания общегерманского правительства и инспирированное англичанами выступление премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия АРНОЛЬДА с программой проведения по всей Германии свободных выборов для создания Национального собрания и германского правительства являются тактическими маневрами и преследуют одну цель – лишить Советский Союз инициативы в вопросе о единстве Германии. При этом американцы и англичане рассчитывают, что в случае проведения всеобщих выборов большинство получат антикоммунистические партии.

СЕНТ-АРДУЭН отрицательно относится к американским планам создания в ближайшее время германского правительства во Франкфурте-на-Майне, считая, что образование такого правительства будет использовано Советским Союзом в качестве предлога для сформирования в Берлине национального общегерманского правительства.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 3 листах.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР

П. Федотов
К. Родионов

апрель 1948 г.

Документально
Совершенно секретно
Перевод с французского

ТЕЛЕГРАММА

французского политического советника в Германии СЕНТ-АРДУЭНА в министерство иностранных дел Франции от 26 марта 1948 года

«Близость точек зрения, выраженных в заявлении генерала КЛЕЯ о необходимости сформировать в ближайшее время германское правительство и в опубликованном сегодня утром меморандуме премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия доктора АРНОЛЬДА о созыве Национального собрания, избранного всеобщим голосованием, проливает свет на тактику, применяемую нашими западными союзниками в Германии.

Утверждение генерала КЛЕЯ о том, что он желает создания общегерманского правительства, а не правительства только для Западной Германии, и требование АРНОЛЬДА о проведении свободных выборов во всех четырех зонах преследуют одну и ту же цель – лишить русских инициативы, которую они до сих пор сохраняли в вопросе о единстве Германии.

Один из политических деятелей земли Северный Рейн-Вестфалия в беседе с одним из моих сотрудников следующим образом охарактеризовал нынешнее положение:

«Требуя свободных выборов во всей Германии, мы припираем русских к стене. После их отказа мы сможем осуществлять на Западе то, что мы хотим, ибо ответственность с нас будет снята. С другой стороны, если Западная Германия получит статут оккупации или временный мирный статут, то в массах вновь зародятся надежды, и на долгие годы будет обеспечено доминирующее положение Запада над Востоком».

Эти слова слишком очевидно соответствуют предложенному нам плану и сделанному сегодня утром заявлению, чтобы можно было обмануться в значении маневров, предпринимаемых генералом КЛЕЕМ и уже известных, оказывается, общественному мнению. Значение этих маневров мы всегда должны иметь в виду, учитывая цели, ими преследуемые. Основное условие их заключается в проведении всеобщих выборов, от которых англо-американцы ожидают – и не без некоторых оснований – крупного успеха для антикоммунистических партий.

В беседах, которые я имел в последние дни с МЭРФИ[16] и ЛИЧФИЛДОМ[17], я старался убедить американцев в том, что, по существу, они играют на руку русским, проявляя инициативу в стремлении любой ценой «итти быстро».

В своей деятельности в течение последних недель русские, действительно, очень явно проявили свое желание переложить ответственность за разрыв четырехсторонних переговоров на западных союзников и представить свои действия лишь как ответные удары. Они используют для этого каждый случай. Я не думаю, что русские намерены первыми создать германское правительство, хотя они все подготовили для этой цели. Однако, как я уже пытался об'яснить американцам в Берлине, русские ждут только предлога, – а этим предлогом для них будет создание во Франкфурте правительства, которое русские обвинят в «коллаборационизме», – чтобы сформировать в Берлине «национальное правительство».

№ 8 *Совершенно секретно*

Экз. № 1

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

Представляем текст телеграммы французского политического советника в Германии СЕНТ-АРДУЭНА в министерство иностранных дел Франции от 2 апреля с.г. В телеграмме СЕНТ-АРДУЭН сообщает свою точку зрения на политику, проводимую Советским Союзом в отношении Берлина. Он считает, что советское правительство своим шагом в Контрольном совете 20 марта с.г. начало осуществление подробно разработанного плана по вытеснению из Берлина западных союзников, вместе с которыми будет удален муниципалитет Большого Берлина, ориентирующийся на западные державы.

СЕНТ-АРДУЭН высказывает мнение, что «следовало бы убедить русских, что разрушение моста, который они еще имеют в Берлине для контакта с Западом, не в их интересах».

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 2 листах.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР П. Федотов
К. Родионов

апрель 1948 г.

Документально
Совершенно секретно
Перевод с французского

ТЕЛЕГРАММА

французского политического советника в Германии
СЕНТ-АРДУЭНА в министерство иностранных дел Франции
от 2 апреля 1948 года

«Как я и отмечал в своей телеграмме от 20 марта, советское правительство направляет свои основные усилия именно на Берлин, преследуя цель вынудить своих партнеров в Контрольном совете признать, что их желание остаться в этом городе в условиях, когда четырехстороннее сотрудничество фактически прекратилось, наталкивается на препятствия, сопряжено с риском и что игра не стоит свеч.

По данным, полученным от немцев, близких к русским, последние по-прежнему убеждены, что, несмотря на фанфаронство генерала КЛЕЯ, Берлин не явится поводом к войне, особенно если они (русские) будут умело демонстрировать, что остаются в рамках четырехсторонних соглашений, и удовлетворятся принятием мер, которые могут быть представлены, как ответ на действия западных держав.

Мы являемся свидетелями выполнения подробно разработанного плана. Предлогом для его осуществления послужила лондонская конференция трех

держав, которая, без сомнения, вызвала решение и выбор русских, представив им случай начать выполнение плана и привела к срыву работы четырех держав на заседании Контрольного совета 20 марта. Основная цель этого плана – уничтожить гнойник, которым является в русской зоне Берлин. В этих условиях трудно думать, что можно будет приостановить выполнение этого плана средствами (пропуск по техническим причинам. – Наше примечание).

В действительности, следовало бы убедить русских, что разрушение моста, который они еще имеют в Берлине для контакта с Западом, не в их интересах. Возможно, что это и не является абсолютно неосуществимым делом, пока не будет создано германское правительство во Франкфурте.

Однако вполне очевидно, что после недавних заявлений государственного департамента представителям прессы русские рассматривают создание такого правительства как неизбежное зло и не желают терпеть в центре своей зоны не столько присутствия союзников, сколько присутствия муниципалитета Большого Берлина, который (муниципалитет) был бы готов предоставить себя в распоряжение этого правительства».

№ 9 *Совершенно секретно*

Экз. № 1

Товарищу М О Л О Т О В У В.М.

Представляем секретные французские отчеты о работе трехстороннего англо-американо-французского совещания по вопросу о Германии, которое имело место в Лондоне с 23 февраля по 6 марта с.г.

Как известно, совещание носило закрытый характер, и официальные данные о нем ограничиваются небольшим коммюнике.

Повестка дня совещания включала следующие вопросы:

A) Присоединение стран Бенилюкса к политике в отношении Германии.

B) Место оккупированной Западной Германии в программе восстановления Европы.

C) Роль германской экономики в экономике Европы и контроль над Руром.

D) Безопасность в отношении Германии.

E) Репарации.

F) Политическая и экономическая организация Германии.

G) Временное территориальное устройство.

Обсуждение последнего пункта повестки дня, ввиду недостатка времени, было перенесено на следующее совещание, которое намечено на апрель с.г.

Основные моменты обсуждения и принятых на совещании решений по пунктам повестки дня заключаются в следующем:

1. По первому пункту повестки дня американской, английской и французской делегациями были приняты решения:

а) о приглашении представителей стран Бенилюкса на все совещания по германскому вопросу, которые будут происходить таким же порядком, как и первое лондонское совещание;

б) о поддержке «по мере возможности» просьбы стран Бенилюкса об их участии и обсуждении четырьмя державами вопроса подготовки германско-

го мирного договора, «учитывая, в частности, просьбу многих других стран допустить их к участию в этом обсуждении»;

в) о тесном сотрудничестве военных администраций трех западных держав в Германии с представителями стран Бенилюкса в Германии.

На данном совещании страны Бенилюкса были представлены единой делегацией, которая принимала участие в обсуждении всех вопросов повестки дня, за исключением вопросов В, Е и частично вопроса F.

2. По второму пункту повестки дня совещания американская, английская и французская делегации достигли соглашения о включении «Бизонии» и французской зоны оккупации Германии в «план МАРШАЛЛА»[18] и участии представителей союзных администраций этих зон, в сопровождении немецких экспертов, в пленарном заседании комитета европейского экономического сотрудничества.

3. По вопросу о контроле над Руром совещание утвердило разработанное специально созданной рабочей группой соглашение о принципах, которые должны быть положены в основу соглашения между правительствами.

В основном это соглашение сводится к следующему:

а) над Руром будет установлен международный контроль, причем это должно быть сделано до создания временного германского правительства;

б) этот контроль будет осуществляться «Международным контрольным агентством» в составе представителей США, Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Люксембурга и Германии;

в) в функции «Международного контрольного агентства» будет входить полный контроль над рурским углем, коксом и сталью, включая контроль над управлением промышленностью Рура и над распределением продукции Рура между внутригерманским потреблением и экспортом;

г) в случае невыполнения германским правительством решений «Международного контрольного агентства» последнее может большинством голосов представителей союзных государств констатировать этот факт и рекомендовать принятие необходимых санкций, которые должны осуществляться в период оккупации соответствующими оккупационными властями, а после его окончания – в соответствии с мирным договором.

Следует отметить, что американские представители возражали против установления в Руре «слишком строгого контроля» и настаивали на необходимости недопущения участия Советского Союза в этом контроле даже в том случае, если бы СССР согласился на установление международного контроля над Силезией.

Делегация Франции официально отказалась от прежнего французского требования о политическом отделении Рура от Германии, но требовала немедленного установления международного контроля над Руром.

Вопрос о «социализации» угольной промышленности Рура по требованию американских представителей не обсуждался.

4. По вопросу о безопасности на совещании состоялся обмен мнениями между делегациями:

а) американские представители поставили под сомнение целесообразность в настоящей обстановке возвращаться к проекту «договора БИРНСА»[19], считая более подходящим предложение БЕВИНА[20] о создании союза стран Западной Европы;

б) представитель Бенилюкса внес предложение связать систему безопасности в отношении Германии с уставом Организации Об'единенных На-

ций; делегаты Франции в связи с этим отметили, что действия, предусматриваемые в соглашениях, заключаемых в рамках ООН, могут предприниматься только по решению Совета безопасности, в котором применяется право вето, и высказали мнение, что в этом случае необходимо принять соответствующие «предосторожности»; делегация Бенилюкса предложила использовать для этого статью 107 устава ООН и случаи автоматического действия соглашений, заключенных в рамках ООН;

в) французские представители высказали точку зрения о необходимости длительной оккупации Германии и постоянной оккупации некоторых районов, в частности, Рейнской и Рурской областей;

г) на совещании подчеркивалась, особенно американской и французской делегациями, необходимость гарантий против «опасности создания коммунистической Германии» и союза Германии с СССР; одной из таких гарантий французы и представители Бенилюкса считают осуществление максимальной децентрализации Германии с сосредоточением основных полномочий в руках земель; американцы выразили мнение, что опасность агрессии Германии далека и что большей опасностью является то, что «Германия может в короткий срок стать орудием другой державы».

Обсуждение вопроса о безопасности было отложено до следующего совещания.

5. По вопросу о репарациях представителем США ДУГЛАСОМ[21] были внесены два предложения:

а) пересмотреть списки заводов, подлежащих демонтажу, с целью сокращения числа демонтируемых немецких заводов;

б) прекратить репарационные поставки Советскому Союзу.

Английский представитель СТРЭНГ[22] отметил, что оба американских предложения связаны с серьезными последствиями и могут явиться нарушением Потсдамского соглашения.

Решения по этому вопросу принято не было, и он был передан в трехстороннюю комиссию экспертов.

6. Наиболее широкому обсуждению подвергся вопрос о политической организации Германии.

После выступлений глав всех четырех делегаций, изложивших свои точки зрения по этому вопросу, обсуждение его было передано в специальную рабочую группу.

В рабочей группе было достигнуто соглашение о том, что будущий германский парламент должен состоять из двух палат: верхней, в которую будет входить одинаковое число представителей от каждой земли, и нижней, выборы в которую будут происходить пропорционально численности населения. Вопрос о способе избрания обеих палат остался несогласованным. Несогласованными остались также вопросы о порядке назначения министров и их ответственности перед парламентом, о главе государства, о детальном распределении полномочий между федеральным правительством и правительствами земель. Французы, в частности, возражают против избрания главы государства и нижней палаты путем прямых и всеобщих выборов.

Делегации Франции и Бенилюкса отрицательно отнеслись к американскому предложению о создании федерального верховного суда, как высшей апелляционной инстанции, стоящей над правительством.

В отношении созыва Учредительного собрания было принято решение о том, что ему должна предшествовать территориальная реорганизация земель и что оно должно быть избрано на основе согласования принципа равного представительства земель и принципа пропорционального представительства населения.

Конституция, выработанная Учредительным собранием, должна быть утверждена большинством голосов в большинстве земель.

Вопрос о сроке созыва Учредительного собрания на совещании остался открытым: представители Англии и США предложили созвать его до конца 1948 года, делегации Франции и Бенилюкса заявили, что их правительства намерены рассмотреть этот вопрос в перерыве между совещаниями.

Следует также отметить, что французская делегация возражала против включения в коммюнике совещания определенного указания на присоединение в ближайшем времени французской зоны к «Бизонии», ставя разрешение этих вопросов в зависимость от решения проблем Рура и политической организации Германии; в коммюнике отмечалось только, что будет проводиться координация экономической политики трех зон.

Таким образом, на основании прилагаемых французских отчетов, можно сделать следующие основные выводы:

1) по ряду вопросов совещание не приняло решений, ввиду расхождений между различными делегациями, в частности, по вопросам о сроках слияния трех западных зон, созыва Учредительного собрания, установления международного контроля над Руром, о репарациях, о безопасности;

2) западные союзники усиленно занимаются вопросами будущего государственного устройства Германии, причем все они сходятся на том, что Германия должна быть децентрализована, и разрабатывают свои проекты, исходя из принципа федерации (США и Англия) или конфедерации (Франция и страны Бенилюкса) земель; западные союзники специально занимаются вопросом о том, каким образом организовать выборы в Учредительное собрание так, чтобы обеспечить принятие федеральной конституции;

3) французы возражают против ускорения решения вопросов об об'единении Западной Германии, созыва Учредительного собрания и создании германского правительства;

4) выдвинутое американцами на совещании предложение о прекращении репарационных поставок Советскому Союзу не было принято;

5) западные союзники всеми возможными путями пытаются предотвратить создание предпосылок для союза между СССР и Германией в будущем.

Совещание приняло решение продолжать разработку вопросов повестки дня в рабочих группах в Берлине.

С самого начала работы этих групп американцы, при поддержке англичан, стали форсировать решение вопросов о политической организации Германии, предложив сразу же приступить к обсуждению разработанного им плана создания в ближайшее время правительства Западной Германии. Французские представители в рабочих группах, ссылаясь на программу работ, принятую лондонским совещанием, пытаются затянуть решение этого вопроса до удовлетворения их требований в отношении Рура и по ряду вопросов политической и экономической организации Западной Германии.

Материалы о заседании указанных рабочих групп в Берлине были нами представлены Вам ранее.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 267 листах*.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР

П. Федотов
К. Родионов

18 апреля 1948 г.

№ 10

Совершенно секретно

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу БЕРИЯ Л.П.

Докладываем содержание телеграммы № 3996 от 10 апреля с.г. министра иностранных дел Англии БЕВИНА, адресованной английскому послу в Вашингтоне.

Документ получен нашим резидентом в Лондоне.

В телеграмме английскому послу предлагается срочно обсудить с государственным департаментом США вопрос о концентрации в портах Средиземного моря, вблизи от Италии, возможно большего количества судов военно-морских сил США и Англии с целью оказания помощи итальянскому правительству, если последнее попросит об этом в случае открытого выступления крайне левых партий против правительства.

БЕВИН высказывает мнение о нецелесообразности использования в этих целях французского военно-морского флота, так как это «может вызвать отрицательное чувство в Италии».

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 4 листах.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР

П. Федотов
К. Родионов

апрель 1948 г.

Документально
Перевод с английского

---

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

Содержание телеграммы № 3996 от 10 апреля с.г. английского министра иностранных дел БЕВИНА, адресованной английскому послу в Вашингтоне

«Телеграмма повторена для информации в Рим за № 894.

На Ваше сообщение за № 627 от 1 апреля и римскую телеграмму № 596, адресованную мне, от 3 апреля о политическом положении в Италии.

1. На основании моей беседы в Париже с графом СФОРЦА[23] у меня создалось ясное впечатление о том, что итальянское правительство решило оказывать упорное сопротивление коммунистическому нажиму. Однако при малейшем ослаблении этого сопротивления со стороны итальянского правительства или при любом колебании со стороны президента мы, естественно, должны быть готовы к тому, чтобы оказать сильное давление.

2. Встает вопрос о том, какие шаги нам следует предпринять в будущем для усиления правительства против любой незаконной атаки коммунистов.

Я приветствую намерение государственного департамента обеспечить итальянское правительство достаточным количеством снаряжения для того, чтобы оно могло справиться с коммунистическими беспорядками. Я полностью согласен с тем, что нашей целью должно быть оказание помощи итальянскому правительству в его самостоятельных действиях при возникновении любых возможных беспорядков.

Последние новости из Италии являются, несомненно, более ободряющими. Однако мы еще не выпутались из затруднений, и нам кажется, что было бы разумной предосторожностью иметь в средиземноморских портах, вблизи от Италии, как можно больше судов королевского военно-морского флота и военно-морского флота США, готовых направиться в главные итальянские и сицилийские порты, если возникнут беспорядки и если это будет найдено желательным заинтересованными правительствами. Суда, во всяком случае, будут полезными для защиты британских и американских граждан, и мы считаем, что их присутствие будет содействовать силам закона и порядка.

Правильно, что многие из главных центров возможных беспорядков находятся вдали от моря, но всякое усиление сопротивления коммунистам в главных портах не может не помочь правительству справиться с беспорядками в других местах.

3. Мы полагаем, что при существующих обстоятельствах итальянское правительство обратится с просьбой относительно судов.

4. Присутствие британских и американских судов в итальянских портах может, конечно, быть использовано югославами как предлог для концентрации войск на итальянской границе и такая концентрация, возможно, может быть поддержана русскими авиационными соединениями. Однако мы полагаем, что мы резонно можем использовать возможность того, что югославское правительство пошлет войска через границу в Италию; нам кажется, что итальянское правительство может позволить себе игнорировать любую концентрацию югославских войск, и возможно, что ему будет настоятельно рекомендовано поступить таким образом.

5. Срочно обсудите этот вопрос с государственным департаментом, подчеркнув, что мы имеем в виду только меры предосторожности и что мы не предлагаем посылку судов в итальянские порты, если только крайне левые не начнут открытого наступления на установленную власть в Италии и, во всяком случае, только по просьбе итальянского правительства.

6. Если государственный департамент согласится на это, то он, несомненно, организует консультацию между военно-морскими властями США и Англии с целью составления согласованного плана.

7. Возникает вопрос о том, будет ли целесообразным связывать французское правительство с предложенным действием. В этом могут быть некоторые практические преимущества, так как французский военно-морской флот может предоставить некоторое количество военно-морских единиц, но мне кажется, что использование французских судов вполне может вызвать отрицательное чувство в Италии, и в целом я склонен ничего не говорить французскому правительству на данной стадии».

№ 11 *Совершенно секретно*

Товарищу ВЫШИНСКОМУ А.Я.
Товарищу МАЛИКУ Я.А.
Товарищу ЗОРИНУ В.А.

Сообщаем в переводе с английского телеграмму английского посла в Вашингтоне от 24 марта с.г.

1. По дополнительным сведениям, полученным в Лондоне, происходящие в настоящее время в Вашингтоне переговоры между английскими представителями помощником министра иностранных дел ДЖЕББОМ и старшим штабным офицером при министре обороны генерал-лейтенантом ХОЛЛИСОМ и госдепартаментом США считаются особо важными и чрезвычайно секретными. Рекомендации, содержащиеся в тексте прилагаемой телеграммы, составлены англичанами и будут представлены американскими участниками переговоров ТРУМЭНУ[24] и МАРШАЛЛУ[25]. Последний эти рекомендации в принципе одобрил.

2. Руководитель американской группы участников переговоров посол США в Лондоне ДУГЛАС оценивает эти рекомендации как «заходящие слишком далеко» и, считая, что они могут рассматриваться как непосредственная провокация войны, высказывается за их смягчение.

По мнению ответственных кругов министерства иностранных дел Англии, проект рекомендаций с незначительными изменениями будет принят американцами. В частности, предполагается вычеркнуть из 8-го параграфа слово «антикоммунистические».

3. На данной стадии вашингтонских переговоров считается нежелательным приглашать Италию присоединиться к брюссельскому договору. Де ГАСПЕРИ[26] просит отложить обсуждение этого вопроса до окончания выборов.

Англичане считают, что США действуют слишком быстро и склонны не делать различия между брюссельским договором и предполагаемым североатлантическим пактом, что, по мнению англичан, может создать неудобства для присоединения к пакту некоторых стран, в частности Швеции.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР П. Федотов
К. Родионов

апрель 1948 г.

Документально
Перевод с английского

ТЕЛЕГРАММА

английского посла в Вашингтоне
в МИД Англии за № 1428 от 24.III. с.г.

«В связи с моей предыдущей телеграммой. Ниже следует текст.

Целью этого документа являются рекомендации относительно курса, принятие которого будет достаточным для того, чтобы осуществить декларацию президента США от 17 марта о поддержке свободных наций Европы[27].

Что касается правительства США, то предложенные рекомендации потребуют от него тщательной консультации с политическими лидерами обеих партий с тем, чтобы вне зависимости от того, какой вид примет эта политика, она могла бы быть поистине двухпартийной американской политикой.

Рекомендации.

1) Правительство США должно предпринять дипломатические подходы к сторонам, подписавшим брюссельский пакт[28], с тем, чтобы получить с их стороны одобрение в отношении расширения этого пакта посредством способа, изложенного ниже, а также с тем, чтобы информировать их о планах заключения пакта безопасности для атлантического района, детали которого даны ниже.

2) Соединенное Королевство и Франция с согласия стран Бенилюкса должны затем через дипломатические каналы немедленно выяснить, готовы ли будут Норвегия, Швеция, Дания и Исландия присоединиться к брюссельскому договору при условии, что президент США сделает декларацию в том разрезе, как это рекомендуется ниже в параграфе 4.

3) Одновременный подход должен быть сделан и к г-ну де ГАСПЕРИ с тем, чтобы выяснить будет ли его правительство приветствовать (в свете параграфов 1 и 2, изложенных выше) немедленное приглашение присоединиться к брюссельской системе.

4) После этого президент США сделает декларацию (в свете обязательств, принятых сторонами, подписавшими брюссельский пакт, и в ожидании заключения пакта безопасности, упомянутого ниже в параграфе 6) относительно намерения Америки рассматривать вооруженное нападение на одну из сторон-участниц брюссельского пакта как вооруженное нападение на США, в связи с которыми США предпримут меры в соответствии со статьей 51 Устава Об'единенных наций. Эта декларация о поддержке может содержать в себе выражение готовности обсудить вопрос о том, должен ли рассматриваться какой-либо специфический случай косвенной агрессии как вооруженное нападение.

В декларации президента будет заявлено, что аналогичная поддержка будет распространена на любую из свободных демократий Западной Европы, присоединение которой к брюссельскому пакту будет также одобрено США. Декларация не должна исключать возможности предоставления аналогичной поддержки со стороны США любой другой западноевропейской демократии, которая явится жертвой вооруженного нападения и решительно будет защищать себя.

5) Одновременно с декларацией президента должно быть сделано совместное англо-американское заявление о том, что эти две страны не могут

допустить какого-либо покушения на политическую независимость и территориальную целостность Греции, Турции или Персии и что в случае таких покушений и до тех пор, пока не закончатся возможные переговоры о создании некоторого рода общей системы, они будут считать себя обязанными в соответствии со статьей 51 Устава Об'единенных наций оказать упомянутым государствам любую возможную помощь.

6) США должны послать Соединенному Королевству, Франции, Канаде, Норвегии, Швеции, Дании, Исландии, Голландии, Бельгии, Люксембургу, Эйре, Швейцарии, Италии и Португалии приглашения принять участие в конференции с целью заключения пакта безопасности для северо-атлантического района, основанного на статье 51 Устава Об'единенных наций и содержащего следующие основные положения:

a) Преамбула, включающая некоторые особенности преамбулы брюссельского договора и ясно говорящая о том, что главной целью этого договора является сохранение западной цивилизации в тех географических районах, которые охватываются пактом.

В преамбуле должна быть также сделана ссылка на желательность заключения дальнейших пактов безопасности в соответствии со статьей 51 для той цели, чтобы в конечном итоге все свободные нации были охвачены такими пактами.

b) Условия, говорящие о том, что любое вооруженное нападение со стороны любого государства на любую из стран-участниц этого пакта является вооруженным нападением на все эти страны, что в соответствии со статьей 51 Устава каждая сторона, участвующая в пакте, обязуется немедленно оказать любой другой стороне, которая подвергнется нападению со стороны любого государства, любую возможную военную, экономическую и другую помощь и содействие.

c) Договоренность о консультации между всеми этими сторонами в случае, если какая-либо сторона считает, что ей угрожает вооруженное нападение или косвенная агрессия.

d) Право на учреждение таких агентств, которые могут оказаться необходимыми для эффективного выполнения этого договора, включая выработку планов для принятия быстрого и эффективного действия в соответствии с пунктом b, изложенным выше.

e) Срок действия 10 лет с автоматическим продлением на пять лет при условии, если договор не будет денонсирован.

7) Когда позволят обстоятельства, Германия (или три западных зоны), Австрия (или три западных зоны) и Испания должны присоединиться к брюссельскому договору и к пакту безопасности для северо-атлантического района. Эта цель, о которой не должно быть об'явлено публично, может быть обеспечена путем включения в пакт безопасности подходящей статьи о присоединении этих стран.

8) Должны быть немедленно начаты политические и военные переговоры со сторонами, подписавшими брюссельский договор, а в свое время и со сторонами-участницами пакта безопасности с целью координации их военных и других антикоммунистических усилий и укрепления их коллективной безопасности».

№ 12 *Совершенно секретно*

апрель 1948 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Полученные резидентурой документы министерства иностранных дел Англии, относящиеся к вашингтонским переговорам, позволяют сделать выводы:

1. Англичане усиленно добиваются официальной американской поддержки Брюссельскому договору и проектируемому пакту безопасности и для северо-атлантического района. Их явно беспокоит стремление американцев ограничить свои гарантии лишь декларацией президента, которая без поддержки конгресса не будет связывать правительство США какими-либо обязательствами.

2. В беседе с английским послом в Вашингтоне заместитель государственного секретаря ЛОВЕТТ заявил, что правительство США в год выборов не сможет пойти дальше декларации президента и рекомендовал участникам Брюссельского договора приступить к выработке планов укрепления собственной безопасности.

3. БЕВИН возражает против американского предложения оказать давление на скандинавские страны с целью немедленного присоединения последних к Брюссельскому договору и предлагает тщательно обсудить вопрос о наилучшем тактическом подходе к этим странам. Он опасается, что быстрые действия и грубый нажим на эти страны могут вызвать с их стороны нежелательное упорство и возможный отказ от присоединения к Брюссельскому договору.

БЕВИН рекомендует английским участникам переговоров не торопиться в этом вопросе с тем, чтобы избежать «принятия недостаточно продуманных американских предложений».

Разработанный англичанами новый проект пакта безопасности для северо-атлантического района определяет в качестве основных участников США, Канаду, Англию и Францию. Проект предусматривает также присоединение к пакту любого государства, примкнувшего к Брюссельскому договору.

Из переписки видно, что в процессе вашингтонских переговоров поднимается и вопрос о тихоокеанской системе безопасности. БЕВИН высказывается за то, чтобы этот вопрос был рассмотрен совершенно отдельно после переговоров о северо-атлантическом пакте и чтобы Европа при этом «не играла бы слишком большую роль». По мнению БЕВИНА, к этим переговорам должны быть привлечены как непосредственно заинтересованные страны Австралия, Новая Зеландия и Южноафриканский Союз.

Резидент КИ

№ 13 *Совершенно секретно*

апрель 1948 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

В течение последних двух недель в Вашингтоне происходили секретные англо-американские переговоры. Первая стадия переговоров закончилась 1 апреля с.г.

Переговоры преследовали цель – выработать (без взятия какой-либо стороной на себя обязательств) план по об'единению США и Канады и всех некоммунистических государств Европы в оборонительный союз или союзы[29].

1 апреля с.г. такой план был выработан участниками переговоров. Согласно этому плану, переговоры должны начаться (если возможно, в секретном порядке) между представителями Франции, Бенилюкса, США и Великобритании в Вашингтоне, по возможности в течение 1–2 недель.

При открытии переговоров американцы предложат следующий курс действий:

1. Правительства США, Великобритании и Франции должны будут проинформировать правительства Норвегии, Швеции, Дании, Исландии и, если де ГАСПЕРИ[30] одержит победу на выборах, Италии, что президент США имеет желание послать приглашение для участия в конференции по обсуждению вопроса о заключении соглашения о коллективной обороне района северной Атлантики на базе, сообщаемой ниже, а также дать гарантии о полной американской поддержке до заключения этого соглашения странам, подписавшим пакт в Брюсселе 17 марта с.г. и любой другой европейской страной, которая присоединится к этому пакту. Американское, английское и французское правительства спросят правительства Норвегии, Швеции, Дании, Исландии и Италии, имеют ли они желание присоединиться к пакту, подписанному в Брюсселе и принять приглашение участвовать в работе конференции с целью заключить северо-атлантическое соглашение.

2. После принятия приглашения всеми странами президент публично пошлет приглашения для участия в северо-атлантической конференции следующим странам: Великобритании, Канаде, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембургу, Норвегии, Швеции, Дании, Исландии, Италии, Португалии и Эйре, или вернее тем, которые согласятся во время предварительных переговоров принять такое приглашение. Одновременно с рассылкой официальных приглашений, президент публично даст гарантии странам, подписавшим пакт в Брюсселе и тем странам, которые присоединятся к брюссельскому пакту, до заключения атлантического соглашения.

Президент США, британское правительство и возможно французское, должны будут также дать какие-то гарантии такой группе стран, как Норвегия, Швеция, Исландия, Дания и Италия, которые могут решить не присоединиться к брюссельскому пакту.

3. Президент США и британское правительство одновременно должны будут публично дать гарантии об оказании полной помощи в случае агрессии, против Греции, Турции и Ирана, для того чтобы избежать создания впечатления, что «независимости» этих стран придается меньшее значение, чем «независимости» европейских стран.

4. В публичном заявлении президента будет также указано о характере предполагаемого атлантического соглашения. Главная ссылка будет сделана на статью 51 устава ООН и это соглашение обяжет каждую страну считать вооруженное нападение на какую-либо другую страну, как вооруженную атаку против своей страны и в результате этого каждая страна должна будет притти на помощь другой стране.

Это условие будет относиться к следующим странам: США, Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембургу, Норвегии, Швеции, Дании, Испании, Италии, Португалии и Эйре.

Но в этом соглашении будет сформулировано одна из статей так, что на последующей стадии будет разрешено присоединиться Испании, трем западным зонам Германии и Австрии. (Швейцария выпущена из этого списка, так как американцы и англичане считают, что Швейцария ни при каких обстоятельствах не отойдет от своей традиционной политики нейтралитета).

Соглашение будет распространено на следующие территории: континент США (включая Аляску, но исключаются Гавайи и американские острова в районе Тихого океана), Канада, континентальные территории европейских стран, а также все острова и зависимые территории в северной Атлантике (Нью-Фаундленд, Гренландия, Исландия, Бермуды, Азорские острова, Шпицберген, Фарерские острова).

Это соглашение также войдет в действие в случае нападения на вооруженные силы, находящиеся в Европе: в западных зонах Германии, Австрии, Триесте и Греции.

Президент США об'яснит, что имеются надежды, что другие части света заключат подобные соглашения в соответствующее время, а именно страны района Тихого океана и Среднего Востока.

Хотя соглашение может содержать некоторые неопределенные статьи об экономическом и общественном сотрудничестве стран, однако по существу оно будет чисто военным соглашением.

В этом соглашении будет иметься пункт относительно военного сотрудничества в мирное время и президент публично заявит о том, что имеется предложение начать военные переговоры.

В противовес договору, подписанному в Рио-де-Жанейро[31], это соглашение не будет иметь конституционного органа, согласно которому участие в коллективных действиях против агрессора будет зависеть от голосования.

Общий язык соглашения будет взят, главным образом, из брюссельского и рио-де-жанейровского пактов.

В этом соглашении предпочтительно будет избегаться ссылка на статьи 52, 53, 54 устава ООН для того, чтобы избежать предположения, что это соглашение является «региональной договоренностью» в смысле статьи 52 устава и что применение действий согласно этой статьи зависит от предварительного согласия совета безопасности, как об этом говорится в статье 53 устава. Поэтому ударение будет делаться на статью 51 устава.

Вышеизложенное является планом действий, по которому приняты согласованные решения во время вашингтонских переговоров.

Во время переговоров британская и канадская делегации консультировались со своими правительствами. Хотя британское и канадское правительства не брали на себя обязательств по деталям переговоров, эти правительства заявили о своем согласии по общим вопросам. Позиция американского правительства однако отлична.

В процессе переговоров ХИККЕРСОН[32] не имел возможности ознакомиться с точкой зрения МАРШАЛЛА и ЛОВЕТТА[33]. Поэтому ХИККЕРСОН заявил 1-го апреля с.г., что его первой задачей будет проконсультироваться с ЛОВЕТТОМ и МАРШАЛЛОМ. Если МАРШАЛЛ и ЛОВЕТТ согласятся с решением совещания, то ЛОВЕТТ затем получит согласие президента и ФОРРЕСТОЛА[34].

Если все вышеупомянутые согласятся с решением совещания, тогда ЛОВЕТТ секретным порядком проконсультируется с сенаторами ВАНДЕНБЕРГОМ и КОННЕЛИ и возможно с некоторыми другими лидерами кон-

гресса. Если последние также согласятся с предложением совещания, то приглашения должны сразу же быть посланы правительствам Англии, Франции и стран Бенилюкса начать немедленно первоначальные переговоры. ХИККЕРСОН считает, что получить согласие всех вышеуказанных американских политических деятелей он может, в лучшем случае, к концу следующей недели, но более правдоподобно – через две недели.

ХИККЕРСОН указал, как это было очевидно с начала переговоров, что вопрос до сих пор остается открытым, так как неизвестно еще, согласятся ли вышеуказанные американские политические деятели на предложения, чтобы американцы взяли на себя определенные договорные обязательства перед европейскими странами. Имеется значительный риск, что американские политические деятели будут считать достаточным дать странам, подписавшим пакт в Брюсселе и некоторым другим странам только гарантию президента.

ХИККЕРСОН согласен с точкой зрения англичан и канадцев, что необходимо получить от США определенные договорные обязательства, так как только такой договор, ратифицированный сенатом, является действительным для вручения правительствам.

Поэтому следующим шагом будет секретная консультация государственного департамента с руководящими американскими деятелями.

Цель этого плана – сдержать дальнейшую «экспансию» Советского Союза в двух направлениях, а именно:

а) Поощрять страны Европы держаться до конца против коммунистического давления изнутри и давления Советского Союза извне.

Считается, что Норвегия, Дания и Италия нуждаются в таком поощрении немедленно. Предполагается, что Швеция может отказаться от присоединения к брюссельскому пакту или к предполагаемому северо-атлантическому соглашению, но что позиция Швеции по этому вопросу должна быть выяснена. То же самое относится к Исландии и Эйре, хотя по совершенно другим причинам.

б) Предупредить советское правительство, что какое-либо значительное движение с его стороны по дальнейшей коммунизации любой упомянутой страны повлечет за собой военные действия со стороны США (и других стран, подписавших соглашение).

Следует особо отметить, что Финляндия молчаливо оставлена на «с'едение» Советскому Союзу.

Другим важнейшим вопросом является вопрос так называемой косвенной агрессии. Во время переговоров велось неоднократное обсуждение наиболее неотложной практической проблемы, а именно – будет ли соглашение применено если, например, коммунисты получат контроль над итальянским или французским правительствами обычной избирательной процедурой и без применения вооруженной силы. Все представители ответили отрицательно. Они согласились с тем, что против этого нет какого-либо оружия, за исключением применения политических и экономических средств, как например, декларация трех стран о Триесте и «план МАРШАЛЛА». Но все участники совещания согласились с тем, что вооруженное выступление коммунистов в Италии против итальянского правительства может быть расценено любой страной как вооруженная атака. В таком случае могут быть предприняты военные меры, согласно предполагаемому соглашению.

ДЖЕББ заявил, что англичане понимают брюссельский пакт именно в таком смысле, хотя французы, благодаря силе коммунистов во Франции, отка-

зались во время переговоров в Брюсселе от обсуждения вопроса о возможных действиях против косвенной агрессии. Поэтому ДЖЕББ сильно рекомендовал не включать в предполагаемое соглашение или в заявление президента пункт о косвенной агрессии. На последней стадии переговоров это было снято.

Все эти мероприятия являются дипломатическим наступлением против Советского Союза. В течение ближайших нескольких недель будут проведены англо-американско-канадские штабные переговоры, которые могут представлять еще больший интерес, чем только что закончившиеся переговоры в Вашингтоне.

Военно-штабные переговоры будут иметь своей целью выработать об'единенные планы:

А) На неизвестный неопределенный случай, а именно на случай войны в течение ближайших нескольких недель или месяцев;

В) На случай войны в 1955–1956 годах.

Англо-американцы считают, что к этой дате Советский Союз будет иметь атомные бомбы в достаточном количестве и сознательно может пойти на риск войной.

Генерал ХОЛЛИС ведет приготовления для участия в этих переговорах. Участники штабных переговоров будут членами об'единенного штаба планирования Англии, США и Канады.

Пока что неизвестно, что представители трех стран во время штабных переговоров придут к совместному решению, что в случае войны первым объектом, против которого будет проведена атомная атака, будет Баку и окружающие его нефтяные районы.

Резидент КИ при СМ СССР

№ 14 *Совершенно секретно*

апрель 1948 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Сообщается о переговорах СТЕТТИНИУСА[35] от 5.4.1948 г. в Алжире с представителями французского и английского правительств по вопросу о франко-англо-американском военном сотрудничестве в бассейне Средиземного моря.

После совещания СТЕТТИНИУСА с представителями французского правительства 2 апреля с.г. в Дакаре, 5 апреля с.г. в Алжире состоялось совещание СТЕТТИНИУСА с бывшим премьер-министром Франции РАМАДЬЕ и британским военным министром ШИНУЭЛЛОМ по вопросу о франко-англо-американском военном сотрудничестве в бассейне Средиземного моря:

8 апреля с.г. СТЕТТИНИУС продолжал переговоры в Лондоне при участии президента союза британских промышленников сэра Фредерика БЭЙН и председателя союза франко-британского экономического сотрудничества.

Аналогичные переговоры с ФРАНКО[36] вел личный представитель ТРУМЭНА в Ватикане Майрон ТЭЙЛОР. Французский министр иностранных дел БИДО по поручению папы римского вел переговоры с представителем ФРАНКО в Париже 7.4.1948 г.

Оговорки английского военного министра ШИНУЭЛЛА не помешали осуществлению американских намерений в этих переговорах как в отношении Испании, так и в целом в бассейне Средиземного моря.

В результате переговоров достигнуто соглашение о том, что группа СТЕТТИНИУСА начнет свою деятельность и во Франции, используя для этого своего агента ЛАЗАРЕВА (издатель газеты «Франс Суар»). В этом направлении РАМАДЬЕ от имени премьер-министра ШУМАНА дал СТЕТТИНИУСУ полные гарантии.

В соответствии со взглядами военного министра США ФОРРЕСТОЛА относительно использования частного капитала для проведения в жизнь военных планов США, на совещании было решено придать всем проводимым военным мероприятиям частный характер. СТЕТТИНИУС при этом гарантировал участие американского частного капитала пока в сумме 250 млн. долларов, направленных на строительство авиационных баз в бассейне Средиземного моря. Начатые в прошлом году работы по строительству этих баз теперь будут усилены.

В результате переговоров намечено также в этом году создать в Европе так называемые «охранные области», которые формально находясь под совместным управлением европейских стран, на деле будут являться прикрытием для американских гарнизонов как наземных, так и авиационных.

Американские дипломатические представители в Европе КЭФФЕРИ, ДУГЛАС, ДЬЮИ и МЭРФИ получили в этом направлении подробные указания.

Резидент КИ при СМ СССР

№ 15 *Совершенно секретно*

май 1948 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

О СЕВЕРО-АТЛАНТИЧЕСКОМ ПАКТЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Проведение намеченных мероприятий по заключению северо-атлантического пакта безопасности подверглось некоторым изменениям в последнее время. Американское правительство пришло к решению, что ему не следует искать одобрения сенатом намеченных мероприятий и во всяком случае одобрение сената не может быть получено в период нынешней сессии конгресса.

КЕННАН[37], который был в Японии во время обсуждения мероприятий по заключению северо-атлантического пакта безопасности, заявил БАЛЬФУРУ (британскому посланнику в Вашингтоне) в частном порядке, что он лично сомневается в необходимости заключения на данной стадии формального пакта. Он доказывал, что Советское правительство, а также правительства западноевропейских стран хорошо знают, что США вступят в войну в случае вооруженного выступления Советского Союза против любой западноевропейской страны.

КЕННАН также добавил, что заключение формального пакта может без всякой необходимости спровоцировать Советский Союз и предвосхитить

с его стороны нападение на западноевропейские страны, чего мы стараемся избежать. В этом же духе БОЛЕН[38] разговаривал с БАЛЬФУРОМ. МАРШАЛЛ указал ИНВЕРЧЭПЕЛУ[39], что он придерживается такой же точки зрения, как и КЕННАН.

В английском посольстве в Вашингтоне предполагают, что нерасположение КЕННАНА и БОЛЕНА «спровоцировать» Советский Союз, возможно, вызвалось частично тем, что в это время американцы ожидали ответ Москвы на заявление СМИТА[40]. Однако, несмотря на сомнение КЕННАНА, БОЛЕНА и МАРШАЛЛА в отношении целесообразности заключения формального пакта, ВАНДЕНБЕРГ[41], при поддержке госдепартамента, представил, как это видно из прессы, свою резолюцию в сенат, которая дает базу для заключения северо-атлантического пакта безопасности или других региональных пактов, в соответствии со статьей 51 устава ООН, как это было запланировано во время происходивших в Вашингтоне переговоров по этому вопросу.

Сотрудники государственного департамента рассказали в частном порядке источнику, что государственный департамент имеет намерение, как только эта резолюция будет принята комитетом по иностранным делам конгресса, начать переговоры в Вашингтоне между представителями США, Великобритании, Франции и стран Бенилюкса, как было запланировано.

Во время этих переговоров могут обсуждаться следующие вопросы:

1. Возможное заключение северо-атлантического пакта безопасности.

2. Расширение количества участников Брюссельского пакта путем включения Италии, Норвегии и Дании.

3. Координация военной политики, особенно политики снабжения и оснащения вооруженных сил Англии, Франции и стран Бенилюкса.

Постоянный военный комитет, который недавно был организован в Лондоне пятью странами, участниками Брюссельского пакта, только что выработал документ о теперешних планах военного сотрудничества между этими странами.

В этом документе изложены:

Проблемы общего командования, координированной программы снабжения и оснащения вооруженных сил, общие стратегические намерения в случае немедленной войны с Советским Союзом и людских резервов.

Этот документ составлен в очень общих терминах по следующим двум причинам:

1. Англичане стоят перед фактом, что французы, бельгийцы, голландцы и люксембургцы имеют недостаточные совместные меры предосторожности против проникновения коммунистов. Поэтому англичане не могут еще пойти на риск и передать какую-либо военную информацию секретного характера своим коллегам.

2. Так как главной целью документа является убедить американских политических деятелей и особенно конгресс об усилиях, которые делаются странами, подписавшими Брюссельский пакт, то в этом документе невозможно было изложить какую-либо информацию, имеющую большую секретность.

Следует отметить, что вторым серьезным вопросом для англичан при начале работы военного комитета пяти стран было убедить французов, голландцев и бельгийцев принять согласованные действия, эквивалентные действиям британской МИ-5 для проверки благонадежности личного состава всех соответствующих военных кругов и не допустить проникновения коммунистов в эти круги. Англичане также настаивали на необходимости стандартизации мер по классификации и сохранению секретных документов.

Особо важной проблемой в вопросе безопасности является то, что шифры французов, голландцев и бельгийцев недостаточно секретные, так как англичане на протяжении многих лет читают шифрпереписку этих стран.

В связи с этим англичане стали перед следующими фактами:

1. Оставить у этих стран шифры, какие они имеют сейчас, и иметь возможность читать их, предполагая при этом, что шифры этих стран читаются также русскими, или

Порекомендовать этим странам ввести новые безопасные британские методы шифрования, но это поведет к тому, что они потеряют возможность читать шифрпереписку этих стран, наряду с этим русские будут лишены возможности читать эту переписку также.

Англичане приняли решение порекомендовать этим странам сменить метод шифрования. Но американцы, с которыми англичане консультировались по этому вопросу две недели тому назад, не согласились с решением англичан, заявив, что коммунисты в этих странах проникли так глубоко, что введение новых систем шифров не спасет положения, так как шифры могут быть переданы русским, и Англия и США лишатся секретности своей переписки с Францией, Бельгией и Голландией, не получая при этом никакого преимущества от смены методов шифрования.

Резидент КИ при СМ СССР

На документе имеется отметка: «Сообщено тт. Сталину И.В., Молотову В.М., Вышинскому А.Я. – *Прим. сост.*

№ 16 *Совершенно секретно*

май 1948 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Сообщается телеграмма из Парижа в министерство иностранных дел Англии.

Срочно
Секретно

Западный союз.

Сегодня вечером г-н БИДО[42] дал мне копию меморандума, который он только что вручил американскому послу, по поводу беспокойства французского правительства относительно международной ситуации необходимости принятия правительством Соединенных Штатов срочных мер для укрепления позиции западных государств и, в частности, Франции (смотрите мою непосредственно следующую телеграмму).

2. Г-н БИДО сказал, что, по мнению французского правительства, двухсторонние переговоры с Советским правительством будут неудовлетворительными и что три державы должны продолжать тесное сотрудничество. Он также еще раз подтвердил свое решение в том отношении, что не должно быть никаких изменений в политике твердой оппозиции советскому давлению и продолжения восстановления Западной Европы. Французское прави-

тельство, однако, желает обратить особое внимание на действительную необходимость принятия правительством Соединенных Штатов конкретных мер помощи. Оно считает, что сейчас настало время для прямой консультации между этими тремя правительствами.

Г-н БИДО заявил, что этот меморандум, который он только что вручил мне, относительно трехсторонних переговоров о Германии (смотрите мою телеграмму № 686), обнаруживает еще одну сторону того же беспокойства французского правительства. Должны быть приняты величайшие предосторожности, чтобы трехсторонние действия в Германии не дали советскому правительству возможности ускорить кризис в то время, когда западные державы будут плохо подготовлены для того, чтобы справиться с ним.

Резидент КИ при СМ СССР

№ 17 *Совершенно секретно*

май 1948 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Сообщается телеграмма из Парижа в Форин Офис

20 мая 1948 г.

Повторено в Брюссель
Гаагу
Вашингтон

Срочно
Секретно

Западный Союз.

Доля участия, принимаемого Францией в заключении Брюссельского пакта и в переговорах по вопросу о военной организации пяти держав, а также послания, направлявшиеся в ряде случаев министром иностранных дел г-ну МАРШАЛЛУ[43], свидетельствуют о беспокойстве французского правительства в связи с развитием международной ситуации и об его убеждении в необходимости принятия срочных мер перед лицом опасностей, угрожающих Западным державам.

Французское правительство знает, что правительство Соединенных Штатов разделяет его чувства и, со своей стороны, предприняло конкретные шаги в этом направлении, в числе которых особое значение имеет программа европейского восстановления.

Оно не сомневается, что последние советско-американские переговоры в Москве вызваны таким же беспокойством. Текущий и предстоящие годы действительно особенно опасны для Западного мира, потому что усилия, предпринятые в целях организации их обороны, едва вступили в свою начальную фазу, и потребуется несколько лет, прежде чем они начнут давать плоды. Риск в результате такого положения дел особенно опасен для Франции, ввиду ее географического положения, и французское общественное мнение в полной мере осознает этот факт.

Поэтому французское правительство полностью оценивает преимущества, которые явятся результатом эвентульного ослабления напряжения, существующего между Советским Союзом и Западным миром.

Ему в то же самое время кажется, что первостепенное значение имеет сохранение единства политики и действий между правительствами Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Франции. Оно считает, что это единство политики и действий должно базироваться на следующих принципах:

1. Как указал Государственный Секретарь на своей пресс-конференции 13 апреля метод сепаратных переговоров не является в принципе удовлетворительным. Три державы должны продолжать держать тесную связь, как в ходе обсуждения, так и в решениях.

2. Неизменной должна оставаться твердая политика оппозиции по отношению ко всем советским мероприятиям и дальнейшего построения Западной Европы в политической, экономической и военной областях.

3. Организация обороны Западного мира должна проводиться неуклонно и безотлагательно. Правительству Соединенных Штатов известно о призывах, обращенных к нему в связи с этим вопросом западными державами, подписавшими Брюссельский пакт, и ему известно, с каким беспокойством они ожидают, в частности Франция, конкретных мероприятий по оказанию помощи.

4. В то же самое время и при отсутствии какого-либо противоречия вышесказанному, мы должны избегать по возможности такого образа действия (такой процедуры), который мог бы придать проводимой сейчас политике впечатление вызова в глазах советского правительства.

5. Рассматриваемая в настоящее время в Лондоне программа действий вызывает, с этой точки зрения, ряд замечаний, которые изложены в другом документе.

Наконец, французское правительство, принимая во внимание все вышесказанное, считает, в соответствии с мнениями, выраженными в посланиях министров иностранных дел государственному секретарю Соединенных Штатов, что настоящее развитие международной ситуации делает настоятельно необходимой непосредственную консультацию между американским, британским и французским правительствами в той форме, какая будет наиболее подходящей.

Резидент КИ при СМ СССР

№ 18 *Совершенно секретно*

май 1948 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Передаем содержание телеграммы британского посланника в США Бальфура, направленной из Вашингтона в Форин Офис по вопросу о переговорах по безопасности.

Срочно
Сов. секретно

На вашу телеграмму 5364 – переговоры о безопасности

Вместе с МАКНЕЙЛОМ[44] и действуя от вашего имени, я передал сегодня ваше послание БОЛЕНУ[45] и КЕННАНУ[46] для сообщения его г-ну МАРШАЛЛУ[47] и подробно обсудил его с ними. ХИККЕРСОН[48] также присутствовал.

2. Оба, БОЛЕН и КЕННАН, и особенно последний, обнаружили, пожалуй большую восприимчивость к вашей аргументации в пользу северно-атлантического пакта, чем я предполагал на основании прежних разговоров с ним.

3. Но они коснулись уже известных нам затруднений, вроде возможных последствий изоляции Швеции, если нам удастся вовлечь Норвегию и Данию, и риска, что в случае заключения пакта может образоваться слишком резкое различие между странами, относящимися к Атлантической территории и не относящимися к ней, в общем на севере. Тут я счел уместным указать, что имеется также опасность того, что Норвегия и Дания могут быть втянуты в шведскую мышеловку и что в отношении готовности присоединения к пакту вообще, США не должны недооценивать своей притягательной силы.

4. Они сказали, что они сами еще не пришли к определенным заключениям относительно воздействия, которое окажет на советское правительство начало переговоров по такому пакту.

5. Указав, что не может быть и речи о том, чтобы сенат ратифицировал пакт на данной сессии Конгресса, они коснулись, хотя и без особого подчеркивания, внутренних помех, встающих на пути начала настоящих переговоров в год выборов. Они не оспаривали, что в этом отношении дело несколько облегчится, если – как они твердо надеялись – резолюции сенатской комиссии пройдут через самый сенат и соответствующие действия будут предприняты палатой.

6. Они понимают и согласны с выводом в вашем послании, что, оставляя в стороне его воздействие на русских, дело северо-атлантического пакта в большой мере зависит от его психологической ценности для северно-атлантических стран. Заявив, что в силу вещей, Америка будет теперь автоматически вовлечена в случае советской агрессии против любой западно-европейской страны, они охотно признали, что этот факт, может быть, не всегда известен или не внушает к себе достаточной веры за границей.

7. Мы сказали, что если никакие положительные действия не последуют за ожидаемыми решениями Конгресса или если эти действия будут отложены, скажем, до будущего января, то легко могут распространиться сомнения относительно американских намерений и что, во всяком случае, разумно ковать железо пока оно горячо. Мы также указали, что если будут иметь место четырехсторонние переговоры, то остальные участники могут счесть это за перигей, если американские представители не будут уполномочены сами предложить какие либо многосторонние договорные обязательства, которые охватят и Соединенные Штаты.

8. К концу беседы КЕННАН сказал, что он лично приветствует прибытие вашего послания именно в данный момент, что оно будет немедленно сообщено г-ну МАРШАЛЛУ и что это подтверждние ваших взглядов будет неоценимо для государственного департамента в его дальнейшем рассмотрении всего этого дела. Он неоднократно подчеркивал, что неспособность его и БОЛЕНА дать более положительный ответ на наши аргументы не должна истолковываться, как означающая принятие отрицательного решения.

9. Я считаю, что КЕННАН и БОЛЕН, как минимум, еще не приняли окончательного решения относительно начала переговоров о пакте в ближайшее время. Но я убежден, что все «за» и «против» северно-атлантического пакта будут теперь вновь взвешиваться в самой высшей инстанции и что

в свете вашего послания аргументация в пользу его будет выслушана справедливо и полностью.

10. Что касается четырехсторонних переговоров, то КЕННАН, лично, явно не понимал, что правительство уже связано обязательством вести их, также как он не понимал, какая повестка дня первоначально намечалась для них. ХИККЕРСОН, раз'яснивший ему эти моменты, повидимому считает, что хотя США не могут на данном этапе дать обязательство по вопросу ведения переговоров о пакте, другие участники переговоров могли бы воспользоваться этим случаем чтобы высказать свое мнение по этому поводу. Вместе с обсуждением способов и средств координации военных планов держав заключивших Брюссельский договор, с одной стороны, и США, с другой, это могло бы, по его мнению, быть достаточным, по крайней мере, как мероприятие для выигрыша времени.

11. При существующем положении вещей было бы гораздо лучше, как представляется судя отсюда, не пытаться приступать к четырехсторонним переговорам, пока правительство не обсудит еще раз как следует, может оно или не может отважиться на первый тур переговоров о пакте. Я сознаю, что дальнейшее промедление может вызвать осложнения с Францией и странами Бенилюкса и что в случае неблагоприятного решения правительства по вопросу о пакте переговоры очевидно придется проводить на основе чего-то подобного ограниченной повестке дня предлагаемой ХИККЕРСОНОМ. Но все-же отсрочка представляется правильной тактикой. Если вы согласны с этим, то я поговорю с ХИККЕРСОНОМ в этом духе. Буду благодарен за инструкции от вас.

Резидент КИ при СМ СССР

№ 19 *Совершенно секретно*

май 1948 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Передаем содержание телеграммы, направленной из Вашингтона в Форин Офис по вопросу переговоров о безопасности.

Срочная
Сов. секретно

Переговоры о безопасности.

Вместе с письмом от ЛОВЕТТА[49], об'ясняющим, что в отсутствие г-на МАРШАЛЛА он направляет его для передачи Вам, я получил сегодня следующее послание от г-на МАРШАЛЛА к вам:

«Государственный секретарь МАРШАЛЛ получил послание г-на БЕВИНА[50] от 14 мая и благодарен ему за изложение своих взглядов по вопросу об Оборонительном пакте для северо-атлантического района. Он признает значение, которое придает г-н БЕВИН дальнейшим успехам в деле об'единения свободных наций перед лицом агрессивных позиций других стран, и важную роль возможного Северо-атлантического пакта для разрешения этой проблемы. Г-ну БЕВИНУ известно о горячем желании американского правительст-

ва помочь в укреплении сил свободных наций в Европе для сопротивления агрессии и их уверенности, что они могут успешно это сделать, а также помочь отвратить агрессию, дав ясно понять, что оно будет немедленно и энергично реагировать на любое вооруженное нападение, затрагивающее его национальную безопасность.

Г-н БЕВИН, вероятно, обратил внимание на резолюцию, единогласно принятую 19-го мая Сенатской комиссией по иностранным делам, которая рекомендует участие Соединенных Штатов, соответственно конституционной процедуре, в таких региональных и других коллективных соглашениях, которые основаны на постоянной самопомощи и взаимопомощи и которые имеют отношение к их национальной безопасности. Он несомненно заметил значение параграфа этой резолюции с рекомендацией, чтобы Соединенные Штаты ясно показали свое твердое намерение осуществить свое право индивидуальной или коллективной самозащиты, если будет произведено какое-либо вооруженное нападение, затрагивающее их национальную безопасность. В докладе комиссии подчеркивается, что уроки первой и второй мировой войны показывают, что лучшим средством сдерживания агрессии является несомненность применения немедленных действенных контрмер, и что Соединенные Штаты, заранее раз'яснив, что на такое нападение последует немедленно американский ответ, «делают важный шаг в направлении исключения любого рода опасной неуверенности, которая могла бы поставить в заблуждение возможных агрессоров».

Эта резолюция отражает развитие позиции общественного мнения в Соединенных Штатах в этих вопросах, а также серьезность и добрую волю, с которой они изучаются в Вашингтоне. Государственный секретарь МАРШАЛЛ полагает, что важность этих вопросов и необходимость приобретения широкой и полной общественной поддержки в Соединенных Штатах требуют исключительно предусмотрительного и осторожного подхода, а также полного развития фактов. Поспешные или плохо подготовленные действия легко могут вызвать разногласия вместо единства как в Соединенных Штатах, так и среди европейских стран. Г-ну БЕВИНУ будет ясно, что нет возможности закончить необходимые переговоры по этим вопросам во-время, чтобы дать возможность Конгрессу обсудить их на текущей сессии. Тем не менее промежуток времени между предстоящим окончанием текущей сессии Конгресса и открытием его новой сессии в январе можно хорошо использовать для изучения вопросов и переговоров, которые в любом случае будут необходимы. Соединенные Штаты, конечно, тщательно изучат точки зрения Англии, Франции и стран Бенилюкса в процессе этих переговоров».

Резидент КИ при СМ СССР

№ 20 *Совершенно секретно*

июнь 1948 г.

Товарищу М О Л О Т О В У В.М.
Товарищу В Ы Ш И Н С К О М У А.Я.

Докладываем текст телеграммы английского посла в Вашингтоне Оливера ФРЭНКСА в МИД Англии от 14 июня 1948 г.

«Этим утром я, наконец, получил возможность увидеться с МАРШАЛЛОМ[51]. Он начал беседу с сожаления по поводу того, что не мог принять меня раньше в связи с необходимостью присутствовать на заседаниях конгресса. Во время весьма дружественной беседы я имел возможность передать ему Вашу точку зрения по следующим неразрешенным вопросам:

2. Переговоры по вопросу о безопасности. Я передал МАРШАЛЛУ в письменной форме послание, содержащееся в §§ 3–5 Вашей телеграммы № 5904, вместе с изложением первых двух §§ Вашего личного письма ко мне от 3 июня.

Изложив содержание этого документа и подчеркнув необходимость избежать ухудшения европейской ситуации, я упомянул об ответе на вопросник ЛОВЕТТА[52]. МАРШАЛЛ тут же сказал, что поздравляет автора, чей ответ неизбежно поднимает вопросы, которые должны быть еще раз подробно обсуждены во время переговоров.

3. МАРШАЛЛ затем заметил, что при определении даты для четырехсторонних переговоров необходимо учесть позицию конгресса и реакцию со стороны русских. Он указал, что принятие на прошлой неделе резолюции ВАНДЕНБЕРГА[53] расчистило путь для организации военных переговоров. Положение правительства укрепится, если палата представителей примет такое же решение до того, как она прервет свою работу в конце этой недели. Но даже если палата представителей не сделает этого, то, как заверил меня МАРШАЛЛ, правительство в самом ближайшем будущем организует военные переговоры.

4. После этого я заявил о желательности отсрочки таких переговоров, в которые входило бы и рассмотрение вопроса о заключении чего-то вроде пакта. МАРШАЛЛ заметил, что при определении момента начала переговоров о заключении такого пакта русский фактор является особенно важным. Он считает, что если в этой области мы будем чрезвычайно форсировать темпы, то мы можем вызвать те самые последствия, которых стараемся избежать.

Присутствовавший при этой беседе КЕННАН[54] также заявил, что к политической стороне этого дела нужно подойти осторожно, так как некоторым заинтересованным державам могут быть неясны аспекты заключения пакта.

5. Из того, что сказали МАРШАЛЛ и КЕННАН, я сделал вывод, что хотя правительство склонно принять участие в переговорах о заключении пакта в недалеком будущем, ему все еще предстоит принять решение относительно формы и точной даты этих переговоров. В то же время МАРШАЛЛ не оставил у меня никакого сомнения в том, что правительство США готово в самом ближайшем будущем принять участие, как он выразился, «в спокойных военных переговорах» с участниками Брюссельского договора. Это является, конечно, новой концепцией, но она, повидимому, представляет направление, в котором работает мысль американцев.

6. Ваше письмо от 3 июня. Опустив то, что изложено в первых двух §§ Вашего письма, поскольку об этом я сказал уже раньше (см. § 2 выше), я передал МАРШАЛЛУ Ваши замечания. Он отнесся к ним благосклонно. Перейдя затем к Вашим замечаниям относительно программы европейского восстановления, я сказал ему, что предварительно уже имел удовлетворительную беседу с ТОРПОМ.

7. Бывшие итальянские колонии. Я изложил МАРШАЛЛУ Вашу точку зрения, и после того, как я обратил его внимание на расчет времени, которого мы должны придерживаться в нашей работе, я попросил его устроить в бли-

жайшее время обмен мнениями между официальными инстанциями. Он заявил, что приветствует организацию в самом скором времени дискуссии, и, по его мнению, будет полезно, если Майкл Райт (советник МИД Англии) примет участие в обмене мнениями здесь (в Вашингтоне).

Я надеюсь, что через день или два сообщу Вам о расчете времени.

Заместитель Председателя
КИ при СМ СССР

П. Федотов
К. Родионов

№ 21 *Совершенно секретно*

июнь 1948 г.

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу ВЫШИНСКОМУ А.Я.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Сообщаем содержание телеграммы английского МИД'а своим представителям в 22 странах от 10 июня 1948 г.

Западный союз

1. Постоянный комитет к настоящему времени провел 10 заседаний.

2. Много времени было посвящено подготовке необходимых условий безопасности, при которых без опасений могла бы проводиться секретная военная и политическая работа. Хотя эта задача является весьма трудной, учитывая неудовлетворительные условия безопасности в военных министерствах некоторых из наших союзников, в ее разрешении достигнут значительный прогресс.

3. На заседании Постоянного комитета 1 июня представитель Соединенного Королевства сделал заявление по вопросу о Палестине, в котором изложил позицию правительства Его величества и выразил надежду на то, что другие четыре державы займут аналогичную позицию.

3 июня обсуждение этой проблемы было продолжено, и бельгийский представитель заявил о готовности его правительства послать наблюдателей в Комиссию по перемирию.

4. На заседании Постоянного комитета 3 июня было признано желательным созвать в ближайшее время заседание Консультативного совета. Было предложено, чтобы оно состоялось в Гааге до 17 июля. Это предложение подлежит дальнейшему обсуждению и утверждению. Представляется вполне вероятным, что это заседание состоится в конце июля.

5. Делегация Соединенного Королевства представила документ, в котором содержатся предложения по осуществлению содержащих в статье 2 Брюссельского договора решений по социальным вопросам.

До того, как станут известны взгляды других четырех правительств, и до того, как возобновятся дальнейшие переговоры по этому вопросу, пройдет две или три недели.

6. Военный комитет продолжает медленно, но настойчиво работать. Еще не получен ответ на послание, переданное послу США 14 мая, в котором со-

держались предварительные ответы Военного комитета на американские вопросы. В ожидании ответа Вашингтона на это послание, комитет продолжал свою деятельность и значительно продвинул работы по подсчету военных ресурсов, а также по подготовке вопроса о стандартизации вооружения.

Ожидается, что вскоре будет внесено предложение о создании своего рода «управления по военным резервам», которое будет координировать производство и снабжение.

Ничто из вышеизложенного не предназначено для сообщения кому-либо из ваших коллег, а информация, содержащаяся в параграфе 6, должна рассматриваться как совершенно секретная.

Резидент КИ при СМ СССР

№ 22 *Совершенно секретно*

июнь 1948 г.

Товарищу М О Л О Т О В У В.М.,
Товарищу Б У Л Г А Н И Н У Н.А.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Государственный департамент имеет определенные обязательства перед Англией, Францией и странами Бенилюкса открыть какие-либо «переговоры» относительно оказания американской военной помощи странам, подписавшим брюссельский пакт. Поэтому при любых обстоятельствах переговоры между США и странами западного блока должны иметь место.

Разногласия в госдепартаменте, о которых источник сообщил ранее, относятся к вопросу о том, что американцы должны предложить странам, участвующим в переговорах или на что они должны согласиться во время переговоров.

Согласно плану, выработанному в марте с.г. ДЖЕББОМ[55], ХИККЕРСОНОМ[56] и ПИРСОНОМ[57] (представитель Канады), переговоры в Вашингтоне должны были иметь своей целью выработать определенный перечень политических действий, направленных на создание атлантического пакта. БОЛЕН[58] и в меньшей степени КЕННАН[59], которые не принимали участия в мартовских переговорах, относятся, однако, с сомнением к целесообразности заключения такого пакта. Разногласия в госдепартаменте остались неразрешенными, в ожидании принятия конгрессом резолюции ВАНДЕНБЕРГА[60] и ухода конгресса на каникулы.

До 25 июня с.г. разногласия в госдепартаменте не были еще разрешены. Но несмотря на это 29 или 30 июня в Вашингтоне откроются переговоры и предполагается, что они будут происходить в течение двух недель. ЛОВЕТТ[61] уже проинформировал прессу об этих переговорах, но не назвал даты их открытия. О переговорах будет известно публике, однако, будет сделана попытка сохранить в тайне содержание переговоров.

В переговорах будут участвовать: послы Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии и, возможно, посланник Люксембурга, а также сотрудники соответствующих посольств. Канада также будет принимать участие в переговорах и ожидается, что для этой цели из Оттавы в Вашингтон при-

будет ПИРСОН. (Примечание источника: участие Канады в этих переговорах является изменением мартовского плана об участниках переговоров. Согласно мартовскому плану, Канада исключалась из списков стран, которые должны были бы принять участие в переговорах). Со стороны американцев в переговорах будут принимать участие: ЛОВЕТТ, БОЛЕН, КЕННАН, ХИККЕРСОН и АХИЛЛЕС[62]. В качестве наблюдателя будет генерал ГРЮНТЕР из аппарата ФОРРЕСТОЛА[63]. В переговорах не будут принимать участия военные представители других стран.

Повестка дня конференции:

1. Нынешняя ситуация в Европе и особенно вопрос о намерениях русских там.

2. Шаги, уже предпринятые странами западного блока в вопросе обороны.

3. Возможность развития отношений между странами западного блока и другими европейскими странами (присоединение Италии, Норвегии и Дании к западному блоку).

4. Отношение США и Канады к европейским державам.

Исходя из повестки дня, во время этих переговоров будет обсуждаться план, выработанный в Вашингтоне в марте сего года.

Действительным отличием этих переговоров от плана переговоров, намеченного в марте с.г., является то, что американцы будут принимать в них участие, не имея определенных инструкций о своей позиции.

Предполагается, что после этих переговоров будут иметь место военные переговоры между США и странами западного блока.

Дата военных переговоров еще не обусловлена.

Резидент КИ при СМ СССР

№ 23 *Совершенно секретно*

Товарищу М О Л О Т О В У В.М.
Товарищу Б У Л Г А Н И Н У Н.А.
Товарищу В Ы Ш И Н С К О М У А.Я.

Докладываем содержание телеграммы английского посла в Вашингтоне в МИД Англии от 23 июня с.г. и донесение нашего резидента в Вашингтоне относительно переговоров по северо-атлантическому пакту безопасности.

1. Переговоры между США и странами Западного союза по вопросу о северо-атлантическом пакте, назначенные на 29–30 июня с.г., по настоянию американских военных властей перенесены на 6 июля.

2. Правительство США уже выработало план проведения переговоров относительно этого пакта. Согласно плану, вопросы военного сотрудничества между США и западноевропейскими державами на первой стадии переговоров обсуждаться не будут, а будут рассматриваться лишь политические аспекты пакта. Английский посол выражает удовлетворение по поводу того, что американцы согласились вернуться к первоначальному плану политических переговоров, выработанному в Вашингтоне в марте с.г.

Военные представители стран Западного союза и Канады в переговорах участвовать не будут, однако по настоянию военных кругов США в переговорах примет участие представитель ФОРРЕСТОЛА[64] генерал ГРЮНТЕР.

Председательствовать на первом заседании будет заместитель государственного секретаря США ЛОВЕТТ[65]. Американцы намереваются создать для ведения переговоров рабочую группу, в состав которой войдут руководитель европейского управления госдепартамента ХИККЕРСОН[66] и руководитель западноевропейского отдела АХИЛЛЕС[67].

Госдепартамент США придает очень большое значение тому, чтобы переговоры происходили в обстановке строжайшей секретности, и предлагает англичанам не информировать французов и представителей стран Бенилюкса о предыдущих переговорах по вопросам безопасности, состоявшихся в марте с.г.

3. Вопросы чисто военного характера американцы намерены разрешать в порядке двухсторонних переговоров, которые они намечают провести после президентских выборов. ХИККЕРСОН заявил англичанам по этому поводу, что он предвидит необходимость проведения в конце этого года «отдельных переговоров» по вопросам военного сотрудничества с упором на рассмотрение таких проблем, как стандартизация вооружения.

ХИККЕРСОН в беседе с английским посланником в Вашингтоне БАЛЬФУРОМ[68] предупредил последнего, что некоторых руководящих сотрудников госдепартамента еще необходимо убедить в целесообразности заключения пакта. Он сказал, что правительство США придерживается того взгляда, что какую бы форму ни принял пакт, он должен быть составлен таким образом, чтобы можно было рассчитывать на его ратификацию двумя третями голосов сената. Далее ХИККЕРСОН указал БАЛЬФУРУ, что американское правительство поставлено перед необходимостью убедить сенат и общественное мнение страны в том, что другие стороны, участвующие в соглашении, будут лишены возможности переложить свои военные обязательства на плечи США.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР

П. Федотов
К. Родионов

3 июля 1948 г.

№ 24 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.
Товарищу ЗОРИНУ В.А.

Директивное письмо английского МИД № 301 от 23 июля
своим дипломатическим представителям в 22 странах

«В связи с моим письмом № 292.

Второе заседание Консультативного совета.

Вообще говоря, заседание явилось большим достижением, и коммюнике отражает решимость Совета достигнуть дальнейшего прогресса в связи с Западным союзом.

Нижеследующее представляет собой обзор дискуссий по принципиальным вопросам. Этот обзор должен быть разослан ограниченному числу сотрудников Вашего аппарата.

Переговоры в Вашингтоне

Было очевидным, что французская и до некоторой степени бельгийская делегации смущены неповоротливостью американской процедуры.

Было довольно ясно, что они не поняли трудности, присущие любой форме американской гарантии. Они склонны утверждать, что единственными элементами существующей на данный момент ситуации являются, с одной стороны, физическое присутствие американских войск в Германии и, с другой стороны, недавнее прибытие американских и канадских военных экспертов в Лондон для участия в работе постоянного военного комитета. Обе делегации, кроме того, полагают, что любая схема «атлантической» обороны, вероятно, будет черезчур расширенной особенно в связи с тем, что, по их мнению, будут иметь место тенденции составить оперативную статью любого соглашения, заключенного с американцами на такой основе, в соответствии с принципами договора в Рио[69], вследствие чего такая схема будет слишком слабой для любой практической цели.

2. Вообще говоря, я пытался рассеять эти сомнения и опасения и получил энергичную поддержку со стороны голландцев. Я признал, конечно, что американская техника ведения этих переговоров является утомительной, но все-таки мы должны помнить, что сейчас все дело за ними и, что, во всяком случае, американцы определенно хотят выиграть время. Я полагаю, что имеется много теоретических путей для обхода трудностей, выдвинутых на первый план БИДО[70] и СПААКОМ[71], мы можем, например, иметь в виду некоторые пути присоединения США к державам Брюссельского пакта, не возражая в то же время, и фактически даже поощряя, некоторую параллельную систему, которая может охватить по меньшей мере часть северо-атлантического района. Я, однако, не настаивал на этой идее, и в конце концов было решено, что постоянный комитет воспользуется ближайшей возможностью для составления согласованной директивы нашим пяти представителям в Вашингтоне.

Я также предложил, и с этим в конечном счете согласились, чтобы цели, изложенные в этой директиве, были следующими:

а) Постараться точно выяснить, насколько американцы заинтересованы в своей идее соглашения об атлантической обороне и с действительно ли серьезными намерениями они выдвинули эту идею.

б) Если это так, то мы тогда должны горячо ее поддержать, поскольку было бы безрассудством расхолаживать американцев каким-то образом. На самом деле, нашей основной целью будет добиться от американцев обязательства о том, что они тем или иным путем примут участие в обороне Западной Европы.

в) На данной стадии выступить единым фронтом, настаивая как только мы можем, на включении в любой договор, который может быть составлен, некоторого обязательства, которое было бы более обязывающим, чем обязательства, содержащиеся в договоре Рио.

Германский вопрос

3. Я воспользовался возможностью раз'яснить моим коллегам предысторию германского вопроса и шаги, благодаря которым мы постепенно пришли к настоящему тупику.

Я заявил им, что нашим намерением является придерживаться твердой позиции в Берлине, но что в связи с составлением ответа на последнюю советскую ноту я пришел к заключению, что в последнее время западные державы достигли такого большого прогресса, что мы можем позволить себе быть умеренными в тоне.

Я поэтому выдвинул идею о том, что мы должны предложить, что обсуждение берлинского вопроса между четырьмя державами должно быть как можно скорее расширено таким образом, чтобы охватить не только германскую, но и всю европейскую ситуацию. Такое давление на нас в Берлине было устранено. Имелось общее согласие на эту линию.

Заседание сослужило хорошую службу в том отношении, что оно помогло пяти министрам иностранных дел достигнуть согласия в отношении общей позиции, которой следует придерживаться в связи с положением в Берлине и в Германии.

Военные вопросы

4. Специальным докладом министры были поставлены в известность о деятельности постоянного военного комитета и они выразили удовлетворение по поводу достигнутого прогресса.

Было сочтено, однако, что наступило время для министра обороны пяти держав принять решение по вопросу об организации обороны пяти держав, а также по вопросу о стратегической концепции в отношении обороны Западной Европы.

С этой целью было предложено и согласовано, чтобы министрам обороны пяти держав были направлены рекомендации о том, что для осуществления этой задачи они должны встретиться в конце августа.

Экономические и финансовые вопросы

5. В основном дискуссия развернулась в связи с резолюцией, смысл которой заключается в том, что Совет будет приветствовать созыв в ближайшее время совещания министров экономики и финансов с целью:

а) Изучения результатов экономического и финансового сотрудничества между пятью державами с момента подписания Брюссельского договора.

б) Изучения вопроса о том, какое дальнейшее действие может быть предпринято для согласования рассчитанной на длительное время политики соответствующих правительств.

в) Рассмотрения вопроса о желательности сотрудничества в вопросах, не входящих в рамки деятельности Организации европейского экономического сотрудничества, при условии, что такое рассмотрение ни в коей мере не будет дублировать работу, проделанную этой организацией.

6. Эта резолюция явилась, главным образом, результатом настроений со стороны стран Бенилюкса, поддержанных французами. Все эти делегации решительно утверждали, что, несмотря на все трудности и, учитывая неоспоримый факт, что внутри Организации европейского экономического сотрудничества достигнута значительная степень сотрудничества между пятью державами, должно быть приложено усилие по меньшей мере для того, чтобы с экономической и финансовой точек зрения попытаться определить, в каких аспектах должен поощряться более тесный союз между державами Брюссельского договора.

7. В отношении предложения голландцев о совместном изучении возможностей экономического сотрудничества в заморских территориях, я заявил, что я предпочел бы отложить обсуждение до окончания конференции стран Британского содружества наций, которая состоится в октябре. Тем временем постоянный комитет может рассмотреть данный вопрос, но я заинтересован в том, чтобы иметь возможность согласовать интересы Брюссельского договора с интересами стран Британского содружества наций. БИДО согласился. Подобно нам, он против увеличения числа комитетов и он также опасается психологической реакции в колониях. Было решено, что данный вопрос должен быть обсужден на следующем заседании Консультативного совета и тем временем не должна вестись пропаганда по этому вопросу.

Социальные и культурные вопросы

8. Совет без обсуждения принял резолюции, которые сейчас опубликованы.

Европейская федерация

9. БИДО выдвинул этот вопрос довольно неожиданно. Он внес два конкретных предложения:

а) Учреждение европейской ассамблеи, состоящей не только из делегаций от парламентов пяти держав, но также от парламентов любых других государств, заинтересованных принять участие. Это предложение должно быть передано в постоянный комитет для изучения.

б) Создание с участием пяти держав (или с участием некоторых из них) таможенного и экономического союза, к которому позднее могут присоединиться другие державы. Это предложение должно быть рассмотрено специальным комитетом, который должен состоять из представителей пяти держав, участвующих в Организации европейского экономического сотрудничества. Этому комитету должны оказать помощь другие державы, заинтересованные в следовании тому же курсу.

10. БИДО потребовал принятия решения до следующего заседания Консультативного совета, по крайней мере по принципиальным вопросам, связанным с этой проблемой. Я ответил, что, хотя я согласен с конечными целями БИДО, я считаю, что данная проблема нуждается в дальнейшем изучении ввиду той опасности, что любая такая ассамблея может быть использована коммунистами и попутчиками для нанесения поражения тем самым целям, для достижения которых мы работаем.

11. Я был поддержан СПААКОМ, который защищал предложение о том, чтобы во всяком случае на данное время оставить такое предприятие в руках частной инициативы, чем принимать по нему меры со стороны правительств. Он также указал на трудности, которые возникнут при решении вопроса о базе национального или партийного представительства в предложенной ассамблее.

В отношении второго предложения СПААК считает, что прежде всего должна быть проделана дальнейшая черновая работа и он предложил до следующего заседания правительства сейчас рассмотрели предложение БИДО и попытались сформулировать более конкретные предложения.

12. В конце концов было решено, что Консультативный совет должен принять к сведению предложения БИДО, что правительства – члены обязу-

ются сейчас рассмотреть их и что следует попытаться сформулировать до следующего заседания Совета практические предложения».

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР П. Федотов
К. Родионов

июль 1948 г.

№ 25 *Совершенно секретно*

Товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

Представляем полученные нами в Вашингтоне сведения о ходе переговоров по северо-атлантическому пакту безопасности.

Переговоры открылись 6 июля с.г. в Вашингтоне. Со стороны США в переговорах участвуют ЛОВЕТТ[72], КЕННАН[73], БОЛЕН[74], ХИККЕРСОН[75] и АХИЛЛЕС[76]. Англию представляют посол ФРЭНКС, посланник МИЛЛАР, советник посольства АЛЛЕН и второй секретарь посольства ГЕНДЕРСОН. Представителями Канады являются заместитель министра иностранных дел ПИРСОН и канадский посол в США РОНГ. Франция, Бельгия и Голландия представлены послами этих стран в Вашингтоне.

Участники переговоров приступили к непосредственному обсуждению вопросов, стоящих на повестке дня. Так, на заседаниях 5, 7 и 8 июля рассмотрены следующие вопросы:

а) Положение в Европе и намерения СССР.

б) Меры, предпринятые странами Западного союза в области обороны.

в) Взаимоотношения с другими европейскими странами с точки зрения безопасности.

2. По настоянию американцев обсуждение этих вопросов носило сугубо предварительный характер. По первому вопросу участники переговоров пришли к общему выводу, что хотя в намерения Советского Союза, возможно, и не входит развязать войну, однако его целью в будущем является «коммунизация мира», в первую очередь Западной Европы.

3. Рассмотрение 2-го пункта повестки дня свелось к информации ФРЭНКСА об организационной структуре военных органов Западного союза, об их планах и деятельности. Американская делегация приняла к сведению информацию ФРЭНКСА.

4. 8-го июля должно было состояться обсуждение 3-го пункта повестки дня – «Взаимоотношения с другими европейскими странами с точки зрения безопасности».

ФРЭНКС получил от английского МИД'а инструкции убедить США вступить в атлантический пакт на базе рекомендаций, выработанных на первой стадии переговоров в Вашингтоне в марте с.г. Англичане полагают, что, кроме США и Канады, в атлантический пакт могут быть вовлечены также Норвегия, Дания, Исландия, Италия и Португалия. Что же касается Швеции, Испании, Западной Германии и Западной Австрии, то они могут быть включены в этот пакт в дальнейшем.

По полученным нами сведениям, госдепартамент к началу переговоров еще не пришел к окончательному решению о том, следует ли Соединенным Штатам примкнуть к северо-атлантическому пакту. Госдепартамент относит-

ся с большой осторожностью к вопросу о заключении такого пакта вследствие того, что советники госдепартамента КЕННАН и БОЛЕН еще не убеждены в необходимости заключения пакта и вследствие неопределенности позиции в этом вопросе лидеров республиканской партии ДЬЮИ и ДАЛЛЕСА. Считается вероятным, что атлантический пакт будет заключен лишь после президентских выборов и представлен для ратификации конгрессу нового созыва.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР — П. Федотов

К. Родионов

23 июля 1948 года

№ 26 — *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Докладываем полученные КИ сведения о вашингтонских военно-политических переговорах по Североатлантическому пакту.

6 июля с.г. в Вашингтоне возобновились переговоры по вопросу о Североатлантическом пакте. В переговорах принимают участие от США: ЛОВЕТТ[77], КЕННАН[78], БОЛЕН[79], ХИККЕРСОН[80] и АХИЛЛЕС[81]; правительства Англии, Франции, Канады, Бельгии и Голландии представлены своими послами в Вашингтоне (посол Бельгии одновременно представляет Люксембург). 10 сентября участники переговоров решили представить своим правительствам согласованный текст доклада.

В докладе излагаются следующие вопросы:

1. Положение в Европе с точки зрения безопасности.
2. Территориальная сфера Североатлантического пакта.
3. Характер возможного Североатлантического пакта.
4. Изложение общих положений, которые могут быть включены в Североатлантический пакт.

I.

В первом разделе отмечается, что в результате второй мировой войны и поражения Германии военная мощь Советского Союза стала превосходить силы Западной Европы, что создало, по утверждениям авторов доклада, угрозу безопасности не только европейских стран, но и Северной Америки. Авторы доклада при этом исходят из того, что советская идеология якобы является экспансионистской и что согласно этой идеологии мирное сосуществование советских и несоветских государств невозможно. Советские войска сгруппированы и организованы таким образом, что они смогут по первому требованию взять инициативу военных действий в свои руки. «На этих факторах зиждется кремлевская программа запугивания, рассчитанная на достижение господства в Европе».

Участники вашингтонских переговоров пришли к выводу, что в этих условиях основной заботой их правительства должно явиться решение вопроса о том, каким образом об'единиться для взаимной помощи против «советской опасности».

II.

Территориальную сферу Североатлантического пакта предполагается распространить не только на США, Канаду и страны Брюссельского договора, но и на Данию (особенно Гренландию), Норвегию, Исландию, Португалию (особенно Азорские острова), Ирландию и другие европейские страны.

Все страны, входящие в сферу Североатлантического пакта, предположено разбить на три категории в зависимости от степени их обязательств.

К странам первой категории, или полноправным членам, отнесены США, Канада, страны Брюссельского договора.

Во время заключения Североатлантического пакта полноправные члены выступят с совместным заявлением о предоставлении своих гарантий странам, входящим в Организацию европейского экономического сотрудничества (включая Западную Германию, Австрию и Триест).

Привлечение к пакту Испании и Западной Германии считается лишь вопросом времени.

III.

Участники переговоров считают, что Североатлантический пакт (кроме военных статей) должен носить открытый характер, ратифицироваться участвующими в нем сторонами путем конституционной процедуры и находиться в рамках Устава ООН. Пакт также должен предусмотреть взаимные обязательства и определить зону, в которой будет применяться взаимная помощь при защите от агрессии. Предполагается создание соответствующего механизма для координирования военных усилий участников пакта.

На совещании было отмечено, что некоторые из военных вопросов будущего пакта уже изучаются в Военном комитете Западного союза.

Представители европейских стран во время переговоров высказали свою крайнюю заинтересованность в том, чтобы в пакте были предусмотрены экстренные меры по оказанию помощи жертве вооруженного нападения всеми участниками пакта, включая и индивидуальную военную помощь со стороны каждого из членов.

Представитель США по этому вопросу заявил, что «пакт должен базироваться на постоянной эффективной самопомощи и взаимной помощи» и что помощь США должна «дополнять, а не подменять максимальные усилия других наций помочь себе и друг другу».

В записке отмечается, что Североатлантический пакт должен явиться центром сплочения всех сил против коммунистического мира.

IV.

Во время вашингтонских переговоров были сформулированы основные статьи будущего Североатлантического пакта. Преамбула пакта включит положения из преамбул Устава ООН и договоров, заключенных в Рио-де-Жанейро и Брюсселе[82].

Статьи 1 и 2 пакта предусматривают обязательство не прибегать к угрозе и насилию и разрешить разногласия и споры мирными средствами. По мнению участников переговоров, эти статьи могли бы лишить советскую пропаганду возможности утверждать, что острие Североатлантического пакта направлено против Советского Союза.

В процессе обсуждения проекта 5-й статьи, предусматривающей взаимную помощь при вооруженном нападении, были внесены два различных варианта статьи.

Представители США настаивали, чтобы условия взаимной помощи были аналогичными тем, которые содержатся в договоре, заключенном в Рио-де-Жанейро, а именно: «Каждая сторона берет на себя обязательство помогать в оказании сопротивления».

Представители европейских стран считают, что в статье о взаимной помощи должно быть конкретно указано, что стороны «окажут подвергшейся такому нападению стороне всяческую военную и прочую помощь и посильное содействие».

В результате была достигнута компромиссная формулировка, в которой говорится, что в случае нападения на одну из договаривающихся сторон остальные, «в соответствии со своей конституционной процедурой, помогут в отражении нападения всеми военными, экономическими и прочими средствами».

При рассмотрении проекта 6-й статьи о коллективных мерах в случае вооруженного нападения представитель США высказал пожелание, чтобы эта статья была составлена также по образцу договора Рио-де-Жанейро, и внес следующий вариант: «Каждая сторона определит непосредственные меры, которые она предпримет индивидуально... одновременно будет иметь место немедленная консультация с целью достижения соглашения о принятии коллективных мер».

V.

В сопроводительном письме к документу указывается, что представители стран ожидают от своих правительств срочного рассмотрения доклада и указаний для ведения переговоров на более ответственном этапе создания североатлантического блока.

Предполагается, что министры иностранных дел стран Брюссельского договора обсудят вопросы, поднятые в документе, на предстоящей октябрьской сессии Консультативного совета Западного союза.

Представляю при сем текст доклада о предварительных переговорах по Североатлантическому пакту.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР П. Федотов

октябрь 1948 г.

№ 27 *Совершенно секретно*

декабрь 1948 г.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

СЕССИЯ КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА ЗАПАДНОГО СОЮЗА

Представляемый документ является английским вариантом протокольной записи заседаний сессии Консультативного совета Западного союза, со-

стоявшейся 25–26 октября с.г. в Париже. На документе имеется надпись: «Ввиду специальных мер, принятых для сохранения безопасности документов Западного союза, очень важно, чтобы о существовании этой британской записи ни при каких обстоятельствах не стало известно другим державам Брюссельского договора и даже представителям США и доминионов».

Сессия обсудила большую группу вопросов, из которых наибольший интерес представляют вопросы, относящиеся к Атлантическому пакту и деятельности Западного союза.

I.

Отношение западных стран к Атлантическому пакту

1. Консультативный совет обсудил доклад Комитета послов в Вашингтоне по вопросу об Атлантическом пакте.

Общее мнение участников заседания о связанных с этим вопросом трудностях выразил БЕВИН[83], который заявил, что заключение Атлантического пакта является «деликатным делом, поскольку может оказаться трудным увязать точки зрения европейских держав со взглядами США и Канады». БЕВИН полагает, что до того, как смогут быть начаты переговоры с США, страны Западного союза должны ясно определить, чего они будут добиваться в вашингтонских переговорах.

2. Главная цель, по мнению БЕВИНА, должна заключаться в том, чтобы мобилизовать богатства и производственные возможности северо-американского континента для обороны Западной Европы.

3. Наряду с военными и материальными средствами США и Канады, английское правительство стремится мобилизовать для будущей антисоветской войны в Европе людские и материальные ресурсы континентальных стран. Запугивая своих партнеров советской агрессией, БЕВИН предупреждает их, что Великобритания при современных военно-воздушных силах и ракетной артиллерии не сумеет сыграть ту роль, какую она играла в 1914 г., когда Англия вместе со своими союзниками сдерживала фронт, и в 1940 г., когда она одна сдерживала фронт. При наличии современных воздушных сил и ракет Англия может быть быстро выведена из строя. Поэтому важно, чтобы все вступили в войну одновременно. Западные державы смогут противостоять агрессии в Европе лишь в том случае, если они в экономическом и военном отношении будут об'единены. БЕВИН подчеркнул, что существует настоятельная необходимость, прежде всего, в создании в Европе организованной группы, которая бы находилась под хорошим руководством и которая обеспечила бы использование по возможности всех имеющихся в наличии ресурсов.

Англия, таким образом, пытается убедить страны Западного союза в том, что они нуждаются, прежде всего, в английском, а не в американском руководстве и что переговоры с США могут быть успешными лишь тогда, когда «собравшиеся пять держав будут говорить с США как органическое целое, и что поэтому они должны настаивать на организации своей собственной особой группы».

4. По вопросу об участниках Атлантического пакта между США и Англией имеются значительные расхождения. США стремятся привлечь к участию в Атлантическом союзе как можно большее количество стран. Министр иностранных дел Голландии СТИККЕР об'ясняет это тем, что «США и Ка-

нада склонны обращать большое внимание на оборону территории собственно Западной Европы».

К этому следует добавить, что США, стремясь расширить число участников пакта, повидимому, пытаются тем самым уменьшить роль Англии в руководстве атлантическим блоком.

Страны Западного союза в этом вопросе стоят на позиции английского правительства, заключающейся в стремлении ограничить на первоначальной стадии круг участников Атлантического пакта лишь семью странами: США, Канадой и брюссельскими державами. По мнению БЕВИНА, «форма пакта и его рамки могут быть разработаны в Вашингтоне, но вопрос о будущих участниках должен быть оставлен открытым».

5. Участники совещания придали большое значение проблеме определения границ географического района, в котором будет действовать Атлантический пакт. СПААК[84] потребовал недвусмысленного ответа на вопрос, вызовет ли выступление Советского Союза против США на Дальнем Востоке автоматическое применение пакта и необходимость для западных держав придти на помощь США. БЕВИН указал, что в этом вопросе следует придерживаться рамок, намеченных в приложении к докладу Комитета послов, т.е. ограничить военные обязательства участников пакта лишь тем районом, на который он распространяется.

Таким образом, в результате обсуждения доклада Комитета послов в Вашингтоне министры иностранных дел стран Западного союза, во-первых, выразили принципиальное согласие своих правительств начать переговоры с США и Канадой о заключении Атлантического пакта, во-вторых, заверили БЕВИНА в том, что представители стран Западного союза в Вашингтоне будут совместно отстаивать в переговорах с США и Канадой английскую точку зрения.

II.

Военное командование Западного союза и географические зоны его ответственности

1. Сессия Консультативного совета одобрила доклад совместного совещания военных министров и Постоянного военного комитета Западного союза.

2. Из хода обсуждения доклада явствует, что правительства стран Западного союза намереваются путем создания Комитета начальников штабов и переподчинения последнему Комитета главнокомандующих распространить сферу военной ответственности Западного союза не только на организацию вооруженных сил Западной Европы, но и на распределение войск, снаряжения и материалов для других географических районов. Комитет начальников штабов будет разрабатывать стратегию для всех театров военных действий.

3. В отношении границ ответственности командования совместное совещание военных министров и Постоянного военного комитета определило, что на первой стадии оперативный контроль над войсками Западного союза, оккупирующими Германию, Австрию и Триест, будет осуществлять Комитет главнокомандующих. Военные руководители Западного союза полагают, что на более поздней стадии станет необходимым разделить мир на отдельные театры военных действий (Североафриканский, Северовосточный и т.д.).

III.

Финансирование военных расходов Западного союза

1. Финансирование военных расходов считается одним из наиболее трудных вопросов. По мнению англичан, есть опасность возникновения несоответствия между военными потребностями Западного союза и программой европейского восстановления.

2. По заявлению СПААКА, у Совета пока еще нет ни согласованного плана, ни сметы расходов, и поэтому на данной стадии нельзя сказать, что собой будет представлять план мобилизации средств на военные цели. СПААК полагает, что выработать такой план можно будет лишь после того, как Управление военного снабжения представит следующей сессии Консультативного совета обстоятельный доклад о военных потребностях Западного союза.

4. Совет решил создать финансовый и экономический комитет, который будет служить рабочим органом совещания пяти министров финансов Западного союза и который будет работать параллельно с Комитетом начальников штабов и Управлением военного снабжения.

IV.

Сотрудничество в борьбе против «подрывной деятельности»

1. Совет рассмотрел меморандум генерального секретаря о сотрудничестве в борьбе против «подрывной деятельности». Постоянному комитету поручено в кратчайший срок разработать план создания органа, который будет ведать вопросами контрразведки и борьбы против «подрывной деятельности».

БЕВИН считает крайне важным, чтобы этот орган был укомплектован профессионалами-разведчиками.

2. Принято также решение практиковать периодические совещания лиц, ответственных за обеспечение внутренней безопасности в каждой из стран Западного союза.

V.

Об идеологическом аспекте обороны

1. По меморандуму генерального секретаря об идеологическом аспекте обороны сессия признала необходимым, чтобы правительства предоставляли друг другу информацию, которая может быть использована против советской и коммунистической пропаганды.

По мнению БЕВИНА и ШУМАНА[85], эта информация, с одной стороны, должна пропагандировать успехи Западного союза, с другой – подчеркивать неблагоприятные для Советского Союза и дружественных ему государств факты. В порядке помощи своим партнерам в решении последней части этой задачи БЕВИН обещал предоставлять в распоряжение правительств стран Западного союза доклады и меморандума Комитета по России при МИД Англии.

2. Совет рекомендует при организации пропаганды избегать координирования ее из единого центра. Это будет, по мнению Совета, «копированием методов Коминформа и нанесет поражение своей собственной цели. Пропаганда должна проводиться каждой страной в соответствии с ее собственными национальными потребностями и обстоятельствами».

VI.

Европейская ассамблея

Продолжительные дебаты по докладу Постоянного комитета о Европейской ассамблее можно свести к следующим положениям.

1. США продолжают оказывать давление на страны Западного союза с целью ускорения политического, экономического и военного об'единения Западной Европы против Советского Союза. Для пропаганды федералистских идей используются самые разнообразные организации, учреждения, политические деятели и частные лица.

2. Следуя требованиям США и стремясь забрать инициативу пропаганды «Об'единенной Европы» из рук частных лиц, правительства Франции и Бельгии подняли вопрос о созыве так называемой Европейской ассамблеи. По мнению ШУМАНА, создание такой ассамблеи будет иметь наиболее важное значение для пропаганды.

3. Правительство Англии, не высказываясь определенно против создания более широкого союза, считает преждевременным созыв Европейской ассамблеи. По мнению БЕВИНА, «США слишком упрощают проблему». Касаясь давления США, БЕВИН заявил, что «английское правительство привыкло к нему и считает, что не следует слишком сильно подпадать под их влияние».

4. БЕВИН раз'яснил, что Англия возражает против так называемого «об'единения суверенитета». При этом он отметил, что при рассмотрении этого вопроса необходимо учитывать отношения Англии с ее доминионами.

Лейбористская партия, по мнению БЕВИНА, не может связать себя какой-либо формой федерального союза Европы, ибо ей придется за это отвечать перед своими избирателями. БЕВИН пугает своих партнеров перспективой возможного поражения лейбористов на предстоящих парламентских выборах. «Если мы окажемся побежденной партией, – заявил он, – это явится ужасным поражением для того самого единства, к достижению которого мы все стремимся».

5. БЕВИН предложил рассмотреть вопрос о созыве не парламентской ассамблеи, а правительственного «Совета Европы» в узком составе.

Консультативный совет не пришел к окончательному решению и утвердил положение о Комитете по изучению проблемы создания европейского единства, в задачу которого войдет рассмотрение франко-бельгийского предложения о созыве Консультативной ассамблеи и английского предложения о созыве «Совета Европы» в составе министров заинтересованных стран.

Таким образом, английскому правительству и на этот раз удалось, путем создания специального комитета, оттянуть решение вопроса о так называемом Европейском союзе.

VII.

Роль заморских территорий в военно-политических планах Западного союза

1. При обсуждении вопроса о роли заморских территорий в военно-политических и экономических планах Западного союза министр иностранных дел Голландии СТИККЕР признал, что в результате военных действий в Индонезии Голландия оказалась фактически без войск в Европе, а ее финансовое положение ухудшилось до предела.

СТИККЕР считает, что западные державы должны согласовать свои позиции по вопросу о заморских территориях и принять самые срочные меры для предотвращения дальнейшего развития национально-освободительного движения не только в Индонезии, но и во всей Юго-Восточной Азии. Он утверждает, что создавшееся в этом районе положение угрожает миру во всем мире.

Согласившись со СТИККЕРОМ в оценке проблемы Юго-Восточной Азии, как чрезвычайно трудной, БЕВИН высказался против широкого обсуждения этого вопроса между брюссельскими державами. Такое обсуждение, указал БЕВИН, неизбежно потребует упоминания в коммюнике, что произведет эффект, противоположный ожидаемому, так как дальневосточные страны увидят, что их судьбу решают без них и за их спиной, а это в свою очередь «будет способствовать росту националистических настроений в Юго-Восточной Азии и предоставит коммунистам оружие для пропаганды».

VIII.

Кроме проблем, связанных с Атлантическим пактом и Западным союзом, сессия Консультативного совета рассмотрела также вопросы о положении в Берлине, об итальянских колониях, о Палестине, об Испании и об Индонезии. Приводимые в документе сведения по этим конкретным вопросам не содержат ничего существенно нового по сравнению с поступившей ранее информацией. Заслуживают быть отмеченными следующие положения:

1. Убеждая своих партнеров по Западному союзу в необходимости теснее связать свою внешнюю политику с английской, БЕВИН пугает их, во-первых, опасностью «славянской экспансии».

БЕВИН заявил, что он считает важным иметь в виду, что экспансия является не только коммунистической, но и славянской, и что он не может мириться с дальнейшей славянской экспансией на Запад.

Во-вторых, он поднял вопрос об опасности подчинения американскому давлению. Относя всю вину за задержку решения вопроса о судьбе итальянских колоний на США и обвиняя их в неумелом подходе к испанскому вопросу, БЕВИН призвал правительства Западного союза «поддержать западную солидарность и предотвратить давление США, фактически направленное на подрыв западноевропейского фронта».

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 74 листах*.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР — П. Федотов

10 декабря 1948 г.

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

№ 28 *Совершенно секретно*

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу ВЫШИНСКОМУ А.Я.

ПОЗИЦИЯ АНГЛИИ В ВОПРОСЕ О «ЕВРОПЕЙСКОМ ЕДИНСТВЕ»

В представляемых телеграммах БЕВИНА[86] и английского посла в Италии МАЛЛЕТА излагается позиция правительства Англии в вопросе о так называемом европейском единстве, заключающаяся в том, что оно продолжает выступать против франко-бельгийского предложения о созыве Европейской ассамблеи и отстаивает предложение БЕВИНА об учреждении Совета Европы.

Содержание телеграмм БЕВИНА в основном повторяет уже известные положения. Представляют интерес следующие моменты:

1. Характеризуя преимущества английского предложения, БЕВИН утверждает, что оно, во-первых, дает возможность англичанам привлечь к «делу консолидации Европы... многие страны, находящиеся сейчас вне брюссельской группы», и таким образом распространить свое влияние на остальные западноевропейские страны; во-вторых, оно послужит «средством для укрепления французского правительства».

2. Английское правительство обеспокоено существующим между ним и другими участниками Западного союза разногласиями по вопросу о создании Европейской федерации. В целях предупреждения дальнейшего углубления этих разногласий БЕВИН предписывает дипломатическим представителям Англии за границей использовать содержание телеграммы, чтобы рассеять впечатление о том, что англичане «равнодушно и даже враждебно относятся к движению за более тесное европейское единство».

3. Из телеграммы МАЛЛЕТА видно, что англичане добиваются поддержки своего предложения о создании Совета Европы другими странами, в частности, Италией. Министр иностранных дел Италии СФОРЦА заверил МАЛЛЕТА, что итальянское правительство поддержит Англию, если Италия будет приглашена в качестве одного из основных членов Совета Европы с первых же дней его существования.

Данная информация направлена тт. ЗОРИНУ, ГУСЕВУ и ГРОМЫКО без указания источника ее получения и без приложения.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 9 листах*.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР П. Федотов

январь 1949 года

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

№ 29 *Совершенно секретно*

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу ВЫШИНСКОМУ А.Я.

К ПЕРЕГОВОРАМ О СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОМ ПАКТЕ

Телеграммой от 11 декабря 1948 г. английское министерство иностранных дел сообщило своим дипломатическим представителям за границей о том, что до начала переговоров между представителями США, Канады и брюссельских держав по Североатлантическому пакту, которые открылись 10 декабря 1948 г. в Вашингтоне, госдепартамент предупредил участников переговоров о том, что он считает преждевременным на данной стадии пытаться составить окончательный текст Североатлантического пакта.

По мнению госдепартамента, «представителям семи государств следует лишь попытаться наметить основные положения, на которых должен базироваться этот пакт. Затем этот вопрос должен быть снова передан на рассмотрение правительств, после чего будет предпринято обращение к другим державам, присоединение которых к пакту будет сочтено желательным».

Хотя англичане согласились с предложенной американцами процедурой, они продолжают настаивать на том, что, до того как обратиться к другим странам с приглашением о присоединении к пакту, семь держав должны не только наметить основные положения, на чем настаивают американцы, но и «составить себе ясное представление относительно того, какие статьи они хотели бы включить в пакт».

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР П. Федотов

5 января 1949 г.

№ 30 *Совершенно секретно*

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу ЗОРИНУ В.А.
Товарищу ГРОМЫКО А.А.

О СЕКРЕТНЫХ СТАТЬЯХ СЕВЕРО-АТЛАНТИЧЕСКОГО ПАКТА

1. Чехословацкий поверенный в делах в Италии МАТОУШЕК в донесении от 21 января с.г. в МИД Чехословакии сообщает, ссылаясь на французские источники, что наряду с заключением Северо-атлантического пакта предполагается подписать особый секретный протокол, обязывающий правительства участвующих в пакте стран принять энергичные меры против национальных коммунистических партий в случае возникновения войны против СССР.

2. По имеющимся в КИ материалам, первоначальный проект Северо-атлантического пакта не предусматривал включения статьи о так называемой «косвенной агрессии».

В ходе дальнейших переговоров было решено включить в текст пакта специальную статью, предусматривающую действия против «внутренней агрессии».

Смысл этой статьи заключается в том, что выступления коммунистических партий стран, участвующих в пакте, против существующего в этих странах режима будут рассматриваться как «косвенная агрессия», причем такая «косвенная агрессия» должна повлечь за собой соответствующие ответные меры всех участников пакта.

3. Приведенное выше сообщение МАТОУШЕКА свидетельствует о том, что в настоящее время участники переговоров о Северо-атлантическом пакте, очевидно, считают нежелательным включение статьи, направленной против компартий, в текст пакта, который будет опубликован, и предпочитают заключить по этому вопросу особое секретное соглашение.

Полагал бы целесообразным разоблачить в иностранной прессе и через радио намерение англо-американского блока заключить секретное соглашение против коммунистических партий западноевропейских стран.

Заместитель председателя
КИ при СМ СССР П. Федотов

19 февраля 1949 г.

№ 31 *Совершенно секретно*

Тов. СТАЛИНУ И.В., Тов. МОЛОТОВУ В.М.,
Тов. БЕРИЯ Л.П., Тов. МАЛЕНКОВУ Г.М.,
Тов. МИКОЯНУ А.И., Тов. КАГАНОВИЧУ Л.М.,
Тов. БУЛГАНИНУ Н.А., Тов. КОСЫГИНУ А.Н.,
Тов. ВАСИЛЕВСКОМУ А.М., Тов. ГРОМЫКО А.А.,
Тов. ШТЕМЕНКО С.М., Тов. ЗАХАРОВУ М.В.

Представляю обзор «Атлантический пакт», адресованный 5 марта 1949 года министру национальной обороны Франции РАМАДЬЕ директором Института по изучению проблем национальной обороны и военной экономики Франции генералом армии МАСТ.

Этот Институт был создан в ноябре 1948 г. для подготовки крупных специалистов в области военной стратегии. Слушатели Института отбираются из числа высших военных и гражданских чиновников соответствующих министерств и генерального штаба Франции.

Рассматривая вопрос об условиях участия Франции в Северо-атлантическом пакте (за месяц до его подписания), авторы обзора исходят из того, что Франция в военном и экономическом отношении чрезвычайно слаба и не имеет достаточных средств для защиты своей территории. При этом учитывается, что, в случае возникновения войны с Советским Союзом, Соединен-

ные Штаты Америки и Англия не окажут Франции такую военную помощь, которая могла бы предотвратить оккупацию французской территории.

В обзоре далее утверждается: «Если Франция снова подвергнется иностранному нашествию и оккупации, то американцы освободят после такой катастрофы лишь труп».

Для того, чтобы Франция могла использовать участие в Северо-атлантическом пакте с наибольшей для себя выгодой и не попала в военно-стратегическом отношении в полную зависимость от США и Англии, Институт рекомендовал французскому правительству отстаивать следующие условия участия Франции в пакте:

1. Франция не должна брать на себя по Северо-атлантическому пакту таких военных обязательств, которые предусматривали бы ее автоматическое вступление в войну, если французская территория не явится непосредственным об'ектом агрессии. Институт считает, что Франция не должна нести таких военных обязательств и по Брюссельскому пакту и рекомендует правительству предпринять соответствующие шаги, чтобы изменить 4-ю статью Брюссельского договора. «Не следует забывать, – указывают авторы обзора, – что действительными противниками являются США и Советский Союз. Франция может быть задета только рикошетом.

2. Франция должна добиваться того, чтобы Италия, Испания и Португалия были включены в состав Северо-атлантического военного союза, так как это позволит ей опираться в этом союзе на континентальные страны Европы и выступать в роли их лидера. Франция должна добиваться участия этих стран также и в Брюссельском пакте с тем, чтобы не давать возможности Англии использовать военные органы Западного союза в ее собственных интересах.

3. Франция не заинтересована в том, чтобы скандинавские страны и страны Ближнего и Среднего Востока вошли в состав Северо-атлантического союза, так как это связано с расширением военных обязательств и усилением угрозы вовлечения Франции в войну. Скандинавские страны и страны Ближнего и Среднего Востока должны образовать отдельные военные блоки, которые будут получать вооружение от США, как это уже имеет место в отношении Греции и Турции.

В результате этого должен отпасть вопрос о создании обособленного Средиземноморского пакта, который, по мнению авторов доклада, невыгоден для Франции, так как командование в этом районе перешло бы в «чужие руки».

4. Подписывая Северо-атлантический пакт, Франция должна получить заверение в том, что ей будет предоставлено оружие новых систем. Франция не должна соглашаться на выделение ей лишь вооружения для сухопутных войск, так как это поставит Францию в зависимость от воздушных и морских сил Англии и США.

5. Франция не должна соглашаться на предоставление военных баз в мирное время для других стран-участниц пакта. Франция может лишь взять на себя обязательство строить в мирное время соответствующие военные об'екты, предусматриваемые стратегическим планом Северо-атлантического союза.

Из содержания представляемого документа можно сделать следующие выводы:

1. Среди влиятельных правительственных и военных кругов Франции распространено мнение о том, что в случае возникновения войны между Советским Союзом, с одной стороны, и США и Англией – с другой, Франция должна стремиться сохранить положение невоюющей страны. Это предоставило бы Франции некоторую свободу рук и возможность определить свою позицию в зависимости от дальнейшего хода событий.

Среди влиятельных правительственных и военных кругов Франции имеет место стремление возглавить континентальные страны Западной Европы с тем, чтобы, опираясь на них, усилить свою роль в военном блоке западных держав.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР П. Федотов

31 мая 1949 года

Документально
Перевод с французского

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ И ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Площадь Жофра, 13(7)
Париж, 5 марта 1949 года

Сообщение директора института генерала армии МАСТА министру национальной обороны РАМАДЬЕ.

По вопросу: Атлантический пакт

В дополнение к моим сообщениям от 22 января и 14 февраля с.г., содержавшим составленные институтом обзоры о европейской федерации и германской проблеме, честь имею направить Вам новую работу, касающуюся переговоров об Атлантическом пакте.

Направляя Вам этот материал, я считаю нужным обратить внимание правительства на выводы, к которым пришли руководящие сотрудники и слушатели института. В этих выводах отмечается неуместность проведения в настоящее время сенсационных мероприятий, направленных против советской угрозы, принимая во внимание, что Европа разрушена.

Институт по изучению проблем национальной обороны пришел к единодушному выводу о настоятельной необходимости обратиться к США с просьбой об оказании немедленной военной помощи, которая должна сочетаться с национальными интересами в области морального и военного возрождения.

Подписал: МАСТ

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ И ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Париж, 3 марта 1949 года

Совершенно секретно

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ПАКТ
(Обзор работ Комитетов)

Институт по изучению проблем национальной обороны,

проведя на основании имеющихся у него сведений глубокое исследование проекта Атлантического пакта;

считая, что оборона Франции требует в первую очередь проведения мероприятий, обеспечивающих неприкосновенность ее территорий;

учитывая недостаток средств, которыми располагает в настоящее время наша страна;

считая необходимой срочную американскую помощь в сочетании с нашими собственными гигантскими и немедленными усилиями для морального, политического, экономического и военного возрождения;

учитывая связь, которая должна об'единять политику и стратегию, и необходимость приспособления наших дипломатических действий к жестким требованиям времени,

пришел к нижеследующим выводам:

Содержание Атлантического пакта

1. Для того чтобы быть действенным, всякий пакт об оборонительном союзе должен содержать либо в самом тексте, либо в прилагаемых к нему соглашениях (официальных или секретных) статьи военного характера.

С европейской точки зрения, Атлантический пакт не может быть исключительно политическим инструментом. Он должен быть вооружен и бронирован. Он должен определять совместную стратегию. Он должен содержать в той или иной форме, помимо определения общей политики, некоторые военные статьи, предусматривающие следующее:

эффективную оборону Европы способами, соответствующими любым обстоятельствам;

материальную и финансовую помощь, позволяющую выполнить национальные программы вооружения;

деятельность генштаба, имеющую целью унифицировать вооружение и разработать совместную стратегию.

Меры по обеспечению неприкосновенности французской территории

2. Прежде всего в нашей политике мы должны стремиться к тому, чтобы обеспечить неприкосновенность нашей территории, ибо если Франция снова подвергнется иностранному нашествию и оккупации, то американцы освободят после такой катастрофы лишь «труп».

Во всяком оборонительном пакте стороны дают взаимные гарантии, но практически получается так, что имеются государства, которые надо защищать, и государства, которые защищают. Если война разразится между третьей страной и тем или иным сильным государством, то автоматическое вступление в войну может иметь неудобство для слабых государств.

Атлантический пакт со всей ясностью показывает, что, каковы бы ни были юридические уловки и конституционные сомнения, а также вопреки некоторым пережиткам изоляционизма Соединенные Штаты выступят с поддержкой того или иного из своих ставших жертвой нападения европейских партнеров и будут воевать вместе с ним. Но должны ли подобным же образом поступать партнеры? Не даст ли, наоборот, неавтоматизм возможность учесть все обстоятельства?

Одно из двух:

либо США готовы участвовать, начиная с сегодняшнего дня в битве европейского континента путем массовой посылки наземных и воздушных средств – и тогда можно согласиться на полную солидарность,

либо Соединенные Штаты не могут этого сделать. В последнем случае следует ожидать, что советские войска дойдут до Пиренеев, а возможно и до Гибралтара в кратчайший срок.

Исходя из этого предположения, необходимо добиться согласия американцев на то, чтобы сотрудничество Франции в случае агрессии, которая не будет касаться ее территории, могло бы выразиться в невоенной форме.

Наше, хотя бы временное неучастие в военных действиях (к которому могли бы присоединиться и другие европейские государства), будет выгодно для США, все усилия которых направлены на то, чтобы воспрепятствовать Советам обосноваться на берегах Атлантики. Союзник, лишенный средств, опаснее сочувствующего не участвующего в военных действиях партнера. История дает много примеров этого.

Наше неучастие в войне было бы также и по той же причине выгодно и Великобритании в случае, если бы она участвовала в американских военных усилиях. Оно могло бы распространиться также на страны Бенилюкса. В том случае, если Англия решит пойти на помощь США согласно условиям Атлантического пакта, то неучастие в военных действиях ни в чем не нарушит обязательств, взятых на себя участниками Брюссельского пакта. На случай, если Англия окажется сама об'ектом агрессии можно было бы, и при том теперь же, посредством обмена гласными или секретными посланиями смягчить статью 4 договора от 17 марта 1948 года с тем, чтобы учесть гипотезу, высказанную выше.

Что касается русских, то кажется, что их должно серьезно соблазнять внезапное продвижение на запад и юго-восток*. Мотивы, могущие заставить их действовать таким образом, заключаются в следующем:

а) сенсационный эффект первоначальных успехов;

б) оккупация всего атлантического побережья от Нордкапа до Кадикса в целях ведения наступательной или оборонительной войны, воздушной и подводной;

в) подведение британской «авиаматки» под удар самолетов-снарядов типа Фау-1 и Фау-2;

г) нейтрализация Средиземного моря через Гибралтар;

д) захват промышленности, с целью возмещения разрушений в отечественной промышленности, нанесенных атомными бомбами;

е) захват заложников, чтобы предотвратить массовое сбрасывание атомных бомб на советские жизненные центры.

---

* Так в тексте.

Но имеются и другие соображения, которые могут оказать обратное действие:

а) традиционная преданность России оборонительной стратегии;

б) увеличение подконтрольной территории и распыление сил;

в) нейтрализация Средиземного моря не через Гибралтар, а через Суэц или какое-либо другое место в восточной части Средиземного моря, поскольку Ближний и Средний Восток могут играть в будущей войне роль главного театра военных действий;

г) отсутствие в Европе нефти – одного из немногих продуктов, которого Россия не имеет у себя в достаточном количестве;

д) надежда на создание в Западной Европе коммунистических или просоветских правительств.

Неучастие в войне дает некоторые шансы. Если они малы, а они именно малы, то мы ничего не потеряем, сделав этот ход. Если он не удастся, то мы придем к самому худшему из всего возможного, а именно к вооруженному конфликту, в который мы будем втянуты, не имея никаких средств для защиты.

Может случиться, что наше неучастие в военных действиях даст только отсрочку, но такая отсрочка как бы кратковременна она ни была, имеет существеннейшее значение. Она даст нам возможность провести мобилизацию. А в каждой войне случаются сюрпризы.

Не следует забывать, что действительными противниками являются США и Советский Союз. Франция может быть задета только рикошетом. Неавтоматизм гарантий, будучи записан в проект Атлантического пакта, допускает неучастие в военных действиях в рамках реалистического сотрудничества с Соединенными Штатами.

Это неучастие в военных действиях должно быть изучено теперь же во время строго конфиденциальных переговоров о совместном стратегическом плане, который будет принят на случай возникновения войны. Чтобы не помешать его осуществлению, представляется необходимым избегать всякого ненужного смешения французских сил, с одной стороны, и британских и американских сил, с другой. Если будет решено действовать исключительно континентальными средствами, необходимо не только ограничить находящиеся в Германии британские и амреиканские силы до численности, строго необходимой для производства в нужный момент необходимых разрушений, но следует также использовать все средства для обеспечения быстрой эвакуации, которая предотвратит отход на французскую территорию.

Эти соображения будут действительны до тех пор, пока Европа не будет способна удерживать Восточный фронт. Они обусловливаются тем фактом, что русская опасность актуальна, а американская помощь условна. Они предполагают и внутри страны такие же предохранительные мероприятия, как и при участии в военных действиях. Они исходят из предпосылки предварительного соглашения с нашими американскими и, возможно, английскими союзниками, ибо Франция совершила бы самоубийство, отделившись от них.

Условия эффективной военной помощи

3. В том, что касается военной помощи в форме поставок материалов и предоставления кредитов необходимо будет добиться:

с одной стороны, фиксирования в самом пакте принципиального обязательства американцев приступить к собственному перевооружению и к перевооружению своих европейских партнеров с указанием об'ема мероприятий, которые должны быть выполнены;

с другой – сокращения до минимума сроков, причем французское правительство должно настаивать на том, чтобы проект лендлиза был представлен в конгресс одновременно с законопроектом о ратификации пакта.

Поставляемый нам материал должен быть новым и не устаревшим. Тот риск, что этот материал попадет в руки противника, не может служить препятствием, исключающим возможность его поставок, так как иначе нельзя достигнуть никаких результатов. Меры предосторожности, которые должны быть приняты, помогут в значительной степени уменьшить имеющийся риск.

Кроме того, если требуется специализация отдельных вкладов в коллективную безопасность, то должно быть создано гармоничное равновесие. Что касается Франции, то она не могла бы согласиться на почти исключительно сухопутное вооружение.

Об'единенная группа начальников штабов и совместная стратегия

4. Что касается деятельности генштаба, то необходимо, чтобы Франция на равных правах участвовала в работах об'единенной группы начальников штабов (которая могла бы быть постоянным верховным органом Атлантического пакта) так же как она будет участвовать в органе политического руководства, который будет создан. В связи с этим необходимо особо почеркнуть, что стратегия не может быть ни чисто американской, ни чисто англосаксонской. Континентальные интересы должны иметь свое представительство, иначе Европе грозит нашествие.

Различные комитеты Брюссельского пакта могут быть сохранены.

Предоставление баз

5. Вероятно, что преимущества, вытекающие из пакта, не будут предоставлены без возмещения.

Что касается предоставления баз, то это невозможно ни на территории метрополии, ни на территории Французского союза. Независимо от проблем, связанных с суверенитетом, такая уступка представляется совершенно нецелесообразной. Она невозможна до начала военных действий, так как это связано с риском поджечь порох. Но Франция может взять на себя создание с помощью своих союзников необходимых сооружений, исходя из потребностей будущей коалиции.

Об участии Испании, Португалии, Италии, Северной Африки и Западной Германии

6. Атлантический пакт первоначально был задуман в виде расширения Брюссельского пакта с включением в него США и Канады.

В этих двух союзах необходимо усилить континентальное влияние, если мы не хотим, чтобы Европа была обречена на нашествие и если Франция и страны Бенилюкса хотят иметь возможность построить свою оборону на мощных тылах.

Испания, Португалия и Италия являются такими тылами. В том отчаянном положении, в котором находится Европа, эти страны, с одной стороны должны собраться со всеми силами, как бы малы они ни были, чтобы противостоять надвигающейся буре. С другой стороны, французские армии, в случае возникновения военных действий, будут нуждаться в пространстве для маневрирования; стратегия должна быть на высоте современного положения

и возможная эвакуация всего того, что необходимо для нашего обновления, предполагает использование территориальных глубин. Наконец, на случай захвата европейского континента, необходимо обеспечить, чтобы три латинские державы – Франция, Испания, Италия – были представлены в коалиции правительствами, обосновавшимися у себя в Северной Африке, что, кстати говоря, является еще одной причиной, почему мы должны добиваться возвращения Триполитании Италии.

Учитывая серьезность современного положения, представляется необходимым по возможности скорее упорядочить наши отношения с Испанией: стратегия довлеет над политикой.

Те же соображения относятся и к Италии, включение которой в Атлантический пакт предусматривается.

Кроме того, представляется целесообразным дублировать участие трех полуостровных держав в Атлантическом пакте их участием и в Брюссельском пакте в силу автоматических гарантий, предусмотренных последним, и в целях усиления континентального влияния в современной организации пяти держав. Если это невозможно, следовало бы комментировать это рядом двусторонних обязательств.

Северная Африка, представляемая, само собой разумеется, Францией, также должна быть включена в Атлантический пакт и по возможности в Брюссельский пакт. Она является частью одной и той же стратегической зоны. Дело не только в том, что она рискует стать в первую очередь об'ектом прямой агрессии. Она является также глубоким тылом европейской коалиции. Северная Африка усилит в этой коалиции французское влияние; ее участие автоматически предоставит Франции роль лидера, представляющего европейские континентальные интересы. Франции не грозила бы опасность, как это происходит сейчас, быть свидетельницей включения своих североафриканских тылов в средиземноморский театр военных действий, руководство которым находилось бы в руках чужого командования. К тому же весьма важно, чтобы Северная Африка получила военную помощь.

Наконец, включение Германии представляется возможным только в том случае, если ей будет возвращен ее суверенитет. Тщетно было бы стремиться заставить Западную Германию присоединиться к Атлантическому пакту или Брюссельскому пакту через посредство главнокомандующих. До тех пор пока будет существовать союзническая оккупация, каждая оккупационная зона в Германии, как и в Австрии, участвует на тех же основаниях, как и оккупирующая держава, от которой она зависит.

Однако надлежит подготовить участие Германии в обороне Европы путем создания эффективной Европейской федерации, в которую может быть включена эта страна.

Во всяком случае необходимо, чтобы различные территории, находящиеся в одинаковом стратегическом положении, как-то: Бенилюкс, Франция, Испания, Португалия, Италия и, возможно, французские зоны оккупации, заняли бы одинаковую позицию в случае войны. Они должны образовать единый политический и военный блок.

Другие межконтинентальные пакты

7. Атлантический пакт не должен распространяться на государства, принадлежащие к различным стратегическим зонам.

Нет никакой выгоды в том, чтобы страны Западной Европы, в собственном смысле этого слова, были связаны автоматическими обязательствами с окраинными государствами, вроде скандинавских стран или стран Ближнего и Среднего Востока.

Совершенно ясно, что США должны были бы заключить отдельный пакт с Норвегией и Данией. США было бы даже полезно пересмотреть свое отношение к скандинавскому пакту, подкрепленному поставкой вооружения. Нет никакой выгоды в том, чтобы подливать масла в огонь. Главное – это достигнуть своих целей, избегая всяких ненужных сенсационных действий.

Что касается Средиземноморского пакта, то о нем не следовало бы и говорить. Средиземное море является рокадой, соединяющей два театра военных действий. Это – не отдельная стратегическая зона.

Западная часть Средиземного моря является составной частью атлантической зоны. Уже говорилось, что государства и территории, прилегающие к этой его части, должны быть включены в Атлантический пакт.

Восточная часть Средиземного моря тесно связана со странами Ближнего и Среднего Востока. Здесь можно пойти на заключение межконтенентального пакта, но этот пакт должен быть отдельным от Атлантического с тем, чтобы государства Западной Европы в собственном смысле слова не брали на себя никаких гарантий в отношении этих районов. Во избежание бесполезного обострения современной напряженности положения было бы предпочтительнее создать независимый блок, которому США поставляли бы оружие, как они это уже делают в отношении Греции и Турции.

Условия подписания пакта Францией

8. Соблюдение изложенных выше условий представляется обязательным. Франция не может пойти на уступки в вопросах:

а) необходимости совместной стратегии, имеющей целью предупредить нашествие на французскую территорию;

б) включения в пакт принципиального обязательства американцев участвовать материальными и финансовыми средствами должного об'ема в перевооружении и сократить сроки проведения в жизнь этого принципа;

в) французского участия в работа об'единенной группы начальников штабов.

Представляется, что при твердо выраженной воле не идти на уступки по этим основным пунктам наши заатлантические друзья согласятся с нашими доводами.

Абсолютная необходимость в перевооружении Франции

9. Европа ищет защиты, она просит оружие, чтобы обороняться. До тех пор пока она не перевооружится, ее дипломатия должна быть предельно скромной.

Но перевооружение совершенно и срочно необходимо, ибо наша страна подвергается сейчас великой опасности. Экономическое восстановление налаживается. Продолжая накапливать силы, следует решительно приступить к перестройке военного аппарата, который в конечном счете является решающим инструментом нашей оборонительной политики. Необходимо также создать определенное настроение, показать нашу моральную силу и повлиять в наших интересах на американское общественное мнение. Наконец, необходимо показать, что французская нация твердо решилась воспользоваться оружием, которое ей будет предоставлено.

Ключом к американской помощи или, по крайней мере, к ее продолжению после предоставления первых кредитов является осуществление мощного европейского коллективного усилия, которое докажет нашим заатлантическим друзьям, что бремя совместной обороны не будет всецело взвалено на них.

№ 32 *Совершенно секретно*

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.
Товарищу М О Л О Т О В У В.М.
Товарищу Г Р О М Ы К О А.А.

Резидент одной из европейских стран сообщил, что в середине апреля с.г. руководитель Центрального разведывательного управления США контр-адмирал ХИЛЛЕНКЕТТЕР имел беседу с турецким послом в Вашингтоне по вопросу о Северо-атлантическом пакте.

В ходе беседы турецкий посол выразил недовольство тем, что Италия включена в Северо-атлантический пакт, тогда как Турция оставлена вне пакта. В результате этого Средиземноморский бассейн оказался разделенным на две сферы, причем восточная сфера оставлена вне системы безопасности.

ХИЛЛЕНКЕТТЕР ответил, что американское отношение к Турции не изменилось и что Национальный совет безопасности недавно решил, что помощь Турции и Греции должна продолжаться. Италия была включена в пакт против желания англичан по настойчивым требованиям французского министра иностранных дел.

ХИЛЛЕНКЕТТЕР заявил также, что военные круги США считают Средиземное море единым целым и что система безопасности не заканчивается заключением Атлантического пакта. Вопрос о Средиземноморском пакте, безусловно, будет поднят через несколько месяцев посредством переговоров между Турцией, Грецией, Италией, Францией, Испанией, Англией и США.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР П. Ф е д о т о в

май 1949 года

№ 33 *Совершенно секретно*

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.
Товарищу М О Л О Т О В У В.М.
Товарищу Г Р О М Ы К О А.А.

Представляю добытый резидентом КИ в Лондоне документ о содержании бесед БЕВИНА[87] с министром иностранных дел Турции САДАКОМ (14 февраля с.г.) и с турецким послом в Лондоне АЧИКАЛЬКОМ (10 марта с.г.).

В ходе бесед обсуждался вопрос о заключении Североатлантического пакта и перспективах создания других военных блоков.

САДАК сообщил БЕВИНУ, что турецкое правительство считает необходимым рекомендовать, чтобы при заключении Северо-атлантического пакта

была опубликована декларация, в которой страны – участницы пакта заявили бы о своих намерениях поддержать безопасность Греции и Турции.

САДАК выразил недовольство тем, что в состав участников Северо-атлантического пакта войдет Италия, а Турция останется вне пакта. САДАК выразил опасение, что Турция может очутиться за демаркационной линией, которая в результате заключения пакта будет проведена от Скандинавии к Италии.

БЕВИН сообщил САДАКУ, что вопрос о декларации обсуждается и что США предлагает распространить действие такой декларации не только на Грецию и Турцию, но и на Иран. Однако БЕВИН не рекомендовал турецкому правительству настаивать на опубликовании декларации, так как США, основываясь на том, что безопасность Турции будет поддерживаться всеми странами-участницами Северо-атлантического пакта, могут уменьшить поставки военных материалов. БЕВИН высказал предположение, что такую декларацию можно было бы опубликовать через год. БЕВИН сообщил САДАКУ, что английское правительство намерено после заключения Северо-атлантического пакта приступить к созданию других военных блоков, простирающихся от Средиземного моря до Индии и Юго-Восточной Азии.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 14 листах*.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР П. Федотов

май 1949 года

№ 34 *Совершенно секретно*

октябрь 1949 г.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.,
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.,
Товарищу БЕРИЯ Л.П.,
Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.,
Товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

Представляю добытую Комитетом информации переписку МИД'а Англии со своим послом в Вашингтоне по вопросу о создании военных, политических и экономических органов и региональных групп Северо-атлантического союза. Переписка относится к периоду заседаний рабочей группы, подготовившей в конце августа и первой половине сентября с.г. соответствующие документы для первой сессии совета министров иностранных дел (страницы 15–19), подготовленных рабочей группой, опубликована в форме коммюнике совета министров иностранных дел от 18 сентября с.г.

В переписке представляют интерес сведения о составе региональных групп и о создании совета военного снабжения.

I.

Решением совета министров иностранных дел Северо-атлантического союза от 17 сентября с.г. страны, подписавшие Северо-атлантический пакт,

* Приложение не публикуется – *Прим. сост.*

разбиты на отдельные региональные группы, которые будут планировать и осуществлять военную подготовку в соответствующих районах Атлантического океана, Средиземного моря и Европейского континента.

Из представляемой переписки видно, что позиция США в вопросе о полноправном членстве в Северо-атлантическом пакте в настоящее время значительно отличается от той позиции, которую они занимали в период подготовки к заключению пакта и когда необходимо было привлечь к участию в нем такие страны, как Норвегия, Дания, Португалия, Италия, Исландия и страны Бенилюкса.

В сентябре 1948 года в секретном докладе об общих принципах Северо-атлантического пакта, составленном представителями США, Канады и стран Брюссельского договора, говорилось, что США, Канада и страны Западного союза будут первичными полноправными членами пакта и будут оказывать взаимную помощь в случае вооруженного нападения на любого другого члена. Тогда предусматривалось, что Норвегия, Дания, Португалия и Исландия будут нести лишь ограниченные военные обязательства, т.е. предоставлять военные базы в обмен на обязательство полноправных членов защищать их территории.

Обсуждение в вашингтонской рабочей группе летом 1949 г. вопроса о составе региональных групп и степени членства в них вновь показало, что между европейскими странами и США продолжают существовать противоречия по вопросу о военных обязательствах. В ходе этих переговоров американские представители неоднократно заявляли, что США войдут на правах полноправного члена только в канадско-американскую и северо-атлантическую группы и на правах стороны, участвующей в планировании, – в состав европейских региональных групп.

В связи с этим США предлагали создать северо-атлантическую группу лишь в составе трех государств (США, Канада, Англия) и предоставить ей по отношению к другим региональным группам руководящую роль.

Представители европейских стран настойчиво добивались привлечения Соединенных Штатов Америки к участию в европейских региональных группах на правах полноправного члена, однако американцы уклонились от этого.

В связи с такой позицией США представители Дании, Франции, Исландии, Голландии, Норвегии и Португалии потребовали, чтобы их страны были включены в состав северо-атлантической группы на правах полноправных членов, рассчитывая таким путем получить американские военные гарантии. Тогда американцы внесли новое предложение о делении северо-атлантической группы на несколько подгрупп, причем за США, Англией и Канадой оставалось бы право создать особую руководящую подгруппу.

Английский посол в своем сообщении в МИД Англии характеризует американское предложение как ловкий ход, рассчитанный на то, чтобы «разрешить всем претендентам стать полноправными членами, но устроить дело так, чтобы текущая работа была поделена между множеством подгрупп таким образом, чтобы фактическое выполнение важной работы было обеспечено за теми странами, которые могут сделать существенный вклад в совместную оборону района, т.е. за Канадой, Англией, США и, возможно, Францией».

Американцы, англичане и канадцы «сделали все возможное», чтобы заставить остальных участников переговоров принять это предложение, однако оно было отклонено.

Можно, однако, предположить, что американцы со временем смогут сломить сопротивление остальных стран – участниц Северо-атлантического

пакта и создадут в рамках северо-атлантической группы руководящую подгруппу в составе США, Англии и Канады.

II.

Сессия совета министров иностранных дел Северо-атлантического союза создала совет военного снабжения и возложила на него координирование действий стран, подписавших Северо-атлантический пакт, по развитию военно-экономического потенциала.

Анализ инструкций МИД'а Англии своей делегации в рабочей группе (стр. 5–10) показывает, что английское правительство стремится захватить в свои руки контроль над военным производством и военным снабжением европейских стран и оттеснить в этом деле американцев на второй план.

В этих инструкциях предлагается создать два района, в которых будет сосредоточена вся деятельность по вопросам военного снабжения, – Северо-атлантический с центром в Вашингтоне и Западно-европейский с центром в Лондоне. По мнению английского правительства, американцы и канадцы будут руководить военным производством и снабжением в своих странах и, возможно, в Исландии, тогда как координирование развития военно-экономического потенциала всех западно-европейских стран должно быть сосредоточено в лондонской организации снабжения Западного союза, которая находится под влиянием англичан.

III.

Из содержания представляемых документов можно сделать следующие выводы:

1) США и Англия, не доверяя общих военно-стратегических планов Северо-атлантического союза всем странам – участницам Союза, добиваются создания узкой, руководящей группы из представителей США, Англии и Канады и ограничения таким образом деятельности остальных членов пакта в вопросах военного планирования лишь рамками региональных групп. Это обостряет существующие между англо-американской группой и остальными участниками пакта разногласия.

2) Между американцами и англичанами происходит борьба за выгодные позиции в высших органах Северо-атлантического союза. Английское правительство стремится сохранить и расширить деятельность органов Западного союза с тем, чтобы закрепить свое влияние в европейских странах.

Вашингтонские переговоры показывают, что правительство США не намерено связывать себя определенными военными обязательствами с европейскими странами и отказалось в связи с этим войти в европейские региональные группы на правах полноправного члена.

Информация по существу настоящих документов направлена т.т. ГРОМЫКО, ЛАВРЕНТЬЕВУ, ШТЕМЕНКО И ЗАХАРОВУ.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 20 листах.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР С. Савченко

7 октября 1949 года

Документально
Перевод с английского

Переписка Министерства иностранных дел Англии по вопросу о создании военных, политических и экономических органов и региональных групп Северо-атлантического союза[88]

I.

Телеграмма № 8106 от 26 августа 1949 года министерства иностранных дел Англии своему послу в Вашингтоне

«Ваши телеграммы №№ 4030, 4031 и 4032 от 23 августа о механизме Атлантического пакта.

1. Ниже излагается наша точка зрения на американские предложения по поводу политического механизма (римские цифры относятся к параграфу 2 Вашей телеграммы № 4032).

I) Мы согласны с предлагаемым планом работы.

II) Мы согласны, чтобы регулярные сессии Совета происходили минимум раз, максимум два раза в год. Мы также согласны с тем, чтобы одна регулярная сессия Совета созывалась в то же время, что и сессия Генеральной Ассамблеи ООН. На этой сессии Совета должна определяться необходимость созыва в течение года второй сессии и в случае положительного решения должно определяться время и место ее созыва.

III) Из этого следует, что первая регулярная сессия Совета должна созываться в той же стране, что и сессия Генеральной Ассамблеи. Очевидно, что на практике местом созыва сессии почти всегда будет Вашингтон. Вследствие этого мы считаем, что вторая регулярная сессия в случае, если будет предусмотрен ее созыв, должна происходить в Европе поочередно в столицах государств, подписавших пакт. Мы согласны с американцами, что, вероятно, до 31 марта придется созвать еще одну сессию Совета, и Вы можете предложить созыв этой сессии в Лондоне.

IV) Мы не возражаем против того, чтобы регулярные сессии Совета созывались председателем.

V) Мы согласны с тем, чтобы специальные сессии Совета (повидимому, в отличие от сессий, созываемых согласно статей 4 или 5 договора) созывались председателем по требованию большинства членов.

VI) Мы согласны с тем, чтобы сессии Совета, созываемые на основании статей 4 или 5, назывались «экстраординарными», а не «чрезвычайными», а также и с тем, чтобы имелась возможность созывать их в кратчайший срок. Повидимому, эти сессии будут созываться в Вашингтоне, и мы согласны с тем, чтобы члены Совета в случае, если они сами не смогут присутствовать, уполномочивали своих послов в Вашингтоне замещать их на таких экстраординарных сессиях.

VII) Мы не имеем особых возражений против открытого характера сессии. Однако, как правило, заседания должны быть, конечно, закрытыми.

VIII) Мы не считали бы нужным разрабатывать особые правила процедуры. Консультативный совет Брюссельского пакта отлично обходится без таких правил. Проект правил процедуры Организации европейского эконо-

мического сотрудничества имеется в документе Совета ОЕЭС С/49/84, хотя на первый взгляд эти правила кажутся нам неуместными.

IX) Мы не возражаем против того, чтобы на первом заседании председательствовал государственный секретарь США. Мы согласны, что после этого председательское место должно предоставляться странам в алфавитном порядке. Мы полагаем, что ввиду большого числа стран, подписавших пакт, председатели должны меняться, скажем, не каждый год, а каждую сессию.

X) Мы согласны с тем, чтобы официальными языками были французский и английский с минимальным количеством устных и письменных переводов.

XI) Как Вы уже могли понять из нашей телеграммы № 7903, мы не собираемся настаивать на создании постоянной комиссии или постоянного секретариата и вполне готовы согласиться с американским предложением о том, чтобы роль постоянного комитета выполнялась дипломатическими представителями в Вашингтоне стран, подписавших пакт, т.е. рабочей группой, а техника работы обеспечивалась госдепартаментом. Мы согласны с Вами, что рабочая группа должна иметь возможность обсуждать политические вопросы, представляющие интерес для всех участников. Это особенно необходимо в том случае, если сам Совет будет собираться только раз или максимум два раза в год. Если вышеизложенная система будет принята, то, очевидно, не возникнет необходимости в особом бюджете.

2. Мы надеемся, что в конце этой недели мы сможем направить Вам дальнейшие подробные установки относительно военного механизма.

3. Мы также срочно рассматриваем вопрос о механизме снабжения. Мы надеемся, что Вы сможете добиться отсрочки дискуссии по этому вопросу. Механизм по снабжению, несомненно, должен быть построен по типу военной организации, и дискуссии по этому вопросу на данном этапе мы считаем преждевременными.

4. Мы консультируемся с министерством финансов относительно предлагаемого Экономического консультативного комитета и при первой возможности сообщим Вам мнение министерства».

II.

Телеграмма № 8109 от 26 августа 1949 г. министерства иностранных дел Англии своему послу в Вашингтоне

«Ваши телеграммы №№ 4041, 4042, 4052 и 4053 от 24 и 25 августа о механизме Атлантического пакта.

1. Я согласен с тем, чтобы совещание Совета состоялось 17 сентября и, в случае необходимости, продолжило свою работу 19 сентября.

2. Я в общем согласен с предложением о том, что рабочая группа, а впоследствии и Совет должны ограничиться (в том, что касается организации обороны) составлением широкого плана этой организации, предоставив более детальную ее разработку комитету обороны.

3. Как мне представляется, последовательность работы должна быть следующей:

а) Сначала вашингтонская рабочая группа примет решение относительно общих черт организации обороны и общих принципов, на которых она должна основываться. Мои предложения по этим вопросам, которые дадут Вам ясное представление о том, насколько далеко, на мой взгляд, должна

пойти рабочая группа, содержатся в моей последующей телеграмме, которая была согласована с начальниками штабов.

б) Совет соберется 17 сентября, рассмотрит доклад вашингтонской рабочей группы, как мы надеемся, утвердит его и предложит комитету обороны собраться в ближайшем будущем для работы над общими вопросами, предложенными в параграфе 2 Вашей телеграммы № 4041. Я полагаю, что на этом совещании комитет обороны создаст военный консультативный совет, направляющую группу и новые региональные организации, а также назначит секретаря комитета обороны. Я не вижу необходимости для комитета обороны вновь отчитываться перед Советом.

4. Для того, чтобы соблюсти интересы американцев, мы считаем, что комитет обороны должен собраться в Вашингтоне. Вам следует продолжать настаивать на том, чтобы совещание было отсрочено до начала октября для того, чтобы получить время на рассмотрение результатов совещания Совета от 17 сентября. В настоящее время мы предлагаем 5 октября, так как большинство членов комитета, включая министров обороны, по всей вероятности, пожелают путешествовать на «Куин-Элизабет», которая прибудет в Нью-Йорк 4 октября».

III.

Телеграмма № 8143 от 27 августа 1949 г. министерства иностранных дел Англии своему послу в Вашингтоне

«1. Ваша телеграмма № 4042 от 24 августа о специальных органах механизма Атлантического пакта.

2. По нашему мнению, обсуждение американского предложения о создании «экономического консультативного комитета по программам обороны» должно быть отложено до тех пор, пока не примет более ясные очертания предложенный совет военного производства и снабжения. Вследствие этого рабочая группа сначала должна изучить вопрос о создании совета по снабжению. В настоящей телеграмме излагается наша точка зрения относительно совета по снабжению, а моя следующая телеграмма касается предложения о создании «экономического консультативного комитета».

3. Мы полагаем, что не должно быть никаких сомнений относительно того, что совет военного производства и снабжения должен являться составной частью организации, которая будет находиться в подчинении у комитета обороны, и что он должен нести ответственность перед министрами обороны. По нашему мнению, международный совет по военному снабжению должен иметь следующие функции:

а) собирать подробные сведения о военных нуждах Союза;

б) собирать подробные сведения о том, что имеется в наличии для удовлетворения этих нужд;

в) представлять военным экспертам и министрам исчерпывающие данные о положении со снабжением;

г) рекомендовать пути и средства для увеличения имеющихся запасов в тех случаях, когда их недостаточно для удовлетворения нужд. При этом особое внимание должно обращаться на сотрудничество и взаимную помощь в области оборонного производства.

4. Исходя из этих соображений, мы считаем, что параллельно североатлантическому комитету начальников штабов или военному консультативному совету должен быть учрежден подчиняющийся комитету обороны северо-

атлантический совет по военному снабжению, в обязанности которого будет входить рассмотрение всех важных вопросов в рамках параграфа 3 настоящей телеграммы, касающихся северо-атлантического района в целом.

5. Мы не предлагаем, чтобы этот орган собирался часто или же занимался какими-либо вопросами, имеющими отношение к какому-либо одному району. Мы считаем, что, поскольку каждый район сам будет заниматься касающимися его вопросами военного планирования, то он, прежде всего, должен будет согласовать свои мероприятия по обеспечению военных припасов. Должны быть созданы региональные советы по снабжению, которые в пределах своего района будут выполнять функции, изложенные в параграфе 3 настоящей телеграммы. Мы не настаиваем на том, чтобы в обязательном порядке были созданы официальные советы с многочисленными штабами и секретариатами. Мы просто предлагаем, чтобы каждый район, в дополнение к военному планированию, обеспечивал выполнение функций, изложенных в параграфе 3 настоящей телеграммы.

6. Практически это означает, что мероприятия по военному снабжению, проводимые как западносредиземноморским районом, так и североевропейским районом, должны координироваться в Европе, предпочтительно в Лондоне. Существующий совет по военному снабжению Западного союза будет продолжать функционировать наряду с комитетом начальников штабов Западного союза, и в случае необходимости в него можно будет привлечь представителей Италии и Португалии. Страны западноевропейского района, одновременно входящие и в западносредиземноморскую группу, могли бы координировать свои планы снабжения через своих представителей в западноевропейской организации совета по снабжению. Представители Соединенного Королевства в западноевропейской организации совета по снабжению также могли бы вместе с представителями Норвегии и Дании заниматься вопросами, касающимися североевропейского совета. В то же время мы полагаем, что вопросы снабжения, касающиеся северо-американского и атлантического районов, должны рассматриваться в Вашингтоне.

7. Мы считаем, что представители по снабжению в Лондоне могли бы обеспечить полную координацию производственных усилий европейских стран, входящих в западноевропейский район. Тем не менее необходимо будет координировать деятельность региональных организаций снабжения для того, чтобы можно было представить северо-атлантическому комитету начальников штабов и министрам исчерпывающие данные о положении со снабжением.

8. Относительно организации в Вашингтоне мы считаем, что она не должна быть слишком сложной и не обязательно должна точно копировать все инстанции военной организации. Тем не менее мы придаем большое значение официальному учреждению северо-атлантического совета по военному снабжению, который обеспечивал бы координирование вопросов, касающихся всего северо-атлантического района и который занимал бы по отношению к министрам обороны положение, аналогичное положению северо-атлантического комитета начальников штабов.

Мы также считаем, что должен быть официально учрежден постоянный комитет или направляющая группа северо-атлантического совета по военному снабжению, состоящая из представителей Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и, возможно, одного представителя от Бенилюкса. Представители европейских стран в этом постоянном комитете могут представлять свои страны и в советах по военному снабжению в Лондоне.

По нашему мнению, не возникнет необходимости направлять на постоянную работу в Вашингтон высокопоставленных лиц. Однако постоянный комитет должен существовать, и в нем должен быть представитель от Соединенных Штатов.

В большинстве случаев постоянный комитет будет собираться только тогда, когда возникнет необходимость в проведении совместных заседаний с постоянным комитетом северо-атлантического комитета начальников штабов.

9. Однако в Вашингтоне должен быть небольшой штаб, обслуживающий постоянный комитет совета по снабжению и работающий в тесной связи со штабом или секретариатом североатлантического комитета начальников штабов. Мы придаем большое значение взаимодействию в работе над военным планированием и планированием военного снабжения. В обязанности этого штаба будет входить сбор информации от региональных организаций снабжения и постоянное наблюдение за общим положением со снабжением для осведомления постоянного комитета совета по снабжению и штаба или секретариата постоянного комитета начальников штабов.

10. Нашу точку зрения можно резюмировать следующим образом:

I) планирование снабжения должно начаться на региональной основе и координироваться в рамках северо-атлантического района;

II) вследствие этого наряду с региональным комитетом военного планирования должна быть создана региональная организация снабжения. В отношении европейских районов она может функционировать только в Европе и должна быть построена на базе существующей в Лондоне организации снабжения Западного союза;

III) координирующему военному органу, который будет создан в Вашингтоне, должна сопутствовать соответствующая организация по снабжению;

IV) мы должны настаивать на официальном учреждении совета по военному снабжению северо-атлантического района, в котором американцы и канадцы были бы полноправными членами.

11. Мы не думаем, что во время обсуждения этого вопроса в рабочей группе было бы желательно заходить слишком далеко в такого рода подробностях, если окажется возможным избежать их.

Вам следует добиваться, чтобы организация военного снабжения являлась составной частью организации, находящейся в подчинении комитета обороны, и функционировала параллельно военной организации. Поэтому министрам обороны необходимо предоставить как можно больше свободы в формировании их организаций военного снабжения. Однако в целях координации должен быть создан северо-атлантический совет по военному снабжению, ответственный за выполнение изложенных в параграфе 3 настоящей телеграммы функций, касающихся всего северо-атлантического района. Этот совет должен нести ответственность перед министрами обороны и занимать положение, аналогичное положению северо-атлантического комитета начальников штабов. Он будет обсуждать только общие вопросы и, главным образом, будет отвечать за согласованность действий региональных организаций по снабжению.

Мы надеемся, что вышеизложенное поможет Вам на заседании рабочей группы разрешить все вопросы, которые могут возникнуть во время обсуждения предложений о создании совета по снабжению. Однако если по ходу дела Вы почувствуете, что Вам понадобится консультант, министерство обороны сделает все, чтобы кого-нибудь к Вам направить».

IV.

Телеграмма № 8144 от 27 августа 1949 г. министерства иностранных дел Англии своему послу в Вашингтоне

«Ваша телеграмма № 4042 от 24 августа параграф 5: о механизме Атлантического пакта.

1. Министерство финансов еще не смогло запросить мнение своего министра относительно американских предложений по поводу финансового механизма Атлантического пакта. Однако в настоящий момент Вы должны руководствоваться следующими предварительными соображениями министерства финансов:

I) Мы благосклонно относимся к тому, чтобы финансовый комитет Атлантического союза был создан на уровне комитета обороны. Мы полагаем, что в этот комитет должны входить министры финансов и что в нем не могут участвовать лица, стоящие по рангу ниже. Наш опыт по Западному союзу говорит о том, что экономические и финансовые вопросы первостепенной важности не могут быть удовлетворительно разрешены представителями рангом ниже министра. Вследствие этого мы желаем, чтобы данный орган назывался просто «комитетом министров финансов» или «финансовым комитетом», а не «экономическим консультативным комитетом по вопросам программы обороны» (Ваша телеграмма № 4031).

II) Мы убеждены в том, что основная работа по военному снабжению будет проводиться на региональном уровне. Вследствие этого необходимо будет создать нечто вроде финансового и экономического комитета для каждого района по типу существующего финансового и экономического комитета западного союза.

III) В связи с тем, что работа финансовой организации будет тесно связана с работой организации по снабжению и будет находиться в зависимости от нее, мы считаем, что было бы преждевременным заниматься какими-либо подробностями, пока не будут намечены общие черты организации по снабжению. Без знания структуры организации по снабжению и без ясного представления о возможных мероприятиях по распределению американской помощи очень трудно предсказать, будет ли необходимость в создании какого-либо официального центрального финансового органа, являющегося промежуточным звеном между комитетом финансов и региональными финансовыми комитетами.

Мы не думаем, что у комитета министров финансов возникнет необходимость иметь определенное место для совещаний или постоянный секретариат.

Мы надеемся пополнить эти предварительные соображения в начале будущей недели после консультации с министром финансов.

2. Эта телеграмма не учитывает только что полученной Вашей телеграммы № 4064. Наши дальнейшие соображения в свете этой телеграммы будут сообщены позже.

V.

Телеграмма № 4183 от 2 сентября 1949 г. английского посла в Вашингтоне в МИД Англии

«Смотрите мою телеграмму № 4169 о механизме Северо-атлантического пакта.

1. Сегодня на дневном заседании рабочая группа вернулась к вопросу о региональных группах и рассмотрела документ по этому вопросу, подготовленный сегодня проектным комитетом на его утреннем заседании. Этот документ, исправленный рабочей группой, излагается в моей немедленно следующей телеграмме.

2. Вы увидите, что в отношении всех трех европейских региональных групп этот документ содержит заявление о том, что «Соединенные Штаты были запрошены и из'явили готовность принять полное участие в пакте»[89]. Поддержанные другими странами, мы, конечно, неоднократно убеждали Соединенные Штаты принять полноправное членство, но они решительно уклонились от этого. Мы не думаем, что настояние в проектном комитете на какой-либо формулировке, превышающей цитированную выше, могло бы послужить какой-либо полезной цели.

3. Что касается северо-атлантической группы, то Вы увидите, что все страны, за исключением Бельгии и Италии, включены в нее как полноправные члены. На предшествовавших заседаниях рабочей группы мы сделали все возможное, чтобы сохранить полноправное членство только за Канадой, Соединенными Штатами и Соединенным Королевством, однако не имели успеха. Наоборот, мы только вызвали настойчивые требования о предоставлении полноправного членства со стороны Португалии, Норвегии, Франции и Голландии и не получили поддержки со стороны Соединенных Штатов.

Мы, конечно, не смогли добиться принятия рабочей группой нашей точки зрения и поэтому решили, что лучше всего будет согласиться в проектном комитете с мнением Соединенных Штатов о том, что единственная возможность выйти из создавшегося затруднения заключается в том, чтобы разрешить всем претендентам стать полноправными членами, но устроить дело так, чтобы текущая работа группы была поделена между множеством подгрупп таким образом, чтобы фактическое выполнение важной работы было обеспечено за теми странами, которые могут сделать существенный вклад в совместную оборону района, т.е. за Канадой, Соединенным Королевством, Соединенными Штатами и, возможно, Францией.

Когда сегодня утром этот вопрос обсуждался в проектном комитете, мы сделали все возможное, чтобы включить предложение о том, что в целях координации деятельности групп в северо-атлантической группе должна быть создана направляющая группа, состоящая из представителей Канады, Франции, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов, и что эта направляющая группа, так же как и любая подгруппа, должна быть ответственной за планирование совместной военно-оперативной работы.

Однако это предложение не имело успеха в проектном комитете. Хотя представители Соединенных Штатов и Канады согласились, что на практике вся важная работа в районе должна проводиться Соединенными Штатами, Соединенным Королевством, Канадой и, возможно, Францией, они высказали свое убеждение в том, что другие правительства не согласятся с этим, если мы будем пытаться включить это в доклад рабочей группы. Голландцы и португальцы, которые также были членами проектного комитета, заявили, что их правительства действительно займут такую позицию. Поэтому мы решили, что лучше всего будет принять предложенную формулировку, которая, как Вы увидите, оставляет за самой северо-атлантической группой решить, как ей следует лучше всего организоваться, чтобы обеспечить эффективное планирование.

4. Сегодня днем во время обсуждения документа в рабочей группе дискуссия была удивительно непродолжительной, и до принятия решения о передаче документа на рассмотрение правительств в него было внесено всего лишь несколько стилистических поправок. Португальцы снова повторили, что их правительство настаивает на предоставлении ему места полноправного члена в северо-атлантической группе, однако они намекнули, что Португалия может воспротивиться своему какому-либо участию в западноевропейской группе до тех пор, пока не изменится испанская ситуация. Поэтому окончательная позиция Португалии как в отношении этой группы, так и западносредиземноморской группы осталась невыясненной.

Итальянский представитель также повторил просьбу своего правительства о предоставлении ему места полноправного члена в западноевропейской группе на том основании, что действительно невозможно отделять оборону Западной Европы от обороны Северной Италии. Его поддержал французский представитель, но он не встретил поддержки других стран и не настаивал больше на этом предложении.

5. В связи с праздником заседаний рабочей группы не будет до 7 сентября. Мы были бы благодарны Вам, если бы Вы сообщили нам свое мнение до того, как текст, содержащийся в моей последующей телеграмме, будет получен Вами».

VI.

Телеграмма № 4184 от 2 сентября 1949 года английского посла в Вашингтоне в МИД Англии

«Смотрите мою предыдущую телеграмму о механизме Атлантического пакта.

1. Ниже следует исправленный текст документа о региональных группах, одобренный рабочей группой и предлагаемый на рассмотрение правительств.

(Начало)

Региональные группы планирования

Безопасность всего северо-атлантического района, как это явствует из самого договора, имеет огромное значение для всех участников пакта. С другой стороны, следует признать, что некоторые участники пакта более заинтересованы или могут внести более значительный вклад в дело обороны одних территорий северо-атлантического района по сравнению с другими территориями этого района. Поэтому представляется, что создание определенных региональных групп планирования будет способствовать более быстрому и эффективному планированию общей обороны всего северо-атлантического района.

Состав

Вопрос о том, кто из участников пакта должен быть членом той или иной группы, зависит от географических, политических и военных соображений. В то время как одни участники пакта не только непосредственно заинтересованы, но и в состоянии внести свой вклад в оборону всего северо-атлантического района, вклад других участников в силу очевидных причин должен

в основном ограничиваться районами их географического положения. Ввиду трудности оценки политических и военных соображений, связанных с этим вопросом, состав различных региональных групп планирования должен определяться по географическому принципу. В то же время должно быть предусмотрено следующее:

I) до того как какая-либо из групп планирования предложит какие-либо рекомендации, касающиеся обороны территорий или предусматривающие использование войск, материалов или ресурсов какого-либо участника пакта, не входящего в данную группу, последний будет иметь право участвовать в работе указанной группы по формулированию этих рекомендаций.

II) любая группа, которая сочтет, что какой-либо участник пакта, не входящий в нее, имеет возможность содействовать обороне территории данной группы, может пригласить его принять участие в ее совещаниях.

При том условии, если будет достигнуто соглашение о полном осуществлении вышеизложенных положений I и II, рекомендуется на основе географического принципа создать региональные группы планирования в следующем составе:

Североевропейская региональная группа планирования
Дания, Норвегия, Соединенное Королевство

Соединенные Штаты были запрошены и из'явили готовность принять полное участие в планировании.

Другие участники пакта могут быть включены в соответствии с вышеизложенными положениями.

Западноевропейская региональная группа планирования
Бельгия, Франция, Люксембург, Голландия, Соединенное Королевство.

Соединенные Штаты были запрошены и из'явили готовность принять полное участие в планировании.

Другие участники пакта могут, а в частности Канада, Дания, Италия (и Португалия?) будут участвовать в соответствии с вышеизложенными положениями.

Западносредиземноморская региональная группа планирования
Франция, Италия, Соединенное Королевство.

Соединенные Штаты были запрошены и из'явили готовность принять полное участие в планировании.

Другие участники пакта могут быть (а в частности Португалия будет?) включены в соответствии с вышеизложенными положениями.

Канадско-американская группа планирования
Канада, Соединенные Штаты.

Другие участники пакта могут быть включены в соответствии с вышеизложенными положениями.

Северо-атлантическая региональная группа планирования
Канада, Дания, Франция, Исландия, Голландия, Норвегия,
Португалия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты.

Признано, что ответственность за планирование обороны северо-атлантического района все члены группы не могут нести в равной мере. С другой

стороны, эту ответственность можно до некоторой степени распределить по функциональному признаку и возложить на тех участников, которые лучше всего могут справиться с соответствующими функциями в области обороны. Поэтому северо-атлантическая региональная группа, когда она соберется, должна будет создать ряд подгрупп планирования в соответствии с определенными функциями в области обороны.

Группа должна определить, в какую группу или подгруппу должен входить каждый участник, а также предусмотреть необходимые меры по координированию действий этих подгрупп в интересах быстрого и эффективного планирования.

Полномочия

Каждая региональная группа планирования будет:

разрабатывать и рекомендовать военному комитету через постоянную группу планы обороны района;

сотрудничать с другими региональными группами планирования в целях устранения противоречий и согласования различных региональных планов.

Местопребывание

Комитет обороны должен рассмотреть вопрос о местопребывании региональных групп планирования.

Процедурные вопросы

Все процедурные и организационные вопросы должны будут решаться каждой группой самостоятельно.

2. Таково содержание «предварительного документа № 4».

Копии следуют дипломатической почтой.

VII.

Телеграмма № 8354 от 2 сентября 1949 г. министерства иностранных дел Англии своему послу в Вашингтоне

«Механизм Северо-атлантического пакта

1. Мы обсудили с начальниками штабов вопрос о принятии малых стран полноправными членами северо-атлантической региональной группы. Они заявили, что с военной точки зрения не видят в этом никакого смысла. Начальники штабов указали, что эти региональные группы, в которых надлежит провести детальное планирование, в целях эффективности должны быть по возможности небольшими. Они также твердо убеждены в том, что мы должны попытаться ограничить число полноправных членов теми странами, которые имеют возможность сделать действительный вклад в решение задачи соответствующего района – в данном случае предоставить авиационные и военно-морские силы для возможного сражения в Атлантике. Кроме того, начальники штабов указали, что безопасность будет уменьшаться по мере того, как размер этих групп будет увеличиваться.

2. Мы хотим знать, не основывается ли желание малых стран стать полноправными членами этой группы на неправильном понимании того, чем ей придется заняться. Поэтому Вам следует раз'яснить, что эта группа будет планировать военно-морские и воздушные операции в Северной Атлантике.

Она не будет решать вопрос о том, как использовать торговый флот морских держав во время войны (это отдельный вопрос, который не будет иметь никакого отношения к этому механизму).

Эта группа также не будет рассматривать местные морские проблемы таких стран, как Норвегия. Все эти вопросы будут рассматриваться соответствующей группой, подобно тому как флаг-офицер Западной Европы рассматривает местные морские проблемы в рамках нынешней организации Западного союза. Координирование местных морских вопросов с более широкими североатлантическими проблемами будет в достаточной степени обеспечено тем, что все эти нации соответственно участвуют в северо-атлантической группе.

В свете вышеприведенных соображений, мы надеемся, Вы будете в состоянии убедить Францию, Норвегию, Данию, Голландию и Португалию в том, что их интересы будут в достаточной степени гарантированы, если они будут соответственно участвовать в работе северо-атлантической группы».

октябрь 1949 года

№ 35 *Совершенно секретно*

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.

Представляю следующие сведения, полученные от резидента КИ в Париже.

Руководство английской разведки разработало план сотрудничества между разведывательными органами стран Западного союза.

Согласно этому плану координационный центр разведывательных и контрразведывательных служб стран Западного союза должен находиться в Лондоне. Этим службам в мирное время должно быть предоставлено право свободного взаимного обмена разведывательной информацией. С момента же возникновения войны лондонский центр объединит всю необходимую документацию разведывательных и контрразведывательных служб стран Западного союза.

Англичане предлагают также установить единую систему ведения архивов и единый метод обработки получаемых сведений.

Этот план руководство английской разведки передало для изучения руководству французской контрразведки.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР С. С а в ч е н к о

14 декабря 1949 года

№ 36 *Совершенно секретно*

Товарищу З О Р И Н У В.А.

В числе других материалов в КИ поступила группа телеграмм из переписки МИД Англии со своими послами в Вашингтоне и Париже относительно заключения двусторонних соглашений с США о военной помощи.

Документы относятся к периоду 15 ноября – 6 декабря 1949 года.

Содержание полученных телеграмм свидетельствует о наличии крупных разногласий между США и Англией в вопросе о двусторонних соглашениях относительно военной помощи. Эти разногласия приняли такие размеры, что в МИД'е Англии даже рассматривалась важность отказа от заключения подобного соглашения.

Однако полученные документы не вскрывают самого существа этих разногласий. В переписке говорится, что Англия возражает против сформулированных в статье 5 проекта соглашения положений о взаимных финансовых обязательствах, но содержание статьи 5 (как и других статей) не приводится, и, следовательно, остается неясным, против чего же именно возражает Англия. Приведенные в телеграммах заявления английских деятелей о том, что согласно статье 5 Англия может оказаться вынужденной выплатить Соединенным Штатам в качестве «ответной помощи» больше, чем она получит от США в качестве «прямой помощи», совершенно непонятны, т.к. тут же приводятся данные о том, что «ответная помощь» составит для Англии на период до 30 июня 1950 г. не более 1.400 тыс. долларов, т.е. сумму незначительную.

Таким образом, возникшие при рассмотрении упомянутых материалов неясности не позволяют составить исчерпывающую информацию по вопросу о разногласиях между США и Англией в вопросе о военной помощи. В связи с этим считал бы целесообразным поручить резидентурам в Лондоне, Париже, Вашингтоне и Нью-Йорке добыть дополнительную информацию по следующим вопросам:

Содержание американского проекта двустороннего соглашения относительно военной помощи.

Содержание замечаний Постоянной комиссии Западного союза к американскому проекту.

Существо возражений Англии против американского проекта и подлинная подоплека этих возражений. Какие контртребования выдвигает Англия.

Позиции других европейских стран, обратившихся к США с просьбой о помощи, в вопросе о предусмотренных проектом двустороннего соглашения условиях предоставления этой помощи.

Прошу Ваших указаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ: переписка МИД Англии со своими послами в Вашингтоне и Париже на 11 листах.

Подпись начальника одного
из управлений КИ при МИД СССР

декабрь 1949 года

Документально
Перевод с английского

Переписка МИД Англии со своими послами в Вашингтоне и в Париже относительно двусторонних соглашений с США о военной помощи

I.

Телеграмма английского посла в Вашингтоне в МИД Англии № 5347 от 15 ноября 1949 года

«На Вашу телеграмму № 10734. Взаимная военная помощь. Двустороннее соглашение.

1. Я вполне понимаю опасения министерств в Лондоне относительно того, что в случае подписания двустороннего соглашения нам может быть предложено выплатить американцам согласно статье 5 в качестве ответной помощи суммы, превышающие то, что мы получим от них в качестве прямой помощи.

Однако я должен предупредить Вас, что если правительство его величества уклонится по этой причине от заключения двустороннего соглашения, то это, по моему мнению, произведет весьма неблагоприятный эффект не только на правительство США, но также и на американское общественное мнение.

Я опасаюсь, что такой шаг будет рассматриваться как свидетельство того, что правительство его величества не приняло принципа об'единения мероприятий по обороне и накопления материалов, предусмотренного Северо-атлантическим пактом и последующими соглашениями, касающимися организации обороны и снабжения.

Я боюсь, что нас обвинят в том, что мы присоединились к Северо-атлантическому пакту не с искренними намерениями об'единить свои ресурсы для достижения общей цели – усиления безопасности северо-атлантического района (даже ценой собственных жертв), но главным образом для того, чтобы получить бесплатную помощь от американцев для укрепления своих собственных вооруженных сил.

2. Идея взаимной помощи, об'единения ресурсов и лучшего использования имеющихся материалов в наших общих интересах является, несомненно, основным содержанием Северо-атлантического пакта.

Наряду с этим предусматривалось, что при укреплении вооруженных сил стран, подписавших этот договор, задача экономического восстановления этих стран должна пользоваться приоритетом.

Это последнее обстоятельство даст нам возможность с полным основанием прямо заявить государственному департаменту, что мы можем заключить двустороннее соглашение только в том случае, если мы получим предварительное заверение, что предельная сумма, которую США ожидают получить от нас по статье 5, не будет настолько велика, чтобы поставить под угрозу наше экономическое восстановление.

Как Вам известно, правительство США обещало в скором времени сообщить нам свои соображения относительно предельной величины этой суммы. Если она, по Вашему мнению, окажется слишком большой, то я считаю, что мы могли бы, основываясь на вышеизложенных причинах, настаивать на том, что она должна быть сокращена, прежде чем мы решим подписать двустороннее соглашение. Такое требование с нашей стороны было бы вполне понятным, разумным. Но заблаговременный отказ в принципе от заключения соглашения значительно ослабил бы нашу позицию и, я уверен, поставил

бы нас в крайне затруднительное положение как перед американским правительством, так и перед американским общественным мнением.

3. Поэтому я настаиваю на том, что мы должны действовать по предложенному выше плану, то-есть мы должны принять идею подписания двустороннего соглашения в принципе, но оспаривать, если окажется необходимым, размер предельной суммы по статье 5».

II.

Телеграмма английского посла в Вашингтоне в МИД Англии № 5520 от 26 ноября 1949 года

«К моим телеграммам № 5309, параграф 2 (D), и № 5391. Взаимная военная помощь. Двустороннее соглашение.

1. Государственный департамент сообщил нам предельные размеры ответной помощи, которую США ожидают получить от правительства его величества на основании статьи 5 двустороннего соглашения на административные расходы США в Соединенном Королевстве за период до 30 июня 1950 г.

Размеры ответной помощи выражаются в следующих суммах:

а) расходы, произведенные исключительно для нужд Соединенного Королевства, – сумма в фунтах стерлингов, эквивалентная 200–300 тысячам долларов;

б) расходы, произведенные для нужд всех европейских правительств, получающих помощь, как, например, расходы на содержание регионального управления военной помощи в Лондоне (которое будет своего рода копией Управления ГАРРИМАНА[90] в Париже), оплата услуг по складированию и перегрузке в портах Соединенного Королевства и т.п. – сумма в фунтах стерлингов, эквивалентная 750–1100 тысячам долларов.

2. В отношении пункта «б» государственный департамент указал, что он проинформирует другие получающие помощь европейские страны о том, что, по его мнению, должна быть достигнута договоренность, согласно которой эти расходы будут поделены между всеми правительствами, получающими помощь.

3. Мы запросили государственный департамент о том, не может ли он предоставить в наше распоряжение наметки сравнительных размеров ответной помощи на период в 12 месяцев, начинающийся с 30 июня 1950 года. Государственный департамент не смог предоставить в наше распоряжение таких сведений, но пояснил, что размеры ответной помощи, указанные им для периода, заканчивающегося 30 июня 1950 г., были вычислены на основании расходов за 7 месяцев. Однако некоторые из этих расходов не будут повторяться, и поэтому нельзя считать, что расход за год будет обязательно на 5/12 больше данного.

4. Государственный департамент также выразил мнение, что Вам будет интересно узнать общее число чиновников США, которых, по его мнению, необходимо будет разместить в Соединенном Королевстве в связи с проведением программы взаимной военной помощи. Численность штата, в который входят сотрудники всех рангов, командируемые государственным департаментом, Управлением экономического сотрудничества и министерствами трех родов войск, следующая:

а) сотрудники, занятые исключительно по линии помощи Соединенному Королевству, – первоначальный штат 15 человек, который может быть увеличен максимум до 29 человек;

б) штат служб, связанных с поставками, предназначенными для всех европейских правительств, получающих помощь (таких, например, служб, как региональное управление военной помощи), – первоначально 84 человека, максимум 124 человека.

5. Государственный департамент сообщил в дополнение как момент, могущий также интересовать Вас, что общая сумма расходов на проведение программы, по предположениям, составит от 0,3 до 0,5% всей суммы, ассигнованной на помощь западноевропейским правительствам».

III.

Телеграмма МИД Англии своему послу в Вашингтоне № 11114 от 29 ноября 1949 года

«На Вашу телеграмму № 5309 от 11 ноября с.г. Взаимная военная помощь. Двустороннее соглашение.

1. В моей следующей телеграмме содержатся критические замечания по проекту двустороннего соглашения, которые были подготовлены рабочей группой Постоянной комиссии Брюссельского пакта с тем, чтобы правительства пяти держав руководствовались ими при ведении переговоров о двусторонних соглашениях с США в Вашингтоне.

2. Выражая свое принципиальное согласие с этим документом, сэр Глэдвин ДЖЕББ[91] пояснил, что правительство его величества еще не приняло никакого решения относительно позиции, которую оно займет в отношении двустороннего соглашения, и что ему потребуется еще некоторое время для обдумывания этой позиции.

Таким образом, составление указанного документа следует расценивать – поскольку это касается правительства его величества – как техническое упражнение, предназначенное для выявления того, что вытекает из каждой статьи проекта согласия в ее нынешнем виде.

Сэр Глэдвин ДЖЕББ раз'яснил, что Соединенному Королевству приходится ожидать от взаимной военной помощи значительно меньшего, чем другим странам-участницам Брюссельского пакта, и что для Соединенного Королевства эта сделка может оказаться чистым убытком, если только оно не проявит большей осмотрительности в вопросе о взаимных обязательствах и т.п. Поэтому, хотя мы вполне понимаем, что другие правительства желали бы немедленно приступить к переговорам в Вашингтоне, мы сами не в состоянии сделать это.

3. Французский представитель заявил, что такая позиция Англии разочарует его правительство, хотя, по его мнению, оно поймет, что Соединенное Королевство находится в несколько ином положении. Французское правительство имеет основания считать (исходя из разговора с г-ном БОЛЕНОМ[92] в Париже), что правительство США, возможно, было бы готово вести совместные переговоры через посредство рабочей группы в Вашингтоне, но такие переговоры будут иметь мало значения, если правительство его величества не примет в них участия. Даже если бы переговоры проводились с каждой страной в отдельности, французам очень помогло бы сознание того, что правительство его величества ведет переговоры одновременно с ними и будет высказывать аналогичные критические замечания по американскому проекту. К сожалению, французское правительство не может ждать. Если оно хочет, чтобы поставки вооружения начались до весны, то оно должно, по соображениям, связанным с парламентской процедурой, заключить двустороннее соглашение не позднее, чем через неделю или 10 дней.

4. Положение, следовательно, сводится к тому, что текст этого документа, приводимый в моей следующей телеграмме, представляет собой согласованные замечания по проекту США и что факт его принятия нами совсем не означает, что правительство его величества тем самым из'явило готовность вообще вести переговоры о двустороннем соглашении. Этот принципиальный вопрос все еще рассматривается министрами. Между тем, министр иностранных дел сообщил послу США 26 ноября, что проект Соединенных Штатов ставит перед правительством его величества очень сложные проблемы и представляется несоответствующим договоренности, достигнутой в Ланкастер Хауз в апреле с.г.*

Сэр Глэдвин ДЖЕББ сообщил Юлиусу ХОЛМСУ (советник посольства США в Лондоне в ранге посланника – примечание КИ) 28 ноября, что державы, участвующие в Брюссельском пакте, совместно разработали критические замечания по проекту США, но одновременно дал понять, что пройдет, вероятно, неделя или около того, прежде чем правительство его величества сможет высказать определенное мнение по всему вопросу в целом. Посол и м-р ХОЛМС, оба, повидимому, были согласны с тем, что предложенный проект придется коренным образом пересмотреть.

5. Г-н Джеймс БРЮС, руководитель Администрации военной помощи, прибыл в настоящее время в Лондон, и мы надеемся вести с ним новые беседы после того, как министры примут решение. Однако попрежнему имеется в виду, что всякие переговоры должны будут происходить в Вашингтоне.

6. Итальянскому посольству были изложены в общих чертах комментарии, содержащиеся в моей последующей телеграмме».

IV.

Телеграмма английского посла в Париже в МИД Англии № 1306 от 1 декабря 1949 года

«На Ваши телеграммы в Вашингтон №№ 11114 и 11115. Взаимная военная помощь. Двустороннее соглашение.

1. Сегодня Де МАРЖЕРИ (ответственный сотрудник департамента внешних сношений МИД Франции – примечание КИ) уведомил одного из моих сотрудников, что французскому послу в Вашингтоне отправлены самолетом инструкции, которые дадут ему возможность открыть завтра переговоры.

Если другие антикоммунистические державы в состоянии принять участие в этих переговорах, тем лучше, однако французы, если потребуется, будут продолжать переговоры и одни, поскольку они надеются заключить соглашение и добиться его ратификации французской ассамблеей до конца месяца.

2. Обзор инструкций, посланных БОННЭ[93], содержится в моей следующей телеграмме.

3. МАССИГЛИ[94] получил указания передать Вам искреннюю надежду французского правительства на то, что английское правительство также решится заключить двустороннее соглашение».

---

* Очевидно, имеется в виду совещание Политической комиссии Западного Союза, на котором было выработано совместное обращение пяти держав к США о военной помощи – *Примечание КИ*.

V.

Телеграмма английского посла в Париже в МИД Англии № 1307 от 1 декабря 1949 года

«К моей предшествующей телеграмме.

Нижеследующее представляет собой обзор, упомянутый мной в параграфе 2.

Главные моменты, которыми определяется отношение французского правительства к проектируемому двустороннему соглашению об американской военной помощи, могут быть вкратце суммированы следующим образом:

1) Соглашение должно учитывать первоочередность задачи экономического восстановления Европы, отраженной в плане МАРШАЛЛА[95] и американском законе от 6 октября 1949 года*.

2) Финансовое положение Франции не позволяет ей в настоящее время принимать на себя неопределенные неограниченные финансовые обязательства.

Учитывая это, двустороннее соглашение должно быть, по своему существу, соглашением о получении военной помощи и об условиях, на которых это получение будет осуществляться с помощью французских властей. Расходы, непосредственно связанные с таким получением, будут отнесены на счет французского правительства.

Все последующие требования по оказанию взаимной помощи должны быть предметом специальных соглашений.

В свете сказанного выше, текст проекта соглашения требует следующих замечаний:

Преамбула слишком тяжела и слишком длинна.

Статья 1 не должна содержать ссылок на помощь, оказываемую правительствами, не подписавшими данное двустороннее соглашение.

По психологическим соображениям было бы предпочтительнее не упоминать о том, что конгресс США может по своей воле изменить содержание соглашения.

Наконец, поставки в рамках взаимной помощи оборудования, материалов и т.д. должны зависеть не только от соглашения между правительствами, но также и от плана обороны, принятого компетентными органами союза.

Четвертый параграф той статьи, требующий заверений относительно использования продукции, которая будет производиться с помощью поставляемого Соединенными Штатами промышленного оборудования (подпараграф «а»), и относительно экспорта военного оборудования, аналогичного поставляемому (подпараграф «b»), требует существенных оговорок.

Французское правительство хотело бы исключить статью 2, которая уже содержится в соглашениях об экономическом сотрудничестве, и статью 7, содержание которой должно быть предметом специальных соглашений.

Французское правительство хотело бы согласовать с правительством США вопросы, связанные с информацией для прессы (статья 3). Однако будет лучше, очевидно, не упоминать этой темы в публикуемом тексте.

Статья о патентах (статья 4) настолько запутана, что ее надо пояснить прежде, чем французское правительство сможет определить к ней свое отношение.

Статья 5 в ее настоящей формулировке может привести ту или другую сторону к неограниченным финансовым обязательствам. Она должна быть

* Закон о военной помощи. – *Примечание КИ.*

заменена определенными обязательствами, принимаемыми на себя получающим помощь правительством для покрытия административных расходов, возникающих при проведении этого соглашения в жизнь.

Привилегии, предусматриваемые во втором параграфе той же статьи, должны быть взаимными, и их следует определить более точно.

Аналогично этому статья 6 должна ссылаться на дополнительное соглашение, которое будет фиксировать статус вооруженных сил каждой державы на территории другой.

Формулировка статьи 8 требует согласования с конституционными требованиями стран, подписывающих соглашение».

VI.

Телеграмма английского МИД'а своему послу в Париже № 3290 от 6 декабря 1949 года

«На Вашу телеграмму № 1306 от 1 декабря, параграф 3. Взаимная военная помощь. Двустороннее соглашение.

1. 2 декабря французский посол посетил В. СТРЭНГА[96], чтобы выразить искреннюю надежду своего правительства на то, что английское правительство не примет решения не заключать двустороннее соглашение с США.

Любое действие в этом смысле, заявил он, будет иметь самое отрицательное влияние на умонастроения правительств стран Западного союза.

2. Мы сообщили МАССИГЛИ, что нами не принималось никакого решения о том, чтобы не заключать соглашения, и что мы еще изучаем эту проблему и надеемся решиться на следующий шаг в течение ближайших нескольких дней.

Французское правительство уже ознакомилось с нашими предварительными взглядами, которые аналогичны взглядам других держав, заключивших Брюссельский договор, и у нас нет сомнений, что в ходе переговоров в Вашингтоне они сделают все возможное для того, чтобы любое решение, которого они достигнут, учитывало результаты предварительного изучения американского проекта, которое было проведено Постоянной комиссией*.

декабрь 1949 года

№ 37 *Совершенно секретно*

Тов. С Т А Л И Н У И.В.

Направляю текст документа французского института национальной обороны и военной экономики «Разработка принципов доктрины использования об'единенных сухопутных и воздушных сил в обороне Западной Европы».

Документ составлен в августе 1949 года группой преподавателей и слушателей института под руководством генерала МАСТА и представлен бывшему тогда министром национальной обороны РАМАДЬЕ.

Краткое содержание документа сводится к следующему.

---

* Имеется в виду Постоянная комиссия Западного союза – *Примечание КИ.*

1) Новая война потребует от стран Северо-атлантического блока создания огромных вооруженных сил. Только численность «главных сил» сухопутных войск должна быть равна приблизительно 3–4 миллионам человек.

Для приведения в готовность этих войск от западноевропейских стран потребовались бы значительные усилия и финансовые затраты, осуществление которых натолкнется на препятствия внутриполитического характера: «народы не откажутся от своего современного уровня жизни и от планов реконструкции своих стран».

Опыт последней войны показал, что будущий противник западных держав в войне – Советский Союз располагает первоклассной сухопутной армией, которая может быстро разгромить армию своих противников и оккупировать европейские страны. В этом случае войска Северо-атлантического союза встали бы в дальнейшем перед необходимостью вновь отвоевывать эти территории и испытать на себе, таким образом, всю тяжесть сухопутной войны.

Надо найти такое решение «стратегической проблемы», при котором западные державы были бы избавлены от значительных затрат средств, от политического риска и от тяжелой сухопутной войны. Всякое предложение о необходимости создать решающий перевес сухопутных сил западных держав над Советской Армией на основе учета опыта второй мировой войны является «консервативным» и непригодным решением для будущей войны.

2) В связи с этим возникла необходимость разработать новую доктрину «обороны Европы», которая «позволила бы использовать все достижения науки и техники для того, чтобы добиться превосходства над противником в той области, в которой союзники имеют все шансы быть более сильными», учитывая при этом, что атомная бомба мало применима для военных операций. Более сильными западные державы являются в области авиации и военной радиотехники. Поэтому в основу новой доктрины должен быть положен принцип максимального взаимодействия авиации и сухопутных сил, а также авиации и военно-морского флота.

В этой доктрине должны быть разработаны методы, которые позволят войскам западноевропейских стран удержать за собой значительную часть европейского континента, которая в дальнейшем должна будет явиться плацдармом для подготовки и начала наступления против Советского Союза.

Для решения этой задачи необходимо направить с самого начала войну по такому пути, чтобы она развертывалась в условиях, невыгодных для СССР, то есть, чтобы она прежде всего проходила в форме сражений с применением тех видов техники, в которых западные державы имеют решающее превосходство.

Максимальное использование в войне всех технических возможностей позволило бы западноевропейским странам значительно сократить численность своих сухопутных войск, которые «легко поддаются влиянию политической агитации противника».

3) В силу того, что войска западных держав почти не имеют возможности отступать, перед ними, и в первую очередь перед авиацией, ставится задача нанести поражение силам противника еще до того, как они будут вве-

дены в бой. Проведение таких операций по «перехвату территории» может быть успешным только в том случае, если оно будет обеспечено всеми возможными средствами: разведывательной сетью, использованием политических условий, атаками сухопутных родов войск и другими. Для войск Западной Европы «перехват территории» является такой формой маневра, без которого «никакие операции, даже оборонительные не могут закончиться победой».

Действия авиации должны дополняться действиями военно-морского флота, который будет проводить операции на флангах Европы – в Средиземном, Северном и Балтийском морях с целью отвлечь силы противника и поддержать действия сухопутных войск на континенте.

Наряду с этим сухопутные силы должны будут вести сдерживающие бои с целью направить наступление противника в те зоны, где он не сможет развернуть свои силы и где авиация легко сможет развернуть свои силы и где авиация легко сможет уничтожить его.

Оборонительный рубеж должен проходить как можно дальше к востоку.

Главные бои сухопутных сил должны развертываться на территории, простирающейся от Рейна до границ стран Восточной Европы, то есть на территории Северогерманской низменности.

Сухопутные силы со своей стороны должны оказывать авиации максимальную помощь. Характер этой помощи определяется главным образом тем, что сухопутные войска имеют возможность вести непрерывное наблюдение за важнейшими военными об'ектами противника, расположенными как в непосредственной близости от линии фронта, так и в ближнем и глубоком тылу при помощи засланной агентуры и авиадесантников, поддерживающих связь с командованием авиасоединений при помощи радио.

4) В период проведения наступательных сухопутных войск перед авиацией будет поставлена задача уничтожения всех препятствий, которые могут встретиться на пути наступающих частей.

В связи с тем, что наступление войск западноевропейских стран должно быть максимально быстрым, авиация должна будет производить поставки снаряжения и продовольствия с тем, чтобы растяжение коммуникаций не отразилось на темпе наступления.

В этот период перед авиадесантными частями должна быть поставлена задача дезорганизовать урало-сибирский тыл Советского Союза путем захвата жизненно важных районов его военной промышленности и центров политического руководства.

Для успешного ведения войны все боевые воздушные силы союзников должны быть об'единены под единым командованием.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 29 листах*.

Председатель КИ при МИД СССР — В. Зорин

апрель 1950 года

---

* Приложение не публикуется – *Прим. сост.*

№ 38

апрель 1950 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Направляется в переводе с английского полученный резидентурой документ постоянной комиссии Брюссельского пакта.

Перевод с английского
Сов. секретно

Снимать копии с этого документа запрещается

**ПОСТОЯННАЯ КОМИССИЯ БРЮССЕЛЬСКОГО ПАКТА
8 СЕССИЯ КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
БРЮССЕЛЬСКОГО ПАКТА**

Доклад рабочей группы о «Создании национальных вооруженных сил»

1. Консультативный совет на пленарном заседании, состоявшемся 17 апреля в 10 часов утра, решил создать Рабочую группу для составления доклада о «Создании национальных вооруженных сил».

2. Этот доклад был представлен Совету на его последнем пленарном заседании, 17 апреля в 4 часа, и после внесения в него поправок был утвержден.

3. Указанный доклад прилагается к настоящему сопроводительному письму.

2 Итон Плейс
Лондон
18 апреля 1950 г.

Документ «Метрик» № 433

Доклад рабочей группы о «Создании национальных вооруженных сил»

Консультативный совет Брюссельского пакта на совместном заседании с министрами национальной обороны и министрами финансов составил, по согласованию с последними, нижеследующие рекомендации, которые он намерен представить пяти правительствам:

1. Изучив план организации вооруженных сил, известный под названием Люксембургской программы, Совет пришел к выводу, что до принятия какого бы то ни было окончательного решения этот документ, составленный до подписания Атлантического пакта, должен быть подвергнут детальному изучению в свете более обширной системы координированной обороны Западной Европы и Северо-атлантического района, особенно в отношении равновесия сил, состава крупных соединений, выбора оружия и сметы расходов.

2. Все державы, подписавшие Брюссельский пакт, заявляют о своей решимости приложить максимальные усилия в национальном масштабе для

обеспечения безопасности Западной Европы. Поэтому упомянутое выше изучение ни в коей мере не должно прерывать или замедлять проводимые в настоящее время мероприятия.

3. Независимо от того, какие выводы будут сделаны в результате изучения Люксембургской программы, совершенно ясно, что нехватки в вооруженных силах не могут быть покрыты за счет увеличения национальных военных бюджетов в такой мере, которая поставит под угрозу экономическое и финансовое восстановление стран Брюссельского пакта, являющееся фактором первостепенной важности для безопасности западного мира.

В силу указанных выше причин, Консультативный совет считает необходимым, чтобы Комитет начальников штабов немедленно сообщил содержание Люксембургской программы и инфраструктурного плана в их нынешней форме Постоянной группе Атлантического пакта с тем, чтобы последняя была в курсе мероприятий, осуществляемых державами Брюссельского пакта, и могла своевременно рекомендовать любые изменения, которые она сочтет особенно срочными, основываясь на пересмотре среднесрочного плана на 1954 г., согласно рекомендации Комитета обороны Атлантического пакта.

5. Консультативный совет выразил пожелание, чтобы Постоянная группа Атлантического пакта учла при указанном пересмотре следующие соображения:

а) Задача заключается в том, чтобы привести Западную Европу в такое состояние, которое позволит ей успешно сопротивляться любой возможной агрессии на континенте.

Эта задача не может быть выполнена без применения и стандартизации наиболее современного и новейшего оснащения в соответствии с последними техническими достижениями.

Поэтому желательно по возможности быстрее ознакомиться с характером и количеством материалов и оснащения, указанных выше, которые необходимы для выполнения поставленной задачи.

б) В целях достижения желаемых результатов с минимальными задержками и расходами, необходимо, имея в виду интенсификацию производства этих материалов и снаряжения, использовать не только производственные мощности пяти участвующих держав, но также американские производственные мощности.

в) Заинтересованные державы должны стараться координировать и рационализировать свое производство и заказы.

Действующая в настоящее время производственная программа должна находиться под постоянным контролем для обеспечения того, чтобы индивидуальные усилия отдельных стран, в смысле правильного определения очередности и сроков, наилучшим образом содействовали общим интересам.

На основании этой программы вооружения и оснащения будет определен характер соединений, которые будут им пользоваться, и будет приступлено к их организации.

Резидент КИ при МИД СССР

№ 39

апрель 1950 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Направляется полученный резидентурой документ Комитета обороны НАТО о заседании 1 апреля 1950 г. и военной сессии Консультативного совета Западного союза.

Документально
Перевод с английского
Совершенно секретно

Д.О./50/31
28 апреля 1950 г.

КАБИНЕТ

КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ЗАСЕДАНИЕ КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СЕВЕРО-АТЛАНТИЧЕСКОГО СОЮЗА, ПРОИСХОДИВШЕЕ В ГААГЕ 1 АПРЕЛЯ 1950 ГОДА, И ВОСЬМАЯ СЕССИЯ КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА ЗАПАДНОГО СОЮЗА, ПРОИСХОДИВШАЯ В БРЮССЕЛЕ 16 И 17 АПРЕЛЯ 1950 ГОДА

Доклад министра обороны

1. Следуя практике, установленной моим предшественником (см. документы Д.О./49/68 и Д.О./49/79, я полагаю, что мои коллеги пожелают иметь более подробное представление о недавно происходивших заседаниях Комитета обороны Северо-атлантического союза и Консультативного совета Западного союза, чем то, которое можно составить из коммюнике, опубликованных после окончания заседаний, а также из моих заявлений в Палате общин, сделанных 5 и 20 апреля.

Северо-атлантический союз – среднесрочный план.

2. Главной целью заседания Комитета обороны Северо-атлантического союза являлось рассмотрение средне-срочного плана, составленного региональными группами планирования и Военным комитетом на основе стратегической концепции, утвержденной в декабре 1949 г. (см.документ Д.О./49/79 Приложение А). В общем план, рассчитанный на июль 1954 г., преследует следующие цели:

а) В общих чертах определить характер операций, которые двенадцать стран, возможно, должны будут провести в течение первой фазы войны с целью остановить советское наступление, включая инициативу воздушного наступления союзников.

б) Оценить возможности Советского Союза и его сателлитов, а также их вероятную стратегию.

в) Определить численность вооруженных сил, необходимых для того, чтобы сдерживать наступление СССР и его сателлитов и в то же время предпринимать такие наступательные действия, которые окажутся возможными.

По первым двум вопросам в плане содержится реальная оценка возможностей, которая полностью соответствует взглядам наших собственных начальников штабов. Конечно эта оценка составлена в довольно общих выражениях, но учитывая необходимость отразить в ней мнение различных национальных штабов, она является значительным достижением. Те части плана, в которых делается попытка более точно определить численность вооруженных сил, необходимых для его выполнения, возможно, вызовут большее количество критических замечаний. Численность этих вооруженных сил, которая на данном этапе определена лишь путем простого суммирования наметок, представленных пятью региональными группами, в основном сводится к следующему:

90 дивизий, включая 18 2/3 бронетанковых;

Около 12 тысяч самолетов, включая свыше 3000 самолетов морской авиации;

Морские силы, основное ядро которых составляют 29 крейсеров, 31 эскадренных и эскортных авианосцев, 920 эсминцев и эскортных судов и 107 подводных лодок.

3. Эти цифры дают лишь приближенное представление о численности вооруженных сил, необходимых для эффективной обороны Северо-атлантического района и одобрение этого плана министрами обороны не является каким-либо индивидуальным или коллективным обязательством их правительств приступить к созданию намеченных для них в плане вооруженных сил. Военный комитет, который составлял для нас среднесрочный план, сам признал, что необходимо провести дальнейшее изучение потребностей с целью пересмотра их в интересах экономии. Тем не менее эти цифры полезны в том отношении, что они дают представление о том, что нам нужно и какие требуется приложить усилия, чтобы сформировать вооруженные силы для Северо-атлантического союза. Они являются целью, к достижению которой нужно стремиться, и основой, на которой Совет военного производства и снабжения, а также и Финансовый и Экономический комитет могут проводить свою работу по изучению практических мер, необходимых для того, чтобы приблизиться к этим цифрам. Именно по этим причинам председатель Комитета обороны Люис ДЖОНСОН, являющийся военным министром США, предложил Комитету одобрить среднесрочный план.

4. В ходе дискуссии норвежский министр обороны обратил внимание присутствующих на экономические последствия принятия этого плана и напомнил Комитету, что сильно раздутые военные бюджеты поставят под угрозу экономическое восстановление, которое является основой военной мощи стран – участниц. По мнению итальянского министра обороны, для того, чтобы изучить проблему в целом, необходимо созвать об'единенное совещание с участием министров иностранных дел и министров финансов.

5. Именно в этот момент дискуссии я в первый раз взял слово. Целью моего выступления было, по возможности, рассеять сомнения, которые мои коллеги явно испытывали в отношении размеров ассигнований, которые потребуются для удовлетворения указанных в плане военных нужд, и убедить их в необходимости приступить к рассмотрению практических нужд момента. Ясно, что необходима была какая-либо определенная цель, которая и была дана нам Военным комитетом. Но было бы нецелесообразно созывать совещание с участием министров финансов и министров иностранных дел, не проведя более серьезную подготовительную работу, чем та, которая сдела-

на нами до сих пор. Хотя мы и должны стремиться к тому, чтобы различные органы Северо-атлантического союза работали в тесном контакте, однако не менее важно избежать и сваливания ответственности на других. Мы, как министры обороны, должны реально оценить обстановку и определить потребности обороны с учетом политических и экономических факторов. Нас не должны пугать астрономически огромные потребности, о которых говорят наши военные советники. Прежде всего мы должны положить начало решению стоящих перед нами проблем в той мере, в какой они входят в нашу компетенцию.

6. Эти соображения, насколько я могу судить, были положительно встречены Комитетом; во всяком случае он одобрил план. Теперь этот план будет представлен Совету Северо-атлантического союза на его заседании в Лондоне в мае с.г. вместе с просьбой о том, чтобы Совет:

а) согласился с крайней необходимостью принять срочные меры, как в национальных, так и в общесоюзных рамках, к ускорению формирования военных сил, требуемых для выполнения намеченного плана, а также определить финансовые и экономические возможности государств – членов Союза с целью увеличения их военных расходов по существующим соглашениям и рассмотреть новые экономические и финансовые приготовления, в частности для обеспечения широкой программы вооружения, и

б) дать указания для установления более тесного взаимодействия между постоянными органами Северо-атлантического союза, так как согласованное действие этих органов является необходимым условием успешной деятельности всей Организации.

Резидент КИ при МИД СССР

№ 40 *Совершенно секретно*

Товарищу В Ы Ш И Н С К О М У А.Я.

Комитет Информации располагает следующими сведениями.

1. В период подготовки к лондонскому совещанию трех министров иностранных дел ШУМАН поручил исполняющему обязанности представителя Франции в ООН ЛАКОСТУ встретиться с представителями Англии и США КАДОГАНОМ и ГРОССОМ и выяснить позиции английского и американского правительств по некоторым вопросам, относящимся к ООН.

КАДОГАН сказал ЛАКОСТУ, что хотя он и не получил указаний своего правительства, он все же считает, что Совет Безопасности не должен обсуждать важные вопросы в отсутствие представителя Советского Союза. Например, вопрос о приеме новых членов в ООН не может быть обсужден в отсутствие советских представителей, так как такой шаг будет осужден мировым общественным мнением.

По мнению КАДОГАНА, на пост Генерального секретаря ООН должен быть назначен человек, который приемлем как для западных держав, так и для Советского Союза.

ГРОСС заявил в беседе с ЛАКОСТОМ, что позиция американской делегации определена госдепартаментом и сводится к следующему:

а) В Совете Безопасности могут рассматриваться любые вопросы. Если в отсутствие советских представителей Совет Безопасности обсуждал вопрос о Кашмире, то Совет может обсуждать и другие важные вопросы.

б) По мнению правительства США, было бы целесообразно внести на обсуждение ООН такой важный вопрос, как угроза Югославии со стороны Советского Союза.

в) На предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи следует поставить вопрос о замене Трюгве ЛИ другим лицом. Американское правительство готово поддержать кандидатуру человека, который обладает большими административными способностями и «политически более благонадежен».

г) Американское правительство не одобряло поездку Трюгве ЛИ[97] в Москву и в Европу и поставило его в известность о том, что эта поездка «нежелательна».

д) США рассматривают вопрос о представительстве в ООН Центрального народного правительства Китайской народной республики в качестве главной нерешенной проблемы и связывают разрешение этой проблемы с вопросом о приеме новых членов в ООН.

2. На лондонской конференции АЧЕСОН[98] сообщил БЕВИНУ[99] и ШУМАНУ[100], что вопрос о согласии американского правительства на допуск в ООН Китайской народной республики является для США вопросом престижа и они не хотят «итти на уступки русским, не желающим участвовать в работе ООН».

АЧЕСОН сказал, что со временем эта проблема может быть разрешена. В будущем могут появиться обстоятельства, которые позволят США пересмотреть свою точку зрения относительно представительства Китайской народной республики в ООН. Таким обстоятельством может явиться, например, потеря гоминданом Формозы.

По заявлению БЕВИНА, английское правительство заинтересовано в том, чтобы вопрос о допуске Китайской народной республики в ООН был решен теперь же, несмотря на то, что у Англии с Центральным народным правительством Китая имеются неразрешенные вопросы.

ШУМАН согласился с БЕВИНОМ, однако, он заявил, что признанием ХО ШИ МИНА[101] правительство МАО ЦЗЕ-ДУНА[102] создало для Франции большие трудности в разрешении этого вопроса.

Председатель КИ при МИД СССР В. Зорин

23 мая 1950 года

№ 41 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Докладываю следующие сведения о позиции правительств Англии и США по корейскому вопросу, полученные от резидента КИ в одной из европейских стран.

1. Английский посол в США ФРЭНКС довел до сведения АЧЕСОНА[103] содержание беседы, имевшей место между ГРОМЫКО и английским послом в СССР КЕЛЛИ.

7 июля с.г. правительство США через посла в Лондоне ДУГЛАСА направило английскому правительству свое предложение относительно ответа, который Англии следует дать правительству СССР.

Согласно предложению американцев, правительство Англии должно заявить Советскому Союзу, что решение корейского вопроса возможно только в полном соответствии с известной резолюцией Совета Безопасности. Английское правительство должно было 8 июля рассмотреть предложение США.

2. Помощник государственного секретаря США по вопросам Дальнего Востока РАСК в официальной беседе с ФРЭНКСОМ заявил, что если правительство СССР не согласится с этим или подобным предложением, то правительство США твердо намерено продолжать военные действия в Корее до тех пор, пока войска Северной Кореи не будут вынуждены уйти за 38 параллель. В настоящее время правительство США не собирается переносить операции своих сухопутных войск на территорию Северной Кореи.

Правительство Англии согласно с этой позицией США.

США по возможности будут стараться локализовать военные операции и не дать им перерасти в военные действия большого масштаба. По мнению РАСКА, правительство США не считает, что военные действия в Корее являются началом «большой войны».

3. ЭТТЛИ[104] считает, что Советский Союз не ведет в Корее «большой войны» и что СССР может использовать представившиеся в связи с событиями в Корее возможности для того, чтобы начать оказывать давление, в том числе и военное, на Иран, Грецию и на страны Юго-Восточной Азии.

Английскому маршалу авиации ТЕДДЕРУ были даны указания установить контакт с начальниками штабов США и детально рассмотреть вопрос о необходимых об'единенных англо-американских мероприятиях по предотвращению возможных действий со стороны Советского Союза в отношении указанных стран.

4. Англия предоставила в распоряжение МАКАРТУРА[105] 1 авианосец, 2 крейсера, 2 миноносца, 3 фрегата. При этом она потребовала, чтобы эти корабли не использовались для «обороны» Формозы. Канада предоставляет 3 миноносца. Австралия предоставила 1 миноносец и 1 фрегат, а также эскадрилью «Мустангов». Новой Зеландии предложили предоставить 1 крейсер и 4 фрегата.

Рассматривается возможность посылки 1 эскадрильи истребителей «Вампир» из Канады, одной эскадрильи истребителей-бомбардировщиков из Новой Зеландии, а также одной эскадрильи транспортных самолетов и одной эскадрильи бомбардировщиков из Малайи.

Английские начальники штабов в принципе решили, что в случае соответствующей просьбы со стороны США в Корею могут быть отправлены также и сухопутные войска, но при условии, что они будут направлены из самой Англии, а не из Малайи или других стран Юго-Восточной Азии.

Английский кабинет еще не рассматривал это решение начальников штабов.

Председатель КИ при МИД СССР

август 1950 г.

№ 42 *Совершенно секретно*

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.

Представляю полученный от резидента в одной из европейских стран текст доклада Об'единенной группы начальников штабов Англии о влиянии корейских событий на интересы Великобритании на Дальнем Востоке. Доклад датирован 7 июля 1950 года.

1. Начальники штабов считают, что наступление северокорейских войск инспирировано Советским Союзом. При этом Советский Союз, по мнению начальников штабов, руководствовался следующим:

а) Ситуация на Дальнем Востоке в связи с недавними заявлениями американских лидеров относительно политики США в этом районе, а также в связи с недостаточными успехами коммунистов в Юго-Восточной Азии сложилась так, что она потребовала немедленных действий.

б) Учитывая, что Корея является одним из самых чувствительных районов для американцев, СССР решил произвести крупный зондаж с целью испытать силу и реакцию западных держав, и особенно Соединенных Штатов, с тем, чтобы в случае успеха в Корее предпринять новые выступления в других местах.

Предпринимая этот шаг, Советский Союз рассчитывал либо отвлечь военные и экономические ресурсы западных держав, используемые в холодной войне в других районах, либо заставить их примириться с потерей Кореи и с вытекающей отсюда потерей престижа.

2. Однако начальники штабов, а также, по их сведениям, и американцы считают, что Советский Союз не стремится к тому, чтобы события в Корее переросли в мировую войну, и что поэтому советские вооруженные силы непосредственного участия в военных действиях в Корее принимать не будут.

3. Начальники штабов считают, что любой исход событий в Корее побудит Советский Союз предпринять новые выступления на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

4. По мнению начальников штабов, Китай в ближайшее время не предпримет наступления на Формозу, учитывая решение США оказать военную помощь гоминдановцам. Китайские войска, сосредоточенные в районе Кантона и ранее предназначавшиеся для действий против Формозы, могут быть использованы для выполнения других задач. Эти войска создают угрозу для Гонконга, хотя, по мнению начальников штабов, китайское правительство едва ли предпримет в ближайшем будущем наступление на Гонконг из опасения открытого столкновения с Англией.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 12 листах.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР С. С а в ч е н к о

август 1950 г.

Документально
Перевод с английского

Совершенно секретно

7 июля 1950 г.

КАБИНЕТ

КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ВЛИЯНИЕ КОРЕЙСКИХ СОБЫТИЙ НА АНГЛИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Доклад Об'единенной группы начальников штабов

По указанию Комитета обороны мы составили прилагаемую оценку влияния коммунистического вторжения в Корею на английские военные интересы и на английскую политику на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Мы составляем отдельный доклад о вероятности дальнейшей коммунистической агрессии в других частях мира, особенно в Персии.

(Подписали) Фрейзер
Слессор
Браунджон
(Зам.нач.Имперского
генерального штаба)

ВЛИЯНИЕ КОРЕЙСКИХ СОБЫТИЙ НА АНГЛИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Характерные черты прежней коммунистической агрессии

1. После окончания второй мировой войны основным принципом, лежащим в основе коммунистической деятельности по расширению советской сферы влияния, является стремление Советского Союза избегать всякого прямого столкновения с Соединенным Королевством и Соединенными Штатами. Советский Союз фактически отступил перед лицом сильной англо-американской реакции в Берлине, Греции и Персии. Что касается Кореи, то мы считаем, что быстрота и сила реакции Об'единенных Наций, и особенно Соединенных Штатов, явились неожиданностью для советских лидеров.

2. В дополнение к этому основному принципу коммунистическая агрессия имеет еще и следующие характерные черты:

а) Несмотря на то, что не было непосредственного вмешательства советских вооруженных сил, их близость или пребывание в соседней стране, несомненно, способствовали созданию коммунистических режимов (как, например, в Восточной Европе).

б) Внутренними восстаниями руководили сильные местные коммунистические партии (как, например, в Китае, Малайе и Французском Индокитае).

3. Несмотря на то, что обе стороны в Корее принадлежат к одной и той же расе, наступление здесь представляет собой, тем не менее, военную агрессию через границу, установленную международным соглашением. Эта форма агрессии является новой чертой советской тактики.

Вторжение в Корею

4. Хотя нет никаких прямых доказательств того, что северокорейские действия были предприняты по указанию Советского Союза, но почти невероятно, чтобы Северная Корея предприняла это вторжение, если бы ей не была обеспечена необходимая моральная и материальная поддержка со стороны Советского Союза. Советский Союз сохраняет миссию в Северной Корее, которая, по предположениям, состоит из 4.500 человек, однако до сих пор не имеется никаких данных о том, что в военных операциях принимают участие какие-либо советские или китайские коммунистические войска.

Можно поэтому предположить, что вторжение в Южную Корею является новым примером советского метода «войны по доверенности», и мы считаем, что эти действия являются преднамеренным актом холодной войны со стороны русских, который был предпринят ими в настоящее время по следующим причинам:

а) С точки зрения коммунистов ситуация на Дальнем Востоке требовала немедленных действий главным образом в результате недавних заявлений американских лидеров относительно Дальнего Востока и вследствие незначительности успехов коммунистов в Юго-Восточной Азии;

б) Россия решила произвести крупный зондаж с целью испытать силу и реакцию западных держав, особенно Соединенных Штатов, с тем, чтобы в случае успеха в Корее предпринять новые действия в других районах. Корея является одним из самых чувствительных районов для американцев, и русские не могли не учитывать, что любой их шаг, предпринятый там, может вызвать реакцию со стороны Соединенных Штатов, хотя они и не могли предвидеть, насколько быстрой будет эта реакция, и что американцы могут в связи с этим увеличить свою помощь китайским националистам на Формозе;

в) Этот шаг вынудил бы западные державы отвлечь военные и экономические средства, используемые в холодной войне в других районах и для создания своих главных вооруженных сил, либо заставить западные державы примириться с потерей Южной Кореи и с вытекающей отсюда потерей престижа.

6. Мы считаем, что Советский Союз инспирировал северо-корейское вторжение с целью испытать силу и реакцию западных держав и особенно Соединенных Штатов в таком районе, где, по мнению русских, не существовало большого риска спровоцировать мировую войну.

Возможность большой войны

7. Мы считаем, что русские в настоящее время стремятся избежать того, чтобы Корея стала причиной мировой войны, и что они поэтому не будут оказывать Северной Корее активной поддержки своими вооруженными силами. Однако мы считаем, что хотя русские и не пойдут на использование своих вооруженных сил, они будут поддерживать Северную Корею всеми возможными средствами.

8. Соединенные Штаты считают, что русские не готовятся к вступлению в большую войну, что они, вероятно, производят лишь крупный зондаж и что имеются некоторые признаки, свидетельствующие о том, что они намерены сохранить для себя возможность во-время остановиться.

9. Мы должны ожидать поэтому новых советских шагов на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, так как если СССР потерпит неудачу в Корее,

то он вынужден будет предпринять какие-то действия для восстановления своего престижа, если же СССР добьется успеха в Корее, то он постарается использовать в своих интересах потерю престижа западными державами в этом районе.

10. Несмотря на то, что мы можем рассчитывать на получение разведывательных сведений о советских намерениях относительно начала большой войны, мы не можем быть уверенными в том, что мы получим предупреждение о какой-либо преднамеренной агрессии со стороны местных коммунистов. В настоящее время нет никаких признаков, свидетельствующих о советских намерениях начать большую войну в ближайшем будущем, и мы поэтому полагаем, что всякая местная коммунистическая агрессия в ближайший период будет соответствовать тактике, изложенной в параграфах 1, 2 и 3.

Формоза

11. Другим фактором, который может влиять на позицию русских, является реакция китайского коммунистического правительства на американские действия в отношении Формозы.

Нельзя ожидать вторжения на этот остров китайский коммунистических армий даже при наличии советской поддержки. Эта попытка, вероятно, будет отложена на неопределенное время, если Соединенные Штаты не окажутся втянутыми в крупные операции с советскими войсками, в результате чего они не смогут защищать этот остров.

Коммунистические армии, предназначенные для вторжения на Формозу, могут быть использованы для операций в других местах. В стремлении восстановить свой престиж в вопросе о Формозе Китай может, при поощрении русских, поддержать северокорейские войска и предпринять более активное вмешательство в Юго-Восточной Азии. На его позицию и действия в отношении британских интересов на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии значительное влияние может оказать решение правительства его величества о поддержке американской политики в отношении Формозы.

Сейчас мы переходим к рассмотрению районов Юго-Восточной Азии, вызывающих беспокойство.

Районы в Юго-Восточной Азии, вызывающие беспокойство

12. Гонконг. Китайские коммунисты в настоящее время в своей политике в отношении Гонконга будут в основном руководствоваться советскими инструкциями, исходом сражения в Корее и позицией, занятой правительством его величества в отношении Формозы. Разумно предположить, что по совету СССР китайское коммунистическое правительство не упустит удобного случая создать нам затруднение в Гонконге или Малайе. Американские действия в отношении Формозы вызовут негодование у китайских коммунистов, и любые действия английских вооруженных сил, предпринятые для поддержки американцев в этом районе, могут побудить китайских коммунистов предпринять действия против Гонконга.

В настоящее время в Кантоне и прилегающих к нему районах сконцентрированы войска численностью в 200.000–270.000 человек. Эти войска представляют собой соединения, состоящие из пехоты и артиллерии. По имеющимся у нас сведениям, большинство этих соединений предназначено для атаки на Формозу. Возможно, что эти войска останутся пока в кантонском

районе, где они создают угрозу Гонконгу и поддерживают моральное состояние пятой колонны в Гонконге.

Об'единенный разведывательный комитет определил, что китайцы в ближайшем будущем не нападут на Гонконг, причем одно из соображений, на котором основывалось мнение Комитета, состояло в том, что китайцы сначала захотят взять Формозу. Американская гарантия безопасности Формозы ввела новый фактор в оценку Комитета и возможно, что китайцы захотят использовать свои войска против Гонконга с тем, чтобы спасти свой престиж. С другой стороны, обычная коммунистическая реакция на энергичные меры состоит в том, чтобы отступить. Кроме того, китайцы могут понять, что атака на Гонконг может не только принести возмездие со стороны Соединенного Королевства, но что Соединенное Королевство может получить поддержку всех западных держав.

По дипломатическим каналам пока еще не предпринималось никакой попытки добиться передачи Гонконга и не проводилось никакой пропаганды в этом отношении.

Китайские коммунисты в своих попытках создать нам затруднения на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии вполне могут использовать свои войска, сконцентрированные в кантонском районе, для угрозы Гонконгу, не прибегая к ее осуществлению, с целью заставить нас ввести войска из Малайи. Сопоставляя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что китайские коммунисты, по всей вероятности, не предпримут атаки на Гонконг в ближайшем будущем, хотя они и увеличат свои усилия по созданию внутренних беспорядков в этой колонии.

Индокитай

13. В Индокитае имеется сильная коммунистическая партия, ведущая в настоящее время войну против французов, которые из кожи вон лезут в своих усилиях восстановить порядок. В этой стране в настоящее время нет никаких английских или американских войск. Индокитай является привлекательной целью для расширяющейся коммунистической агрессии, и имеется опасность, что китайские коммунистические войска, первоначально предназначенные для Формозы, могут оказать помощь ХО ШИ МИНУ[106], направив свои вооруженные силы через границу.

С другой стороны, расовые различия между индокитайцами и китайцами говорят против того, что ХО ШИ МИН потребует активного участия китайских коммунистических армий. Более того, у нас нет никаких данных о намерении китайцев вторгнуться в эту страну, а трудности передвижения и снабжения войск весьма значительны. Вполне вероятно, что китайская помощь ХО ШИ МИНУ будет усилена, хотя это может быть уравновешено дополнительными поставками вооружения французам, особенно из Соединенных Штатов.

Исходя из этого, мы приходим к выводу, что можно ожидать усиления коммунистического давления в Индокитае.

14. Малайя. Твердая линия, занятая Соединенными Штатами в Корее и английскими войсками в Малайе, должна оказать стимулирующее влияние на противников коммунистов в Малайе. Успехи союзников в Южной Корее, несомненно, окажут благотворное влияние на все некоммунистические элементы в Малайе, что в свою очередь окажет выгодное влияние на ведущиеся

там военные операции. С другой стороны, успех коммунистов в Корее окажет обратное влияние.

15. Тибет. Китайское коммунистическое правительство уже заявило о своем намерении освободить Тибет. Практически невозможно оказать значительную помощь Тибету. Мы считаем поэтому, что китайцы, если они ищут быстрого и легкого успеха взамен ожидавшейся победы на Формозе, ускорят дату своего наступления на Тибет.

Влияние корейских событий на отдельные страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии

16. Влияние событий в Корее на страны Юго-Восточной Азии будет зависеть в очень большой мере от степени успеха американской интервенции. Сторонники коммунистов в Юго-Восточной Азии будут вдохновляться успехами коммунистов в Корее, а американская вооруженная интервенция окажет еще более ободряющее влияние на противников коммунистов. Но если Соединенным Штатам не удастся восстановить положение, и Южная Корея будет оккупирована коммунистами, то это может иметь самые серьезные последствия для всего Дальнего Востока.

17. Формоза. В дополнение к изложенному в параграфе 11, результатом американских действий в отношении Формозы может явиться то, что все операции китайских националистических войск приостановятся и блокада Китая будет прекращена. Вполне вероятно, что британские торговые круги постараются воспользоваться таким положением. Хотя это и находится в соответствии с английской политикой, тем не менее при существующих условиях подобное положение может привести к трениям с Соединенными Штатами.

Вследствие всего этого английские военные корабли получили приказ прекратить патрулирование района реки Янцзы.

18. Япония. Японцы будут рады любой неудаче своего традиционного врага – России; они надеются, что американцы будут иметь успех, на основе чего в северной части Тихого океана установится стабильное положение. С другой стороны, они опасаются, что Япония, как главная американская база, окажется втянутой в новую войну, не имея средств для обороны своей территории.

Прогресс в отношении мирного договора с Японией зависит от американцев, и в настоящее время невозможно предсказать – будет ли американская реакция на корейские события способствовать ускорению созыва мирной конференции, или же она будет иметь своим результатом дальнейшую задержку составления мирного договора для Японии на неопределенный срок. Если вся Корея падет, то Япония окажется единственным достаточно надежным некоммунистическим районом во всей Восточной и Северо-Восточной Азии. Японцы несомненно почувствуют, что они стали еще более необходимы для союзников и что их позиции в отношении мирного договора улучшились. Японские коммунисты будут ободрены, хотя маловероятно, что число их сторонников увеличится. Наоборот, общие антикоммунистические настроения большинства японского народа еще больше возрастут.

19. Сиам. Правительство Сиама единственное независимое правительство в Юго-Восточной Азии, которое безоговорочно встало на сторону западных держав. Сильная реакция Соединенных Штатов на вторжение в Южную Корею рассеяла многие сомнения, существовавшие ранее относительно серь-

езности американских намерений, и явилась сильным поощрением для тех, кто решил, что Сиам должен присоединиться к западным державам.

20. Бирма. Опасения бирманского правительства относительно того, что в один прекрасный день китайские коммунисты предпримут прямое наступление на Бирму, по всей вероятности, усилятся. Мы полагаем, что бирманское правительство будет внимательно следить за событиями в Корее и соответственно приспособлять свою политику.

Поводом для наступления является присутствие китайских националистических войск в Бирме, хотя бирманцы выразили намерение разоружить их как можно скорее.

21. Индонезия. Стремление индонезийского правительства придерживаться политики нейтралитета в конфликте между коммунистическим миром и западными демократиями будет еще больше усилено событиями в Корее. Индонезия будет склонна последовать любому указанию, которое может дать Индия и в меньшей степени Пакистан.

ВЫВОДЫ

22. Мы пришли к следующим выводам:

а) Вторжение в Южную Корею было инспирировано Советским Союзом с целью испытать реакцию западных держав и особенно Соединенных Штатов в таком районе, где, по мнению русских, не существовало большого риска вызвать мировую войну.

б) Мы должны ожидать инспирированных СССР новых выступлений на Дальнем Востоке, а возможно, и в других районах.

в) Успешная интервенция Об'единенных Наций, и особенно Соединенных Штатов, в Южной Корее окажет самое ободряющее влияние на все антикоммунистические элементы в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. И наоборот, провал попыток восстановить положение в Южной Корее будет иметь самые серьезные последствия.

г) Вполне вероятно, что русские окажут всякую возможную поддержку северокорейским войскам за исключением активного вмешательства своих вооруженных сил. Русские едва ли допустят, чтобы Корея послужила поводом к развязыванию мировой войны.

д) В настоящее время едва ли вероятна попытка китайских коммунистов вторгнуться на Формозу.

е) Китайские коммунистические войска, первоначально предназначенные для вторжения на Формозу, могут быть использованы для других целей.

ж) Войска, сконцентрированные в настоящее время в кантонском районе и Южном Китае, создают угрозу Гонконгу и Индокитаю. Мы считаем, что китайские коммунисты едва ли предпримут наступление на Гонконг в ближайшем будущем, хотя они увеличат свои усилия по созданию внутренних беспорядков в этой колонии.

з) Французский Индокитай является привлекательной целью, и мы считаем, что нужно ожидать усиления коммунистического давления в Индокитае.

№ 43 *Совершенно секретно*

август 1950 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Новые американские воздушные базы в Англии

Во время пребывания в Англии начальника генерального штаба воздушных сил США генерала ВАНДЕНБЕРГА им было заключено новое соглашение с начальником имперского генерального штаба маршалом СЛИМ.

30 мая британское правительство окончательно ратифицировало это соглашение.

Согласно соглашению ВАНДЕНБЕРГА-СЛИМА, американская авиация, которая имеет свои базы в Англии, должна будет увеличить число этих баз. В скором времени начнется строительство: трех постоянных баз для бомбардировщиков в Оксфордском графстве; двух новых баз в Норфольке, предназначенных для реактивных истребителей типа «Ф-84» и «Ф-86» (вскоре они в большом количестве прибудут в Англию для постоянной дислокации).

Что касается трех баз для бомбардировщиков в Оксфордском графстве, то их посадочная площадь позволит осуществлять посадку и взлет самолетов «Б-36»...

В отношении самолетов типа «Б-29». Согласно соглашению СЛИМА-ВАНДЕНБЕРГА, все базы этих бомбардировщиков, а также их материальная часть, самолеты, ремонтные мастерские и т.д. будут целиком находиться в распоряжении RAF.

Американский личный состав еще некоторое время будет оставаться для обслуживания этих баз, а затем частично будет эвакуирован в Америку и частично перемещен на новые базы для бомбардировщиков «Б-36».

Что касается реактивных истребителей «Ф-84» и «Ф-86», то их будут обслуживать 75% американцев и 25% британцев личного состава.

Резидент КИ при МИД СССР

№ 44 *Совершенно секретно*

10 августа 1950 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Военные приготовления в Египте

В конце прошлого года начальник английского управления военного обучения Перси Силити вел переговоры в Средней и Восточной Африке. Цель его миссии – координация деятельности английской политической полиции на территории Африки.

В конце ноября прошлого года британский военный министр Шинуэлл осмотрел укрепления вдоль Суэцкого канала и заявил, что скоро приступят к строительству больших казарм. Вскоре после этого темп военного строитель-

ства вдоль канала ускорился. Строятся подземные залы, похожие на подземное сооружение под александрийским кладбищем, использовавшееся во время войны как автопарк.

В первой половине декабря прошлого года в Лондоне велись переговоры о поставках оружия в Египет, Ирак и Иорданию.

В феврале этого года в Суэц прибыло много американцев.

Резидент КИ при МИД СССР

№ 45 *Совершенно секретно*

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.

Представляю тексты доклада начальников штабов Англии по вопросу об английской военной политике и стратегии от 1 мая и протокола заседания Комитета обороны Англии от 25 мая с.г.

Основное содержание документов:

1. Английская военная политика и стратегия должны рассматриваться и планироваться с учетом происшедших с 1947 года изменений. Главными из этих изменений являются: создание Западного и Северо-атлантического союзов и открытие Советским Союзом секрета атомной бомбы.

Современное военное и стратегическое положение характерно тем, что ни Англия, ни континентальные страны Европы не могут вести успешную войну против Советского Союза без помощи США. В свою очередь и США не в силах вести войну с Советским Союзом без помощи Британской империи. Поэтому в основу разработки военной политики должны быть положены принципы так называемой «глобальной стратегии», т.е. мировой стратегии всего западного блока в целом, а не одной только Англии.

2. Военная политика западных стран, направленная против СССР, должна пройти в своем развитии две взаимосвязанных фазы: «холодную войну» и «горячую войну».

Холодная война, в свою очередь, разбивается на три стадии.

Первая стадия – нынешняя «сдерживающая» стадия, которая характеризуется превосходством Советского Союза в количестве «обычного» вооружения, что с чисто военной точки зрения дает возможность СССР в любой момент легко продвинуться до берегов Атлантического океана. От этого шага Советский Союз удерживает только боязнь войны с Соединенными Штатами и возможность применения последними атомной бомбы.

На этой стадии все усилия западных держав должны быть направлены на создание своей военной мощи.

Вторая стадия. Эта стадия наступит тогда, когда наличие «обычного» вооружения у Запада достигнет такого уровня, при котором захват западной Европы уже не будет легким делом для Советского Союза.

На второй стадии СССР будет иметь запас атомных бомб, который мог бы решить исход войны с Англией, но США, в свою очередь, будут иметь могущественную атомную авиацию, которая сыграет роль сдерживающего фактора.

Третья стадия – это стадия новейшей военной техники, которая будет создана западными державами. Западные державы должны будут приложить все усилия к тому, чтобы создать управляемый по радио бомбардировщик со

сверхзвуковой скоростью, дающий возможность «нести атомное оружие в самое сердце России, несмотря на новейшие научные средства обороны».

На этой стадии должно быть достигнуто полное военное превосходство западных держав над Советским Союзом.

Однако западным державам возможно и не придется достичь этой стадии холодной войны, так как успех, достигнутый на второй стадии, может заставить Советский Союз отказаться от своей мечты о создании «контролируемого Москвой коммунистического мира».

Цель холодной войны должна заключаться в том, чтобы, по возможности без военных действий, стабилизировать антикоммунистический фронт, а затем перейти к усилению наступательных мероприятий холодной войны, направленных в конечном счете на полный отрыв стран народной демократии от Советского Союза.

По мере роста военной мощи западных держав, им следует переходить к более решительным действиям в холодной войне.

Начальники штабов считают, что «даже сейчас союзники могли бы позволить себе принять более наступательную стратегию в холодной войне».

Наиболее опасной формой наступления на западные державы в процессе холодной войны являются действия «пятой колонны». Исходя из этого, рекомендуется применить чрезвычайно жесткие меры против коммунистического движения как в метрополиях, так и в колониях.

3. Задача западных держав в области производства вооружения должна состоять в создании новых типов оружия, а не в производстве старых видов вооружения. Это необходимо для того, чтобы в будущей войне можно было отразить атомное нападение и атаки новейших советских подводных лодок.

Военно-производственные центры должны быть размещены не только в самих западных странах, но также и в заморских территориях, с тем, чтобы избежать их полного уничтожения в случае нападения на Западную Европу. Начальники штабов высказываются против всяких попыток запретить атомное оружие.

4. Цели будущей горячей войны должны заключаться в следующем:

а) выстоять в первой фазе войны;

б) не допустить захвата Западной Европы, нанести военное поражение Советскому Союзу и вызвать крушение советского строя.

Применение атомной бомбы и стратегическое авиационное наступление на Советский Союз являются решающими факторами в войне против СССР. В связи с этим, оборона Англии, как главной базы союзников в Европе, должна явиться «кардинальным пунктом политики союзников».

5. Начальники штабов следующим образом характеризуют три главных театра военных действий в будущей войне:

I. Западная Европа

Так как «европейская цивилизация не сможет выдержать русской оккупации всей Западной Европы», то в военных планах западных держав главное место, по крайней мере на первом этапе войны, должно быть отведено обороне рубежа восточнее Рейна.

Но оборона континента должна являться в основном обязанностью самих континентальных держав, при условии привлечения Западной Германии.

Эффективно защищать территорию Западной Германии смогут только сами немцы, поэтому следует немедленно прекратить промышленное раз-

оружение Западной Германии и приступить к созданию западногерманских вооруженных сил.

Во избежание раскола Западного союза по вопросу о восстановлении германской военной мощи не следует создавать самостоятельную западногерманскую армию, но необходимо включить отдельные контингенты германских войск в общую армию Западного союза, где ведущую роль будет играть французская армия.

Что касается крайних флангов европейского фронта – Норвегии, Италии и Греции, то предотвратить падение этих стран будет трудно; кроме того, захват этих стран не окажет решающего значения на исход войны, хотя и создаст дополнительные трудности.

Основным районом, от сохранения которого будет зависеть исход войны, является Северная Атлантика. Нарушение коммуникационных линий в этом районе приведет к полной парализации западноевропейских армий.

II. Средний Восток

Вторым по значению театром военных действий является Средний Восток, который должен служить базой для авиационного наступления против южных районов Советского Союза.

Для того, чтобы обеспечить оборону Среднего Востока, необходимо всемерно усилить Турцию, добиться согласия Египта на создание совместной англо-египетской базы в районе Суэцкого канала и урегулировать англо-американские отношения на Среднем Востоке.

Существенно необходимо привлечь к обороне Среднего Востока британские доминионы и обратить особое внимание на сохранение в составе антисоветского блока Индии и Пакистана.

Планируя оборону Среднего Востока, начальники штабов рассчитывают на то, что Англии удастся склонить Соединенные Штаты выделить для обороны Среднего Востока некоторую часть своих военно-воздушных сил.

Однако, по их мнению, оборона Среднего Востока не должна строиться за счет обороны Западной Европы.

III. Дальний Восток

Третий театр военных действий – Дальний Восток – не будет иметь решающего значения в будущей войне.

Цели холодной войны на Дальнем Востоке заключаются в настоящее время в том, чтобы удержать линию фронта холодной войны, проходящую сейчас в Индо-Китае. Если этот фронт будет сломлен, то подчинение Сиама, Бирмы, Малайи и Индонезии коммунистическому влиянию станет лишь вопросом времени.

Основной базой распространения коммунистического влияния на Дальнем Востоке являются в настоящее время Китай и группы китайского населения, разбросанные по всему Дальнему Востоку. Цель холодной войны против коммунистического режима Китая должна заключаться в том, чтобы заставить его ограничиться пределами своей собственной территории.

Основная угроза интересам западных держав на Дальнем Востоке в случае «горячей» войны будет исходить не столько от китайских войск, сколько от развертывания народно-освободительного движения в колониальных странах. Поэтому основное внимание нужно уделить созданию местных войск внутренней безопасности и укреплению администрации в этих районах.

Начальники штабов предлагают рассмотреть два варианта решения японского вопроса:

а) заключение мирного договора с Японией на выгодных для западных держав условиях;

б) заключение двухстороннего японо-американского соглашения, предоставляющего Соединенным Штатам базы на японской территории, а Японии – право создать свою армию под контролем США.

Второй вариант представляется начальникам штабов более приемлемым.

По мнению начальников штабов, способность западных держав удержать свои позиции на Дальнем Востоке будет зависеть, главным образом, от единства действий американцев, англичан и французов в этом районе.

6. В целях координации военных усилий Англии и США в мировом масштабе, начальники штабов предлагают создать механизм для разработки единой англо-американской стратегии и единых военных планов. Центральный орган этого механизма должен быть построен приблизительно по принципу Об’единенного комитета начальников штабов, функционировавшего во время последней войны.

Начальники штабов выражают беспокойство в связи с тем, что в настоящее время сотрудничество Англии с ее доминионами осуществляется менее энергично, чем, например, с европейскими странами.

7. В своем докладе начальники штабов наметили следующие первоочередные военные задачи:

а) усиление противовоздушной обороны Англии;

б) оборона только самых важных коммуникаций между Северной Америкой и Европой и территориальных вод союзных держав;

в) оборона фронта в Европе;

г) создание достаточных стратегических воздушных сил и баз для них;

д) содержание минимума наземных, военно-воздушных и военно-морских сил, необходимых для обеспечения позиций западных стран в холодной войне;

е) содержание минимума сил для обороны египетской базы.

8. На заседании, состоявшемся 25 мая с.г., Комитет обороны Англии рассмотрел и одобрил основные положения доклада начальников штабов. Однако при обсуждении доклада по некоторым вопросам возникли разногласия.

В докладе начальников штабов имелось предложение о замедлении темпов работ в области атомного вооружения и ускорении темпов работ в области управляемого по радио оружия, предназначаемого для оборонительных целей. Это предложение встретило возражения со стороны ЭТТЛИ[107], БЕВИНА[108] и министра снабжения СТРАУССА.

ЭТТЛИ указал, что вопрос о темпах осуществления программы атомного вооружения не является чисто военным вопросом и поэтому изменение программы требует всестороннего обсуждения.

БЕВИН заявил, что он возражает против замедления темпов работ по атомной энергии в Англии, так как, по его мнению, Англия не должна предоставлять США монополию на такой громадный источник энергии, от которого в будущем может зависеть промышленная мощь Англии.

Комитет обороны решил обсудить вопрос о темпах работ по атомной энергии дополнительно и поручил министрам обороны и снабжения подготовить для этого необходимые материалы.

9. Комитет обороны принял решение поручить министру обороны подготовить новый вариант доклада для передачи его «старым» доминионам и правительству США.

Выполняя поручение, министр обороны внес в доклад следующие изменения:

а) В новом варианте доклада опущено указание на то, что англичане считают желательным участие США в планируемом региональном тихоокеанском блоке. (Параграф 36).

б) Опущено указание на то, что англичане считают желательным разрешение японского вопроса путем заключения двухстороннего японо-американского соглашения (параграф 42).

в) Опущено замечание начальников штабов о том, что английские доминионы недостаточно энергично участвуют в военных мероприятиях Англии. (Параграф 46).

г) Опущено замечание начальников штабов о том, что пока в Англии существует легальная коммунистическая партия, английское правительство не может провести жестких мероприятий против коммунистов в своей стране. (Параграф 50).

д) Опущено предложение начальников штабов о замедлении темпов работ в области атомного вооружения и об ускорении темпов работ в области управляемого оружия. (Параграф 57).

е) Опущено предложение начальников штабов о том, чтобы уделить большее внимание созданию системы гражданской обороны в Англии.

Новый вариант доклада был одобрен премьер-министром и направлен правительству США, правительствам «старых» доминионов, а также английским главнокомандующим на Среднем и на Дальнем Востоке.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 1 листе*.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР С. Савченко

15 августа 1950

№ 46 *Совершенно секретно*

18 августа 1950 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

Переговоры английского генерала Слима в Каире
(18 августа 1950 г.)

В июле с.г. английский генерал СЛИМ вел в Каире переговоры военного характера. Достоверные сведения о переговорах не получены. Несмотря на это, в арабских кругах имели место слухи о том, что три западные великие державы желают Средний Восток разбить на 4 стратегические линии:

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

1) Турция – Каир, под наблюдением турок и англичан,

2) Марса Матрух – Эл Арих, под наблюдением египетской армии,

3) Порт-Саид – Судан-Картум – озеро Тана, под наблюдением Великобритании с помощью Египта.

4) Танганьика – Восточная Африка, под британским наблюдением.

Центральной стратегической авиационной базой будет якобы Файед, который англичане постоянно укрепляют.

Говорят о том, что генерал Слим предложил, что Великобритания поможет в обучении египетской армии, для чего она направит в Египет специалистов и советников.

Резидент КИ при МИД СССР

№ 47 *Совершенно секретно*

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.

Докладываю следующие сведения, полученные от одного из резидентов КИ.

1. На заседании, состоявшемся 14 июля с.г., Комитет обороны Англии рассмотрел вопрос об экспорте нефти и стратегических материалов в Китай.

Этот вопрос был поставлен на обсуждение Комитета обороны в связи с требованием АЧЕСОНА[109] полностью прекратить экспорт нефти в Китай. Свое требование АЧЕСОН мотивировал тем, что нефть, экспортируемая в Китай, в настоящее время передается северокорейцам.

В целях полного прекращения экспорта нефти в Китай, Комитет обороны решил:

а) задержать и конфисковать всю находящуюся на пути в Китай нефть и реквизировать или скупить все запасы нефти в Гонконге на том основании, что эта нефть требуется для операций «войск ООН» в Южной Корее;

б) совместно с американцами добиться включения всех нефтепродуктов в список стратегических материалов, запрещенных для экспорта в СССР и страны народной демократии; приняты меры к тому, чтобы эти материалы не могли попадать в Китай через Гонконг и Сингапур. При этом Комитет обороны отметил, что осуществление этого мероприятия займет некоторое время, так как потребуется специальное решение ОЕЭС.

Во время обсуждения этого вопроса было высказано пожелание, чтобы правительства Англии, США и Голландии попытались убедить Индонезию также прекратить экспорт нефти в Китай.

2. На заседании Комитета обороны было отмечено, что, несмотря на запрещение экспорта стратегических материалов из Англии в Китай, экспорт этих материалов до сих пор продолжается через Сингапур и Гонконг.

Для того, чтобы прекратить этот экспорт и не поставить Англию в затруднительное положение перед ОЕЭС, Комитет обороны решил прекратить дальнейшую выдачу Китаю лицензий на стратегические материалы.

3. Оценивая возможные последствия осуществления этих мер, Комитет обороны пришел к выводу, что реакция Китая в настоящее время представит

меньшую опасность для Англии, чем недовольство американцев в случае, если бы Англия не запретила экспорта стратегических материалов в Китай.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР С. Савченко

24 августа 1950 года

№ 48 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Докладываю краткое содержание протокола заседания Комитета обороны Англии от 11 июля с.г.

1. 25 мая с.г. Комитет обороны Англии рассмотрел доклад начальников штабов, в котором рекомендовалось замедлить темп работ в области атомного оружия и уделить основное внимание работам в области управляемого оружия.

ЭТТЛИ[110], БЕВИН[111] и министр снабжения СТРАУСС выступили против этого предложения, ввиду чего Комитет обороны решил дополнительно рассмотреть этот вопрос на одном из следующих заседаний.

На заседании, состоявшемся 11 июля с.г., Комитет обороны снова обсудил вопрос об очередности работ в области атомного и управляемого оружия.

Выступивший на заседании ЭТТЛИ подчеркнул, что при определении очередности работ по этим видам оружия не следует допускать, чтобы работы в области управляемого оружия производились за счет сокращения работ в области атомной энергии.

Министр обороны ШИНУЭЛЛ заявил, что его министерство в настоящее время заинтересовано главным образом в том, чтобы осуществление программы научно-исследовательских работ в области управляемого оружия было максимально ускорено. Управляемое оружие, по мнению ШИНУЭЛЛА, является сейчас единственным эффективным средством борьбы против атомного нападения.

3. В ходе обсуждения было выдвинуто предложение об отказе от запланированных работ в научно-экспериментальном центре в Олдермастоне (графство Беркшир) и об использовании сэкономленных таким образом средств для работ в области управляемого оружия. Однако это предложение встретило возражения, основанные на том, что в Олдермастоне производятся не только важнейшие работы в области атомного оружия, но также и научно-экспериментальные работы над другими новейшими видами оружия. При этом было указано, что если программа работ в области атомного оружия будет сокращена даже наполовину, то это позволит сэкономить менее половины всех ассигнованных на Олдермастон средств, так как значительная часть этих средств расходуется на работы по другим видам оружия.

В настоящее время имеется мало надежд на заключение с американцами соглашения по атомной энергии ввиду того, что правительство Соединенных Штатов занято теперь, в первую очередь, корейским вопросом. Кроме того, вследствие роспуска Конгресса на каникулы переговоры с американцами об атомной энергии не могут быть возобновлены ранее чем весной 1951 года.

Для того, чтобы достигнуть договоренности с американцами по вопросу об атомной энергии, английская программа работ в области атомного оружия должна быть возможно более широкой. Более того, если американцы узнают, что английская программа атомного оружия сокращена, они немедленно потребуют больше сырья, что нанесет ущерб английским интересам в области атомной энергии.

На заседании было также отмечено, что кроме расходов на осуществление программ атомного и управляемого оружия Англия должна произвести значительные расходы на проведение научно-экспериментальных работ в области бактериологических и химических средств войны.

5. Подводя итоги обсуждения, ЭТТЛИ указал, что принятые Комитетом обороны общие стратегические принципы требуют, чтобы работы в области управляемого оружия были максимально ускорены.

Комитет обороны Англии в принципе согласился с тем, что осуществление программы работ в области управляемого оружия должно быть максимально ускорено, и предложил министру снабжения СТРАУССУ срочно представить Комитету конкретные предложения о мерах по ускорению этих работ.

Комитет обороны вместе с тем постановил, что существующую программу работ в области атомной энергии пока изменять не следует.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР С. Савченко

31 августа 1950 года

№ 49 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Представляю справку о конференции министров иностранных дел стран Британской империи, проходившей с 9 по 14 января с.г. в Коломбо (Цейлон). Справка составлена на основании протоколов заседаний конференции.

Конференция была созвана по инициативе английского правительства с целью обсудить вопрос о будущей политике стран Британской империи в Юго-Восточной Азии.

Английское правительство вынуждено было пойти на пересмотр своей политики в этой части мира в связи с тем, что образование Китайской народной республики и рост национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии привели к коренному изменению положения во всей Азии.

На конференции было отмечено, что народы Юго-Восточной Азии стремятся к политической свободе и добиваются улучшения экономического положения и что «демократические державы, если они хотят добиться успеха в деле борьбы с наступлением коммунизма, должны дать ясно понять, что они также стремятся предоставить возможность этим народам достичь своих целей». Вместе с тем было подчеркнуто, что западные державы должны перейти к политике «нейтрализации» и разложения национально-освободительных движений изнутри, к политике подчинения националистических движений своим целям.

При определении своей политики в странах Южной и Юго-Восточной Азии участники конференции исходили из того, что «коммунизм находит себе благоприятную почву там, где царит голод и нищета». Учитывая наличие подобного положения в этих странах, конференция пришла к выводу о том, что политика стран Британской империи и западных держав должна быть направлена на ускорение экономического развития стран Южной и Юго-Восточной Азии.

По мнению участников конференции, указанная мера может предотвратить отпадение стран этого района от капиталистической системы. Наряду с этим, использование ресурсов западных держав для развития отсталых районов мира позволит преодолеть экономические трудности и предотвратит экономический крах на Западе.

Для того, чтобы определить мероприятия по экономическому развитию Юго-Восточной Азии, конференция решила рекомендовать представленным на ней правительствам создать Консультативный комитет стран Британской империи. Комитет должен рассмотреть вопрос о возможности составления какого-либо единого плана и создания специального аппарата по осуществлению экономического развития стран Южной и Юго-Восточной Азии, а также привлечь к участию в осуществлении этого плана различные международные организации, США и другие страны, имеющие интересы в Азии.

Конференция отвергла предложение о заключении в настоящее время Тихоокеанского пакта, мотивировав это тем, что в Юго-Восточной Азии «возникли новые государства, для которых формальный союз неприемлем», и подобный пакт «только усилил бы угрозу агрессии, не увеличивая способности сопротивляться ей».

При рассмотрении вопроса о признании Китайской народной республики и о будущей политике в отношении Китая делегаты Канады, Австралии и Новой Зеландии упрекнули БЕВИНА[112] в том, что английское правительство, не считаясь с мнением других стран Британской империи, поспешно решило признать Китайскую народную республику. Такие односторонние действия английского правительства, по их мнению, наносят ущерб единству Британской империи в глазах остального мира.

Выступив с оправданием действий английского правительства, БЕВИН заявил, что вопрос о признании был согласован со странами Британской империи и с США. Последние одобрили действия английского правительства и даже попросили Англию взять на себя основную часть их консульской работы в Китае.

Что касается политики по отношению к Китайской народной республике в будущем, то высказывания делегатов сводились к тому, чтобы противодействовать любому вмешательству со стороны правительства Китайской народной республики в дела некитайских территорий, осторожно относиться к его мероприятиям внутри страны и использовать все возможности для отрыва Китайской народной республики от Советского Союза.

На конференции был поднят вопрос о прекращении состояния войны с Германией. По заявлению БЕВИНА, решение этого вопроса осложняется тем, что пребывание американских войск в Германии и крупные финансовые вклады США в экономику Западной Германии оправдываются лишь сохранением формального состояния войны. Однако, как надеется БЕВИН, вопрос о прекращении состояния войны с Германией будет урегулирован к концу 1950 г.

В ходе работы конференции выявились существенные разногласия между БЕВИНОМ и НЕРУ[113]. В своих выступлениях НЕРУ указывал на необ-

ходимость ликвидации иностранного господства в странах Юго-Восточной Азии и вывода иностранных войск. Он говорил, что «всякий остаток колониального режима в Юго-Восточной Азии будет неиссякаемым источником постоянных трений и будет использоваться коммунистами». НЕРУ отказался пойти на признание режима БАО ДАЯ[114], который, как он указал, не пользуется в стране влиянием. НЕРУ охарактеризовал БАО ДАЯ как неприкрытую марионетку Франции и как личность, имеющую темное прошлое.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 16 листах*.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР С. Савченко

16 сентября 1950 года

№ 50 *Совершенно секретно*

Товарищу МЕНЬШИКОВУ М.А.

Комитет Информации располагает следующими сведениями.

Правительство США предложило английскому правительству принять меры для прекращения закупок Советским Союзом стратегических материалов в странах Британской империи.

Английское правительство считает нецелесообразным в настоящее время вводить официальные ограничения на такие закупки, однако, в ближайшее время оно намерено принять неофициальные меры, обеспечивающие контроль вывоза стратегических материалов из стран Британской империи. Контроль будет установлен, главным образом, на такие материалы, как каучук, олово и шерсть.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР С. Савченко

сентябрь 1950 года

№ 51 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Представляю текст доклада Комитета начальников штабов Англии по вопросу о реорганизации военных органов Западного и Северо-атлантического союзов. Доклад рассматривался на происходившем 1 августа с.г. заседании Комитета обороны при английском кабинете и был одобрен.

Краткое содержание доклада:

1. Комитет начальников штабов Англии считает, что существенным недостатком деятельности Северо-атлантического союза в области подготов-

---

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

ки военных планов является отсутствие тесного взаимодействия между его органами. Созданный при Совете Северо-атлантического союза Комитет заместителей, который находится в Лондоне, оторван от Постоянной группы в Вашингтоне. Постоянная группа в свою очередь оторвана от Финансового и Экономического комитета и Совета военного производства и снабжения.

В целях устранения этого недостатка и оживления деятельности всех органов Северо-атлантического союза Комитет начальников штабов предложил назначить от Постоянной группы военного советника при председателе Комитета заместителей. Основными функциями этого советника должны быть следующие.

а) Раз'яснить Комитету заместителей, а также финансовым органам и органам снабжения военную политику, вырабатываемую Комитетом обороны Северо-атлантического союза, и информировать их о мероприятиях, проводимых в соответствии с этой политикой.

б) Добиваться того, чтобы органы военного планирования учитывали финансовые возможности и возможности снабжения.

Комитет начальников штабов считает необходимым, чтобы военным советником был назначен англичанин.

2. По мнению Комитета начальников штабов, в настоящее время западноевропейские страны нуждаются в сильной и эффективной организации для об'единения и координирования военных усилий этих стран во всех сферах их военной политики и стратегии, в частности – в области стандартизации вооружения и использования военных ресурсов. В связи с этим Комитет предложил создать в Европе Центральную европейскую организацию и включить в нее в качестве полноправных членов страны Западного союза Норвегию, Данию, Италию, Соединенные Штаты и Канаду. Однако Комитет предложил добиться того, чтобы в Центральной европейской организации за странами Западного союза было сохранено право поддерживать свои особые взаимоотношения и по своему усмотрению созывать отдельные совещания для рассмотрения касающихся этих стран проблем.

3. Комитет начальников штабов считает, что вопрос о реорганизации военных органов Западного и Северо-атлантического союзов является весьма срочным. В целях ускорения этой реорганизации он предложил, чтобы английское правительство после консультации с правительствами США, Франции и стран Бенилюкса выдвинуло свои предложения непосредственно в Комитете заместителей, минуя другие военные органы Северо-атлантического союза.

Комитет начальников штабов полагает, что предлагаемая им реорганизация военных органов Западного и Северо-атлантического союзов не встретит каких-либо особых затруднений. Однако Комитет считает необходимым учесть, что расширение Западного союза до десяти стран и особенно включение в него Италии создаст опасность утечки секретной информации.

* * *

Предложение Комитета начальников штабов Англии о включении в Западный союз Соединенных Штатов и Канады в качестве полноправных членов свидетельствует о том, что английское правительство усиленно изыскивает

способы связать Соединенные Штаты конкретными военными обязательствами по отношению к западноевропейским странам.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 17 листах*.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР С. Савченко

8 сентября 1950 года

№ 52 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Докладываю, что согласно полученным документальным сведениям, в Англии функционирует специальный орган – Комитет по переводу страны на военные рельсы.

Этот Комитет был создан в 1948 году и в настоящее время осуществляет контроль над составлением и выполнением правительственных и ведомственных военных планов.

Общее руководство этим Комитетом возложено на Комитет обороны Англии.

Заместитель председателя
КИ при МИД СССР С. Савченко

8 сентября 1950 года

№ 53 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Представляю текст доклада председателя Комитета экспертов по гражданской обороне Англии от 18 июля с.г.

1. Доклад Комитета экспертов по гражданской обороне составлен по указанию Комитета обороны с целью определения суммы расходов на гражданскую оборону Англии на ближайшие четыре года.

Под термином «гражданская оборона» Комитет экспертов подразумевает меры предосторожности против воздушных налетов, строительство нефтехранилищ, охрану и ремонт путей сообщения, обеспечение непрерывной работы портов и предприятий во время воздушных налетов и другие мероприятия.

При составлении доклада Комитет экспертов исходил из возможности возникновения войны в 1957 году.

2. Представленный Комитетом экспертов план расходов на гражданскую оборону составлен на основе военных планов различных ведомств.

---

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

Все расчеты базируются на предположении, что в случае войны в 1957 году Англия подвергнется массированным воздушным налетам с применением оружия массового уничтожения. Кроме того, предполагается, что уже на первой стадии войны на Англию будет сбрасываться 30.000–40.000 фугасных и зажигательных бомб в месяц.

3. В целях ускорения работ по организации гражданской обороны, Комитет экспертов предлагает разделить все военные ведомственные планы на три категории в зависимости от срочности их выполнения.

К первой категории рекомендуется отнести планы тех работ, осуществление которых в течение четырех лет позволит создать основу для развертывания всей системы мероприятий по гражданской обороне и обеспечить выполнение этих мероприятий к 1957 году. Сюда относятся такие мероприятия, как, например, создание системы предупреждения, обучение добровольцев, охрана и ремонт путей сообщения, обеспечение продовольствием и другие мероприятия.

Ко второй и третьей категории отнесены планы менее срочных работ, выполнение которых, однако, потребует значительных расходов, что может вызвать необходимость перестройки всей экономики Англии.

Всего на работы по гражданской обороне на 1951–1955 гг. Комитет экспертов рекомендует ассигновать 936.093 млн. ф. ст.

Расходы, которые должны быть произведены ведомствами внутренних дел Англии и Шотландии составят 539.457 млн. ф. ст., ведомствами здравоохранения Англии и Шотландии – 237.271 млн. ф. ст., ведомствами топлива и энергетики – 76.214 млн. ф. ст., транспортными ведомствами – 34.542 млн. ф. ст. Основными статьями расходов на гражданскую оборону являются создание учебных центров – 29.400 млн. ф. ст., организация транспорта – 143.250 млн. ф. ст. и строительство убежищ – 233.123 млн. ф. ст.

4. При составлении сметы расходов ведомства не учитывают проблем, связанных с рабочей силой и сырьем, и исходили из того, что будет существовать полная занятость, нынешние ставки заработной платы, а также современные уровень цен и паритет фунта стерлингов.

В смету не были включены расходы на субсидирование гражданской обороны в частной промышленности, так как в соответствии со своей нынешней политикой английское правительство не будет представлять частной промышленности никаких прямых субсидий, но будет оказывать финансовую помощь путем сокращения подоходного налога. Эта косвенная помощь составит в течение указанного четырехлетнего периода примерно 10 млн. ф. ст.

Однако комитет экспертов считает, что выполнение предлагаемого четырехлетнего плана расходов на гражданскую оборону Англии еще не обеспечит надежной обороны в 1954/55 г. и что для этой цели потребуются дополнительные расходы.

Комитет министров по вопросам гражданской обороны одобрил доклад Комитета экспертов и передал его на утверждение Комитета обороны Англии.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 20 листах*.

С. Савченко

8 сентября 1950 года

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

№ 54 *Совершенно секретно*

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.

Представляю тексты доклада и справки, составленных начальниками штабов Англии по вопросу о военном сотрудничестве с Египтом.

Справка предназначалась для начальника имперского генерального штаба в качестве руководства при его переговорах с правительством Египта об англо-египетском военном сотрудничестве.

Документы получены от резидента КИ в Лондоне и датированы маем 1950 года.

Основное содержание документов сводится к следующему.

1. Начальники штабов считают, что идеальным военным соглашением на Среднем Востоке был бы региональный пакт, включающий Англию, страны Арабской лиги, Израиль, Турцию, Иран, а также, если возможно, Грецию. Однако, по мнению начальников штабов, «ввиду политических затруднений в ближайшее время не предвидится возможности заключения такого рода пакта». Поэтому они предлагают добиться в настоящее время соглашения о военном сотрудничестве пока только между Англией и Египтом.

2. Начальник имперского генерального штаба при переговорах с египтянами должен был убедить последних в том, что в случае возникновения «большой» войны Египет явится первым об'ектом нападения со стороны Советского Союза.

Успешная оборона Египта, по мнению начальников штабов, может быть обеспечена только в том случае, если противник будет задержан на рубеже, расположенном не ближе, чем северная часть Израиля. В противном случае «крайне уязвимые города, порты и сооружения Египта подвергнутся жестоким налетам со стороны русской авиации ближнего действия».

Начальнику имперского штаба предлагается доказать египтянам, что «русскую угрозу в Леванте можно устранить только путем развертывания в первой стадии войны больших контингентов союзнических войск, используя территорию Египта». Египтяне не смогут обеспечить оборону даже своей собственной страны. В связи с этим Египту необходимо заключить военное соглашение с Англией, которая «от имени своих западных союзников берет на себя обязательство защищать этот жизненно важный район».

3. Начальники штабов, ссылаясь на непосредственную угрозу Египту и всему Среднему Востоку со стороны Советского Союза, предлагают иметь в Египте в мирное время определенное число подготовленных английских и египетских сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил и соответствующие базы.

Командование этими вооруженными силами в Египте во время войны должно осуществляться так называемым Египетским штабом, т.е. об'единенным англо-египетским штабом, который будет нести «непосредственную ответственность за морскую, наземную и противовоздушную оборону Египта».

В мирное время командование и управление английскими и египетскими вооруженными силами должно находиться соответственно в руках своих командующих, а также национальных штабов и административных служб. Что же касается планирования «обороны» Египта, мероприятий по противовоздушной обороне и использования имеющихся средств, то, по мнению на-

чальников штабов, требуются совместные, координированные англо-египетские действия.

Все совместные мероприятия по обороне Египта в мирное время должны осуществляться англо-египетским комитетом обороны, англо-египетскими комитетами старших штабных офицеров и старших офицеров административных служб и об'единенным англо-египетским штабом противовоздушной обороны.

4. Кроме того, начальники штабов предполагают создать передовой оперативный штаб и Штаб Среднего Востока, Африки и Южной Азии.

Передовой оперативный штаб предназначается для обеспечения во время войны руководства операциями в Леванте. Командование тремя родами войск возлагается на англичан, так как «Соединенное Королевство будет нести главную ответственность в передовом районе и вместе со странами Содружества предоставит основную часть вооруженных сил».

Штаб Среднего Востока, Африки и Южной Азии должен состоять только из английских командующих на Среднем Востоке. На этот штаб возлагается руководство операциями в районе, простирающемся от Среднего Востока и Северной Африки до Индийского океана и Юго-Восточной Европы. Место расположения штаба – Египет.

При выборе места пребывания штаба англичане исходили из того, что его расположение в Египте явится «крупным фактором в деле обеспечения стабильности и мирного развития Среднего Востока».

Комитет обороны Англии на заседании, состоявшемся 25 мая 1950 г., рассмотрел и одобрил доклад и справку начальников штабов Англии о военном сотрудничестве с Египтом.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 16 листах*.

Председатель КИ при МИД СССР В. Зорин

30 сентября 1950 года

№ 55 *Совершенно секретно*

ноябрь 1950 г.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Комитет Информации располагает следующими сведениями.

Министр иностранных дел Бирмы САО КУН КИО во время своего пребывания в Пакистане в октябре-ноябре с.г. имел неоднократные беседы с премьер-министром Пакистана ЛИАКАТ АЛИ ХАНОМ, на которых присутствовал также главнокомандующий пакистанской армией англичанин генерал ГРЕЙСИ.

Во время этих бесед обсуждался вопрос о создании «единой линии обороны» от Кашмира до Вьетнама. Для укрепления этой линии обороны США и Англия намерены предоставить вооружение и финансовые средства, а люд-

---

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

ские резервы должны быть выделены Пакистаном, Индией, Бирмой, Малайей и Цейлоном.

В журналистских кругах Пакистана эти переговоры расцениваются как начало осуществления плана начальника генштаба Великобритании СЛИМА, который в июле с.г. посетил Цейлон, Малайю, Индию и Пакистан и призывал эти страны к созданию единой армии в этом районе для «обороны против коммунистической агрессии».

Председатель КИ при МИД СССР В. Зорин

15 ноября 1950 года

№ 56 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Комитет Информации располагает следующими сведениями.

Английские власти принимают срочные меры к усилению обороны Гонконга и Коулуна. Строятся оборонительные сооружения вдоль границы с Китайской Народной Республикой. В Цзиньтяне созданы новые военные лагери, расширяется аэродром, на котором находится до 40 самолетов.

Наряду с усилением военно-морских и военно-воздушных сил гонконгские власти приняли решение увеличить механизированную сухопутную армию до 30–40 тысяч человек и оснастить ее новейшим оружием.

Начальник штаба английских сухопутных войск СЛИМ приказал усилить английские войска в Австралии, Индии и Новой Зеландии на случай необходимости оказания помощи Гонконгу.

Правительство Англии предложило гонконгским властям приступить к эвакуации материальных ценностей из Гонконга в Сингапур и на Филиппины. Для проведения этого мероприятия Охранное управление направило в наиболее важные пограничные с Китайской Народной Республикой пункты восемь охранных отрядов, бойцы которых одеты в гражданскую одежду.

В задачу этих отрядов входит усиление охраны на дорогах, проведение облав, проверка документов у лиц, находящихся на пристанях, трамваях, автобусах и в жилых помещениях.

Председатель КИ при МИД СССР В. Зорин

декабрь 1950 года

№ 57 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Представляю записку о разногласиях в Северо-атлантическом союзе, составленную на основании материалов, полученных через дипломатические каналы, и сведений из иностранной печати. В записке дан обзор важнейших событий, характеризующих положение в Северо-атлантическом союзе за последний период.

Содержание записки сводится к следующему.

Стремясь ускорить подготовку к войне против Советского Союза и форсировать в связи с этим перевод экономики западноевропейских стран на военные рельсы, а также создание вооруженных сил агрессивного блока, Соединенные Штаты добились коренной реорганизации руководящих органов Северо-атлантического союза. Эта реорганизация обеспечила создание постоянно действующих органов, занимающихся практическим осуществлением планов подготовки к войне, и позволила сосредоточить в руках американцев почти все руководящие посты в органах Союза.

Создание в начале 1951 года единого командования вооруженных сил Северо-атлантического союза во главе с ЭЙЗЕНХАУЭРОМ, а также назначение в последние дни американского адмирала МАККОРМИКА главнокомандующим военно-морскими силами в Северной Атлантике усилили влияние американцев в Союзе и дали им возможность более активно и бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела западноевропейских стран.

Соединенные Штаты добились к середине 1951 года от своих западноевропейских союзников значительного увеличения военных бюджетов и расширения военного производства.

Однако осуществление военно-экономических мероприятий агрессивного блока привело к резкому ухудшению экономического положения стран Западной Европы. В связи с этим американские требования о дальнейшем расширении военного производства и увеличении вооруженных сил встретили упорное сопротивление европейских участников Союза.

На состоявшейся в сентябре 1951 года в Оттаве сессии Совета Северо-атлантического союза возникли серьезные разногласия по вопросу о распределении бремени военных расходов. В связи с этим был создан специальный комитет для изучения возможности «примирения военных требований с реальными политико-экономическими факторами».

Предложения этого комитета не были одобрены Римской сессией Совета Северо-атлантического союза, состоявшейся в конце ноября 1951 года, и обсуждение спорных проблем перенесено на Лиссабонскую сессию Совета, которая должна начаться 16 февраля 1952 года.

Встретив упорное сопротивление западноевропейских стран в вопросе усиления темпов перевооружения, США в последнее время переместили центр своего внимания с «перспективного» перевооружения на принятие мер по вооружению уже имеющихся и формируемых дивизий, действуя по принципу, как писала газета «Нью-Йорк Таймс», «лучше синицу в руки, чем журавля в небе».

Участникам агрессивного блока также до сих пор не удалось преодолеть разногласия по вопросам о путях включения Западной Германии в антисоветский блок, о сроках формирования, оснащения и численности вновь создаваемых войсковых соединений и о распределении командных постов в вооруженных силах.

Все эти разногласия задерживают осуществление американских планов ускорения подготовки войны против Советского Союза.

Изложенные в записке сведения позволяют предположить, что дальнейшие попытки США заставить своих партнеров по Атлантическому блоку ускорить военные приготовления очевидно приведут к обострению разногласий между ними и удлинению сроков военных приготовлений в странах Атлантического блока.

Следует ожидать, что на Лиссабонской сессии Совета Северо-атлантического союза Соединенные Штаты попытаются добиться принятия согласованных решений, хотя бы на основе несколько урезанных первоначальных планов.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 29 листах*.

Председатель КИ при МИД СССР[115] В. Зорин

8 февраля 1952 года

№ 58 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Комитет Информации при МИД СССР представляет записку «О подготовке к созданию агрессивного военно-политического блока в районе Балкан».

Основное содержание записки сводится к следующему.

1. В целях укрепления антисоветского плацдарма на Средиземном море руководящие круги США пытаются в настоящее время создать, наряду со средневосточным командованием, военно-политический блок в составе Югославии, Греции и Турции, в котором могли бы также принять участие Италия, другие средиземноморские страны и Австрия.

Создание военно-политического блока в районе Балкан, тесно связанного с Северо-атлантическим союзом, позволило бы американцам укрепить свои стратегические позиции вблизи стран народной демократии и южных районов СССР. Правящие круги Югославии, Турции, Греции, а также Италии относятся в принципе положительно к плану создания военно-политического блока с участием этих стран.

План создания такого блока выдвигался американцами на протяжении ряда последних лет, однако практическая реализация этого плана наталкивалась на англо-американские разногласия и на противоречия между странами, намечаемыми американцами к включению в состав проектируемого блока.

2. Правящие круги Англии поддерживают американскую установку на создание агрессивной военно-политической группировки в районе Балкан. Однако подход англичан к решению этой задачи существенно отличается от подхода американцев.

В то время, как американцы стремятся, чтобы проектируемый блок был тесно связан с Северо-атлантическим союзом и взял бы на себя определенную часть общих задач этого союза на южноевропейском стратегическом направлении, англичане заинтересованы в том, чтобы связать югославо-греко-турецкий блок, прежде всего, со средневосточным командованием и использовать военный потенциал участников этого блока для укрепления подступов к Среднему Востоку.

Наряду с этим основным разногласием в отношении «центра тяжести» намечаемого блока, между американцами и англичанами нет единства мне-

---

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

ний также по вопросу о том, какие именно страны следует включить в этот блок. В частности, англичане выступают против намерения американцев присоединить к проектируемому блоку Испанию, так как опасаются, что это приведет к потере английского контроля над Гибралтаром.

Англо-американские разногласия в вопросе создания военно-политического блока в районе Балкан не преодолены до настоящего времени.

Кроме того, подготовка к созданию этого блока осложняется борьбой между США и Англией за политическое влияние в Югославии, Греции и Турции. Англичане упорно стремятся восстановить свои позиции в этих странах, сильно пошатнувшиеся за последние годы в результате усиления влияния США на Балканах и Среднем Востоке. Английские политические и военные деятели систематически посещают Югославию и Грецию. В беседах с представителями югославского и греческого правительств они пытаются доказать, что тесные связи с Англией были бы для Греции и Югославии выгоднее, чем подчинение этих стран Соединенным Штатам. В результате принятых английским правительством мер по расширению англо-югославских экономических связей Англия в 1951 году снова заняла первое место в югославском экспорте, значительно потеснив США.

3. Сложившиеся после войны напряженные отношения между Грецией и Югославией, Грецией и Турцией также являлись крупным препятствием на пути к созданию военно-политического блока в районе Балкан. Борьба между Италией и Югославией за Триест препятствовала организации переговоров об участии в этом блоке Италии.

Стремясь устранить эти препятствия, американцы на протяжении последних полутора-двух лет принимают меры, направленные на то, чтобы сгладить противоречия между предполагаемыми участниками блока. За последнее время они достигли в этом отношении некоторых успехов.

Американской дипломатии удалось добиться политического и экономического сближения между Грецией и Югославией, а также между Грецией и Турцией. Укрепились также югославо-турецкие отношения. Это позволило американцам перейти в начале 1952 года к организации трехсторонних греко-турецко-югославских переговоров о создании военно-политического блока с участием этих стран. Италия в этих переговорах не участвует, так как итало-югославские отношения продолжают оставаться напряженными. Попытки американцев и англичан использовать в качестве базы для итало-югославского «примирения» предложение о разделе Свободной Территории Триест между этими двумя странами пока не дали реальных результатов. Итало-греческие и итало-турецкие отношения также не улучшились за последнее время. Нежелание греческого и турецкого правительств подчинить сухопутные войска этих стран командующему сухопутными силами южной зоны Северо-атлантического союза итальянскому генералу КАСТИЛЬОНИ привело к еще большему обострению отношений между Грецией и Турцией, с одной стороны, и Италией, с другой.

4. Вопрос о создании югославо-греко-турецкого блока обсуждался во время пребывания греческой правительственной делегации в Анкаре (январь-февраль с.г.), при переговорах турецкой правительственной делегации в Афинах (апрель-май) при посещении ЭЙЗЕНХАУЭРОМ[116] в марте Греции и Турции. Главной задачей переговоров между средиземноморскими странами является изыскание формы для привлечения к проектируемому блоку Югославии. Трудность этой задачи для американцев состоит в том, что прямое

включение Югославии в агрессивный союз с Грецией и Турцией могло бы привести к окончательному подрыву позиций клики ТИТО[117] внутри страны, что нежелательно для американцев.

Изложенные в записке сведения дают основание полагать, что вопрос о форме участия Югославии в проектируемом блоке еще не разрешен. Ввиду этого, очевидно, не разработан какой-либо конкретный проект организации югославо-греко-турецкого блока.

На результатах переговоров отражаются также англо-американские разногласия. По имеющимся данным, англичане независимо от американцев ведут секретные переговоры со странами, намечаемыми американцами к включению в состав проектируемого блока, и пытаются выяснить возможность подчинения этого блока целям английской политики на Среднем Востоке.

5. Таким образом, осуществление американского плана создания военно-политического блока в районе Балкан находится пока в начальной стадии. Однако американцы, несомненно, будут форсировать переговоры об организации этого блока.

Как показывают события последнего времени, в частности, поездка испанского министра иностранных дел АРТАХО в столицы арабских стран (апрель с.г.) и визит греческого вице-премьера ВЕНИЗЕЛОСА в Сирию и Ливан (май), не исключено, что американцы, наряду с мероприятиями по сколачиванию югославо-греко-турецкой группировки, ведут подготовку к созданию более широкого средиземноморского блока, который об'единял бы под американским руководством как балканских сателлитов США и Турцию, так и Испанию и арабские страны. Это тем более вероятно, если принять во внимание тот факт, что переговоры о средневосточном командовании зашли в тупик из-за отрицательной позиции Египта. В связи с этим американцы, несомненно, будут стремиться найти новые способы включения арабских стран в агрессивный блок.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 25 листах*.

Председатель КИ при МИД СССР В. Зорин

5 июня 1952 года

№ 59 *Совершенно секретно*

июнь 1952 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ

Надежный источник сообщает. Итальянское министерство иностранных дел хотело бы сейчас провести тесную связь между подписанием нового соглашения о Триесте, греко-турецкими переговорами в Афинах и англо-египетскими переговорами в Каире.

---

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

По мнению итальянских дипломатов, англо-американское соперничество в районе Средиземного моря продолжает существовать, и лондонское правительство собирается возобновить на Ближнем Востоке активную деятельность с тем, чтобы навязать свои собственные решения.

Лондон поспешно стремится пойти на компромисс с Каиром с целью покончить с египетским вопросом до возобновления переговоров о заключении пакта об обороне Среднего Востока.

Итальянское министерство иностранных дел считает, что Великобритания, возможно, предложит «временно» признать суверенитет короля ФАРУКА над Суданом. Великобритания решила заплатить дорогой ценой за быстрейшее заключение пакта об обороне.

Новое наступление англичан в средиземноморском секторе особенно беспокоит Италию. Усилия, прилагаемые для сближения с Великобританией, оказались напрасными. Итальянская дипломатия опять получила лишь пустые обещания, Лондон упорно хочет максимально использовать Югославию для осуществления своего плана действий в Средиземном море.

Белград все больше и больше вовлекается в политическую игру Форейн Оффис. Югославия становится необходимым орудием маневра между Грецией и Турцией. Вопросы, касающиеся обороны Македонии и Фракии, приобретают в греко-турецких переговорах актуальное значение, чему способствует в известной степени Югославия под эгидой Лондона. Снова Италия остается изолированной в районе Средиземного моря в связи с натянутостью в отношениях между Римом и Белградом.

Она старается сейчас избежать полной изоляции, возобновив с Мадридом официозные переговоры, прерванные несколько месяцев тому назад, послав свои «мисси доминичи» в столицы стран Ближнего Востока, продолжив свои переговоры с Израилем, которого беспокоит угроза египетского господства, и дав понять Лондону, что гарантия западной державы позволит ей возобновить прямые переговоры с Югославией.

Именно в этом вопросе деятельность Италии приобретает известное значение. До окончания муниципальных выборов не может быть и речи о возобновлении прямых переговоров с Белградом, однако уже сейчас полагают, что Рим видит в этом возможность затормозить деятельность англичан на Ближнем Востоке.

Натянутость в итало-югославских отношениях становится самым пагубным для Италии фактором политики, проводимой в районе Средиземного моря, при нынешней политической ориентации английских переговоров. Эта натянутость, как об этом уже писалось, усиливает сдержанность греков и турков в вопросе о сотрудничестве вооруженных сил Греции и Турции с итальянской армией, поскольку эти страны опасаются, как бы это сотрудничество не воспрепятствовало попытке об’единения их оборонительной системы с системой обороны Югославии. Таким образом, возможно, что Италия, не получив от Лондона надлежащих обязательств, считает сейчас необходимым устранить столь натянутые отношения с Югославией или, по крайней мере, затянуть это дело, вновь заставив поверить, что соглашение с Белградом возможно.

Резидент МГБ СССР

№ 60 *Совершенно секретно*

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Докладываю следующие сведения, полученные от одного из резидентов МГБ СССР.

По мнению некоторых дипломатических представителей арабских стран, одной из основных причин отставки правительства СИРРИ ПАШИ[118] явилось грубое вмешательство американцев. Посол США в Каире КЕФФЕРИ потребовал от короля ФАРУКА через АФИФИ ПАШУ отставки кабинета СИРРИ ПАШИ в связи с отказом последнего подписать договор о «дружбе, экономическом развитии и торговле» между Египтом и США в том виде, в каком он был представлен египетскому правительству американцами.

Отказ СИРРИ ПАШИ от подписания вышеуказанного договора явился для США неожиданностью, так как прежнее правительство ХИДАЛИ ПАШИ было согласно его подписать.

По заявлению вышеуказанных дипломатических представителей, требование КЕФФЕРИ об отставке СИРРИ ПАШИ совпало с желанием короля ФАРУКА, который, узнав о сговоре СИРРИ ПАШИ с вафдистскими лидерами, также был заинтересован в его устранении с поста премьер-министра.

Англичане, недовольные отставкой СИРРИ ПАШИ, отказавшегося якобы по их указанию подписать договор с США, продолжают вести тайные переговоры с вафдистскими лидерами с целью склонить их к принятию английских условий разрешения англо-египетского конфликта в случае возвращения партии ВАФД к власти.

Министр госбезопасности С. Игнатьев

24 июля 1952 года

№ 61 *Совершенно секретно*

ноябрь 1952 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ

В МИД Франции уже в течение нескольких недель и особенно после избрания ЭЙЗЕНХАУЭРА президентом США опасаются возможного расширения корейского конфликта.

Эти опасения, по словам ответственных чиновников французского МИД, имеют своей основой не сообщения БОННЭ[119] или ОППЕНО[120], а информацию французского посла в Токио ДЕЖАНА.

Если в своих телеграммах первые двое не говорят о Корее, жалуясь на то, что они не получают обычным путем информации о намерениях американского военного командования, то ДЕЖАН постоянно заявляет о своем беспокойстве.

ДЕЖАН на днях имел длительную беседу с МЭРФИ[121] и генералом КЛАРКОМ, они подтвердили ему, «что поездка президента ЭЙЗЕНХАУЭРА

в Корею состоится якобы 15 декабря. Он не будет задерживаться в Токио, если не считать официальной остановки (без установления какого-либо контакта) для пересадки с одного самолета на другой».

Беседа эта подтвердила прежние впечатления ДЕЖАНА, что ввиду отсутствия перспективы заключить перемирие, «военные круги считают, что военные действия в Корее будут возобновлены в более широких масштабах и что к этому и сводится намерение американского военного командования, которое тщательно готовится к этим действиям вот уже в течение более трех месяцев».

В предположение этого ДЕЖАН приводит ряд подтверждающих признаков. Он дает длинный перечень инспекционных поездок американских представителей, участившихся в августе, сентябре и октябре месяце с.г.

За это время в Корее побывали: генерал КОЛЛИНС, адмирал ФЕХТЛЕР, военно-морской министр, генерал ХОДЖ, заместители военного министра ФОСТЕР и РОЗЕНБЕРГ, генералы СМИТ, БОЙТНЕР, ВАНДЕНБЕРГ, адмирал РЭДФОРД и другие.

В этих, а также многочисленных поездках в Корею в августе, сентябре и октябре членов конгресса США, ДЕЖАН усматривает подтверждение своего мнения.

Также по его мнению «операции, предпринятые в начале октября, раскрывают намерение американского правительства» (имеются в виду операции по высадке больших морских десантов в районе 39 параллели и крупные операции с парашютными десантами). Они подчеркивают операции в треугольнике Хилл (внутри знаменитого стратегического треугольника)». Наконец он «в том же смысле указывает, что «с 22 октября генерал КЛАРК решил несколько ускорить последовательную смену войск».

Резидент МГБ СССР

№ 62 *Совершенно секретно*

29 ноября 1952 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ

ЭЙЗЕНХАУЭР[122] после совещания с ТРУМЭНОМ[123] 18 ноября с.г. совещался с начальниками штабов в Пентагоне. На этом совещании он прежде всего попросил БРЭДЛИ[124] изложить планы «важных военных усилий в Корее на весну будущего года на случай, если до этого не будет достигнуто дипломатическое разрешение корейского вопроса».

План изложенный БРЭДЛИ заключается в проведении десантных операций на обеих сторонах верхней части корейского полуострова («клещи») при поддержке военно-морского флота и после предварительной воздушной бомбардировки коммуникационных линий северо-корейцев; за высадкой должна последовать выброска парашютных десантов в особо важных районах.

План предусматривает пополнение войск 8 дивизиями, в том числе: две южно-корейские, три дивизии войск ЧАН КАЙ-ШИ[125] и три свежих американских дивизии. Предусматривается также использование, в случае необходимости «тактического атомного оружия» для поддержания морских десантных операций.

Начальники штабов определили, что применяемое атомное оружие не должно действовать сверх трех миль (осталось неясным, имеется ли в виду радиус действия снаряда или дальность стрельбы орудий по заброске атомных снарядов).

Эти планы составлялись в Пентагоне на протяжении последних нескольких недель.

ЭЙЗЕНХАУЭР выразил крайний скептицизм по поводу возможности успешного завершения переговоров о перемирии и показал, что он прежде всего интересуется планами Пентагона по подготовке весеннего наступления в Корее. Он также дал понять, что основной целью его поездки в Корею является изучение стратегических и тактических аспектов такого наступления.

Резидент МГБ СССР

№ 63 *Совершенно секретно*

ноябрь 1952 года

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ МГБ СССР

20 ноября с.г. ЭЙЗЕНХАУЭР[126] во время завтрака с ИДЕНОМ[127] изложил в общих словах американские планы военного наступления в Корее, а также заявил, что хотя он и будет всемерно поддерживать усилия в ООН, направленные на достижение соглашения по Корее на базе индийского предложения, сам он серьезно сомневается в том, что Китай и Советский Союз согласятся с этим предложением.

ЭЙЗЕНХАУЭР попросил ИДЕНА снова раз'яснить в ООН две предложенные поправки к индийской резолюции, заявив, что включение этих поправок является обязательным условием для принятия индийской резолюции США.

ЭЙЗЕНХАУЭР подчеркнул также необходимость показать «единство Запада» и намекнул, что он дал указание сенатору УАЙЛИ раз'яснить его (ЭЙЗЕНХАУЭРА) позицию по вопросу о военнопленных специально для того, чтобы опровергнуть слухи о разногласиях между западными странами.

В ответ ИДЕН заявил о согласии Англии поддержать индийскую резолюцию с поправками, а также о ее согласии в принципе на проведение крупного весеннего наступления в Корее в случае, если тупик в дипломатических переговорах по этому вопросу не будет преодолен. Он однако ясно заявил:

а) что Англия не пошлет дополнительные войска в Корею;

б) что река Ялу ни при каких обстоятельствах не должна пересекаться;

в) что он оставляет за собой право определения позиции Англии по вопросу применения атомного оружия в Корее до обсуждения его кабинетом.

ИДЕН по поводу возможности принятия Ассамблеей ООН индийской резолюции высказался менее пессимистически, чем ЭЙЗЕНХАУЭР.

Следует отметить, что ИДЕН произнес свою речь в политическом комитете по поводу индийской резолюции сразу же после завтрака с ЭЙЗЕНХАУЭРОМ, речь была написана до завтрака и у него не было времени изменить ее.

Резидент МГБ СССР

№ 64 *Совершенно секретно*

ноябрь 1952 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ

После только что состоявшегося совещания экспертов американской делегации с участием АЧЕСОНА[128] определилась позиция США по корейскому вопросу, которая сводится к следующему:

1. Американцы находятся в большом затруднении в связи с тем, что появилось много проектов в отношении Кореи. Они, также как и ОППЕНО[129], недовольны тем, что западные державы потеряли инициативу и что от представленного ими проекта резолюции, из-за массы поправок, ничего не осталось. Члены американской делегации в связи с этим озабочены тем, как бы им вновь взять инициативу в свои руки.

2. США обеспокоены той холодностью, которую проявляет по отношению к ним индийская делегация. Последняя, в частности, ничего не говорит им о своих проектах. США надеются, что им удастся узнать что-нибудь об индийском проекте с помощью Англии.

3. Чтобы вновь занять ведущее положение по корейскому вопросу, США якобы намерены сделать некоторые уступки, в том числе согласиться на то, чтобы пленные были совершенно освобождены до того, как они сделают свой выбор.

США однако придают большое значение тому, чтобы судьбы пленных попрежнему входили в компетенцию Паньмыньчжонской комиссии, а не Генеральной Ассамблеи. Американские делегаты отмечают, что число пленных, названных коммунистами, значительно меньше действительного количества пленных.

Резидент МГБ СССР

№ 65 *Совершенно секретно*

декабрь 1952 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ

АЛЛЕН – сотрудник американской делегации заявил следующее:

Во время поездки в Корею ЭЙЗЕНХАУЭР будет изучать обстановку главным образом с военной точки зрения. Маловероятно, чтобы ЭЙЗЕНХАУЭР согласился с существующим положением, когда военные операции носят ограниченный характер и в таком виде не могут дать положительных результатов. Вероятнее всего, что ЭЙЗЕНХАУЭР примет решение о расширении масштаба военных действий в пределах Кореи и пока будет избегать расширения операций на Маньчжурию.

Следует ожидать, что американские войска развернут большое наступление с применением новых типов оружия, однако без атомной бомбы.

Резидент МГБ СССР

№ 66 *Совершенно секретно*

декабрь 1952 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ

В связанных с Пентагоном кругах, а также во французском и английском посольствах в Вашингтоне следующим образом характеризуют позицию американского командования в отношении Кореи, изложенную начальниками штабов на совещании с ЭЙЗЕНХАУЭРОМ в Пентагоне 18 ноября 1952 года:

1. Не идти ни на какие уступки по вопросу о военнопленных.
2. Подготовить весеннее наступление с целью захвата всей Кореи; наступление должно быть ограничено пределами Кореи.
3. Для проведения этого наступления усилить войска в Корее дополнительными корейскими войсками и дивизиями ЧАН КАЙ-ШИ[130]. США своих войск в Корее больше не увеличивают и обеспечивают лишь снабжение всех войск в Корее вооружением и амуницией.
4. США в настоящее время не готовы к распространению военных действий на территорию Китая, так как не располагают для этого достаточным количеством войск.
5. Не применять в Корее атомного оружия.

Резидент МГБ СССР

№ 67 *Совершенно секретно*

декабрь 1952 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КИ

ДЕЖАН[131], комментируя назначение Джона Фостера ДАЛЛЕСА на пост госсекретаря США, заявил, что политический департамент министерства иностранных дел Японии обеспокоен возможными требованиями американцев.

Джон Фостер ДАЛЛЕС, являясь ярым сторонником не только политики «сдерживания», но и политики подавления коммунизма, потребует в ближайшее время от Японии большого вклада для осуществления своих планов, и в первую очередь – предоставления сильной японской пехоты. Это беспокойство не означает, что японцы в глубине души против «освобождения Азии», они видят в этом освобождении возможность возврата к японскому господству в Азии. Японцы не хотят осложнений. Японцы хотят, чтобы перевооружение Японии проходило постепенно и параллельно увеличению мощи Японии.

Правящие круги Японии не желают связывать себя с американской политикой, не зная на что она направлена, каковы ее средства и какова опасность, заключенная в этой политике, ее шансы на успех. Правящие круги Японии вынуждены скептически относиться к американской политике в связи с положением США в Корее.

По мнению ДЕЖАНА, споры между Д.Ф. ДАЛЛЕСОМ и ИОСИДА[132] будут сильные. Фостер ДАЛЛЕС умеет обещать своим партнерам. Однако

растущий национализм японцев вынуждает ИОСИДА также твердо стоять на своей позиции.

Резидент МГБ СССР

№ 68 *Совершенно секретно*

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.,
Товарищу Б Е Р И Я Л.П.,
Товарищу Б У Л Г А Н И Н У Н.А.

Комитет Информации при МИД СССР докладывает следующие сведения о поездке ЭЙЗЕНХАУЭРА в Корею.

В ходе предвыборной кампании кандидат на пост президента США от республиканской партии ЭЙЗЕНХАУЭР, учитывая недовольство широких слоев американского народа войной в Корее, дал обещание предпринять после своего избрания поездку в Корею и добиться скорейшего прекращения войны.

Согласно многочисленным высказываниям иностранной печати, именно это демагогическое обещание ЭЙЗЕНХАУЭРА прекратить войну в Корее сыграло решающую роль в обеспечении победы республиканцев на выборах.

ЭЙЗЕНХАУЭР, стремясь создать впечатление, что он якобы действительно добивается скорейшего окончания корейской авантюры, совершил поездку в Корею, где он находился с 2 по 5 декабря с.г. Вместе с ЭЙЗЕНХАУЭРОМ Корею посетили будущий министр обороны США Чарльз ВИЛЬСОН и нынешний руководитель Об'единенной группы начальников штабов БРЭДЛИ.

Американская пресса признает, что ЭЙЗЕНХАУЭР, направляясь в Корею, несомненно, не ставил целью выполнить свое предвыборное обещание об урегулировании корейского конфликта. Это, в частности, подтвердил ТРУМЭН на пресс-конференции в Вашингтоне 11 декабря с.г., заявив, что у ЭЙЗЕНХАУЭРА нет «реального плана прекращения войны в Корее».

Как известно, ЭЙЗЕНХАУЭР целиком поддерживал интервенционистские действия США в Корее. Заявления, сделанные ЭЙЗЕНХАУЭРОМ уже после его избрания президентом, свидетельствуют, что и в настоящее время он придерживается прежней позиции. Показательным в этом отношении является, например, тот факт, что во время обсуждения корейского вопроса на VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН ЭЙЗЕНХАУЭР полностью солидаризировался с позицией нынешнего правительства ТРУМЭНА, направленной на срыв мирного урегулирования в Корее. Так, в беседе 19 ноября с.г. с членом американской делегации в ООН сенатором-республиканцем УАЙЛИ ЭЙЗЕНХАУЭР «подчеркнул невозможность согласиться с принципом насильственной репатриации военнопленных в Корее», тем самым дав понять, что новое правительство республиканцев будет проводить в вопросе о военнопленных прежний курс США. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» ИГЭН писал 20 ноября с.г. об этом заявлении ЭЙЗЕНХАУЭРА следующее:

> «...Заявление, повидимому, имело целью пресечь слухи о том, что генерал ЭЙЗЕНХАУЭР мог бы изменить основную позицию Соединенных Штатов по вопросу о репатриации военнопленных в попытке быстро добиться перемирия в Корее».

О том, что будущее правительство ЭЙЗЕНХАУЭРА не намерено пойти на перемирие в Корее, свидетельствуют также усилившиеся в последнее время в США призывы к продолжению корейской войны для «стимулирования деловой активности» со стороны тех кругов, которые поддерживали ЭЙЗЕНХАУЭРА на выборах. Например, орган монополистических группировок Уолл-стрита журнал «Бизнес уик» писал 28 ноября:

> «...Перемирие сделает предсказываемый спад деловой активности почти неизбежным... Спад может наступить раньше и оказаться сильнее, чем предполагается. Провал попыток добиться прекращения огня мог бы оказаться стимулом».

Касаясь вопроса о поездке ЭЙЗЕНХАУЭРА в Корею, большинство буржуазных газет приходит к заключению, что истинная цель этой поездки состояла в том, чтобы, изучив на месте обстановку, изыскать новые пути дальнейшего продолжения корейской войны. Как сообщалось в печати, ЭЙЗЕНХАУЭР во время своего пребывания в Корее рассмотрел рекомендации американского военного командования, содержащие различные планы наступательных действий на корейском фронте.

Известный американский журналист СТЮАРТ ОЛСОП, комментируя поездку ЭЙЗЕНХАУЭРА, писал в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» 7 декабря:

> «Определить основное решение, которое предстоит принять сейчас избранному президенту ЭЙЗЕНХАУЭРУ, очень легко. Вопрос заключается в том, следует ли подготовить широкое наступление в Корее, чтобы попытаться нанести решающее поражение находящимся там коммунистическим армиям».

Секретарь ЭЙЗЕНХАУЭРА по вопросам печати ХЭГЕРТИ официально подтвердил, что ЭЙЗЕНХАУЭР «вместе с сопровождавшими его лицами изучал на месте стратегические проблемы».

О намерении ЭЙЗЕНХАУЭРА продолжать войну в Корее говорит также тот факт, что он, находясь в Корее, рассматривал план мероприятий по увеличению численности и усилению вооружения южнокорейских войск и обсуждал с главой американской группы военных советников на Формозе генералом ЧЕЙЗОМ, специально прибывшим по его вызову в Корею, вопрос об использовании войск ЧАН КАЙ-ШИ[133] для ведения войны на Дальнем Востоке. В сообщении корреспондента «Нью-Йорк таймс» из Токио от 5 декабря говорится:

> «Японская печать немедленно отметила, что глава американской группы военных советников при китайских националистах на Формозе генерал-майор Уильям ЧЕЙЗ отправился в Корею для беседы с генералом ЭЙЗЕНХАУЭРОМ. Некоторые представители правительства указали, что, по их мнению, это означает, что решение усилить военный нажим союзников может потребовать использования китайских войск».

Не случайно также, что ЭЙЗЕНХАУЭР пытается снова привлечь к разработке дальневосточной стратегии генерала МАКАРТУРА. В своей телеграмме, отправленной МАКАРТУРУ с борта крейсера «Хелина», ЭЙЗЕНХАУЭР указывал:

> «В настоящее время мы разрабатываем программу, которая будет исходить из высших интересов нашей страны и свободного мира... Я глубоко ценю выраженную вами готовность обсуждать со мной эти вопросы и заверяю вас, что хотел бы организовать неофициальные со-

вещания, на которых мои помощники и я могли бы воспользоваться вашим опытом и узнать о ваших идеях».

Обсуждая это решение ЭЙЗЕНХАУЭРА, американские газеты подчеркивают, что участие МАКАРТУРА в выработке военно-политических планов США на Дальнем Востоке может привести к расширению войны.

Приведенные сведения показывают, что поездка ЭЙЗЕНХАУЭРА в Корею, формально связанная с его предвыборными обещаниями, в действительности была предпринята им с целью изыскания путей дальнейшего осуществления американской агрессии на Дальнем Востоке.

Председатель КИ при МИД СССР В. Зорин

декабрь 1952 г.

№ 69 *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу БЕРИЯ Л.П.
Товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

Комитет Информации при МИД СССР докладывает следующие сведения о подготовке к созданию югославо-греко-турецкого агрессивного блока.

Как известно, в течение последних полутора-двух лет правящие круги США и Англии подготовляют создание военно-политического блока в составе Греции, Турции и Югославии, который был бы тесно связан с Северо-атлантическим союзом. Организация такого блока позволила бы США и Англии укрепить свои стратегические позиции поблизости от стран народной демократии и южных районов Советского Союза.

1. К середине 1952 года американцам и англичанам удалось добиться значительного экономического и политического сближения между Югославией, Грецией и Турцией. Однако в течение некоторого времени титовцы не решались вступить в открытые военные переговоры с Грецией и Турцией, опасаясь, что это может привести к резкому усилению недовольства в стране.

В целях подготовки к военным переговорам клика ТИТО[134] с июля 1952 года развернула пропагандистскую шумиху под лозунгом «общности интересов Югославии, Греции и Турции перед лицом советской угрозы».

Американцы, со своей стороны, стремились облегчить для клики ТИТО переход к открытому военному сотрудничеству с Грецией и Турцией. Отчасти с этой целью в июле 1952 года они, учитывая напряженные отношения между Югославией и Италией, провели реорганизацию структуры командования вооруженными силами Северо-атлантического союза в южной зоне Европы. Согласно новой структуре, вместо единого командования сухопутными войсками южной зоны, которое должен был возглавить итальянский генерал, было создано два отдельных командования – южной зоны (Италия) и юго-восточной зоны (Греция и Турция). Таким образом, были подготовлены условия, при которых вступление Югославии в военный союз с Грецией и Турцией не ставило ее в зависимость от Италии.

В августе 1952 года Белград посетил американский военный министр ПЕЙС, который, по сообщениям иностранной печати, обсудил с членами

югославского правительства вопрос об организации в ближайшее время переговоров относительно югославо-греко-турецкого военного сотрудничества. С этой же целью в сентябре 1952 года в Югославию приезжал ИДЕН[135]. По возвращении в Англию ИДЕН, как указывала английская газета «Йоркшир-пост», заявил прибывшей в Лондон турецкой правительственной делегации, что «Югославия готова далеко пойти навстречу грекам и туркам в области сотрудничества».

Вопрос о заключении югославо-греко-турецкого военного союза обсуждался также во время переговоров американских, английских и французских представителей с титовцами об экономической «помощи» Югославии, происходивших осенью 1952 года в Белграде. Турецкая буржуазная газета «Джумхуриет» писала в ноябре 1952 года, что во время этих переговоров Югославия отнеслась «более дружелюбно, чем обычно, к установлению военного сотрудничества с Турцией и Грецией».

2. Официальные переговоры с Грецией и Турцией о заключении военного союза были начаты титовцами в сентябре 1952 года, когда югославская военная миссия посетила Анкару и Афины. Английская газета «Таймс» указывала 17 сентября в связи с этим:

> «Югославия уже фактически присоединилась к западной оборонительной системе с «черного хода». Отправку делегации в Турцию и Грецию здесь считают свидетельством готовности югославов больше узнать о роли, которая предназначена им в этом секторе Юго-Восточной Европы».

С 23 по 30 ноября в Белграде находилась греческая военная миссия во главе с командующим афинским военным округом генералом ИОАННУ, а с 19 по 28 декабря – возглавляемая генералом военная миссия Турции. Греческая и турецкая военные миссии посетили ряд югославских военных баз и воинских частей. Члены миссий были приняты ТИТО. С 26 по 29 декабря в Афинах происходили переговоры между югославской военной миссией, возглавляемой генералом ШУМОНЯ, и греческим генеральным штабом.

В ходе всех этих переговоров обсуждались вопросы координации стратегических планов и военных приготовлений Югославии, Греции и Турции. К настоящему времени по большинству вопросов, повидимому, уже достигнута договоренность. Министр иностранных дел Турции КЕПРЮЛЮ заявил 23 декабря, что «между Грецией, Турцией и Югославией в принципе достигнуто соглашение по вопросу о коллективной обороне».

Поскольку титовцы по внутриполитическим соображениям все еще считают нежелательным официально подписывать военно-политический пакт между тремя странами, который пришлось бы предать гласности, югославо-греко-турецкий блок будет оформлен, очевидно, при помощи двух- или трехсторонних секретных военных конвенций. Заключение таких конвенций облегчит штабу РИДЖУЭЯ планирование военных операций в этом районе и в то же время позволит титовцам скрыть от югославского народа содержание конкретных военных обязательств, которые они берут на себя в агрессивном блоке.

Подготовка к созданию югославо-греко-турецкого блока вызывает сильное беспокойство в правящих кругах Италии, которые опасаются, что создание балканской военно-политической группировки без участия Италии приведет к снижению ее роли в агрессивном блоке и, в частности, к перераспределению американской «помощи» в пользу Югославии. Английская газета «Таймс» указывала еще 23 августа 1952 года:

«По мере того, как итальянцы наблюдают все растущее значение Югославии и все увеличивающуюся готовность США вложить свой капитал в Югославию... их беспокойство увеличивается».

Правительство де ГАСПЕРИ[136] опасается также, что в связи с созданием балканского блока американцы поддержат притязания ТИТО на Триест и окончательно откажутся от трехсторонней американо-англо-французской декларации от 20 марта 1948 года относительно признания «итальянского характера» всей Свободной Территории Триест.

Ввиду этого итальянское правительство в последнее время приняло меры, имеющие целью сорвать или хотя бы затормозить военные переговоры между Югославией, Грецией и Турцией. По имеющимся сведениям, де ГАСПЕРИ пытался достигнуть этой цели при встрече с турецким министром иностранных дел КЕПРЮЛЮ в середине декабря 1952 года. Поездка де ГАСПЕРИ в Афины в январе с.г. преследовала ту же цель.

Итальянский журнал «Эстери», являющийся официозом министерства иностранных дел, опубликовал 4 января с.г. передовую статью, в которой излагался итальянский контрпроект создания блока в восточной части Средиземного моря. Согласно этому контрпроекту, должно быть заключено военное соглашение между Италией, Грецией и Турцией, к которому впоследствии сможет присоединиться и Югославия, если она пойдет на уступки Италии в вопросе о Триесте. Повидимому, именно этот план де ГАСПЕРИ изложил греческому премьеру ПАПАГОСУ при встрече с ним в Афинах. Однако греческое правительство не приняло итальянский план. В связи с этим де ГАСПЕРИ был вынужден по окончании переговоров официально заявить, что итальянское правительство не будет препятствовать заключению югославо-греко-турецкого военного соглашения, хотя и продолжает считать такое соглашение «нежизнеспособным» без участия Италии.

Несмотря на это заявление де ГАСПЕРИ, итальянское правительство, повидимому, будет и в дальнейшем пытаться затруднить создание югославо-греко-турецкого блока. Несомненно, однако, что оно не сможет помешать организации этого блока, поскольку в его создании заинтересованы американцы.

Председатель КИ при МИД СССР — В. Зорин

январь 1953 г.

№ 70 — *Совершенно секретно*

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу БЕРИЯ Л.П.
Товарищу БУЛГАНИНУ Н.А.

Комитет Информации при МИД СССР докладывает следующие сведения о намерениях США и Англии втянуть Пакистан в агрессивный военно-политический блок на Ближнем и Среднем Востоке.

1. За последнее время американская и английская дипломатия усилила свою активность по сколачиванию агрессивной «средневосточной оборонительной организации», направленной против СССР и стран народной демо-

кратии. Первоначальный проект этого блока под названием «средневосточное командование» был официально выдвинут правительствами США, Англии, Франции и Турции еще в октябре 1951 года. После провала попыток вовлечь в средневосточное командование все арабские страны США и Англия выдвинули новый план создания агрессивного блока с участием Пакистана. Американцы и англичане рассчитывают, что участие Пакистана в средневосточном блоке будет способствовать вовлечение всех арабских стран в этот блок.

По сообщению агентства Рейтер от 14 января 1953 года.

> «...некоторые американские и английские должностные лица считают, что участие Пакистана в командовании сделало бы союз значительно более эффективным в военном отношении и, возможно, поощрило бы арабские государства к участию в нем».

США и Англия также считают, что стратегическое значение Пакистана «на восточном фланге» сколачиваемого блока столь же важно, как и Турции на его «западном фланге».

Однако, имея общую точку зрения по вопросу о необходимости вовлечения Пакистана в средневосточный блок, как американцы, так и англичане при этом преследуют свои собственные цели.

Англичане рассчитывают, что участие в «средневосточной оборонительной организации Пакистана», а также Австралии, Новой Зеландии и.Южно-Африканского Союза обеспечит Англии руководящее положение в этом блоке.

Правящие круги Англии неоднократно использовали пакистанское правительство в качестве проводника своей политики на Ближнем и Среднем Востоке. Так, например, в феврале 1952 года министр иностранных дел Пакистана ЗАФРУЛЛА ХАН совершил поездку по арабским странам и убеждал правительства этих государств вступить в «Лигу мусульманских стран», которая об'единила бы в целях «обороны» все мусульманские государства Ближнего и Среднего Востока под руководством Пакистана.

Американцы, как отмечала индийская печать, прежде всего заинтересованы в превращении Пакистана в свой военно-стратегический плацдарм. Бывший президент США ТРУМЭН, выступая 7 марта 1952 года в конгрессе, заявил:

> «Пакистан является для нас ценным союзником в Южной Азии из-за его стратегического положения на Индийском океане и его контроля над горными проходами из Центральной Азии».

Кроме того, США считают, что Пакистан, будучи связан договорными обязательствами по средневосточному блоку, прекратит свои антиамериканские выступления в ООН при обсуждении отдельных международных вопросов и тем самым окажет известное влияние на позицию других азиатских и арабских стран, выступающих иногда «единым фронтом» против предложений США.

2. По имеющимся сведениям, западные державы уже давно вынашивают планы использования Пакистана в своих агрессивных целях.

> «Вопрос о стратегическом положении Пакистана в любом средневосточном оборонительном плане, – писал 14 января 1953 года корреспондент агентства Рейтер из Карачи, – занимают умы военных кругов Запада уже в течение нескольких лет».

За последние три месяца США и Англия предприняли практические меры к вовлечению Пакистана в средневосточный блок. По сведениям индийской печати, госдепартамент США в ноябре 1952 года поставил этот во-

прос перед министром иностранных дел Пакистана ЗАФРУЛЛОЙ ХАНОМ во время его пребывания в Вашингтоне. В декабре прошлого года вопрос о включении Пакистана в «средневосточную оборонительную организацию» обсуждался английскими и американскими дипломатами во время парижской сессии совета Северо-атлантического блока.

В первой половине января 1953 года этот же вопрос был предметом переговоров помощника государственного секретаря США БАЙРОУДА с английским министром иностранных дел ИДЕНОМ в Лондоне. По сообщениям иностранной печати, во время лондонских переговоров было решено «пригласить» Пакистан принять участие в создаваемой «средневосточной оборонительной организации». Турецкое правительство, очевидно по указке США и Англии, обратилось к пакистанскому правительству с предложением вступить в «систему средневосточной обороны».

По сообщениям иностранной печати, правительство Пакистана благожелательно отнеслось к этому предложению, хотя пакистанский премьер-министр НАЗИМУДДИН в целях успокоения общественного мнения заявил, что он не имеет «никаких официальных сведений, касающихся приглашения Пакистана присоединиться к средневосточному командованию».

Однако это заявление НАЗИМУДДИНА опровергается тем фактом, что во время переговоров БАЙРОУДА с ИДЕНОМ в Лондоне находился секретарь министерства иностранных дел Пакистана ОСМАН АЛИ БЕЙГ. По сообщению агентства Рейтер от 25 января из Каира, поверенный в делах Пакистана в Египте ТАЙЕБ ХУССЕЙН на прошлой неделе обсуждал вопрос о возможном участии Пакистана в «системе средневосточной обороны» с египетским министром иностранных дел МАХМУДОМ ФАВЗИ. В начале марта эти переговоры будут продолжаться в Карачи, куда должна прибыть специальная египетская военная миссия в составе 8 высших офицеров вооруженных сил Египта.

3. Предложение западных держав Пакистану принять участие в средневосточном блоке вызвало отрицательную реакцию пакистанской общественности и серьезное беспокойство в Индии.

Индийская печать указывает, что присоединение Пакистана к средневосточному пакту и создание на его территории американских военных баз будет означать безусловное вовлечение Пакистана в подготовляемую широкую войну и создаст непосредственную угрозу Индии. Эти настроения нашли свое отражение в выступлениях ряда делегатов на происходившем 17–18 января 1953 года 58-ом с'езде правящей партии Индийский национальный конгресс, а также в заявлении главы индийского правительства НЕРУ о том, что предложение западных держав Пакистану «серьезно беспокоит» Индию и этому вопросу уделяется «серьезное внимание».

Против участия Пакистана в «средневосточной оборонительной организации» выступили пакистанские прогрессивные силы. В частности, комитет защиты мира города Карачи 19 января в своей резолюции потребовал, чтобы

> «...пакистанское правительство открыто и окончательно заявило, что Пакистан не вступит ни в какое военное соглашение и не присоединится ни к какому блоку, а приложит все усилия к тому, чтобы прекратить холодную войну и защитить мир».

Влиятельная буржуазная газета «Пакистан таймс» также выступила с резкой критикой американских планов создания военно-политического блока на Ближнем и Среднем Востоке.

«Пакистанский народ, – писала газета 8 января 1953 года, – никогда не будет служить интересам агрессоров и отвергнет любое предложение, связанное с вовлечением Пакистана в агрессивные союзы или блоки.

...Цели предполагаемой средневосточной оборонительной организации являются открыто агрессивными и пагубными для свободы и прогресса стран Среднего Востока».

Растущее сопротивление народов Индии и Пакистана вступлению Пакистана в средневосточный блок явится серьезным препятствием на пути осуществления англо-американских агрессивных планов на Ближнем и Среднем Востоке.

Председатель КИ при МИД СССР В. Зорин

27 января 1953 года

№ 71 *Совершенно секретно*

январь 1953 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ

Передаем полученный резидентурой документ «Некоторые выводы по атлантической конференции в Париже», подготовленный правительственным органом одной из стран НАТО.

Перевод с французского
Совершенно секретно

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ПО АТЛАНТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ПАРИЖЕ

1. **Англо-американский конфликт обострился**. В последний день конференции, 19 декабря, РИДЖУЭЙ[137] попытался запугать своей отставкой и только вмешательство ИДЕНА[138], который остался в Париже еще на один день, помешало этому разрыву.

Несмотря на это РИДЖУЭЙ демонстрировал свое отрицательное отношение, которое выразилось:

а) в отказе публикации коммюнике о решении созыва следующей Атлантической конференции, которая должна состояться в апреле месяце в Париже (американцы хотели, чтобы она состоялась в Вашингтоне);

б) в нетактичном тоне и в острой форме, перед 60 офицерами оборонительной школы НАТО, во время выпуска курсантов, он высказался против тезиса, который предусматривает затяжку холодной войны.

2. **Некоторый успех английских позиций (уменьшение программы)**.

а) *Наличный состав.*

Программа за 70 дивизий и 7.000 самолетов в 1953 году и за 90 дивизий и 10.000 самолетов в 1954 году была совершенно оставлена.

Задачей в 1953 году будет формирование 35 дивизий и приведение их в полную боевую готовность.

В целях скрытия провала программы информационная служба НАТО сообщила о том, что в будущем не будет говориться о дивизиях и количестве самолетов, так как существуют большие расхождения между размерами дивизий различных стран и их воздушными силами.

б) *Затраты.*

Предусматривающиеся на четвертый период расходы в размере примерно 400 миллионов долларов были уменьшены до 200 миллионов долларов (80 миллиардов франков). РИДЖУЭЙ заявил в связи с этим, что если он не получит хотя бы 100 миллиардов франков, то подаст в отставку.

Согласно признаний лорда ИСМЕЮ (Ismau) распределение этих кредитов в 80 миллиардов франков будет благоприятно для Англии, которая заплатит только 10 миллиардов, в то время, как Франция израсходует 31, а США 39.

По официальным сведениям будут восстановлены и оборудованы 35 аэродромов, при восстановлении которых откажутся строить железобетонные контрольные башни и этим самым сэкономят средства.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

1. **Германия**. Конференция решила договор о европейской армии ратифицировать таким, каким он представлен правительством.

Переговоры между представителями пяти стран Брюссельского пакта (Франция, Англия, Бенилюкс) не имели положительного результата. Несмотря на давление, англичане отказались от определенных обязательств, кроме как быть наблюдателями в «европейских» институтах. На предложение о ревизии проекта конституции европейской «политической власти», они ответили тем, что сохраняют за собой право высказывания своего мнения и дадут ответ после изучения вопроса.

Планы АДЕНАУЭРА[139] предусматривают, что ВЕРМАХТ едва ли сможет полностью участвовать в «европейской армии» или в Атлантической коалиции раньше, чем к концу 1953 года. Планы предусматривают численный состав: для армии: 360.000 солдат, для военного флота – 80.000 человек, для воздушной обороны – 18.000 человек и офицерского состава в количестве 22.000 человек, в том числе – лейтенантов 12.300, капитанов 6.300, майоров 2.000, подполковников 900, полковников 250 и генералов 40 человек. Воздушные силы будут насчитывать 1.300 самолетов.

Эти цифры были перечислены АДЕНАУЭРОМ во время его переговоров с заместителем Верховного комиссара, американцем РЕБЕРОМ и с директором Управления взаимной безопасности (MSA) ДРЕЙПЕРОМ. РЕБЕР и ДРЕЙПЕР поедут в США для встречи с ЭЙЗЕНХАУЭРОМ и подготовят возможное путешествие канцлера АДЕНАУЭРА. Последний обещал активно работать за развитие германо-американского центра холодной войны в Мюнхене (радиопередачи для Востока, усиление работы среди эмигрантов, выброска парашютистов-диверсантов за железный занавес в Украину и особенно в Чехословакию). Основные действия мюнхенского центра будут сосредоточены в Чехословакии, где обстановка в настоящее время считается более благоприятной. За это АДЕНАУЭР потребовал от американцев следующее:

а) Постоянно нажимать на европейские государства, чтобы последние ратифицировали договор о европейской армии, запугивая их тем, что готовые военные материалы будут отданы в распоряжение Германии (если дого-

вор не будет ратифицирован). По этому вопросу информация была опубликована в газете «Нью-Йорк Таймс» несмотря на все опровержения.

б) Создать такие возможности, чтобы в следующем году Западная Германия могла войти в НАТО и предложить ее кандидатом для принятия в члены ООН. (По этому вопросу высказался Верховный комиссар РЕБЕР, заявив, что, к сожалению, это зависит не только от американцев).

в) Уменьшить месячную контрибуцию с 850 мил. марок до 750 мил. марок, которые Западная Германия вносит в бюджет НАТО.

г) Отменить, еще перед ратификацией договора европейской армии, существующие ограничения со стороны оккупационных сил, а также и по боннскому соглашению от 26 мая 1952 г. в отношении германского промышленного производства, которое в основном относится к корабельной промышленности, а не к производству атомной энергии.

д) Инвестиция в следующем году крупных американских капиталов в рурскую промышленность.

2. **Испания**. Несмотря на политические возражения со стороны англичан и военные возражения некоторых начальников штабов, конференция решила привлечь Испанию к участию в атлантической коалиции, с условием, чтобы последняя уступила свои базы. Атлантическая делегация предложила, чтобы все проблемы по соглашению между Испанией и коалицией были рассмотрены в Лиссабоне и сообщены НАТО.

После окончания конференции начальник штаба американской армии генерал КОЛЛИНС уехал в Испанию, а затем в Португалию. В Мадриде он встретился с министром обороны Минозом ГРАНДЕ и посредником в испано-американских военных переговорах генералом ВИКОНОМ.

Результаты этих переговоров будут рассмотрены следующей атлантической конференцией. Еще сегодня, генерал КОЛЛИНС сообщил НАТО о том, что испанский Генеральный штаб согласен уступить США две морские базы в Кадиксе и в Картахене, а также воздушную базу в Borajes, находящуюся около Мадрида.

Взамен, ФРАНКО[140], кроме кредита в 125 миллионов долларов, разрешенных Конгрессом, попросил доставить ему реактивные истребители, что будет исполнено англичанами в 1954 году.

3. **Италия**. Атлантическая конференция с большим недоверием выслушала доклад итальянского министра обороны ПАЧАРДИ. Выяснилось, что Италия имеет 1000 самолетов и 11 дивизий (из которых 8 пехотных), готовых к бою.

Генерал РИДЖУЭЙ, посетивший в конце ноября Breunor и ...и сделав там проверку, отказался присоединить итальянские войска Альпийской зоны к центральному европейскому сектору, чего и хотел маршал ЖУЕН. РИДЖУЭЙ и в будущем решил оставить эти силы под юрисдикцией командования сухопутными силами южного европейского сектора.

Основным вопросом, поставленным итальянцами на общее обсуждение, являлось сотрудничество с осью Турция-Греция-Югославия. Де-ГАСПЕРИ[141] заявил, что это сотрудничество невозможно до тех пор, пока югославы не примут итальянские предложения по вопросу Триеста. Это поддерживалось и итальянской правительственной прессой, в то время как Греция и Турция протестовали. Было принято решение, чтобы турецкий министр иностранных дел посетил Рим с задачей договориться по этому вопросу.

После одной тайной встречи с послом Югославии в Париже турецкий министр иностранных дел КЕПРЮЛЮ 22 декабря уехал в Рим вместе с главным секретарем турецкого министерства иностранных дел. Там он разговаривал с де-ГАСПЕРИ и итальянским государственным подсекретарем иностранных дел ТАВИАНИ. Стало ясно, что итальянское и югославское правительства и в дальнейшем, перед общественностью, будут рассматривать вопрос о Триесте, но это не помешает военному сотрудничеству между Генеральным штабом Рима и штабами Белград-Афины-Анкара для осуществления непрерывного фронта Альпы-Дарданеллы.

Что касается политического урегулирования итальяно-югославских отношений и даже вопроса о Триесте, то разрешение этих вопросов предусматривается в конце весны 1953 года, когда ИДЕН посетит столицы на Балканах.

4. **Греция и Турция**. Греческая делегация, которая была новой и не осведомленной по многим вопросам, на атлантической конференции ничем не отличалась, за исключением одного высказывания о том, что сейчас, когда маршал ПАПАГОС имеет в парламенте большинство приверженцев (230 против 60 оппозиционеров) и внутреннее положение страны стало «прочным и солидным», Греция готова сделать усилия, чтобы более активно помочь Атлантическому союзу.

Турция же попросила новых кредитов в долларах у американцев, обращая их внимание на жертвы и усилия, которые турки принесли в пользу Атлантического союза. Они подчеркнули, что 36% от их бюджета на 1953 год пойдет на военные расходы, в том числе на национальную оборону 570 миллионов турецких лир, на другие статьи расхода по бюджету – 200 миллионов турецких лир, 145 миллионов лир от американской помощи для текущих расходов в 1953 г., 700 миллионов лир от американской помощи на военные материалы, или всего 1 миллиард 615 миллионов турецких лир. Эти цифры были сообщены адмиралу РАЙТУ – Главнокомандующему американским атлантическим Средиземноморским флотом. Турки обещали:

а) Отдать в распоряжение союза 6 новых аэродромов.

б) Внести проект о развитии нефтяной промышленности. Турецкое правительство намеревается «денационализировать» существующую эксплоатацию нефти и предоставить нефтяные богатства своей страны американской компании.

в) Распространение антикоммунистической пропаганды, – создание турецкого комитета «Мира и свободы» под председательством Кулиси КЕПРЮЛЮ – председателя демократической группы парламента.

5. **Югославия**. Турецкая делегация защищала не только себя. Турецкий министр иностранных дел защищал и Югославию, доказывая проамериканское и атлантическое усердие ТИТО фактами, как, например: подготовка к выборам в мае-июне месяцах, которые означают новую децентрализацию и новую эволюцию в либеральном смысле; процесс в Щипе, который доказывает последовательную политику, проводимую против Болгарии и разговор между ТИТО и корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс» СУЛЬЦБЕРГЕРОМ о возможности включения Болгарии и Албании в югославскую федерацию.

Во время этого разговора ТИТО также сказал, что не посылает войска в Корею из-за стратегического положения Югославии (т.к. эта помощь была бы более вредной, чем полезной).

Кроме того, турецкий министр внутренних дел представил отчет о достигнутых успехах в греко-турецко-югославском сотрудничестве:

а) В политическом отношении обмен различными официальными визитами представителей этих стран, проект о возвышении в посольство дипломатических представительств в этих странах и пр.

б) В экономическом отношении предусматривается проект увеличения на $^1/_3$ существующего торгового обмена.

в) В стратегическом отношении – доклад о результатах переговоров в Белграде между французским адмиралом САЛА, вернувшимся с маневров Long Step и адмиралом ПЕРОВИЧ, командующим югославскими морскими силами; роль югославской армии в стратегическом проекте, названном «Обороной Тракии».

Заключение из этой длинной защитительной речи следующее: необходимо разрешить Югославии и Турции увеличение экономической помощи, распределенной в 1952 и 1953 г.г. на три части (она достигнет 78 миллионов долларов, из которых последний взнос в 20 миллионов долларов, только что деблокированный, не достаточен). Прежде всего необходимо, чтобы Франция ускорила обещанную доставку в первом полугодии 1953 года зерна – 90.000 тонн, антрацита – 5.000 тонн, шерсти, продуктов химической промышленности и в первую очередь листового железа для строительства кораблей.

7. **Ближний Восток**. Проблемы по этому вопросу недостаточно глубоко были рассмотрены Атлантической конференцией, приступившей к дискуссии по переговорам между НАГИБОМ (премьер-министр Египта. – *Прим. сост.*) и ШИШАКЛИ, о проектах англо-египетского соглашения о Судане, о позиции арабской лиги и ООН по вопросу принятия Ливии в арабскую лигу. Представитель Эфиопского императора прибыл с специальной миссией, чтобы подтвердить желание его страны войти в состав возможного пакта на Ближнем Востоке и готовность дать базы, которые могут быть потребованы.

Конференция заслушала турецкого министра КЕПРЮЛЮ, который приложил максимум усилий, чтобы убедить разные арабские правительства присоединиться к известному пакту.

С точки зрения Атлантической конференции, улучшение положения на Ближнем Востоке не может быть достигнуто без предварительного соглашения между американцами и англичанами, однако это соглашение пока еще проблематично. Произошел англо-греческий конфликт в отношении Кипра, во время которого АЧЕСОН[142] отказался дать ИДЕНУ объяснения о своем решении вызвать в Вашингтон американского посланника, на которого были возложены экономические вопросы на Ближнем Востоке. В свою очередь ИДЕН отказался сообщить о результатах проведенного смотра на Ближнем Востоке зоны канала маршалом воздушных сил СТРАФФОРДОМ.

Следующая конференция НАТО намечена на апрель 1953 года. Перед началом конференции генерал БРЕДЛИ посетит Мадрид.

Резидент МГБ СССР

№ 72 *Совершенно секретно*

февраль 1953 г.

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ

Направляем полученный резидентурой документ – аналитический обзор о деятельности США, Англии, Франции, Турции и государств Ближнего и Среднего Востока по созданию средневосточного командования, составленный правительственным органом одной из стран региона.

О результатах деятельности во втором полугодии 1952 г. США, Англии, Франции, Турции и государств Ближнего и Среднего Востока в области создания средневосточного командования.

«Государства Среднего Востока

I. *Общие сведения.*

A. Деятельность правительств этих государств следует и в будущем рассматривать на фоне подготовки холодной войны, а также подготовки к возможной мировой войне.
B. Конкретное развитие в этой области происходит только относительно государств и факторов, которые уже имеют связи с системой НАТО.

Особо следует отметить:

1. План средневосточного командования НАТО на суше. Это командование включает Турцию и Грецию. Согласно плану оно включает, среди остальных, Балканы и одновременно прилагаются усилия по вовлечению в командование Югославии.

2. Предусматривают создание средиземноморского командования под руководством МАУНТБЭТТЕНА[143]. Перспективы этого командования, его организация и предназначение пока еще неясны. Имеются разногласия между США и Англией по вопросу стратегического назначения Средиземного моря.
C. В отношении стран Среднего Востока и создания организации средневосточного командования нет никаких конкретных результатов. Положение в этом вопросе ничем не отличается от прошлогоднего положения, когда было выдвинуто предложение о МЕДО (MEDO)[144]. Единственное изменение отмечается в тактическом подходе держав к вопросу о создании МЕДО. Если вначале было предложено создать организацию подобную НАТО, то в настоящее время проектируется организация, полномочия которой ограничиваются главным образом вопросами планирования.
D. В то время как не существует никаких конкретных результатов по созданию организации обороны Среднего Востока, английское командование в зоне своего действия ведет подготовку к мировой войне. В их планировании предусмотрена оборона подступов к зоне канала и подготовка соответствующих средств. Эта деятельность проявилась в ряде проведенных маневров, среди которых следует отметить: маневры «ХАТА» в Трансиордании, проведенные с участием арабского легиона и маневры в районе Южного канала.
E. Возобновление Англией поставок оружия (в частности, реактивных самолетов) арабским странам необходимо в первую очередь рассматривать на фоне новой экономической политики Англии, в которой подчеркивает экспорт

оружия в другие страны. Этот экспорт оружия в арабские страны, возможно, в ряде случаев и не является следствием определенной политической и военной ориентации. Но нет никакого сомнения, что это используется как средство для привязывания арабов к Англии и к Западу вообще. Это также будет иметь значение в общем подсчете сил по планированию в зоне Среднего Востока.
F. Общая тенденция уступок арабам, вероятно, проявится в течение ближайших месяцев, в усилии попыток притти к соглашению с арабами относительно средневосточной обороны.

II. *Вопрос МЕДО.*

В междуарабских взаимоотношениях, а также в вопросе средневосточной обороны, переворот в Египте послужил решающим фактором в политическом развитии в течение последнего полугодия.
А. Позиция держав накануне переворота (июль 1952 г.) в этом вопросе характеризуется следующим образом:

Англия

В первое время Англия еще не усматривала возможности вовлечения Египта в организацию зональной обороны. Намерение Англии было – использовать разрыв между Египтом и остальными арабскими странами тремя путями:

1. Облегчить арабским странам вступление в организацию путем дополнительного сокращения доли военного потенциала стран – участниц организации. Еще в первоначальном плане, из политических соображений, державы сократили обязательства стран – участниц этой организации настолько, что встал вопрос об эффективности этого командования. Теперь же идея командования была полностью оставлена и вместо нее было предложено ограничиться «планировочным институтом». (Примечание – орган по планированию). Поэтому вступление в этот орган арабских стран сопряжено только с общими обязательствами с их стороны.

2. Исключить Израиль из числа членов предлагаемой организации и опровергнуть таким путем одно из арабских возражений против их присоединения (согласно этому мнению, остальные арабские страны и Турция должны присоединиться к этому органу).

3. Ускорить создание группы планирования и не обуславливать это предварительно с арабскими странами. Ввиду отсутствия такого договора, эту организацию следует привести в действие на основе западного договора (согласно английского предложения при участии: США, Англии, Франции, Турции и трех заинтересованных доминионов). Когда арабские страны увидят этот орган существующим и деятельным, они, кроме Египта, который останется таким образом изолированным, с течением времени примкнут к этой организации. Не исключено, что и Египет примкнет к этой организации с тем, чтобы не быть изолированным и не остаться в стороне в вопросе обороны. Необходимо отметить, что готовность Англии создать такой орган без участия арабов является исключительно тактическим шагом, направленным на обеспечение в будущем вступления арабов в этот орган.

США

США в вопросе плана зональной обороны проявили на этой стадии известную индифферентность. Им была ясна несовместимость его формы, в которой предложения Запада не соответствовали средневосточной дейст-

вительности и следует ограничиться планировочным органом. Поэтому они решили заменить наименование SACME (Supreme Allied Command Middle East) на Middle East Defense Organization.

В отличие от Англии США считали, что создание такой организации, без участия арабов, придаст ей характер чуждого органа, вмешивающегося в дела чужой зоны и навязывающего «империалистическую» волю и что в будущем это затруднит вступление арабов в эту организацию. Если условия для их участия еще не созрели, эти мероприятия необходимо отложить. Одновременно с этим США сконцентрировали свои усилия по разрешению конкретного мира между Грецией и Турцией в НАТО. США настаивали на ускорении этого мира (Примечание: – Видимо имеются ввиду спорные вопросы, существовавшие между Грецией и Турцией) с тем, чтобы не произошла задержка в создании средневосточного командования из-за неразрешенных вопросов между отдельными странами.

Франция

Франция пошла еще дальше в отклонении от плана SACME (в оригинале), считая невозможным разрешение англо-египетского вопроса и усматривала более конкретные перспективы в заключении ряда отдельных гибких и тайных договоров с каждой из арабских стран в отдельности. Ее намерение было разделить всю зону на части с таким расчетом, чтобы Англия сохранила связь с Трансиорданией и Ираком, США и Саудовской Аравией и Египтом, а Франция с Ливаном. Это предложение базировалось на желании Франции сохранить свое влияние в Сирии и Ливане. По этой причине Франция противилась присоединению доминионов к органу по планированию.

Турция

Правительство Турции за последнее время до переворота в Египте и до англо-турецких переговоров с октября 1952 года в Лондоне концентрировала свои усилия по вступлению в НАТО и в обеспечении своих северных границ при помощи этой организации. По этой причине она принимала меры по укреплению своих отношений с Грецией и Югославией, а ее отношения с арабами и вопрос средневосточного командования отошли на второй план.

Среди арабских стран положение оставалось неизменным с момента выдвинутых осенью 1951 года предложений западными державами. Правительства арабских стран (кроме Египта) признавали материальные, политические и военные преимущества, которые им предоставит предложение Запада, но оказались бессильными претворить их в действительность, в силу оппозиций и антиимпериалистического давления изнутри и давления Египта извне.

В. С возникновением нового режима в Египте, в этом вопросе произошло коренное изменение. Этот режим с самого начала, по своей сущности рассматривался как прозападный, который здраво подходит к вопросу обороны и зависит от военного и экономического пособия Запада. Поэтому возникла надежда, что на этот режим можно будет воздействовать с тем, чтобы он примкнул к системе зональной обороны, создаваемой Западом, а за ним примкнули и другие арабские страны. И действительно, спустя два месяца НАГИБ[145] убедился в выгоде, которую его государство может извлечь от присоедине-

ния к такой организации и стал искать путь к его осуществлению, поставив в качестве предварительного условия эвакуацию англичанами зоны Суэцкого канала. НАГИБ выразил готовность обсудить одновременно вопрос эвакуации и присоединения Египта к МЕДО, которое (присоединение) осуществится только после эвакуации (в этом отличие его позиции от позиции предыдущего правительства, которое отказывалось обсудить вопрос о МЕДО до эвакуации англичан). Таким образом, было установлено, что новый режим в Египте не разрешит спорных вопросов по плану зональной обороны, наоборот урегулирование англо-египетского конфликта останется и далее предварительным условием по созданию организации зональной обороны. Как и прежде, египетская политика направлена на препятствие по вступлению в МЕДО остальных арабских стран до тех пор, пока Англия не удовлетворит египетские требования. И это несмотря на то, что в принципе египетское правительство одобряет идею зональной обороны.

C. С октября 1952 года резко изменилась и позиция Турции в этом вопросе. Ее скептическая позиция по отношению к МЕДО сменилась энергичной деятельностью среди арабских стран, в особенности в Каире. Ее представители подчеркивали преимущества кроющиеся в этом плане для арабов и выполняли роль посредника между Западом и арабскими странами в вопросе обороны зоны. Это изменение вызвано:

1. Удовлетворением требования Турции и полным участием ее в системе НАТО, что максимально гарантировало безопасность ее границ. В результате этого в Турции усилилось чувство безопасности ее границ с советским блоком и отсюда ее готовность заняться вопросами ее арабского тыла, даже если это сопряжено с дополнительными военными обязательствами (широкая деятельность Англии в вопросе ускорения разрешения греко-турецко-югославского сближения была, повидимому, направлена на достижение этой цели).

2. Другая причина кроется в Иране. Там коммунистическая опасность представляется весьма серьезной в глазах турецких лидеров, со дня провала попытки привести МОСАДДЫКА[146] к власти в конце июля 1951 года. Отсюда усиленное стремление Турции предпринять меры для безопасности ее южных границ.

D. В результате этих изменений Англия согласилась с убеждением США и Турции о том, что теперь невозможно приступить к установлению зонального органа по планированию без участия арабов и следует вновь предпринять попытку добиться соглашения с новым режимом в Египте. (С целью подготовки почвы к этой попытке был организован визит генерала РОБЕРТСОНА в Сирию и Ливан. Его предполагавшийся визит в Ирак в последний момент был отменен из-за напряженного положения там).

Одновременно с этим Англия согласилась с Турцией в том, что в случае, если попытка провалится или будет продолжаться слишком долго, то следует обратиться к новой администрации в США и постараться доказать целесообразность создания органа по планированию без участия арабов. Невозможно предсказать, что ответят США на такое обращение.

Американцы в НАТО пришли к заключению, что поскольку в течение длительного времени политическое затруднение задерживает создание МЕДО возникает необходимость более устойчивой и эффективной связи между штабом КАРНЕЯ и сухопутными и воздушными силами Англии на Среднем Востоке.

По мере того как организация зональной обороны на Среднем Востоке превратится в будущем из командования в планировочный орган, возникнет необходимость установления... (Предполагается пропуск слова – примечание 8 отдела) другими средствами для оперативной координации. Эти вопросы повидимому были подвергнуты обсуждению на совещании на Мальте (конец октября 1952 года) между членами НАТО, заинтересованными в Среднем Востоке.

Что касается морского командования на Средиземном море, то после разногласий, продолжавшихся в течение двух лет, был найден приемлемый компромисс как для Англии, так и для США.

E. Главные изменения в вопросе организации обороны Среднего Востока могут быть резюмированы следующим образом:

1. Великие державы отступились от идеи командования в пользу органа по планированию. Они вновь умаляют этим военную эффективность предлагаемой организации в пользу ее политической цели.

2. С приведением в действие южно-восточного командования Европы, часть Среднего Востока вступает в область активного планирования и оперативной ответственности великих держав.

3. Турция после того, как она была удовлетворена в своих требованиях по безопасности границ, обращает свое внимание также и на вопросы обороны Среднего Востока.

4. Египет превратился из абсолютного враждебного фактора к идее зональной обороны в фактор одобряющий эту идею в принципе, с чем он и обуславливает осуществление ее выполнением его требований.

5. Окончательно установлено, что не присоединение Израиля к этой организации является условием присоединения арабов. Это не означает, что Запад не использует других путей для урегулирования военных вопросов Израиля.

F. Дальнейшее развитие в ближайшем будущем зависит главным образом от двух факторов: от продолжения англо-египетских отношений и от отношения правительства ЭЙЗЕНХАУЭРА к вопросам Среднего Востока. В случае, если англо-египетский вопрос не будет урегулирован (последние события в Египте дают основание думать, что перспективы к этому уменьшились), то обращение к арабам закончится ничем. Поэтому предвидится возможность, что к следующей весне будет восстановлен орган планирования Среднего Востока».

Резидент МГБ СССР

№ 73

Совершенно секретно

февраль 1953 г.

Товарищу С Т А Л И Н У И.В.

Комитет Информации при МИД СССР представляет записку «Разногласия между участниками Северо-атлантического блока по вопросу о темпах создания вооруженных сил».

Краткое содержание записки сводится к следующему.

За последний год произошло дальнейшее усиление разногласий между Соединенными Штатами и западноевропейскими странами – участницами Северо-атлантического блока по вопросу о темпах подготовки к новой агрессивной войне.

1. Принятая под большим нажимом со стороны США на лиссабонской сессии совета Северо-атлантического блока в феврале 1952 года военная программа блока на 1952 год предусматривала доведение общего количества дивизий, входящих в вооруженные силы блока, до 50 (включая 20 резервных), увеличение самолетного парка до 4 тысяч машин и создание 60 новых авиабаз.

Однако представители западноевропейских стран поставили выполнение взятых на себя военных обязательств в зависимости от экономического и финансового положения стран Западной Европы.

Уже вскоре после окончания лиссабонской сессии в буржуазной прессе Западной Европы и США появились многочисленные высказывания о том, что ввиду серьезных экономических трудностей выполнение лиссабонской программы срывается.

В связи с этим Соединенные Штаты усилили нажим на западноевропейские страны. Они, в частности, потребовали от западноевропейских стран увеличения сроков военной службы, рассматривая это мероприятие как важнейшее средство, обеспечивающее значительное увеличение численного состава вооруженных сил агрессивного блока. С этой целью американцы в августе 1952 года созвали специальное совещание военных экспертов 6 стран – участниц «европейского оборонительного сообщества». Однако западноевропейские страны не приняли американских требований.

Попытки американцев добиться от правительств стран Западной Европы ускорения ратификации договора о «европейском оборонительном сообществе» в 1952 году также окончились безрезультатно.

Оценивая ход и результаты выполнения военной программы на 1952 год, видные политические деятели США и Западной Европы были вынуждены признать, что участникам Северо-атлантического блока не удалось полностью выполнить военную программу ни в отношении создания новых дивизий, ни в отношении увеличения самолетного парка.

Оправдывая срыв сроков выполнения лиссабонских решений, западноевропейская пресса доказывала, что страны Западной Европы в интересах так называемой «единой стратегии» должны сосредоточить свои усилия на укреплении своего экономического положения.

В этом отношении весьма характерно высказывание английского журнала «Стейтист», который в номере от 6 сентября 1952 года утверждал, что именно

> «Америка и должна быть озабочена возможностью русской агрессии, поскольку она является оплотом против нее. Англия и страны Западной Европы должны все время беспокоиться о своем экономическом положении, или в противном случае они перестанут существовать как свободные нации. Эти две заботы являются частью единой стратегии, и если помнить об этом, то никакие расхождения никогда не примут катастрофического характера».

2. Парижская сессия совета Северо-атлантического блока (декабрь 1952 года), которая должна была подвести итоги выполнения решений лиссабонской сессии и принять военную программу на 1953 год, по оценке буржуазной прессы, дала «жалкие результаты».

Одним из основных вопросов, стоявших на повестке дня парижской сессии, была оценка так называемой «советской угрозы». Соединенные Штаты стремились использовать обсуждение этого вопроса для того, чтобы навязать западноевропейским странам новые военные обязательства.

Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала 17 декабря 1952 года, что на парижской сессии АЧЕСОН[147] настаивал на усилении вооружения, ибо Советский Союз якобы может быстро начать «горячую войну».

Однако представители западноевропейских стран не согласились с американской точкой зрения, указывая, что в настоящее время нет необходимости в расширении военных обязательств, выполнение которых неизбежно привело бы к ухудшению экономического положения стран Западной Европы.

Представители западноевропейских стран потребовали, чтобы темпы создания вооруженных сил были замедлены и чтобы США предоставили своим партнерам более широкую «помощь». Вследствие обострения разногласий между США и западноевропейскими странами военная программа на 1953 год, ориентировочно намеченная уже на лиссабонской сессии, на парижской сессии принята не была.

В коммюнике, опубликованном после окончания парижской сессии, отмечалось, что в будущем «больше внимания должно быть уделено скорее повышению боеспособности вооруженных сил и вспомогательных частей союза, чем их количественному увеличению, если не имеется достаточно средств для выполнения обеих задач», и что для «сильной обороны необходима здоровая экономика». Комментируя эти пункты коммюнике, некоторые буржуазные газеты указывают, что за этими формулировками скрывается стремление западноевропейских стран замедлить темпы создания новых дивизий.

Разногласия в Северо-атлантическом блоке по вопросу об «угрозе нападения» со стороны Советского Союза по существу являются отражением противоречий между США и западноевропейскими странами по вопросу о сроках развязывания новой мировой войны. Правящие круги западноевропейских стран, проводя совместно с Соединенными Штатами подготовку к агрессивной войне, в то же время, повидимому, не разделяют точку зрения американцев о необходимости еще большего ускорения темпов этой подготовки. Западноевропейские страны опасаются, что это может привести к нежелательным для них осложнениям и к дальнейшему усилению их политической и экономической зависимости от США.

Ввиду неудач, которые потерпели США в своих попытках ускорить военные приготовления стран Северо-атлантического блока, и наличия серьезных разногласий между странами – участницами блока пресса западноевропейских стран и США открыто говорит о нарастании кризисных явлений в Северо-атлантическом блоке, об отсутствии единства и уверенности среди участников блока и о том, что «великий союз хиреет».

В связи с этим правительство ЭЙЗЕНХАУЭРА пытается в настоящее время путем нового нажима заставить участников Северо-атлантического блока подчиниться американским требованиям и форсировать дальнейшие военные приготовления.

Недавняя поездка государственного секретаря США ДАЛЛЕСА и руководителя Управления взаимного обеспечения безопасности СТАССЕНА в страны Западной Европы имела своей целью добиться скорейшей ратификации договора о «европейском оборонительном сообществе» и создания «европейской армии», подчиненной американскому командованию. В случае не-

выполнения этих требований американцы угрожают прекратить всякую «помощь» западноевропейским странам и создать в Западной Германии самостоятельную сильную армию.

Приведенные в записке сведения показывают, что стремление США максимально использовать в своих целях материальные и людские ресурсы своих партнеров по агрессивному блоку встречает все большее сопротивление западноевропейских стран и ведет к дальнейшему росту антиамериканских настроений в этих странах.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 21 листе*.

Председатель КИ**

№ 74 *Совершенно секретно*

30 января 1958 г.

ЦК КПСС

Представляю записку «Об отношении Ватикана к социалистическим странам и о взаимоотношениях между католической церковью и государством в странах народной демократии».

Записка составлена по материалам, полученным в конце 1956 года и в течение 1957 года от резидентов КГБ в ряде европейских стран.

Основное содержание записки сводится к следующему.

Ватикан в настоящее время по-прежнему выступает против смягчения напряженности в отношениях между Западом и Востоком и прилагает большие усилия к тому, чтобы помешать достижению соглашения между СССР и западными странами по важнейшим международным вопросам.

Ряд ватиканских деятелей во главе с архиепископом Милана МОНТИНИ, опасаясь, что поддерживаемая Ватиканом политика холодной войны может привести к еще большему ослаблению позиций католической церкви, настаивает на необходимости проведения Ватиканом более гибкой политики в отношении социалистических стран. Они выдвинули, в частности, тезис о том, что Ватикану следует активно выступить в пользу мирного сосуществования и международной разрядки. Однако ПИЙ XII и его ближайшее окружение считают, что для укрепления авторитета Ватикана в католических массах достаточно лишь время от времени выступать в защиту мира, не внося каких-либо изменений в общий политический курс.

Вынашивая планы «устранения угрозы распространения коммунизма», Ватикан усилил в последнее время свою подрывную деятельность против СССР, КНР и восточноевропейских стран народной демократии, уделяя при этом особое внимание «работе» с молодежью.

Ватикан также враждебно относится к общественно-политическому строю, существующему в Югославии, постоянно обвиняя правительство ФНРЮ в проведении антицерковной политики.

---

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

** Фамилия Председателя в данном документе отсутствует. – *Прим. сост.*

Используя свое влияние, он прилагает большие усилия к тому, чтобы убедить США и другие капиталистические страны проводить более жесткую политику в отношении Югославии.

Враждебный характер политики Ватикана в отношении СССР и стран народной демократии определяет и его политику в вопросах о нормализации отношений между Ватиканом и странами социалистического лагеря и об урегулировании отношений между католической церковью и государством в этих странах.

ПИЙ XII в январе 1956 года в беседе с архиепископом Нью-Йорка кардиналом СПЕЛЛМАНОМ заявил, что не может быть никакого «религиозного компромисса или тактического сотрудничества между католической церковью и коммунистическими странами». В своем послании съезду западногерманских католиков, состоявшемуся в сентябре 1956 года, он подчеркнул: «Католическая церковь вторично предупреждает верующих от соблазна поддаться ложному миражу сосуществования, компромисса или внутреннего сближения между католическими институтами и системой противника».

В Ватикане с недовольством были восприняты переговоры между католическими деятелями Польши и Венгрии и правительствами этих стран в 1956–1957 годах по вопросу об урегулировании отношений между католической церковью и государством. Однако в связи с событиями в Польше и Венгрии Ватикан счел необходимым изменить свою тактику и не осудил открыто участие польских и венгерских епископов в этих переговорах. Ватиканские руководители проявляют большую осторожность в данном вопросе, стараясь не осложнять отношений между папским престолом и епископатами в социалистических странах. Ватиканские власти направляют деятельность руководителей польского, а также венгерского епископатов таким образом, чтобы они добивались от правительств Польши и Венгрии как можно больших уступок, используя политические и экономические затруднения в этих странах для укрепления положения католической церкви.

Руководству польского епископата удалось добиться значительного усиления влияния и позиций католической церкви в ПНР. Правительство Польши пошло на значительные уступки кардиналу ВЫШИНСКОМУ и согласилось, в частности, отказаться от поддержки движения прогрессивных католиков во главе с ПЯСЕЦКИМ (группа «Пакс»).

По данным, относящимся к августу 1957 года, в Ватикане в последнее время изучается вопрос о возможности установления между церковью и государством в Югославии отношений, подобных тем, которые существуют в Польше. В начале июля 1957 года государственный секретариат Ватикана обсуждал этот вопрос с представителями епископата США, которые рекомендовали нормализовать отношения между церковью и государством в Югославии.

В Ватикане обсуждался также вопрос о возможности ведения переговоров между католической церковью и правительством КНР. Представители епископата США при этом категорически высказались против каких-либо переговоров.

Правительство КНР, со своей стороны, наряду с решительной борьбой против подрывной деятельности ватиканской агентуры ведет курс на то, чтобы постепенно оторвать китайское католическое духовенство от Ватикана. Этот курс проводится в соответствии с решением пленума ЦК КПК от 25 февраля 1956 года по данному вопросу.

В связи с усилением враждебной деятельности Ватикана против социалистических стран представляется необходимым принять активные меры по ослаблению его влияния в странах народной демократии путем организации в этих странах широкого движения католиков за мир и сосуществование между Востоком и Западом, за поддержку народно-демократического строя с тем, чтобы подготовить необходимые условия для создания в Восточной Европе независимого от Ватикана центра католической церкви. В этой связи следует отметить тот факт, что слухи о возможном создании в Восточной Европе независимого от Ватикана центра католической церкви, инспирированные органами советской разведки в начале 1955 года, вызвали серьезное беспокойство в ватиканских кругах.

В плане активизации разведывательной и контрразведывательной работы против Ватикана целесообразно было бы командировать представителей КГБ в начале 1958 года для проведения переговоров с представителями органов государственной безопасности Венгрии, Чехословакии и Румынии по следующим вопросам:

1. Конкретные мероприятия органов госбезопасности по усилению разведывательной и контрразведывательной работы против Ватикана с целью выявления его планов и намерений в отношении стран социалистического лагеря.

2. Меры по привлечению к сотрудничеству отдельных видных католических деятелей, лояльно настроенных к народно-демократическому строю, возможности организации выступлений таких деятелей с теоретическими положениями в поддержку этого строя и в противовес ватиканским догмам.

3. Мероприятия по компрометации Ватикана и католических деятелей, проводящих враждебную работу в странах народной демократии.

4. Агентурные возможности для проведения активной работы среди католического духовенства в пользу создания в Восточной Европе прогрессивной международной католической организации, а затем (на этой базе) независимого от Ватикана центра католической церкви.

Представляется целесообразным обменяться мнениями по этим вопросам также с китайскими друзьями.

Через Совет по делам русской православной церкви при СМ СССР подготовить открытое письмо патриарха АЛЕКСИЯ и находящегося при нем синода к христианам всего мира (в том числе к католикам) с призывом объединить усилия всех верующих-христиан в борьбе за мир и запрещение оружия массового уничтожения.

В зависимости от реакции на это Ватикана подготовить второе обращение – от имени глав православных церквей мира, которые весной 1958 года должны съехаться в Москву на торжества по случаю сорокалетия восстановления патриаршества в России. Практическое осуществление этих и возможных других мероприятий против Ватикана осуществлять в контакте с Советами по делам русской православной церкви и по делам религиозных культов при Совете Министров СССР.

Используя возможности Комитета госбезопасности, обеспечить широкое распространение указанных выше обращений в капиталистических странах.

Прошу санкции на проведение изложенных мероприятий.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 71 лист (Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*).

Председатель Комитета госбезопасности И. Серов

№ 75 *Совершенно секретно*

13 марта 1958 г.

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
товарищу ГРОМЫКО А.А.

Сообщаю следующие сведения.

В руководящих кругах Ватикана широко комментируется опубликованное в прессе заявление священника ГАДЖЕРО, посетившего в январе с.г. в составе делегации итальянских сторонников мира Советский Союз, о том, что в беседе с членами делегации А.А.ГРОМЫКО указал на желательность установления связей между СССР и Ватиканом в интересах защиты мира.

Это высказывание министра иностранных дел Советского Союза государственный секретариат рассматривает как «зондаж» позиций Ватикана по вопросу о нормализации отношений с Советским Союзом.

Как считает государственный секретариат Ватикана, при желании внести какие-либо конструктивные предложения, направленные на улучшение отношений между СССР и Ватиканом, Советское правительство должно было бы действовать конфиденциальными путями и не через лишенного духовного сана священника, каким является ГАДЖЕРО.

Представитель Ватикана в США ЧИКОНЬЯНИ по просьбе американского правительства информировал государственный секретариат Ватикана о том, что правительство США не одобрило бы возможное установление Ватиканом дипломатических отношений с СССР, поскольку с советской стороны такой шаг преследовал бы лишь одну цель – усилить холодную войну против западных стран.

По мнению самого ЧИКОНЬЯНИ, контакты Ватикана с СССР могут лишь нанести серьезный ущерб престижу католической церкви в США. В частности, протестантские организации в США, как он считает, не преминули бы использовать этот факт для обвинения Ватикана в участии совместно с коммунистами в заговоре против американских «демократических свобод».

Сотрудники отдела чрезвычайных церковных дел государственного секретариата Ватикана рекомендуют использовать предложение А.А. ГРОМЫКО для получения от правительства СССР разрешения на поездку эмиссаров Ватикана в Каунас и Москву.

После детальных консультаций с различными руководящими деятелями католической церкви Ватикан принял решение о том, что до получения официального советского предложения об улучшении советско-ватиканских отношений никакого ответа на заявление А.А.ГРОМЫКО не давать и одновременно не предпринимать каких-либо действий, могущих затруднить выдвижение Советским Союзом такого предложения.

Председатель Комитета госбезопасности И. Серов

№ 76 *Совершенно секретно*

Товарищу П У Ш К И Н У Г.М.

Направляю краткую записку «О разногласиях в Ватикане по берлинскому вопросу».

В записке приводятся данные об интересе, проявляемом руководителями Ватикана, особенно новым папой ИОАННОМ XXIII, к берлинскому вопросу, и о разногласиях по этому вопросу, возникших при его обсуждении в феврале с.г. на заседании конгрегации по чрезвычайным церковным делам.

Согласно этим данным, часть кардиналов-членов конгрегации во главе с государственным секретарем Ватикана ТАРДИНИ отстаивает тезис о том, что западным державам не следует идти ни на какие уступки Советскому Союзу при обсуждении берлинской и других международных проблем. Другая часть во главе с кардиналом МОНТИНИ при поддержке папы ИОАННА XXIII признает все же необходимым, чтобы Запад несколько отошел от непримиримых позиций во избежание дальнейшего обострения международной обстановки.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 5 листов.

Заместитель начальника
ПГУ КГБ при СМ СССР М. К о т о в

28 мая 1958 года *Совершенно секретно*

О разногласиях в Ватикане по берлинскому вопросу

Руководители Ватикана, особенно глава католической церкви новый папа ИОАНН XXIII, уделяют берлинской проблеме большое внимание. ИОАНН XXIII потребовал от государственного секретаря Ватикана ТАРДИНИ сбора через ватиканских дипломатических представителей за границей широкой информации об откликах на советские предложения по данному вопросу. Особо было указано на необходимость получения подробной информации от представителей Ватикана в США, Англии, Франции и ФРГ. Берлинскому кардиналу ДЕПФНЕРУ папа дал личные указания подробно сообщать о ходе развития берлинской проблемы. Руководители Ватикана воспользовались пребыванием в Риме в ноябре 1958 года (в связи с коронацией нового папы) чрезвычайных представителей ряда стран с тем, чтобы выяснить позицию отдельных государств по берлинскому вопросу.

В феврале с.г. для обсуждения данного вопроса в Ватикане было созвано заседание священной конгрегации по чрезвычайным церковным делам, на котором присутствовал ИОАНН XXIII. На заседании выступили кардиналы ТАРДИНИ, ПИЦЦАРДО, ОТТАВИАНИ, МИКАРА, ТЕДЕСКИНИ, ВАЛЕРИ, ДЖОББЕ, ФИЕТТА и были зачитаны письменные заявления кардиналов МОНТИНИ и ЧЕНТО, которые не присутствовали на заседании. В конце заседания конгрегации выступил ИОАНН XXIII.

Заседание конгрегации открыл государственный секретарь Ватикана ТАРДИНИ, который изложил содержание ноты советского правительства

правительствам США, Англии, Франции, ГДР и ФРГ по берлинскому вопросу от 27 ноября 1958 года, а также ответных нот западных держав и подробно остановился на советской ноте по вопросу о мирном договоре с Германией от 10 января 1959 года. После этого он зачитал донесение представителя Ватикана в ФРГ МЮНХА, в котором излагалась официальная позиция Западной Германии по берлинскому вопросу, разногласия в правительстве ФРГ и позиции различных западногерманских партий по этому вопросу. В конце донесения указывалось, что католический епископат ФРГ «почти единодушно» поддерживает АДЕНАУЭРА[148].

После сообщения ТАРДИНИ первым выступил кардинал ПИЦЦАРДО, который, хотя и признал необходимость переговоров между Западом и Востоком, заявил, что позицию СССР по вопросам о границах Германии, о создании федерации двух германских государств, демилитаризации и нейтрализации Германии он расценивает как стремление нанести вред немецкому народу и в еще большей степени ущерб «всему европейскому, а в конечном итоге и всему западному сообществу». «Федерация двух Германий, сказал ПИЦЦАРДО, была бы со времени своего основания слабым звеном и, что еще хуже, рычагом, которым Москва пользовалась бы для нарушения спокойного сосуществования европейских народов, свободных от непосредственного влияния Москвы». ПИЦЦАРДО полностью одобрил изложенную в донесении МЮНХА точку зрения правительства ФРГ по германскому вопросу.

Выступивший затем кардинал МИКАРА поддержал ПИЦЦАРДО. Он отметил, что «присоединение исконных немецких территорий к Польше и России – это несправедливость, и если эта несправедливость будет продолжаться, она явится постоянным источником притязаний в любой подходящий момент. Признать требуемые русскими границы для Германии означает заранее желать нового европейского конфликта». МИКАРА заявил, что он не против всесторонних, однако, не на высшем уровне, переговоров с Советским Союзом, но нельзя не относиться скептически к их результатам, так как ничто не указывает на изменение методов и целей политики СССР.

Наиболее резкий характер носило выступление кардинала ОТТАВИАНИ, который заявил, что политика Запада по отношению к социалистическим странам должна быть не только непримиримой, но даже нетерпимой, так как «непримиримость и нетерпимость продолжают оставаться в основе советской политики». ОТТАВИАНИ подчеркивал, что «русская политика по существу нисколько не изменилась со времен СТАЛИНА». Атеизм и насилие, сказал он, отрезают все пути к переговорам. Ватикану нечего выбирать и изменять, ему следует продолжать идти по пути, «начертанному ясновидящим духом ПИЯ XII, сопротивляясь и призывая к сопротивлению».

Выступления на заседании конгрегации по чрезвычайным церковным делам кардиналов ТЕДЕСКИНИ, ВАЛЕРИ, ДЖОББЕ и ФИЕТТА, а также зачитанные на заседании заявления кардиналов МОНТИНИ и ЧЕНТО носили менее непримиримый характер и в некоторых случаях содержали критические замечания в адрес сторонников холодной войны и призывы к переговорам между Востоком и Западом.

Так, кардинал ТЕДЕСКИНИ в своем выступлении отметил, что в разрешении берлинского вопроса и германской проблемы в целом заинтересован как Советский Союз, так и западные державы, не говоря уже о Германии. Поэтому следовало бы принять во внимание предложения, содержащиеся в советской ноте от 10 января с.г. ТЕДЕСКИНИ подчеркнул, что германская

проблема не может больше оставаться в состоянии неподвижности, не рискуя окончательно зайти в тупик. Поэтому, сказал он, нужно достигнуть хотя бы первого этапа в ее разрешении. ТЕДЕСКИНИ заявил, что он не считает абсурдными предложения СССР о создании федерации двух Германий и вольного города Берлина и что для успеха переговоров по этим вопросам Западу не следовало бы пока поднимать других острых проблем, как например, проблему границ новой Германии, обсуждение которой обязательно затянется. Говоря о позиции АДЕНАУЭРА он подчеркнул: «Непримиримость АДЕНАУЭРА, несомненно, уместна и похвальна как отправная точка. Но она не может быть таковой при принятии окончательного решения. Поэтому следует порекомендовать ему проявлять разумную гибкость в пределах возможного и так, чтобы она не подрывала авторитета его страны и лично его самого».

Кардинал ВАЛЕРИ заявил, что он полностью разделяет точку зрения ТЕДЕСКИНИ и призывает конгрегацию «подумать над тем, что Восточная Германия стала в последние годы политической реальностью... с чем нельзя не считаться». В подтверждение ВАЛЕРИ указал на рост престижа ГДР на международной арене и напомнил, в частности, о заключении между ГДР и ОАР соглашения о создании в обеих странах генеральных консульств, а также о намечаемом обмене дипломатическими миссиями между Ираком и ГДР. В заключение он подчеркнул: «Нужно считаться с реальной действительностью и несмотря на все препятствия «двигать» политику. Упорствование в принципах как таковых может быть равносильно самоубийству». Кардиналы ДЖОББЕ и ФИЕТТА в той или иной степени присоединились к тезисам ТЕДЕСКИНИ и ВАЛЕРИ. Это же сделали в своих письменных заявлениях кардинал ЧЕНТО и особенно кардинал МОНТИНИ.

МОНТИНИ, осторожно осудив крайне реакционную политику ПИЯ XII в отношении СССР, призвал членов конгрегации к «смелым нововведениям» в области политики, которые «не должны смешиваться с духом авантюризма и с легкомыслием». «Горизонты, открытые ИОАННОМ XXIII, указывал МОНТИНИ, требуют от политики Ватикана новых путей и новых методов». Ватикан, сказал он, должен оказывать положительное влияние на политику «топтания на месте», типичную для некоторых кругов и стран, побуждая их к активным поискам новых путей, которые постепенно способствовали бы улучшению международного положения.

В конце заседания выступил папа ИОАНН XXIII. В своем выступлении он отметил важность разрешения берлинской проблемы, ибо эта проблема, сказал он, должна открыть перспективы решения, хотя бы в принципе, всех проблем, противопоставляющих сейчас Восток Западу. ИОАНН XXIII заявил, что Ватикан поэтому не может преждевременно занимать непримиримые позиции в данном вопросе, не отвечающие целям его «новой» политики.

№ 77 *Совершенно секретно*

Товарищу З А Х А Р О В У А.В.

Сообщаю следующие сведения.

1. По данным, поступившим из кругов Ватикана, папа ИОАНН XXIII в своем окружении высказался одобрительно в отношении предложенного Советским правительством нового статуса Берлина.

Папа заявил, что для ослабления состояния холодной войны целесообразно, чтобы советские и западные войска находились друг от друга как можно дальше, что уменьшит возможность возникновения различных инцидентов между ними.

2. В Ватикане создана комиссия в составе кардиналов ТИССЕРАНА и МАЗЕЛЛА для расследования обстоятельств, при которых были скопированы некоторые секретные документы из личного архива папы ПИЯ XII.

В числе скопированных документов находятся записи ПИЯ XII о беседах с гитлеровским полковником ДОЛЛМАНОМ, два письма ГИТЛЕРА к ПИЮ XII и копии писем папы к ГИТЛЕРУ.

В руководящих кругах Ватикана высказывается мнение, что документы были скопированы и переданы в копиях германскому посольству в Риме немецкими иезуитами, советниками ПИЯ XII ЛЕЙБЕРОМ и ХЕНДРИХОМ.

Начальник ПГУ КГБ при СМ СССР Ф. Мортин

май 1959

№ 78 *Совершенно секретно*

Товарищу ПУШКИНУ Г.М.

Сообщаю следующие сведения.

1. По имеющимся данным, кардинальская комиссия конгрегации по чрезвычайным церковным делам Ватикана направила в начале марта с.г. папским представителям, аккредитованным в западных странах – членах НАТО, а также берлинскому кардиналу ДЕПФНЕРУ, директивы о позиции Ватикана по германскому и берлинскому вопросам. В этом документе говорилось:

– Ватикан по-прежнему считает правительство Бонна единственным законным правительством Германии и не признает правительство ГДР. По мнению Ватикана, западные государства при переговорах с СССР должны исходить именно из этого положения.

– Ватикан считает присутствие в Берлине войск западных держав безусловно необходимым как с точки зрения стратегии, так и из соображений политического престижа. По его мнению, если бы западные державы в результате угроз со стороны Советского Союза вывели свои войска из Берлина, то это подорвало бы сопротивление антикоммунистически настроенных католиков в странах, контролируемых СССР.

– Вывод союзнических войск из Берлина приемлем только при условии вывода иностранных войск из всей Германии, что в свою очередь возможно только после разрешения всех важных проблем международной политики, включая соглашение о разоружении и о контроле за его выполнением.

– Ватикан настаивает на том, что Германию можно объединить только путем свободных выборов. Вопрос о мирном договоре с Германией можно решить только путем подписания этого договора с правительством, которое должно быть утверждено общегерманским парламентом, избранным на демократических началах.

– Если имеются реальные шансы на такое разрешение вопроса, то Ватикан не считает нужным поднимать вопрос о бывших немецких территориях,

отошедших к Польше, и хочет лишь получить гарантию, что немецкое меньшинство в Польше будет пользоваться всеми гражданскими правами.

– Запад должен ни в чем не отступать от своих требований и в первую очередь не позволить отодвинуть на задний план германский вопрос, потому что Германия в стратегическом отношении, а также с точки зрения культуры принадлежит к Западу и должна стать органической частью западного политического, экономического и военного об'единения.

– Соглашение по германскому вопросу должно безоговорочно обеспечить для всего германского народа возможность участвовать в будущей европейской федерации.

– Ватикан сомневается в искренности стремления СССР к разоружению и нейтрализации Германии, считая, что Советский Союз руководствуется не опасениями повторения германской агрессии, а наоборот, желанием подготовить почву для войны против Запада в ближайшем будущем.

По другим данным, в апреле с.г. в связи с совещанием министров иностранных дел в Женеве кардинальская комиссия конгрегации по чрезвычайным церковным делам приняла решение направить западным державам документ аналогичного содержания, к которому были добавлены следующие пункты:

– Ватикан поддерживает любое соглашение о запрещении ядерного оружия.

– В соглашение между Западом и СССР должны быть включены гарантии религиозной свободы в странах Восточной Европы.

2. По мнению папского нунция в Бонне МЮНХА, встреча Н.С. ХРУЩЕВА с ОЛЛЕНХАУЭРОМ[149] оказала отрицательное влияние на отношение западногерманской общественности к идеям единства Запада.

Заместитель начальника
ПГУ КГБ при СМ СССР М. Котов

1 июня 1959 г.

№ 79 *Совершенно секретно*

Товарищу ЗОРИНУ В.А.

1. По мере приближения даты встречи Н.С. ХРУЩЕВА с ЭЙЗЕНХАУЭРОМ правое крыло Ватикана во главе с кардиналом ОТТАВИАНИ проявляет все большее беспокойство. ОТТАВИАНИ считает, что встреча глав двух великих держав и связанная с нею возможная разрядка международной напряженности ослабят позиции католической церкви. По его мнению, это, в частности, нанесет ущерб позициям Ватикана в Италии в момент, когда он готовится накануне съезда правящей христианско-демократической партии (ХДП) оказать решительную поддержку правому крылу этой партии в его борьбе с «левыми» силами ХДП.

ОТТАВИАНИ и его сторонники имели намерение организовать среди американской общественности широкую кампанию против встречи Н.С. ХРУЩЕВА с ЭЙЗЕНХАУЭРОМ. С этой целью ОТТАВИАНИ в июле с.г. выезжал в Соединенные Штаты, где имел беседы с руководством католической церкви в США. В августе с.г. в США выехал сторонник ОТТАВИАНИ кардинал ЛЕРКАРО. 24 августа на пресс-конференции в Чикаго ЛЕРКАРО от-

крыто выступил против визита Н.С. ХРУЩЕВА в США и заявил: «Запад может много потерять и ничего не выиграть от посещения ХРУЩЕВЫМ Соединенных Штатов. Его визит в Америку поможет упрочению коммунистического мифа о возможности сосуществования между Западом и Востоком и, следовательно, отнимет последние надежды у народов, находящихся в советской орбите, свобода которых попирается и которые видят в США ведущую силу в борьбе с мировым коммунизмом». Позднее, на приеме у архиепископа чикагского он подчеркнул, что визит Н.С. ХРУЩЕВА в Соединенные Штаты может привести к тому, что католическая церковь потеряет многих, проявляющих в настоящее время колебания между христианством и коммунизмом.

По имеющимся данным, папа ИОАНН XXIII не разделяет точки зрения ОТТАВИАНИ и ЛЕРКАРО и считает, что встреча Н.С. ХРУЩЕВА с ЭЙЗЕНХАУЭРОМ отвечает нынешним интересам католической церкви. В кругах Ватикана существует мнение, что пацифистские выступления папы вызваны, в частности, его желанием во что бы то ни стало созвать Вселенский собор. Папа опасается, что в случае обострения международной обстановки ему не удастся созвать Вселенский собор.

Премьер-министр Италии СЕНЬИ во время пребывания АДЕНАУЭРА[150] в августе с.г. в Италии (где он проводил свой отпуск) обсудил с ним ряд вопросов в связи с предстоящим обменом визитами между Н.С. ХРУЩЕВЫМ и ЭЙЗЕНХАУЭРОМ, в частности берлинский.

При обсуждении этого вопроса СЕНЬИ согласился с мнением АДЕНАУЭРА о том, что если США пойдут на уступки в берлинском вопросе, то ФРГ должна будет форсировать переговоры с Францией с целью создания «третьей силы» в Европе.

Заместитель начальника
ПГУ КГБ при СМ СССР — А. Крохин

16 сентября 1959 года

№ 80 — *Совершенно секретно*

Товарищу ФИРЮБИНУ Н.П.

Сообщаю следующие сведения о политике Ватикана.

1. Государственный секретарь Ватикана кардинал Доменико ТАРДИНИ в ходе ряда бесед с представителями демократической партии США Джоном РАЙАНОМ и Уильямом БЕНТОНОМ, находившимися в Риме в сентябре с.г., заявил, что Ватикан хотел бы, чтобы Запад продолжал поддерживать надежды народов Восточной Европы на «освобождение» от коммунизма. По этой причине демократической партии США следует взять на себя конкретное обязательство о том, что Соединенные Штаты не признают «аннексии» Советским Союзом прибалтийских стран, а также не признают «де-юре» нынешнюю границу между Польшей и СССР. Не должно быть также признано правительство ГДР, а западные войска должны остаться в Западном Берлине. По мнению ватиканских руководителей, американская внешняя политика должна развиваться таким образом, чтобы не подавлять существующих в странах Восточной Европы антикоммунистических сил. США должны ка-

тегорически подтвердить право населения Восточной Европы на свободное избрание собственного политического режима.

Кардинал ТАРДИНИ выразил в указанных беседах сожаление, что в последнее время Соединенные Штаты проявляли незначительный интерес к специфическим проблемам католической церкви в странах Восточной Европы и Азии. в Ватикане считают, в частности, что ни в коем случае нельзя допустить сейчас осуждения правительства ЧАН КАЙ-ШИ[151], так как это привело бы к дезориентации антикоммунистических сил Азии; Запад не должен юридически вступать в переговоры с КНР до тех пор, пока там «не будут восстановлены демократические, гражданские и религиозные свободы».

По словам ТАРДИНИ, в Ватикане считают также, что Соединенные Штаты должны проводить политику «превентивной обороны» территорий, которые пока еще не попали под преимущественное влияние СССР; США должны со всей ясностью заявить Советскому правительству, что расширение политического и военного влияния СССР не может быть более терпимым. ТАРДИНИ высказался за сотрудничество Ватикана с США в борьбе против нынешнего правительства Кубы.

2. По полученным данным, при конгрегации семинарий, университетов и исследований Ватикана создана специальная комиссия, которой поручено заниматься вопросами культурных отношений между СССР и Италией. Председателем комиссии назначен иезуит Джузеппе ДЖАМПЬЕТРО, секретарем – бывший ректор Восточного института Ватикана, один из виднейших ватиканских «специалистов» по вопросам СССР иезуит Фердинандо ТРОЗАРЕЛЛИ. В составе комиссии – немецкий иезуит Эмиль ГЕРМАН, епископ Джузеппе НЕБИОЛО, депутат христианско-демократической партии Италии Джузеппе ЭРМИНИ, адвокат Джулио МЕРЛИНИ. Комиссия будет собираться два раза в месяц в помещении конгрегации. Председатель комиссии должен будет раз в месяц докладывать о ее работе кардиналу ПИЦЦАРДО, префекту конгрегации семинарий, и раз в три месяца – папе ИОАННУ XXIII.

В связи с образованием комиссии, кардинал ПИЦЦАРДО в августе с.г. разослал конфиденциальный циркуляр всем итальянским епископам, предлагая им своевременно сообщать в конгрегацию семинарий обо всех шагах, которые «предпринимаются или только намечаются» в соответствующих епархиях в плане расширения итало-советского культурного сотрудничества. В циркуляре подчеркивается, что культурное сотрудничество между Италией и СССР идет исключительно на пользу «вредной теории коммунизма».

Кардинал ПИЦЦАРДО призывает епископов предостеречь всех верующих, особенно молодежь, от вступления в ассоциацию «Италия – СССР» и от участия в других «культурных движениях», которые открыто или тайно организуются итальянскими коммунистами. Епископы обязаны сообщать в конгрегацию семинарий имена всех студентов, которые едут из Италии в СССР в кратковременную поездку по стране или для длительного пребывания в ней. Епископы должны разъяснять католикам, учащимся в университетах или закончившим их, что без специального разрешения конгрегации семинарий они не должны ни просить, ни принимать гостеприимства или каких-либо других услуг от «русских коммунистических руководителей». В циркуляре высказывается сожаление, что итало-советское культурное соглашение предусматривает культурные и научные мероприятия «как на уровне государственных учреждений, так и на уровне частных организаций, а так-

же на уровне отдельных граждан обеих стран», что означает, как пишет кардинал ПИЦЦАРДО, «ввести троянского коня в нашу цитадель христианства».

В заключение кардинал ПИЦЦАРДО требует от епископов срочно сообщать в конгрегацию семинарий о случаях проникновения на территорию их епархий газет, журналов, книг или других печатных изданий СССР, а также о том, в каких книжных магазинах эти издания продаются, в каком количестве, кем покупаются.

Заместитель начальника
ПГУ КГБ при СМ СССР М. Котов

18 ноября 1960 года

№ 81 *Совершенно секретно*

6 августа 1963 г.

ЦК КПСС
(Для Международного отдела и отдела ЦК КПСС)

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
товарищу ГРОМЫКО А.А.

Сообщаю следующие сведения о беседе КЕННЕДИ с римским папой Павлом VI.

По данным, полученным из непосредственного окружения римского папы ПАВЛА VI, в ходе его беседы с президентом США КЕННЕДИ, состоявшейся 2 июля с.г. в Риме, большое внимание было уделено переговорам Ватикана с социалистическими странами. Римский папа заверил КЕННЕДИ, что эти переговоры касаются чисто религиозных вопросов и направлены на нормализацию положения и расширение влияния католической церкви в социалистических странах. ПАВЕЛ VI подчеркнул, что Ватикан намерен продолжать эти переговоры с социалистическими странами независимо от степени прогресса, которая может быть достигнута в переговорах между Западом и СССР по международным проблемам.

Далее ПАВЕЛ VI затронул вопрос об установлении дипломатических отношений между Ватиканом и США. Этот вопрос, по мнению высших ватиканских кругов, приобретает сейчас особую остроту в связи с тем, что Ватикан прилагает усилия к нормализации отношений с социалистическими странами. ПАВЕЛ VI выразил в беседе с КЕННЕДИ неудовлетворение тем, что США, где значительную часть населения составляют католики, не имеют нормальных отношений с Ватиканом, и тем, что КЕННЕДИ не дает никакой надежды на то, что подобные отношения могут быть установлены в ближайшем будущем.

Министр итальянского правительства по делам участия государства в предприятиях БО в конфиденциальной беседе сообщил, что у КЕННЕДИ вызвало недовольство заявление римского папы о том, что Ватикан собирается поддержать требования епископатов стран Латинской Америки о создании высшей церковной комиссии по Латинской Америке.

По оценке правительственных органов Франции, а также упомянутого итальянского министра БО, беседа КЕННЕДИ с ПАВЛОМ VI протекала не совсем гладко и оказалась более «тяжелой», чем предполагали.

Председатель
Комитета госбезопасности В. Семичастный

№ 82 *Совершенно секретно*

1 июня 1961 г.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
товарищу КУЗНЕЦОВУ В.В.

Направляю текст документа правительственного органа одного из западноевропейских государств, подготовленного в конце марта с.г. и содержащего сведения о позиции западных держав по германскому вопросу.

После использования материал прошу возвратить.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 6 листах.

Председатель
Комитета госбезопасности (А. Шелепин)

Копия
Совершенно секретно

О германской проблеме

В отношении Берлина следует отметить, что после ограниченного кризиса, имевшего место в сентябре прошлого года, никаких серьезных изменений в положении этого города не произошло.

Позиция нового американского правительства, как представляется, незначительно отличается от позиции предшествующего правительства. Отсутствие какого-либо упоминания о Берлине в послании президента конгрессу о положении в стране было истолковано, с одной стороны, как признак того, что американцы хотят еще больше осложнить эту проблему, а с другой стороны, как скрытое предупреждение немцам о том, что правительство Вашингтона, несмотря на то, что оно не склонно уклоняться от своих обязанностей, не намерено продолжать «автоматическое» и безусловное сотрудничество с Бонном времен ДАЛЛЕСА[152] и ЭЙЗЕНХАУЭРА. Хотя успокаивающие заявления КЕННЕДИ и РАСКА[153] о Берлине не могут полностью компенсировать это замалчивание берлинского вопроса, следует, однако, отметить, что на пресс-конференции 9 марта государственный секретарь высказался более определенно: «США твердо обязались защищать свободу Берлина, а также обеспечить безопасность его жителей. Поэтому в настоящий момент мы считаем необходимым сохранить свои позиции в этом городе». Вместе с тем

РАСК добавил, что «мы не можем предвидеть, до какой степени эта позиция будет подвержена изменениям и эволюции».

Нынешнее американское правительство, по-видимому, стремится удержаться на прежних позициях, не ставя, однако, под угрозу период передышки, который, как видно, намечается в отношениях между США и Советским Союзом.

Правительство ФРГ, исходя из внешнеполитических соображений (необходимость защищаться против обвинений в том, что оно занимает враждебную позицию в отношении любой попытки достижения компромисса и является главным препятствием на пути ослабления международной напряженности), а также по внутриполитическим причинам (желание не создавать в период предвыборной кампании впечатления, что социал-демократической оппозиции, по всей вероятности, удастся добиться мирного разрешения германской проблемы или по крайней мере улучшения отношений между обеими частями Германии) в настоящее время якобы заинтересовано в том, чтобы проявить большую гибкость в отношениях с Панковом, Советским Союзом и его сателлитами.

Во время пребывания АДЕНАУЭРА[154] в Лондоне 22 февраля 1961 года у англичан создалось впечатление, что канцлер и его окружение менее непреклонно относятся к идее поддержания контактов с Советами по берлинскому вопросу. Немцы, по-видимому, полностью согласились с тем, что в тактическом отношении целесообразно поддерживать такие контакты и содействовать игре в ослабление напряженности с целью выиграть время.

Однако ясно одно, что АДЕНАУЭР никогда не сможет открыто согласиться подписать соглашение, санкционирующее раздел Германии, и таким образом торжественно отказаться от воссоединения Германии на условиях Запада, что может оказаться возможным если ускорить созревание непредвиденных в настоящее время событий.

На пресс-конференции 10 марта канцлер АДЕНАУЭР подтвердил, что «подобное соглашение неприемлемо» и что боннское правительство будет всеми средствами способствовать тому, чтобы 17 миллионам немцев, живущим в условиях режима УЛЬБРИХТА[155], было предоставлено право на «самоопределение». АДЕНАУЭР намекнул на возможную компенсацию Советскому Союзу в обмен на признание за 17 миллионами немцев Восточной Германии права на самоопределение.

Позиция федерального правительства, в особенности по берлинскому вопросу, является чрезвычайно деликатной. Любая инициатива со стороны немцев – непримиримая или соглашательская – была бы, как никогда, нецелесообразной. Этим объясняется нерешительность АДЕНАУЭРА в отношении того, в каком тоне и в какой форме ответить на послание ХРУЩЕВА, в котором он намекнул АДЕНАУЭРУ на возможность достижения «максимального понимания» в вопросе о Западном Берлине, согласия с перевооружением Германии, если ФРГ заключит мирный договор с Германией Панкова (что потребовало бы ее признания), и согласия с границами, установленными в результате последней войны.

Однако в целом Запад в основном придерживается такой же линии поведения, что и накануне совещания в верхах в мае прошлого года:

1) выжидательная тактика, направленная на сохранение статус-кво в Берлине и установление связи между решением германского вопроса и урегулированием других более общих проблем, и в первую очередь проблемы разоружения;

2) твердость и сплоченность в деле защиты нынешних позиций в Берлине (сохранение прав оккупационных держав; свобода сообщения между Западным Берлином и ФРГ; свобода передвижения внутри самой бывшей столицы; право берлинских жителей на самоопределение).

Накопленный опыт и поведение правительства КЕННЕДИ, которое проявляет большую склонность к использованию обычных дипломатических каналов, свидетельствуют о том, что Запад возражает против каких-либо встреч на высшем уровне, если этому не будет предшествовать длительная и тщательная подготовка.

Советы также укрепились на своих позициях, по-прежнему настаивая на предложении о превращении только одного Западного Берлина в вольный город и угрожая подписать сепаратный мирный договор с ГДР. ХРУЩЕВ прекрасно понял выжидательную тактику Запада и потому твердо решил добиваться разрешения германских проблем в течение этого года. Однако он, несомненно, заинтересован в том, чтобы облегчить бремя, которое ложится на советскую экономику в результате гонки вооружений, особенно в нынешний период больших трудностей в области сельского хозяйства, и мог бы, следовательно, пойти на связывание переговоров по берлинскому вопросу с переговорами о разоружении. Но вполне вероятно, – как это произошло в Париже, когда ХРУЩЕВ еще раз убедился в невозможности добиться какого-либо успеха в той или иной области, – что в связи с Берлином может разразиться новый кризис.

Этот кризис мог бы иметь место непосредственно после возможной встречи между ХРУЩЕВЫМ и КЕННЕДИ, которая, как предполагают, состоится в июне текущего года.

Необходимо, впрочем, иметь в виду (и это отмечали АДЕНАУЭР и МАКМИЛЛАН[156] во время последних переговоров), что до сих пор все еще не известны американские намерения в отношении Западного Берлина.

На случай обострения положения в Западном Берлине четырехсторонней рабочей группой разработан план, который, помимо некоторых акций официального характера (нота протеста Москве, обращение в Совет Безопасности), якобы предусматривает контрмеры экономического и военного характера. Учитывая особенно щекотливый характер такого рода мер, правительства Бонна, Лондона, Парижа и Вашингтона придерживаются чрезвычайно осторожной позиции по этому вопросу и, по-видимому, склонны только от случая к случаю представлять на утверждение Совета НАТО меры, которые они считают целесообразным принять в случае необходимости.

Решение берлинского вопроса путем превращения только одного Западного Берлина в вольный город неприемлемо для АДЕНАУЭРА, поскольку это фактически санкционировало бы раздел Германии на три части. Превращение в вольный город всего Берлина имеет тот же недостаток, хотя и в меньшей степени. Кроме того, подобное предложение носило бы лишь пропагандистский характер, поскольку ни Советы, ни восточные немцы никогда бы с ним не согласились. Решение на основе признания Западного Берлина «землей» Федеративной Республики Германии объединяет недостатки этих двух вариантов, а также означает отказ трех западных держав от своих обязательств по обороне бывшей столицы, вытекающих из Потсдамских соглашений. Даже боннское правительство в конечном итоге безоговорочно признало, что если Запад будет настаивать на этом пункте, то это в конце концов приведет к ослаблению обороны города.

В связи с вопросом о заключении мирного договора в Бонне вновь появилась тенденция к тому, чтобы признать в качестве возможного решения этого вопроса проведение «свободного» плебисцита в обеих частях Германии, что освободило бы боннское правительство от необходимости подписывать договор, санкционирующий раздел бывшей германской империи.

В ходе плебисцита, как это рекомендовалось четырехсторонней рабочей группой в ее докладе, одобренном на совещании министров иностранных дел Совета НАТО 2 мая 1960 года, гражданам обоих германских государств было бы предложено сделать выбор между:

а) предложением США, Англии и Франции с согласия ФРГ о заключении мирного договора, который должен быть подписан свободно избранным правительством об'единенной Германии;

б) предложением Советского Союза с согласия ГДР о том, чтобы обсуждение вопроса о заключении мирного договора и его подписании велось отдельно с представителями ФРГ и представителями ГДР и чтобы урегулирование отношений между ФРГ и ГДР было предоставлено обоим германским государствам.

Результаты плебисцита, которому должны предшествовать свободные дискуссии под наблюдением представителей ООН и в котором должны принять участие все немецкие граждане старше 21 года, должны быть зарегистрированы отдельно по ФРГ, ГДР и Берлину.

В течение месяца после проведения плебисцита четыре державы обязаны возобновить обсуждение германского вопроса на основе выбора, сделанного большинством граждан, принимавших участие в плебисците в трех зонах.

№ 83

Совершенно секретно

20 июля 1961 г.

Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Докладываем Вам обобщенные КГБ сведения, поступившие за последнее время от агентуры, о планах и мероприятиях западных держав в связи с предстоящим заключением мирного договора с ГДР.

Правящие круги США, Англии и Франции не сомневаются в том, что СССР имеет твердое намерение заключить вместе с другими заинтересованными государствами мирный договор с ГДР и что западные державы не в состоянии помешать этому.

По расчетам западных держав, заключение Советским Союзом мирного договора с ГДР затруднит для них дальнейшее маневрирование в германском вопросе, отрицательно скажется на внешнеполитических позициях ФРГ, повысит престиж ГДР в международных делах и прежде всего приведет к серьезному ослаблению позиций США, Англии, Франции и ФРГ в Западном Берлине. В связи с этим они планируют оказать нажим на Советское правительство с целью вынудить СССР отложить заключение мирного договора с ГДР и продемонстрировать, что три западные державы твердо намерены и в состоянии сохранить свои права в отношении Западного Берлина.

В ходе переговоров на сессии Совета НАТО в Осло в мае с.г. было признано необходимым «предупредить» СССР всеми возможными средствами

о том, что если в результате заключения мирного договора с ГДР для западных держав будет закрыт свободный доступ в Западный Берлин, то с их стороны будут приняты меры, в результате которых может возникнуть «реальная угроза» безопасности Советского Союза. В целях демонстрации этой «угрозы» военные органы США, Англии и Франции предлагают, в частности, провести доукомплектование вооруженных сил трех западных держав до уровня военного времени, поставить в известность СССР по неофициальным каналам о разработке этими державами военных планов на случай ограничения их доступа в Западный Берлин, а также предпринять меры по дезинформации Советского правительства о якобы имеющихся планах передачи в распоряжение вооруженных сил ФРГ атомного оружия.

В ходе переговоров по дипломатическим каналам между США, Англией и Францией высказывается предположение, что по крайней мере в первый период после заключения мирного договора с Германской Демократической Республикой правительства Советского Союза и ГДР будут воздерживаться от проведения мероприятий, направленных на ограничение права доступа трех западных держав в Западный Берлин.

В докладе специальной рабочей группы НАТО от 22 марта с.г. указывалось, что после заключения мирного договора с ГДР Советский Союз, возможно, «предложит Панкову осмотрительно осуществлять контроль за коммуникациями». Как подчеркивается в докладе, «возможность кризиса в значительной мере уменьшится, если в сепаратный мирный договор будут включены положения, признающие де факто нынешний порядок, обеспечивающий союзникам доступ в Берлин».

Исходя из таких предположений, в правительственных и дипломатических кругах западных держав считают, что, если после подписания мирного договора с ГДР права США, Англии и Франции в отношении Западного Берлина останутся незатронутыми, они могут «пойти на риск» установления с ГДР определенных контактов по вопросам, касающимся доступа их войск в Западный Берлин, при том, однако, условии, что такие контакты не должны приводить к политическим переговорам и дипломатическому признанию ГДР.

Следует отметить, что в последнее время правящие круги США, Англии и Франции все более убеждаются в том, что после заключения мирного договора с ГДР доступ в Западный Берлин будет для них закрыт и что для сохранения нынешних связей с Западным Берлином им придется вступить в переговоры с ГДР. Однако, учитывая позицию правительства ФРГ, западные державы не намерены идти на такие переговоры, в связи с чем они планируют проведение ряда политических, экономических и других акций невоенного характера с целью оказать нажим на Советский Союз и не допустить после заключения мирного договора с ГДР введения ограничений на доступ их войск в Западный Берлин.

В частности, планируется выступление правительств США, Англии и Франции с официальными заявлениями о «несовместимости односторонних действий» Советского Союза с обязательствами четырех великих держав в отношении Германии и об «опасных последствиях» любых акций СССР и ГДР, направленных на ограничение доступа трех западных держав в Западный Берлин. Кроме того, предусматривается возможность обращения в Совет Безопасности ООН. Так, на сессии Совета НАТО в Осло представитель США высказал мнение о возможности для западных держав обратиться в Совет Безопасности с постановкой вопроса об «угрозе миру» в результате

«односторонних действий» СССР в отношении Западного Берлина. Американцы предлагали также передать вопрос о правовом положении Западного Берлина на рассмотрение Международного суда в Гааге, но ввиду возражений Англии и Франции пока отказались от этого предложения.

В разрабатываемых западными державами планах предусматривается также проведение таких мер, как запрещение полетов для самолетов стран социалистического лагеря над территорией стран – участниц НАТО, создание помех радиопередачам и средствам навигации СССР и ГДР, разрыв соглашения о внутригерманской торговле между ФРГ и ГДР и т.п. Планируется осуществление прямых подрывных акций против ГДР, организация на ее территории антиправительственных выступлений и провокаций, совершение диверсий на электростанциях республики, поставка подрывным группам в ГДР оружия и боеприпасов.

Вместе с тем военно-штабные органы трех западных держав уже длительное время разрабатывают планы военного характера, предусматривающие применение силы для сохранения свободы доступа в Западный Берлин.

В этих планах рекомендуется прибегнуть в первую очередь к созданию «воздушного моста» для обеспечения связей США, Англии, Франции и ФРГ с Западным Берлином. При этом они исходят из того, что такая мера, в отличие от применения силы для обеспечения доступа наземным путем, могла бы быть представлена перед общественным мнением Запада в качестве акции «мирного характера», в то время как Советский Союз и ГДР, в случае если бы они стали чинить препятствия перевозкам по «воздушному мосту», выглядели бы «агрессивной стороной».

Наряду с созданием «воздушного моста» в военных планах предусматривается применение силы для сохранения свободы доступа США, Англии и Франции в Западный Берлин также и наземным путем.

Подобного рода план был разработан еще в середине 1959 года специальной группой «Лайв оук» из представителей США, Англии и Франции.

На основе предложений этой группы Военный комитет НАТО в мае-июне с.г. подготовил так называемый «четырехфазный план определения пределов стойкости противника», который должен быть рассмотрен четырьмя западными державами.

Первая фаза плана носит исключительно «психологический» характер и сводится к объявлению боевой тревоги в вооруженных силах всех стран – участниц НАТО. Вторая фаза предусматривает создание «сил прорыва» в составе воинских подразделений США, Англии и Франции, которые должны быть дислоцированы на внутригерманской границе в районе пограничного пункта Хельмштедт. В ходе третьей фазы плана «силы прорыва» должны захватить контрольные посты на автостраде, ведущей в Западный Берлин, а также проникнуть на небольшую глубину в ряде пунктов на территории ГДР. Четвертая фаза предусматривает приостановку всех военных операций «в ожидании реакции противника».

Согласно полученным сведениям, западными державами пока еще не принят окончательный план проведения мероприятий политического, экономического и военного характера в отношении Советского Союза, ГДР и других стран социалистического лагеря, которые подпишут мирный договор.

Из имеющихся у нас документальных данных видно, что американцы требуют согласия своих союзников на быстрейшую разработку «более жестких» и детальных планов на случай возникновения «чрезвычайного положе-

ния» в Западном Берлине, которые уже сейчас имели бы обязательный характер для США, Англии и Франции и, возможно, для всех остальных стран НАТО. Такую позицию руководство госдепартамента США аргументирует тем, что в политике СССР по берлинскому вопросу содержится «значительный элемент блефа» и что Советский Союз вряд ли пойдет на риск развязывания атомной войны из-за Западного Берлина.

В западных планах не содержится каких-либо конкретных предложений относительного того, должны ли западные державы использовать свои вооруженные силы, если Советский Союз и ГДР в ответ на попытки США, Англии и Франции силой обеспечить свободу доступа в Западный Берлин также применят военную силу. В этой связи в разработанном группой «Лайв оук» плане лишь в общей форме указывается на целесообразность использования вооруженных сил НАТО, хотя одновременно подчеркивается, что при существующем в настоящее время соотношении обычных вооруженных сил НАТО и стран – участниц Варшавского договора Запад не может рассчитывать на успех в осуществлении своих планов и что добиться поставленных целей возможно только при условии использования «ядерной мощи союзников».

Однако представители США, Англии и Франции воздерживаются от высказываний за применение атомного оружия против Советского Союза. На сессии Совета НАТО в Осло государственный секретарь США РАСК в ответ на вопрос представителя Канады заявил, что «без консультаций с союзниками нельзя сказать, что будет применено ядерное оружие в случае ограничений сообщения с Западным Берлином».

Тот факт, что планы мероприятий на случай «берлинского кризиса» до сих пор находятся в стадии обсуждения, объясняется опасениями США, Англии и Франции, что применение ими силы может вызвать ответные действия Советского Союза, а это поставит западные державы перед выбором: либо отступить и тем самым продемонстрировать свою слабость, либо развязать войну против СССР.

В руководстве госдепартамента США в настоящее время придерживаются мнения, что, если развитие «берлинского кризиса» зайдет слишком далеко, необходимо приложить все усилия для того, чтобы не допустить военного конфликта с Советским Союзом.

Английское правительство исходит из того, что окончательное решение о тех или иных военных мероприятиях западных держав следует принимать лишь с учетом конкретной обстановки, которая сложится после того, как Советский Союз сам предпримет какие-либо шаги, направленные на ограничение прав трех западных держав в отношении Западного Берлина. Детальная и окончательная разработка всесторонних планов является, по его мнению, не только преждевременной, но и опасной, поскольку это может привести Запад к вооруженному столкновению с Советским Союзом.

Английское правительство еще в середине 1960 года дало понять правительству ФРГ, что Англия не намерена «вызывать мировой кризис из-за Берлина». В частной беседе, состоявшейся в июне с.г., министр обороны Англии УОТКИНСОН заявил, что в настоящих условиях английское правительство будет всячески избегать создания такой обстановки, которая привела бы к вооруженному конфликту между Востоком и Западом.

Судя по некоторым данным, сдержанную позицию занимает также и французское правительство. В инструкции начальника генерального штаба Франции, направленной командующему вооруженными силами в ФРГ в кон-

це апреля с.г., в частности, предлагалось, чтобы в переговорах с представителями союзников о разработке мероприятий на случай «блокады Берлина» он «дал ясно понять своим партнерам, что эти переговоры относятся к работе штаба и ни в коей мере не влекут за собой национальных обязательств». Как видно из выступления представителя Франции на заседании группы «Лайв оук» в середине мая с.г., французское правительство, учитывая внутриполитическую обстановку в стране в связи с войной в Алжире, стремится по возможности ограничить участие своих вооруженных сил в практическом осуществлении разрабатываемых военных планов.

В связи с опасением, что может возникнуть военный конфликт, в правительственных органах западных держав, и прежде всего Англии, считают целесообразным уже в ближайшее время пойти на переговоры с Советским Союзом. Идею переговоров с СССР более активно стали поддерживать также американцы и французы. Так, министр иностранных дел Франции КУВ де МЮРВИЛЬ, излагая позицию своего правительства на сессии Совета НАТО в Осло, заявил, что сейчас «нет никаких причин, в силу которых Запад не смог бы вступить в переговоры с Советским Союзом о Берлине, как это было в Женеве в 1959 году».

Министры иностранных дел США, Англии и Франции, принимавшие участие в работе сессии Совета НАТО в Осло, пришли к выводу о необходимости срочно разработать позицию, которую три западные державы могли бы занять в случае переговоров с Советским Союзом.

Существо этой позиции сводится к тому, чтобы вновь выдвинуть уже предлагавшийся на Женевском совещании министров иностранных дел в 1959 году «комплексный план», предусматривающий взаимную связь между решением проблем разоружения, воссоединения Германии и берлинского вопроса. Однако, отдавая себе отчет в неприемлемости для Советского Союза подобного рода предложений, в правящих кругах западных держав считают возможным дополнить «комплексный план» рядом «новых и заманчивых» положений. В частности, рассматривается возможность обсудить на переговорах предложение о разработке нового статуса для всего Берлина, включая демократический сектор Берлина. В одном из документов, подготовленных в середине июня европейским отделом МИД Франции для КУВ де МЮРВИЛЯ, предлагается изучить вопрос о разработке нового «широкого плана свободного об'единения Германии на базе нейтралитета», о признании западными державами границы по Одеру–Нейссе и об отказе от атомного вооружения Западной Германии.

Считая возможным пойти на переговоры с Советским Союзом по германской проблеме и берлинскому вопросу, западные державы исходят из того, что такие переговоры позволят затянуть заключение мирного договора с ГДР и урегулирование на его основе положения в Западном Берлине. Вместе с тем они рассчитывают добиться согласия Советского Союза на заключение соглашения по берлинскому вопросу, которое сохранило бы за ними нынешние права в отношении Западного Берлина.

Комитетом госбезопасности принимаются меры к получению материалов предстоящего совещания министров иностранных дел четырех западных держав по германскому вопросу и материалов возможного вслед за этим совещания глав правительств тех же государств.

Председатель
Комитета госбезопасности (А. Шелепин)

№ 84 *Совершенно секретно*

21 февраля 1962 г.

ЦК КПСС
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
товарищу ГРОМЫКО А.А.

МИНИСТРУ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Маршалу Советского Союза
товарищу МАЛИНОВСКОМУ Р.Я.

Докладываю следующие сведения.

По данным, полученным из кругов американского конгресса, Соединенные Штаты планируют спровоцировать правительство Кубы на такие действия, которые позволили бы американцам осуществить против Кубинской республики военную операцию и быстро, не более чем за одни сутки, покончить с правительством Ф.КАСТРО[157]. В этих целях США намерены значительно усилить антикубинскую пропаганду, которая будет направлена в первую очередь против руководителей правительства Кубинской Республики – Фиделя КАСТРО, Рауля КАСТРО, Че ГЕВАРА и Бласа РОКА.

Военные специалисты США разработали план операции против Кубы, который, по тем же данным, поддерживает президент КЕННЕДИ. Согласно этому плану, основной удар по Кубе предполагается нанести с американской военной базы Гуантанамо при поддержке кораблей военно-морского флота, находящихся в Карибском море. Действия наземных сил будут поддерживаться военно-воздушными силами, базирующимися во Флориде и Техасе.

Осуществление указанного плана возложено на военного министра МАКНАМАРУ. Конкретная дата начала операции еще не намечена, хотя речь идет о ближайших месяцах.

По указанию КЕННЕДИ МАКНАМАРА проводит консультации с государственным секретарем РАСКОМ.

США осуществляют по всем линиям нажим на ряд стран Латинской Америки с целью заставить их разорвать дипломатические отношения с Кубой.

Госдепартамент США особенно усиливает давление на правительства тех стран Латинской Америки, которые на совещании министров иностранных дел государств-членов ОАГ в Пунта-дель-Эсте воздержались при голосовании по вопросу об исключении Кубы из ОАГ. В этих странах США оказывают поддержку вооруженным силам и церкви с целью оказать через них влияние на колеблющихся руководящих государственных и политических деятелей.

Наряду с усилением пропаганды против правительства Ф. КАСТРО США в настоящее время изыскивают пути для того, чтобы представить свое вооруженное нападение на Кубу как столкновение всех или большинства стран Латинской Америки с правительством Ф.КАСТРО и «международным коммунизмом», что могло бы послужить юридическим оправданием в ООН агрессии США против Кубы.

Госдепартамент изучает несколько вариантов создания предлога для нападения на Кубинскую Республику. В частности, рассматривается возможность предоставления военной базы Гуантанамо в «распоряжение ОАГ», организация на ней учебного центра военного комитета ОАГ и размещение символических контингентов (рота, батальон) некоторых государств Цент-

ральной Америки «для обучения их приемам борьбы с партизанами». После этого США планируют инсценировать силами кубинской внутренней контрреволюции нападение воздушных сил Кубы на эту базу. Гватемала, Никарагуа, Венесуэла и Сальвадор заявили о готовности послать символические контингенты своих войск на базу Гуантанамо, и США ведут с представителями этих стран переговоры о путях осуществления своего плана.

В качестве другого варианта правительство США планирует инсценировать нападение революционной кубинской армии на какую-либо страну Центральной Америки, используя для этой цели кубинских эмигрантов, переодетых в форму революционной армии. После инсценировки нападения вооруженные силы «потерпевшей» страны оккупируют один из небольших прибрежных кубинских островов, на котором немедленно будет создано «правительство свободной Кубы». Последнее обратится с просьбой к ОАГ оказать ему военную помощь в борьбе с правительством Ф.КАСТРО. Совет ОАГ примет решение об оказании военной помощи «правительству свободной Кубы» со стороны всех членов ОАГ, включая и США, на основе чего последует открытая интервенция на Кубу.

Комитет госбезопасности принимает меры для проверки изложенных сведений.

Заместитель председателя
Комитета государственной безопасности
при Совете Министров СССР П. Ивашутин

№ 85 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 21 октября 1962 г.

Использовано в спецсообщении в МО ЦК КПСС, тов. МАЛИНОВСКОМУ и тов. КУЗНЕЦОВУ.

В последнее время в республиканской и демократической партиях США наметились группировки, выступающие за подавление Кубы с применением военных средств.

По сообщениям корреспондента «Нью-Йорк таймс» ГАМИЛЬТОНА сторонников военного подавления в Кубе в республиканской партии возглавляет Нельсон РОКФЕЛЛЕР[158], которого беспокоит судьба его капиталовложений в Латинской Америке, особенно в Венесуэле. В демократической партии сторонников военных мер против Кубы представляют руководители Пентагона.

Как сообщает ГАМИЛЬТОН, военная группировка намерена форсировать решительные действия против Кубы после проведения выборов в конгресс США в ноябре с.г.

Предполагается развязать войну против Кубы с территории Гватемалы, Никарагуа и Венесуэлы, использовав в качестве предлога спровоцированное потопление судов и уничтожение самолетов этих стран. Предусматривается также организовать вооруженное восстание на Кубе, сигналом к которому должно быть покушение на КАСТРО[159] со стороны эмиграционных сил США.

Далее в телеграмме говорится о том, что эти мероприятия получили полную поддержку правительств Гватемалы, Гондураса, Никарагуа, Венесуэлы и Парагвая, а правительства Мексики, Бразилии, Боливии и Эквадора якобы выступают против этих мероприятий.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 86 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 22 октября 1962 г.

Правительство США после двухдневного обсуждения приняло решение о введении военно-морской блокады Кубы. В своем выступлении КЕННЕДИ сослался на якобы создаваемые Советским Союзом ракетные базы на территории Кубы, на поставку им ракет и бомбардировщиков, способных нести ядерные заряды. В связи с этим президент США изложил программу своего правительства:

1. На все перевозки военного оборудования на Кубу устанавливается строгий карантин.

2. Усиление контроля за положением на Кубе и укреплением вооруженных сил.

3. Любая атака со стороны Кубы будет рассматриваться как атака со стороны СССР и вызовет соответствующие ответные действия со стороны США.

4. Эвакуация с базы Гуантанамо семей американских солдат и посылка туда подкреплений.

5. С целью обсуждения вопроса о советской угрозе странам Западного полушария немедленно провести консультации в ОАГ.

6. Потребовать срочного созыва заседания Совета Безопасности, на котором американцы намерены потребовать ликвидации вооружений наступательного типа под контролем ООН. Председатель Совета Безопасности (представитель СССР) намерен созвать заседание Совета Безопасности 23 октября.

7. Президент намерен обратиться с посланием к Н.С. ХРУЩЕВУ с просьбой прекратить поставку оружия наступательного типа на Кубу и улучшить отношения между СССР и США.

Первая реакция дипломатов ООН на заявление КЕННЕДИ сводится к тому, что США показывают себя в качестве инициатора обострения международной обстановки. При этом США преследуют цель не допустить развития кубинской революции и парализовать накануне выборов обвинения противников КЕННЕДИ в нерешительности. Дипломаты стран-участниц НАТО недовольны односторонним решением правительства США без предварительных консультаций. Делегаты арабских стран считают, что заявление КЕННЕДИ даст им возможность усилить борьбу с Израилем, которому американцы обязались поставить ракетное вооружение и, возможно, заявить об установленной военной блокады Израиля.

В связи с обострением обстановки в США резидентура провела следующие меры: все сотрудники проинструктированы о соблюдении конспирации в работе с агентурой и доверительными связями; оперативный состав направлен на получение секретной информации о политике США в отношении

Кубы; приняты меры к усилению охраны здания представительства и повышению бдительности советской колонии.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 87 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 23 октября 1962 г.

Доложено тт. Хрущеву, Козлову, Суслову, Пономареву, Малиновскому, Кузнецову.

Чрезвычайно напряженной стала обстановка в госдепартаменте, в дипломатических и журналистских кругах Вашингтона после заявления КЕННЕДИ. М. КИЛДАФФ, заместитель СЭЛИНДЖЕРА[160] 22 октября с.г. заявил: «Мы очень нервничаем в ожидании ответа Советского правительства». После сегодняшнего ответа СССР наступила заметная перемена настроений в кругах правительства США.

По заявлению корреспондентов швейцарской газеты «Нойе цюрихен цайтунг» и английской газеты «Дэйли экспресс», заявление Советского правительства в Белом доме и Пентагоне расценено как «общее и слабое», так как в нем отсутствует четкое указание на меры защиты советского государства от американских действий, что истолковывается как признак того, что СССР «не готов к решительным шагам».

Корреспондент английской газеты «Дейли экспресс» сообщил также, что США в качестве второй серии действий против Кубы подготовили воздушные налеты на места расположения советских ракетных установок и бомбардировщиков на Кубе с целью их уничтожения. Он же сообщил, что Пентагон принимает меры к организации «воздушного моста» в Западном Берлине.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 88 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 24 октября 1962 г.

Доложено тт. Хрущеву, Козлову, Суслову, Пономареву, Громыко, Малиновскому.

Вечером 23 октября представитель Пентагона А.СИЛЬВЕСТР сообщил иностранному дипломату, что в операции по блокаде Кубы участвует 80% кораблей второго флота США, в том числе авианосцы, крейсера, эсминцы и подводные лодки, об'единенные в специальную группу под условным названием «Ударное подразделение 136». Пентагон отдал приказ командованию группы пропускать советские суда на Кубу с техническими специалистами, при отсутствии запрещенных грузов. Пентагоном сформирована группа американ-

ских и иностранных корреспондентов для отправки ее 26 и 27 октября на борт корабля спецгруппы с целью присутствия при операции захвата какого-либо судна социалистических стран или СССР.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 89 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 24 октября 1962 г.

Доложено т.т. Хрущеву, Козлову, Суслову, Пономареву, Малиновскому, Громыко.

24 октября с.г. в частной беседе советник-посланник миссии США при ООН НОЙЕС сообщил, что если попытки посредничества нейтральных стран в споре между США и Кубой не дадут результатов и если СССР и Куба не дадут заверений, что ядерные ракеты и другое оружие на Кубе не будут уничтожены, то США вряд ли удастся избежать прямой военной интервенции. При этом Вашингтон руководствовался почти единогласной поддержкой в этом вопросе со стороны стран Латинской Америки.

24 октября с.г. зам.постоянного представителя США при ООН ЙОСТ рассказал, что вооруженные силы США закончили подготовку к военным действиям против Кубы и приступили к подготовке высадки войск на территорию Кубы.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 90 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 24 октября 1962 г.

Все американские телевизионные и радиокомпании, а также газеты 23 октября через каждые полчаса передавали выступления реакционных сенаторов и корреспондентов, восхвалявших действия КЕННЕДИ. При этом явно проскальзывали тенденции взвинтить обстановку и представить дело таким образом, что КЕННЕДИ якобы принимаются оборонительные меры. Власти Нью-Йорка объявили об усилении полицейской охраны города. Улицы патрулируются усиленными нарядами полиции. Эти мероприятия приняты якобы в целях предотвращения возможных беспорядков. Это связано с тем, что американское население встревожено действиями КЕННЕДИ. Все более усиливается недовольство в отношении мер по контролю за перевозками грузов на Кубу. Среди жителей Нью-Йорка распространяется паника; многие начинают увозить свои семьи из города. С 13 до 15.00 около американской миссии проводилась демонстрация около 3 тыс. американцев, требовавших отмены принятых президентом мер. В демонстрации участвовали такие организации, как «Женщины за мир» и «Борьба за мир».

Группы венгерских и кубинских реакционных элементов у здания советского представительства организовали пикет из 300 чел. Местные пресса и телевидение пытались придать этому сборищу видимость большой демонстрации и направили к зданию представительства своих фотооператоров и корреспондентов. Эти меры были направлены для усиления антикубинской истерии.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 91 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 24 октября 1962 г.

После выступления американского президента в стране усилился военный психоз, который подогревается официальными выступлениями государственных деятелей. Накануне выступления КЕННЕДИ пропагандистская служба США пыталась создать обстановку таинственности вокруг совещания в Вашингтоне. Цель этого – придать наибольший эффект выступлению президента и продолжать разжигание военной истерии.

По словам ВИНЕРА – сотрудника американской миссии, – выступление КЕННЕДИ рассчитано на то, чтобы доказать простому американцу, что правительство КЕННЕДИ может успешно противостоять советскому нажиму и тем самым повысить престиж президента и его партии в глазах избирателей. В то же время американцы рассчитывают с помощью шантажа и нажима добиться поддержки своей политики со стороны стран Латинской Америки в случае применения силы в борьбе с Кубой. В этой связи в прессе, радио и по телевидению США, а также в кулуарах ООН ведется небывалая по своим масштабам антисоветская пропаганда, цель которой доказать наличие угрозы со стороны СССР и Кубы для США и всех стран Латинской Америки. В то же время делается попытка показать, что принимаемые американцами меры направлены на обеспечение безопасности прежде всего стран Латинской Америки. В кампанию военного психоза активно включились политические деятели штатов Нью-Джерси, Коннектикута и Нью-Йорка. Губернаторы этих штатов непрерывно проводят совещания со специалистами службы гражданской обороны с целью приведения в состояние боевой готовности противовоздушных средств в этих штатах. Состояние военного психоза в стране губернаторы стремятся использовать для увеличения ассигнований на нужды гражданской обороны и повысить тем самым деловую активность. РОКФЕЛЛЕР[161] – губернатор штата Нью-Йорка прервал избирательную кампанию и возвратился в Олбани. Он отдал распоряжение, – после консультации с Вашингтоном, – привести в боевую готовность атомные бомбоубежища в школах и проверить готовность полиции штата заменить национальную гвардию в случае призыва последней в армию. РОКФЕЛЛЕР распорядился также ускорить окончание строительства подземного помещения для конгресса штата.

На 24 октября с.г. назначена премьера антисоветского фильма «Мы похороним вас», цель которого доказать американцу агрессивность советской политики, направленной на установление мирового господства.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 92 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 25 октября 1962 г.

«Источник надежный. Доложено тов.тов. Хрущеву, Козлову, Суслову, Пономареву, Малиновскому, Громыко».

Семичастный. 25.X.62

Для всех послов латиноамериканских стран явилось неожиданным решение американского правительства об установлении военной блокады Кубы. По заявлению представителей Гватемалы, Бразилии, Мексики, Гаити, Венесуэлы и Никарагуа в ОАГ, с правительствами их стран не велись предварительные консультации. Послы перечисленных стран считают, что действия США являются неоправданно рискованными и выражают опасение, что эти действия могут привести к возможному столкновению между США и СССР. По мнению источника, в ближайшие 10–15 дней Соединенные Штаты не предпримут вторжения на Кубу. Он считает, что Соединенные Штаты Америки будут пытаться организовать вторжение на Кубу при помощи коллективных усилий нескольких латиноамериканских стран. Членами межамериканского совета обороны с 16 октября с.г. совершались поездки на специальном самолете, предоставленном им американцами по всем странам, входящим в ОАГ. Цель этой поездки состояла в том, чтобы иметь представление о военной мощи и готовности вооруженных сил стран ОАГ. По завершении поездки представители межамериканского совета обороны стран Центральной Америки должны будут представить секретный доклад о ее результатах Совету организации стран Центральной Америки. Секретное заседание этого Совета состоится 12 ноября в Панаме. Инициаторами совещания являются американцы и на нем будет обсуждаться вопрос о дальнейших мероприятиях по борьбе с режимом КАСТРО[162].

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 93 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 26 октября 1962 г.

Доложено тов.тов. Хрущеву, Козлову, Суслову, Пономареву, Громыко.

По сообщению корреспондента газеты «Чикаго сан энд Таймс», присутствовавшего на встрече американских журналистов с РАСКОМ, РАСК[163] якобы предостерег американскую прессу от настроений благодушия и успокоенности. РАСК заявил, что положение продолжает оставаться весьма серьезным, что следует ожидать значительных осложнений и что нельзя создавать впечатления, что опасность столкновения между США и Советским Союзом миновала.

Позиция США по кубинскому кризису была охарактеризована РАСКОМ как твердая, но не безрассудная. По заявлению РАСКА, США готовы вести переговоры через ООН об урегулировании кубинского вопроса и ликвидации советских ракетных баз на Кубе в обмен на прекращение блокады Кубы со стороны США.

Относительно возможности США отказаться от своих баз в Турции РАСК заявил, что США не намерены рассматривать этот вопрос, однако переговоры в этом направлении возможны, как составная часть общих переговоров по разоружению. По мнению РАСКА, личная встреча КЕННЕДИ с ХРУЩЕВЫМ в настоящее время невозможна и что США не намерены в данный момент вступать в двусторонние переговоры с СССР относительно Кубы.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 94 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ от 27 октября 1962 г.

Доложено тт. Хрущеву, Козлову, Суслову, Пономареву, Громыко, Малиновскому.

Сахаровский.
Семичастный. 27.X.62

ГАМИЛЬТОН, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», 26 октября сообщил, что после окончания заседания Совета Безопасности вечером 25 октября в Вашингтоне имело место заседание Национального совета безопасности с целью рассмотрения результатов обсуждения в ООН вопроса о Кубе, поставленного правительством США. Директор ЦРУ МАККОУН, представитель Пентагона и СИБОРГ, председатель комиссии по атомной энергии, на этом заседании выступили совместно и заявили, что, поставив вопрос в ООН, США ничего не добились и еще больше подорвали свой престиж. Они настойчиво требовали, чтобы президент КЕННЕДИ в течение 48 часов исправил положение и принял шаги с целью уничтожения ракетных площадок на Кубе военными средствами. По утверждению ГАМИЛЬТОНА, мнение президента по этому вопросу неизвестно, но он оказался в меньшинстве. По данным, которые стали известны сегодня, СТИВЕНСОН, представитель США в ООН, срочно вызван в Вашингтон и не позже трех часов дня 26 октября должен вернуться в Нью-Йорк.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 95 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 27 октября 1962 г.

Доложено тт. Хрущеву Н.С., Козлову Ф.Р., Суслову М.А., Громыко А.А., Малиновскому Р.Я.

На заседании Совета НАТО 22 октября с.г. бывший государственный секретарь США АЧЕСОН в своем выступлении остановился главным образом на том, что в течение самых последних недель или может быть в течение последних нескольких дней американцы установили, что размещаемое Советским Союзом на Кубе оружие носит наступательный характер. Было оборудовано несколько баз со стартовыми площадками для ракет среднего радиуса действия двух типов. Одни из них имеют радиус действия 1000 миль, другие – 2200 миль. Эти ракеты могут поразить об'екты, расположенные почти на всей территории США, в зоне Панамского канала и на части Канады. Размещение этих ракет на Кубе может привести к резкому изменению соотношения сил. Отныне эти ракеты представляют прямую угрозу США. Некоторые из стартовых площадок уже готовы, строительство других продолжается. Удалось также выявить склады для ядерного оружия. Затем АЧЕСОН сообщил о мерах, принятых правительством США. Американский флот через 24 часа будет останавливать и проверять каждое судно, которое, по его мнению, вез оружие на Кубу.

АЧЕСОН добавил, что Запад вступает в фазу дипломатической и военной напряженности. Он не исключает, что советские суда более или менее добровольно дадут потопить себя американским флотом. Возможно, также будет использовано оружие, размещенное на Кубе. Было бы удивительно, если бы СССР не предпринял ответных мер в Берлине. Американские войска во всем мире, кроме зоны НАТО, приведены в боевую готовность. Представители военного командования НАТО со своей стороны заявили, что НОРСТЭД[164] уже принял некоторые меры по приведению войск в боевую готовность.

ФИНЛЕТТЕР (см. сноску № 192. – *Прим. сост.*) и КОЛОННА заявили, что отныне Совет НАТО вступил в период постоянных консультаций относительно дальнейшего развития событий. Они призвали к единству стран НАТО. Представители Бельгии и Голландии попросили ФИНЛЕТТЕРА сообщить, что США ожидают от их союзников. Представитель Франции призвал к единству, которое, по его мнению, невозможно без подлинных консультаций.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 96 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 27 октября 1962 г.

Доложено всем членам и кандидатам в члены президиума ЦК КПСС, а также тт. Малиновскому и Громыко.

Семичастный. 27.X.62

С 23 октября этого года американские самолеты стали все чаще вторгаться в воздушное пространство Кубы и летать над островом на различных вы-

сотах, включая высоты 150–200 метров. Более 11 таких полетов имело место 26 октября. Корабли и авиация США ведут непрерывное наблюдение за портами Кубы. В настоящее время на базе Гуантанамо накапливаются военно-морские и сухопутные силы. Там находится 37 кораблей, включая два авианосца. Блокада вокруг Кубы вечером 26 октября стала осуществляться полностью и проходит по Карибскому морю, Подветренным, Малым Антильским и Багамским островам.

По мнению кубинских друзей, вторжение и бомбардировка военных объектов неизбежны.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 97 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 27 октября 1962 г.

Доложено тов.тов. Хрущеву, Козлову, Суслову, Пономареву, Громыко.

В Вашингтоне царит атмосфера военной истерии, подогреваемая печатью, телевидением и радио. Основой всех статей, радио- и телепередач является возможность войны из-за Кубы. Белый дом, Пентагон, госдепартамент и ЦРУ работают круглые сутки. Усилила деятельность служба гражданской обороны.

По сообщениям печати, разработаны планы проведения и подготовки к срочной эвакуации президента, правительства и основных министерств в засекреченный район, в 300 милях от Вашингтона (на случай возникновения войны).

По радио и в печати непрерывно повторяются сигналы нападения и даются инструкции о том, как вести себя на случай тревоги.

На 22 октября было назначено чрезвычайное заседание Комитета гражданской обороны. Возглавит заседание РОКФЕЛЛЕР.

23 октября СЭЛИНДЖЕР[165] провел в Белом доме совещание с представителями крупнейших американских телеграфных агентств, радио, газет и телекомпаний. Было принято решение о цензуре сообщений о передвижении войск, военных планах, мероприятиях правительства. Решение уже проводится в жизнь. Пересматриваются планы работы президента, госсекретаря, министра обороны и других ответственных чиновников правительства, с целью сокращения отлучек из Вашингтона. Пресекается деятельность различных общественных организаций, выступающих с критикой действий правительства.

Многие правые конгрессмены и сенаторы в условиях сложившейся обстановки выступают с открытыми поджигательными речами, с неприкрываемыми призывами к войне. К их числу относятся сенаторы-республиканцы ДИРКСЕН, КИТИНГ, КЕЙПХАРД. Даже некоторые либеральные деятели типа сенатора ХЭМФРИ склоняются к тому, что США должны испытать свой шанс.

На подготовку общественного мнения, на создание атмосферы военного психоза брошены все средства военной пропаганды.

Стремления американского правительства осуществить нападение на Кубу не изменило даже принятие Советским Союзом предложения У ТАНА. Как полагают, конец текущей недели является наиболее критическим периодом для развития событий против Кубы.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 98 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 27 октября 1962 г.

«Направить тов. Громыко. Доложить тов. Семичастному».

Сахаровский. 27.X.

Резидент КГБ встретился с корреспондентом телевизионной компании Д. СКАЛИ, который рассказал, что в ближайшие 48 часов на Кубе произойдет высадка десанта после бомбардировки ракетных баз. Он поинтересовался, как встретит Советский Союз это решение, что произойдет с Западным Берлином. Резидент ответил, что Западный Берлин будет оккупирован, как минимум, что все социалистические страны, в том числе и Китай, поддержат СССР. СКАЛИ заметил, почему бы КАСТРО не выступить с заявлением о готовности демонтировать и вывезти ракетные установки, если президент США даст гарантию о ненападении на Кубу. Если бы КАСТРО сделал подобное заявление, то оно нашло бы благоприятный отклик в правительственных и военных кругах США. СКАЛИ уклонился назвать, кого из руководителей он имел в виду.

Вечером того же дня СКАЛИ попросил срочно встретиться. На встрече он заявил, что его уполномочили высшие власти в правительстве США сделать следующее предложение: США предлагают КАСТРО выступить с публичным заявлением о готовности демонтировать и вывезти с Кубы ракеты дальнего радиуса действия и никогда их не получать при условии предоставления Соединенными Штатами гарантии о ненападении на Кубу. КАСТРО должен согласиться на производство демонтажа под наблюдением нейтральных наблюдателей, выделенных ООН. В случае согласия Советского правительства на такое предложение, американское правительство предлагает срочно начать обсуждение этого предложения между ЗОРИНЫМ[166], СТИВЕНСОНОМ[167] и У ТАНОМ[168]. Американское правительство не возражает против того, чтобы Куба сохранила ракеты оборонительного характера, например, зенитные ракеты «земля-воздух» и ракеты для защиты побережья от боевых кораблей.

Резидент высказал мнение о том, что было бы правильно отвести под контролем наблюдателей ООН американские войска, сконцентрированные на юге США и угрожающие Кубе. СКАЛИ заявил, что президент может дать негласное обязательство на отвод американских войск.

СКАЛИ еще раз подчеркнул, что он действительно уполномочен высшими властями сделать упомянутое выше предложение.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 99 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
28 октября 1962 г.

Доложено тов. Хрущеву, Козлову, Суслову, Громыко, Малиновскому.

Семичастный. 28.X.62

В Вашингтоне 26 октября этого года проходило заседание национального совета безопасности, на котором президент КЕННЕДИ уполномочил СТИВЕНСОНА (см. сноску 166. – *Прим. сост.*) заявить У ТАНУ[169] о том, что Соединенные Штаты преисполнены решимости не отступать от позиции, которую они заняли в кубинском вопросе. СТИВЕНСОН в частной беседе, когда он говорил о своей встрече с президентом 26 октября, сообщил, что КЕННЕДИ дал ему полномочия требовать от У ТАНА гарантий в том, что Куба и Советский Союз предпримут шаги с целью ликвидации на территории Кубы всех площадок для запуска ракет, а также по ликвидации ракетного оружия. В случае, если соответствующие заверения от Советского Союза на этот счет не будут получены У ТАНОМ, дальнейшие переговоры США с Кубой и Советским Союзом будут бессмысленны.

Из бесед со СТИВЕНСОНОМ стало известно, что президент уполномочил представителя США при ООН, а также МАККЛОЯ заявить У ТАНУ, что если Советский Союз и Куба откажутся ликвидировать ракетные базы на Кубе, то правительство США, опираясь на союзников США в западном полушарии, будет вынуждено принять односторонние меры с целью ликвидации этих баз. Имеется в виду бомбардировка военных объектов с воздуха без высадки десанта. Пентагон и генерал ТЭЙЛОР настаивают на принятии таких односторонних мер.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 100 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 29 октября 1962 г.

Доложено тт. Хрущеву, Козлову, Микояну, Суслову, Громыко.

Послание Н.С. ХРУЩЕВА КЕННЕДИ вызывает в целом благоприятную реакцию среди дипломатов, аккредитованных при ООН. Большинство представителей нейтральных стран расценивают предложения Н.С. ХРУЩЕВА как «образец классической дипломатии высшего типа».

Большинство дипломатов в ООН, несмотря на попытки американской пропаганды представить советские предложения по уменьшению напряженности как результат жесткого курса правительства США, считают, что, благодаря стабилизации обстановки вокруг Кубы СССР может открыть для себя перспективы по достижению новых успехов во внешней политике.

По сообщению испанского корреспондента Ги БУЭНО, среди некоторых американцев начинает преобладать мнение о том, что предложениями по Кубе СССР оградил Кубу от агрессии и достиг тем самым своей основной цели.

По мнению генерала РИКХИ (военный советник У ТАНА)[170], Советский Союз выйдет из кубинского кризиса, значительно укрепив свои международные позиции, что даст ему возможность в дальнейшем требовать ликвидации военных баз в ряде стран.

РИКХИ считает, что СССР может поставить вопрос о «демонтировании» военной базы на Окинаве, а для США будет трудно аргументировать свою позицию ввиду того, что эта база не входит в систему НАТО, а также ввиду антивоенных настроений населения Японии.

Дипломаты в ООН обращают внимание на большую выдержку Советского правительства в подходе к кубинскому вопросу. АЛЬСИВАР, советник делегации Эквадора при ООН, полагает, что американцы и не подозревают какой политический эффект на страны Латинской Америки производит выдержка Советского правительства в период кризиса.

ПАТЕНЬО – зам. постоянного представителя Колумбии при ООН подчеркнул, что первый этап кубинского кризиса выиграл СССР, ибо ему удалось «сохранить Кубу для коммунизма». По мнению ПАТЕНЬО, КЕННЕДИ не вполне доволен развертыванием событий вокруг Кубы, так как США не добились свержения правительства Кубы. Заявление США, как считает ПАТЕНЬО, о ненападении на Кубу будет сдерживать подготовку агрессии.

В неофициальных беседах дипломаты отмечают также, что заявление КЕННЕДИ о гарантиях в отношении Кубы было сделано в самой общей форме. Исполнительный секретарь экономической комиссии ООН для Латинской Америки ПРЕБИШ считает, что, несмотря на заявление КЕННЕДИ о ненападении на Кубу, остается вероятность проведения США политики свержения правительства КАСТРО вооруженным путем.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 101 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ от 29 октября 1962 г.

Из бесед 29 октября со СТИВЕНСОНОМ, ЙОСТОМ, О'БРАЙЕНОМ и другими американскими должностными лицами известно следующее.

Послание Н.С. ХРУЩЕВА КЕННЕДИ о ликвидации советских ракетных баз на Кубе под наблюдением ООН было неожиданным для КЕННЕДИ и его советников. В госдепартаменте и в Белом доме считают, что Н.С. ХРУЩЕВ сделал весьма своевременное предложение о ликвидации советских ракетных баз на Кубе взамен на сохранение коммунистического режима КАСТРО. Таким образом Н.С. ХРУЩЕВ сумел предотвратить возникновение термоядерной войны и этим завоевал в сердцах американцев и других народов симпатию и уважение.

КЕННЕДИ от соглашения с Н.С. ХРУЩЕВЫМ по Кубе получил существенные политические выгоды, в частности симпатию внутри страны, кото-

рая обеспечит демократической партии победу на предстоящих выборах в конгресс и победу КЕННЕДИ на президентских выборах в 1964 году.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 102 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 30 октября 1962 г.

Доложено тов.тов. Хрущеву, Козлову, Суслову, Громыко.

28 октября на инструктаже американских журналистов РАСК[171] заявил, что разрешение кубинского кризиса неверно оценивать как полную победу США, т.к. американцы были вынуждены дать гарантии о ненападении на Кубу, в результате чего в западном полушарии сохранится очаг распространения коммунизма. РАСК предостерег от попытки изображать кубинский кризис как поражение ХРУЩЕВА и просил воздержаться от публикации статей, унизительных или оскорбительных для ХРУЩЕВА.

По словам РАСКА, у американского правительства имеется свидетельство того, что ХРУЩЕВ находился под сильным давлением советской военной группы, что подтверждается посланием ХРУЩЕВА от 27 октября, которое настолько отличается от послания от 26 октября, что трудно поверить, что они написаны одним человеком. Чтобы не ставить ХРУЩЕВА в неудобное положение, его послание от 26 октября не будет опубликовано. РАСК заявил, что США должны «помочь» ХРУЩЕВУ и не должны предпринимать ничего такого, что ослабило бы его позиции, учитывая различия в позиции различных группировок в Советском правительстве в отношении кубинского вопроса. Американцы должны проявлять осторожность, поскольку Советский Союз возможно попытается в ближайшее время взять реванш в районах мира, где обстановка более благоприятна для него, чем она была на Кубе.

РАСК указал на берлинский вопрос, причем, по его словам, твердая позиция США в кубинском вопросе отнюдь не должна быть образцом для позиции США по другим международным проблемам. Кубинский кризис дает основание надеяться, что советские позиции по другим вопросам, в том числе по берлинскому, будут такими же разумными и спокойными.

Американцы опасаются, что в ближайшие дни важнейшей проблемой может стать индийско-китайский конфликт, причем, по словам РАСКА, Советский Союз может оказаться вынужденным поддержать в этом конфликте Китай.

В ближайшее время США, по словам РАСКА, не пойдут на совещание на высшем уровне или на личную встречу КЕННЕДИ с ХРУЩЕВЫМ, поскольку это может создать впечатление какого-либо сговора с Советским Союзом и вызовет беспокойство у союзников.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 103 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 1 ноября 1962 г.

Доложено тт. Козлову, Суслову, Пономареву, Громыко.

Помощник государственного секретаря США по делам Латинской Америки ГУДВИН в частной беседе заявил, что правительство США планировало первоначально осуществить вторжение на Кубу в январе 1963 года, но якобы ввиду быстрых темпов строительства советских стартовых площадок на Кубе и опасности того, что она может быть предметом торга в отношении Западного Берлина США, решили форсировать проведение операций против Кубы в той форме, о которой заявил КЕННЕДИ 22 октября. Якобы принятию решения КЕННЕДИ способствовал также начавшийся китайско-индийский конфликт, в результате чего группа нейтральных государств, в особенности Индия, не могли выступить в защиту Кубы и, таким образом, США якобы могли рассчитывать на «нейтрализацию» действий этих стран в поддержку Кубы.

О перспективах улучшения отношений США с Кубой ГУДВИН заявил, что до тех пор, пока не будет свергнуто правительство КАСТРО, США практически не могут дать каких-либо серьезных гарантий. США, по мнению ГУДВИНА, в настоящее время стараются еще больше изолировать Кубу от стран Латинской Америки, в частности от Мексики и Бразилии, и предпринимают попытки давления на эти страны для того, чтобы добиться от них разрыва дипломатических отношений. Одновременно США добиваются распространения эмбарго на торговлю с Кубой всех стран НАТО для того, чтобы таким образом возложить на СССР всю тяжесть по оказанию помощи правительству КАСТРО. Американцы будут продолжать создание военных формирований из кубинских эмигрантов в США, а также на территории Гватемалы и Панамы. ГУДВИН заявил, что окончательное решение о выборе метода свержения правительства Кубы будет принято позже. В зависимости от конкретной обстановки может быть использована организация контрреволюционного восстания внутри Кубы, поддержанного затем вторжением из Флориды либо высадкой эмигрантов на Кубу и сформированием ими «свободного правительства», которое немедленно будет признано США. ГУДВИН также заявил, что США пока не намерены принимать никаких компромиссных предложений, исходящих от кубинского правительства, направленных на улучшение кубино-американских отношений.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 104 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
14 ноября 1962 г.

Доложено тт. Хрущеву, Козлову, Пономареву, Громыко.

Посол Франции в США АЛЬФАН 3 ноября 1962 года направил следующее сообщение в МИД Франции.

«В ходе состоявшейся 3 ноября 1962 года беседы КЕННЕДИ заявил мне, что принятые Соединенными Штатами меры по осуществлению блокады, воздушного наблюдения и военной безопасности не будут ослаблены до того, как осуществится соглашение, вытекающее из обмена письмами с ХРУЩЕВЫМ. Речь идет не столько об инспекции направляющихся на Кубу советских судов или кораблей, зафрахтованных СССР, сколько о контроле за вывозом демонтированных русскими ракетных установок. Если, как он опасается, эта операция не может быть осуществлена в кубинских портах вследствие нежелания КАСТРО, следует найти способ организовать проверку за вывозом в открытом море, что будет комбинироваться с воздушным наблюдением. Международный Красный Крест, несомненно, должен сыграть определенную роль в вопросе об импорте и экспорте оружия.

Прежде чем говорить о других вопросах, президент намерен в настоящее время сосредоточить свое внимание на том, чтобы попытаться покончить с кубинской операцией, однако он не знает, какой будет реакция русских в ближайшее время. Вместе с тем, как заявил мне вчера об этом ТОМПСОН[172], КЕННЕДИ считает, что позиции ХРУЩЕВА внутри России не подорваны, хотя по-иному, может быть, обстоит дело с советским престижем внутри коммунистического лагеря. В этой связи отношения между Россией, Китаем и Индией, по-видимому, должны быть самым внимательным образом изучены в ближайшие недели.

Когда я прощался, КЕННЕДИ заявил мне, что, с точки зрения США, результаты референдума во Франции представляются ему хорошими. «Ни один из президентов США, – заявил он, – никогда не добивался 62% голосов в свою пользу, а количество воздержавшихся является более незначительным, чем в США. Со своей стороны я был бы очень доволен, если бы смог добиться такого результата». С другой стороны, КЕННЕДИ проявил озабоченность по поводу внутриполитического положения в Германии».

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 105 *Совершенно секретно*

29 ноября 1962 г.

Представляю тексты послания президента США КЕННЕДИ президенту Чили АЛЕССАНДРИ по кубинскому вопросу от 22 октября с.г. и ответного послания АЛЕССАНДРИ от 27 октября с.г.

Аналогичные послания президент КЕННЕДИ направил и главам других латиноамериканских государств.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 6 листах.

Заместитель председателя Комитета
Государственной Безопасности
при Совете министров СССР А. Перепелицын

Совершенно секретно
Сант-Яго, 22 октября 1962 года

Уважаемый г-н Президент!

Сейчас настало время, когда мы, страны Западного полушария, стали перед необходимостью путем обмена мнениями о разумных совместных действиях в ближайшие дни принять решение, которое может определить будущую судьбу человека на земле.

Из моего обращения к американскому народу Вы могли представить себе, какая серьезная угроза нависла над Западным полушарием в результате действий СССР на территории Кубы с разрешения кубинского правительства.

Речь идет не только о военной угрозе нам. Такие действия со стороны Советского Союза в ответ на наши известные всем и правильно оцененные меры по обороне и обеспечению безопасности полушария, продолжение этих действий, несмотря на мое предупреждение от 4 сентября, неоднократные советские заявления в публичных выступлениях и в частных беседах о том, что подобные действия не предпринимаются и даже не намечаются, не оставляют сомнения в том, что Советы бросают открытый военный вызов свободным народам.

Мы должны противопоставить этим дерзким действиям нашу общую решимость. В противном случае Советский Союз будет идти на все более вызывающее нарушение международного мира и свободы до тех пор, пока перед нами не станет альтернатива: полная капитуляция или начало ядерной катастрофы.

Мы должны выработать позицию теперь: весь мир смотрит на нас. Вопросы, по которым у нас в Западном полушарии имеются несущественные разногласия, а также политические расхождения между нашими народами, теряют свое значение перед лицом этой угрозы миру.

Я надеюсь, что в данных обстоятельствах Вы поймете, что Ваша страна должна вместе с нашей выразить возмущение кубинскими и советскими действиями, и что Вы публично выскажете чувства Вашего народа.

Полагаю, что Вы согласны со мной в отношении срочной необходимости созыва консультативного органа межамериканской системы в соответствии с пактом Рио-де-Жанейро[173].

Соединенные Штаты предложат на рассмотрение консультативного органа резолюцию, детально анализирующую это новое опасное положение. Текст резолюции посол КОУЛ сообщит Вам. Размещение наступательного ядерного оружия на Кубе «подвергает опасности мир и безопасность континента» (статья 6 пакта). Я уверен, что Вы согласны с тем, что принятие такой резолюции – дело срочное.

Я предлагаю также срочно созвать заседание Совета Безопасности Организации Об'единенных Наций. Я просил посла СТИВЕНСОНА от имени Соединенных Штатов внести резолюцию, требующую вывоза ракетных установок и другого наступательного оружия с Кубы под контролем наблюдателей Организации Об'единенных Наций. Надеюсь, что Вы дадите указание своему представителю в Нью-Йорке активно сотрудничать с нашими представителями и открыто поддержать в Организации Об'единенных Наций упомянутую резолюцию.

Я хотел бы также предложить Вам, чтобы Ваши военные представители обсудили с нашими военными представителями возможность участия вместе

с Соединенными Штатами и вооруженными силами других стран полушария в тех военных акциях, которые окажутся необходимыми в результате развития событий на Кубе.

Я уверен в том, что противопоставив возникшей угрозе свои об'единенные усилия, в которых твердость будет сочетаться с уверенностью, как того требует характер кризиса, мы пойдем по пути дальнейшего прогресса свободного мира, не боясь мирового господства международного коммунизма. В этой связи я в своем послании г-ну ХРУЩЕВУ, указав на действия СССР на Кубе, подвергающие опасности мир во всем мире, выразил надежду на то, что будут приняты меры, которые позволят нам вновь пойти по пути мирных переговоров.

Примите, г-н Президент, уверения в моем высоком уважении.

п.п. Джон Ф. КЕННЕДИ

Сант-Яго, 27 октября 1962 года

Его Превосходительству господину Джону Ф.КЕННЕДИ,
Президенту Соединенных Штатов Америки

Вашингтон

Уважаемый господин Президент!

Имею честь ответить на переданное мне послом КОУЛОМ[174] 22 октября с.г. Ваше письмо, в котором Вы сообщаете о важном решении Вашего правительства по кубинскому вопросу.

Как я сообщил послу КОУЛУ и как впоследствии подтвердили представители Чили в Организации Об'единенных Наций и в Совете Организации американских государств, позиция Чили перед лицом создавшегося кризиса совпадает с мнением, изложенным Вами в упомянутом письме и в Вашем выступлении 22 октября. Моя страна без колебаний и отклонений проводила неизменную международную политику, основывающуюся на прочных устоях республиканского строя и на строгом соблюдении принципов международного права. Мы всегда руководствовались ясным чувством справедливости и поступали искренне, как это должно делать демократическое правительство, ответственное перед общественным мнением, во всех своих действиях. Я уверен, господин Президент, что Вы поняли нас и правильно истолковали истоки этих чувств, столь дорогих правительству и народу Чили.

Как я сообщил Вам в начале моего письма, Правительство Чили одобряет рекомендации, которые Вы сформулировали в Вашем выступлении 22 октября, и оно немедленно дало указание своим представителям в Организации американских государств и Организации Об'единенных Наций действовать в соответствующем духе.

Новые обстоятельства, возникшие в связи с размещением на Кубе опасного наступательного оружия, создали для континента и свободного мира настолько серьезное положение, что правительство Чили считает своим долгом и намерено принять на себя в эти драматические часы соответствующие обязательства.

В связи с этим я полностью согласен с Вами в том, что мы должны занять позицию, которая не обманет надежды мира. Всякое расхождение между нами имеет сейчас более, чем когда-либо, второстепенное значение и воз-

можно, что совместное сотрудничество по выполнению обязательств, которые нам придется претворить в жизнь в ближайшие дни, будет положительным элементом, содействующим устранению разногласий и упрочению основы более тесного сотрудничества между нашими Правительствами.

Я убежден в том, что большая часть проблем континента усугубляется отсутствием полного взаимного понимания. В Соединенных Штатах, а также в других странах Америки простой человек либо не знает, либо имеет искаженное или неполное представление о простом человеке другой братской страны Америки и его основных проблемах. В какой-то степени это характерно и для круга более ответственных лиц. Данное явление проявилось на первой Генеральной конференции Межамериканского общества печати в Сант-Яго, и оно приобретает большое значение в таких странах, как Соединенные Штаты и Чили, в которых при существующей там демократической системе правления мнение каждого человека оказывает большое и непосредственное влияние на действия Правительства.

Мы должны предпринять энергичные усилия на всех уровнях, чтобы лучше узнать друг друга, чтобы наши сограждане имели более правильное и объективное представление о своих соседях и братьях, чтобы наши народы и Правительства решали более активно проблемы, определяющие будущее.

Что касается Вашего предложения, сделанного через меня представителям вооруженных сил Чили относительно обсуждения с Соединенными Штатами и другими странами полушария возможности совместного участия в военных акциях, вызываемых кубинской ситуацией, то я должен заявить, что в соответствии с политической структурой государства решение этого вопроса зависит не только от исполнительной власти. В этом случае требуется принятие закона Республики, предоставляющего соответствующие полномочия. Поэтому для решения данного вопроса необходимо вмешательство обеих палат законодательного органа Чили: сената и палаты депутатов. Тем не менее этот вопрос тщательно рассматривается Правительством и Министерством национальной обороны.

В заключение я хотел бы, г-н Президент, еще раз подчеркнуть, как глубоко беспокоит меня развитие настоящих событий. Как представитель миролюбивой страны, которая энергично добивается решения многочисленных проблем ради достижения своего благосостояния, я должен заявить, что мы являемся решительными противниками войны, которая может уничтожить все человечество. Мы уверены, что божественное провидение вдохновит нашу собственную энергию на службу мира и справедливости для разрешения настоящего кризиса и спасения таким образом высоких идеалов справедливости и мирного развития свободного мира.

Примите, господин Президент, уверения в моем высоком уважении.

п.п. Хорхе АЛЕССАНДРИ РОДРИГЕС

Верно:
Зам. начальника ПГУ КГБ при СМ СССР Ф. Мортин

28 ноября 1962 года

№ 106 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
10 декабря 1962 г.

Доложено тт. Хрущеву, Пономареву, Козлову, Суслову, Громыко.

В госдепартаменте США 20 ноября с.г. состоялось инструктивное совещание для послов стран Латинской Америки в США. Помощник государственного секретаря по делам стран Латинской Америки МАРТИН на этом совещании заявил, что США не собираются изменять своего отношения к Кубе, даже если будет установлена инспекция на ее территории и дача обещания со стороны США о ненападении. МАРТИН заявил также, что США по-прежнему будут применять против Кубы меры, направленные на подрыв ее экономики. Дипломаты стран Латинской Америки считают, что позиция США в кубинском вопросе в ближайшее время будет не очень «жесткой».

Мексиканский посол при ОАГ Санчес ГАВИТО в частной беседе заявил, что США намерены продолжать нынешний курс своего «спокойного» отношения к Кубе, во время которого будет вестись антикубинская пропаганда, но не будет предпринята интервенция. Послы Боливии и Колумбии, говоря о дальнейшей политике США в отношении Кубы, заявили, что КЕННЕДИ не будет организовывать интервенции и не признает кубинского правительства в изгнании. Это мнение послов подтверждается якобы следующими фактами: при обсуждении в ОАГ 9 ноября жалобы Венесуэлы по обвинению Кубы в совершении диверсионных актов на венесуэльских нефтепромыслах представитель США в ОАГ МОРРИСОН дал понять, что США не проявляют интереса к этой жалобе. МОРРИСОН в своем выступлении заявил, что США будут предпринимать меры против Кубы только в том случае, если Куба в дальнейшем будет осуществлять агрессивные планы в отношении других стран. В этой связи послы Гватемалы, Никарагуа и Сальвадора обратились к МОРРИСОНУ за разъяснением, но тот отказался от ответа.

На заседании Совета ОАГ, которое было посвящено встрече президента Гондураса Вильеда МОРАЛЕСА, находившегося в США с визитом, представитель Коста Рики ФАССИО, действуя, видимо, не без ведома американцев, в своем вступительном слове заявил, что вопрос о Кубе должен рассматриваться как часть мировой проблемы и к нему нужно относиться с «терпением». Президент Гондураса на пресс-конференции в Вашингтоне наряду с обычными антикубинскими заявлениями отрицал, что намеревается признать кубинское правительство в изгнании и предоставить на территории Гондураса базу для кубинской контрреволюции.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 107 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 14 марта 1963 г.

Доложено тт. Хрущеву, Козлову, Микояну, Суслову, Андропову, Пономареву, Громыко.

Посол Франции в СССР ДЕЖАН 1 марта 1963 года направил в свой МИД следующее сообщение:

«1. Заявления по вопросу о Кубе, сделанные 22 февраля маршалом МАЛИНОВСКИМ и 27 февраля Н.С. ХРУЩЕВЫМ, говорят о том, что, несмотря на обмен посланиями между Н.С. ХРУЩЕВЫМ и КЕННЕДИ, которые во второй половине октября положили конец острому кризису, и несмотря на совместное письмо СТИВЕНСОНА[175] и КУЗНЕЦОВА[176] генеральному секретарю ООН от 7 января, кубинская проблема еще далеко не урегулирована и является серьезной проблемой как для США, так и для СССР.

После вывоза стратегических ракет и 40 бомбардировщиков ИЛ-28 Куба по-прежнему остается советской военной базой и имеет довольно большой гарнизон и значительное вооружение. Процесс коммунизации Кубы проходит активно и к концу 1963 года Куба будет находиться под полным контролем коммунистической партии, которая построена на той же основе, что и коммунистические партии в СССР и странах народной демократии.

Являясь советской военной базой, Куба одновременно является центром пропаганды и коммунистических действий для всей Латинской Америки. Сохранение этого двойного бастиона представляет собой постоянный вызов властям США и наносит ущерб их авторитету в западном полушарии. Высказываемое в этой связи мнение общественности США и правительств стран Латинской Америки можно легко объяснить. Следовательно, на правительство Вашингтона осуществляется постоянное давление, которое, вполне очевидно, создает для правительства США некоторые неудобства и трудности в том, чтобы сохранить свою нынешнюю линию, которая является одновременно твердой и осторожной.

2. Правительство СССР также находится в затруднительной обстановке, поскольку оно имеет лишь ограниченный выбор маневра, находясь под внимательным наблюдением со стороны руководителей Пекина и их сторонников, которые с 1962 года обвиняют правительство СССР в том, что оно сначала проявило авантюризм, а затем капитулировало. Правительство СССР главным образом стремится показать, что его действия в кубинском вопросе не только сохранили мир, но и спасли социалистический режим КАСТРО и обеспечили ему будущее.

Сохранение на Кубе довольно сильного советского гарнизона несомненно соответствует желанию СССР поддерживать определенный контроль над Фиделем КАСТРО, очень недовольным событиями последних месяцев. Одновременно маскируют операцию по коммунизации острова, которая сейчас осуществляется. Присутствие войск, кроме этого, защищает Кубу от вторжения или какого-либо иного смелого предприятия, которое могло бы быть организовано американцами или с их помощью. Любое серьезное нападение потребовало бы проведения военных акций значительных размеров.

Присутствие на Кубе некоторого количества хорошо вооруженных советских войск является, кроме того, своего рода ответом на наличие вооруженных сил Америки в различных пунктах земного шара, имеющих важное стратегическое или политическое значение (Таиланд, Южный Вьетнам, Южная Корея и Западный Берлин). Не случайно, что Н.С.ХРУЩЕВ в речи от 27 января подчеркнул, что обещание оказать помощь Кубе в случае агрессии против нее распространяется также на народный Китай, КНДР, ГДР, то есть на все страны, экспансия которых наталкивается на сопротивление вооруженных сил США. Со всех этих точек зрения проводимая на Кубе операция выгодна для Москвы, как для столицы социалистического лагеря и центра международного коммунизма. Напротив, влияние этой операции на советско-американские отношения не во всем идет в направлении, желательном для Советского правительства, в тот момент, когда оно готовится возобновить подготовительные переговоры с американцами и когда между двумя странами продолжается обсуждение важных проблем. Продолжающееся беспокойство и раздражение среди общественности и в кругах конгресса США и в столицах латиноамериканских стран могут побудить правительство США к действию. Этого Москва, очевидно, опасается больше всего, поскольку ей, как и в октябре прошлого года, пришлось бы вновь решать вопрос: капитуляция или ядерная война. Необходимо учесть, что новое отступление и в политическом, и моральном отношении было бы более трудным, чем прошлой осенью. С другой стороны, недовольство США по поводу сохранения на Кубе военной базы и центра советской пропаганды, а также укрепление коммунистического режима на острове не может оказать благоприятное влияние на настроение американцев, ведущих переговоры с СССР по различным вопросам. Таким образом, кубинская проблема свидетельствует о наличии некоторых расхождений в интересах СССР как государства, стремящегося к достижению известного урегулирования, а может быть модус вивенди с США. СССР как главный поборник международного коммунизма вынуждает занимать позиции, представляющиеся неприемлемыми для США.

3. Сложность побудительных мотивов, определяющих нынешнее поведение Советского Союза в кубинском вопросе, со всей четкостью проявляется в последнее время. Объявив 26 января о желании возобновить переговоры по берлинскому вопросу, правительство СССР приблизительно 18 февраля довело до сведения США по дипломатическим каналам о своем намерении вывести в ближайшее время с Кубы несколько тысяч солдат. Это несомненно является уступкой правительству США и направлено на то, чтобы облегчить его позиции по отношению к общественному мнению и конгрессу. В то же время маршал МАЛИНОВСКИЙ, угрожая ядерными бомбами, счел необходимым сделать весьма серьезное предупреждение «бешеным» США, которые могут попытаться развязать агрессию против Кубы. Присоединившись к предупреждению, сделанному его министром обороны, Н.С. ХРУЩЕВ заявил, что нападение на Кубу явилось бы началом всеобщей войны. Правительство СССР таким путем хотело изложить свою позицию перед коммунистическим миром, чтобы ясно показать ему свою решимость. Оно стремилось также изложить свою позицию, даже идя на риск осложнения отношений с Соединенными Штатами. Американское правительство, стремясь избежать вооруженного конфликта, действовало до сих пор с большой осмотрительностью.

Кубинский вопрос, очевидно, будет еще в течение длительного времени оказывать влияние на отношения между СССР и США, косвенно – на отно-

шения между Востоком и Западом, так как и в Вашингтоне, и в Москве ставят на карту сложные и иногда различные интересы».

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 108 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
март 1963 г.

Направляем полученный резидентурой документ «Военные проблемы НАТО в 1962 году».

1. Военные проблемы НАТО в 1962 году

А. Основные военные проблемы, вставшие перед НАТО в 1962 году

Советом НАТО в 1962 году был рассмотрен в первоочередном порядке ряд основных военных проблем, в том числе:

– стратегическая концепция и роль вооруженных сил НАТО (или по меньшей мере некоторые аспекты этого сложного вопроса),

– ядерные силы НАТО,

– военные аспекты берлинского кризиса, который после периода значительной напряженности в 1961 году перешел в 1962 году в скрытую стадию,

– военные аспекты кубинского кризиса.

1. Стратегическая концепция и роль вооруженных сил НАТО

Как и в 1961 году, в 1962 году не было принято принципиальных решений, которые в значительной степени изменили бы стратегическую концепцию, одобренную Советом НАТО в 1957 году в соответствии с Политической директивой, принятой в декабре 1956 года.

Основные принципы этой концепции касаются следующих вопросов:

– определения района обороны,

– характера нападения, против которого должна быть организована оборона,

– видов вооружения, которыми следует вести оборону.

1) Что касается района обороны, то силам так называемого «щита» была поставлена задача «сохранять территориальную целостность Западной Европы»; это – «передовая стратегия».

2) В вопросе о характере нападения имеются четыре гипотезы, из которых следует исходить при организации обороны:

– возможность умышленного начала всеобщей войны по инициативе СССР, которая в этом случае, вероятно, начнется «массированным ядерным нападением»;

– возможность начала всеобщей войны вследствие просчета в оценке обстановки, ошибочного истолкования Советами намерений Запада или военных операций ограниченного характера, причем Советы могут не прибегнуть первоначально к ядерному оружию;

– возможность проведения операций, имеющих ограниченные цели, которые будут поддержаны Советами открыто или косвенно;

– нападение на территорию НАТО другой страной без поддержки со стороны СССР и без его явной причастности к этому нападению.

3) Что касается видов вооружения, которые следует применить при обороне, то возможности видов нападения и решимость обороняться, «выдвинувшись вперед, насколько это возможно», требуют:

– введения в действие средств ядерного устрашения в случае возникновения всеобщей войны, несмотря на то, «применяют ли Советы или не применяют ядерное оружие»;

– выбора в применении ядерного оружия в случае необходимости, если этого потребует обстановка для противодействия операциям, которые имеют ограниченные цели и которые развязаны Советами или при их поддержке;

– введения в действие средств, могущих отразить нападение на территорию НАТО другой страны без поддержки со стороны Советского Союза, причем следует стремиться ограничить географические рамки конфликта, принимая все необходимые меры военного характера для того, чтобы скорее добиться благоприятного завершения конфликта.

Так выглядят в настоящий момент концепции, лежащие в основе «передовой стратегии».

Из этих планов, исходящих из того, что европейские страны, как и Соединенные Штаты, выполнят взятые на себя обязательства в отношении обычных вооруженных сил, выделяемых в распоряжение Союза, так, чтобы эти вооруженные силы, пополненные и приведенные в боевую готовность, могли эффективным образом содействовать повышению убеждающей силы средств устрашения, также вытекает понятие «совместных ядерных сил».

События последних месяцев, а также ускоренный процесс эволюции военных концепций Запада привели к возникновению многочисленных стратегических теорий и к ожесточенным спорам.

Поскольку и западный лагерь, и советский лагерь достигли в области ядерного вооружения если не равенства, что не имеет большого значения, то по меньше мере «предела насыщенности», так называемый «ядерный тупик» во все возрастающем масштабе повышает значение обычных вооруженных сил. До настоящего времени понятие «щит» обозначало обычные вооруженные силы, а понятие «меч» – ядерные средства возмездия. Однако слова меняют свой смысл. Поэтому на декабрьской министерской сессии МАКНАМАРА[177], возможно под влиянием кубинских событий, придал обычным вооруженным силам значение «меча», намекнув, несомненно, на мобильные части обычных вооруженных сил, готовые выступить на ограниченных пунктах, в то время как огромная масса ядерных средств, перед угрозой применения которых мог бы быть быстро урегулирован ограниченный конфликт, была им охарактеризована как «щит».

В коммюнике совещания в Нассау используется эта новая терминология.

Различного рода новые понятия возникают по поводу использования ядерного оружия: понятие «пауза», обозначающее промежуток времени между ответом обычными средствами на нападение и применением ядерного оружия; понятие «порог», перейдя который больше нельзя избежать применения атомного оружия, не подвергаясь риску быть уничтоженным; понятие «перерастание», или «спираль», которая ведет каждого противника от ограниченного к тотальному применению его ядерного арсенала.

Эти различные понятия постепенно стали более определенными в концепции стратегии выбора, выдвигаемой американским министром обороны

МАКНАМАРОЙ. Эта теория, констатируя, что технический прогресс дал в распоряжение Союза широкую гамму ядерных средств, выделяет возможности военного характера, которым соответствует применение ядерных ответных ударов по выбору, что позволяет нюансировать ответные удары и придать атлантической стратегии максимум гибкости посредством разнообразия видов ответных ударов в широкой гамме их от «пассивности» до «апокалипсиса» (например, ответный удар с применением одних лишь обычных видов вооруженных сил, или ответный удар с применением обычных видов вооруженных сил и тактического атомного оружия, или ответный удар с применением термоядерного оружия по конкретным военным объектам, находящимся вне населенных пунктов, и т.д.).

2. Ядерные силы НАТО

Проблема ядерной обороны Союза имеет два основных аспекта:

а) Аспект политического контроля за использованием атомного оружия.

б) Аспект вероятного создания ударной силы НАТО, отличной от ядерных сил вторжения некоторых стран-членов, но предназначенных для взаимодействия с этими последними в случае возникновения конфликта.

В 1962 году эти два вопроса стояли в центре внимания Совета. Их обсуждение проходило четырьмя последовательными этапами.

1) Разработка директив относительно применения ядерного оружия (январь–май 1962 года)

Совет полагал, что эта проблема одновременно является и наиболее срочной и наиболее доступной для решения. Речь идет о том, чтобы устранить возможность просчета и трудности, которые могут возникнуть вследствие применения атомной бомбы в результате принятия решения лишь одной из ядерных держав НАТО без согласия Союза в целом.

В ходе дебатов Совет получил самые удовлетворительные заверения по следующим двум пунктам: во-первых, США будут продолжать предоставление в распоряжение Союза значительного количества ядерного оружия таких типов, которые отвечают потребностям его обороны. Таким образом, речь идет о постоянной, но различной по содержанию поддержке. Во-вторых, стратегические силы Соединенных Штатов и Соединенного королевства совместно с вооруженными силами НАТО будут по-прежнему в состоянии нанести удары для более полного поражения всех ключевых элементов советских ядерных ударных сил, включая позиции баллистических ракет средней дальности и одинаково оценивая с точки зрения очередности поражения как те из этих элементов, которые угрожают европейскому континенту, так и те, которые угрожают Соединенным Штатам и Соединенному королевству (американское заявление от 21 февраля и английское заявление от 30 марта 1962 года).

С другой стороны, оба этих заинтересованных правительства заявили о своем намерении предоставить своим союзникам максимум (в той степени, в какой это будет отвечать требованиям безопасности) сведений о ядерном оружии и о своих войсках за границей, чтобы дать возможность всем государствам-членам иметь полное представление о всем комплексе проблем, возникших в связи с организацией и контролем за ядерной обороной НАТО. Для постоянного и систематического получения и изучения сведений о ядерном оружии, переданных Союзу, был создан в составе постоянных предста-

вителей в НАТО стран-членов специальный комитет, названный Ядерным комитетом. С этой целью была разработана специальная процедура, получившая условное наименование «Кабаль». Ядерный комитет со времени своего создания уже заслушал несколько интересных докладов, сделанных американскими и английскими экспертами.

Заверив, таких образом, своих союзников в том, что стратегические силы его страны будут считать одинаково важными задачами как оборону Европы, так и оборону американской территории, президент США взял на себя обязательство согласиться с любой директивой или процедурой политических консультаций, которую примет Союз в вопросе о применении атомного оружия (см. заявление ФИНЛЕТТЕРА (см. сноску 192. – *Прим. сост.*) от 26 апреля 1961 года). Следствием этого обязательства были длительные и всеобъемлющие дискуссии, которые в конечном счете завершились выработкой «Директив», принятых на министерской сессии в Афинах. Согласно положениям этих директив, применению атомного оружия должны предшествовать предварительные политические консультации при наличии достаточного времени для их проведения.

Была достигнута договоренность, что директивы относительно применения ядерного оружия могут быть пересмотрены в свете новых изменений в этом вопросе. Эти директивы будут считаться действительными до тех пор, пока Совет не примет решения об их аннулировании.

2) Первые предложения и мероприятия с целью создания атлантической ударной силы (май–сентябрь 1962 года)

Как известно, впервые подводные лодки, оснащенные ракетами «Поларис», были предложены Союзу президентом КЕННЕДИ в его речи, произнесенной в Оттаве в мае 1961 года. Берлинский кризис, который на долгое время привлек к себе все внимание Совета, явился причиной, по которой было отложено рассмотрение американского предложения. Однако оно не было забыто, и 15 июня 1962 года представитель Соединенных Штатов сделал заявление, в котором делался вывод, что создание сил, оснащенных баллистическими ракетами среднего действия, не отвечает срочным военным потребностям, но признавалось, что такие силы могли бы иметь большое политическое значение. Тогда же Соединенные Штаты повторили свое предложение об участии вместе с союзниками в создании сил, на вооружении которых находилось бы около 200 базирующихся на море ракет. Эти ракеты были бы общей собственностью, и финансирование этих сил, контроль за ними и оснащение их персоналом осуществлялись бы на многосторонней основе. Особое внимание было уделено тому факту, что ресурсы, необходимые для создания подобных сил, ни в коем случае не должны поглотить средства, предназначенные для осуществления дальнейших мероприятий по созданию неядерных сил Союза.

Американское заявление от 15 июня поставило эту проблему в той перспективе, в какой она должна быть, а именно в политической перспективе. Действительно, становилось очевидным, что атлантические ударные силы могли бы быть созданы только на море из-за тех возражений политического характера, которые выдвигались как Соединенными Штатами, так и многими европейскими партнерами относительно размещения ракет на суше.

Однако СТИККЕР[178] и генерал НОРСТЭД[179] не сочли необходимым посчитаться с этим требованием, хотя они, впрочем, и признавали его значение. В частности, генеральный секретарь попытался направить работу Совета в

направлении, совпадающем с его взглядами, склонявшимися к глобальному рассмотрению всех возможных гипотез в военном плане, а в выступлении в Совете 17 октября генерал НОРСТЭД без колебаний включил в список своих требований относительно большое число сухопутных баллистических ракет средней дальности.

Таким образом, дискуссии в Совете быстро катились к тупику, начало которого, впрочем, совпало с началом болезни генерального секретаря. Было очевидно, что пришло время вернуться к первоисточникам, то есть к американским предложениям, чтобы начать работу в другом направлении.

3) Предложения к проекту создания многосторонних морских ударных сил (сентябрь–ноябрь 1962 года)

Представитель Бельгии на заседании Совета 18 сентября предложил перейти к рассмотрению (в чисто полуофициальном плане) технических, финансовых, юридических и политических аспектов создания многосторонних сил, оснащенных базирующимися на море ракетами.

Начать дискуссию позволил доклад, сделанный 22 октября группой американских экспертов, о вероятной структуре и вероятных тактико-технических данных многосторонних сил, оснащенных 200 баллистическими ракетами средней дальности типа «X», которые базируются на 25 судах торгового типа. По окончании доклада было задано много вопросов различными делегациями, в том числе делегациями Бельгии, ФРГ, Италии и Нидерландов. На эти вопросы были даны подробные ответы на втором заседании, состоявшемся 6 декабря, в котором участвовали, помимо группы американских экспертов, присутствовавших на заседании 22 октября, эксперты от большинства стран-членов. Результатом такого сопоставления различных точек зрения было выяснение большого количества технических вопросов. Кроме того, оно позволило завести основное досье по вопросу о создании многосторонних морских ударных сил.

4) Соглашения в Нассау (18–21 декабря 1962 года)

Встреча президента КЕННЕДИ и МАКМИЛЛАНА[180] на Багамских островах 18–21 декабря, на которой присутствовали министры иностранных дел и министры обороны обеих стран, привела к присоединению Великобритании к идее создания многосторонних морских сил. Фактически соглашение между двумя державами предусматривает следующее:

1) Поставку Соединенному королевству ракет «Поларис», которые будут установлены на подводных лодках, причем согласовано, что эти подводные лодки должны использоваться в рамках ядерных сил НАТО.

2) Выделение в ближайшем будущем в состав вооруженных сил НАТО подразделений американских и английских стратегических сил.

Предоставление в распоряжение Союза после заключения соглашения между заинтересованными странами тактических ядерных сил, дислоцирующихся в настоящее время в Европе.

4) Создание многосторонних ядерных сил НАТО, имеющих смешанные экипажи, в которых будет предложено участвовать всем странам-членам.

Соглашение в Нассау было заключено между двумя основными ядерными державами Союза, причем сразу же после его заключения Франции было сделано предложение примкнуть к соглашению на совершенно равных во всех отношениях условиях.

Нет никаких сомнений в том, что новые и имеющие большое значение факторы, проявившиеся в ходе совещания на Багамских островах, будут способствовать глубокому рассмотрению всего комплекса проблемы и дадут ей решительную и конкретную направленность.

3. Военные аспекты берлинского кризиса

В 1962 году берлинский кризис, не доходя до той степени напряженности, которая была отмечена в отношениях между Востоком и Западом в 1961 году, тем не менее давал о себе знать в течение всего года, приводя иногда к опасным инцидентам в связи с вопросом о воздушных или наземных доступах. Поэтому о берлинском кризисе часто говорили на заседаниях Совета, либо когда речь шла о том, чтобы дать оценку обстановки в какой-либо данный момент, либо в связи с продолжением начатых в 1961 году работ по планированию. Помимо того, что события 1961 года оказывали влияние на военные усилия большинства стран Союза, они заставили Совет:

– утвердить так называемые планы «Лайв оук», представленные верховным главнокомандующим об'единенными вооруженными силами НАТО в Европе и определяющие ответственность Соединенных Штатов, Франции и Великобритании в отношении свободного осуществления своих прав в Берлине,

– четко определить функции верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе в качестве, с одной стороны, военного исполнительного органа, претворяющего в жизнь трехсторонние решения, и, с другой стороны, верховного главнокомандующего ВС НАТО в Европе,

– определить условия и формы осуществления его права (то есть права правительств) на политическую инициативу для осуществления военных планов, относящихся к Берлину, в том случае, когда она рискует вызвать последствия для всего Союза в целом.

Именно в этой перспективе и в рамках инструкций, данных военным властям в документе CM/61/104, Совет в течение длительного времени изучал обзор Постоянной группы, который представляет собой каталог военных сухопутных, военно-морских и военно-воздушных планов, составленный на случай возможных действий вооруженных сил НАТО, если безрезультатными окажутся усилия, прилагаемые тремя державами для сохранения доступов в Берлин в соответствии с планами «Лайв оук».

Резолюция по этому вопросу, в конечном счете одобренная на заседании 31 октября 1962 года, указывает также, что «выбор и исполнение какого-либо одного из этих планов должны осуществляться в зависимости от предварительного политического решения, принятого правительствами стран-членов в тот момент, когда наступит время для его принятия».

Одновременно с проведенной, таким образом, «кодификацией» системы вмешательства посредством вооруженных сил (впрочем, эта система не является исчерпывающей) и под давлением некоторых стран, являющихся сторонниками «глобального» рассмотрения возможных ответных мер Запада в случае возникновения кризиса в Берлине, Совет признал необходимым осуществить параллельно с составлением военных планов разработку политических и экономических «чрезвычайных планов».

4. Военные аспекты кубинского кризиса

Что касается всего Союза в целом, то кубинский кризис сохранил свой главным образом политический характер.

Однако следует отметить, что с момента возникновения этого кризиса 22 октября 1962 года и вплоть до конца ноября он привел к введению в вооруженных силах НАТО состояния ограниченной военной бдительности.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 109 *Совершенно секретно*

23 марта 1963

ЦК КПСС
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
товарищу ГРОМЫКО А.А.

Представляю обзор сведений о политике США в отношении Кубы.

Правительство США по-прежнему считает одной из своих главных целей в Латинской Америке ликвидацию существующего на Кубе строя. Однако в настоящее время правительство КЕННЕДИ вынуждено учитывать как сложившуюся международную обстановку, так и положение на самой Кубе, и в частности присутствие там советских воинских контингентов. Как заявил в узком кругу помощник президента по вопросам национальной безопасности БАНДИ, свержение КАСТРО является важнейшей задачей США, но эта задача должна быть решена таким образом, чтобы не вызвать термоядерной войны.

Правительство США в настоящее время стремится создать более благоприятную обстановку для осуществления своих замыслов в отношении Кубы, предпринимая с этой целью мероприятия, направленные на дальнейшую изоляцию Кубы, обострение ее внутриполитического положения путем экономической блокады и усиление подрывной деятельности вплоть до подготовки внутреннего контрреволюционного выступления против правительства КАСТРО. Одновременно США оказывают прямую помощь кубинским эмигрантам и некоторым латиноамериканским странам в подготовке сил для возможного нового вторжения на Кубу в будущем.

Добиваясь международной изоляции Кубы, США не только оказывают нажим на латиноамериканские страны, своих союзников по агрессивным блокам и на ряд нейтральный государств, но и предпринимают попытки нанести ущерб отношениям Кубы с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Правительство США заявляет, что оно не считает законченным урегулирование кризиса в районе Карибского моря, и продолжает подчеркивать расхождения в позициях СССР и Кубы по вопросу о наземной инспекции. Используя инспирированную кампанию в конгрессе и печати США по поводу «наращивания советской военной мощи на Кубе», оно стремится добиться вывода с Кубы всех советских воинских контингентов и военных специалистов. С помощью как официальной пропаганды, так и имеющихся в распоряжении американской разведки каналов распространения дезинформации правящие круги США пытаются вызвать взаимное недоверие между Кубой и СССР.

Правительство США добивается разрыва дипломатических отношений с Кубой теми латиноамериканскими странами, которые все еще поддерживают такие отношения, и полного прекращения всеми государствами Латин-

ской Америки каких-либо иных контактов с ней (торговли, валютных операций, культурных связей, поездок студентов и т.п.). Одновременно США, подчеркивая, что нынешний режим на Кубе представляет собой «очаг распространения коммунизма и подрывной деятельности в Западном полушарии» и прямую угрозу для правительств всех латиноамериканских стран, подготавливают почву для поддержки этими правительствами антикубинских мероприятий США и для возможных коллективных санкций против Кубы через Организацию американских государств (ОАГ).

В целях установления экономической блокады Кубы США добиваются от своих партнеров по ОАГ и НАТО, а в двустороннем порядке и от других капиталистических государств поддержки американских мероприятий, направленных по существу на прекращение всей торговли и судоходства между капиталистическими странами и Кубой. Таким путем США рассчитывают не только ухудшить экономическое положение Кубы и возложить на СССР и другие социалистические страны экономически обременительную и технически сложную, по мнению США, задачу постоянного снабжения этой страны, но и по возможности направить против СССР и социалистических стран недовольство кубинского населения в связи с экономическими трудностями на Кубе.

Большое место в антикубинских планах США отводится резкому усилению подрывной деятельности на Кубе, в первую очередь экономическим диверсиям и саботажу, с целью вызвать дезорганизацию кубинской экономики, массовое недовольство населения правительством КАСТРО и подготовить условия для контрреволюционного мятежа внутри страны. По данным кубинских друзей, 97% общего числа диверсионных актов за январь–февраль с.г. приходится на диверсии чисто экономического характера. Только за период с 25 декабря 1962 года по 25 января 1963 года зарегистрировано 444 случая поджога сахарного тростника, а за первую половину февраля – 572 таких случая. У кубинских друзей имеются также данные о возможной засылке на Кубу в ближайшее время специальных диверсионных групп с целью организации покушения на Ф. КАСТРО. В этой связи обращает на себя внимание заявление помощника государственного секретаря США МАРТИНА на заседании Совета НАТО в конце февраля с.г. о том, что в условиях, когда у кубинцев нет налаженного и четко работающего «коммунистического аппарата», то есть партии, сам Ф. КАСТРО – «это связующее звено между различными политическими тенденциями, существующими на Кубе», и что «достаточно было бы одной пули», чтобы нынешнее политическое единство в стране нарушилось.

По данным, заслуживающим доверия, АЧЕСОН[181] и помощник президента БАНДИ считают, что единственным серьезным поводом, ради которого стоило бы рисковать организацией вторжения на Кубу, является широкое контрреволюционное выступление в стране или же убийство Ф. КАСТРО и возникновение в связи с этим массовых волнений среди ее населения. На заседании Совета НАТО в конце февраля с.г. помощник государственного секретаря США по делам Латинской Америки МАРТИН заявил, что если в случае восстания на Кубе находящиеся там советские войска будут вынуждены стрелять в кубинцев, это приведет к вмешательству Соединенных Штатов и других стран Латинской Америки.

По имеющимся данным, которые проверяются, правительство США не планирует вооруженного вторжения на Кубу американскими вооруженными силами в ближайшие месяцы.

Что касается вторжения силами кубинской эмиграции и некоторых латиноамериканских стран, то правительство КЕННЕДИ в перспективе не исключает возможности новой попытки ликвидации социалистического строя на Кубе путем организации такого вторжения при поддержке в той или иной форме со стороны самих США. Однако оно считает, что такое вторжение было бы наиболее целесообразным и успешным лишь в сочетании с организацией крупного контрреволюционного мятежа на самой Кубе. Как подчеркнул КЕННЕДИ в беседе с президентом Венесуэлы БЕТАНКУРОМ в феврале 1963 года, «освобождение Кубы должно быть по возможности делом самих кубинцев». На создание условий для возможности комбинации внутреннего мятежа с интервенцией и направлены сейчас основные мероприятия США, начиная от заброски контрреволюционной агентуры в страну и до конкретных шагов по политической изоляции Кубы и подготовки вооруженных формирований кубинских эмигрантов как в самих США, так и в некоторых латиноамериканских странах.

Решение об организации нового вторжения на Кубу силами кубинской эмиграции и некоторых латиноамериканских стран и определение его срока будут, следовательно, зависеть от того, удастся ли США и как скоро добиться возможно большей политической изоляции правительства КАСТРО, обострения внутриполитического положения в стране и создания условий для крупного контрреволюционного мятежа на самой Кубе.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 17 листов*.

Председатель Комитета Госбезопасности В. Семичастный

№ 110 *Совершенно секретно*

29 марта 1963

ЦК КПСС
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
товарищу ГРОМЫКО А.А.

Направляю перевод записи беседы президента Венесуэлы БЕТАНКУРА с президентом США КЕННЕДИ, состоявшейся в Вашингтоне в феврале 1963 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 6 листов**.

Председатель Комитета Госбезопасности (В. Семичастный)

БЕТАНКУР: Г-н президент, мы в Венесуэле отлично себе представляет степень и значение ответственности Соединенных Штатов Америки и Вас лично как лидера свободного мира. Вместе с тем в Венесуэле, как и во всей Латинской Америке, понимают, что борьба свободного мира против коммунизма – это вопрос, не только касающийся каждого континента и даже каж-

---

* Приложение не публикуется. – *Прим. сост.*

** Приводится с некоторыми сокращениями. – *Прим. сост.*

дой отдельной страны в любом районе земного шара, но и затрагивающий жизненно важные интересы этих стран. Если свободный мир наносит поражение коммунизму только в одном районе земного шара, то это рассматривается как отступление, поражение коммунизма во всем мире и ведет хотя и к временному, но все же ослаблению нажима коммунизма на свободные страны во всем мире.

Венесуэла вот уже несколько лет находится под постоянной и все возрастающей угрозой со стороны коммунизма. Я говорю «к сожалению», поскольку Вы, г-н президент, принадлежите к числу тех мировых лидеров (таких мало было и не много есть даже в Западном полушарии), кто понимает, что Латинская Америка не только в географическом, но и во всех других отношениях является единым целым и что как таковую ее и надо рассматривать. Вы проявили глубокое понимание проблем Латинской Америки, что нашло отражение в Вашей впечатляющей программе «Союз ради прогресса», успех которой (а он у нее обязательно будет, так как эта программа не может не закончиться успешно) обеспечит Вам честь войти в историю как освободителю наших стран от экономического рабства, нищеты, невежества и болезней подобно тому, как Боливар или Сан-Мартин явились освободителями наших стран от политического рабства.

Поскольку коммунизм – всемирный недуг, он угрожает всем районам земного шара. Однако нигде эта угроза не является столь серьезной и реальной, как в Латинской Америке.

В течение последних четырех лет кастровская Куба была не только плацдармом коммунистов в Латинской Америке, но также (и это, возможно, гораздо опаснее) трамплином для развертывания коммунистической подрывной деятельности на континенте. Г-н ХРУЩЕВ в известном роде сослужил большую службу свободному миру, в частности, Латинской Америке, ясно показав в наиболее драматической форме, когда Советский Союз установил на ее территории свои смертоносные ракеты, всю серьезность угрозы, которую представляет собой кастровская Куба. Однако, как я уже осмелился указать раньше, мы, г-н президент (и в том числе, безусловно, Ваша страна как неотъемлемая часть Западного полушария), не закрепили своей победы над Москвой в деле пресечения ее влияния на Кубу, не довели ее до логического конца, а остановились на полдороге. Я считаю, что мы не должны были ограничиваться требованием о ликвидации наиболее вопиющего проявления советского проникновения на Кубу – так называемого наступательного оружия, – оставляя эту латиноамериканскую республику в руках всемирного коммунизма. Я понимаю, г-н президент, что в то время (и я говорил Вам об этом еще в прошлом году) мало что еще можно было сделать без риска вызвать ядерную войну. Но ввиду того, что контрмеры против Кубы прекратились на полдороге, передышка, которую получил свободный мир благодаря поражению, нанесенному всемирному коммунизму, очень скоро окончилась. Правда, в прошлом году открытая военная угроза со стороны Кубы была не столь ощутимой. Однако вместо этого усилилась подрывная деятельность в латиноамериканских республиках, особенно в Венесуэле.

Г-н президент, то, что я собираюсь Вам предложить, основано на убеждении, что прошлогодний кубинский кризис, без всякого сомнения, доказал отсутствие у г-на ХРУЩЕВА намерения идти на риск ядерной войны с Соединенными Штатами Америки из-за Кубы. Поэтому мы не должны больше останавливаться на полпути в деле ликвидации кубинской угрозы.

Мои предложения, г-н президент, не носят категорического характера. Это плод для размышлений Вам и Вашим советникам, хотя, буду откровенным, я надеюсь, что Вы согласитесь с большинством этих предложений, если не со всеми.

Мы предлагаем:

1) чтобы США приняли решительные меры с целью заставить пять стран Латинской Америки, которые еще поддерживают дипломатические отношения с Кубой, порвать эти отношения;

2) предпринять в рамках ОАГ шаги в поддержку этих действий США; в этой связи Венесуэла готова подать в ОАГ жалобу по поводу инспирируемых КАСТРО подрывных и диверсионных действий против Венесуэлы, аналогичную жалобе Венесуэлы на Доминиканскую Республику, которая разбиралась в ОАГ и послужила основой для коллективных мер против доминиканского диктаторского режима, что в конечном итоге привело к его падению;

3) ввести строжайший контроль и ограничения в отношении поездок латиноамериканцев на Кубу и кубинцев в Латинскую Америку; латиноамериканские страны (в данной связи) должны в законодательном порядке запретить своим гражданам и особенно студентам совершать поездки на Кубу, чтобы пресечь влияние коммунистической идеологии на латиноамериканскую молодежь;

4) принять меры в отношении правительства Британской Гвианы с целью прекратить проникновение кубинских агентов в Венесуэлу и другие латиноамериканские страны, в частности в Бразилию, через границу между Британской Гвианой и этими странами, мы полагаем, что США могут обусловить предоставление любой помощи Британской Гвиане требованием об удовлетворительном решении этого вопроса;

5) совместными силами Венесуэлы, Колумбии и США организовать патрулирование берегов Колумбии, Венесуэлы и Центральной Америки для перехвата кубинских агентов и военных материалов, направляемых в эти страны надводным морским транспортом;

6) чтобы ОАГ потребовала немедленного удаления с Кубы всех советских войск и полувоенных контингентов, а в случае неудовлетворения этого требования ввела морскую блокаду Кубы с целью пресечь снабжение режима КАСТРО вооружением и войсками;

7) чтобы США оказали помощь деньгами, оружием и снаряжением, а также в части военной подготовки в деле создания карибских сил безопасности, состоящих из войсковых контингентов Венесуэлы, Колумбии, Гватемалы, «Свободной Кубы» и некоторых стран Центральной Америки, которые понадобятся в случае принятия «полицейских мер» против Кубы.

<u>КЕННЕДИ</u>: Я хочу заверить Вас, г-н президент, что народ и правительство Америки и я лично полностью разделяем Вашу озабоченность в связи с угрозой международного коммунизма, исходящей с Кубы. Мы также разделяем Вашу точку зрения о том, что в Западном полушарии не всегда действовали так, как должны были действовать, чтобы противостоять этой опасности. Однако Вы сами, г-н президент, подчеркнули сегодня взаимозависимость борьбы против коммунизма в различных районах мира. Я уверен, что Вы имели в виду чрезвычайно важные проблемы разоружения, запрещения ядерных испытаний, Берлина и отношений Индии с коммунистическим Китаем. Без разрешения этих проблем не может быть никакой надежды на прочный ми́р в любой части земного шара, включая и Западное полушарие. Мы знаем, и это

хорошо известно г-ну ХРУЩЕВУ, что мы в свободном мире не можем действовать ни в одном из районов мира и ни по одному из этих вопросов, не учитывая взаимоотношений между Востоком и Западом в целом. Вот почему, не устанавливая никакой системы приоритетов, мы считаем, что в настоящее время мы должны действовать в отношении Кубы постепенно, шаг за шагом, а не пытаться достичь решения кубинского вопроса сразу одним ударом. В случае решения вопросов о Берлине, разоружения и запрещения ядерных испытаний вряд ли можно предположить, что г-н ХРУЩЕВ будет продолжать политику, неизбежно ведущую к конфликту с нами в таком районе, как Куба, который к тому же в лучшем случае мог бы быть лишь второстепенным эпизодом в рамках общих замыслов коммунизма в отношении свободного мира.

Мое правительство и я лично твердо убеждены, что освобождение Кубы от коммунизма должно быть по возможности предоставлено самим кубинцам. Мы, несомненно, желаем помочь кубинскому народу в этом деле. Представители военных кругов Соединенных Штатов, как Вам уже известно, встречаются с Вашими военными экспертами и экспертами других латиноамериканских государств с целью выяснения, что еще можно сделать для оказания помощи кубинскому народу в его борьбе за свободу. Мы также поддерживаем постоянный контакт с руководителями кубинского антикастровского подполья с целью определения того, чем мы можем помочь ему в материально-техническом отношении.

Что касается высказанных Вами предложений, то я дам указания государственному секретарю и министру обороны, чтобы их ведомства изучили Ваши предложения и доложили мне о результатах в ближайшее время. Я полагаю, что Ваш посол в США и некоторые из Ваших ближайших сотрудников смогут оказать нам помощь в дальнейшем уточнении Ваших предложений.

№ 111 *Совершенно секретно*

5 февраля 1964

ЦК КПСС
(Для Международного отдела и Отдела ЦК КПСС)

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
товарищу ГРОМЫКО А.А.

Сообщаю следующие сведения об отношении западных держав к обсуждению германской и берлинской проблем в рамках переговоров между Востоком и Западом.

Правительства США, Англии и Франции считают, что в настоящее время нет перспектив для успешного обсуждения с СССР германской и берлинской проблем, поскольку, по их оценке, Советский Союз не пойдет сейчас на какие-либо уступки.

Во время сессии Совета НАТО в декабре 1963 года РАСК[182] высказал мнение, что эти проблемы не относятся к тому кругу вопросов, по которым может быть достигнута договоренность в ходе переговоров между Востоком и Западом о разрядке напряженности. Его единодушно поддержали министры иностранных дел других западных держав.

По сведениям, полученным из близкого окружения ЭРХАРДА[183], правительство ФРГ хотя и не видит реальных возможностей решения германского вопроса в настоящее время, однако, добившись от США заверения, что американцы не пойдут на заключение каких-либо соглашений, способствующих «продлению раскола Германии», решило не допускать снятия германского вопроса с повестки дня международных переговоров.

Правительство ФРГ 8 января с.г. обсудило подготовленный по его поручению проект «заявления из десяти пунктов» по вопросу об об'единении Германии, который будет представлен четырехсторонней группе послов в Вашингтоне. Этот проект предусматривает создание комитета четырех великих держав – США, Англии, Франции и СССР, – который должен в «переходный период» нести ответственность за осуществление мер, направленных на постепенное об'единение Германии, и, когда наступит время, назначить проведение референдума на всей германской территории под международным контролем. В «заявлении» говорится, что об'единение Германии мыслится «в рамках европейской безопасности» и в такой форме, чтобы не нарушить «равновесия между державами».

Во время пребывания в США в конце декабря 1963 года ЭРХАРД договорился с ДЖОНСОНОМ[184] об обсуждении в группе послов в Вашингтоне германской и берлинской проблем. Вместе с тем в беседах с иностранными дипломатами видные чиновники правительства ФРГ отмечают, что изучение западными державами этих проблем будет вестись в чисто теоретическом плане и что оно вряд ли будет иметь какое-либо практическое значение.

Члены правительства ФРГ не скрывают перед своими западными коллегами, что привлечение внимания к германским делам имеет наибольшую ценность для правительства ФРГ в плане внутренней политики и предназначено для успокоения немецкого общественного мнения.

Оценивая как бесперспективное кардинальное решение германской и берлинской проблем в сложившейся обстановке, США вместе с тем призывают западных немцев «проявить гибкость» и «попробовать новые пути». ДЖОНСОН в беседе с ЭРХАРДОМ заявил, что США по-прежнему будут учитывать ответственность четырех великих держав за воссоединение Германии, однако проявление инициативы в направлении создания внутриполитической основы для урегулирования отношений между обеими частями Германии, а также отношений ФРГ с Восточной Европой является в первую очередь задачей западногерманской политики, при осуществлении которой правительство ФРГ, разумеется, должно консультироваться с правительством США.

ДЖОНСОН сообщил ЭРХАРДУ, что США одобряют идею создания постоянного комитета четырех держав по Германии, в котором оба германских государства должны быть представлены своего рода комиссиями экспертов. Все вопросы о торговле, транспорте, пропусках и любые другие вопросы должны решаться экспертами из «обеих частей Германии», но при сохранении общей ответственности четырех держав.

Эти соображения встретили одобрение ЭРХАРДА и правительства ФРГ в целом. Касаясь причин проявления таких идей в США, западногерманский министр по особым поручениям КРОНЕ в доверительной беседе высказал подозрение, что США все более и более стремятся избавиться от своей ответственности за решение внутригерманских проблем, так как видят, что в ближайшем будущем не удастся устранить раскол Германии. Исходя из этого,

США считают необходимым попытаться путем сохранения статус-кво и выработки «подлинного модуса вивенди» обеспечить «свободу» Западного Берлина и неприкосновенность его связей с ФРГ, особенно по линии экономики. По мнению КРОНЕ, американцы заинтересованы в том, чтобы несколько сблизить немцев между собой и тем самым лишить германский вопрос остроты, нейтрализовать его как очаг возможного международного конфликта.

В правящих кругах западных держав считают, что в настоящее время правительство США, добиваясь поддержки своей политики со стороны Западной Германии, особенно в связи с обострением франко-американских разногласий, стремится к тому, чтобы в большей мере, чем прежде, согласовывать с правительством ФРГ все свои шаги, относящиеся к переговорам с СССР по германской и берлинской проблемам.

Заместитель председателя Комитета
Государственной Безопасности
при Совете Министров СССР Н. Захаров

№ 112 *Совершенно секретно*

26 февраля 1964

ЦК КПСС
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
товарищу ГРОМЫКО А.А.

Представляю записку «Соображения по поводу президентства ДЖОНСОНА», подготовленную в начале декабря 1963 года правительственным учреждением одной из европейских стран.

В записке, состоящей из четырех разделов, делается попытка дать прогноз относительно того, какое влияние может оказать приход к власти ДЖОНСОНА на международную политику и на возможность сохранения правительством Западной Германии прежнего внешнеполитического курса, и в первую очередь позиции по германскому вопросу.

В первом разделе, посвященном анализу международной обстановки, отмечается, что с приходом к власти ДЖОНСОНА можно ожидать лишь изменений в стиле, но не в принципах американской политики, поскольку он – новый человек, пока еще не проявивший себя в политике, и его деятельность будет сковываться неуверенностью в том, выдвинут ли его в качестве кандидата на пост президента от демократической партии на предстоящем в августе с.г. съезде этой партии.

Кроме того, в европейских правительственных кругах считают, что политическая активность американцев в ближайшее время будет заторможена, потому что США оказались в группе стран, свобода действий которых связана в результате смены правительств и подготовки к предстоящим выборам. К числу этих стран относят также Англию и Западную Германию.

В документе выражается опасение, что наступивший в связи с существующей обстановкой в США, Англии и Западной Германии «нестабильный период» может быть использован в своих интересах странами со стабильным руководством, и в первую очередь Советским Союзом и Францией.

Во втором разделе рассматривается вопрос о возможной политике США после прихода к власти ДЖОНСОНА. При этом указывается, что первые сведения из Вашингтона подтверждают ранее высказывавшееся предположение о неизменности прежнего политического курса США, характеризовавшегося, с одной стороны, усилиями, направленными на дальнейшее увеличение мощи страны, и, с другой стороны, готовностью к отысканию путей для переговоров с Востоком об урегулировании спорных вопросов. В то же время подчеркивается, что заявления, сделанные ДЖОНСОНОМ, не раскрывают путей и форм осуществления данного политического курса в будущем.

Высказывается предположение, что ДЖОНСОН первый период своей деятельности на посту президента посвятит преимущественно рассмотрению внутриполитических проблем, «если не возникнет какого-либо внешнеполитического кризиса», и что в связи с приближением начала предвыборной кампании этот период займет значительную часть 1964 года.

Ссылаясь на сообщения из Вашингтона, авторы записки подчеркивают, что в настоящее время не существует каких-либо вполне определенных отправных моментов для продолжения американо-советских переговоров по широкому кругу вопросов. Очевидно, заявляют они, тематика будущих переговоров между США и Советским Союзом ограничится изучением возможностей достижения взаимопонимания по консульским вопросам, вопросам культурного обмена и вопросу открытия прямой авиалинии.

По их мнению, дальнейшая процедура обсуждения между Востоком и Западом вопросов, круг которых пока еще не определен, могла бы выглядеть следующим образом:

1. Отдельные встречи между главами правительств различных государств Запада в Вашингтоне.

2. Созыв конференции глав правительств западных государств в 1964 году.

3. Возможный созыв совещания на высшем уровне между Востоком и Западом.

В записке указывается, что совещание на высшем уровне между Востоком и Западом должно быть тщательно подготовлено и состояться только после консультаций западных стран с правительством ФРГ по всему комплексу предлагаемых для обсуждения вопросов и только тогда, когда выяснится полезность и наличие шансов на успех подобного совещания.

В третьем разделе записки разбирается проблема взаимоотношений между Англией и Францией. Указывается, что после смерти КЕННЕДИ[185] англичане попытались взять на себя руководство Западом и выступили с конкретными предложениями относительно тематики дальнейших переговоров между Востоком и Западом о разрядке напряженности, стремясь при этом создать у союзников впечатление, что США якобы поддерживают подобную программу переговоров с Востоком.

Авторы записки расценивают инициативу Англии как стремление не только встать во главе западного мира, но и выступить против возросшего влияния де Голля, которое, по их мнению, может еще больше усилиться в связи с возможностью улучшения американо-французских отношений.

Четвертый, и последний, раздел записки посвящен анализу реакции Советского Союза на приход к власти ДЖОНСОНА. В записке высказывается мнение, что Советский Союз, будучи по-прежнему заинтересован в сохранении атмосферы разрядки напряженности и достижении соглашений с Запа-

дом, не предпримет каких-либо шагов, которые могли бы осложнить положение ДЖОНСОНА, но вместе с тем и не пойдет ни на какие уступки США.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 17 листов.

Председатель Комитета Госбезопасности В. Семичастный

ПРИЛОЖЕНИЕ
к письму министру иностранных дел СССР Громыко А.А.

Соображения по поводу президентства ДЖОНСОНА

А. Сдвиги, последовавшие после смерти КЕННЕДИ

1. Убийство КЕННЕДИ и приход к власти нового президента, разумеется, послужили поводом к тому, чтобы глубоко проанализировать воздействие этих событий на мировую политику и на возможность сохранения Федеративной Республикой своего прежнего политического курса, и в первую очередь ее позиции в германском вопросе.

В качестве основных принципов этого анализа можно назвать следующие:

а) Мы не ожидаем принципиальных изменений американской политики.

б) Однако можно ожидать изменений в стиле.

2. Эти изменения в стиле рассматриваются во взаимосвязи со следующими фактами:

а) Во-первых, вопрос личности. На смену КЕННЕДИ – представителю более молодого поколения пришел вице-президент – представитель старшего поколения, в чем, грубо говоря, можно видеть факт замены решительной энергичности более ярко выраженной опытностью.

б) Во-вторых, вопрос обстоятельств. Внешнеполитический курс КЕННЕДИ был известен, во внутриполитическом плане повторное выдвижение его кандидатуры на пост президента от демократической партии сомнений не вызывало. Положение ДЖОНСОНА по сравнению с КЕННЕДИ хуже: в области внешней политики ему еще предстоит продемонстрировать свои способности, а в области внутренней политики ему, учитывая предстоящие выборы, необходимо еще укрепить свою кандидатуру.

3. В своих соображениях мы придаем очень большое значение вопросу о сдвигах в мировой политике, которые могут произойти после выхода из строя самого сильного лидера Запада.

При этом мы исходим из того, что (это будет иметь особое значение для развития отношений между Востоком и Западом):

а) из числа глав правительств, стоявших у власти в период заключения Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах,

б) в качестве главы правительства остался только Хрущев.

4. В связи со сдвигами были также подробно обсуждены и различные аспекты изменившегося положения в западном союзе. При этом было отмечено, что теперь и Соединенные Штаты вошли в большое число тех стран, которые в основном связаны сменой правительства и проходящей одновременно с этим подготовкой к выборам, что, по нашему мнению, может отрицательно сказаться на их свободе действий в области внешней политики.

а) ДЖОНСОН – новый человек на посту президента, скованный предстоящим в августе 1964 года съездом партии, на котором будет обсуждаться вопрос о выдвижении кандидатуры на пост нового президента.

б) Нынешний премьер-министр Англии сэр Александр ДУГЛАС-ХЬЮМ в связи с предстоящими в будущем году выборами поставлен перед вопросом, удастся ли консерваторам удержаться у власти, или же к власти придут лейбористы.

в) ЭРХАРД[186] – тоже новый человек на посту федерального канцлера, внимание которого приковывают к себе предстоящие в 1965 году выборы в бундестаг.

5. По нашему мнению, в свете этих сдвигов в качестве стабильной силы на передний план в западном союзе выдвигается де ГОЛЛЬ.

а) Де ГОЛЛЬ является выдающейся личностью свободного мира и

б) единственным лидером свободного мира, обладающим опытом, необходимым для решения общих для всех сложных задач.

6. В итоге этих размышлений наше внимание приковывают к себе две личности, сохранившие стабильное положение на Востоке и на Западе – ХРУЩЕВ и де ГОЛЛЬ. При этом мы опасаемся того, что оба эти сильные человека на Востоке и на Западе могут использовать нынешний нестабильный период, хотя и по-разному.

Такая же озабоченность отмечается и в Англии.

а) В настоящее время англичане не уделяют первостепенного внимания вопросу о политическом союзе с Соединенными Штатами. По имеющимся у нас данным, этот союз каким-либо образом вновь наладится.

б) Отсутствие КЕННЕДИ станет заметным и для Англии, и прежде всего на все еще необозримой, однако уже готовой к севу ниве европейской политики.

в) Внешняя политика, то есть успех в Европе, является, видимо, тем единственным средством, которое могло бы спасти ДУГЛАСА-ХЬЮМА от поражения на выборах в палату общин.

г) После смерти КЕННЕДИ в мире многие оказались вдруг одинокими.

Б. Конкретные отправные моменты

1. После выступления ДЖОНСОНА на совместном заседании обеих палат конгресса на смену периоду неуверенных предположений пришли первые конкретные политические факты.

а) ДЖОНСОН подтвердил наши ожидания относительно того, что не следует сомневаться в неизменности американской политики. ДЖОНСОН высказался за программу КЕННЕДИ не только по традиции, но и по убеждению.

б) Однако конкретных заявлений относительно того, в какой форме и когда будет проявлена политическая активность и новая инициатива, сделано не было. Очевидно, еще не было принято окончательного решения ни по поводу политики в отношении Востока, ни по поводу атлантической политики.

2. В общих формулировках была обрисована двойственность неизменной американской политики: приверженность к действующим принципам внешней политики, направленной на дальнейшее укрепление мощи, и одновременная готовность к отысканию путей для переговоров в целях достижения возможного урегулирования отношений с другой стороной.

а) Те, кто пытается испытать наше мужество, убедятся в том, что оно велико;

б) те, кто ищет с нами дружбы, убедятся в ее искренности.

3. Подробное определение данного принципа не пошло дальше заявления о том, что прежние обязательства будут строго соблюдаться от Южного Вьетнама до Западного Берлина, что при урегулировании разногласий с другой стороной необходимо действовать разносторонне и инициативно.

Однако внимательный анализ высказываний ДЖОНСОНА показывает, что не исключается возможность того, что «разносторонность» и «инициативность» могут быть использованы для внесения договорных изменений в «обязательства» в случае, если эти «обязательства» будут признаны мешающими разрядке международной напряженности.

4. Первые сообщения из Вашингтона недвусмысленно свидетельствуют о том, что сначала, то есть по крайней мере до конца текущего года, внутренняя политика будет для ДЖОНСОНА первостепенным вопросом. Одновременно с этим данные сообщения говорят о том, что, в связи с приближающейся подготовкой к предвыборной кампании, период выжидания в области внешней политики распространится и на значительную часть 1964 года.

Наши дипломатические обозреватели характеризуют в своих высказываниях будущую политическую линию следующим образом:

а) «неотложные правительственные дела: в течение ближайших трех недель президент ДЖОНСОН будет целиком занят изучением программы в области законодательства и изучением бюджета,

б) если не возникнет внешнеполитический кризис».

5. Создается впечатление, что эти высказывания противоречат заявлениям МИКОЯНА, которые он сделал после бесед с американскими политическими деятелями. На основании его заявлений создалось впечатление, что он достиг с американцами договоренности относительно того, чтобы в ближайшем будущем, даже почти немедленно, продолжить усилия по урегулированию внешнеполитических проблем. Вначале наши обозреватели переоценили эти заявления МИКОЯНА. Их фактический смысл Белый дом подтверждает, однако не впечатление о том, что в ближайшем будущем или немедленно намечается возобновление контактов между Востоком и Западом по вопросам разрядки напряженности.

6. В одной из информационных бесед с послом КНАПШТЕЙНОМ СЭЛИНДЖЕР отметил, что МИКОЯН прав относительно того, что обсуждалась процедура продолжения переговоров, однако при этом каких-либо новых, вполне определенных отправных моментов для продолжения американо-советских переговоров не выявилось.

а) Вопрос о разоружении будет обсуждаться на декабрьской сессии Совета министров НАТО,

б) после чего Соединенные Штаты войдут в контакт с Советским Союзом.

7. Это значит, что процедура выяснена, однако тематика продолжения более обширных американо-советских переговоров не только не очерчена, но и вообще не определена. До начала сессии Совета министров НАТО она явно будет висеть в воздухе.

О том, насколько узка, по нашему мнению, тематика двусторонних американо-советских переговоров, можно судить по сведениям, поступающим из Вашингтона.

а) Соединенные Штаты будут продолжать изучение любых возможностей достижения какого-либо взаимопонимания с Советским Союзом в рамках двусторонних переговоров.

б) Правительственные органы США обсуждают с Советским Союзом вопрос об открытии консульств в обеих странах.

в) Через несколько недель будут продолжены переговоры о культурном обмене.

г) По имеющимся у нас данным, в скором времени будет достигнуто соглашение о создании авиалинии.

8. Итак, конкретная тематика переговоров между Востоком и Западом в основном еще не определена.

9. Дальнейшая процедура обсуждения вопросов, связанных с отношениями между Востоком и Западом, вырисовывается весьма слабо. По нашему мнению, допустима такая последовательность, которая

а) начнется отдельными встречами между главами различных правительств Запада в Вашингтоне, а затем

б) приведет в 1964 году к созыву конференции лидеров Запада, которая

в) в еще совершенно неопределенное время может перекинуть мост к встрече на высшем уровне между Востоком и Западом.

10. Нашу точку зрения по вопросу о конференции в верхах между Востоком и Западом можно изложить следующим образом:

а) Такая конференция должна быть тщательно подготовлена.

б) Она может состояться только тогда, когда выяснится полезность и шансы на успех переговоров между советским премьером и ведущими деятелями Запада.

в) Она может состояться только после консультаций с федеральным правительством по данному комплексу вопросов и при условии сохранения действующих в настоящее время гарантий в отношении германского вопроса.

11. Если принять во внимание все вышесказанное, то следует отметить, что перспектива такой конференции является исключительно отдаленной. Если учесть необходимость согласования на высшем уровне точки зрения Запада и последующего согласования точек зрения между Востоком и Западом, то осуществление подобной программы, по-видимому, растянется до второй половины 1964 года.

а) Ввиду того, что по крайней мере до президентских выборов в ноябре 1964 года рабочая программа президента ДЖОНСОНА весьма значительна, он не сможет в течение ближайших месяцев принять участие в конференции атлантических держав на высшем уровне. Все сообщения о возможности встречи в верхах весной 1964 года являются преждевременными.

б) Хотя в течение предстоящих месяцев ДЖОНСОН и будет принимать глав государств и правительств, тем не менее предстоящие в июле и августе 1964 года в связи с подготовкой к президентским выборам партийные съезды в значительной степени ограничат сферу его деятельности, поскольку, согласно сообщениям вашингтонских источников, перед тем, как принять участие в конференции на высшем уровне, ДЖОНСОН намерен подождать исхода выборов.

12. В соответствии с этим в общих чертах намечен трехфазный план внешней политики США, который сводится к следующему:

а) До конца 1963 года основное внимание будет уделяться вопросам внутренней политики.

б) В течение первых месяцев 1964 года состоятся детальные переговоры с отдельными ведущими политическими деятелями Европы (федеральное

правительство предпринимает усилия для того, чтобы переговоры ЭРХАРДА с ДЖОНСОНОМ состоялись в 1963 году).

в) Возможно, что летом 1964 года состоится встреча лидеров Запада на высшем уровне.

13. Из всего этого вырисовывается вероятность наличия программы, рассчитанной на весьма длительный период.

а) До недавних пор Советский Союз был инициатором такого развития, но, потеряв после заключения договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах интерес к продолжению в ближайшее время переговоров о разрядке напряженности, вновь направил это развитие по пути холодной войны.

б) После смерти КЕННЕДИ явно появился новый элемент и в американской политике, еще больше подчеркивающий затяжной характер предстоящих переговоров.

В. Соперничество между англичанами и французами

1. После смерти КЕННЕДИ создавалось впечатление, что англичане намеревались как можно скорее заменить скованных этой смертью американцев и, проявив инициативу, поддержать или же вновь начать переговоры между Востоком и Западом, то есть выступить, так сказать, в роли преемников американцев в руководстве Западом.

2. До сих пор только англичане внесли конкретные предложения о тематике дальнейших переговоров между Западом и Востоком относительно разрядки напряженности с тем, чтобы, согласно интерпретации правительственных кругов Лондона, подчеркнуть роль Англии после смерти КЕННЕДИ в решении вопросов международной и атлантической политики.

В качестве возможных вопросов, по которым необходимо и дальше добиваться соглашения между Западом и Востоком, БАТЛЕР[187] назвал нижеследующие, которые в последнее время неоднократно упоминались также и сэром ДУГЛАСОМ-ХЬЮМОМ[188]:

а) Установление контрольных постов наблюдателей на территории стран – участниц НАТО и стран – участниц Варшавского договора.

б) Заключение соглашения о непередаче ядерного оружия другим странам и пакта о ненападении между отдельными странами.

3. В своих высказываниях после возвращения из Вашингтона сэр Александр ХЬЮМ подчеркивал эту тематику в той же последовательности, а в отношении Федеративной Республики пытался создать впечатление, что Соединенные Штаты после его бесед с руководящими американскими деятелями поддерживают якобы данную программу. США якобы преисполнены решимости достичь договоренности с Советским Союзом прежде всего по следующим второстепенным вопросам:

а) Установление на важнейших транспортных узлах по обе стороны железного занавеса инспекции в качестве гарантии от внезапного нападения.

б) Меры по предотвращению дальнейшего распространения ядерного оружия.

в) Заключение между двумя военными блоками пакта о ненападении.

4. Однако, как уже отмечалось, высказывания американских деятелей во время наших контактов с ними не содержат в себе указаний на то, что у американцев действительно имеется конкретная программа, тем более такая, о которой можно бы говорить не как о программе «второстепенных соглашений».

В этих высказываниях английских деятелей мы усматриваем стремление предпринять попытку к тому, чтобы, по крайней мере хотя бы временно, проявить инициативу в переговорах между Востоком и Западом, выступая на них в качестве лидера вместо Соединенных Штатов. Определенная готовность Англии к проведению подобной политики отмечается правительством Федеративной Республики уже в течение продолжительного времени, кроме того, она видна и из высказываний премьер-министра сэра ДУГЛАСА-ХЬЮМА 29 ноября 1963 года, причем небезынтересно указание о том, что МИКОЯН якобы рекомендовал англичанам выступить в этот период в роли посредника по отношению к Соединенным Штатам.

5. В конечном счете в подобных усилиях англичан федеральное правительство усматривает стремление к тому, чтобы выступить против возросшего влияния де ГОЛЛЯ – единственного из «прежних» в западном мире.

Лондон опасается, что 1964 год – год выборов в США, и без того ослабленных сменой руководства, – может стать годом инициатив президента Франции де ГОЛЛЯ, политическое влияние которого в связи с ходом событий возросло.

6. И действительно, мы считаем, что теперь у де ГОЛЛЯ имеются более сильные шансы на успех и в отношениях с Соединенными Штатами, так как Франция может выступать в качестве признанной ядерной державы, в связи с чем, ввиду существования французской атомной мощи, сама по себе устраняется причина прежних разногласий между Вашингтоном и Парижем.

Согласно точке зрения Англии,

а) основная причина напряженности в отношениях между Францией и США, вызванная личной решимостью де ГОЛЛЯ иметь в своем распоряжении независимые французские средства устрашения, устранена в результате создания первых французских образцов атомного оружия и различного типа бомбардировщиков;

б) ввиду такого состояния дел усилия по ликвидации других недоразумений и атмосферы взаимного недовольства будут иметь значительно лучшие перспективы.

7. Голоса, раздающиеся в Белом доме по поводу будущей политики США, тоже свидетельствуют о том, что между американцами и французами в основном не имеется принципиальных разногласий.

а) Что касается Франции, то «между США и Францией нет принципиальных разногласий по поводу союза, объединяющего обе эти страны.

б) Президент ДЖОНСОН в ближайшем будущем намерен встретиться с президентом де ГОЛЛЕМ».

8. В свете этих возможностей французы даже в последствиях убийства КЕННЕДИ усматривают подтверждение своего тезиса о том, что Европа, оставаясь внутри западного союза партнером США, однако партнером самостоятельным, еще настоятельнее должна стремиться к тому, чтобы встать на собственные ноги. Официальные французские представители в этой связи заявляют следующее:

а) Шок, имевший место в США, продемонстрировал, сколь опасно для страны или континента ставить обеспечение своей безопасности в случае особой необходимости в зависимость от удаленной на большое расстояние страны, какой бы мощной она ни была, или в зависимость от решения одного человека, искренняя готовность которого поддержать своих союзников ни в коей мере не вызывает сомнения.

б) Таким образом, выстрелы в Далласе послужили толчком к раздумью для французов и многих других европейцев, в том числе и для федерального канцлера ЭРХАРДА.

9. Ввиду этих признаков соперничества между Англией и Францией, имеющих место в период «американского междуцарствия», вызванного сменой президента, перед нами возникает вопрос о том, не станет ли теперь положение ФРГ еще более сложным, чем оно было прежде, так как в дополнение к противоречиям ФРГ с США и с Францией и между ФРГ и Англией.

Как нам кажется, намерение де ГОЛЛЯ по-новому наладить отношения между Францией и США можно использовать для выступления ФРГ и в качестве активного посредника в отношениях между Лондоном и Парижем*, так как, по вполне понятным нашим собственным интересам, политика ФРГ направлена на то, чтобы способствовать установлению прежнего взаимопонимания в отношениях между Францией и Соединенными Штатами.

Г. Реакция Советского Союза

1. Кажется, что реакция в восточном блоке на убийство КЕННЕДИ определялась искренним сочувствием. Исключение составляли китайцы и их сторонники, которые не уделили этому событию должного внимания и комментарии которых по поводу этого события изобиловали злобными выпадами. Таким образом, реакция на убийство КЕННЕДИ во всем восточном блоке была выражением наличия противоречий.

2. Отзывы в Советском Союзе о КЕННЕДИ как о человеке и политическом деятеле носили подчеркнуто деловой характер.

а) КЕННЕДИ – «выдающийся государственный деятель США»;

б) «глубокие соболезнования»;

в) с ним связаны «многие светлые стороны в истории советско-американских отношений».

3. Для реакции Москвы на убийство КЕННЕДИ было характерно усердие, с которыми она отрицала мысль о какой-либо причастности к этому убийству и даже мысль о какой-либо связи с ним. Практически такие мысли напрашивались с момента ареста ОСВАЛЬДА. Ведь он был не только убежденным коммунистом, но, помимо этого, неоднократно бывал в Советском Союзе, где он, вероятно, прошел подготовку, и к тому же был женат на русской. Таким образом, обстоятельства были таковы, что допускалась возможность того, что это убийство было совершено по политическим мотивам и именно ОСВАЛЬДОМ.

а) Если можно верить в эффективность неосталинистов в Москве, в эффективность коммунистов, симпатизирующих жесткому курсу китайцев, то до

б) предположения о том, что эти круги могли воспользоваться любым средством для нанесения удара по политике мирного сосуществования, оставался всего лишь один шаг.

в) То же самое относится и к китайцам, которые ведут непрерывную борьбу против достижения взаимопонимания по любым вопросам между Западом и Востоком.

г) Однако на сегодняшний день в американских расследованиях не имеется ничего такого, что могло бы послужить подтверждением этого. Наобо-

---

* Так в тексте. – *Примечание КГБ.*

рот, США явно заинтересованы в том, чтобы рассеять любое подозрение в этом отношении, что делается, возможно, преждевременно.

4. Для усилий Советского Союза характерно его стремление рассеять любые подозрения, что мотивы убийства КЕННЕДИ имеют какое-либо отношение к Москве (выдача Соединенным Штатам консульских документов на ОСВАЛЬДА), и любые предположения о том, что ОСВАЛЬД был убежденным коммунистом. При этом советская пропаганда противоречит сама себе.

а) Она прежде всего прилагала усилия к тому, чтобы в качестве преступников выставить ультраправые фашистские и расистские силы США.

б) Однако при этом она допускала возможность участия в этом преступлении троцкистов из числа русских эмигрантов в США.

Ведущим политическим лейтмотивом советских высказываний было то, что выстрелы, направленные в КЕННЕДИ,

а) одновременно с этим были направлены против всех тенденций к разрядке международной напряженности,

б) против коммунистов не только в США, но и во всем мире, а также

в) против восточного блока и Кубы.

6. Эти высказывания советской пропаганды свидетельствуют о тенденциях и явной заинтересованности Советского Союза в дальнейшем использовании так называемого духа Московского договора.

а) В период, когда Москва вновь переключилась на холодную войну, нам это кажется парадоксальным, однако

б) Москва взывает к ДЖОНСОНУ и указывает ему на то, что, кроме курса на продолжение сотрудничества с Советским Союзом, другого курса не имеется.

7. Дословно Москва заявляет по этому поводу следующее:

а) «Каков будет политический курс правительства ДЖОНСОНА?

б) Политика КЕННЕДИ основывалась на учете реальной расстановки сил на мировой арене.

в) Эта расстановка сил сохраняется и на сегодняшний день, и любой политический деятель, которому не изменяет чувство реальности, должен считаться с этим обстоятельством.

г) Темные силы, стоявшие за убийством КЕННЕДИ, рассчитывали на то, что с помощью этого преступления им удастся изменить политический курс Вашингтона».

8. Если сделать из этого вывод, то необходимо отметить следующее:

а) Москва не хотела бы, чтобы курс Вашингтона изменился. Она заинтересована в сохранении так называемой атмосферы разрядки напряженности.

б) Москва по-прежнему намерена не предлагать Западу ничего конкретного, не давать ему каких-либо намеков в отношении действительных уступок. Говоря другими словами,

в) ей необходим период затишья, связанный с ни к чему не обязывающей перспективой на возможность достижения урегулирования в будущем.

г) Москва, учитывая свои затруднения с Пекином, заинтересована, видимо, в том, чтобы вновь явно приглушить взаимную полемику с Пекином, с тем чтобы,

д) по какой бы причине это ни происходило, укрепить свои собственные позиции как во внутриполитическом, так и во внешнеполитическом плане.

9. В принципе Советский Союз не предлагает ничего нового и правительству ДЖОНСОНА. Он по-прежнему настаивает на своем прежнем круге вопросов для переговоров и, несмотря на свои призывы к Западу сохранять спокойствие, неизменно добивается того, чтобы Запад согласился с его программой.

Показательными в этом отношении являются следующие высказывания в Москве и Восточном Берлине:

а) «Проблемы и трудности их решения остаются теми же, какими они были и при КЕННЕДИ.

б) Всеобщее и полное разоружение.

в) Пакт о ненападении между НАТО и Организацией Варшавского Договора.

г) Непредоставление атомного оружия ФРГ.

д) Заключение германского мирного договора и урегулирование берлинского вопроса.

е) Эти вопросы с каждым днем становятся все более безотлагательными, и ни один американский президент не может уклониться от их решения».

10. В основном Восток неизменно придерживается своей прежней позиции. Какого-либо желания пойти навстречу новому американскому президенту незаметно. Восток взывает к сохранению нынешнего положения и выступает за сохранение до известной степени разряженной международной атмосферы. Поэтому в настоящее время мы считаем, что Москва, видимо, не заинтересована в том, чтобы подвергать ДЖОНСОНА серьезным политическим испытаниям.

Разумеется, такая линия Советов не исключает возможности нажима с их стороны.

а) При известных обстоятельствах Советский Союз может предпринять попытку испытать прочность нового американского руководства. В этих целях он может использовать германский и берлинский вопросы.

б) По сообщениям немцев из Москвы, последняя вряд ли заинтересована в том, чтобы привлекать особое внимание к антисоветским тенденциям в США. Москва скорее опасается того, что на предстоящих президентских выборах победу может одержать представитель консерваторов типа ГОЛДУОТЕРА.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что Советский Союз не будет ставить слишком больших палок в колеса ни президенту ДЖОНСОНУ, ни его внешнеполитическому курсу.

Ф. Мортин

№ 113 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ от 8 мая 1964 г.

Доложено т.т. Брежневу, Микояну, Подгорному, Суслову, Андропову, Пономареву, Кузнецову.

22 апреля с.г. ведомство прессы и информации направило в ведомство канцлера ФРГ следующие соображения о целесообразности встречи ЭРХАРДА[189] с тов. ХРУЩЕВЫМ Н.С.

До настоящего времени ШРЕДЕР[190] изыскивал возможность для проявления инициативы со стороны ФРГ с тем, чтобы Западная Германия перестала быть объектом политических спекуляций других стран. Было бы желательным разработать четкую концепцию, которая содержала бы какую-либо перспективу заключения мирного договора. Согласно имеющимся данным, Советский Союз намерен проявить новую инициативу в германском вопросе и при этом выступит с теорией о трех государствах, обосновывая ее тем, что со стороны Западной Германии отсутствуют какие-либо собственные предложения на этот счет. Необходимо считаться с возможностью прямого требования к Бонну о признании статус-кво. На основании этого, а также стремления СССР изолировать ФРГ следует считать непосредственные переговоры между ЭРХАРДОМ и Н.С. ХРУЩЕВЫМ нежелательными. Они нежелательны также и по внутриполитическим соображениям, так как без достижения положительных результатов и получения уступок от СССР они могут пойти только на пользу оппозиции. Против этого говорят и соображения внутрипартийные, а также соображения предвыборной тактики (агитация в ГДР в пользу СДПГ свидетельствует о заинтересованности образования в ФРГ правительства СДПГ). В случае поступления предложения о проведении встречи из Москвы его следует рассмотреть и под этим углом зрения.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 114 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ КГБ
от 8 мая 1964 г.

Доложено т.т. Брежневу, Микояну, Суслову, Подгорному, Андропову, Пономареву, Кузнецову.

В апреле с.г. в Бонне состоялось совещание послов ФРГ в основных странах мира, на котором, в частности, обсуждался вопрос об отношении с СССР. Было высказано пессимистическое мнение о возможности улучшения отношений с СССР. Одной из причин узости возможностей для политической и дипломатической активности ФРГ на Востоке называли взаимодействие между СССР и ГДР, обусловленное известной их взаимозависимостью. В Москве хорошо известно о трудностях УЛЬБРИХТА[191], состоящих в том, что из преданности СССР в условиях разделенной Германии он вынужден лавировать между ленинской теорией и сталинской практикой, отгородившись стеной в Берлине. УЛЬБРИХТ знает, что свободу действий ему может предоставить только Советский Союз.

По вопросу о целесообразности ведения переговоров с Москвой на совещании наблюдалась растерянность.

Западногерманский посол в Москве ГРЕППЕР изложил только лишь итоги неудавшихся попыток достичь договоренности о воссоединении Германии и поддержал ШРЕДЕРА в том, что советско-польское заявление от

15 апреля с.г. указывает на то, как Советский Союз намерен действовать в германском вопросе дальше. По мнению ГРЕППЕРА, Советский Союз не интересуется переговорами с ЭРХАРДОМ.

Посол ФРГ в Вашингтоне КНАПШТЕЙН указал, что президент США желает укрепить контакты с СССР для достижения хотя бы незначительных соглашений в надежде, что на их основе позже можно будет договориться по крупным проблемам. Он высказал опасение, что в связи с этим германский вопрос лишится своего первостепенного значения. КНАПШТЕЙН призывал использовать существующие связи с западными державами, чтобы добиться их согласия на непременное участие ФРГ во всех переговорах между Востоком и Западом. По его мнению, шредеровская концепция доброжелательства и выжидания не является не особенно дальновидной.

Резидент КГБ при СМ СССР

№ 115 *Совершенно секретно*

СООБЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТУРЫ
от 8 августа 1964 г.

Доложено: т.т. Хрущеву Н.С., Брежневу Л.И., Микояну А.И., Подгорному Н.В., Суслову М.А., Андропову Ю.В., Пономареву Б.Н., Громыко А.А., Малиновскому Р.Я.

В документе одного из правительственных учреждений ФРГ, подготовленного к переговорам со СПААКОМ[192] в Бонне 14 июля 1964 года, говорится, что результаты состоявшихся обсуждений предложенного американцами проекта создания стратегических ядерных сил НАТО в составе 25 морских судов (200 ракет «Поларис А-3» позволяют перейти в скором времени к конкретным переговорам о договоре. В связи с выборами в США и выборами в бундестаг ФРГ стремится совместно с американцами к тому, чтобы договор о создании многосторонних ядерных сил был подписан до конца 1964 года. Эти сроки поддерживают все страны – участницы переговоров, за исключением Англии. Англичане выдвинули альтернативное предложение к американскому проекту, которое предусматривает превращение тактических ядерных сил, базирующихся на суше (ракеты «Першинг» и самолеты Т Р-2), в многосторонние ядерные силы. Участники переговоров либо отклоняют это предложение, которое в корне изменило бы принцип многосторонних ядерных сил, либо относятся к нему по крайней мере сдержанно. Рабочая группа по изучению проекта создания многосторонних ядерных сил приняла решение изучить английское предложение и в то же время рассматривать без перерыва американский проект. Бельгия принимала активное участие в работе упомянутой рабочей группы, однако ее представитель подчеркивал, что его страна не в состоянии внести финансовый вклад в создание ядерных сил, так как для Бельгии это было бы непосильное обременение бюджета нуждами, выходящими за рамки обязательств по НАТО.

Министр обороны Бельгии отрицательно относится к американскому проекту. СПААК настроен положительно. Он отклоняет новые предложения Англии.

Предлагается, что в ходе переговоров со СПААКОМ будет подтверждена общая заинтересованность в непрерывном продолжении переговоров по американскому проекту и рассмотрении английского предложения в качестве возможного дополнения, но не замены проекта США.

Резидент КГБ при СМ СССР

Примечания к документам № 1–115

[1] Документ подготовлен в июле 1945 года специально созданной при Комитете начальников штабов родов войск Великобритании группой послевоенного планирования в качестве рекомендаций британскому правительству для разработки концептуальных проблем безопасности Британской империи на отдаленный послевоенный период. В документе британские военные круги выдвигают и пытаются обосновать тезис о том, что в послевоенные годы главным источником угроз безопасности Британской империи во всех районах мира является якобы Советский Союз, и рекомендуют правительству ряд политических, экономических и военных мер по отражению этих угроз и укреплению безопасности империи. Среди них союз с США в целях опоры на их экономическую и военную мощь, создание системы союзов и военно-политических блоков, направленных против СССР, укрепление на его периферии военно-стратегических коммуникаций и строительство военных баз, использование в своих интересах создававшейся в то время ООН и других международных организаций, возможность использования армии для защиты режимов и подавления «беспорядков» как в доминионах и колониях, так и в Соединенном Королевстве. Документ был получен лондонской резидентурой внешней разведки агентурным путем. Полный перевод его текста доложен Сталину и другим руководителям государства в ноябре 1945 года. Ввиду большого объема документа он приводится в несколько сокращенном виде.

[2] Ирландия.

[3] Таиланд.

[4] Имеются в виду Сирия и Ливан.

[5] 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско на конференции стран – участниц антигитлеровской коалиции был подписан Устав ООН.

[6] Джебб Хьюберт Майлс, барон Глэдвин, – видный британский политический деятель и дипломат. Участник международных конференций стран – участниц антигитлеровской коалиции периода Второй мировой войны, в 1946 году – и.о. Генерального секретаря ООН. В указанное время – помощник министра иностранных дел по делам Совета министров иностранных дел – органа, учрежденного в 1945 году по решению Берлинской (Потсдамской) конференции в составе министров иностранных дел СССР, Англии, США, Франции и Китая. Известен как активный сторонник политической и военной интеграции стран Западной Европы.

[7] Сарджент Орм Гартон – английский дипломат, активный участник и один из руководителей внешней политики Англии в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. В указанное время – постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании.

[8] Маршалл Джордж Кэтлетт (1880–1959) – военный и государственный деятель, дипломат США. В годы войны участвовал в работе международных конференций союзников по антигитлеровской коалиции, в 1947–1949 годах – госсекретарь США. В 1947 году выдвинул программу восстановления и развития Европы после Второй мировой войны на основе предоставления экономической помощи США, получившей название «плана Маршалла».

[9] См. док. № 2.

[10] Приложений к меморандуму Джебба в архивах разведки нет.

[11] Бирнс Джеймс Фрэнсис (1879–1972) – государственный и политический деятель, дипломат США. Участвовал в 1945 году в работах Крымской (Ялтинской) и Берлинской (Потсдамской) конференций глав союзных держав, в 1945–1947 годах – госсекретарь США. Упоминаемый в документе «договор Бирнса» – предложенный госсекретарем США проект договора коллективной безопасности стран Западной Европы под эгидой США, составленный по типу Договора Рио-де-Жанейро (см. прим. 13).

[12] Имеется в виду Устав ООН.

[13] Имеется в виду Межамериканский договор о взаимопомощи. Известен также как Договор об обороне Западного полушария и «Пакт Рио-де-Жанейро». Подписан 20 государствами Латинской Америки на Межамериканской конференции по поддержанию мира и безопасности 15 августа – 2 сентября 1947 г. Фактически являлся первым после Второй мировой войны военно-политическим блоком, созданным по инициативе США.

[14] Бевин Эрнест (1881–1951) – британский государственный и политический деятель, дипломат. В 1945–1951 годах – министр иностранных дел.

[15] См. док. № 2.

[16] Мэрфи Роберт Даниэл (1894–1978) – дипломат США. Перед Второй мировой войной и в годы войны занимал ряд ответственных постов в представительствах США за границей и в международных организациях. Участвовал в работе Берлинской (Потсдамской) конференции 1945 года. В 1944–1945 годах – политический советник в ранге посла при штабе главнокомандования союзными вооруженными силами в Европе, а в 1945–1949 годах – при военной администрации США в Германии.

[17] Личфилд – американский дипломат. В указанное время занимал ответственный пост в аппарате Мэрфи (см. прим.16).

[18] См. док. № 2.

[19] См. док. № 3.

[20] См. док. № 4.

[21] Дуглас – американский дипломат. В указанное время – посол США в Лондоне.

[22] Стрэнг Уильямс – английский дипломат. Ответственный сотрудник Форин оффис. В указанное время – политический советник главнокомандующего Британской зоны оккупации Германии.

[23] Сфорца Карло (1872–1952), граф – итальянский государственный и политический деятель, дипломат. В 1947–1951 годах – министр иностранных дел Италии.

[24] Трумэн Гарри (1884–1977) – 33-й президент США.

[25] См. док. № 2.

[26] Де Гаспери – в указанное время – премьер-министр и министр иностранных дел Италии.

[27] В марте 1947 года президент США Трумэн направил Конгрессу послание, в котором пытался обосновать право США на оказание экономической и военной помощи Греции и Турции в борьбе с «тоталитарными режимами» и «коммунистической опасностью». Концепция Трумэна легла в основу внешнеполитического курса США в годы холодной войны и получила название «доктрины Трумэна».

[28] Брюссельский пакт (Брюссельский договор) о коллективной самообороне. Подписан в 1948 году Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом. Фактически означал создание военно-политической группировки западноевропейских государств, явился подготовительным этапом создания НАТО.

[29] Речь идет о подготовке создания НАТО.

[30] См. док. № 11.

[31] См. док. № 3.

[32] Хиккерсон – американский дипломат, начальник европейского отдела государственного департамента США.

[33] Маршалл – см. док. № 2; Ловетт – крупный банкир, государственный, политический и военный деятель США, в 1947–1949 годах – заместитель госсекретаря США, в 1950–1953 годах – заместитель, первый заместитель министра обороны США.

[34] Форрестол – военный министр США.

[35] Стеттиниус Эдуард Рейли (1900–1949) – государственный и политический деятель США, дипломат, в 1944–1945 годах – госсекретарь США, в 1945–1946 годах – постоянный представитель США при ООН и в Совете Безопасности.

[36] Франко Баамонде Франсиско (1892–1975) – глава диктаторского режима в Испании в 1939–1975 годах.

[37] Кеннан Джордж Фрост – дипломат США.

[38] Болен Чарльз Юстас (1904–1974) – дипломат США. В указанное время – советник госдепартамента США.

[39] Инверчэпл – английский дипломат, в указанное время – посол Великобритании в США.

[40] Смит Уолтер Беделл (1895–1961) – военный деятель и дипломат США. В 1946–1949 годах – посол США в СССР. В первой половине 1948 года вел переговоры с советским руководством по вопросу принятого западными державами на совещании в Лондоне решения о создании правительства для Западной Германии, против чего советское правительство резко возражало, считая это шагом к расколу Германии.

[41] Ванденберг Артур Хендрик (1884–1951), политический деятель США, сенатор. Автор резолюции сената США, определившей основные задачи послевоенного политического курса США и санкционировавшей создание с участием США системы военно-политических блоков.

[42] Бидо Жорж Огюстэн (1899–1983) – французский государственный и политический деятель. В указанное время – министр иностранных дел Франции. В 1946 и 1949–1950 годах – премьер-министр.

[43] См. док. № 2.

[44] Макнейл Гектор – британский государственный и политический деятель, в указанное время – государственный министр.

[45] См. док. № 15.

[46] См. док. № 15.

[47] См. док. № 2.

[48] См. док. № 13.

[49] См. док. № 13.

[50] См. док. № 4.

[51] См. док. № 4.

[52] См. док. № 13.

[53] См. док. № 15.

[54] См. док. № 14.

[55] См. док. № 2.

[56] См. док. № 15.

[57] Пирсон Лестер Боулс (1897–1972) – канадский государственный и политический деятель, дипломат. В указанное время – заместитель министра иностранных дел Канады. В 1963–1968 годах – премьер-министр.

[58] См. док. № 15.

[59] См. док. № 15.

[60] См. док. № 15.

[61] См. док. № 13.

[62] Ахиллес – ответственный сотрудник государственного департамента США.

[63] См. док. № 13.

[64] См. док. № 13.

[65] См. док. № 13.

[66] См. док. № 13.

[67] См. док. № 21.

[68] Бальфур – английский дипломат. В указанное время – британский посланник в Вашингтоне.

[69] См. док. № 3.

[70] См. док. № 15.

[71] Спаак Поль-Анри (1899–1972) – бельгийский государственный и политический деятель, дипломат. В 1946–1949 годах – премьер-министр.

[72] См. док. № 13.
[73] См. док. № 15.
[74] См. док. № 15.
[75] См. док. № 13.
[76] См. док. № 21.
[77] См. док. № 13.
[78] См. док. № 15.
[79] См. док. № 15.
[80] См. док. № 13.
[81] См. док. № 21.
[82] См. док. № 3.
[83] См. док. № 4.
[84] См. док. № 24.
[85] Шуман Робер (1886–1963), французский государственный и политический деятель, в 1947–1948 годах – председатель совета министров Французской Республики.
[86] См. док. № 4.
[87] См. док. № 4.
[88] Публикуемая шифрпереписка между министром иностранных дел Великобритании и его послом в Вашингтоне относится к августу–октябрю 1948 года – периоду активного формирования структуры, органов и механизма действия создаваемого военно-политического блока НАТО. Из переписки видны противоречия между Англией и США по вопросу той роли, которую должны играть эти страны в создаваемом блоке, и доли расходов каждой из стран на его содержание. Фактически речь идет о борьбе за доминирующее влияние на будущую политику блока. Из публикуемых документов видно, что и Англия, и США были едины в стремлении вовлечь в блок другие европейские страны, объединить их политический, экономический и военный потенциал для использования его в интересах своей политики, направленной против СССР. Документы свидетельствуют об имевшихся в тот период у советской внешней разведки возможностях тщательно и в деталях отслеживать процесс создания НАТО, получать по этому вопросу документальную информацию и докладывать ее руководству страны.
[89] Заявление США цитируется неточно. В заявлении госдепартамента говорится, что США изъявили готовность «принять полное участие в планировании». – Примечание КИ.
[90] Гарриман Уильям Аверелл – государственный и политический деятель США, дипломат, участник международных конференций союзнических стран в годы Второй мировой войны. В указанный в документе период (1948–1950 гг.) – специальный представитель США в Европе по осуществлению «плана Маршалла».
[91] См. док. № 2.
[92] См. док. № 15.
[93] Бонне Жорж Этьенн (1889–1973) – французский государственный и политический деятель, дипломат.
[94] Массигли – французский дипломат, посол Франции в Великобритании в 1944–1945 годах.
[95] См. док. № 2.
[96] Стрэнг В. – английский дипломат, ответственный сотрудник Форин оффис.
[97] Ли Трюгве – в указанный период – Генеральный секретарь ООН.
[98] Ачесон Дин Гудерхэм (1893–1971), государственный и политический деятель США, дипломат. В 1945–1947 годах – зам. госсекретаря, в 1949–1953 годах – госсекретарь США.
[99] См. док. № 4.
[100] См. док. № 27.
[101] Хо Ши Мин (1890–1969) – вьетнамский революционер, создатель и руководитель Коммунистической партии Вьетнама. С 1951 по 1969 год – президент Демократической Республики Вьетнам.

[102] Мао Цзэдун (1883–1976) – китайский партийный, политический и государственный деятель. В 1949–1954 годах – председатель Центрального народного правительственного Совета КНР, в 1954–1959 годах – Председатель КНР.
[103] См. док. № 40.
[104] Эттли Клемент Ричард (1883–1967) – британский государственный и политический деятель. В указанный период – премьер-министр Великобритании.
[105] Макартур Дуглас (1880–1964) – американский генерал армии, во Вторую мировую войну командовал вооруженными силами США на Дальнем Востоке, в 1950–1951 годах руководил операциями вооруженных сил США и других стран в Корее.
[106] См. док. № 40.
[107] См. док. № 41.
[108] См. док. № 4.
[109] См. док. № 39.
[110] См. док. № 41.
[111] См. док. № 4.
[112] См. док. № 4.
[113] Неру Джавахарлал (1889–1964), один из ведущих лидеров борьбы за освобождение Индии от колониального гнета, с 1947 года – премьер-министр и министр иностранных дел Индии.
[114] Бао Дай – император Аннама в 1926–1945 годах. Отрекся от престола во время Августовской революции 1945 года во Вьетнаме. В 1940–1955 годах – глава марионеточного правительства, созданного на оккупированной французскими войсками территории Вьетнама.
[115] В ноябре 1951 года Комитет информации был ликвидирован, внешняя разведка возвращена в Министерство госбезопасности, где было образовано разведывательное Первое главное управление. Часть же информационно-аналитической службы КИ продолжала какое-то время оставаться при МИД СССР. Поэтому до начала 1953 года некоторые, главным образом крупные аналитические, материалы, подготовленные на основе полученной внешней разведкой информации, докладывались руководству страны от имени Комитета информации и подписывались В. Зориным. Телеграфная информация докладывалась от имени МГБ.
[116] В указанное время Эйзенхауэр был командующим вооруженными силами Североатлантического союза.
[117] Тито Иосип (1892–1980) – президент Социалистической Федеративной Республики Югославии в 1953–1980 годах.
[118] Сирри Паша – глава египетского правительства.
[119] См. док. № 36.
[120] Оппено – французский дипломат, ответственный сотрудник МИД Франции.
[121] См. док. № 7.
[122] См. док. № 61.
[123] См. док. № 11.
[124] Брэдли Омар Нельсон (1893–1971) – американский генерал армии. В 1949–1953 годах – председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил и Военного комитета НАТО.
[125] Чан Кайши (1887–1975) – государственный и политический деятель Китая. С 1927 года – глава гоминьдановского режима, с 1949 года возглавлял режим на Тайване.
[126] См. док. № 61.
[127] Иден Антони (1897–1977) – государственный и политический деятель Великобритании, дипломат. Министр иностранных дел в годы Второй мировой войны. В 1955–1957 годах – премьер-министр Великобритании.
[128] См. док. № 40.
[129] См. док. № 61.
[130] См. док. № 62.
[131] Дежан Морис Наполеон (1899–1982) – французский дипломат. В 1950–1952 годах – глава французской миссии при Верховном главнокомандующем союзны-

ми силами на Дальнем Востоке. В 1952–1954 годах – посол в Токио, в 1956–1964 годах – посол в Москве.

[132] Иосида Сигэру (1878–1967) – премьер-министр Японии с 1946 по 1954 год.

[133] См. док. № 62.

[134] См. док. № 58.

[135] См. док. № 63.

[136] См. док. № 11.

[137] Риджуэй Мэтью Бенкер – американский генерал. Во время американской интервенции в Корее командовал 8-й американской армией и контингентом сил ООН. В 1952–1953 годах – верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе, в 1953–1955 годах – начальник штаба армии США.

[138] См. док. № 63.

[139] Аденауэр Конрад (1876–1967) – германский государственный и политический деятель, в 1949–1963 годах – федеральный канцлер ФРГ.

[140] Франко Баамонде Франсиско (1892–1975) – глава фашистского режима в Испании в 1939–1975 годах.

[141] См. док. № 11.

[142] См. док. № 40.

[143] Маунтбэттен – британский государственный и политический деятель, лорд, до 1947 года – вице-король Индии, автор проекта разделения Индии по религиозному принципу («план Маунтбэттена»), в последующие годы играл активную роль в разработке и проведении политики Великобритании на Дальнем Востоке.

[144] MEDO – Средневосточная оборонительная организация.

[145] Нагиб – в указанное в документе время – премьер-министр Египта.

[146] Мосаддык Мохаммед (1881–1967) – премьер-министр Ирана в 1951–1953 годах. Выступал за независимость внешней политики страны, сыграл большую роль в движении за национализацию нефтяной промышленности Ирана. В 1967 году был свергнут и убит в результате государственного переворота, подготовленного с помощью внешних сил.

[147] См. док. № 40.

[148] См. док. № 71.

[149] Олленхауэр Эрих (1901–1963) – председатель Социал-демократической партии Германии в 1957–1963 годах. В 1963 году избран председателем Социалистического интернационала.

[150] См. док. № 71.

[151] См. док. № 62.

[152] Даллес Джон Фостер (1888–1959) – госсекретарь США в 1953–1959 годах, известен как сторонник политики с «позиции силы» и «балансирования на грани войны».

[153] Раск Дин – дипломат США, в 1950–1951 годах – помощник госсекретаря США по делам Дальнего Востока. В 1952–1960 годах – президент фонда Рокфеллеров, в 1961–1969 годах – госсекретарь США.

[154] См. док. № 71.

[155] Ульбрихт Вальтер (1893–1973) – один из основателей Социалистической единой партии Германии, с 1960 года – председатель Государственного совета ГДР.

[156] Макмиллан Гарольд (1894–1986) – британский государственный и политический деятель. Премьер-министр Великобритании в 1957–1963 годах.

[157] Кастро Рус Фидель – с 1976 года – председатель Государственного совета и Совета министров Кубы.

[158] Рокфеллер Нельсон – член финансово-промышленной группы семьи Рокфеллеров в США.

[159] См. док. № 84.

[160] Сэлинджер – помощник президента Кеннеди по вопросам печати.

[161] См. док. № 85.

[162] См. док. № 84.

[163] См. док. № 82.

[164] Норстед – американский генерал, командующий вооруженными силами НАТО в 1956–1963 годах.

[165] См. док. № 87.

[166] Зорин В.В. – заместитель министра иностранных дел СССР.

[167] Стивенсон Эдлай – политический деятель и дипломат США, в 1961–1965 годах – постоянный представитель США в Совете Безопасности ООН.

[168] У Тан – в указанное в документе время – Генеральный секретарь ООН.

[169] См. док. № 98.

[170] См. док. № 96.

[171] См. док. № 82.

[172] Томпсон Ллуэллин – дипломат США в 1957–1962 годах, в 1969–1972 годах – посол США в СССР.

[173] См. док. № 3.

[174] Коул – американский дипломат, посол США в Чили.

[175] См. док. № 98.

[176] Кузнецов В.В. – заместитель министра иностранных дел СССР.

[177] Макнамара – министр обороны США.

[178] Стиккер – нидерландский государственный и политический деятель, министр иностранных дел в 1948–1952 годах, постоянный представитель при ООН в 1958–1961 годах, генеральный секретарь НАТО в 1961–1964 годах.

[179] См. док. № 95.

[180] См. док. № 82.

[181] См. док. № 40.

[182] См. док. № 82.

[183] Эрхард Людвиг (1897–1997) – федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 годах.

[184] Джонсон Линдон (1908–1973) – 36-й президент США (1963–1969 гг.).

[185] Кеннеди Джон Фицджеральд (1917–1963) – 35-й президент США.

[186] См. док. № 111.

[187] Батлер Ричард Остин (1902–1982) – британский государственный и политический деятель, дипломат, в 1963–1964 годах – министр иностранных дел Великобритании.

[188] Дуглас-Хьюм Алек – премьер-министр Великобритании в 1963 –1964 годах.

[189] См. док. № 111.

[190] Шредер – политический и государственный деятель ФРГ, в указанное время – министр иностранных дел ФРГ.

[191] См. док. № 82.

[192] См. док. № 24.

Содержание

Художественно-документальное издание

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

ОЧЕРКИ

В шести томах

ТОМ V

1945—1965 годы

Редактор *И.Е. Рыбалкин*

Оформление художника *А.Ю. Никулина*

Технический редактор *Г.В. Лазарева*

Корректор *К.С. Чигринова*

Компьютерная верстка *Е.А. Надиной*

Подписано в печать 16.04.2014.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 48,0+1,0 вкл. Уч.-изд. л. 53,7.
Доп. тираж 2000 экз.
Цена договорная. Заказ № 807.

Издательство «Международные отношения»
123022, Москва, Столярный пер., д. 3, стр. 5
Тел.: 8(499)253-13-24
www.inter-rel.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

История российской внешней разведки: Очерки: В 6 т. –
И90 Т. V. 1945–1965 годы. – М.: Международные отношения, 2014. –
768 с., ил.

ISBN 978-5-7133-1455-2 (Т. V)
ISBN 978-5-7133-1451-4

Пятый том посвящен работе «легальных» и нелегальных резидентур и биографиям известных разведчиков, действовавших в 1945–1965 годах. Деятельность разведки в эти годы была нацелена на обеспечение мирных условий для послевоенного развития страны, недопущение перерастания холодной войны в третью мировую войну, помощь народно-освободительным движениям в колониальных странах в их борьбе за независимость. Российская разведка в эти годы продолжала отслеживать планы и намерения ведущих капиталистических стран по изменению в свою пользу соотношения сил в мире, содействовала преодолению монополии США на ядерное оружие и научно-техническому прогрессу нашей страны. В приложении к тому публикуются рассекреченные документы из архива внешней разведки.

Для широкого круга читателей.

УДК 351.746.1(47+57)(091)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-7133-1455-2

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ